

АКАДЕМИЯ НАУК С.С.С.Р. · ИНСТИТУТ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

ЦЕЧЕНО-ИНГУШСКИЙ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ, ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ

ПРОФ. Ю. Д. ДЕШЕРИЕВ

СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКАЯ
ГРАММАТИКА
НАХСКИХ ЯЗЫКОВ

И ПРОБЛЕМЫ ПРОИСХОЖДЕНИЯ
И ИСТОРИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ
ГОРСКИХ КАВКАЗСКИХ НАРОДОВ

АКАДЕМИЯ НАУК С.С.С.Р. • ИНСТИТУТ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

ЧЕЧЕНО-ИНГУШСКИЙ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ, ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ

ПРОФ. Ю. Д. ДЕШЕРИЕВ

СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКАЯ
ГРАММАТИКА
НАХСКИХ ЯЗЫКОВ
И ПРОБЛЕМЫ ПРОИСХОЖДЕНИЯ
И ИСТОРИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ
ГОРСКИХ КАВКАЗСКИХ НАРОДОВ

ЧЕЧЕНО-ИНГУШСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

1963

ПРЕДИСЛОВИЕ

Одна из важнейших задач советского языкознания — разработка проблемы этногенеза. Сравнительно-историческое изучение родственных языков играет важнейшую роль в решении этой проблемы. Поэтому историки и археологи справедливо критикуют лингвистов за то, что последние уделяют мало внимания рассматриваемой проблеме. Эта справедливая критика нашла поддержку в постановлении Президиума АН СССР о деятельности институтов языкознания и русского языка АН СССР в декабре 1962 г. В данном труде делается попытка увязать сравнительно-историческое изучение нахских языков с проблемой этногенеза горских кавказских народов, прежде всего нахских народов. Вместе с тем хотелось бы обратиться к историкам, археологам с призывом включиться в разработку вопросов, затронутых в нашем исследовании.

Мы сознаем все трудности увязки и исторического освещения широкого круга проблем древней истории Кавказа. Такую работу невозможно выполнить путем монографического изучения в одном исследовании всех многочисленных горских, кавказских языков. Единственно возможный путь (при современном состоянии науки) — тщательное историческое изучение языков одной группы, делая попытку найти нити, связывающие генетически и исторически их с остальными языками Кавказа. Именно такая попытка сделана в нашем исследовании.

В этом труде представлены следующие разделы: «Проблемы происхождения и исторического развития горских кавказских народов и их языков», «Пути исторического развития нахских языков и вопросы применения сравнительно-исторического метода в их изучении» и «Сравнительно-историческая грамматика нахских языков».

В первом разделе я старался осветить некоторые вопросы древней истории горских кавказских народов, главным образом нахских, в свете данных горских кавказских языков. Здесь я ставил перед собой задачу: дать новый, доступный мне лингвистический материал в распоряжение историков, археологов, лингвистов и всех других специалистов, интересующихся затрагиваемыми вопросами. Вместе с тем в работе я высказываю свои соображения по ряду вопросов древней истории Северного Кавказа и Дагестана.

Во втором разделе рассмотрены вопросы, касающиеся сравнительно-исторического метода и специфики его применения в иберийско-кавказских, в частности нахских, языках.

Основная часть данного труда посвящена сравнительно-исторической грамматике нахских языков. Современная наука не располагает ни одной сравнительно-исторической грамматикой какой-либо из групп иберийско-кавказских языков. Тем более ответственными и сложными

были задачи, связанные с созданием сравнительно-исторической грамматики нахских языков.

В книге кратко изложена морфология, так как основные вопросы, касающиеся исторических изменений именных и глагольных основ, освещены в связи с анализом исторических чередований гласных в разделе, посвященном сравнительно-исторической фонетике нахских языков.

В этой монографии сделаны попытки подвести некоторые итоги изучения нахских языков.

Работа может послужить учебным пособием для студентов, преподавателей высших учебных заведений. Поэтому в исследование включены некоторые общие сведения по истории чеченского, ингушского и бацбийского народов и их языков.

Естественно, что в первой сравнительно-исторической грамматике нахских языков неизбежны и недостатки. Автор с благодарностью примет все ценные замечания читателей. Он надеется, что замечания взыскательных читателей помогут ему устранить имеющиеся в работе недочеты.

Подготовкой и выходом в свет данного труда автор во многом обязан дирекции Чечено-Ингушского научно-исследовательского института истории, языка и литературы и, прежде всего, директору этого института А. А. Саламову, приложившему немало усилий, чтобы данный труд был включен в план института и выполнен в пределах скромных возможностей его автора.

Данное исследование в основном было завершено в 1959 году. В труде использованы и включены в библиографию лишь некоторые работы, опубликованные, начиная с 1960 года. В частности, не удалось на месте (в Грузии) ознакомиться с работой по бацбийскому языку кандидата филологических наук К. Чрелашвили.

**ПРОБЛЕМЫ ПРОИСХОЖДЕНИЯ,
ИСТОРИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ГОРСКИХ
КАВКАЗСКИХ НАРОДОВ И ИХ ЯЗЫКОВ**

ПРОБЛЕМЫ ДРЕВНЕЙ И СОВРЕМЕННОЙ ИСТОРИИ ГОРСКИХ КАВКАЗСКИХ НАРОДОВ И ИХ ЯЗЫКОВ

В изучении истории, языков, этнографии народов Кавказа до сих пор в центре внимания стояли проблемы, в основном относящиеся к XVIII, XIX и XX векам, проблемы современности—общественно-политические, лингвистические и другие. Приобщение народов Кавказа к великой русской культуре, к всеобщей социалистической культуре народов Советского Союза, развитие культуры и экономики народов Кавказа в эпоху развернутого коммунистического строительства, пропаганда советского патриотизма, великой братской дружбы народов Советского Союза и другие — все эти проблемы стояли и будут стоять и в будущем на первом плане, в центре внимания кавказоведов.

Однако из этого вовсе не следует, что советская наука интересуется только лишь современностью. Не раз отмечалось и в нашей печати, что советская наука интересуется культурой, историей всех народов всех времен и эпох. Известно, что знание прошлого помогает лучше познать, понять, оценить настоящее; знание прошлого и настоящего помогает предвидеть будущее, лучше понять закономерности дальнейшего развития общественных явлений.

Мы должны ценить и помнить имена выдающихся ученых, деятельность которых объективно способствовала лучшему познанию прошлого народов, взять у них все положительное, отбросить все неприемлемое для нас, для науки, развивать дальше все прогрессивное в их деятельности.

В этом отношении примечательной была деятельность одного из самых выдающихся кавказоведов России XIX века — Петра Карловича Услара, особенно в области изучения иберийско-кавказских языков. Конечно, не следует идеализировать деятельность П. К. Услара. У П. К. Услара мы находим неприемлемые для нас высказывания, не всегда он твердо держался правильных взглядов относительно взаимоотношения иберийско-кавказских народов и их языков в историческом аспекте. В ряде его высказываний о народах Кавказа чувствуется иногда вредное влияние господствовавшей в его время идеологии царских ставленников—злейших врагов русского и кавказских народов, высокомерно и пренебрежительно отзывавшихся о народах Кавказа. Все же в его деятельности преобладало объективно-прогрессивное, достаточно сказать, что он был горячим сторонником просвещения горских кавказских народов, создания письменности на языках народов Кавказа. Предпринятые им в этом отношении шаги имели большое значение для развития национального самосознания у передовых для того времени представителей народов Кавказа, а фактические его исследования принесли кавказоведению огромную пользу. В этом отношении он превосходит всех исследователей, работавших до него и в его время в области изучения истории, этнографии и языков горских кавказских народов, особенно в области иберийско-кавказского языкознания.

В каком состоянии находилось кавказоведение до П. К. Услара, ка-

ковы основные итоги деятельности П. К. Услара, каковы общие кавказоведческие проблемы, которыми интересовался П. К. Услар, значение разработки этих проблем для дальнейшего развития советского кавказоведения, общая оценка достигнутых до сих пор результатов в области разработки этих общих кавказоведческих проблем, в каком направлении следовало бы вести комплексную разработку этих проблем,— таковы вопросы, которых мы кратко коснемся ниже.

В период, предшествовавший деятельности П. К. Услара, все еще очень мало было сделано в области изучения истории, языков, этнографии Кавказа. Лингвистическая и этнографическая карта Кавказа оставалась запутанной, представляя собой в основном сплошное белое пятно, если не считать отдельных частных более или менее разъясненных вопросов, несмотря на то, что Кавказ и его народы привлекали пристальное внимание всех культурных народов с древнейших времен.

Как писал П. К. Услар, «Физическая природа Кавказа в глазах древних народов приобрела фантастическую законченность»¹. Эсхил называл вершины Кавказа «соседками звезд». Представлением о величии физической природы Кавказа было обусловлено то, что фантастические деяния самых выдающихся героев древнегреческой и римской поэзии и мифологии были связаны с Кавказом. На Кавказе боги Олимпа вели борьбу со старыми богами, Титанами. По рассказам древних греков, на Кавказе происходила борьба между Зевсом и Тифеем, огнем небесным и огнем земным. Древние греки и римляне усердно отыскивали на Эльбурсе цепь Прометея.

Многие религиозные мифы также связаны с Кавказом. Не только в древние времена, но и в наше время на Арарате искали Ноев ковчег. В 60-х годах прошлого века англичане побывали на Кавказе в поисках... яслей Спасителя.

Эти фантастические и мифологические представления о Кавказе в определенном плане получили бледное отражение и в области изучения истории, этнографии и языков Кавказа. Древнейшие сведения о кавказских народах мы находим у Геродота, которого справедливо называют отцом истории. В сведениях Геродота и других древних писателей о Кавказе много небылиц. Но все же есть в них и такие факты, которые заслуживают внимания. Геродот, например, свидетельствует о том, что горцы Кавказа говорят на непонятных языках, приводит длинный список народов. Самой замечательной чертой горцев Кавказа он считал то, что они разрисовывают свои одежды изображениями животных. По данным Страбона, на Кавказе было около трехсот языков. Какие это были языки, мы точно не знаем. Средневековые арабские путешественники мало что сделали для разъяснения древней истории горцев Кавказа. Они так же, как и древние писатели, ограничились восхищением многоязычием Кавказа. Так, Массуди называл Кавказ «горой языков».

Общая картина Кавказа в историческом, этнографическом и лингвистическом отношении и в новое время не получила разъяснения. Историки, этнографы, антропологи находили в истории народов Кавказа много заманчивого, первобытного. Иоган Фридрих Blumenбах (1752—1840 гг.) в своей классификации человеческих рас утверждал, что существует белая раса, к которой относятся европейцы. Эту расу следует называть кавказской, поскольку наиболее древними и чистыми представителями этой расы являются коренные народы Кавказа². Находи-

¹ П. К. Услар. Чеченский язык, Тифлис, 1888. Приложение, стр. 75.

² П. К. Услар. Древнейшие сказания о Кавказе. Тифлис, 1876, стр. XVIII

лись и такие ученые, которые полагали, что коренные народы Кавказа — это застрявшие в горных ущельях остатки европейских народов во время их движения из Азии в Европу.

Таким образом, не были разъяснены взаимоотношения между самими народами Кавказа в историческом аспекте. Не получили разъяснения исторические связи народов Кавказа с другими народами Европы, Азии, Ближнего Востока.

Такова общая картина состояния кавказоведения до П. К. Услара.

Биограф П. К. Услара Загурский писал: «В 1858 г. по ходатайству Главнокомандующего Кавказской армией на П. К. Услара, по высочайшему повелению, возложено было составление истории Кавказа».

В связи с этим поручением, П. К. Услар пытался найти ключ к научному объяснению истории народов Кавказа. По его глубокому убеждению, при отсутствии у подавляющего большинства народов Кавказа исторических письменных памятников, наиболее ценным, наиболее надежным источником их истории является язык. «С каждым днем я убеждаюсь в том, что была бы возможность написать удовлетворительную историю всего Кавказа, если бы были подготовлены к тому материалы,— писал П. К. Услар в своем письме к А. П. Берже в 1859 г.

Цель истории объяснить, почему народ сформировался так, а не иначе. Но формирование его определяется вовсе не случайностями, из которых до сих пор лепится история, а элементами постоянными, и которые можно изучить. Летописи и предания, на недостаток которых так жалуются постоянно, составляют самое сомнительное и скудное пособие для изучения древней истории народа, которую считаю я весьма важной, потому что в ней легче подсмотреть коренные этнические свойства... Но ни язык, ни местность подделать нельзя. Это суть правдивые и неисчерпаемые летописи; таковыми летописями обладают все кавказские народы, как и все народы на земле. Из этих летописей можно создать настоящую народную историю... Пока не будет проложен путь к разумной истории Кавказа, кавказские исторические действатели будут преследуемы ироническим вопросом: из-за чего беснуетесь эдак?»¹.

Подчеркивая исключительное значение лингвистических данных для изучения древней истории народа, П. К. Услар отмечал: «Быть может, какому-нибудь неизвестному языку, которым говорят два-три десятка семей в глуби Дагестана, суждено бросить неожиданный свет на доисторические времена. Для филолога нет языка не занимательного; подобным образом, геологу окаменелая раковина, отпечаток водоросля повествует о тайнах земледания»².

П. К. Услар хорошо знал достижения сравнительно-исторического языкознания своего времени. «Нет никаких письменных сказаний о том, что главнейшие европейские народы и индусы одного происхождения, а между тем сравнительное изучение языков доказывает это неопровержимым образом»³,— напоминал он. «...Если тем, что я напишу, мне удастся хотя несколько способствовать указанию настоящего пути для будущих исторических исследований на Кавказе, вроде исследований Гримма, Болла, Лассена, Потта и других, то уже заслуга моя будет велика»⁴,— писал П. К. Услар.

¹ П. К. Услар. Указ. соч., стр. 19—20.

² П. К. Услар. Этнография Кавказа, Языкознание, II. «Об исследовании кавказских языков», Тифлис, 1888, стр. 15.

³ П. К. Услар. Указ. соч., стр. 16.

⁴ Там же.

Это теоретическое положение П. К. Услара об исключительной важности лингвистических данных для изучения древней бесписьменной истории народа в свое время не было оценено должным образом.

П. К. Услар занял правильную позицию в определении значения лингвистических данных для изучения древних этапов истории, этнографии народов Кавказа. П. К. Услар прекрасно знал древние классические языки, он хорошо владел новыми европейскими языками.

П. К. Услар начал заниматься серьезно вопросами кавказоведения не в качестве случайно приезжего на Кавказ на короткое время путешественника, имевшего очень поверхностное представление о народах Кавказа, а после 12—13-летнего пребывания на Кавказе. Непосредственно участвуя в военных действиях на Кавказе, составляя военно-статистические описания Ереванской губернии и других районов Кавказа, П. К. Услар прошел, объездил вдоль и поперек почти весь Кавказ. Впервые он приехал на Кавказ в 1837 г. Затем в 1839 году он вернулся в Петербург. После этого П. К. Услар был в заграничной командировке: побывал в Италии, Франции, Германии. Лишь в 1850 г. он возвращается на Кавказ. С этого времени почти до своей смерти в 1875 году он остается на Кавказе, изредка выезжая в деревню Курово на непродолжительное время.

Таким образом, П. К. Услар хорошо знал народы Кавказа, их быт, обычаи, нравы, образ жизни.

Любое дело, за которое ему приходилось браться, он изучал упорно, глубоко, методично. Однако ни в чем так ярко, оригинально, глубоко не проявился его талант — как в языкознании. Первым языком, ставшим объектом монографического исследования П. К. Усларом, явился абхазский язык. Он является едва ли не самым трудным среди указанных языков. Трудности эти были обусловлены сложностью его фонетической системы и грамматического строя. Начав изучение абхазского языка в 1862 году, П. К. Услар за очень короткое время успешно преодолел эти трудности и представил для опубликования монографическое исследование «Абхазский язык». В эту монографию были включены также статьи «О распространении грамотности между горцами», «Предположение об устройстве горских школ», «О составлении азбук кавказских языков», «Черновые заметки о черкесском языке», «О языке убыхов», «Грамматический очерк сванетского языка».

В том же 1862 году П. К. Услар приступил к изучению чеченского языка. Монография по этому языку была издана также в Тифлисе. В эту монографию вошла широко известная статья П. К. Услара «Кое-что о словесных произведениях горцев», а также «Письма П. К. Услара».

Эти две монографии П. К. Услара были удостоены премии Российской Академии наук.

В 1863 году П. К. Услар принялся за изучение аварского языка, являющегося наиболее крупным среди аваро-андо-цезской подгруппы дагестанских языков. Монография «Аварский язык» была издана в Тифлисе.

В 1864 г. основатель кавказского языкознания принимается за исследование лакского языка. В 1866—67 гг. П. К. Услар занимается изучением даргинского языка. Монографии «Лакский язык» и «Хюркилинский язык» (т. е. даргинский язык — Ю. Д.) также были изданы в Тифлисе.

В 1871 году он завершает работу над монографией лезгинского языка. Она была издана под названием «Кюринский язык». Эта монография является наиболее крупной по объему из всех опубликованных работ П. К. Услара по горским кавказским языкам.

Наконец, П. К. Усларом была в основном закончена монография «Табасаранский язык». Правда, он не успел окончательно обработать и подготовить к печати этот труд.

Таким образом, П. К. Услар успел монографически исследовать семь горских кавказских языков. Все эти языки в советское время стали письменными.

Важнейший общий вывод из своей кавказоведческой деятельности П. К. Услар сделал после завершения работы над монографиями трех кавказских языков, которые относились к трем ветвям иберийско-кавказских языков, а именно к абхазо-адыгской (монография по абхазскому языку), нахской (монография «Чеченский язык») и дагестанской (монография «Аварский язык»). Вывод этот состоял в следующем: «Теперь уже утвердительно можно сказать, что к великим семействам языков старого света... должно присоединить еще совершенно самостоятельное семейство языков кавказских, так как все эти языки, при изумительном разнообразии, представляют глубокие родственные черты. Армянский язык есть язык индоевропейский, грузинский, по-видимому, есть язык кавказский и, по всей вероятности, самый замечательный в целом семействе»¹.

В последнее время к этой точке зрения склоняются и некоторые историки. Так, доктор исторических наук Е. И. Крупнов на основании изучения большого археологического материала пришел к следующему выводу: «...с изучением прошлого многонационального Кавказа связывается и проблема этногенеза определенного круга древних и самобытных народов, образующих особую языковую группу (так называемую иберийско-кавказскую семью языков). Как известно, она резко отлична от всех других языковых семей мира и оказалась связанной только с древнейшими народами Передней и Малой Азии еще до выступления на историческую арену индоевропейских, семитических, тюркских и финно-угорских народов»².

Таким образом, на основании данных языков П. К. Усларом в основном положительно был решен один из важнейших вопросов взаимоотношений горских кавказских языков в историческом аспекте; он решительно утверждал, что они генетически родственны между собой, в конечном итоге восходят к одному и тому же языку-основе. Это положение имело огромное значение для изучения древних этапов развития истории, этнографии, языков горских кавказских народов. Как известно, первые попытки объяснить генетические связи между индоевропейскими языками имели такое же значение для последующего обоснования сравнительно-историческим языкознанием родства санскрита — языка древних индусов — с греческим, латинским и некоторыми другими языками для изучения древнейших этапов развития истории, этнографии, языков индоевропейских народов, для объяснения многих явлений в их современном состоянии.

Однако вопрос о взаимоотношении картвельских и горских кавказских языков в историческом аспекте все еще оставался открытым. Противоречивые высказывания за и против генетического родства картвельских и горских кавказских языков самого П. К. Услара свидетельствуют о том, что он не успел вооружиться лингвистическим материалом, прежде всего, в области картвельских языков для обоснования генетического родства этих языков. В результате задуманный П. К. Усларом

¹ П. К. Услар. Этнография Кавказа. Языкознание. II, Тифлис, 1888, стр. 35.

² Е. И. Крупнов. О чем говорят памятники материальной культуры Чечено-Ингушской АССР, Грозный, 1961, стр. 10—11.

Caucasic poliglote остался незамкнутым. В наше время советские языковеды—действительный член АН Грузинской ССР проф. А. С. Чикобава и другие—уделили большое внимание решению проблемы родства картвельских и горских кавказских языков¹.

Значение трудов П. К. Услара для истории, языкознания, этнографии, археологии, антропологии народов Кавказа этим не ограничивается. Поскольку, по общему признанию историков, языковедов, этнографов, факты языка являются наиболее надежным материалом для изучения дописьменной истории, древнейших этапов развития родственных языков, этнических традиций народов в генетическом плане, то из вывода о генетическом родстве иберийско-кавказских языков следует, что многие вопросы истории, развития культуры, языков того или иного кавказского народа нужно изучать в тесной неразрывной связи с данными истории, языков, культуры других иберийско-кавказских народов. В этом состоит главный вывод, вытекающий из сравнительно-исторического языкознания для изучения древнейшей истории Кавказа, истории и культуры горских кавказских народов.

Вместе с тем было бы неправильно пытаться искусственно связать любой факт из области истории, культуры, языка одного кавказского народа с историей, культурой, языками всех остальных кавказских народов. Есть факты, явления, являющиеся самобытными для данного народа, касающиеся его только одного. Например, факты, явления из общественной жизни адыгейского народа. Есть факты, явления, специфичные для абхазо-адыгских народов (для адыгейцев, кабардинцев, абхазов, абазин); есть факты, явления, которые могут быть объяснены только на основании данных истории, этнографии, археологии, языкознания всех иберийско-кавказских народов, есть факты и явления заимствованные и т. д. Ясно, что в каждом случае надо учитывать специфику, историю, природу изучаемого явления, степень его распространения. Родство между собой горских кавказских языков (т. е. абхазо-адыгских, нахских и дагестанских) является общепризнанным. Однако есть языковеды, историки, археологи, этнографы, которые не признают родства горских кавказских языков с картвельскими (грузинским, занским, мегрело-чанским, сванским). Свое отрицательное отношение к признанию родства картвельских языков с горскими кавказскими они мотивируют тем, что еще не создана сравнительная грамматика и сравнительная лексикология этих языков. Это верно. Но верно и то, что нет на свете ни одной группы языков, признанию генетического родства которых предшествовала бы их сравнительная грамматика. Напротив, сначала устанавливали факты родства этих языков, а после создавали сравнительные грамматики. Хорошо известно, что так обстояло дело и в истории сравнительно-исторического изучения индоевропейских языков. Сначала были установлены факты из области лексики и грамматического строя, говорящие о родстве санскрита с греческим, латинским и другими индоевропейскими языками. Лишь спустя много лет были созданы сравнительные грамматики индоевропейских языков.

В истории, в лингвистических явлениях, в этнических традициях, в культуре народов Кавказа мы обнаруживаем факты, главным образом, четырех типов: 1) факты специфические для данного народа, его истории, языка и культуры; 2) факты, являющиеся исконно общими для ряда народов; 3) факты заимствованные; 4) различные факты, не являющиеся ни заимствованными, ни исконными, а возникшие и развившиеся

¹ А. С. Чикобава. Древнейшая структура именных основ в картв. языках. Тбилиси, 1942.

ся параллельно на протяжении всей истории обособленного развития каждого из этих народов.

Различение фактов этих четырех типов особенно важно для изучения истории, культуры и языков народов, живущих в таком сложном и трудном для общественных наук районе, каким является Кавказ, где на сравнительно небольшой территории сосредоточено несколько десятков народов, многие из которых не имеют исторических письменных памятников, относящихся к древним временам. Вот почему хочется остановиться на четырех группах вопросов, подлежащих комплексной разработке совместными усилиями историков, языковедов, этнографов, археологов и антропологов. Эти вопросы поставлены и в трудах П. К. Услара. Я имею в виду следующие группы вопросов:

- 1) Вопросы создания древнейшей истории народов Кавказа.
- 2) Вопросы исторических связей народов Кавказа с древнейшими народами Ближнего Востока, южных районов России, прикаспийских районов Азии.
- 3) Исторические вопросы взаимоотношений между народами Кавказа.
- 4) Вопросы взаимодействия культур и языков народов Кавказа в связи с благотворным влиянием на них великой русской культуры и языка.

В настоящее время вообще невозможно дать решение вопросов, относящихся к первым трем группам. В лучшем случае, можно сделать попытку правильной постановки вопросов для комплексной разработки, попытку определить первоочередные задачи в изучении указанных групп вопросов.

Рассмотрим сначала вопросы создания древнейшей истории Кавказа. Как уже говорилось, на П. К. Услара была возложена задача создания истории Кавказа. Его исследования по языкам Кавказа должны были послужить лингвистическим введением в историю Кавказа, дать материал для истории Кавказа.

В записке о колхах в начале 60-х годов XIX в. П. К. Услар писал: «Неистощимое средство для изучения древнейшего времени представляет язык... Нет никаких письменных сказаний о том, что главнейшие европейские народы и индусы одного происхождения, а между тем сравнительное изучение языков доказывает это неопровержимым образом». В указанной записке он разработал целую программу выявления субстратных явлений в картвельских языках. С этой целью он предлагал выбрать из картвельских языков то, что исконно не принадлежит картвельскому элементу и тем народам, с которыми после состояли в сношениях мегрелы и лазы. «Выбранное, — полагал он, — представит материалы для изучения языка и быта исчезнувших уже теперь древнейших обитателей побережья Черного моря». Этот же материал следует подвергнуть в Европе сравнению со всеми известными сколько-нибудь древними языками. Имея в виду изучение этнографии горских кавказских народов в древнейшие эпохи, П. К. Услар утверждал, что исследование горских языков должно послужить краеугольным камнем для этнографических исследований на Кавказе.

Примерно об этом же говорят и археологи. В передовой, опубликованной в XVII выпуске «Советской археологии» от 1953 г., говорится: «Советские археологи крайне заинтересованы в том, чтобы языковедческая наука уделила больше внимания лексике, истории лексики, топонимике, ...которые больше всего могут дать для изучения истории народа и его материальной культуры по языку» (стр. 15).

Древнейшая история народов Кавказа должна быть создана, используя данные языкознания, истории, археологии, этнографии, а также антропологии. Только совместные усилия представителей всех указанных отраслей науки могут обеспечить успех в этом деле. Это признают все. По нашему мнению, важнейшими вопросами древней истории народов Кавказа являются: 1) вопрос о хронологии; 2) вопрос о территории, которую они занимали в древнюю эпоху; 3) вопрос об их общественном строе, быте, культуре; 4) вопрос о языковых взаимоотношениях, о состоянии дробления их языков на диалекты и на родственные языки, об их развитии; 5) вопрос об их связях с другими народами Европы, Азии.

Говоря о хронологии древней истории иберийско-кавказских народов, по-видимому, в первую очередь следует иметь в виду последнее тысячелетие до н. э. и первые века н. э. до 5 века, так как армянские и грузинские письменные памятники VI и VII веков н. э. указывают в основном на современные этнические группы, существовавшие еще тогда на Кавказе.

Одним из основных вопросов древнейшей истории горских кавказских народов является вопрос о территории, которую они занимали в далекие времена. Некоторыми нашими археологами и историками по этому вопросу представлены разные точки зрения. Так, в XVII выпуске «Советской археологии» утверждалось: «Из современных народов Советского Союза лишь осетины являются прямыми потомками северокавказской группы сарматских (аланских) племен...». В последние века античного периода, начиная со II века до н. э. и вплоть до «великого переселения народов», обширный сарматский мир занимал важнейшее место в истории юга европейской части нашей страны. В это время сарматы, создавая крупные союзы племен, известные в истории под названием аорсов, сираков, роксоланов и аланов, занимали обширную, в основном, степную территорию, граничащую на востоке с Аральским морем, Прикаспийские и Волжские степи, Северный Кавказ вплоть до Кавказского хребта, основные степные районы старой Скифии между Доном и Днепром были сплошной территорией сарматского населения»¹.

Относительно народонаселения Дагестана в статье как будто делается оговорка: «За последние годы,— говорится в ней,— были открыты памятники сарматской культуры и в прикаспийской части Дагестана, которые ближе всего стоят к поволжским. Таким образом, тесная связь древних племен прикаспийской части Дагестана, к которым, прежде всего, следует отнести удинов, с северо-каспийскими аорсами подтверждается новыми археологическими открытиями»².

В науке представлена и другая точка зрения об этногенезе сарматских племен. И. А. Джавахишвили, Л. М. Мацулевич, дореволюционный русский ученый Ю. Куликовский и некоторые другие признавали, что предки современных иберийско-кавказских народов Дагестана и Северного Кавказа были древнейшими обитателями этих районов, отрицая принадлежность сарматов к североиранским племенам, отстаивали точку зрения о кавказском происхождении и сарматов, считали Кавказ прародиной сарматов³.

¹ Советская археология. Вып. XVII, 1953, стр. 133.

² Там же, стр. 139.

³ И. А. Джавахишвили. Основные историко-этнологические проблемы истории Грузии, Кавказа и Ближнего Востока древнейшей эпохи. ВДИ, 1939, № 4, стр. 30 сл.; А. Н. Мацулевич. Аланская проблема и этногенез Средней Азии. СЭ, VI—VII, 1947, стр. 125 сл.; Ю. Куликовский. Аланы по сведениям классических и византийских писателей. Киев, 1899.

Мы не собираемся здесь отстаивать какую-нибудь из этих точек зрения. Однако хочется отметить, что этнологические проблемы древнейшей эпохи нельзя решать только на основании данных одной археологии или какой-либо другой науки. Об этом говорят и сами археологи: «Неправильно,— говорится в передовой «Советской археологии»,— все археологические культуры рассматривать в качестве не вызывающих сомнения реальных культурно-этнических единств. Очень часто археологические культуры охватывают огромные пространства и прослеживаются на протяжении очень долгого времени только потому, что некоторые известные памятники внешне однородны, и археологи не нашли еще признаков, по которым можно было бы их разделить и точно определить их этническую принадлежность»¹.

Историк И. А. Джавахишвили привлекал обширный исторический и лингвистический материал для решения сарматской проблемы. Тем не менее среди историков, археологов наиболее распространенной является точка зрения об иранском происхождении всех сарматов или основной части сарматов.

Все это свидетельствует о важности изучения исторических связей горских кавказских народов с древними народами Ближнего Востока, южных районов России, прикаспийских районов Азии.

Задача состоит в том, чтобы восстановить историческую правду, попытаться с необходимой научной объективностью решить вопрос о районе обитания их предков в древнейшую эпоху, об их отношении к другим народам, об их материальной и духовной культуре, быте без идеализации прошлого отдельных народов. Представители этих малых народов сами признают, что не только вредно, не только нет необходимости идеализировать прошлое их далеких предков, но и нет повода, основания для такой идеализации. Тяжелым было прошлое указанных народов. Постоянно притесняемые могущественными завоевателями, они большую часть времени в прошлые века были вынуждены проводить в горных ущельях и в предгорных районах, где их жизнь напоминала жизнь жителей огромной осажденной крепости. В силу целого ряда причин — исторических, географических и других — за время своего пребывания в Дагестане и на Северном Кавказе они не смогли сыграть сколько-нибудь существенной роли в мировой истории, внести сколько-нибудь значительного вклада в историю мировой культуры. Лишь в советскую эпоху, благодаря русскому народу, приобщению их к культуре всех народов СССР и к мировой культуре, они стали вносить посильный им вклад в сокровищницу культуры современного советского общества.

Современное состояние кавказоведения не позволяет нам планировать создание древней истории народов Кавказа по данным языкознания, истории, этнографии, археологии на ближайшее время. По-видимому, это дело более далекого будущего. Однако уже сейчас необходимо по возможности оживить работу на всех участках, связанных с изучением древних этапов истории народов Кавказа. В первую очередь следует поднять вопрос о подготовке специальных кадров для этого дела. Эти кадры должны быть подготовлены не только в области исторических наук, но и по вопросам языкознания, овладеть греческим, латинским, арабским, персидским, грузинским и армянским языками, чтобы использовать древние письменные источники на этих языках. К сожалению, у нас сейчас очень мало таких специалистов.

¹ Советская археология. Вып. XVII, 1953, стр. 15.

Вся эта работа, разумеется, должна быть организована не за счет ослабления разработки проблем современной истории, этнографии, языкознания народов Кавказа. Проблемы, относящиеся к современности, к советской эпохе, связанные с практикой коммунистического строительства в СССР, по-прежнему должны оставаться в центре нашего внимания.

Хотя еще далеко до создания древней истории народов Кавказа, все же представляется, что языковеды, историки, этнографы, археологи и антропологи уже сейчас могли бы кое-что планировать в этом направлении. По нашему мнению, можно было бы создать коллективный труд на тему «Топонимика, этнонимика Кавказа по данным истории, языкознания, этнографии, археологии». Несмотря на всевозможные недостатки такого рода труда, все же он сыграл бы большую, полезную роль в деле разработки ряда вопросов древней и современной истории народов Кавказа.

Касаясь вопросов исторических взаимоотношений между народами Кавказа, необходимо иметь в виду, что данные горских кавказских языков (нахских, горских дагестанских языков), истории и этнографии их носителей могут быть успешно использованы при изучении древних этапов истории абхазо-адыгских народов. Попытки, например, этнографа Л. И. Лаврова и некоторых других кавказоведов по мере возможности учесть данные истории, языкознания и других отраслей науки при разработке древних этапов истории, скажем, адыгских народов, далеко не всегда поддерживают другие специалисты своими конкретными исследованиями, посвященными этим вопросам.

Наконец, постараемся коротко остановиться на последней группе вопросов, относящихся к взаимодействию культур и языков народов Кавказа в связи с проблемой благотворного влияния великой русской культуры и языка на культуры и языки народов Кавказа.

Исследование взаимодействия культур и языков народов Кавказа представляет интерес:

- а) для изучения истории, этнографии и языков народов Кавказа;
- б) для изучения проблем формирования социалистической культуры народов Кавказа, для выяснения того, что вносят эти народы в общую сокровищницу социалистической культуры народов Советского Союза;
- в) для изучения благотворного влияния великой русской культуры и языка на языки и народы Кавказа;
- г) наконец, исследование взаимодействия культур и языков народов Кавказа имеет большое общетеоретическое значение, поскольку Кавказ дает в этом отношении оригинальный, неповторимый материал, выводы для постановки и разработки ряда комплексных общетеоретических проблем истории, языкознания, археологии, этнографии и антропологии.

Известно, что с древнейших времен на Кавказе взаимодействовали языки, культуры самых различных народов. Достаточно привести такие примеры, подтверждающие это положение: тюркские народы — ногайцы, кумыки, карачаевцы, балкарцы — многое заимствовали из языков, культур горских народов Кавказа, в свою очередь, горские народы испытали влияние тюркоязычных народов.

То же самое следует сказать об ираноязычных народах — осетинах, татах, талышах и других. Генетически родственные иберийско-кавказские народы также взаимодействовали, здесь тоже имеют место многочисленные заимствования языковых, бытовых и других элементов.

Культуры всех народов Кавказа испытали и сейчас испытывают огромное благотворное влияние великой русской культуры, обогащаются и развиваются их языки за счет заимствований из русского языка. Передовые люди народов Кавказа, вся наша молодежь воспитывались и воспитываются на великих прогрессивных традициях русского народа, его культуры, искусства, литературы. Русский язык стал средством братского общения, сотрудничества и взаимопомощи всех народов Советского Союза. Об этом свидетельствует и любое общекавказское мероприятие, где представители разных народов Кавказа выступают с докладами на русском языке, общаются между собой при помощи дорогого и близкого для всех нас великого русского языка.

Таким образом, в период складывания и развития русско-кавказских отношений образовался самый большой слой внешнего воздействия в языках, культурах, экономической, политической жизни и материальном производстве народов Кавказа. Этот слой дал сильный толчок развитию новых закономерностей в языках, культурах, словом, во всех сферах жизни народов Кавказа. Всего этого нельзя не учитывать, изучая древние этапы истории развития языков и культур народов Кавказа. Рассматриваемая эпоха была эпохой самого интенсивного развития этих народов, их культур и языков в истории.

Вместе с тем местное русское население на Кавказе также испытывало известное влияние ряда характерных черт быта, обычаев, нравов народов Кавказа. Это особенно относится к кубанским и терским казакам. Если не считать самих кавказцев, то кубанского или терского казака в старой форме, в черкеске, кубанке, опоясанного кинжалом, не всякий сможет и сейчас отличить от горца-кавказца. Еще великий русский писатель Л. Н. Толстой в знаменитой кавказской повести «Казачьи» писал: «Казачьи перероднились с горами и усвоили себе обычаи, образ жизни и нравы горцев, но удержали и там во всей прежней чистоте русский язык...» И далее: «Щегольство в одежде (казака—Ю. Д.) состоит в подражании черкесу»¹.

Некоторые элементы культуры, быта, языков народов Кавказа можно выявить по данным культуры, языка, топонимики местного русского населения. Так, например, в быту, обрядах терских казаков и их местной топонимике обнаруживаются элементы, указывающие на древние связи между ними и племенами нахских народов, на районы древнего поселения последних и т. д.

Взаимодействие культур и языков народов на Кавказе в недалеком прошлом происходило и сейчас происходит в следующих основных направлениях:

1) Во-первых, как уже было отмечено, культуры и языки всех народов Кавказа испытали и испытывают благотворное влияние великой русской культуры и русского языка.

2) Во-вторых, внутри Кавказа образовались отдельные зоны, в пределах которых чувствуется преобладание влияния культуры и языка того или иного народа на остальные народности, находящиеся на территории данной зоны. Границы этих зон в основном совпадают с границами ряда республик. Так, на территории Грузинской ССР абхазцы, южные осетины, чеченцы (кистины), бацбийцы — одни в большей, а другие в меньшей степени — испытали и испытывают влияние грузинской культуры и грузинского языка. Некоторые из них, отличающиеся малочисленностью, например, бацбийцы (их около 2,5—3 тысяч человек), постепенно утрачивая свой язык и этнические особенности, вливаются

¹ Л. Н. Толстой. Повести и рассказы, том II, М.—Л., 1950, стр. 184—185.

в состав грузинской нации. Все бацбийцы двуязычны. Их вторым языком стал грузинский язык.

На территории Азербайджанской ССР под сильным воздействием культуры и языка азербайджанского народа находятся лезгины, таты, талыши и особенно немногочисленные удины, ахвахцы, крызы, будухи, хиналуги. Последние также постепенно утрачивают свой язык и этнические особенности: все они являются двуязычными. Вторым языком их стал азербайджанский язык.

К ИЗУЧЕНИЮ СВЕДЕНИЙ О КАВКАЗЕ, ЕГО НАРОДАХ И ИХ ЯЗЫКАХ В АНТИЧНОЙ И СРЕДНЕВЕКОВОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Весьма скудные сведения о Кавказе, о его величественной природе, о многочисленных народах и языках, представленных на Кавказе с древних времен, мы находим в произведениях древнегреческих, римских, древних армянских, грузинских и средневековых арабских авторов. Здесь мы ограничимся в основном характеристикой сведений древних авторов, относящихся к Северному Кавказу и к горским иберийско-кавказским народам.

«С именем Кавказа соединено столько древнейших преданий азиатских и европейских народов; его история настолько связана с историей человечества, начиная с эпохи ассирийцев, древних персов, греков, Византии, арабов, Армянского и Грузинского царств — и кончая новейшей историей Персии, Турции и России; в его пределах живет так много различных племен, отчасти родственных народностям Востока и ближайших частей Европейской России, отчасти совершенно отличных по языку, типу и культуре, — что научное изучение Кавказа, его археологии, истории и этнографии должно еще долго привлекать к себе внимание ученых и может обещать богатые результаты для различных областей истории и языкознания»¹.

В трудах античных и средневековых авторов особого внимания заслуживают факты, относящиеся к:

- 1) топонимике, этнонимике и ономастике;
- 2) описанию обычаев, нравов народов Кавказа;
- 3) характеристике их материальной и духовной культуры;
- 4) описанию местностей, рек, гор и путей сообщения;
- 5) описанию животного и растительного мира Кавказа;
- 6) легендам и преданиям о Кавказе и его народах;
- 7) культурно-историческим связям кавказских народов с другими народами мира;
- 8) военным походам на Кавказ и завоеваниям на Кавказе.

Так, показание античных авторов о том, что еще в ту эпоху на Кавказе жил народ дидури, т. е. дидойцы, имеет огромное значение. Этот факт свидетельствует: 1) о древности происхождения этого этнонима; 2) о древности пребывания дидойцев на Кавказе; 3) о нахождении на Кавказе в то время близкородственных дидойцам горских кавказских народов. Сказанным не ограничивается информация, которую дает нам рассматриваемый этноним.

В одном из армянских источников, спустя примерно девятьсот—тысячу лет, упоминаются шахчаматьяне (т. е. говорящие на чеченском языке: по-чеченски *нахчо* «чеченец», *мат* < *матт* || > *мтт* «язык»). Следовательно, и в то время на Кавказе должны были проживать род-

¹ Материалы по археологии Кавказа, Вып. I, М., 1888, стр. 2.

ственные чеченцам народы Кавказа, в том числе дидойцы. Так, на основании этих двух этнонимов доказывается нахождение на Кавказе носителей родственных между собой горских кавказских языков не только в первые века нашей эры, но и в последние века до нашей эры. Этим, конечно, не ограничивается информация, представленная в указанных словах.

Можно было бы привести и другие факты, обнаруженные в произведениях античных и средневековых авторов и представляющие огромный научный и исторический интерес для изучения древней истории народов Кавказа.

АНТИЧНЫЕ АВТОРЫ О НАРОДАХ И ЯЗЫКАХ КАВКАЗА

Самое древнее упоминание о местности, относящейся к Кавказу, мы находим в Библии. Ведь первое географическое название, встречающееся в Библии, представлено на Кавказе:

«...И остановился ковчег в седьмом месяце, в 17 день месяца на горах Араратских» (Бытия, VIII, 3—4).

Этим строкам, первоначально написанным на древнееврейском языке, более 3000 лет. Они свидетельствуют о древности происхождения самого названия горы Арарат. Трудно объяснить происхождение этого слова с необходимой научной достоверностью и точностью. По мнению П. К. Услара, это слово восходит к семитическим языкам. Существуют и другие попытки объяснить генезис рассматриваемой лексической единицы. Для науки все еще остается тайной не только происхождение корня этого слова, но и принцип его образования (моделирования).

Под горами Араратскими древние семиты, вероятно, имели в виду территорию нынешней Армении. Очевидно, их знания о Кавказе были ограничены районами, окружающими гору Арарат. Этим, по-видимому, объясняется то, что в Библии мы не находим никакого упоминания о величественном Кавказском хребте.

Как видно из изложенного, древние семиты (по данным, известным современной науке) не были знакомы с северной и западной частями Кавказа.

Что же касается древних греков и римлян, то они, как свидетельствуют античные авторы, с древнейших времен установили связи с Кавказом, особенно с племенами, обитавшими на Кавказском побережье Черного моря.

Первые сведения древних греков о Кавказе связаны с полумифическим походом аргонавтов¹. Упоминание об этом походе имеется уже у Гомера. По словам Гомера, цель похода аргонавтов — страна *Aia*, где живет туманнорожденная Эос и восходит Гелиос (солнце). *Айетом* — имя повелителя этой страны. Мы не знаем происхождения слов *Aia* и *Айетом*, которые дали бы нам сведения, касающиеся многих вопросов древней истории. Пиндар подробно описал поход аргонавтов. На основании его описания, Гомерову страну *Aia* стали считать Колхидой, т. е. Грузией. Гезиод упоминает главную реку этой страны — Фазис (Рион). Если Фазис — Рион, то нетрудно признать, что Гомерова страна *Aia* — Колхида.

Древние греки оставили нам сведения о киммерийцах, населявших северные берега Черного моря. Гомер сообщает в «Одиссее», что земля

¹ В. В. Л а т ы ш е в. Известия писателей греческих и латинских. О Скифии и Кавказе, том I, стр. 4.

киммерийцев, покрытая туманом и мраком, лежит там, где кончается глубокий океан (т. е. Черное море).

В VIII—VI вв. до нашей эры малоазиатские греки создали многочисленные колонии на берегах Понтийского (Черного) моря. До нас дошли весьма скудные сведения, характеризующие эту эпоху.

Кавказ занимает значительное место в древнегреческой мифологии и преданиях. Так, древнегреческий историк Ферскид Скиросский описывает борьбу Зевса с Тифеем, которая происходила на Кавказе. Кавказ он называет пылающим. Можно полагать, что эта характеристика Кавказа отражает вулканические явления, которые могли происходить на Кавказе в ту эпоху.

Поэтические сказания древних греков о Прометее, которые получили отражение в классических творениях древнегреческого трагика Эсхила (525—456 гг. до нашей эры), связаны также с Кавказом. В своей трагедии «Освобожденный Прометей», относящейся к V в. до нашей эры, Эсхил называет Кавказ как место, где страдал Прометей. Именно на Кавказе Прометей был прикован к скале.

Трагедия Эсхила о Прометее имеет исключительно большое значение для истории Кавказа. В ней впервые в истории мы находим название «Кавказ». Есть основание полагать, что слово «Кавказ» первоначально встречалось только в греческих мифах и лишь позже оно стало названием цепи гор. По Плутарху, Хронос, спасаясь от гнева Зевса, скрывался на вершинах Кавказских гор. Там он убил пастуха по имени Кавказ и в честь убитого Зевс дал это имя горе.

Делались попытки объяснить происхождение слова «Кавказ» на основании данных языков народов Кавказа. Так, Клапрот полагал, что греч. *Кауказ* от *Кофкаф*, т. е. гора Каф (*Коф* — горы, а *Каф* — гора, окаймляющая море и землю» по преданию). По словам Услара, приморские жители могли образовать слово «Кавказ» из двух корней: *гау* (гора) и *-аз* (в старину Азия простиралась до Кубани и прикубанских жителей называли «азами»), т. е. «гора азов». Несмотря на все эти гипотезы, вопрос о происхождении названия «Кавказ» остается нерешенным, открытым.

Существует предположение, что сказания о Прометее, о борьбе между огнем небесным и огнем земным древние греки могли заимствовать у какого-нибудь народа, обитавшего на Кавказе. Дело в том, что среди кавказских народов широко распространено предание о великане-страдальце. По преданию адыгов, великан-страдалец прикован к Эльбрусу. Грузинское, осетинское, тушинское предания повествуют о великане, прикованном к скале. Эти предания так или иначе связаны с греческим сказанием о Прометее.

До сих пор нерешенным остается вопрос: является ли греческое сказание древним отражением преданий горцев Кавказа о великане-страдальце, прикованном к скале? Не исключена возможность, что последние восходят к греческому сказанию.

Отец истории Геродот (484—425 гг. до нашей эры) — знаменитый античный историк, писавший о Кавказе. В трудах Геродота о народах Кавказа много небылиц. Вместе с тем мы находим в рассказах Геродота о народах Кавказа, их нравах, обычаях и торговых сношениях немало фактов, заслуживающих внимания. Он писал об амазонках, синдах, колхах и других народах Кавказа. Геродот пишет: «На Кавказе живет много разных народов, которые почти все питаются дикими лесными плодами. Говорят, что в тамошних лесах есть и деревья, покрытые листьями такого рода, что их растирают и смешивают с водой и

этим составом рисуют себе на одеждах узоры: эти узоры не смываются и стареют вместе с материей»¹.

О массагетах Геродот писал: «Массагеты носят одежду, подобную скифской, и имеют такой же образ жизни... Для всех надобностей они употребляют золото и медь: что требуется для копий и стрел... железа и стали они вовсе не употребляют, так как этих металлов и нет в их стране, а золото и медь имеется в изобилии»².

Сведения о Кавказе и кавказских народах имеются у греческого врача Гиппокрита (460—377 г. до нашей эры), Ксенофонта (431—354 г. до нашей эры), Апполония Родосского (250—200 гг. до нашей эры).

Для нас особый интерес представляет анализ названий отдельных кавказских народов, которые встречаются у античных авторов. Например, Екатель Милитский называет народы Мики, Иды. По его словам, «Иды — народ скифский»³. «Мидия — страна, лежащая у каспийских ворот. От Мида сына Мидии»⁴.

На Кавказе засвидетельствованы многочисленные факты, когда названия племени, народности, собственные имена отдельных лиц становятся наименованиями районов, стран, где они живут. И, наоборот, нередко наименования народа или страны превращаются в собственные имена. Такие факты наблюдаются в истории многих народов мира. В этой связи заслуживают внимания собственные имена неизвестного происхождения, которые встречаются у чеченцев и ингушей: Ида, Мика, Мида.

Геродот писал о «большом скифском войске, которое вел скифский царь Мадий—сын Протогия»⁵. У чеченцев встречаются имена «Мада», «Мадий» неизвестного происхождения. Хотя в подобных фактах трудно исключить возможность случайного совпадения, созвучия слов, все же следует учитывать исключительную устойчивость во многих случаях наименований, относящихся к топонимике и ономастике.

Весьма ценные сведения о Кавказе и кавказских народах оставил географ Страбон (63 г. до нашей эры—23 г. нашей эры). Он описал о Кавказской Албании, занимавшей часть Северного Азербайджана и Южного Дагестана. По данным Страбона, албанцы говорили на 26 наречиях, занимались скотоводством, охотой, рыбной ловлей и меновой торговлей.

Древние писатели особенно большое внимание уделяли сарматам, жившим на Северном Кавказе и в Северном Дагестане. Сарматия, которую плохо знали древние греки и римляне, была населена многочисленными народами. По свидетельству Страбона, они питались мясом диких зверей, дикими плодами, молоком. Он описал некоторые особенности их быта. Так, летом они спускались с гор, сидя на шкурах со своими вещами. В горы они поднимались в летнее время при помощи кожаных подушек, которые подвязывали к ногам. Эти кожаные подушки выполняли роль подошв.

На основании данных Страбона и других древних авторов, трудно себе представить генетические взаимоотношения между народами, считавшимися сарматами. По-видимому, слово «сарматы» имело собира-

¹ В. В. Латышев. Известия писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе, том. I, Спб, 1890, стр. 6.

² Там же, стр. 7.

³ Там же, стр. 1.

⁴ Там же, стр. 2.

⁵ Там же, стр. 4.

тельное значение. Сарматы—суть самые различные народы, родственные и неродственные между собой. Хорошо известно, что в XIX в. все народы Северного Кавказа и Дагестана называли то татарами, то черкесами. Аналогичное явление могло иметь место и в древнюю эпоху.

По вопросу о происхождении слова «сармат» существуют разные точки зрения. По мнению грузинского академика И. А. Джавахишвили, слово «сармат» следует объяснить на основании данных нахских языков. При этом по существу используются методические приемы анализа структуры, модели этого слова, а также метод непосредственно составляющих. С этой целью слово «сармат» сравнивается с этнонимом «нахчаматеанк», обнаруженным в «Армянской географии», относящейся к VII в. нашей эры и приписываемой Моисею Хоренскому.

Этнониму «нахчаматеанк» в греческом оригинале соответствует *Jaχamatai*. По данным древнеармянских авторов, «нахчаматеанк» обитали примерно там, где живут современные чеченцы,—на Северном Кавказе.

Анализ структуры слова «нахчаматеанк» показывает, что оно распадается на *нахча-мат-еанк*, где *нахча* — соответствует чеченскому *нохчо* ||*нахчо*, *-мат* — сопоставляется чеченским *мотт* (*мот*) ||*матт* (*мат*), а *-еанк* — суффикс мн. ч. древнеармянского языка.

Сначала рассмотрим первую часть этого сложного слова *нахча*. В современном чеченском языке эта основа встречается в нескольких фонетических вариантах: в литературном *нохчо* [*нохчуо*:], в шатоевском говоре *нахч-о* [*нахч-уо*:] и т. д. — «чеченец»; в литературном *нохч-ийн*, в горных диалектах и говорах *нахчийн* — «чеченский»; в сложных словах литер. *нохч-гIалгIайн*, диалект. *нахч-гIалгIайн* — «чечено-ингушский».

Форма *нохчо* [*нохчуо*:] в плоскостном диалекте, лежащем в основе литературного языка, образовалась следующим путем: *нахча в-а* дословно — «чеченец есть», где *в-а* — связка с классным префиксом *в-*. В дальнейшем *нахча* и *в-а* слились в одно слово (*нахчуо*:) — «чеченец», в составе которого [-*уо*:] — словообразовательный аффикс. В соответствии с законом вторичного чередования под влиянием конечного [-*уо*:] корневая фонема [а] перешла в [о], т. е. подверглась лабиализации в литературном языке. В горных диалектах до сих пор бытует форма с древним корневым [а]. Таким образом, древняя чеченская основа *нахча* соответствует первой части этнонима *нахчаматеанк*.

Что же касается второй части рассматриваемого этнонима, то Н. Я. Марр не без основания объяснял ее при помощи нахских языков: чеч. *мот* [*муотт*], инг. *мат* [*матт*] — «язык». Как показывает анализ нахского языкового материала, соврем. чеч. *муотт*, бацб. *мотт* — результат первичного чередования гласных именных основ: чеч. *муотт* < *мотт* < *матт*; бацб. *мотт* < **матт*. Следовательно, древняя нахская основа *мат* * (*матт*) также соответствует второй части этнонима *нахча -мат -еанк*.

В современном чеченском языке сочетание *нохчийн мотт* означает «чеченский язык». В диалектах, в разговорной речи встречаются формы *нахчмат* || *нахчаматт* || *нахчамотт*.

Академик И. А. Джавахишвили по аналогии с этнонимом *нахчаматеанк* пытался объяснить происхождение слова *сармат*. По его мнению, первая часть этнонима *сар-мат* должна была обозначать исходное наименование какой-то народности, осложненное впоследствии второй частью. В связи с рассмотрением данного слова он ссылаясь на само название одного из нахских племен «Шар-ой» (чеченцы и сейчас говорят «Шарой Мотт» о диалекте шароевцев — носителей одного из архаичных диалектов чеченского языка). Поскольку в греческом языке не было звука *ш*, то греки могли передать этот звук *ш* только через *с*.

Здесь уместно указать на то, что, по сведениям грузинского историка X века нашей эры Георгия Мерчули, в Северной Абхазии находилось владение Шаро.

Сарматы, сменившие скифов, занимали господствующее положение на юге Европейской части нашей страны, начиная со II в. до нашей эры и кончая IV—V вв. нашей эры, пока они не утратили политической самостоятельности, вследствие нашествия гуннов.

Кроме вышеизложенного, для И. А. Джавахишвили подтверждением иранского происхождения названия сармат и сарматского языка служило то обстоятельство, что из 425 негреческих имен Черноморья 258 (по В. С. Миллеру) — негреческие, а иранских — лишь 167. На основании всего этого, И. А. Джавахишвили пришел к выводу о родстве сарматов с грузинскими и персидскими иберийско-кавказскими народами.

Скифско-сарматская проблема является одной из важнейших в истории народов Северного Кавказа и южных районов России. Гипотеза И. А. Джавахишвили о родстве сарматов и иберийско-кавказских народов нуждается в дальнейшем изучении. Нельзя считать окончательно решенным и вопрос о роли иранских народов в создании скифской и сарматской культур.

В последние века до нашей эры и в первые века нашей эры греки вели оживленную торговлю с народами Кавказа на Черноморском побережье. Центром этой торговли была Диоскурия, куда стекалось, по данным Страбона, около 300 народов. Для связей с народами Кавказа греки вынуждены были держать здесь 180 переводчиков.

Поздние римские авторы и византийские писатели сообщают мало что нового о народах Кавказа.

В эпоху раннего средневековья Кавказ был предан забвению. Сведения о нем не пополнялись. Северный Кавказ как бы оставался в стороне от мирового политического, экономического и культурного развития. Все это способствовало сохранению пережитков древнего состояния развития человеческого общества в различных районах Кавказа.

К ИЗУЧЕНИЮ СВЕДЕНИЙ СРЕДНЕВЕКОВЫХ АРАБСКИХ ПУТЕШЕСТВЕННИКОВ О ГОРСКИХ КАВКАЗСКИХ НАРОДАХ И ИХ ЯЗЫКАХ

Сочинения средневековых арабских путешественников и географов почти не изучены с точки зрения выявления содержащихся в них фактов, относящихся к истории и языкам народов Северного Кавказа и Дагестана. Материалы Н. А. Караулова «Сведения арабских писателей о Кавказе, Армении и Азербайджане»¹ далеко не полностью отражают содержание указанных сочинений арабских путешественников и географов.

Тем не менее изучение материалов, извлеченных Н. А. Карауловым из сочинений арабских писателей, представляет существенный интерес для средневековой истории Северного Кавказа и Дагестана, особенно если учесть отсутствие письменных памятников, восходящих к этой эпохе, на горских кавказских языках. Поэтому мы и обратились к этим материалам, рассматривая их в основном с точки зрения данных нахских языков.

¹ Н. А. Караулов. Сведения арабских писателей о Кавказе, Армении и Азербайджане. (Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Вып. 29, 30, 38).

Из средневековых арабских путешественников первые сведения о Кавказе оставил нам Ал-Истахрий¹, который писал примерно в 930-х годах нашей эры. В труде «Книга путей царств», в который он включил сочинения своего предшественника Ал-Балхия и свои собственные дополнения, рассказывается об Армении и прилегающих к ней странах. В указанном труде находим описание города Дербента (Баб-ул-Абваб).

Название Дербент — персидское слово, означающее *дер* — дверь, *бент* — преграда, застава. В то время город Дербент служил портом на Хазарском (Каспийском) море для народа «Серира», жившего в горах Дагестана. Мы не знаем почти ничего об этом народе. Ал-Истахрий не оставил никаких сведений о языке этого народа.

Заслуживают внимания сведения знаменитого арабского географа Якута (родился в 1179 г.) о Дербенте. Описание Дербента он дает в сочинении «Алфавитный реестр стран». По его словам, город окружают многочисленные враги (очевидно, немусульмане) разных национальностей. Такой отзыв Якута о народах, живших недалеко от Дербента, позволяет предполагать, что многие народы Южного Дагестана в то время еще не приняли магометанской религии. Якут указывает, что рядом с Дербентом есть гора Дзыб. Следовало бы изучить этот топоним, имея в виду, что, по данным Якута, в горах в районе Дербента проживало в то время около 70 племен, говоривших на различных языках.

По данным другого арабского путешественника X века Ал-Факиха, «В горах Кабх 72 племени, и каждое племя не понимает языка (говора) соседей иначе, как при содействии переводчика»².

Якут оставил также описание Тифлиса.

Арабские географы дают весьма скудные сведения об аланах, о хазарах, о стране хазар со столицей Итиль, находившейся в районе Астрахани, о хазарском городе Семендаре (по-видимому нынешняя Петровка или сел. Тарки), который, как можно полагать, был расположен вблизи территории современной Чечено-Ингушетии.

Ценные сведения о Кавказе и его народах находим и у известного арабского путешественника и географа Массуди, жившего в первой половине X века нашей эры. Сохранились некоторые тома его сочинения «Зеркало времени». Он также подчеркивает, что «В горах Кабх насчитывается 72 племени. Племена, разбросанные вокруг Кабха (т. е. Кавказских гор — Ю. Д.) один только господь может.. счесть»³.

Массуди оставил весьма скромные данные об аланах и их соседях кешоках (черкесах), у которых тогда не было своего царя, они не были объединены и были слабее (по словам Массуди).

Массуди писал об абхазцах и грузинах. Он указывал, что рядом с царством хазран (грузин) находится царство Самсаха. Царство Самсаха граничит с царством по имени Сапария, находящимся между Тифлисом и территорией занимаемой аланами.

Как видно из изложенного, в материалах средневековых арабских путешественников не находим никаких достоверных сведений о нахских племенах того времени, хотя хорошо известно, что последние жили в пределах современной Чечено-Ингушетии в VI—VII веках нашей эры,

¹ Н. А. Караулов. Сведения арабских писателей о Кавказе, Армении и Азербайджане. (Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа, вып. 29, Тифлис, 1901).

² Там же, вып. 31, стр. 56.

³ Там же, вып. 38, стр. 10—120.

как об этом свидетельствуют данные армянских исторических письменных памятников.

Что же касается некоторых топонимов и этнонимов неизвестного происхождения, представленных в охарактеризованных Н. А. Карауловым трудах арабских путешественников и географов, то они не поддаются объяснению на основании данных нахских языков.

СВЕДЕНИЯ В ДРЕВНЕАРМЯНСКИХ ИСТОЧНИКАХ О НАХСКИХ НАРОДАХ

Алфавиту Месропа Маштоца, 1600-летие со дня рождения которого было торжественно отмечено 27 мая 1962 года, человечество обязано наличием древнеармянских письменных памятников, вошедших в золотой фонд памятников всемирной истории и культуры человечества.

Трудно переоценить значение древнеармянских письменных памятников для истории народов Кавказа. В них содержатся древнейшие сведения о многих народах Кавказа, в том числе сведения о нахских народах. Эти памятники следовало бы тщательно изучить и затем собрать и опубликовать все содержащиеся в них сведения о народах Северного Кавказа и Дагестана. С этой целью следовало бы подготовить в вузах Армении молодых специалистов из числа представителей народов Северного Кавказа и Дагестана, хорошо владеющих какими-нибудь горскими кавказскими языками.

К сожалению, пока что приходится довольствоваться скудными данными, имеющимися в специальной литературе. К их числу относится само название чеченцев, впервые в истории зафиксированное в древних армянских письменных памятниках. Так, в «Армянской географии» Анани Ширакаци (VII в. н. э.) упоминаются кисты, туши и нахчаматьяны¹. Анализ структуры и слова *нахчаматьяне* и элементов, составляющих его, дает весьма ценные исторические сведения о чеченцах и их языке.

В указанной «Армянской географии» было обнаружено слово *нахчаматеанк*. Оно разлагается на следующие части: *нахча-мат-еанк*. Первая часть *нахча-* восходит к самоназванию чеченцев: [*нахчуо*:||*нохчуо*:]—«чеченец». Вторая часть — *-мат-* происходит от общенахского исконного слова — чеч., инг. *мотт* [*муотт*], бацб. *мотт* [*мотт*] — «язык». Третья часть — *-еанк* — суффикс множественного числа древнеармянского языка.

Таким образом, *нахчаматеанк* — это те, которые говорят на чеченском языке. Слово *нахчамат* образовано путем сложения двух основ. Образование нового слова путем сложения основ — наиболее древний и распространенный способ словообразования в нахских языках. При этом определяющее слово (основа), как правило, предшествует определяемому слову (основе), как в анализируемом этнониме. Даже в современных нахских языках определяющее слово интонационно сливается с определяемым, не получая никакого морфологического показателя: ср. чеч. *децигпондар* — «национальная балалайка» (дословно *дециг* — «дерево», *пондар* — «балалайка, гармонь», т. е. деревянная балалайка) и др. Таким образом, образование нового слова путем сложения, сочетания слов (основ) типа *нахчамат* — обычное явление для нахских языков.

Остановимся на анализе основы *нахча*. В современном чеченском литературном языке бытует это слово в форме *нохчо* [*нохчуо*:]—«чеченец», *нохчий* [*нохчи*:]—«чеченцы». В диалектах (например, в шатоев-

¹ Армянская география, приписываемая Моисею Хоренскому. Русский перевод Патканова, 1877, стр. 37.

ском) вместо корневого гласного [o], употребляемого в литературном, встречается корневой краткий звук [a]: *нахчо* [*нахчуо*].

Основой этого слова служит в современном языке *нахч* — окончание, [yo:] — словообразовательный суффикс, возникший следующим образом: *нахча в-а* — «чеченец есть», где *в-а* — «есть, быть» с классным префиксом *в-*. В результате стяжения эти два слова слились, конечный элемент связки *-а* выпал, а классный префикс *в-*, слившись с конечным гласным предшествующего слова, способствовал образованию дифтонга [yo:], являющегося словообразовательным суффиксом в современном языке. Следовательно, в именительном падеже ед. ч. это слово должно было оканчиваться на *-а*.

Что же касается корневого гласного [o], то этот звук вторичного происхождения. Он обусловлен вторичным чередованием гласных именных основ: *нохчо* < *нахчо*. Данный пример подтверждает, что вторичное чередование гласных именных основ — позднее явление в нахских языках.

Для истории нахских языков особенно ценной является форма второй части анализируемого сложного слова: *-мат-*.

Здесь представлена основа общенахского исконного слова: чеч., инг. *мотт* [*муотт*], баэб. *мотт* — «язык». В современных нахских языках сохранилась исходная форма основы этого слова с корневым гласным [a] только в некоторых косвенных падежах: чеч. *маттана* (дат. п., ед. ч.), *маттуо* (эрг. п., ед. ч.) и др. Переогласовка гласного корня здесь обусловлена первичным чередованием гласных именных основ. *Мотт* || *Муотт* < *Матт*.

Форма этого слова, зафиксированная в древнеармянском памятнике, позволяет полагать, что первичное чередование гласных именных основ получило развитие в более позднюю эпоху.

Заслуживает внимания и тот факт, что географическая карта Северного Кавказа, составленная древнеармянским автором¹, показывает, что еще в то время нахские племена в основном находились в тех же районах Северного Кавказа, где они живут и в наше время.

Дальнейшее углубленное изучение древнеармянских письменных памятников, можно надеяться, позволит найти новые факты, которые могут осветить ряд неясных вопросов древней истории народов Северного Кавказа и Дагестана.

КАРТВЕЛЬСКО-НАХСКИЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ СВЯЗИ И ДРЕВНЕГРУЗИНСКИЕ ИСТОЧНИКИ

Выше мы рассмотрели вопрос о генетическом родстве горских кавказских и картвельских народов и языков, изложили существующие точки зрения. Поэтому мы не будем здесь останавливаться на этом вопросе. Наша основная задача заключается в том, чтобы показать, какими материалами располагает современная наука по вопросу об исторических связях между картвельскими и нахскими народами и их языками.

В своих исследованиях советские археологи отмечают, что раскопки на Северном Кавказе и в Закавказье дают материалы, свидетельствующие о существовании в древности самобытной культуры коренных народов Кавказа². Эти данные представляют интерес не только для общей истории народов Кавказа, но и для решения генетических проблем.

¹ С. Т. Еремяк. Карта Армении по географии Анани Ширакаци, VII в. н. э.

² Е. И. Крупнов. Указ. соч., стр. 10.

По-видимому, упомянутые материалы доказывают существование культурно-исторических связей между народами Северного Кавказа и Закавказья, следовательно между картвельскими и нахскими народами, еще до нашей эры. Современная наука не располагает более точными данными об этих связях.

Этнографические исследования также выявляют много общих черт в материальной культуре, в быту, обычаях и нравах горских кавказских (в том числе нахских) и картвельских народов. Одни из этих черт могут быть общими для всех рассматриваемых народов, а другие — заимствованными. Древняя грузинская культура оказала влияние на развитие нахских народов.

Много общего мы находим в материальной культуре чеченцев и ингушей, живущих в районах, пограничных с Грузией.

В ономастике, топонимике и этнонимике обнаруживаются элементы, указывающие на культурно-исторические связи картвельских и нахских народов. В ономастике чеченцев и ингушей немало имен, восходящих к грузинскому языку (Тамара, Шатла, Шота и др.).

В Горной Тушетии и Панкисии встречаются топонимы нахского происхождения: *Царо* (бацб. *Царо*), *Цовата* (бацб. *Цовата*), *Индурта*, *Сагирта*, *Этельта*, *Мозарта*, *Дуиси* || *Дуисопели* (кист. *Дувюрт*); *Джокъоло* (кист. *Джекъалаюрт*), *Омало* (кист. *Омал-Юрт*), *Хорджа* (*Хорджаниэ*). Эти топонимы более позднего происхождения. Объяснение происхождения слов *Царо*, *Цовата* дано на стр. 62. Что же касается остальных топонимов, то почти все они, вероятно, восходят к собственным именам. Бацбийские села *Индурта*, *Сагирта*, *Этельта* и *Мозорта*, по преданию, названы именами четырех братьев, переселившихся из *Царо* в *Цовату*. Такие наименования кистинских сел, как *Дуиси* (*Дувюрт*), *Джокъоло* также восходят к собственным именам. Это подтверждается данными истории. Село *Дуиси* было основано бывшим наибом Шамиля в горной Чечне *Дуем*, а село *Джокъоло* — жителем *Маисты Джокъоло*¹.

Более древнего происхождения наименования населенных пунктов в Горной Тушетии, от большинства которых в настоящее время сохранились только одни развалины: *Хисо*, *Дикло*, *Чигло*, *Чешо*, *Чонтло* (бацб. *Чонтл*), *Парсма* (бацб. *Пхьарсма*). В настоящее время трудно объяснить происхождение названий этих сел. По «народной этимологии» тушин, например, *Хисо* происходит от нахского слова *хи* — «вода» (недалеко от этого населенного пункта протекает река), *Дикло* — от нахских слов *дикл* — «топор», *ло* — «дает». Поводом для такого объяснения происхождения этих слов могло послужить почти одинаковое звучание указанных слов.

Из названий местностей заслуживает внимание *Амбарч* || *Аумбарж* — *Алазнистави* (< по-грузински) — Алазанские горы — огромная живописная котловина, окруженная зелеными склонами гор, служащими прекрасными альпийскими пастбищами. Над этой котловиной возвышается гора *Борбало* (круглая гора), у подножия которой находится озеро (бацб. *Аум*, чеч. *Ам* — «озеро»), откуда берут свое начало несколько рек, например: Алазань, Риюни, Аргун. Объяснение происхождения бацбийского сложного слова *Амбарч* || *Аумбарж*, состоящего из двух исконно нахских основ, дано в нашей работе «Бацбийский язык»².

¹ И. Ю. Алироев. Кистинский диалект чеченского языка. Грозный, 1962, стр. 3—4.

² Ю. Д. Дешериев. Бацбийский язык, стр. 340—341.

В этнонимике также находим разные пласты, отражающие культурно-исторические связи между нахскими и картвельскими народами в различные исторические эпохи. Так, сравнительно недавнего образования этнонимы *цловец* — «цовец», т. е. житель Цоваты, *цловатлушин* — «цловатушин», (состоит из двух слов *цлов* и *луш...*). По-видимому, более древнего происхождения грузинское название чеченцев — *кисты*, *кистины*¹.

В Грузии чаще всего бацбийцев называют тушинами. Это слово древнего происхождения. В 1945 г. академик Джанашиа говорил пишущему эти строки, что слово *тушин* встречается в древнегрузинских письменных памятниках, восходящих к VI веку н. э. Он полагал, что это слово заимствовано из турецкого в то время, когда оно означало «стрелок». По-видимому, жители Горной Тушетии были хорошими стрелками. Поскольку тушинами называют не только бацбийцев, но и грузин — чагминцев, перекительцев, говорящих на архаичных диалектах грузинского языка, неизвестно, кого первоначально называли тушинами.

Мы здесь не останавливаемся на утверждениях Н. Я. Марра, не подтверждаемых данными истории, о том, что некоторые нахские племена некогда господствовали на Кавказе, «...судя по отложениям их языка во многих кавказских языках»².

Говоря об «отложениях», например, «языка бацбийцев во многих кавказских языках», Н. Я. Марр ссылался на факты весьма случайного характера. «Анализ пережиточных географических названий вскрывает на протяжении мегрельской территории вплоть до первичной межи с чанами господство (разрядка наша — Ю. Д.) таких чуждых и мегрельской, и абхазской речи фонетических явлений, как исчезновение носового *n* в паузе, продвижение гласного или расклинивание им согласных, что невольно приходится заключать о привхождении в крае языка... типа цловатушинского или бацбийского, в котором те же звуковые особенности наблюдаются как закон»³. Исторический анализ таких фактов и их научное обоснование путем применения устоявшихся в науке методов или новых приемов исследования отсутствуют у Н. Я. Марра.

Наиболее показательными для характеристики культурно-исторических связей между нахскими и картвельскими народами являются лексические заимствования из картвельских языков, наличествующие в нахских языках. В них (лексических заимствованиях) также устанавливаются пласты, относящиеся к различным историческим эпохам. Имеется ряд работ, в которых показаны слова, заимствованные нахскими языками из картвельских. Так, в черновых материалах Н. Ф. Яковлева, относящихся к 1938—1939 гг., перечислено несколько десятков слов, заимствованных чеченцами и ингушами из картвельских языков. Этому вопросу посвящена специальная статья Т. Б. Гониашвили⁴. Факты, связанные с лексическими заимствованиями нахских языков из грузинского, имеются в работах А. Н. Генко, Д. С. Имнайшвили, Р. Р. Гагуа, Д. Кадагидзе, К. Чрелашвили и др. Грузинскому слою лексики бацбийского языка посвящен специальный раздел в нашей работе⁵. Доктор филологических наук В. И. Абаев в статье «Осетино-вей-

¹ Армянская география, стр. 38.

² Н. Я. Марр. Избранные работы, т. V, стр. 81.

³ Там же, стр. 26.

⁴ Т. Б. Гониашвили. Лексические сходства чеченского с картвельскими языками. Известия Института языка, истории и материальной культуры. Груз. фил. АН СССР, т. V—VI, 1940, стр. 576 сл.

⁵ Ю. Д. Дешериев. Бацбийский язык, стр. 322—344.

нахские лексические параллели»¹ приводит около 50 слов, заимствованных чеченцами и ингушами из картвельских языков. В этих работах отмечены основные слова, заимствованные нахскими языками из грузинского и через него из других.

К сожалению, нет специальных работ, характеризующих слова, заимствованные картвельскими языками из нахских. Правда, в трудах Н. Я. Марра и некоторых других кавказоведов приводятся отдельные слова, которые считаются восходящими к нахским языкам.

Картвельско-нахские лексические параллели можно разделить на следующие группы:

1) Слова, которые трудно считать заимствованными. Они, по-видимому, относятся к общему, исходному лексическому фонду картвельских, нахских языков: чеч. *хан*, баб. *хӀ*, инг. *ха*, груз. *хани* — «время»; чеч., баб. *хи*, инг. *хий* — «вода, река», груз. *хев-и* — «ущелье»; чеч. *бага*, инг. *баге*, баб. *бак* — «рот, уста»; чеч., инг. [*кьо:там*], баб. [*ко:там*], груз. *катами* — «курица» и др.

2) Слова, заимствованные из грузинского и через него из других языков. Эти слова подразделяются на следующие подгруппы:

а) названия домашних животных: чеч. *джӀӀаьла*||*джӀӀа(ь)ли*, инг. *джӀӀали*, груз. *дзагӀли*, мегр. *джали* — «собака вообще» (ср. исконно нахские: чеч., инг. *пхӀу* — «кобель», *дзуд* — «сука»); чеч. *цициг*, инг. *циск*, груз. *цица*||*цици* — «кошка»; чеч., инг. *вир*, груз. *вири* — «осел»; чеч. *эмкал*, инг. *инкал*, груз. *аклеми* (из араб.) — «верблюд».

б) названия диких животных и птиц: чеч., инг. *луом*, груз. *ломи* — «лев»; чеч. [*куь:ра*], инг. *кер*, груз. *кори* — «ястреб»;

в) термины материальной культуры (названия орудий труда, предметов домашнего обихода и др.): чеч., инг. *мангал*, груз. *мангали* — «коса»; чеч., инг. *херх*; груз. *херхи* — «пила»; чеч., инг. *чарх* — «колесо, точильное колесо», груз. *чархи* (из персид.), чеч., инг. *ага*, груз. *акӀвани* — «колыбель»; чеч. *чами* — «половник», инг. *чами* — «чашка», груз. *джамы* (из персид.); чеч., инг. [*гьо:та*] — «плуг с упряжью», груз. *гутани* — «плуг»; чеч., инг. *цаца*, груз. *сацери* — «сито»; чеч., инг. [*гали*], груз. *гваллаги* (из персид.) — «мешок»; чеч. *гиерка*, инг. *гиерака*, груз. *гирванки* (из персид.) — «фунт»; чеч. *шьялта*, инг. *шалта*, груз. *шелти* — «кинжал»; чеч., инг. *киема* — «лодка, судно, корабль»; груз. *геми* — «барка» и др.;

г) разные заимствованные слова, относящиеся к древнему периоду: инг. *боал*, чеч. *бал*, груз. *бали* (из персид?) — «вишня»; чеч., инг. *кӀир*, груз. *кӀири* — «известь»; чеч., инг. *хуох*, груз. *хахви* — «лук»; чеч., инг. *буохча* — «кошелек», груз. *бохча* — «мешочек»; чеч. *джайна*, инг. *джай* — «книга, религиозная книга», груз. *джагни* и др.;

д) дни недели, их следует отметить особо. Они свидетельствуют о том, что у чеченцев и ингушей существовала христианская религия еще задолго до появления магометанства. «Все авторы, писавшие о чеченском народе, единогласно свидетельствуют о том, что чеченцы в древности были христианами, — писал Б. Далгат. — Предание, записанное Лаудаевым и другими авторами, из коих особенного внимания заслуживает г. Ахриев, как природный чеченец, гласит, что предки современных чеченцев были «крестанами»².

¹ В. И. Абаев. Осетино-вейнахские лексические параллели. Известия Чечено-Ингушского научно-исследовательского Института истории, языка и литературы. Том I, выпуск II. Языковедение. Грозный, 1959, стр. 115—117.

² Б. Далгат. Первобытная религия чеченцев. Терский сборник, вып. 3, кн. 2, Владикавказ, 1893, стр. 44.

По словам Б. Далгата, «лучшим памятником бывшего в Чечне христианства является церковь «Тхаба-Ерда» (т. е. две тысячи святых или по другому переводу—святой двух тысяч), находящаяся в долине реки Ассы. Об этой церкви знают почти все чеченцы; о ней писали и Гюльденштедт и Паллас и многие другие, но окончательное исследование ее выпало на долю профессора В. А. Миллера, возглавлявшего археологическую экспедицию. По словам Гюльденштедта и др. авторов, в этой церкви хранились священные иконы и рукописи, а стены ее были украшены надписями. Миллер уже не застал книг, но часть надписей еще сохранилась и сделана достойным науки. Первая надпись на камне гласит, что церковь построена царем Давидом (патроном) в округе епископа Георгия в 830 году по Р. Хр. Перевод сделан грузинским археологом г. Бакрадзе и свидетельствует о том, что еще в начале XI в. по Р. Хр. г р у з и н ы распространяли христианство среди горных чеченцев. Предания как осетин, так и балкарцев и чеченцев приписывают постройку многочисленных церквей по всем горам Кавказского хребта именно грузинам и приурочивают к царствованию знаменитой царицы Тамары (царствовавшей с 1184 по 1212 гг.) ...Конечно, как свидетельствует надпись, начало появления христианства в Чечне следует отнести к раннему периоду, но, несомненно, распространение его на всю горную Чечню вернее всего приурочить к XI—XII векам. ...Как известно, в самой Грузии начало христианства должно быть отнесено еще к IV столетию, к св. Нине»¹.

К числу наиболее убедительных фактов существования христианства у чеченцев и ингушей относятся и названия дней недели в нахских языках. Большинство из них заимствовано из грузинского языка и через него из греческого. Собственно нахские названия дней недели моделированы по грузинским и греческим образцам:

	г р у з .	ч е ч .	и н г .	б а ц б
суббота	— <i>шабати</i>	<i>шуот</i>	<i>шуот</i>	<i>шабат</i>
воскресенье	— <i>кIвири</i>	<i>кIира</i> (<i>кIираң де</i>)	<i>кIиранди</i>	<i>кIвира</i>
понедельник	— <i>оршабати</i>	<i>уоршуот</i>	<i>уоршуот</i>	<i>оршабат</i>
вторник	— <i>самшабати</i>	<i>шинара</i>	<i>шинара</i>	<i>шина</i>
среда	— <i>отхшабати</i>	<i>кхаара</i>	[<i>кхав:ра</i>]	<i>кхо</i>
четверг	— <i>хутшабати</i>	<i>йеара</i>	[<i>йие:ра</i>]	<i>дIъив</i>
пятница	— <i>пIараскIеви</i>	<i>пIераска</i>	[<i>пIав:раска</i>]	<i>пIараскI</i>

Из этих данных видно, что заимствованными являются наименования четырех дней: груз. *шатаби* (из греч.), чеч. *шуот* — «суббота», груз. *кIвири*, чеч. *кIиран де* — (дословно) «воскресный день», «воскресенье», груз. *оршабати* — (дословно) «вторая суббота», чеч. *оршот* (из собственно груз. *ори* — «два» и груз. (<греч. *шабат*); груз. *пIараскIеви* (<греч.), чеч. *пIераска* — «пятница». Названия же остальных дней означают: чеч. *шинара* — (дословно) «второй», «вторник», *кхаара* — (дословно) «третий», «среда», *йеара* — (дословно) «четвертый», «четверг».

Труды И. А. Джавахишвили, А. С. Чикобава, Г. А. Меликишвили, В. Н. Гамрекели и некоторых других исследователей истории картвельских народов и их языков показывают большое значение данных грузинских источников и топонимики Грузии для изучения древней и средневековой истории нахских народов.

¹ Б. Далгата. Указ. соч., стр. 46—47.

Все эти факты свидетельствуют о существовании древних культурно-исторических связей между кавказскими и нахскими народами. Несомненно, они получили какое-то отражение в древнегрузинских письменных памятниках, к сожалению, до сих пор не исследованных в этой части. Проведение такой работы явилось бы существенным вкладом в изучение древней истории кавказских народов.

К ВОПРОСУ О ПРАРОДИНЕ ИБЕРИЙСКО-КАВКАЗСКИХ НАРОДОВ

Как подчеркивается в «Очерках истории СССР», «В настоящее время становится все более и более очевидным, что южные области СССР — Закавказье, Средняя Азия и, по-видимому, Причерноморье — входили в пределы той обширной зоны Старого Света (южных областей Европы, Азии и Африки, отличавшихся теплым и влажным климатом), где несколько сот тысяч лет тому назад произошло выделение человека из мира животных. В пределах этой зоны были найдены остатки высокообразованных человекообразных обезьян, живших здесь в предшествующие появлению человека геологические периоды. В более поздних напластованиях этих же областей найдены и следы обитания древнейших людей — их орудия, места стоянок, а также остатки самого человека, заметно еще отличающегося от современных людей и во многом похожего на своих животных предшественников — высших (человекообразных) обезьян»¹.

К аналогичному выводу приходят и советские археологи. «Доказано, — пишет Е. И. Крупнов, — что, скажем, Закавказье даже входило в зону очеловечивания обезьяны. Открыты самые древние в СССР стоянки и стоянки человека каменного века. Больше того, создана гипотеза (С. Н. Бибииков) о том, что первое расселение древнейших племен на Европейской части СССР шло именно с Кавказа. Прослежен самобытный характер культурного развития населения Кавказа. Установлены факты древнейших связей кавказских культур с известными цивилизациями Древнего Востока (III тыс. до н. э.) Доказано очень раннее индустриальное развитие на Кавказе выделки бронзы, а позднее и железа. Зафиксировано очень раннее появление гончарного круга и градостроительства»².

Все это обуславливает необходимость пересмотра некоторых теорий, содержащих утверждения о передвижении еще в доисторические времена абхазо-адыгских, дагестанских и нахских народов из района Средиземного моря на Кавказ.

В этом отношении особенно показательными являются работы Н. Я. Марра. Он писал: «Коренные кавказские народы, даже коренные кавказские языки есть явление не местного происхождения. Яфетическая семья, к которой принадлежит первоначальное население Кавказа, здесь пришлые люди, так же, как появившиеся затем последовательно ариевропейцы и турки, не говоря о других не внедрявшихся целыми племенами народных массах, с тем, однако, различием, что яфетическая семья эмигрировала с соседящей с юга прежней территории ее расселения, если не прародины, из Месопотамии, естественно разливаясь этническими массами в близлежащие кавказские страны»³.

¹ Очерки истории СССР, М., 1956, стр. 15.

² Е. И. Крупнов. О чем говорят памятники материальной культуры Чечено-Ингушской АССР, Грозный, 1961, стр. 10.

³ Н. Я. Марр. Племенной состав населения Кавказа. Петроград, 1920, стр. 10—11.

Данные современной науки позволяют не согласиться с этими утверждениями Н. Я. Марра.

Возможность обособленного формирования и развития иберийско-кавказских народов на самом Кавказе доказывается целым рядом факторов принципиального значения. К ним относятся данные:

1) истории и культуры древнего общества; 2) археологии; 3) этнографии; 4) языкознания.

Выше уже говорилось о данных археологии, по истории и культуре древнего общества.

Хорошо известно, что иберийско-кавказские народы, как и все народы мира, обладают самобытными этническими чертами, своеобразным бытом, самобытной культурой, отличающими их во многом от всех остальных народов. История Кавказа последних двух тысяч лет показала, что этнические, этнографические особенности иберийско-кавказских народов обладают исключительной устойчивостью. Они были восприняты полностью или частично представителями иранских (например, осетинами, быт, материальная и духовная культура которых мало чем отличаются от материальной и духовной культуры, быта иберийско-кавказских народов). Специфические этнографические особенности каждого из народов Кавказа охарактеризованы в коллективном труде «Народы Кавказа»¹.

Говоря о данных языков иберийско-кавказских народов, особое внимание должно быть обращено на следующие важнейшие моменты: 1) существование особой семьи кавказских языков, генетически не связанной ни с одной из известных науке групп языков; 2) отсутствие каких-либо лингвистических фактов, которые свидетельствовали бы о том, что на Кавказе обитали какие-то другие народы еще до появления там иберийско-кавказских народов; 3) наличие достоверных фактов, свидетельствующих об иммиграции на Кавказ всех известных в истории народов в более поздние эпохи; 4) наличие смешанной, весьма пестрой по своему составу топонимики, этнонимики и ономастики, в которых отразились неоднократные внутренние (в пределах Кавказа) передвижения самих иберийско-кавказских народов, вызывавшие многократное перераспределение этнических единиц. Все это обуславливало изменение племенного состава населения различных районов Кавказа в разные исторические эпохи.

Из всего изложенного выше с логической необходимостью следует:

1) Прародиной иберийско-кавказских народов является Кавказ, главным образом южные районы Кавказа:

2) В пределах Кавказа эти народы многократно передвигались в самых различных направлениях — с юга на север, с севера на юг, с востока на запад, с запада на восток и т. д.

3) В своем стремлении выйти за пределы Кавказа в сторону Юга — в Малую Азию, в район Средиземного моря — они могли столкнуться с индоевропейскими племенами, искавшими выход за пределы Средиземного моря в сторону Кавказа и оттеснившими впоследствии иберийско-кавказские народы с юга Кавказа в его центральные районы, а также к южному и западному побережью Каспийского моря и к южному и восточному побережью Черного моря.

4) В дальнейшем они могли (еще в далекие доисторические времена) передвинуться в северные и западные районы Кавказа, а также в районы Кубани и Прикаспийских степей. Еще в первом тысячелетии до

¹ Народы Кавказа, том I, М., 1960.

н. э. их оттеснили в глубь гор Северного и Западного Кавказа мощные волны кочевников, занявших сначала Прикаспийские степи, районы Кубани и низовья Дона, а затем и часть предгорных районов Северного и Западного Кавказа.

Именно это последнее состояние передвижения народов в различных районах Кавказа и в областях, непосредственно примыкающих к Кавказу, и отразилось в сведениях античных писателей о Скифии, о Кавказе и его народах.

ИСТОРИКО-ЭТНОЛОГИЧЕСКИЕ И ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ДРЕВНЕЙ ИСТОРИИ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА И ДАГЕСТАНА

Историко-этнологические и лингвистические проблемы Северного Кавказа и Дагестана стали особенно актуальными за последние полтора — два столетия.

Значение изучения этих проблем выходит далеко за пределы Кавказа. Успешная разработка указанных проблем могла бы пролить свет на неясные вопросы происхождения и развития скифско-сарматской культуры, на историю древней Кавказской Албании, Мидии, Урарты, на проблемы, связанные с пребыванием хазар, гузнов на Кавказе, с нашествием татаро-монгольских кочевников, с арабскими завоеваниями на Кавказе, а также на вопросы, касающиеся древних культурно-исторических связей народов Северного Кавказа и Дагестана со славянами, древними греками, римлянами, древними народами Ближнего Востока.

Нет нужды особо подчеркивать, какое громадное значение имеют рассматриваемые проблемы для изучения древней истории и языков самих народов Северного Кавказа и Дагестана.

За последние два — три десятилетия советскими учеными созданы капитальные труды, в которых освещаются вопросы скифско-сарматской культуры¹, истории Кавказской Албании², Мидии³, хазар⁴, Наири-Урарты⁵, урартских клинообразных надписей⁶, по археологии Северного Кавказа и Дагестана⁷. В разработке урартского языка большую роль сыграли труды И. И. Мещанинова⁸.

Для освещения некоторых историко-этнологических проблем народов Северного Кавказа и Дагестана существенный интерес представляют труды И. А. Джавахишвили⁹. Советские языковеды внесли ценный вклад в исследование иберийско-кавказских языков (труды А. С. Чикобава, А. Г. Шанидзе, Н. Ф. Яковлева, В. Т. Толуриа, Е. А. Бокарева и др.).

Несмотря на большие достигнутые успехи, историко-этнологические и лингвистические проблемы Северного Кавказа и Дагестана остаются все еще слабо разработанными. Наличие исторические и археологические материалы в основном изучены и обобщены (правда, предстоят

¹ В. И. Абаев. Осетинский язык и фольклор. М., 1949.

² К. В. Тревер. Очерки по истории и культуре Кавказской Албании, М., 1959.

³ И. М. Дьяконов. История Мидии. М.—Л., 1956., И. Алиев. История Мидии. Баку, 1960.

⁴ М. И. Артамонов. Очерки древнейшей истории хазар. М., 1936.

⁵ Г. А. Меликишвили. Наири-Урарту, Тбилиси, 1954.

⁶ Г. А. Меликишвили. Урартские клинообразные надписи. М., 1960.

⁷ Е. И. Крупнов. Древняя история Северного Кавказа, М., 1960.

⁸ И. И. Мещанинов. Грамматический строй урартского языка. М.—Л., 1958.

⁹ И. А. Джавахишвили. Историко-этнологические проблемы Грузии, Кавказа и Ближнего Востока, Тбилиси, 1950.

большие археологические исследования на Северном Кавказе и Дагестане). Однако нет еще достаточно углубленных сравнительных исследований по отдельным группам кавказских языков, которые могли бы осветить нерешенные историко-этнологические и лингвистические проблемы истории горских кавказских народов и их языков.

Для разработки рассматриваемых проблем истории, археологи в настоящее время располагают: 1) сведениями античных авторов; 2) материалами о языческом пантеоне, легендах и преданиях некоторых древних народов; 3) перечнем этнических и топонимических наименований, собственных имен, встречающихся в древних греческих, римских, армянских и арабских источниках; 4) исследованиями и материалами по истории и культуре скифов, сарматов, Кавказской Албании, Урарты, Мидии, Армении и Грузии; 5) археологическими материалами; 6) исследованиями по современным языкам народов Кавказа, а также по истории грузинского и осетинского языков.

Данные же истории самих горских кавказских языков почти не используются для изучения древней истории Кавказа и многочисленных народов, населявших его с древних времен. Между тем, они (горские кавказские языки) дают наиболее ценный и надежный материал, который может быть положен в основу при решении целого ряда проблем, относящихся к топонимике, этнонимике, языческому пантеону, ономастике древних народов Кавказа, к их генетическим и культурно-историческим связям с народами Ближнего Востока. Проблемы генетических и культурно-исторических связей горских кавказских народов и их языков с племенами и языками Кавказской Албании, Мидии, Наири-Урарты, Ближнего Востока, с создателями скифско-сарматской культуры, проблемы прародинны горских кавказских народов, их расселения на Кавказе в древний период и др. не могут быть решены (без участия специалистов по горским кавказским языкам. Несмотря на это, подавляющее большинство исследователей указанных языков стоят в стороне от этих проблем. Мы, языковеды, в большом долгу перед археологами, антропологами, историками и этнографами, работающими в этой области.

Задача кавказоведов-языковедов, занимающихся сравнительно-историческим изучением горских кавказских языков, состоит в том, чтобы не только попытаться осветить лингвистически указанные проблемы, но и дать надежный лингвистический материал для историков, археологов, этнографов, антропологов. Именно эту цель мы и преследуем в значительной мере в данном исследовании. Хотелось бы, чтобы наши скромные усилия в этом направлении, основанные главным образом на данных нахских языков, были поддержаны и продолжены другими специалистами по горским кавказским языкам.

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ КАВКАЗСКОЙ АЛБАНИИ И ГОРСКИЕ КАВКАЗСКИЕ НАРОДЫ И ИХ ЯЗЫКИ

Древняя Кавказская Албания продолжает привлекать к себе внимание широкого круга историков, археологов, этнографов, языковедов. Античные греческие и римские писатели, древние армянские авторы, средневековые арабские путешественники и географы рассказывают о Кавказской Албании, которую некоторые авторы относят к тем областям, «лежащим на юге от Кавказа, где была первая колыбель человеческого рода — богатые поляны Иберии, Албании, Колхиды и Арме-

ний¹. После разрушений, причиненных Албании нашествием Помпея в 65 г. до нашей эры, христианством, гуннами, хазарами, арабами, мало что сохранилось для истории от культуры Кавказской Албании. Поэтому очень трудно восстановить историю Албании, объяснить, каким народом она была создана, на каком языке говорил этот народ.

И все же многое сделано советскими учеными по изучению истории и культуры Кавказской Албании.

В фундаментальном труде К. В. Тревера «Очерки по истории и культуре Кавказской Албании» поставлены и освещены основные проблемы этой страны, сделана попытка показать в той мере, в какой это позволяют источники, картину политической истории и культурной жизни албанцев, одного из трех основных древних народов Закавказья, наименее известного и очень мало изученного, хотя он является одним из предков народов закавказского Азербайджана и горного Дагестана»².

В подавляющем большинстве исследований, посвященных истории и культуре Кавказской Албании, существовавшей примерно с IV в. до нашей эры по VII в. нашей эры, албанские проблемы освещены, главным образом, с точки зрения данных древних греческих, римских, византийских, армянских, грузинских и арабских источников.

Насчитывается немного работ, в которых вопросы, относящиеся к Кавказской Албании, рассматриваются на основании данных горских кавказских народов и их языков. К числу наиболее важных из них относятся труды академика АН Грузинской ССР члена-корреспондента АН СССР А. Г. Шанидзе³.

Для кавказоведов—специалистов по истории горских кавказских народов и их языков—наиболее существенными являются следующие вопросы, относящиеся к Кавказской Албании: 1) отношение истории и культуры Кавказской Албании к истории и культуре горских кавказских народов; 2) отношение древних албанцев к горским кавказским народам; 3) отношение языка древних албанцев к горским кавказским языкам.

Вопрос об отношении истории и культуры Кавказской Албании к истории и самобытной культуре горских кавказских народов нуждается в комплексном освещении—на основании данных истории, археологии, этнографии, языкознания. Культура Кавказской Албании была довольно высокой для своего времени. Кем она была создана? Не была ли она завезена завоевателями? В каких связях она, эта культура, находилась с культурой других древних народов Закавказья и Ближнего Востока? Какова была роль аборигенов Кавказской Албании в создании этой культуры? В освещении этих вопросов языковедам принадлежит весьма скромная роль.

Что же касается вопросов об отношении древних албанцев и их языка к горским кавказским народам и их языкам, о происхождении названия «Албания», то в их решении важную роль должны сыграть языковеды. От правильного освещения последних вопросов зависит во

¹ Ф. К р у з о. О важности южнокавказских областей России в отношении антикварном и о Птоломее, главном писателе в рассуждении географии сей страны. Журнал Министерства народного просвещения, 1835, часть V, стр. 424.

² К. В. Т р е в е р. Очерки по истории и культуре Кавказской Албании. М.—Л., 1959, стр. 3.

³ А. Г. Ш а н и д з е. Новооткрытый алфавит кавказских албанцев и его значение для науки. (Известия Института языка, истории и материальной культуры Грузинского филиала АН СССР, т. IV, 1938); его же. Новые данные об алфавите кавказских албанцев. (Второй список албанского алфавита). Труды первой конференции кавказских университетов, Баку, 1959; его же. Язык и письмо кавказских албанцев, М., 1960.)

многим и решение проблемы истории и культуры древней Кавказской Албании.

Существуют различные точки зрения по вопросу о происхождении наименования «Албания». «Происхождения названия «Албания» (в передаче греческих и латинских авторов) и «Алванк» (в армянской передаче) до сих пор остается невыясненным. Осложняется, казалось бы, вопрос тем, что это же название носит страна на Балканах, что этот термин имеется в топонимике Италии и Шотландии. Объяснение происхождения этого термина от латинского *albus* — «белый» и приписывания римлянам создания этого наименования не обосновано»¹.

И действительно, трудно согласиться с объяснением происхождения этого слова, которое дают латинские писатели. Так, у Юлия Солина — латинского автора, писавшего свою компиляцию, исходя из данных *Naturalis Historia* Плиния, находим следующую характеристику албанцев: «Албанцы, живущие на берегу и считающие себя потомками Иасона, рождаются с белыми волосами, и седину их считают добрым знаменем, таким образом, цвет головы дал имя народу»². Эти фантастические доводы и легли в основу объяснения происхождения названия «Албания» от латинского *albus*. Кроме того, надо учитывать, что Кавказская Албания была известна древним грекам еще задолго до появления римлян на Кавказе.

Армянский историк Моисей Хоренский возводил название «Алванк» к имени легендарного родоначальника рода Сисака-Алу³.

Трудно согласиться с этим. Во-первых, страна с высокой для своего времени культурой вряд ли могла принять имя завоевателя и закрепить его за собой навеки взамен своего собственного имени. Во-вторых, Кавказская Албания была известна грекам и римлянам еще задолго до создания армянского алфавита Месропом Маштоцом. Следовательно, данные Моисея Хоренского могли быть почерпнуты из народных преданий и легенд, которые далеко не всегда отражают факты, имевшие место в истории.

Н. Я. Марр предполагал, что слово «Албания» обозначает «страна гор». В подтверждение этого предположения указывают на то, что древнее кельтское название Шотландии было «Албания»⁴. Кроме того, ссылаются на то, что слово «Альпы» происходит от кельтского *alp, aib* — «гора», «высокий». По словам Аммиана Марцеллина, албаны «получили свое имя от гор»⁵. По нашему мнению, мало вероятно, чтобы слово «Албания» обозначало «страну гор». По существу все «страны» Кавказа являются горными странами. Тем не менее они не названы «странами гор». Вместе с тем неясно, на каком языке слово «Албания» обозначает «страну гор».

Еще в «Энциклопедическом лексиконе» утверждалось, что название «Албания», можно полагать, «принадлежит к коренным именам того края»⁶. Автор этой статьи указывал на то, что древние греки «слово Албан произносили Алван, и замечательно, что в Ширване, где доселе сохранились многие собственные имена, упоминаемые Страбоном и Птолемеем, находится и теперь деревня Алван, одна из значительнейших областей Кабестинского округа»⁷.

¹ К. В. Тревер. Указ. соч., стр. 4.

² В. В. Латышев. Известия древних писателей (греческих и латинских) о Скифии и Кавказе, том II, 1906, стр. 276.

³ Моисей Хоренский. История Армении, М., 1893, кн. II, гл. 8.

⁴ The Encyclopaedia Britannica, Vol. II. Cambridge, 1910, p. 487.

⁵ Аммиан Марцеллин. Книга 31, гл. 2, 13.

⁶ Энциклопедический лексикон, том I, Спб., 1835, стр. 415.

⁷ Там же, том I, стр. 415.

Не исключена возможность, что деревня Алван в Ширванском районе своим названием обязана тушинам, которые с древних времен перегоняют свои отары из Горной Тушетии в Ширванские степи на зимний период. Дело в том, что в Кахетии есть тушинские села Земо Алвани—«Верхнее Алвани» и Квемо Алвани — «Нижнее Алвани». В Верхнем Алвани живут *цловатушины* (бацбийцы), а в Нижнем Алвани— *чагминцы* (тушины). Эти села расположены на левом берегу Алазани в Ахметском районе. Они занимают так называемое Алванское поле. По преданию бацбийцев, рассматриваемое место получило свое название в связи с тем, что там была резиденция какого-то царя, феодала или князя: от бацбийского (общенахского) слова *ал* (бацб. *ала*, чеч. *эла*, инг. *аьла*)—«князь, феодал» и в-а—«есть» (где в—префикс класса мужчин). Таким образом, слово *Ал-в-а-н* означает «князь (феодал) есть».

И действительно, в этом месте проводили лето некоторые кахетинские цари. Так, есть предание о том, что там была резиденция кахетинского царя Леона (умер в 1575 г.), покровительствовавшего бацбийцам.

Тушины (бацбийцы) могли основать в Ширване поселение и дать ему наименование своего села в Кахетии — Алван (Алвани). Такие факты в жизни скотоводов наблюдаются очень часто. Можно было бы ограничиться этим предположением, если бы некоторые языковеды не делали далеко идущих выводов из данных фактов.

Они объясняют происхождение не только названия сел Земо Алвани и Квемо Алвани (Земо и Квемо — грузинские слова) от нахского *Ал-ва||Алба*.

Исходя из приведенных выше фактов, они пытаются объяснить и происхождение слова Албания (Албан). По данным нахских языков (чеченского, ингушского и бацбийского), слово *Алба(н)* представляет собой форму мн. ч.—«князья (феодалы) суть». В составе этого слова классный показатель *-б-* выступает в качестве показателя мн. ч.

Так, на основании данных нахских языков делаются попытки объяснить происхождения слов *Ал-в-ан* и *Албан* как формы ед. ч. и мн. ч.

Если попытаться привести доводы, поддерживающие изложенное выше, то можно было бы указать на следующие моменты:

1) Нередко на Кавказе название какого-нибудь известного населенного пункта превращалось в этнический термин. Так, *будухи*, *крызы*, *хиналуги* живут в горах Северного Азербайджана (недалеко от южных границ Дагестана) в населенных пунктах Будух, Хиналуг и Крыз (крызцы имеют и другие населенные пункты). Их этнические термины восходят к названиям указанных сел. Этнические термины «чечен» (> чеченец), «ингуш» также восходят к наименованиям сел: чеч.— *Чечен(а)*, инг.— *Ангошт* и т. д.

2) Существует теория, согласно которой горские кавказские народы пришли на Северный Кавказ с юга через Армению, Азербайджан. Нахские племена могли дать название *Албан||Алван* одному из соседних народов или же одному из своих племен.

3) В истории имели место многочисленные случаи, когда одни народы давали имена другим. Так, наименование мидзичахи, данное кумыками одному из чеченских племен, в одно время получило распространение как этноним всех чеченцев. По словам доктора филологических наук В. И. Абаева, «...осетинские этнические термины *digor*, *twar* и др.— из кавказского мира»¹.

4) Этнический термин может восходить к названию одного из пле-

¹ В. И. Абаев. Осетинский язык и фольклор, т. I, М.—Л., 1949, стр. 246.

мен данного народа. Само название ингушей *гIалгIай* восходит к наименованию одного из сильных ингушских родов (племен)¹.

Конечно, все приведенные выше доводы в пользу терминов *Албан*|| *Алван* могут быть не более убедительными, чем доводы, связанные с обоснованием попыток других авторов объяснить происхождение рассматриваемого этнического термина иными путями. Тем не менее приходится заниматься такими рабочими гипотезами самого предварительного характера, поскольку в распоряжении современной науки нет иных средств объяснения происхождения названий таких древних народов, как кавказские албанцы.

В специальной литературе представлены разные мнения и по вопросу о происхождении албанцев. Так, Дионисий Галикарнасский полагал, что кавказские албанцы—переселенцы (эмигранты) из области Альба в Италии. Это утверждение мало убедительно. Как уже указывалось выше, Кавказская Албания была известна древним грекам еще задолго до появления римлян на Кавказе.

Из утверждения Н. Я. Марра² о том, что аварцы составляли основное албанское племя, явствует, что Кавказская Албания была создана союзом племен. Если в этом союзе племен основным племенем являлось аварское, то логично решать вопрос об этногенезе албанцев в пользу их генетического родства с горскими кавказскими народами. Известно, что и в наше время аварцы являются наиболее многочисленным народом из народов Дагестана.

По мнению С. В. Юшкова³, наиболее многочисленным албанским племенем являлись гаргары. Кто же такие были гаргары? О гаргарах писали античные писатели. О них писал и Моисей Хоренский: «... Месроп... создал письменный говор гаргарского, говора, богатого гортанными звуками, грубого, варварского, в высшей степени нескладного»⁴. По мнению Е. И. Крупнова⁵, гаргары — предки ингушей. Слово *гаргара* на ингушском языке означает «соседний, близкий, родственный». Лингвистически и исторически неправоммерно само название ингушей *гIалгIай* возводить к *гаргара*. Слово *гIалгIай* — более позднего и иного происхождения. Не является ли случайностью совпадение древнего этнического термина *гаргары* и ингушского (нахского) слова *гаргара* (чеч. *гергара* < *гаргара*)? На этот вопрос должны ответить языковеды, используя данные не только кавказских языков, но и истории и археологии. К сожалению, мы не в состоянии сейчас дать положительный ответ на поставленный вопрос.

В «Британской энциклопедии» было высказано предположение о лезгинском происхождении албанцев⁶. К аналогичному выводу пришли Р. Вейнхольд и Д. Трейде⁷, утверждавшие, что древние кавказские албанцы приняли участие в образовании современных народностей, Дагестана — аварцев. Однако этим еще не решается вопрос об этногенезе кавказских албанцев.

¹ Шиллинг. Ингуши и чеченцы. (Сборник Религиозные верования народов СССР) том II, 1931, М.—Л., стр. 9.

² Н. Я. Марр. Албанская надпись. КСИИМК, вып. XV, 1947.

³ С. В. Юшков. К вопросу о границах древней Албании. Исторические записки АН СССР, т. I, 1937.

⁴ Моисей Хоренский, кн. III, гл. 54.

⁵ Е. И. Крупнов. О чем говорят памятники материальной культуры Чечено-Ингушской АССР. Грозный, 1961, стр. 42.

⁶ Encyclopaedia Britannica, vol. I. Cambridge, 1910, 481.

⁷ R. Weinhold und D. Treide. Die Völkerschaften des Kaukasus im Altertum nach Verschiedenen antiken Autoren vom 6. Jahrhundert v. u. Zeitrechnung bis zum 2 Jahr. n. n. Z. Ethnographisch-archäologische Forschungen, Bd. I. Berlin, 1953.

Как явствует из сведений Страбона, в состав Кавказской Албании входило много племен. Имя в виду эти племена, Страбон писал, что «прежде каждое племя, имеющее свой язык, имело и своего царя»¹. Вместе с тем он отмечал: «Ныне один царь над всеми властвует»². Возможно, что союз племен Кавказской Албании во главе с одним царем возник в борьбе с сильными иноземными захватчиками, в том числе с римлянами, которые в середине I в. до нашей эры «впервые столкнулись с албанами на их территории во время походов Лукулла, Помпея и Антония...»³. Поскольку же Кавказская Албания была известна древним грекам задолго до появления римлян на Кавказе, то можно полагать, что и союз племен мог бы у них возникнуть значительно раньше, и что этнический термин *Албан*||*Алван* мог бы иметь и собирательное значение, независимо от того, был ли он первоначально названием одного племени или определенной социальной верхушки.

К сожалению, современная наука знает весьма мало о языке кавказских албанцев. По данным Страбона, «языков у них было двадцать шесть» вследствие недостаточного между ними [племенами] общения»⁴. Указание на такое количество языков позволяет думать, что основную часть населения Албании составляли горские кавказские племена. История не знает других народов в таком количестве, которые могли бы обитать в районах Северного Азербайджана и Южного Дагестана в первом веке до нашей эры.

По свидетельству армянских источников, албанцы имели письменность. В армянских письменных памятниках есть указание на то, что в стране албанцев Месроп Маштоц «возобновил их алфавит»⁵. Следовательно, можно думать, что в Кавказской Албании существовала своя письменность еще до создания для них Месропом Маштоцом новой письменности. Науке неизвестна старая письменность албанцев. Известно также на одном или на нескольких языках Кавказской Албании бытовала письменность.

Новое албанское письмо, которое было проанализировано А. Г. Шанидзе, принадлежало народу, жившему в IV—VIII вв. н. э. в восточной части современной Азербайджанской ССР, по обоим берегам реки Куры и достигавшему на западе и юго-западе границ Грузии и Армении. У армян он назывался *алуанк* (алуанты), а у грузин — *her-n-4* (эры)⁶. После тщательного исследования алфавита этого письма, А. Г. Шанидзе пришел к выводу, что «албанский язык был богат свистящими и шипящими звуками; так, например, вместо пяти армянских свистящих звуков имелось девять албанских, а вместо шести армянских шипящих — одиннадцать албанских.

Алфавит показывает, что албанский язык богат был также заднеязычными и гортанными звуками...

Принимая все это во внимание, приходим к заключению, что албанский алфавит, насчитывающий 52 знака, был языком кавказским.

По своему звуковому составу албанский язык близко стоял к современному удинскому языку, на котором говорят жители селений Варташена и Нидша»⁷.

¹ Страбон. Кн. XI, гл. 4, стр. 6.

² Там же.

³ К. В. Тревер. Указ. соч., стр. 306.

⁴ Страбон. Кн. XI, гл. 4.

⁵ К. В. Тревер. Указ. соч., стр. 307.

⁶ А. Г. Шанидзе. Язык и письмо кавказских албанцев. М., 1960, стр. 1.

⁷ А. Г. Шанидзе. Указ. соч., стр. 9.

Таким образом, анализ позднего албанского алфавита также свидетельствует о том, что албанцы и по языку должны были принадлежать к генетически родственным горским кавказским народам.

Благодаря раскопкам храма VI в. в Мингечауре удалось установить, что поздний албанский алфавит был довольно широко распространен в Кавказской Албании. Можно надеяться, что археологические исследования в Северном Азербайджане и Южном Дагестане бросят свет на старое албанское письмо, о котором имеется упоминание в армянских источниках.

Памятуя слова П. К. Услара «Быть может какому-нибудь неизвестному языку, которым говорят два—три десятка семей в глуби Дагестана, суждено бросить неожиданный свет на доисторические времена», я с особым интересом приступил в 1949 году к изучению так называемых «шахдагских языков», носители которых являются древнейшими обитателями горных районов Северного Азербайджана и Южного Дагестана. Я надеялся найти в будухском, крызском и хиналугском языках какие-то живые факты, которые могли бы бросить «неожиданный свет» на мало известную историю древней Албании, Мидии, Урарту, на языки, на которых говорили народы этих стран. Предварительное обследование крызского языка и его диалектов, будухского и хиналугского языков, предания и легенды крызов, будухов и хиналугов, их топонимики, этнонимики и ономастики мало что дали. Пришлось заняться по возможности углубленным изучением хиналугского и будухского языков. Около трех лет я посвятил хиналугскому языку и опубликовал монографию «Грамматика хиналугского языка». Монография «Будухский язык» готовится к печати.

Однако эти труды не дали ожидаемых исторических сведений для освещения историко-этнологических проблем древнего Кавказа. Правда, удалось внести некоторые уточнения в топонимику и этнонимику шахдагских племен. Выяснилось, что названия сел Хиналуг и Крыз не являются древними топонимами шахдагцев. Некоторые старики еще помнят древние названия указанных и некоторых других населенных пунктов. Так, хиналугцы называли село Крыз иначе, а именно Умплаь. Наличие смычно-гортанного звука *п* в составе этого слова позволяет думать, что оно горско-кавказского, а не тюркского происхождения. Не удалось выяснить значение этого слова.

Раньше хиналуги называли свое село, свой язык и свой народ *Кабтш//кетш*¹. Представители старшего поколения и сейчас употребляют часто это слово.

Можно надеяться, что дальнейшее углубленное изучение языков горских кавказских народов, их этнографии, топонимики и этнонимики, а также археологические исследования вооружат науку надежными фактами, материалами, которые помогут осветить нерешенные вопросы истории, культуры, языков, состава населения древней Кавказской Албании.

По нашему мнению, следовало бы попытаться выяснить, не существовала ли преемственная связь между урартским государством, его культурой, этническим составом и Кавказской Албанией. На такую мысль наводят факты из области топонимики. Можно сослаться на некоторые из них. Так, не существует ли историческая или преемственная связь между урартск. *alau-ini* — «владыческий», хурритск. *allai* —

¹ На это указывал и Р. Шаумян (Сборник Язык и мышление, вып. VIII, 1937, стр. 220).

«госпожа» (из allawa)¹, с одной стороны, и топонимическими терминами *Албан*||*Алван*?

Кроме того, следует учитывать, что урартское царство просуществовало примерно с IX в. до VI в. до н. э. Оно было разгромлено соседними племенами на рубеже VII—VI вв. до нашей эры². История Кавказской Албании, по данным письменных памятников, начинается с IV в. до н. э. Завоевание Закавказья арабами положило конец государственности Албании в VII в. н. э.³

К ВОПРОСУ О ГЕНЕТИЧЕСКИХ ВЗАИМООТНОШЕНИЯХ МЕЖДУ УРАРТСКИМ И НАХСКИМ ЯЗЫКАМИ

При постановке и решении проблем этногенеза на основе лингвистических фактов главным является вопрос о критериях доказательства генетического родства языков. Вопрос же о генетических взаимоотношениях между урартским и горскими кавказскими языками представляет собой лишь конкретный случай, причем спорный, для проверки и характеристики критериев доказательства генетического родства языков.

Генетическое родство таких языков, как, например, восточнославянские, германские, андо-цезские, адыгские, нахские, пермские, является самоочевидным. Здесь легко говорить о критериях их родства, поскольку в них представлено максимальное количество показателей, фактов, свидетельствующих об их родстве: в области лексики, фонетики, морфологии, синтаксиса.

Как известно, иначе обстоит дело, когда решается вопрос о принадлежности албанского языка к какой-либо группе индоевропейских языков, о хетском языке, или при постановке вопроса о родстве горских кавказских и картвельских языков, об урало-алтайском единстве или даже при решении вопроса о балто-славянской языковой общности и т. д.

С еще более трудным случаем приходится иметь дело, когда мы рассматриваем вопрос о генетических взаимоотношениях между урартским и нахскими языками. Здесь представлено минимальное количество фактов, да и эти факты носят разрозненный, бессистемный характер. Между тем хорошо известно, что главным аргументом родства языков служит системный характер устанавливаемых материальных, грамматических и т. д. элементов, звуковые соответствия, на основе которых обосновывается генетическое родство языков.

А как быть в таких случаях, когда фактов так мало, что трудно говорить или невозможно говорить о соответствии общей системы частных или подсистем, когда эти системы не даны.

Вместе с тем приходится учитывать, что в течение, скажем, двух-трех тысяч лет система языка настолько изменяется, что трудно установить общую основу языков, одни из которых перестали существовать примерно 2,5—3 тыс. лет тому назад, а другие, не имеющие древних письменных памятников, засвидетельствованы в живой речи через 2,5—3 тыс. лет спустя, т. е. с момента отмирания первых. С таким фактом и приходится иметь дело, когда мы говорим о генетических взаимоотношениях между урартским и горскими кавказскими языками.

При современном состоянии разработки сравнительно-историческо-

¹ И. М. Дьяконов. Указ. соч., стр. 39.

² Г. А. Меликишвили. Наир-Урарту. Тбилиси, 1954. Его же. Урартские клинообразные надписи, М., 1960, стр. 24.

³ К. В. Тревер. Указ. соч., стр. 1.

го метода приходится говорить о максимальных и минимальных критериях обоснования генетического родства языков. Это одна из важных проблем современного сравнительно-исторического языкознания. Вопрос о максимальном количестве критериев ясен, он не является дискуссионным в том смысле, что чем больше фактов, позволяющих говорить о максимальном количестве критериев доказательства, тем самоочевидным или доказанным является родство языков.

Что же касается минимального количества критериев обоснования генетического родства языков, то этот вопрос по сей день остается нерешенным, неясным, неопределенным.

Каково должно быть минимальное количество лексических, фонетических, морфологических, синтаксических фактов, звуковых законов или соответствий, на основе которых можно было бы утверждать о генетическом родстве рассматриваемых языков? Каков должен быть системный характер этих фактов? Рассматриваемое минимальное количество фактов должно ли быть различным для различных систем языков? Может ли быть в различных системах языков такое минимальное количество изолированно взятых исконных лексических, или морфологических или же синтаксических фактов, специфических для данной системы, семьи языков, на основе которых позволительно утверждать о генетическом родстве языков? Если бы можно было признать такие факты достаточно убедительными минимальными критериями генетического родства языков, то таковыми специфическими фактами для горских кавказских языков были бы факты, связанные с эргативной конструкцией и категорией грамматических классов. Но такого научно обоснованного минимального количества общепризнанных критериев для обоснования генетического родства языков нет. Об этом приходится только мечтать.

В этих условиях и ставится вопрос о генетических взаимоотношениях между урартским и горскими кавказскими языками. Но положительное или отрицательное решение этого вопроса, если не сказать целиком и полностью, то по крайней мере в значительной степени зависит от решения другого вопроса, а именно — вопроса о минимальном количестве критериев для обоснования генетического родства тех или иных языков, в данном случае — горских кавказских и урартского.

Вопрос о возможных генетических связях между горскими кавказскими и урартским имеет свою историю. Об этом будет сказано ниже. По нашему мнению, вопрос этот должен быть рассмотрен в трех планах или аспектах, т. е. в плане выяснения того, имеем ли мы дело с фактами: 1) генетического характера; 2) культурно-исторического характера (заимствований, воздействия одного языка на другой и т. д.); 3) типологического характера (т. е. плане типологических сходжений). Некоторые факты как будто говорят о том, что трудно допустить, чтобы такие факты, как аффикс эрг. пад. *s* или личн. местоим. 1 лица в форме эрг. п. были заимствованы одним языком из другого.

Представителям малых народов Северного Кавказа и Дагестана особенно нечего искать в дебрях древней истории. В силу исторических причин, как известно, они не сыграли сколько-нибудь существенной роли в мировой истории. Тем не менее в прошлом обсуждение таких вопросов часто сводилось к взаимным обвинениям в национализме, шовинизме и т. д. Сейчас обстановка другая: мы можем объективно судить о фактах и гипотезах. До сих пор специальным исследовательским рассмотрением данной проблемы (применительно к горским языкам) занимались ученые, не являющиеся специалистами в области какой-либо одной группы горских кавказских языков, чаще всего этой проблемой интере-

совались: 1) исследователи урартского и др. мертвых языков Передней Азии; 2) ученые, которые в широком историческом плане ставили вопрос об исторических связях между горскими кавказскими и древними мертвыми языками Передней Азии.

Я рассматриваю данный вопрос как исследователь языков, входящих в нахскую и дагестанскую группы, не говоря уже о тех возможных общих выводах, которые и другие могут делать на основании сравнения, сопоставления данных остальных горских кавказских языков, полученных другими исследователями.

Однако наибольших результатов мог бы достигнуть в решении данной проблемы специалист, который занимался бы исследованием горских кавказских языков и урартского языка. К сожалению, таких специалистов почти не было и нет. Поэтому рассматриваемая проблема чаще всего получает одностороннее освещение.

Если же можно говорить о каких-то более близких связях нахских языков с урартским, то этим самым, видимо, допускается обособленное существование этой группы языков еще в то время.

В специальной литературе высказано предположение о родстве мертвых урартского и хурритского языков с иберийско-кавказскими языками¹. По мнению некоторых кавказоведов, из иберийско-кавказских языков ближе всех к урартскому стоят нахские языки². Мы не ставили перед собой задачи окончательного положительного или отрицательного решения этой проблемы, представляющей огромный исторический интерес. В лучшем случае мы можем дать новый, неизвестный или мало известный специалистам, работающим в этой области, материал и его анализ с точки зрения материальных, грамматических и структурных особенностей нахских языков, рассматриваемых прежде всего в историческом аспекте. Мы надеемся, что этот материал будет критически проанализирован специалистами по урартскому, хурритскому, иберийско-кавказским языкам.

«Урартский язык — язык создателей государства Урарту. Племена, говорившие на урартском языке, во II—I тысячелетиях до н. э. были широко распространены на огромной территории вокруг Ванского озера. Мы их находим на восточном побережье Ванского озера, в районе нынешнего г. Вана (здесь была столица урартского государства — Тушпа)...

Основным материалом для изучения урартского языка являются урартские надписи. Дополнительные сведения можно извлечь из ассирийских источников, где засвидетельствовано немало собственных имен, относящихся к Урарту. Определенную помощь оказывают нам данные хурритского языка, в близком родстве с которым находился урартский язык. Картвельские (картский, т. е. грузинский, мегрело-чанский и сванский) и вообще кавказские языки, также оказывают помощь в правильном понимании ряда явлений грамматического строя урартского языка и в изучении его лексического состава»³.

¹ И. И. Мещанинов. Грамматический строй урартского языка, М.—Л., 1958, стр. 4. Г. В. Церетели. К вопросу об отношении урартского языка к иберийско-кавказской группе языков. (Тезисы доклада), Тбилиси, 1953, стр. 37, 39; Г. А. Меликишвили. Урартские клинообразные надписи, М., 1960, стр. 32; Г. А. Меликишвили. Наири-Урарту. Тбилиси, 1954, стр. 104. И. М. Дьяконов. Материалы к фонетике урартского языка (сб. «Вопросы грамматики и истории восточных языков», М.—Л., 1958, стр. 34 и др.

² И. Браун, Г. Климов. Об историческом взаимоотношении урартского и иберийско-кавказских языков. (Тезисы доклада), Тбилиси, 1954, стр. 50, 51.

³ Г. А. Меликишвили. Урартские клинообразные надписи, М., 1960, стр. 32.

Мы пользуемся данными по урартскому и хурритским языкам, представленными в трудах И. И. Мещанинова, Г. В. Церетели, Г. А. Меликишвили, И. М. Дьяконова, Б. Б. Пиотровского.

Фонетика урартского языка очень слабо исследована. В работах по урартскому языку И. Фридриха¹, И. И. Мещанинова² и Г. А. Меликишвили³ не представлены должным образом разработанные разделы, посвященные фонетике. Это объясняется главным образом отсутствием необходимого материала. Правда, в указанной работе Г. А. Меликишвили рассмотрены некоторые фонетические явления в урартском языке⁴. Кроме того, имеется содержательная статья И. М. Дьяконова «Материалы к фонетике урартского языка»⁵.

Некоторые явления в области фонетики урартского и хурритского языков, рассмотренные в указанных работах, представляют интерес с точки зрения данных исторической фонетики нахских языков. К таким явлениям относятся: 1) чередование *i* и *e* (в качестве фонетических вариантов); *nipavI*, *nipave*; 2) монофтонгизация дифтонгов: *ai* > *i*; *ia* > *a*; *ii* > *i*; *ii* > *i*; выпадение гласного между двумя согласными и др. Аналогичные процессы наблюдаются и в нахских языках. Однако эти процессы более позднего происхождения.

Что же касается фонемного состава, то И. М. Дьяконов предполагает существование некоторых смычногортанных звуков в урартском языке⁶. Этот факт, несомненно, представляет большой научный и исторический интерес. Однако он не дает права утверждать, что фонологическая система урартского родственна фонологической системе нахских языков. Во всяком случае мы не находим (на современном уровне изучения фонетики урартского языка) фактов, которые позволили бы говорить об исторически преемственной генетической связи между фонетикой урартского и нахских языков. Возможно, это объясняется тем, что мы располагаем весьма скудными сведениями о фонетике урартского языка.

Иначе обстоит дело в области морфологии, синтаксиса и лексики (включая сюда топонимику, этнонимику и ономастику). В этих разделах структуры урартского языка мы находим факты, поражающие своей близостью к данным нахских языков.

В специальной кавказоведческой литературе отмечены некоторые морфологические и синтаксические явления, сближающие дагестанские и нахские языки с урартским:

«По характеру эргативности, — пишут И. Я. Браун и Г. А. Климов, — урартский ближе к бацбийско-кистинско-дагестанской группе, чем к картвельской...

...По степени развитости склонения урартский ближе к картвельским и, отчасти, бацбийско-кистинским языкам...

...В морфологическом инвентаре близкими по материалу к древнейшим иберийско-кавказским формантам являются следующие показатели:

¹ I. Friedrich. Einführung ins Urartaische, Ipz, 1933.

² И. И. Мещанинов. Указ. соч., М.—Л., 1958.

³ Г. А. Меликишвили. Указ. соч., М. 1960.

⁴ Там же, стр. 45—50.

⁵ Сборник Вопросы грамматики и истории восточных языков, М., 1958, стр. 27—53.

⁶ И. М. Дьяконов. Указ. соч., стр. 32.

- а) урартск. \bar{se}/\bar{s} показатель эргативного падежа:
 кистинск. -s
 бацбийск. -s
 аварск. -s
- б) урартск. -i показатель родительного падежа:
 кистинск. -iⁿ
 бацбийск. -i^u
 грузинск. -i-s
- в) урартск. -e, -a показатель дательного падежа:
 кистинск. -a
 аварск. -e
- г) урартск. -li||-e-li показатель множественного числа в именах и местоимениях:

кистинск. -ar, -al

бацбийск. -ar

аварск. -al

сванск. -ar

- д) урартск. -li- формант будущего времени в глаголах:

кистинск. -r

аварск. -il

9. В основном словарном фонде можно отметить следующие сходные по материалу слова:

- а) урартск. $i-e-se-$ „я“
 кистинск. *asa, as*
 бацбийск. *as*
- б) урартск. $si - la$ — «дочь», груз. *as-ul*
 аварск. *ja-s*
 кистинск. *jo-ha*
- в) урартск. $si-e-l$ — «ночь»
 аварск. *s or-do*
 картвельск. *ser-*
 бацбийск. *p-sar-lo* — «вечер»
- г) урартск. $sa-a-li-$ „год“, груз. $sar-san-$ „в прошлом году“,
 кистинск. \bar{so}
 бацбийск. \bar{so} (основа $\bar{sar-}$)
- д) урартск. $ha-u-bi$ — «я взял»
 андийск. *bu-x-idu*
 ахважск. *Vu-x-iri*
- е) урартск. $a-gu-ù-ni$ — «он провел»
 кистинск. *di-g-or*
 бацбийск. *di-k-or*
- ж) урартск. $has...$ — «слушать»,
 кистинск. *xaz-ar*
 бацбийск. *xac-ar*

По целому ряду моментов урартский сближается с иберийско-кавказскими, — в основном, с языками бацбийско-кистинско-дагестанской группы. По-видимому, он прошел большой путь развития языкового строя, что вообще характеризует южные иберийско-кавказские языки. Наибольшее число материально близких элементов в морфологии урартский имеет с бацбийско-кистинскими и аваро-андийско-дидойскими языками. Особенное внимание обращают на себя лексические встречи урартского с языками бацбийско-кистинской группы».

Ниже дается анализ нового материала, относящегося к вопросу о взаимоотношениях между урартским и нахскими языками.

Прежде всего остановимся на фактах из области морфологии. Известно, что падежные аффиксы, особенно аффиксы таких падежей, как род., эрг., дат. обладают исключительной устойчивостью, они почти (за редкими исключениями), не заимствуются. В системе склонения урартско-и нахского языков находим почти идентичные падежные аффиксы. Так, в урартском аффикс эрг. падежа представлен в двух вариантах *se* и *s*. Как указывает Г. А. Меликишвили, произношение урартских звуков весьма условно. «Следует особенно говорить произношение звуков *s* и *š*. В ту эпоху, когда урартцами была заимствована клинопись у ассирийцев, у этих последних *s* (ш) произносился уже как «с»; поэтому естественнее предположить, что знаки, содержащие *š*, урартцами переняты в значении *s*; в отличие от них знаки, содержащие *s*, по-видимому, были употреблены для обозначения какого-нибудь родственного звука, скорее всего «ш»¹.

К аналогичному выводу приходит и И. М. Дьяконов: «Если в ново-ассирийской клинописи знаки, содержащие *s*, читались через [s].., то надо думать, что таково должно было быть положение в урартской клинописи, имея в виду происхождение последней. И действительно, не только в греческом, где звук [s] отсутствовал, но и в армянском урартск. трансл. *s* регулярно передается через *s*: урартск. *Tus ra* — арм. *Tosp* — «город Ван», урартск. *sani-*, арм. *sap* — «котел»; урартск. *suri* — «оружие», «вооруженная сила» (?), арм. *sug* — «острие», «меч»...

Итак, можно с большой долей уверенности заключить, что урартск. трансл. *s* было свистящим [s]. Вероятно также, что урартск. трансл. *s* было шипящим [š], но достоверных данных об этом пока нет»².

Из изложенного следует, что в урартском аффикс эрг. п. передаваемый через трансл. *se||s* должны были произносить *se||s*. Последнему соответствует в нахских языках *ca||c* (т. е. в латинской транскрипции *sa||s*); ср.: бацб. *дад-а-с(а)*, алъ-и, чеч. *дад-а-с(а)* эли (чеберл. диалект *ал-и*) — «отец сказал» (форма прямого им. п. ед. ч. — *дада*).

Аналогично оформляется эргативный падеж и в урартском языке. Для иллюстрации приведем фразу, которая чаще всего встречается в урартских надписях: *Me-nu-a-se* (т. е. *Менуа-се*) *a-il-e*³ — «Менуа говорит». Менуа — урартский царь. Его имя в неоформленном падеже передается так: *Менуа*⁴.

В приведенной фразе основа глагола *al-* также соответствует материально, по структуре и значению основе соответствующего глагола в нахских языках: *al* — «говорить», «сказать». Глагол «говорить, сказать» относится к числу наиболее устойчивых почти незаимствуемых глаголов: чеч. *ал* (*а*), бацб. *алъ(а)* — «скажи, говори, прикажи, повелевай». Эта общенахская основа, восходящая к нахскому языку-основе, в форме наст. времени сохранилась только в бацб.: бацб. *алъ-о*, инг. *оал* (<*ал-о*)^{* р. рек.} чеч. *олу||ола* (<*ал-о*)^{* р. рек.}. Отсюда причастие бацб. *алъо* <*алъ-о-н*, чеч. *ол-у-н* <*ал-о-н* — «говорящий, повелевающий». Форма этого причастия пу-

¹ Г. А. Меликишвили. Урартские клинообразные надписи, М., 1960, стр. 46.

² И. М. Дьяконов. Указ. соч., стр. 38.

³ Г. А. Меликишвили. Указ. соч., стр. 163—168.

⁴ Г. А. Меликишвили. Указ. соч., стр. 53.

тем субстантивации превратилась в отглагольное имя существительное: бацб. *ало*, чеч. *эла* < *ала*, инг. *аьл(а)* < *ала* — «князь, владыка». К этому слову восходит *ола-лла* — «господство», где *ола* — восходит к основе настоящего времени, а *-лла-* словообразовательный аффикс. Произведенный выше анализ форм исходной глагольной основы — не гипотеза, не предположение, а реальная характеристика закономерностей образования и функционирования рассматриваемых глагольных форм в нахских языках. Указанные формы восходят к исходной основе *ал-* (ср. чеч., инг. *ал(а)*, бацб. *алъ* — «скажи, говори, прикажи, повелевай»). Все это хорошо известно специалистам по нахским языкам.

В этой связи заслуживают особого внимания следующие факты, установленные в урартском и хурритском: урартск. *alau* — *ini* —

«владыческий», хурр. *аллаи* — «госпожа» (из *аллава*)¹. Последние два примера можно сравнить с нахскими: чеч. *эла* (< *ала*) *йа*, инг. *аьлайа*, бацб. *алъайа* — «госпожа, княжна есть», чеч. *эла* (< *ала*) *ва*, инг. *аьлава*, бацб. *алъава* — «господин, князь есть». Можно ли считать все это случайным совпадением разнородных фактов материально, функционально и структурно?

Таким образом, в приведенной выше урартской фразе *Me-nu-a-se* (читай *Менуасе*) *al-i-e* мы обнаруживаем: 1) материальное (*ce//c*), функциональное (функция эрг. падежа), структурное (присоединение аффикса эрг. падежа к основе имени существительного в качестве суффикса — окончания) соответствие аффикса эргативного падежа аналогичному аффиксу эргативного падежа в нахских языках; 2) материальное (*al...*), по значению (говорить, сказать), функциональное (глагол в синтаксической функции сказуемого), структурное (одинаковое строение основы) глагола-сказуемого аналогичному глаголу-сказуемому в нахских языках.

Вместе с тем следует учесть, что структура (построение) эргативной конструкции предложения одинакова в урартском и нахских языках. Чтобы более наглядно показать все это, сравним анализируемую урартскую фразу с его нахскими вариантами, передавая урартские слова русскими буквами:

урарт.	бацб.	чеч.	инг.
<i>Менуа-се</i>	<i>Менуа-с</i>	<i>Менуа-с</i>	<i>Менуа-з (с)</i>
<i>ал-и-е</i>	[<i>а:лъ-о̃</i>]	<i>ола</i> < [<i>а:л-о̃</i>] <i>а̃</i>	[<i>оа:л</i>]
Менуа говорит	Менуа говорит	Менуа говорит	Менуа говорит

Мы уже отмечали выше, что чеч. *ола-а||е-* восходит к *ал-о̃*, а инг. *оал* — также к *ал-о̃*. Ведь чеч. *ола-а||е-*, инг. *оал* — результат вторичного чередования гласных глагольных основ, т. е. вставки аффиксального лабиализованного гласного (конечного, т. е. аффикса наст. вр. *о* или *у*) внутрь основы. Вторичное чередование гласных именных и глагольных основ в чеченском и ингушском языках (при образовании форм настоящего, будущего простого и прошедших времен) произошло после распада нахского языка-основы, в период самостоятельного развития указанных языков. Бацбийский язык и чеберлоевский диалект чеченского языка в этом отношении почти сохранили общенахское состояние.

¹ И. М. Дьяконов. Указ. соч., стр. 46.

В нахском языке-основе аффиксом настоящего времени переходных и непереходных глаголов служил лабиализованный звук. Правда, наблюдаются и исключения из этого правила, которые пока что не поддаются объяснению: чеч. *лета* — «дерется», (< *лата* — «дерись»), *телха* — «портится» (исходная основа < *талха* — «портись») и т. д. В этих и им подобных примерах переогласовка корневого гласного в формах настоящего времени (путем перехода искомого гласного *a* в гласный звук переднего ряда) можно предположительно объяснить существованием в составе окончания настоящего времени гласного звука переднего ряда, который в связи с первичным или вторичным чередованием был вставлен внутрь основы. Другими словами, можно предположить, что в нахских языках были такие глаголы, основы настоящего времени которых образовывались путем присоединения комплекса гласного типа урартского *ia*. Однако трудно говорить о какой-либо связи этого явления с формами непереходных глаголов с основой на *ia* в урартском¹.

В урартском языке нелегко выделить аффикс настоящего времени из состава форм переходных глаголов. «Из форм настоящего времени (разрядка автора — Ю. Д.) переходных глаголов засвидетельствован лишь один единственный случай: *alⁱe* (в написании *ali, alie*) — «он говорит», например: *sarduri — se argistihinise ale* — «Сардури, сын Аргишти, говорит». Так как у нас нет материала для сравнения, мы не в состоянии расчленив это слово и сказать что-нибудь определенное о том, что является в этом слове окончанием, характерным для данной глагольной формы, и что — основой².

Что же касается остальных урартских глагольных форм, то в них мы находим некоторые явления, наличествующие и в нахских языках. К ним относятся:

1) образование переходных глаголов посредством глагольной основы *du*: урарт. *ueli-du* — «собирать» (ср. *ueli* — «собрание» (?), «отряд» (?), *seri-du* — «отделять, выделять» (от *seri* — «отдельно, отдельный») ³. Ср. чеч. *гул-дан/гулда* — «собирать», *тишда/тишдан* — «износить» (от *тиша* — «старый, ветхий»); *цланда/цланда* — «чистить» (от *цлан-о* — «чистота») и т. д. В чеченских примерах в составе связки *дан||да||да* — «делать», префикс *-д-* классный показатель. В какой функции выступал начальный элемент урартск. *du* — «делать» — неизвестно.

При образовании форм прошедшего времени в урартском языке к основам непереходных глаголов присоединяют окончания: для 1 л. ед. ч. *-di*, для 3 л. ед. ч. *-bi/e*, 3 л. мн. ч. — *-li*. Например, *usta* — «выступать», *usta-di* — «выступил», *nuna* — «приходить», *nuna-di* — «приходил я», *nuna-bi* — «приходил он», *nuna-li* — «приходили они» и т. д.³

Исследователи урартского языка находят возможным расчленив окончания *-di*, *-li*, *-bi*. Если бы можно было их расчленив, то мы имели бы сочетания классных элементов (предполагаемых) *-d-*, *-b-*, *-l-*, представленных в нахских языках, и аффикс прошедшего времени *-i*, наличествующий в нахских и некоторых дагестанских языках, как показатель древнейшего происхождения: ср. чеч. *цлан-д-и* — «почистил», *гул-д-и* — «собрал», *гул-б-и* — «собрал» и т. д.; хинал. *ц-х-и* — «пошла она», *х-и* — «пошел он», *п-х-и* — «пошли они» (в хиналугских примерах классные показатели выступают в качестве префиксов).

Из других форм глагола заслуживают внимания: формы переходных глаголов с распространенной основой на *-ul*. Трудно судить о функ-

¹ Г. А. Меликишвили. Указ. соч., стр. 66.

² Там же, стр. 67.

³ Там же, стр. 65.

⁴ Там же, стр. 66.

ции этой частицы *-ul...*¹. Частица *-ul* присоединяется к основе переходных глаголов непосредственно перед показателем переходности *u*: *teru* — «ставить», *terulu*, *siudu* — «отбрасывать», *suidilu*, *su-i-du-lu-b-i*² и др. С этими формами условно можно сравнивать нахские формы потенциала: *xlotton* — «ставить», *xlotta-de-lu* — «в состоянии был поставить» и т. д.; формы повелительного наклонения: *uli* (от *ula-i*) — «иди»; *turi*, *turie* (от *turui/e*) — «уничтожь»; запретительные формы с запретительной частицей *mei*, которая встречается почти во всех горских кавказских языках: ср. урартск. *mei tini* — «пусть не оставят...»³ и др. с бацб. *ma d-ita*, чеч. *ma dita* — «пусть не оставят» и т. д.

Из личных местоимений заслуживает быть отмеченным личное местоимение 1-го л. ед. ч. «Личное местоимение 1-го лица ед. числа «я» засвидетельствовано в форме эргативного падежа: *iese* — «я»; например: *iese ini pili agubi* — «я этот канал провел»⁴. С этим урартским предложением можно сравнивать соответствующее чеч. предложение *asa i a: pari a: gu-d-i||a: gu-d-i* — «я этот канал прорыл»⁵. Мы уже отмечали, что урартск. *s* следует произносить как свистящий *s*. Следовательно, *iese* нужно произносить *ies*. Последняя форма может быть сопоставлена с чеч. *ac//aca*, бацб. *ac* — «я» в эргативном падеже ед. ч. Таким образом, формы эргативного падежа 1 л. ед. ч. в урартском и нахских языках идентичны. Вместе с тем, характеризуя форму (в эргативном падеже) 1 л. ед. ч., следует учитывать звуковые переходы, варианты, наблюдаемые в ономастике, топонимике и этнонимике. Например, в наименовании северо-восточного соседа Ишуви — страны Зухма (ассир. *Сухми*). Хурритским являлось, по-видимому, население страны Алзи (хеттск. *Алше...*)⁶. В приведенных словах мы видим чередования *з—с*, *з—ш*, обусловленные фонетическими особенностями каждого из указанных языков.

Здесь уместно напомнить, что соответствие форм 1 л. ед. ч. в индоевропейских языках считается весьма важным фактом. Поэтому этот факт включается в состав тех лингвистических элементов, явлений, на которых основано доказательство генетического родства индоевропейских языков. К сожалению, слишком мало таких фактов, которые позволили бы с несомненностью утверждать, что генетические связи между урартским, хурритским и нахскими следует признать установленными.

Из синтаксических явлений отметим эргативную конструкцию переходного предложения в урартском и нахских (как и во всех иберийско-кавказских) языках. «Если сказуемым является переходный глагол, то его субъект, подлежащее, ставится в эргативном падеже, а дополнение — в неоформленном или именительном падежах. Наоборот, если сказуемое — непереходный глагол, то подлежащее ставится в именительном или неоформленном падежах»⁷. Как известно, то же самое наблюдается и в нахских языках⁸.

Наконец, охарактеризуем некоторые факты из лексики (в том числе из области топонимике, этнонимике и ономастике). Наше внимание привлекли следующие лексические единицы:

¹ Г. А. Меликишвили. Указ. соч., стр. 70.

² Там же.

³ Там же, стр. 74.

⁴ Там же, стр. 61.

⁵ Чеченское предложение составлено К. З. Чокаевым.

⁶ Г. А. Меликишвили. Указ. соч., стр. 9.

⁷ Там же, стр. 79.

⁸ Н. Ф. Яковлев. Синтаксис чеченского литературного языка, М., 1940. З. К. Мальсагов. Ингушская грамматика, Владикавказ, 1925. Ю. Д. Дешериев. Бацбийский язык, М., 1953.

1) урартск. *ali*, баб. *алъо*, чеч. *ол-а* (<ал-о), инг. *оал* (<ал-о) — «говорит» (см. стр. 46); ср. еще чеч., инг. *ал* (*а*), баб. *алъ(а)* — «скажи, прикажи»;

2) урартск. *alau-ini* — «владыческий»¹, баб. *алъ-о* (<алъ-о-н); чеч. *олан* (*ало-н*) — «говорящий, приказывающий, повелевающий»; ср. чеч. *ола-лла* — «господство», где *ола-* из *ала*, а *-лла* словообразовательный суффикс;

3) хурритск. *allaia* — «госпожа» (из *allawa*)²; ср. общенахск. *alaja* — «госпожа, княгиня есть», *alawa* — «господин, князь есть» (соврем. чеч. *элайу* и *элаву*; инг. *аьлайа*, *аьлава*, баб. *алъайа*||*алъава*);

4) урартск. *bause* (*bause*) — «слово»; чеч., инг. *дуош*, баб. *дош* из *д-ауш* → *дашв*. В нахских языках начальный звук *д* — правомерно рассматривать как окаменелый классный показатель. Следовательно, вместо префикса *д-* в составе этого слова могли быть другие классные префиксы: *б-*, *в-*.

5) урартск. *du* — «делать, совершать»; чеч. *дуо*, баб. *до*, инг. *д-у* — «делает». В нахских языках префикс *д-* — переменный классный показатель. Как показано выше, при помощи этого глагола образуются переходные глаголы в урартском и нахских языках.

6) урартск. *sardi* — «имя божества»; ср. чеч., инг. *ерда* — «бог скал»;

7) урартск. *sali*, хурритск. *sawali* — «год»³, ср. чеч., инг. *шуо*, баб. *шо* из *ша...* В нахских языках часто наблюдается выпадение конечного слога;

8) урартск. *teiseba* — «бог бури и дождя» — соответствует хурритск. *Тешубу*⁴; ср. чеч., инг. *Тушоли* — «богиня плодородия»;

9) урартск. *-has*, хурритск. *haz-* — «слышать»⁵; сравн. чеч. *хаза*, баб. *хацла* — «слышать»;

10) урартск. *iese* (читайте *iese*) ср. хурритск. *iza-s*⁶ — «я» в эргативном падеже ед. ч. сравните чеч., баб. *ас(а)*, инг. *аз* — «я» в эрг. падеже ед. ч.

11) урарт. *tan* — «создавать» (?), хурритск. *tan* — «делать»⁷; сравн. чеч., *дан*, баб. *да* (*тег-да*) — «делать».

12) урартск. *ueli-du*⁸ — «собирать»; ср. чеч. *гулдан* — «собрать»;

13) урартск. *ueli* — «собрание», отряд (?)⁹; ср. чеч. *гул* — «кряж»; *гул-а-м* — «собрание, сходка».

14) урартск. *Арин-берд* — холм на окраине совр. Еревана¹⁰. На чеч. языке название этого холмика переводится так: равнинный, полевой (а также открытый, наружный) берег; *ара* — «наружу», *арие* — «равнина, поле, открытое место»; *арин* — форма прилагательного — определения; *берд* — «берег, обрыв»;

15) урартск. *лулуб(и)* — название племен, соседей хуррито-урартского населения в IX в. до н. э. Ср. чеч. *лула* — «по соседству», *лулахь-ба* — «по соседству (есть)»; *лула (хой) ба* — «соседи есть».

¹ И. М. Дьяконов. Указ. соч., стр. 46.

² Там же.

³ Г. А. Меликишвили. Указ. соч., стр. 39; И. М. Дьяконов. Указ. соч., стр. 38, 39.

⁴ Г. А. Меликишвили. Указ. соч., стр. 442.

⁵ И. М. Дьяконов. Указ. соч., стр. 39.

⁶ Там же.

⁷ Там же, соч., стр. 39.

⁸ Г. А. Меликишвили. Указ. соч., стр. 65.

⁹ Там же.

¹⁰ Г. А. Меликишвили. К изучению древней восточно-малоазийской экономики. Вестник древней истории, № 1, 1962, стр. 60.

16) Мита — имя нахувца¹. Ср. чеченские собственные имена *Mutla*, *Mida* неизвестного происхождения.

Мы рассмотрели весьма скромный материал. Даже этот материал невозможно было здесь подвергнуть более глубокому и всестороннему анализу, привлекая данные других иберийско-кавказских языков. Не исключена возможность, что более углубленное изучение урартских материалов и данных нахских и других горских кавказских языков (не говоря уже о данных картвельских языков, которые широко используются в научной литературе) прольет свет на некоторые историко-этнологические и лингвистические проблемы, а также на проблемы культурно-исторических связей горских кавказских народов с древними народами Малой Азии.

Как я полагаю, материал, рассмотренный здесь, не позволяет решить вопрос, имеем ли мы дело с фактами генетического, культурно-исторического или типологического характера. Для окончательного решения этого вопроса нужна большая дополнительная работа.

Мы надеемся вернуться к этому вопросу и представить в распоряжение специалистов более обширный и более разносторонне исследованный материал.

К ИЗУЧЕНИЮ НАХСКОЙ ЭТНОНИМИКИ И ТОПОНИМИКИ

Нахская этнонимика и топонимика почти не исследованы. Нет специальных работ, посвященных этой проблеме. Поэтому при отсутствии древних письменных памятников на нахских языках очень трудно дать объяснения происхождения многих нахских этнонимов и топонимов. Нами уже было рассмотрено большинство известных топонимических и этнонимических терминов бацбийцев. Некоторые сведения о чеченских и ингушских топонимических и этнонимических терминах имеются в трудах кавказоведов² — историков, археологов, этнографов, языковедов. Мы не ставили перед собой цели дать исчерпывающую характеристику нахских топонимических названий, содержащихся в указанных и других трудах.

Учитывая все это, мы будем следовать и здесь принципам, положенным в основу данного исследования, т. е. сначала мы рассмотрим более или менее легко объясняемые этнонимы и топонимы, а затем останемся и на остальных.

Нахские этнонимы и топонимы можно подразделить на следующие группы:

- 1) Собственно нахские этнонимы и топонимы.
- 2) Этнонимы и топонимы, восходящие к картвельским и другим иберийско-кавказским языкам.
- 3) Этнонимы и топонимы тюркского происхождения.
- 4) Восходящие к арабскому языку.
- 5) Заимствованные из иранских языков.

¹ Г. А. Меликишвили. К изучению древней восточно-малозийской этнонимии. Вестник древней истории, № 1, 1962, стр. 62.

² Например, Н. Я. Марр. Кавказские племенные названия и местные параллели. Петроград, 1922; его же. К истории передвижения яфетических народов с юга на север Кавказа. Петроград, 1916, и др., И. А. Джавахишвили. Основные историко-этимологические проблемы истории Грузии, Кавказа и Ближнего Востока древнейшей эпохи. Вестник древней истории, вып. 4, 1939. В. И. Абаев. Осетинский язык и фольклор. М.—Л., 1949.; В. Гамрекели. О племени двалов (Материалы по этнографии Грузии), IX, Тбилиси, 1957.; В. Н. Гамрекели. К анализу топонимии двалети (Труды Института истории АН Груз. ССР, том IV, вып. 1. Тбилиси, 1958). Г. А. Меликишвили. К изучению древней восточно-малозийской этнонимии. (Вестник древней истории, вып. 1, 1962.) и др.

6) Относящиеся к русскому языку.

7) Неизвестного происхождения.

Далеко не всегда легко разграничивать топонимы, этнонимы, названия мифологического, фольклорного происхождения, а также связанные с народными преданиями и легендами. В данном изложении мы не будем стараться строго разграничивать их.

В настоящее время мы не в состоянии объяснить происхождение многих топонимических и этнонимических терминов.

Легче всего объяснить в большинстве случаев происхождение топонимов и этнонимов собственно нахского происхождения. К ним относятся, например *Бас-Гала* (дословно Бас-город) — «Станица Ильинская». *Валаргтле* — «село Валерик». Это село находится на берегу реки Валарг, с которой связано известное стихотворение М. Ю. Лермонтова «Валерик», название которого автор перевел так: «Река смерти». Топоним *Вала-рг-тле* поддается точному лингвистическому анализу: *-ала-* — глагольная основа, обозначающая «умереть», *в-* — префикс класса разумных существ мужского пола в ед. ч.; *-рг-* или *-риг-* — аффикс субстантивации глагольных форм. Следовательно, *Валарг* означает примерно «смерть» (отсюда и перевод Лермонтова «Река смерти»). Что же касается окончания *-тле*, то это послелог «на». Этот послелог присоединяется обычно к названиям населенных пунктов, расположенных на берегу рек (ср. русск. Комсомольск-на-Амуре и т. д.): *Гухтле* — (от названия реки Гиха) «Гехи», *глойтле* (от названия реки *глой* — «Гойтинка») — «Гойты» и т. д.

Глуйта-Корта || *Глойкорта*. Название горы, горной вершины. *Глуйта*¹ — возможно, восходит к слову [*Глуота*] «кутан» (если мы не имеем здесь дело с одинаковым звучанием слов равного происхождения); *корта* — «голова» (это слово обычно используется для обозначения вершин гор).

Мелхче — дословно «теплая вода», сел. *Истису* (кумыкск.) — «теплая вода».

Техья-Марта — сел. «Ачхой-Мартан». Происхождение названия этого села легко объяснить: *Техья* — «задний», *Марта* — название реки, на берегу которой расположен районный центр Ачхой-Мартан. Следовательно, *Техья-Марта* дословно означает «задний Мартан». Русское наименование этого села Ачхой-Мартан также восходит ко второму его чеченскому названию *Гашхо-Марта*. Рассматриваемое село находится между двумя речками: *Гашхо* — «Ачхо» и *Марта* — «Мартанка». От названий этих двух речек и произошел топоним *Гашхо-Марта* — «Ачхой-Мартан».

Хьалха-Марта — «сел. Урус-Мартан»; *Хьалха* — «передний», *Марта* — «Мартан(ка)» — название реки, на берегу которой находится районный центр Урус-Мартан. Таким образом, *Хьалха-Марта* (дословно передний Мартан) противопоставляется *Техья-Марта* (дословно задний Мартан) и т. д.

Здесь невозможно даже перечислить все топонимические термины чеченского и ингушского происхождения, которые легко объяснить. Что же касается топонимов тюркского, иранского и монгольского (калмыцкого) происхождения, то они представлены в плоскостных и надтеречных районах, а также в районах, граничащих с Осетией, Дагестаном. Топонимы, восходящие к русскому языку, также представлены в плоскостных районах (например, *Михеласка* — бывш. станица Михайловская). Топонимы кавказского происхождения встречаются в горных районах.

¹ Хороший знаток современной топонимики чечни А. А. Саламов отметил эту возможную связь между *Глуйта* и *Глуота* (при просмотре нашей рукописи).

Топонимы, которые не поддаются точному объяснению:

Итон-Кхавлла — сел. «Итум-Кале», *Уш-Кхавлла* — сел. «Ушкалой», *Шела* — сел. «Шали», *Бено* — сел. «Бено», *Зандак* — сел. «Зандак», *Шобта* — сел. «Шатой», *Чечена* — сел. «Чечен-аул» и др. Правда, есть попытки объяснить происхождение некоторых из таких топонимов на основании народной этимологии или предания (например, название села *Шела* — Шали).

Особый интерес представляют гидронимы Чечено-Ингушетии, т. е. названия рек, озер: *Марта*, *Шалажа*, *Нубттага*, *Иашхо*, *ГЮй*, *Къобзан-Лам* (Эйзенам озера: интересно происхождение этого русского наименования озера: отсутствующий в русском языке начальный смычногортанный звук *къ* отбрасывается, дифтонг *ои* превращается в *эй*, а *Лам* превращается в *ам* и присоединяется к первому слову: «Эйзен-Ам», с которым сочетается русское слово «озеро») и т. д. Они нуждаются в специальном исследовании.

Чечено-ингушская этнонимика не очень богата. Она ограничивается в основном названиями их ближайших соседей: *хIури* — «осетин», *Ианди* — андиец, *бацо* — «бацбиец», *суйли* — «андодидоец, дагестанец», *глаз-гIумкхи* — кази-кумух, *гIебарто* — «кабардинец», *гIалмкхо* — «калмык», *губржие* — «грузин», *гIумки* — «кумык» и др. Как видно, большинство из этих этнонимов являются заимствованными.

Русские наименования чеченцев и ингушей более позднего происхождения. «В 1732 г. из крепости Святой Крест (на р. Сулак), построенной по повелению Петра I, на территорию Чечни был направлен воинский отряд. В Малой Чечне, у аула Чечень, жители оказали ему сопротивление... По реляциям военачальника с тех пор за племенем нахче укоренилось этн. название — «чеченцы»¹. Там же указывается, что за ингушами во второй половине XIX в. «... установилось русское этнич. название — ингуши (по названию древнего аула Ангушт, расположенного у выхода из Терского ущелья».

В XVI—XVII веках чеченцы и ингуши были известны под разными именами: чеченцев называли кистинами, кистами (так грузины называли чеченцев, кстати, это название встречается и у Моисея Хоренского в несколько ином звучании — «кусты»²), мичигизянами (от кумыкского *мичигиш* — чеченцы), шибутянами (от «Шубута» — древнего названия местности Шатой в ущелье р. Аргун) и *нахчо/нохчо* (самоназвание чеченцев); ингушей называли назрановцами, ингушевцами, галгаевцами (от самоназвания ингушей — *гIалгIай*).

Наиболее древними из перечисленных наименований чеченцев и ингушей являются *нахчо*, *кисты* (кусты) и *гIалгIай*. Как уже указывалось, этноним *нахчо* засвидетельствован в «Истории Армении» Моисея Хоренского (нахчаматеанк)³. Происхождение слова *нохчо* (диалектальный и вместе с тем наиболее древний вариант *нахчо*) трудно объяснить. Точно так же неизвестно происхождение термина *кисты*, *кистины* (кусты).

Что же касается самоназвания ингушей — *гIалгIай*, то в специальной литературе сделана попытка связать страбоновских гаргареев с «галгаями» (*гIалгIай*)⁴. Вряд ли можно согласиться с утверждением о

¹ Большая Советская энциклопедия, изд. 2-ое, том 51, стр. 309.

² Там же.

³ Армянская география VII века по р. х., перевод К. П. Патканова, Спб., 1877, стр. 37.

⁴ Л. А. Ельницкий. Комментарии к переизданию «Известий древних авторов о Скифии и Кавказе»; В. В. Латышева, ВДИ, 1947, № 4, стр. 224—225; И. М. Дьяконов. Рецензия на работу Г. А. Меликишвили. Древневосточные материалы по истории народов Закавказья, ВДИ, 1946, № 2, стр. 59; В. Н. Гамрекли. О племени двалов. Сб. «Мимомхилвели». Оттиск. Тбилиси, 1957; стр. 203. Примечание: Е. И. К р у п н о в. Древняя история Северного Кавказа. М., 1960, стр. 72—73 и др.

прямой связи гаргареев с галгаями. Греческие авторы, очевидно, скорее всего передали бы гортанный, шелевой звонкий *gI* через *x*, а не через смычный заднеязычный звонкий *g*. Но главное не в этом. Данные археологии и этнографии позволяют полагать, что этноним *галгаи* более позднего происхождения. Он возник, по-видимому, после строительства боевых башен и крепостей в Горной Тушетии. Как справедливо писал Шиллинг, термин *галгаи* восходит к названию одного из сильных ингушских племен, занимавшего ущелье с боевыми башнями и крепостями:

«Теперешнее самоназвание ингушей—«галгаи» в недавнем прошлом было именем одного из наторных ингушских родов, державшего в своих руках ущелья, по которым проникали главнейшие транзитные пути между Предкавказьем и Грузией. Такое положение повлекло за собой экономическое усиление «галгаев» и зачатки развития феодализма. Галгаи подчинили своему политическому влиянию ряд соседних ингушских родовых общин, захватив в свои руки феодальное господство над ними в XVII—XIX вв. Они сделались инициаторами колонизации ингушами равнины и в конечном счете передали свое фамильное прозвище всей национальности»¹.

Вместе с тем заслуживает внимания попытка Е. И. Крупнова объяснить страбоновский этноним гаргарей посредством инг. *гаргар* и чеч. *герга* (<*гаргар*)—«близкий, родственник»².

Из нахских племенных названий, не поддающихся этимологическому объяснению, следует указать следующие: *Тумс-ой, зрст-хой, Злогой* (инг. *Злокой навкъе*), *пхарч-хой, ваьпи/фаьпи, кхар-хой, цлантр-ой* (*цлонтрой*), *Цечой, Гул-ой, Чент-ой, Чин-хой, зандакъ-ой; Билт-ой; Кев-о-й, Пеш-хой, Ноккхой, Мерж-ой, Оври-ой, Жев-ой, Иаьлр-ой, Маистх-и, Аьккхи, Шаро-й* и др.

Интересную попытку связать чеченское племенное название «Шаро» с названием «Сармат» сделал академик И. А. Джавахишвили³. Чеченцы иногда называют шароевский диалект своего языка *шаройн Мотт* — «Шароевский язык», а жителей села Шаро именуют шароевцами.

Указывая на то, что в Чечено-Ингушетии есть село Шаро, река Шаро-Орга (Шар-Аргун), И. А. Джавахишвили ссылается на грузинского историка X века Георгия Мерчули, который писал, что в «северной части Абхазии находились владения шаройского государя, т. е. Шаро»⁴. В настоящее время трудно сказать, имеет ли здесь место одинаковое звучание слов разного происхождения или действительно существует историческая связь между названиями Шаро (и его ответвлениями, например, Шаро-Орга) в Северной Абхазии и Чечено-Ингушетии. Слово «Шаро» не поддается этимологическому объяснению.

Что же касается остальных перечисленных чечено-ингушских племенных (тайповых), родовых наименований, то многие из них восходят к названиям населенных пунктов, которые в свою очередь произошли от собственных имен (например, Зандакъой и некоторые другие). Но это мало помогает дать убедительное этимологическое объяснение указанных племенных наименований.

¹ Е. М. Шиллинг. Ингуши и чеченцы (Сборник Религиозные верования народов СССР, том II, М.—Л., 1931, стр. 9.

² Е. И. Крупнов. Указ. соч., стр. 74.

³ И. А. Джавахишвили. Основные историко-этимологические проблемы истории Грузии, Кавказа и Ближнего Востока древнейшей эпохи. ВДИ, 1939, № 4, стр. 39—42.

⁴ Там же, стр. 41.

Правда, среди нахских племенных названий есть и такие, происхождение которых можно этимологически обосновать. Так, термин *бацой* (т. е. бацбийцы) восходит к слову *буц* — «травя». Бацой — это те, которые живут на альпийских пастбищах, там, где есть *буц*: срав. *бацалахь* — «в траве» (форма *буц* более позднего происхождения в связи с вторичным чередованием гласных именных основ: *буц, бецан, бацалахь* и т. д.).

Можно объяснить и другое нахское племенное название: *мавлхи*. Оно восходит к слову *малх*. Представители этого племени, когда они были язычниками, поклонялись солнцу. Солнце было их *тотемом*. Отсюда и их название *Мавлх-ий* — «дети Солнца» (ср. форму род. п. ед. ч. от слова *малх мавлхин* — «солнечный»). В этой связи остановимся на терминах *двали, валли*, упоминаемых Плинием С. (24—79 гг. н. э.) и знаменитым географом 2-й половины II в. н. эры Клавдием Птолемеем. В «Естественной истории» Плиний С. писал: «Начиная с границ Албании, по всему челу гор живут дикие племена сильвов, а ниже — Лупении, затем Дитуры и Соды... От Кавказских ворот в Гурдийских горах живут Валлы (*Valli*) и Свавы, племена, незнакомые с культурой, однако умеющие добывать золото в рудниках»¹.

Как показал В. Гамрекели², посвятивший ряд работ вопросу об этнической принадлежности и исторических судьбах племени двалов, вторым античным источником, где говорится о двалах, является «Географическое руководство» Клавдия Птолемея, в котором написано: «Сарматии занимают... (перечень племен)... между Керавискими горами и рекою Ра-Оринеи, Валы — и сербы, а между горою Кавказом и Керавискими порами — Туски и Дидуры; вдоль Каспийского моря уды, олонды, Исонди, Герры... а вдоль Понта — Ахэн, Керкэты, Иниохи, Сваюколхи»³.

Основываясь на этих исторических сведениях античных авторов, а также на анализе работ других авторов, писавших о двалах, валлах, валах, талах, туаллах, В. Гамрекели приходит, на наш взгляд, к важному выводу, что все эти имена принадлежали к одному и тому же племени. «В результате ознакомления со сведениями античных писателей, — пишет В. Гамрекели, — мы пришли, с одной стороны, к позитивному выводу, что с высокой степенью вероятности, *тал*—Валл—Валов, т. е. Двалов можно причислить к чечено-ингушским племенам, а с другой стороны, пришли к негативному выводу, что нет никакого основания для причисления Тал — Валл — Валов, т. е. Двалов к скифско-аланским племенам»⁴.

Как мне кажется, В. Гамрекели исходит из трех основных положений:

1) Из утверждения Страбона о родстве племен, населявших горы и равнины Северного Кавказа горцам Иверии, т. е. «грузинской или чечено-ингушской народностям»⁵.

2) Двалы обитали в районах, где с древнейших времен жили нахские племена.

3) Аланы — предки современных осетин, по его мнению, еще во второй половине I в. н. э. «еще находились лишь в южно-русских степях —

¹ В. В. Латышев. История древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе, том 2, вып. 1, стр. 182.

² В. Гамрекели. О племени двалов. Сб. Материалы по этнографии Грузии, IX, Тбилиси, 1957, стр. 196.

³ В. В. Латышев. Указ. соч., том 1, вып. 1, стр. 238—239.

⁴ В. Гамрекели. Указ. соч., стр. 206.

⁵ Там же, стр. 203.

между Доном и северо-западным углом побережья Каспия»¹. Следовательно, во времена Страбона, Плиния С., Кл. Птолемея их не могло быть в тех районах, где обитали двалы. Стало быть, двалов нельзя относить к скифско-сарматским племенам.

Независимо от того, как будет решен вопрос о месте пребывания предков осетин в I веке нашей эры, в подтверждение концепции В. Гамрекели можно было бы привести следующие соображения:

1) О термине двалов. Если это слово принадлежало горским кавказским народам, то начальный звук мог бы быть геминированным (усиленным, полузвонким) *t* (т. е. *tt*) или *d*. В том и другом случае он мог бы быть лабиализованным звуком *ttv* или *dv* (ведь такие звуки существовали и существуют в горских кавказских языках). Античные авторы могли передавать этот звук сложной артикуляции с утратой первого или второго элемента, но они не могли, вероятнее всего, воспроизвести этот звук полностью, поскольку он был чужд их родному языку. Поэтому они должны были писать *тал...* или *дал*. Что это был лабиализованный звук, показывают его грузинский (*dv*) и осетинский (*tu||tv*) варианты.

2) В современных нахских языках нет лабиализованных согласных. Поэтому, естественно звучание анализируемого слова как *дал*. В языческом пантеоне древних нахов (чеченцев, ингушей и бацбийцев) был бог *Дал(а)* — «верховный бог солнца и неба» (чеч. *дела||дал(а)*, инг. *давла* < *дала*, бацб. *дала*).

Выше уже указывалось, что название одного из чеченских племен *маьлхи(й)* восходит к слову *малх* — «солнце», которое служило «тотемом» — богом этого племени, отсюда *маьлх-ий* — «дети солнца». Подобным же образом, от *дал* может быть произведено новое слово посредством словообразовательного аффикса *а(уо)*: *дал-о||далуо||далов||далой*. Слово *далуо||далов* в этом случае будет означать: «тот, кто происходит от *дал*, дети *дал-а*».

3) Данные сравнительно-исторического изучения нахских языков показывают, что чеченский, ингушский и бацбийский языки восходят к той ветви горских кавказских языков, которая занимала промежуточное положение между дагестанскими и абхазо-адыгскими языками. Косвенным путем примерно к тому же выводу приходит и В. И. Абаев, говоря о том, что осет. *къох//къох* — «рука» (ср. инг. *кулг*, чеч. *куьг*), *къах* — «нога» (ср. инг. чеч. *ког*) заимствованы не прямо из ингушского или чеченского, а из какого-то их предшественника»².

Предшественники чеченцев, ингушей и бацбийцев, язык которых относился к ветви, занимавшей промежуточное положение между дагестанскими и абхазскими языками, имели и территорию, расположенную между районами расселения дагестанских и абхазо-адыгских племен. Известно, что бацбийцы выселились из района Владикавказа, т. е. из того района, где, примерно, локализованы были двалы.

Таким образом, к наиболее вероятным предшественникам нахских племен относятся двалы. Высказанные здесь соображения, конечно, нуждаются в дополнительном обосновании, в подтверждении данными истории, археологии, этнографии.

В освещении таких сложных и спорных вопросов главное — научно обоснованная, объективная оценка фактов без взаимных обвинений в национализме, шовинизме, в стремлении найти бедных, богатых или

¹ В. Гамрекели. Указ. соч., стр. 210.

² В. И. Абаев. Осетино-вейнахские лексические параллели. Известия ЧИНИИЯЛ, т. I, вып. II, Грозный, 1959. Языкознание, Грозный, 1959, стр. 103, 112.

именитых «родственников» в прошлом. Малочисленным народностям Северного Кавказа, пострадавшим от всех завоевателей, не игравшим (в силу исторических причин) сколько-нибудь существенной роли в истории мировой культуры, особенно нечего искать в «дебрях истории». Важна научная истина, важно правильное освещение исторических, лингвистических фактов.

В этой краткой характеристике невозможно дать исчерпывающий анализ всех нахских топонимов и этнонимов (нет такого полного анализа даже русской топонимики и этнонимики).

НАХСКАЯ ОНОМАСТИКА

Нахская ономастика — совокупность собственных имен, встречающихся в чеченском, ингушском и бацбийском языках, весьма пестрая по своему составу. Специфические особенности фонетической системы, структуры лексических единиц и морфологического строя нахских языков в той или иной мере получили отражение в нахских собственных именах. Целесообразно разграничить собственные имена, встречающиеся в чеченском и ингушском языках, с одной стороны, и собственные имена, употребляемые в бацбийском языке. Рассмотрим состав собственных имен в чеченском и ингушском языках.

В состав собственных ингушских и чеченских имен входят главным образом: а) исконно чеченские и ингушские; б) заимствованные из русского и через него из других языков; в) заимствованные из арабского и персидского языков. В чеченском и ингушском языках есть имена, восходящие и к другим языкам (тюркским, монгольским, грузинскому и т. д.).

Подавляющее большинство собственных имен, приведенных в прилагаемом списке, заимствовано из арабского, персидского и тюркских языков. К ним относятся, например:

Мужские имена: *Ахьмад* (Ахмаг)¹, *Алауддин* (Алаудин), *Али* (Али), *Бексолтан* (Бексолтан), *Бауддин* (Бауддин), *Везирхан*, *Герихан* (Герихан), *Джабраил* (Джабраил), *Джамалдин* (Джамалдин), *Дауд* (Дауд), *Джамболт* (Джамбулат), *Зойрбек* (Заурбек), *Зияуддин* (Зияудин), *Исмаил* (Исмаил), *Ибрахлм* (Ибрагим), *Керим* (Керим), *Керимсултан* (Керимсултан), *Мохьмад* (Магомед), *Махьмуд* (Махмуд), *Назарбек* (Назарбек), *Юмар* (Омар), *Паша* (Паша), *Решед* (Рашид), *Рамзан* (Рамазан), *Сардал* (Сардал), *Саьид* (Саид), *Темарлан* (Темарлан), *Умар* (Умар), *Пойзулла* (Файзулла), *Хьажмурд* (Хаджимуррад), *Хьамид* (Хамид), *Шахлб* (Шахаб), *Эскархан* (Эскирхан), *Юнус* (Юнус), *Якьуб* (Якуб) и др.

Женские имена: *Амнат* (Аминат), *Айшат* (Айшат), *Зайнап* (Зайнап), *Зелиха* (Зелиха), *Лайла* (Лайла), *Малика* (Малика), *Петлмат* (Патимат), *Ребиат* (Ребиат), *Султанат* (Султанат), *Хадишт* (Хадиджат) и др.

В нашу эпоху наблюдается постепенное сокращение имен арабского, персидского происхождения, которые вытесняются именами, заимствованными из русского языка и через него из других языков.

Из наиболее распространенных мужских и женских имен, заимствованных из русского языка и через него из других языков, укажем следующие: *Жена* (Женя), *Лариса*, *Лиза*, *Луиза*, *Раиса*, *Роза*, *Руслан*; *Саша*, *Эльза* и др.

¹ В скобках даются эти же имена в их русском написании.

Что же касается исконно чеченских и ингушских имен, то наиболее употребительными и специфичными из них являются:

Мужские имена: *Ваха* (Вáха), *Дика* (Дикá), *Леча* (Лéча), *Олхазар* (Алхазур), *Бехо* (Бéхо), *Блаьргаш/инг*, *Бларгиш* (Баргиш) и др.

Женские имена: *Дети* (Детú), *Деши* (Дешí), *Жовхлар* (Жовхáр), *Зезаг* (Зéзаг), *Заза* (Зáза), *Полла* (Поллá), *Яха* (Я́ха), *Яхийта* (Я́хийта) и др.

Приведенные выше исконно ингушские и чеченские имена означают: *Ваха* — «живи (мужчина)», *Яха* — «живи (женщина)», *Яхийта* — «позволь жить (женщине)» и т. д. Остальные же имена образованы от следующих слов: *Дика* — «хороший», *Леча* — «сокол», *Олхазар* — «птица», *Дети* — «серебро», *Деши* — «золото», *Жовхлар* (займ. слово) — «жемчуг», *Зезаг* — «цветок», *Заза* — «цветение», *Полла* — «бабочка», *Бехо* — «воин», *Блаьргаш* (инг. *Бларгиш*) — «глаза», *Цокъ* — «барс», *Ткъам* — «крыло», *Зламигиварг* — «маленький», *Джоглург* — (букв.) «карий» и др.

Строение (структура) собственного имени в чеченском и ингушском языках зависит, чаще всего, от его происхождения.

Исконные имена нередко имеют структуру определенной глагольной формы: *Ваха* — мужское имя, восходящее к форме повелительного наклонения с классным префиксом *в-*: *в-аха* — «живи» (мужчина); *Яха* — женское имя, образованное от формы повелительного наклонения с классным префиксом *й-*: *й-аха* — «живи» (женщина), *Яхийта* — женское имя, восходящее к понудительной форме повелит. накл. с классным префиксом *й-*: *йахийта* — «позволь жить» (женщине) и т. д.

Некоторые исконные имена представляют собой формы так называемых независимых субстантивированных имен прилагательных, причастий: инг. *Зламигиварг* — «тот, кто маленький, т. е. маленький», *Джоглург* — «тот, кто карий, т. е. карий» и т. д. (окончание *-рг* этих двух слов — показатель независимого прилагательного, причастия).

Имена людей образуются и от качественных прилагательных: *Дика* (от слова *дика* — «хороший»), от наименований птиц, благородных металлов и т. д. в формах им. п. ед. ч.: *Леча* (от *леча* — «сокол»), *Деши* (от *деши* — «золото»); наименования частей организма: чеч. *Блаьргаш* (от *блаьргаш* — «глаза»); инг. *Ткъам* (от *т/къам* — «крыло») и т. д.

Среди исконных личных имен почти не встречаются в официальных документах составные имена, а также имена в ласкательной, уменьшительной форме, которая обычно образуется при помощи аффикса *-и*: *Юни* (от Юнус), *Ваши* (от Ваша) и т. д.

Заемствованные из арабского и персидского языков имена часто бывают составными: *Асланбек*, *Арсахан*, *Бексолтан*, *Бекмарза* и т. д. Титул может быть присоединен к основной части имени как в начале, так и в конце слова: *Солсбек* и *Бексолтан*. Личное имя может состоять из сочетания титулов: *Бекмарза* (Бекмирза), *Марзбек* (Марзабек), *Бексултан*, *Бекхан* и т. д.

Характерно, что такие уменьшительно-ласкательные формы имен, как *Саша*, *Женя* (*Жена*), употребляются как основные женские имена. В то же время совершенно не встречаются их основные формы — *Александра*, *Евгения*.

Отчество и фамилия в живой речи конструируются двояко: по собственно чечено-ингушской формуле, а также по формуле, заимствованной из русского языка. По чечено-ингушской формуле имя отца ставится в род. п.: *Хьамид-ан Ваха* — дословно Хамида Ваха, т. е. Ваха Хамидович; при этом отчество предшествует имени. Указанная формула выражения отчества служит одновременно и формулой построения фа-

мили: у чеченцев в большинстве случаев отчество служит и фамилией. Очень редко чеченцы для выражения фамилии используют название племени, рода, а также имя деда. Указанные формулы в официальных документах не встречаются.

В официальных документах чеченцы и ингуши пользуются заимствованными из русского языка формулами построения фамилии и отчества: Ибрагимов Усман Ахмедович, Ахматова Марем Магомедовна и т. д. Как видно из этих примеров, заимствуется не только формула построения отчества и фамилии, но и аффиксы, образующие отчество и фамилию для мужчин и женщин.

Однако русская формула построения фамилии не используется в собирательном значении, т. е. в значении Ивановы, Ибрагимовы и т. д. В этой функции употребляются: а) собственное имя с окончанием *-лар*, имеющим собирательное значение: *Иусман-лар* — «Усмановы», т. е. семья Усмана, его родственники или же все те, которые с ним находятся; б) к русской формуле построения фамилии добавляют окончание *-лар*: *Ивановлар* — «Ивановы», *Ибрагимовлар* — «Ибрагимовы» и т. д. Однако не говорят в этом значении: Ивановы, Ибрагимовы и т. д.

В чеченских, ингушских собственных именах редко встречаются так называемые «кавказские» звуки — смычногортанные *пI, тI, цI, чI*: инг. *БатIал, МарцIан, ЧIана, КIуда*. Из других звуков, отсутствующих в русском языке, в личных именах употребляются: согласные фонемы, передаваемые через буквенные сочетания: *къ* (*Якъуб*), *I* (*Iалви*), *ГI* (*ГIайрбек*), *кх* (*Аьламкхаус*), *хь* (*Хьамид*); гласные фонемы, обозначаемые через *аь* (*Аьсинат*), *оь* (*Лоьма*) и некоторые другие.

подавляющее большинство фонетических расхождений, обнаруживаемых в собственных именах, относится к именам, заимствованным из арабского и персидского и тюркских языков: *Абумуслим* и *Абумуслем*, *Iабдулкерам* и *Iабдулкерим*, *Бексолта* и *Бексолтан*, *Бекмарза* и *Бекмирза*, *Iела* и *Iали*, *ГIайрбек* и *ГIайрабек*, *Мурат* и *Мурад* и т. д.

Подобные фонетические расхождения не обнаруживаются в собственных именах исконного происхождения, а также в заимствованных из русского языка.

Некоторые из указанных выше фонетических особенностей личных имен связаны с диалектными различиями. Так, в речи надтеречных чеченцев встречается имя *Мовлад*, чеченцы — носители Ачхой-Мартановского говора — говорят *Мавлид* || *Мовлид*. Соответственно с этим пишут эти имена и в официальных документах.

В одних говорах конечные звонкие согласные оглушаются, в других — нет. Этим обусловлено употребление следующих вариантов собственных имен: *Ахьмат* — *Ахьмад*, *Махьмут* — *Махьмуд*; *Абуязит* — *Абуязид* и т. д.

Есть говоры, в которых лабиализованный гласный предшествующего слога влияет на лабиализацию гласного в составе последующего слога, но есть говоры, в которых нет этого явления. В результате имеем: *Юсуп* — *Юсап*, *Юнус* — *Юнас* и т. д.

В чеченском и ингушском языках ударение обычно падает на первый слог (гласный) юрния от начала слова. Поэтому ударными могут быть и краткие и долгие гласные. В связи с этим часто возникают ошибки и недоразумения при употреблении чеченских и ингушских имен в русском языке. Так, например, есть два брата, имена которых пишутся одинаково, но произносятся по-разному: *Ахьмад* — *Ахмат*, *Ахьмад* — *Ахмат*. В чеченском эти имена произносятся с ударением на первом слоге. Различаются же они по долготе и краткости второго гласного. В первом имени второй слог произносится долго, поэтому в русском язы-

ке он является ударным. Во втором имени оба гласных краткие, но ударным в русском языке должен быть первый слог, тем не менее в русском языке ударение переносит на второй слог, в результате не различают указанных имен и в живой русской речи.

В ингушском языке чаще, чем в чеченском, встречается звук *аь* — гласный переднего ряда (соответствует немецкому краткому *ä* в одних случаях и долговому *ä* — в других).

Мужские имена	
чеч.	инг.
<i>Аьрсмак</i>	<i>Аьрсмак</i>
но:	
<i>Элбек</i>	<i>Аьлбаст</i>
<i>Аьубакар</i>	<i>Аьбубукар</i>

и т. д.

Женские имена, которые в инг. употребляются с звуком (*аь*), в чеч.— часто произносят с *а*.

Женские имена	
<i>Ази</i>	<i>Аьзи</i>
<i>Асинат</i>	<i>Аьсинат</i>
<i>Апинат</i>	<i>Аьпинат</i>

и т. д.

Ингушские собственные имена отличаются от чеченских еще и тем, что в первых чаще встречаются звуки *чI*, *цI*.

Чеченские и ингушские собственные имена можно отличить от иноязычных графически (по написанию), главным образом, наличием буквосочетаний *аь* и *оь*, обозначающих соответствующие гласные звуки переднего ряда.

В чеченском и ингушском языках встречаются собственные имена неизвестного происхождения. Например, чеченские мужские имена *Мика*, *Мада*, *Мадий* [*Ма:ди:*], *Мида*, *Дага*, *Ида* и т. д. Почти все приведенные собственные имена встречаются у античных греческих и латинских авторов. Так, Геродот писал: «...появилось большое скифское войско, которое вел скифский царь Мадий — сын Протогия»¹ (ср. чеченское собственное мужское имя *Мадий*). Екатель Милитский писал: что «Мидия — страна, лежащая у Каспийских ворот. От Мида сына Мидии»². Он же называет народы Иды³ («народ скифский»), Мики⁴. У Юлия Солина находим мы название народа Даги⁵. Эти этнонимы можно сопоставить с собственными чеченскими именами: *Мида*, *Ида*, *Мика*, *Дага*. И в современном чеченском языке есть собственные имена и фамилии, восходящие к этнонимам абхазцы, абазины и т. д. Конечно, сопоставляя этнонимы, встречающиеся у античных авторов, писавших о Кавказе, с собственными чеченскими именами неизвестного происхождения, следует учитывать возможность их случайного совпадения, созвучия.

¹ В. В. Латышев. Известия древних писателей (греческих и латинских) о Скифии и Кавказе, т. I, Спб., 1890, стр. 1.

² Там же, стр. 2.

³ Там же, стр. 1.

⁴ Там же, стр. 2.

⁵ Там же, том II, стр. 273.

Что же касается бацбийских собственных имен, то они подразделяются на: а) заимствованные из грузинского и через него из других языков; б) заимствованные из других языков, минуя грузинский. Трудно выделить среди них более или менее значительный слой собственных имен исконно бацбийского происхождения.

В бацбийской ономастике чувствуется сильное влияние грузинского языка, грузинской культуры. Исконно бацбийские имена, а также древние слои ономастики вытеснены грузинскими собственными именами. Этому способствовало развитие двуязычия у бацбийцев. Подавляющее большинство собственных имен восходит к грузинскому языку:

- а) имена мужчин: *Сандро* — «Александр», *Сосо* — «Иосиф», *Никло* — «Николай», *Леване* — «Лев» и т. д.
- б) имена женщин — *Аникло*, *Баликло*, *Кето* и др.;
- в) отчества восходят к именам мужчин — *Сандро*, *Тедоле клант ва* — Александр Федорович (букв.: *Сандро* (Александр) *Тедоле* (Федора) (сын есть).

В дореволюционное время при крещении детям давали грузинские (в основном) христианские имена. Это способствовало вытеснению имен и отчеств, восходивших к догрузинской бацбийской ономастике.

Нередко суеверные родители давали детям имена, встречающиеся у других народов, стараясь обмануть злую силу и уберечь своего ребенка от болезни и смерти. С этой целью детям давали магометанские и другие имена: *Мухтар*, *Умар*, *Пацо* и т. д. Следовательно, приведенные имена нельзя относить к догрузинской ономастике.

Бацбийские фамилии конструируются по-грузински: *Цискаришвили*, *Кадагидзе* и т. д.

Как показывают приведенные факты, бацбийская ономастика мало что дает для освещения древней истории бацбийцев. Она представляет больший интерес только для характеристики, главным образом, внешнего влияния грузинского языка на бацбийский.

СОВРЕМЕННЫЕ НАХСКИЕ НАРОДЫ

В состав современных нахских народов входят чеченцы, ингуши и бацбийцы. По данным переписи 1959 года, всего чеченцев в СССР — 418 тысяч чел., ингушей — 106 тыс. чел. Бацбийцы в материалах переписи 1959 г. не выделены. По данным, собранным нами в 1948—1949 гг. в Ахметоком районе Грузинской ССР, бацбийцев было всего около 3 тысяч человек.

Самоназвание чеченцев — *нохчуо* (ед. ч.) — *нохчий* (мн. ч.). По-видимому, слово *нахчуо*/*нохчуо* древнего происхождения. Оно засвидетельствовано армянскими письменными памятниками, относящимися к VII веку нашей эры¹. По всей вероятности, русское наименование «чеченец» (чечен) восходит к названию чеченского села Чечана.

Самоназвание ингушей — *галгла* (ед. ч.) — ингуш *галглай* (мн. ч.) — ингуши. Русское наименование «ингуш» также восходит к названию ингушского села Ангош (Ангушт).

Самоназвание бацбийцев — *бацав* (ед. ч.) — «бацбиец», *бацби* (мн. ч.) — «бацбийцы». Чеченцы также называют их *бацуо* (ед. ч.), *бацуой* (мн. ч.). Название *бацав* (*бацуо*) [*ба:цаw*||*ба:цуо:*] восходит к слову *буц* — трава. Бацбийцы, как овцеводы, были связаны с альпийскими пастбищами. Отсюда их название.

¹ Армянская география, приписываемая Моисею Хоренскому, русский перевод Патканова, 1877, стр. 37.

Основная масса чеченцев и ингушей проживает на Северном Кавказе — в Чечено-Ингушской АССР, входящей в состав РСФСР. Чеченцы (кистины) живут также в нескольких селах в Кахетии, в Панжийском ущелье¹, а также в Дагестанской АССР.

Бацбийцы живут в Восточной Грузии — в Ахметском районе.

Бацбийцы

Основная масса бацбийцев живет в селе Земо-Алвани Ахметского района Грузинской ССР. Это село расположено на левом берегу реки Алазань.

Предки бацбийцев, по преданию, были выходцами из Вабо («*Ваьпни*»). Вабо—*Ваьпни* (чеч.), *Фаьпни* (инг.)—находилось в горах недалеко от города Орджоникидзе. Что предки бацбийцев были выходцами из *Ваьпни* (Вабо), подтверждают и ингушские предания.

В Горной Тушетии бацбийцы основали село Царо. Название этого села происходит от общенахского слова *цла* — дом; *цларо* — форма исходного падежа с флексией -о, возникшей позже под влиянием грузинского языка. Царо для бацбийцев — родина их предков. Летом значительная часть бацбийцев направляется вместе с детьми в горы, чтобы отметить там один из своих местных праздников. Из-за того, что село Царо расположено на крутом склоне горы, приезжие на праздник останавливаются в живописной котловине Цовата (от слова *цла* — дом). Оттуда обычно на лошадях едут в Царо, чтобы совершить там обряд жертвоприношения. Пишущему эти строки довелось принять участие в одном из таких празднеств в 1948 г. Из Цоваты мы приехали в Царо верхом на лошадях, спешили. Мы привезли с собой и барана для жертвоприношения. Животное со связанными ногами положили на землю, один из бацбийцев средних лет обнажил пастушеский кинжал и подошел к молодым бацбийцам, которые держали барана, и попросил их, положить барана так, чтобы горло было обращено к югу (помню, я обратил на это внимание бацбийцев, рассказывая им, что магометане тоже так поступают, когда убивают животное), и затем он перерезал горло барана. Когда мы вернулись из Царо в котловину Цовата, там праздник был в разгаре. Бацбийцы сидели на лужайке длинными рядами. Каждая семья выложила на скатерть свою еду: хлеб, мясо, фрукты и т. д. Вина, горного пива, *члачла* было много. Пели, танцевали, устраивали скачки, вспоминали ратные подвиги своих предков. Кругом горели костры, где варили, жарили мясо, готовили отменные шашлыки. В наши дни этот обряд потерял свое первоначальное культовое значение.

Бацбиец, который зарезал быка, пригласил меня присоединиться к ним. Я охотно выполнил его просьбу. Мы сидели вокруг костра на лужайке. Над огнем висел огромный медный котел, в котором варилась почти половина быка. Рядом стояли бочка горного пива, бочонки с вином и водкой. Хозяин вытащил из котла огромный кусок мяса и протянул мне. «Будем следовать сегодня обычаям и законам наших предков», — сказал он мне, смеясь.

Развалины Царо напоминают небольшой городок, хорошо укрепленный. Дома построены из аспидных (каменных) плит хорошими строителями. Строения расположены очень близко друг к другу — без приусадебных участков. Хотя в городке была крепость, но, в сущности, каждый дом представлял собой крепость. Вместо окон имелись небольшие отверстия.

¹ И. Ю. Алироев. Кистинский диалект чеченского языка. Грозный, 1962, стр. 3—5.

В траурно-торжественном молчании бацбийцы подвели меня к маленькому домику, у самого входа еще сохранилась деревянная стойка. «Во время эпидемии чумы,— рассказывал один из старших бацбийцев,— каждый заболевший приходил сюда, отталкивал вниз (внутрь домика) мертвого и ложился на эту стойку, чтобы умереть, будучи не в силах бороться со страшной болезнью. Очень много бацбийцев умерло тогда от чумы. Никто не помнит, когда это было».

Примерно в четырех-пяти километрах от Царо находится котловина Цовата, в которой также сохранились развалины четырех бацбийских сел: Сагирта, Этельта, Мозарта и Индурта. Эти села были основаны, по преданию бацбийцев, братьями, переселившимися из Царо.

Дома во всех четырех селах были построены из аспидных плит (они мало чем отличаются от домов в Царо). Села расположены на берегу небольших речек, которые соединяются у входа в Цароевское ущелье. В Индурта хорошо сохранилась крепость, от которой подземный ход ведет к реке. Бацбийцы рассказывали мне, что во время нападения врагов все жители села собирались в этой крепости.

По преданию бацбийцев, строителями этой крепости были чеченцы. После того как они построили крепость, молодые бацбийцы предложили их убить, чтобы они не выдали секрет крепости. Старики не согласились с ними. «Нельзя убивать чужестранцев в нашем доме»,— сказали они. Тогда было решено выдать им деньги и отправить их домой, а в горах устроить засаду и убить их. Так и сделали. Кто бы они ни были, это были прекрасные для своего времени строители.

Никто не знает, когда бацбийцы переселились из Царо в эти села.

Сурова и тяжела была жизнь бацбийцев в Цовата. На вершинах гор, окружающих котловину Цовата, были сторожевые башни. Жители сел дежурили там по очереди, чтобы вовремя сигнализировать своим о нападении врагов.

Развалины домов, крепостей, построенных из аспидных плит, сохранились в Перекительском ущелье, находящемся между Чечней и Цоватой. Аналогичные дома из аспидных плит были построены и в Хиналуге (в Азербайджане) — на таких же крутых склонах гор, какие я видел в Царо. Архитектура строений из аспидных плит в Царо, Цовата, Перекительском ущелье и Хиналуге одного и того же стиля. Техника строительства (судя по хорошо сохранившимся развалинам) и строительные материалы мало чем отличаются друг от друга. Кто были создатели этой строительной культуры, у кого, где они учились? Трудно ответить на эти вопросы. Во всяком случае их строительное искусство, трудолюбие и упорство в создании больших строений на крутых склонах гор при отсутствии строительной техники вызывают до сих пор восхищение жителей этих местностей.

В горах бацбийцы не занимались огородничеством, садоводством, виноградарством. Главным их занятием было овцеводство, как и в настоящее время.

Примерно, в 20-х годах XIX столетия после разрушения села Сагирты горным потоком бацбийцы переселились в Кахетию. Сначала они жили в Тбатани (где находится озеро) в верховьях реки Алазань. Оттуда они спускались в Кахетию. Недалеко от села Ахмети на левом берегу Алазани (за Алванским Полем) есть небольшие горы. На склонах этих гор у бацбийцев были разбросаны дома. В 1924—1925 гг. Советская власть предоставила в их распоряжение часть Алванского Поля. Каждая семья получила участок земли. Здесь было построено по определенному плану село Земо-Алвани. Нынешнее селение Земо-Алвани напоми-

нает благоустроенный городок с хорошими каменными (обычно двухэтажными) домами, построенными в стиле грузинской архитектуры. В селе есть средняя школа, клуб, электричество, водопровод. Все бацбийцы объединены в одном богатом колхозе, в котором широко применяется сельскохозяйственная техника. Хозяйство колхоза многоотраслевое: земледелие, садоводство, но главное место занимает овцеводство.

В советскую эпоху жизнь бацбийцев совершенно преобразилась. Среди них очень много людей с высшим и средним образованием. Давно ликвидирована неграмотность.

Все бацбийцы от мала до велика двуязычны. В быту, в их повседневной жизни преобладают грузинские обычаи, нравы. Песни поют по-грузински, пляски, танцы — грузинские. Язык их бесписьменный. Все это обуславливает постепенное отмирание их исконного языка — без принуждения, без насильственного навязывания им другого языка.

Чтобы наглядно представить себе тяжелую в прошлом жизнь бацбийцев, приведу рассказ покойного Александра Федоровича Цискаришвили (он скончался в 1953 году в возрасте около 80 лет), прекрасного знатока прошлого, нравов, обычаев своего маленького народа. Этот рассказ «*Бацба нах Лаумре ахъихар*» — «Как бацбийцы спускались с гор» опубликован в моей книге «Бацбийский язык»¹, которая стала библиографической редкостью. Ниже привожу этот рассказ в сокращенном изложении.

«Бацбийцы в старину жили в горах. Только мужчины видели равнину (Кახетию). Женщины не знали, что бывает на равнине. Женщины стали спускаться с гор только с появлением русских. И то не все. Боялись нападения врагов. Спускающихся с гор, сопровождали вооруженные люди, которые шли сзади. Опасно было спускаться с гор (вспомните котловину умерщвления Гелуидзевых...). Корзины, переметные сумы, наполненные едой, везли на вьючных животных. Женщины, дети то шли пешком, то ехали верхом на лошадях. Хороших дорог не было. Шли и ехали по горным тропинкам несколько суток. Переходили высокие горы (высотой в два — три километра). Тяжелая была жизнь.

Скот гнали впереди. Сначала переходили Кадунокий (Кодорнский) перевал и приходили в Алазнистави на стоянку. Оттуда, поднявшись на Сакорскую (Сакорнскую) гору, добирались до места гибели Купра². С этого места в Тбатани приходили. Оттуда — в Алвани. Впервые в Каклияни основали село. Панкийское ущелье тогда пустое было. В селе Биркиани немного грузин было. И их в Бахтриони перевели.

Когда спускались в Панкисию по дороге, отклониться от пути боялись. В кустарниках бузины скрывались, прятали там скот. На стоянке люди, траву скошив, тропинки делали. По этим тропинкам подходили к стану. Ночью вооруженные люди охраняли стан. Так мучались долгое время.

Когда село Сагирту горный поток разрушил, много народу пришло в Алвани. Многие не стали возвращаться в Цовата постоянно жить. Многие остались жить в Тбатани. Вначале летом все жили в Тбатани. С тех пор как горный поток Сагирту разрушил, примерно 120 лет прошло. В Алвани было всего четыре-пять человек образованных. Теперь, однако, даже девушки нет без образования. Теперь не сможешь отличить бацбийцев от другого народа».

В этом рассказе старого бацбийца отражена жизнь бацбийцев за долгий период времени. Такие же рассказы я слышал и от других бацбийцев. Этот маленький трудолюбивый и исключительно честный народ

¹ Ю. Д. Дешериев. Бацбийский язык, М.—Л., 1953, стр. 349—351.

² См. рассказ «Место гибели Купра» (Ю. Д. Дешериев. Бацбийский язык, стр. 361—362).

прошел трудный жизненный путь. Историю бацбийцев последних веков можно разделить на пять периодов:

1) Период переселения из гор в районе гор. Орджоникидзе в Горную Тушетию. Неизвестно, когда это произошло. О выселении из указанного района говорят предания самих бацбийцев, а также ингушей. Об этом свидетельствуют также некоторые элементы языка бацбийцев, в котором обнаруживаются явления, характерные для ингушского языка.

2) Период жизни в Царо. Этот период отражен в эпических песнях бацбийцев, дагестанцев и чеченцев. Так, в одной эпической песне, которую я слышал в Земо-Алвани, рассказывается о нашествии аварского Нуцала на Царо и о подвигах бацбийцев. Характерно, что и у аварцев есть эпическая песня, посвященная одному из походов Нуцала на Царо.

Неизвестно, когда было основано село Царо и когда его покинули бацбийцы. Есть основание полагать, что они переселились в Цовата в царствование в Кахетии царя Леона (умер в 1575 г.). По преданию бацбийцев, их предки обратились к этому царю с просьбой о военной помощи в борьбе против нашествия аварского хана (Нуцала). Царь Леон решил оказать бацбийцам помощь. С большим количеством войск он направился в Горную Тушетию. Бацбийцы одержали победу при помощи войск кахетинского царя. Царь Леон особой грамотой разрешил бацбийцам спускаться в Кахетию пасти овец, за что они должны были платить ему дань. С этого времени бацбийцы приняли покровительство грузинских царей.

3) Период жизни бацбийцев в Цовата. В этот период они пользовались покровительством грузинских царей. Чувствуя их поддержку, они стали жить в более удобном и просторном месте, хотя жизнь их и в Цовата не была лишена опасностей.

Интенсивнее стали культурно-экономические связи бацбийцев с грузинами, живущими в Кахетии.

4) Период жизни бацбийцев в Тбатани. Это был последний этап бацбийцев на пути их передвижения в Кахетию и окончательного сближения с Грузией. Период был сравнительно коротким. Здесь положение бацбийцев было в известном смысле двойственным. С одной стороны, они были связаны с Цоватой и, с другой, — с Кахетией. Разрушение горным потоком села Сагирта окончательно решило вопрос в пользу Кахетии.

5) Период жизни в Кахетии. В этот период происходят коренные изменения в экономической, культурной жизни бацбийцев, в их быту, обычаях, нравах. Они стали вести многоотраслевое хозяйство (скотоводство, главным образом, овцеводство, садоводство, земледелие, торговлю). Грузинская материальная и духовная культура, грузинские обычаи, нравы постепенно вошли в их быт, постепенно вытеснили многие исконные черты материальной и духовной культуры бацбийцев. Все это отразилось и на их языке.

Экономические и культурные связи бацбийцев с грузинами имели прогрессивное значение для первых. Спустившись с гор, где они жили изолированно от внешнего мира, в цветущие, плодородные долины Восточной Грузии—Кахетии, бацбийцы увидели новый для них культурный мир, более развитое земледелие, чем то, которое было известно им в Горной Тушетии, садоводство, огородничество, птицеводство, виноградарство. Несомненно, христианство было занесено в Горную Тушетию из Грузии.

Древняя материальная и духовная культура грузинского народа оказала исключительно плодотворное влияние на социально-экономическое и культурное развитие бацбийцев, на все стороны их жизни.

Из истории чечено-ингушского народа

По данным переписи 1959 г. в СССР всего чеченцев и ингушей 524 тысячи человек.

Относительно небольшая часть чеченцев и ингушей проживает в Турции, Сирии и Иордании. Мы не располагаем точными данными об их численности. Известно только то, что они выселились в эти страны во второй половине XIX века и в первые 10—15 лет XX века.

Историческое прошлое чечено-ингушского народа весьма слабо освещено не только в общей, но и в специальной литературе. Поэтому мы вынуждены кратко изложить здесь основные сведения из истории чечено-ингушского народа.

Известная науке территория, с древнейших времен принадлежащая чеченцам и ингушам, входит в состав нынешней Чечено-Ингушской АССР на Северном Кавказе. Таким образом, чеченцы и ингуши — аборигены Северного Кавказа¹.

Чечено-Ингушская АССР, входящая в состав РСФСР, граничит на севере со Ставропольским краем РСФСР, на северо-востоке и востоке — с Дагестанской АССР, на западе — с Северо-Осетинской АССР, на юге — с Грузинской ССР. Республика занимает площадь 19,3 тыс. кв. км с населением 710 тысяч человек, из которых городское население составляют 294 тысячи человек, а сельское — 416 тысяч человек.

Основное население республики — чеченцы, ингуши, русские. В республике есть города: Грозный (столица республики с населением 242 тыс. чел.), Гудермес, Малгобек.

По данным физико-географической характеристики территории республика расположена в юго-восточной части Северного Кавказа и занимает северные склоны Кавказского хребта и южную часть Терско-Кумской низменности. На территории Чечено-Ингушетии много высоких гор, покрытых ледниками. Среди них Боковой хребет (4494 м высоты, гора Тебулосмта), который тянется вдоль южной границы Чинира, Скалистый (до 3000 м высоты) и др. Названия местностей, горных вершин Чечено-Ингушетии почти не изучены, хотя ее топонимика очень богата.

На территории республики много рек, все они текут с запада на восток. Их наименования также не изучены. Такие гидронимы как Марта, Ашхо, Шалажи, Асса (чеч. *Iabca*), Аргун (чеч. *Орга*) и др. представляют большой историко-лингвистический интерес, но, к сожалению, они еще не стали предметом специального исследования.

Чечено-Ингушетия богата также растительным и животным миром, полезными ископаемыми. Изучение названий различных трав, пород деревьев, различных представителей животного мира, полезных ископаемых, представленных на территории республики, также имело бы существенное значение для истории нахских народов и их языков. Это тем более необходимо, что на чеченском и ингушском языках отсутствуют древние письменные памятники.

К вопросу о древней истории Чечено-Ингушетии

Современная наука не располагает достоверными сведениями о древней истории чеченцев и ингушей.

В специальной литературе высказано мнение, что ближайшими потомками носителей урартского языка являются горские кавказские народы. Это мнение нуждается не только в лингвистическом, но и в ис-

¹ Большая Советская энциклопедия, изд. М., 1957, том 51, стр. 303.

сторическом обосновании. Лингвистический аспект этого вопроса освещается на стр. 43.

В историческом аспекте данный вопрос не рассматривался из-за отсутствия достаточно достоверных данных.

Если лингвистические факты, которые заставляют говорить о генетическом родстве иберийско-кавказских языков, в частности, нахских языков, с урартским, не окажутся случайными (типологическими) совпадениями, то возникают две проблемы:

1) Указанные факты, возможно, являются результатом культурно-исторических связей между носителями урартского и иберийско-кавказских языков. В этом случае надо выяснить совместными усилиями языковедов, историков, этнографов и археологов, где, как и когда осуществлялись эти культурно-исторические связи. Таким образом, возникают новые вопросы, имеющие огромное значение для освещения древней истории народов Ближнего Востока, Малой Азии, Закавказья, Северного Кавказа и Дагестана.

2) Если же рассматриваемые лингвистические данные окажутся продуктом генетического родства (это еще не доказано) урартского и нахских языков, то ряд кардинальных проблем истории, языкознания, касающихся указанных народов и их языков, должен быть пересмотрен и по-новому освещен.

Независимо от того, как будут решены рассматриваемые проблемы, теоретическое и историческое значение данных нахских языков выходит далеко за пределы не только нахского, но и иберийско-кавказских языков. Поэтому факты нахских языков должны быть подвергнуты тщательному всестороннему научному и историческому анализу.

Территория Чечено-Ингушской АССР в плане археологии слабо изучена¹. Поскольку памятники материальной культуры дают нам представление о жизни населения, проживавшего на этой территории в древнейшие времена, их изучению следовало бы уделить значительное внимание. Правда, памятники материальной культуры, характеризующие общий процесс исторического развития населения данной территории, не могут заменить языковые факты при изучении истории развития родственных народов и языков. Тем не менее всестороннее (археологическое, лингвистическое, этнографическое и т. д.) изучение материалов раскопок может принести общую пользу истории развития родственных народов и языков. Так, лингвистическая характеристика найденных предметов и их частей при помощи местных жителей, языковедов и историков могла бы дать ценный материал как для языкознания, так и для истории, этнографии и археологии. К сожалению, такое изучение памятников материальной культуры у нас до сих пор не организовано. В этом, прежде всего, виноваты языковеды-кавказеды, которые не принимают участия в археологических экспедициях.

Приводимые ниже данные, относящиеся к древней истории Чечено-Ингушетии, почерпнуты нами из исследований советских археологов, прежде всего, из работы доктора исторических наук Е. И. Крупнова, систематически ведущего археологические работы на Северном Кавказе, в частности, в Чечено-Ингушской АССР. Общая характеристика археологических памятников Чечено-Ингушетии дана в ряде работ Е. И. Крупнова². Из трудов других исследователей памятников материальной

¹ Е. И. Крупнов. О чем говорят памятники материальной культуры Чечено-Ингушской АССР, Грозный, 1961.

² Е. И. Крупнов. Древняя история и культура Кабарды. М., 1957; его же. Древняя история Северного Кавказа, М., 1960; его же. О чем говорят памятники материальной культуры Чечено-Ингушской АССР, Грозный, 1961.

культуры заслуживают особого внимания работы академика В. Миллера¹.

По данным археологии, древнейшим памятником, характеризующим первобытно-общинный строй на территории Чечено-Ингушетии, является энеолитическое поселение у с. Мужичи (Луговое) в Ассинском ущелье. Археологи относят его к третьему тысячелетию до нашей эры. Этот памятник показывает, что местные племена вели оседлый образ жизни в период перехода от камня к металлу. Однако на основании этого памятника мы не можем утверждать, что он был создан предками чеченцев и ингушей, хотя такая возможность и не исключена. Вместе с тем допустимо предположение, что строителями рассматриваемого поселения были пришельцы-завоеватели. Все это, конечно, несколько не умаляет исторического значения указанного памятника для Чечено-Ингушетии.

Исследователи обнаружили на территории республики памятники материальной культуры эпохи бронзы: подкурганые погребения (у станций Нестеровской, Мекенской, в районе Грозного) и могильники в горных районах (например, у села Гатен-Кале). Заслуживает внимания тот факт, что удалось установить общие местные особенности указанных памятников и культур горного Дагестана, характеризующие в целом своеобразие северо-кавказской материальной культуры эпохи бронзы (второе тысячелетие до нашей эры).

Если учесть генетическое родство горских дагестанских и нахских языков, то выявленные археологами общие местные черты культур народов горного Дагестана и Чечено-Ингушетии приобретают особо важное значение для изучения древней истории генетически родственных горских кавказских народов.

Памятники каякентско-хорочоевской культуры в высокогорном районе у селений Хорочой, Дарго и Белгатой свидетельствуют о том, что в эпоху поздней бронзы и раннего железа (конец первого и первая половина первого тысячелетия до н. э.) в этих очень трудных для жизни местах существовали поселения. Аналогичные памятники найдены и в Дагестане.

В этих памятниках Чечено-Ингушетии (поселения, могильники из каменных пробниц каякентско-хорочоевской культуры и грунтовые могильники поздней кубанской культуры) найдены предметы украшения, вооружения и др. тroyакого происхождения:

1) предметы, отражающие каякентско-хорочоевскую культуру, испытавшую влияние культуры Закавказья, Египта и Финикии.

2) памятники, восходящие к так называемой кубанской культуре и показывающие влияние скифо-сарматской культуры;

3) предметы материальной культуры, восходящие к скифо-сарматской культуре Причерноморья и Нижнего Поволжья (железные кинжалы, наконечники копий и стрел, части конской узды), а также к культуре Закавказья, Египта и Финикии (богатые наборы многоцветных бус и т. д.).

Е. И. Крупнов дает следующую характеристику взаимодействия и взаимопереплетения этих культур на территории Северного Кавказа.

«С конца II и почти до самой середины I тысячелетия до нашей эры весь северо-восточный Кавказ (Дагестан и восточную часть Чечено-Ингушской АССР) занимала изученная только в советские годы каякентско-хорочоевская археологическая культура. Установлено, что в ее становлении сказались известная роль культур Закавказья и именно так называемой Ходжалы-Кедабекской культуры».

¹ Материалы по археологии Кавказа, вып. I, М., 1888.

На северо-западном Кавказе и в Прикубанье, на основе местной культуры медно-бронзового века, возникает прикубанская культура. Позднее на ее основе и в тесном взаимодействии с культурами киммерийцев и скифов появляются и развиваются культурные и политические объединения меотов, синдов и других народов северо-западного Кавказа, связавших свою судьбу с историей Боспорского царства.

В центральной части Северного Кавказа, начиная от рубежа II—I тысячелетия до нашей эры, бытовала весьма своеобразная, связанная с обработкой бронзы, так называемая кобанская культура (названная по месту первых находок у сел. Кобан в Северной Осетии), занимая преимущественно горные и предгорные районы Центрального Кавказа. Еще в ранний период бытования этой культуры прослежено первое появление железа и его индустриальное использование на Северном Кавказе — вначале в виде инкрустации бронзовых вещей, украшений, а позднее и для производства оружия. Массовое изготовление и применение железного оружия и орудий труда на Северном Кавказе падает на раннескифский период (VII—IV вв. до нашей эры).

В Закавказье железо стало активно распространяться еще раньше (с IX—VIII вв. до нашей эры)»¹.

Таким образом, данные археологии свидетельствуют о наличии культурно-исторических связей народов Северного Кавказа с народами Закавказья, Причерноморья и Нижнего Поволжья.

Эти связи должны были отразиться в духовной культуре, гражданской истории и в истории развития языков народов Северного Кавказа.

В памятниках, относящихся к V—IV вв. до нашей эры, более ясно и определенно очерчены общие специфические черты культуры «Особой племенной группы, представляющей восточный вариант культуры Северного Кавказа первой половины первого тысячелетия до нашей эры»². В эту же эпоху более ясно проявляется относительное единство антропологического типа и своеобразных этнографических черт. К сожалению, наука не имеет данных, характеризующих языки или гражданскую историю народов Северного Кавказа в ту эпоху.

Данные древних писателей, относящиеся к последним векам до нашей эры, имеют прямое и косвенное отношение к истории чечено-ингушского народа. Так, по мнению некоторых историков, упоминаемые Страбоном гаргарей — предки современных ингушей. Это название сопоставляют с самоназванием ингушей *галгалай*.

Этимологически слово гаргарей сравнивают с чеч. *гергара*, инг. *гаргара*³ — «близкий, родственник».

Попытки археологов использовать данные языка для объяснения древней истории заслуживают всяческой поддержки. Однако приведенные слова нуждаются в этимологическом обосновании. Нет достаточно убедительных лингвистических данных, которые позволили бы возводить самоназвание ингушей *галгалай|галгалай* к общенахскому слову, обозначающему «родственник, близкий» (чеч. *гергара*, инг. *гаргара*). Более древнее состояние отражает ингушская форма *гаргара*. Чеченская форма [*гергара*] — результат вторичного чередования гласных именных основ. Этимология этого слова не ясна. Возможно, здесь мы имеем дело с повторением основы для усиления значения.

Если предположительно ставить вопрос о возможности исторических связей между упоминаемым Страбоном наименованием народа гарга-

¹ Е. И. Крупнов. Древняя история Северного Кавказа, М., 1960, стр. 8.

² Большая Советская энциклопедия, II изд., том 51, стр. 307.

³ Е. И. Крупнов. Древняя история Северного Кавказа, стр. 70.

реи и ингушским словом *гаргара*, то нет основания соотносить последнее слово с самоназванием ингушей *галгла* (*галглай*). И вот почему.

По нашему мнению, слово *галгла*||*галглай* более позднего происхождения. Вероятно, оно образовалось после строительства боевых башен, крепостей в Горной Ингушетии. Слово *гала* означает «крепость, город». От этого слова через посредство словообразовательного аффикса *хо*<*ха*||*гла* образовалось новое производное слово *галагла* (>*галгла*) — «житель крепости».

В нахских языках звуки *х* и *г* часто чередуются (ср. чеч. диалектальные формы *вахана* и *ваглана*). Возможно и другое объяснение конечного слога *-гла* в составе рассматриваемого слова: в нахских языках некоторые именные словообразовательные элементы восходят к падежным аффиксам. В нахских языках есть два падежных аффикса *-ха* и *-гла*. Возможно, что в одном из говоров ингушского языка для образования нового слова от *гала* был использован падежный формант *-гла*: *галгла* — «житель крепости, города». Затем оно стало наименованием определенного рода, представленного жителями данной местности, где имелись эти крепости. В дальнейшем оно превращалось в название целого народа (подобно русскому наименованию ингушей).

Кавказоведение не располагает вполне достоверными фактами, характеризующими жизнь предков чечено-ингушского народа в первые века нашей эры. По данным советской археологии, в курганах, могильниках и городищах (у сел. Алхан-Кала, Дуба-Юрт, Алкун и др.), относящихся к рассматриваемой эпохе, представлены элементы сарматской и аланской культур (оружия, орудия труда, украшения). Переплетение элементов указанных двух культур дает основание думать о возможности возникновения благоприятных условий для взаимодействия этнических традиций, духовной и материальной культур, а также языков. Однако, на основании археологических материалов, о которых речь шла выше, невозможно ни проследить эти процессы, ни анализировать их результаты.

В VI—XI вв. нашей эры, по данным археологии в памятниках материальной культуры, господствующее место занимают аланские элементы. Археологические находки свидетельствуют о существовании широких культурно-исторических связей местного населения с другими народами, а также с Арабским Востоком (уникальная бронзовая курильница с арабской надписью VIII в. из с. Эрзи, комплект золоченых конских украшений из катакомбы у с. Верхний Алкун, большой клад серебряных куфических монет IX в. у с. Ажки-Юрт и др)¹.

К первым векам нашей эры (если не к более древним эпохам) относится языческий пантеон древних чеченцев и ингушей: *Дела* (чеч.) // *Давла* (инг.) — верховный бог солнца и неба, «бог» вообще в современном значении этого слова, *Села* — бог грома и молнии (в современном языке это слово почти не употребляется), *Фурки* — богиня ветра (инг.), *Чача* — богиня воды или «мать воды» (не употребляется в современном языке), *Кхинч* — богиня луны (в современном языке не употребляется), *Ерда* — бог скал (не употребляется в современном языке), *Тушоли* — бог плодородия (не употребляется в современном языке).

Трудно переоценить значение древнего письменного памятника на армянском языке, в котором засвидетельствовано само название чеченцев — *нахчаматьяне*. В указанном памятнике, относящемся к VII веку нашей эры, имеется самая древняя запись чеченского (и вообще нахско-

¹ Большая Советская энциклопедия, изд. II, том, 51, стр. 308.

го) слова, представленного в современном языке и не вызывающего никакого сомнения в том, что оно является собственно нахским словом.

Структура рассматриваемого слова отражает древний облик именных основ в нахских языках. На анализе структуры данной лексической единицы мы останавливаемся в связи с характеристикой значения армянских источников для древней истории чечено-ингушского народа.

К вопросу о средневековой истории чечено-ингушского народа

Наиболее значительные памятники материальной и духовной культуры Чечено-Ингушетии восходят ко второму тысячелетию нашей эры. К ним относятся жилые и боевые башни, святилища и погребальные памятники, развалины которых сохранились в горных районах Чечено-Ингушской АССР. Некоторые из этих памятников связаны с проникновением христианства из Грузии в Чечено-Ингушетию. Боевые и жилые башни созданы искусными мастерами. Наука не располагает достоверными данными о происхождении этой башенной культуры. Развалины жилых и боевых башен сохранились и в Горной Тушетии. По преданиям бацбийцев, строителями этих башен были чеченцы.

Неизвестно, когда проникло в Чечено-Ингушетию христианство. Не вызывает сомнения тот факт, что христианство предшествовало распространению магометанской религии среди чеченцев и ингушей. Об этом свидетельствуют памятники материальной культуры в горных районах Чечено-Ингушетии и данные нахских языков.

Средневековые памятники материальной культуры чечено-ингушского народа показывают, что основная масса чеченцев и ингушей, теснимых различными завоевателями и более мощными степными народами, вынуждена была в средние века жить в горных районах между Дарьяльским ущельем и верховьями реки Шаро-Аргун. Почти все современные чеченцы и ингуши — жители равнинных районов — считают себя выходцами из горных районов.

Эпоха феодализма мало отразилась на жизни чечено-ингушского народа. У чеченцев и ингушей не было сформировавшегося слоя — класса своих феодалов, ни князей, ни ханов. Поэтому феодальные отношения не могли пустить глубокие корни в их жизни.

Эпоха возрождения также не получила существенного отражения в истории чечено-ингушского народа, как и в истории других малых народов Северного Кавказа и Дагестана.

Для освещения древней, средневековой и новой истории чечено-ингушского народа важное значение имеет изучение вопроса о расселении представителей разных тайпов (родов) в равнинных районах Чечено-Ингушетии¹. Хотя в Чечено-Ингушетии и происходило многократное передвижение населения с гор в равнинные районы и обратно (в связи с нашествием различных завоевателей), все же начало современному расселению чечено-ингушского народа в равнинных районах было положено, по-видимому, в средние века.

Факты, которые приведены ниже, публикуются впервые и, несомненно, представляют исторический и лингвистический интерес.

Жители почти всех населенных пунктов в равнинных районах, а также население бывших Итум-Калинского, Веденского, Шатоевского, Ножай-Юртовского, Курчалоевского, Чеберлоевского горных районов, как правило, знают, откуда пришли их предки. В конечном итоге все

¹М. А. Мамакаев. О чеченских и ингушских тайпах. Грозный, 1962.

пути ведут в Галанчожский район (в основном для чеченцев) и Джаравское и Ассиновское ущелья (для ингушей).

В сентябре 1962 г. вместе с директором Чечено-Ингушского научно-исследовательского института истории, языка и литературы А. А. Саламовым, сотрудником этого же Института Ибрагимом Саидовым я объездил почти всю Чечено-Ингушетию. Мы побывали почти во всех районах (за исключением Галанчожского).

В наших поездках по некоторым сельским районам Чечено-Ингушетии приняли участие зам. директора Института кандидат исторических наук И. К. Лосев, кандидаты филологических наук И. Г. Арсаханов, К. З. Чокаев, ст. научн. сотр. этого же института С. Э. Эльмурзаев.

Наша поездка показала, что, возможно, еще в средние века произошло сильное смешение разных тайпов (родов). Этот процесс особенно сильно углубился после Великой Отечественной войны. Мы встречали в различных уголках Чечни представителей одного и того же тайпа. Названия тайпов в большинстве случаев связаны с наименованиями населенных пунктов, расположенных в горных районах Чечни. Первоначальный источник этих названий, как правило, трудно установить. Поэтому характеристика состава населения аулов в тайповом отношении проливает свет на историю передвижения чеченских семей. Это живая неписанная история образования аулов, расселения чеченского народа. Следовало бы более подробно исследовать тайпы и историю аулов Чечено-Ингушетии.

В чеченских селах, расположенных на правом берегу Терека, например, Лакха Нойре—Верхний Наур, Лаха Нойре — Нижний Наур и др., мы находим представителей таких тайпов, как Цонтрой, Чинхой, Харчой, Гаьларой, Хьуркой, Дешни, Гуной, Шикьрой.

В селении Мундар-Юрт (Знаменка) живут Биеркой (ответвление от тайпа Аргной), Занткьхой, Чартой (переселенцы из Старого Юрта — Толстово).

В ауле Брагуны живут кумыки и чеченцы. Здесь представлены тайпы Чинхой, Цонтрой, Белтой. Многие из них являются переселенцами из других надтеречных чеченских селений.

В этом ауле есть представители тайпа Гебартой — очеченившихся кабардинцев, переселившихся сюда из других надтеречных чеченских сел. На чеченском языке *гебарто* означает «кабардинец». Отсюда название этого тайпа. В Брагунах нам рассказывали, что там живет старик, который еще не забыл кабардинского языка. К сожалению, нам не удалось увидеть его и поговорить с ним.

Таким образом, образование тайпов происходило и путем смешения народов. Представители тайпа Гумхой происходят от андо-дидойских народностей.

В селении Пседах мы беседовали с представителями тайпов: Аьнгной, Гаьлрой, Чинхой, Цонтрой, Гюрдалой, Чгаьнти, Дешни, Занткьхой, Чартой, Буной, Пешхой и др. Многие из них являются переселенцами из чеченских надтеречных сел. В Пседахе нам удалось встретиться с девяностолетним стариком Тазби Пешхоевым. Мы с большим интересом выслушали его рассказ о своих предках. Отец его умер в возрасте 120 лет. Предки его пришли в Пседах из Урус-Мартановского района, но когда они туда переселились, никто не знает.

По словам жителей Гудермеса, большинство чеченских семей, представленных там, относятся к тайпам Гилной, Гюрдалой, Цонтрой, Буной, Гуной, Шуной, Яалхой.

В бывших Урус-Мартановском, Ачхой-Мартановском районах также живут много цонтровцев, чинхоевцев, аьккхинцев, айткхалловцев.

В Ачхой-Мартане, например, есть тайпы Чинхой, Айткхаллой, Цюнтрой, Тумсой, Эрштхой и др., в Валерике — тайпы Аьккхи и др., в Катар-Юрте — Чинхой и др., в Гехи — Чинхой и др., в Урус-Мартане — Нихлой и др.

В Ичкерии, охватывающей население бывших Курчалоевского, Саясановского, Ножай-Юртовского и отчасти Веденского районов, есть много представителей тайпов Айт-Кхаллой, Цюнтрой, Чинхой, Аьнгой, Чартой и т. д. Так, в селении Яалхой-Можк живут Цюнтрой, Айт-Кхаллой, Яалхой, Битрой и др. Мы беседовали с 76-летним А. Орцуевым из тайпа Битрой. «Наши предки — выходцы из Нашхо», — заявил он нам. Шестидесятилетний айт-кхаллоевец А. Мадарбиев сказал, что айт-кхаллоевцы выселились из Нашхо (Галанчожского района).

Жители бывших Веденского, Чеберлоевского, Шатоевского, Итум-Калинского районов, с которыми мы беседовали, утверждали также, что их предки — выходцы из Нашхо.

Таким образом, некоторые исторические и лингвистические данные и сведения, которые сообщают жители различных районов Чечено-Ингушетии о своих предках, позволяют сделать следующую предварительную рабочую гипотезу об этапах передвижения чечено-ингушского населения, послужившего основой для образования современных населенных пунктов Чечено-Ингушетии.

В силу каких-то исторических событий предки чечено-ингушского народа были загнаны, по-видимому, в Джараховское, Ассиновское ущелья, высокогорный Галанчожский район. Из этих мест они стали постепенно переселяться. Главный поток чеченцев шел по горам в бывшие Итум-Калинский, Шатоевский, Чеберлоевский, Веденский районы. Оттуда они (как это подтверждают названия чеченокских тайпов, например, между Шатоем и Итум-Кале расположено село Чинхо, откуда берет свое начало тайп Чинхой, недалеко от Итум-Кале находилось село Дешни, с которым связано наименование тайпа Дешни; то же самое следует сказать о тайпах Цюнтрой, Аьнгой, Беной и многих др.) выселились в равнинные районы Большой и Малой Чечни, в надтеречные села. Часть чеченцев спустилась с гор в сторону Бамута, Эршта.

Основа чеченской народности, по-видимому, была заложена в местах Галанчожского района. Базой ингушской народности, очевидно, явились населенные пункты в Джараховском и Ассиновском ущельях, откуда предки современных ингушей стали выселяться в сторону Пригородного, Первомайского и Назрановского районов.

Изложенное, конечно, представляет всего лишь рабочую гипотезу, которая может быть опровергнута специальными углубленными историческими исследованиями, несмотря на то, что она поддерживается в известной мере данными языка.

Прогрессивная роль России в новой истории чечено-ингушского народа

Во всем мире хорошо известна огромная прогрессивная роль России, русского народа, русской культуры в истории всех народов СССР, в том числе народов Советского Востока и Кавказа.

Русско-вейнахские культурно-исторические связи своими корнями уходят в глубокую древность¹. Академик Б. Д. Греков отмечает, что прикаспийские и закавказские народы встречались со славянами по

¹ Д. Д. Мальсагов. О некоторых непонятых местах в «Слове о полку Игореве», Грозный, 1960.

торговым делам еще в VII—VIII вв.¹ Они стали более интенсивными, начиная примерно с конца XV века. Не задаваясь целью научной периодизации русско-вейнахских культурно-исторических связей, мы выделяем три основных периода развития исторических контактов, отношений, связей между местным русским населением и чечено-ингушским народом: 1) период существования дружеских добрососедских отношений между местным и русским населением (гребенскими казаками), начиная с XV—XVI веков до начала XVIII века; 2) период, охватывающий начало XVIII века до 1917 г., т. е. до Великой Октябрьской социалистической революции; 3) советская эпоха. Для той цели, которую мы преследуем в данной работе, наиболее целесообразным является разграничение указанных крупных трех периодов благотворного влияния русской культуры, русского языка на маленький чечено-ингушский народ и чеченский и ингушский языки.

Первый период весьма слабо исследован. Есть основание полагать, что нахские племена неоднократно спускались с гор, что с древних времен в их жизни равнинные районы, Моздокская степь играли большую роль (с тех пор, как они стали скотоводами). Весьма ограниченные возможности заниматься скотоводством, земледелием в горах заставляли их спускаться на равнины. Только под давлением различных захватчиков и завоевателей они вынуждены были уходить в горы.

Некоторые предания отдельных нахских племен свидетельствуют о том, что они жили на равнинах, занимаясь скотоводством в прикаспийских степях, еще до прихода татаро-монгольских завоевателей на Северный Кавказ. Так, по преданию, аккинцы жили «в Аухе во время нашествия Тамерлана Хромого, которого они называли «Астах-Темар» (Хромой Тамерлан)... В Аухе существует ров, который вырыт, якобы, Тамерланом — «Астах-Темар юр»².

Очевидно, в эпоху татаро-монгольского нашествия нахские племена вынуждены были покинуть прикаспийские степи и плоскостные районы и углубиться в горы. Лишь после падения господства татаро-монгольских завоевателей они снова начинают спускаться с гор на равнины. Именно в этот период устанавливаются у них добрососедские отношения с русским населением, появившимся в районе Терека.

Образование русских поселений в районе Терека способствовало стабилизации положения в этих местах, еще в то время сыграло положительную роль в жизни нахских племен. Русские поселения образовали мощный щит против степных и других завоевателей большого и малого масштаба, постоянно терроризировавших малые народности Северного Кавказа и тормозивших их экономическое, политическое и культурное развитие, изолируя их в труднодоступных горных ущельях от внешнего мира.

С самого начала между русскими переселенцами и нахскими племенами установились добрососедские, дружеские отношения. Об этом свидетельствуют русские исторические источники.

Как явствует из этих источников, в числе первых нахских племен, спустившихся в ту эпоху с гор на равнины, были аккинцы. Ныне аккинцы живут в Хасав-Юртовском районе Дагестанской АССР. Аккинцы называют себя *аьккхи* или *арара аьккхи* — равнинные аккинцы, чтобы отличить себя от *лам-аьккхи* — горных аккинцев³.

¹ Х. О. Х а ш а е в. Общественный строй Дагестана в XIX в., Махачкала, 1957, стр. 7.

² И. Г. А р с а х а н о в. Аккинский диалект в системе чечено-ингушского языка, Грозный, 1959, стр. 8.

³ Там же, стр. 5.

С древних времен аккинцы жили в нагорной местности Лам-Акки в Галанчоожском районе, где находится урочище Нашах, называемое колубелью чечено-ингушского народа на Северном Кавказе. Оттуда, из общества Акки, вышли равнинные аккинцы. «Они известны в старых (с XVI в.) русских источниках под именем окочен ококов и др.»¹

Плоскостные акки или ококи обитали в XVI веке не только в районе, где они живут в наше время, но и на территории Суншина, городища и города Терки.

В конце XVI века в городе Терки существовала большая Окуцкая слободка. Об этом свидетельствует В. А. Потто в работе «Два века терского казачества». Основателем Окуцкой слободки в Терки был Ших-Мурза. Он послал в Москву в 1588 году своего посла к царю Федору Ивановичу, выражая готовность служить русскому царю «верою и правдою».

«...Когда на Тереке ваши государевы города были, и в те поры я с отцом своим, с Ушаром-Мурзой, верою и правдою служили, и после того, как велел те города разорить, и мы тогда с твоими государевыми Терскими атаманами и казаками служили, и твое государево имя выставляли, и к Турскому и к Крымскому не приставали, и тех, которые им прямили, воевали вместе с казаками ж ...Для тебя яз в железных вортех много нужды терпел есми, и саблюю за тебя есми доводил. Толи наша вина: 500 человек было казаков, и я, Ших-Мурза, в головах тебе служили, Индили город, и с тем семь городов взяли есми... Отец мой приказывал слово твое в голове держати, и тебе служит, сколько бы твоей службы не будет. И коли отец мой был бы жив, и отец мой вам бы служил и мы станем тебе служит...»².

В. А. Потто указывает на то, что «...одновременно с послом Шиха в Москву прислана была челобитная от терских, вольных атаманов и казаков, в которой они заявляли, что «прежде всего служили государю на Тереке и промышляли всяким государственным делом за одно с Ших-Мурзой Окуцким...»³. Царь ответил, что «прямая служба Шиха ведома».

Среди жителей слободок города Терки были Мичизяне-Мичиковцы (так жумыки называют чеченцев, живущих в районе реки Мичик), Шибутяне, т. е. Шатоевцы и др.

Как справедливо отмечает кандидат филологических наук И. Г. Арсаханов, с достоверностью можно сказать, что переселение аккинцев на равнину носило не чисто аккинский, местный характер. Об этом свидетельствует весьма пестрый в тайповом отношении состав аккинцев.

В Аухе были представлены следующие тайпы *Зюгой* (сравни ингушское *Зюкой ньакъе*), *Пхьарчхой*, *Ваьппи*, *Барчхой*, *Кхархой*, *Цантрой*, *Цечой*, *Гулой*, *Чентой*, *Зандакхой*, *Курчалой*, *Билтой*, *Кевой*, *Пешхой*, *Бацой*, *Ноккхой*, *Мержой*, *Овршой* и *Жевой*.

По преданию, из вышеперечисленных тайп собственно аккинскими считаются тайпы... *Зюгой*, *Пхьарчхой*, *Барчхой*, *Ноккхой* и *Жевой*.

Таким образом, если верить тайповым преданиям, то здесь можно встретить и Ваьпаллинский (*Фабилый*) тайп из отдаленной западной части нагорной Ингушетии и тайп *Гулой* из восточной нагорной Ингушетии, *Мержой* и *Цечой*, *Эрстхой* и *Чентой* из Нагорной Чечни⁴.

¹ А. Н. Генко. Из культурного прошлого ингушей. Записки Н. И. Общества Востоковедов, том V, 1935, стр. 713.

² В. А. Потто. Два года терского казачества, т. I, Владикавказ, 1912, стр. 37.

³ В. А. Потто. Указ. соч., стр. 37—38.

⁴ И. Г. Арсаханов. Аккинский диалект в системе чечено-ингушского языка. Грозный, 1959, стр. 8—9.

Весьма показательным является тот факт, что терские казаки обращаются к русскому царю в качестве ходатаев за *Шиха-Мурзу*, представителя нахских племен¹. Этот факт свидетельствует о дружеских отношениях, существовавших в то время между нахскими племенами и местным русским населением. Об этой дружбе писал в 50-х годах прошлого века и великий русский писатель Л. Н. Толстой в своей знаменитой повести «*Казаки*». По словам Л. Н. Толстого, гребенские казаки «очень, очень давно... поселились за Терекон, между чеченцами...

Живя между чеченцами, казаки перероднились с ними и усвоили себе обычаи, образ жизни и нравы горцев, но удержали и там во всей прежней чистоте русский язык и старую веру. Еще до сих пор казацкие роды считаются родством с чеченскими...»².

Мы касались выше более поздних русско-нахских отношений. Некоторые историки утверждают о существовании более древних торговых связей между славянскими и кавказскими народами. Так, «Б. Д. Греков отмечает, что прикаспийские и закавказские народы встречались со славянами по торговым делам еще в VII—VIII вв. Эти связи славян с кавказскими народами были нарушены вторжением в Восточную Европу различных кочевых племен, в том числе монголов. После падения Золотой Орды русско-дагестанские отношения возобновляются и особенно усиливаются, начиная с XVI века, когда приобретают не только политический, но и экономический характер»³.

Разумеется, Чечено-Ингушетия не могла оставаться в стороне от этих оживившихся русско-кавказских политических, экономических и торговых отношений.

Второй период русско-вейнахских исторических связей в основном относится к эпохе захватнических войн царизма на Кавказе. Формальным моментом чисто внешнего характера начала этого периода, возможно, служит столкновение между воинским отрядом Петра I и чеченским населением в Малой Чечне, у аула Чечена в 1732 г., хотя завоевание Кавказа Россией в основном и началось позже, в конце XVIII века.

Это был период многочисленных карательных экспедиций царизма в глубь гор, сопровождавшихся сожжением сел и истреблением населения. Особенно тяжелым для народов Кавказа было правление наместника Кавказа Ермолова.

Хорошо известны жестокие репрессии, которые осуществлял генерал Ермолов против народов Кавказа. По словам С. Эсадзе, даже «учение юридикализма приняло острую форму, как протест против усвоенной Ермоловым системы репрессий по отношению к мусульманам»⁴.

Передовые люди России сочувствовали народам Кавказа в их борьбе против царизма. Они всячески содействовали установлению дружеских, братских отношений между русским народом и народами Кавказа, распространению на Кавказе великой русской культуры, просвещению кавказских народов.

Присоединение Кавказа к России имело огромное прогрессивное значение для кавказских народов.

Особенно большое значение оно имело для народов Северного Кавказа и Дагестана. Присоединение Северного Кавказа и Дагестана к

¹ В. А. Потто. Указ. соч., стр. 38.

² Л. Н. Толстой. Полное собрание сочинений [юбилейное], том VI, М.—Л., 1929, стр. 15—16.

³ Х. М. Хашаев. Общественный строй Дагестана в XIX веке, Махачкала, 1957, стр. 7.

⁴ С. Эсадзе. Историческая записка об управлении Кавказом, т. I, Тифлис, 1907, стр. 40.

России ускорило процесс экономического и культурного развития горских народов, вывело их из вековой замкнутой жизни, способствовало подрыву основ патриархально-родовых устоев, которые тормозили их экономическое, политическое и культурное развитие. «...Россия,— писал Ф. Энгельс,— действительно играет прогрессивную роль по отношению к Востоку... господство России играет цивилизующую роль для Черного и Каспийского морей и Центральной Азии, для башкир и татар»¹.

Самым важным, самым значительным периодом в жизни нахских народов, как и всех народов СССР, был советский период. Именно в советский период они достигли величайших успехов в политическом, экономическом и культурном развитии. Выдающиеся достижения чечено-ингушского народа в развитии своей национальной культуры, литературы и искусства, народного просвещения, социалистического быта, промышленности, сельского хозяйства освещены в сборнике², посвященном 40-летию Чечено-Ингушской АССР.

Мы не имеем возможности более подробно останавливаться на этих вопросах в данной работе.

Современная наука о происхождении чечено-ингушского народа и его языка

В своем очерке «Чеченское племя» Умалат Лаудаев приводит одно из преданий чеченцев о своем происхождении: «О происхождении своем чеченцы не имеют общего народного предания. Говорят, что какой-то шамский князь (Шам-Сирия), заслужив гнев своего повелителя, бежал и поселился на Кавказе. У него было несколько сыновей; из них младший, называвшийся Нахчой, взял себе уделом землю в горах и сделался родоначальником чеченцев. Предание это ничем не подтверждается и есть скорее выражение тщеславия молодого народа, желающего иметь своим родоначальником княжеского сына; или же, не есть ли оно переименованная генеология фамилии Шамхалов, происходящих от шамского Шамхала, поставленного Абу-Муслимом, главою начавшейся на Кавказе магометанской религии? По своему неведению, чеченцы могли применить этот факт к своему народному происхождению. Да и само название нахчой имели первоначально только жители плоскости Чечни, т. е. название это проявилось в конце XVII столетия. Есть и другие подобные этому предания о происхождении чеченцев, но все они не заслуживают внимания»³.

Нельзя не согласиться с последними словами У. Лаудаева, подводящими итог характеристике его существующих легенд и преданий о происхождении чеченцев. Точно так же мало что дают науке легенды и предания о происхождении и других народов мира.

Трудно найти в мире древний народ, происхождение которого было бы научно доказано, начиная с древнейших времен. Древние народы своими корнями уходят в далекое прошлое, в достоисторические, дописьменные эпохи. Они существуют много тысяч лет.

Конечно, современная наука выяснила многое о происхождении таких народов, об их родстве с другими народами, о происхождении их языков благодаря успехам сравнительно-исторического языкознания, древней истории, этнографии, археологии. Но это далеко еще не все.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., том 21, стр. 210—211.

² «Чечено-Ингушская АССР за 40 лет», Грозный, 1960 г.

³ У. Лаудаев. Чеченское племя (Сборник сведений о кавказских горцах), вып. VI, Тифлис, 1872, стр. 8—9.

К древним народам относится и чечено-ингушский народ. Мы не знаем еще точно, сколько тысяч лет существует чечено-ингушский народ как особая «Этническая единица». Во всяком случае он существует не менее трех тысяч лет, как об этом свидетельствуют данные чечено-ингушского языка. Таким исконно чечено-ингушским словам, как *со* — «я», *вай* (инг. *вей*) — «мы», *шиз* — «два», *пхиз* — «пять», *корта* — «голова», *дог* — «сердце» и т. д., не менее трех тысяч лет. Не исключена возможность, что этим словам значительно больше лет.

Современная наука решила следующие вопросы, относящиеся к происхождению и историческому развитию чечено-ингушского народа и чечено-ингушского языка:

1. Доказано, что чеченцы, ингуши и бацбийцы родственны между собой, что они произошли от одного и того же народа, племени — от одного и того же пранарода — нахского народа.

2. Чеченский, ингушский и бацбийский языки родственны между собой, они восходят к одному и тому же языку-основе. Это легко доказать: чеч., инг. *суо*, бацб. *со* — «я», инг. *вей*, бацб. чеч. *вай* — «мы», инг., бацб. *да*, чеч. *ду* — «есть», инг., бацб., чеч. *ахар* — «пахать», *дахар* — «идти»; инг., бацб., чеч. *ткза* — «двадцать», инг., чеч., бацб. *корт(а)* — «голова», бацб. *кокI*, инг., чеч. *ког* — «нога» и т. д.

Чеченский и ингушский языки образовались сравнительно недавно в результате распада общевейнахского языка-основы. Еще раньше выделился бацбийский язык, который подвергся большим изменениям под влиянием грузинского языка. Эти языки восходят к одному и тому же языку, т. е. нахскому языку-основе.

3. Научно доказано, что бацбийцы, ингуши, чеченцы родственны горским дагестанским, абхазо-адыгским народам, т. е. аварцам, лезгинам, лакцам, даргинцам, табасаранцам, андийцам, дидойцам (цезам), кабардинцам (черкесам), адыгейцам, абхазцам, абазинам и др. Конечно, это родство более отдаленное, чем родство чеченского, ингушского и бацбийского народов и их языков.

Горские кавказские народы — абхазо-адыгские, дагестанские и нахские — произошли от одного и того же народа.

4. Доказано также, что абхазо-адыгские (абхазский, абазинский, адыгейский, кабардино-черкесский), дагестанские (аварский, даргинский, лезгинский, лакский и др.) и нахские (ингушский, бацбийский, чеченский) языки родственны между собой. Родство этих языков более отдаленное, чем родство чеченского, ингушского и бацбийского языков. Это видно из следующих фактов: чеч., инг., бацб. *са*, абхазск. *псе*, адыгейск. *псэ*, кабард. черк. *псэ* — «душа, дух»; чеч., инг. *дуог*, бацб. *докI*, аварск. *ракI*, абхазск., кабард.-черк. *гу* — «сердце»; чеч. *ваша*, инг. *воша*, бацб. *вашо*, аварск. *вац*, абазинск. *аща*, адыгейск. *шы* — «брат», чеч., инг. *цле*, аварск. *цла*, дидойск. *цли*, абазинск. *мца* — «огонь»; инг. чеч. *суо*, бацб. *со*, адыгейск., кабард.-черк. *сэ*, абхазск., абазинск. *са*, *сара* — «я» и др.

Обоснование генетического родства абхазо-адыгских, дагестанских и нахских народов и их языков является большим завоеванием современной науки.

подавляющее большинство советских кавказоведов-языковедов признают, что абхазо-адыгские, дагестанские, нахские народы и их языки генетически родственны картвельским народам и их языкам, т. е. грузинскому, занскому (мегрело-чанскому), сванскому. Вместе с тем есть кавказоведы, которые не разделяют этой точки зрения. Абхазо-адыгские, дагестанские, картвельские и нахские языки образуют особую семью, которая не родственна ни индоевропейским, ни тюркским,

ни семитским, ни финно-угорским языкам. Как известно, эту семью языков называют иберийско-кавказской или просто кавказской.

Как уже указывалось, в специальной литературе высказано предположение о родстве нахских языков с урартским. Эта точка зрения нуждается во всестороннем историческом, лингвистическом обосновании.

По данным армянских источников, чечено-ингушский народ — как особая этническая единица — «существовал еще в VI—VII вв. нашей эры». Об этом свидетельствует этническое самоназвание чеченцев, зафиксированное в «Армянской географии» Анани Ширакаци VII века н. э. в форме сложного слова *нахчаматьяне*.

Современная наука не располагает достаточно точными сведениями о развитии чечено-ингушского народа и чечено-ингушского языка в более ранние эпохи. Задача состоит в том, чтобы попытаться выяснить, где и когда предки современных нахских народов (чеченского, ингушского и бацбийского) отклонились от родственных им народов или народа. В связи с этим возникает необходимость научного освещения следующих вопросов: 1) что собой представлял тот народ, от которого произошли современные нахские (чеченский, ингушский, бацбийский) и родственные им другие горские кавказские народы; 2) где жил этот народ; 3) на каком политическом, экономическом и культурном уровне своего развития он находился; 4) какова была структура языка этого народа; 5) каковы были генетические и культурно-исторические связи указанного пранарода с другими народами Кавказа, Малой Азии, с создателями скифо-сарматской, урартской культур, а также культуры древней Кавказской Албании и Мидии и др. Таким образом, еще много белых пятен, нерешенных вопросов в области древнейшей истории чечено-ингушского народа.

Чечено-ингушский народ прошел сложный путь своего исторического развития. В его состав входили представители других народов — аварцев, андо-дидойцев, грузин, осетин, русских, кумыков и других. В свою очередь, представители чечено-ингушского народа, утратив родной язык, растворялись в составе других народов — русских, грузин, осетин, дагестанцев, кумыков и т. д. Все эти процессы взаимодействия, смешения и скрещивания народов являются результатом взаимообщения народов в различных политических, экономических и культурных условиях их исторического развития.

ПУТИ ИСТОРИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ
НАХСКИХ ЯЗЫКОВ И ВОПРОСЫ ПРИМЕНЕНИЯ
СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОГО МЕТОДА
В ИХ ИЗУЧЕНИИ

ВВЕДЕНИЕ В СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗУЧЕНИЕ НАХСКИХ ЯЗЫКОВ

Общие замечания

Нахские языки почти не исследованы в сравнительно-историческом плане. Отсутствуют обобщающие исследования, в которых были бы охарактеризованы современное состояние отдельных нахских языков, их диалектов и говоров, развитие литературных языков, взаимодействие последних с народно-разговорной речью, отражение влияния других языков на нахские языки. Почти нет работ, посвященных изучению истории нахских народов, начиная с древних времен и кончая современной эпохой. Поэтому приходится касаться всех этих вопросов, прежде чем приступить к сравнительно-историческому исследованию нахских языков.

Сравнительно-историческая грамматика одной из групп иберийско-кавказских языков создается впервые. Это обстоятельство вызывает необходимость рассмотрения вопросов о сравнительно-историческом методе, его принципах, методических приемах, недостатках, а также вопросов о специфике применения сравнительно-исторического метода в области нахских языков, о дополнительных методических приемах. Все эти вопросы и рассматриваются в данном введении в сравнительно-историческое изучение нахских языков.

СОВРЕМЕННЫЕ НАХСКИЕ ЯЗЫКИ

В состав современных нахских языков входят чеченский, ингушский и бацбийский языки. Они образуют нахскую подгруппу иберийско-кавказских языков. При рассмотрении генеалогической классификации кавказских языков охарактеризованы различные точки зрения по вопросу об отношении нахских языков к остальным иберийско-кавказским языкам.

Как известно, нахские языки вошли в научную литературу под разными названиями: чеченские языки, чечено-ингушские языки, бацбийско-кистинские языки, вейнахские языки и т. д. Мы пользуемся терминами нахские языки (по отношению к чеченскому, ингушскому и бацбийскому) и вейнахские языки (имея в виду чеченский и ингушский языки). К вейнахским языкам мы относим и аккинский диалект, который до 50-х годов был известен в специальной литературе как аккинский (ауховский) язык.

СОВРЕМЕННЫЕ ВЕЙНАХСКИЕ ЯЗЫКИ И ИХ ДИАЛЕКТЫ

Современные вейнахские (чеченский и ингушский) языки дробятся на диалекты и говоры. Чеченский язык подразделяется на диалекты: плоскостной (легший в основу литературного языка), аккинский, чеберлоевский, итум-калинский, галанчоожский, кистинский.

По словам Д. Д. Мальсагова, речь населения Веденского, Саяса-

новского и Ножай-Юртовского районов мало отличается от речи носителей плоскостного диалекта. Взаимоотношения между чеченскими диалектами еще недостаточно изучены, хотя и выяснены их основные особенности¹.

Чеченские диалекты (за исключением аккинского и чеберлоевского) настолько близки между собой, что их носители не испытывают особых трудностей во взаимопонимании.

Еще П. К. Услар писал: «Язык нахчий дробится на множество наречий, которые возникли частью по уединенному положению некоторых обществ, частью под влиянием языков соседних народов... Но несмотря на это, чеченский язык представляет замечательный характер единства; уроженцы двух противоположных концов Чечни без затруднения могут разговаривать друг с другом, за исключением разве джераховцев, которые говорят весьма измененным наречием»².

Как указывает Д. Д. Мальсагов, речь джераховцев не отличается от ингушской³.

Галанчожский диалект, носителем которого в основном является население бывшего Галанчожского района ЧИАССР, распадается на говоры — майстинский, горно-аккинский (Лам-Акки). В галанчожском диалекте переплетаются особенности различных вейнахских диалектов и говоров: *саг* — «человек», *сигал* — «небо», наличие окончания *-шта* существительных в дательном падеже мн. ч., дифтонга *оа* (характерных для плоскостного ингушского диалекта), употребление глагольных форм типа *вахна* — ушел (свойственных плоскостному чеченскому диалекту). Вместе с тем в нем обнаруживаются и специфические явления: *абллад*⁴ (ср. плоскостн. чеч. *аблла*, аккинск. *альн//альна-д*, инг. *авнад* — «скал» и т. д.).

Что же касается аккинского и чеберлоевского диалектов, то они стоят несколько обособленно, хотя и возможно более или менее хорошее взаимопонимание между ними и остальными чеченцами. Их особенности разного происхождения. Чеберлоевский диалект лучше сохранил древний облик общенахского языка, чем все остальные чеченские диалекты. По ряду фонетических черт он стоит ближе к бацбийскому, чем к ингушскому и чеченскому. Так, в чеберлоевском слабо развито вторичное чередование гласных именных и глагольных основ. На чеберлоевском диалекте говорят жители бывших Верхнего и Нижнего Чеберлоя, ныне проживающие в плоскостных районах Чечни.

Особенности аккинского диалекта обусловлены его своеобразным развитием, видоизменением. По основным фонетическим процессам он занимает промежуточное положение между чеченским и ингушским языками (например, отсутствие прогрессивной или регрессивной ассимиляции в глагольных формах), несмотря на то, что в целом стоит ближе к чеченскому.

Чеченские диалекты дробятся на говоры: например, плоскостной диалект, на котором говорит подавляющее большинство чеченцев, подразделяется на шалинский, ачхой-мартановский, терский и другие говоры.

Некоторые фонетические расхождения, обнаруживаемые в говорах плоскостного диалекта, представляют особый интерес для сравнительно-

¹ Д. Д. Мальсагов. Чечено-ингушская диалектология, Грозный, 1941; И. Г. Арсаханов. Аккинский диалект, Грозный, 1959; И. Алироев. Кистинский диалект, Грозный, 1962.

² П. К. Услар. Чеченский язык. Тифлис, 1888, стр. 15.

³ Д. Д. Мальсагов. Указ. соч., стр. 20.

⁴ Д. Д. Мальсагов. Там же, стр. 24.

исторического изучения нахских языков. К ним относятся, например, расхождения в употреблении комплекса *ст* в начале слова: шалинск. *таг* (литер. так же), гойтинск. *таг*, ачхой-мартан. *саг* — «человек», в ачхой-мартановском говоре лабиализованный «орпевой» гласный звук *о* (как в литературном) там, где в шалинском (как в чеберловском, итумкалинском, аккинском диалектах и говорах) выявляется *а*: ачхой-мартан. [*нохчуо*:], шалинск. [*нахчуо*:] — «чеченец» и т. д.

На итум-калинском диалекте говорит население бывш. Шатоевского (ныне Советского) и Итум-Калинского районов. Наиболее специфическим признаком итум-калинского диалекта является соответствие комплекса *рк* комплексу *хк* в плоскостном диалекте (как и в плоскостном ингушском): итум-кал. *дорк*, плоскостн. чеченск. *дохк* — «туман»; итум-кал. *морк*, плоскостн. чеченск. *мохк* — «страна, земля», итум-кал. *арка*, плоскостн. чеченск. *ахка* — «речка»¹. Итум-кал. *сорку*, плоскостн. чеченск. *стохку* (*сохку*, *тохку*) — «в прошлом году».

Вопрос о диалектной дифференциации ингушского языка недостаточно разработан, хотя и выявлены его важнейшие особенности. Д. Д. Мальсагов на основании целого ряда особенностей сближает галанчоожский диалект с ингушским². В основу ингушского литературного языка лег плоскостной диалект. Более или менее частные особенности позднейшего происхождения, характеризующие отдельные говоры ингушского языка, не описаны.

В 1941 году Д. Д. Мальсагов писал: «На ингушском диалекте говорит все коренное население, живущее на территории б. Ингушской области, за исключением граждан села Пседах Пседахинского района, говорящих на плоскостном чеченском диалекте, и граждан селений Верхние и Нижние Аршты Галашкинского района, которые говорят на галанчоожском диалекте. Нужно заметить, что часть арштинцев в последние годы в значительной мере ассимилировалась с ингушской... Особенностью ингушского диалекта является то, что в нем нет существенных расхождений...»³. Таким образом, если галанчоожский диалект, который по многим признакам сближается с ингушским, не будет признан диалектом ингушского языка, то вопрос о диалектной дифференциации ингушского языка может быть снят.

По мнению Д. Д. Мальсагова, в конце XVIII века в языке жителей обществ Нагорной Ингушетии бытовали чеченские особенности. По нашему мнению, следовало бы говорить о том, что в конце XVIII века в ингушском было больше общевейнахских явлений и меньше расхождений с исходным вейнахским состоянием, чем в 30-х годах XX века. На это указывают и приводимые Д. Д. Мальсаговым факты, записанные в 1770 году академиком Гюльденштедтом сложное слово *ценинстаг* (<*Ценинстаг*). Через десять лет Шредером было записано племенное название *мечхальцев* «*ваьппи*» в его чеченском звучании, а не в современном ингушском звучании (*фаьппи*). Эти факты свидетельствуют об интенсивных процессах обособления, отхода ингушского от остальных вейнахских диалектов. В развертывании этих процессов существенную роль играло влияние осетинского языка на ингушский. На это указывает и слово *фаьппи*, поскольку фонемы *ф* не было в нахских языках, и ее появление в ингушском объясняют влиянием осетинского языка (П. К. Услар, Д. Д. Мальсагов и др.).

После объединения Чеченской и Ингушской автономных областей в

¹ Д. Д. Мальсагов. Указ. соч., стр. 23

² Д. Д. Мальсагов. Чечено-ингушская диалектология, стр. 23.

³ Там же, стр. 2.

составе Чечено-Ингушской АССР и особенно после Великой Отечественной войны, наоборот, наблюдаем процессы сближения вейнахских диалектов, постепенного стирания некоторых различий между ними под влиянием литературных языков и народно-разговорной речи.

В основе же народно-разговорной речи подавляющего большинства чеченцев и ингушей и их литературных языков лежат плоскостные чеченский и ингушский диалекты.

После Великой Отечественной войны особенно сильно смешались носители разных чеченских и ингушских диалектов. Достаточно указать на то, что обладатели чеберлоевского диалекта в основном живут недалеко от гор. Грозного, они сильно смешались с носителями говоров плоскостного диалекта.

Все это вызывает необходимость ускорения обследования и детального описания диалектов и говоров чеченского и ингушского языков.

Современное состояние изучения вейнахских диалектов, а также современная теория исторической диалектологии требуют пересмотра некоторых общих положений, касающихся классификаций вейнахских диалектов. В работе «Из культурного прошлого ингушей» профессор А. Н. Генко, характеризуя вейнахские диалекты по существу относил речь носителей горных диалектов и говоров Чечни к ингушскому языку¹.

Примерно к аналогичному предварительному выводу пришел и проф. Н. Ф. Яковлев².

В этих предварительных выводах А. Н. Генко и Н. Ф. Яковлева не учтены следующие моменты, представляющие особый интерес для исторической диалектологии: 1) промежуточное положение некоторых вейнахских диалектов и говоров (например, аккинского, галанчоожского диалектов); 2) возможность параллельного возникновения однотипных диалектальных явлений в разных диалектах и говорах; 3) смешение и взаимовлияние диалектов и говоров.

Исторически аккинский и галанчоожский диалекты занимали промежуточное положение между плоскостными чеченским и ингушским диалектами. Поэтому в аккинском и галанчоожском диалектах наличествуют явления, свойственные чеченскому, — с одной стороны, и ингушскому, — с другой.

Шаровский говор также занимает промежуточное положение между чеберлоевским и итум-калиновским диалектами (слабое развитие вторичного чередования гласных именных и глагольных основ, как сближающее его с чеберлоевским диалектом, наличие комплекса согласных *рк*, как в итум-калиновском, в то же время в нем обнаруживаются и специфические факты: оглушение звонких согласных, следующих за глухим *р*: *арһту* (вместо *эрдү*) — «скажу», *дерһту* (вместо *дийрду*) — «сделаю»³.

Наличие спиранта *с* в начале некоторых слов вместо комплекса *ст* в ряде вейнахских диалектов и говоров объясняется параллельным образованием однотипных диалектных явлений (например, Итум-Кал, Аккинск., Галанчоожск. *саг* — «человек» и т. д.).

Процессы смешения и взаимовлияния диалектов и говоров усилились после слияния Чеченской автономной области и Ингушской автономной области в Чечено-Ингушскую АССР. Эти процессы особенно усилились после Великой Отечественной войны.

С учетом всего этого должна быть дана характеристика современ-

¹ А. Н. Генко. Из культурного прошлого ингушей. Записки коллегии востоковедов при Азиатском музее Академии наук, т. V, Л., 1930, стр. 683.

² Н. Ф. Яковлев. Языки и народы Кавказа, М., 1930, стр. 30.

³ Д. Д. Мальсагов. Указ. соч., стр. 24.

ного состояния вейнахских языков и их диалектов. Только такая постановка проблемы поможет правильно осветить вопросы исторической диалектологии нахских языков.

Чеченские и ингушские диалекты первоначально образовались на основе тайпового (родового) деления их носителей. В дальнейшем в силу разных исторических причин (переселение на плоскости, передвижение из одних районов в другие во время кавказской войны, переселение жителей одних сел в другие на почве внутритайповой вражды или кровной мести и т. д.) смешались их носители (например, в составе носителей аккинского, кистинского диалектов, ачхой-мартановского и других говоров находим представителей разных тайпов и из разных районов).

Современный бацбийский язык

Еще П. К. Услар предвидел, что бацбийский язык будет иметь большое значение для сравнительно-исторического изучения нахских языков. И действительно, роль языка бацбийцев в деле воссоздания картины исторического развития структуры нахских языков трудно переоценить. В строе бацбийского языка сочетаются пережиточно сохранившиеся явления с новообразованиями и заимствованиями из грузинского языка. В речи бацбийцев хорошо прослеживается первичное чередование гласных именных и глагольных основ (как и в остальных нахских языках), но в нем мы находим лишь зачатки, начальную ступень вторичного чередования.

Из-за того, что вторичное чередование не развилось в нем дальше, он лучше сохранил вокализм нахского языка-основы, чем чеченский и ингушский языки (если не считать назализованных фонем). Можно было бы отметить и другие архаичные явления, сохранившиеся в бацбийском языке. Об этом более подробно сказано ниже — в сравнительно-исторической грамматике нахских языков.

Бацбийский язык испытал и испытывает благотворное влияние грузинского языка, особенно, в области лексики. В бацбийском языке образовался грузинский слой лексики, который легко противопоставляется его древнему (главным образом исконному) лексическому фонду. К грузинскому слою бацбийской лексики мы относим слова, усвоенные из грузинского языка, а также слова, проникшие в бацбийский язык из других языков через посредство грузинского. Удельный вес грузинского слоя в словарном составе современного бацбийского языка является весьма значительным.

Грузинский язык стал вторым родным языком бацбийцев. Бацбийский же язык, взаимодействуя с грузинским, сильно расширил свой словарный состав. Характерной чертой этого взаимодействия является сильное влияние, воздействие грузинского языка на бацбийский. Из бацбийского языка лишь отдельные слова проникли в грузинский (*Цовата*, *Щаро* и др.). Чтобы показать удельный вес заимствованных из грузинского и через него из других языков слов в бацбийском языке, достаточно перечислить разделы лексики, к которым относятся эти слова: большинство названий орудий труда, инструментов и их частей, значительная часть наименований различных болезней, названия письменных принадлежностей, большинство терминов материальной культуры, социальных терминов, названия многих профессий, предметов домашнего обихода и хозяйственных вещей, почти все новые наименования одежды, обуви, названия средств передвижения и предметов упряжи, названия различных видов пищи и продуктов питания, названия металлов, названия плодов и плодовых деревьев, названия домашних и диких птиц,

термины полеводства, огородничества и названия полевых и огородных культур, названия растений и их частей, названия мер длины, объема, веса, времени, большинство названий домашних и диких животных, некоторые наименования частей тела и организма, термины охоты, рыболовства и пчеловодства, названия насекомых, названия различных природных явлений, многие топонимы и этнонимы, почти вся ономастика¹.

В новом лексическом слое бацбийского языка значительное место занимают слова, заимствованные из русского языка и через него из других. Следует отметить, что в основном и эти слова проникли через грузинский язык².

Как отмечалось выше, современные бацбийцы двуязычны. Очень часто наблюдаются случаи утраты бацбийцами исконного языка и перехода их на грузинский язык как на единственный родной язык. Период двуязычия подготавливает период вторичного одноязычия. Это период постепенного отмирания бацбийского языка.

Основные особенности бацбийского языка и его место среди нахских языков

Как известно, данные языка на определенном этапе его развития, в определенный отрезок времени его функционирования, являются основой для статического (описательного) и исторического его изучения, для общетеоретических обобщений. Чем более обстоятельный, более тщательный, более углубленный статический анализ языка, тем лучше для теоретических обобщений, сравнительно-исторического изучения родственных языков, тем больше возможностей добиться максимальных результатов в теоретических обобщениях, в сравнительно-историческом изучении близкородственных языков.

Разумеется, что и данные сравнительно-исторического изучения как отдельных языковых явлений, отдельного конкретного языка, так и близкородственных языков дают много весьма ценного для статического анализа языка. Доказывать это нет никакой необходимости. Что же касается теории языка в самом общем смысле этого слова, то она должна строиться как на основе статического анализа, так и на базе исторического изучения языка и сравнительно-исторического изучения близкородственных ему языков. Сочетание статического и исторического анализа конкретного языка и сравнительно-исторического изучения близкородственных языков является лучшей базой для теоретических обобщений.

Остановимся на характеристике бацбийского языка с трех точек зрения:

во-первых, с точки зрения его статического анализа;

во-вторых, с точки зрения выявления его основных особенностей, обусловленных внутренними законами развития бацбийского языка в процессе его обособления и с момента обособления от остальных нахских языков;

и, в-третьих, с точки зрения выявления основных процессов, изменений в бацбийском языке, обусловленных влиянием, воздействием внешних факторов, главным образом других языков.

Уже на основании материалов Иове Цискарова и работы академика А. Шифнера можно было совершенно определенно сказать, что бацбийский язык относится к нахской группе, однако не было выяснено его место среди них. Одни утверждали, что бацбийский язык ближе всего стоит к чеченскому (например, акад. Шифнер), другие же полагали,

¹ Ю. Д. Дешериев. Бацбийский язык, стр. 322—344.

² Там же, стр. 338, 339.

что бацбийский язык находится в более близких генетических связях с ингушским. Без выяснения места бацбийского языка в кругу нахских языков невозможно было бы развернуть сколько-нибудь серьезной работы по сравнительно-историческому изучению этих языков, но чтобы определить место бацбийского языка в кругу нахских языков, необходимо было обстоятельно исследовать бацбийский язык, т. е. изучить его фонетическую систему, морфологический строй, синтаксис, лексику. Этого не было сделано до последнего времени. Монографическое изучение бацбийского языка в этом плане — такова была первая задача, которую мы поставили перед собой в труде «Бацбийский язык».

Бацбийский язык, конечно, видоизменялся, развивался в процессе обособления от остальных нахских языков, а также и после своего обособления. Нужно было попытаться выявить основные моменты этого процесса. Отсюда вытекала и вторая задача — исследование основных специфических особенностей бацбийского языка, обусловленных внутренними законами его развития с момента обособления от остальных вейнахских языков.

Бацбийский язык испытал очень сильное влияние грузинского языка, в окружении которого он находился в течение нескольких столетий в горах Кахетии, а также влияние русского и других языков. В этой связи необходимо было решить и третью задачу — выявить основные особенности бацбийского языка, являющиеся результатом влияния внешних факторов, а также некоторые общие и частные закономерности взаимодействия языков.

Из анализа фонетической системы бацбийского языка и наиболее общих звуковых процессов, закономерностей, специфичных для него, вытекают следующие более общего характера выводы:

1. Фонетическая система бацбийского, в основе своей близкая к фонетической системе чеченского и ингушского языков, несмотря на сильное влияние грузинского языка, сохранила свою исконную самобытную бацбийскую основу и продолжает функционировать по законам развития бацбийского языка.

2. В бацбийском языке сохранились фонетические явления, восходящие к нахскому языку-основе и отсутствующие совсем или частично в остальных нахских языках. К ним относятся, например, следующие два факта:

а) В бацбийском языке сохранился латеральный звук *л̥*, восходящий по всем данным к общенахскому языку-основе и отсутствующий в настоящее время в чеченском и ингушском языках. О существовании латерального *л̥* в этих языках говорят следующие данные: во-первых, в двух числительных, несомненно, относящихся к исконному словарному фонду нахских языков, мы обнаруживаем следы употребления этого латерального звука — бацб. *ворл̥* — «семь», *барл̥* — «восемь», с конечным латеральным *л̥* — соответствует в чеченском и ингушских языках *ворхI*, *бархI*, в конце которых мы находим *p* с приглушенным призвуком, напоминающим немецкий *h*; во-вторых, латеральный *л̥* в конечном положении в некоторых случаях выпал в чеченском и ингушском: ср. бацб. *марл̥*, чеч. *мара*, инг. *мар*; в-третьих, в ряде случаев латеральный *л̥* в вейнахских языках превратился в сонант *л*: ср. бацб. *ал̥*, чеч. *ала*, инг. *ал(a)* — «скажи».

б) Сочетание в начале слова переднеязычных — фрикативного и смычного (например, *с* и *т* или *с* и *тI*), наличествующее в бацбийском, а также в некоторых диалектах чеченского языка, тоже восходит к общенахскому языку-основе. Об этом свидетельствуют следующие факты: бацб. *стIакI* соответствует ингушскому *саг* — «человек», с выпадени-

ем *t* после *c*. В диалектах чеченского языка находим три фонетических варианта этого слова: *саг* (с выпадением *t* после *c*) *таг* (с выпадением начального *c*) и *стаг*, в котором представлены оба согласных. Чеченскому *стаг* должно было соответствовать в бацбийском *стIакI*. Из сказанного следует, что общенахская форма должна была представлять собой *стаг*. Подтверждение этого находим даже в сравнительных словарях Палласа, издания 1787 г.

3. После обособления бацбийского от остальных нахских языков в нем возникли следующие явления в области фонетики:

а) новообразование дифтонгов *ои*, *уи*, *аи*, соответствующее закономерно вейнахским передним гласным *аь*, *оь*, *уь*, *аь*;

б) оглушение смычного звонкого гортанного *l* и его превращения в глухой щелевой гортанный *хь*;

в) образование назализованных гласных.

4. В бацбийском языке в области фонетики бытуют следующие особенности:

а) соответствие в конечном положении вейнахского заднеязычного смычного звонкого *g* смычногортанному *кI* (в исконных словах);

б) соответствие в исходе слова общенахского происхождения переднеязычных звонкого *d* и глухого *t* смычногортанному *тI*;

в) соответствие переднеязычных свистящих звонкой аффрикате *dz* и звонкого спиранта *-z* свистящей смычногортанной аффрикате *цI*.

Отметим следующие особенности морфологической системы бацбийского языка. До издания труда «Бацбийский язык» почти совершенно неисследованной оставалась проблема словообразования. Эта проблема была слабо исследована и в остальных горских кавказских языках. Почти совершенно не исследованной оставалась и проблема видов глагола. Нами было установлено два основных вида глагола: однократный и многократный. Совершенство или несовершенство действия, по нашему мнению, в нахских языках является временными признаками.

Значительный интерес представляют бацбийские количественные числительные. В нем сохранились древние приемы счета, обусловленные отсутствием специальных терминов для обозначения чисел «сто» и «тысяча». В бацбийском языке число «сто» выражается описательно *пхаузтIкъа* — «пятью двадцать», а тысяча обозначается *шитIкъаузтIкъаткъа ицIатIкъа* — «дважды двадцатью двадцать и десятью двадцать». Лишь в последнее время стали употреблять заимствованные из грузинского языка слова *аси* — «сто» и *атаси* — «тысяча». Что указанные приемы счета восходят к общенахскому языку-основе, свидетельствуют данные сравнительного словаря Палласа, издания 1787 г., в котором зафиксировано в чеченском языке описательное выражение числа «тысяча» и др.

Анализ морфологической системы показывает, что морфология бацбийского языка, как и его фонетика, оказалась весьма устойчивой, она так же хорошо сохранила свою общенахскую основу.

1. К основным явлениям, пережиточно сохранившимся в бацбийском языке, восходящим к общенахскому языку-основе и не встречающимся в остальных нахских языках, относятся приемы счета; употребление орудия, инструмента, при помощи которого производят действия, в орудном падеже, а не в творительном (совместном), как в современных вейнахских языках, и др.

2. К основным явлениям, обусловленным внутренними законами развития бацбийского языка после его обособления от остальных нахских языков, относятся: а) образование седьмого и восьмого грамматических

классов путем смешения классных показателей, б) образование личного спряжения (спряжение в два лица) и др.

3. К основным явлениям, обусловленным заимствованиями или возникшим под влиянием внешних факторов, относятся: а) заимствованные словообразовательные аффиксы *ур* (*леклур* — «лезгинский»), *ул* (*писцлул* — «деревянный»), б) заимствованные служебные слова *тур* — «разве», *маграм* — «но» и др.

Синтаксис бацбийского языка впервые нами был исследован.

Анализ синтаксической системы бацбийского языка показывает:

1. Синтаксис бацбийского языка сохранил в основном свою исконную природу.

2. К основным явлениям, бытующим в бацбийском синтаксисе и отсутствующим в остальных нахских языках, относятся:

а) эргативное построение переходного предложения с глаголами, обозначающими действие, движение (так называемые динамические глаголы);

б) параллельное построение эргативного и дативного предложения от глаголов „*verba sentiendi*“. Следы этого процесса обнаруживаются и в ингушском языке.

3. К основным явлениям, развившимся под влиянием внешних факторов, т. е. воздействием, например, грузинского языка, относится построение сложного предложения при помощи относительных союзов.

Из горских кавказских языков бацбийский был первым языком, лексика которого стала предметом специального более или менее обстоятельного исследования. Состояние кавказоведческой науки того времени позволило установить два слоя в бацбийской лексике: древний слой, предшествовавший лексическим усвоениям (заимствованиям) из грузинского языка и через него из других языков, а также поздних бацбийских новообразований путем калькирования. Методические приемы выявления лексических наслоений в бацбийском языке были разработаны с учетом конкретных данных этого языка и близкородственных ему остальных нахских языков, истории носителей исследуемого языка. Древний слой охватывает весь лексический запас, имевшийся в языке бацбийцев до их появления в Грузии. Критерием принадлежности слов к древнему слою служат: а) общность этих слов в нахских языках; б) относительная древность понятий и предметов домашнего обихода, орудий труда, инструментов и т. д., наименования которых не связаны с грузинским языком; в) слова, относящиеся к древнему слою материально, по их звучанию, семантике, не являются усвоенными из грузинского или из других языков через грузинский. Эти критерии, разумеется, не являются абсолютными.

Совершенно ясно, что тот слой бацбийской лексики, который мы рассматриваем как древний, не является однородным. Этот слой — результат развития, расширения исконного словарного фонда бацбийского языка, а также ранних лексических заимствований из других языков.

Что же касается того слоя бацбийской лексики, который мы называем новым, или грузинским, то основными лингвистическими критериями принадлежности слов к этому слою служат: а) материальное сходение слов в грузинском и бацбийском; б) семантическое сходение слов в обоих языках; в) устанавливаемый поздний характер заимствования слов из грузинского языка; г) проникновение в бацбийский язык иноязычных слов через грузинский, устанавливаемое на основе их фонетического облика (с учетом экономических, политических и культурных моментов, обусловивших заимствование соответствующих слов).

К древнему слою бацбийской лексики относятся так называемые классные слова, слова, выражающие родственные отношения, названия древних орудий труда и предметов домашнего обихода; наименования частей организма, названия домашних животных, диких птиц, продуктов питания, хлебных злаков, съедобных трав и их частей, плодов и плодовых деревьев, времен года, дней, частей суток; слова, обозначающие пространственные понятия, классные глаголы, сложные глаголы, образовавшиеся посредством сочетания знаменательных частей речи с вспомогательным глаголом *да* — «быть»; сложные глаголы, образовавшиеся посредством сочетания знаменательных частей речи с вспомогательным глаголом *д̄а* — «делать»; сложные лексические единицы разного типа, качественные прилагательные классного образования, местоимения, наречия, числительные и другие.

К новому грузинскому слою бацбийской лексики относятся названия некоторых орудий труда, инструментов и их частей, различных болезней, письменных принадлежностей, профессий, термины материальной культуры, социальные термины, многие названия одежды, обуви и их частей, средств передвижения и предметов упряжи, металлов, некоторых видов пищи и продуктов питания, плодов и плодовых деревьев, домашних и диких птиц, термины полеводства, огородничества и наименование многих огородных и полевых культур; названия некоторых деревьев, растений, их частей, некоторых диких животных, частей тела; термины охоты, рыболовства, пчеловодства и садоводства; слова, усвоенные из русского языка, советизмы, интернациональная и научная терминология, значительная часть топонимики, этнонимики, ономастики, религиозной терминологии и др.

Таким образом, наибольшее количество заимствований мы обнаруживаем в словарном составе бацбийского языка. Анализ словарного состава бацбийского языка показал:

1) Несмотря на многочисленные заимствования, главные элементы основного словаря бацбийского языка сохранились.

2) В лексическом составе бацбийского языка почти нет архаичных слов, восходящих к общенахскому языку-основе и не обнаруживаемых в остальных нахских языках.

3) Немного слов, образовавшихся по законам развития лексики бацбийского языка после его обособления от остальных нахских языков.

4) В словарном составе языка бацбийцев большое место занимают заимствованные слова.

Таким образом, в результате монографического исследования фонетики, морфологии, синтаксиса и лексики бацбийского языка удалось:

а) дать более или менее развернутый анализ бацбийского языка в целом и выявить его основные специфические особенности ;

б) выявить в нем архаичные явления, восходящие к общенахскому языку-основе, частично или полностью исчезнувшие из чеченского и ингушского языков;

в) установить основные явления, обусловленные внутренними законами развития бацбийского языка после его обособления от остальных нахских языков;

г) установить основные явления, закономерности, являющиеся продуктом взаимодействия языков, влияния внешних факторов;

д) наконец, все это позволило определить место бацбийского языка в кругу нахских языков.

Оказалось, что бацбийский язык исторически не восходит ни к чеченскому, ни к ингушскому. Он начал обособляться от общенахского

языка-основы примерно в эпоху его распада на четыре местных диалекта: собственно чеченский, ингушский, бацбийский и аккинский. В XX веке процесс обособления аккинского диалекта от чеченского почти прекратился. Он стал сближаться с чеченским. В настоящее время аккинский рассматривается как диалект чеченского языка. В период своего территориального обособления бацбийцы, как показывают данные их языка, должны были занимать районы, примыкавшие, с одной стороны, к ингушскому языку, с другой — к галанчоожскому, итум-калинскому, чеберлоевскому и другим диалектам чеченского языка. Непосредственно из этой среды исторически они выделились, независимо от первоначального места нахождения их на Кавказе. Этим и объясняется ряд общих черт, бытующих до настоящего времени в бацбийском, ингушском, а также чеберлоевском, итум-калинском, галанчоожском и некоторых других диалектах и говорах чеченского языка, помимо архаичных элементов, входящих к общенахскому языку-основе.

Влияние других языков, особенно грузинского, обусловившего двуязычие у бацбийцев, особенно сильно углубило и ускорило процесс отхода, обособления бацбийского языка от остальных нахских языков. Этим во многом и объясняется то, что между бацбийским языком, с одной стороны, чеченским и ингушским, с другой, значительно больше расхождений, чем, скажем, между ингушским и чеченским. Интенсивному разворачиванию процесса отхода, обособления и обособленного развития бацбийского языка также способствовало отсутствие постоянного контакта между носителями бацбийского языка, с одной стороны, и носителями ингушского и чеченского языков — с другой. Между тем такие контакты существовали между носителями чеченского и ингушского языков.

Для освещения проблемы конкретных путей дифференциации близкородственных языков бацбийский дает следующие факты:

В области фонетики: 1) легко поддающимся видоизменению, различным отклонениям от общей нормы языка-основы в бацбийском оказались случаи стяжения согласных в начальном и конечном положении. Здесь можно отметить следующие примеры: а) стечение двух согласных одного и того же места образования, но различающихся между собой по признаку образования щели и смычки, например, переднеязычные *с* и *т* в начале слова: так в слове *стаг* — «человек» эти согласные дали четыре фонетических варианта в нахских языках: собственно *стаг*, *стлак*, *саг*, *таг*; 2) стечение трех согласных, скажем, в начальном положении: *п*, *с*, *т*: *пстлуин* — «женщина». Это слово дало в нахских языках шесть фонетических вариантов: собственно *пстуин*, *пстлуин*, *псту*, *стиз*, *сиэ*, *су*; 3) стечение согласных в исходе слова. Например, слово «солнце» дало три фонетических варианта: чеч. *малх*, бацб. *матх*, акк. *марх* — «солнце»; сравните еще чеч. *болх*, бацб. *ботх*, акк. *борх* — «работа» и т. д.; 4) передвижение ударения; 5) оглушение звонких; 6) редукция гласных в конце слов.

Таковы наиболее общие явления из области фонетики, характеризующие первоначальные моменты дифференциации близкородственных нахских языков.

В области лексики: 1) переосмысление слов, например, *кхор* — «груша», а в бацбийском «яблоко»; чеч. *говр* — «лошадь» (вообще), *дин* — «лошадь» (для верховой езды), а в бацб. *до* — «лошадь» (вообще) и т. д.; 2) утрата некоторых общих слов (например, бацбийцы утратили слово *олхазар* — «птица» и т. д.); 3) замена исконных слов, заимствованными: чеч. *куьг*, инг. *кулг* — «рука», а в бацбийском заменено заимствованным из грузинского словом *тлот* — «рука»; чеч. *глул*

лакх—«дело», в бацб. *сакме* (из груз.); 4) заимствования слов, обозначающих новые понятия, и. т. д.

В области морфологии и синтаксиса таких примеров значительно меньше. Указанные факты, показывающие первоначальные моменты разветвления процесса дифференциации близкородственных языков, являются лишь частными наблюдениями. Однако только на основе таких конкретных фактов, установленных в результате изучения путей дифференциации различных близкородственных языков, могут быть выяснены наиболее общие закономерности дифференциации родственных языков вообще, языков конкретной семьи, группы в частности.

Мы старались исследовать бацбийский язык, учитывая данные истории его носителей.

Известно, что природа языка, его научное, лингвистическое значение не определяются количеством людей, говорящих на нем. Для науки о языке безразлично, говорит ли на том или ином языке 100 человек или 100 млн. человек. Другое дело, когда мы говорим об общественном значении и общественной роли языка. Последнее обстоятельство отодвигает такие малые языки, как бацбийский, на задний план, они оказываются в положении языков, лишенных жизненных перспектив и обреченных на постепенное отмирание. Изучение их имеет главным образом культурно-историческое, научное, лингвистическое значение, значение для сравнительно-исторической разработки близкородственных языков и семьи языков.

Чеченский и ингушский разговорные языки

Несмотря на существенные фонетические, морфологические и отчасти лексические расхождения между чеченским и ингушским языками, чеченцы и ингуши более или менее хорошо понимают друг друга. Поэтому на республиканских совещаниях и конференциях чеченцы и ингуши обходятся без переводчиков, хотя они и выступают на своих родных языках.

Основные особенности, вызывающие затруднения в разговорной речи, связаны со следующими явлениями: 1) типом ассимиляции согласных в глагольных формах: чеч. *аблла*, инг. *аьннад*—«сказал» и т. д.; 2) отсутствием в чеченском (исключение—чаккинский диалект) классного показателя в конце глагольных форм в недавно прошедшем времени чеч. *делла*, инг. *даьнна-д*—«дал» и т. д.; 3) своеобразием образования настоящего времени изъявительного наклонения: чеч. *олу*, инг. *оал*—«говорит» и т. д.; 4) отсутствием в ингушском форм только что прошедшего времени; 5) своеобразным образованием форм родительного и дательного падежей в ингушском; 6) существенными расхождениями между чеченским и ингушским языками в процессах вторичного чередования; 7) своеобразием некоторых частных фонетических процессов; например, чеч. комплексу согласных *рл*—в инг. соответствует *рд*: чеч. *керла*, инг. *керда*—«новый, свежий», чеч. *серло*, инг. *сердало*—«свет» и т. д.; 8) некоторыми лексическими расхождениями; 9) расхождениями в составе фонем; 10) расхождениями в словообразовании.

В советскую эпоху стали разветвляться процессы сближения разговорных чеченского и ингушского языков. Они обусловлены следующими причинами: 1) усилением контактов, постоянного общения между чеченцами и ингушами; 2) совместной работой на заводах, фабриках, совхозах, в государственных учреждениях и общественных организациях; 3) совместной учебой чеченских и ингушских детей, юношей и девушек

в школах и вузах; 4) однотипными, в основном заимствованиями из русского языка.

Процессы сближения чеченского и ингушского разговорных языков сопровождаются проникновением некоторых особенностей чеченского языка в ингушский и, наоборот, особенностей ингушского языка в чеченский; нивелировкой не только диалектальных особенностей, но и многих особенностей чеченского и ингушского разговорных языков.

Рассматриваемые процессы стали развертываться после объединения Чеченской и Ингушской автономных областей в 1934 г. Особенно они усилились после Великой Отечественной войны.

Изучая историю чеченского и ингушского языков, следует учитывать эти изменения, которые возникли в советскую эпоху. Их нельзя смешивать с теми древними явлениями, которые либо являются продуктом смешения и взаимовлияния чеченских и ингушских диалектов, либо результатом параллельного образования одних и тех же явлений в различных чеченских и ингушских диалектах и говорах.

Чеченский и ингушский литературные языки

Чеченский и ингушский литературные языки сложились в советскую эпоху, хотя отдельные попытки создания чечено-ингушской письменности имели место и до революции¹. Первый номер ингушской газеты «Сердало» (Свет) вышел 1 мая 1923 года, а чеченской газеты «Серло» (Свет) — 18 марта 1925 года.

Создание своей национальной письменности (в самом широком смысле этого слова), периодической печати, школы, литературы на родном языке имело огромное значение для быстрой ликвидации неграмотности, повышения политического, экономического и культурного уровня чечено-ингушского народа.

Создавая письменность на родных языках немногочисленных народов СССР, Советская власть учитывала великую роль литературного языка на всех этапах развития человеческого общества. Ведь литературный язык — сильнейшее орудие в жизненной борьбе, важнейшее средство просвещения широких народных масс.

По мере развития человеческого общества роль литературного языка повышалась. В эпоху рабовладельческого общества, феодализма и капитализма господствующие классы, не заинтересованные в просвещении жестоко эксплуатируемых ими народных масс, всячески препятствовали возникновению и развитию литературных языков у покоренных народов. Так, рабовладельцы, огнем и мечом покоряя народы, навязывали покоренным не только свои законы, но и свой язык.

По свидетельству одного античного автора — Валерия Максима — в Римской империи на покоренные народы налагали не только иго суровых законов, но и также иго языка. Особым законом было установлено, чтобы преторы областей все свои декреты и эдикты обнародовали только на латинском языке, чтобы суд над покоренными совершался на латинском языке. Все просьбы и обращения в сенат должны были быть написаны на латинском языке. Посланцы от покоренных народов не выслушивались, если они не знали языка римлян. Целые области и частные лица получали право гражданства, если они, наряду с согласием подчиниться обычаям Рима и римской гражданственности, давали обет подчиниться и римскому (латинскому) языку. Грубое, жестокое насилие, не знавшее предела, распространившееся даже на родной язык покоренных

¹ М. Д. Чентиева. История чечено-ингушской письменности, Грозный, 1958.

народов, послужило одной из основных причин распада и гибели Римской империи.

С языком связаны самые интимные стороны духовной, культурной, политической и экономической жизни любого народа. Язык — духовная сила народа, хранитель его многовековой культуры, его духовного богатства.

Без языка немыслимо развитие человеческого общества. Язык также не может ни развиваться, ни существовать вне общества. Язык развивается в неразрывной связи с развитием общества.

Общественное развитие оказывает определяющее влияние на развитие языка. Развитие производства и торговли, появление письменности, зарождение государства, развитие литературы, искусства, науки и техники — все это способствовало бурному развитию современных национальных литературных языков.

Возникновение письменности сыграло величайшую роль в истории человеческого общества. История человеческого общества начинается с момента появления письменных памятников. Доисторические времена — это эпохи, предшествовавшие появлению письменности.

Современное высокоразвитое общество не может существовать и развиваться без письменных (литературных) языков, служащих основным средством общения людей, обмена мыслями, передачи опыта, знаний старших поколений подрастающим поколениям, средством воспитания, обучения, приобретения знаний.

Вот почему проблема языка является одной из важнейших в решении национального вопроса. Ведь язык — наиболее специфичная, наиболее своеобразная форма выражения национальной культуры. Язык сближает, сплачивает людей, овладевших им. Он способствует большим успехам в их совместной политической, экономической и культурной деятельности. Каждый народ мыслит, выражает свои чувства на родном языке. И всякое познание наиболее доходчиво и понятно народу на его родном языке.

Советская власть, последовательно осуществляя ленинскую национальную политику, всегда ставила и решала вопрос о языке, полностью учитывая интересы каждого народа, проявляя большую заботу о фактическом равноправии всех народов и величайшую чуткость к национальным чувствам, традициям, особенностям.

На основе ленинской национальной политики было организовано языковое строительство в нашей стране: создание письменностей, школ на родных языках, орфографии, терминологии, учебных пособий, теоретических исследований по всем языкам советских народов, расширение общественных функций литературных языков.

Вместе с тем велась борьба за замену очень сложных и трудных древних и средневековых письмен наиболее совершенными и практически необходимыми для народов СССР письменами (сначала латинским, а затем, по требованию подавляющего большинства народов СССР, русским письмом). Эта борьба нашла отражение и в истории формирования и развития чеченского и ингушского литературных языков. Так, арабский алфавит был сначала заменен латинским, а затем русским, по требованию чеченского и ингушского народов.

Вся работа по созданию и развитию чеченского и ингушского литературных языков сопровождалась изучением народно-разговорных языков и их диалектов в связи с проблемой диалектной базы, необходимостью уточнения фонемного состава младописьменных чеченского и ингушского языков, особенностей их грамматического строя, изучения закономерностей их развития.

Таким образом, здесь перекрещивались практические и теоретические задачи, связанные с изучением и развитием рассматриваемых языков.

За годы Советской власти чеченский и ингушский народы, как и все народы нашей страны, достигли огромных успехов в своем политическом, экономическом и культурном развитии. Все эти достижения в той или иной мере отразились во всех литературных языках народов Советского Союза.

В 20-х и 30-х годах, характеризующих первый период развития младописьменных литературных языков, их фронтального исследования, были достигнуты следующие результаты: 1) завершение работы по созданию письменности для ранее бесписьменных народов и школы с преподаванием на родных языках; 2) ликвидация неграмотности в короткий срок благодаря созданию письменности и национальной школы; 3) подготовка кадров национальной школы; 4) создание необходимых учебных пособий по родным языкам; 5) организация работы по улучшению алфавитов, упорядочению орфографии, разработка терминологии; 6) создание литературы, периодической печати на родных языках; 7) использование родных литературных языков в развитии национальных культур, в изучении русского языка; 8) расширение общественных функций всех литературных языков; 9) развертывание работы по фронтальному изучению всех языков, их диалектов и ликвидации белых пятен на лингвистической карте СССР.

В этот же период наметились следующие основные тенденции в развитии литературных языков: 1) сильное развитие словарного состава литературных языков, обогащение их за счет многочисленных лексических заимствований из русского языка; 2) развитие синтаксических систем письменных языков, не только за счет использования внутренних, потенциальных возможностей народного языка, но и благодаря влиянию русского языка, заимствованию из него синтаксических приемов моделирования, возникновению калек и т. д.; 3) упорядочение, установление норм фонологических систем литературных языков, проникновение в их состав заимствованных из русского языка отдельных фонем вместе с заимствуемыми словами; 4) упорядочение, установление норм морфологических систем литературных языков, развитие, расширение их словообразовательных возможностей; 5) возникновение и развитие стилистических вариаций, новых стилей во всех литературных языках.

Марксистско-ленинская методология, советская наука высоко ценят роль родного языка в жизни каждого народа, в развитии его культуры, в просвещении носителей этого языка. Поэтому письменность, созданная для народов, не имевших ее, явилась могучим орудием в руках советской власти, для наиболее быстрого приобщения ранее отсталых народностей к современной передовой культуре, достижения науки и техники, искусства и литературы.

С этой целью были приняты меры к расширению общественных функций всех литературных языков народов СССР. Расширение их общественных функций шло по следующим направлениям.

Подавляющее большинство младописьменных языков крупных народов автономных республик впервые в советскую эпоху стало выполнять функции литературных языков. Расширение их общественных функций происходило своеобразно: 1) сначала их использовали только для ликвидации неграмотности; 2) постепенно по мере подготовки национальных кадров на этих языках развертывалось преподавание в начальной школе; 3) начали издаваться газеты — республиканские и районные; 4) в 20-х и 30-х годах основные общественные мероприятия рай-

онного и сельского масштаба проводились на рассматриваемых языках; 5) издание литературы: а) общественно-политической, б) художественной, в) учебной (для начальной школы, г) научно-популярной, б) на родном языке работает национальный театр, ведутся радиопередачи, организуется художественная самодеятельность и т. д.

Все эти особенности развития младописьменных литературных языков, а также необычайно высокие темпы развития советского общества отразились и в истории формирования и развития чеченского и ингушского литературных языков. Особенно быстро развились лексика и стилистика рассматриваемых языков. Впервые в советскую эпоху на этих языках развилась поэзия, проза, драматургия, театральное искусство.

Данные чеченского и ингушского литературных языков позволяют заявить, что за последние четыре десятилетия их развития достигнуто значительно больше результатов, чем за несколько столетий их существования и функционирования в предшествующие эпохи. В советскую эпоху достигнуты такие же выдающиеся результаты в духовном, политическом, экономическом, культурном развитии их носителей.

Говоря о своеобразии процессов исторического развития чеченского, ингушского народов, их младописьменных языков, как и всех младописьменных горских кавказских народов, нельзя не отметить особо важной роли русского языка и русской культуры за последние два столетия, особенно в советскую эпоху. Без характеристики этой роли русского народа, его культуры и языка в жизни указанных народов и развития их языков трудно себе представить, как младописьменные народы Кавказа достигли таких огромных успехов в своем историческом развитии за такой короткий срок. Без такой характеристики трудно представить себе перспективы, пути дальнейшего развития рассматриваемых народов и их языков.

В грандиозных предначертаниях партии коммунистов в новой Программе КПСС особо подчеркивается, что «Развитие наций осуществляется не на путях усиления национальных перегородок, национальной ограниченности и эгоизма, как это происходит при капитализме, а на путях их сближения, братской взаимопомощи и дружбы».

В осуществлении этой великой цели в условиях многонационального Советского государства выдающаяся роль принадлежит русскому языку, который, как справедливо подчеркивается в новой Программе КПСС, «фактически стал общим языком межнационального общения и сотрудничества всех народов СССР».

Русский язык относится к числу максимально развитых языков нашего времени, он выполняет очень широкие общественные функции: 1) русский язык один из наиболее развитых и распространенных в мире языков международного общения (один из официальных языков Организации Объединенных Наций); 2) русский язык — язык межнационального общения народов СССР. Вследствие этого он служит в руках нашей партии одним из наиболее важных средств дальнейшего развития и взаимопомощи, укрепления дружбы и братства народов СССР: он способствует монолитности советского общества, укреплению его морально-политического единства, расширению и развитию политического, экономического и культурного сотрудничества народов СССР, дальнейшему их сближению; 3) русский язык — национальный литературный язык русского народа, составляющего более половины населения СССР. Велика и многогранна роль русского языка в жизни русского народа, его творца, создателя одной из величайших национальных культур в истории человечества; 4) русский язык, являясь языком единения, взаимопомощи и братского сотрудничества народов СССР, играет огромную

роль в развитии их культур и языков. Он служит одним из основных источников обогащения и дальнейшего развития литературных языков народов СССР.

Вот почему народы СССР требуют, чтобы им помогли в совершенстве овладеть русским языком. Тем не менее языковеды все еще создают мало трудов, которые помогли бы народам СССР, особенно малым народам, в изучении русского языка, являющегося жизненно необходимым для них.

Русский язык, выполняя функции языка межнационального общения народов СССР, в политическом и правовом отношении занимает равноправное положение среди языков нашей страны. Как известно, русский язык не является обязательным государственным языком СССР. В. И. Ленин считал совершенно непозволительным, чтобы русский язык насильственно навязывали другим народам. Коммунистическая партия и Советское правительство строго следуют этому указанию Ильича.

Русский язык играет огромную прогрессивную роль в жизни народов СССР, в развитии их языков. Он содействует обогащению, дальнейшему развитию их, оказывая на них благотворное влияние. Поэтому не может быть и речи о соперничестве русского языка с другими языками народов СССР, о вытеснении им последних. В нашей стране созданы все необходимые условия для беспрепятственного развития всех национальных языков.

Заслуживают самого решительного осуждения измышления наших зарубежных недругов о том, что, якобы, из языков народов СССР изгнаны все слова, заимствованные из английского, арабского, немецкого, персидского, французского и других языков. В старописьменных и младописьменных языках народов СССР наличествуют многочисленные слова, заимствованные из указанных и других зарубежных языков. Да и в словарном составе самого русского языка немало таких слов. В этом легко убедиться, ознакомившись со словарями языков народов СССР.

Русский язык не только служит источником обогащения и развития языков советских народов. Он, в свою очередь, обогащается путем заимствования из языков народов СССР слов, отражающих специфические явления в их материальной и духовной культуре: в быту, искусстве, литературе, обычаях, нравах, в топонимике, этнонимике, ономастике, в природных условиях и т. д. И впредь русский язык и литературные языки остальных народов СССР, взаимодействуя, будут обогащаться и развиваться.

В этих лингвистических процессах, обуславливающих взаимодействие, взаимообогащение и дальнейшее развитие национальных литературных языков, также проявляется общечеловеческий социалистический характер нашей советской культуры.

В плане выявления некоторых общих закономерностей развития чеченского и ингушского литературных языков следует отметить три наиболее характерных периода их развития:

1) Начальный период их формирования, когда они полностью «копировали» живую разговорную речь, допуская смешения и механическое соединение в литературе явлений, фактов, специфичных для различных диалектов и говоров. Этот период длился недолго (в отличие от старописьменных языков).

2) Период постепенного отхода младописьменного языка от разговорного языка, лежащего в основе его литературного варианта. В этот период усиливаются расхождения между литературным языком и народно-разговорным языком. Данный процесс объясняется: а) многочис-

ленными заимствованиями из русского языка, вошедшими в литературные языки; б) образованием новых слов из исконного лексического фонда для обозначения новых понятий; в) созданием многочисленных калек по русским образцам; г) проникновением в литературные языки диалектальных особенностей; д) стилистической дифференциацией литературных языков; стилистическая дифференциация младописьменных чеченского и ингушского языков сопровождалась смешением разных жанрово-стилистических особенностей, возникших под влиянием русского литературного языка.

3) Период начала сближения народно-разговорных и литературных языков, оформления и обособления различных стилей. Этот процесс разворачивается в основном на базе языка периодической печати.

Последний период и характеризует современное состояние развития чеченского и ингушского литературных языков.

Все это и определило своеобразие, специфические особенности, разные темпы и пути развития чеченского и ингушского языков до революции и после революции. Без уяснения всего этого невозможно понять существенные расхождения в лексических, семантических, синтаксических, стилистических явлениях, относящихся к дореволюционному периоду и к советской эпохе развития указанных языков.

ОСНОВНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ГРАММАТИЧЕСКОГО СТРОЯ НАХСКИХ ЯЗЫКОВ

Важнейшие морфологические особенности нахских языков: 1) Система грамматических классов¹. Всего классов шесть в чеченском и ингушском и восемь — в бацбийском. Во всех нахских языках показателями грамматических классов служат *в, б, д, й*.

2) Сильно развитая система склонения: различаются основные и местные (последложные) падежи². Выделяется эргативный падеж особыми формантами. К числу основных падежей относятся именительный, эргативный, родительный, дательный, вещественный, местный. Последложные падежи образованы через посредство послелогов. Трудно проводить границу между основными и последложными падежами.

Имена прилагательные, имена числительные (так называемые зависимые) имеют только две формы: форму им. п. и форму для всех косвенных падежей. Зависимым именам прилагательным, числительным противопоставляются независимые (субстантивированные).

3) Сильно развита и система спряжения. Различаются абсолютные и относительные времена во всех нахских языках³. Вместе с тем различаются очевидные и неочевидные (заочные)⁴ формы времени в системе глагола. В ингушском отсутствует только что прошедшее время.

Синтаксически противопоставляются переходные и непереходные глаголы. Сказуемое, выраженное непереходным глаголом, согласуется в грамматическом классе с подлежащим, стоящим в именительном падеже. Сказуемое, выраженное переходным глаголом, согласуется в грам-

¹ Ю. Д. Дешериев. О специфике проявления абстрагирующей роли грамматики в системе грамматических классов. Доклады и сообщения Института языкознания АН СССР, № 7, 1955.

² Д. С. Имнайшвили. Основные и последложные падежи в чеченском и ингушском языках. Кандидатская диссертация. Тбилиси, 1942.

³ Р. И. Долакова. Система прошедших времен в чеченском и ингушском языках. Известия ЧИ НИИЯЛ, т. II, выпуск II, Грозный, 1961.

⁴ Д. С. Имнайшвили. Заочные формы глагола в языках кистинской группы. ИКЯ, том VI, Тбилиси, 1954.

матическом классе с прямым дополнением. Подлежащее переходного предложения ставится в эргативном падеже. Таким образом, эргативная конструкция предложения характерна для переходных глаголов. Исключением из этого правила является эргативное построение непосредственного предложения (в бацбийском языке), если подлежащее выражено первым или вторым лицом.

В бацбийском языке развилось личное спряжение для первого и второго лица. Показателями лиц служит форма эргативного падежа первого и второго лица *ас вуит/ас* — «я иду», *ахь вуит/-ахь* — «ты идешь». В чеченском языке одна из форм разновидностей повелительного и желательного наклонений может оформляться личным показателем второго лица: *ала* «скажи», *ал-а-хьа* «скажи (ты), пожалуйста».

В нахских языках относительно слабо развито словообразование. Древнейшим и наиболее развитым способом словообразования является основосложение. Наряду с этим, существуют префиксальный, суффиксальный и префиксально-суффиксальные способы.

В нахских языках по существу различаются три вида глагола: однократный, многократный и нейтральный (по отношению к однократному и многократному видам). Основы однократного и многократного видов морфологически различаются (в чеч. *даха (н)* — «идти», *цеха(н)* — «ходить»).

Глаголы нейтрального вида характеризуются отсутствием форм однократного и многократного вида.

Важнейшие особенности морфологии нахских языков охарактеризованы в ряде работ¹.

Основные наклонения: повествовательное, повелительное, желательное, условное, понудительное, потенциальное.

Важнейшие синтаксические особенности нахских языков².

1) В области простого предложения: наличие лабильных³ конструкций простого предложения: номинативная, эргативная, дативная, локативная, поссессивная. В номинативной конструкции подлежащее стоит в именительном падеже, в эргативной — в эргативном падеже, в локативной — в локативном падеже, в инессивной — в родительном падеже.

В нахских языках имеются специфические особенности построения так называемых сложносочиненных и сложноподчиненных предложений⁴.

Эти специфические особенности и представлены следующими способами выражения связи между простыми предложениями:

1) интонационный или синтаксический способ соединения простых предложений между собой;

2) морфологический способ соединения между собой простых предложений (так называемая придаточная форма сказуемого);

3) способ соединения между собой простых предложений посредством союзов и относительных слов.

¹ П. К. Услар. Чеченский язык. Тифлис, 1888; З. К. Мальсагов. Ингушская грамматика, Владикавказ, 1925 г.; Н. Ф. Яковлев. Морфология чеченского литературного языка. Грозный, 1959; Ю. Д. Дешериев. Бацбийский язык, М., 1953.

² Н. Ф. Яковлев. Синтаксис чеченского литературного языка, М., 1940.

³ А. С. Чикобава. Исследование горских кавказских языков и наши задачи. Изв. ИЯИ, МК, т. XII, Тбилиси, 1942.

⁴ Н. Ф. Яковлев. Синтаксис чеченского литературного языка, М., 1940; Д. С. Иманайшвили. К вопросу гипотаксиса в языках чеченской группы, ИЯК, том II, Тбилиси, 1948.

ОСНОВНЫЕ ОСОБЕННОСТИ СЛОВАРНОГО СОСТАВА СОВРЕМЕННЫХ НАХСКИХ ЯЗЫКОВ

Для сравнительно-исторического изучения нахских языков существенный интерес представляют следующие особенности их словарного состава:

1) Под влиянием первичного и вторичного чередования произошла перестройка именных и глагольных основ в ингушском, чеченском и его диалектах (за исключением чеберлоевского диалекта). Именные и глагольные основы в бацбийском языке не подверглись такой перестройке.

2) Основы некоторых исконных слов сформировались путем «окаменения» в их составе классных префиксов: инг., чеч. *дуог*, бацб. *докI* — «сердце», инг., чеч. *пхиъ*, бацб. *пхи* — «пять», чеч. *йист* — «край», *бух* — «дно» и др. Аналогичные процессы наблюдались и в остальных горских кавказских языках.

3) В нахских языках сравнительно слабо развито именное и глагольное словообразование.

4) В нахских языках имеются многочисленные лексические заимствования из других языков. Среди них следует различать дореволюционные и послереволюционные заимствования. Дореволюционные заимствования, подчиняющиеся фонетическим закономерностям нахских языков, имеют особенно большое значение для сравнительно-исторических исследований.

ОСНОВНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ФОНЕТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ СОВРЕМЕННЫХ НАХСКИХ ЯЗЫКОВ

Фонетическая система нахских языков после распада языка-основы сильно изменилась. Весьма сильно преобразовалась система вокализма. Существенно изменилась и система консонантизма. И в настоящее время наблюдаются процессы, обуславливающие упрощение системы согласных.

Осложнение системы вокализма происходило по следующим пунктам:

а) увеличилось число монофтонгов (преимущественно долгих монофтонгов);

б) значительно возросло количество дифтонгов;

в) в результате взаимодействия дифтонгов и монофтонгов в определенных комбинаторных (позиционных) условиях появились трифтонги. В советскую эпоху наблюдаются фонетические процессы, которые обусловлены развитием литературных языков, нивелировкой их диалектов.

Система консонантизма в одних случаях упростилась, а в других — осложнилась. Так происходило и сейчас происходит сокращение числа сочетаний согласных фонем в литературных языках путем заимствования фонем *ф*, *щ*, *рь*, *ль* из русского языка.

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ НАХСКИХ ЯЗЫКОВ, ИХ ДИАЛЕКТОВ И ГОВОРОВ

Вследствие того, что распад нахского языка-основы происходил на сравнительно небольшой территории, всегда имелись потенциальные возможности взаимодействия вновь образовавшихся диалектов и говоров. Правда, горные условия, постоянная вражда между племенами и родами, политическая, экономическая и культурная отсталость мешали интенсивному разворачиванию процессов взаимодействия нахских языков, их диалектов и говоров.

В разные исторические эпохи борьба с захватчиками способствовала объединению нахских племен, образованию временных племенных союзов, в период существования которых создавались благоприятные условия для взаимодействия диалектов.

Распространение христианства, затем магометанской религии также могло создать условия, вызывавшие некоторое усиление контактов между носителями разных диалектов и говоров.

Прогрессивная «цивилизующая роль России» (Ф. Энгельс) в значительной степени подорвала основы патриархально-родового быта, ускорила процесс экономического и политического развития нахских народов, их взаимного общения.

Наиболее благоприятные условия для взаимодействия и взаимовлияния всех нахских языков, их диалектов и говоров были созданы после победы Великой Октябрьской социалистической революции. Образование литературных языков, объединение Чечни и Ингушетии в составе одной автономной республики, усиление взаимообщения между чеченцами и ингушами — все это способствовало проникновению языковых элементов из одного языка в другой, смешению диалектальных явлений в литературных языках.

Чеченский и ингушский плоскостные диалекты, легшие в основу литературных языков, воздействовали на диалекты и говоры горных районов. В Грозном и других местах, где вместе живут чеченцы и ингуши, особенно сильно чувствуется взаимодействие, взаимовлияние их языков и диалектов.

Следы взаимовлияния чеченских и ингушских диалектов и говоров обнаруживаются и в районах, где по соседству живут чеченцы и ингуши. Так, произношение *саг* — «человек» в Ачхой-Мартане вместо бытующих в чеченских плоскостных районах форм *стаг* и *таг*, по всей вероятности, обусловлено влиянием ингушского языка.

Вместе с тем одни и те же диалектальные явления могли возникнуть параллельно в разных диалектах и говорах. В этом отношении показательным является аккинский диалект. В нем перекрещиваются явления, характерные для чеченского и ингушского языков.

В качестве смешанного диалекта наиболее показательным является кистинский (панкийский) диалект чеченского языка.

В течение последних нескольких веков, начиная примерно с XVI в., процесс обособления бацбийского языка от остальных нахских языков усиливался. До минимума ослаблен контакт между бацбийцами, с одной стороны, и чеченцами и ингушами — с другой. Поэтому в бацбийском почти полностью отсутствуют явления, обусловленные влиянием чеченских, ингушских диалектов и говоров. Для сравнительно-исторического изучения нахских языков особенно важно иметь в виду взаимовлияние чеченского и ингушского литературных языков и их плоскостных диалектов и говоров.

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ НАХСКИХ И ДРУГИХ ЯЗЫКОВ НАРОДОВ КАВКАЗА

Северный Кавказ и Дагестан относятся к числу тех районов Советского Союза, где наиболее интенсивно происходили и происходят процессы взаимодействия языков. Нахские языки взаимодействовали главным образом с русским, тюркскими (особенно с кумыкским), грузинским и осетинским языками. Распространение ислама и культурно-исторические связи способствовали заимствованию многочисленных слов чеченскими и ингушскими языками из арабского и персидского языков.

Характерной чертой рассматриваемых процессов являлось то, что языковое влияние было односторонним. Это значит, что нахские языки заимствовали из перечисленных выше языков очень много слов.

В то же время мало нахских слов проникло в указанные языки. Следует подчеркнуть, что грузинский язык влияет особенно сильно на бацбийский, а русский — на ингушский и чеченский языки.

ОТРАЖЕНИЕ ИНОЯЗЫЧНОГО ВЛИЯНИЯ В СТРУКТУРЕ НАХСКИХ ЯЗЫКОВ

В чеченском, ингушском и бацбийском языках по-разному отразилось иноязычное влияние. В дореволюционное время ингушский и чеченский языки испытывали в разной степени влияние русского, тюркских, грузинского, арабского, персидского языков. Влияние этих языков сказывалось в основном в области лексики.

После революции проникновение арабских, персидских, тюркских, грузинских слов в ингушский и чеченский языки было сведено к минимуму. Многие ненужные народу, малопонятные слова, заимствованные из арабского, персидского языков были заменены русскими словами и интернациональными терминами, заимствованными через русский.

В настоящее время ингушский и чеченский языки заимствуют слова почти исключительно из русского литературного языка и через него из других языков. После революции влияние русского языка усилилось как никогда. Это влияние распространилось на фонетику, орфоэпию, грамматику, стилистику, на народно-разговорную речь, на все сферы функционирования ингушского, чеченского литературных языков.

Бацбийский язык и до революции находился под сильным влиянием грузинского языка. После революции воздействие грузинского языка на бесписьменный бацбийский язык усилилось. Все бацбийцы стали двуязычными. Влияние грузинского языка проявляется в области фонетики, морфологии, синтаксиса и, конечно, словарного состава.

Процессы смешения и скрещивания, происходившие и происходящие в бацбийском языке, сильно затрудняют его историческое изучение. Приходится проявлять особое внимание к разграничению архаичных и новых явлений в его структуре.

Все изложенное также диктует необходимость ускорения описания диалектов, исторического и сравнительно-исторического изучения нахских языков.

К ИСТОРИИ СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ НАХСКИХ ЯЗЫКОВ

В области сравнительно-исторического исследования нахских языков сделано очень мало. В дореволюционном русском и советском языкознании нет значительных исследований, посвященных сравнительно-историческому изучению нахских языков. Из трудов зарубежных авторов следует отметить работы профессоров Дж. Дюмезиля и А. Соммерфельда.

В советской литературе имеются отдельные работы, посвященные частным вопросам исторического и сравнительно-исторического исследования грамматического строя бацбийского, ингушского и чеченского языков (Д. И. Имнайшвили, Д. Д. Мальсагов, Р. Р. Гагуа, К. Чрелашвили, Ю. Д. Дешериев и другие).

ОСНОВНЫЕ КРИТЕРИИ УСТАНОВЛЕНИЯ ГЕНЕТИЧЕСКОГО РОДСТВА ЯЗЫКОВ И НАРОДОВ

Как уже указывалось, генетическое родство языков далеко не всегда связано с общностью происхождения их носителей. Так, проживающие в США негры, предки которых были завезены в Америку рабовладельцами, утратили свои исконные языки. В настоящее время они говорят на английском языке. Ясно, что их нельзя генетически (по происхождению) связывать с англичанами, а также с другими народами — обладателями родственных друг другу германских языков.

Известно, что носители прусского языка были онемечены. Они перешли на немецкий язык.

По словам проф. Н. К. Дмитриева, термин «хайдакские кумыки» происходит, очевидно, от слова къайтакъ, так называлась небольшая народность монгольского происхождения, оставшаяся в Дагестане... О кайтаках существует специальная научная литература. Нынешние кайтаки, живущие в Дербентском районе, совершенно утратили прежний свой язык монгольского типа и говорят на одном из местных яфетических (дагестанских — горско-кавказских — Ю. Д.) языков»¹. Аналогичные случаи могли иметь место и в других районах Кавказа. Вот почему генетическое родство языков не обуславливает во всех случаях родства по происхождению и их носителей. Поэтому было бы неправильно утверждать, что все носители современных иберийско-кавказских языков произошли от одного и того же народа, так называемого пранарода. Тем не менее признание генетического родства иберийско-кавказских языков равносильно утверждению о едином происхождении большинства народов, говорящих на этих языках (с учетом возможных исключений, обусловленных процессами смешения и скрещивания народов и их языков). Вот почему проблема происхождения того или иного народа или группы родственных народов прежде всего является лингвистической проблемой². Все остальные области науки до настоящего времени дают материалы, дополняющие данные языкознания. Другими словами, они играют вспомогательную роль. И все же лучшим доказательством родства тех или иных языков и их носителей являются комплексные данные языкознания, истории, этнографии, археологии, антропологии и т. д.

По данным советских исследователей, на Кавказе встречаются различные антропологические типы, свидетельствующие о смешении представителей различных антропологических типов и рас.

Иначе обстоит дело с родственными языками. Языки, генетическое родство которых доказано, всегда восходят к одному и тому же языку-основе. Так, например, ни у кого не вызывает сомнения генетическое родство языков — нахских, абхазо-адыгских, картвельских, языков лезгинской группы.

Гораздо труднее решить сложную проблему генетического родства всех иберийско-кавказских языков. По этому вопросу в научной литературе представлены различные точки зрения.

¹ Н. К. Дмитриев. Грамматика кумыкского языка, М., 1940, стр. 31.

² Р. Раск. Исследования в области древнесеверного языка или происхождение исландского языка (см. В. А. Звегинцев. Хрестоматия по истории языкознания XIX—XX веков, М., 1956, стр. 36); П. К. Услар. Чеченский язык, Тифлис, 1888, первая пагинация, стр. 6—7.

О ГЕНЕТИЧЕСКОМ РОДСТВЕ ИБЕРИЙСКО-КАВКАЗСКИХ ЯЗЫКОВ

ГЕНЕАЛОГИЧЕСКАЯ КЛАССИФИКАЦИЯ КАВКАЗСКИХ ЯЗЫКОВ

По вопросу о генетическом родстве всех иберийско-кавказских языков существуют различные точки зрения.

Первые исследователи кавказских языков русские академики Гюльденшtedт и Паллас пытались осветить вопросы о происхождении языков народов Кавказа, о взаимоотношениях между ними, об отношении языков Кавказа к другим языкам мира. Так, по мнению Гюльденшtedта, языки лезгинской группы родственны с финно-угорскими¹. Паллас полагал, что в кавказских языках есть следы сходства с самоедским языком².

Гюльденшtedт не выделил особой группы или семьи, называемой сейчас иберийско-кавказской. Для него существовали просто кавказские языки, которые он делил на шесть групп: 1) татарскую (с «диалектами» ногайским, кумыкским и трухменским); 2) лезгинскую (с анцугским, джарским, дидойским и другими «диалектами»); 3) кистинскую (т. е. чеченскую); 4) осетинскую (с двумя диалектами—дигорским и иронским); 5) черкесскую (с «диалектами» кабардинским и абхазским); 6) грузинскую (с «диалектами» картвельским, мингрельским, сванетским, кахетинским)³.

В этой классификации смешиваются самые разнородные факты, начиная от разграничения диалекта и языка. Автор не имел ясного представления о взаимоотношении между выделенными им группами языков. Тем не менее попытка Гюльденшtedта дать классификацию языков Кавказа, как первая попытка, представляет существенный интерес.

Академик Паллас в «Сравнительном словаре» уже выделяет «кавказские языки» и делит их на две группы: 1) карталинский, имеретинский, сванский, язык кабардинских черкесов, два абхазских («абассинских») наречия, «чеченский», «ингушевский», кази-кумыцкий, андийский и акушинский; 2) аварский, кубачинский и лезгинский диалекты родов: Анцуг, Джар, Хунзаг и Дидо⁴. Хотя среди перечисленных языков и отсутствуют «некавказские» языки (что следует признать шагом вперед для того времени), все же очевидна научная несостоятельность этой классификации, в которой молчаливо признается большая близость нахских и абхазо-адыгских языков к картвельским, чем к дагестанским. Конечно, такая точка зрения не выдерживает критики.

Следующий шаг вперед в изучении рассматриваемых языков был сделан Генрихом Юлием Клапротом в первой четверти XIX века. По поручению Российской Академии наук, в 1807—1808 гг. он путешествовал по Кавказу с целью описания различных районов Кавказа и ознакомления с жизнью, бытом, языками кавказских народов. Клапрот опубликовал достигнутые им результаты в двухтомном труде на немецком языке⁵. К этому труду дано приложение «Кавказские языки» объемом 288 стр, в котором автор ставит задачу решения проблемы происхождения кавказцев. Таким образом, Клапрот считал данные языков ос-

¹ С. К. Булич. Очерк истории языкознания в России, т. 1, Спб, 1904, стр. 481.

² Там же, стр. 483.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ H. Klaproth. Reise in den Kaukasus und nach Georgien... eine Vollständige Beschreibung der Kaukasischen Länder und ihrer Bewohner (Heidelberg und—Berlin, Band I, 1912, Band, II, 1914).

новными фактами, на базе которых (привлекая данные и других областей науки) должен быть решен вопрос о происхождении кавказских народов.

Очерк «Кавказских языков» Клапрота нельзя рассматривать как специальную попытку их генеалогической классификации, хотя его автор, несомненно, исходил из необходимости выделения в отдельные группы наиболее близких между собой языков. Рассматриваемый очерк распадается на семь разделов.

В первом самом большом разделе представлены лезгинские языки, под которыми автор, очевидно, разумел все дагестанские языки. Среди этих языков в качестве основных он выделяет четыре языка: 1) аварский (включая сюда андодидойскую группу, а также часть языков самурской (кюринской), т. е. собственно лезгинской группы языков); 2) казикумукский (т. е. лакский); 3) акушайский (т. е. даргинский); 4) курельский (от названия реки Кура), который автор считает «малоизвестным». Наряду со сведениями по указанным языкам, он дает и глоссарии лезгинских языков, включая сюда лексические материалы по девяти языкам и диалектам: «хунзагскому, южноаварскому, анцугскому, джарскому, андийскому, дидойскому, казикумукскому, акушайскому и кубечскому».

Если Гюльденштедт считал, что языки лезгинской группы родственны пермяцкому, венгерскому и другим финно-угорским, то Клапрот находил сходства между аварским, с одной стороны, и «самоедским, остяцким и другими языками Сибири,— с другой»¹.

Как видно из изложенного, Клапрот не смог дать сколько-нибудь удовлетворительной генеалогической классификации дагестанских языков.

Более точная характеристика дана чеченской группе языков (*Miz-dshегische Sprachen*)—собственно чеченского, ингушского и тушинского. Заслуживает внимания тот факт, что Клапрот считал данную группу обладающей наиболее существенными особенностями, отличающими ее от других кавказских языков (например, в области лексики). Правда, в этой оценке несколько преувеличено своеобразие нахских языков. Вместе с тем он отмечал и сходство между языками чеченской группы, с одной стороны, аварским, казикумукским и некоторыми другими дагестанскими языками,— с другой².

Третий раздел посвящен осетинскому языку, четвертый — черкесскому, пятый — абхазскому, шестой — сванскому и седьмой — татарским языкам Кавказа.

Труды Гюльденштедта, Палласа и Клапрота представляют в настоящее время в основном исторический интерес, поскольку они характеризуют первый этап трудного пути разработки проблемы происхождения кавказских народов и их языков.

Второй период изучения иберийско-кавказских языков относится ко времени возникновения и развития сравнительно-исторического языкознания. В этот период проблеме генетического родства иберийско-кавказских языков большое внимание уделяет французский ученый М. Броссе, занимавшийся изучением грузинского языка, один из основателей сравнительно-исторического языкознания Фр. Бопп, Фр. Мюллер.

Еще в 1834 году М. Броссе ошибочно утверждал, что грузинский язык входит в индоиранскую группу индоевропейских языков. Несколько позже, в 1847 г., Фр. Бопп, возможно, под влиянием М. Броссе, считал

¹ Клапрот. Указ. соч., стр. 15 и сл.

² Там же, стр. 145.

картвельские языки особой кавказской группой индоевропейских языков.

Напротив, Фр. Мюллер решительно отрицал генетическую связь иберийско-кавказских языков с какой-либо из современных языковых семей. К такому заключению Фр. Мюллер пришел в 1864 году. По существу этой же точки зрения он придерживается и в «Предисловии» к книге Эркerta, признавая кавказские языки особой, самостоятельной семьей языков.

В своей обзорной работе, характеризуя взаимоотношение между горскими кавказскими и картвельскими языками, он утверждает, что за их родство «можно привести столько же доводов, сколько и за отсутствие родства обеих языковых групп». Фр. Мюллер дал две несколько отличающиеся друг от друга классификации иберийско-кавказских языков. В первом томе „Grundriss'a“ он делил горские кавказские языки на три подгруппы: а) лезгинский, казикумукский и аварский; б) абхазский и черкесский; в) тушинский (бацбийский—Ю. Д.) и чеченский. Иную классификацию рассматриваемых языков он дает в третьем томе своего труда. Все иберийско-кавказские языки он разделил на две большие группы:

I. Северокавказские языки:

- 1) абхазский и черкесский языки,
- 2) аварский, казикумукский, арчинский, кюринский, удинский и чеченский языки.

II. Южнокавказская семья: грузинский, мингрельский, лазский, сванский.

Горские кавказские (или северокавказские) языки автор не называет семьей, тогда как картвельские (или южнокавказские) языки он определяет как семью языков. Это не случайно. В данной классификации выражено его неопределенное отношение к генетическому родству между собой горских кавказских языков, следовательно и их носителей. Внутренняя классификация северокавказских языков также не выдерживает критики с точки зрения современного состояния кавказоведения.

Во второй половине XIX в. самым значительным событием в кавказоведении явились труды П. К. Услара, а также всячески поддерживавшего его деятельность академика А. Шифнера. Как мы уже отмечали, наиболее ценные и значительные труды по основным горским кавказским языкам были созданы П. К. Усларом. Правда, Услар не успел уточнить существовавшие классификации кавказских языков или создать новую классификацию. Анализируя свои конкретные лингвистические исследования с точки зрения сравнительно-исторического языкознания, в письме к А. П. Берже от 10 февраля 1864 года он писал: «Теперь уже утвердительно можно сказать, что к великим семействам языков Старого света... должно присоединить еще совершенно самостоятельное семейство (разрядка наша — Ю. Д.) языков кавказских, так как все эти языки, при изумительном разнообразии (разрядка наша — Ю. Д.) представляют глубокие родственные черты»¹.

Труды П. К. Услара явились солидной базой для дальнейшего уточнения генеалогической классификации кавказских языков.

В известной работе «Кавказская семья языков» Р. Эркерт приходит к выводу (на основании «...сравнения кавказских языков в их нынешней форме»), что исследуемые языки близкородственны между собой, они «...являются потомками одного в них растворившегося праязыка». Вместе с тем он признает, что пока не создана сравнительно-историческая

¹ П. К. Услар. Чеченский язык. Тифлис, 1888, стр. 6—7 первой пагинации.

грамматика грузинского языка (точнее картвельских языков), вопрос о древности, единстве и подразделении всех кавказских языков должен считаться частично открытым.

С такими оговорками Эркерт дал свою следующую классификацию кавказских языков:

I. Южнокавказская или картвельская группа:

а) сванский; б) грузинский, хевсурский, пшавский, ингилойский; в) мегрельский, лазский.

II. Северокавказская или горская группа.

A. Западные горские языки:

1) абхазский; 2) черкесский: а) южный, абадзехский, кубанско-черкесский; б) кабардинский; в) шапсугский.

B. Восточные горские языки.

I. Северо-западная группа.

1. Чеченская группа: а) тушинский, б) ингушский, в) центрально-чеченский.

2. Средняя группа:

а) дидойские диалекты западные: дидойский, хваршинский; восточные: акпучинский, нахадский; б) андийские диалекты.

Андийская группа: андийский, ботлихский и др. Каратинская группа: каратинский, годоберинский и др.;

в) аварский. Северные: хунзахский, гунибский, ахvakский и др. Южный: закатальский.

3. Восточная группа:

а) даргинские диалекты. Северные: акушинский, хюркилинский, кайтакский и др.

Южные: кубачинский, кара-кайтакский и др.;

б) лакский.

II. Юго-восточная или кюринская группа.

1. Северо-западная кюринская группа:

а) арчинский, б) рутульский, в) цахурский.

2. Северо-восточно- и центрально-кюринская группы:

а) табасаранский, б) агульский, в) кюринский и др.

3. Южнокюринская группа:

а) будухский, б) джекский, в) хиналугский.

4. Удинский¹.

Р. Эркерт, опираясь на достижения кавказоведения его времени, дал более подробную классификацию кавказских языков, чем все его предшественники. Но в его классификации обнаруживается смешение диалектов и языков, например, при рассмотрении абхазо-адыгских, андодидойских языков, а также языков лезгинской группы. В ряде случаев языки неправильно распределены по группам. Так, будухский, крызский (по Эркерту — джекский) в генетическом плане стоят ближе к лезгинскому (кюринскому — по Эркерту), чем к хиналугскому и т. д.

Указанные и другие ошибки и неточности классификации Эркерта объясняются тем, что он, подобно всем своим предшественникам, не исходил из глубокого всестороннего сравнительно-исторического анализа данных фонетики, грамматики, лексики всех иберийско-кавказских языков. Для такого анализа он не располагал необходимым фактическим материалом, так как многие горские кавказские языки оставались неизученными.

Несмотря на все эти недостатки классификации, Эркерт все же располагал внушительным материалом, чтобы вслед за П. К. Усларом и

1. Erskert. Указ. соч., часть II, стр. 385—386.

Фр. Мюллером заявить, что кавказские языки образуют особую, самостоятельную семью.

Известный кавказовед А. Дирр, создавший значительное количество трудов по кавказским языкам в первой четверти XX в., также занимался уточнением и дальнейшей разработкой генеалогической классификации иберийско-кавказских языков. Последние, по Дирру, распадаются на три группы: 1. Южнокавказскую или картвельскую (иберийскую). 2. Северо-западную абхазо-черкесскую. 3. Восточную или чечено-дагестанскую. В центре внимания А. Дирра стояли вопросы, связанные с уточнением классификации языков восточной группы. В последней он выделил две подгруппы, в свою очередь распадающиеся на небольшие группы: 1) кюринская подгруппа: а) самурская (кюринский-лезгинский, цахурский, табасаранский, рутульский, агульский и удинский); б) шахдагскую (хиналугский, джекский, будухский и гапутлинский); 2) андодидойская подгруппа: а) андийская (андийский, годоберинский, каратинский, багулальский, чамалинский, тиндинский и ахвахский), б) дидойская (дидойский, хваршинский, капучинско-хунзальский). В этот период Дирр полагал, что «северные (т. е. горские кавказские) языки одного происхождения с южными (т. е. картвельскими)». Расхождения между ними он пытался объяснить влиянием финно-угорских языков. Этих вопросов он касается в статьях, опубликованных в 37 выпуске Сборника материалов по описанию местностей и племен Кавказа в 1907 г. (в связи с полемикой с Г. Шухардтом, предполагавшим, что горские кавказские языки и картвельские языки разного происхождения. От этой точки зрения он отходит в своей последней обзорной работе и, утверждая, что кавказские языки не представляют генетического единства, выдвигает их новую классификацию, в которой выделяет три отдельных ствола или семьи (Stamme) кавказских языков: 1) юго-западнокавказскую или картвельскую, 2) северо-западнокавказскую или абхазо-убыхско-черкесскую и 3) северо-восточнокавказскую или чечено-дагестанскую. Между этими тремя семьями кавказские языки распределены следующим образом:

I) Юго-западнокавказская семья: 1) грузинский, 2) мингрельский (мегрельский), 3) лазский и 4) сванский языки.

II) Северо-западная семья: 1) абхазский, 2) убыхский и 3) черкесский (с главным кабардинским диалектом).

III) Северо-восточная семья, имеющая два главных ответвления: дагестанское и чеченское.

В состав чеченской ветви входят: 1) чеченский, 2) ингушский и 3) бацбийский языки.

Дагестанская ветвь включает в себя четыре группы: 1) западную, 2) северо-восточную, 3) центральную и 4) юго-восточную.

1) Западная группа охватывает: 1) аварский язык и две подгруппы: а) андийскую и б) дидойскую.

В состав андийской подгруппы входят: 1) андийский, 2) ботлихский, 3) годоберинский, 4) каратинский, 5) багулальский, 6) чамалинский, 7) тиндинский, 8) ахвахский языки.

Дидойская подгруппа состоит из: 1) дидойского, 2) капучинского, 3) хваршинского и 4) хунзальского языков.

2) Северо-восточная группа включает в себя: 1) «хюрканский» с акушинским (т. е. даргинский); 2) «варкунский» (вуркунский) с каракайдакским (т. е. кайтакский) и 3) кубачинский языки.

3) в состав центральной группы входят: 1) лакский и 2) арчинский языки.

4) Юго-восточная или кюринская группа распадается на четыре подгруппы: 1) северную, 2) центральную (собственно самурскую), 3) южную и 4) удинскую.

а) Северная подгруппа включает в себя: 1) табасаранский 2) агульский языки.

б) Центральная (самурская) подгруппа состоит из: 1) кюринского (лезгинского), 2) рутульского и 3) цахурского языков.

в) Южная или шахдагская подгруппа представлена: 1) будухским, 2) джекским (крызским) и 3) хиналугским языками.

г) Удинская подгруппа состоит из одного удинского языка.

Мало что нового внес автор рассмотренной классификации в классификацию картвельских и чеченских (нахских языков). В первой он выделяет четыре самостоятельных языка, а во второй (нахской), выделяя ингушский, в то же время включает его в состав чеченского языка, справедливо противопоставляя в генетическом плане чеченский и ингушский бацбийскому.

В генетическом плане в основном правильно разграничены языки, входящие в абхазско-убыско-черкесскую ветвь, хотя и недостаточно ясно очерчены особенности лингвистических единиц, входящих в состав каждого исходного языка: например, в состав черкесского (адыгского) языка (с точки зрения современного состояния кавказоведения).

Что же касается дагестанских языков, то А. Дирр дал наиболее подробную их классификацию. А. Дирр хорошо знал различные районы Кавказа. Из предшественников А. Дирра (кроме П. К. Услара) никто не знал так хорошо Кавказ, как он. После Услара никто не дал столько монографических описаний отдельных языков, сколько А. Дирр. И все же его труды по качеству материала, по глубине анализа значительно уступают исследованиям П. К. Услара.

Существенными недостатками страдает и классификация кавказских языков А. Дирра. Советские кавказоведы внесли существенные коррективы в дирровскую классификацию дагестанских языков, особенно языков андо-дидойских и лезгинских.

Исследования советских языковедов (как и большинства его предшественников и современников) убедительно показали научную несостоятельность положения А. Дирра о том, что существуют три ствола или три семьи кавказских языков, генетически не связанных между собой.

Рассматривая вопрос о генетических связях кавказских языков с другими языками, А. Дирр разделял точку зрения о родстве иберийско-кавказских языков с некоторыми языками Передней Азии и Средиземного моря.

Известный французский ученый Ж. Дюмезиль, имеющий весьма ценные исследования по горским кавказским языкам, проявлял большую осторожность в постановке вопроса о родстве горских кавказских языков с картвельскими, хотя он и занимался сравнительным изучением кавказских языков.

Многие годы норвежский лингвист А. Соммерфельд в одной из своих работ присоединился в основном к классификации кавказских языков, данной Н. Трубецким.

Академик Н. Я. Марр в разные периоды своей научной деятельности выдвинул различные классификации кавказских языков. Один из первых его неудачных опытов классификации так называемых яфетических язы-

ков представлен в «Грамматике чанского (лазского) языка». Согласно этой классификации существует ноэтическая семья языков, которая распадается на три ветви: семитическую, яфетическую и хамитическую. Данная классификация относится к тому периоду, когда Н. Я. Марр ошибочно утверждал, что грузинский язык — родственен семитским языкам.

Н. Я. Марром была выдвинута и классификация «яфетических» языков на основе фонетических признаков. По этой классификации он делил яфетические языки на две ветви: сибилантную и спирантную. В спирантной ветви были представлены три группы горских кавказских языков: 1) лезгинская, 2) чеченская и 3) абхазско-адыгская. Эту классификацию он также менял неоднократно.

В дальнейшем Н. Я. Марр включил в состав «яфетических» языков баскский, этрусский, эламский, халдский, шумерский и вершикский.

Различные классификации «яфетических» и других языков мира, предложенные Н. Я. Марром, подвергались заслуженной критике в специальной литературе¹, поэтому мы не будем более подробно останавливаться на этом вопросе.

В коллективном труде французских лингвистов «Языки мира»² известный лингвист Н. Трубецкой опубликовал общий обзор горских кавказских языков, которые он делил на две родственные между собой группы:

- 1) восточнокавказскую (чечено-дагестанскую);
- 2) западнокавказскую (абхазо-черкесскую).

I. Восточнокавказская группа распадается на восемь подгрупп:

1) Чеченская: чеченский (с диалектами), ингушский и бацбийский.

2) Аваро-андийская, распадающаяся в свою очередь на три подгруппы:

- а) собственно аварскую (с множеством говоров);
- б) андийскую (андийский, ботлихский, годоберинский, чамалинский, каратинский, ахвахский, багулальский, тиндинский языки);
- в) дидойскую (дидойский, хваршинский и капучинский языки).

3) Лакская: лакский (с диалектами)

4) Даргинская: с языками — акушинским, хюркилийским, кубачинским.

5) Самурская в свою очередь распадается на четыре подгруппы:

а) северо-восточную: кюринский (с двумя диалектами — кюринским и ахтинским), агульский, табасаранский языки;

б) юго-восточную: будухский, джекский языки;

в) рутульскую: собственно рутульский язык;

г) цахурскую: собственно цахурский язык.

6) Арчинская: собственно арчинский язык.

7) Удинская: собственно удинский язык.

8) Хиналугская: собственно хиналугский язык.

II. Западнокавказская группа (абхазско-черкесская) распадается на три подгруппы:

1) адыгейская: кабардинский (или вернее — адыгский), адыгейский (или нижне-адыгский) с двумя группами диалектов: с т е л н ы е

¹ Например, в работах Т. С. Шарадзенидзе: Классификации языков и их принципы, Тбилиси, 1959.

² „Les Langues du Monde“, Paris, 1924.

(абдзехский, бжедухский и др.) и по береж н ы е (шапсугский, натухайский и др.).

2) А б х а з с к а я: собственно абхазский язык с диалектами.

3) У б ы х с к а я: собственно убыхский язык с двумя диалектами: сашским и варданским (в Турции).

Рассмотренная классификация представляет собой в основном повторение той характеристики различных групп кавказских языков, которая была дана в опубликованной в 1922 году статье Н. Трубецкого.

В этой классификации открытым остается вопрос о генетических взаимоотношениях горских кавказских и картвельских языков. Кроме того, классификация, уточняющая внутреннее распределение (в генетическом плане) абхазско-адыгских, дагестанских и нахских языков, страдает и некоторыми другими недостатками: например, акушинский и хюркилинский выделяются как самостоятельные языки и противопоставляются кубачинскому как «равновеликие» явления; неравномерно раздроблены, разграничены и языки, входящие в лезгинскую группу, осложнены взаимоотношения между ними.

Итальянский лингвист Альфред Тромбетти также предложил своеобразную классификацию кавказских языков, учитывающую во многом особенности фонетической системы этих языков. В этой классификации иберийско-кавказских языков выделяются семь групп:

Первая группа: грузинский, мегрельский с лазским, ованский.

Вторая группа: абхазский, черкесский (абдзехский, кабардинский, шапсугский, убыхский).

Третья группа: чеченский, ингушский, бацбийский.

Четвертая группа распадается на четыре подгруппы:

а) а в а р с к а я: собственно аварский язык;

б) а н д и й с к а я: андийский, ботлихский, годоберинский, каратинский, багулальский, ахвахский, чамалинский, тиндинский,

в) д и д о й с к а я: дидойский, хваршинский, капучинский и нахадский;

г) а р ч и н с к а я: собственно арчинский язык.

Пятая группа: лакский язык, даргинский, который распадается на две группы диалектов — северо-даргинскую (хюркилинский, акушинский, кайтакский и др.) и южно-даргинскую (кубачинский, варкунский и др.).

Шестая группа: собственно удинский язык.

Седьмая группа также распадается на следующие языки или подгруппы языков:

а) к ю р и н с к и й (лезгинский), агульский и табасаранский,

б) р у т у л ь с к и й и цахурский.

в) д ж е к с к и й (крызский), будухский и хиналугский.

Сам А. Тромбетти считал наиболее существенным расхождением между его классификацией и классификацией Эркerta следующие два момента:

1) если Эркерт относил арчинский язык к кюринской (лезгинской) группе, то он (А. Тромбетти) включает его в аваро-андо-дидойскую группу.

2) А. Тромбетти в отличие от Эркerta выделяет удинский язык в особую группу.

В своей содержательной обзорной статье, в которой дается характеристика почти всех попыток генеалогической классификации кавказских языков, появившихся (попыток) в печати до 1928 г., профессор М. Я. Немировский подверг справедливой критике классификацию А. Тромбетти.

«...В вопросах лингвистической классификации, которая должна основываться только на языковых данных, не следует географическому положению придавать столь важное значение, какое приписывается ему А. Тромбетти,— писал М. Я. Немировский.— Вызывают возражения также и некоторые пункты вышеприведенной классификации. Так, убыхский язык нельзя считать диалектом черкесского языка, а седьмую группу правильнее подразделить на четыре подгруппы, как делают А. Дирр и Н. Трубецкой»¹.

К этому следует добавить и то, что нельзя ставить хиналугский язык в один ряд с крызским и будухским, которые очень близки между собой.

Мы рассмотрели почти все разновидности генеалогической классификации кавказских языков. Разновидности эти, как видим, были представлены в дореволюционном русском и зарубежном языкознании.

В советскую эпоху исследование иберийско-кавказских языков шло в основном в двух направлениях. Во-первых, советские языковеды развернули фронтальное изучение неисследованных или слабо исследованных языков и их диалектов в научных и практических целях (в связи с созданием письменности для целого ряда наиболее крупных ранее бесписьменных народностей Кавказа). Во-вторых, велась кропотливая работа (правда, не в таких масштабах, как по синхронному анализу отдельных языков и их диалектов), по их историческому и сравнительно-историческому изучению.

Приведенная работа позволила выявить новые диалекты и говоры, уточнить внутреннюю классификацию отдельных групп языков, яснее и точнее охарактеризовать взаимоотношения между отдельными группами языков.

Академик АН Груз. ССР А. С. Чикобава дает следующую классификацию иберийско-кавказских языков: «Иберийско-кавказские языки в нынешнем их составе образуют четыре группы:

- 1) картвельскую или иберийскую,
- 2) абхазско-адыгейскую,
- 3) бацбийско-кистинскую (т. е. нахскую — Ю. Д.),
- 4) дагестанскую.

Картвельскую, или иберийскую группу, образуют языки: грузинский, занский и сванский»².

Дагестанские языки А. С. Чикобава подразделяет на три подгруппы:

- 1) аварско-андийско-дидойскую,
- 2) даргинско-лакскую,
- 3) лезгинскую³.

Несмотря на достигнутые успехи в уточнении классификации рассматриваемых языков, все же есть вопросы нерешенные, дискуссионные не только в масштабах всей группы иберийско-кавказских языков, но и в пределах отдельных подгрупп. Так, советские кавказоведы не пришли к единому мнению по вопросу о месте арчинского языка среди дагестанских языков. Существуют различные точки зрения по вопросу о количестве дидойских (цезских) языков. По мнению одних кавказоведов, дидойская подгруппа распадается на пять языков: собственно дидойский

¹ М. Я. Немировский. Из прошлого и настоящего кавказской лингвистики. Владикавказ, 1928, стр. 34 (оттиск).

² А. С. Чикобава. Введение в языкознание, часть I, 1953, стр. 220.

³ Там же, стр. 222.

(цезский), хваршинский, гиңухский, бежитинский, гуңзибский¹. Другие же выделяют в рассматриваемой подгруппе всего три языка².

Нет единства в классификации всех дагестанских языков. По данным представителей Тбилисской школы кавказоведов, возглавляемой А. С. Чикобава, дагестанская ветвь горских иберийско-кавказских языков делится на три основные группы: 1) аварско-андийско-дидойскую, 2) даргинско-лакскую, 3) лезгинскую³. Другие же кавказоведы, следуя схеме А. Дирра, выделяют четыре группы: 1) аварскую (аваро-андидойскую); 2) даргинскую; 3) лакскую; 4) лезгинскую⁴.

В новом освещении нуждается и абхазо-адыгская группа. В советскую эпоху в пределах СССР образовались четыре младописьменных языка абхазо-адыгских народов. На базе двух основных диалектов (абжуйского и бзыбского) абхазского языка образовался младописьменный абхазский литературный язык, развивающийся более сорока лет в Абхазской АССР. То же самое следует сказать и об абазинском младописьменном литературном языке, сформировавшемся на основе абазинских наречий, главным образом, тапантского и ашхарского в Карачаево-Черкесской Автономной области.

В пределах Кабардино-Балкарской АССР функционирует младописьменный кабардинский литературный язык, которым пользуются и черкесы Карачаево-Черкесской автономной области. Кабардинские диалекты и говоры Большой и Малой Кабарды, а также района Моздока находятся под сильным влиянием кабардинского литературного языка.

В Адыгейской Автономной области сложился адыгейский младописьменный литературный язык. Диалекты и говоры кабардинского народно-разговорного языка испытывают сильное воздействие кабардинского литературного языка.

Таким образом, абхазо-абазинский язык-основа распался на две группы территориальных, местных диалектов, каждая из которых составила диалектную базу соответствующего литературного языка (абхазского, с одной стороны, и абазинского — с другой).

Адыгский язык-основа также распался на две группы местных диалектов, одна из них представлена в Кабардино-Балкарской АССР, а другая — в Адыгейской Автономной области.

В итоге образовалось четыре литературных языка, обслуживающие четыре территориально разграниченные автономные республики и области. У каждого литературного языка и его местных диалектов сложились какие-то свои специфические особенности. В соответствии с этим в составе абхазо-адыгской группы выделяются следующие две подгруппы:

1) Абхазо-абазинская подгруппа:

а) абхазский (литературный) язык с его местными диалектами и говорами;

б) абазинский (литературный) язык с его местными диалектами и говорами.

¹ Е. А. Бокарев. Цезские (дидойские) языки Дагестана, М., 1959.

² Т. Е. Гудава, Д. С. Имнайшвили, Э. А. Ломтадзе, З. М. Магомедбекова, И. И. Церцвадзе. О звуковых соответствиях в языках аварско-андийско-дидойской группы, III (IX) научная сессия Института языкознания АН Груз. ССР. Тбилиси, 1952.

³ А. С. Чикобава. Введение в языкознание, ч. I., М., 1952, стр. 222.

⁴ Е. А. Бокарев. Дагестанские языки (Сборник «Младописьменные языки народов СССР». М., 1958, стр. 247—248).

2) Адыгская подгруппа:

- а) адыгейский (литературный) язык с его диалектами и говорами,
- б) кабардино-черкесский (литературный) язык с его диалектами и говорами.

Убыхский язык, носители которого выселились в Турцию еще в 1864 году, хотя и стоит ближе к адыгским языкам, все же в настоящее время, по-видимому, занимает промежуточное положение между указанными двумя подгруппами. Следует учесть, что убыхский язык подвергся в Турции существенным изменениям под воздействием турецкого языка (особенно в области лексики).

Бесленевский диалект также занимает в известной мере промежуточное положение между адыгейским и кабардино-черкесскими языками, несмотря на то, что в нем преобладают особенности, свойственные кабардино-черкесскому¹.

Выявление промежуточных (переходных) «пограничных» языков и диалектов на многоязычном Кавказе является значительным достижением советского кавказоведения, свидетельствующим о глубоком знании исследуемых лингвистических единиц.

Уточнена классификация картвельских языков. Установлено, что мегрельский и чанский (лазский) являются диалектами языка *з а н с к о г о* (термин «занский» язык введен в научный обиход А. С. Чикобава).

Учитывая те весьма интенсивные процессы, которые происходили и происходят в языках народов СССР в советскую эпоху, в новом подходе нуждаются и нахские языки. Конечно, каждому ясно, за 40—50 лет фонетическая система и грамматический строй конкретного языка в советских условиях не могли подвергнуться коренной ломке или видоизменению. Мы имеем здесь в виду другое: интенсивное развитие младописьменных литературных языков способствовали тому, что более определенно были проведены границы между диалектами и говорами, тяготеющими к различным младописьменным языкам (например, аккинский диалект к чеченскому языку, с одной стороны, и ингушскому — с другой; бесленевский диалект к кабардино-черкесскому, с одной стороны, и адыгейскому — с другой). Литературный язык оказывает нормализующее влияние на диалекты и говоры, находящиеся в сфере его влияния. В то же время некоторые явления диалектов и говоров проникают и в литературный язык. В разрывании этих процессов существенную роль играет и внешнее влияние (развитие общества, воздействие других языков и т. д.).

С учетом всего этого должны быть внесены дополнения и изменения в классификацию нахских языков. Нахская группа распадается на две подгруппы:

І. Вейнахская подгруппа:

- 1) Чеченский (литературный) язык (с аккинским плоскостным, чеберлоевским, итум-калинским и другими диалектами и говорами).
- 2) Ингушский (литературный) язык, в основе которого лежит плоскостной диалект с его местными вариациями.

ІІ. Бацбийская подгруппа:

- 1) Собственно бацбийский язык, не имеющий диалектов и говоров. Строгое соблюдение принципов генеалогической классификации языков заставляет выделять указанные две подгруппы нахских языков. Следует указать на то, что аккинский диалект, отнесенный нами на основании большинства его характерных черт к чеченскому языку, обла-

¹ Б. Х. Балкаров. Язык бесленевцев. Нальчик, 1960.

дает целым рядом признаков, показывающих его промежуточное, пограничное положение между чеченским и ингушским языками.

Между советскими кавказоведами имеются расхождения и по части выделения основных групп иберийско-кавказских языков. Одни из них придерживаются принципов, положенных в основу классификации горских кавказских языков, предложенной Эркертот и Н. Трубецким. Как мы видели выше, согласно их классификации горские кавказские языки делятся на две основные ветви: 1) восточные горские языки (по Эркертоту) или чечено-лезгинские восточнокавказские (по Н. Трубецкому); 2) западные горские языки (по Эркертоту) или абхазо-черкесские||западнокавказские (по Н. Трубецкому). Другая часть кавказоведов исходит из признания трех основных ветвей¹ горских кавказских языков: 1) абхазо-адыгская; 2) дагестанская и 3) нахская.

Указанные расхождения между советскими кавказоведами обусловлены трудностью определения места нахских языков среди горских кавказских языков. Для первой группы кавказоведов наличие развитой системы склонения (как в дагестанских языках), близость некоторых слов исконной лексики служат основанием для отнесения нахских языков к дагестанским. Как известно, в абхазо-адыгских языках очень слабо развита система склонения.

Внимательное ознакомление с данными нахских языков показывает, что последние обладают структурными, материальными и функциональными особенностями, отличающими их как от абхазо-адыгских, так и от дагестанских языков. Эти особенности и обуславливают необходимость выделения нахских языков в особую — третью — ветвь горских иберийско-кавказских языков. К ним относятся: 1) своеобразие грамматического строя (особенности склонения и спряжения, структур именных и глагольных основ, инвентаря морфологии, типов синтаксических конструкций — предложения и словосочетания, ритмических групп и др.); 2) своеобразие исконного лексического фонда, одни слои которого стоят ближе к дагестанским языкам, а другие — к абхазо-адыгским; 3) характерные черты фонетических закономерностей, отличающих нахские языки от абхазо-адыгских и дагестанских; 4) своеобразие фонологической системы; 5) наличие в структуре нахских языков архаизмов и новообразований, сближающих нахские языки с дагестанскими, в одних случаях, и абазо-адыгскими — в других.

Ниже мы остановимся на указанных особенностях более подробно.

Наконец, как мы уже указывали выше, между советскими кавказоведами существуют расхождения по вопросу о генетическом родстве картвельских и горских кавказских языков. Подавляющее большинство советских кавказоведов стоит на позициях П. К. Услара, утверждавшего, что кавказские языки «...при изумительном разнообразии, представляют глубокие родственные черты»². Это положение русского языковеда нашло свое дальнейшее развитие в трудах академиков И. А. Джавахишвили³, А. С. Чикобава⁴ и других.

Следуя основному положению П. К. Услара и опираясь на свои собственные исследования и труды других специалистов по картвельским и горским кавказским языкам, А. С. Чикобава писал: «...несмотря на наличные ныне расхождения, чем лучше удастся уяснить историю

¹ А. С. Чикобава. Введение в языкознание, часть I, 1952, стр. 220.

² П. К. Услар. Чеченский язык, Тифлис, 1888, стр. 35.

³ И. А. Джавахишвили. Первоначальный строй и родство грузинского и кавказских языков.

⁴ А. С. Чикобава. Древнейшая структура именных основ в картвельских языках, Тбилиси, 1942, стр. 242.

развития иберийско-кавказских языков, тем ближе они оказываются друг к другу, тем больше общих моментов вскрывается в процессе сравнительно-исторического изучения их в грамматическом строе и в корне слова. Эта общность первична, расхождение же — вторичное явление: это — результат сложного исторического пути, пройденного в своем развитии этими языками. Так, при современном состоянии иберийско-кавказского языкознания можно считать твердо установленным ряд черт, исторически общих всем иберийско-кавказским языкам»¹.

К этим чертам относится и категория грамматических классов. Обоснование существования категории грамматических классов в картвельских языках с материальными элементами (классными показателями), генетически соответствующими аналогичным показателям в горских кавказских языках, является едва ли не самым основным пунктом доказательств родства горских кавказских и картвельских языков. Этот вопрос рассматривается в труде А. С. Чикобава «Древнейшая структура именных основ в картвельских языках», в котором выдвинуто положение, имеющее принципиальное значение для установления генетического родства картвельских и горских кавказских языков.

Далеко не все исследователи картвельских языков признают правомерность этого положения (например, академик АН Грузинской ССР А. Г. Шанидзе).

Некоторые советские языковеды свое отрицательное отношение к признанию генетического родства картвельских и горских языков мотивируют тем, что еще не созданы сравнительно-историческая грамматика и сравнительно-историческая лексикология иберийско-кавказских языков.

С утверждением об отсутствии научного обоснования генетического родства картвельских и горских языков связано главным образом и отрицательное отношение к термину «иберийско-кавказские языки».

Как видно из изложенного выше, среди советских исследователей нет полного единства по вопросам о родстве и генеалогической классификации иберийско-кавказских языков. Необходимо продолжать работу по историческому и сравнительно-историческому изучению рассматриваемых языков. В этой большой работе необходимы борьба различных мнений, широкие научные дискуссии. При этом в зародыше должны быть осуждены любые попытки возврата к осужденным партией приемам шельмования инакомыслящих, приклеивания к ним разных «ярлычков», т. е. к приемам, которые были порождены культом личности и немало повредили развитию всех областей советской науки.

Исходя из современного состояния исследования абхазо-адыгских, дагестанских, картвельских и нахских языков, мы считали бы возможным предложить следующую генеалогическую классификацию иберийско-кавказских языков:

Иберийско-кавказская семья языков распадается на четыре ветви: I—абхазо-адыгскую, II—дагестанскую, III—картвельскую, IV—нахскую.

I. Абхазо-адыгская ветвь, восходящая к абхазо-адыгскому языку-основе, состоит из двух групп: а) абхазо-абазинской, б) адыгской и собственно убыхского языка. Может быть, следовало бы назвать данную ветвь абхазо-абазино-адыгской. Но такое название является слишком сложным. Кроме того, в этом нет необходимости. Вряд ли кто-нибудь станет утверждать, исходя из термина абхазо-адыгские языки, что тапантский и ашхарский диалекты произошли от абжуйского

¹ А. С. Чикобава. Введение в языкознание, часть I, М., 1953, стр. 223.

² Там же, стр. 221.

или бзыбского. Как указывает А. С. Чикобава², тапантский и ашхарский диалекты объединяются в «группу абазинских наречий». Для строгого соблюдения генеалогической последовательности классификации лингвистических единиц не имеет решающего значения вопрос о том, как мы назовем указанные четыре диалекта — четырьмя или двумя (каждый из которых охватывает по два диалекта) языками.

Если один или два из рассматриваемых четырех диалектов не являются исходными для остальных двух (что теоретически возможно), то важнее всего указать на то, что все четыре диалекта восходят к единой (исходной) основе. В этом случае можно говорить о том, что абхазо-абазинский язык-основа распадается на два языка или на две группы диалектов. По указанным выше (стр. 119) соображениям, группу абазинских наречий или диалектов мы называем абазинским языком, являющимся младописьменным языком, а группу абхазских наречий — абхазским языком, также являющимся младописьменным языком.

При этом следует учитывать следующие особенности абхазско-абазинских диалектов, установленные членом-корр. АН Груз. ССР К. В. Ломтатидзе: «Абхазско-абазинские диалекты по характерным языковым признакам следует разделить на две группы: 1) тапантский, с одной стороны и 2) ашхарский, бзыбский, абжуйский — с другой стороны»¹.

Таким образом, абхазо-абазинская группа, восходящая к абхазо-абазинскому языку-основе, состоит из двух литературных языков: абхазского и абазинского.

В сфере влияния абхазского литературного языка, в основу которого положен абжуйский диалект, находятся два диалекта — абжуйский и бзыбский, каждый из которых в свою очередь распадается на мелкие говоры.

В сфере влияния абазинского литературного языка², в основе которого лежит тапантский диалект, находятся два его основных диалекта — собственно тапантский³ и ашхарский⁴, каждый из которых в свою очередь распадается на мелкие говоры.

Адыгская группа, восходящая к адыгскому языку-основе, распадается на два языка: адыгейский и кабардино-черкесский.

В основу младописьменного адыгейского литературного языка «легли два наиболее близких друг другу и наиболее распространенных диалекта — темиргоевский и бжедухский»⁵. Д. Н. Ашхамаф⁶ выделил следующие основные диалекты адыгейского языка: бжедухский, темиргоевский, абадзехский и шапсугский. Первое монографическое исследование одного из диалектов адыгейского языка (т. е. шапсугского диалекта) опубликовала кандидат филологических наук З. И. Керашева⁷.

Младописьменный кабардино-черкесский литературный язык, возникший на базе речи кабардинцев Большой Кабарды, также распадается на диалекты и говоры, большинство которых уже описано.

К сожалению, до сих пор нет обобщающей работы по кабардинской

¹ К. В. Ломтатидзе. Ашхарский диалект и его место среди других абхазско-абазинских диалектов, Тбилиси, 1954.

² Г. П. Сердюченко. Язык абазин, М., 1955.

³ К. В. Ломтатидзе. Тапантский диалект абхазского языка (с текстами), Тбилиси, 1944.

⁴ К. В. Ломтатидзе. Ашхарский диалект и его место среди других абхазско-абазинских диалектов, Тбилиси, 1954.

⁵ М. А. Кумахов. Адыгейский язык (Сборник Младописьменные языки народов СССР М., 1959, стр. 228).

⁶ Д. Н. Ашхамаф. Краткий очерк адыгейских диалектов, Майкоп, 1939.

⁷ З. И. Керашева. Особенности шапсугского диалекта адыгейского языка, Майкоп.

и адыгейской диалектологии¹. Это не дает возможности выявить с необходимой точностью промежуточные, пограничные, между кабардинскими и адыгейскими языками диалекты и говоры.

Точное определение места убыхского языка среди абхазо-адыгских языков, к которым он относится, затруднительно.

II. Дагестанская ветвь дает весьма сложную картину. Нет никакого сомнения в том, что все дагестанские языки генетически родственны между собой. Не вполне ясным остается вопрос об их исторически последовательной генеалогической классификации. Рассматриваемая ветвь распадается на три основные группы: 1) аваро-андо-дидойскую, 2) лезгинскую, 3) даргинско-лакскую. Еще окончательно не решен вопрос о месте арчинского, удинского и хиналугского языков среди дагестанских.

Аваро-андо-дидойская группа распадается на три подгруппы: а) собственно аварскую, б) андийскую и в) дидойскую (цезскую). Ввиду отсутствия обобщающей работы по аваро-дидойским языкам, трудно определить, являются ли аварский язык, андийские языки, дидойские языки равнозначными компонентами (в плане последовательной генеалогической классификации лингвистических единиц), непосредственно восходящими к одному и тому же языку-основе. Возможно, выяснится, что андо-дидойские языки восходят к одному языку-основе, который следует сравнивать с аварским языком-основой. В этом случае аварский язык-основа и андо-дидойский язык-основа будут непосредственно восходить к аваро-андо-дидойскому языку-основе. Вместе с тем следует иметь в виду, что андийские языки стоят ближе к аварскому, чем к дидойским².

По классификации Ш. И. Михайлова³: а) аварские диалекты разделяются на два наречия — южное и северное. Каждое наречие состоит из нескольких диалектов и многочисленных говоров. В числе их встречаются и смешанные диалекты и говоры. Такая сложная и пестрая картина аварской диалектологии также дает основание полагать, что аварский язык-основа, по-видимому, должен соответствовать общепониманному языку-основе, андо-дидойскому языку-основе.

б) Андийская подгруппа охватывает языки: 1) андийский, 2) каратинский, 3) тиндинский, 4) ахвахский, 5) чамалинский, 6) ботлихский, 7) годоберинский, 8) багулальский. Между исследователями аваро-андо-дидойских языков существуют расхождения по вопросу о количестве языков, входящих в андийскую группу. Так, некоторые исследователи считают багулальский язык диалектом ботлихского. В связи с этим спорным остается и вопрос о том, можно ли рассматривать все эти языки как лингвистически равнозначные компоненты, непосредственно восходящие к одному и тому же языку-основе (без промежуточных ступеней). Никто не сомневается в том, что все они являются близкородственными.

в) Дидойская (цезская) группа включает в себя следующие языки (по данным Е. А. Бокарева⁴): 1) бежитинский, 2) гинухский, 3) гун-

¹ Н. Ф. Яковлев. Краткий обзор черкесских (адыгейских) языков (Зам. Сев.-Кавк. краевого горского научно-исследовательского института, т. I, Ростов н/Д, 1928. Б. Х. Балкаров. Язык бесленеевцев, Нальчик, 1952; М. А. Кумахов. Особенности кубанского диалекта кабардинского языка. М., 1954 г. (кандид. диссерт., рукопись); Т. Х. Керашева. Особенности терских говоров кабардинского языка. М., 1954 (кандид. диссерт. рукопись); А. К. Шагиров. Особенности малхинского говора кабардинского языка, М., 1955 (кандид. диссерт., рукопись).

² Ш. И. Михайлов. Очерки аварской диалектологии, М.—Л., 1959, стр. 3.

³ Там же, стр. 482.

⁴ Е. А. Бокарев. Цезские (дидойские) языки Дагестана, М., 1959, 5.

зибский, 4) дидойский, 5) хваршинский. Нет единства мнения среди кавказоведов и по вопросу определения состава языков дидойской подгруппы¹.

Даргино-лакская группа объединяет два младописьменных литературных языка — даргинский и лакский, а также кайтагский и кубачинский, которые раньше считались самостоятельными языками. В настоящее время советские кавказоведы рассматривают их как диалекты даргинского языка.

Часть исследователей считает, что даргинский и лакский языки образуют две самостоятельные ветви дагестанских языков². Иной точки зрения придерживается профессор Ш. Г. Гаприндашвили³ и др.

В лезгинскую группу обычно включают следующие языки: 1) лезгинский, 2) табасаранский, 3) рутульский, 4) цахурский, 5) агульский, 6) крызский, 7) будухский, 8) удинский, 9) хиналугский. Из них младописьменными являются лезгинский и табасаранский. В последнее время отдельные ученые включают в лезгинскую группу и арчинский язык (Е. А. Бокарев).

Исследования советских кавказоведов показали, что удинский⁴ и хиналугский⁵ языки занимают особое место не только среди языков лезгинской группы, но и дагестанской ветви. Выяснилось, что будухский и крызский языки стоят генетически ближе к лезгинскому языку, чем к хиналугскому. В связи с этим отпала необходимость пользоваться термином «шахдагская подгруппа» лезгинских языков.

Из-за отсутствия обобщающей работы по языкам лезгинской группы нерешенным остается вопрос о генетических взаимоотношениях между отдельными языками: лезгинским, табасаранским, рутульским, цахурским, агульским, будухским, крызским; есть ли среди них мелкие подгруппы, представляют ли они равнозначные в историческом плане компоненты, непосредственно восходящие к одному и тому же языку-основе.

III. Картвельская ветвь распадается на три языка: 1) грузинский, 2) занский и 3) сванский. Каждый из них в свою очередь распадается на диалекты и говоры. Среди иберийско-кавказских языков единственным древнеписьменным языком является грузинский. В советскую эпоху проведена огромная работа по описательному, историческому, сравнительно-историческому изучению картвельских языков, их диалектов и говоров. Созданы капитальные труды, позволившие обрисовать картину современного состояния и основных этапов исторического развития рассматриваемых языков (труды А. С. Чикобава, А. Г. Шанидзе, Г. С. Ахвледиани, В. Т. Топуриа, К. В. Ломтатидзе, С. М. Жгенти, Г. В. Рогава и др.).

IV. Наконец, нахская ветвь распадается на две группы: 1) вейнахскую и 2) бацбийскую.

Вейнахская группа (или подгруппа), как мы уже отмечали, распадается на два младописьменных языка: чеченский и ингушский. Вейнахская группа во многом напоминает адыгскую и абхазо-абазинскую груп-

¹ Т. Е. Гудава, Д. С. Имнайшвили, Э. А. Ломтадзе, З. М. Магомедбекова, И. И. Церцвадзе. О звуковых соответствиях в языках аварско-андийско-дидойской группы. III (IX). Научная сессия Института языкознания АН Груз. СССР, Тбилиси, 1952.

² Е. А. Бокарев. Дагестанские языки (Сборник Младописьменные языки народов СССР, М., 1959, стр. 248).

³ Ш. Г. Гаприндашвили. О лакско-даргинских звуковых соответствиях (Сборник Иберийско-кавказское языкознание, т. VI, Тбилиси, 1954).

⁴ В. Н. Панчвидзе. Грамматический анализ удинского языка. Автореферат докторской диссертации, Тбилиси, 1949.

⁵ Ю. Д. Дешериев. Грамматика хиналугского языка, М., 1959.

пы. Взаимоотношения (генетические) между языками и диалектами внутри вейнахской группы примерно такие же, какие обнаружены внутри адыгской или абхазо-абазинской групп. Бацбийский, быть может, занимает по отношению к вейнахской группе примерно такое же место, какое убыхский по отношению к адыгской или абхазо-абазинской.

Все это заставляет думать о том, не утрачена ли группа языков, которая занимала по отношению к вейнахской группе такое же место, какое занимает абхазо-абазинская группа по отношению к адыгской группе?

Здесь нет необходимости повторять характеристику, которую мы дали выше нахской ветви языков.

Такова общая картина генеалогической классификации иберийско-кавказских языков. В этой классификации общепризнанными (по крайней мере для советских кавказоведов) является вопрос генетического родства горских кавказских языков. Для цели, которую мы преследуем в данном разделе нашего исследования, почти единодушное положительное решение этой проблемы советскими кавказоведами имеет особенно важное значение.

Вместе с тем следует отметить отсутствие единства взглядов по ряду принципиальных вопросов, относящихся к генеалогической классификации иберийско-кавказских языков. К их числу относятся:

1) вопрос о генетическом родстве картвельских и горских кавказских языков. С этим связано возражение некоторых языковедов против термина «иберийско-кавказские языки»;

2) вопрос о количестве ветвей иберийско-кавказских языков. Как мы видели выше, одни исследователи устанавливают четыре ветви, а другие три (объединяя в одну ветвь дагестанские и нахские языки);

3) расхождения существуют и по вопросу о количестве групп и отдельных языков, входящих в состав дагестанской ветви.

Существенные расхождения обнаруживаются и по некоторым другим вопросам.

В данной работе мы лишены возможности дать лингвистическую характеристику отдельных языков и групп языков. В этом и нет необходимости, поскольку мы опираемся на конкретные исследования советских языковедов по отдельным языкам и группам языков.

ГЕНЕТИЧЕСКОЕ РОДСТВО ЯЗЫКОВ — ВАЖНЕЙШИЙ ПОКАЗАТЕЛЬ ГЕНЕТИЧЕСКОГО РОДСТВА НАРОДОВ

Генетическое родство языков, т. е. родство языков по происхождению, является важнейшим показателем родства народов, говорящих на этих языках. Вот почему мы так подробно охарактеризовали различные попытки генеалогической классификации иберийско-кавказских языков, особенно горских кавказских языков, и современное состояние разработки проблемы их генетического родства.

Дело в том, что генеалогическая классификация языков требует, чтобы каждый говор, диалект, язык, каждая группа языков находили свое место в ее системе. Это значит, что мы должны ответить на вопрос о происхождении носителей таких говоров, диалектов и языков, о происхождении их «сородичей», об исторических взаимоотношениях между ними и т. д. Характеризуя отличительные особенности различных племен индейцев Америки, Ф. Энгельс подчеркивал, что каждое племя имело «...особый, лишь этому племени свойственный диалект. В действительности племя и диалект по существу совпадают»¹. Диалекты «кров-

¹ Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства. Госполитиздат, 1952, стр. 93.

нородственных» племен являются продуктом распада языка-основы. О подобном процессе Ф. Энгельс писал: «...новообразование племен и диалектов путем разделения происходило в Америке еще недавно и едва ли совсем прекратилось и в настоящее время»¹.

Таким образом, процесс дробления исходного языка-основы на родственные языки, диалекты и говоры отражает процесс исторического дробления их носителей. Следовательно, воссоздавая картину исторического развития родственных языков, их дифференциации, мы воспроизводим тем самым и общую картину исторической дифференциации, дробления их носителей.

Ни одна область науки—ни история, ни археология, ни этнография—не позволяет проследить с такой последовательностью исторический процесс дифференции, дробления, «разделения» родственных языков и народов, как языкознание. Это можно показать и доказать на многочисленных примерах.

Бацбийцы живут в Кахетии среди грузин, а чеченцы и ингуши—на Северном Кавказе, в Чечено-Ингушской АССР. В быту, в нравах и обычаях, в материальной культуре бацбийцев сохранилось мало достаточно убедительных фактов, свидетельствующих о том, что они близкородственны чеченцам и ингушам. Между тем легко доказать близкое генетическое родство, например, чеченцев и бацбийцев на основании данных их языков. Для этого достаточно привести самые элементарные факты—слова, относящиеся к их исконному лексическому фонду:

Чеч.	Бацб.
<i>суо</i> — я	<i>со</i>
<i>хьуо</i> — ты	<i>хьо</i>
<i>ваша</i> — брат	<i>вашо</i>
<i>йиша</i> — сестра	<i>йашо</i>
<i>цхьаъ</i> — один	<i>цхьа</i>
<i>шиъ</i> — два	<i>ши</i>
<i>кхуоъ</i> — три	<i>кхо</i>
<i>цIа</i> — дом	<i>цIа</i>

и т. д.

Эти слова свидетельствуют о близком генетическом родстве чеченского и бацбийского языков.

В Дагестанской АССР, граничащей с Чечено-Ингушетией, проживают носители аваро-андо-дидойской группы языков. Сравнения данных указанных языков с фактами нахских языков показывают, что они родственны между собой:

Авар. ²	Чеч.	Бацб.	Дидойск. ³	Хварш.	Гинухск.
<i>цIа</i>	<i>цIие</i> — огонь	<i>цIе</i>	<i>цIи</i>	<i>цIа</i>	<i>цIе</i>
<i>вац</i>	<i>ваша</i> — брат	<i>вашо</i>	<i>эсийу</i>	<i>эс</i>	<i>эсу</i>
<i>бацI</i>	<i>буорз</i> — волк	<i>бIъорцI</i>	<i>боцIи</i>	<i>боцIа</i>	<i>боцIе</i>
<i>ракI</i>	<i>дуог</i> — сердце	<i>докI</i>	<i>рокIу</i>	<i>локIва</i>	<i>рокIве</i>
<i>къо</i>	<i>дие</i> — день	<i>де</i>	<i>гъуди</i>	<i>гъвада</i>	<i>гъодо</i>

¹ Ф. Энгельс. Указ. соч., стр. 23.

² Русско-аварский словарь, Махачкала, 1951.

³ Примеры, относящиеся к дидойскому, хваршинскому и гинускому языкам, взяты из книги Е. А. Бокаре в: «Цезские (дидойские) языки Дагестана», М., 1959.

Приведенные факты говорят о более отдаленном родстве аваро-андо-дидойских и нахских языков (по сравнению с родством между собой нахских языков).

Наконец, сошлемся на абхазо-адыгские языки.

Очень близкими по происхождению являются абхазский и абазинский языки:

Абхаз.	Абаз. ¹
<i>псе</i> — душа	<i>псы</i>
<i>мца</i> — огонь	<i>мца</i>
<i>гу</i> — сердце	<i>гвы//гуы</i>
<i>са, сара</i> — я	<i>са, сара</i>
<i>ху</i> — пять	<i>хвба//хуба</i>
<i>йеша</i> — брат	<i>аща</i>

Примерно такими же близкородственными являются адыгские языки:

Кабардино-черкесск. ²	Адыг. ³
<i>зы</i> — один	<i>зы</i>
<i>псэ</i> — душа	<i>псэ</i>
<i>тху</i> — пять	<i>тфы</i>
<i>мафIэ</i> — огонь	<i>машIо</i>
<i>гу</i> — сердце	<i>гу</i>
<i>шыпхъу</i> — сестра	<i>шыпхъу</i>
<i>сэ</i> — я	<i>сэ</i>
<i>къуэш</i> — брат	<i>шы</i>

Сравнение данных абхазо-абазинских и адыгейских языков показывает, что эти две подгруппы связаны между собой более отдаленным родством:

Абаз.	Абхаз.	Адыг.	Кабард.-черк.
<i>псы</i> — душа	<i>псе</i>	<i>псэ</i>	<i>псэ</i>
<i>са, сара</i> — я	<i>сара, са</i>	<i>сэ</i>	<i>сэ</i>
<i>мца</i> — огонь	<i>мца</i>	<i>машIо</i>	<i>мафIэ</i>
<i>гвы//гуы</i> — сердце	<i>гу</i>	<i>гу</i>	<i>гу</i>
<i>закIы</i> — один	<i>а...в</i>	<i>зы</i>	<i>зы</i>
<i>хвба//хуба</i> — пять	<i>ху</i>	<i>тфы</i>	<i>тху</i>
<i>аща</i> — брат	<i>йеша</i>	<i>шы</i>	<i>къуэш</i>

¹ Русско-абазинский словарь, М., 1956.

² Русско-кабардино-черкесский словарь, М., 1955.

³ Русско-адыгейский словарь, М., 1960.

Когда же мы сравниваем данные абхазо-адыгских, дагестанских и нахских языков, то приходится констатировать, что они связаны между собой более отдаленным генетическим родством:

Авар.	Чеч.	Абаз.	Адыг.
<i>ракI</i> — сердце	<i>дог</i> (бацб. <i>дожI</i>)	<i>гвы//губы</i>	<i>гу</i>
<i>цIа</i> — огонь	<i>цIе</i>	<i>мца</i>	<i>машIо</i>
<i>вац</i> — брат	<i>ваша</i>	<i>аща</i>	<i>шы</i>
<i>яц</i> (<i>йац</i>) — сестра.	<i>йиша</i>	<i>ахца</i>	<i>шыпхъу</i>
<i>дун</i> — я	<i>со</i>	<i>са, сара</i>	<i>сэ</i>
<i>рухI</i> — душа	<i>са</i>	<i>псы</i>	<i>псэ</i>
<i>цо</i> — один	<i>цаI</i> (бацб. <i>цхъа</i>)	<i>закIы</i>	<i>зы</i>

Следует учесть, что мы сравниваем не заимствованные элементы, а исконно общие. В близкородственных языках значительно больше легко выявляемых исконно общих элементов, чем в языках, связанных между собой более отдаленным родством. Это хорошо известно любому языковеду. Мы привели выше только примеры из исконного лексического фонда различных групп горских кавказских языков. Не менее пеструю картину исторического развития рассматриваемых языков представляют данные их фонетической системы и грамматического строя.

Кроме языкознания, ни одна область общественных наук не может дать в такой исторической последовательности генеалогию родственных народов и генеалогическую классификацию их исконных языков.

Из этого вовсе не следует, что такие области науки, как история, этнография, археология, антропология, играют во всех случаях лишь вспомогательную роль при установлении генетического родства соответствующих языков и их носителей. В истории развития человеческого общества наблюдаются такие случаи, когда данные истории, этнографии, археологии, антропологии играют первостепенную роль в установлении генеалогии того или иного народа, части народа или племени, говорящих на родственных языках. Такая роль указанных наук исторически обусловлена. В истории развития родственных языков и народов наблюдаются факты, которые невозможно объяснить данными языка. В объяснении таких фактов нередко главную роль играют данные одной из перечисленных наук, или же комплексные данные всех отмеченных наук.

Как известно, в процессе взаимодействия и взаимовлияния языки и народы смешивались, скрещивались; носители одних языков утрачивали свой исконный язык и переходили на другой язык, растворяясь в составе обладателей последнего, и т. д. В таких случаях факты языка-субстрата нередко мало помогают выяснить, какая часть народа, племени утратила свой исконный язык и перешла на новый язык. Данные же истории, этнографии, археологии, антропологии имеют решающее значение. Об этом свидетельствуют следующие факты:

Выше уже указывалось, что негры США утратили свои исконные языки и говорят на английском языке, который в настоящее время является их родным языком. Английский язык относится к германской группе родственных между собой индоевропейских языков. Следовательно, основные или, если можно так сказать, «исконные» части их носителей также должны быть родственными и обладать определенным комплексом общих признаков. Но негры — жители США, говорящие на

английском языке, с одной стороны, и англичане, немцы, голландцы и другие представители германских языков, с другой стороны, принадлежат даже к разным расам.

Представители этих разных рас не являются исконными обладателями одной родственной группы языков, стало быть, совершенно ясно, что произошла смена языка у представителей одной из рас. Выяснить, какая именно часть населения сменила свой исконный язык на новый язык (в данном случае на английский язык) помогает нам антропология, играющая здесь первостепенную роль. Аналогичные факты могли иметь место в истории развития других групп родственных языков и народов.

Мы допустили бы грубую ошибку, если бы на основании этих и им подобных фактов сделали вывод, что язык, мол, является расовым признаком. Язык не может быть расовым признаком. В этом легко убедиться. Если негритянский ребенок будет воспитываться, начиная с момента рождения, скажем, в русской среде, в русской семье, то этот ребенок овладеет русским языком так же хорошо, как любой русский. Но он не будет знать языка своих родителей. И наоборот. Если русский ребенок с раннего детства рос в негритянской среде, семье, то он в совершенстве овладеет их языком, но не будет знать языка своих родителей.

На вопросы, когда и каким образом негры США утратили свои исконные языки и перешли на английский язык, когда и как они оказались в Америке, не в состоянии ответить ни языковедение, ни антропология. История достаточно точно отвечает на эти вопросы, показывая, как разворачивался процесс смены языка (с точки зрения внешней истории, а не в плане внутренних процессов смены языка).

На Кавказе антропологи находят монголоидные типы. Тем самым они устанавливают факты, свидетельствующие о смешении, скрещивании представителей разных рас, народов на Кавказе. В горских кавказских языках обнаруживаются заимствования из тюркских, монгольских и других языков.

Данные истории также подтверждают, что на Кавказе жила небольшая народность монгольского происхождения, которая впоследствии утратила свой язык и растворилась среди носителей горских кавказских языков. Таким образом, комплексные данные языковедения, антропологии, истории показывают, что в состав родственных кавказских народов вошла небольшая монгольская народность, утратив свой язык.

В Горной Тушетии (в Грузии) на границе с Чечено-Ингушетией есть село Парсма, в котором жили в 1948 году грузины — пережительские тушины. Среди них встречались старики, хорошо знавшие чеченский язык. Их жилища во многом напоминали жилища чеченцев горных районов. Среди них широко были распространены чеченские песни, танцы, некоторые обычаи. Топонимы этой местности также связаны с названиями некоторых чеченских тайп (родов): например, названия двух сел (среди развалин которых сохранились такие же крепости и боевые башни, какие мы находим в горных районах Чечено-Ингушетии) почти совпадают с названиями двух чеченских тайп (родов) — *цлонтрой* и *члонхой*. Представители этих родов, живущих в Ачхой-Мартане (в Чечено-Ингушской АССР), говорят, что их предки выселились из этих гор. Комплексные данные истории, языковедения, этнографии и археологии проливают свет на разные стороны процесса исторического развития родственных нахских народов. Можно было бы привести очень много таких фактов.

Таким образом, в изучении процессов исторического развития родственных народов и их языков следует сочетать комплексные данные языковедения, истории, этнографии, археологии, антропологии. Хотя дан-

ные языкознания являются важнейшими для установления генетического родства, все же комплексные данные соответствующих общественных наук имеют особую важную значимость для установления генетического родства народов, выяснения процессов их смешения и скрещивания. Необходимо подчеркнуть исключительное значение указанных комплексных данных при изучении дописьменной истории родственных языков и народов, особенно бесписьменных и младописьменных.

СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКИЙ МЕТОД

Прежде чем охарактеризовать применяемые нами в данном исследовании дополнительные приемы, способствующие уточнению и усовершенствованию сравнительно-исторического метода, необходимо остановиться на следующих вопросах:

1) О сущности сравнительно-исторического метода и его месте в языкознании.

2) О более или менее общепризнанных основных принципах и методических приемах традиционного сравнительного метода в историческом языкознании.

3) О недостатках сравнительно-исторического метода.

4) О дополнительных методических приемах, предложенных представителями различных лингвистических направлений (например, структурализма) для исторического и сравнительно-исторического изучения родственных языков.

По указанным пунктам мы излагаем более или менее широко представленные в современной специальной литературе положения, высказывая лишь в некоторых случаях свои собственные соображения.

В языках агглютинативного, флективного (агглютинативно-флективного), флективно-синтетического строя морфемы бытуют в составе слова или в виде слова (корневая морфема). Производные слова чаще всего распадаются на корневые и формальные (словообразовательные и словоизменительные) морфемы.

В нахских языках границы между словообразованием и словоизменением устанавливаются в одних случаях легко, а в других — с большим трудом. В то же время немало основ, из состава которых трудно выделить элементы, осложнившие структуру исходного корня.

Широкое распространение получило мнение о том, что каждый из корней исконных лексических единиц в иберийско-кавказских языках имеет только один согласный звук. Этим объяснялись особые трудности, связанные с применением сравнительно-исторического метода в области иберийско-кавказского языкознания. Вместе с тем приходится учитывать и отсутствие древних письменных памятников на горских иберийско-кавказских языках.

В этих условиях наиболее надежным и результативным оказался избранный нами путь сравнительно-исторического изучения горских кавказских языков, начиная от их современного состояния и постепенно, шаг за шагом, углубляясь в историю их развития. Так, в современных нахских языках, обладающих агглютинативно-флективным строем, мы находим много «опорных пунктов» для успешного применения сравнительно-исторического метода (аблаут, умлаут, агглютинация, внутренняя флексия, осложненные еще до образования нахского языка-основы и в период его существования исконные корни (основы), словообразование посредством аффиксации и основосложения, сильно развитая система именного и глагольного формообразования и т. д.) и восстановления в

самых общих чертах (как и в отдельных группах индоевропейских языков) структуры и структурных элементов нахского языка-основы.

Проблемы корня и детерминативов относятся в целом к древнейшему состоянию иберийско-кавказского языка-основы. Поэтому вопросы о структуре корня, о детерминативах, которые могут быть успешно решены лишь на основании данных всех иберийско-кавказских языков, мы в деталях не рассматриваем здесь. Эти вопросы выходят за пределы задач сравнительно-исторической грамматики, скажем, близкородственных нахских языков, образовавшихся сравнительно недавно в результате распада общенахского языка-основы. Из сказанного вовсе не следует, что сейчас нельзя заниматься разработкой проблем корня и детерминативов на материале всех или отдельных групп иберийско-кавказских языков. Исследовательскую работу можно вести и в этом направлении. Сравнительно-исторические грамматики отдельных групп иберийско-кавказских языков должны дать много ценного для разработки этих проблем.

Из всего изложенного выше вытекает, что основные приемы сравнительно-исторического метода, используемые в области индоевропейских языков, могут быть распространены и на сравнительно-историческое изучение иберийско-кавказских языков вместе с дополнительными приемами, отражающими их специфику.

О СУЩНОСТИ И ЗАДАЧАХ СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОГО МЕТОДА

Сравнительно-исторический метод представляет собой совокупность методических приемов, посредством которых выявляются специфические закономерности образования и развития структуры и структурных элементов родственных языков на протяжении одной или ряда эпох, или же начиная от языка-основы. Он может быть применен для выявления закономерностей исторического образования и развития структуры и структурных элементов конкретного языка или близкородственных языков или же всей семьи языков в течение одной или ряда эпох, или же начиная от языка-основы. Сказанное можно подтвердить конкретными примерами. При создании историко-этимологического словаря¹ и исторической грамматики осетинского языка широко применяется сравнительно-исторический метод. Историческая грамматика осетинского языка явится ценным вкладом в сравнительно-историческую грамматику иранских языков, но первая не может представлять собой вторую. То же самое следует сказать об исторической грамматике чеченского языка, которая не может заменить сравнительно-историческую грамматику нахских языков.

Сравнительно-историческая грамматика близкородственных восточнославянских языков не может заменить собой сравнительно-историческую грамматику славянских языков. По отношению к последней первая характеризует эпохи исторического развития структуры и структурных элементов (главным образом исконных) одной из подгрупп славянских языков, а именно восточнославянскую подгруппу.

Сравнительно-историческая грамматика славянских языков не может заменить собой сравнительно-историческую грамматику индоевропейских языков, т. е. всей семьи языков. По отношению к последней первая характеризует эпохи исторического развития структуры и структур-

¹ В. И. Абаев. Историко-этимологический словарь осетинского языка, М., 1959.

ных элементов одной из подгрупп индоевропейских языков, а именно—славянскую. Только в сравнительно-исторической грамматике индоевропейских языков могут быть выявлены закономерности исторического развития структуры и структурных элементов грамматического строя индоевропейских языков, начиная от индоевропейского языка-основы.

В специальной литературе неоднократно освещался вопрос об основных исходных положениях, на которых базируется сравнительно-исторический метод. Эти исходные положения следующие:

1. Правомерность применения сравнительно-исторического метода вытекает из того, что отсутствует обусловленная взаимозависимая связь между звуковым комплексом и обозначаемым им предметом, т. е. между звучанием и значением (особо стоит вопрос о звукоподражательных словах). На это справедливо указывали многие ученые. Так, А. Мейе писал: «Абсолютно произвольный характер речевого знака обуславливает применение сравнительного метода...»¹. Поэтому если при сравнении, скажем, систем двух языков устанавливается структурная, материальная и функциональная общность их основных элементов (т. е. по звуковому составу, значению и структуре), то родство указанных языков, их происхождение от одного и того же источника является несомненным.

2. Язык, как и любое общественное явление, функционируя в человеческом обществе, находится в состоянии непрерывного видоизменения и развития. Следовательно, в течение ряда эпох любой язык может подвергнуться существенным изменениям.

Сравнительное изучение этих изменений в одном языке или группе родственных языков может выявить общие и специфические особенности и закономерности их исторического преобразования и развития, а также показать их состояние в предшествующие эпохи.

3. Неравномерность развития языков, неодинаковые темпы развития разных сторон языка также служат основанием для применения сравнительного метода в историческом языкознании.

Можно было бы указать и на другие факты, на которых базируется сравнительно-исторический метод (например, закономерный характер исторических изменений языковых фактов, непрерывность в развитии многих языковых явлений и др.). Однако и сказанного вполне достаточно для того, чтобы убедиться в научной обоснованности исходных положений, из которых вытекает правомерность применения сравнительного метода в историческом языкознании.

Впервые сравнительно-исторический метод был применен в области индоевропейских языков. Конкретные приемы применения сравнительно-исторического метода разработаны главным образом с учетом специфики индоевропейских языков. Поэтому ниже нами будут охарактеризованы в основном методические приемы сравнительно-исторического метода, разработанные на материале индоевропейских языков, но применимые при сравнительно-историческом изучении родственных языков и других семей, конечно, с учетом особенностей последних.

Основными задачами сравнительно-исторических исследований, которые реализуются путем применения сравнительно-исторического метода, являются: 1) изучение закономерностей развития структур и структурных материальных элементов родственных языков (главным образом закономерностей развития фонологической системы, звуковых процессов, звуковых соответствий, морфологической и синтаксической систем, исходных элементов лексики и семантических процессов); 2) про-

¹ А. Мейе. Сравнительный метод в историческом языкознании. Русский перевод. М., 1954, стр. 12.

слеживание путей видоизменения и преобразования исконно общих элементов в родственных языках; 3) своеобразии проявления общих тенденций развития, восходящих к языку-основе, в отдельных языках; 4) характеристика новообразований в родственных языках, восходящих (новообразования) к языку-основе; 5) исследование закономерностей распада в системе языка-основы и образования новых подсистем, в которых отражаются те или иные характерные особенности исходной системы.

Рассмотренными пунктами не ограничиваются задачи, в решении которых сравнительно-исторический метод должен сыграть важную роль.

Используя приемы сравнительного метода в историческом языкознании, языковеды-марксисты исходят из марксистского диалектического метода, характеризующего нашу методологию как в области изучения общественных явлений, так и в области исследования явлений природы. В этом отношении сравнительный метод в историческом языкознании представляет собой частную методику, разработанную с учетом специфики природы изучаемых лингвистических фактов. Как известно, каждая наука имеет свои особые методические приемы, например, в физике используют одни специфические методы, в биологии — другие, в химии — третьи и др.

Таким образом, сравнительный метод в историческом языкознании — это частная методика, содействующая решению одной из основных задач советского языкознания — познанию законов исторического развития языка. Вместе с тем изучение родственных языков путем применения сравнительно-исторического метода может дать ценные исторические сведения по истории духовной и материальной культуры, общественной жизни родственных народов, для выяснения исторических связей последних с другими народами и т. д.

ПРИНЦИПЫ И МЕТОДИЧЕСКИЕ ПРИЕМЫ СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОГО МЕТОДА

Наиболее разработанными являются принципы и методические приемы сравнительно-исторического изучения фонетической системы и морфологического строя, а также этимологических исследований. Слабо разработаны или почти не разработаны принципы сравнительно-исторического изучения синтаксиса и стилистики.

В истории развития сравнительно-исторического языкознания весьма значительное внимание было уделено этимологическим исследованиям. Особенно большие заслуги в этой области имеет доктор филологических наук В. И. Абаев. Он во многом углубил, расширил и уточнил принципы и приемы этимологических исследований. В своих этимологических исследованиях В. И. Абаев широко использует данные истории, этнографии, археологии (истории материальной культуры), фольклора и т. д. Поскольку мы имеем дело с сравнительно-исторической грамматикой, нет необходимости здесь останавливаться на подробном рассмотрении принципов и методов этимологических исследований. Интересующиеся вопросом о принципах и методических приемах этимологических исследований могут ознакомиться с содержательной статьей В. И. Абаева «О принципах этимологического исследования»¹.

Что же касается принципов и методических приемов сравнительно-исторического изучения фонетики и морфологии, то на них мы остано-

¹ Сб. «Вопросы методики сравнительно-исторического изучения индоевропейских языков». М., 1956, стр. 286—308.

вимся более подробно. Наиболее убедительным иллюстративным материалом, придающим принципам и методам сравнительно-исторических исследований наибольшую доказательную силу, могут послужить данные близкородственных языков. Поэтому мы будем приводить в качестве иллюстративного материала факты из нахских и близкородственных индоевропейских языков.

В области фонетики и морфологии мы рассмотрим, главным образом, принципы и приемы сравнительно-исторического изучения: 1) фонемного состава морфем; 2) законов звуковых соответствий; 3) фонологической системы; 4) структуры слова; 5) структуры морфем; 6) словообразования; 7) словоизменения.

Следует помнить, что фонетические (или фонематические) явления не существуют изолированно друг от друга. Важно выявить их системный характер, их взаимосвязь, взаимозависимость. Необходимо учитывать, что фонетические, морфологические, синтаксические и семантические явления перекрещиваются в структуре (системе) как отдельных языков, так и группы родственных языков.

«Частные сближения еще ничего не дают,— писал А. Мейе,— ведь каждый языковой факт является частью неразрывного целого. Не следует сопоставлять один частный случай с другим частным случаем; надо сопоставлять одну языковую систему с другой»¹.

Можно считать общепризнанным тот факт, что морфема является простейшим элементом исторического изучения (путем применения сравнительно-исторического метода) отдельных языков и сравнительно-исторического изучения родственных языков. Как известно, различаются корневые и формальные морфемы. Любая морфема бытует, функционирует только в составе слова. Следовательно, фонемный состав морфемы мы можем анализировать только в структуре слова или формы слова; морфема всегда «вплетена» в живую ткань слова. Для анализа обычно изолируют ее, искусственно выделяя из состава слова. Наличие определенных закономерных звуковых соответствий является необходимым условием для обоснования генетического родства соответствующих морфем в родственных языках.

Как показал А. И. Смирницкий², под генетическим тождеством следует понимать общность происхождения соответствующих корней, словообразовательных, словоизменительных морфем и отдельных звуков. Таким образом, генетически тождественными могут быть корни, основы, формальные морфемы (аффиксы), отдельные звуки и т. д.

Так, исконно славянскими, генетически тождественными являются корни следующих слов: русск. *правда*, украин. *правда*, белорус. *праўда*, болг. *правда* — «право», сербохорв. *правда*, словен. *pravda* — «суд, процесс», чеш. и словац. *pravda*, верхнелуж. *prawda*, нижнелуж. *prawda*; русск. *вера*, украин. *віра*, белорус. *вера*, болг. *вяра*, сербохорв. *вера*, словен. *vera*, чеш. *víra*, верхнелуж. и нижнелуж. *wera*, пол. *wiara*, каш. *vjara*³.

В близкородственных нахских языках генетически тождественными являются основы слов: чеч., инг. *куорта*, бацб. *корт(а)* — «голова», чеч.,

¹ А. Мейе. Сравнительный метод в историческом языкознании. Русский перевод, М., 1954, стр. 19.

² А. И. Смирницкий. К вопросу о сравнительно-историческом методе в языкознании. Журнал «Вопросы языкознания», 1952, № 4, стр. 3 и след.; А. И. Смирницкий. Сравнительно-исторический метод и определение языкового родства. М., изд. МГУ, 1955, стр. 13—15.

³ К. И. Ходова. Языковое родство славянских народов. М., 1960, стр. 18.

инг. *куог*, бацб. *кокI* — «нога»; чеч. *блаьрг*, инг. *бIарг*, бацб. *блаъа-(u)ркI* — «глаз»; чеч. *сту(су, ту)*, инг. *уст.*, бацб. *пстIу* — «бык» и т. д.

К генетически тождественным словоизменительным морфемам относятся, например, показатели 3-го лица ед. числа в др.-инд. *bhárati*, лат. *fert*, готск. *bairip*, — восстанавливаемая форма показателя — **ti*¹. Генетически тождественные префиксы — показатели грамматического класса представлены в глагольных формах: чеч. *д-еха*, инг. *д-ах*, бацб. *дахо* — «живет» и т. д.

Генетически тождественными могут быть и отдельные звуки. Историческое сравнение звуков может быть произведено только в составе, например, слова, морфемы, т. е. значащих лингвистических фактов. «Так славянское *с* (*s*) может исторически сравниваться с германским *h* только через сравнение, например ст.-слав. *срьдьце*, русск. *сердце* и нем. *Herz* и пр., и только на основании такого сравнения целых значащих единиц устанавливается возможность генетического тождества слав. *с* (*s*) и герм. *h*. Подобным же образом закономерности сохранения *ie*. **t* в виде греч. и лат. *t*, слав. *т* и его развития в общегерманское.., анг. *th*... нем. *d* определяются лишь на основе сравнения соответствующих значащих единиц, например, таких, как указательная корневая морфема — **t* — в формах греч. артикля *to, ton, ten* и пр. г. *pata, pan, po* и т. д., анг. *the*, нем. *das, den, die* и др.²».

Устанавливая аналогичным путем генетическое тождество отдельных языковых фактов в горских иберийско-кавказских языках, можно производить анализ фонемного состава слов, морфем, обладающих известной общностью звучания и значения. В этом плане, рассматривая корневой согласный элемент *с* в формах личного местоимения 1 лица ед. ч. в нахских языках, мы устанавливаем генетическое тождество этого звука в чеченском, ингушском и бацбийском языках: инг. *суо*, бацб. *со* — «я», в эрг. п. ед. ч. — чеч. *ас(а)*, инг. *аз*, бацб. *ас(а)*; в род. п. ед. ч. — чеч. *сан*, инг. *са*, бацб. *се* и т. д. Как видно из приведенных примеров, корневая фонема *с* сохраняется всюду за исключением ингушской формы эрг. п. ед. ч., в которой *с* в конечном положении озвончается. На основании этих фактов мы вправе реконструировать корневой согласный личного местоимения 1 лица ед. ч. в виде **с*-.

Правомерно поговорить о генетическом тождестве начального *м* в составе слова, обозначающего «нос», в следующих горских кавказских языках: цезск. *мали*, хв. *мани*, гинухск. *малу*, гунзибск. *мару*, бежитинск. *ма*³, чеч. *мара*, инг. *мераж*, бацб. *марль*.

Правомерность исторического сравнения нахского корневого *цI* с гинухским корневым *цI*, аварским корневым *цI* и т. д. в составе слова, обозначающего «огонь», также не может вызвать сомнения. Правомерность такого сравнения основана на данных многих горских кавказских языков: аварск. *цIа*, цезск. *цIи*, хваршинск. *цIа*, гинухск. *цIе*, гунзибск. *цIэ*, бежитинск. *цIо*⁵, чеч. *цIие*, инг. *цIи*, бацб. *цIе* — «огонь».

В установлении звукового тождества или расхождения исключительно важная роль принадлежит выявлению закономерных фонетических соответствий, т. е. так называемых «фонетических законов» в родствен-

¹ Сб. «Вопросы методики сравнительно-исторического изучения индоевропейских языков». М., 1956, стр. 23.

² А. И. Смирницкий. Сравнительно-исторический метод и определение языкового родства. Изд. МГУ, 1955, стр. 25.

³ Е. А. Бокарев. Цезские (дидойские) языки Дагестана. М., 1959, стр. 228.

⁴ М. С. Сандов и Ш. И. Микаилов. Русско-аварский словарь, Махачкала, 1951, стр. 535.

⁵ Е. А. Бокарев. Цезские (дидойские) языки Дагестана. М., 1959, стр. 229.

ных языках. Закономерные звуковые соответствия характеризуются тождеством или частичным совпадением или же расхождением звуковых элементов, входящих в состав сравниваемых морфем в родственных языках. Во всех случаях звуковые изменения в сравниваемых словах, морфемах, должны быть регулярными, закономерными. При этом надо учитывать фонетические, позиционные условия, в которых выступают сравниваемые фонемы (например, в начале, середине, конце слова, перед глухим, звонким или гласным, в интервокальном положении и т. д.).

В таких близкородственных языках, как нахские, часто наблюдается полное тождество звуковых элементов в сравниваемых морфемах: например, чеч. *шуо*, инг. *шу*, бацб. *шо* — «год». В этих примерах мы видим полное генетическое тождество корневого согласного *ш*, стоящего в начале слова перед гласным. Реконструируемая общенахская корневая согласная фонема в этом слове также *ш*.

Случаи частичного совпадения звуковых элементов в сравниваемых морфемах представлены в следующих примерах, в которых наблюдаются регулярные закономерные соответствия между чеченским и ингушским *г* и бацбийским *кI* в конечном положении в составе основ исконных слов: чеч., инг. *дуог*, бацб. *докI* — «сердце»; чеч., инг. *лерг*, бацб. *ларкI* — «ухо»; чеч. *бIаьрг*, инг. *бIарг*, бацб. *бIаза(и)ркI* — «глаз» и т. д. Звуки *г* и *кI* — задненебные мгновенные, но отличаются друг от друга тем, что первый звонкий, а второй — смычногортанный.

Более значительные расхождения между сравниваемыми фонемами в составе основ находим и в следующих глагольных формах настоящего времени изъявительного наклонения: чеч. [*о:ху//о:ха*], инг. [*Оа:х*], бацб. [*а:хо*] — «пашет», где бацб. корневая фонема [*а:*] закономерно соответствует инг. [*Оа:*], чеч. [*о:*]. Исходным корневым гласным, восходящим к нахскому языку-основе, является [*а:*]. Это видно даже из следующих наиболее древних форм того же глагола: чеч. [*а:ха*], инг. [*а:х*], бацб. [*а:х(а)*] — «паши»; чеч. [*а:хар*], инг. [*а:хэр*], бацб. [*а:хар*] — «пахать» и т. д.

Показателем дат. п. мн. ч. в ингушском (в определенных фонетических условиях) служит *-та*, которому в чеченском, бацбийском соответствует *-на*. Формант *-на* также является аффиксом дат. п. ед. ч.: в чеч. *нана*, инг. *нана*, бацб. *нан(а)* — «мать», дат. п. ед. ч. в чеч. *нан-на*, инг. *нан-на*, бацб. *нанен*, дат. п. мн. ч. в чеч. *нануошна* || *нануой-на*, инг. *нануош-та*, бацб. *нан-ин*. Из этих примеров становится совершенно ясным, что *н* в составе аффикса *-на* дат. п. мн. ч. оглушается перед *ш*: и переходит в *т*. Поэтому *та* восходит к *на*, морфема *та* является новообразованием по отношению к *на*.

Аналогичные по своей природе явления могут наблюдаться и в индоевропейских языках. При анализе соответствующих друг другу фактов в родственных языках, необходимо выяснить, какой из этих фактов является наиболее древним. Например, какой из гласных основ наст. вр. в чеч. [*О:лу*], инг. [*Оа:л*], бацб. *а:лъо*] — «говорит» является наиболее древним. В данном случае легко доказать, что наиболее древним гласным является [*а:*]. Это подтверждается бытующими во всех нахских языках древними формами, восходящими к нахскому языку-основе: чеч. [*а:ла*], инг. [*а:л(а)*], бацб. [*а:лъ(а)*] — «скажи»; чеч. [*а:лар*], инг. [*а:лэр*], бацб. [*а:лъар*] — «сказать» и т. д.

Все или некоторые сравниваемые звуки могут представлять собой новообразования, между которыми наблюдаются регулярные соответствия. Например, в формах недавнопрошедшего времени изъявительного наклонения гласные основ в чеченском, ингушском языках представляют собой новообразования: чеч. *аьлла*, инг. *аьннад*, бацб. *аилънас* —

«сказал я». Как мы видели выше, исходным гласным основы этого глагола является [a:].

Здесь трудно останавливаться на всем многообразии возможных новообразований, в которых могут наблюдаться регулярные звуковые соответствия.

При реконструировании звуковых единиц языка-основы надо исходить из данных всех родственных языков. Так, без привлечения данных бацбийского языка трудно было бы восстановить общенахские гласные. Например, в следующих словах: чеч., инг. *лоха* — «низкий», чеч. *лехха*, инг. *лакха* — «высокий». Данные бацбийского языка позволяют легко восстановить исходные гласные: бацб. *лах(a)* — «низкий», *лакх(a)* — «высокий».

Исходным гласным в обеих основах является [a]. Правильность этой реконструкции подтверждается другими фактами.

Изучая различные фонетические процессы, происходившие в родственных языках, следует учитывать возможность этих процессов как в одну эпоху, так и в разные эпохи исторического развития одного языка или различных родственных языков.

Вот некоторые примеры из славянских языков: судьба комплексов *trъt*, *trьt*, *tъt*, *tьt*, в которых сверхкраткие [ъ] и [ь] могли находиться в «сильной» и «слабой» позициях; возникновение новых гласных сонантов. «Последовательно новые слоговые сонанты возникают в южных славянских языках. В системе этих языков употреблялись старые слоговые сонанты. Однако между старыми и новыми слоговыми сонантами представлены были существенные фонематические отличия»¹. Более подробно эти процессы описаны в названном труде С. Б. Бернштейна (стр. 268 и след.).

Сходные явления могут возникать в различные эпохи развития одного и того же языка. Показательны в этом отношении данные истории русского языка и восточнославянской речи: в эпоху существования восточнославянской речи первоначальные сочетания *ор*, *ол*, *ер*, *ел* между согласными, существовавшие у славян в общеславянскую эпоху, изменились в *оро*, *ере*, *оло*: *гордъ* > *городъ*, *ворна* > *ворона*, *голова* > *голова*, *бергъ* > *берегъ*. В дальнейшем «Снова возникли закрытые слоги, в частности, сочетания *ор*, *ол*, *ер*, *ел* между согласными со старыми «исконными» *о*, *е*: *горка* (из *горъка*), *сорный* (из *соръный*), *семерка* (из *семеръка*) и т. д., а также начальные сочетания *ор*, *ол* перед согласными: *орла* (из *оръла*)»².

Сравнительно-исторический метод требует того, чтобы реконструкция фонетических процессов в языке-основе опиралась на исследование фонетических процессов в истории развития отдельных языков. Если же иметь в виду младописьменные или бесписьменные языки, то реконструкция фонетических процессов в языке-основе должна вытекать из исследования фонетических процессов и фонологической системы отдельных языков, соблюдая необходимую историческую последовательность.

В соответствии с этим требованием в «Сравнительно-исторической грамматике нахских языков» по возможности подробно охарактеризованы фонетические процессы в каждом из нахских языков (в чеченском, ингушском, бацбийском) в плане диахронии (т. е. в плане исторического изучения этих процессов).

Велика роль внутренней реконструкции в сравнительно-исторических исследованиях. Когда ограничиваются сравнением чеч. *маж*, инг.

¹ С. Б. Бернштейн. Очерки сравнительной грамматики славянских языков. М., 1961, стр. 269.

² П. Я. Черных. Историческая грамматика русского языка. М., 1952, стр. 105.

мадж — «борода», бацб. *мачI* — «ус», полностью не соблюдают требований внутренней реконструкции. Дело в том, что чеч. *маж* (с конечным (спирантом) восходит к *мадж* (с конечной аффрикатой *дж*, как в ингушском). Внутренняя реконструкция показывает, что бацб. *мачI* — результат эволюции *мадж* через *маж*, т. е. *мачI* < *маж* < *мадж*.

В чеченском бытует глагольная форма недавнопрошедшего времени *аьлла* — «сказал», которая соответствует бацб. *алъ-и-на*. Внутренняя реконструкция позволяет проследить образование современной чеченской формы в следующей последовательности: *аьлла* < *аьлна* (ср. аккинск. *аьлна*) < *аилна* < *ал-и-на*.

Более подробная характеристика внутренней реконструкции нами будет дана в разделе «Некоторые вопросы уточнения и усовершенствования сравнительно-исторического метода и специфики его применения в области кавказских языков».

Как известно, восстановление фонологической системы языка-основы, в сущности говоря, носит гипотетический характер. Воспроизведенная фонологическая система может отражать в разной степени точности реальное, исходное состояние фонемного состава языка-основы (в одних языках в большей, в других — в меньшей степени приближения к реальному состоянию). Но в близкородственных языках (как например, нахские языки) при восстановлении фонологической системы языка-основы мы имеем наибольшее приближение к реальному состоянию языка-основы. Как видно из нашего исследования, в близкородственных нахских языках удается более или менее точно восстановить фонологическую систему общенахского языка перед его распадом.

В нахских языках, как и в индоевропейских, морфемы функционируют только в составе слова, их нужно изучать в сравнительно-историческом аспекте как морфемы корневые, аффиксальные (префиксальные, суффиксальные и инфиксальные), разграничивая их в плане словообразования и словоизменения.

При установлении генетического тождества морфем необходимо опираться на: 1) полное или частичное совпадение звукового состава сравниваемых морфем; 2) общность их значения или же развитие их различных значений из исходного общения; 3) наличие регулярных звуковых соответствий при отсутствии совпадающих звуков и значения рассматриваемой морфемы в родственных языках: ср. чеч., инг., бацб. *са* — «душа, дух»; чеч., инг. *цаI*, бацб. *цхъа* — «один»; чеч. *кхийсар*, инг. *кхувсар*, бацб. *кхенсар* — «бросать» (где при образовании основ многократного вида чеч. *-ий-*, инг. *-ув-* закономерно соответствуют бацб. *-en-*); чеч., инг. *дуог*, бацб. *докI* — «сердце» (чеч., инг. *г* в конце исконных основ закономерно соответствует бацб. *кI*) и т. д.

Поскольку процессы в области словообразования посредством словообразовательных аффиксов и флексии основ формально, в принципе мало чем отличаются от аналогичных процессов в области словоизменения, встречаются значительные трудности при анализе конкретного языкового материала с целью разграничения словообразовательных и словоизменительных элементов и связанных с ними процессов. Как мы уже отмечали, в нахских языках, как и в индоевропейских, границы между словообразовательными и словоизменительными элементами в одних случаях устанавливаются легко, в других — с большим трудом: в примерах чеч. *д-ел-и*, бацб. *д-алъ-и* — «умер» легко провести границу между классным префиксом *д-* и основой *-ел-// -алъ*, с одной стороны, и конечным показателем только что прошедшего времени *-и-* и той же основой, с другой — точно так же не вызывает особых трудностей разграничения словообразовательного и словоизменительно-

го элементов в составе, например, таких форм, как *кхера-м*, бацб. *кхерлѳа-м* — «опасность», где *-м* — словообразовательный суффикс (ср. чеч. *кхера-р*, бацб. *кхерлѳа-р* — «бояться»); чеч. *кхера-м-ца*, бацб. *кхерлѳа-мца* — «с опасностью» и т. д. Но труднее выделить формальные элементы в составе слов. чеч., инг. *пхиѳ*, бацб. *пхи* — «пять»; чеч. инг. *дуог*, бацб. *докI* — «сердце», хотя почти все исследователи нахских языков признают, что начальные *п-* и *д-* в этих словах являются окаменелыми классными префиксами (*п* — глухой вариант *б*, подвергнувшегося оглушению перед глухим).

Вместе с тем не мало основ, из состава которых трудно выделить элементы, осложнившие структуру исходного корня: чеч. *лекха*, инг. *лакха*, бацб. *лакхо* — «высокий», чеч. *лоха*, инг. *лохэ*, бацб. *лахо* — «низкий»; чеч. *лалла*; инг. *лаллэ*, бацб. *лалл(а)* — «погони» (ед. ч.); чеч. *лахка*, инг. *лахкэ*, бацб. *лахкI(а)* — «погони» (мн. ч.).

Можно предположить, что в составе приведенных слов начальный *л-* (может быть, с последующим гласным элементом) представляет собой словообразовательный общенахский исконный префикс (например, локальный префикс). Однако мы не располагаем фактами, путем анализа которых можно было бы научно обосновать это утверждение.

В нахских языках, как и в индоевропейских, префиксы словоизменительные (например, классные показатели) и словообразовательные (например, локальные префиксы) с древних времен перекрещивались. Часто очень трудно морфологически и семантически разграничивать их и выделять из состава корня-основы. Вместе с тем надо иметь в виду, что в некоторых случаях словоизменительные аффиксы переходят в словообразовательные.

Все это заставляет анализировать взаимоотношения между корневыми и аффиксальными морфемами, опираясь на общность их происхождения, т. е. их генетическое тождество. Общность их происхождения обосновывается фонетическими и семантическими соответствиями. Так, чеч. *глаж*, инг. *гладж* в бацб. соответствует *глачI* — «палка». Не только семантикой, но и фонетическими соответствиями, главным образом, обосновывается неоспоримый факт, что во всех трех случаях мы имеем дело с одной и той же основой. Так чеченскому спиранту *ж*, ингушской аффрикаты *дж* в конечном положении в бацбийском закономерно соответствует *чI*. С другой стороны, конечный спирант *ж* в чеченских исконных словах является результатом упрощения аффрикаты *дж*. Таким образом, чеч. *глаж* < *гладж*. Далее, бацбийский *глачI* восходит к форме *глаж*, которая, в свою очередь, является также результатом упрощения конечной аффрикаты *дж* (как в чеченском). Таким образом, эволюцию исходной формы рассматриваемого слова в бацбийском можно представить себе в следующем виде: *глачI* < *глаж* < *гладж*.

В нахских языках встречаются корневые морфемы, которые можно рассматривать как непроезводные основы, т. е. как корни: чеч. инг., бацб. *цIа* — «дом»; *са* — «душа, дух», *кIа* — «пшеница» и т. д.

В то же время находим основы, которые в настоящее время воспринимаются как непроезводные основы, хотя исторически они являются производными. К ним относятся почти все односложные слова типа закрытого слога, образовавшиеся путем основосложения или переразложения основ (возможно, некоторые из этих слов представляют собой сочетание словообразовательного или словоизменительного аффикса с корнем, имеющим в своем составе один согласный элемент): чеч., инг. *малх*, акк. *марх*, бацб. *матх* — «солнце»; чеч. *тIам*, инг. *ткѳам* бацб. *тIам* — «крыло»; чеч. *куѳг*, инг. *кулг* — «рука», (в бацб. *тIотI* из груз.

тIотIи—«лапа»); чеч. *чIкъор||чIор*, инг. *чIор* — «слой»; чеч., инг., бацб. *лам* — «гора»; чеч., инг. бацб. *кIур* — «дым», *дукъ* — «ярмо», *нах* — «народ, люди». Следует учитывать, что такой фонемный состав слов типа закрытого слога далеко не всегда отражает древнее состояние. Нередко согласные и гласные элементы переставляются, выпадают, что приводит к сокращению количества звуков в таких словах, к упрощению их прежней структуры: ср. чеч. *сту||су||ту*, инг. *уст*, бацб. *пстIу* — «бык»; чеч., инг. *цIий*, бацб. *цIиг* — «кровь» (в результате перехода конечного *г* в *й* в чеч. и инг. образовался дифтонг *ий*, который в дальнейшем превратился в долгий монофтонг [и:]; чеч. *стаг* (в диалектах, говорах *саг*, *таг*), инг. *саг*, бацб. *стIакI* — «человек» и т. д.

Все это сильно затрудняет разграничение аффиксального словообразования и словообразования путем сложения основ. Правда, здесь следует иметь в виду, что в нахских языках, как и в других горских иберийско-кавказских языках, слабо развито аффиксальное словообразование. Между тем как словообразование путем основосложения получило в них очень широкое распространение.

Анализ структуры древних производных основ вызывает большие трудности даже в нахских языках (как и в индоевропейских). Объясняется это тем, что словообразовательные и словоизменительные аффиксы во многих случаях срослись с корневой морфемой, а внутренняя флексия (первичное и вторичное чередование гласных именных и глагольных основ) осложнила и видоизменила исходное состояние корневой морфемы. Взаимодействие, сплетение указанных явлений вызвало преобразование структурных единиц языка.

Тем не менее разграничение непрямых и производных основ, словообразовательных и словоизменительных аффиксов, а также связанных с ними фонетических, морфологических и семантических процессов, позволит избежать смешения различных типов процессов и структурных элементов. В одних случаях это удастся сравнительно легко: чеч., инг. *лерг*, бацб. *ларкI* — «ухо» (ср. чеч. *ладогIа* — «слушай(те)», дословно «слух установи, посади»). Наличие гласного основы *е* в чеченском и ингушском обусловлено вторичным чередованием. В бацбийском же сохранилась корневая фонема [а], отражающая древнее состояние. Все это не оставляет сомнения в том, что *ла* — корень, а вторая часть этого слова, варьирующаяся в чеченском и ингушском в виде *рг*, а в бацбийском — в форме *ркI*, по-видимому, представляет собой словообразовательный аффикс сложного образования, восходящий, в свою очередь, к какому-то самостоятельному слову. Так самостоятельное слово превращается в аффикс, а затем срастается с корнем. Но это лишь один из возможных путей образования аффиксов словообразования и словоизменения.

В нахских языках нередко наблюдается процесс превращения форм слов в самостоятельные слова (как в индоевропейских языках). В этом случае следует различать: 1) формы слов, превратившиеся в самостоятельные слова, в составе которых надо выделить непродуктивный словоизменительный формант: например, чеч., инг. *чуохь*, бацб. *чухь* — «дома» (наречие), где *чу* (чеч., инг. *чуо* < *чу*) — по происхождению послелог со значением «во внутрь», а *хь* — аффикс одного из местных падежей; 2) формы отдельных падежей, (т. е. отдельных слов), превратившиеся (формы) в самостоятельные лексические единицы, в составе которых падежные аффиксы превратились в продуктивные словообразовательные форманты: чеч. *белхие||белхий* — «помочь» от *болх* — «работа», [*ий* < *ие:* || *ие:*] — форматив направительного падежа, представляющий собой фонетическое преобразование более древнего форматива этого падежа (*е*)го

(он употребляется широко и в настоящее время во всех нахских языках в соответствующих фонетических условиях: чеч. *соьга* — «ко мне» от *со* — «я», бацб. *сого* — «ко мне» и т. д.).

Таким образом, форматив [иe:] в настоящее время функционирует, например, в чеченском языке, как падежный аффикс и аффикс словообразования: от основы *ара* — «наружу» посредством аффикса *иe* сначала образовалась форма направ. падежа, затем она превратилась в самостоятельное слово со значением «равнина, поле», а падежное окончание *-иe* превратилось в словообразовательный аффикс: *ар-иe* — «равнина, поле», *ариe-н-ца* (форма совместного падежа) — «полем, равниной», *ариe-нуо* (эрг. п. ед. ч.) и др.

С точки зрения разработки принципов и методических приемов сравнительно-исторического метода, различие процессов образования указанных двух типов форм слов, с одной стороны, и словообразовательных аффиксов, с другой, — имеет существенное значение. Между тем в пособиях по методике сравнительно-исторических исследований не всегда различают их.

Необходимо учитывать возможность превращения форм одного и того же слова в разные слова. В этом отношении очень показательны примеры из латинского языка: лат. *novi* — «знаю» представляет собой перфект от *posco* — «узнаю». Аналогичные факты встречаются и в нахских языках.

В нахских языках, как и в индоевропейских, наблюдаются многочисленные факты, свидетельствующие об изменчивости морфологической структуры слова: производные основы превращаются в непроизводные, самостоятельные аффиксы сливаются в один формант и т. д. Приемы сравнительно-исторического изучения таких явлений могут быть успешно использованы в сравнительно-исторической грамматике нахских языков.

Системы глагольного и именного словоизменения и их форманты относятся к числу наиболее устойчивых элементов морфологии, и поэтому на них опираются (наряду с учетом общих корневых элементов, законов звукосоответствий и др.) при обосновании генетического родства языков.

Материальная общность большинства словоизменительных элементов в парадигмах спряжения и склонения чеченского, ингушского и бацбийского языков настолько очевидна, что они, эти элементы, не нуждаются особенно в обосновании их происхождения из единого источника. Поэтому главная задача здесь состоит в том, чтобы показать процессы закономерности их исторического развития и видоизменения после распада нахского языка-основы и попытаться восстановить основные особенности систем глагольного и именного словоизменения и их формативов в нахском языке-основе.

Можно считать общепризнанным то положение, что при сравнительно-историческом изучении систем склонения и спряжения в первую очередь должны быть освещены следующие вопросы:

- 1) системы склонения и спряжения в отдельных языках;
- 2) выявление общих словоизменительных элементов в родственных языках;
- 3) изучение закономерностей исторического развития систем спряжения и склонения в отдельных языках;
- 4) анализ структур словоизменительных формантов;
- 5) обоснование генетического тождества соответствующих словоизменительных показателей;
- 6) восстановление систем частных грамматических категорий имени

и глагола, а также словоизменительных формантов, основные черты морфологической структуры и структурных (грамматических) элементов языка-основы;

7) выявление наиболее характерных закономерностей в системе языка-основы, которые отчасти обусловили возможность дальнейшего своеобразного развития морфологических структур отдельных родственных языков, образовавшихся в результате распада языка-основы.

Для обоснования генетического тождества словоизменительных элементов необходимо показать их функциональную и материальную общность. Например, аффиксы эрг. п. *-с*, дат. п. *-на*, вещественного падежа *-х* в нахских языках обладают функциональной и материальной общностью.

Вместе с тем надо учитывать, что функционально тождественные элементы могут быть генетически нетождественными. Например в бацбийском языке падежная форма с формативом *-ев* (*дад*—«отцом») выступает в функции орудного дополнения, а в чеченском в этой функции используется падежная форма с аффиксом *-ца* (*трактор-ца* — «трактором»).

В то же время генетически тождественные элементы нередко функционально различаются, выполняют разные функции. Например, в чеченском языке форма совместного падежа (*трактор-ца* — «трактором», *куьйгаш-ца* — «руками») очень часто выполняет функции орудного дополнения, тогда как в бацбийском рассматриваемая форма не может выступать в этой функции.

Задача применения сравнительно-исторического метода при изучении словоизменительных формантов в родственных языках — обосновать наличие генетического тождества словоизменительных формантов. Что же касается формантов в парадигмах склонения и спряжения нахских языков, то они (форманты), как мы отмечали выше, не нуждаются в особом обосновании, так как ясно видна общность их происхождения. Тем не менее они подверглись существенным изменениям в отдельных нахских языках. Эти изменения, обусловленные закономерностями исторического развития нахских языков, также нуждаются в тщательном анализе.

Различая фонетические варианты словоизменительных показателей, восходящих к единому источнику, должно быть объяснено их образование как результат поздних фонетических изменений. Например, чеч. *аьл-ла*, инг. *аьн-на-д*, бацб. *аьл-и-на* (акк. *аьл-н*) — «недавно сказал». В этих формах *-ла* (в чеченском), *-на-* (в ингушском), *-на* (в бацбийском), *-н* (в аккинском) восходят к аффиксу недавнего прошедшего времени *на* который, представляет собой формант причастия прошедшего времени (перфектное причастие) *н* с возможно наращенным гласным *а* (в современных языках форма причастия прошедшего времени чаще всего выражается внутренней флексией и формантом *-н*).

Не менее важно обоснование несводимости определенных словоизменительных формантов (поскольку здесь речь идет о словоизменительных элементах) в родственных языках к исконно общим формативам.

Так, в бацбийском языке существует особый форматив для множественного числа в глагольных формах повелительного наклонения (так называемая форма вежливого почтительного обращения на *т||дт:* *аьл(а)* «скажи», но *аьлат*—«скажите» и т. д.)—такой формы нет и не было в чеченском и ингушском языках. В бацбийском она появилась под внешним влиянием. Это подтверждается данными языков нахских народов, их этнографии, истории и фольклора.

Словоизменительные показатели должны изучаться как элементы определенной системы (системы падежей, системы времен и т. д.). С другой стороны, определенная система склонения или спряжения также должна получить обоснование через посредство ее образующих словоизменительных формантов. Это положение также является общепризнанным.

Заслуживает большого внимания состав парадигматического (системного) ряда, соотношение его компонентов. Так, например, есть основание полагать, что форматив родительного падежа (*ин//н*) и форматив причастия наст. вр. (*ин||н*) в нахских языках имеют общее происхождение. То же самое следует сказать об аффиксах дательного падежа (*-на*) и недавнопрошедшего времени (*-на*), с одной стороны, сравнительного падежа (*-лла*) и условной формы глагола (*-лла*), с другой. В этой связи возникает вопрос о количестве падежей, о понимании самого понятия падежа, об основных и местных падежах, о простой и сложной падежной флексии и т. д. И в этом отношении горские иберийско-кавказские языки дают весьма богатый материал для сравнительно-исторических исследований.

Парадигма глагольного словоизменения может иметь свои особенности в отдельных родственных языках, наряду с общими чертами, восходящими к языку-основе. Так, в ингушском языке отсутствует только что прошедшее время с формативом (*-и*). Между тем формой этого времени широко пользуются в чеченском и бацбийском языках: чеч. *эх-и*, бацб. *ах-и* — «только что вспахал»; чеч. *мел-и*, бацб. *малъ-и* — «только что выпил» и др. Следует отметить, что рассматриваемое время с его формативом *-и* — древнейшего происхождения: ср. чеч. *д-ах-и*, бацб. *д-ах-и* с хиналугским *п-х-и||ц-х-и* — «только что пошел»¹. Префиксы *д-*, *п-*, *ц-* — классные показатели; *х* — корневой согласный; *-и* — аффикс только что прошедшего времени.

Хотя реконструкция какой-нибудь парадигмы словоизменения, например, системы спряжения или склонения, включает в себя не только восстановление характерных черт, исходных материальных элементов, но и установление исходных значений словоизменительных форм, все же до сих пор почти не разработанными остаются специальные приемы сравнительно-исторического изучения значений грамматических форм. Здесь в методическом плане можно указать лишь на то, что использование внутренней реконструкции для восстановления основного, исходного значения грамматической формы в конкретном языке должно явиться первой ступенью анализа лингвистических фактов, за которой последует реконструкция общего значения (на основании данных всех родственных языков), характерного для языка-основы.

В данном исследовании мы используем указанные приемы сравнительно-исторического метода с учетом особенностей структуры нахских языков.

Вместе с тем следует отметить, что наша попытка применить некоторые новые методические приемы современной лингвистики, а также разработанные нами дополнительные методические приемы, дала, как мы увидим ниже, положительные результаты. Вводя в обиход перечисленные дополнительные приемы, мы исходили из того, что они будут способствовать улучшению, усовершенствованию сравнительно-исторического метода.

В исторических исследованиях могут быть использованы и такие методические приемы современной лингвистики, по существу сходящие к классическому языкознанию:

¹ Ю. Д. Дешериев. Грамматика хиналугского языка. М., 1959, стр. 45.

- 1) приемы изучения моделирования на «разных уровнях»;
- 2) приемы анализа по непосредственно составляющим;
- 3) приемы дистрибуции, главным образом, позиционной дистрибуции.

Возможно, следует использовать другие приемы, которые могут быть применены в сравнительно-исторических исследованиях. В данной же работе мы ограничимся перечисленными приемами.

О НЕДОСТАТКАХ СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОГО МЕТОДА

Имеется немало работ, в которых рассмотрены наряду с достоинствами и основные недостатки сравнительно-исторического метода в языкознании¹. К числу отмеченных в литературе наиболее серьезных недостатков рассматриваемого метода относятся:

1. Успешное применение сравнительно-исторического метода зависит в основном от наличия надежных материалов. Выводы, к которым приходят исследователи, не опирающиеся на надежный лингвистический материал, используя приемы сравнительно-исторического метода, очень часто носят характер научной гипотезы (это относится прежде всего к этимологическим работам).

2. Ряд весьма существенных недостатков имеют приемы реконструкции. В традиционном сравнительно-историческом языкознании восстанавливаемые элементы рассматриваются в плане одной хронологической плоскости, т. е. как элементы, функционировавшие в языке в один и тот же период, хотя остаются невыясненными объективные связи, взаимоотношения, существовавшие между ними. Словом, по общему признанию, самым слабым местом сравнительно-исторического метода является методика реконструкции фактов, относящихся к древнейшему периоду существования и развития языка-основы (например, индоевропейских языков).

3. Выводы, к которым приходят разные языковеды, применяя сравнительно-исторический метод, нередко носят произвольный характер. До сих пор не разработаны такие принципы и приемы этого метода, на основании которых во всех случаях можно было бы указать на точность или произвольность вывода, к которому пришел исследователь. Так, например, в трех родственных языках мы обнаруживаем одинаковые явления. Возникает вопрос, восходят ли они к языку-основе или они представляют собой результат параллельного развития указанных языков. Далеко не всегда мы можем точно ответить на этот вопрос, пользуясь приемами сравнительно-исторического метода.

4. В уточнении и более углубленной разработке нуждаются общие методологические основы сравнения. Отсутствие достаточно научно обоснованных принципов сравнения нередко порождает грубые ошибки в определении более или менее древнего характера тех или иных языковых фактов.

5. При применении сравнительно-исторического метода чаще всего невозможно учитывать с необходимой точностью разные темпы развития разных сторон одного и того же языка, а также различных родственных языков в разные периоды их исторического развития.

¹ А. Мейе. Сравнительный метод в историческом языкознании, русский перевод, 1954, стр. 9 и др.; Б. А. Сребренников. К вопросу о недостатках сравнительно-исторического метода в языкознании, Известия АН СССР, ОЛЯ. 1959, вып. 3, стр. 177—185; А. И. Смирницкий. К вопросу о сравнительно-историческом методе в языкознании, журнал «Вопросы языкознания», 1952, № 4, стр. 3—19; Сб. «Вопросы методики сравнительно-исторического изучения индоевропейских языков», М.—Л., 1956, стр. 53—86 и др.

6. Сравнительно-исторический метод располагает лишь некоторыми приемами, посредством которых с большей или меньшей точностью можно было бы определить в основном развитие исходной структуры языка и ее основных структурных элементов, начиная от языка-основы. Но он совершенно не удовлетворяет исследователя, пытающегося всесторонне осветить проблему развития языка в связи с развитием человеческого общества, т. е. в социологическом аспекте.

В этой связи следует указать на то, что проблема исторического развития языка или родственных языков должна быть расчленена. Во-первых, она может быть рассмотрена с точки зрения исторического развития структурных элементов языка, его знаковой, семиотической системы. В исследовании закономерностей исторического развития этой структуры, как знаковой, семиотической системы, и ее элементов решающая роль принадлежит сравнительно-историческому методу. Во-вторых, данная проблема может быть рассмотрена в плане социологического аспекта. В этом случае сильно ограничены возможности сравнительно-исторического метода в отношении выявления закономерностей исторического развития языка или группы родственных языков, рассматриваемых в широком социологическом аспекте. То же самое следует сказать и о возможности восстановления посредством этого метода реальной картины функционирования родственных языков в разные эпохи.

Из сказанного следует, что мы посредством только сравнительно-исторического метода не можем восстановить широкую картину исторического развития одного языка или родственных языков в течение ряда эпох или же, начиная от языка-основы. В лучшем случае через посредство этого метода мы можем дать бледное, одностороннее отражение этой широкой картины развития языков, т. е. их структуры и структурных элементов, иначе их «скелета» и его элементов, лишенных тех многообразных жизненных сил, которые действовали в указанных языках в различные исторические эпохи их функционирования и развития.

Поэтому справедливо утверждают, что основными задачами применения сравнительно-исторического метода (имея в виду современное состояние разработки методических приемов, которыми он пользуется) не могут быть признаны воссоздание широкой, живой картины исторического развития родственных языков и восстановление так называемых языковых форм.

Положительные результаты, которые могут быть достигнуты путем применения сравнительно-исторического метода при изучении, с одной стороны, близкородственных языков, и с другой,— языков отдаленного родства, неодинаковы. Использование рассматриваемого метода при исследовании относительно недавно образовавшейся группы близкородственных языков дает особенно значительные положительные результаты. К таким близкородственным языкам относятся и нахские языки.

7. До настоящего времени сравнительно-исторический метод располагает весьма ограниченным количеством приемов исторического изучения родственных языков. Причем, даже те приемы, которыми он пользуется, достаточно «не специализированы», не разработаны, не уточнены с учетом особенностей каждого раздела языка (фонетики, лексики, морфологии, синтаксиса, семантики, стилистики).

8. Приемы сравнительно-исторического метода не всегда позволяют исследователю шаг за шагом, последовательно проследить исторический процесс развития родственных языков в движении, в постепенном развитии, начиная от языка-основы до их современного состояния, или же от их современного состояния до языка-основы, хотя едва ли не самой важной задачей сравнительно-исторического языкознания и является изуче-

ние закономерностей развертывания этого процесса. Этим во многом объясняются наблюдаемые в традиционном сравнительно-историческом языкознании схематичность и прямолинейность в историческом изучении языковых фактов.

9. В сравнительно-исторических исследованиях сплошь и рядом обнаруживаются недостатки, обусловленные отсутствием таких приемов изучения родственных языков, которые позволили бы с необходимой точностью и достоверностью проследить хронологические соотношения сравниваемых фактов с точки зрения их исторического возникновения и развития. Вследствие этого до сих пор не получила удовлетворительного решения проблема относительной хронологии.

10. Многие существующие сравнительные грамматики, а также сравнительно-исторические изыскания, посвященные частным вопросам, страдают серьезными недостатками.

По словам В. А. Богородицкого, наиболее распространенный план изложения сравнительной грамматики индоевропейских языков сводится к «с о п о с т а в л е н и ю (разр. наша — Ю. Д.) родственных грамматических явлений в древнейших представителях этого семейства языков и в построении гипотез относительно того, что соответствовало этим явлениям в праязыке»¹. По такому плану построены многие сравнительные грамматики индоевропейских языков (труды Бругмана, Дельбрюка, Ф. Фортунатова, а также «Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков» А. Мейе, «Индоевропейская грамматика» Г. Хирта и некоторые др.).

11. Традиционный сравнительно-исторический метод разработан, главным образом, на материале индоевропейских языков. Поэтому методические приемы этого метода не могут быть механически перенесены на другие семьи языков. Незавершенность специфических приемов применения сравнительного метода в области исторического изучения языков различных семей также является одним из серьезных недостатков традиционного сравнительно-исторического языкознания.

Мы ограничиваемся рассмотрением этих основных недостатков сравнительно-исторического метода. Для краткости изложения не приводим иллюстративного материала. Такой материал, взятый из индоевропейских языков, имеется в пособиях, на которые даются ссылки на стр. 141. Что же касается нахских языков, то они впервые в этой работе стали предметом сравнительно-исторического исследования в таком широком плане. Поэтому не приходится здесь приводить иллюстративный материал из этих языков и указывать на недостатки прежних опытов.

Сравнительно-исторический метод страдает и некоторыми другими недостатками, отмеченными в указанной выше специальной литературе. Мы лишены возможности говорить здесь об этих недостатках более подробно.

Несмотря на наличие указанных и других недостатков, сравнительно-исторический метод все же остается основным методом исторического изучения родственных языков.

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ СПЕЦИФИКИ ПРИМЕНЕНИЯ СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОГО МЕТОДА В ОБЛАСТИ КАВКАЗСКИХ ЯЗЫКОВ

Вряд ли нужно доказывать необходимость разработки общих и частных специфических приемов применения сравнительно-исторического

¹ В. А. Богородицкий. Сравнительная грамматика индоевропейских языков. Вып. I, 1914. стр. 124.

метода в области сравнительно-исторического исследования группы родственных языков, равно как в историческом изучении любого языка. Эти специфические приемы, от которых мы вправе ожидать значительных результатов в выяснении исторического прошлого как данной группы языков, так и каждого языка, входящего в ее состав, диктуются прежде всего своеобразием структуры — фонетической системы, грамматического строя и лексического состава исследуемых языков.

В самом деле, иберийско-кавказские языки, как известно, сильно отличаются, например, от индоевропейских, финно-угорских, тюркских языков по своей структуре, составу материальных элементов, типу корня и т. д. Скажем, в указанных языках отсутствуют категория грамматических классов, смычногортанные звуки, эргативная конструкция предложения. Больше того, в индоевропейских языках, например, нет такой праграмматической категории, которая охватывала бы все части речи, как универсальная (в смысле функционирования почти во всех частях речи) категория грамматических классов, наличествующая в большинстве иберийско-кавказских языков. Показатели грамматических классов, утратив свою древнейшую функцию классовых префиксов, во многих языках стали аффиксами склонения и спряжения, словообразовательными элементами, срослись с корнем в одних случаях, с основой — в других. Нередко они исчезли бесследно из состава соответствующих праграмматических форм слов.

Вместе с тем следует учитывать наличие или отсутствие исторических письменных памятников на том или ином языке, наличие или отсутствие диалектной дифференциации родственных языков, разные темпы исторического развития отдельных языков, степень влияния родственных и неродственных языков и т. д.

Поэтому, разумеется, что использование нескольких наиболее общих принципов сравнительно-исторического метода (сравнение одновременно и разновремено возникших или исчезнувших фактов в истории родственных языков, звукосоответствия, роль аналогии и т. п.) без разработки и применения конкретных специфических приемов сравнительно-исторического изучения данной группы языков не может дать надлежащих результатов. В связи с этим и была выдвинута задача разработки специфических приемов применения сравнительно-исторического метода в историческом исследовании разных групп, семей родственных языков.

По словам одного из крупнейших представителей сравнительно-исторического языкознания А. Мейе, «...методы, успешно применявшиеся при исследовании индоевропейских языков, не всюду одинаково пригодны. Приходится задуматься над методикой исследования, проверить правильность наших методов и попытаться, не снижая требований четкости и точности, распространить их на новые обширные области.

Пересмотреть методику тем более необходимо, что в последнее время многие языковеды выдвинули плохо обоснованные гипотезы. Новых этимологий очень много, но большинство их такого рода, что в них невозможно усмотреть даже начала какого-нибудь доказательства»¹.

Все это свидетельствует о том, что современная наука нуждается в разработке системы строго научных общих и частных приемов, проверенных на исследовании конкретного языкового материала в плане исторического и сравнительно-исторического изучения различных семей и групп языков. Такая работа может быть проведена по линии уточнения, улучшения, усовершенствования и дальнейшего развития сравнительно-исторического метода.

¹ А. Мейе. Сравнительный метод в историческом языкознании. Русск. перев., М., 1954, стр. 9.

Работая над созданием сравнительно-исторической грамматики нахских языков, мы старались учесть необходимость дальнейшей разработки и уточнения общих принципов сравнительно-исторического метода, а также разработки специфических приемов применения этого метода в области исследуемой группы языков.

В каждый период существования любого языка в последнем обнаруживается не только определенное количество фонем, но и бесчисленное количество физических (акустически и артикуляционно) различные звуковые вариации, возникающие в различных позиционных условиях. В области морфологии выявляются разнообразные варианты грамматических форм, значимых морфологических элементов. В синтаксисе встречаются многочисленные первичные и вторичные, параллельно возникшие типы сочетаний слов, членов предложений и т. п. Лексика также дает много вариантов форм различных слов, слов-дублетов. Более или менее точное воспроизведение этой многообразной и сложной картины развития и функционирования языка, несомненно, представляет существенный научный интерес. В связи с этим ставится и проблема исследования лингвистических явлений на уровне речи и языка.

В нашем исследовании не ставится задача воспроизведения картины исторического формирования всего многообразия явлений развития и функционирования нахских языков. Мы ограничиваемся рассмотрением динамики развития фонологической системы, основной структуры морфологии и синтаксиса и их главных, ведущих, значимых элементов. Таким образом, воспроизведение картины исторического развития фонологических систем, морфологического строя и отчасти синтаксической структуры нахских языков, начиная от современного состояния и кончая периодом, непосредственно предшествующим его распаду, является нашей основной задачей. Предлагаемые и применяемые нами приемы применения сравнительного метода призваны способствовать достижению наибольших результатов в решении этой основной задачи.

О СПЕЦИФИКЕ ПРИМЕНЕНИЯ СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОГО МЕТОДА В ОБЛАСТИ НАХСКИХ ЯЗЫКОВ

Традиционные сравнительные грамматики различных подгрупп родственных языков создавались, как известно, исходя из состояния или предполагаемого состояния (на основании минимального количества минимально известных элементов) языка-основы семьи или подгруппы. Так, например, изложение основной части «Краткой сравнительной грамматики кельтских языков» Г. Льюиса и Х. Педерсена начинается с характеристики «Первичной индоевропейской звуковой системы». В сущности говоря, по этому принципу построен и недавно изданный труд С. Б. Бернштейна «Очерк сравнительной грамматики славянских языков», в котором анализ основной части языковых фактов начинается с характеристики «звукового состава праславянского языка до периода балто-славянской общности»¹, т. е. по направлению от состояния славянского языка-основы к современности.

Такие исследования опираются на: а) исторические памятники одного или нескольких родственных языков; б) многочисленные сравнительно-исторические исследования, посвященные реконструкции языка-основы рассматриваемой семьи (например, восстановление индоевропейского языка-основы); в) многочисленные исторические и сравнительно-исторические исследования данной подгруппы родственных языков. Так,

¹ С. Б. Бернштейн. Очерк сравнительной грамматики славянских языков, М., 1961, стр. 133.

при создании сравнительных грамматик индоевропейской семьи языков (германских, славянских, романских, кельтских) огромную роль сыграли письменные памятники санскрита, греческого, латинского и других древнеписьменных индоевропейских языков.

Совершенно иную картину мы имеем в области сравнительно-исторического изучения горских кавказских языков, в частности нахских языков. Здесь мы не располагаем древними письменными памятниками, историческими и сравнительно-историческими исследованиями. Единственный надежный материал для сравнительно-исторического изучения указанных языков — данные современных языков и их диалектов (включая сюда письменные памятники, относящиеся к XIX в.).

В связи с изложенным выше и возник вопрос о специфике применения сравнительно-исторического метода в области нахских языков. К основным специфическим особенностям мы относим:

1) Сравнительно-историческое изучение нахских языков, начиная от современного состояния и постепенно, шаг за шагом, углубляясь в их древнюю историю. В данной сравнительно-исторической грамматике нахских языков, например, мы пытаемся воссоздать по мере возможности картину их исторического развития, начиная от современного состояния и кончая периодом, непосредственно предшествовавшим распаду общенахского языка-основы. Основным методом исследования является сравнительно-исторический метод с теми дополнениями и приемами его уточнения и усовершенствования, которые рассматриваются в данной работе.

Еще в 1952 году при обсуждении нашего доклада, посвященного сравнительно-историческому изучению горских иберийско-кавказских языков, было выражено сомнение в возможности применения сравнительно-исторического метода в предлагаемом нами здесь плане. Наше утверждение о возможности и целесообразности применения сравнительно-исторического метода при исследовании бесписьменных и младодописьменных языков, начиная от их современного состояния и постепенно углубляясь в их историю, было поддержано выдающимся советским иранистом В. И. Абаевым, имеющим большой опыт этимологических исследований. Наш опыт по созданию данной сравнительной грамматики полностью подтвердил правильность наших исходных положений.

2) В отличие от традиционной сравнительной грамматики, когда исследователь идет от минимально известных элементов (чаще всего какого-нибудь языка-основы) через минимально известные или вовсе неизвестные элементы (в разные периоды развития данной группы родственных языков) к максимально известным элементам в современных языках, мы исходим из максимально известных элементов родственных нахских языков в их современном состоянии и углубляемся в их историю. Это дает возможность охарактеризовать общий процесс развития родственных языков в самых различных аспектах, по крайней мере, в ближайшие предшествующие эпохи.

3) Исходя из признания процесса лингвистической непрерывности в родственных языках, удастся в известной мере применить «методику распутывания клубка», представляющую собой совокупность используемых нами приемов традиционного сравнительно-исторического метода и дополнительных приемов, в том числе предложенных нами приемов его усовершенствования. Таким путем удастся проследить процесс исторических изменений в родственных языках, устанавливая узловые моменты преобразования, видоизменения общих и частных явлений в этой цепи непрерывного развития языка-основы. Если где-нибудь «разрывается» цепь развития исконно общих явлений, то во многих случаях (особенно

в ближайшие предшествующие эпохи) появляется возможность найти место и причину «разрыва» на основании данных истории, внешнего влияния, воздействия других языков, этнографии, материальной культуры, фольклора и т. д.

Как известно, традиционные сравнительные грамматики посвящались в основном рассмотрению фактов, относящихся в основном к первоначальной общности родственных языков данных групп, оставляя в стороне явления более позднего происхождения, явления, возникшие в последние периоды их исторического развития. В них не уделялось соответствующего внимания исследованию закономерностей исторического развития родственных языков. «В сравнительной грамматике нельзя ограничиваться только древнейшими представителями данного языкового семейства, взятыми в известный момент своей истории, но необходимо вместе с тем следить за всем ходом их развития до настоящего времени», — справедливо указывал В. А. Богородицкий.

Этим законным требованиям в значительной мере будут отвечать сравнительно-исторические грамматики бесписьменных и младописьменных языков, построенные в соответствии с принципами, положенными в основу данной сравнительной грамматики нахских языков.

4) Сравнительно-историческое изучение родственных языков, начиная от современного состояния и кончая периодом существования языка-основы, имеет принципиальное значение: такое изучение позволяет познать закономерности развития родственных языков, выявить своеобразие влияния структуры языка-основы на закономерности, тенденции развития отдельных языков данной группы (проблема «давления» системы языка-основы и т. д.).

5) Результаты, получаемые при таком сравнительно-историческом изучении родственных языков, должны быть более точными, более разносторонними. Как указывал А. Мейе, в этом случае задачи сравнительно-исторической грамматики не могут быть сведены лишь к: а) восстановлению праязыка; б) фонетическим законам, понимаемым как «изменения, затрагивающие артикуляцию звуков безотносительно к смыслу»; в) принципам аналогии (морфологический закон обычно сводит к изменениям по аналогии). Восстановление языка-основы, фонетические законы и законы аналогии перестают быть самоцелью. Рассматривая с точки зрения их возникновения, функционирования в определенный период существования языка и дальнейшего преобразования в соответствии с общими и специфическими закономерностями развития данной группы языков, они (т. е. язык-основа, фонетические законы, законы аналогии) находят свое место в общем процессе развития исследуемых родственных языков.

6) Положительно, научно обоснованно решается вопрос об относительной хронологии. Сущность относительной хронологии состоит не в том, чтобы указать, когда (в каком году?!), какой факт возник, а в том, чтобы показать, как последовательно развивались языковые факты, что чему предшествовало.

7) Применение сравнительно-исторического метода, начиная от современного состояния изучаемых языков и постепенно углубляясь в их историю, во многих случаях представляет собой наиболее эффективный путь сравнительно-исторического изучения не только бесписьменных, младописьменных языков, но и языков, на которых существуют древние письменные памятники.

Рассмотренные здесь в кратком изложении вопросы о специфике применения сравнительно-исторического метода при изучении родственных бесписьменных и младописьменных языков, представляют, как мы

полагаем, теоретический интерес с точки зрения методологии сравнительно-исторических исследований.

В соответствии с изложенными здесь специфическими особенностями применения сравнительно-исторического метода в области изучения родственных языков должны быть определены и задачи сравнительно-исторической грамматики. Основной задачей сравнительно-исторической грамматики нахских языков является выяснение закономерностей исторического развития отдельных нахских языков, их диалектов, общего нахского языка-основы, начиная от их современного состояния и кончая периодом, непосредственно предшествовавшим распаду языка-основы. В эту задачу входит в первую очередь выявление закономерностей развития, видоизменения исконных материальных, структурных и функциональных элементов, исконной структуры общенахского языка-основы.

К ВОПРОСУ О ДЕТЕРМИНАТИВАХ (ОПРЕДЕЛИТЕЛЯХ)

Говоря о специфике применения сравнительно-исторического метода в области нахских языков, следует остановиться и на вопросе о детерминативах-определителях. В данной сравнительно-исторической грамматике нахских языков мы не рассматриваем вопроса о приемах выделения детерминативов (или «распространений» корня) по следующим соображениям:

1) Проблема детерминативов, по общему признанию, относится к древнейшему этапу развития языков. В индоевропейских языках, из которых она проникла в кавказоведение, она связана с выяснением природы корня в индоевропейском языке-основе. С этой проблемой также связывают определение своеобразия древнейшего типа корня в иберийско-кавказских языках. Между тем задача нашей сравнительно-исторической грамматики—дать в основном анализ развития структуры и структурных элементов нахских языков, начиная от их современного состояния и кончая последним периодом существования нахского языка-основы. Следовательно, наше исследование представляет собой лишь один из подготовительных этапов для постановки и освещения проблемы природы корня в древнейший период развития иберийско-кавказских языков.

2) Проблема детерминативов, или «распространений» корня, должна быть поставлена с полным учетом не только специфических особенностей иберийско-кавказских языков, но и тех сомнений, неудач и противоречивых суждений по вопросу о детерминативах, которые получили широкое распространение в истории сравнительно-исторического изучения индоевропейских языков.

Термин «определитель корня» ((*wurzeldeterminativ*) принадлежит Г. Курциусу. Первая обзорная работа о детерминативах была написана А. Фижком. Особенно много внимания уделил этому вопросу П. Перссон¹. По мнению Перссона, детерминативы—суффиксы, утратившие свое значение. К мнению Перссона, по существу, присоединился и Г. Хирт². Бругман признавал существование детерминативов как особой категории словообразовательных явлений. А. Мейе сомневался в научной ценности и целесообразности выделения «определителей»-детерминативов.

¹ P. Persson. Studien zur Lehre von der Wurzeleir weiterung und wurzelvariation. 1891; его же. Исследование по индоевропейскому словообразованию, 1912.

² Г. Хирт. Индоевропейская грамматика. Том III, 1927, стр. 236—242.

По его мнению, нет возможности в большинстве случаев различать детерминативы и суффиксы¹.

Разрабатывая методические приемы различения детерминативов и суффиксов. Э. Бенвенист опирался на ларингальную теорию². Поскольку последняя представляет собой гипотезу, то и теория Э. Бенвениста является в значительной степени гипотезой, нуждающейся в лингвистическом обосновании.

Более подробный обзор литературы по вопросу о детерминативах дан в сборнике «Вопросы методики сравнительно-исторического изучения индоевропейских языков»³.

3) Данные горских иберийско-кавказских языков показывают, что те сросшиеся с корнями элементы, которые получили наименования детерминативов, или «распространения» «корня», могут восходить к разным эпохам и к различным источникам: а) в одних случаях, они представляют собой фонетические наращивания; б) в других случаях, мы имеем дело с суффиксом, сросшимся с корнем, утратив значение; в) осложнение корня может быть связано с аблаутом и умлаутом (первичным и вторичным чередованиями гласных основ); г) изменение звукового состава может быть обусловлено перекрещивающимся взаимодействием процессов словообразования и формообразования; д) в связи с рассмотрением вопроса о структуре корня и детерминативах следует учесть специфику структуры и звукового состава древних слов звукоподражательного происхождения.

ПРОБЛЕМА КОРНЯ

Проблема корня является одной из самых сложных в сравнительно-историческом изучении иберийско-кавказских языков.

«Корневая» морфема нередко становится исходным материалом для образования нескольких новых самостоятельных основ. Возникновение таких основ может быть обусловлено в разных семьях языков различными причинами. В нахских языках, как и в индоевропейских языках, оно обычно бывает связано: а) с чередованием корневых гласных разных типов; б) с разными вариантами (чаще всего фонетическими) корневой морфемы.

Вопрос о корневой морфеме в нахских языках должен быть поставлен в конкретных сравнительно-исторических исследованиях иначе, чем в индоевропейских языках. Рассматривая корневую морфему в различных группах индоевропейских языков (например, германских, славянских), как правило, исходят из гипотетически восстанавливаемых (на основании данных древних письменных индоевропейских языков) индоевропейский праформ (т. е. исходных форм) и пытаются установить, каким фонетическим, морфологическим, семантическим изменениям они подверглись как в различных подгруппах, так и в отдельных индоевропейских языках.

Между тем при сравнительно-историческом исследовании нахских языков, не располагая никакими письменными памятниками о древнем состоянии не только нахских, но и всех горских иберийско-кавказских языков, мы вынуждены исходить из данных современных языков и их

¹ А. Мейе. Введение в сравнительно-историческое изучение индоевропейских языков М.—Л., 1938, стр. 193.

² Э. Бенвенист. Индоевропейское именное словообразование, русский пер., стр. 46.

³ Сб. «Вопросы методики сравнительно-исторического изучения индоевропейских языков», М., 1956.

диалектов. Поэтому исходным пунктом сравнительно-исторического исследования нахских языков для нас является не состояние горского иберийско-кавказского языка-основы или нахского языка-основы, а современное состояние исследуемых языков. Вследствие этого анализ морфологической структуры слов в сравнительно-историческом плане мы не можем начинать с выявления корневых морфем. Корневые морфемы наиболее древних исконных нахских слов отражают значительно более древнее состояние, чем эпоха существования общенахского языка-основы. Проблема эта осложняется еще и тем, что корень в иберийско-кавказских языках обладает своими специфическими особенностями. Он обычно характеризуется в словах древнейшего происхождения одним согласным звуком, сопровождаемым каким-нибудь гласным звуком и каким-нибудь грамматическим показателем: ср. бацб. *докл*, инг., чеч. *дуог*, аварск. *д-акл*, абхазском *гу*, лезгинском *ракл*, кабардино-черкесском *гу*, хиналугском *унг//үг*. Начальные согласные *д-*, *р-* рассматриваются как окаменелые классные префиксы, согласные *г* и *кл* как фонетические варианты корневого согласного.

В этих условиях мы вынуждены сравнительно-исторический анализ морфологической структуры слова начинать с исследования способов грамматических средств словообразования, а затем и словоизменения. На основании этого анализа, опирающегося не только на предварительное изучение фонетических процессов и законов звукосоответствий, но и на семантическую характеристику типов лексических единиц, мы выявляем основы слов, а не корневые морфемы в собственном смысле слова. Но эти основы, далее неразложимые не только с точки зрения современного состояния языка, но и состояния нахского языка-основы, мы иногда рассматриваем как «корневые» морфемы.

Что же касается вопроса о природе нахских аблаута и умлаута, то он решается следующим образом:

1) В основе умлаута лежат фонетические процессы, связанные с вставкой внутрь основы аффиксального лабиализованного гласного и гласного переднего ряда. Возникновение этого фонетического явления не обусловлено ни морфологическими, ни семантическими причинами. Скорее всего, оно обусловлено, очевидно, ударением, падающим на первый корневой слог, который как бы притягивает к себе гласные последующих слогов, а также характером и особенностями взаимодействия различных типов артикуляции первого корневого и следующего за ним аффиксального слогов в фонетической системе нахских языков. Вопрос о характере и особенностях взаимодействия различных типов артикуляций в фонетической системе нахских языков нуждается в специальном рассмотрении.

Вначале вставка аффиксального гласного внутрь основы носила факкультативный характер. Например, в бацбийском: *алъ-и* — «только что сказал», *алъ-и-на//а-и-лъна* — «недавно сказал», *ва-и-ш-нар//ваш-и-но-р* — «давно побрил», *ва-и-ш-но-р-ало//ваш-и-но-р-ало* — «побрил, оказывается» и т. д.

2) В дальнейшем вставка аффиксального гласного внутрь основы закрепляется, она становится исторической и грамматически осмысливается, т. е. за такими чередованиями закрепляются определенные грамматические значения: инг., чеч. *ахар* — «пахать»; инг. *оах*, чеч. *оху* — «пашет»; инг. *абхад*, чеч. *абхна* — «вспахал» и т. д. В этих примерах сочетаются качественные, количественные и комбинированные чередования гласных. Так образовался нахский, точнее ингушский и чеченский, умлаут, иначе называемый вторичным чередованием гласных именных и глагольных основ.

3) По-видимому, и аблаут такого же происхождения. Вставка аффиксального гласного внутрь основы, первоначально носившая фонетический характер, впоследствии превратилась в историческое, грамматическое чередование гласных именных и глагольных основ. Аблаут или первичное чередование гласных основ чаще всего проявляется в именных основах, противопоставляя основы именительного и косвенных падежей, в одних случаях, основы разных косвенных падежей — в других: им. п. ед. ч. в бацб. *докI*, чеч., инг. *дуог* — «сердце»; эрг. п. ед. ч. в бацб. *давг*, чеч., инг. *дагуо* (чередование гласных двух основ: *о—а*); бацб. *йохь*, чеч. *йуол* — «дочь», род. п. ед. ч. бацб. *йахьи*, чеч. *йуоблан*; эрг. п. ед. ч. в бацб. *йахьас*, чеч. *йуола*, инг. *йуолюо*; бацб. *пстлу*, чеч. *сту*, инг. *уст* — «бык»; эрг. п. ед. ч. в бацб. *пстларав*, чеч. *старуо*, инг. *истаруо*; им. п. мн. ч. в бацб. *пстларе*, чеч. *стерчий*, инг. *шерч* и т. д. И при образовании аблаута переkreщаются качественные, количественные и комбинированные чередования гласных основ. Эти факты, относящиеся к первичному чередованию, невозможно объяснить на основании фонетических процессов, наблюдаемых в современных языках, а также фактами, обусловившими вторичное чередование, характерное (как праматическое чередование), главным образом, ингушскому и чеченскому языкам.

К ВОПРОСУ ОБ УТОЧНЕНИИ И УСОВЕРШЕНСТВОВАНИИ СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОГО МЕТОДА

За последнее десятилетие в специальной литературе уделено значительное внимание вопросу об усовершенствовании и уточнении сравнительно-исторического метода. Как нам представляется, сущность данной проблемы заключается в следующем: в каком направлении, на основе какого материала и посредством каких методических приемов следует усовершенствовать сравнительный метод в историческом языкознании. В современном языкознании представители различных лингвистических направлений разными путями и средствами пытаются решить эту задачу. (Например, Э. Сепир, Структурализм, Сводиш).

Разработанные нами приемы усовершенствования, уточнения сравнительно-исторического метода касаются главным образом реконструкции, поскольку, по общему признанию, реконструкция является наиболее слабым звеном в системе методических приемов сравнительно-исторического метода. Они основаны на данных самих исследуемых языков. Главная цель, которая достигается ими — более глубокое и последовательное раскрытие закономерностей исторического развития структуры исследуемых родственных языков, а также максимальное приближение реконструкции к реальным фактам, бытовавшим в разные периоды функционирования рассматриваемых языков. Вместе с тем выдвигается задача реконструкции не только материальных элементов, но и общих и частных закономерностей, действовавших в разные периоды развития родственных языков и языка-основы.

Как известно, в традиционном языкознании реконструкция имела дело в основном с результатами процесса развития, представленных в реконструируемых материальных элементах. Это было связано с той основной задачей, которую ставило перед собой старое сравнительно-историческое языкознание — восстановление праязыка, т. е. языка-основы.

В наше время, когда более или менее общепризнанным стал тот факт, что восстановление языка-основы не является самоцелью сравни-

тельно-исторических исследований, в качестве основной задачи сравнительно-исторического языкознания выдвигается задача раскрытия закономерностей исторического развития родственных языков (наряду с получением исторических сведений о языках, их словарном составе, грамматическом строе, структуре и т. д.). Из этого вытекает необходимость реконструкции не только материальных элементов, представляющих собой результат исторического развития родственных языков, но и общих и частных закономерностей, характеризующих сам процесс исторического развития данной группы родственных языков.

Отсутствие строгих, научно обоснованных методических приемов, позволяющих раскрыть, выявить закономерности развития родственных языков, во многом снижают научную ценность сравнительно-исторических исследований. Внутренняя реконструкция должна была способствовать устранению этого недостатка. Однако, несмотря на ее ценность, она также в основном следует тем же укоренившимся в традиционном сравнительно-историческом языкознании приемам реконструкции с той лишь разницей, что применение ее по линии внутренней реконструкции связывается с внутренней структурой говора, диалекта, а чаще всего конкретного языка (содержание, целенаправленность, приемы реконструкции со звездочкой остались теми же, какими обычно применялись).

Таким образом, в сущности говоря, внутренняя реконструкция по своему содержанию и методическим приемам — это та же традиционная реконструкция, но ограниченная пределами определенной языковой единицы.

Внутренняя реконструкция, как и вообще реконструкция со звездочкой, нуждается в уточнении, совершенствовании.

РЕКОНСТРУКЦИЯ

В истории сравнительно-исторического языкознания под реконструкцией понимают восстановление предполагаемого предшествующего, последующего или исходного языкового факта (формы, функции, значения, конструкции, структуры и т. д.) Почти всегда со звездочкой дают восстанавливаемые формы. Что же касается восстанавливаемых функций, значений, конструкций, структур, то традиционный сравнительно-исторический метод не пользуется особыми средствами их выражения.

Под формой в сравнительно-исторических исследованиях можно разуметь слово-форму, основу слова, корень, аффикс, отдельный звук. Слово-форма, основа слова могут выступать в разных значениях, функциях. Корень и аффикс могут иметь различные значения в разные периоды развития языка. Отдельный звук подвергается не только качественным и количественным изменениям в разные периоды развития языка, но и может играть неодинаковую роль в разных позициях в составе слова и аффикса.

Таким образом, языковая форма в широком смысле, выраженная комплексом звуков или отдельным звуком и рассматриваемая в ее развитии, видоизменении, может быть во всех указанных случаях воспроизведена в виде определенного языкового факта со звездочкой. Например, функция, значение, конструкция, структура, рассматриваемые в развитии и видоизменении, должны быть реконструированы иными средствами их выражения. Иначе на каждом шагу возникает опасность смешения разнородных явлений, недооценка специфики их развития и видоизменения и т. д. Реконструкция всегда и во всех случаях носит предположительный характер.

Всякая реконструированная форма или любой реконструированный материальный элемент со звездочкой показывает, во-первых, что мы

имеем дело с попыткой восстановления какой-нибудь формы или материального элемента языка; во-вторых, предположительный характер любой реконструкции. Этими двумя особенностями отличается любая реконструкция—общая, или традиционная, внутренняя реконструкция. Поэтому всякая реконструируемая форма во всех случаях имеет один внешний показатель — звездочку, указывающую на эти две особенности реконструкции.

Реконструкция, как правило, не ставит своей задачей:

1) прослеживания шаг за шагом процесса исторического развития отдельного языка или родственных языков;

2) характеристики реальных связей, отношений между восстанавливаемой формой, восстанавливаемым материальным элементом и их предшествующим или последующим состояниями;

3) обоснования исторической реальности реконструируемой формы или восстанавливаемого материального элемента.

Конечно, в каждом реконструируемом языковом факте в какой-то мере представлены эти особенности, но реконструкция характеризует не эти особенности. В традиционном историческом языкознании реконструкция со звездочкой — это осколок, языковой факт, вырванный из цепи, из исторического процесса, «обезжизненный», это своеобразная искусственно восстанавливаемая языковая форма.

В современном историческом языкознании различаются две разновидности реконструкции — традиционная и внутренняя.

ТРАДИЦИОННАЯ РЕКОНСТРУКЦИЯ

В традиционном языкознании восстанавливаемый языковой факт безотносительно к той или иной эпохе, к структуре того или иного языка передается через посредство звуковой формы со звездочкой. Такая форма со звездочкой — это предполагаемый прообраз, прототип действительно существовавшей формы, реального языкового факта: индоевроп.

**pāter* — „отец“, санскр. *pīta*, латинск. *pater*; индоевроп. **trejes* — „три“, санскр. *trāyas*, латинск. *tres*; индоевроп. **ten* — „тянуть, натягивать“,

санскрит. *tanoti*, латинск. *tendo*¹. Приведенные выше формы (или формулы) со звездочкой являются гипотетическими, они, как известно, не обнаружены в индоевропейском языке-основе.

Э. Прокош, характеризуя историю восстановления индоевропейск. *bhéro*, указывает, что „...звездочка * обозначает, что соответствующая форма не зафиксирована ни в одном из памятников, а восстановлена при помощи сравнительного метода. По существу, такие реконструкции есть не более чем гипотетические формулы, которые следует понимать лишь в том смысле, что, например, «индоевропейск. *bh*» — это звук, проявляющийся в обычных условиях как *bh* в индийском, как *φ* в греческом, как *f* или *b* в латинском и как *b* или *β* в других индоевропейских языках...»².

Но такая форма (или формула) чаще всего повисает в воздухе, если ее исходное состояние или непосредственно предшествующее состояние не засвидетельствовано исторически, в письменных памятниках. Она является предположительной, весьма условной во многих отношениях. Поэтому у разных авторов мы нередко находим различные варианты этой праформы.

¹ Э. Прокош. Сравнительная грамматика германских языков. М., 1954, русск. перев., стр. 27.

² Там же, стр. 24.

Так, по словам Э. Прокоша, из общепризнанных спирантов индоевропейского языка «можно назвать лишь *s* и его ассимилированный вариант *z*... Бругман допускал также наличие спиранта неопределенного фонетического характера, для обозначения которого он употреблял знаки *p*, *d*. Возможно, что на самом деле это был палатальный спирант (*ç*, *j* или *š*, *ž*), глухой или звонкий в зависимости от окружения (См. Brugmann, *kg*, стр. 301; Hirt, *Idg. gr.*, стр. 231) ¹.

Реконструкция рассматриваемого типа оказывается весьма общей, абстрактной, она, как правило, полностью не отражает действительно существовавшего положения вещей.

В связи с отмеченными недостатками традиционной или общей реконструкции и была предложена внутренняя реконструкция.

ВНУТРЕННЯЯ РЕКОНСТРУКЦИЯ

Отличительной особенностью внутренней реконструкции является то, что она опирается на внутрискруктурный, внутрисистемный анализ фактов конкретного языка. Языковые факты, восстанавливаемые по внутренней реконструкции, более близки к реальному состоянию воспроизводимых языковых явлений. Во многих случаях внутренняя реконструкция дает возможность выводить одни факты из других, однако здесь не удастся последовательно проследить возникновение, развитие и преобразование языковых фактов в пределах системы конкретного языка.

Несмотря на эти положительные моменты, внутренняя реконструкция страдает в основном теми же недостатками, что и традиционная реконструкция: 1) она, как и традиционная реконструкция, пользуется одним и тем же методическим средством — формой со звездочкой для обозначения восстанавливаемых фактов разного содержания, относящихся к разным периодам развития языка и т. д.; 2) хотя она и пытается проследить процесс исторического развития исследуемых явлений, все же ей не удается это сделать из-за недостатков самого анализа материала и методических приемов; 3) она также не может гарантировать во многих случаях историческую реальность (хотя бы приблизительно) реконструируемой формы или восстанавливаемого материала элемента; 4) она также не может гарантировать правильное отражение реально существовавших связей, отношений между восстанавливаемой формой, восстанавливаемым материальным элементом и их предшествующим и последующим состояниями; 5) она, как и традиционная реконструкция, вообще не воспроизводит дифференцированно формы слов, звуки, функции, значения, конструкции и структуры языковых единиц, не располагая для этого соответствующими методическими приемами и техническим аппаратом (особыми средствами обозначения разнородных языковых явлений, а также связей и отношений между ними). О других недостатках реконструкции говорилось в параграфе, посвященном рассмотрению недостатков сравнительно-исторического метода.

ОБЩАЯ ВНУТРЕННЯЯ РЕКОНСТРУКЦИЯ

Общая внутренняя реконструкция включает в себя так называемые традиционную и внутреннюю реконструкции, о которых выше шла речь. Об общей внутренней реконструкции правомерно говорить, имея в виду

¹ Э. Прокош. Сравнительная грамматика германских языков. М., 1954, русск. перев., стр. 27.

восстановление различных состояний в разные эпохи развития исходных элементов, структур родственных языков, выделяя отдельные ступени их исторического функционирования (по семьям, группам, подгруппам, отдельным языкам, диалектам, говорам).

В самом деле, русский язык, рассматриваемый в ретроспективном плане, восходит к восточнославянскому языку-основе, восточнославянский язык восходит к славянскому языку-основе и т. д. Здесь всюду существует последовательно преемственная историческая связь. Русский язык унаследовал от восточнославянского языка-основы материальные элементы и структурные особенности. Восточнославянский язык в свою очередь унаследовал материальные элементы и структурные особенности от общеславянского языка-основы и т. д.

Приемы реконструкции, призванные воспроизвести исторически процесс развития указанных языков, видоизменение, преобразование их материальных элементов и структурных особенностей, должны отличаться специфическими особенностями, концентрированными в единой системе методических приемов. Поэтому не следует разграничивать традиционную и внутреннюю реконструкции. Они должны быть объединены в общей внутренней реконструкции, которую мы будем в дальнейшем называть просто внутренней реконструкцией, противопоставляемой внешней реконструкции. Из внутренней и внешней реконструкции вырастает ступенчатая реконструкция.

ВНЕШНЯЯ РЕКОНСТРУКЦИЯ

Внутренней реконструкции может быть противопоставлена внешняя реконструкция. Задача внешней реконструкции — выявление путем исторического анализа внешних элементов, влиявших в структуру языка, и вызванных им явлений (например, кавказских элементов в осетинском). Такую задачу, конечно, может решить и внутренняя реконструкция.

Чем обусловлена целесообразность разграничения внутренней и внешней реконструкций? Внутренняя реконструкция имеет дело с исконными элементами, фактами языка, с закономерностями, обусловленными внутрисконным развитием языка, т. е. развитием структуры данного языка и всех его исконных элементов.

Напротив, внешняя реконструкция имеет дело с фактами, закономерностями, восходящими к внешнему влиянию, обусловленными внешним воздействием, т. е. воздействием, влиянием других — родственных и неродственных языков на данную языковую единицу (говор, диалект, наречие и язык).

Разграничение внутренней и внешней реконструкции связано с разграничением внутренней и внешней лингвистики. Конечно, необходимо учитывать особые трудности, связанные с разграничением, с одной стороны, фактов, закономерностей, обусловленных развитием исконной структуры языка и видоизменением его исконных элементов, и с другой — с выявлением закономерностей, явлений, восходящих к внешним факторам (влияние других языков и т. д.).

Само название «внутренняя реконструкция» предполагает противопоставление ее к какой-то другой реконструкции. Но то, что из названия внутренняя реконструкция напрашивается антоним — внешняя реконструкция, не главный, а скорее всего формальный момент в обосновании целесообразности разграничения внутренней и внешней реконструкции.

Логически правомерно внутренней реконструкции противопоставить внешнюю реконструкцию, точнее говоря, разграничить их, поскольку

приемы и предпосылки осуществления внутренней и внешней реконструкции различны в ряде случаев.

Разграничением внутренней и внешней реконструкций в основном решается и вопрос о возможности и своеобразии применения сравнительно-исторического метода для выявления субстратных явлений, фактов и закономерностей, обусловленных внешним влиянием.

СТУПЕНЧАТАЯ РЕКОНСТРУКЦИЯ

В данной работе мы расчленили внутреннюю реконструкцию (в нашем ее понимании) на ряд частных реконструкций, вытекающих одна из другой. Благодаря этому лингвистическая непрерывность, представленная в историческом развитии родственных языков, принимает «форму цепи», состоящей из многих различных языковых фактов, качественно и количественно отличающихся друг от друга на разных ее частях, отражающих разные периоды развития отдельных родственных языков или языка-основы. Те участки или «узлы» на этой «цепи», на которых отражаются качественные и количественные особенности соответствующих языковых фактов, восходящих к языку-основе, образуют связанные друг с другом в исторической последовательности «ступеньки». Эти «ступеньки», представляющие собой выражение различных в количественном и качественном отношении языковых фактов, и лежат в основе ступенчатой реконструкции. Ступенчатая реконструкция базируется на внешней и внутренней реконструкции в широком смысле.

Изложенная выше идея и положена в основу нашей ступенчатой реконструкции, позволяющей шаг за шагом вести наблюдение как за видоизменением частных языковых фактов, так и за развертыванием общего процесса исторического развития родственных языков.

Ступенчатая реконструкция может быть прямой (проспективной) и обратной (ретроспективной).

Прямая (проспективная) ступенчатая реконструкция

Прямая ступенчатая реконструкция отражает развитие или видоизменение языкового явления, начиная от древнего периода до современного состояния. Прямой она названа потому, что она показывает прямой, последовательный путь развития или видоизменения языкового факта, начиная от древнего периода и кончая современным состоянием. Графически она выражается стрелкой, показывающей направление движения от исходного состояния к современности: Например:

санскрит Sthagayati

лат. tegō — „покрывать“

Древневерхненемецк. geba ← gift ← gefti — „дар“².

В приведенных примерах видоизменение языковых фактов показано не строго последовательно, а отрывочно от более древнего состояния к состоянию в одном из последующих периодов.

¹ Э. Прокош. Сравнительная грамматика германских языков. Москва, 1954, стр. 27.

² Сравнительная грамматика германских языков, том. II, М., 1962, стр. 266.

Прямая ступенчатая реконструкция более последовательно представлена в следующих примерах:

настоящее время:

бацб. [а:лъо] —
 чеч. [о:ла||о:ла] — общенахск. *аль-о — „говорит“
 инг. [Оа:л] —

недавнопрош. время

бацб. альино||аилно —
 аккинск. аьлн < аилн —
 чеченск. аьлла < аилн — общенахск. *аль-и-н-о
 инг. аьнна-д < алин д-а < аилн да

Таким образом, по ступенчатой реконструкции мы начинаем характеристику исторического процесса развития и видоизменения языкового факта от более древнего периода к последующим состояниям.

Прямую ступенчатую реконструкцию целесообразно применять при исследовании родственных языков, на которых (или на одном из которых) имеются древние письменные памятники. Если нет таковых, то лучше воспользоваться обратной ступенчатой реконструкцией (например, при сравнительно-историческом изучении бесписьменных и младописьменных языков).

Обратная (ретроспективная) ступенчатая реконструкция

Напротив, по обратной ступенчатой реконструкции мы начинаем характеристику исторического процесса развития и видоизменения языкового факта от современного состояния к предшествующим состояниям, т. е. по линии обратного движения от современного состояния к древним состояниям, к исходному состоянию. Обратной она названа потому, что при ее помощи последовательно шаг за шагом прослеживается процесс исторического развития языка, так сказать, в обратном по отношению к ходу исторического процесса направлении, от современного или какого-нибудь последующего состояния до исходного или же какого-нибудь предыдущего состояния существования и функционирования языкового факта.

Графически обратная ступенчатая реконструкция передается стрелкой, показывающей направление движения от современного состояния к исходному состоянию:

Приведем примеры:

соврем. русск. волк → древнерусск. вѣлкѣ¹ ... →;
 соврем. чеченск. дуог → дог → даг ... → *дагв — „сердце“;
 соврем. чеченск. аьтта — „покрошил, раздробил“ → аитна → атина;

форма наст. вр. понуд. наклон.:

чеченск. вохуьйту —
 ингушск. воахийт — вахаита → ваха † вита — „позволит жить“,
 бацб. вахиит —

¹ А. А. Шахматов. Историческая морфология русского языка. М., 1957, стр. 19.

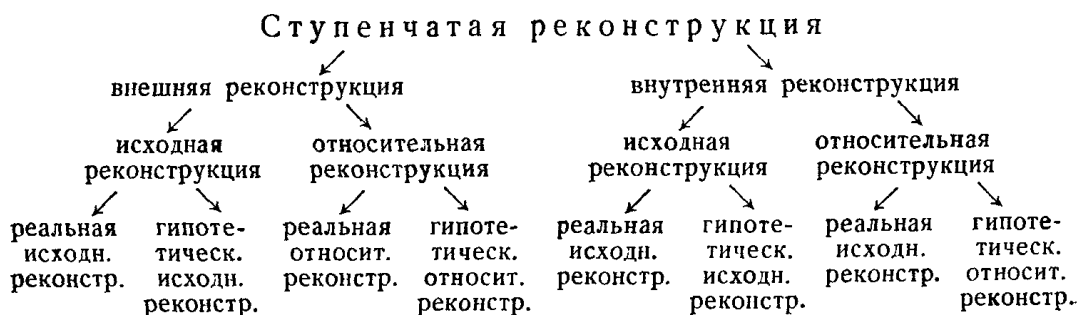
Из приведенных примеров видно, что обратная ступенчатая реконструкция может быть применена как при изучении истории отдельных языков, так и при сравнительно-историческом исследовании родственных древнеписьменных, младописьменных и бесписьменных языков. Она имеет существенные преимущества перед прямой ступенчатой реконструкцией при историческом и сравнительно-историческом изучении младописьменных и бесписьменных языков, ведя исследователя от известных фактов к неизвестным.

Прямая и обратная ступенчатые реконструкции должны привести к одному и тому же выводу, если анализ материала произведен правильно. Таким образом, рассматриваемые две разновидности дают возможность их взаимной проверки. Это также надо рассматривать как положительный факт, устанавливаемый при применении указанных реконструкций.

Прямая и обратная ступенчатые реконструкции могут быть использованы в случаях применения внешней реконструкции, т. е. при выявлении и анализе заимствованных элементов (с учетом некоторых специфических моментов внешнего влияния).

Разновидности ступенчатой реконструкции

Ступенчатая реконструкция складывается из внешней и внутренней реконструкций в широком смысле. Внешняя и внутренняя реконструкции в свою очередь распадаются на исходную и относительную реконструкции. Исходная реконструкция может быть реальной и гипотетической. Точно так же и относительная реконструкция может быть реальной и гипотетической. Разновидности ступенчатой реконструкции схематически можно изобразить следующим образом:

Мы уже рассмотрели внешнюю и внутреннюю реконструкции. Остановимся на исходной и относительной реконструкциях.

Исходная реконструкция

Исходная реконструкция представляет собой восстановление исходно-языкового факта, участвовавшего в образовании относительно самостоятельной, специфичной системы, структуры конкретного языкового подразделения (говора, диалекта, языка, языка-основы, близкородственной подгруппы или семьи языков).

Исходная реконструкция может относиться ко внутренней или внешней реконструкции.

По линии внутренней реконструкции исходная реконструкция характеризует исходное состояние языкового факта при формировании системы, структуры говора, диалекта, языка, языка-основы и т. д. Так, комплекс *st* в начальном положении в исконных нахских словах дал два варианта в говорах чеченского языка: Ахчой-Марган. *saɣ*, Гойтинский

таг из *стаг* — «человек». Следовательно, в формировании системы Ачхой-Мартановского говора участвовала с самого начала форма *саг*. Последняя относится к системе Ачхой-Мартановского говора, тогда как форма *стаг*, к которой восходит *саг*, отражает предшествующее состояние и не может быть включена в систему данного говора.

То же самое следует сказать о специфичной для Гойтинского говора форме *таг*, относящейся к «системе» этого говора, в то время как форма *стаг*, от которой образовалась ее разновидность *таг*, указывает на период, предшествовавший сложению Гойтинского говора, она (форма *таг*) не может быть включена в систему рассматриваемого говора.

Формы исходной реконструкции *саг* (Ачхой-Мартановский говор), *таг* (Гойтинский говор) бытуют без каких-либо преобразований в современной разговорной речи носителей указанных говоров.

Исходная реконструкция может совпадать с формами, относящимися к предшествующим и последующим состояниям, т. е. одна и та же форма в одном и том же значении может бытовать в системах нескольких языковых подразделений (например, говора, диалекта, языка и т. д.). Так, масдарная форма *ахар* — «пахать (пахание)» в таком звучании бытует в Гойтинском, Ачхой-Мартановском говорах чеченского разговорного языка, в чеченском литературном языке, в ингушском и бацбийском языках, она существовала в нахском языке-основе.

Таким образом, масдарная форма *ахар* является исходной для всех перечисленных выше языковых подразделений.

Форма исходной реконструкции может не совпадать ни с предыдущими и ни с последующими ее вариантами. Например, в современных нахских языках (и некоторых диалектах чеченского языка) недавно-прошедшее время образуется так: бацб. *атина*//*аитна* — «покрошил, раздробил», инг. *аьта-д*, чеч. *аьтта*, аккинск. *аьтна*, чеберлоевск. *атина*.

Форма исходной реконструкции в чеченском языке отличается от предыдущих и последующих ее вариантов, а также от ее диалектальных разновидностей. Чеченская форма исходной реконструкции представляла собой *аитн(а)*, она восходит к *агин(а)*. По закону вторичного чередования в эпоху формирования структуры чеченского языка произошла эпентеза — вставка аффиксального *и* внутрь основы (умлаут): *аитн*. Лишь на следующем этапе на основе преобразования дифтонга *аи* мог образоваться монофтонг *аь*, представленный в последующей форме *аьтн(а)*, бытующей в аккинском диалекте. Последняя форма в чеченском плоскостном диалекте, легшем в основу литературного языка, была представлена в виде *аьтна*. В дальнейшем аффиксальный *н* под влиянием корневого *т* подвергся ассимиляции. Вследствие этого в современном литературном языке имеем *аьтта*.

Таким образом, эволюцию этой формы по линии обратной ступенчатой реконструкции показывает следующая схема:

аьтта → *аьтна* → *аитна* → *атина*

Форма *атина* отражает общенахское состояние, засвидетельствованное бацбийским языком и чеберлоевским диалектом чеченского языка. Чеченская форма исходной реконструкции параллельно развилась и в бацбийском языке.

Итак, исходная реконструкция *аитна* показывает начало, исходное состояние, начальный период формирования системы чеченского языка (применительно к данной грамматической категории).

Начальный период формирования системы чеченского языка можно было бы назвать исходным, началом формирования системы чеченского языка. Соответственно исходную реконструкцию допустимо имено-

вать исходной реконструкцией или реконструкцией исходного состояния, начала образования его системы, структуры.

Чем обусловлена необходимость выделения исходной реконструкции? Имеет ли принципиальное теоретическое и практическое (для конкретных методических приемов) значение выделения исходной реконструкции в пределах каждого языкового подразделения, образующего относительно самостоятельную систему? Факты показывают, что реконструкция исходных форм (т. е. исходная реконструкция), образующих относительно самостоятельную систему языкового подразделения, позволяет:

1) проследить последовательно процесс формирования особенностей складывающейся языковой системы в начальный момент — на стыке двух систем — предшествующей и новой складывающейся. Этот начальный этап формирования новой языковой системы во многом и определяет пути и тенденции ее дальнейшего развития. Разработка дифференцированного методического приема, позволяющего уловить и охарактеризовать начальный момент развертывания новой языковой структуры, позволяет более точно и последовательно проследить процесс исторического развития языка.

Исходная реконструкция может быть реальной и гипотетической. Исходная гипотетическая реконструкция обозначается так: * гип. исх. рек. Исходная реальная реконструкция выражается иначе: р. исх. рек. (без звездочки).

Относительная реконструкция

Поскольку каждая «ступенька» отличается от другой по качественной и количественной характеристике отражаемого ею факта, то, следовательно, каждая реконструкция соответственно должна отличаться от другой не только формой и содержанием реконструируемого факта, но и методическими приемами ее анализа, средством ее обозначения. Отличительные особенности относительной реконструкции характеризуют следующие признаки:

1) Содержание данной реконструкции (качественная и количественная характеристика языкового факта).

2) Место данной реконструкции в цепи лингвистической непрерывности.

3) Отражение в рассматриваемой реконструкции общих и частных закономерностей развития отдельного языка, группы родственных языков.

4) Относительная реконструкция характеризует определенный период существования, развития и видоизменения анализируемого факта.

Аналогичными признаками обладает и рассмотренная исходная реконструкция.

В соответствии с указанными особенностями, специфичными для каждой разновидности ступенчатой реконструкции, мы и различаем относительную и исходную реконструкции. Относительная и исходная реконструкции могут различаться в пределах диалекта, языка, группы родственных языков, языка-основы.

Относительная реконструкция отражает все последующие за исходным состоянием ступени развития языкового факта, в пределах диалекта, языка, группы родственных языков. Следовательно, нужно различать относительную реконструкцию первую, вторую, третью и т. д. или первой, второй, третьей и т. д. ступени в пределах диалекта, языка, группы языков и языка-основы.

Исходная реконструкция отражает исходное состояние языкового факта в пределах диалекта, языка, группы языков и языка-основы. В

каждом диалекте, языке, группе родственных языков, в языке-основе может быть только одна исходная реконструкция данного языкового факта. Между тем как в каждом диалекте, языке, группе родственных языков и языке-основе может быть несколько относительных реконструкций, как на это было указано выше.

Относительная реконструкция помогает следить последовательно за развертыванием языкового процесса, детально и глубоко изучать закономерности исторического развития языка.

Относительная реконструкция, как и исходная, может быть прямой и обратной. Прямая относительная реконструкция обозначается стрелкой ←, а обратная относительная реконструкция — стрелкой →. Относительная реконструкция сокращенно выражается так: отн. рек. 1 (т. е. относительная реконструкция первой ступени), отн. рек. 2 (т. е. относительная реконструкция второй ступени) и т. д.

Относительная реконструкция, как и исходная, может быть реальной и гипотетической. Для обозначения гипотетической относительной реконструкции перед отн. рек. (такой-то ступени) ставится звездочка и *гип. (т. е. гипотетическая): *гип. отн. рек. Реальная относительная реконструкция обозначается так: р. отн. рек. (без звездочки).

Сначала рассмотрим примеры на обратную ступенчатую реконструкцию. В современном чеченском языке находим форму недавнопрош. времени *аьлла* — «сказал», рже встречается ее фонетический вариант *аьлли*. Как видно из нашего исследования, эта форма прошла следующий путь развития видоизменения, начиная от общечеченского состояния:

	р. отн. рек. 1	р. отн. рек. 2	р. отн. рек. 3	р. отн. рек. 4	р. исх. рек. 5
чеч.	↓	↓	↓	↓	↓
	<i>аьлла</i> →	<i>аьлли</i> →	<i>аьлна</i> →	<i>аь-л-н-ду</i> →	<i>а-и-л-н-ду</i> →
	<i>а:л-и-н да</i>				
	р. отн. рек. 1	р. отн. рек. 2	р. исх. рек. 3		
акк.	↓	↓	↓		
	<i>аьлч(а)</i> →	<i>аьл-н-да</i> →	<i>а-и-л-н-да</i> →	<i>а:л-и-н да</i>	
	р. отн. рек. 1	р. отн. рек. 2	р. исх. рек.		
инг.	↓	↓	↓		
	<i>аьн-н-а-д</i> →	<i>аьл-н-да</i> →	<i>а-и-л-н-да</i> →	<i>а:л-и-н-да</i>	

Как видно из этих примеров, реальные относительные реконструкции в ингушском, чеченском и его аккинском диалекте не совпадают. Так, относительная реконструкция обеспечивает более точное и последовательное воспроизведение реального процесса развития языка.

К обоснованию необходимости разграничения реальной и гипотетической реконструкций

Как уже указывалось выше, исходная и относительная реконструкции могут быть реальной и гипотетической. Чем обусловлена необходимость разграничения реальной и гипотетической реконструкций? В специальной литературе справедливо подчеркивается, что «реконструкции не всегда предполагают веру в реальное существование соответствующих форм в языке-основе. Часто они служат лишь для того, чтобы нагляднее представить словообразовательную модель»¹.

Из этого следует, что бывают реконструкции:

а) реальные, т. е. отражающие реально существовавшие языковые факты и б) гипотетические, т. е. допускающие возможность существова-

¹ В. И. Абаев. Историко-этимологический словарь осетинского языка, том I, М.—Л., 1958, стр. 5.

ния соответствующих форм в истории того или иного языка или группы языков. Трудно не согласиться с существованием реконструкций указанных двух разновидностей. Против этого могут возражать только те, которые игнорируют реальные возможности реконструкции, утверждая, что любая реконструкция лишена доказательной силы и всегда носит гипотетический характер, или же те, которые переоценивают реконструкции, приписывая любой реконструкции доказательную силу, отрицая гипотетический, предположительный характер той или иной реконструкции.

В этих условиях возникает вопрос: какие реконструкции и на основании какого доказательства могут быть признаны реально существовавшими; когда и в силу каких фактов те или иные реконструкции следует рассматривать как предположительные, гипотетические?

С решением этой задачи связана необходимость разграничения реальной реконструкции и гипотетической реконструкций. Автор исследования (по возможности) должен указать на реконструкции, отражающие реально существовавшие в истории языковые факты, а также на реконструкции, являющиеся предположительными, гипотетическими.

Реальная реконструкция

Реальная реконструкция может быть исходной и относительной. Реальность исходной и относительной реконструкций обосновывается прежде всего анализом данных исторического развития конкретного языка, группы родственных языков и их диалектов. С этой целью могут быть привлечены «...данные истории, этнографии, материальной культуры, хозяйства, быта, мировоззрения»¹.

Для доказательства реальности исходной и относительной реконструкций решающее значение имеют звуковые законы, т. е. звуковые соответствия, общность материальных элементов, последовательность анализа изменений в структуре исследуемых языковых фактов, их взаимосвязь и взаимозависимость. Правильный учет всех этих моментов создает базу для доказательства реальности исходной и относительной реконструкций. Здесь нельзя ограничиваться слепой верой в непогрешимость звукового закона. Надо учитывать, что действие звукового закона может быть ограничено определенным периодом в истории языка. Вместе с тем недопустимо игнорирование звукового закона. Доктор филологических наук В. И. Абаев справедливо писал, имея в виду историческое и сравнительно-историческое изучение языков: «Исследование, основанное на рабской вере в непогрешимость звукового закона, обесценивается наполовину. Исследование, вовсе игнорирующее этот закон, не имеет вообще никакой цены»².

Очень трудно обосновать реальность исходной или относительной реконструкции при восстановлении модели структурных элементов, например, языка-основы какой-нибудь семьи языков. Сравнительно легче доказать реальность исходной или относительной реконструкции форм близкородственных языков. Так, во всех нахских языках сохранились исходные основы форм повелительного наклонения, инфинитива и масдара многих исконных глаголов: чеч., инг., бацб. $ax(a)$ — «паша», $lax(a)$ — «ищи, пойми», $laц(a)$ — «держи, поймай» и т. д. В формах настоящего, только что прошедшего, недавно прошедшего времен корневая

¹ В. И. Абаев. Историко-этимологический словарь осетинского языка. М.—Л., 1959, том I, стр. 6.

² В. И. Абаев. Осетино-вейнахские лексические параллели. Известия Чечено-Ингушского научно-исследовательского института истории, языка и литературы, том I, вып. II, Языковедение, Грозный, 1959, стр. 104.

гласная указанных глаголов не подвергается изменению в бацбийском языке и чеберловском диалекте чеченского языка. Напротив, в форме настоящего времени корневой гласный звук в составе рассматриваемых глаголов закономерно переходит в чеченском в [o:], а в ингушском в [oa] и т. д. Приведенные факты доказывают реальность исходной реконструкции основ этих глаголов в нахском языке-основе:

р. исх. рек.	р. исх. рек.	р. исх. рек.
<i>ах...</i> ,	<i>лах...</i> ,	<i>лац...</i>

(в период распада этого языка).

В современных нахских языках представлены следующие формы только что прошедшего времени от глагола «сказать» — бацб. *алъ-и*, чеч. *эли* (чеберловск. *ал-и*), инг.—; недавнопрош. времени — бацб. *алъ-и-н(а)* и *аилънас* — «сказал я», *аилъна-хъ* — «сказал ты»; чеч. *аьлла*, акк. *аьлна*, инг. *аьннад*. Учитывая звуковые соответствия и другие указанные моменты в совокупности, удастся доказать реальность относительной реконструкции разных ступеней форм рассматриваемых времен в бацбийском, чеченском, ингушском языках (см. стр. 167).

Гипотетическая реконструкция

Гипотетическая реконструкция может быть исходной и относительной.

Если при реконструкции не удастся установить звуковые соответствия, показать общность материальных элементов исследуемого факта, дать последовательный анализ изменений в структуре изучаемых фактов, доказать их непрерывную взаимозависимую и взаимообусловленную связь, то реконструкцию приходится считать гипотетической.

Например, ряд кавказоведов считает, что бацб. *докI*, чеч., инг. *ду-ог* — «сердце» восходят к даг. Однако пока что не удается доказать реальность этой реконструкции. Больше того, неясно, с какой реконструкцией мы имеем здесь дело — исходной или относительной и т. д.

Несмотря на все это, гипотетическая реконструкция нужна, она приносит определенную пользу. Ведь и гипотетическая реконструкция устанавливается на основании каких-то признаков, она отражает состояние наших знаний и заставляет искать правильного решения вопроса.

Задача исследователя состоит в том, чтобы любую гипотетическую реконструкцию превратить в реальную реконструкцию.

Что дает ступенчатая реконструкция

Ступенчатая реконструкция, рассматриваемая во всех изложенных выше формах, обладает следующими достоинствами:

1. Она позволяет во многих случаях с максимальной точностью проследить процесс исторического развития родственных языков.

2. Данные ступенчатой реконструкции максимально приближены к подлинным фактам истории развития языка.

3. Ступенчатая реконструкция, как правило, позволяет уточнить участок в «цепи» лингвистической непрерывности, где прерывается «цепь», прекращается функционирование какого-нибудь закона (фонетического, морфологического и т. д.), возникает новообразование и т. д.

4. Ступенчатая реконструкция в основном положительно решает проблему относительной хронологии, т. е. проблему последовательности

возникновения, функционирования, развития, видоизменения исторически засвидетельствованных языковых фактов.

5. Она позволяет выявить участки в «исторической цепи» лингвистической непрерывности, где не удается на основе данных рассматриваемой группы языков отразить реальный процесс развития родственных языков, вследствие чего приходится прибегать к гипотезе, к помощи других областей науки.

6. Она дает критерии для проведения демаркационной линии между явлениями, возникшими в диалекте, отдельном языке, языке-основе, а также для определения «участков» на «исторической цепи» лингвистической непрерывности, где возникали новые языковые явления, закономерности, выяснить причины, факторы, обусловившие появление этих новых явлений и закономерностей.

Применение ступенчатой реконструкции сильно осложняет приемы сравнительно-исторического метода, серьезными недостатками которого считались упрощенная прямолинейность, ограниченность специфических для каждого языкового факта и определенного периода развития языка методических приемов. Следовательно, ступенчатая реконструкция, учитывающая особенности каждого периода развития языка, фиксирующая своеобразие многосторонних связей каждого языкового факта в конкретных условиях его функционирования и развития, способствует устранению ряда существенных недостатков сравнительно-исторического метода.

Ступенчатая реконструкция особенно плодотворно может быть использована при сравнительно-историческом изучении диалектов и близкородственных языков. Во многих случаях она может гарантировать от всевозможных неточностей, ошибок при этимологических исследованиях (например, для уточнения того или иного периода развития языка, когда прерывается «нить» этимологии для последовательного анализа семантических преобразований, переосмысления лексических единиц и т. д.).

Ступенчатая реконструкция позволяет широко использовать в каждом конкретном случае данные других областей науки — литературоведения, истории, этнографии, археологии, фольклора и т. д.

Остановимся на характеристике практического применения всех форм ступенчатой реконструкции при сравнительно-историческом изучении близкородственных нахских языков. В качестве иллюстративного материала мы приводим главным образом данные нахских языков.

Мы пользуемся обратной ступенчатой реконструкцией. Это значит, что мы исходим из данных современных нахских языков и их диалектов и пытаемся шаг за шагом углубиться в их историю.

Следовательно, мы должны начать сравнительно-историческое изучение нахских языков с характеристики данных современных диалектов чеченского и ингушского языков. Бацбийский язык не распадается на диалекты и говоры. Чеченский язык, на котором говорят более 400 тыс. человек, дробится на ряд диалектов и на значительное количество говоров. В этом отношении ингушский язык, на котором говорит более 100 тыс. человек, существенно отличается от чеченского.

Рассмотрим наиболее значительные явления, сыгравшие важную роль в истории развития нахских языков. К числу таких явлений относится вторичное чередование. Данные говоров не показательны с точки зрения характеристики процессов, связанных с вторичным чередованием. Поэтому мы и начинаем свой анализ с диалектов.

Можно было бы начать наш анализ с говоров, если бы нужно было останавливаться на всех частных явлениях, расхождениях, представленных в них.

Например, в плоскостном диалекте представлены говоры, в которых мы находим различные фонетические варианты комплекса *ст* в начальном положении: в литер. (в ножай-Юртовском говоре) *стаг*, гойтинск. *таг*, в ачхой-мартановском говоре *саг* — «человек». Формы же *таг* и *саг* являются новообразованиями. Характерно, что форма *саг* бытует и в ингушском. Следовательно, она могла возникнуть как новообразование параллельно в ачхой-мартановском говоре и в ингушском языке. В то же время не исключена возможность употребления этой формы в ачхой-мартановском говоре под влиянием ингушского языка.

Таким образом, в данном случае ножай-юртовский говор отражает исходное (общечеченское) состояние. Гойтинск. *таг*, ачхой-март. *саг* восходят в *стаг*, т. е. *стаг* — форма, предшествовавшая реальной исходной реконструкции для гойтинского и ачхой-мартановского говоров. Как видно, эти частные факты не показательны для характеристики особенностей различных форм ступенчатой реконструкции.

В данной монографической работе, являющейся первой сравнительно-исторической грамматикой нахских языков, невозможно, и это естественно, дать детальный анализ всех фактов, наблюдаемых в нахских языках, их диалектах и говорах.

Более наглядные примеры для характеристики различных форм ступенчатой реконструкции дает вторичное чередование. Вторичное чередование представлено существенными различиями в трех диалектах чеченского языка — аккинском, плоскостном (легшем в основу литературного языка) и чеберловском. Это видно из следующих фактов: в рассматриваемых трех диалектах образование только что прошедшего и недавнопрошедшего времен изъявительного наклонения отличается следующими особенностями:

	только что прошедш. вр.		недавнопрошедш. вр.
чеберл. диал.	<i>а:л-и</i> — «только что сказал»	<i>а:л-и-н(а)</i> —	«недавно сказал»
	<i>дал-и</i> «только что дал»	<i>д-ал-и-н(а)</i> —	«недавно дал»
аккинск. диал.	<i>эл-и д-е ла</i> „	<i>аьлн-(а)-д</i> „	
	„	<i>делн-(а)-д</i> „	
плоскостн. диал.	<i>эли, дели</i> „	<i>аьлла</i> „	
	„	<i>д-елла</i> „	

Расхождения между этими формами станут более наглядными, если мы укажем на исходные формы основ:

чеберл. диал.	<i>масдар</i>	
	[<i>а:лар</i>] — «сказать»	
	<i>д-алар</i> — «дать»	
аккинск. диал.	[<i>а:ла-р</i>] „	
	<i>д-алар</i> „	
плоскостн. диал.	[<i>а:лар</i>] „	
	<i>д-алар</i> „	

В ингушском и бацбийском языках указанные основы представлены с теми же корневыми гласными: инг. [*а:лэр*], [*д-алар*], бацб. [*а:лъар*], [*д-алъар*].

В чеченских диалектах формы исходных основ двух глаголов [*а:л...*], *д-ал...* соответственно тождественны. Это генетическое тождество. Следовательно, масдарные формы этих глаголов не подверглись изменению в этих диалектах.

Таким образом, современная чеберловская форма [а:л-и] соответствует реальной исходной реконструкции формы этого времени в данном диалекте. Последняя в свою очередь соответствует реальной исходной реконструкции исходной общечеченской формы [а:л-и].

В итоге рассмотрения вопроса о видоизменении, преобразовании формы только что прошедшего времени в основных трех диалектах чеченского языка, начиная от современного состояния и кончая исходным общечеченским состоянием, мы приходим к следующим выводам:

	р. отн. рек. 1	→	р. отн. рек. 2	→	р. исх. рек.
аккинск.	[е:ла]		[а:-и-л]		[а:л-и]
	р. отн. рек. 1	→	р. отн. рек. 2	→	р. исх. рек.
плоскост.	[е:ли]/[е:ла]		[а:-и-л]		[а:л-и]
	р. исх. рек.				р. исх. рек.
чеберл.	[а:л-и]	→	[а:л-и]	→	[а:л-и]
	иначе				
акк. диал.	[е:ла]	→	[а:-и-л]	→	[а:л-и]
плоскост. диал.	[е:ли]/[е:ла]	→	[а:-и-л...]	→	[а:л-и]
чеберл. диал.	[а:л-и]	[а:л-и]
					общечеченское исходное состояние р. исх. рек. [а:ли]

В этой обратной ступенчатой реконструкции достаточно точно и последовательно показан процесс развития преобразования форм только что прошедшего времени в трех диалектах. Здесь каждая формула отражает определенное состояние рассматриваемого явления — или частичное или полное тождество того или иного факта в один и тот же период в разных диалектах или же, в одном и том же диалекте в разные периоды.

Одна формула вытекает из другой. В самом деле: акк. [е:ла] показывает, что в современном аккинск. диалекте представлен лишь один фонетический вариант этой формы. Она реальная, она бытует в современном языке. Она относительная: этим вариантом не кончается, не завершается развитие, видоизменение этой формы, вместе с тем она не является исходной для данного диалекта. Сокращение р. отн. рек. означает «реальная относительная реконструкция», единица над этим сокращением показывает, что мы имеем дело с первой от начала анализа (т. е. от современного состояния формой данного времени, возникшей из следующей — второй по обратной ступенчатой реконструкции, но по прямой ступенчатой реконструкции она была бы последней). Акк. р. отн. рек. 2

[а:-и-л...] — также реальная реконструкция. Это доказывается следующими фактами: а) вторичным чередованием гласных основ, первым этапом, фазой которого является вставка аффиксального [и] внутрь основы (в данном случае); б) наличием в бацбийском языке вариантов глагольных форм, характеризующих первую фазу (или первый этап) вторичного чередования: [а:лъ-и-на]/[а:лъ-и-но] и [а:-и-лъ-на-с] — «недавно сказал я» и т. д.

Вместе с тем данная реконструкция относительная. Она занимает определенное место между исходной и конечной формами, находясь с последними в определенных отношениях и характеризуя конкретную ступень развития, преобразования исходной формы. Цифра 2 показывает,

что из данной формы возникла непосредственно следующая, т.е. первая форма, с одной стороны, между первой и исходной формами не было другой промежуточной формы,— с другой. Установление этого факта имеет большое значение для точной характеристики исторического про-

р. исх. рек.
 цесса развития, преобразования анализируемого явления. [а:л-и]—данная исходная форма совпадает во всех трех диалектах, а также с исходной общечеченской формой. Таким образом, во всех этих случаях устанавливается полное генетическое тождество рассматриваемых фактов. Существенное методологическое и методическое значение имеет определение данной формы как реальной исходной реконструкции для установления того несомненного факта, что другой разновидности этой формы не было.

Как видно из приведенной выше схемы, в чеберлоевском диалекте исходная форма [а:л-и] не подверглась изменениям. Установление этого факта также важно для выявления разных темпов, специфических закономерностей исторического развития и видоизменения рассматриваемого явления.

В качестве иллюстративного материала, характеризующего особенности каждой формы обратной ступенчатой реконструкции, нами использованы очень элементарные, но надежные факты, относящиеся главным образом к диалектам чеченского языка. Значительно более сложные случаи могут наблюдаться не только в языках с отдаленным родством, но и в языках близкородственных. Так, например, в современных нахских языках мы находим следующие разновидности формы недавнопрошедшего времени: бацб. [а:л̄-и-на]/[а:л̄-и-но (а:-и-л̄-н-а-с)]; чеч. [аьлла], акк. [ал̄н-д̄], инг. [аьнна-д̄], чеберл. [а:л-и-на]—«недавно сказал».

Как видно из приведенных примеров, исходная гласная фонема основы [а:] сохраняется только в бацбийском [а:л̄-и-на] языке и чеберлоевском диалекте чеченского языка [а:л-и-на]—«недавно сказал». Но в чеченском литературном: [аьлла] → [аьлн-а] → [аьлн-да] → [а-и-л-н-д-а] → [а:л-и-н да]; в аккинском диалекте: [аьлна-д̄] → [а:-и-лн-да] → [а:-л-и-н д-а]; в ингушском: аьннад̄ → [а:-и-лн д-а] → [а:л-и-н д-а].

Рассматриваемая форма исторически восходит к причастию прош. времени от основы чеч., инг. [а:л...], бацб. [а:л̄-] и связке д-а; современная бацбийская форма [а:л̄ина], восходящая к [а:л̄ин д-а], не подверглась дальнейшему видоизменению. Что исходной для общенахской являлась аналитическая форма сказуемого (или относительная форма недавнопрошедшего времени) [а:л̄ин д-а], показывают данные ингушского языка и аккинского диалекта чеченского языка: инг. [аьнна-д̄], акк. [аьлн-д̄] имеют в конце переменные классные показатели, входившие в состав связки, слившейся с причастием. Таким образом, отдельные нахские языки дают нам следующие разновидности обратной ступенчатой реконструкции:

	р. отн. рек. 1		р. отн. рек. 2		р. абс. рек.
бацб.	[а:и-л̄-на-с]	→	[а:л̄-и-на]	→	а:л̄-и-н да
	р. отн. рек. 1	р. отн. рек. 2	р. отн. рек. 3	р. отн. рек. 4	р. абс. рек.
чеч.	аьлла аьлли	→ аьл-н-а	→ аьл-н-д-а	→ а:-и-л-н д-а	→ а:л-и-н д-а
	р. отн. рек. 1		р. отн. рек. 2		р. абс. рек.
инг.	аьнна-д̄ аьл-н-да		[а:-и-л-н да]		[а:-л-и-н д-а]

На основании реальных исходных реконструкций в отдельных языках должна быть восстановлена исходная форма общенахского языка-основы: бацб. [а:л-ѳ-и-н д-а], чеч., инг. [а:л-и-н-д-а].

Реальные исходные реконструкции в чеченском и ингушском дают полное «генетическое» тождество. Следовательно, правомерно сравнивать бацб. [а:лъ-и-н д-а] с чеч., инг. [а:л-и-н д-а]. Для восстановления реального общенахского архетипа мы не располагаем реальными достоверными, достаточно обоснованными данными. Поэтому пока что здесь речь может идти только о гипотетической исходной реконструкции:

	р. исх. рек.		общенахск. язык-основа
бацб.	[а:лъ-и-н д-а]		
	р. исх. рек.		*гип. исх. рек.
чеч., инг.	[а:л-и-н да]		[а:лъ-и-н-д-а]

При этом мы исходим из предположения, что в нахском языке-основе существовала латеральная фонема *лъ*, которая под воздействием неполной регрессивной ассимиляции превратилась в чеченском и ингушском в сонант *л*: чеч. *аьлла аьлн... аилъ...*, инг. *аьнн... аьлн... аилън...* и т. д.

Гипотетическую реконструкцию мы даем со звездочкой в отличие от реальной реконструкции. Следовательно, «гип. исх. рек.» означает гипотетическая исходная реконструкция.

Исходную реконструкцию можно было бы назвать реконструкцией исходной формы диалекта, языка, языка-основы, т. е. формой, показывающей начало развития языкового факта в данном диалекте, языке и т. д., а относительную реконструкцию — реконструкцией промежуточных форм в пределах диалекта, языка, языка-основы.

Восстановление промежуточных форм через посредство обратной ступенчатой реконструкции, трудный, но наиболее надежный путь выявления основных закономерностей исторического развития структуры и структурных элементов родственных бесписьменных и младописьменных языков. Таким же путем можно исследовать и дописьменный период развития старописьменных языков, привлекая данные не только всех разделов языкознания, но и других областей науки (этнографии, археологии, истории и т. д.).

Используемые нами приемы далеко не всегда дают желаемые результаты. Они имеют свои недостатки, обусловленные прежде всего ограниченностью фактического материала. Так, чеч., инг. *дуог*, бацб. *докI* — «сердце» имеет исходную основу с гласным *а*. Такая основа представлена в некоторых косвенных падежах (дат., эрг. и т. д.). Но мы не знаем точно, как эта основа преобразовалась и приняла современные формы. Поэтому при восстановлении исходной общенахской формы этого слова в большинстве случаев приходится иметь дело с формами гипотетической реконструкции чеч. *дуог* (им. п.), *дагна* (дат. п.), *дагуо* (эрг. п.); бацб. *докI* (им. п.), *дакIв* (эрг. п.). Предполагается, что начальный *д* — окаменелый классный показатель, что конечный *г* дал в бацб. *кI*. Кроме того, есть основание полагать, что корневой *г* был лабиализованным звуком. Исходя из всего этого, можно предложить следующие формы реконструкции:

	р. отн. рек. 1		р. отн. рек. 2		*гип. исх. рек.
чеч.	<i>дуог</i> → <i>дог</i>	→	<i>даг...</i>	→	<i>дагв...</i>
	р. отн. рек. 1		р. отн. рек. 2		*гип. исх. рек.
бацб.	<i>докI</i> → <i>дакI</i>	→	<i>дакIв...</i>	→	<i>дагв...</i>

В данной работе мы лишены возможности широко использовать новые формы реконструкции. Они нуждаются в более обстоятельном специальном освещении и характеристике. К различным новым формам реконструкции мы прибегаем лишь в отдельных необходимых случаях.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ МЕТОДОВ СТАТИЧЕСКОГО (СИХРОННОГО) АНАЛИЗА СТРУКТУРЫ ЯЗЫКА В СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

В данной работе использованы (по мере возможности и необходимости) разработанные и примененные нами при монографическом описании башбийского, будухского, хиналугского бесписьменных языков методы статического (синхронного) исследования языковой структуры. Известно, что указанные языки впервые монографически были исследованы пишущим эти строки. Монография «Будухский язык» еще не опубликована.

Более или менее детальное монографическое исследование совершенно неизученного языка (к тому же бесписьменного) невозможно без применения тех или иных приемов анализа языкового материала. Здесь перед исследователем встают большие трудности, с которыми не приходится иметь дело специалистам по литературным языкам.

Методы статического (синхронного) анализа структуры языка выполняют роль частных дополнительных, вспомогательных приемов при сравнительно-исторических исследованиях. Основными остаются приемы сравнительно-исторического метода.

Методы статического анализа структуры языка, которыми мы пользовались при описании упомянутых выше языков, еще не изданы. Они будут опубликованы в подготавливаемой нами брошюре «Традиционные методы синхронного анализа структуры современного языка и их отношение к методам структурной лингвистики».

Основными из примененных нами методов являются:

1. Метод анализа фонологической системы языка.
2. Метод анализа конститутивных элементов языкового факта.
3. Метод анализа сочетаемости языковых элементов.
4. Метод функционального анализа языковых фактов.
5. Метод исследования взаимообусловленной зависимой связи и соотношения между грамматической формой и грамматической категорией.
6. Метод анализа структур языковых единиц.
7. Метод анализа функциональной обратимости языковых единиц и конструкций.
8. Метод анализа парадигматических систем языка.
9. Метод анализа словоизменительных и словообразовательных элементов.
10. Метод исследования семантических процессов.
11. Метод разграничения исконных и заимствованных элементов в структуре языка.
12. Метод исследования условий и путей формирования языковых фактов (фонем, аффиксов, именных и глагольных форм, грамматических категорий, типов словосочетаний, предложений и т. п.).

Работа над данным трудом показала, что для сравнительно-исторических исследований более ценными являются методы 1, 3, 5, 6, 11, 12.

Некоторые из перечисленных выше методических приемов мы использовали при исследовании фонетики современного литературного чеченского языка.

Здесь невозможно более подробно останавливаться на характеристике изложенных методов. Поэтому ограничимся рассмотрением некоторых фактов, сравнительно-историческое изучение которых облегчили указанные методы статического анализа структуры языка.

Анализ фонологической системы любого кавказского языка связан с большими трудностями. Еще П. К. Услар писал: «Легче расслышать, как

трав. растет, по выражению скандинавских скальдов, чем послушать все видоизменения звуков горных «кавказских языков»¹.

Используя опыт П. К. Услара, Н. Ф. Яковлева и других исследователей нахских языков, мы уточнили фонологическую систему чеченского, бацбийского языков в синхронном плане. При этом мы подробно анализировали дифференциальные признаки каждой фонемы, разграничивая «основную» и «дополнительные» артикуляции. Здесь, конечно, не может быть и речи о механическом сочетании, сложении разнородных артикуляций.

Так, путем осложнения основной артикуляции заднеязычного смычного *к* образуются, например, смычно-гортанный *кГ*, геминированный *кк*. Таким образом, осложнение артикуляции заднеязычного смычного *к* абруптивностью или геминацией носит фонематический характер. Между тем осложнения указанной основной артикуляции придыхательностью не носит фонематического характера. Разграничение таких явлений в синхронном плане имело существенное значение для сравнительно-исторического освещения процесса фонемообразования в нахских языках. Установленная таким образом фонологическая система легла в основу исторического и сравнительно-исторического изучения фонологических систем чеченского, ингушского и бацбийского языков.

Путем применения метода анализа сочетаемости языковых элементов выясняется сочетаемость различных звуков, слогов в разных позициях, слов, словосочетаний, предложений разных типов. Так, этот метод помог установить: невозможность употребления *р* в начале исконного слова или после согласного в начальном положении, отсутствие в современных нахских языках словосочетаний атрибутивного типа с именем существительным в эргативном падеже (если оно не выступает в функции подлежащего) и т. д.

Так называемый метод непосредственно составляющих (*НС*) является частным случаем применения метода анализа сочетаемости языковых элементов.

Полезным для сравнительно-исторических исследований оказался и метод анализа обратимости языковых единиц. Так, например, в чеченском языке содержание предложения типа *со болх беш ву* — «я работаю» может быть передано конструкциями *аса болх буо*, *аса болх беш бу*.

Так называемый трансформационный метод является частным случаем применения метода анализа функциональной обратимости языковых единиц и конструкций.

При применении обратной ступенчатой реконструкции полезными оказались не только рассмотренные методы статического анализа структуры современного языка, но и метод для исторического анализа языковых фактов, относящихся главным образом к сравнительно недалекому прошлому.

¹ П. К. Услар. Чеченский язык. Тифлис, 1888, стр. 10 первой пагинации.

**СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКАЯ ГРАММАТИКА
НАХСКИХ ЯЗЫКОВ**

ФОНОЛОГИЧЕСКАЯ СИСТЕМА НАХСКИХ ЯЗЫКОВ

Общие замечания

О фонеме. Здесь прежде всего нам хотелось бы отметить, что под фонемой мы разумеем самостоятельный звук, различающий слова и формы слов во всех случаях, где данная фонема не повторяется (как например, в омонимах, в составе морфем разного значения и различного происхождения). Такой звук должен обладать своей особой материальной природой (особым звучанием, обусловленным одним или несколькими физическими признаками — особенности артикуляции, воздушной струи и т. д.). Таким образом, любая фонема в фонологической системе языка должна отличаться одним или несколькими признаками своей физической природы от всех остальных фонем, независимо от позиционных (комбинаторных условий). Например, в чеченском краткая [a] по своей материальной, физической природе отличается от всех остальных фонем всегда, в любой позиции. То же самое следует сказать и об остальных фонемах, выделяемых нами. Такой признак или такие признаки, которые используются носителями данного языка для выделения рассматриваемого звука, его противопоставления всем остальным фонемам в конкретной фонологической системе и различения слов и их форм, мы называем фонемообразующими. Возможность наличия одного или нескольких специфических фонемообразующих признаков у любой фонемы показывает, что необходимо, чтобы в каждой фонологической системе все фонемы были попарно противопоставлены на основании двух противоположных фонемообразующих признаков (звонкость — глухость, открытость — закрытость, долгота — краткость и т. д.). Так, в чеченском языке фонема [o:] противопоставляется по признаку долготы и краткости краткому открытому [õ] и краткому закрытому [ō], но недолгому открытому [o:] или долгому закрытому [o], которые отсутствуют в чеченском. Долгая фонема [o:] в разных условиях совмещает в себе признаки открытости и закрытости: [d̄o:ɣla] — «идет», но [b̄lo:ɣlam] — «столб». Таким образом, фонема [o:] противопоставляется краткой открытой [õ] и краткой закрытой [ō] по признаку долготы, но не по признакам открытости и закрытости.

С другой стороны, чеченский язык заимствовал из русского фрикативную губно-зубную глухую [ɸ] и противопоставил ее фонематически губно-губной сонорной [w]. Что же касается губно-зубной щелевой звонкой [β], проникшей в чеченский язык в составе русских заимствованных слов, то она воспринимается чеченцами как билабиальный звук [w], свойственный их родному языку: *ваша* [washa] — «брат» и *вагон* [wagyon] — «вагон».

Вместе с тем наличие одного или нескольких отличительных физических (материальных) признаков у того или иного звука недостаточно

для выделения фонемы. В каждой новой позиции под воздействием соседних звуков, ударения и т. д. физическая (материальная) природа фонемы, т. е. ее звучание, артикуляторные качественные и количественные особенности могут осложняться дополнительными признаками, которые не играют фонологической роли (т. е. не являются фонематическими признаками). Например, в чеченском языке фонема [a:] в слове [va:xa] — «живи» осложняется дополнительным признаком лабиализации под влиянием предшествующего сонанта [w]. Но этот дополнительный признак не является фонематическим.

Для объективной лингвистической характеристики фонемы, фонологической системы языка не имеет никакого значения, как мы будем называть специфические для каждой фонемы физические признаки (или признак) дифференциальными, бинарными, дихотомическими.

Из такого понимания фонемы мы исходим, определяя фонологическую систему каждого из нахских языков в различные периоды их развития и функционирования.

Совокупность фонем в данный период функционирования того или иного языка образует его фонологическую систему. Фонологическая система любого языка — историческая категория. Нет раз навсегда данной фонологической системы языка. Состав фонем любого языка изменяется в разные периоды развития языка. Поэтому нельзя говорить о фонологической системе того или иного языка вообще. Можно лишь говорить о фонологической системе конкретного языка в определенный период его существования и функционирования.

ОБЩИЕ СВЕДЕНИЯ О НАХСКОМ ВОКАЛИЗМЕ

Наиболее своеобразной чертой нахских языков в области фонетики, отличающей их от всех остальных горских иберийско-кавказских языков, является весьма сложная система гласных. Сами нахские языки даже значительно различаются по количеству гласных фонем. В бацбийском языке есть носовые гласные вторичного происхождения. Их нет в ингушском и чеченском. Правда, в чеченском обнаруживается слегка уловимая тенденция назализации гласных в определенной позиции. Эта тенденция не привела к возникновению носовых гласных фонем.

По количеству дифтонгов бацбийский и ингушский языки уступают чеченскому. В чеченском различаются гласные широкие (открытые) и узкие (закрытые).

В нахских языках гласные противопоставляются (фонематически) по долготе и краткости.

Все это привело к резкому увеличению гласных в нахских языках, особенно в чеченском. Всего в современном чеченском языке более 30 гласных фонем. К ним относятся следующие гласные звуки:

[a:], [a], [ã], [aʙ], [u:], [u], [e||э:], [e||э], [o:], [o], [õ]; [y:] [yʙ:]; [yʙ]; [au], [ay], [ий], [ue:], [ue], [eu], [ou], [ou], [yo:], [yo], [yob:]; [yob]; [yu]; [ovyb]; [yoy], [yoy:], [yoyi], [uei]¹. Между тем в существующий алфавит чеченского литературного языка, разработанный под руководством проф. Н. Ф. Яковлева, включено всего тринадцать особых знаков для обозначения гласных².

В современном ингушском языке представлены гласные фонемы: [a:], [a], [ã], [u:], [aʙ:], [aʙ] [e||э:], [e||э], [o:], [o], [õ]; [y:], [y];

¹ Ю. Д. Дешериев. Фонетика современного чеченского литературного языка».

² «Чеченский и ингушский алфавиты на русской основе и орфографии». Грозный, 1938.

[yь:], [yь], [au], [ay], [ий], [ue:], [ue], [eu], [ou], [oy], [yo:], [yo], [yов:], [yов], [yu], [oa], [ov||ow], [yв||yw], [ив||iw]. Работы доцента Д. Д. Мальсагова «Чечено-ингушская диалектология»¹, Н. Ф. Яковлева, З. К. Мальсагова и др., а также наши собственные наблюдения над фонетикой ингушского языка позволили нам выделить приводимые фонемы ингушского языка. Тем не менее в ингушском алфавите, разработанном под руководством проф. Н. Ф. Яковлева, находим всего лишь одиннадцать особых знаков для обозначения гласных фонем: *a(a)*, *e(э)*, *o(yo)*, *y*, *u(ий)*, *ue*, *yo*, *аь*².

В бесписьменном бацбийском языке нами выявлены следующие гласные фонемы: монофтонги — [a], [o], [u], [u:], [e(э)], [y]; дифтонги — [ue], [eu], [au], [ou], [yu]; носовые — [ā], [ō], [ū], [ū:], [āu], [ōu] [yū]³.

Поскольку в научной литературе отсутствует обстоятельное исследование вокализма чеченского и ингушского языков, необходимо предпослать историческому и сравнительно-историческому освещению фонетики этих языков характеристику системы фонем в каждом из них в синхронном плане. Такая характеристика должна явиться основой анализа исторического развития звукового состава нахских языков.

В чеченском языке представлено наибольшее количество гласных фонем. Поэтому целесообразно исходить из синхронной характеристики системы фонем в чеченском языке⁴, параллельно привлекая данные ингушского и бацбийского языков, рассматриваемые как в синхронном, так и в историческом плане.

Общая характеристика вокализма в чеченском и ингушском языках

Обилие гласных фонем в современных чеченском и ингушском литературных языках обусловлено:

- 1) фонематическим противопоставлением гласных по долготе и краткости;
- 2) широким употреблением *y(w)* в качестве одного из составных элементов многих дифтонгов;
- 3) участием *u(й)* в образовании целого ряда дифтонгов;
- 4) фонематическим противопоставлением открытых (широких) и закрытых (узких) гласных;
- 5) образованием монофтонгов и дифтонгов переднего ряда;
- 6) тенденцией дифтонгизации монофтонгов.

Фонематическое противопоставление гласных по признакам долготы и краткости, по-видимому, — древнейшее явление в нахских языках. Такое утверждение основано на следующих фактах: а) долгие и краткие гласные фонематически противопоставляются во всех нахских языках: бацбийск. [ва:х(а)!], ингуш. [ва:ха!], чеченск. [ва:ха!]⁵ — «живи» (о мужчине). Но бацбийск. [ваха!], ингуш. вэха!, чеченск. веха! — «опьяни!» и т. д.; б) долгие и краткие обычно фонематически противопоставляются в общенахских словах (например, вышеприведенные слова).

Процесс образования новых звуков путем фонематического противопоставления признаков долготы и краткости после дифференциации

¹ Д. Д. Мальсагов. Чечено-ингушская диалектология. Грозный. 1940.

² «Чеченский и ингушский алфавиты на русской основе и орфографии». Грозный, 1940.

³ Ю. Д. Дешериев. Бацбийский язык. М., 1953, стр. 14.

⁴ В данной работе мы используем материалы и некоторые основные положения нашего труда «Фонетика чеченского литературного языка».

нахских языков не получил дальнейшего развития в бацбийском, а в ингушском он не был использован так широко, как в чеченском. В эпоху самостоятельного развития чеченского и ингушского языков в них продолжал действовать процесс образования новых звуков путем фонематического противопоставления признаков долготы и краткости. В этом процессе для образования новых фонем были использованы факторы фонематического и морфологического характера. С факторами фонематического характера связано образование долгих фонем в условиях сращения однотипных или разнотипных фонем в определенной позиции. Например, *йеани*||*йеана*||*йара* (дословно—«пришедшая была») — описательная конструкция сказуемого, выражая семантику одного члена предложения, под влиянием ударения и фонетических процессов, превратилась в одно слово с одним главным словесным ударением и дала форму *йеаниера* (<*йеанайара*||*йеанийара*). Так образовался долгий дифтонг (*йе:*), встречающийся в глагольной форме давнопрошедшего времени.

Образование морфологической категории повторяемости, длительности действия, выражаемого причастно-деепричастной формой, обусловило появление долгой фонемы [a:] в указанных формах [*лие:ла:ш*] (<*лие:лаш-лие:лаш* — дословно «похаживая-похаживая»); *иза базарахъ* [*лие:ла:ш*] *тхуна* *Телоттавелира* — «он на базаре похаживая-похаживая наткнулся на нас».

Рассматриваемая форма встречается только в чеченском, ее нет в бацбийском и ингушском языках. Во всех трех языках ей противостоит форма типа [*лие:лаш*] с краткой фонемой [a] в последнем слоге. Значение этой формы «когда хаживаю», «похаживая». Семантические оттенки двух форм [*лие:ла:ш*] невозможно точно передать средствами русского языка, поскольку в русском языке нет глагольных форм с такими значениями.

В чеченском языке эти две формы могут быть образованы от любого глагола:

[a:]	[a]
[воб:да:ш] — уходя	[воб:даш]
[во:га:ш] — приходя	[во:гаш]
[вие:за:ш] — любя	[вие:заш]
[о:ха:ш] — паша	[о:хаш]
[уьда:ш] — бегая	[уьдаш]
и т. д.	и т. д.

Причастно-деепричастная форма типа [о:ха:ш] возникла в чеченском, по-видимому, уже после дифференциации нахских языков.

Сонант [w//y]. Ни в одном из нахских языков так широко не используется *y(w)*, как в чеченском, в качестве одного из двух элементов составляющих ряд дифтонгов и трифтонгов: *ау*, *оу*, *уо*, *уи*, *уов*, [*уов:*], *уоу*, [*уои:*]. Кроме того, следует иметь в виду, что основная артикуляция, характерная для *y(w)*, имеет двойственную природу. При произнесении сонанта *v(w)* губы более сильно напряжены, округлены и вытянуты, чем при образовании лабиализованных гласных, воздушная струя более сильная, чем при произнесении лабиализованных гласных. В силу указанных своих особенностей сонант *v(w)* произносится в быстром темпе. В результате ослабления этих особенностей сонанта *v(w)*, т. е. почти полной утраты напряжения губ, незначительного вытягивания и округления губ, слабой воздушной струи, спокойного и замедленного произнесения — возникает очень краткий и слабозвучающий гласный, близкий

к очень краткому сильно лабиализованному гласному звуку [y]. Этот звук и входит в состав чеченских сильно лабиализованных дифтонгов.

По данным нахских языков, процесс ослабления указанных особенностей сонанта $v(w)$, сопровождавшийся образованием сильно лабиализованного краткого звука [y], который поглощался соседними гласными в определенных фонетических условиях, по-видимому, в основном был завершен в эпоху распада нахского языка-основы. В чеченском языке тенденции фонетических изменений, обусловленные этим процессом, продолжали действовать и в период его самостоятельного развития. Под действием этих тенденций и образовались, вероятно, долгие лабиализованные чеченские монофтонги и дифтонги, отсутствующие в бацбийском и ингушском языках.

Происхождение значительной части чеченских лабиализованных монофтонгов и дифтонгов представляет большой теоретический интерес для всей семьи иберийско-кавказских языков. С данным вопросом связана проблема лабиализованных согласных. Лабиализованные согласные существуют почти во всех горских кавказских языках. Их нет или почти нет в нахских языках. Если лабиализованные согласные являются исконными для иберийско-кавказских языков, то они должны были существовать или по крайней мере сохранить какие-то следы в нахском языке-основе.

Существует однако и другая точка зрения, которая утверждает, что лабиализованные согласные — вторичные — позднее явление в ряде горских иберийско-кавказских языков. Эта точка зрения поддерживается данными современных нахских языков, в которых почти нет лабиализованных согласных, но в них наличествует много лабиализованных монофтонгов и дифтонгов, отсутствующих в остальных горских кавказских языках и порожденных, несомненно, теми тенденциями развития фонетической системы указанных языков, которые (тенденции) связаны своими корнями с лабиализованными согласными, встречающимися в дагестанских и абхазо-адыгских языках. Без выяснения исторического взаимоотношения между нахскими лабиализованными монофтонгами и дифтонгами, с одной стороны, и лабиализованными согласными в абхазо-адыгских и дагестанских языках, с другой — нельзя решить вопрос о фонематической системе языка-основы горских иберийско-кавказских языков.

Вот почему так осторожно приходится ставить вопрос о происхождении и природе лабиализованных монофтонгов и дифтонгов в нахских языках. Наше вышеизложенное рассуждение относительно происхождения чеченских лабиализованных дифтонгов, одним из составных элементов которых является краткий сильно лабиализованный $y(w)$, в сущности говоря, исходит из допущения существования в нахских языках лабиализованных согласных. Это рассуждение не учитывает должным образом возможность того, что в нахском языке-основе могли и не существовать лабиализованные согласные. В такой постановке вопроса нет ничего противоречивого с точки зрения фонематической системы нахских языков.

Дело в том, что природа звука (w), который может варьировать то как сонант, то как очень краткий лабиализованный [y] и с которым связано происхождение как значительной части нахских лабиализованных гласных, с одной стороны, и абхазо-адыгских и дагестанских лабиализованных согласных — с другой, такова, что он, утрачивая самостоятельность фонемы в соответствующих фонетических условиях, может примыкать в качестве дополнительного признака к гласному и согласному звуку. В первом случае возникают различные типы лабиализованных глас-

ных, а во втором случае — лабиализованные согласные. Эти два процесса, связанные с одним и тем же исходным материалом, могли получить параллельное развитие.

При такой постановке вопроса нет основания допускать существование лабиализованных согласных в языке-основе горских иберийско-кавказских языков. Из данного рассуждения следует, что абхазо-адыгские и дагестанские лабиализованные согласные и нахские лабиализованные гласные — вторичные явления, возникшие в эпоху обособленного развития указанных групп языков.

Существование вышеизложенных двух точек зрения относительно происхождения лабиализованных согласных в горских кавказских языках свидетельствует о том, что нет еще окончательного, основанного на строго научном доказательстве, решения данной проблемы. Выяснение происхождения чеченских лабиализованных гласных должно способствовать окончательному решению проблемы генезиса лабиализованных согласных в абхазо-адыгских и дагестанских языках. И, наоборот, объяснение возникновения лабиализованных согласных в указанных языках поможет решить вопрос о происхождении значительной части нахских лабиализованных гласных фонем.

Сонант [й]. Вторым звуком, имеющим двойственную природу и занимающим особое место в фонематической системе чеченского языка является (й)¹. Данный звук так же, как и у(w), способствовал образованию значительного количества дифтонгов в чеченском языке: [au], [ui], [ou], [yu] и трифтонгов [you] и [ueu]. Сонант [й], не являющийся классным показателем, в положении после гласного в середине и конце слова обычно сливается с гласным, образуя дифтонг или трифтонг. Несмотря на все это, влияние [u//й] на развитие фонетической системы чеченского языка (и вообще нахских языков) было менее значительным, чем влияние у(w).

Фонематическое противопоставление открытых (широких) и закрытых (узких) звуков в чеченском и ингушском языках, по-видимому, относительно недавнего происхождения. Во всяком случае мы пока что не находим никаких данных, свидетельствующих о существовании такого противопоставления в нахском языке-основе.

В современном чеченском и ингушском языках мы обнаруживали две пары звуков, фонематически противопоставляемых по признакам открытости и закрытости, а именно открытая (широкая) краткая фонема [a] и закрытая (узкая) краткая фонема [a], с одной стороны, и открытая (широкая) фонема [o] и закрытая (узкая) фонема [o] — с другой. Эти фонемы встречаются редко. Они оказали весьма незначительное влияние на развитие фонетической системы чеченского и ингушского языков.

В отличие от бацбийского, в ингушском и чеченском языках есть гласные переднего ряда. В чеченском языке таких фонем больше, чем в ингушском. К чеченским монофтонгам переднего ряда относятся [aь:], [aь], [yь:], [yь], [oь]. Данные, на основании которых можно с научной достоверностью объяснить происхождение гласных фонем переднего ряда в чеченском и ингушском языках, показывают, что указанные звуки образовались, во-первых, в результате дальнейшего развития таких исконного происхождения дифтонгических сочетаний, как [ou], [yu], [au], [ae] и т. д.; во-вторых, развертыванию и расширению этого процесса способствовало сильное влияние тюркских языков.

¹ Во многих случаях трудно провести определенную границу между сонантом [й] и его гласным вариантом [i].

Тенденция к гармонии гласных, проявляющаяся в чеченском и ингушском языках, не только продукт внутреннего развития, но и, по-видимому, результат влияния тюркских языков.

Пожалуй, ни в одном из горских иберийско-кавказских языков тенденция дифтонгизации монофтонгов не проявляется в такой степени, как в чеченском. В этом отношении даже бацбийский и ингушский языки уступают чеченскому. В чеченском литературном языке мы выделяем всего 13 фонем-дифтонгов: [ai], [au], [iɨ], [ue:], [ue]; [ei], [oi]; [oy]; [yo:], [yo], [yi], [iy], [ey], не говоря уже о трифтонгах. В образовании этих дифтонгов участвуют почти все монофтонги. Правда, образование большинства дифтонгов связано с двумя звуками *y(w)*, *i(i)*.

Характеристика гласных фонем, передаваемых в чеченском и ингушском литературных языках через букву „а“

В чеченском алфавите, как мы уже отмечали, через букву *а* обозначают три фонемы: долгую [a:], краткую закрытую [a] и открытую (широкую) [a]. Вариантом краткой закрытой фонемы служит редуцированный или беглый звук [a], обычно встречающийся в конце слов.

Из перечисленных здесь фонем еще П. К. Услару¹ были известны две [a:], [a]. Эти звуки, как особые фонемы, отмечены в советской литературе². Указанные фонемы, часто встречающиеся в литературе и живой речи, легко выделить по их резко очерченным фонематическим признакам (долгота, краткость, передний ряд).

Долгая фонема [a:]—гласная долгая открытая фонема заднего ряда нижнего подъема. В чеченском языке нет противостоящего ей закрытого долгого гласного.

Фонема [a:] встречается во всех позициях в составе слова: в начале слова — [a:xa] — «паша!», [a:la] — «скажи!», [a:ga] — «люлька», [a:tar] — «дробление»; в середине слова — [da:xa] — «живи!», [da:kʷa] — «честь, доля», [xʷa:ʃa] — «гость», [ma:xa] — «игла», [ga:za] — «коза», в конце слова — [sa:] — «прибыль», [ʃa:] — «сам».

Долгая фонема (a:) фонематически противопоставляется краткой [a]:

[a:sa] — ремень	[asa] — я
[xʷa:ʃa] — гость	[xʷaʃa] — растопчи
[sa:] — прибыль	[sa] — душа
[ʃa:] — сам	[ʃa] — лед.

Для краткости изложения мы не приводим аналогичных примеров из ингушского.

В чеченском и ингушском языках встречается долгая фонема [a:] первичного и вторичного происхождения. Во-первых, [a:] первичного происхождения, которая встречается в корнях слов,—исконного происхождения. По-видимому, [a:] такого типа—древнейшего происхождения. Она встречается во всех нахских языках: ингушск. [va:xa], бацб. [va:xa] — «живи» (но ингуш. [vaɣa], бацб. [vaɣa] — «опьяни») и т. д. Очевидно, долгая фонема этого типа широко была распространена в нахском языке-основе. Она почти всегда встречается в составе корня, обычно стоит под ударением.

Под влиянием закона исторических чередований гласных в корнях фонема [a:] может переходить в чеченском в [e:], [o:], [aʷ]: [va:xa] — «жи-

¹ П. К. Услар. Чеченский язык, Тифлис, 1888.

² Н. Ф. Яковлев. Морфология чеченского языка. Труды ЧИ НИИИЯЛ. Грозный, 1959.

ви!», [ве:хира] — «жил» (очевидное время), [ваьхние:ра] (давнопр. вр.); [а:ха] — «паши!», [о:ху] (наст. время). В ингушск. [а:] чаще всего переходит в [оа:], [оь:] и [аь]:[да:ха] — «живи», но [доа:х] — «живет» (ср. чеч. [де:ха] и бацб. [да:хо]); [а:ла] — «скажи», но [оа:л] — «говорит» (ср. чеч. [о:лу], бацб. [а:лџо]); инг. [аьннад] — «сказал», [аь:хар] — «вспахал» и др. В бацбийском монофтонг [а:] может переходить только в дифтонг [аи]: [а:лџа] — «скажи», но [аилџнас] — «я сказал».

Долгая [а:] вторичного происхождения встречается в системе склонения и спряжения в качестве показателя различных грамматических категорий. Так, например, долгая [а:] служит формантом падежа, показывающего направление движения в сторону кого-нибудь (чего-нибудь): *иза станцехь ву* — «он на станции находится», но *иза [станцихья:]* < [**станцигахья*] *воьду* — «он в сторону станции идет». В этом примере фонема [а:] — результат компенсации краткой [а] из состава утраченного слога [га]. Как это часто наблюдается в чеченском языке, здесь выпадение *г* сопровождалось стяжением двух [а], давших [а:]. Такая форма может быть образована почти от всех имен существительных, местоимений и субстантивных прилагательных, причастий, порядковых числительных.

Долгая [а:] иного происхождения (но тоже вторичного происхождения) употребляется в составе форманта, образующего сослагательное наклонение: [вада] — «сбегай, побегии!», [вадахь] — «если побежишь», [вадахья:ра] — «если бы побежал». Сослагательная форма типа [вадахья:ра] может быть образована от любого глагола. Монофтонг [а:] вторичного образования встречается в качестве форманта дат. п. ед. ч. в ингушском: [хуо:ха:] — «луку» (растение), [хуо:ла:] — «стогу». История образования этого звука прерывистой долготы легко восстанавливается: [хуо:ха:] < *хуо:хана*, где в результате выпадения *н* происходит стяжение гласных (ср. в соврем. чеч. *хуо:хана* — «луку»).

Долгая [а:], входящая в состав окончания причастно-деепричастной формы, в чечен. наиболее позднего происхождения:

Вторичная сопроводительная причастно-деепричастная форма	Первичная общая причастно-деепричастная форма
[до:г а:ш] — идя	[до:г аш]
[лие:ла:ш] — похаживая	[лие:лаш]
[о:ха:ш] — паша, пахая	[о:хаш]
[вуоь:ла:ш] — смеясь	[вуоь:лаш]

Вторичная сопроводительная причастно-деепричастная форма, образуемая посредством долгой фонемы [а:], отсутствует в бацбийском и ингушском языках. Ингушский язык показывает путь образования в чеченском вторичной сопроводительной причастно-деепричастной формы, обычно обозначающей продолжительность, непрерывность действия. В этом случае ингушский язык чаще всего «пользуется простым удвоением деепричастия для выражения продолжительности и непрерывности действия: [вуо:даш — вуо:даш] — «идя», [дие:шаш — дие:шаш] — «читая», [оалаш — оалаш] — «говоря», [дувцаш — дувцаш] — «рассказывая»¹. Факты чеченского языка также свидетельствуют о том, что данная форма недавнего происхождения. Все это и позволяет утверждать, что дол-

¹ Д. Д. Мальсагов. Чечено-ингушская диалектология, стр. 49.

гая [a:], употребляемая во вторичной сопроводительной причастно-деепричастной форме, наиболее позднего образования.

Долгота фонемы [a:] не всегда зависит от ее положения в составе слова: [a:ca]—«ремень», [tla:pa]—«кисть руки», [oxa:ш] (вторичная сопроводительная причастно-деепричастная форма от глагола [o:xy]—«пашет»; от соседних звуков: [ба:жа]—«свояк», [ка:ра]—«перчатка», [ша:]—«сам», [схьада:]—«сюда неси»; от ударения: [tla:pa] (долгая a ударная), [o:xa:ш] (долгая [a:] неударная), [лаьтта:ш]—«стоя» (ударение падает на краткую аь).

Таким образом, долгая [a:] под влиянием ударения, соседних звуков не подвергается количественным и качественным изменениям.

Краткая открытая фонема [a]. [a]—краткая открытая гласная фонема заднего ряда нижнего подъема. Фонема [a], будучи краткой, фонематически противостоит долгой [a:]:

долгая [a:]	краткая открытая [a]
[ба:л(a)] — бремя	[ба̄л]— вишня
[ма:х(a)] — игла	[ма̄х] — цена

Монофтонг [a:], будучи открытым, фонематически противостоит закрытой [a]. Открытая [a] и закрытая краткая [a] являются гласными заднего ряда. Отличаются же они друг от друга по степени подъема задней части спинки языка к небу. Открытая краткая [a] произносится с меньшим подъемом задней части спинки языка к небу, чем закрытая краткая [a]. Таким образом, [a] и [a] по признаку открытости и закрытости фонематически противопоставляются:

Открытая [a]	Закрытая краткая [a]
[gIāш] — пешком	[gIaш] — листья
[да̄хкарх] — о прибытии	[дахкарх] — об отелении
[да̄хкан//да̄хка] — прибывать	[дахкан//дахка] — отелиться

В коллективной работе «Грамматика чеченского языка»¹ открытая [a] в словах gIaш [gIaш], дахка [дахка] ошибочно рассматривается как долгая фонема.

Открытая фонема [a] фонематически противостоит также более открытой и продвинутой вперед [aь]:

[aь]	[ā]
даьлла — кончил	[да̄лла] — богу
оаьккхан — колотый, вынутый	[да̄ккха] — колоть, вынуть
аьтта — покрошил, раздробил	[а̄тта] — легкий (нетрудный).

¹ А. Я н д а р о в и др. Указ. соч., стр. 29—30.

В ингушском также фонематически противопоставляются в тех же словах открытая и закрытая краткие фонемы:

[ā]	[a]
[dāxkar] — прибытие	[daxkar] — плодиться

Монофтонг [ā] встречается в корнях исконных слов, в начале и в конце слова в обоих языках он не употребляется.

Открытая [a] относится к числу малоупотребительных гласных фонем в чеченском и ингушском языках. Вопрос о влиянии ударения соседних звуков и других фонетических условий на открытую фонему [a] нуждается в специальном изучении. Позиционно обусловленное в определенных условиях фонематическое противопоставление этих звуков произошло в чеченском и ингушском языках после распада общенахского языка-основы.

В бацбийском отсутствует фонема [ā].

Краткая закрытая фонема [a]. [a] — краткая закрытая гласная фонема заднего ряда среднего подъема. Она является одной из наиболее древних и распространенных фонем в чеченском, бацбийском и ингушском языках.

Монофтонг [a] встречается во всех позициях: в начале слова [аса] — «я», [аша] — «вы», [адам] — «человек», [ан] — «ревматизм», в середине слова — [махана] — «ветру», [хлазарна] — «кольцу», [мара] — «нос».

В конце слова этот звук чаще всего бывает несколько редуцированным, поэтому звучит очень кратко, иногда даже выпадает [а:ла||ал] — «скажи», [вахана//вахан] — «пошел».

Таким образом, в конце слова появляется несколько редуцированный фонетический вариант [a].

Фонема [a] не подвергается качественным изменениям под влиянием ударения, соседних звуков и других фонетических условий.

Монофтонг [a] может находиться под ударением: [бáлхана] — «работе», [дáхана] — «пошел», [д-ара] — «был(а)».

Фонема [a] употребляется в любой неударной позиции: [ба:хара] — «говорил», [ди:хара] — «просил», [дагана] — «сердцу», [да:гарна] — «из-за горения», [а:тар] — «дробление», [а:лар] — «сказание//сказать».

Мы уже отмечали выше, что фонема [a] фонологически отличается от [ā:], [aʷ] и [aʷ:]

a	[a:]
[тlара] — «наперсток»	[тlа:ра] — «кисть руки»
[бажа] — «стадо крупного рогатого скота»	[ба:жа] — «свояк»
[кара] — «на руки»	[ка:ра] — «перчатка»
дак̄а — «труп»	[да:к̄а] — «часть, доля».

[ā]	[ā]
[далла] — «чтобы делать столько, чтобы кому-то еще сделать».	[дāлла] — «богу»
[тlамна] — «войне»	[тlāmна (и тlāʷмна)] — «крылу»
[дахкарх] — «об отелении»	[дāхкарх] — «о прибытии»

[a]

[aʙ]

[талла//талла] — «исследуй(те)»

[таʙлл(a)] — «ивы» (р. п. ед. ч.)

[арха//архан] — «вожди»
(род. п.)

[аʙрха//аʙрхан] — «строптивный»

[далла] — «чтобы делать столько, чтобы кому-то еще сделать».

[даʙлла] — «кончил(и)»

Аналогичные примеры с [a] можно привести из ингушского: [бие: шагара] — «из сада», [мукʙарашца] — «с ручками», [бовнаца] — «с совой» и бацбийского: [кладзикI] — «немного», [дара] — «было», [дахь-кхачнатхо] — «прибыли мы».

Характеристика гласных фонем, передаваемых в чеченском и ингушском литературных языках через букву „и“

Через букву [и] в вейнахских литературных языках передают две фонемы: долгая [и:] (она передается и через сочетание *ий*) и краткая [и]. Вариантом краткой фонемы [и] служит редуцированный или беглый звук [и], обычно встречающийся в конце слов.

Указанные фонемы отмечены в специальной литературе (П. К. Услар, З. К. Мальсагов, Н. Ф. Яковлев, Д. Д. Мальсагов, Д. С. Имнайшвили, А. Г. Мациев и др.). Эти две фонемы различаются в нахских языках не по качеству, а по количеству, т. е. по долготе и краткости. Они представляют собой гласные переднего ряда, но несколько отодвинутые назад по сравнению с гласными переднего ряда этого типа в русском языке.

Долгая фонема [и:]. [и:] — гласная долгая фонема переднего ряда верхнего подъема. В составе слова долгая фонема [и:] встречается во всех позициях: редко в начале слова — [и:зира//и:зара] — «взвешивали, тянули», [и:гир||и:гара] — «падали», [и:на] — «общительный»; чаще всего в середине слова — мийла [ми:ла] — «выпивайте», дийна [ди:на] — «посеяли», кийра [ки:ра] — «нутро»; сравнительно редко в конце слова — [илли:] — «героическая песня», кхоссий [кхуосси:] (причастно-деепричастная форма) — «бросив».

В этих позициях [и:] не подвергается количественным и качественным изменениям.

Долгая фонема [и:] фонематически противопоставляется краткой [и]:

долгая [и:]	краткая [и]
ийза [и:за] — тyani	иза [иза] — он, она
ийра [и:ра] — смешался	ира//иран[ира] — острый
диш [ди:] — убил, посеял	ди[ди] — сделал, родил
дийла [ди:ла] — смейтесь	дила [дила] — вымой
мийла [ми:ла] — выпивайте	мила [мила] — кто
тийлира тийлара [ти:лира] — от-дали	тилира тилара [тилира] — заблудился.

Фонема [u:] фонематически противостоит и долгому дифтонгу [ue:]

долгая [u:]	долгий дифтонг [ue:]
дийша дийши [ди:ша] — прочел лийла лийли [ли:ла] — походил дийха дийхи [ди:ха] — позвал, просил	диеша [дие:ша] — учись лиела [лие:ла] — походи оиеха [дие:ха] — проси.

В нахских языках встречается долгая [u:] различного происхождения. Рассматриваемая фонема, встречающаяся в форме именительного падежа единственного числа некоторых имен, а также в отдельных глагольных формах, — более древнего происхождения. Например, *кийра* [ки:ра] — «нутро», *дийлира* [ди:лира] — «смеялись» и т. д. Долгая [u:], служащая показателем особой причастно-деспричастной формы типа *кхуссий* [кхусси:] — «бросив», *тухий* [ту:хи:] — «ударив», по-видимому, более позднего происхождения (ср. бацб. [тохар] — «ударить», [кхенсар] — «бросать»).

Сравнительно недавнего происхождения и фонема [u:], появляющаяся в понудительных формах глагола во всех нахских языках: чеч. *виезийта* [вие:зи:та] — «позволь любить», *даийта* [даи:та] — «позволь кушать» и т. д.

В ингушском употребление [u:] в различных глагольных формах связано с перегласовкой гласных корня: [увз] — «тянет»; [u:зар] — «тянул», [u:зав:] — «потянуть» и т. д.

В соответствии с законами исторического чередования гласных в корнях долгая [u:] в чеченском часто чередуется с долгим дифтонгом [ue:]. Монофтонг [u:] чаще всего встречается в форме только что прошедшего времени, а дифтонг [ue:] в повелительном наклонении: *тхо члогла дийли* [ди:ли] *цунэх* — «мы сильно посмеялись над ним» и т. д.

Фонема [u:], находясь под ударением, не подвергается качественным и количественным изменениям: *ийза* [и:за] — «тяни», *тийли*||*ти:ли*||*тийла* [ти:ла] — «отда (ва)л».

Монофтонг [u:], будучи неударным, также не подвергается качественным и количественным изменениям: *ваглийта* [вагли:та] — «заставь идти»||«позволь идти», *ваглийтахъара* [вагли:тахъа:ра] — «позволил бы идти» и т. д.

Фонема [u:] относительно редко употребляется в бацбийском языке, главным образом, в понудительном наклонении: [алъи:та] — «заставь сказать», [ахи:та] — «заставь пахать» и т. д. Рассматриваемый звук в бацбийском (по сравнению с чеченским и ингушским) можно было бы назвать полудолгим.

Краткая фонема [u]. [u] — гласная краткая фонема переднего ряда верхнего подъема. Фонема [u] употребляется во всех позициях: в начале слова — *ида* [ида] — «бегай», *иза* [иза] — «он, она», *итт* [итт] — «десять»; в середине слова — *вита* [вита] — «оставь», *цига* [цига] — «туда», *пхьид* [пхьид] — «лягушка»; в конце слова сравнительно редко употребляется *ди* [ди] — «сделал», *ги* [ги] — «увидел».

В двух- и более сложных глагольных формах [u] в конечном положении подвергается редукции: *биги* [биги] — «увел», *диги* [диги] — «оставил» и т. д. Такое ослабление [u] приводит к тому, что в двух- и более

сложных словах фонема [и] в конечном положении нередко чередуется с редуцированным вариантом краткой фонемы [а]: *тили* [тили]//[тила]— «заблудился», *мели* [мели]//[мела] — «выпил» и т. д.

Ослабление [и] в такой степени не происходит в бацбийском языке: [вахи] — «пошел», [далы] — «дал».

Фонема [и], находясь под ударением, не подвергается существенным количественным и качественным изменениям, отражающимся на ее фонематической функции. Это видно из следующих примеров: *ира* [ира]— «острый», *дитна* [дитна] — «оставил»; *дижна* [дижна] — «лег, легла», *дисна* [дисна] — «остался» и т. д.

Краткая фонема [и] относится к числу наиболее употребительных нахских гласных фонем. Она древнейшего происхождения. На это указывает наличие фонемы [и] в составе именных и глагольных основ, аффикса род. п., а также и то, что рассматриваемый звук выступает в качестве форманта только что прошедшего времени.

Характеристика гласных фонем, передаваемых в чеченском и ингушском литературных языках через букву „е“

В чеченском и ингушском литературных языках через букву [е] обозначают четыре фонемы: долгая [е:], краткая [е], долгий дифтонг [ие:], краткий дифтонг [ие]. В конце слова заметно редуцируются краткий монофтонг [е] и краткий дифтонг [ие].

Эти звуки отмечены в специальной литературе (Н. Ф. Яковлев, З. К. Мальсагов, Д. Д. Мальсагов и др.).

В основе долгой [е:] и краткой [е] лежит одна и та же основная артикуляция, свойственная вообще звуковому типу е. Характерной особенностью основной артикуляции данного звукового типа является то, что он переднего ряда среднего подъема. Различаются они не по качеству, а по количеству, т. е. по долготе и краткости. Они представляют собой гласные переднего ряда, но несколько отодвинутые назад по сравнению с гласными переднего ряда этого типа в русском языке.

Среди гласных фонем, передаваемых через букву е (или ие), особое место по характеру артикуляции занимают дифтонги [ие:] и [ие].

Долгая фонема [е:]. [е:]—нелабиализованная долгая гласная фонема переднего ряда среднего подъема. Долгая [е:] в чеченском и ингушском употребляется во всех позициях: в чеч. в начале слова — *эхи* [е:хи] — «вспахал», *эри* [е:ри] — «помолотил», *эчи* [е:чи] — «железо», *эса* [е:са] — «теленок», чаще всего в середине слова — *деха* [де:ха] — «длинный», *вехи* [ве:хи] — «жил»; *бераш* [бе:раш] — «дети»; редко в конце слова — *ге* [ге:] — «живот», *хве* [хве:] — «мозг».

Долгая [е:] фонематически противопоставляется краткой [е]:

[е:]	[е]
<i>веха</i> [ве:ха] — живет	<i>веха</i> [веха] — пьянеет
<i>вели</i> [ве:ли] — вышел	<i>вели</i> [вели] — умер
<i>беда</i> [бе:да] — утки (род. п. ед. ч.)	<i>беда</i> [беда] — шеста (род. п., ед. ч.)
<i>мера</i> [ме:ра] — мужа	<i>мера</i> [мерин мера] — носа.

Долгая [e:] фонематически противостоит долгому дифтонгу [ue:].

[e:]	[ue:]
деха [де:ха] — живот	диеха [дие:ха] — проси
деша [де:ша] — не иронизируй	диеша [дие:ша] — читай
де [де:]//ден [де:н] — отцовский, отца	дие [дие:] — делай

Вероятно, долгая [e:] в чеченском языке более позднего происхождения в следующих случаях:

1) в именах существительных чеченскому слову эса [e:ca] — «теленок» соответствует в бацб. [a:ce], чеченскому *бераш* [бе:раш] — «дети», в бацбийском соответствует [бадри] и т. д.;

2) в глаголах чеченской форме *веха* [ве:ха], в бацб. [ва:хо] — «живет», чеч. *эхи* [e:хи], в бацб. [а:хи] — «вспахал» и т. д.

Подчиняясь закону исторического чередования гласных в чеченских глагольных корнях, долгая [a:] в повелительном наклонении переходит в долгую [e:] в только что прошедшем времени.

повелительная форма	форма только что прошедшего времени
<i>ваха</i> [ва:ха] — живи	<i>вехи</i> [ве:хи] — пожил
<i>вала</i> [ва:ла] — кончай, выходи	<i>вели</i> [ве:ли] — кончил, вышел
	и т. д.

В бацбийском языке этой закономерности не наблюдается. Фонема [e:], находясь под ударением, не подвергается существенным качественным и количественным изменениям: *мехий* [ме:хи:] — «иголки», *берана* [бе:рана] — «ребенку».

В неударном положении фонема [e:] редко употребляется. Однако и в этой позиции она не подвергается существенным количественным и качественным изменениям.

Краткая фонема [e]. [e] — нелабиализованная краткая гласная фонема переднего ряда среднего подъема.

Краткая [e] в чеченском употребляется во всех позициях: редко в начале слова — *эцца* [ецца] — «туда (именно)», *эзар* [езар] — «тысяча», *эрна* [ерна] — «напрасно». Большинство слов, начинающихся с [e], заимствовано из других языков: *эзар* [езар] — «тысяча», *элп* [елп] — «буква», *эппаза* [еппаза] — «двадцать копеек», *эпсар* — «офицер», *эскар* [ескар] — «армия, войско» и некоторые другие.

Чаще всего [e] встречается в середине слова — *бедда* [бедда] — «убежал», *делла* [делла] — «умер», *йетта* [йетта] — «свернулось, поджарилось», *лерг* [лерг] — «ухо», *берг* [берг] — «копыто»; редко в конце слова — [ge] — «четверть аршина». В словах *делла* и *лерг* фонема [e] вторичного происхождения: *делла* < *далина (ср. бацб. *далгина*), *лерг* < *ларг* (ср. бацб. *ларкI*). Переогласовка чеченского корневого гласного e < u произошла под влиянием суффиксального [u].

Качественное своеобразие фонемы [e] лучше всего выявляется при ее сопоставлении с кратким монофтонгом [u] и кратким дифтонгом [ue].

Монофтонг [u] отличается от [e] верхним, т. е. более высоким подъемом языка:

[e]	[и]
<i>йети</i> [йети] — свернулось	<i>йити</i> [йити] — оставил (ее)
(только что прошедш. время)	

<i>дели</i> [вели] — умер	<i>дили</i> [дили] — вымыл, выкупал.
---------------------------	--------------------------------------

Монофтонг [e] в составе *вели* (<в-а-ли) — вторичного происхождения (ср. бацб. *вали*).

Дифтонг [ue] при своем образовании плавно скользит от артикуляции краткой [u] к артикуляции краткой [e], в результате складывается органическая слитная артикуляция краткого дифтонга [e]:

[e]	[ue]
<i>дешна</i> [дешна] — растаял	<i>диешна</i> [диешна] — учился
<i>дежка</i> [дежка] — отелится	<i>диехка</i> [диехка] — связывая
<i>йетга</i> [йетга] — свернулось, поджарилось	<i>йиетга</i> [йиетга] — бьет

При характеристике долгой фонемы [e:] были приведены примеры, которые показывают случаи фонематического противопоставления долгой [e:] и краткой [e].

Монофтонг [e], находясь под ударением или будучи неударным, не подвергается существенным качественным и количественным изменениям.

В начальном и других положениях он не подвергается йотированию.

Долгий дифтонг [ue:]. [ue:] — особая нелабиализованная долгая фонема-дифтонг. Дифтонг [ue:] широко употребляется в чеченском и ингушском языках во всех положениях: в начале слова: *иега* [ue:ga] — «падай», *иеца* [ue:ca] — «купи», *иетла* [ue:ɬla] — «порвись»; чаще всего в середине слова: *чаккхенаш* [чаккхуе:наш] — «окончания»; *безам* [бие:зам] — «любовь», *тешам* [тхуе:шам] — «вера, доверие», *деллиера* [деллие:ра] — «дал, оказывается», *аьллиехъара* [аьллие:хъа:ра] — «если бы оказал»; нередко в конце слова: *дие* [дие:] — «убивай, сей»; *хъажие* [хъажие:] — «посмотрев» (причастно-деепричастная форма), *лиелие* [лие:лие:] — «походив...», *судие* [судие:] — «в суд». Дифтонг [ue:] почти во всех этих примерах вторичного происхождения. Чеченскому [ue:ca], [дие:], [деллие:ра] в бацбийском соответствует [эпццла], [диэб], [далъино:ра].

Приведем примеры из ингушского: [а:риуе:] — «равнина», [бие:га:риуе:] — «гужевая повинность», [дие:шаш] — «читая» и др.

Долгий дифтонг [ue:] в чеченском фонематически противопоставляется краткому дифтонгу [ue]:

[ue:]	[ue]
<i>дие</i> [дие:] — убивай, сей	<i>дие</i> [дие] — день
<i>тлие</i> [тлие:] — поверхность	<i>тлие</i> [тлие] — на
<i>лие</i> [лие:] — говори, умри	<i>ле//лие</i> [лие] — умирает

Долгий дифтонг [ue:], находясь под ударением, не подвергается существенным количественным и качественным изменениям. В первом слоге он почти всегда бывает ударный: *диеха* [диe:xa]—«проси(те)», *лие-ха* [лие:xa]—«ищите», *биезам* [бие:зам]—«любовь».

Однако чаще всего [ue:] употребляется в неударной позиции — в заударном, предупредном, конечном неударном слоге. При этом он не утрачивает своих качественных особенностей. Это видно из следующих примеров: *хиллиера* [хиллие:ра]—«побывал, оказывается», *деллиера* [деллие:ра]—«дал, оказывается», *губржихара* [губржие:хара]—«из Грузии», *синкѳерам* [синкѳие:рам]—«вечеринка», *кѳинхьегам* [кѳинхьие:гам]—«труд», *кѳиехьегамхо* [кѳинхьие:гамхуо:]—«трудящийся», *кѳинхетам* [кѳинхие:там]—«жалость», *ненехула* [не:ние:хула]—«через мать», *десте* [де:сте:]—«мачеха», *юккѳе* [йуккѳие:]—«в середину», *Ахьмаде* [Ахьма:дие:]—«к Ахмаду».

В нахских языках встречается долгий дифтонг [ue:] различного происхождения. Фонема [ue:], возникновение которой связано с историческими чередованиями корневых гласных, обнаруживается в основах некоторых имен существительных и глаголов: *безам* [бие:зам]—«любовь», *беза* [бие:за]—«любить», *кхетам* [кхие:там]—«понимание», *кхета* [кхие:та]—«понимает».

Это видно и из следующих форм: долгий [ue:], употребляемый в форме повелительного наклонения в недавнотрошадшем времени, переходит в краткий дифтонг [ue]: *деша* [диe:ша]—«читай», но *дешна* [диешна]—«недавно читал», *деха* [диe:ха]—«проси», но *дехна* [диехна]—«недавно просил» и т. д. Аналогичные примеры можно было бы привести и из ингушского: [бие:зам], [ие:ца], [дие:] и т. д.

Данные бацбийского языка показывают, что встречающаяся в примерах, приведенных выше, фонема [ue:] образовалась после распада общенахского языка: чеченским [бие:за]—«любит», [кхие:та]—«понимает» в бацбийском соответствуют [беццал], [кхета].

Дифтонг [ue:] иного происхождения мы находим в формах давнопрошедшего времени: *дехнера* [диехние:ра]—«просил, оказывается», *дешнера* [диешние:ра]—«читал, оказывается». Происхождение этого типа [ue:] легко объясняется образованием давнопрошедшего времени из описательных форм: *дешнадара* [диешнадара]→*дешнера*→[диешние:ра] и т. д.

Наконец, следует указать и на то, что дифтонг [ue:], появляющийся в окончаниях некоторых местных падежей, является результатом усечения падежных форм: *малхбале* [малхба:лие:]—«к востоку (из малхба-лега), *Ахмаде* [Ахма:дие:]—«к Ахмаду (из Ахмадега)» и т. д.

Краткий дифтонг [ue]. [ue]—нелабиализованный краткий дифтонг. В его образовании участвует два звука—краткий [u] и краткий [e]. Первый элемент этого дифтонга—ударный, произносится очень коротко, но ясно, второй элемент—неударный, звучит длительнее и менее ясно, чем первый.

Краткий дифтонг [ue] широко употребляется в нахских языках во всех позициях: в начале слова *эшна* [иешна]—«потерпел поражение», *эцца* [иецца]—«купил», *эхь* [иехь]—«стыд». Чаще всего в середине слова: чеч. *тегна* [тиегна]—«сшил», *кхехка* [кхиехка]—«кипит, кипи», *дехка* [диехка]—«завяжи, свяжи»; в конце слова в закрытых и открытых слогах: *тге* [тге]—«на», *де* [диe]—«день», *хьесапехь* [хьие:сапиехь]—«в расчете», *хадийнехь* [ха:ди:ниехь]—«если (бы) порезал», *абхк(а)нехь* [абхкниехь]—«если (бы) копал»; бацб. [допхдиен]—«разогретый»; [таг-диeб]—«сделай» и т. д.

При рассмотрении долгого дифтонга [ue:] были приведены примеры

характеризующие случаи фонематического противопоставления долгого [ue:] и краткого [ue]. Звук [ue] фонематически противопоставляется и кратким гласным монофтонгам [u], [e], [aʔ].

Краткий дифтонг [ue] под ударением не подвергается существенным количественным и качественным изменениям. В первом слоге корня он почти всегда бывает ударным: чеч. [диешна]—«читал», [лехна]—«искал», [тиегна]—«сшил». Однако чаще всего употребляется в неударной позиции *хьешниехь*—«если топтал», *киснет*—«кисет», *киечдиеш*—«подготавливая», *лахъйиеш*—«собирая».

Таким образом, и в неударном положении [ue] не утрачивает своих качественных и количественных особенностей.

В нахских языках существует краткий дифтонг различного происхождения. Фонема [ue], происхождение которой связано с историческими чередованиями гласных в глагольных корнях, обнаруживается в основах некоторых имен существительных и глаголов: чеч. *хьеха* [хье:ха]—«учи(те), наставляй(те)», но *хьехна* [хьиехна]—«учил(и), наставлял(и)», [ue:га]—«падай(те)», но [иегна]—«падал(и)», *беш* [биеш]—«сад», [тиеш]—«свидетель» (сравните с [тие:шам]—«вера, доверие» и [тие:ша]—«верь(те)», [тиешна]—«верил»; инг. [диеста]—«распухни», [диадьерз]—«поворачивается (туда)»; [йиетт]—«бьет» и т. д.

Дифтонг [ue] иного происхождения употребляется в условном наклонении: чеч. *ваьлехь* [ваьллиехь]—«если кончил», *аьттехь* [аьттиехь]—«если крошил, дробил», *ихнехь* [ихниехь]—«если ходил» и т. д.

Происхождение этого дифтонга в указанных и им подобных примерах легко объясняется фонетическими процессами, происходившими при образовании данных форм условного наклонения.

Краткий дифтонг [ue], встречающийся в причастно-деепричастных формах типа *деш* [диеш]—«делая», *леш* [лиеш]—«умирая», *кагдеш* [кагдиеш]—«ломающая», также связан с образованием различных грамматических категорий глагола.

Характеристика гласных фонем, передаваемых в чеченском и ингушском литературных языках через букву „о“

В чеченском и ингушском литературных языках через букву о выражают следующие фонемы: долгая [o:], открытая [o], закрытая краткая [o], долгий дифтонг [yo:], краткий дифтонг [yo]; сочетанием о с мягким знаком обозначают долгий дифтонг [oʔ/yoʔ:], краткую oʔ[yoʔ], сочетанием букв о и и передают краткий дифтонг [oi]. Вариантом краткого монофтонга о служит редуцированный или беглый [o], обычно встречающийся в конце многосложных слов.

Сочетание гласного о с в [w] и образует особую фонему — дифтонг ов [ow]. В таких сочетаниях во [wo], вои [woi] начальный звук в [w] обозначает не шумный согласный и не элемент дифтонга, а сонант [w], сохраняющий все свои качественные особенности.

Все эти фонемы являются лабиализованными. Различаются они между собой по долготе и краткости, с одной стороны, и открытости и закрытости — с другой.

Долгая фонема [o:]. [o:] — лабиализованная долгая закрытая гласная фонема заднего ряда среднего подъема.

Фонема [o:] встречается в чеченском во всех позициях: в начале слова: *ору* [o:ру] — «молотить», *оху* [o:ху] — «пашет», *орам* [o:рам] — «корень», чаще всего в середине слова: *догла* [до:гла] — «замок», *боху* [бо:ху] — «говорит», *гома* [го:ма] — «кривой», *хьошалла* [хьо:шалла] — «гостеприимство». В конце слов не встречается.

В ингушском рассматриваемому звуку [o:] соответствует дифтонг [oa], например [oa:x]—«пашет», [boa:x]—«говорит» и т. д. При образовании форм наст. вр. там, где в чеченском возникает [o:], в ингушском появляется [oa:]: чеч., инг. [a:ла] — «скажи», чеч. [o:лу], инг. [oa:л] — «говорит», чеч., инг. [a:та] — «кроши, дробит», чеч. [o:ту], инг. [oat] — «крошит, дробит» и т. д.

Долгая закрытая [o:] фонематически противопоставляется краткой закрытой [o]:

[o:]	o
<i>догла</i> [до:гла] — замок	<i>догла</i> [догла] — дождь
<i>дога</i> [до:га] — горит	<i>дога</i> [дога] — ручка топора
<i>бода</i> [бо:да] — тьма	<i>бода</i> [бода] — бежит
<i>мокха</i> [мо:кха] — светло-коричневый	<i>мокха</i> [мокха] — бритва

Фонема [o:] под ударением не подвергается существенным качественным и количественным изменениям. В двусложных словах [o:] часто образует первый (корневой) ударный слог: *долу//дола* [до:ла] — «кончается», *доца* [до:ца] — «короткий», *члогла* [чло:гла] — «крепкий». В производных глаголах (с приставками — послелогогами — *дла*, *чу* и т. д.) также ударение сохраняется за первым слогом корня: *чувоглу//чувогла* [чуво:гла] — «заходит», *чувоглара* [чуво:глара] — «заходил», *длаволу//длавола* [длаво:ла] — «уходит (с работы)», *дагдо:глара* — «вспоминал».

Долгая [o:], встречающаяся в именах существительных, сохраняется во всех падежных формах: им. п. ед. ч. *догла* [до:гла] — «замок», дат. п. *доглана* [до:глана], [до:глануо:], им. п. мн. ч. *догланаш* [до:гланаш] и т. д.

Напротив, в глагольных формах, подвергающихся историческим чередованиям корневых гласных, долгая [o:] употребляется лишь в двух временах, а именно — в настоящем *воглу//вогла* [во:гла] — «идет» и прошедшем несовершенном очевидном — *воглара* [во:глара] — «приходил».

Долгая [o:] встречается в форме эргативного падежа личного местоимения второго лица (эксклюзив) множественного числа: *оха* [о:ха] — «мы». В остальных формах этого местоимения фонема [o:] не употребляется.

Там, где в чеченском встречается [o:], в ингушском нередко находим дифтонг [oa:] не только в глагольных формах, но и в других частях речи: чеч. [бло:глам], инг. [блоа:гла] — «столб», чеч. *члогла*, инг. [члоа:гла] — «крепкий»; чеч. [мо:кха], инг. [моа:кха] — «светло-коричневый», чеч. [о:хардуй?], инг. [оа:харгдий?] — «вспашет ли?» и др.

В чеченском языке нет долгого открытого звука [o:], фонематически противостоящего долгой закрытой фонеме [o:].

Фонематически различаются две фонемы: открытая [̃o] и закрытая краткая [o]. Эти две фонемы отличаются друг от друга по признаку открытости и закрытости и по долготе. Они наличествуют в чеченском и ингушском языках. В бацбийском не установлена открытая [̃o], фонематически противостоящая [o].

Открытая фонема [̃o]. [̃o] — лабиализованная открытая гласная фонема заднего ряда среднего подъема. При ее произнесении язык оттягивается назад, задняя часть спинки языка поднимается к твердому небу несколько меньше, чем при [o:], т. е. открытый звук [̃o] отличается от [o:] меньшим подъемом языка к небу.

Открытая [ō] встречается главным образом в начале и середине слова: в начале слова: *олхазар* [о̄лхазар]—«птица», *орца* [орца]—«тревога», *онда* [онда]—«солидный, большой»; в середине слова: *мостаг* [мостаг]—«враг», *хьокха* [хьокха]—«кол», *хьокху* [хьокху]—«косит», *хьосту* [хьосту]—«ласкает». Чеченскому открытому [o] в ингушском в некоторых случаях соответствует дифтонг [oa]: чеч. [орца], инг. [оарц(а)]—«тревога, караул», чеч. [Орга], инг. [Оаргу]—«Аргун», чеч. [ворта], инг. [форт]¹—«шея» и др.

Открытая [ō] фонематически противопоставляется краткой закрытой [o]:

ō	o
<i>сохку</i> [бо̄хку]—пребывают, находятся в чем-то	<i>бохку</i> [бохку]—кладут
<i>до̄ккха</i> // <i>до̄ккху</i> [до̄ккха]—вытаскивает, колет	<i>дохкха</i> //[дохкха]—большой
<i>дохка</i> //[дохка]—находится где-то, в чем-то	

Можно было бы привести аналогичные примеры и из ингушского.

Поскольку рассмотренные примеры могут вызвать затруднения с точки зрения их осмысления и фонематического противопоставления, следует привести фразы, в которых употребляются эти слова:

Аса цуьнгар ахча до̄ккху//*до̄ккха*. *И Эса доккха ду*—«я у него деньги беру (букв. отнимаю). Этот теленок большой (есть)». *Нохчийн бераш цигахь лавзуш дохку*//*дохка*. *Аса и галеш цига дохка*//*дохку*. «Чеченские дети там, играя, находятся, т. е. чеченские дети там играют; я эти мешки туда кладу».

Немного слов, значения которых различаются по фонематическому противопоставлению открытого [ō] и краткого закрытого [o].

Открытый звук [ō] встречается в чеченском и ингушском только в составе корня исконных слов.

Краткая фонема [o]. [o]—лабиализованная краткая закрытая гласная фонема заднего ряда среднего подъема.

Таким образом, краткая закрытая фонема [o] отличается от долгой закрытой [o:] по количеству, а от открытой [ō] по количеству и качеству, т. е. фонема [o] по сравнению с долгой [o:] является значительно более краткой, в отличие от открытого [ō] она более закрытая и долгая.

Чтобы более отчетливо почувствовать положение органов речи при произнесении [o:], [ō] и [o], а также лучше уловить различия между ними, следует сопоставить звучание этих фонем, хотя бы в следующих чеченских двух парах слов: *догла* [до:гла]—*догла* [догла] и *доккха* [доккха]—*доккха* [доккха].

Фонема [o] встречается в основном в начале и середине слова: в начале слова—*оцо* [оцо:]—«он (она, оно)», *обарг* [обарг]—«абрек»; чаще всего в середине слова—*кьора* [кьора]—«глухой»; *мокха* [мокха]—«бритва», *лоха* [лоха]—«низкий» (о росте), *хорбаз* [хорбаз]—«арбуз».

В конце слова почти всегда редуцируется, поэтому воспринимается как нейтральный, неопределенный (беглый) гласный звук заднего ряда

¹ Д. Д. Мальсагов. Чечено-ингушская диалектология, стр. 55, 57.

среднего подъема. Такой звук чаще всего встречается в двухсложных словах с закрытой краткой гласной в первом слоге. Поэтому вышеприведенные примеры *кѳора*, *мокха*, *лоха*, представленные здесь в соответствии с существующей орфографией, следовало бы фонетически записать так: [кѳоро] [мокхо], [лохо]. И в данном случае сказывается часто проявляющаяся в чеченском языке гармония гласных.

В ингушском языке часто чеченской фонеме [o] соответствует дифтонг [oa]: чеч. [доккха], инг. [доаккха] — «большой, старый».

Рассматриваемая фонема в ингушском и бацбийском языках, как и в чеченском, употребляется главным образом в корнях: инг. [догарца] — «с топором», [кхокх] — «голубь», [дошув] — «золото», [нохчуо:] — «чеченец», бацб. [докл] — «сердце», [кхор] — «груша», [ботх] — «работа». В бацбийском, в исконно нахских словах фонема [o] подвергается редукции в конечном положении: *вашо* — «брат», *йашо* — «сестра». В словах, заимствованных бацбийцами из грузинского языка, данный звук употребляется без редукции и в конечном положении: *лобио* — «фасоль», [Никло] — «Николай», [Омало] — «Омало» (название села).

Долгий дифтонг [yo:]. [yo:] — лабиализованный долгий дифтонг.

Рассматриваемый дифтонг широко употребляется в чеченском и ингушском литературных языках во всех позициях: чеч. в начале слова — *осалла* [yo:салла] — «педантичность», *оза* [yo:за] — «тяни», *ото* [yo:туо:] — «комната»; в середине слова — *бора* [буо:ра] — «делал», *кѳоналла* [кѳуо:налла] — «молодость», *хѳора* [хѳуо:ра] — «носил»; в конце слова — *шеко* [шие:куо:] — «сомнение», *ло* [луо:] — «снег», *до* [дуо:] — «салетка»; инг. [глуо:] — «иди», [вуо:да] — «идуший», [уо:зар] — «тянуть». Вместо чеченского [yo:] в ингушском часто появляется [oa:]: чеч. [луо:], инг. [лоа:] «снег».

Долгий дифтонг [yo:] фонематически противопоставляется краткому дифтонгу [yo]:

[yo:]	[yo]
<i>ло</i> [луо:] — снег	<i>ло</i> [луо] — дает
<i>го</i> [гуо:] — круг	<i>го</i> [гуо] — видит
<i>хѳо</i> [хѳуо:] — носи(те)	<i>хѳо</i> [хѳуо] — несет

Долгий дифтонг [yo:] фонематически противопоставляется долгой фонеме [o:]:

[yo:]	[o:]
<i>оза</i> [yo:за] — тяни	<i>оза</i> [o:за] — худой
<i>доха</i> [дуо:ха] — разрушайся	<i>доха</i> [до:ха] — отнимает, вынимает, убирает
<i>боха</i> [буо:ха] — разрушайся	<i>боху</i> // <i>боха</i> [бо:ха] — говорит
<i>догла</i> [дуо:гла] — посади(те)	<i>догла</i> [до:гла] — замок
<i>лора</i> [луо:ра] — давал	<i>лору</i> // <i>лора</i> [ло:ра] — считается.

Долгий дифтонг [yo:] фонематически противопоставляется и долгой фонеме [y:]

[yo:]	[y:]
<i>оза</i> [yo:за] — тяни, взвесь	<i>узy//уза</i> [y:за] — тянет, вешает
<i>доха</i> [доyo:ха] — разрушайся	<i>духy//духа</i> [ду:y:ха] — рушится, одевает
<i>тоха</i> [тоyo:ха] — ударь	<i>тухy//туха</i> [ту:y:ха] — ударяет

Рассматриваемый дифтонг [yo:] выполняет различные грамматические функции, т. е. функции показателя различных грамматических категорий в чеченском и ингушском языках:

а) дифтонг [yo:] — формант эргативного падежа ед. ч.

им. п.	эрг. п.
<i>дечиг</i> — дрова, дерево	<i>дечиго</i> [деч(и)yo:]
<i>болх</i> [буолх] — работа	<i>хIордо</i> [хIуордоyo:]
<i>хIорд</i> [хIуорд] — море	<i>балхо</i> [балхуо:]

В ингушском также этот дифтонг служит показателем эргативного падежа ед. ч.:

им. п.	эрг. п.
[хьайра] — мельница	[хьаь:руо:]
[хIама] — вещь	[хIама-н-уо:]/[хIамуо:]
[(д)зIок] — клюв	[(д)зIокаруо:]
[гуо:] — круг	[гуо:н-уо:]

б) Дифтонг [yo:] — показатель повелительного наклонения:

наст. время	повелит. наклонение
<i>ло</i> [луо] — даст	<i>ло</i> [луо:] — дай, отдай
<i>хьо</i> [хьуо] — несет	<i>хьо</i> [хьуо:] — неси (те)

Фонема [yo:] сохраняет свою долготу в конце слова: *ахархо* [а:хархуо:] — «пахарь», *дешархо* [дие:шархуо:] — «учащийся», *гло* [гло:] — «иди», *белхалочо* [белхалуо:чуо:] — «рабочий».

Рассматриваемая фонема под ударением не подвергается существенным качественным и количественным изменениям. В первом слоге корня она почти всегда бывает ударной: *дIало* [дIалуо:] — «отдай», *схьавела* [схьавуо:ла] — «приходи сюда, иди сюда».

Однако чаще всего дифтонг [yo:] встречается в неударных слогах. Но и в этом случае он не утрачивает своих количественных и качественных особенностей: *дешархочо* [дие:шархуо:чуо:] — «учащийся», *лелочо* [лио:луо:чуо:] — «тот, кто носит, использует» и т. д.

Долгий дифтонг [yo:], встречающийся в качестве формата эргативного падежа и повелительного наклонения — более позднего происхождения. Об этом свидетельствует бацбийский язык, в котором отсутствует [yo:]. Чеченскому, ингушскому окончанию эргативного падежа [yo:] соответствует в бацбийском [ов]: чеч. [стаг-yo:], инг. [саг-yo:], бацб. [стлак/ов] — «человек» и т. д. Таким образом, фонема [yo:] образовалась от сочетания [ов].

Краткий дифтонг [yo]. [yo] — лабиализованный краткий дифтонг. В образовании этого дифтонга участвуют два звука — очень краткий звук, близкий к краткой фонеме [y] и краткий [o], составляющие два разнородных элемента одного и того же сложного звука. Данный дифтонг широко употребляется в чеченском и ингушском литературных языках во всех позициях: в начале слова: чеч. *ор* [уор] — «яма», *олла* [уолла] — «повесь (одного предмета)», *охка* [уохка] — «повесь (многих предметов)», инг. *дуог* — «сердца», [вуон] — «плохого» (род. п.), *дуош* — «слово»; в середине слова: чеч. *далхьочулла* [далхьочулла] — «столько, сколько уносимый», *хлордалла* [хлуордалла] — «столько, сколько моря». *кор* [куор] — «окно», *болх* [буолх] — «работа»; *аглор* [а:глуор] — «косо, в сторону»; в конце слова: *гло* [глуо] — «помощь», *до* [дуо] — «делает», *яздо* [яздуо] — «пишет».

Как уже указывалось при характеристике фонемы [yo], краткий дифтонг [yo] фонематически противостоит долгому дифтонгу [yo:]. Они отличаются друг от друга только по долготе и краткости. Это видно из следующих примеров:

[yo]	[yo:]
<i>до</i> [дуо] — делает	<i>до</i> [дуо:] — сапетка
<i>го</i> [гуо] — видит	<i>го</i> [гуо:] — увидь, повидайте
<i>гло</i> [глуо] — помощь	<i>гло</i> [глуо:] — иди(те)

Краткий дифтонг [yo] фонематически противопоставляется закрытой краткой фонеме [o]:

[yo]	[o]
<i>йола</i> [йуола] — дочь, девушка (в эргативном пад. ед. ч.)	<i>йола</i> [йола] — кастрирует

Дифтонг [yo] фонематически противопоставляется и открытой фонеме [o]:

[yo]	[o]
<i>долла</i> [дуолла] — воткни	<i>долла</i> [долла] — находится где-то, в чем-то; числится за кем-то

Своеобразие дифтонга [yo] проявляется и при его сопоставлении с краткой [y] и долгой [y:] фонемами.

[yo]	[y]
<p><i>ду</i> [дуо] — делает <i>лор</i> [луор] — врач <i>дотта</i> [дуотта] — налей</p>	<p><i>ду</i> [ду] — есть <i>лур</i> [лур] — дам <i>дутту дотта</i> [дутта] — наливает</p>
[yo]	[y:]
<p><i>хво</i> [хьюо] — ты <i>ло</i> [луо] — дает <i>го</i> [гуо] — видит</p>	<p><i>хву</i> [хью:] — обмораживание <i>лу-уш</i> [лу:ш] — давая <i>гу-уш</i> [гу:ш] — видя</p>

Данный дифтонг употребляется в основах абсолютных форм, т. е. в формах им. п. ед. ч. имен существительных, числительных, чаще всего исконного происхождения: *дог* [дуог] — «сердце», *ког* [куог] — «нога», *корта* [куорта] — «голова» и т. д. В бацбийском языке в таких словах находим краткую фонему [o] вместо чеченского дифтонга [yo]: [докл] — «сердце», [кокл] — «нога» и т. д.

Ряд глаголов в форме настоящего времени изъявительного наклонения оканчивается на дифтонг [yo]: *бо* [буо] — «делает», *гло* [glyo] — «идет», *хво* [хьюо] — «несет». В бацбийском языке в этих формах употребляется краткая фонема [o]: [тегбо] — «делает» и т. д.

Фонема [yo] под ударением не подвергается существенным качественным и количественным изменениям. В первом слоге корня дифтонг [yo] почти всегда бывает ударным: *дало* [далуо] — «отдает», *лотта* [луотта] — «ткни», *дотта* [дуотта] — «налей» и т. д.

Чаще всего дифтонг [yo] употребляется в неударных слогах, однако и в этом случае он не утрачивает своих количественных и качественных особенностей: *йаало* [йаалуо] — «в состоянии, могу кушать», *йохйо* [йуохьюо] — «грест», *глодо* [glyoдоуо] — «помогает».

Судя по бацбийским формам, дифтонг [yo], появляющийся в абсолютных формах имен и в глаголах в настоящем времени, — более позднего происхождения.

Данные нахских языков показывают, что дифтонг [yo] образовался в эпоху распада общенахского языка-основы на диалекты и говоры, когда первый тип первичного чередования корневых гласных сопровождался лабиализацией корневого [a], точнее заменой его в одних говорах дифтонгом [yo], а в других — монофтонгом [o]: *д-а-г-в* > чеч. инг. *д-уо-г*, бацб. *д-о-кл* — «сердце», *д-а-ш-в* > чеч., инг. *д-уо-ш*, бацб. *д-о-ш* — «слово» и т. д.

Характеристика гласных фонем, передаваемых в чеченском и ингушском литературных языках через букву „у“

В чеченском и ингушском литературных языках через букву [y] передают две фонемы — долгую [y:] и краткую [y]. Их вариантом служит редуцированный, неопределенный, беглый гласный [y], обычно встречающийся в конце двух- и более сложных слов.

В специальной литературе указанные две фонемы отмечены. Правда, в алфавитах чеченского и ингушского языков они не противопоставлены обозначением их разными буквами.

В основе монофтонгов [y:] и [y] лежит одна и та же общая основная артикуляция, свойственная вообще звуковому типу [y]. Характерной особенностью основной артикуляции данного звукового типа является то, что он дает лабиализованный гласный заднего ряда верхнего подъема. Различаются же они между собой по долготе и краткости.

Долгая фонема [y:]. [y:]—лабиализованная долгая закрытая фонема заднего ряда верхнего подъема. Долгая фонема [y:] встречается в начале, середине и конце слова: *урам* [y:рам]— «улица», *узу* [y:зу]— «тянет»; чаще всего в середине слова, главным образом в первом слоге корня: *муха* [му:ха]— «как», *духу* [ду:ху]— «одевает», *лулахо* [лу:ла-хуо:]— «сосед»; редко в конце слов, и то в односложных словах, состоящих из открытого слога: *лү* [лу:]— «дикая коза», *члү* [члү:]— «шомпол».

Долгая фонема [y:] фонематически противопоставляется краткой фонеме [y] по признаку долготы и краткости:

[y:]	[y]
<i>буса</i> [бу:са]— надуй	<i>буса</i> [буса]— ночью
<i>шу</i> [шу:]—подъем, возвышенность	<i>шу</i> [шу]— вы
<i>духу</i> // <i>духа</i> [ду:ха]— надевает	<i>духа</i> [духа]— обратно

Долгий звук [y:] противопоставляется долговому дифтонгу [yo:] по качественным признакам:

[y:]	[yo:]
<i>лү</i> [лу:]— дикая коза	<i>лү</i> [лүо:]— снег
<i>хьү</i> [хьү:]— обмораживание	<i>хьо</i> [хьүо:]— носи
<i>буху</i> // <i>буха</i> [бу:ха]— разбивается, рушится	<i>боха</i> [бүо:ха]— разбивайся, разрушайся
<i>глү</i> [глү:]— колодец	<i>гло</i> [глүо:]— иди (те)

Как видно из приведенных примеров, фонема [y:] встречается в некоторых именах существительных и в глагольных формах настоящего времени изъявительного наклонения. В бацбийском языке нет долгой фонемы [y:].

В чеченском языке [y:] обычно встречается в первом слоге корня под ударением: *буху*//*буха* [бу:ха]— «разбивается, разрушается», *лулахо* [лу:ла-хуо:]— «сосед». В односложных словах фонема [y:] почти всегда образует открытый слог. В двух- и более сложных словах в конечном положении она не употребляется.

В ингушском, по сравнению с чеченским языком, редко употребляется фонема [y:]: инг. [ду:хар]— «одевать» и др.

К р а т к а я ф о н е м а [y]. [y]—лабиализованная краткая закрытая фонема заднего ряда верхнего подъема.

Краткая фонема [y] употребляется во всех позициях: в начале слова: *y* [y] — «доска», *yrc* [yrc] — «нож», *ylx* [ylx] — «сот (мед с воском)», *yla* [yla] — «на четвертый день»; в середине слова: *glullax* [glullax] — «дело», *zuda* [zuda] — «женщина», *lurg* [lurg] — «дающий», *yukʔ* [yukʔ] — «середина, зола», *nuc* [nuc] — «сноха»; в конце слова в обычном обозначении встречается, как правило, в односложных словах, образующих открытый слог: *cy* [cy] — «толокно», *cy* [cy] — «в (последлог и приставка)», *xly* [xly] — «семья».

Этот неопределенный, нейтральный, очень краткий звук под действием частично ассимилирующего влияния предшествующего гласного (или гласных) заднего ряда верхнего подъема может стать лабиализованным сильно редуцированным гласным этого же ряда: *chuxulu* [chuxulu] — «сквозь», *duzu* [duzu] — «наполняет», *yllu* [yllu] — «вешает» и т. д. Однако этот звук может не подвергаться такой ассимиляции. Существующее в чеченской и ингушской орфографии правило о написании [y] в некоторых глагольных формах настоящего времени связано с желанием графически (и морфологически) противопоставить глагольные формы наст. вр. другим формам: [o:xu] — «пашет», но [o:xa] — «мы», [do:glu] — «идет», но [do:glɑ] — «замок», *duzu* [duzu] — «наполняет», но [duza] — «наполняй».

Приведем слова на фонематическое противопоставление монофтонга [y] и краткого дифтонга [yo]:

[y]	[yo]
<i>шы</i> [шы] — вы	<i>шyo</i> [шyo] — год
<i>бутт</i> [бутт] — месяц, луна	<i>ботт(а)</i> [ботт] — налей (бокал)
<i>ду</i> [ду] — есть	<i>до</i> [доyo] — делает
<i>чу</i> [чу] — в (последлог, приставка)	<i>чо</i> [чоyo] — волос

Здесь следует отметить следующее: если в первом слоге имеется [y], то во всех последующих слогах, входящих в состав данного слова, звук [y] произносится менее ясно, определенно, более редуцированно, кратко. Это видно из следующих примеров: *дустург*//*дустарг* — «сравниваемый, сравнительный», *чухулу*//*чухала* *чухулу*//*чухала* — «сквозь» и т. д.

Фонема [y] относится к числу наиболее употребительных гласных звуков в нахских языках. Эта фонема существовала в нахском языке-основе с древних времен. Она существует во всех современных нахских языках.

Краткая [y], как правило, встречается в первом слоге корня под ударением: *бухла* [бухла] — «сова», *glутакх* [glутакх] — «коробка», *шyра* [шyра] — «молоко», *нyкул* [нyкул] — «невестка».

В односложных словах фонема [y] может быть как в открытых, так и в закрытых слогах: *шы* [шы] — «вы», *ду* [ду] — «есть», *cy* [cy] — «толокно», *сту* [сту] — «бык».

Фонема [y] представлена в аналогичных ингушских примерах: *бурув* — «бурав», *мукʔ* — «рукоятка», *cy* — «толокно», *фу* — «семья», *ly* — «пастух» и т. д. В бацбийском языке также широко употребляется эта фонема: *набдур* — «войлок», *вугрик* — «крикун», *хьунлохь* — «в лесу», *чухь* — «дома» и т. д.

Характеристика гласных фонем, передаваемых в чеченском и ингушском литературных языках через сочетание букв „а“, „о“, „у“ с мягким знаком

Через сочетания букв *а, о, у* с мягким знаком передают следующие звуки: [аь], [аь:], [уоь:], [уоь], [уь:], [уь].

Долгая фонема [аь:]. [аь:] — долгая гласная фонема переднего ряда примерно соответствует немецкому долговому [ä], но отличается от последнего более высоким подъемом языка и более широким открытием рта.

Рассматриваемая фонема широко распространена в ингушском: в начале слова — [аь:кха] — «зверь», [аь:хав:] — «вспахав», [аь:ла] — «князь»; в середине слова — [наь:на] — «матери» (род. п., ед. ч.), [лаь:сан] — «теленка»; в конце слова — [и:заь:] — «тянув», [и:цаь:] — «купив, взяв», [ди:шаь:] — «прочитав». Она чаще всего встречается в открытых слогах, но может употребляться и в закрытых слогах: [ди:шаь:д] — «прочитал, читал», [аь:хав:д] — «пахал, вспахал» и т. д.

В чеченском литературном языке эта фонема почти не встречается, поэтому мы не выделили ее в фонетике чеченского литературного языка. Правда, мы находим этот звук в некоторых говорах чеченского языка, откуда он может проникнуть вместе с диалектизмами в литературный язык.

Ингушской долгой фонеме [аь:] в некоторых чеченских формах соответствует долгая [е:]: инг. [аь:хар], чеч. [е:хира] — «пахал, вспахал», инг. [даь:на], чеч. де:нан||де:н — «отца», инг. [аь:кха], чеч. [е:кха] — «зверь».

Долгая фонема [аь:] отсутствует в бацбийском. Ее не было и в нахском языке-основе. Вторичным чередованием гласных именных и глагольных основ и внешним влиянием обусловлено возникновение этой фонемы в чеченском и ингушском. Этим объясняется то, что она почти всегда встречается в формах позднего образования, относящихся ко времени, следующему за распадом нахского языка-основы (если не считать более древних форм, подвергшихся фонетической и фонематической перестройке под действием законов аналогии: ср. бацб. [а:кхо], инг. [аь:кха], чеч. [е:кха] — «зверь», но чеч. [а:кхаруой] — «звери», [а:кхаралли:ца] — «зверски». Бацбийская форма [а:кхо] отражает древнее состояние. Из этой формы образуется форма род. п. ед. ч. [а:кхин], которая в результате вставки внутрь основы аффиксального [и] преобразовалась в [а:икхн], дат. п. [а:икхна]. Последняя засвидетельствована в бацбийском и в горных говорах чеченского языка. Из двух основ, существовавших в древности, — основа им. п. ед. ч. [а:кх] более древняя, чем основа род. п. ед. ч. [аикх], ставшая постепенно основой почти всех косвенных падежей. В дальнейшем из слияния [а:и] возникли [аь:] → [е:]. Таким образом, процесс возникновения последних двух фонем в составе анализируемого слова происходил в следующей последовательности:

$$\left. \begin{array}{l} [а:] + [и] \rightarrow [а:и] \\ [\tilde{а}] + [и] \rightarrow [а:и] \end{array} \right\} \begin{array}{l} \text{чеч.} \rightarrow [аь:] \begin{cases} \nearrow [е:] \\ \searrow [аь] \end{cases} \\ \text{инг.} \rightarrow [аь:] // [аь] \end{array}$$

Краткая фонема [аь]. [аь] — краткая гласная фонема переднего ряда, примерно соответствующая немецкому краткому [a], отлича-

ется от последнего более высоким подъемом языка и более широким открытием рта.

Фонема [ав] широко употребляется в чеченском и ингушском языках: чеч. [авхна]—«вспахал»; инг. [авннад]—«сказал», чеч. [авлли:хья:ра], инг. [авнда:ла:р] — «да сказал бы, если бы сказал»; чеч. [давлла], инг. [давна] — «кончив».

В чеченском языке [ав] чаще всего встречается в составе именных и глагольных основ, в которых произошла перегласовка корневых гласных в соответствии с законом вторичного чередования: [лаьмнашкав: хья: — «в сторону гор», ср. [лам]— «гора»; [авгна] — «продолбил» < * [а:игна] < * [а:гина]; ср. [а:га]—«долби».

В чеченском языке фонема [ав], как правило, встречается в закрытых слогах: [авлла]— «сказал», [авхна]— «вспахал», [давгна]— «сгорел».

В составе суффикса употребляется редко: [хья:мидг|аврга]— «к Хамидовым, к семье Хамида», [Муслимг|аврга]— «к семье Муслима, к Муслимовым».

В чеченском обычно употребляется в начале слова: [авхкие:]— «лето», [авлха]— «сосенок, точильный камень», [авлча]— «одна из четырех сторон игровой бабки», [аврха]— «упрямый, строптивый», [аврзу:]— «орел», редко в середине слова: [кхавчна]— «дошел», [лавцна]— «поймал». В конце слова почти не встречается.

В ингушском языке также находим примерно такую же картину: фонема [ав] в большинстве случаев связана с именными и глагольными основами, в которых произошла перегласовка корневых гласных в соответствии с законом вторичного чередования: [авхна]— «вспахав» < * [а:ихна] < * [а:хина]; ср. инг., чеч., бацб. [а:х(а)]— «паши». Данный звук в ингушском чаще всего встречается в закрытых слогах: [авннад]— «сказал».

В ингушском фонема [ав] получила широкое распространение в глагольных основах как в начале, так и в середине слова: [ав:хав:]— «вспахав», [давннад]— «кончил, закончил» и т. д.

В бацбийском нет фонемы [ав]. Она отсутствовала в нахском языке-основе. В тех случаях, где в чеченском и ингушском появляется [ав] по законам вторичного чередования гласных основ, в бацбийском находим дифтонг [аи], которому своим происхождением обязана фонема [ав]: бацб. [аилънас], чеч. [авлла], инг. [авннад]— «сказал (я)», бацб. [аихнас], чеч. [авхна], инг. [авхав:д]— «вспахал (я)». В этих примерах исходными основами являются [а:л.] и [а:х...]; чеч., инг., бацб. [а:х(а)]— «паши»; чеч., инг. [а:ла], бацб. [а:лъ(а)]— «скажи» и т. д. В бацбийском наряду с формами [аилънас] и [аихнас] бытуют и более древние параллельные формы: [а:лъина], [а:хина] в том же значении (обычно для III лица ед. и мн. ч., но могут быть употреблены во всех остальных лицах).

Как видно из изложенного, процесс возникновения фонемы [ав] обусловлен вторичным чередованием гласных именных и глагольных основ. Начало этого процесса восходит к нахскому языку-основе. Дальнейшее интенсивное развитие этого процесса в чеченском и ингушском языках привело к образованию фонемы [ав:];

$$\begin{array}{l} [a] + [u] \rightarrow [ai] \\ [a:] + [u] = [a:u] \end{array} \left. \begin{array}{l} \text{чеч.} \\ \text{инг.} \end{array} \right\} \begin{array}{l} [ав] \rightarrow [e:] \\ [ав] \rightarrow [ав:] \end{array}$$

Фонемы [уо:], [уов], [уь:], [уь], [у]. Звуки [уов:], [уов], обозначаемые в литературном языке через посредство [ов], все исследователи

(П. К. Услар, Н. Ф. Яковлев и др.) определяли как простые палатализованные гласные. Между тем они являются, как мы это увидим из дальнейшего изложения, дифтонгами переднего ряда. В большинстве случаев буквенное сочетание [об] передает дифтонги [уоб:] и [уь].

Широкое распространение получили в чеченском и ингушском языках монофтонги [уь:] и [уь]. Эти фонемы более позднего происхождения. Они связаны с образованием в чеченском и ингушском языках новых грамматических категорий (например, давнопрошедшего времени в системе спряжения) и осложнением структуры именных и глагольных форм.

Фонемы [уоб:], [уоб], [уь:] и [уь] представляют собой лабиализованные гласные переднего ряда. В бацбийском языке им соответствуют обычно дифтонги, первым элементом которых является лабиализованный, а второй элемент — [и]: чеч. *воьду* [вуоб:ду], бацбийск. [в-уи-т|у//в-уи-т|о] — «идет»; чеч. [дуобтгание:ра], бацб. [доиттно:рало] — «налил, оказывается»; чеч. [дуобхкние:ра], бацб. [д-оихкнорало] — «продал, оказывается» и т. д.

В ингушском литературном языке до 1927 г. существовали знаки для обозначения звуков, передаваемых в чеченском сочетаниями *об*, *уь*.

Долгий дифтонг [уоб:], [уоб:] — лабиализованный дифтонг переднего ряда. Данный дифтонг широко употребляется в чеченском языке во всех позициях: в начале слова — *оьшу* [уоб:шу] — «нуждается, нужно», *оьцуьйтура* [уоб:цуь:тура] — «позволял брать, покупать», *обт|уьйтура* [уоб:т|уьйтура] — «позволял рваться», *оьхьуьйтура* [уоб:хьуь:тура] — «позволял показывать»; в середине слова — *лоьраш* [луоб:раш] — «врачи», *боьха* [буоб:ха] — «грязный», *лоьхуьйтура* [луоб:хуь:тура] — «позволял искать», *гоьнаш* [гуь:наш] — «матрицы»; в конце слова — *гоь* [гуоб:] — «матрац», *доь* [дуоб:] — «сеет, убивает», *кхов* [кхуоб:] — «фасоль».

Долгий дифтонг [уоб:] фонематически противопоставляется долгому монофтонгу [уь:]

<i>уоб:</i>	<i>уь:</i>
<i>доьшу</i> [дуоб:шу] — учится, читает	<i>дуьшу</i> [дуь:шу] — ложатся

Фонема [уоб:] фонематически противопоставляется также и краткому монофтонгу [у].

Долгая фонема [уоб:] встречается почти всегда в открытых слогах:

[уоб:] в открытом слоге	[уь] в закрытом слоге
<i>хьоьцуьтура</i> [хуоб:цуь:тура] — заставлял отпустить	<i>хьобрцуьтура</i> [хуобрцуь:тура] — заставлял поворачивать
<i>хьобтуьйтура</i> [хуоб:туь:тура] — заставлял казаться	<i>хьобржуьйтура</i> [хуобржуь:тура] — заставлял выбирать
<i>хьоьхуьйтура</i> [хьуоб:хуь:тура] — заставлял обучать	<i>хьобттуьйтура</i> [хуобттуь:тура] — заставлял спрашивать

Рассматриваемая фонема [уоб:] под ударением не подвергается существенным количественным и качественным изменениям.

В первом слоге корня она всегда бывает ударной: *лоькху* [луоб:кху] — «играет» (на муз. инструменте), *тоьшуйту* [туоб:шуй:ту] — «позволяет верить».

Дифтонг [уоб:] употребляется: а) для различения слов:

[уоб:]	[уо:]
<i>гуоб</i> [гуоб:] — матрац	<i>го</i> [гуо:] — круг

б) для образования грамматических категорий:

однократный вид глагола	многократный вид глагола
<i>лоху</i> [лоху] — ищет <i>хьоху</i> [хьоху] — мажет, красит	<i>лоьху</i> [луоб:ху] <i>хьобьху</i> [хьуоб:ху]
в) глагольные формы, требующие субъекта и прямого объекта в ед. ч.	глагольные формы, требующие субъекта или объекта во мн. ч.
<i>буьжу</i> [бу:жу] — падает (один)	<i>обьгу</i> [уоб:гу] (многие)

В чеченском языке встречается долгий дифтонг различного происхождения. Фонема [уоб:], употребляемая в именах, по-видимому, особого происхождения. Она сохраняется в формах косвенных падежей (в открытых слогах). Иного происхождения [уоб:], появляющаяся в некоторых глагольных формах: в некоторых формах настоящего времени длительного (многократного) вида [лоь:ху], в немногих формах, требующих субъекта или объекта во множественном числе [об:гу], в настоящем и прошедшем очевидном побудительного наклонения [доь:ху], [доь:хуй:ту].

В ингушском фонема [уоб:] встречается не так часто [суоб:лие:] — «дагестанец», [нуоб:глие:] — «ногаец», [суо суоб:] — «я сам», [хьуо хьуоб:] — «ты сам» [туоб:хав:] — «ударивший, ударенный»¹.

Фонема [уоб:] отсутствовала в общенахском языке. В бацбийском она также отсутствует.

К р а т к а я ф о н е м а [уоб], [уоб] — лабиализованный краткий дифтонг переднего ряда. Данный дифтонг широко употребляется в современном чеченском языке в закрытом слоге: в начале слова — *обзна* [уобзна] — «потянул, взвесил», *обзда* [уобзда] — «вежливый», *обрси* [уобрси] — «русский», чаще всего употребляется в середине слова — *доьлху* [дуобьлху] — «плачет», *доьттира* || *доьттара* [дуобьттира || дуобьттара] — «налил», *доьхку*, [дуобьхку] — «связывает», *моьлкъа* [муобьлкъа] — «ящерица».

Данный звук в конце слова не встречается.

Краткий дифтонг [уоб] фонематически противопоставляется долгому [уоб:] по признаку краткости и долготы, т. е. с количественной стороны:

[уоь:]	[уоь]
<i>оь</i> [уоь:] — смешивается	<i>оьн</i> [уоьн] — смешивающийся
<i>зоь</i> [зуоь:] — испытывает, проверяет	<i>зоьн</i> [зуоьн] — испытываемые, проверяемый
<i>лоь</i> [луоь:] — говорит	<i>лоьн</i> [луоьн] — говорящий
<i>доь</i> [дуоь:] — сеет, убивает	<i>доьн</i> [дуоьн] — засеваемый, убиваемый
<i>хьоь</i> [хьуоь:] — протаптывает	<i>хьоьн</i> [хьуоьн] — протаптываемый

Следует указать на то, что в приведенных выше противопоставлениях разница в долготе между [уоь:] и [уоь] весьма незначительная (в отличие от других случаев, в которых фонемы [уоь:] и [уоь] фонематически противопоставляются).

Фонема [уоь] фонематически противопоставляется дифтонгу [уо]:

[уоь]	[уо]
<i>доьтта</i> [дуоьтта] — налил	<i>дотта</i> [дуотта] — налей
<i>доьхка</i> [дуоьхка] — пояс	<i>дохка</i> [дуохка] — продай
<i>доьлла</i> [дуоьлла] — воткнул	<i>долла</i> [дуолла] — воткни

Дифтонг [уоь] обычно встречается в закрытых слогах: *тоьхна* [туоьхна] — «ударил», *оьхкана* [уоьхкана] — «повесил», *доьхка* [дуоьхка] — «пояс».

Из этих примеров видно, как образовалась фонема [уо]. Возникновению этой фонемы предшествовала вставка аффиксального [и] внутрь корня. Возникающий при этом дифтонг в дальнейшем превратился в дифтонг переднего ряда *дуо-тта* — «налей», *дуотти* > *дуоитти* > *дуоьтти* — «налил» (ср. бацб. *дотта* — «налей», *дотти* — «налил», где не происходит вставка аффиксального [и] внутрь корня).

Краткий дифтонг [уоь] иногда встречается в открытом слоге в начале и середине слова: *тоьхула* [туоьхула] — «сверху», *оьзана* || *оьзна* [уоьзана] || *уоьзна* — «тянул, взвесил». Однако, такие открытые слоги имеют тенденцию превращаться в закрытые слоги или варианты закрытых слогов. Вероятно, исторически эта тенденция развивалась путем выпадения гласного звука и процесса ассимиляции: *оьзина* → *оьзана* → *оьзна* → *оьзза*. Чаще всего [уоь] встречается под ударением, под влиянием ударения он не подвергается существенным количественным и качественным изменениям: *оьздалла* [уоьздалла] — «вежливость», *тоьрмаг* || *тоьрмаг* [туоьрмаг] — «сумка, котомка».

В ингушском языке этот дифтонг употребляется более широко, чем [уоь:] : [уоьрсиз:] — «русский», [уоьздиэ] — «вежливый», [ч'уоьж] — «ушеле, нижняя челюсть лица», [б'оьрдж] — «чувяк»¹, *кхуоьссаьр* — «бросил», *уоьттаьр* — «стал». В большинстве случаев в именах существительных, в которых употребляется [уоь] в ингушском, этот звук чере-

¹ Д. Д. Мальсагов. Указ. соч., стр. 40.

дуется с [из:]: [уобрсиз||изрсиз, уобздиэ||изздиэ] — «вежливый», [куос||киэс] — «полоса скошенного хлеба или сена»¹.

Фонема [уоб] отсутствует в бацбийском, в котором процесс вторичного чередования гласных корня не получил такого дальнейшего развития, как в чеченском и ингушском. Данный дифтонг отсутствовал и в общенахском языке-основе. Этот звук возник в чеченском и ингушском языках как следствие вторичного чередования гласных основы путем вставки аффиксального [и] внутрь корня (основы).

О звуке [ов]. Данный звук является первым элементом дифтонга [обу], служившего вариантом дифтонга [еу]: им. п. ед. ч. [коу] — им. п. мн. ч. [кобуна||кеунаш] — «ворота», им. п. ед. ч. [оу] — им. п. мн. ч. [обунаш||еунаш] — «шомпол, им. п. ед. ч. [джлоу] — им. п. мн. ч. [джлобунаш||джлеунаш] — «молоток», им. п. ед. ч. [цлоу] — им. п. мн. ч. [цлобунаш||цлеунаш] — «сноп» и т. д. Эти варианты рассматриваемых форм слов проникли в литературный язык из разных диалектов.

Фонема [уь:]. [уь:] — лабиализованная долгая фонема переднего ряда. Фонема [уь:] широко употребляется в современном чеченском языке: в начале слова — уьйтIа [уь:тIа] — «во двор», уьйтIе [уь:тIе:] — «двор», уьйриг [уь:риг] — «клубок ниток», уьйзу [уь:зу] — «тянет»; очень часто в середине слова — туьйра [туь:ра] — «сказка, басня», луйьсакх [луь:сакх] — «тухлое яйцо», охуйта [о:хуй:та] — «заставляет пахать», лоблуйта [лоуб:луй:та] — «заставляет (позволяет) ходить», гуьйре [гуь:рие] — «осень», Луьйре [Луь:рие:] — «утро».

Примеры, показывающие фонематическое противопоставление долгого монофтонга [уь:] и долгого дифтонга [уоб:], были приведены выше, при характеристике [уоб:]. Долгая фонема [уь:] противопоставляется краткой фонеме [уь] по признаку долготы и краткости:

[уь:]	[уь]
дуьйжа [дуь:жа] — упал	дуьжа [дуьжа] — ложится
туьйха [туь:ха] — ударил	туьха [туьха] — соль
дуьйла [дуь:ла] — приходите	дуьла [дуьла] — моет, стирает
туьйлу [туь:лу] — дает	туьлу [туьла] — с ума сходит

Долгая фонема [уь:] встречается обычно в открытых слогах:

Долгая фонема [уь:] в открытом слоге

луйьцу [луй:цу] — ловят, арестовывают	кхуйьсу [кхуй:су] — бросают
дуьйлу [дуь:лу] — смеются	буьйшу [буь:шу] — ложатся
обхуйьтура [уобхуй:тура] — позволял (разрешал) ходить	доьлхуйьтура [доьлхуй:тура] — позволял плакать
доьшуьйтура [доьб:шуь:тура] — позволял учиться	лоьчIкьуйьтура [луььчIкьуй:тура] — позволял прятаться

Если слог с гласной фонемой [уь:] становится закрытым, то [уь:] переходит в один из кратких гласных: [кхуй:су] — «бросают», но кхобссара [куобссара] — «бросил(и)», [туь:ха] — «ударил», но тоьхна [туобхна] — «ударил(и)» (недавнопр. вр.).

¹ Д. Д. Мальсагов. Указ. соч., стр. 41.

Монофтонг [уь:] под ударением не подвергается существенным качественным и количественным изменениям. В первом слоге корня он всегда бывает ударным: *дуйла* [дуй:ла] — «приходите», *луйцу* [луй:цу] — «арестовывает».

Чаще всего [уь:] употребляется в неударных слогах: *лоблуйти* [луоб:луй:та] — «заставляет ходить», *лобхуйтура* [луоб:хуй:тура] — «заставлял искать», *добстуйтура* [добстуй:тура] — «заставляли развязывать», *хуййсуйтура* [хуйь:суй:тура] — «позволяли посматривать». Фонема [уь:] относится к числу наиболее часто употребительных звуков при чередовании корневых гласных: *милийтура* [ми:ли:тура] — «позволяли пить» (соверш.), но *муьлуйтура* [муь:луй:тура] — «позволяли выпивать» (несоверш.) *хьийзийтина* [хьи:зи:тина] — «позволяли повертеть», но *хьуйзуйтура* [хьуйь:зуй:тура] — «позволяли вертеть» и т. д.

В чеченском языке встречается долгая [уь:] различного происхождения. Фонема [уь], участвующая в образовании однократного и многократного видов глагола, более раннего происхождения: *кхуссу* (однократн. вид), [кхуйь:су] (многокр. вид) — «бросает», *ло* [луо] (однократн. вид), *туьлу* [туь:лу] (многокр. вид).

Однократный вид	Многократный вид
<i>кхуссу</i> [кхуссу] — бросает	<i>кхуйьусу</i> [кхуйь:су] кхуйь:са]
<i>ло</i> [луо] — дает	<i>туььлу</i> [туьь:лу] туьь:ла]

Фонема [уь:], встречающаяся в побудительном залоге, — более позднего происхождения: *дустура* [дустура] — «измерили», *дустуйтура* [дустуй:тура] — «заставили измерить»; *доьшара* [доь:шара] — «читал, учился», *доьшуйтура* [доь:шуй:тура] — «заставляли читать, учиться».

В ингушском языке [уь:] употребляется реже, чем даже [уоь]. Этот дифтонг в нем чередуется с [у:], [и:] и редко [о]: [Иуь:риэ:]||Ии:риэ:]||Иуй:риэ] — «утро», [уь:чиэ:]||и:чиэ] — «коридор»; [буь:р:]||бийр] — «приказ», [гуь:риэ:]||ги:риэ:] — «осень».

В некоторых случаях чеченскому [уь:] в ингушском соответствует [о]: чеч. [луй:диг], инг. [лорд] — «лист кукурузного початка». Наблюдаются и следующие соответствия: чеч. [суйь:риэ:], инг. [сайриэ:] — «вечер», чеч. [куь:са], инг. [киэ:са] — «безволосый», чеч. [нуь:жа], инг. [нажирг] — «наковальня», чеч. [чуь:на], инг. [чуо:на] — «чугунный»¹.

Фонема [уь:] отсутствует в бацбийском, но данные бацбийского языка показывают, что [уь:] своим образованием обязан вторичному чередованию в именных, глагольных корнях, а также лабиализованного гласного и гласного переднего ряда в аффиксах (чаще всего на стыке двух основ). В этом отношении показательны следующие примеры: чеч. литер. [буь:су], по Услару [буиси]², бацб. [буиса] — «ночь» и др.

Из сказанного следует, что в нахском языке-основе не было этого звука.

Итак, фонема [уь:] возникла в чеченском и ингушском языках после распада нахского языка-основы, в эпоху их самостоятельного развития. Во-первых, вследствие вставки во внутрь основы (с лабиализованным корневым гласным) аффиксального [и], вызванного вторичным чередованием:

Во-вторых, при образовании понудительных глагольных форм на стыке двух основ, чаще всего в настоящем и прошедшем несовершенном.

¹ Д. Д. Мальсагов. Указ. соч., стр. 44.

² П. К. Услар. Чеченский язык, стр. 162.

[доу] — «кушает», [доуь:та] [доуь:ту] — «позволяет кушать» из [даандуь-ту//дуьта] — «кушать оставляет».

Краткая фонема [уь]. [уь] — лабиализованная краткая фонема переднего ряда. Фонема [уь] встречается в начале и середине слова. В начале слова: уьду [уьду] — «бегает», уьнтлпхьид [уьнтлпхьид] — «черепаша», уьстаг [уьстаг(а)] — «баран», уьш [уьш] — «они», уьшал [уьшал] — «болото»; чаще всего в середине слова — чуьрк [чуьрк] — «комар», тлутьна [тлутьна] — «сырой», дуьне [дуьние:] — «мир, земля», дуьра [дуьра] — «соленый». Рассматриваемый звук в конце слова не употребляется.

Как мы уже указывали при характеристике [уь:], краткий монофтонг [уь], фонематически противопоставляется долгой фонеме [уь:]. Это видно и из следующих примеров:

уь	уь:
буьйса [буь:са̄] — ночь буьйсӯ [буь:сӯ] луьйра [луь:ра̄] } говорили луьйру [луь:рӯ] } уьйзаш [уь:заш] — взвешивая, вытягивая	буьса [буьса] } остаются [буьсу буьсу] } луьра [луьра̄] } кровник луьру [луьрӯ] } уьзаш [уьзаш] — они

Краткая [уь] фонематически противопоставляется краткому дифтонгу [уоь:]:

[уь]	[уоь]
дуьтта [дуьтта] — льет, стирает луьтта [луьтта] — колет	доьтта [доьтта] — налил лоьтта [лоьтта] — колол

Следующие примеры показывают фонематическое противопоставление кратких звуков [уь], [у], [уо], [уоь] в различных видовых и временных формах глаголов [дуотта] — «налить», [луотта] — «колоть»:

[уь] в формах многократного вида	[у] в формах однократного вида
дуьтту//дуьтта [дуьтта] — льет луьтту//луьтта [луьтта] — покалы- вает	дутту//дутта [дутта] — наливает лутту//лутта [лутта] — колет
[уо] в формах однократного вида	[уоь] в формах однократного вида
дотта [дуотта] — налей лотта [луотта] — коли	доьтта [доьтта] — налил лоьтта [лоьтта] — уколол

Краткая [yʲ] встречается в закрытых и открытых слогах:

В закрытых слогах	В открытых слогах
<i>буьрк(а)</i> [буьрк(а)] — меч	<i>дуьра</i> [дуьра] — соленый
<i>буьртиг</i> <i>буьртаг</i> [буьртаг] — зернышко	<i>буьхьиг</i> [буьхьиг] — козленок
<i>дуьрста</i> [дуьрста] — уздечка	<i>дуьхьал</i> [дуьхьал] — против
<i>муьста</i> [муьста] — кислый	<i>муьжги</i> [муьжги] — мужик

Краткая [yʲ] под ударением в любых фонетических условиях сохраняет свои качественные и количественные особенности без существенных изменений. В первом слоге корня она всегда бывает ударной: *луьста* [луьста] — «густой».

В современном чеченском литературном языке встречается [yʲ] различного происхождения. Монофтонг [yʲ], наличествующий в составе имен существительных [буьхьиг], [дуьрста], прилагательных [луьста], [муьста], [дуьра], иного происхождения, чем [yʲ], связанный с чередованием гласных в глагольных корнях типа [кхуссу] и [кхуйьсу], [луьтту] и т. д.

В ингушском [yʲ] почти не встречается. Чеченскому монофтонгу в ингушском соответствуют в одних случаях [y], а в других [i]:

чеч.	инг.
[yʲ]	[y]
[туьма]	[тума] — 10 рублей (туман)
[туьнкилг]	[тункилг] — дымовая труба
[туьха]/[туьхи]	[тух] — соль
[луьрг]	[лург] — дыра
[гуьржие:]	[гуржие:] — грузин
[гуьмсие:]	[гумсие:] — Гудермес
[yʲ]	[i]
[уьшул]	[ишал] — болото
[муьста]	[муста] — кислый
[луьра]	[лира] — свирепый
[луьста]	[листа] — чактый

По мнению Д. Д. Мальсагова, фонема [yʲ] раньше широко употреблялась в ингушском, а в современном языке сохранилась только в нескольких словах, и то в чередовании с другими звуками. Встречающиеся в ингушском случаи употребления [yʲ], даже как первый элемент дифтонга (например, [уьйла] — «мысль», [уьйчие:] — «коридор» и др.); он считает, что [yʲ] в прошлом более широко употребляли в ингушском.

Данный звук почти всегда бывает корневым гласным. Это подтверждают приведенные выше примеры. В конце слова он не встречается. Монофтонг [y] своим происхождением обязан вторичному чередованию гласных корня. Это подтверждают факты из бацб.: чеч. *хлуйттура*, бацб. *уиттара* — «часто стояли»; чеч. *дубххар(а)чу*, бацб. *дуихьренч* — «первые, начальный». Следовательно, чеч. *дубххара* < **дуихьари* < **дубхарин*. В общенахском этого звука не было.

Наряду с краткой [a] в ингушском установлена и редуцированная фонема [ə]

[a]	[ə]
[ца] — зуб	[цə] — нет, не
[са] — душа, свет	[сə] — мой
[га] — ветка	[гə] — семя

В некоторых случаях вариантом [ə] служит редуцированный и [ə], как на это указывает Д. Д. Мальсагов: *эллэр* / *əллэр* — «лежать», *эз* / *əз* — «он, этот», *дэгэр* / *əдэгэр* — «увести», *дэлэр* / *əдэлэр* — «мыть», *дэтар* / *əдэтар* — «оставить», *хэлэр* / *əхэлэр* — «быть, иметь».¹

Однако примеров, показывающих фонематическое противопоставление [ə] и [ə], мы не нашли.

Как показывают данные чеченского и бацбийского языков, инг. ə] является результатом дальнейшей редукции [a]:

инг.	чеч.	бацб.
[дэр] — делать	[дар]	[тагдар//дар]
[гэр] — видеть	[гар]	[дагар]
[да:джэр] — пастись	[да:жар]	[да:джар]

С другой стороны, инг. [ə] возникает вследствие редукции [и].

инг.	чеч.	бацб.
[дэгэр] — увести	[дигар]	[дикIар]
[эдэр] — бегать	[идар]	[итIар]
[хэлэр] — быть, иметь	[хилар]	[хилъар]
[дэтер] — оставить	[дитар]	[дитар]

В дальнейшем в инг. [ə] и [ə] сближаются по артикуляции, они часто могут замещать друг друга в одних и тех же фонетических случаях, как параллельно употребляемые варианты одного и того же звукового типа: *дэгэр* / *дэгэр* — «увести», *дэтар* / *дэтар* — «оставить», *эллэр* / *эллэр*

¹ Д. Д. Мальсагов. Указ. соч., стр. 46.

лер — „лежать“ и т. д. Вследствие этого рассматриваемые звуки могут соответствовать чеч. [а] и [и]:

инг.	чеч.
[зэз/ зэз] — цвет (цветение)	[зэз]
[дэн] — конь и т. д.	[дин]

Дифтонги в нахских языках

Уже были охарактеризованы следующие дифтонги [yo:], [yo], [yob:], [yob], [ue], [ue:]. Между тем в научной и учебной литературе по чеченскому и ингушскому языкам рассматриваются как дифтонги сложные звуки или сочетания звуков: *ав* [aw], *ай* [aj], *ев* [ew], *иев*, *иеи*, *оа*, *ув* [uw], *еи* [ej], *ов* [ow], *ои* [oi], *уи* [ui], *авв* [aww], *ив* [iw], *об* [ow], *ии* [ij]; *уби* [uj]. Кроме того, мы установили в чеченском языке еще четыре трифтонга: *иеи* [iei], *йои* [yoi], *юби* [yobi], *йоу* [yoi]. Все эти звуки в современных ингушском и чеченском языках встречаются в различных позициях. Вопрос о том, все ли они являются фонемами, не может быть здесь рассмотрен в деталях. Точно так же невозможно подробно анализировать все случаи употребления этих звуков как фонем особых и как фонетических дифтонгов. Для исторической характеристики формирования фонетических систем нахских языков важнее всего показать, как исторически возникли эти дифтонги. На этом вопросе мы и остановимся ниже. Дифтонги *ав* и *ов*, [aj], [oj] представлены во всех нахских языках: чеч. *дов*, инг. *дов* — «вражда, ссора», бацб. *лав* — «снег». В чеченском языке они представлены как варианты: *говр*//*гавр* — «лошадь», *дов*//*дав* — «теряет». В ингушском в этих словах имеем: *говр*, *дов*. В бацбийском чаще всего встречается *ав*: *Iавмбарч* [Iамбарч] — «Алэзности», *бавбор* [бавбор] — «убивали».

В чеченском бацбийскому *ав* соответствует *ай*//*ой*: бацб. *б-ав-бор*, чеч. *б-ой-ара*//*б-ой-ора* [б-ой-ара] — «убивали».

Чеченскому *ав*//*ов* в бацбийском соответствует *ап* [an], чеч. *довха*//*давха*, инг. *довха*, бацб. *д-ап-хна* — «горячий», чеч. *давзар*//*д-ов-зар*, инг. *довзар*, бацб. *д-ап-цIар* — «знать, узнавать», чеч. *ловзар*//*лав-зар*, инг. *ловзар*, бацб. *лапI-цIар* — «игра», чеч. [ло-ма], бацб. *л-оу-м* — «в горы» (им. п. ед. ч. в чеч. и бацб. *лам*); чеч.: *I-ав-шар*//*I-ов-шар*, инг. *I-ов-шар*, бацб. *I-ап-шар* — «жевать, прикусить» (язык и т. п.); чеч. *хь-ав-сар*//*хь-ов-сар*, бацб. *хь-ап-сар* — «смотреть».

Как видно из этих примеров, дифтонги *ав*//*ов* (*ай*//*ой*) в нахских языках разного происхождения.

Д и ф т о н г [ai]. Этот дифтонг часто употребляется в нахских языках: чеч. *в-аи-ца*, инг. *вай-ца*//*вейца*, бацб. *вай-ци* — «с нами», чеч. *аиш* (эрг. п.) — «вы сами», инг. *аиш оашаш* — «вы сами», бацб. *аиш* — «вы» (эрг. п.)

В корнях и основах именных глагольных форм бацб. *аи* соответствует ингушскому [aь]: бацб. *маькх* — «хлеб». Часто в бацбийском [ai] образуется: а) в результате вставки аффиксальной [i] внутрь основы: *набдур* — «войлок», им. п. мн. ч. *наибдри*; *асо* — «ремень», им. п. мн. ч. *ас-аи-ри*; б) чередование гласного корня при образовании мн. ч.: *куир* — «ястреб», *караилч* (им. п. мн. ч.).

Дифтонг [ai], встречающийся в аффиксах, вторичного происхождения, как и при образовании мн. ч.: чеч., инг. *дайтá*, бацб. *тегдаи-га* — «заставь делать»; бацб. *вай-аи-н* — «брату» (ср. чеч. [вешина], но в архаичных диалектах — *вашаин*).

Почти всегда трудно отличить [ai] от сочетания предшествующего [a] с последующим сонантом [i]. Например, *вай* и *ваи* — «мы».

В общенахском языке должен был существовать дифтонг (ai), образовавшийся путем вставки аффиксального (и) внутрь корня или основы.

Дифтонг *ев* [eu], *авв* [avy]. Эти два кратких дифтонга часто встречаются в чеченском: *ловзар* — «играть», *лев-зина* — «играл», *довзар* — «узнать», *дев-зина* — «узнал»; *длов* — «крепость», *блэвна* — «крепости» (дат. п.), *джлов* — «молоток», *джлаевна*(н) — «молотка» (род. п.); формы с *авв* возникли под влиянием аффиксального [и]: *джлов*||*джлав*, род. п. ед. ч. *джловнин*||*джлавнин* > *джлаевна*(н). Таким образом, дифтонг [avy] появляется в результате регласовки гласного корня под влиянием аффиксального [и].

Дифтонг [ei]. Дифтонг [ei] в нахских языках обычно образуется на стыке двух основ при образовании сложных слов: чеч. *деитта* (*диэ* — «четыре» + *итт* — «десять») — «четырнадцать», бацб. *йетхейтIтI* (*йетх* — «шесть» + *итIтI*) — «шестнадцать», *дъевейтIтI* — (*длаве* — «четыре» + *итIтI* — «десять») — «четырнадцать», *барлъейтIтI* (*барлъ* — «восемь» + *итIтI* — «десять») — «восемнадцать». В бацбийском дифтонг [ei] иногда встречается в качестве окончания мн. ч.: *пстIуйн* — «жена, женщина», им. п. мн. ч. *пстIеи*.

Как видно из приведенных примеров, дифтонг *еи* образовался, во-первых, на стыке двух основ, во-вторых, в составе аффиксов в результате стечения гласных. В ингушском языке этому дифтонгу соответствует [ий]: *дейтта* — «четырнадцать», *йалх-ий-тта* — «шестнадцать», *бархI-ий-тта* — «восемнадцать».

Дифтонг [oa]. Дифтонг [oa] имеется только в ингушском, в котором он встречается в составе: а) именных и глагольных основ с гласным корня вторичного образования; б) суффиксов. При регласовке корневого гласного он часто появляется вместо исконного корневого гласного:

1. В именных основах: *боа-хам* — «хозяйство, имущество», *блоагла* — «столб», *доахан* — «скот»¹.

2. В глагольных основах наст. врем. изъявит. накл. с гласным вторичного образования: *доах* — «отнимает», *оах* — «пашет», *й-оаг* — «кушает», *й-оа-гI* — «идет, приходит».

Этот дифтонг, как и соответствующие ему лабиализованные гласные в именных и глагольных основах, вторичного происхождения. Он образовался после распада общенахского языка-основы, в период обособленного развития речи ингушей, благодаря первому типу вторичного чередования. Это видно из следующих данных:

Повелит. накл.			Масдар		
чеч.	бацб.	инг.	чеч.	инг.	бацб.
[a:xa] — паши	[a:x(a)]	[a:x̄a]	ахар	ахар	ахар
[a:la] — скажи	[a:l̄(a)]	[a:la]	алар	алар	алъар
[a:ta] — кроши	[a:t(a)]	[a:ta]	атар	атар	атар

¹ Д. Д. Мальсагов. Указ. соч., стр. 55.

чеч.	инг.	бацб.
[o:xy//o:xa]	oax	[a:xo]
[o:ly//o:la]	oal	[a:lʒo]
[o:ty//o:ta]	oat	[a:to]
[доу//д-оа]	д-оа	[дакьо]

Формы повелительного наклонения и масдара отражают древний облик основ этих глагольных форм. В бацбийском языке при образовании наст. вр. изъяв. накл. гласный корня сохраняется. В чеченском и ингушском происходит вставка аффиксального [o] внутрь корня: чеч. [a:xa] — [o:xy]||[o:xa], инг. [a:xa] [oa:x]. В ингушском конечный гласный выпадает, а в чеченском он становится нейтральным, беглым, от которого не зависит категория настоящего времени. Поэтому в чеченском под действием формирующейся тенденции, закономерности прямой гармонии, корневому гласному начинает уподобляться конечный гласный. Этому способствует и орфография, предписывающая писать соответствующий лабиализованный гласный в конце двух- и трехсложных слов, если в основе имеется лабиализованный гласный.

В ингушском дифтонг [oa] сохраняется в глагольных формах, образованных от основы настоящего времени *oaxarie* (сослагательное накл. — «если бы пахал», *oaxar ac* — «вспаху я»¹ и т. д. Д. Д. Мальсагов отмечает, что под влиянием чеченского языка в речи ингушей, проживающих в Грозном, дифтонг [oa] звучит, как [o], [yo], иногда как [a]: *oаш*||*аш*||*ош* — «вы», *оарц* — «караул»; *оалаш*||*уолуш*||*олаш* — «говоря», *вокха*||*вокха* — «большой, старый»².

Дифтонг [oi]. Дифтонг [oi] употребляется во всех позициях в чеченском, ингушском и бацбийском языках: чеч. *ойла* — «в село», *ойхыза* — «бесцеремонный», *бойлла* — «кончили»; бацб. *дуц*||*д-оир* — «наполнив, когда наполнили». Сочетание [o] с [i] далеко не всегда дает дифтонг. Например, в бацб. *оь* — «зернышко, семя», *ои* [o-i] — «семена». Дифтонг [oi] встречается часто. По происхождению он чаще всего связан с гласным звуком [i] конечного слога, присоединенным к лабиализованному гласному.

Дифтонг [yi]. Дифтонг [yi] широко представлен во всех нахских языках. Встречается в начале, середине и конце слова, но чаще всего в конечном положении: чеч. *туй* [туи] — «плевок», *буй* [буи] — «кулак (руки)», *дуй*||*дуи* — «клятва», *нуь*||*нуи* — «веник»; чеч., инг. *кьуй* — «воры», *луй* — «пастухи»; инг. *луй* — «говорит ли?», *дуй* — «сеет ли?», *цуй* — «жареная мука кукурузная ли?», *фуй* — «воздух ли?». бацб. *в-а-т-уй* — «идет ли?», *дуи* — «лошади» (им. п. мн. ч.), *клаи-луй* (им. п. мн. ч.) — «саранча», *окхуй-н* — «ему», *муиш* — «плохо», *уйсрендэхь* — «оттуда», *куир* — «ястреб». Дифтонг [yi], встречающийся в этих словах, более позднего образования. В следующих словах мы имеем дифтонг [yi] древнего происхождения³: чеч. *туй-хи*, бацб. *ту-и-х* — «соль»; чеч. *б-уй-си*, бацб. *бу-и-су* — «ночь». В современном чечен-

¹ Д. Д. Мальсагов. Указ. соч., стр. 53.

² Там же, стр. 55.

³ А. А. Шифнер. Указ. соч., стр. 4.

ском языке дифтонг [yи], употребляемый в этих двух словах, дал две новые фонемы: в первом случае краткий лабиализованный монофтонг переднего ряда [yь]: *туьхи/туьха*; во втором примере—долгий лабиализованный монофтонг переднего ряда [yь:] *буьйсу/буьйса*.

Самым распространенным приемом образования [yи] в нахских языках является следующий: аффиксальный *и* или [й] конечного слога присоединяется к корневому гласному [y], который первоначально не смягчался: *хьун*—«лес», род. п. ед. ч. *хьунин*—«леса», в соврем. чеченском языке [y] путем поглощения [и] стал гласным переднего ряда. Аналогичный процесс происходил и в ингушском. В бацбийском этот процесс не получил дальнейшего развития после образования дифтонга [yи]. Дифтонг [yи] иного происхождения имеем в примерах, приводимых ниже:

а) присоединение к конечному [y] аффикса мн. ч. [и]: чеч., инг. *кьу*—«вор», *лу*—«пастух», им. п. мн. ч. *1-уи; 1уй*; бацб. *дуи*—«лошади», *к1а-илуи*—«саранча», им. п. мн. числа; б) присоединение к конечному [y] аффикса вопросительной формы [и||й]: чеч. *ду-й?*—«есть ли?», инг. *фуй?* из *фу*—«воздух»+*и[й]*—«воздух ли?», *дуй?*—«сеет ли?»; бацб. *ваг1-уи?*—«идет ли?». В чеченском дифтонг [yи] образовался путем замены конечного согласного: *туй [туй]*—«плювок» (ср. инг. *туе*), *дуй [дуй]*—«клятва» (инг. *дув*) и т. д.

Д и ф т о н г [yй]. Этот дифтонг встречается только в чеченском и ингушском языках. В чеченском языке трудно бывает разграничить дифтонг [yй] и долгий монофтонг [yь:]. В литературном языке принято обозначать их одним и тем же сложным знаком [yьй]. В большинстве случаев почти невозможно противопоставить [yьй] и [yь:] в открытых слогах: чеч. *суьйрие [суь:рие:]||[суьйрие:]*—«вечер», *куьйса [куь:са||куйса]*—«безволосый», *луьйдаг [луьйдаг]||[луь:даг]*—«лист кукурузного початка».

Как видно из этих примеров, допускается произнесение этих слов с дифтонгом [yьй] и монофтонгом [yь:]. Однако чаще всего произносится монофтонг [yь:].

В закрытом слоге почти всегда произносится дифтонг [yьй]: чеч. *суй*—«искра», *суьйнан [суь:нан]* (род. п. ед. ч.)—«искры», но *суьнт1-ухь [суьйнт1/ухь]*—«на искре».

Почти аналогичное положение наблюдается и в ингушском языке, в котором этот звук встречается редко. По словам Д. Д. Мальсагова, в ингушском этот звук всегда чередуется с [yи//ий], редко с [о]: *уьйрие//ийрие||уйре*—«утро», *уьйчие||ийчие*—«коридор», *уьйла||ойла||уйла*—«мысль», *буьйр//бийр*—«приказ», *гуьйрие//гийрие*—«осень». Чеченский язык не допускает таких чередований. Дифтонг [yьй] почти всегда является результатом смягчения [yи], т. е. за счет поглощения [и] предшествующим [y] перемещается вперед артикуляция [y] и образуется лабиализованный дифтонг переднего ряда [yьй]. Этому процессу обязаны своим происхождением [yь:], [yь], [оь], [уоь], [уоьи]. Процесс образования дифтонгов со вторым элементом [и] в бацбийском ограничился присоединением аффиксального [и] или [и] конечного слога к корневому лабиализованному гласному, не превращая последний в гласный звук переднего ряда. Вот почему в бацбийском мы имеем дифтонги [yи], [ои], [еи], но нет в нем [yь], [yь:], [yьй], [оь], [уоь], [уоь:].

Д и ф т о н г [ий]. Сочетание [ий] часто употребляется в чеченском и ингушском языках. В чеченском языке трудно бывает разграничить дифтонг [ий], долгий монофтонг [и:], передаваемый в литературном языке через [ий] и сочетание краткого [и] с сонантом [й].

Сочетание [ий] в открытом слоге может быть произнесено как крат-

кий дифтонг [ий]: чеч. *дийцар* [дийцар||ди:цар] — «рассказ», *кхийсар* [кхийсар||кхи:сар] — «бросать»; инг. *ийчие* — «коридор», *ийрие* — «утро», *ийда* — «пуговица».

Сочетание [ий] в закрытых слогах может быть произнесено как краткий дифтонг [ий] и как сочетание краткого [и] с сонантом [й]: чеч. *дийцна* [дийцна] — «рассказывал», [тийлна] и [тийлла] — «давал», *ийцна* [и:цина] — «купил», инг. *бийр* — «приказ», *бий* — «кулак (руки)», *гий* — «деревянное корыто», *хий* — «вода». Исторически сочетание [ий] возникло путем присоединения аффиксального [и] к предшествующему [и]. К исключениям из этого правила следует отнести наращение [й//и] и употребление [ий] в заимствованных словах. Не всякое сочетание двух [и] дает дифтонг [ий]: чеч. *дии* [диа] — «съел», *лии* [лиа] — «захотел». В этих словах каждый краткий гласный произносится как самостоятельный звук. Ингушскому [ий] в чеченском часто соответствует *-уй*; инг. *бий*, чеч. *буй* — «кулак руки», инг. *гий*, чеч. *гуй* — «деревянное корыто».

В ингушском языке чаще всего наблюдается регрессивная ассимиляция, тогда как в чеченском почти всегда приходится иметь дело с прогрессивной ассимиляцией. Этим и объясняется, по-видимому, уподобление предшествующего гласного последующему [и] в ингушском.

Дифтонги [аьй], [иу], [оу], [уw]. Эти дифтонги употребляются очень редко. Они не представляют значительного интереса ни для характеристики современного состояния нахских языков, ни для освещения их исторического прошлого. В бацбийском языке они отсутствуют. Дифтонг [оу] имеется в чеченском и в нескольких формах слов *ловш*||*ловша*||*лавша* — «пожуй», (форма только что прош. вр.) *ловши* [ловши] и *левши* [леуши]; *кав*||*ков* (им. п. ед. ч.), *ковнаш* (им. п. мн. ч.) — «ворота»; *ов* — «шюмпол», *овнаш* (им. п. мн. ч.); *тхав*||*тхов* — «потолок», *тховнаш* (им. п. мн. ч.); *джав*||*джлов* — «молоток», *джловнаш*||*джлевнаш* (им. п. мн. ч.); *цлав*||*цлов* — «сноп», *цлевнаш*||*цловнаш* (им. п. мн. ч.). Орфография предписывает написание формы с [овв] через *ев* (вместо *клевнаш* писать *кевнаш*). Такое требование отражает специфику фонетического варианта рассматриваемого звука, характерного (варианта) для некоторых говоров чеченского языка. Как видно из этих форм, образование [оу] и [еу] вызвано влиянием аффиксального [и] в форме только что прошедшего времени. Таким образом, дифтонг [оу] образовался в период самостоятельного развития чеченского языка под влиянием аффиксального [и]. Дифтонг *ув* [уw] существует только в ингушском языке: *кх-ув-сар* — «бросать», *л-увсар* — «просеивать», *1-увдар* — «выжимать». Ингушскому [ув] в этих примерах соответствует чеченский [ий]: *кхийсар*, *лийсар*, *ийдар*. Что эти формы вторичного происхождения (а следовательно, *ув* и *ий*), показывают повелительное наклонение и масдар, имеющие одинаковые формы от последних двух глаголов: *ловда* (р), *ловса* (р). Что же касается [аьу] и [иу], то они встречаются очень редко: *лов*||*лав* — «искра», [аьвуо:] (эрг. п. ед. ч.); *блав* — «крепость», *б1-авв-нан* — «крепости» (род. п. ед. ч.); *хьовсар* — «смотреть» (о многих), *хьавв-сина* — «посмотрели». Иногда [аьв//аи] выступает как фонетический вариант [ев], [овв] — *джлав* — «молоток», *джловнан* — «молотка» (род. п. ед. ч.).

Т Р И Ф Т О Н Г И

Теоретический интерес представляют выявленные нами в чеченском языке трифтонги: [иеи], [уои], [уови]. Эти трифтонги относительно недавнего происхождения.

Т р и ф т о н г [uei]. Восходяще-нисходящий трифтонг [uei] состоит из трех элементов: краткого [u] полного образования, плавно переходящего в следующий полудолгий [e], который в свою очередь переходит в краткий редуцированный [i], образуя один гласный звук сложного состава. Трифтонг [uei] фонематически противопоставит краткому дифтонгу [ue]:

[uei]	[e]
[диеиш] — сделайте, пожалуйста	[диеш] — делаю
[лиеиш] — говорите, пожалуйста	[лиеш] — умираю
[тиеиш] — успокойтесь, пожалуйста	[тиеш] — свидетель
[диеита] — заставь убить	

Т р и ф т о н г уoi [you]. Краткий восходяще-нисходящий трифтонг уи [you] образован из трех элементов: начального ударного [y] среднего [o] и конечного краткого редуцированного [i], составляющих единый звук, который встречается в составе корней слов и аффиксов. Он фонематически противопоставит дифтонгу [oi]:

{you}	{oi}
[you-ла] — мысль	[оила] — в село
[ɣyou-ла] — чтобы пошел, да пойдет	[ɣоила] — изголовье
[л-you-ла] — чтобы дал, да даст	
[кхyouитта] — тринадцать	

Трифтонг [you] фонематически противопоставляется дифтонгу [yi]:

[you]	[yi]
[д-you-ла] — да сделает, чтобы сделал,	[д-yи-ла] — что он есть, находится
[б-you-ла] — да сделает, чтобы сделал,	[б-yи-ла]

П р и м е р ы: Суна лавара цуо и болх буоила — «Мне хотелось, чтобы он эту работу сделал»; суна хавара и бер цигахь дуи-ла — «я знал, (что) этот ребенок находится там». Трифтонг [you], обычно называемый фонетическим, часто возникает при образовании различных грамматических форм глаголов: [дyo] — «делает», дуи? — «делает ли?», [ɣyo:] — «иди», [ɣyou-ша] — «сходите, пожалуйста»; [люй-ша] — «дайте, пожалуйста».

Т р и ф т о н г [yovi]. Краткий трифтонг [yovi] отличается от краткого трифтонга [you] тем, что при образовании [yovi] первые два лабиализованных элемента подвергаются смягчению, тогда как [you] не дает такого смягчения первых двух лабиализованных элементов:

[yovi]	[you]
[д-yovi-ла] — чтобы по (сеял)	[дyoила] — чтобы сделал
[дyovi-та] — заставляет убить	[дyoи-та] — заставляет ломать

Назализованные фонемы

Назализованные или назализированные фонемы представлены в бацбийском языке. Назализация таких гласных выражена достаточно сильно (почти, как во французском языке).

В современном бацбийском языке бытуют следующие носовые гласные фонемы:

Назализованная фонема [â]. Фонематически противопоставляется простому (т. е. неназализованному) а:

â	[a]
<i>кхâ</i> — завтра	<i>кха</i> — свинья
<i>хâ</i> — время	<i>ха</i> — бедро

Фонема [â] часто выступает в качестве окончания определения в им. п. ед. ч. и мн. ч. при определяемом, а также в качестве падежной формы родительного дополнения при дополняемом и как окончание инфинитива: *ламнâ* — „горные“, *кортмâ* — „головные“, [ва:хâ] — „жить“, *вахâ* — „идти“.

Встречается фонема [â] разного происхождения. В одних односложных именах существительных она — результат сочетания корневого [a] с последующим корневым согласным â < *ан (ср. чеч. ан) — «ревматизм». Но чаще всего фонема [â] возникает путем «поглощения» предшествующим гласным последующего аффиксального н: *ламнâ* < *ламнан (ср. чеч. ламнан, ламнийн) — «горные», *вахâ* < *вахан (ср. чеч. вахан) — «идти» и т. д. В первом примере в составе восстанавливаемой формы *ламна-н конечный -н — показатель прилагательного, причастия; во втором примере конечный -н — форматив инфинитива и т. д.

Назализованная фонема [ê] фонематически противопоставляется [e]:

ê	[e]
<i>тхê</i> — наш	<i>тхе</i> — шерсть осенняя
<i>пхьê</i> — сельский	<i>пхье</i> — село

Фонема [ê] обычно служит показателем прилагательного (определения при определяемом) и родительного дополнения при дополняемом в ед. ч.: *глазê йохь* — „хорошая девушка“, *укх клантê дад* — „отец этого парня“.

Относительно генезиса [ê] можно повторить то, что сказано о фонеме â.

Назализованная фонема [û] фонематически противопоставляется фонеме [u]:

û	[u]
<i>шû</i> — вымя	<i>ши</i> — два
<i>йахьû</i> — девушки (род. п. ед. ч.).	<i>йахьи</i> — нес только что

Фонема [û] также выступает в качестве окончания прилагательного (определения при определяемом) и родительного дополнения при дополняемом: *аттû* — „коровий“, *атлтû тлот* — „правая рука“, *герцû* — „оружейный“, *йахьû дад* — „отец девушки“.

Фонема [â] чаще всего образуется в результате частичной регрессивной ассимиляции, т. е. под воздействием аффикса прилагательного или (что то же самое) родительного дополнения при дополняемом, предшествующий звук [u] подвергается назализации, при этом конечный *n* утрачивается: *аттâ* < **аттин* (ср. чеч. *аттан*) — «коровий» от им. п. ед. ч. *йетт* — «корова». Таким образом, предшествующий гласный звук может быть наращенным в роли соединительного гласного, качество которого (как простого гласного) обычно определяется составом гласных данного слова.

Назализованная фонема [ô] фонематически противопоставляется фонеме [o]:

[ô]	[o]
<i>сô</i> — мне	<i>со</i> — я
<i>дô</i> — лошадь	<i>до</i> — делает
<i>хô</i> — посуда для приготовления теста	<i>хо</i> — хмель

Фонема [ô] чаще всего встречается в конце имени существительного в им. п. ед. ч. и как показатель прилагательного в им. п. ед. ч. (определения при определяемом) и родительного дополнения при дополняемом: *лимô* — «лимон», *цленбô* — «домашний», *цигмельчô* — «кровопийца», *у(и)стхô корто* — «овечья голова» и т. д.

Фонема [ô] возникает не только путем воздействия аффиксального *n*, как при образовании фонем [â], [ê], [û], но и вследствие влияния конечного *n* в составе основы слова: *лимо* < **лимон(и)* (ср. русск. «лимон», груз. «лимони», чеч. «лимуон»).

Назализованная фонема [ÿ] фонематически редко противопоставляется фонеме [y]: *пхÿ* — «собачий», но *пху* — «собака (кобель)». Фонема [ÿ] чаще всего служит формативом прилагательного в им. п. ед. ч. (определения при определяемом) и родительного дополнения при дополняемом: *ламу* — «горный» (от *лам* — «гора»), *ригÿ* — «очередной» (от *риг* — «очередь») и т. д.

Относительно происхождения [ÿ] можно сказать то же самое, что было сказано о генезисе фонем [â], [ê], [û].

Фонемы [ê], [û] почти не встречаются в начале слова. В односложных словах находим фонему [â] в начальном положении, если ему предшествовал сонант *-n* (например, *â* < **ан* — «ревматизм»). То же самое следует сказать и о фонемах [ô] и [ÿ].

Теоретически допустима возможность появления рассматриваемых фонем в начале и середине слова, если за каким-нибудь простым гласным (т. е. неназализованным гласным звуком), к которому восходит любой назализованный гласный, следовал сонант *-n*. И в конечном положении назализованные гласные могли образоваться только в том случае, если слово (или форма слова) оканчивалось на сонант *-n*, которому предшествовал гласный звук.

Назализованные дифтонги. К наиболее употребительным назализованным дифтонгам относятся [âi], [êi], [ÿi]. Кроме того, очень редко встречается и дифтонг [ôi]. Характерной особенностью назализованных дифтонгов в бацбийском языке является то, что назализации подвергается в основном второй элемент дифтонга, а в первом его элементе слабо проявляется назализация. Вместе с тем второй эле-

мент назализованного дифтонга произносится более длительно, чем у неназализованного дифтонга. Рассматриваемые дифтонги, по нашим наблюдениям, встречаются только в конце слова.

Назализованный дифтонг [âi]. Очень мало примеров, в которых данный дифтонг фонематически противопоставляется дифтонгу [ai]: *vâi* — «наш», но *vai* (некоторые произносят это слово с кратким [i̇] в конце) — «мы». Обычно выступает в функции форматива прилагательного в им. п. ед. ч. (определения при определяемом) и родительного дополнения при дополняемом: *xê xâi* — «тебя самого», *sê sâi* — «меня самого», *txê txâi* — «нас самих» и т. д.

Во всех этих примерах исходным формативом служит аффикс род. п. ед. ч. *ин*, который присоединяется к супплетивным основам личных местоимений *xo* — «ты», *so* — «я», *txo* — «мы» (эксклюзив). Стало быть, в приведенных примерах к супплетивным основам *xo-*, *so-*, *txo-* присоединен аффикс род. п. ед. ч. *ин*. В дальнейшем конечный сонант *н* «поглощается» предшествующим гласным, который подвергается назализации. Следовательно, в рассматриваемых словах первый элемент дифтонга [âi] относится к супплетивной основе местоимения, а второй — к аффиксу. Путем слияния на стыке основы и аффикса этих двух разнородных элементов и образовался дифтонг [âi] в указанных словах-местоимениях.

В слове *kxâi* — «свиной» первым элементом дифтонга служит корневой гласный.

Таким образом, назализованный дифтонг [âi] исторически образовался следующим путем: $\hat{a}i < ain < a + ин$.

Назализованный дифтонг [êi] фонематически противопоставляется дифтонгу [ei]: *ncstlêi sakm* — «женское дело», но *ncstl-ei* — «женщины».

Дифтонг [êi] исторически образовался таким же образом, как и дифтонг [âi].

Назализованный дифтонг [ÿi] фонематически противопоставляется [ÿi̇]: *shÿi* — «ваш», но *shui* — морфологическое выражение вопроса (*shui ba zsexh?* — «вы ли здесь?»).

Дифтонг [ÿi] образовался в одних случаях таким же путем, как дифтонги [âi], [êi], т. е. путем слияния гласного основы (в качестве первого элемента) и аффиксального [ÿ < ин] (в качестве второго элемента), а в других — более «естественным» способом — наращением гласного между основой, оканчивающейся на согласный звук и аффиксальным [ÿ < ин]: *klor* — «уголь» → *klor-у-ин* > *kloruy* — «уголь», или же преобразованием конечного гласного основы: *sabclô* — «совет» → *sabcl-у-ин* > *sabclÿi* — «советский» и т. д.

Слабовыраженная назализация гласных наблюдается и в чеченском. Она фонетического характера в народно-разговорной речи основной массы носителей плоскостного диалекта. В отличие от бацбийского языка назализация в чеченском наблюдается только в последнем слоге. В начале и в середине слова она отсутствует. Характеризуя назализацию в чеченском языке, мы исходим из следующих моментов:

1) гласные, которые отдельные авторы считают носовыми, почти всегда встречаются в конечном слоге в составе слова, они — результат сочетания гласного с последующим *н*, характеризующим обычно ту или иную грамматическую категорию (причастия, инфинитива и др.);

2) они могут быть произнесены в трех-четырех вариантах в зависимости от стиля произношения, т. е. тщательности, четкости, а также темпа речи. Эти варианты, очевидно, связаны не только с различиями в

стиле произношения, но и с отражением диалектных различий в формирующемся литературном языке: а) *ахан* — «пахать» (произношение *н* в полном стиле); б) *аха* (со слабой назализацией конечного *а*); в) *аха* (конечный *а* произносится очень кратко); г) [а:хдие:за]||[а:хдие:з] — «надо пахать» (с выпадением конечного гласного).

В первых двух вариантах морфологическая граница проходит между кратким гласным и *н* или элементом назализации *а*. В остальных двух примерах категория инфинитива морфологически не выражена, она выявляется синтаксически и семантически.

Закрепление за гласным носового оттенка в качестве дополнительного «дифференциального» признака, обуславливающего возникновение новых гласных, носовых фонем, привело бы к удвоению состава гласных в чеченском языке. Но в чеченском наблюдается естественный процесс упрощения системы вокализма вследствие того, что постепенно верх берет тенденция утраты носового сонанта [н], обуславливающего назализацию предшествующего гласного. Аналогичный процесс происходил и в ингушском. При всем этом для сравнительно-исторической грамматики нахских языков важно установить, что одни и те же факты в одних и тех же условиях привели к образованию носовых фонем в бацбийском, а в чеченском и ингушском языках — к сохранению или утрате сонанта [н], вызывающего назализацию предшествующего ему гласного.

СОСТАВ МОНОФОНГОВ В НАХСКИХ ЯЗЫКАХ

Как видно из вышеизложенного, в чеченском языке представлены следующие долгие и краткие монофтонги: долгий [а:], открытый [а], краткий закрытый [а], краткий палатализованный [аь], долгий палатализованный [аь:], долгий [и:], краткий [и], долгий [е:], краткий [е], долгий [о:], открытый [о], краткий закрытый [о], краткий лабиализованный переднего ряда [оь] как вариант [ев] или [оь], долгий [у:], краткий [у], долгий лабиализованный переднего ряда [уь:], краткий лабиализованный [уь].

Таким образом, в чеченском языке всего 16 долгих и кратких монофтонгов. Из них долгих семь: [а:], [и:], [е:], [аь:], [о:], [у:], [уь:]; кратких девять: [а], [о], [а], [и], [е], [о], [у], [аь], [уь].

На основании ряда примеров мы показали, что открытые и закрытые гласные в двух парах примеров: [а̃] и [а], [о] и [о] фонематически противопоставляются, т. е. выделяются как особые фонемы. Необходимость выделения их как особых фонем у нас не вызывает никакого сомнения.

Экспериментальным путем следует определить природу палатализованного краткого [оь] и его место в фонематической системе чеченского языка. Нужно окончательно выяснить, чем является [оь], особой фонемой или вариантом краткого дифтонга [уоь].

Рассматривая вопрос о влиянии самых различных фонетических условий на количественные и качественные особенности каждой фонемы, мы особое внимание обращаем на характеристику отдельных гласных звуков в начале, середине и конце слова. Произведенный выше анализ фактов показывает, что так называемый «конституционный признак» каждой фонемы, ее акустико-физиологическая природа, основные артикуляционные особенности не подвергаются существенным изменениям в различных позициях, фонетических, комбинаторных условиях. Правда, в некоторых случаях артикуляция гласных осложняется дополнительной окраской, особенно это относится к кратким гласным [а], [о], [у] в конечной позиции, где артикуляция их в результате редукции как бы «за-

темняется», «нейтрализуется», делается неясной, неопределенной. Во всем этом, т. е. в устойчивости основной артикуляционной гласной фонемы в любой позиции, вокализм нахских языков напоминает вокализм балканских языков.

В связи с этим следует отметить, что в нахских языках не все монофтонги встречаются в начальном и конечном положениях. Так, например, в чеченском, в конце двух- и более сложных слов не встречается краткая фонема [y̆]. Этот монофтонг редко употребляется и в начале слова. В орфографическом словаре Х. Г. Гугиева приведено всего шесть слов, начинающихся с [y̆]. Зато в нем много слов, в которых встречается фонема [y̆] в не начальном и не конечном положении.

В двух- и более сложных словах в конечном положении почти не употребляется фонема [ă]. Относительно немного слов, начинающихся с этого звука. В указанном словаре Х. Г. Гугиева представлено около 30 слов (с производными формами) с [ă] в начальном положении.

В начале слова редко находим [y̆:], а звук [e] — в конечном положении.

Из приведенных монофтонгов в ингушском отсутствуют [y̆:], [y̆]. Зато в ингушском широко употребляется [ă:] и наличествует редуцированный [ʒ], отсутствующий в чеченском языке: инг. [ăxhɑ:дара], чеч. [ăxhɑдара] — «было вспахал», инг. [ди:цɑв:дара] — «было рассказал»; [ʒдер] — «бегать», [d̆tɑv] — «оставить». Ингушскому [ʒ] в чеченском обычно соответствует краткий [j̆].

Из монофтонгов, существующих в чеченском и ингушском, не находим в бацбийском: [e:], [y:] [y̆:], [o], [ā], [ă], [y̆], [ă:], [ʒ]. Из этого видно, насколько интенсивно происходил процесс образования новых монофтонгов в чеченском и ингушском языках после распада общенахского языка-основы.

В бацбийском бытуют пять назализованных монофтонгов-фонем, не представленных в чеченском и ингушском языках: [ɣut-ā] — «плуг», (чеч. *гуо:та*), [kʌn-ō] — «закон», [milliō] — «миллион» (чеч. *миллион*), [limō] (чеч. *лимуон*) — «лимон»; [ɟʌv-ê] — «сок», [lurgū] (чеч. *хлургуон*) — «фургон», [rezū] (чеч. *резина*) — «резина» и т. д.

Конечные гласные в некоторых случаях принимают носовой оттенок в чеченском в большей, в ингушском в меньшей степени. Но такие гласные с едва уловимым оттенком назализации являются вариантами неносовых гласных, а не особыми фонемами: ср. чеч. *вах* [вахан] — «идти», *воду* [водун] — «идуший». Здесь назализация, не имеющая фонологического значения, настолько незначительна, что ее перестали обозначать в литературных языках, она слабее, чем в польском.

Почти все монофтонги подвергаются редукции в конечном положении в двух- и более сложных словах. Степень редукции гласных в исходе зависит от разных моментов: от многосложности слова, количества долгих и кратких гласных в слове, от того, какой звук является ударным: краткий или долгий гласный и т. д. Например, в двусложных именах существительных с долгим гласным звуком в первом слоге редуция конечной [u:] относительно сильнее, чем в именах с кратким гласным в первом слоге: *гали* [га:ли .]* — «мешок», *пати* [да:ри .] — «шелк», *бери* [бе:ри:] — «наездник, верховой», но *деши* [деши:] — «золото», *дети* [дети:] — «серебро», *илли* [илли:] — «эпическая песня». В последних примерах почти не чувствуется редуция конечной [u:].

* — одна точка перед гласной фонемой выражает ослабление гласного звука.

В глагольных формах только что прошедшего времени конечная краткая [u] редуцируется сильнее, чем в вышеприведенных примерах долгая фонема [u:]. В разговорной речи, в результате ослабления [u] вместо краткой [u] в этих глагольных формах часто слышится краткая [a]: *эхи||эха* [e:xi:||e:xa:] — «вспахал», *лабтти||лабтта* [лабтти:||латта:] — «стоял», *хъажи||хъаьжа* [хъаьжи||хъаьжа:] — «посмотрел», *хези||хеза* [хези .||хеза .] — «услышал», *Iеми||Iема*: [Ie:ми .||Ie:ма] — «выучился». По видимому, возможность таких параллельных форм объясняется тем, что только что прошедшее время в указанных примерах в основном отличается чередованием корневых гласных, а также характерной для нахских языков общей тенденцией ослабления гласных в конечном положении. В тех случаях, когда только что прош. вр. выражается не внутренней флексией смысловой части глагола, а окончанием глагольной формы, краткая [u], выступающая в качестве форматива, почти не редуцируется: *язди* [йазди] — «написал», *гатди* [гатди] — «укоротил», *сихди* [сихди] — «ускорил».

Вообще говоря, фонема [u] в меньшей степени подвергается ослаблению своей длительности в конечном положении, чем все остальные монофонги. Она чаще всего вместо ослабления длительности заменяется в таких случаях краткой [a], т. е. новым звуком, являющимся результатом сверхослабления [u], приводящего к возникновению артикуляции гласного нового типа.

Краткие монофонги [a], [o], [y] в конечном положении сильно редуцируются, будучи почти всегда неударными в исконных словах: *ору* [o:ру] — «молотит», *боху* [бо:ху] — «говорит», *йолу* [йолу] — «находящийся, имеющийся», *йоглчу* [йо:глчу] — «идущий, едущий», *мегачу* [мегачу] — «могущий», *дoьзлаагла* [доьзлаагла] — «четвертый раз», *дикалла* [дикалла] — «доброта», *дораха* [до:раха] — «дешевый». В литературном языке в исконных словах почти не встречается [o] в конечном положении. Даже там, где по закону губной гармонии гласных слышится редуцированный гласный звук [o], в литературном языке принято писать [a]: пишется *моха* [моха:], а произносится обычно *мохо* [мохо:] — «вспышка раздражительности, нервозности». Вот еще аналогичные примеры:

В литературном языке

лоха [лоха] — низкий, невысокий
боху [бо:ху] — говорит
догла [догла] — дождь

В разговорной речи

лохо [лохõ] — низкий, невысокий
бохо [бо:хõ] — говорит
догло [до:гло̃] — идет

Редуцированный гласный звук, встречающийся в конце таких слов, авторы чеченских школьных грамматик называют сомнительным, беглым, неопределенным гласным. По-видимому, не находя более научно обоснованных принципов определения конечных гласных в примерах, аналогичных вышеприведенным, в чеченской орфографии предусмотрели правило: если в глагольных корнях есть лабиализованные гласные, то в окончаниях настоящего времени следует писать букву *y*, если же корневые гласные нелабиализованные, то в окончаниях настоящего времени предусмотрено написание буквы *a*: *оху* [о:ху] — «пашет», *оту* [о:ту] — «крошит, дробит», *доьшу* [доь:шу] — «читает, учится», но *лабтта* [лабтта] — «стоит», *веха* [ве:ха] — «живет», *хета* [хие:та] — «кажется».

Редукции могут подвергаться не только конечные гласные, но и неударные гласные в середине слова. Например, в чеченском литературном языке принято писать *вахана* [вахана], а говорят также *вахан* [вахан], *вахна* [вахна] — «пошел». Редукция второго или третьего краткого

гласного звука [а] до полного выпадения не меняет смысла слова. Правилами орфографии даже узаконено выпадение второго краткого гласного [а] в многосложных формах типа *даханчу* [*даханчу*]:—«пошедший, ушедший» вместо ожидаемого написания *даханчу* [*даханчу*], если исходить из глагола *дахана* [*дахана*] — «пошел», с которым связано образование причастия *даханчу* [*даханчу*] путем присоединения окончания имен прилагательных в косвенных падежах.

Можно было бы привести еще много примеров, показывающих редукцию и выпадение кратких гласных в середине и конце многосложных слов.

В ингушском языке также подвергаются редукции монофтонги в аналогичных случаях: [*на:ни*]—«мама», [*маб:чи*]—«чувяк, татка», [*аьр-зи*]—«орел», [*станци*]:—«станция». Редукция вызывает в ингушском выпадение конечного гласного, сохраняющегося в чеченском: инг. [*хул*], чеч. [*хуьла/хуьлу*] — «бывает», инг. [*оах*], чеч. [*оху*] — «пашет» и т. д.

Грамматическое значение формы слова в ингушском иногда зависит от долготы и краткости гласного в конечном слоге слова: [*га:ле:х*]—«о мешках», [*маб:че:х*] — «о чувяках» и т. д., но в ед. ч. [*га:лех*] — «о мешке», [*маб:чех*]¹ — «о чувяке». В таких случаях редукция гласного не допускается.

В бацбийском языке редукции подвергаются гласные в конце слов, а также в середине в составе многосложных слов. Это приводит к перестройке структуры существующих слогов в составе слова: [*йахь (о) горе*] — «от девушки», [*пст/уйнчого*]—«к женщине», [*ц/ингуихь(а)*] — «в сторону дома».

Характерная для нахских языков тенденция редукции конечных гласных, а также гласных в середине многосложных слов сыграла большую роль в развитии их фонетической системы с древнейших времен.

КОНСОНАТИЗМ НАХСКИХ ЯЗЫКОВ

Общие сведения

По составу согласных нахские языки мало отличаются друг от друга. В них мы находим следующие согласные: сонанты—*м, н, л, р, й, в*; звонкие взрывные — *б, г, /, д*; звонкие щелевые — *ж, г/, з*; глухие взрывные — *к, п, т, ть*; глухие щелевые — *с, х, ш, хь, х/*; смычногортанные—*п/, т/, к/*; *кь*: смычногортанные аффрикаты—*ц/*, *ч/*, несмычногортанные (простые) аффрикаты—*дз, дж, ц, ч*. Таков общий фонд согласных в нахских языках. Все эти звуки наличествовали в общенахском языке-основе (за исключением, быть может, *з, ж*).

Кроме того, в бацбийском имеется латеральный *лъ*, отсутствующий в чеченском и ингушском. По всей вероятности, этот звук утрачен чеченским и ингушским, вернее всего, он всюду перешел в сонант *л*: бацб. *алъар*, чеч., инг. *алар*—«сказать»; бацб. *далъи*, чеч., инг. *дели*—«дал». В недавнопрош. вр. бацб. *алъина* соответствуют формы: в чеч. *аьлла*, инг. *аьнна*, акк. *аьлна*. Аккинская речь отражает переходную ступень от бацб. *алъина* (отражает состояние общенахского языка, поскольку в этой форме основа *ал||алъ, и*—аффикс только что прош. вр., *а-н(а)*—аффикс недавнопрош. вр. и перфектного причастия, к которому восходит недавнопрош. вр.) к современным чеч. *аьлла*, инг. *аьнна*. В период существования формы *аьлна* (<*алъина*) произошла частичная регрессивная ассимиляция: под влиянием последующего [*н*] предшествующий ему глу-

¹ Д. Д. Мальсагов. Указ. соч., стр. 51.

хой *л̄* стал звонким, т. е. под влиянием соседнего сонанта приобрел качество сонанта в чеченском и ингушском. В дальнейшем в чеченском произошла полная прогрессивная ассимиляция (*аьлла* < **аьлна* < **аьлина*), а в ингушском — полная регрессивная ассимиляция (*аьнна* < **аьлна* < **аьлина*). Следы глухого [*л̄*] обнаруживаются в следующих словах: чеч. *бархI*, инг. *бархI*, бацб. *барл̄* — «восемь», чеч., инг. *вуорхI*, бацб. *ворл̄* — «семь» и в производных от них других числительных. Как видно из этих примеров, утрата глухого [*л̄*] в чеченском и ингушском языках сопровождалась, во-первых, переходом *л̄* в *л*, во-вторых, превращением *л̄* в *хI* перед *р*, вызывая частичное оглушение последнего. В ингушском находим и другие слова, в которых обнаруживаются следы утраты *л̄*: *мархI* — «охапка», *мархIа* — «в объятия», *лархIар* — «считать, уважать»¹. Следовательно, правильнее будет, если мы укажем на то, что *хI* обозначает не просто глухость предшествующего *р*, а щелевой спирант *хI*, вызываемый свободным выдохом или звуком свободного выхода, перед которым *р* частично оглушается в таких словах, как чеч., инг. *бархI*, инг. *мархIа* и др.

Вопрос о других латеральных звуках здесь не рассматривается, поскольку отсутствуют факты, говорящие о существовании остальных латеральных в общенахском языке в период его распада в современных языках. Что же касается более древнего состояния общенахского языка, то вопрос о существовании в нем (в ранний период его развития) латеральных нуждается в специальном изучении.

Звук *ф* является заимствованным в нахских языках. По-видимому, ингуши еще в далеком прошлом усвоили этот звук из осетинского языка²: инг. *фу* — «воздух» (чеч. *хлаваъ*, инг. *фут* — «что» (чеч. *хIун*) и т. д.

В чеченском (из русского) и бацбийском этот звук появился сравнительно недавно.

Чеченский и ингушский литературные языки заимствовали из русского *ль*, *рь* и *щ*, употребляемые только в русских заимствованиях: учитель, секретарь, Щорс, Щедрин и т. д.

Фарингальная смычная [*л*], употребляемая в чеченском и ингушском языках во всех позициях, в бацбийском встречается только в начале слова: бацб. *Iув*, чеч., инг. *Iу* — «пастух»; бацб. *Iа*, чеч., инг. *Iа* — «зима» и т. д. В конечном положении и в середине слова этот звук закономерно переходит в бацбийском в *хь*: бацб. *во-хь* — «сын» (чеч., инг. *вуол*), *йохь* (чеч., инг. *йуол*) — «дочь, девушка», бацб. *йахь-ов* (эрг. п.), чеч. *йоIа* (эрг. п.) и т. д. Вместе с тем в бацбийском наблюдается тенденция постепенной утраты этого звука и в начальном положении (говорят *Iални* и *Ални* — «Алвани»).

Фонема [*л*] между предшествующим звонким смычным и последующим гласным становится щелевым (мы обозначаем этот вариант через *л̄*) и способствует фарингализации как предшествующего согласного, так и последующего гласного: чеч. *бIъаьрг*, инг. *бIъарг*, бацб. *бIъаркI* — «глаз»; бацб. *мIъаир*, чеч. *мIаъра* (< *маIара*) — «ноготь»; чеч. *маIа*, бацб. *мIъа* — «рог», чеч. *нIъаьна*, бацб. *нIъан* — «червь».

Гласные, следующие за *л̄*, иногда называют фарингализованными, айнированными. Нет основания считать такие гласные особыми фарингализованными гласными фонемами. Это видно из следующих примеров: в чеч. допускается параллельное употребление форм *бIъар//баIар* — «орех», *мIара//маIара* — «ноготь», *нIаьна//наьIана* — «червь». Формы *бIъар*, *мIъара*, *нIъаьна* — вторичные, они образовались в резуль-

¹ Д. Д. Мальсагов. Указ. соч., стр. 31.

² Там же.

таге выпадения гласного (во всех нахских языках). Если фонема / употребляется в начальной или интервокальной позиции, то ее влияние на гласные чувствуется значительно слабее, чем в положении между гласным и мгновенным согласным. Звук /, находясь в конце слова, также влияет сильно на предшествующий гласный: чеч. *баI* — «колючки».

Так называемый межсвязочный звук или гамза (твердый приступ) наличествует во всех нахских языках. Гласные в начале слова, а также во всех слогах, начинающихся с гласного, произносятся с твердым приступом. Это — фонетическое явление, свойственное нахским языкам. В качестве особой фонемы гамза выступает лишь после гласного: чеч. *кхуо* — «кизяк», *кхуоъ* — «три» (в чеченском и ингушском литературных языках гамзу обозначают посредством буквы *ъ*). В этой позиции гамзу можно было бы рассматривать как подчеркнуто выраженный твердый отступ.

В бацбийском наблюдается тенденция утраты гамзы: *ши* — «два», *кхо* — «три» (чеч., инг. *шиъ*, *кхуоъ*).

А ф ф р и к а т ы *дз* и *дж*. Для исторического освещения системы консонантизма нахских языков представляет интерес употребление звуков *дз*, *дж*, *з*, *ж*. В начале исконных слов в чеченском, ингушском и бацбийском встречаем аффрикаты *дз* и *дж*: чеч., инг. *дзIуок*, бацб. *дзок* — «клюв»; чеч., инг. *дзаз* — «цвет», бацб. — *; чеч., инг. *джим* — «почки», бацб. — ; чеч., инг. *джий* — «овца», бацб. — ; чеч., инг. *джIов* — «молоток», бацб. — ; чеч., инг. *джиеруо* — «вдова»; бацб. *джаджIар* — «грабли».

В ингушском и бацбийском аффрикаты *дз* и *дж* встречаются не только в начале слова, но и в середине и конце: инг. *бордзI||буордз* — «волк», *модзI||муодз* — «мед», *боардз* — «насыпь, холм», бацб. *кIадзикI* — «мало», *гIардзил* — «коренной зуб», *брдзол* — «борьба»; *миджн* — «граница», *кодж* — «веник», *бедж* — «волос головы». Характерно, что слова, приведенные из бацбийского (за исключением общенахского *кIадзикI* ср. чеч. *кIезиг*), относятся к поздним заимствованиям. Что же касается исконных слов, то в них аффрикаты *дз*, *дж* в конечном положении закономерно соответствуют *цI* и *чI* (а в чеченском в *з* и *ж*):

ч е ч.	и н г.	б а ц б.
<i>буорз</i>	<i>буордз</i>	<i>бIъорцI</i> — волк
<i>муоз</i>	<i>муодз</i>	<i>моцI</i> — мед
<i>маж</i>	<i>модж</i> — борода	<i>мачI</i> — усы
<i>гIаж</i>	<i>гIадж</i>	<i>гIачI</i> — палка

В середине слова в чеч. *дз* и *дж* также перешли в *з* и *ж*: *муозца* — «с медом», *гIажца* — «с палкой».

В бацбийском в некоторых исконных словах находим *дз* и *з*: *кIадзикI* — «мало», *гIажъ* — «красивый» (ср. чеч. *кIезиг*//*кIезга*, *хаза*), но *кIацIкIо* — «малый, маленький». Как отмечает Д. Д. Мальсагов, и в ингушском наблюдается тенденция перехода *дз* и *дж* в середине слова соответственно в *з* и *ж*. Это видно из параллельного употребления форм в инг. *берза*//*бердза* — «волка», *гIажа*//*гIаджа* — «палки» и т. д.

И все же ингушский язык, сохраняя в большинстве случаев употребление *дз* и *дж* в начале, середине и конце слова (*джур* — «мука», *му-*

* Тире показывает, что соответствующее слово отсутствует в бацбийском языке.

одз — «мед», *гладжа* — «палки») отражает древнее состояние в большей степени, чем чеченский и бацбийский.

В чеченском эти аффрикаты в середине и конце упростились и перешли в *з* и *ж* (*буорз*, *берза*, *глаж*, *глажна* и т. д.).

В бацбийском в конечном положении они подверглись абруптивации (*моцI* — «мед», *гIочI* — «палки» и т. д.).

Вывод, касающийся бацбийских примеров, подтверждается двумя формами одного и того же слова (или же двумя словами): *кладзикI* (чеч. *кIезиг*), *кIацIкIо̃* (чеч. *кIезга*).

В первом примере [*кладзикI*] аффриката *-дз-* перед гласным сохраняется, во втором — [*кIацIкIо̃*] *дз* перед *кI* подвергается абруптивации, т. е. регрессивной ассимиляции.

В конечном положении в бацбийском не встречаются в исконных словах звуки *дз*, *дж* (а также *з* и *ж*). Они перешли соответственно в *цI* и *чI*.

Точно так же в бацбийском конечный *г* в исконных словах переходит в *кI*: бацб. *стIакI*, чеч. *стаг*, инг. *саг* — «человек». Об этом свидетельствует слово *докI* (чеч., инг. *дуог*) — «сердце», в составе которого конечный *кI* восходит к *г*, как показывают данные абхазо-адыгских, картвельских, некоторых дагестанских (хиналутский) и самих нахских языков. Исключениями являются заимствованные слова *саг* — «олень», *йаг* — «котел» (чеч., инг. *сай*, *йай*)¹, *цIиг* — «кровь» (чеч. *цIий*).

В словах *итIа* — «бегай» (чеч. *ида*), *итIтI* — «десять» (чеч., инг. *итт*) смычногортанный *tI* [*tIтI*] — вторичного происхождения. Это подтверждает следующий пример: бацб. *тIатеб* — «деньги, серебро» соответствует чеч. *дети* [*датуо*], в котором начальный *д* правомерно рассматривать как окаменелый классный префикс. В иберийско-кавказских языках префикс *д* является одним из древнейших показателей грамматических классов (А. Чикобава). Следовательно, правомерно утверждать, что бацб. *tI*, соответствующий *t* и *д* в чеч. и инг. в определенных фонетических условиях, — вторичное явление, возникшее в известную эпоху развития бацбийского языка.

О геминированных согласных в нахских языках

Своеобразно проявляется в нахских языках геминация. Геминированные согласные встречаются в основном в чеченском и ингушском, хотя отдельные случаи употребления геминированных согласных находим и в бацбийском (*итI||итIа* «ида» — «бегай», но *итIтI* — «десять» и т. д.). Однако наиболее яркие примеры геминации обнаруживаются в чеченском:

Негеминированные

[*мела*] — теплый

[*тасал*] — посылъ

[*веда*] — только что побежал

[*хала*] — трудно

[*хIетахь*] — тогда

[*сецана*] — остановившись

[*Iажал*] — чем яблоко

[*нагахь*] — если

Геминированные

[*мелла*] — выпил недавно

[*тассал*] — как раз, именно столько, чтобы посыпать

[*ведда*] — побежал давно

[*халла*] — с большим трудом

[*хIеттахь*] — тогда же, именно тогда

[*сецана*] — окончательно

[*Iажжал*] — как раз с яблоко

[*наггахь*] — изредка

¹ В. И. Абаев. Осетино-вейнахские лексические параллели, стр. 94, 105.

В этих двух столбцах представлены разнородные факты, удвоенные (геминированные, усиленные) согласные в них разного происхождения. Причина удвоения согласных в словах *мелла*, *ведда* для большинства говорящих на чеченском языке неизвестна. Только путем исторического и сравнительно-исторического анализа фактов из чеченского, бацбийского и ингушского языков можно выяснить, как образовались эти формы: повелит. накл. чеч., инг., акк. *мала*, бацб. *малъа* — «пей(те)», чеч., акк. *мели*, бацб. *малъи* — «только что выпил», чеч. *мелла* [*<*мелна<*маилна<*малина*], акк. *мелна*, инг. *менна*, бацб. *малъина* — «недавно выпил». Таким образом, в чеч. аффиксальный *н* уподобляется предшествующему *л* и в результате образуется форма *мелла*. То же самое следует сказать о глагольной форме *ведда* (*<вед-на<ведина*).

Иного происхождения все геминированные согласные в остальных словах. В них геминация или удвоение согласных выполняет функцию усиления, подчеркивания, уточнения дополнительных модальных значений для определения границы, размера соизмеримых величин. Обычно удваивают согласный, следующий за корневым гласным (*таса* — *тассал*).

Для исторического и сравнительно-исторического изучения языков важно дать исторический анализ этих фактов. Вопрос о том, имеем ли мы здесь дело с особыми фонемами, представляет интерес, прежде всего, для синхронной характеристики фонемного состава языка. Слогораздел проходит между удвоенными согласными, (особенно в примерах типа *Гажал* — *Гажжал*, *хЛетахъ* — *хЛеттахъ*). Здесь, по-видимому, мы имеем дело с фонетическим сочетанием однородных звуков в определенных позициях для выражения дополнительных, модальных, грамматических значений. Что же касается геминированных согласных в таких противопоставлениях, как *мела*—*мелла*, *веда* — *ведда*, то к ним должен быть иной подход, поскольку в синхронном плане нельзя рассекать на две части *дд* и *лл*. Поскольку же при определении фонемы мы в основном исходим из словоформы, во всех рассмотренных выше случаях мы имеем геминированные звуки (*лл*, *дд* и др.), фонематически противопоставляемые негеминированным (*л*, *д* и др.). Мы видели, что легко проследить, как образовались геминированные в таких примерах, как *наггахъ*, *ведда*. Эти факты представляют большой интерес для исторического изучения геминированных согласных в иберийско-кавказских языках. Приведенные примеры позволяют думать о вторичном происхождении указанных звуков.

Вместе с тем в нахских языках есть слова, в составе которых мы находим геминированные согласные более древнего происхождения: чеч. *дита* — «оставь», *дитта* — «стирай», *диса* — «останься», *дисса* — «сходи, спускайся» и др. В этих словах различаются лексические значения путем фонематического противопоставления негеминированных и геминированных согласных. И в ингушском — путем усиления (геминации) согласных образуются некоторые грамматические категории: *суо ханз балха вахар* — «я только что поступил на работу»; *суо балха ма ваххан* — «как только я на работу пошел»; *харцалла* — «ровно такой, чтобы перевернуться»; *кхаччалца* — «пока не достигну»¹.

В ингушском и чеченском языках геминированными могут быть все согласные.

В ингушском отсутствуют геминированные согласные, обусловленные сочетанием вторичного чередования корневых гласных с прогрессив-

¹ Д. Д. Мальсагов. Указ. соч., стр. 58, 59.

ной ассимиляцией аффиксального согласного корневым согласным, как это имеет место в чеченском. В бацбийском не находим геминии обоих типов.

Таким образом, в чеченском и ингушском языках обнаруживаются геминированные согласные, возникшие в период обособленного развития ингушского и чеченского. В бацбийском отсутствуют геминированные согласные. В нем не наблюдается: а) удвоения корневого согласного для усиления значения, как в чеченском и ингушском (ср. чеч. *хлеттахь* — *хлеттахь* и т. д.); б) ассимиляции аффиксального *н* корневым согласным (ср. чеч. *мелла*, бацб. *малъина* и т. д.); в) утраты классного согласования в некоторых случаях, как в чеченском (ср. чеч. *диллар*, бацб. *дил-д-ар* — «вымыть» и др.). Утрата классного согласования, связанного с появлением инфикса *-д-* после корневого согласного, привела в чеченском к фонематическому противопоставлению слов *диллар* — «положить» — *дилар* — «мыть, вымыть». Этого нет в бацбийском: *диллар* — «положить», но *дил-д-ар* — «мыть»; г) преобразования корневых слогов некоторых глаголов многократного вида, как в ингушском и чеченском языках (ср. чеч. *диссар*, бацб. *депсар* — «слезать» и др.). Преобразование корневых слогов глагольных основ рассматриваемого типа обусловило возможность фонематического противопоставления в чеченском таких слов как *дисар* — «оставить», но *диссар* — «слезать, спускаться». Такой возможности нет в бацбийском.

Состав согласных фонем в чеченском языке

Здесь мы рассмотрим состав согласных, фонетическую и фонологическую характеристику согласных в разных позициях (комбинаторных условиях) и сочетание согласных. Для краткости изложения будем сочетать синхронный (описательный) и исторический анализ рассматриваемых фактов.

В современном чеченском языке мы находим следующие согласные: шесть сонантов: *м, н, л, р, й, в*; четыре звонких взрывных — *б, г, д, /*; три звонких щелевых: *ж, г/*; з; четыре глухих взрывных — *к, п, т, в*; пять глухих щелевых — *с, х, ш, хь, х/*; четыре смычногортанных — *п/, т/*, *к/*, *къ*; две смычногортанных аффрикаты — *ц/*, *ч/*; четыре несмычногортанных аффрикаты — *дз, дж, ц, ч*. Все эти согласные могут быть геминированными. Геминаты не встречаются в начале слова и конце конечного закрытого слога.

В период самостоятельного развития чеченского языка в составе согласных фонем произошли следующие изменения: а) появились спланты *з* и *ж*, во-первых, в результате перехода аффрикат *дз* и *дж* в середине и конце исконных слов в *з* и *ж*, и, во-вторых, воздействия заимствований; б) развились геминированные согласные, о которых шла речь выше; в) он утратил лишь латеральную фонему *лъ*. Данные чеченского языка показывают, как происходил этот процесс. В одних случаях латеральный *лъ* перешел в сонант *л*: *далар* < *далъар* — «давать», *алар* < *алъар* — «сказать». Пожалуй, одной из основных причин этого процесса явилась прогрессивно-регрессивная ассимиляция, связанная с образованием недавнопрошедшего времени: чеч. [*о:лу*] — «говорит», [*е:ли*] — «сказал», [*аьлла*] — «сказал»; инг. [*оа:л*], [*аьннад*] и др.; г) возникли новые фонетические процессы, которые будут охарактеризованы нами ниже.

Кроме того, под влиянием русского языка в чеченский литературный язык проникли звуки *ль, рь, ф, щ* вместе с заимствованными словами.

Для обозначения этих звуков в состав алфавита современного чеченского литературного языка включены соответствующие буквы.

Показательно то, что влияние арабского языка, продолжающееся в течение нескольких столетий, не привело к проникновению в чеченский язык звука *ф*, широко представленного в арабских словах, вошедших в чеченский. Не только в народной речи, но и учащиеся арабских школ, муллы в арабских словах заменяли *ф* звуками *п* или *х*. «Чеченские муллы, несмотря на свой «священный трепет» перед всяким искажением текстов корана, произносят арабское «*ф*» как «*п*»: *наффсати* — *наппасати*, *филлукъади* — *пиллукъади*, *фисадуринасси* — *писадуринасси*, *фи Лейла* — *пи Лейла*.

Арабские слова *фандат* — «польза», *фурулал* — «гурия», *фана* — «бранный» чеченцы усвоили согласно своим нормам: *пайда*, *хурулал*, *пена* и т. д. Даже ингуши под влиянием чеченских мулл говорят «*пайда*», но *фурулал* и *фана* произносят с «*фа*»¹.

Влияние русского языка на чеченский в советскую эпоху было настолько интенсивным, что звук *ф* получил широкое распространение в чеченском языке. Заимствованные из русского языка и через него из других языков слова произносят с *ф* не только учащиеся, интеллигенция, но и многие малограмотные пожилые колхозники и рабочие. Это обусловило отмирание существовавшей раньше в чеченском языке фонетической закономерности, согласно которой звук *ф* в словах, заимствуемых из русского языка, заменялся через *п*, *х*, *л* (в соответствующих фонетических условиях): фамилия — *памили*, фонарь — *панар*, физика — *пизика*, фронт — *хлронт*, форма — *хурма* и т. д. В настоящее время почти все эти слова произносятся с начальным *ф*. «В самых отдаленных уголках Чечни в дни бело-финской провокации крестьянин (чеченец — Ю. Д.) редко говорил «пинлянд», а «финлянд»; говорят «факт ю и-м» — «это-то факт», «фургонаш атта ю» — «фургоны легки» (в работе). Говорят портфель, физика, физкультура, Филипп»².

Работа Д. Д. Мальсагова, в которой засвидетельствованы указанные факты, была издана в 1941 году. За последние двадцать лет этот процесс получил настолько широкое распространение, что его уже следует признать укоренившимся в фонетической системе чеченского языка.

Что же касается звуков *ль*, *рь* и *щ*, то их произносят в заимствованных словах лишь те чеченцы, которые хорошо владеют русским языком. Основная же масса чеченцев заменяет их звуками соответственно *л*, *р* и *ш*, налицующими в чеченском языке.

В чеченском языке обнаруживаются существенные особенности в употреблении многих согласных фонем в начале, середине и конце слова. Важнейшими из них являются следующие:

1) Как показывают данные истории чеченского языка и его диалектов, сонант [р] в начале слова не употреблялся. Все слова, в которых встречается *р* в начальном положении, — иноязычного происхождения: *реза* (арабск.) — «согласный»; *раг* (тюркск.) — «цепь гор, гора, скирд»; *риема* (тюркск.) — «табун лошадей», *Расу* — «Расу» (собств. имя). В аккинском диалекте сонант [р] не употребляется в начальном положении в некоторых укоренившихся заимствованных словах, в которых чеченский литературный язык допускает произношение начального *р*: аккинск. *арг*³, литерат. *раг* — «цепь гор, гора, скирд».

¹ Д. Д. Мальсагов. Указ. соч., стр. 56.

² Там же, стр. 57.

³ И. Г. Арсаханов. Аккинский диалект в системе чечено-ингушского языка, М., 1959, стр. 25.

2) Сонант *v(w)* в конечном положении в составе исконных слов не употребляется. Исключением является аккинская речь, в которой *v* встречается и в конце слова: *веданув*—«убежал»¹.

3) В конце слов не употребляются и аффрикаты *цI, чI*.

4) Аффрикаты *дз* и *дж* сейчас в исконных лексических единицах в середине и конце слова не встречаются. Употребление сонанта *v[w]* в конце слова, наблюдаемое в современном языке, новое явление, вызванное влиянием русского языка: Атаев [*Ата:йew*], Албагачиев — [*Албагачијew*] и др.

5) В современном чеченском языке в конечном положении мы не находим и смычногортанных фонем *кI, пI, тI*.

6) Так называемый глухой *p* на самом деле представляет собой сочетание сонанта *p* с спирантом *xI*, исторически выходящим из *лъ* (см. стр. 223). В литературе принято отмечать глухой *p* в конце двух чеченских слов: *вуорхI*—«семь», *бархI*—«восемь» и производных от них: *вуорхIалгI(a)* — «седьмой», *вуьрхIитталгIa* — «семнадцатый», *бархIалгIa* — «восьмой», *берхIитталгIa* — «восемнадцатый». Между тем в первых двух словах мы имеем слабо оглушенный *p* под влиянием конечного спиранта *xI*, произносимого очень «кратко, редуцированно», в условном употреблении последних двух терминов, обычно применяемых при характеристике гласных. Что здесь мы имеем дело с двумя фонемами, показывают следующие слова, в которых слоговая граница проходит между этими двумя фонемами *вуор-xIалгIa*, *бар-xIалгIa*. Что же касается двух слов, обозначающих «семнадцатый», «восемнадцатый», то они имеют несколько фонетических вариантов: *вуьрхIитталгIa* | *вуритталгIa* (с выпадением *xI*), *берхIитталгIa*, *беритталгIa*, *беруьттулгIу* (с выпадением *xI*).

7) Гамза (межсвязочный смык) *ъ* как особая фонема употребляется в середине и конце слов: *виеъна* — «пришел», *диъна* — «покушал», *шиъ* — «два», *кхуоъ* — «три». Она может удваиваться: *туоъал* — «столько, чтобы быть достаточным», *даъал* — «столько, чтобы накушаться».

8) Надгортанный смык (фарингальный смычный) *I* встречается в составе любого слога: *Ia* — «зима», *даIана* — «произвели обрезание», *вуoI* — «сын». В сочетании с предшествующим звонким фарингальный смычный *I* переходит в фарингальный спирант *Iъ*: [*бIъa:pa* < *balap*] — «орех» и др.

Позиционные изменения согласных охарактеризованы в разделе, посвященном фонетическим процессам в чеченском языке.

Состав согласных фонем в ингушском языке

В ингушском языке те же согласные фонемы, что и в чеченском.

Звук *ф* в ингушском получил распространение под влиянием, по всей вероятности, осетинского языка (П. К. Услар, Д. Д. Мальсагов). Эта фонема входит в состав некоторых исконных слов: *фи* — «что» (чеч. *xIун*), *фоарт* — «шея» (чеч. *ворта*), *фуъ* — «яйцо» (чеч. *xIуоъ*). Этот звук раньше употреблялся только в начале слова². З. К. Мальсагов в кратком словаре, приложенном к «Ингушской грамматике», привел 31 слово с начальным *ф*. В число этих слов не входят слова, заимствованные из русского языка и через него из других языков. В орфографическом словаре И. А. Оздоева приведено всего 82 слова с начальным *ф*³.

¹ И. Г. Арсаханов. Указ. соч., стр. 52.

² Д. Д. Мальсагов. Указ. соч., стр. 56.

³ И. А. Оздоев. Орфографический словарь ингушского языка, Грозный, 1949.

Под влиянием русского языка в ингушском также распространилось употребление этого звука и в начальной позиции: рабфак, профессор, буфет¹.

Вместе с заимствованными из русского языка словами в ингушский язык проникли звуки *ль*, *рь* и *щ*: альманах, апрель, лагерь, секретарь, шелок, щетка, Щедрин². Для обозначения этих звуков в алфавит ингушского литературного языка включены соответствующие буквы. Следует однако заметить, что эти звуки еще «не растворились» в фонетической системе ингушского (как и чеченского) языка, «не проникли в фонетическую ткань» языка в такой степени, как собственно ингушские звуки или заимствованный звук *ф*.

Между чеченским и ингушским языками обнаруживаются как общие черты, так и существенные расхождения в употреблении ряда согласных звуков, особенно в составе основ, аффиксов, на стыке основ, в начале, середине и конце слова. Здесь мы рассмотрим лишь те из этих общих черт и существенных расхождений, которые обнаруживаются в современном ингушском языке. К ним относятся:

1) В ингушском языке так же, как и в чеченском, в период его обособленного развития *р* в начале слова не употреблялся. Этим объясняется отсутствие слова исконного происхождения среди слов на букву *р*, приведенных в словарях З. К. Мальсагова и И. А. Оздоева.

2) В отличие от чеченского языка в ингушском наблюдается употребление сонанта *в* в конечном положении в составе исконных слов, сливаясь с предшествующим гласным: *лув* (чеч. *лувь*) — «говорит», *дув* (чеч. *дуов*) — «сеет», *Абув* (чеч. *Абу*) — «собственное имя», *нув* (чеч. *нуй*) — «веник», *дув* (чеч. *дуй*) — «клятва».

3) Сравнительно часто встречающиеся в начале и в середине слов смычногортанные аффрикаты *цl*, *чl* в конце слова не употребляются.

4) Звонкие аффрикаты *дз* и *дж* в исконных словах употребляются во всех позициях: *дзаз* — «цвет», *дзлуок* — «клюв», *модз* — «мед», *бордз* — «вол», *джин* — «овца», *джиеруо* — «вдова», *модж* — «борода», *гладж* — «палка», *г'аджа||гладжа* — «палки» (род. п. ед. ч.); *маджа* (род. п. ед. ч.) — «бороды».

По словам Д. Д. Мальсагова, «В середине слов ингушской речи эти аффрикаты слышатся не так явственно, а в некоторых словах заменяются соответствующими фрикативными: *берза* — «волка», *меза* — «медя...»³.

5) В ингушском языке, как и в чеченском, смычногортанные аффрикаты *kl*, *pl*, *tl* не встречаются в конечном положении.

Позиционные изменения согласных в современном чеченском языке и в истории его развития охарактеризованы в разделе, посвященном фонетическим процессам в ингушском языке.

6) По данным Д. Д. Мальсагова, в ингушском образовалась глухая фонема *р*, которая графически противопоставляется звонкому сонанту *р* сочетанием *р* с «палочкой» (римской единицей *l*) — *рl*: *вуорl* — «семь», *вуорlагла* — «седьмой», *вуорlитоалгла* — «семнадцатый», *бархl* — «во семь» и др. В ингушском некоторые слова могут получить новое значение при замене глухого *р* звонким: *вуорхl* — «семь», *вуор* — «истощенное животное» (у чеченцев — *хлуор*), *биерlа* — «соус», *бизра* — «овраг, об-

¹ И. А. Оздоев. Орфографический словарь ингушского языка. Грозный, 1942.

² Там же.

³ Д. Д. Мальсагов. Указ. соч., стр. 29.

рок». Глухое *pl* не следует смешивать с оглушенным *p* в конце слов и перед глухими согласными, который появляется в связи с законом оглушения в подобных позициях звонких парных согласных. *Pl* остается глухим перед звонкими согласными и даже гласными, тогда как оглушенный *p* становится в этой позиции звонким: *mapl* — «муж», *мара* — «мужа», *муорl* — «охапка», *муорlаш* — «охапки»¹.

В чеченском языке слова *map*, *муор* во всех случаях произносятся с сонантом *p*. Как мы увидим, глухая фонема *pl* в ингушском образовалась следующим образом: *ворл̄* > **вуорхl** > *вуорl*. Первый вариант отражает общенахское состояние, второй — общевейнахский период и третий относится к эпохе самостоятельного развития ингушского языка, когда образуется глухая фонема *pl* в результате поглощения *xl* предшествующим *p*, получившим дополнительный фонематический признак глухости за счет поглощенного *xl* путем утраты звонкости исходного сонанта *p*.

Оглушение *p* в конце слов и перед глухими согласными также относится к эпохе самостоятельного развития ингушского языка, оно связано, видимо, аналогичным влиянием глухой фонемы *pl* в соответствующих фонетических условиях (глухая фонема *pl* не встречается в начале слова, точно так же оглушенный вариант сонанта *p* не употребляется в начале слова).

Более подробно эти факты будут рассмотрены при освещении звуковых процессов в нахских языках в историческом аспекте.

7) В ингушском (как и в чеченском) межсвязочный звук *ʒ* как особая фонема употребляется в середине и конце слова после гласного или в интервокальном положении (в середине слова): *фуʒ* — «яйцо», *шиʒ* — «два», *теʒал* — «довольно (в меру)». Под логическим ударением гамза в середине слова удваивается, т. е. произносится долго: *даʒал* — «достаточный, чтобы накушаться», *туоʒʒал* — «достаточный (вполне)».

В некоторых случаях в ингушском гамза — долгая или краткая — в середине слова выпадает: *хал* [*ха:l*] (под логическим ударением) — «достаточный, чтобы узнать»². После выпадения долгой гамзы предшествовавший краткий гласный звук *a* становится долгим [*ха:l* < **хаʒʒал*]. В чеченском в этих случаях сохраняется краткая и долгая гамза: [*хаʒал*, *хаʒʒал*]. Иногда, наоборот, в чеченском гамза в интервокальном положении выпадает, а в ингушском сохраняется: чеч. [*xlʉoʉo:*], инг. [*фуʒʉo:*] в эрг. п. ед. ч.

8) Фарингальный смычный *l* в ингушском также встречается в начале, конце и середине слова: *laj* — «зимой», *ly* — «батрак», *vuol* — «сын», [*vuola:*] — «сыну», *ʉvol* — «дочь», [*ʉvola*] — «дочери» (долгота конечного *a* в приведенных примерах — результат компенсации утраты конечного *n*). Этот звук в ингушском (как и в чеченском) в сочетании с предшествующим согласным дает два варианта: фарингальный спирант *lʒ* после звонких согласных: *dlʒara* — «оттуда», *dʒlʒali* — «собака», *dlʒe* — «цепь».

В отличие от чеченского литературного и его большинства говоров в ингушском *lʒ* может появляться и после сонантов *v* и *ʉ*: *vlʒabxa* // *ʉlʒabxa* — «длинный, богатый», *vlʒaʃi* — «вместе», *vlʒajxa* // *ʉlʒajxa* — «горячий», *vlalla* — «совсем», *blʒov* — «многоэтажная башня». Слов, в которых *lʒ* сочетается с предшествующим *v* или *ʉ*, немного в ингушском. В чеберловском диалекте и шароевском говоре фарингальный спирант

¹ Д. Д. Мальсагов. Указ. соч., стр. 31.

² Там же, стр. 32.

Іѣ может сочетаться с предшествующим л: *лѣаха*—«низкий», *лѣахха*—«высокий».

Фарингальный спирант *Іѣ* может сочетаться в обоих языках и предшествующими *б, м, н*: инг. *бІѣоагІам*, чеч. *бІѣоагІум*||*бІѣоагІам*—«столб». инг., чеч. *мІѣара*—«ноготь», инг. *нІѣана*, чеч. *нІѣабна*—«червь». Фарингальный смычный *І* в обоих языках в сочетании с предшествующим глухим переходит в фарингальный спирант *-хъ*: инг. *цхъаІ*—«один», *пхъар*—«кузнец», *схъа*—«сюда» и т. д. Аналогичное явление наблюдается и в бацбийском.

По данным Д. Д. Мальсагова, в некоторых чеченских селениях Шароевского района почти все гласные в начальном положении произносились с предшествующим *І*. Это явление более широко распространено в горных районах Чечено-Ингушетии, чем в плоскостных, что заставляет полагать, что здесь мы имеем дело с архаичным явлением, постепенно отмирающим, особенно в плоскостных районах. В этом отношении показательны следующие данные:

шароевский	ингушский	плоскостной чеченский
<i>Іашк</i>	<i>авшк</i>	<i>эчик</i> — железо
<i>бІѣоду</i>	<i>боад</i>	<i>боду</i> — сумерки
<i>Іалча</i>	<i>алча</i>	<i>алаша</i> — мерин (тюркск.)
<i>Іадам</i>	<i>адам</i>	<i>адам</i> — человек
<i>Іалчи</i>	<i>аьлча</i>	<i>аьлча</i> — сказав ¹

В некоторых словах ингушский язык сохраняет фарингальный *І* и его щелевые (звонкий и глухой) варианты, утраченные чеченским: инг. *Іаса*, чеч. *эса*—«теленок», инг. *Іуо*, чеч. *уохъа*—«вниз». В чеченском, наоборот, сохраняется *І(Іѣ)*: чеч. *Іуллар*, инг. *иллар*—«лежать», чеч. *дІѣавш*||*дІѣовш*, инг. *дохъаш*—«яд» и т. д.

Иногда в ингушском и в заимствованных словах появляется *І*: инг. *ІайгІар*, чеч. *айгІар*—«жеребец», инг. *Іавхирт*, чеч. *эхирт*—«преисподняя».

Спирантизация смычного *І* после смычных объясняется тем, что чеченский и ингушский языки обычно не допускают сочетания двух смычных согласных. Сонанты также не сочетаются с последующими смычными в обоих языках.

Состав согласных фонем в бацбийском языке

В бацбийском языке состав согласных фонем отличается от состава согласных фонем в ингушском и чеченском языках наличием относительно редко употребляемого латерального звука *лѣ*, который встречается только в исконно нахских словах: *алѣи*—«сказал», *далѣи*—«дал», *ворлѣ*—«семь», *барлѣ*—«восемь».

В бесписьменном бацбийском языке, находящемся под сильным влиянием древнеписьменного грузинского языка, не получили распростра-

¹ Д. Д. Мальсагов. Указ. соч., стр. 35.

нения заимствованные звуки *ф, ль, рь, щ*, как в чеченском и ингушском языках.

В современном бацбийском языке обнаруживаются следующие особенности в употреблении согласных фонем в открытых и закрытых слогах, в начале, середине и конце слога:

1) Утратив общенахскую особенность неупотребления сонанта *р* в начале слова, бацбийский язык (как и чеченский и ингушский языки) широко пользуется в заимствованных и производных от них словах сонантом *р* в начале слова: *раз* — крючок для дверей, *революция*, *райком* — «райком», *Ромашвили* (фамилия) и др.

2) Сонант *в[w]* в бацбийском, как и в ингушском, употребляется в исконных словах в начале, середине и конце слова: *ворль* — «семь», *вохь* — «сын», *Топвар* — «защита», *Луз* — «пастух, сторож» и др.

3) В отличие от чеченского и ингушского языков, в бацбийском употребляются в конечном положении смычногортанные аффрикаты *цл, чл*. Особый интерес представляют эти аффрикаты вместо наличествующих в чеченском и ингушском языках *ж||дж, з||дз*: бацб. *гачл*, чеч. *глаж*, инг. *глаж* — «палка», бацб. *бгъарцл*, чеч. *буорз*, инг. *буордз* — «волк», *чливчл* — «воробей», *бокъочл* — «осленок».

4) Звонкие аффрикаты *дз* и *дж* в исконных словах в конечном положении не встречаются: ср. бацб. *моцл*, чеч. *муоз*, инг. *муодз* — «мед» и др. В начале и середине слова как в открытых, так и закрытых слогах, эти аффрикаты употребляются: бацб. *джи||жи*, чеч., инг. *джим* — «почки» и т. д. В заимствованных словах широко употребляются в бацбийском указанные аффрикаты: *глардзил* — «коренной зуб», *брдзол* — «борьба», *кодж* — «веник», *бедж* — «волосинка», *джаджглар* — «грабли».

5) В отличие от чеченского, ингушского, в бацбийском в исконных словах находим смычногортанные мгновенные *кл, нл, тл* в конечной позиции: *царкл* — «зуб», *ларкл* — «ухо», *нитл* — «крапива», *клалт* — «сыр», *иштл* (*уиштл*) — «так», *клметл* — «скала», *лапл* — «лестница».

6) В бацбийском отсутствует глухая фонема *р*, изображаемая графически через сочетание *рл* (в ингушском).

7) Гамза или междусвязочный смык *ъ* редко употребляется в бацбийском: *оъ* — «семя, зернышко», *эъ* — «поле», *чокхаъ* — «черкеска». В сложных словах на стыке двух основ после гласного иногда появляется *ъ*: *цхъаъах* — «полтора», *кхаъдар* — (дословно) «впопад».

8) Фонема *л* употребляется в начале слова: *ла* — «зима», *луз* — «пастух»; в сочетаниях с предшествующим смычным звонким или сонантом переходит в звонкий спирант: *млъа* — «рог», *блъа* — «всегда», *нлъан* — «червь».

В конце слова звук *л* переходит в глухой спирант *хь*: *вохь* — «сын», *йохь* — «дочь» и др.

Консонантизм нахских языков в сравнительно-историческом освещении

Опираясь на характеристику состава согласных в отдельных нахских языках в синхронном и историческом плане, остановимся на сравнительно-историческом освещении нахского консонантизма. Расхождения, выявляемые в них, обусловлены комбинаторными, позиционными изменениями звуков. Изменения в функционировании консонантизма происходили главным образом не путем увеличения или уменьшения состава согласных (за исключением *з* и *ж*, а также геминированных,

появившихся после распада нахского языка-основы, и утраты *л̄* чеченским и ингушским), а путем изменения фонемного состава корней, основ, исконных слов, аффиксов, структуры открытых и закрытых слогов, возникновения новых закономерностей употребления согласных в начале, середине и конце слова, в открытых и закрытых слогах, перед гласными и после гласных, путем сочетания согласных.

Поскольку мы ставим своей основной задачей сравнительно-историческое освещение фонологической системы нахских языков, представляется, что нет особой необходимости давать детальную характеристику палатализованных согласных, представляющих собой позиционно обусловленные варианты соответствующих согласных фонем. Мы ограничимся указанием на наиболее показательные случаи появления палатализованных вариантов согласных.

Мы уже рассматривали выше (при характеристике согласных в отдельных нахских языках) некоторые факты, относящиеся к консонантизму, в сравнительно-историческом аспекте (например, геминированные согласные, аффрикаты *дз*, *дж* и др.). В дальнейшем мы будем учитывать это.

Сонанты. Во всех нахских языках имеются сонанты в $[y||w]^*$, *й*, *л*, *р*, *м*, *н*. В чеченском и ингушском языках *л*, *р*, *м*, *н* могут быть удвоенны (усилены) в составе именных и глагольных основ, но не в начале и конце слова. В составе аффикса не удваиваются. Удвоение их, как мы увидим ниже, связано, с одной стороны, с различными видами ассимиляции, и с другой — грамматически обусловлено.

Удвоение сонанта, как и любого шумного согласного, по фонетическим и грамматическим причинам может происходить лишь в определенной позиции, а именно — в составе основы (но не в начале и конце слова) после гласного.

Из согласных сонанты несут наибольшую функциональную нагрузку. Они могут встречаться в составе слова два раза (в составе основы и аффикса). Подавляющее большинство комплексов согласных включают в себя один из сонантов, чаще всего *л*, *р*, *н*, реже *м*. Как видно из приводимых ниже фактов, все сонанты (за исключением, может быть, сонанта *й*, хотя о древности его происхождения и свидетельствует то, что он служит показателем грамматического класса, восходящего, вероятно, к *д*) восходят к исходной фонологической системе нахского языка. Для сравнительно-исторического изучения нахских языков очень важно подчеркнуть этот момент.

Фонема в $[y||w]$ — губно-губная сонорная. Данный звук служит классным показателем во всех нахских языках: инг. *в-оша*, чеч. *в-аша*, бацб. *в-ашо* — «брат», бацб. *в-ух-в-ерцI*, чеч. *вух-в-ерза*.

В начале слова эта фонема относительно редко употребляется в исконно нахских словах (если не считать случаев, когда *в* служит классным префиксом в морфологическом составе слова): чеч., бацб. *вай*, инг. *вей* — «мы (инклюзив)», чеч. *ваьшка*, инг. *влашка* — «друг другу», бацб. *влаиллаъ*, инг. *влаллаъ* — «никак, вовсе» и др. Фонема *в*, встречающаяся в некоторых словах в начальном положении, очевидно, является окаменелым классным показателем: чеч., инг. *ворхI*, бацб. *ворлъ* — «семь» и т. д.

В конечном положении после согласного в чеченском не встречается, после же гласного в конце слова фонема *в* превращается во второй

* По техническим соображениям фонему $[w]$ в дальнейшем будем передавать в транскрипции через *в* (как в литературном языке), а в составе дифтонгов — через $[y]$.

элемент дифтонга: *дав//дов* [доу] — «драка, ссора», *тков//тхав* — «крыша» и т. д.

Возможность *в* превращаться во второй элемент дифтонга после гласного в конце и середине слова (в составе одного и того же слога) обусловлена двойственной природой сонанта *в*. По характеру губной артикуляции фонема *в* примыкает к согласным как сонант. Ослабление губной артикуляции под влиянием предшествующего гласного звука сближает ее с гласным, вследствие чего она в конце слова (если не выполняет морфологической функции) после гласного становится вторым или третьим элементом этого гласного (дифтонга или трифтонга в чеченском).

В ингушском и в аккинском диалекте чеченского языка звук *в* употребляется в конце слова (после гласного и согласного) и в качестве классного показателя: инг. *в-аха-в* — «пошел», акк. *в-едну-в* — «убежал» и т. д. Заслуживает внимания тот факт, что фонема *в* почти не встречается в качестве корневого согласного в исконных словах. На этом основании можно было бы утверждать, что *в* — фонема более позднего происхождения. Но с другой стороны, данный звук является одним из классных показателей древнейшего происхождения.

В словах, заимствованных из русского языка, через нахскую губно-губную фонему передают губно-зубную щелевую звонкую фонему: чеч., инг. *вагон*, бацб. *ваго* — «вагон»; чеч., инг. *завуд*, бацб. *завод* — «завод» и т. д.

Рассматриваемая фонема сыграла существенную роль в образовании лабиализованных дифтонгов. После утраты особенностей, сближающих ее с шумными согласными, она становится одним из «органических» элементов, составляющих лабиализованные дифтонги.

[й] — среднеязычная щелевая сонорная фонема. Встречается в основном в начале и середине слова в бацбийском, чеченском: чеч., бацб. *йетх*, чеч. *йалх* — «шесть»; бацб. *йол*, чеч. *йуол* — «сено». В ингушском и в аккинском диалекте чеченского языка употребляется в конце слова в качестве показателя грамматического класса: инг. *й-ейзаб-й* — «узнали (ее)», акк. *й-едани-й* — «убежала» и т. д.

В середине слова встречается после гласного. В этом случае сонант [й], как и [в] утрачивает особенности, сближающие его с шумными согласными, и, сливаясь с предшествующим гласным, становится вторым элементом дифтонга: бацб. *ваишнаи(и)?* — «побрили вы его?», инг. *кхеидаб-й* — «потянулся за чем-нибудь», чеч. *кхайкхийта* [кхайкхита] — «позволь позвать», акк. *дийдда* [диидда] — «сделает» и др.

Эти факты могут послужить подтверждением того, что сонант [и], как и [в], двойственной природы. В нахских языках как сонант он произносится с большим подъемом средней части спинки языка к твердому небу и с большим напряжением артикулирующих органов, чем при его образовании в русском. Образующаяся при этом узкая щель обуславливает возникновение более сильной струи выдыхаемого при его произнесении воздуха. Когда же [й] превращается во второй элемент дифтонга, сливаясь с предшествующим гласным, он утрачивает особенности, сближающие его с шумными согласными (менее высокий подъем средней части спинки языка к твердому небу, более широкая щель, слабая струя выдыхаемого воздуха) и приобретает качество, свойственное гласному [и].

Есть основание полагать, что в исконных словах, в которых сонант [й] встречается в начальном положении, мы имеем дело с окаменелым «классным» показателем:

Исх. гип. рек.
бацб. *й етх*,

чеч., инг.

Исх. гип. рек.
й-алх — шесть;

Исх. гип. рек.
й-алх:

Исх. гип. рек.
чеч., инг. *й-иетт*

Исх. гип. рек.
бацб. *й-етт* —

«корова» и т. д. Среди исконных слов мы не находим примера, в котором [й] служил бы корневым элементом. В то же время во всех нахских языках сонант [й] используется в качестве показателя грамматических классов, что указывает на древность его происхождения.

[м] — губно-губная носовая сонорная фонема. Встречается во всех позициях: чеч., инг. *малх*, бацб. *матх*, ажк. *марх* — «солнце»; чеч. *мара*, инг. *мераж*, бацб. *марлэ* — «нос»; чеч. [куо:там], бацб. [котам] — «курица» и т. д.

Во всех нахских языках *м* употребляется в качестве словообразовательного аффикса: бацб. [кхерлэ-м] (от *кхерлэар* — «бояться»), инг., чеч. [кхие:ра-м] (от *кхие:рар* — «бояться, опасность»).

Иногда появление *м* связано с фонетическим наращением на стыке слогов, основ или в интервокальном положении: инг. *гладж*, чеч. *глаж* — «палка», им. п. мн. ч. инг. *гладжа-м-аш*, чеч. *глож-м-а-ш* и др.

[н] — переднетвердонебная носовая сонорная фонема. Встречается во всех позициях в ингушском и чеченском: инг., чеч. *нана* — «мать», [гуо:нахьа] — «кругом», [пие:н] — «стена», [вауон] — «вагон». В бацбийском встречается в основном в начале и середине слова: *нах* — «народ, люди» и редко в конце слова в форме им. п. ед. ч.: *нан* [< нана] — «мать». Однако в качестве формата дат. п. употребляется и в конце слова: *ваин* — «нам», *окхарн* — «им» и т. д.

Сонант *н* входит в состав аффикса род. п. [ин]. В бацбийском в формах род. п. обычно исчезает, подвергая назализации предшествующий гласный: им. п. ед. ч. *де* — «день», род. п. ед. ч. *дê* (< *ден//диен) и т. д.

Назализация гласных, за которыми следует конечный сонант *н*, приводит в бацбийском к поглощению конечного *н* предшествующим гласным не только в исконных словах, но и в заимствованных словах: *кхâ* — «завтра» (ср. чеч. *кхана*), *виго* (< русск. *вагон*) — «вагон» и т. д.

Появление удвоенного *н* в составе основы при образовании некоторых грамматических форм связано с фонетическим наращением: ср. в чеч. *у* — «доска», им. п. мн. ч. *ан-н-аш*. При этом граница слогораздела проходит в середине удвоенного *н*.

Таким образом, *н* находим в составе аффиксов род., дат. п., недавнопрош. вр., им. п. прилагательных (в сущности представляющих собой родительное дополнение при дополняемом).

В системе склонения и спряжения сонант *н* появляется часто в виде фонетического наращения: чеч., инг., бацб. *лам* — «гора», им. п. мн. ч. чеч. *лаьм-н-аш*, бацб. *лам-н-и* и т. д.

Таким образом, в нахских языках встречается *н* троякого происхождения: а) в качестве корневого согласного исконных слов (например, чеч., инг., бацб. *нах* — «народ, люди»; *нана* — «мать» и т. д.); б) в составе аффиксов склонения и спряжения (род., дат. п., недавнопрош. вр. и др.); в) в виде фонетического наращения (чеч. *лаьм-н-а-ш*, бацб. *лам-н-и* и др.).

[л] — переднетвердонебный сонант. Встречается во всех позициях: бацб. *ларкI*, чеч. *лерг* — «ухо»; инг. *лоам*, бацб., чеч. *лам* —

«гора»; бацб. *кIалтI*, чеч. *кIалд* — «сыр, брынза»; бацб., чеч., инг. *бал* — «вишня»; инг., чеч. *луол* — «петля»; бацб. *адгил* — «земля» и т. д.

Сонант *л* встречается в составе некоторых словоизменительных и словообразовательных аффиксов: чеч. в локативе *нах-л-а-хь* — «в народе» (им. п. *нах*), бацб. *хьун-л-охь* — «в лесу»; чеч. *къена*, бацб. *къаино* — «старый», но чеч. *къена-лл-а*, бацб. *къаина-лл-а* — «старость» и т. д.

В ингушском имеется факт, который указывает на употребление *л* в функции классного префикса: бацб. *дацо*, чеч. *доца*, инг. *лоаца* — «короткий». Если в чеченском и бацбийском в приведенном слове представлены переменные классные элементы (бацб. *д-ацо*||*й-ацо*, чеч. *д-оца*||*й-оца* и т. д.), то в ингушском *л* в составе *лоаца* не является переменным показателем.

В некоторых общенахских исконных словах чеченскому и ингушскому *л* соответствует в бацбийском *т*, аккинском — *р*: чеч., инг. *малх*, бацб. *матх*, акк. *марх* — «солнце»; чеч., инг. *хьалха*, бацб. *хьатх(а)*, акк. *хьарха* — «раньше, перед» и т. д.

Встречаются исконные слова, в которых бацбийскому *н* в чеченском и ингушском соответствует *л*: бацб. *менух*, чеч. *муьлха*||*муьлху* — «который» и т. д.

Вместо бацбийского глухого латерального *л̥* в остальных нахских языках появляется *л*: чеч., инг. *алар*, бацб. *алъар* — «сказать», чеч., инг. *далар*, бацб. *далъар* — «давать» и др.

В ингушском языке в некоторых глагольных формах корневой сонант переходит в *н* под воздействием регрессивной ассимиляции: *алар* — «сказать», но *аб-н-над* — «сказал» и др.

Сонант *л* мы находим в составе различных комплексов согласных: чеч., инг. *малх*, бацб. *матх* — «солнце» и т. д.

[*р*] — переднегубнонебная дрожащая фонема. В исконных словах встречается только в середине и исходе слова: чеч., инг. *кхерим*, бацб. *кхерл̥ом* — «опасность», чеч. *лерг*, бацб. *ларкI* — «ухо»; чеч., инг. *бер(а)*, бацб. *бадер* — «ребенок».

Встречается в составе некоторых словоизменительных и словообразовательных аффиксов: бацб. *Ални* — «село *Алвани*», исходн. первый ед. ч. *Алне-ре* — «из села *Алвани*», инг., чеч. *цIа* — «дом», исходн. первый ед. ч. в инг. *цIа-рэ*, чеч. *цIера* — «из дома»; бацб. *алъа-р* (масдар), инг. *алэр*, чеч. *алар* — «сказать»; инг. *лоама-руо*, чеч. *лам-р-уо* — «горец» (от слова *лам* — «гора») и т. д. Для краткости изложения мы ограничиваемся этими примерами, хотя фонема *р* входит в состав аффиксов ряда других падежей, а также временных форм глагола.

Следует отметить, что *р*, в отличие от остальных сонантов, не находим в исконных словах в начальном положении. В аккинском диалекте обнаруживаются следы влияния этого закона на заимствованные слова: акк. *аргI* — «скирд», *аргIгIана* — «поочередно» (ср. чеч. лит. *рагI. рогIгIана*). Усиление заимствований из других языков привело к нарушению указанного фонетического закона. Во всех современных нахских языках и их диалектах *р* сохраняется в заимствованных словах: инг. *раьза*, чеч. *реза* — «довольный»; бацб., инг., чеч. *революци*||*революцийя* — «революция» и т. д.

Фонема *р* относится к числу наиболее употребительных согласных в нахских языках. Вместе с тем следует отметить, что сонант *р* несет большую функциональную нагрузку, входя в состав именных и глагольных основ, аффиксов именного и глагольного словоизменения и словообразования.

Смычные согласные. Нахские языки отличаются от дагестанских и абхазско-адыгских языков и по составу смычных согласных. В первых нет лабиализованных и палатализованных шумных простых смычных согласных. В чеченском, ингушском и бацбийском имеются смычные звонкие *б, д, г, л*; глухие *п, т, к* и *џ*; надгортанные *пl, тl, кл*.

Смычные звонкие. Для краткости изложения в дальнейшем мы ограничимся беглой характеристикой отдельных фонем. Одни и те же смычные звонкие представлены во всех нахских языках

[*б*] — смычная губно-губная звонкая фонема. В начале слова чаще всего встречается во всех нахских языках в качестве функционирующего (главным образом в глагольных основах) и окаменелого классного показателя: бацб. *б-а*, инг. *б-а*, чеч. *б-у* — «есть», бацб. *б-алџи*, инг. *б-енна-б*, чеч. *б-елла* — «дал»; бацб. *ворлџ*, инг., чеч. *вуорхl* — «семь»; бацб. *барлџ*, инг., чеч. *бархl* — «восемь»; бацб. *бадер*, инг. *бер*, чеч. *бера* — «ребенок» и т. д.

Очень мало исконных слов с фонемой *б* в составе основы: напр., чеч. *деба* — «расплодиться, размножиться». Но чаще встречается в производных словах: чеч. *гIабуц* — «растение» (букв. — «лист и трава»).

В конце слова звук *б* находим в функции классного показателя в ингушском (*буолх б-аб-б* — «работу выполнил», *б-енна-б* — «дал»), в аккинском диалекте чеченского языка (*б-елм-б* — «дал», *б-евдам-б* — «убежали»). В бацбийском выявляется данная фонема в конце форм повелительного наклонения, образованных от некоторых глаголов: *тагдиџб* — «сделай», *либ* — «дай», а также в составе отдельных слов, относящихся к другим разрядам: *совб* — «лишний», *тIатџб* — «деньги» и т. д.

[*г*] — смычная заднемягконебная звонкая фонема. Встречается во всех позициях: бацб. *галу*, инг. *гоама*, чеч. *гома* — «кривой»; бацб. *гиб*, чеч. *гуо* — «увидь»; бацб. *дагит*, чеч. *гайта* — «показывай»; бацб. *џиг* — «кровь», инг., чеч. *дуог* — «сердце»; инг. *кулг*, чеч. *куџг* — «рука».

В конечном положении во многих исконных словах ингушскому и чеченскому *г* в бацбийском соответствует *кl*: бацб. *дикl*, чеч. *диг* — «топор»; бацб. *докl*, инг., чеч. *дуог* — «сердце»; бацб. *ларкl*, инг., чеч. *лерг* — «ухо» и т. д.

Фонема *г* обнаруживается в составе именных и глагольных основ, аффиксов именного словообразования и словоизменения.

[*д*] — смычная зубная звонкая фонема. Встречается во всех позициях: бацб. *дош*, инг., чеч. *дуош* — «слово»; бацб. *дад(а)*, инг. чеч. *даџ* *дад* — «отец» и т. д.

В некоторых словах чеченскому и ингушскому *д* в конечном положении в бацбийском соответствует *тl*: бацб. *кIалтl*, инг. *кIоалд*, чеч. *кIалд* — «сыр, брынза» и т. д.

Фонема *д* — один из показателей грамматических классов.

[*л*] — смычная гортанная фонема. В ингушском, чеченском языках встречается во всех позициях: инг., чеч. *Iа* — «зима», инг., чеч. *Iу* — «пастух»; инг. *Iушар*, чеч. *Iуйшар* — «жевать»; инг. *йуола*, чеч. *йолана* — «дочери»; инг., чеч. *вуол* — «сын», чеч. *џхьал* — «один».

В бацбийском этот звук в конечном положении переходит в *хџ*: *йохџ* — «дочь», *вохџ* — «сын» и т. д. В начале и середине слова рассматриваемую фонему находим во многих исконных бацбийских словах: *Iа* — «зима», *Iув* — «пастух», *Iапшар* — «жевать» и т. д.

Фонетическим вариантом *л* служит *лџ*, встречающийся в сочетании с сонантами *в, й, л, м, н* и смычными звонкими согласными: чеч. *бIџара* < *балар* — «орех», чеч., инг. *мIџара* < *малар* — «ноготь»; инг. *вIайхал* || *йIайха* — «горячий», *вIаллаџ* — «совсем», *вIов* — «многоэтажная башня».

а также со звонкими аффрикатами *дз* и *дж*: чеч. *джIала*, инг. *джIали*— «собака», чеч. *дзIе*, инг. *дзIе//дзIи* — «цепь» и т. д.

Данные некоторых говоров горных районов Чечено-Ингушетии позволяют полагать, что звук *I* в начальном положении нередко появлялся по фонетическим причинам: в словах, начинающихся с гласного, находим *I* в виде фонетического наращения. Так, по словам Д. Д. Мальсагова, «в некоторых селениях Шароевского района почти все гласные в зачине имеют айнированный оттенок»¹. В подтверждение этого он приводит следующие слова:

шароевск.	ингуш. литерат.	чеч. литерат.
<i>Iашк</i>	<i>аьшк</i>	<i>эчик</i> — железо
<i>бIоду</i>	<i>боад</i>	<i>боду</i> — сумерки
<i>Iалча</i>	<i>алча</i>	<i>алаша</i> — мерин
<i>Iадам</i>	<i>адам</i>	<i>адам</i> — человек
<i>Iалчи</i>	<i>аьлчи</i>	<i>аьлчи</i> — сказав

Не вызывает никакого сомнения тот факт, что в таких заимствованных словах, как (шароевские варианты) *Iалча* (из тюркск. языков), *Iадам* (из арабск.), начальный *I* является фонетическим наращением.

Наращение *I* перед начальным гласным более широко распространено в горных, чем в равнинных районах. Об этом свидетельствуют и приведенные выше примеры.

Факты, взятые из чеченского и ингушского литературных языков, свидетельствуют о том, что наблюдается тенденция постепенного отмирания этого фонетического явления. Там, где в ингушском наличествует *I* перед гласным в начальном положении, в чеченском он отсутствует: инг. *Iаса*, чеч. *эса*—«теленок», инг. *Iуо*, чеч. *уахьа*—«вниз» и др. Вместе с тем имеют место случаи употребления звука *I* в чеченском при отсутствии его в ингушском: чеч. *дIавш*, инг. *дохьаш* — «яд», чеч. *Iулар*, инг. *иллар* — «лежать» и др.

Оглушение *I* после глухих согласных также свидетельствует о том, что в рассматриваемых примерах мы имеем дело не с айнированными гласными фонемами, а с фонетическим наращением *I*, который подвергается оглушению перед глухими согласными: чеч. *пхьуор* < **nIуор* — «ужин», инг. *тхьавсар* < **тIавсар* — «заснуть», чеч., инг. *цхьогал* < **цIогал* — «лисица» и т. д.

Все изложенное сильно затрудняет решение вопроса о том, в каких случаях *I* является элементом основы и в каких — фонетическим наращением.

Смычные глухие. Из простых смычных глухих в нахских языках наличествуют всего три фонемы: *к*, *п*, *т*.

[*к*] — заднегубнонебная смычная глухая фонема. Произносится с сильным придыханием. Встречается во всех позициях: чеч. *куьг*, инг. *кулг* — «рука», чеч., инг. *куорта*, бацб. *корто* — «голова»; чеч. *техкар*, бацб. *теркар* — «качаться»; чеч. *дзIзок*, бацб. *дзок* — «клюв» и др. Лишь в одном из исконных слов мы засвидетельствовали факт соответствия чеченского конечного звонкого *г* бацбийскому глухому: чеч. *бага*, бацб. *бак(а̃)* — «рот».

¹ Д. Д. Мальсагов. Указ. соч., стр. 34.

Из комплексов согласных с *к* наиболее распространенным в чеченском и ингушском является комплекс *хк*, которому в бацбийском в некоторых случаях соответствует *рк*: чеч., инг. *тахкар*, бацб. *таркар* — «покачнуться»; чеч., инг. *техкар*, бацб. *теркар* — «качаться». Вместе с тем имеются случаи, когда чеченскому и ингушскому *хк* в бацбийском соответствует комплекс *хкI*: чеч., инг. *лахкар*, бацб. *лахкIар* — «гнать»; инг. *бахкир*, чеч. *баьхкир(a)*, бацб. *бахкIир* — «пришли» и др.

[*n*] — губно-губная смычная глухая фонема. Произносится с сильным придыханием. Хотя фонема *n* мало употребительна, все же она встречается в чеченском и ингушском во всех позициях: чеч., инг. *пхиъ*, бацб. *пхи* — «пять»; чеч. *пхинпа*, инг. *пхи-пхи*, бацб. *пхинх* — «по пять»; чеч. *тайпа*, инг. *тейпа* — «род»; бацб. *депцар* — «рассказывать», *допхар* — «надеть»; чеч. *айп* — «лорок», инг. *поп* — «чинара». Правда, не находим исконных нахских слов с конечным *n*.

Заслуживает внимания тот факт, что во всех исконных словах *n* в начальной позиции оказывается результатом оглушения *б*. Так, *пхи*//*пхиъ* < **бэхихъ*; чеч., инг. *пхьарс* < **б. хьарс*//*бэIарс* — «рука (от кисти до плеча)»; бацб. *хьансар* < *хьабгсар* (ср. чеч. *хьавсар*) — «посмотреть» и т. д.

Фонему *n*, которую можно было бы признать исходным корневым согласным, в исконных словах не находим. Отсутствует *n* в составе аффиксов именного и глагольного словоизменения и словообразования, если оставить в стороне *n*, представляющий собой результат оглушения *б*.

[*т*] — смычная губная глухая фонема. Произносится с сильным придыханием. Встречается во всех позициях: чеч. *тахана*, инг. *тахан*, бацб. *тхā* — «сегодня»; чеч., инг. *куорта*, бацб. *корта* — «голова»; чеч., инг. *барт* — «лицо»; бацб. *даита* — «позволь принести».

В бацбийском входит в состав комплекса *тх*, в котором соответствует чеч., инг. *л*, акк. *р*: бацб. *матх*, чеч., инг. *малх*, акк. *марх* — «солнце»: В бацбийском выявлены факты, которые показывают, что комплекс *тх* — результат выпадения гласного, находившегося между этими двумя согласными: ср. бацб. *тхā* с чеч. *тахана*, инг. *тахан* — «сегодня».

В отдельных словах чеч. *т* в бацбийском соответствует *тI*: чеч. *стаг*, бацб. *стIакI* — «человек».

Фонема *т* встречается в составе именных и глагольных корней.

[*ъ*] — междусвязочная мгновенная глухая фонема. Обычно встречается в конце слова: чеч., инг. *шиъ* — «два», *кхуоъ* — «три»; бацб. *оъ* — «семья», *эъ* — «поле».

В середине слова находим редко: чеч. *биъна* — «съел», *кхиъна* — «вырос» и др.

Те гласные, в начальном положении которым не предшествует *I*, почти всегда произносятся с *ъ* — «твердым приступом». В этом смысле *ъ* представляет собой чисто фонетическое явление в начальной позиции. В этой позиции *ъ* как особая фонема не выступает.

В качестве особой фонемы данный звук используется главным образом в конце слова (ср. чеч. *кхуо* — «памет крупного рогатого скота», но *кхуоъ* — «три») и в середине слова (ср. чеч. *бина* — «сделал», но *биъни* — «съел»).

В бацбийском языке фонема *ъ* иногда выпадает в конечном положении: бацб. *ши* — «два», *кхо* — «три», *пхи* — «пять» (ср. чеч., инг. *шиъ*, *кхуоъ*, *пхиъ*), но *дIъивъ* — «четыре» (ср. чеч., инг. *диъ*).

С другой стороны, в бацбийском имеют место случаи наращенния *ъ* в конце заимствованных слов: *чаркаъ* — «глиняный кувшинчик», *дахаъ* — «горная индейка», *хоршаъ* — «малярия» (ср. чеч. *хурша*).

Междусвязочный смык *ʒ* легко переходит в краткий гласный заднего ряда нижнего подъема (точнее говоря, «гортанного» образования). В этом случае рассматриваемый гласный как бы является фонетическим вариантом *ʒ*: чеч. *диъна//диана* — «съел», *веъна//веана* — «пришел». Правда, можно допустить, что в формах *диана*, *веана* мы имеем дело с сочетанием *ʒ* с кратким [a]: *диъана*, *веъана*. Некоторые исследователи и дают приведенным формам такое толкование¹.

Гамза *ʒ* может «удваиваться», т. е. произноситься как геминированные согласные: чеч., инг. *туоал//туоъал* — «достаточный», *туоаалл//туоъъал* — «именно столько, чтобы быть достаточным».

Во всем этом проявляется двойственная природа гамзы.

В роли конечного согласного или в составе аффиксов рассматриваемый звук не встречается. Он входит в состав основы слова в одних случаях как фонетическое наращение, а в других — как особая фонема. По-видимому, звук *ʒ*, появившийся в конце слова и в интервокальном положении на стыке двух основ или основы и аффикса, еще в нахском языке-основе выделился в особую фонему, различая слова и формы по их лексическим и грамматическим значениям в этих двух позициях.

Щелевые согласные. В отличие от дагестанских и абхазо-адыгских языков в нахских языках отсутствуют лабиализованные и надгортанные щелевые (фрикативные) согласные.

Щелевые звонкие. В чеченском, ингушском и бацбийском языках находим одни и те же щелевые звонкие шумные согласные: *з*, *ж*, *г*. Отличаются же они друг от друга функциональной нагрузкой, особенностями употребления в различных позициях, фонетическими процессами, которые связаны с ними.

[з] — зубная щелевая звонкая фонема. В современном чеченском встречается только в середине и конце исконных слов: *хаза* — «красивый», *газа* — «коза», *барз* — «холм», *борз* — «волк», *моз* — «мед».

В ингушском звук *з* находим лишь в середине слова: *берза* — «волка» (род. п. ед. ч.), *меза* — «меда» (род. п. ед. ч.), *боарза* — «холма» (род. п. ед. ч.). Анализ этих форм показывает, что в них *з* — вторичного образования: в им. п. ед. ч. имеем *дз*: *бордз* — «волк», *боардз* — «холм», *модз* — «мед». Таким образом, *з* в приведенных выше формах восходит к *дз*: *з < дз*.

В ингушском *з* может появляться вследствие озвончения конечного *с*: *аз < ас* (эрг. п. ед. ч.) — «я» (ср. чеч. *ас||аса*, бацб. *ас*) *Юнуз* (из арабск.) — «Юнус» (собств. имя) и др.

В бацбийском *з* находим в слове *глазе* — «хороший», (ср. чеч. *хаза* — «красивый») являющийся, вероятно, результатом упрощения аффрикаты *дз* в середине слова.

Из сказанного следует, что в нахском языке-основе не было звука *з* (во всяком случае употребляемого в начале и конце слова).

[ж] — переднетвердонебная щелевая звонкая фонема. В современном чеченском встречается только в середине и конце исконных слов: *даъжна* — «паслись», *глажаца* — «(с)палкой», *глаж* — «палка», *маж* — «борода».

В ингушском находим *ж* как фонетический вариант *дж* в середине исконных слов: им. п. ед. ч. *хъадж* — «запах», *гладж* — «палка», *модж* — «борода»; род. п. ед. ч. соответственно *можа//моджа*, *хъажа//хъаджа*, *можа//моджа*². Из этих примеров следует, что *ж < дж*.

¹ Д. Д. Мальсагов. Указ. соч., стр. 31, 32.

² Там же, стр. 30.

В речи бацбийцев нами было отмечено двоякое произношение *ж* во всех позициях: *же||дже* — «отара овец», *дажар||даджар* — «пасться», *важар||ваджар* — «братья», *даж||дадж* — «пасись». Первые фонетические варианты этих слов приведены в нашей работе «Бацбийский язык»¹.

Таким образом, анализ фактов, связанных с употреблением *з* и *ж* в разных позициях с их характеристикой: а) как абсолютных (т. е. независимых от комбинаторных условий) единиц фонологической системы; б) как элементов, принимающих участие в образовании морфем, — показывает, что рассматриваемые звуки отсутствовали в исконной фонологической системе нахского языка-основы (во всяком случае в начале и конце слова).

В качестве самостоятельных фонем они стали выделяться после распада нахского языка-основы. Процесс их образования был обусловлен: а) упрощением аффрикат *дз* и *дж* сначала в середине и конце слова, т. е. появлением сначала их фонетических вариантов в указанных позициях. Процесс этот продолжается и сейчас. Указанные фонетические варианты *дз* и *дж* превратились впоследствии в самостоятельные фонемы *з* и *ж*; б) заимствованиями и внешним влиянием. Кроме того, известную роль сыграли и фонетические процессы (например, озвончение *с* в конечной позиции в инг. *аз* < *ас*, Юнуз < Юнус || Юнас; в бацб. *пIаун* || *роз* < груз. *пIанIирози* и др.).

[*gl*] — заднемягконебная щелевая звонкая фонема. В современных языках встречается во всех позициях: чеч. *глаж*, инг. *гладж*, бацб. *глачI* — «палка»; чеч. *обглазе* — «сердитый», инг. *гIийла* — «худой», бацб. *акхгIеш* — «зверски»; чеч. *рагI* — «очередь, гребень», инг. *гIагI* — «кольчуга», бацб. *йоргI* — «иноходь» (ср. чеч. *йуоргIа*); чеч. *дигI*, инг. *дигI*, бацб. *дегI* — «тело».

Фонема *gl* выступает и в качестве корневого согласного исконных слов: чеч., инг. *гла* — «лист», бацб. *гло* — «помощь» (ср. чеч., инг. *гIуо*); чеч. *глаж*, инг. *гладж*, бацб. *глачI* — «палка» и т. д.

В составе аффиксов словоизменения и словообразования редко встречаются: в бацб. транзитив первый — *корогIдахь* (им. п. ед. ч. *кор*) — «через окно», в чеч. *Иванов-гIар* — «Ивановы».

Фонема *gl* иногда чередуется с *x*, выступая в роли фонетического варианта последнего: чеч. *вогIа* — «идет», но *вахани* — «пошел» и т. д.

Щелевые глухие. Во всех нахских языках представлены щелевые глухие звуки *с*, *х*, *ш*, *хь*, *хI*. Кроме того, в бацбийском находим *лъ*, в ингушском — *ф*.

[*ç*] — зубная щелевая глухая фонема. Встречается во всех позициях, в качестве корневого согласного исконных слов: чеч., инг. *суо*, бацб. *со* — «я»; общенахск. *са* — «душа»; чеч. (литер.) *стаг*, инг. *саг*, бацб. *стIакI* — «человек»; чеч., инг. *буос*, бацб. *бос* — «цвет».

В некоторых говорах чеченского языка выпадает из состава комплекса *ст*: например, в Гойтинском говоре *таг* (литер. *стаг*) — «человек», *тигал* (литер. *стигал*) — «небо».

В ингушском часто озвончается в конце слов: *аз* < *ас* (эрг. п. ед. ч.) — «я», Юнуз < Юнус и т. д.

В бацбийском наблюдаются также случаи озвончения *с* в заимствованных словах: *пIаунIроз* < *пIанIироси* — «папироса».

Фонема *ç* служит одним из аффиксов эрг. п. ед. ч.: *никIо* (собств. имя) — «Нико», эрг. п. ед. ч.: *НикIо-с*.

[*x*] — заднемягконебная щелевая глухая фонема. Встречается во всех позициях: чеч. *хан*, инг. *ха*, бацб. *хâ* — «время»; чеч. *хи*, инг. *хий*,

¹ Ю. Д. Дешериев. Бацбийский язык, стр. 30.

бацб. *хи* — «вода», чеч., инг., бацб. *бух* — «дно», *ах* — «половина»; чеч. *тахана*, инг. *тахан*, бацб. *тхă* — «сегодня».

Нередко в исконных словах корневым согласным служит *х* (например, в приведенных выше словах). Рассматриваемый звук встречается и в составе аффиксов именного словоизменения: например, в инесиве первом — *нан-е-х* — «о матери», *дад-е-х* — «об отце» и др.

[ш] — переднетвердонецкая щелевая шипящая глухая фонема. Встречается во всех позициях: чеч., инг. *шиъ* — «два», бацб. *ши* — «два», чеч. *шуо*, инг. *шу*, бацб. *шо* — «год»; чеч. *уьшал*, — «болото»; бацб. *ваши́то* — «позволяет ему (мужчине) брать»; чеч. *зударш* — «женщины», инг. *шераш* — «годы», бацб. *цлари-ш* — «имена», *эш* — «будь нужным».

Как видно из приведенных примеров, фонема *ш* в исконных словах служит корневым согласным. Вот еще примеры: чеч. *ваша*, инг. *воаша*, бацб. *вашо* — «брат»; чеч., инг. *йиша*, бацб. *йашо* — «сестра» и т. д.

Данный звук выступает и в функции аффикса деепричастия наст. вр.: *в-ишу-ш* — «лежа», *леле-ш* — «гуляя» и т. д.

[хъ] — гортанная щелевая глухая фонема (соответствует *g* арабск.). В современных нахских языках встречается во всех позициях: чеч. *хьаг-д-алар*, инг. *хьог-д-алар* — «жажда»; бацб. *хьех* — «пещера» (ср. чеч. *хьиех* в том же значении); чеч. *лаьхьа*, инг. *лехьа*, бацб. *лахь(о)* — «змея»; чеч. *йуьхь*, инг. *йухь*, бацб. *йохькотI* — «лицо».

Фонема *хъ* — корневой согласный элемент в исконных словах: чеч., инг. *хьуо*, бацб. *хьо* — «ты»; чеч. *хье*, инг. *хьоа* — «мозг»; чеч. *хьаж*, инг. *хьажа*, бацб. *хьокI* — «лоб»; чеч. *хьа(н)*, бацб. *хьă* — «кто»; чеч. *хьун*, инг. *хьу*, бацб. *хьў* — «лес» и др.

Фонему *хъ* находим в составе аффиксов именного словоизменения: *пстIуинчогохъ* — «у женщины», *ваш-а-и-го-хъ* — «у брата», *менху-ч-о-го-хъ* — «у которого» и др.

В бацбийском языке находим *хъ* вторичного происхождения: *вохъ* — «сын» (ср. чеч., инг. *вуоI*), *йохъ* — «дочь» (ср. чеч., инг. *йуоI*) и др. Напротив, в ингушском в некоторых случаях *хъ* переходит в *I*, например, в эрг. п. формы II л. ед. ч., инг. *Ia* (им. п. ед. ч. *хьуо*), чеч. *ахьа* (им. п. ед. ч. *хьуо*), бацб. *ахъ//ахьа* (им. п. ед. ч. *хьо*) — «ты».

[хI] — междусвязочная щелевая глухая фонема (соответствует немецкому *h*). Встречается относительно редко в исконно нахских словах: чеч., инг. бацб. *хIаъ//хIаа* — «да»; чеч. *хIума*, инг. *хьама* — «вещь»; бацб. *хIерцI* — «котел». В некоторых случаях чеченскому начальному *хI* соответствует в ингушском *ф*, бацбийском *в*: чеч. *хIу(н)*, инг. *фу*, бацб. *вух* — «что».

Иногда *хI* выпадает в бацбийском: чеч. *хIинца*, инг. *хIанз*, бацб. *инц* — «теперь»; чеч. *хIуоа*, инг. *фуъ*, бацб. *оъ* — «яйцо». Бацбийскому латеральному *лъ* в чеченском и ингушском соответствует *хI*: бацб. *ворлъ* чеч., инг. *вуорхI* — «семь»; бацб. *барлъ*, чеч., инг. *бархI* — «восемь».

Эти факты свидетельствуют о том, что в чеченском и ингушском бытует *хI* двоякого происхождения: а) *хI*, восходящая к нахскому языку-основе; б) звук *хI* вторичного чередования.

Тот факт, что *хI* встречается в исконно нахских словах почти всегда в начальном положении и легко замещается другими звуками или выпадает, позволяет полагать, что звук *хI* — первоначально представлял фонетическое наращение или же фонетическое осложнение определенных звуков дополнительной артикуляцией в начальной позиции.

[лъ] — переднетвердонецкая глухая латеральная фонема. Отсутствует в чеченском и ингушском языках. Редко встречается в бацбийском:

алъср — «сказать», *далъар* — «давать», *кхерлъар* — «бояться», *ворлъ* — «семь», *барлъ* — «восемь» и др. По нашим наблюдениям, в начальной позиции иногда переходит в *л* (в устах среднего и младшего поколения): *лабl* — «дай!».

Очевидно, эта фонема восходит к нахскому языку-основе. В чеченском и ингушском языках под воздействием фонетических процессов в одних случаях он превратился в сонант *л*, а в других — в спирант *xl*: чеч., инг. *алар*, бацб. *алъар* — «сказать»; чеч., инг. *далар*, бацб. *далъар* — «дать»; чеч. *аблла* < *алина, инг. *аьннад* < *алина да, бацб. *алъина* — «сказал»; чеч., инг. *вуорxl* — «семь», бацб. *ворлъ*; чеч., инг. *барxl*, бацб. *барлъ*.

[*ф*] — губно-зубная щелевая глухая фонема. В чеченском и бацбийском языках нет этого звука (имея в виду исконно нахские слова). В ингушском она встречается главным образом в начальной позиции. Данная фонема вошла в состав исконных слов путем замещения двух звуков — билабиального щелевого сонанта *в* и междудвязочного *xl*: инг. *фоарта*, чеч. *ворта* — «шея»; инг. *фийг*, чеч. *хлу*, бацб. *оъ* — «семья, зерно»; инг. *фуъ*, чеч. *хлуоа* — «яйцо».

В народно-разговорном чеченском и бесписьменном бацбийском при заимствовании иноязычных слов, данный звук раньше заменялся фонемой *п*: чеч. *панар* — «фонарь», *пабрика* — «фабрика»; бацб. *пабрикла* — «фабрика», *порма* — «форма» и т. д. В современном чеченском языке узаконено написание и произношение заимствованных слов, сохраняя наличествующий в них звук *ф*: фабрика, физика, фамилия и др.

А ф ф р и к а т ы. В нахских языках представлены несмычногортанные аффрикаты *дз*, *дж*, *ц*, *ч*, *кх*; смычногортанные аффрикаты *цl*, *чl*, *къ*.

[*дз*] — зубная звонкая аффриката. В ингушском она сохраняется во всех позициях: *дзиер* — «наблюдать», *буордз* — «волк», *муодз* — «мед». В середине слова и в ингушском аффриката *дз* часто переходит в спирант *з*: *мерза* < *мердза*, *меза* < *медза*.

В чеченском фонема *дз* сохранилась только в начале слов: *дзиезаг* — «цвежок», *дзайла* — «сковородка». В середине и конце чеченских слов она закономерно переходит в спирант *з*: *берза(н)* — «волка», *барза(н)* — «холма», *бусрз* — «волк», *муоз* — «мед».

В бацбийском аффриката *дз* сохранилась в начале и середине (перед гласными) исконных слов: *дзок* — «клюв» (чеч. *дзlъок*), *кладзикl* — «немного» (но *клацlкlъ* — «незначительный»). Аффриката *дз* в некоторых исконно нахских словах закономерно переходит в *цl*: бацб. *бlъорцl* < *бlъорз* < *бlъордз*, чеч. *буорз*, инг. *буордз* — «волк»; бацб. *моцl* < *моз* < *модз*, чеч. *муоз* < *муодз*, инг. *муодз* — «мед» и т. д.

[*дж*] — переднетверднелобная звонкая аффриката. В ингушском сохраняется во всех позициях: *джий* — «овца», *джиеруо* — «вдова», *хъаджа* (род. п. ед. ч.) — «запах», *гладж* — «палка». В середине слова аффриката *дз* также может переходить в спирант *ж*: *глажа* || *гладжа* (род. п. ед. ч.) — «палки», *можа* || *моджа* (род. п. ед. ч.) — «бороды».

В исконных чеченских словах встречается только в начале слов: *джим* — «почки», *джима* — «молодой, маленький». В середине и конце слов аффриката *дж* перешла в спирант *ж*: *глажана* < *гладжана* — «палка», *глаж* < *гладж* — «палка», *хъожана* < *хъоджана* — «запах», *хъаж* < *хъадж* — «лоб», *маж* < *мадж* — «борода» и т. д.

В некоторых исконно бацбийских словах инг. *дж*, чеч. *ж* в конечном положении закономерно соответствует *чl*: *гlочl* < *гlож* < *гlодж* — «палка» (ср. инг. *гладж*, чеч. *глож*), *мачl* < *маж* < *мадж* — «ус» (ср. инг. *модж*, чеч. *мажа* — «борода») и др.

[ц] — зубная глухая аффриката. Встречается во всех позициях: чеч. *цегг*, инг. *царг*, бацб. *царкI*; общенахск. *буц* — «трава», чеч. *дийцар*, инг. *дувцар*, бацб. *депцар* — «рассказывать»; чеч., инг. *ца*, бацб. *цо* — «не, нет» и др.

П. К. Услар отмечал, что аффриката *ц* перед *н* в чеченском закономерно переходит в спирант *с*: *лацар* — «поймать», *лесна* — «поймал», *иецар* — «взять, купить», *иесна* — «взял, купил»¹.

В современном чеченском литературном языке не наблюдается такой закономерности: *лацар*, *лабцна*, *иецар*, но *иецна*.

[ч] — переднетвердонебная глухая аффриката. Чаше всего встречается в начале и середине исконных слов: *ча* — «медведь», чеч. *шича*, инг. *шуча*, бацб. *шича* — «двоюродный брат»; чеч., инг., бацб. *чу* (послелог) — «во внутрь».

В таких общенахских словах, как *ча* аффриката *ч* является корневым согласным, бытующим с древних времен во всех нахских языках.

В редких случаях находим ее и в конце слова: чеч., инг. *барч* — «край, почетное место» (*барче* < *барч*), чеч. *хич* — «гримаса, спесь». В бацбийском входит в состав древнего аффикса мн. ч.: *табу* — «баран в возрасте более одного года», им. п. мн. ч. *табаирч*, *мIъар* — «ноготь», им. п. мн. ч. *мIаърелч*; *масор* — «серна», им. п. мн. ч. *масирч*.

В чеченском и ингушском языках также бытует это окончание: чеч. *сту*, инг. *уст* — «бык», им. п. мн. ч. — чеч. *стерчий*, инг. *шерч* и др.

[кх] — заднемягконебная глухая аффриката. Чаше всего встречается в начале и середине исконных слов: чеч. *кхана*, инг. *кхоана*, бацб. *кха* — «завтра»; чеч., инг. *кхуоъ*, бацб. *кхо* — «три», чеч. *кхийрина*, инг. *кхийрад*, бацб. *кхерлзина* — «боялся»; чеч., инг., бацб. *кхакха* — «шкура, овчина»; чеч. *хлокхуо*, бацб. *окхус* — «он, оно, она» (эрг. п. ед. ч.) и др.

В составе целого ряда общенахских слов фонема *кх* служит корневым согласным, некоторые из них приведены выше. Однако ее нет в аффиксах именного и глагольного словоизменения и словообразования. Таким образом, функциональная нагрузка этого звука ограничена.

С м ы ч н о г о р т а н н ы е. Смычногортанные фонемы — это так называемые «кавказские» звуки. В нахских языках наличествуют следующие смычногортанные: *пI*, *тI*, *кI*, *цI*, *чI*, *къ*. В них нет лабиализованных смычногортанных фонем, а также смычногортанных спирантов, встречающихся, например, в абхазо-адыгских языках.

[пI] — зубно-губная мгновенная смычногортанная фонема. Во всех нахских языках редко встречается данный звук. В чеченско-русском словаре А. Г. Мациева приведено всего девять слов, начинающихся с фонемы *пI*: *пIаьлдиг* — «кожаная дорожная сумка», *пIаьнгазхо* (очевидно, основа этого слова восходит к картвельским языкам) — «житель Панкийского ущелья (в Грузии)», *пIелг* — «палец» (фонетическим вариантом этого слова служит *тIелг*), *пIелган* — «пальцевый», *пIенда* — «ребро (кость)», *пIендагI* — «планка», *пIендарап* — «реберный», *пIендаршъюккъера* — «межреберный», *пIераска* — «пятница» (груз. < греч.). Если учесть, что из приведенных слов два являются заимствованными (*пIаьнгаз*, *пIераска*), а четыре-пять — производными от тех же рассмотренных выше слов с начальным *пI*, то станет ясным, что лексические единицы исконного происхождения с начальным *пI* в чеченском языке можно свести к двум-трем словам: *пIелг* (с фонетическим вариантом *тIелг*), *пIенда* и *пIаьлдиг* (не ясно, является ли основа последнего слова исконно нахской).

¹ П. К. Услар. Чеченский язык, стр. 84.

Примерно такое же количество слов с начальным *nI* находим и в ингушском.

В чеченском и ингушском языках фонема почти не встречается в не-начальной позиции.

Что же касается бацбийского языка, то здесь картина сложнее, чем в чеченском и ингушском. В бацбийском языке фонема *nI* имеет более значительную функциональную нагрузку. Она встречается в исконных и заимствованных словах: *чIкъемпI* — «горло», *пIлъа* — «крыло» (птицы), *чIупI* — «пупок», *тIкъирипI* — «селезенка», *лапI* — «лестница», *пIурда-пIур* — «напротив». Большинство из этих слов заимствовано из грузинского языка.

Кроме того, чеченскому и ингушскому *n* во многих заимствованных словах соответствует *nI*: *пIартия* — «партия», *пIамидор* — «помидор» и т. д.

Широкое распространение фонемы *nI* в бацбийском объясняется влиянием грузинского языка.

[*nI*] — зубная мгновенная смычногортанная фонема. В чеченском и ингушском встречается в основном в начале исконных слов: чеч., инг. *пIа* — «передняя нога животного», чеч. *пIам*, инг. *тIкъам* — «крыло»; чеч. инг. *пIаккха* — «потом»; чеч. *пIаргIа*, инг. *тха* — «шерсть»; чеч., инг. *пIие* — «поверхность», чеч., инг. *пIадам* — «капля».

Фонема *nI* представлена во всех нахских языках (в общенахских словах): чеч. *пIай*, инг. *пIий*, бацб. *пIив* — «мост»; чеч., инг., бацб. *пIум* — «мозг костей»; чеч., инг., бацб. *натIкъ* — «гной».

Рассматриваемый звук более широко представлен в бацбийском. Объясняется это двумя причинами. Во-первых, чеченским и ингушским *d* и *t* в середине и конце слов очень часто закономерно соответствует в общенахских словах *nI*: чеч. *кIалд*, инг. *кIолд*, бацб. *кIалтI* — «сыр, творог»; чеч., инг. *пхъид*, бацб. *пхъитI* — «лягушка»; чеч. *балда*, инг. *борд*, бацб. *батIра* — «губа»; чеч. *накъост*, инг. *навкъост*, бацб. *накъбистI* — «товарищ»; чеч., инг. *дадар*, бацб. *датIар* — «бежать»; чеч. *идар*, инг. *рдар*, бацб. *итIар* — «бегать».

Во-вторых, фонема *nI* встречается во многих заимствованиях из грузинского языка: *пIатIиосноб* (груз. *пIатIиоснеба*) — «честь, приличие»; *моглалатI* (груз. *моглалатIе*) — «предатель, изменник»; *остIатI* (груз. *остIатIи*) — «мастер» и др.

[*knI*] — заднемягконесная мгновенная смычногортанная фонема. В чеченском и ингушском языках чаще всего встречается в начале исконных слов: чеч. *кIайдан*, инг. *кIайде* — «белить, сделать белым»; чеч. *кIеза*, инг. *кIаза* — «щенок»; чеч. *кIеда*, инг. *кIаьда* — «мягкий»; чеч. *кIар-кIар*, инг. *кIаркIилг* — «ползунок (мельничный)»; чеч. *кIорни*, инг. *кIориг* — «птенец»; чеч. *кIохчал*, инг. *кIарцхал* — «колючки». В чеченском и ингушском в конце слов не встречается.

Данную фонему находим во всех нахских языках (в одних и тех же исконных словах): чеч., инг., бацб. *кIур* — «дым»; *кIа* — «пшеница»; чеч. *кIел*, инг. *кIал* — «под», бацб. *кIикIел* — «из-под»; чеч., инг. *кIнат*, бацб. *кIнат* — «мальчик, парень» и др.

Фонема *knI* более широко распространена в бацбийском, чем в чеченском и ингушском. В последних двух звукам *k* и *g* в конце и середине исконных слов за редкими исключениями закономерно соответствует в бацбийском *knI*: чеч., инг. *дуог*, бацб. *докI* — «сердце»; чеч., инг. *куог*, бацб. *кокI* — «нога»; чеч., инг. *лахкар*, бацб. *лахкIар* — «погнать»; чеч., инг. *оигар*, бацб. *дикIар* — «вести»; чеч., инг. *дехкар*, бацб. *дехкIар* — «завязать» и др.

В то же время *кI* находим во многочисленных заимствованиях из грузинского языка: бацб. *сакIутреб* (груз. *сакIутреба*) — «собственность»; *цIигнакI* (груз. *цIигнакли*) — «брошюра»; *кIидба* (груз. *кIидобани*) — «сундук» и т. д.

[*цI*] — зубная смычногортанная аффриката. В чеченском и ингушском встречается в начале и середине слов: чеч., инг. *цIано* — «чистота»; *цIаста* — «медь красная»; чеч. *цIерхо*, инг. *цIарахо* — «тезка»; чеч. *цIинцIирхьоза* — «синица» (ср. инг. *готяхьазилг*, чеч. *готанин хьоза* в том же значении); чеч. *цIинцIолг* — «малюсенький предмет»; чеч. *цIокъам*, инг. *цIацIкъам* — «бровь»; чеч. *цIака*, инг. *цIумоака* — «на четвертый день вперед» и др.

В чеченском, ингушском и бацбийском: чеч., инг., бацб. *цIа* — «дом»; чеч., инг. *цIие*, бацб. *цIе* — «огонь»; чеч., инг. *цIий*, бацб. *цIиг* — «кровь»; чеч., инг. *цIийдалар*, бацб. *цIегдалар* — «краснеть» и др. Все эти слова являются исконно нахскими.

Фонема *цI* более широко распространена в бацбийском, чем в чеченском и ингушском. Это объясняется в основном двумя причинами. Во-первых, чеченскому *з* и ингушскому *дз* в середине и конце исконных слов в бацбийском чаще всего закономерно соответствует *цI*: чеч., инг. *лазар*, бацб. *лацIар* — «болельщик»; чеч., инг. *дезар*, бацб. *децIар* — «любить»; чеч. *буорз*, инг. *буордз*, бацб. *бIъорцI* — «волк»; чеч., инг. *уоза*, бацб. *оцI(а)* — «потяни»; чеч. *давзар||довзар*, бацб. *данцIар* — «познакомиться, узнать» и др.

Во-вторых, фонему *цI* находим и во многочисленных грузинских заимствованиях: *хелцIерил* (груз. *хелцIерили*) — «расписка»; *калцIул* (груз. *калцIули*) — «девица» и др.

[*цI*] — переднтвердоднебная смычногортанная аффриката. В чеченском и ингушском находим ее в основном в начале слов: чеч., инг. *цIаба* — «коса (волос)»; чеч. *цIогIдан*, инг. *цIогIде* — «укрепить»; чеч. *цIаж*, инг. *цIож* — «ущелье»; чеч., инг. *цIим* — «свиноушка (растение)»; чеч. *цIогIа*, инг. *цIоагIа* — «сильный».

В исконно общенахских словах: чеч. *цIара*, инг. *цIкъаьра*, бацб. *цIара* — «рыба»; чеч. *цIениг*, инг. *цIанг*, бацб. *цIаникI* — «подбородок»; чеч. *цIож*, бацб. *цIочI* — «рыло, морда, рот»; чеч. *цIогIа*, инг. *цIоагIа*, бацб. *цIагIо* — «крепкий, сильный» и др.

Аффриката *цI* более широко распространена в бацбийском, чем в чеченском и ингушском языках. Это объясняется следующими двумя причинами. Во-первых, чеченскому *ж* и ингушскому *дж* (*ж*) в середине и конце исконных слов соответствует *цI*: чеч. *маж*, инг. *мадж* — «борода»; бацб. *мацI* — «ус»; чеч. *хьажар*, инг. *хьажар||хьаджар* — «смотреть»; чеч. *гIаж*, инг. *гIадж*, бацб. *гIацI* — «палка» и др.

Во-вторых, аффриката *цI* заимствована бацбийским языком вместе с многочисленными грузинскими словами: *самцIедло* (груз. то же) — «кузница»; *мечIурцIл* (груз. *мечIурцIле*) — «гончар»; *цIилоб* (груз. *цIилопи*) — «рогожа» и др.

[*къ*] — заднемягконнебная смычногортанная аффриката. Встречается во всех позициях: чеч., инг. *къажар* — «улыбнуться»; чеч. *къаьхьа*, инг. *къаьхьа*, бацб. *къаьхьэ* — «горький»; чеч. *къэкъар*, инг. *къувкъар* — «греметь»; чеч. *къена*, инг. *къаьна*, бацб. *къано* — «старый»; чеч., *къиг*, инг. *къайг* — «ворона»; чеч., инг., бацб. *юкъ* — «талия»; *дукъ* — «ярмо»; чеч. *къамкъарг*, инг. *къамарг*, бацб. *къаккъратI* — «гортань»; чеч. инг., бацб. *тIкъа* — «двадцать»; *лацIкъдалар* — «прятаться»; *декъдалар* — «разделиться» и т. д.

Фонема *къ* более широко распространена в бацбийском, чем в чеченском и ингушском языках. Это объясняется тем, что она заимствует-

ся бацбийским из грузинского в составе многочисленных слов: *мкѣа* (груз. *мкѣа*) — «раб»; *брикѣе* (груз. *брикѣви*) — «невежда»; *ткѣввие* (груз. *ткѣввийа*) — «пуля» и др.

ОСНОВНЫЕ ЗАКОНЫ СОЧЕТАНИЯ ЗВУКОВ

Основные законы сочетания звуков в нахских языках слабо изучены. Мы можем назвать лишь небольшую работу, написанную в 50-х годах XIX века, академика А. А. Шифнера¹, а также работы А. Яндарова, А. Соммерфельта, в которых рассмотрены некоторые вопросы сочетаемости согласных.

Каждый язык имеет свои особые законы употребления и сочетания фонем. Эти законы регламентированы своеобразием фонемного состава данного языка. Богатство словарного состава, жанрово-стилистических разновидностей устной и письменной речи и синтаксических конструкций, структурных типов слога, морфологических типов корневых и формальных морфем также оказывает существенное влияние на законы употребления и сочетания фонем.

Есть некоторые специфические законы сочетания звуков, обусловленные общими законами функционирования современных чеченского и ингушского литературных языков. Они проявляются в действующих в них живых фонетических процессах, определяющих позиционные, комбинаторные изменения звуков. Это следует учесть при сравнительно-историческом изучении фонетических процессов в нахских языках.

Основные законы сочетания согласных звуков

Своеобразие этих законов проявляется в употреблении согласных в начале, конце и середине слова, в составе корневых и формальных морфем, форм слов, в сочетаемости согласных фонем между собой.

Далеко не все фонемы довольно часто встречаются в начале слова. Сонант *р* в начальном положении почти не встречается в исконных чеченских лексических единицах. Древние заимствования, обнаруживаемые в нахских языках, подтверждают это. Широкое употребление *р* в начале слова — позднее явление в чеченском языке, обусловленное внешним влиянием.

При описании отдельных фонем показана употребительность отдельных фонем в начале, середине и конце слова. Из соотносительной характеристики употребительности согласных и гласных видно, что чаще всего в начале слова встречаются из согласных: *б, в, й, г, д, кI, с, хь, ч*; из гласных: *а [а:], а [а], э [е], е [ue], и [и]*. В этом положении относительно редко употребляются согласные *ж, з, н, пI, хI, ц, ч*; из гласных: *[аь], э [е], об [об], уь [уь], уь [уь:], и [и:]*. Лишь в заимствованных словах (в основном) встречаются *р* и *ф*.

Для нахских языков нехарактерно стечение двух и более согласных в начале слова. И все же в чеченском литературном языке довольно часто встречаются следующие комплексы согласных в начальном положении:

<i>дI</i>	<i>ст</i>
<i>дIало</i> [дIалу:] — отдай	<i>стаг</i> [стаг] — человек
<i>дIа</i> [дIа:] — там	<i>стигал</i> [стигал] — небо
<i>дIовш</i> [дIовш] — яд	<i>стом</i> [стуом] — плод
<i>дIаньндар</i> [дIаньндарг] — пуля	<i>стохка</i> [стохка] — в прошлом году

¹ П. К. Услар. Чеченский язык. Тифлис, 1888 (приложение).

тІкъ

тІкъа [тІкъа] — двадцать
тІкъарш [тІкъарш] — с треском,
 звукоподражание
тІкъатІкъа [тІкъатІкъа] — по два-
 дцать
тІкъоьсна [тІкъоьсна] — девятна-
 дцать

цхь

цхьалха [цхьалха] — одинарный
цхьамза [цхьамза] — штык
цхьана [цхана] — вместе
цхьогол [цхьо:гал] — лиса

пхь

пхьарс — плечо, рука от плеч до
 кости
пхьид — лягушка
пхьу — собака (самец)
пхьа — село
пхьар — мастер

бІ

бІо [бъуо] — войско
бІаьрг [бІаьрг] — глаз
бІара [бІа:ра] — орех

схь

схьа — сюда
схьаэца [схьаие:ца] — возьми
схьало [схьалуо:] — подай
схьахьажа [схьахьажа] — посмот-
 ри сюда

чІкъ

чІкъор [чІкъуор] — кожа
чІкъург [чІкъург] — колесо,
 баранка
чІкъуьйриг [чІкъуь:риг] — корка

мъ

мІара [мІа:ра] — ноготь
мІара [мъа:ра] — удочка
мІарагона [мъа:рагуо:на] — едва

пх

пхиъ [пхиъ] — пять
пхиппа [пхиппа] — по пять
пхора [пхо:ра] — беременный

Этими примерами в основном и ограничиваются типы сочетаемых согласных в начальном положении. Из них в начале слова в русском языке встречается комплекс *ст*, который чехи свободно произносят: «стол», «стул», «стакан» и т. д. (ср. чеч. *стаг*, *стигал* и др.) или же заменяют вариантами, употребляемыми в местных говорах: *тол* [туол], *така* или [суол], [сака] (ср. чеч. *таг*, *тигал*, *саг*, *сигал* и т. д.).

В середине и конце слова редко встречаются сочетания более двух согласных. К числу немногих звуковых комплексов, состоящих из трех согласных, относятся:

рст

дерстин — жирный

рсхь

терсхьара [тиерсхьа:ра] — по-
 ржала бы (о лошади)

зткъ

шовзткъа [шоузтІкъа] — сорок
шовзткъазза [шоузтІкъазза] —
 в сорок раз
шовзткъалгла [шоузтІкъалгла] —
 сороковой

рпхь

настарпхьид — икра (ноги)

Слогораздел обычно рассекает подобные комплексы, распределяя их между двумя слогами — предыдущими: *дерстин*, *терс-хья:ра шоуз-ткѣ*, *настар-пхьид* и т. д. Закон слогораздела нахских языков аналогичным путем рассекает и удвоенные согласные в середине слова: *даг-гара*—«от всего сердца», *вад-далц*—«до того, как побежать», *дакх-кха*—«вытащи, отними», *докх-кха*—«большой».

В чеченском языке такие удвоенные согласные встречаются двух видов: лексическое, т. е. удвоение корневого согласного (согласного основы) для выражения особого лексического значения и грамматическое, т. е. удвоение согласного для выражения дополнительного, грамматического значения уточнения, усиления лексического содержания слова. Удвоенные согласные этих двух типов отличаются друг от друга еще и фонетически. Гласный звук *а*, стоящий перед лексическим, корневым удвоенным согласным, бывает открытым полудолгим: *дакх-кха*—«отнимай», *хат-та*—«спроси» и т. д.

Между тем гласная фонема, за которой следует удвоенный согласный звук, имеет грамматическое значение: *вад-далц*, *даг-гара* и т. д. Что же касается сочетаний двух согласных, встречающихся в середине, в конце слова, то наиболее типичными и распространенными в чеченском языке являются нижеследующие: Сочетания двух согласных, из которых один — сонант: *лг* (*члелалг*—«пшеничная лепешка, начиненная творогом», *шалгу*—«вилы»), *лт* (*шаьлта*—«кинжал», *ялта*—«зерно, хлеб»), *лд* (*балда*—«губа»), *лч* (*аьлча*—«альчик», *делча*—«когда умер»), *лх* (*болх*—«работа», *хьалха*—«раньше»), *рг* (*бляьрг*—«глаз», *горга*—«круглый»), *рт* (*аьрта*—«тупой», *барт*—«рот, согласие»), *рх* (*архаш*—«вожжи», *аьрха*—«строптивый»), *рч* (*черчий*—«медведи», *стерчий*—«быки»).

В состав большинства сочетаний входят сонанты *й, л, р, н, м, в*. Чаще всего начальным согласным в таких сочетаниях является сонант. Ввиду многочисленности комплексов сочетаемых согласных мы вынуждены ограничиться их перечислением: кроме приведенных выше, в нахских языках встречаются сочетания согласных в середине и конце слов: *ргl, рп, рд, рц, ркх, рм, рн, рхl, рс, рз, рк, рб, рчl, рл, ркѣ, сн, сх, нт, нк, кг, нпl, нд, нц, нх, мс, мз, мг, мх, кд, чх, чкх, чхь, лхь, лд, лк, лп, кѣл, лш, зл, зд, дц, пт, хьл, хьд, хк, хч, хт, гld, жхь, шв, шт, шк, чlкѣ, ккѣ, джl, зl, нl, лl, хкl, шкl, скl, шх, тх, пх, шг, мгl, шц, лдз, рж, стl, кѣд, гд, чд, жд, кѣн, хн, гн, гln, шн, жн, зн, бн, рп, нб, чб, жб, зб, гlм, см, нм, рм, чй, жй, др, гл, рл, хв, кѣв, чв, жв, зв, лв*. Большинство из них восходит к нахскому языку-основе.

Из сочетаний согласных наиболее употребительны в чеченском литературном языке в начале слов: *ст, джl, зl, dl, ml, bl, цlкѣ, ткѣ, цхѣ, пхь, шх, пх*; в конце слов: *рх, лх, хкl, рт, рд, рс, рз, нс, рхl*. В ингушском литературном языке не употребляют в начале слова *ст, шх, цlкѣ* и некоторые другие комплексы. Напротив, в бацбийском встречаются почти все перечисленные выше комплексы согласных.

Сочетания гласных

Законы употребления и сочетания гласных фонем в нахских языках весьма своеобразны. Здесь сказывается своеобразие и сложность нахского вокализма, структуры слова и слога.

В нахских языках значительное место занимают лексические единицы и их формы с начальными и конечными гласными, а также и формы слов, начинающиеся или оканчивающиеся на согласные звуки. Это

объясняется, во-первых, наличием большого количества согласных и гласных фонем; во-вторых, почти одинаковым количеством долгих и кратких фонем, употребляемых в открытых и закрытых слогах в соответствующей позиции.

В начале и конце слов чаще всего встречаются краткие согласные, которые употребляются как в открытых, так и в закрытых слогах. Специфической особенностью нахских языков, сильно осложняющей структуру слова и слога, является употребление нескольких кратких и долгих фонем в составе одного слова. В этом отношении особенно отличаются падежные формы производных имен существительных и временные формы производных глаголов. Чтобы убедиться в этом, достаточно привести несколько примеров из чеченского языка:

и м. п. *хьехархо* [хьие:хархуо:] — «учитель»;

эрг. п. *хьехархочо* [хьие:хархуо:чуо:] — «учитель»;

исходн. III п. *хьехархочуьнгахьара* [хьие:хархуо:чуьнгахья:ра] — «со стороны учителя»;

транзит. п. *хьехархочуьнгахула* [хьие:хархуо:чуьнгахула] — «через учителя».

Приведенные падежные формы производного слова *хьехархо* — «учитель, преподаватель» представляют интерес с точки зрения их фонемного состава. Производное имя существительное *хьехархо* состоит из масдарной основы *хьехар* [хьие:хар] — «преподавать, учить» и словообразовательного аффикса *хо* [хуо:]. К абсолютной форме этого слова в эргативном падеже присоединяется аффикс *чо* [чуо:] — *хьехархочо* [хьие:хархуо:чуо:].

В составе этой падежной формы имеем одну краткую и три долгих фонемы. В исходном III падеже *хьехархочуьнгахьара* [хьие:хархуо:чуьнгахья:ра] количество гласных фонем доходит до семи, из которых четыре кратких и три долгих. В транзитивном падеже соотношение кратких и долгих гласных фонем меняется в пользу кратких гласных: *хьехархочуьнгахула* [хьие:хархуо:чуьнгахула], где число кратких гласных доходит до пяти, а долгих гласных звуков сокращается до двух.

Аналогичные факты наблюдаются и в глагольных формах: инфинитив изъявительного наклонения — *деша* [дие:ша] — «читать, учиться», давнопрошедшее условное время понуд. наклонения — *дешетан-ехьара* [дие:шие:тание:хья:ра] — «если бы позволили читать, учиться». В первой глагольной форме две гласных фонемы — долгая и краткая, а во второй шесть, из них четыре долгих и две — кратких.

Долгие и краткие гласные в составе слова встречаются в самых различных соотношениях. Сочетание гласных в начале слова почти не наблюдается. Обычно при стечении гласных происходит их стяжение, в результате их слияния образуется долгая форма.

Еще академик А. А. Шифнер указал на следующие сочетания гласных: [ии], [уу], [ие], [ие:], [уь], [уь:], [аи], [еи], [уи], [еу], [иу], [оу], [иеа:], [уоа], [уеи], [уои], [иео], но не отметил, что многие из этих примеров представляют собой дифтонги-фонемы, а не комплексы рядом стоящих самостоятельных гласных звуков.

Из сочетаний гласных фонем чаще всего употребляются следующие комплексы: два рядом стоящих кратких [аа] — *даа* [дага] — «кушай, ешь!», *хаа* [хага] — «сядь!», *лаа* [лага] — «желай, пожелай!»; [ии] — *ии* [диш] — «покушал, посл»; *хии* [хии] — «сел», *лии* [лии] — «пожелал»; *дуу* [дуу] — «кушает, ест», *луург* — «желающий||желаемый», *хуург* — «знающий||узнаваемый». Ограничимся перечислением возможных групп сочетаний гласных: [иа], [еа], [аьа], [оа], [уу], [оа], [иеа], [уеи], [еи], [уоа], [уоа]. [о:а].

Граница между двумя рядом стоящими самостоятельными краткими гласными фонетически достаточно ясно очерчена. Труднее бывает установить эту границу между рядом стоящими простыми кратким и долгим гласными звуками. Особенно трудно бывает дать фонетическую характеристику слова, когда в его составе рядом стоят два долгих или краткий и долгий дифтонги: *xloo* [*xlyoʊo:*], *xlobe* [*xlyobʊe:*] от *xloʊ* [*xlyoʊ*] — «пуля».

Большинство анализируемых комплексов гласных чаще всего встречается в глагольных формах. Обычно не встречается в сочетаниях гласных более двух звуков. Почти все указанные типы сочетаний гласных в русском языке или вовсе не употребительны или же встречаются очень редко.

Исследование рассмотренных комплексов гласных проливает свет на специфику, своеобразие взаимодействия, взаимоотношения сочетаний гласных и согласных в слове, слоге, на фонетическую структуру слова, слога. Почти все эти комплексы существуют в ингушском и бацбийском. Поэтому для краткости изложения мы ограничиваемся приведенными примерами.

Основные законы употребления долгих и кратких гласных

Долгие и краткие гласные встречаются в начале, середине и конце слов. Приведем примеры из чеченского языка:

Долгие гласные

В начале	В середине	В конце
<i>аха</i> [<i>a:xa</i>] — лаши	<i>дала</i> [<i>da:la</i>] — кончай	<i>схьада</i> [<i>sxʰada:</i>] — неси сюда
<i>ата</i> [<i>a:ta</i>] — кроши, дробь	<i>кхерам</i> [<i>kxʰie:ram</i>] — опасность	<i>кхераме</i> [<i>kxʰie:ra-mie:</i>] — опасности
<i>оза</i> [<i>ʊo:za</i>] — тяните, взвесьте	<i>тоха</i> [<i>tuo:xa</i>] — ударь	<i>тохе</i> [<i>touxʰie:</i>] — ударив
<i>еца</i> [<i>ie:ca</i>] — купите	<i>тииса</i> [<i>ti:sa</i>] — сыпь (те)	<i>тиисе</i> [<i>ti:sie:</i>] — посыпает

Краткие гласные

<i>аса</i> [<i>asa</i>] — я (эрг. п)	<i>дагана</i> [<i>dagana</i>] — сердцу	<i>дашана</i> [<i>dashana</i>] — слову
<i>адам</i> [<i>adam</i>] — человек	<i>вахана</i> [<i>вахана</i>] — пошел, поехал	<i>деха</i> [<i>die:xa</i>] — проси
<i>ахьа</i> [<i>axʰa</i>] — помели	<i>бахамана</i> [<i>бахамана</i>] — хозяйству	<i>дуу</i> [<i>duu</i>] — есть, кушает
<i>амма</i> [<i>amma</i>] — но, однако	<i>веаначуьнга</i> [<i>веаначуьнга</i>] — к пришельцу	<i>дии</i> [<i>diu</i>] — покушал

Итак, долгие и краткие монофтонги и дифтонги встречаются во всех позициях: в начале, середине и конце слов, в самых различных сочетаниях с согласными.

Употребление долгих и кратких гласных не зависит от ударения. Поэтому в составе слова может быть одновременно несколько долгих и кратких фонем: *дог* [дуог]—«сердце», *даго* [дагуо]—«сердце, сердцем» (эрг. п.), *дагана* [дагана] — «сердцу»; *дагадеанехъара* [дагадеание: хъа:ра] — «если бы вспомнил», *воглачунна* [во:глачунна] — «идущему, едущему», *воглачо* [во:глачуо:] — «идуший, едущий» (эрг. п.) и т. д.

Из приведенных примеров видно, что употребление долгих и кратких гласных в составе слова не зависит от их количества, начального, серединного и конечного положения.

Основные законы употребления и сочетания долгих и кратких монофтонгов и дифтонгов обусловлены типом слога: долгие гласные встречаются в основном в открытых слогах, а краткие — в открытых и закрытых. Долгие фонемы могут стоять в открытых слогах в начале, середине и конце слов:

В начале слова	В середине слова	В конце слова
<i>аха</i> [а:ха] — наши	<i>къийсам</i> [къий:сам] — борьба	<i>ло</i> [луо:] — дай (те)
<i>урам</i> [у:рам] — улица	<i>длакхийса</i> [длакхи:са] — выбрасывайте	<i>заводе</i> [завуо:дие:] — на завод
<i>олу</i> [о:лу] — говорю	<i>котам</i> [куо:там] — курица	<i>гатде</i> [гатдие:] — укороти
<i>етленехъара</i> [ие:тлие:ние:хъа:ра] — если бы рвал	<i>блогламыш</i> [бл'го:гламыш] — столбы	<i>когде</i> [кагдие:] — сломай

В середине слова для выражения грамматического значения уточнения, усиления в чеченском и ингушском языках первый согласный второго слога удваивается. В силу того, что по законам слогораздела нахских языков граница слога проходит по середине удвоенного согласного, первые долгие слоги в таких словах становятся закрытыми: *ахха а аьхна*—«именно пахать, вспахать», *урраме макхаьчча* — «когда (точно) дошел до самой улицы», *аса и оллучу хенахь* — «в то самое время (точно в этот момент)»; «когда я это говорил». В словах *ахха*, *урраме*, *оллучу* первый слог закрытый (*ах*, *-ур*, *-ол*), поэтому начальные гласные *а*, *у*, *о* стали краткими. Еще примеры: *куьг* [куьг] — «рука», но *куьгана* [куь:га-на]—«руке», *ког* [куог]—«нога», но *когана* [куо:га-на]—«ноге». Подобного типа удвоения согласных не наблюдается в бацбийском.

Под действием характерного для вейнахских именных и глагольных основ закона чередования гласных корня долгие монофтонги и дифтонги, как и краткие гласные, переходят в другие гласные фонемы. Если при этом образуются закрытые слоги вместо открытых, то долгие гласные преобразуются в краткие фонемы иной природы: *ала* [а:ла] — «скажи», но *аьлла* [аьлла] — «сказал», *оза* [уо:за] — «тяни, кури», *овзна* [уовзна] — «потянул, покурил»; *деза* [дие:за] — «люби», *дезна* [диезна] — «любил» и т. д.

Однако долгие звуки могут быть в составе конечных закрытых слов. Закон употребления долгих гласных в открытых слогах нарушается в чеченском языке при образовании второй формы деепричастия. Как известно, в чеченском языке существуют две формы причастия:

1) деепричастие, по своему значению в основном соответствующее русскому причастию наст. вр. действ. залога: *доглаш* [до:глаш] — «идя сюда», *добдаш* [доб:даш] — «уходя», *добшаш* [дубов:шаш] — «читая, учась»;

2) деепричастие наст. вр., выражающее повторяющееся действие, — «идя-идя», «читая-читая» и т. д.: *доглаш* [до:гла:ш] — «идя-идя сюда», *добдаш* [доб:да:ш] — «уходя-уходя», *добшаш* [доб:ша:ш] — «читая-читая».

В первой форме причастия во втором закрытом слоге мы имеем краткую фонему [a]. Во второй форме причастия, напротив, во втором закрытом слоге употребляется долгий монофтонг [a:]. В этих двух формах как краткие, так и долгие могут противопоставляться фонематически и другие гласные.

Таким образом, во второй форме причастия и вообще в конечных закрытых слогах появляются нарушения закона употребления долгих гласных. Однако следует учесть, что и в этом случае в конечном положении чувствуется наличие сильно редуцированного гласного.

Что же касается употребления кратких гласных, то они встречаются в открытых и закрытых слогах, в начале, середине и конце слов: *ахва* [a-хва] — «ты» (эрг. п.), *догла* [догла] — «дождь», *дог* [дог] — «сердце», *куьг* [куьг] — «рука», *тахана* [та-ха-на] — «сегодня».

ЗВУКОВЫЕ ПРОЦЕССЫ В НАХСКИХ ЯЗЫКАХ

Рассмотрим сначала в каждом из языков:

1) Изменения звуков в потоке речи, обусловленные фонетическими закономерностями сочетания звуков, законами ударения, словообразования, своеобразием структуры слова, слога.

2) Исторические чередования звуков.

После анализа фактов, относящихся к этим двум пунктам, можно будет перейти к характеристике исторических чередований и других фонетических явлений, восходящих к общенахскому языку-основе.

ФОНЕТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В ЧЕЧЕНСКОМ ЯЗЫКЕ

Для чеченского языка характерны следующие явления: прогрессивная ассимиляция, губная гармония гласных, небная гармония гласных, редукция гласных, метатеза, элентеза, наращение звуков, выпадение гласных, выпадение согласных, удвоение согласного корня, образование дифтонгов, монофтонгизация дифтонгов, образование гласных переднего ряда, ослабление краткого [i] и его переход в краткий [a], исторические изменения (чередования) звуков, восходящие и невосходящие к общенахскому языку, образование вторичных долгот (в результате стяжения согласных).

Прогрессивная ассимиляция

В чеченском языке широкое распространение получила полная прогрессивная контактная ассимиляция. Ярче всего она проявляется в случаях уподобления сонанта *n* из состава аффикса недавнопрошедшего времени предшествующему смычному звонкому или глухому шумному согласному или сонанту:

[а:ла] — скажи

[лие:та] — борись

[ла:ба] — удовлетвори

[вада] — беги

[хие:та] — кажись

[я:тла] — порвись

аьлла [< *аьлна] — сказал

лиетта [< *лиетна] — боролся

лаьбба [< *лаьбна] — удовлетво-
рился

ведда [< *ведна] — побежал

хиетта [< *хиетна] — (по) казался

[й:аьтла] [< *аьтна] — по-
рвался

Этот процесс в ряде случаев охватил фрикативные согласные и аффрикаты:

[туо:ха] — ударь

[таса] — посыпь

[в-ие:за] — люби его

[ие:ца] — купи, возьми

[ие:ша] — будь недостаточным

тоьхха [*туоьхна] — ударил

тесса [< *тесна] — посыпал

виетта [< *виетна] — полюбил

иецца [< *иецна] — купил, взял

иешша [< *иешна] — не доставал,
не хватал.

Таким образом, наблюдается параллельное употребление форм типа тоьхха||тоьхна, тесса ||тесна и т. д. Правда, из них чаще всего употребляются формы тоьхна, тесна и т. д., т. е. формы, в которых *н* не подвергается ассимиляции.

Вместе с тем следует отметить, что далеко не всегда можно образовывать такие параллельные формы. Например, из форм, образованных от глаголов ваха — «идти», вижа — «ложись» употребляются только формы с *н*: вахна (вахана) — «пошел, вижна — «лег».

Сравнительно редко встречается неполная прогрессивная ассимиляция.

В системе склонения подобная ассимиляция наблюдается очень редко: [де:ла||де:ли||да:ли] — «бог», дат. п. ед. ч. далла (< *дал+на), но муохк — «страна», эрг. п. [махкуо:], дат. п. ед. ч. махкана [махкана] и т. д.

Уподобление аффикса недавнепрошедшего времени *н* предшествующему *л*, *д*, *т* носит исторический характер, в современном языке не осознают форм аьлла, лиетта, ведда как восходящих к (исключением является аккинский диалект, в котором бытуют формы типа аьлна, а не типа аьлла) аьл-на, лиет-на, вед-на. Только исторический анализ фактов позволяет показать путь образования этих форм. Что же касается образования форм типа тоьхха||тоьхна, иецца||иецна, то они связаны с действующими в современном чеченском языке фонетическими закономерностями, допускающими параллельное употребление указанных форм.

В разговорной народной речи заимствованное слово трамвай произносится тарамбай, где под влиянием предшествующего *м* фрикативный звук *в* превращается в смычный *б* и т. д.

Регрессивная ассимиляция в чеченском языке обусловлена, главным образом, взаимодействием гласных. Здесь следует отметить, во-первых, лабиализацию предшествующих гласных под влиянием конечного лаби-

лизованного гласного; во-вторых, и-образную окраску, которую принимают предшествующие гласные под воздействием конечной *и*. В обоих случаях дополнительная артикуляция (лабиализация или и-образная окраска) приводит к образованию новых фонем.

Губная гармония гласных

В чеченском языке наблюдается губная гармония гласных двойного рода: прямая и обратная. Губная обратная гармония гласных (по А. А. Шифнеру, обратное уподобление) — древнего происхождения. Губная прямая гармония гласных возникла в эпоху самостоятельного развития чеченского языка.

Следует различать первичную губную обратную гармонию гласных и вторичную губную обратную гармонию. Первичная губная обратная гармония гласных восходит к общенахскому языку-основе, поэтому ее следует объяснять не только данными одного чеченского языка, но и всех нахских языков. Для объяснения этого явления должны быть привлечены данные и других горских иберийско-кавказских языков. Первичная губная обратная гармония гласных в основном касается исторического чередования корневых гласных в исконных основах имен существительных и глаголов древнего происхождения (см. первый тип первичного чередования гласных).

Вторичная губная обратная гармония гласных возникла после распада общенахского языка-основы в эпоху обособленного развития чеченского и ингушского языков. Вторичная губная обратная гармония гласных в основном касается исторического чередования корневых гласных в исконных глаголах и именах древнего происхождения. Сущность этого явления состоит в следующем: при образовании некоторых глагольных форм происходит вставка конечного аффиксального лабиализованного гласного внутрь корня, при этом лабиализации подвергается корневой гласный, т. е. происходит смена глагольной основы одних форм основой других глагольных форм. В данном случае вместо древней основы повелительного наклонения, масдара и инфинитива возникает новая основа наст. вр. изъявительного наклонения и форм, образующихся от этой основы. Это видно из следующих фактов:

Повелит. накл.			Масдар		
чеч.	инг.	бацб.	чеч.	инг.	бацб.
[a:xa] — наши(те)	[a:x(a)]	[a:x(a)]	[a:xap]	[a:xap]	[a:xap]
[a:la] — скажи(те)	[a:la]	[a:lʷ(a)]	[a:lap]	[a:lap]	[a:lʷap]
[a:ta] — кроши(те)	[a:t(a)]	[a:tap]	[a:tap]	[a:tap]	[a:tap]
[da:xa] — вытаски- вай(те)	[da:xa]	[d-a:x(a)]	[d-a:xap]	[da:xap]	[d-a:xap]

Как видно из этих примеров, исходная основа повелительного наклонения и масдара сохранилась во всех нахских языках. От этой основы наст. вр. изъявительного наклонения образуется в чеченском, ингушском и бацбийском языках следующим образом:

Наст. вр. изъявит. накл.		
чеч.	инг.	бацб.
[о:ху//о:ха]	[оах]	[а:х-о] —пашет (пашут)
[о:лу//о:ла]	[оал]	[а:лѣ-о] — говорит (говорят)
[о:ту//о:та]	[оат]	[а:т-о]—крошит (крошат)
[џ-о:ху//џ-о:ха]	[џ-оах]	[џ-а:хо] —вытаскивает (вытаскивают), отнимает (отнимают)

Следовательно, в чеченском языке происходит вставка аффиксального [о] внутрь корня. Это подтверждается данными некоторых горных диалектов чеченского языка, в которых и поныне говорят *ахо* — «пашет», *ало* — «говорит» и т. д. Стало быть, вторичная губная обратная гармония гласных в чеченском языке эпентетического характера: [а:ха] > [а:хо] > [о:ху//о:ха]. Так образовались в чеченском и следующие формы наст. вр.:

Повелит. накл.	Наст. вр.
[ла:ра]	[ло:ру//ло:ра] — уважает, считается
[ба:хар]	[бо:ху//бо:ха] — говорит
[даккха]	[доккху//доккха] — отнимает, вынимает
[хъажа]	[хъожу//хъожа] — смотрит

и т. д.

Наблюдаются исключения из этого правила, обусловленные различными причинами: [џ-а:] — «принеси (те)», *дахъа* — «несет», *дакха* — «со-си», *декха* — «сосет», [да:ха] — «живи», [де:ха] — «живет» (последний пример, по-видимому, по семантическим причинам для дифференциации форм и их значений противопоставляется [да:ха] — «отними (те)», вытаскивай (те)», [до:ху] — «отними (те), вытаскивай (те)» и т. д.

От основ наст. вр. образуется целый ряд глагольных форм: прошедш. несоверш. (*олура* — «говорил», *кхобура* — «кормил», *доура* — «ел, кушал», *охкара*||*охкура* — «пахал»), будущее простое (*дохур* — «отнимет», *лоцур* — «поймает, арестует», *орур* — «будет молотить»), дееприч. (*олуш*||*олаш* — «говоря», *лохаш*||*лохуш* — «ища» и т. д.) и т. д.

Вторичная губная обратная гармония гласных уже стала историческим чередованием.

С основой глагола в наст. вр., образовавшейся под действием закона вторичной губной обратной гармонии гласных, связано возникновение прямой губной гармонии гласных в чеченском языке.

Прямая губная гармония гласных — явление, сходное с сингармонизмом в тюркских языках. Если корневой гласный является лабиализованным, то последующие суффиксальные гласные также обычно лабиализуются. Вторичная губная обратная гармония гласных, закрепившись в фонетической и морфологической системе языка, создала почву для развития прямой губной гармонии гласных. При образовании форм настоящего времени уже проявляется формирующаяся тенденция губной

прямой гармонии гласных, хотя все еще в конце форм наст. вр. может появляться беглый, краткий, редуцированный лабиализованный и нелабиализованный гласный: [лоху||лоха] — «ищет», [охку||охка] — «копает», [воду//вода] — «бежит».

Несмотря на то, что более употребительными и предпочтительными является форма с конечным лабиализованным гласным, для выражения значения наст. вр. безразлично, на какой гласный — лабиализованный или нелабиализованный оканчивается данная форма. Наличие лабиализованного гласного в конце глагольной формы наст. вр. требуется фонетической нормой.

При образовании наст. вр. от глаголов в понудительном наклонении прямая губная гармония гласных стала обязательной нормой фонетического оформления данных глагольных форм:

Повелит. накл, понудит. накл.	Наст. вр. изъявит. накл.
<i>малийта</i> [мали:та] — заставь пить	<i>молуйьту</i> [молуйь:ту]
<i>дагиита</i> [да:ги:та] — гореть	<i>до:гуйьту</i> [до:гуйь:ту]
<i>арийта</i> [а:ри:та] — молотить	<i>эруйьту</i> [о:руйь:ту]

В этих примерах при образовании наст. вр. последовательно осуществляется прямая губная гармония гласных, т. е. уподобление по лабиализации аффиксальных гласных корневому гласному: форму [молуйь:ту] не произносят *молийта*, нарушая действующие фонетические нормы их произношения. Прямая губная гармония гласных устойчиво соблюдается во всех понудительных формах, образованных от основы наст. вр.: будущ. простое (*молуйьтур* — «позволит выпить», *догуйьтур* — «позволит сгореть»); прош. несоверш. (*молуйьтура* — «позволял выпить», *догуйьтура* — «позволял гореть») и др.

Небная гармония гласных

Для чеченского языка характерна небная гармония гласных двух типов: прямая и обратная. Небная прямая гармония гласных возникла в период самостоятельного развития чеченского языка.

Чеченский язык различает небную обратную гармонию первичного и вторичного происхождения. Первичная небная обратная гармония гласных восходит к общенахскому языку-основе, поэтому при объяснении ее возникновения нельзя ограничиваться данными только лишь одних нахских языков. Для объяснения происхождения этого явления необходимо привлечь факты и из других горских кавказских языков (см. стр. 124). Первичная небная обратная гармония гласных (первый тип первичного чередования) касается исторического правила чередования гласных переднего ряда, наличествующих в одних формах, образованных от именных и глагольных корней древнейшего происхождения с кратким [a] или долгим [a:] в других формах, образованных от тех же корней. Первичная небная обратная гармония гласных (в дальнейшем будем говорить — о первом типе вторичного чередования) охватывает как именные, так и глагольные основы, например, гласный переднего ряда в понудительных формах наст. времени и некоторых других формах или [a], являющийся чаще всего результатом ослабления [u]: [иe:ци:тар] — «заставить купить», [кхиехки:тар] — «заставить кипеть», [ди:ши-

ра||ди:шира] — «учился», [ди:цира||ди:цара] — «рассказывал», [ли:ли-ра||ли:лара] — «ходил», [э:лира] — «сказал», но нельзя «сказать», *дийшо-ра, дийшору, дийцору, кхиехкотор, элора/элору* и т. д.

В масдарных формах типа [ие:ци:тар], [кхие:хьи:тар] краткая фонема [a] относится к масдарному аффиксу [ар], фонетический облик которого почти не подвергается видоизменению во всех нахских языках. Этим объясняется употребление [a] в конечном слове в приведенных выше примерах.

Что же касается [a] в таких примерах, как *дийцара* [ди:цара], *эла-ра* [е:лара], то данный звук — результат ослабления [и]: *элара* < *элири*. *дийшара* < *дийшири*, *дийцара* < *дийцири* и т. д.

В этих примерах обнаруживается взаимодействие двух процессов: с одной стороны, первичной оборотной гармонии или вставки аффиксального [и] внутрь корня, с другой — прямой гармонии гласных. Наблюдаемые исключения из этого правила фонетически обусловлены. В конце двух- и трехсложных слов с корневым гласным переднего ряда может появляться долгий лабиализованный дифтонг заднего ряда: *дин* — «лошадь для верховой езды», [динуо:] (эрг. п. ед. ч.); [тие:шамие] — «к доверию, заслуживающий доверия», но [тие:шамуо] (эрг. п. ед. ч.). Однако в таких случаях не могут быть употреблены ни краткие лабиализованные монофтонги и дифтонги заднего ряда, ни долгие лабиализованные монофтонги заднего ряда.

Вторичная обратная небная гармония особенно широко представлена в глагольных формах: повелит. накл. [ласта] — «лошатнись, покачнись», [такха] — «ползи», [ва:ха] — «живи», [галха] — «испортишься», [таба] — «притаись», наст. вр. [леста], [текха], [веха], [телха], [теба] и т. д.

Редукция гласных

Редукция гласных наблюдается в конечном положении. Редукции подвергаются только краткие гласные. Долгие гласные сохраняются во всех позициях, подвергаясь лишь частичному ослаблению в конечном положении двух- и более сложных слов:

Краткие конечные гласные	Долгие конечные гласные
<i>машина</i> [маш:ина̃] — машина	<i>машина</i> [маш:инуо:] (эрг. п. ед. ч.)
<i>лоха</i> [лоха̃] — низкий	<i>лохо</i> [лохуо:] — низковатый
<i>догла</i> [догла̃] — дождь	<i>догл(а)но</i> [догл(а)нуо:] (эрг. п. ед. ч.)

и т. д.

Вследствие сильной редукции конечных кратких гласных трудно бывает определить, с каким гласным мы имеем дело: *e, a, o, y*. Поэтому их называют в чечено-ингушской литературе то беглыми, то сомнительными гласными. Орфография из-за этого вынуждена предписывать написать *a* или *y* в конечном положении.

При образовании некоторых грамматических категорий конечные краткие гласные настолько сильно редуцируются, что их не пишут в соответствующих формах слов, хотя законы употребления долгих гласных и произнесение таких слов показывают наличие в них в конечном поло-

жении очень краткого, сильно редуцированного гласного. Например, в формах деепричастия наст. вр., выражающих повторяющееся действие, пишут: [дoв:шa:ш] — «читая-читая», [вo:гlа:ш] — «идя-идя», а произносят [дoв:шa:шa], [вo:гlа:шa] и т. д.

Сильная редукция кратких гласных монофтонов в середине или в конце трех- и более слогных слов приводит к тому, что они часто выпадают. В результате возникает несколько фонетических вариантов той или иной формы слова: [вaxa||вaxи] — «только что пошел», [вaxанa||вaxинa||вaxнa||вaxан||вaxин] — «пошел», [aьxанa||aьxинa||aьxнa||aьxан] — «вспахал», [тaxанa||тaxнa||тaxан] — «сегодня» и др.

Редукция гласных породила три весьма важных явления, имеющих принципиальное значение для исторической характеристики, развития фонетической и морфологической системы чеченского языка: 1) ослабление аффикса только что прошедшего времени [и], гласного элемента аффиксов род. п. [ин], твор. п. [ци] и переход их в [а] или выпадение; 2) употребление долгих гласных в закрытых слогах в конечном положении; 3) усиление тенденции образования закрытых слогов. Редукция гласных явилась одной из причин, обусловивших выпадение не только отдельных гласных и согласных звуков, но и целых слогов.

Перестановка звуков (эпентеза)

Эпентеза широко представлена в чеченском языке, особенно в области гласных. Первый и второй типы первичного и вторичного чередования своим возникновением обязаны эпентезе: [кyьг||кyьг], род. п. [кyинг > кyигин!] > [кyьган] > [кyьг] — «рука», тур — «шашка», род. п. [турин] > туирин > [туьран], хьу(н) — «лес», род. п. [хьунин] > [хьунин] > [хьуьнан], дагв... > дваг... > дуог — «сердце», вагlo > вогlo || вогly — «идет».

В чеченском языке могут быть переставлены как согласные, так и гласные в начале, середине и конце слова. Перестановка гласного часто создает условие для ассимиляции согласных: ала — «скажи», эли — «сказал только что», аьлла (аьлна¹ < алина) — «уже сказал», ата — «кроши», эти — «крошил только что», аьтта (< аьтна < атина).

В результате перестановки гласных образуются закрытые слоги, которые вызывают, как правило, преобразование соответствующего долгого гласного звука в краткий гласный: [бе:хи] — «говорил», баьхха — «уже говорил».

Сравнительно редко наблюдается перестановка согласных: чеч. лан (ср. нал < груз. нали) — «подкова», [и:ци] — «купил только что», [иецна] — «уже купил» и т. д.

Выпадение звуков

Выпадение согласных наблюдается сравнительно редко: [ише:луо:] — «холод» (ср. бацб. пшел), [стие://сие://су:] — «жена, женщина» (бацб. пстлуин), [хly] — «семя, зерно» (бацб. хlyв), [аьрзуо:] — «орел» (бацб. арцлив), ly — «пастух» (бацб. ly-в), [цlye://цly:] — «кровь» (бацб. цlyг).

В диалектах чеченского языка наблюдается выпадение начального с или т в начале слова: [саг], [сигал] (Ачхой-Мартан), таг, тигал (Гойты и др.), литер. стаг — «человек», стигал — «небо».

В чеченском литературном языке и в говорах плоскостных районов выпал звук айн (I) в сочетании с предшествующим л в начальном поло-

¹ Ср. в аккинской речи аьлна, где н не подвергается уподоблению предшествующему ему сонанту л.

жении сохранилось в аккинском¹ и чеберловском диалектах: *ллокха* — «высокий» (литерат. *локха*), [*ч/ло:г/а*] — «крепкий» (литерат. *ч/лог/а*), [*п/лаьлг*] (акк.) — «палец» (литер. *п/иелг*).

В аккинском диалекте также наблюдается выпадение согласных²: *урз* (литер. *к/урз*) — «сажа», *аха* (лит. *баха*, инг. *йаха*) — «говорит», *аха* (лит. *алха*, инг. *алха*) — «чесать шерсть». Часто выпадает *кз*: *даар* — «кушать» (ср. бацб. *дакзар*), в чеченском этот звук сохраняется в слове [*да:кзар*] — «корм для скота»; а в слове *ц/лоц/лам* (<*ц/лоц/ктам*) — «бровь» он подвергся регрессивной ассимиляции.

Субституция

Субституция — явление, связанное с замещением одного звука другим (сюда же мы относим переход одного звука в другой) — наблюдается в чеченском языке, особенно в его диалектах и говорах. В заимствованных словах звук *ф* замещают или заменяют звуком *п* или *х/*: чеч. *х/лургуон*||*пургуон* из русского «фургон» и т. д.

В словах, заимствованных из русского языка, монофтонги [о], [у], когда они находятся под ударением, замещаются обычно чеченским кратким дифтонгом: русск. «вагон», «лимон», «пилот», «минута», «питон»; чеч. *вагуон*, *лимуон*, *пилуот*, *минуот* (в литературном языке принято писать и произносить эти слова так, как по-русски).

Эти примеры, проникшие в чеченский язык сравнительно недавно, свидетельствуют о том, что переход монофтонга [о] в дифтонг [уо] нельзя во всех случаях связывать со вставкой аффиксального лабиализованного гласного звука внутрь основы. Уже после распада нахского языка-основы в чеченском и ингушском языках развился процесс замещения [о] дифтонгом [уо] или перехода монофтонга [о] в [уо] в закрытых слогах, обычно, в односложных словах. Это видно из следующих фактов: чеч., инг. [*дуог*], бацб. [*док/*] — «сердце», чеч., инг. [*буолх*], бацб. [*ботх*], чеч., инг. [*куог*], бацб. [*кок/*] — «нога»; чеч., инг. [*куорта*], бацб. [*корт(а)*] — «голова» и т. д.

Как видно из приведенных примеров, закон перехода [о] в [уо] в чеченском и ингушском языках выявлен путем сочетания описательного (синхронного) и исторического анализа данных нахских языков. В выявлении этого закона существенную роль сыграло рассмотрение фонетических изменений, наблюдаемых в заимствованных словах. Все это показывает, как часто данные описательного анализа, а также анализа заимствованных фактов проливают свет на закономерности исторического развития языков.

Для истории чеченского языка представляет собой интерес субституция, наблюдаемая в его диалектах и говорах чеченского языка: литер. [*нуь:да*], акк. *ловда* — «пуговица», чеч., инг. [*нилха*], акк. *лурха* — «редкий», чеч. *п/иелг* (инг. *п/лаьлг*||*п/лаьльг*), акк. *ц/лаьлг* — «палец», чеч. *поппар* (тюрк.), акк. *топпар* — «смесь глины».

По-видимому, субституцией объясняется употребление *л* в слове *лоца* — «короткий», в аккинском (и ингушском) вместо переменных классных показателей, бытующих в чеченском (*доца*||*воца*||*йоца*||*боца*), а также в бацбийском. От этого предположения не придется отказаться, если даже удастся доказать, что *л* выполнял функцию показателя грамматического класса, так как фонема *л* могла выполнять эту функцию после того, как она вошла в состав рассматриваемого слова.

¹ И. Г. Арсаханов. Аккинский диалект. Грозный, 1959, стр. 28.

² Там же.

Дезаффрикатизация *дз*, *дж* в середине и конце слова

Как мы уже отмечали выше при характеристике состава согласных в нахских языках, аффрикаты *дз* и *дж* в середине и конце слова в чеченском перешли в спиранты *з* и *ж*:

В конце слова:

* [мадж>маж] — борода	* [хьадж>хьаж] — лоб
[буордз>буорз] — волк	* [муодз>муоз] — мед
[бардз>барз] — холм	[гладж>глаж] — палка

В середине слова:

* [модза>моза] — муха	* [[хьоджа>хьожа] — запах
* [бардзана>барзана] — волку	* [бардзана>барзана] — холму
* [хьаджах>хьажаж] — о лбе	* [гладжана>глажана] — палке
[кледзиг>клезиг] — мало	

Трудно сказать, произошла ли деаффрикатизация в следующих словах: [хазар]—«слышать» (бацб. *хацIар*), [хаза] — «красивый» (бацб. *глаге*, инг. *хоза*). По-видимому, в них *з* тиного происхождения.

Метатеза (перестановка звуков в чеченском языке связана с перестановкой звуков внутри слова обычно на стыке слогов: *лан*—«подкова» (груз. *нли*), чеч. *нехча*, бацб. *нахча* — «брызга».

Метатезой объясняются следующие расхождения в сочетании смежных согласных в чеченском литературном и аккинском диалектах: чеч. литер. *бертал* — «ничком», *партал* — «неповоротливый», *мочкал* — «челюсть», акк. *белтар*, *палтар*, *мохчал*.

Нарращение

Наблюдается наращение гласных и согласных в именных и глагольных основах, в окончаниях слов.

Нарращение именных основ согласными звуками происходило еще в эпоху существования общенахского языка. К этой эпохе относится наращение именных основ согласными *н*, *р*, *рч*. Нарращенные основы с этими согласными возникают и при образовании множественного числа во всех нахских языках. Последние унаследовали это явление от общенахского языка-основы.

Как мы увидим ниже, в чеченском языке наращение именных основ получило дальнейшее развитие.

Нарращение *н*: *из* — «голос», *кхаж* — «жребий», *пха* — «жила», *тIа* — «передняя нога животного», *дуог* — «сердце», *лаг* — «косточка», мн. ч. *аьз-н-ш*, *пхе-н-аш*, *тIе-н-аш*, *дег-н-аш*, *лег-н-аш*.

Нарращение (а)р||р(а): *наб* — «сон», *диг* — «топор», *тIум* — «жесткий мозг». им. п. мн. ч. *наб-ар-ш*, *даг-ар-ш*, *тIам-ар-ш*.

Нарращение *рч*: *ча* — «медведь», *пхьу* — «кобель», *сту* (*су||ту*) — «бык», *сиеда* — «звезда», им. п. мн. ч. *черч-ий*, *пхьав-рч-ий*, *сте-рч-ий*, *сиеда-р-чий*.

Нарращение *м*: *шад||шиед*—«кнут», *кач*—«воротник», *Гад* — «лук» (орудие); им. п. мн. ч. *шодм-аш*, *коч-м-аш*, *Год-м-аш*.

Удвоение корневого согласного в именных и глагольных основах

Удвоение согласного корня при образовании множественного числа, а также при образовании недавнопрошедшего времени — явление, наиболее характерное для чеченского языка. Оно связано с наращением *н* при образовании мн. ч. и аффиксом *н(а)* недавнопрошедшего времени. Таким образом, в основе этого явления лежат факты различного происхождения.

Возникновение и развитие на чеченской почве полной прогрессивной ассимиляции вызвало уподобление *н* предшествующему согласному в именных и глагольных основах. Так произошло удвоение согласного корня в соответствующих именных и глагольных основах:

В именных основах:

<i>вир</i> — осел	им. п. мн. ч. <i>вар-р-аш</i> (<*вар-наш)
<i>букъ</i> — спина	„ <i>бакъ-къ-аш</i> (<*бакъ-н-аш)
<i>бух</i> — дно	„ <i>бах-х-аш</i> (<*бах-н-аш)

В глагольных основах:

боху — «говорит», *бехи* — «говорил только что», *баьх-ха* (<*баьх-на — «говорил недавно»;
хеда — «рвется», *хеди* — «разорвался только что», *хавд-да* (<*хавд-на) — «разорвался недавно»;
тосу — «сыплю», *теси* — «посыпал только что», *тесса||тесна* — «посыпал недавно» и т. д.

Образование дифтонгов

После распада общенахского языка-основы процесс образования дифтонгов принял особенно широкий размер в чеченском языке.

Этот процесс развертывался при следующих благоприятных условиях:

1) образованию дифтонгов способствовали первый и второй типы первичного и вторичного чередования:

2) выпадение конечных согласных и образование открытых слогов;

3) развитие умлаута, особенно у дифтонгов типа [yo], [yo:], [yu:] [ou] и др.;

4) стяжение гласных на стыке двух основ или слогов.

Среди дифтонгов, обусловленных первичным и вторичным чередованием, есть и такие, которые восходят к общенахскому языку-основе: чеч. *туьха* < *туихи*, *буьйга* < *буиси*; бацб. *туих* — «соль», *буису* — «ночь»¹.

Дифтонги *yu*, *ai* образовались путем вставки аффиксального *и* внутрь корня:

¹ А. А. Шифнер. Прилож. I к книге П. К. Услара «Чеченский язык», стр. 4.

<i>урс</i> — нож, род. п. 'ед. ч. <i>уирсин</i> ,	
<i>тур</i> — шашка	" <i>турин</i>
<i>бун</i> — балаган	" <i>буинин</i>
<i>луо</i> — снег	" <i>лаин</i>
<i>ту</i> — пастух	" <i>туинин</i>
<i>цту</i> — идол	" <i>цтуинин</i>
<i>цу</i> — толокно	" <i>цуинин</i>

д-уза — наполни (только что прош. время), *д-уизи* перфект, прич. *дуизин*

д-ула — натяни, заводи, только что прош. вр. **дуили* > [*дубь:ли/дубь:ла*], перфект **дуил-лин(а)* > [*дубь:лин(а) || дубь:ла-н(а)*]

д-уха — одень, только что прош. вр. **дуи-хи* > [*дубь:хи/ [дубь:ха]*], перфект **дуи-хин* > [*дубь:хин(а) || дубь:ха-н(а)*]

и т. д.

Все примеры типа [*буинин*], [*дуили*] взяты нами из сборника чеченских слов, опубликованного в «Чеченском языке» П. К. Услара. По-видимому, первоначально *уи*, *аи* представляли собой два рядом стоящих самостоятельных звука [*y*] и [*u*], [*a*] и [*u*]. Впоследствии [*u*] утратил свою самостоятельность и слился с предшествующим [*y*] или [*a*]. Так возникли дифтонги [*yu*], [*au*]. Аналогичные процессы происходили и при образовании дифтонгов [*ou*], [*eu*] и др. в связи с первичным и вторичным чередованиями гласных. Выпадение и вставка внутрь основы конечных согласных, особенно в односложных словах, также способствовали образованию ряда дифтонгов: [*луо:*] — «снег» (ср. бацб. *ла-в*), [*дие:*] — «сделай» (ср. бацб. *диеб || тагдиеб* в том же значении), *аьрзау*¹, (бацб. *арцлив*), современный литер. [*аьрз-уо:*] — «орел».

Из различных случаев образования дифтонгов в условиях стяжения гласных отметим возникновение дифтонгов путем стяжения гласных на стыке двух основ: [*ха:да*] — «оторвись», [*ха:да дан*] — «оторваться делай», [*ха:дадар*] — (дословно) «оторвись делай», [*хаддуор*] < * [*ха:двуор* < *ха:давар*] — «оторвать, отрезать» (здесь при стяжении двух [*a*] на стыке двух основ возникает дифтонг [*yo*], очевидно, в тех случаях, когда второму [*a*] предшествовал классный префикс *v[w]*). Таким же путем образовались формы: *къастуор* — «отделить» (< *къаста + дар*), *харцуор* — «перевернуть, опрокинуть», (< *харца + дар*); *й-аха йитар* — «идти, оставить» > *йахаитар*² — «заставить, позволить идти, послать». Так образовались почти все формы понудительного наклонения: *дайтар* [*дайтар*] — «заставить делать», *гайтар* [*гайтар*] — «показать» (дословно — «видеть позволить») и др.

Образование дифтонгов [*ay*], [*oy*] путем перехода губных *п* и *б* в положении между гласным и согласным в очень краткий полугласный *y* [*y*] обычно наблюдается в глагольных формах многократного вида: *д-уо-хдар* (бацб. *доп-х-д-ар*) — «подогреть», *ловзар/лавзар* (бацб. *лап/цлар*), *довху* (бацб. *допха*) — «теплый». Развитие умлаута в дифтонгах типа [*yo*], [*yo:*], [*yь*], [*oi*] относится к позднему периоду развития чеченского языка. В этом процессе проявляется третья ступень преобразования сочетаемых гласных. Как мы видели выше, вставка аффиксального [*u*] внутрь корня дала сочетание гласных типа [*yu*], [*ou*], [*au*]. В дальнейшем эти сочетания превратились в дифтонги, при этом вначале не

¹ П. К. Услар. Чеченский язык, стр. 4 (Приложение 1).

² Там же, стр. 99.

происходило смягчение предшествующего [y], [a], [o], т. е. превращение [y], [o] и [a] в гласные переднего ряда. Однако на следующей ступени развития указанных дифтонгов их первые элементы превращаются в гласные переднего ряда. Так возникают дифтонги и монофтонги переднего ряда [yob], [yob:], [yь], [yь:] и др.: [туо:ха] — «ударь», [туихи¹] туихин > туобхна — «ударил недавно», дотта||дуотта — «налей», доитти > дуобттина — «налил недавно»;

[лу:] — «дикая коза», им. п. ед. ч. лунин, им. п. мн. лунини > современный литер. [луоб:наш||луь:наш];

тхау — «крыша», род. п. [тхаухин], эрг. п. [тхауно:], современ. литер. род. п. [тхевнан||тховнан], эрг. п. [тхевнуо:||тховвнуо:]

Монофтонгизация дифтонгов

Наряду с переходом дифтонгов [ai], [oi], [yi] и др. в дифтонги переднего ряда, происходил процесс монофтонгизации дифтонгов. В этом процессе взаимодействовали следующие факторы: а) смягчение первого элемента дифтонгов [yi], [oi], [ai], [oi]; б) утрата второго элемента дифтонгов [i] или [e] (в дифтонге [ie]); в) образование кратких монофтонгов переднего ряда в закрытых слогах и долгих монофтонгов переднего ряда в открытых слогах. Все эти явления прослеживаются в следующих примерах: [Туирие]² (бачб. *Иурдне*) — «утро», дат. п. ед. ч. *Туириенна*², совр. лит. им. п. ед. ч. *Туь:рие* (<*Туирие:*), дат. п. [*Туь:риенна*]; *Ту* — «пастух», род. п. ед. ч. *Туинин*²; *уистих* — «баран», род. п. ед. ч. [*уистихин*]², эрг. п. [*уистихуо:*], современ. литер. [*уьстагIа*]; *Туинин*² — «сырой», современ. лит. [*Туьна*]; [*туо:хар*] — «ударить», [*туихин*]² современ. литер. [*туь:ха*] — «ударил».

Из сравнения усларовских примеров с данными современного литературного языка видно, что дифтонг [yi] в одних случаях превратился в долгий монофтонг переднего ряда (в открытых слогах) [*Туь:рие*], [*туь:ха*]; а в других — в краткий монофтонг переднего ряда (в открытых и закрытых слогах): [*Туьна(н)*], [*тТуьна*] и т. д. Аналогичные примеры можно было бы привести и по другим дифтонгам.

Важнейшие особенности диалектов чеченского языка

Важнейшие особенности диалектов чеченского языка, представляющие (особенности) большой интерес для сравнительно-исторического изучения нахских языков, уже выявлены. Они представлены прежде всего в трудах Д. Д. Мальсагова, И. Г. Арсаханова, И. Ю. Алироева и др. Далеко не все специфические особенности диалектов чеченского языка мы можем использовать в нашей сравнительно-исторической грамматике (например, частные фонетические явления сравнительно недавнего происхождения, обнаруживаемые в говорах плоскостного диалекта и др.). Такие частные явления должны быть описаны в монографических исследованиях чеченских диалектов и говоров. В этих исследованиях очень нуждается наша наука.

К важнейшим особенностям диалектов чеченского языка относятся:

1) Отсутствие в чеберлоевском диалекте развитого вторичного чередования гласных именных и глагольных основ: чеберлоевск. *алле*, акк. *аьлна*, литер. (плоскост. диал.) *аьлла* — «сказал, сказано», чеберл. *дие-*

¹ П. К. У с л а р. Чеченский язык, стр. 193, 224.

² Сборник чеченских слов в работе П. К. У с л а р а «Чеченский язык».

ху, литер. *добху* — «просит», чеберл. *дури*¹, литер. *дуря* — «пересоленный, соленый» и др.

2) Плоскостному *ие*: [[*уов*]] в некоторых глагольных формах (в масдаре, в наст. вр.) в кистинском соответствует [*уов*||*уов*:]: плоскостн. *лиевар*, кистинск. *луоввар* — «обман», плоскостн. *хиержадар*, кистинск. *хуьруисадар* — «выбирать» и др.

3) Плоскостному, кистинск., чеберлоевскому комплексу согласных *лх* в аккинском соответствует *рх*: акк. *борх*, плоскостн., кистинский, чеберлоевск. и др. *болх* — «работа»; акк. *марх*, плоскостн., чеберлоевск. и др. *малх* — «солнце» и т. д.

4) В кистинском диалекте во всех позициях встречаются аффрикаты *дз*, *дж*, а в плоскостном — только в начале слова: кистинск. *дзуд*, плоскостн. *дзуд* — «сука»; кистинск. *джом*, плоскостн. *джима* — «маленький», кистинск. *олхудзур*, плоскостн. *олхазар* — «птица»; кистинск. *блуарджум*, плоскостн. *блоржам* — «валенок»; кистинск. *кледз*, плоскостн. *клеза* — «щенок»; кистинск. *мадж*, плоскостн. *маж* — «борода»² и т. д.

5) Плоскостному сочетанию *цн*, *ч*, *чн* при образовании глагольных форм в недавнопрош. вр. в кистинском диалекте соответствует *ст* и *шт*: плоскостн. *лаьцна*, кистинск. *лаьста* — «поймал»; плоскостн. *лаьцна*, кистинск. *лаьста* — «поймал», плоскостн. *кхьачна*, кистинск. *кхешта* — «дошел, досталось» и др.

6) Соответствие плоскостному сочетанию *хк* комплекса *рк* в итумкалинском диалекте: плоскостн. *дохк*, итумкалинск. *дорк* — «туман» и т. д.

7) При образовании недавнопрошедшего времени в литературном языке (плоскостн. диал.) наблюдается полная регрессивная ассимиляция. В результате аффиксальный сонант *н* полностью уподобляется некоторым предшествующим ему согласным (например, *л*). Этого явления не наблюдается в аккинском диалекте: плоскостн. (литерат. яз.) *аьлла*, аккинск. *аьлна* — «сказал», плоскостн. *мелла*, аккинск. *мелна* — «выпил» и др.

8) При образовании недавнопрош. вр. в аккинском наблюдается в классных глагольных формах двустороннее согласование в грамматическом классе (как в ингушском): аккинск. *ведану-в*, плоскостн. *в-едда* — «убежал»; аккинск. *белм-б*³, плоскостн. *белла* — «дал» и т. д.

9) Оглушение звонких согласных в различных позициях: в кистинском диалекте — *цалбаьск* (в речи жителей села Дуиси), *цаьцблалг* (в речи жителей села Омало) — «кузнечик»⁴; в шароевском говоре — *арьту* (вместо литературного чеченского *эрдун/эраду*) — «скажу»; в речи жителей села Пседах-стак вместо литературного чеченского *стаг* — «человек»⁵ и т. д.

10) Для исторического изучения фонетических процессов в нахских языках существенный интерес представляет и озвончение в кистинском диалекте смычногортанного *тl* в случаях присоединения послелого *тlue* [*<тlа*] к формам местных падежей в послеложных конструкциях (при этом конечный гласный звук выпадает: чеченск. литер. *ламтlue*, кистинск. *ламд* — «на гору»; чеченск. литер. *куорта тlue*, кистинск. *куобр-*

¹ И. Г. Арсаханов. Введение в диалектологический словарь чеченского языка (рукопись, стр. 4).

² И. Ю. Алироев. Кистинский диалект чеченского языка. Грозный, 1962, стр. 19.

³ И. Г. Арсаханов. Аккинский диалект, стр. 52.

⁴ И. Ю. Алироев. Кистинский диалект чеченского языка. Грозный, 1962, стр. 72.

⁵ А. Н. Генко. Указ. соч., стр. 683.

тад (<*куьорта тIие//тIа*) — «на голову»; чеченск. литер. *куога тIиера*, кистинск. *куьгадар* — «с ног»¹ и т. д.

Указанные расхождения в диалектах чеченского языка особенно важны для сравнительно-исторического изучения нахских языков. Эти и другие выявленные в чеченских диалектах особенности использованы в соответствующих разделах данного исследования.

Кроме того, чеченские диалекты можно было бы охарактеризовать по некоторым признакам, представленным в области вокализма и консонантизма.

Так, предварительные сведения по чеченским диалектам, полученные нами во время поездок почти по всем районам Чечено-Ингушетии в сентябре 1962 г., показали, что в области вокализма наиболее характерной чертой диалектов, представленных в горных районах (в б. Галанчожском, Итум-Калинском, Шатоевском, Чеберлоевском, Веденском) является *а к а н ь е*, противостоящее *о к а н ь ю*, характерному для жителей б. Ножай-Юртовского, Урус-Мартановского, Гудермесского, Шалинского, Надтеречного, Ачхой-Мартановского районов: *вагIо//вагIу* — *вогIа//вогIу* — «идет», *ало//алу* — *ола//олу* — «говорит». На это указывалось в специальной литературе (Д. Д. Мальсагов).

Противопоставление *аканья* *оканью* особенно ярко выражено в глагольных формах настоящего времени. *Аканье*—более древнее явление, чем *оканье*. *Оканье* появилось в связи с возникновением вторичного чередования.

В области консонантизма чеченские диалекты и говоры можно было бы разграничивать по вариантам комплекса *ст* в начале исконных слов. Употребление комплекса *ст*, принятого в литературном языке, характерно для жителей б. Ножай-Юртовского района (*стаг* — «человек», *стигал* — «небо», *сту* — «бык»). В речи аккинцев, ачхой-мартановцев, пседахцев, жителей части сел на Тереке и некоторых других находим *с* (*саг*, *сигал*, *су*). Жители Урус-Мартана, Гойты, Шали, части надтеречных сел произносят в рассматриваемой позиции *т* (*таг*, *тигал*, *ту*).

Формы *ст* и *с* — более позднее явление. Комплекс *ст*—древнего происхождения. На это указывают данные всех трех нахских языков. Так, в бацбийском языке представлен комплекс *стI* (*стIакI* — «человек», представляющий собой фонетический вариант *ст*. Значительная часть чеченского населения в живой речи произносит *ст*. Только в ингушском (и части диалектов и говоров чеченского языка) находим *с* или *т*.

Чеченские говоры, носители которых в начале исконных слов произносят *с* или *т*,— более позднего образования.

Исторические чередования гласных именных и глагольных основ в чеченском языке

Исторические чередования гласных в именных и глагольных основах в чеченском, как и в ингушском², сопровождалась фонетическими, морфологическими процессами, имевшими далеко идущие последствия, приведшие к перестройке фонологической и морфологической систем языка. В распространении и ограничении этих процессов в пределах определенных лексических единиц и их форм существенную роль играли и семантические явления, на которых мы останавливаемся по мере необходимости.

¹ И. Ю. Алироев. Указ. соч., стр. 21.

² Вопрос об исторических чередованиях гласных именных основ в чеченском и ингушском языках впервые был рассмотрен Н. Ф. Яковлевым. Морфология чеченского языка, Грозный, 1959.

Различные фонетические процессы, рассмотренные нами выше, действовали и действуют не только в именных и глагольных основах, но и в аффиксах — словообразовательных и словоизменительных. Однако, имея в виду «фонемообразующий», фонемотворческий (если можно так сказать) характер этих процессов в основах слов, мы старались всюду приводить примеры, связанные со звуковыми процессами главным образом в именных и глагольных основах. Многие из рассмотренных нами чередований уже не являются фонетическими чередованиями, диктуемыми произносительными нормами современного языка. Они стали факторами исторического характера, фонетические чередования превратились в исторические (грамматические) чередования. Важнейшие из них в обобщенном виде мы рассмотрим ниже.

Чередование гласных именных основ в чеченском языке

Фонетические процессы обусловили коренную перестройку структур именных основ в чеченском языке. В нем обнаруживаются именные основы (рассматриваемые с точки зрения тех изменений, которые связаны с чередованием корневых гласных) следующих разновидностей:

Основа с древним корневым кратким гласным [a] в им. п. ед. ч.: [ca]—«душа», [ша]—«лед», [ц/a]—«дом», [хан]—«время», [малх]—«солнце», [ча]—«медведь», [стаг]—«человек». Среди приведенных слов нет ни одного, основа которого с корневым [a] сохранялась бы во всех падежах. Как и следовало ожидать, в род. п. наблюдается чередование гласных основ — вместо исконной фонемы [a] появляется гласный звук переднего ряда, под влиянием аффиксального [и]: род. п. ед. ч. [синан < *синин < *саинин] [шен < *шаин], [хе:нан < *хе:нин < *хаинин], [ц/и нан < *ц/и:нин < *ц/аинин], [чен < *ча-ин], [маьлхан < *маьлхин < *маилхин], [стегин < стегин < стаинин].

Исходная основа, представленная формой им. п. ед. ч., сохранилась в остальных падежах у двух существительных — стаг и ша: дат. п. ед. ч. [стагана], [шана], эрг. п. ед. ч. [стагуо:], [шануо:] и т. д. Унификация основ падежных форм в ед. ч. имен существительных малх, ц/a, ча, са произошла на базе основы род. п. ед. ч.: [маьлх...], [ц/и:н...], [чен...], [син...]. Исходная корневая фонема сохранилась у слова хан в дат. п. ед. ч. ([ханна]) и у имени ча в им. п. мн. ч. ([чаш]).

Основа с древним корневым долгим гласным [a] в им. п. ед. ч.: [да||да:да]—«отец» [на:на]—«мать», [га:за]—«коза», [а:са]—«ремень, пояс», [да:къа]—«часть, доля». Имена аса, газа сохранили корневую гласную во всех падежах ед. ч. Больше того, в формах род. п. ед. ч. под воздействием сильного (долгого) [a:] аффиксальный звук [и] подвергся влиянию дистанционной ассимиляции и качественно уподобился [a:] (количественно, т. е. по долготе, отличаясь от него), иначе говоря, произошла прямая гармония гласных, часто наблюдаемая в чеченском языке: им. п. ед. ч. [а:са], [га:за]; род. п. [а:санан < *а:синин < *а:саинин], [га:занан < *га:зинин < *га:заинин].

Что же касается исходных основ слов [да:къа], [да://да:да] и [на:на], то они сохраняются лишь у форм некоторых падежей. Так, основа [да:] сохранилась у эрг. п. ед. ч. [да:с] и им. п. мн. ч. [дай], а также у остальных падежей, образующихся от основы им. п. мн. ч. Формы всех остальных падежей ед. ч. образуются от основы род. п. ед. ч. [де:...]. Формы всех косвенных падежей имени существительного [да:къа] образуются от основы род. п. ед. ч. [де:къ...]. Исходная гласная фонема сохраняется в форме им. п. мн. ч., а также во всех формах, восходящих к первой (т. е.

к форме им. п. мн. ч.): [да:къ...]. Исходная основа слова [на:на] представлена в эрг. п. [на:нас]. В дат. падеже [а:] переходит в [а] из-за того, что в этом падеже первый слог является закрытым [нан-на]. Основы же остальных падежей ед. ч. восходят к основе род. п. ед. ч. Во мн. числе исходная корневая фонема [а:] сохраняется: им. п. мн. ч. [на:нуой] и т. д.

Основа с древним корневым гласным [и] в им. п. ед. ч.: [хи]—«вода», [исс]—«девять», [итт]—«десять», [пхиъ]—«пять», [шиъ]—«два» и т. д. Данная корневая фонема, восходящая к нахскому языку-основе, сохраняется в основах всех остальных падежей.

Здесь мы имеем дело с редким случаем устойчивого функционирования одной и той же основы с древним корневым гласным звуком во всех падежах:

им. п.	Ед. ч.				Мн. ч.
	род. п.	дат. п.	эрг. п.	напр. п.	им. п.
[хи] — вода	[хин]	[хина]	[хинуо:]	[хиние:] [хие:]	[хиш]
[исс] — девять	[иссанан]	[иссанна]	[иссаммуо:]	[иссанга]	—
[итт] — десять	[иттанан]	[иттанна]	[иттаммуо:]	[иттанга]	—

К исключениям из этого правила относится *пхиъ*. Формы всех падежей, кроме им. п. ед. ч., образуются от основы род. п. ед. ч.: род. п. [пхиеанан], дат. п. [пхиеанна], эрг. п. [пхиеаммуо:], напр. п. [пхиеанга]. Как явствует из этих примеров, под воздействием аффиксального звука [и], вставленного внутрь основы, корневая фонема [и] превращается в краткий дифтонг [ие].

В составе исконной лексики мало имен, сохранивших древний корневой гласный звук [и] в им. п. ед. ч.

Основа с древним корневым гласным [у] в им. п. ед. ч. в именах почти не встречается. К исключениям относится местоимение [хлуи] (ср. инг. *фу*, бацб. *вух*) — «что». Корневой гласный [у] древнего происхождения мы находим в составе исходной формы наречия *дукха* (инг. *дукха*, бацб. *дукх*) — «много», послелого *чу* (инг., бацб. то же) — «в».

Что же касается [у] в формах им. п. ед. ч. таких исконных слов, как *сту* — «бык», *стун* (в сложносоставных словах *стун-нана* — «тоша», *стун-да* — «тесть») и т. д., то этот звук, как показывает чередование гласных в основах других падежей, более позднего происхождения, хотя и восходит к нахскому языку-основе (ср. бацб. *пстлу* — «бык», *пстлуин* — «женщина, жена»). Формы им. п. ед. ч. этих слов — вторичного происхождения. Они возникли в нахском языке-основе в связи с первичным чередованием гласных именных основ, т. е. в эпоху а б л а у т а. Об этом свидетельствуют формы дательного [старана], эргативного [старуо:], направительного (местного) [старие:] падежей ед. ч.

Основа с древним корневым гласным [о] в им. п. ед. ч. почти не встречается. Правда, в основах форм эргативного падежа ед. ч. некоторых местоимений находим этот звук: [(хI)окхуо:] — «он», [(хI)окхар] — «они» (ср. бацб. *окхус*, *окхри*), а также в некоторых формах на-

речия места: [xлoкxазa] — «вот сюда», [xлoккxазaxула] — «через это место», которые генетически связаны с указательными местоимениями.

Основа с древним корневым гласным [e] в им. п. ед. ч. также почти не встречается в чеченском языке. Этот звук обнаруживается в таких наречных формах, как *эцца* [eцца] — «вот там», *xлeтaхь* (ср. бацб. *эхьат* [eхьат]) — «тогда», которые, по-видимому, восходят к указательным словам.

Вместе с тем к историческим чередованиям древнейшего происхождения относятся:

[yo] : [e] : [a]

им. п. ед. ч.	род. . ед. ч.	эрг. п. ед. ч.
[дуог] — сердце	<i>деган</i> (<дегин)	[дагуо:]
[буолх] — работа	<i>белхан</i> (<белхин)	[балхуо:]
[муох] — ветер	<i>механ</i> (<мехин)	[махуо:]

и т. д.

Рассмотрим в приведенных примерах процессы, связанные с чередованием гласных, не касаясь согласных. Конечные согласные основ *даг...*, *балх...*, *мах...* были лабиализованными¹ или же за ними следовала лабиализованная фонема. В связи с действием закона вставки конечного гласного внутрь основы, корневая гласная фонема [a] подверглась лабиализации. В результате в нахском языке-основе образовались основы им. п. ед. ч.: *оог, *болх, *мох. В эпоху самостоятельного развития чеченского языка монофтонг [o], восходящий к нахскому языку-основе, в закрытых слогах подвергся дифтонгизации: современные чеченские формы им. п. ед. ч. *дуог*, *буолх*, *муох*, ср. соврем. бацб. *докл*, *ботх*, *мох*). Процесс дифтонгизации [o] в закрытых слогах подтверждается новыми заимствованиями в чеченском: [калхуоз] — «колхоз», [луом] — «лом» и т. д. (в бацбийском, как и следовало ожидать, в этих заимствованных словах монофтонг [o] не подвергается дифтонгизации: [к'алхоз] и т. д.)

В эпоху обособленного функционирования чеченского языка-основы им. п. ед. ч. *дог, *оолх, *мох в род. п. ед. ч. сначала превращаются в *доиг-ин, *боилхин, *моихкин путем вставки аффиксального [i] внутрь основы. В дальнейшем сочетание [oi] дает монофтонг [e]: соврем. *дегин*, *белхин*, *мехин*. Вследствие ослабления артикуляции аффиксального краткого монофтонга [i], последний переходит в краткий звук среднего ряда среднего подъема [a], который называют в литературе на чеченском языке сомнительным нейтральным звуком (могущим выпадать в конечном положении): современ. *деган* < *дегин*, *белхан* < *белхин*, *механ* < *мехин*.

Последовательное изменение корневого монофтонга в рассмотренных и им подобных исконных словах схематически можно изобразить так:

а) под влиянием конечного лабиализованного звука, т. е. путем вставки конечного лабиализованного внутрь основы:

[a] → *o → yo (им. п. ед. ч.)

(исходная линия основы);

¹ Заслуживает внимания тот факт, что Н. Ф. Яковлев и Т. Гудава независимо друг от друга пришли к выводу, что конечный согласный основы *даг* был лабиализованным звуком.

б) под влиянием аффиксального [u], т. е. путем вставки аффиксального [u] внутрь основы:

$[a] \rightarrow *o \rightarrow *oi \rightarrow e$ (род. п. ед. ч.).

Эти процессы перекрещивались:

$[a] \longrightarrow *o \begin{cases} \nearrow yo \text{ (им. п. ед. ч.)} \\ \searrow *oi \rightarrow e \text{ (род. п. ед. ч.)} \end{cases}$

В последней схеме $a \rightarrow *o$ — отражают общенахское состояние,

тогда как $\dots \begin{cases} \nearrow yo \\ \searrow *oi \rightarrow e \end{cases}$ — характеризуют фонетические процессы,

относящиеся ко времени самостоятельного развития чеченского языка. При этом следует учитывать, что корневой монофтонг [o], утраченный чеченским языком, мы восстанавливаем на основании фактов бацбийского языка, а дифтонг [oi] — по данным чеченских диалектов (например, чеберловского).

Звуки [o], [oi] нельзя рассматривать просто как продукт видоизменения исходного корневого [a], монофтонг [o] и сочетание [oi] — продукт вставки конечного лабиализованного звука в первом и аффиксального [u] во втором примере, а также последующего процесса взаимодействия этих звуков. Напротив, [yo], [e] — результат видоизменения соответственно [o] и [oi] в составе корневых морфем. Различение фонетических процессов этих двух типов имеет принципиальное значение для анализа фонетических процессов в нахских языках.

В итоге в современном чеченском мы имеем: [yo]: [e]: [a]. Соответственно этим трем гласным, каждое из анализируемых слов имеет три основы, а именно: основу им. п. ед. ч. с гласным [yo], основу род. п. ед. ч. с гласным [e] и основу эрг., дат. п. ед. ч. с гласным [a].

Как показывает исторический анализ данных чеченского языка и сравнительно-исторический анализ фактов всех нахских языков, основы на [a] эргативного (*даг-yo, балх-yo, мах-yo*); дательного (*даг-на//даг-ана, балх-ана, мах-ана//мах-на*) и некоторых других падежей являются древнейшими. Таким образом, в указанных словах основа эргативного и дательного падежей более древняя, чем основы именительного и родительного падежей.

[y] : [e] : [a]

Ед. ч.		
им. п.	род. п.	эрг. п.
[бутт] — луна	[беттан] (<бетин)	[баттуо:]
[сту] — бык	[стеран] (<стерин)	[старуо:]

В этих примерах также наблюдаются те же закономерности, какие были установлены выше. Однако здесь трудно еще объяснить с необходимой научной достоверностью наличие монофтонга [y] в им. п. ед. ч. вместо ожидаемого [o]. Точно так же неясно, почему в род. п. ед. ч. бытует форма *беттан* < *бетин* вместо ожидаемого *буиттан* < *буиттин*. Возможно, что еще в общенахскую эпоху спорадически возникали формы *баиттин, стаирин*, которые в дальнейшем преобразовались в формы *бет-*

тан < беттин. Поэтому схема чередований гласных основ в некоторых случаях остается неуточненной:

$[a] \rightarrow [o]$ или $[y]$
 $\begin{cases} \nearrow [y] \text{ (им. п. ед. ч.)} \\ \searrow ea \rightarrow [e] \text{ (род п. ед. ч.)} \end{cases}$

\uparrow
 исходная гласная
 основы

[y] : [a]

Ед. ч.				Мн. ч.
им. п.	род. п.	дат. п.	эрг. п.	им. п.
[т ум] — кост- ный мозг	[т амаран]	[т амарна]	[т амаруо:]	[т амарш]
[мукъ] — ручка, рукоятка	[макъарин]	[макъарна]	[макъаруо:]	[макъарш]
[ч уг] — кольцо	[ч агаран]	[ч агарна]	[ч агаруо:]	[ч агарш]

В этих словах исходным гласным звуком основы является [a].

Краткая лабиализованная фонема заднего ряда верхнего подъема, употребляемая в им. п. ед. ч., переходит в род. п. ед. ч. в долгую фонему [e:], в дат. п. ед. ч. в долгую фонему [a:].

[y] : [e] : [a:]

им. п. ед. ч.	род. п. ед. ч.	дат. п. ед. ч.
[буц] — трава	[бе:цан < бе:цин]	[ба:цана]
[мукх] — ячмень	[ме:кхан < ме:кхин]	[мекхана]

Как явствует из рассмотренных фактов, корневая гласная фонема в них была долгая [a:]. Этим объясняется наличие долгой [e:] в род. п. ед. ч. Точно так же закономерным является употребление [y] в закрытом слого: [буц] и т. д. Основа род. п. ед. ч. с фонемой [e:] не оставляет сомнения в том, что она образовалась на базе основы эрг., дат. п. ед. ч.; [ба:ц] → *[ба:ицин] → [бе:цин] → [бе:цан]. Это позволяет уточнить схему исторических чередований гласных основ:

$[a:] \begin{cases} \nearrow [y] \text{ (им. п. ед. ч.)} \\ \searrow * [a:i] \rightarrow [e:] \text{ (род. п. ед. ч.)} \end{cases}$

\uparrow
 исходная гласная
 основы

Наблюдаемые в приведенных выше примерах чередования гласных корней/основ (внутренняя флексия) относятся к общенахским историческим чередованиям гласных.

Все именные основы с другими корневыми гласными в формах им. п. ед. ч. связаны с вторичным чередованием гласных. Ниже мы рассмотрим различные типы чередований гласных именных основ в формах основных падежей, давая исторический анализ фонетических закономерностей, наблюдаемых в этих чередованиях.

Именно первичное и особенно вторичное чередования обусловили главным образом перестройку древней структуры именных основ. При этом следует учесть, что наиболее характерные особенности именных основ, обусловленные вторичным чередованием корневых гласных, проявляются в противопоставлении основ им. п. ед. ч. основам всех остальных падежей. Конечно, фонетические процессы, вызванные вторичным чередованием, обнаруживаются и в противопоставлении основ различных косвенных падежей. И все же чаще всего основа им. п. ед. ч. оказывается связанной с перегласовкой корневого гласного. Поэтому мы и исходим из форм им. п. ед. ч. анализируемых имен, в которых чаще всего встречаются фонемы, возникшие в период действия законов вторичного чередования корневых гласных, т. е. в период обособленного развития чеченского языка.

Фонетические процессы более позднего происхождения, связанные с чередованием корневых гласных и с формами им. п. ед. ч. вторичного образования, мы обнаружили в именных основах следующих разновидностей:

Основа с корневым¹ гласным [аь] в им. п. ед. ч. [аьрзу:]— «орел», [аьрга]— «зеленый, неспелый», [аьрта]— «тупой», [аьхкие:]— «весна», [маьхча]— «двоюродный брат, двоюродная сестра», [баьлча]— «рукоятка плуга», [баьхьа]— «деревянная лопата», [баьчча]— «вождь, предводитель», [хьаьжкIа]— «кукуруза», [хьаьрса]— «рыжий».

В этих примерах исходным гласным звуком была краткая фонема [а]. В соответствии с процессом вторичного чередования в род. п. ед. ч. произошла вставка аффиксального [и] внутри основы: аьрта < *аирт-(и)н < *артин, баьчча < баиччин < баччин и т. д. Переход дифтонга аи в аь в закрытом слоге — обычное явление в чеченском языке.

В дальнейшем новая основа род. п. ед. ч., обусловленная вторичным чередованием, заменила исходную основу (в исконных именах) на [а] во всех падежах. Это видно из следующей таблицы:

им. п.	Ед. ч.			Мн. ч.
	род. п.	дат. п.	эрг. п.	им. п.
аьрзу	[аьрзун]	аьрзу:на	[аьрзу:нуо:]	[аьрзуш]
маьхча	[маьхчин]	[маьхчинà]	[маьхчуо:]	[маьхчуй]
баьчча	[баьччанан]	[баьччанна]	[баьччануо:]	[баьччанаш]
хьаьжкIа	[хьаьжкIан]	[хьаьжкIана]	[хьаьжкIуо:]	[хьаьжкIаш]

Слово хьаьжкIа состоит из двух основ: хьаьж(а)— «хаджа||хаджи» и кIа — «пшеница»; как определение хьаьж... ставится в род. п. ед. ч.: [хьаджин], в результате вставки аффиксального [и] внутрь основы возникает форма хьаиджин > хьаьджин: хьаиджин||хьаьджин кIа — «пшеница хаджи», в дальнейшем выпадает окончание ин, а аффриката дж в конечном положении, как и следовало ожидать, переходит в ж, затем оба слова сливаются в хьаьжкIа. Последняя форма и ложится в основу во всех падежах.

Именные основы с корневым [а] могут быть заимствованными.

¹ Говоря о корневом гласном, мы имеем в виду не «этимологический» корень, а корень или основы формы слова в современном языке.

Фонема [аь] образовалась в чеченском языке в период его самостоятельного развития. Здесь представлен один из случаев ее образования в связи с вторичным чередованием. Этой фонемы нет в бацбийском, она отсутствовала и в нахском языке-основе.

О с н о в а с к о р н е в ы м г л а с н ы м [e:] в им. п. ед. ч. [де:ца]— «сестра отца», [де:ла]— «бог», [де:хуо:]— «родственник по отцовской линии», эса [e:са] — «теленок», [кхе:ла]— «кобыла», [цле:ра]— «домашний», [хье:]— «головной мозг», [бе:ра]— «ребенок».

В этих словах гласная основы [e:]—вторичного происхождения. Образование данной фонемы обусловлено вторичным чередованием корневых гласных. В слове [де:ца]—ца выступает в функции второй основы, а [де:...]—основа, восходящая к общенахскому слову [да:||да:да]— «отец». Исторически [де:]—усеченная форма род. п. ед. ч., выступавшая в роли спределения при определяемом [...ца]. Имя существительное в функции такого определения ставилось в род. п. ед. ч. Следовательно, исторически [де:]—форма род. п. ед. ч. от слова [да:]— «отец». Она прошла следующие ступени преобразования, видоизменения: [де:]<[де:н]<[да-ин]. После слияния двух сочетаемых единиц — определения [де:] и определяемого [-ца] в одно слово, первая основа стала выполнять функцию словообразовательного элемента, а вторая [-ца]— функцию носителя основного (лексического) смыслового значения слова. Об этом свидетельствует и слово [не:ца]— «тетя по материнской линии» ([не:...<не:н<наин]— «мать»). Аналогичным путем возникло и слово [де:хуо:] с той лишь разницей, что здесь [де:...] — носитель лексического значения, а [хуо:] — словообразовательный элемент.

Таким образом, в этих примерах перекрещивались фонетические процессы, обусловленные вторичным чередованием, со словообразовательными и семантическими процессами.

Иначе образовались основы слов [e:са], [де:ла], [бе:р(а)], [хье:], [кхе:ла], [цле:ра]. Все эти формы возникли под влиянием вторичного чередования. Они восходят к основе род. п. ед. ч. Основы форм род. п. преобразовались вследствие вставки аффиксального и внутрь основы: р. п. [e:сан] < *аисин] < *|а:с-ин], [де:лан] < *|ди:илин] < *|да:лин], [хье:на] < *|хья:ин...], [кхе:лан] < *|кха:илан] < [кха:лин], [цли:нан] < *|цлаинин] < *|цла-н-ин], [бе:ран] < *|баурин] < *|ба...рин] (ср. бацб. |бадри|).

Сравним эти формы с формами основных падежей в ед. ч., а также с формой им. п. мн.ч.:

им. п.	Ед. ч.			Мн. ч.
	род. п.	дат. п.	эрг. п.	им. п.
[e:са] — теленок	[e:сан]	[e:сана]	[e:суо:]	[e:си:]
[де:ла] — бог	[де:лан]	[де:лана]	[да:ла]	—
[хье:]—головной мозг	[хье:н]	[хье:на]	[хье:н-уо:]	—
[кхе:ла] — кобыла	[кхе:лан]	[кхе:лана]	[кхе:луо:]	[кхе:лаш]
[цла] — дом	[цли:нан]	[цлиенна]	[цли:нуо]	[цлие:н-уош]

(ср. также исходный падеж [цле:ра] — «из дома» домашний» и наречие [цлахь]— «дома».

Из произведенного выше анализа исторического процесса образования современных форм род. п. ед. ч., а также из указанной таблицы склонения приведенных слов по основным падежам видно, что основа формы род. п. ед. ч. с сильным (долгим) гласным [e:] вторичного происхождения сначала распространилась на формы дат., эрг. и других падежей в трех случаях: [e:c...], [xʷe:..], [kxe:l...]. В дальнейшем по аналогии она заменила и исходную форму им. п. ед. ч. (ср. в бацб. [a:ca] — «теленок», [kxa:дал] — «кобыла» и др.).

Что же касается форм основных падежей слова [de:la], то исходная основа [da:l..] сохранена лишь в эрг. п. ед. ч. В остальных падежах исходная основа заменена новой основой формы род. л. ед. ч. Слово [ɟle:pa] исторически представляет собой форму исходного падежа от слова [ɟla] — «дом». В этом слове -pa — аффикс исходного падежа, сросшийся с основой в процессе переосмысления формы исходного падежа и употребления его в новом лексическом значении. Следовательно, семантическому переосмыслению формы исходного падежа в данном случае сопутствовал процесс ее морфологического переразложения.

Что исходными гласными основ приведенных слов в им. и других падежах являлись [a:] и [a], подтверждается данными чеченского и ингушского литературных языков, их диалектов и бацбийского языка: чеч., инг. [ɟla] — «дом», наречие [ɟlaχʷ] — «дома», форма которого восходит к форме направит. л. ед. ч., чеч. [da:la] в эрг. п. ед. ч.; чеберлоевском в им. п. ед. ч. [da:la]; бацб. [a:ca], [da:la], [kxa:дал], [ɟla] и т. д. Для характеристики процесса перехода [a:] в [e:] показательным является и следующий факт: чеч. [kʷe:na] в бацб. соответствует [kʷaβin] — «старый» (ср. также в чеберлоевском диалекте [kʷa:ин] и [kʷa:нa]). Из этого видно, что в нахских языках и их диалектах представлены все ступени перехода корневого [a:] в [e:]: чеч. [kʷe:na] < * [kʷa:ин] < [kʷa:n + ин].

Таким образом, в чеченском языке почти все основы исконных имен с долгим корневым [e:] в форме им. п. ед. ч. — вторичного происхождения. Они представляют собой продукт действия закона вторичного чередования корневых гласных именных основ.

Основа с корневым гласным [ue] в им. п. ед. ч. Здесь следует различать отсутствовавший в нахском языке корневой дифтонг [ue], обусловленный вторичным чередованием корневых гласных, с одной стороны, и восходящий к исконному и заимствованному корневому [e] в закрытых слогах — с другой.

С корневым дифтонгом первого типа мы встречаемся, например, в следующих примерах:

им. п.	Ед. ч.			Мн. ч.
	род. п.	дат. п.	эрг. п.	им. п.
[биехк] — долг, вина	[биехкан]	[биехкана]	[биехкуо:]	[биехкаш]
[биен] — гнездо	[бие:нан]	[биенна]	бие:нуо:]	[бие:наш]
[биеш] — сад	[бие:шан]	[бие:шана]	[бие:шуо:]	[бошмаш]
[кхиерч] — очаг (лечь)	[кхиерчан]	[кхиерчана]	[кхиерчуо:]	[кхиерчаш]
[биелхар] — плач	[биелхаран]	[биелхарна]	[биелхаруо]	[биелхарш]

В этих примерах дифтонг [ue] в составе основы формы им. п. ед. ч. восходит к [a]: [биехк] < * [бахк], [биен] < * [бан...], [биеш] < * [баиш], [кхиерч] < * [кхарч]. Такое чередование также вызвано вставкой аффиксального [u] в форме род. п. ед. ч. внутрь основы: [биехкан] < [баих-кин] < [бахк-ин] и т. д. Эта новая основа формы род. п. ед. ч. вытеснила древнюю основу с [a] во всех падежных формах. Что же касается чередования [ue] и [ue:] различных падежных форм от приведенных слов, то это зависит от типа слога: в закрытом слове находим [ue]: [биехк], [биехкана], [биеш], [киерч], [киерчана] и т. д., а в открытом слове — [ue:]: [бие:нан], [бие:шан] и т. д.

С корневым дифтонгом [ue] второго типа связаны и следующие исконные слова, среди которых есть и слова, имеющие основы типа открытого слога:

им. п.	Ед. ч.				Мн. ч.
	род. п.	дат. п.	эрг. п.	совм. п.	им. п.
{дие} — день	[ди:нан]	[диенна]	[ди:нуо:]	[ди:н(а)ца]	[дие:нуош]
{диегI} — тело	[дие:гIан]	[дие:гIана]	[дие:гIуо:]	[дие:гIаца]	[догIмаш]
{йиетт} — корова	[аьттан]	[аттана]	[аттуо:]	[атта(н)ца]	[хье:ли:]

В приведенных словах общенахское [e] в основах перешло в дифтонг [ue]. Это произошло, во-первых, под воздействием аффиксального [u] и, во-вторых, в соответствии с наблюдаемой в чеченском (а также во многих случаях и в ингушском) закономерностью перехода корневого [e] в закрытых слогах в [ue].

В слове [дие:] только в им. п. ед. ч. встречается [ue]: [де] < * [д-и-е], последняя форма возникла путем вставки аффиксального [u] внутрь основы: род. п. [де-ин] > [деинин] > [ди:нин] > [ди:нан]. В косвенных падежах с наращенным [н] дифтонг [ue] < [ue] превратился в [u:]. Аналогичный процесс наблюдается в слове [йиетт].

Что же касается слова [йиетт], то исходная корневая фонема [a] сохранилась в дат., эрг., совм. и других падежах ед. ч., за исключением [ue] в им. п. ед. ч. и [ав] в род. п. ед. ч. Таким образом, вставка [u] из состава аффикса род. п. ед. ч. [ин] обусловила появление формы род. п. ед. ч. [аьттан] < [аиттин], которой своим происхождением обязана форма им. п. ед. ч. [йиетт].

Основа с корневым гласным [ue:] в им. п. ед. ч.

В чеченском языке в именных основах встречается дифтонг [ue:], отсутствовавший в нахском языке-основе, разного происхождения.

Вследствие превращения закрытого слога в открытый путем выпадения какого-нибудь согласного звука, звук [e] переходит в [ue:]: чеч. [кхье:рам] — «опасность, боязнь», [шие:луо] — «холод» (ср. бацб. [кхерлом], [пшел] и др.

Вторичное чередование, связанное со вставкой внутрь именной основы фонемы [u] из состава аффикса род. п. ед. ч., приводит к переходу исконной фонемы [e] или [a] в им. п. ед. ч. в краткий дифтонг [ue] в закрытом слове, который (т. е. [ue]), в свою очередь, часто в открытом слове переходит в [ue:]: им. п. ед. ч. [миекх] — «ус» < [маикх], род. п. [мие:кхан] < [маикх-ин] и т. д. Аналогичные примеры представлены и в следующей таблице:

Ед. ч.				Мн. ч.
им. п.	эрг. п.	род. п.	дат. п.	им. п.
[<i>дие:хъие:</i>] — противоположная сторона	[<i>дие:хъие:нуо:</i>]	[<i>дие:хъие:нан</i>]	[<i>дие:хъиенна</i>]	[<i>дие:хъие:наш</i>]
[<i>кӀие:луо:</i>] — дно, днище	[<i>кӀие:луо:нуо:</i>]	[<i>кӀие:луо:нан</i>]	[<i>кӀие:луонна</i>]	[<i>кӀие:луо:наш</i>]
[<i>дже:руо:</i>] — вдова	[<i>дже:руо:чуо:</i>]	[<i>дже:ро:чун</i>]	[<i>дже:руо:чунна</i>]	[<i>дже:руо</i>]
[<i>тӀие:хъие:</i>] — задняя часть чего-либо	[<i>тӀие:хъие:нуо:</i>]	[<i>тӀие:хъие:нан</i>]	[<i>тӀие:хъиенна</i>]	[<i>тӀие:хъие:наш</i>]

Дифтонги [*ие:*] и [*уо:*], представленные в этих исконно нахских словах, — вторичного образования. Все рассматриваемые падежные формы также вторичного образования. При образовании основ указанных падежных форм взаимодействовали первичные и вторичные чередования корневых гласных. Например, [*дие:хъие:*] < * [*ди...хъ...*] (ср. бабб. *дивхъ* — «за, через») < чеч. [*дӀгӀа:*], [*дӀа:хъа*] — «там, туда» и т. д.

Основы с корневым гласным [*уо:*] в форме им. п. ед. ч. Дифтонг [*уо:*] сохраняется во всех падежных формах:

Ед. ч.				Мн. ч.
им. п.	эрг. п.	род. п.	дат. п.	им. п.
[<i>туо:лам</i>] — победа	[<i>туо:ламуо:</i>]	[<i>туо:ламан</i>]	[<i>туо:ламна</i>]	[<i>туо:ламыш</i>]
[<i>туо:дакх</i>] — дрофа, дудак	[<i>туо:дакхуо:</i>]	[<i>туо:дакхан</i>]	[<i>туо:дакхна</i>]	[<i>туо:дакхаш</i>]

Унификация основ всех падежей произошла на базе основы им. п. ед. ч. Последняя же — результат преобразования общенахской формы типа *тол||туол*, представляющей собой по происхождению глагольную основу (во всяком случае в период, предшествующий образованию имени существительного посредством присоединения к этой основе словообразовательного элемента *-м*). Если в баббийском лишь в редких случаях наблюдается переход краткого [o] в дифтонг [yo], то в чеченском языке регулярно и закономерно [o] переходит в [yo] в закрытых слогах, особенно основ. В соответствии с этой фонетической закономерностью еще до образования производного имени существительного *туо:лам* глагольная основа **тол...* превратилась в **туол...* В дальнейшем при образовании имени существительного из этой основы путем присоединения словообразовательного суффикса *-м* конечный согласный этой основы примкнул ко второму слогу с суффиксом *-м*, а первый слог стал открытым. Согласно другой закономерности, действующей в чеченском языке, при преобразовании закрытого слога в открытый слог с кратким дифтонгом [yo], последний переходит в долгий дифтонг [yo:]. В итоге взаимодействия всех этих фонетических, словообразовательных процессов возникла форма [*туо:л-а-м*], основа которой и стала основой всех падежных форм. Подобный процесс происходил и в других аналогичных примерах.

Несколько иного типа чередования гласных основ обнаруживаются в следующих примерах:

им. п.	Ед. ч.			Мн. ч.
	эрг. п.	род. п.	дат. п.	им. п.
[чуо:] — желу- док	[чуоь:нуо:]	[чуоь:нан]	[чуоьнна]	[чуоь:наш]
[гуо:ла] — ко- лено	[гуоь:луо:]	[гуоь:лан]	[гуоь:лана]	[гуо:лаш]

В первом примере чередуются следующие гласные в основах падежных форм: [уо:] (им. п. ед. ч.): [уоь:] (род., эрг. п. ед. ч. и им. п. мн. ч.): [уоь] (дат. п. ед. ч.). Превращение дифтонга [уо:] в дифтонг переднего ряда [уоь:] обусловлено вставкой внутрь основы формы род. п. ед. ч. аффиксального [и]: [чуоь:нан] < *[чуо:и-н-ин] < *[чуо:ин]. Унификация основ форм всех падежей, кроме им. п. ед. ч., произошла на базе основы формы род. п. ед. ч. При этом в основах, представляющих собой открытый слог, выявляется долгий дифтонг [уоь:], а в закрытом слоге — основе формы дат. п. ед. ч. — краткий дифтонг [уоь]. Аналогичным закономерностям подчиняется чередование гласных основ и в других подобных именах.

Встречаются имена с корневым гласным [уо:] в им. п. ед. ч. и, по-видимому, исходным гласным основы в остальных падежах. Например:

им. п.	Ед. ч.			Мн. ч.
	эрг. п.	род. п.	дат. п.	им. п.
[тлуо:] — сметана	[тлаинуо:]	[тлаин]	[тлаина]	[тлаиш]

Нет сомнения в том, что форма им. п. ед. ч. *тло* [тлуо:] — вторичного образования. Об этом свидетельствует отсутствие фонемы [уо:] в бацбийском и нахском языке-основе, образование этой фонемы в эпоху самостоятельного развития чеченского языка под влиянием вторичного чередования, а также характерный для чеченского языка переход краткого дифтонга [уо] в долгий дифтонг в открытом слоге.

Основа с корневым гласным [уь:] в им. п. ед. ч.

Все основы с корневым гласным [уь:] — вторичного образования. К ним относятся, например, *лыьидиг* [луь:диг] — «лист, обволакивающий початок кукурузы», *суьйре* [суь:рие:] — «вечер», *луьйта* [луь:та] — «стреля», *буьйса* [буь:са] — «ночь».

Процесс образования форм им. п. ед. ч. этих слов можно показать путем анализа основ имен существительных *суьйре* и *буьйса*. Основа первого имени восходит к [сар...]. На это указывают чеч. *сар-ахь* — «вечером», бацб. *псарло* — «вечер». Как видно из бацб. *псарло*, в чеченском префикс (вероятно, классный показатель) выпал; точно так же отпал сонант *л* после вставки внутрь основы [о]. Так могла возникнуть основа... **сор*||*сур*... в чеченском.

В род. п. она должна была принять форму **сор*/|*сур*+*ин*; вставка аффиксального [и] внутрь основы в соответствии с вторичным чередованием образования формы род. п. ед. ч. **соирин*||**суирин*. Преобразование закрытого слога в открытый сопровождалось формированием долгого звука [уь:]: **[суь:рин]*. Последняя основа стала общей для всех па-

дежей. Процесс унификации основ падежных форм сопровождался перестройкой структуры некоторых падежных аффиксов. Так, в чеченском языке выпадение *го* из состава сложного аффикса второго направительного падежа — *иго* и образование нового аффикса этого падежа [иe:] является обычным явлением. Следовательно, во втором направ. падеже мы должны были иметь [суь:риго]>[суь:рие:]. Очень часто в современном чеченском языке формы направ. второго падежа ед. ч. становятся формами им. п. ед. ч. (см. раздел об именном словообразовании).

Итак, метод «распутывания клубка» дает нам следующую картину последовательного «восхождения» от современного состояния к исходной форме основы рассматриваемого слова: [суь:р...]<*суир...||*соир...<<*сур||сор...<*сар... Как видно из этих форм, реально засвидетельствована и исходная основа (потому она представляет собой реальную реконструкцию), т. е. реконструкцию, засвидетельствованную реальными фактами. Этого нельзя сказать о промежуточной форме *сур||*сор, которая нигде фактами языка не засвидетельствована, хотя научный анализ исторических данных нахских языков и дает основание предполагать существование такой формы.

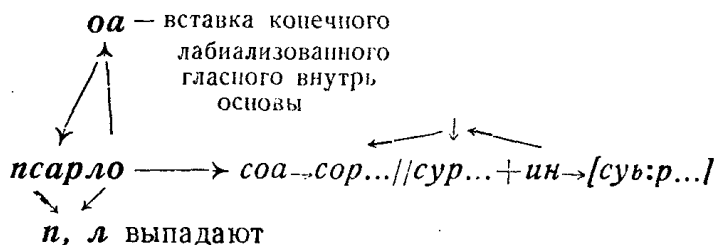
Что же касается формы им. п. ед. ч. слова [буь:са], то на процесс ее образования проливают свет следующие факты: чеч. *буса* — «ночью», баб. *буисва* — «ночь». Таким образом, вставка аффиксального [и] привела к образованию новой основы род. п. ед. ч. *буис...*, результатом дальнейшей эволюции которой является [буь:с...], ставшая основой всех падежей.

Аналогичным путем возникла основа с [уь:] и в других анализируемых словах:

им. п.	Ед. ч.			Мн. ч.
	эрг. п.	род. п.	дат. п.	им. п.
[луь:диг]	[луь:дигуо:]	[луь:диган]	[луь:дигна]	[луь:дигаш]
[луь:та]	[луь:тануо:]	[луь:танан]	[луь:танна]	[луь:танаш]
[суь:рие:]	[суь:рие:нуо:]	[суь:рие:нан]	[суь:риенна]	[суь:рие:наш]
[буь:са]	[буь:сануо]	[буь:санан]	[буь:санна]	[буь:санаш]

Факты показывают, что в рассматриваемых словах исходными гласными основ были краткие гласные [а] и [у]. Следовательно, правомерно было бы ожидать, что под влиянием аффиксального [и] в указанных основах появятся соответственно краткие [аь] и [уь]. Между тем в них находим [уь:]. Чем это объяснить?

По нашему мнению, это вызвано тем, что исходные гласные в этих примерах подверглись двукратному воздействию аффиксальных гласных — в одном случае конечного лабиализованного гласного, в другом — аффиксального гласного [и] из состава аффикса род. п. ед. ч. [ин]:

Таким образом, результат двукратного осложнения исходного корневого гласного проявляется в долгом гласном основы [уь:].

Основа с корневым гласным [уь] в им. п. ед. ч.

Все исконные основы с корневым гласным [уь]—вторичного происхождения. К ним относятся: *дубра* [дубра]—«солёный», *дубкѣа* [дубкѣа]—«густой», *туьха* [туьха]—«соль», *кѣубда* [кѣубда]—«тусклая лампада», *кѣурдиг* [кѣурдиг]—«наседка», *дубхьарг* [дубхьарг]—«нетель», *кѣуьлг* [кѣуьлг]—«маслобойка».

Основа с [уь] сохраняется во всех падежных формах:

им. п.	Ед. ч.			Мн. ч.
	эрг. п.	род. п.	дат. п.	им. п.
[дубра]	[дубрачуо:]	[дубран]	—	—
[дубкѣа]	[дубкѣачуо:]	[дубкѣан]	—	—
[туьха]	[туьхуо:]	[туьхан]	[туьхна]	[туьхаш]
[дубхьарг]	[дубхьаргуо:]	[дубхьарган]	[дубхьаргана]	[дубхьаргаш]
[кѣурдиг]	[кѣурдигуо:]	[кѣурдиган]	[кѣурдигна]	[кѣурдигаш]
[кѣуьлг]	[кѣуьлгуо:]	[кѣуьлган]	[кѣуьлгана]	[кѣуьлгаш]

Из сравнительно-исторического анализа фонологической системы нахских языков мы знаем, что в нахском языке-основе не было фонемы [уь], она отсутствует и в современном бацбийском языке. Данная фонема в чеченском появилась в период его обособленного (самостоятельного) развития. Следовательно основы приведенных выше слов с гласным [уь]—вторичного происхождения. Такой вывод можно было бы сделать из анализа образования основ с корневым гласным [уь]. Указанная фонема в составе основы исконных имен существительных, например, *туьха*, *дубза*, *дубкѣа*, *дубхьарг* образовалась под воздействием аффиксального [и] из состава аффикса род. п. [туьхан] < *[туих-ин]¹, [дубра] < *[дуирин], *дубкѣа* *[дукѣин], [дубхьарг] < *[дуихь...]. Основа род. п. ед. ч. стала основой всех падежных форм. По закону аналогии ей могли уподобляться основы соответствующих заимствованных имен, а также и некоторых исконных имен позднего образования.

Основа с корневым гласным [уоб]: *чоб* [чуоб:]—«внутренняя часть чего-нибудь», *об* [уоб:]—«тройка, три альчика», *обли* [уоб:ла]—«куча», *обглазе* [уоб:глазе:]—«сердитый», *обна* [уоб:па]—«суслик», *гоьза* [гуоб:за]—«коновязь».

По-видимому, основы таких имен, как *чоб*, *об*, *обглазе* во времена существования нахского языка-основы представляли собой закрытые слоги с гласным [о]. В период самостоятельного развития чеченского языка по закону перехода [о] в закрытом слоге в [уо] корневой гласный в рассматриваемых словах стал дифтонгом [уо]. В дальнейшем процесс преобразования закрытых слогов в открытые слоги основ сопровождался переходом краткого дифтонга [уо] в долгий дифтонг [уо:]. Следующая

¹ Ср. бацб. *туих* < *тухи*—«соль». По-видимому, вставка аффиксального (или конечного) гласного [и] внутрь основы произошла еще в эпоху нахского языка-основы.

стадия видоизменения именных основ связана со вставкой аффиксального [и] из состава аффикса род. п. ед. ч. [ин] внутрь именной основы: Возможно, что превращение закрытых слогов в открытые происходило одновременно с вставкой аффиксального [и] внутрь основы. Позже унификация основ падежных форм произошла на базе основы род. п. ед. ч. [чуоь:нан] < * [чуо.и-н-ин]:

Ед. ч.				Мн. ч.
им. п.	эрг. п.	род. п.	дат. п.	им. п.
[чуоь:]	[чуоь:нуо:]	[чуоь:нан]	[чуоьнна]	[чуоь:наш]
[уоь:]	[уоь:нуо:]	[уоь:нан]	[уоьнна]	[уоь:наш]
[уоь:ла]	[уоь:лануо:]	[уоь:ланан]	[уоь:ланна]	[уоь:ланаш]
[уоь:глазие:]	[уоь:глазие:чуо:]	[уоь:глазин]	—	—
[уоь:па]	[уоь:пануо:]	[уоь:панан]	[уоь:панна]	[уоь:панаш]
[гуоь:за]	[гуоь:зануо:]	[гуоь:занан]	[гуоь:занна]	[гуоь:занаш]

Всюду в именных основах, образующих открытые слоги, мы находим корневую гласную фонему [уоь:]. Только в двух формах дат. п. ед. ч. [чуоьнна] и [чуоьнна] в закрытых слогах появляется краткий дифтонг [уоь].

Процесс трансформации исходного гласного основ рассмотренных имен схематически можно представить себе в следующем виде:

время самостоятельного развития чеченского языка	в нахском языке-основе
[уоь:] ← * [уои] ← * [уо:] ← * [уо]	↙ * [о]

Основа с корневым [уоь] в им. п. ед. ч.: *моьлкъа* [муоьлкъа] — «ящерица», *моьрдиг* [муоьрдиг] — «плевая», *оьрси* [уоьрси:] — «русский», *оьлг* [уоьлг] — «хлебец», *уоьхк* [уоьхк] — «ногайские шерстяные валенки».

Корневые гласные основ в этих именах входят в состав закрытых слогов. Как показывает заимствованное слово *оьрси*, краткий дифтонг [уоь] в рассматриваемых именных основах может быть двойного происхождения. Во-первых, монофтонг [о] в исконно нахских именных основах, образующих закрытый слог, в период самостоятельного развития чеченского языка должен был перейти в дифтонг [уо] в соответствии с уже известной нам закономерностью.

Во-вторых, дифтонг [уо] мог бы образоваться путем вставки аффиксального или лабиализованного конечного гласного или же лабиализованного гласного, следующего за корневым слогом внутрь основы. Это подтверждается следующим примером. Слово *оьрси* [уоьрси:], вероятно, было заимствовано чеченским языком через посредство какого-нибудь тюркского языка: тюркск. *урус* в чеченском вначале могло звучать *уорс* в результате вставки [у] из второго слога внутрь первого слога. Такой процесс мог происходить и в исконных словах.

Следующая стадия видоизменения анализируемых именных основ связана с вставкой аффиксального [и] из состава аффикса род. п. ед. ч. [ин] внутрь именной основы. И здесь в дальнейшем унификация

основ падежных форм произошла на базе основы род. п. ед. ч. [муобл-къан//муоблкъанан] < * [муоилкъин] < * [молкъ-ин].

Ед. ч.				Мн. ч.
им. п.	эрг. п.	род. п.	лат. п.	им. п.
[муоблкъа]	[муоблкъануо:]	[муоблкъанан]	[муоблкъанна]	[муоблкъарчи]
[моьрдиг]	[моьрдигуо:]	[моьрдиган]	[моьрдигна]	—
[уоблг]	[уоблгуо:]	[уоблган]	[уоблгана]	—
[уоьрси:]	[уоьрси:чуо:]	[уоьрси:чун]	[уоьрси:чунна]	—

Процесс эволюции исходного гласного основ указанных имен может быть представлен схематически:

время самостоятельного развития чеченского языка	в нахском языке-основе
[...уоб...] < * [...уо-и...] < * [...уо...]	< * [о]

Этот процесс во многом напоминает процесс образования корневого гласного именных основ [уоб:]. Поэтому нет необходимости более подробно останавливаться на анализе фактов, связанных с образованием именных основ типа [муоблкъа] и т. д. Впоследствии такие основы могли возникнуть по аналогии путем видоизменения фонетического облика заимствованных слов.

Те чередования, о которых речь будет идти ниже, также относятся к историческим чередованиям, возникшим в эпоху самостоятельного развития чеченского языка. Для краткости изложения мы ограничимся таблицей примеров в нескольких наиболее важных падежах и схематическим изображением чередующихся фонем гласных основ.

В следующих примерах мы наблюдаем переход корневой фонемы [у] в [уь] в косвенных падежах ед. ч.:

[у] : [уь] : [уь]

им. п.	род. п.		эрг. п.
[Iу] — пастух	[Iуьна(н)]	(< Iуинин)	[Iуьнуо:]
[бух] — дно	[буьха(н)]	(< буихин)	[буьхуо:]
[сурт] — картина	[суьрта(н)]	(< суиртан)	[суьртуо:]
[урс] — нож	[уьрса(н)]	(< уирсин)	[уьрсуо:]

В им. п. мн. ч. в этих и аналогичных им формах наблюдается разницей в перегласовке корневой гласной. В большинстве случаев в им. п. мн. ч. имеем [а] или [уь]:

[у] : [уь] : [а]

Ед. ч.		Мн. ч.
им. п.	род. п.	им. п.
[тур] — шашка	[туьра(н)] < [туирин]	[тарраш]
[хьун] — лес	[хьуьна(н)] < [хьуинин]	[хьаннаш]
[урс] — нож	[уьрса(н)] < [уирсин]	[арсаш]
[къух] — сорняк, заросль	[къуьха(н)] < [къуихин]	[къаххаш]

Иногда корневая фонема [y] сохраняется в им. п. мн. ч.: [Iy] — «пастух», [Iyбнa(н)] (<Iyинин), им. п. мн. ч. — [Iyй].

Встречаются слова, в которых [y] сохраняется во всех формах:

[y] : [y] : [y]

Ед. ч.		Мн. ч.
им. п.	род. п.	им. п.
[ɣIуркx] — шест	[ɣIуркxан]	[ɣIуркxаш]
[кʔурд] — глоток	[кʔурдан]	[кʔурдаш]
[тIулг] — камень	[тIулган]	[тIулгаш]
[бута] — бзик (у рогатого скота)	[бутанан]	[бутанаш]

В некоторых словах корневая фонема [y] сохраняется во всех формах ед. ч., а в им. п. мн. ч. переходит в [a]:

[y] [y] [a]

Ед. ч.		Мн. ч.
им. п.	род. п.	им. п.
[йукʔ] — середина	[йукʔан]	[йакʔкʔаш]
[букʔ] — спина	[букʔан]	[бакʔкʔаш]
[урx] — вожжа	[урxан]	[арxаш]

Заслуживают внимания слова, в которых долгая фонема [y:], употребляемая во всех падежных формах, — более позднего происхождения:

[y:] : [y:] : [y:] : [y:]

Ед. ч.			Мн. ч.
им. п.	род. п.	эрг. п.	им. п.
[цIy:] — языческий бог	[цIy:нан]	[цIy:нуо:]	[цIy:наш]
[гу:] — холм, курган	[гу:нан]	[гу:нуо:]	[гу:наш]
[гу:pa] — клетка, капкан	[гу:ранан]	[гу:рануо:]	[гу:ранаш]
[ɣIy:pa] — мерзлота	[ɣIy:ранан]	[ɣIy:рануо:]	[ɣIy:ранаш]
[ɣIy:] — колодец	[ɣIy:нан]	[ɣIy:нуо:]	[ɣIy:наш]

В этих примерах не наблюдается чередования гласных основ. Здесь мы не будем рассматривать вопроса о том, является ли во всех падежных формах долгий звук [y:] исконным. Можно лишь утверждать с несомненностью, что формы род. п. ед. ч. [цIy:нан], [гу:нан] и т. д. восходят к *[цIy:нин], *[гу:нин]. Вместе с тем следует учитывать, что и на данные примеры должна была распространиться закономерность, обус-

ловливающая вставку аффиксальной [и] внутрь основы (из состава аффикса род. п. ед. ч. *ин*), особенно в односложных и двусложных основах. Следовательно, в род. п. ед. ч. мы должны были иметь [ц/уинин], [гу:инин] и т. д., в которых неконечный сонант *н* является фонетическим наращением.

В таких словах, как *буьйда* [буь:да] — «сырой, недозревший, недоваренный, недожаренный», *буьйса* [буь:са] — «ночь»; *буька* [буька] — «небольшой глиняный горшок», *зезаг* [зие:заг] — «цветок», *бов* [буов:] — «горный чеснок» и т. д.; звуки [уь:], [уь], [ие:] [уов:] связаны с законом вторичного чередования гласных именных основ. Унификация основ во всех падежах таких слов, как *буьртиг* — «зернышко» (род. п. *буьртиган*, дат. п. *буьртигна* и т. д.), произошла на базе основы им. п. ед. ч. вторичного происхождения.

Исходная корневая фонема [а] перешла в [о] под воздействием вторичного чередования.

[о] : [а]

Ед. ч.

им. п.	эрг. п.	род. п.	дат. п.
[лоха(н) лоханиг] — невысокий, низкий	[лохачу лохачуо:]	[-лохачун]	[-лохачунна]
[доккхан доккханиг] — большой	[доккхачу доккхачуо:]	[доккхачу доккхачун]	[доккхачу доккхачунна]

Как видно из этих примеров, вторичная основа с гласным [о] вытеснила из всех падежных форм первичную основу с краткой фонемой [а]. Первичную основу мы восстанавливаем на основании данных чеченского литературного языка, его диалектов, бацбийского и ингушского языков. Так, в чеч. первый пример употребляется с корневым гласным [а] в следующих случаях: [лаха] *довла* — «вниз выйдите, т. е. спускайтесь вниз»; [лаха] *доглу тхо* — «снизу идем мы». В бацб. находим [лахиш] — «внизу», [даккхо] — «большой» и т. д.

Лабиялизация корневого гласного вызвана вставкой конечного лабиализованного элемента внутрь основы: [доккхан] < * [доккх..] < * [даккхо-ин//даккхв-ин] и т. д. Неизвестно, что собой представлял конечный лабиализованный элемент — являлся ли он элементом лабиализации конечного согласного *ккх* < * *ккхв* или нейтральная основа слова оканчивалась на лабиализованный гласный звук.

[е] : < [а]

Исходная корневая фонема [а] перешла в [е] под влиянием вторичного чередования.

Ед. ч.

им. п.	эрг. п.	род. п.	дат. п.
[лекхан лекханиг] — высокий, верхний	[лекхачу // лекхачуо:]	[лекхачу // лекхачун]	[лекхачу // лекахачунна]
[бе:р] — ребенок	[бе:руо:]	[бе:ран]	[бе:рна]

Первичную основу с корневым гласным [а] мы восстанавливаем на основании данных чеченского литературного языка, его диалектов, бац-

бийского и ингушского языков: [лакха] *довла* — «вверх поднимитесь», *лакхара доглу тхо* — «сверху идем мы». В бацб. *лакхиш* — «вверху», *бадер* — «ребенок», эрг. п. ед. ч. *бадрес* и т. д.

В следующих именах перегласовка корневых гласных связана с чередованием дифтонгов [оу//ов] и [ев]:

[ов] : [ев]

Ед. ч.				Мн. ч.
им. п.	эрг. п.	род. п.	дат. п.	им. п.
<i>тов</i> [тов] — мгла	[тевнуо:]	[тевнан]	[тевнна]	—
<i>дов</i> [дов] — ссора, драка	[девнуо:]	[девнан]	[девнна]	[девнаш]
<i>чов</i> [чов] — рана	[чевнуо:]	[чевнан]	[чевнна]	[чевнаш]

Наконец, приведем примеры, показывающие сохранение корневого дифтонга во всех падежах: *айма* [айма] — «омут, водоворот», *айкх* [айкх] — «доносчик», *довхуо* [довхуо:] — «кровник», *гловгла* [гловгла] — «шум», *човка* [човка] — «грач», *эвна* [эвна] — «шов», *левси* [левси:] — «кузнечный мех». Что корневой гласный звук в этих примерах сохраняется, показывает таблица склонения указанных слов в основных падежах:

Мн. ч.				Ед. ч.
им. п.	эрг. п.	род. п.	дат. п.	им. п.
[айма] — водоворот	[аймуо:]	[айманан]	[айманна]	[айманаш]
[айла] — мотня	[айлануо:]	[айланан]	[айланна]	[айланаш]
[айкх]	[айкхуо:]	[айкхан]	[айкхана]	[айкханаш]
[довхуо:]	[довхуо:чуо:]	[довхуо:чун]	[довхуо:чунна]	[довхуой]
[гловгла]	[гловглануо:]	[гловгланан]	[гловгланна]	[гловгланаш]
[човка]	[човкануо:]	[човканан]	[човканна]	[човкарчий]

О характере изменения фонемного состава и структуры именных основ в связи с вторичным чередованием в чеченском языке

В чеченском языке процесс фонемообразования, обусловленный вторичным чередованием, развертывался, главным образом, в именных основах (то же самое следует сказать и о глагольных основах). Изменения в фонемном составе именных основ, вызванные вторичным чередованием, почти во всех приведенных примерах коснулись только гласных. Согласные же не подверглись изменениям фонологического характера, хотя и приобрели некоторые дополнительные фонетические признаки, связанные, например, с переходом нелабиализованного гласного в лабиализованный звук (*лоха* < *лаха*, где появление лабиализованного [о] вместо нелабиализованного [а] вызывает соответствующую дополнительную окраску лабиализации предшествующего согласного [л] и т. д.), непалатализованного гласного в гласный звук переднего ряда (например, *лекха* < *лакха*..., где появление гласного переднего ряда [е]

вместо непалатализованного [a] вызывает соответствующую дополнительную окраску палатализации предшествующего согласного [л] и т. д.).

Изменение состава согласных в основах таких слов, как чеч. литер. *буолх*, ажк. *буорх*, бацб. *ботх* — «работа», не связано с вторичным чередованием гласных именных основ. Выпадение согласных (например, чеч. *бера*, бацб. *бадер* — «ребенок» и т. д.), наращение согласных в основах некоторых падежных форм (например, им. п. ед. ч. *гловга* — «шум», основа же остальных падежей осложняется наращением *н*: эрг. п. [*гловга-н-уо*]; род. п. [*гловга-н-ан*], дат. п. [*гловга-н-на*] и т. д.) также не обусловлены вторичным чередованием.

Что же касается структурных изменений именных основ, то они в своем подавляющем большинстве обусловлены вторичным чередованием. Именно вторичное чередование обусловило главным образом перестройку древней структуры именных основ, которые (вместе с глагольными основами) в древности дали в нахском языке-основе классический агглютинативный тип морфологического строя, и возникновение новой вторичной структуры именных основ, приведших (вместе с новыми глагольными основами) к образованию весьма сложного флективного типа морфологической системы. Это видно из фактов, рассмотренных при анализе различных типов именных основ, а также из сравнения этих фактов с данными бацбийского языка, который лучше сохранил основные особенности морфологического строя нахского языка-основы. Достаточно указать на склонение следующих двух наиболее простых по структуре основ слов в бацбийском и чеченском языках:

Бацб. яз.		Чеч. яз.
им. п. <i>дад</i> — отец, <i>нан</i> — мать		[<i>да</i> :], [<i>на:на</i>]
эрг. п. <i>дад-ас</i>	<i>нан-ас</i>	[<i>да:-са</i>], [<i>на:н-ас(а)</i>]
род. п. <i>дад-ē</i>	<i>нан-ē</i>	[<i>де:-н</i>] [<i>не:н-ан</i>]
дат. п. <i>дад-ен</i>	<i>нан-ен</i>	[<i>де:-на</i>] [<i>нан-на</i>]
совм. <i>дад-ев</i> (орудн. п.)	<i>нан-ев</i>	[<i>де:-ца</i>] [<i>не:н(а)-ца</i>]
инес. I. <i>дад-егō</i>	<i>нан-его</i>	[<i>де:-га</i>] [<i>не:-ние:</i>]
мн. ч.		
им. п. <i>дад-и</i>	<i>нан-и</i>	[<i>да-й</i>] [<i>на:н-уой</i>]

и т. д.

В этих примерах бацбийский язык более полно отражает особенности нахского языка-основы.

В большинстве других имен, особенно производных, между чеченским и бацбийским языками обнаруживаются более разительные расхождения, вызванные вторичным чередованием в основах падежных форм и аффиксальных частях слов.

В перестройке структуры именных основ большую роль сыграли: переход закрытого слога в открытый вследствие выпадения согласного (ср. бацб. *дад*, чеч. *да*) или переразложения основы, отхода согласного к соседнему (переднему или последующему) слогу и т. д.; переход открытого слога в закрытый в связи с наращением согласного элемента (например, в дат. п. ед. ч. бацб. *нан-ен*, чеч. *нан-на*); появление дифтонга вместо монофтонга (бацб. *докI*, чеч. *дуог* — «сердце»), долгого

гласного вместо краткого (бацб. *бадер*, чеч. *бе:р(а)*, бацб. *дакIв*, чеч. *дагуо*: в эрг. п. ед. ч.

На основании анализа состава и структурных особенностей именных основ, а также структур и фонемного состава аффиксов именного словоизменения можно установить три основных периода развития фонетической (и фонологической) системы чеченского языка:

1) Период функционирования чеченского языка после распада нахского языка-основы. В нем продолжают действовать фонетические закономерности и фонологическая система, унаследованные от нахского языка-основы. Форма им. п. ед. ч. не имеет специального морфологического показателя; в эрг. п. представлены аффиксы *(а)с*, *(а)* и *в*, в род. п. *-ин*, дат. п. *-на*, им. п. мн. ч. *-ш*, *-й*, которые могли быть осложнены предшествующими гласными. Этот период предшествует возникновению вторичного чередования в чеченском и ингушском языках.

2) Период возникновения и развития вторичного чередования. Редкие случаи вторичного чередования гласных именных и глагольных основ, вероятно, наблюдались и в нахском языке-основе: ср. бацб. *тух* < **тух*... — «соль», [*а:лби*] — «сказал только что», но [*аилънас*] — «я сказал недавно». Тенденции развития вторичного чередования были обусловлены первичным чередованием.

И все же возникновение и развитие вторичного чередования гласных именных основ в его специфической для чеченского языка форме относится ко второму периоду.

3) Советская эпоха — время возникновения и бурного развития чеченского и ингушского литературных языков, пополнения их словарного состава огромным количеством новых заимствованных и производных слов. В это время наблюдается сильное ослабление действия закона вторичного чередования гласных именных основ. Как правило, заимствованные и производные слова не подвергаются вторичному чередованию гласных именных основ. Вот некоторые примеры:

им. п.	Ед. ч.			Мн. ч.
	эрг. п.	род. п.	дат. п.	им. п.
[<i>а:хар-хуо</i> :] — земледелец	[<i>а:хар-хуо:чуо</i> :]	[<i>а:хархуо:чун</i>]	[<i>а:хархуо:чу-н-на</i>]	[<i>а:хархуой</i>]
[<i>алмаз</i>] — алмаз	[<i>алма:зуо</i> :]	[<i>алма:зан</i>]	[<i>алма:зана</i>]	[<i>алма:заш</i>]
[<i>ла:маруо</i> :] — горец	[<i>ла:маруо:чуо</i> :]	[<i>ла:мруо:чун</i>]	[<i>ла:маруо:чунна</i>]	[<i>ла:маруой</i>]
[<i>тракто-рист</i>] — тракторист	[<i>трактористуо</i> :]	[<i>трактори-стан</i>]	[<i>трактористана</i>]	[<i>тракторис-таш</i>]
[<i>парти</i>] — партия	[<i>партис</i>]	[<i>партин</i>]	[<i>парти:на</i>]	[<i>партиеш</i>]
[<i>а:гьент</i>] — агент	[<i>а:гьентуо</i> :]	[<i>а:гьентан</i>]	[<i>а:гьента-на</i>]	[<i>а:гьенташ</i>]

Как мы видим, в этих примерах отсутствует вторичное чередование корневых гласных. Вместе с тем третий период унаследовал от второго периода ослабление [*и*] из состава аффикса род. п. ед. ч. [*ин*] и его переход в [*а*]; широкое употребление аффикса инессива I [*ие:*], эргативного падежа [*уо:*] < **[оу]*; наращение [*н*] между конечным гласным

основы и начальным гласным аффикса (чаще всего род., эрг., дат. падежей).

На основании всего изложенного, можно прийти к следующему выводу: вторичное чередование возникло в односложных и двусложных исконных именных основах, но чаще всего в односложных непроезводных именных основах типа закрытого слога. По мере осложнения именных основ вследствие развития именного словообразования, а также усиления заимствования слов, чаще всего многосложных, ослабевало действие закона вторичного чередования.

В итоге в современном языке мы наблюдаем сильное смешение явлений фонетических и фонологических, относящихся к рассмотренным трем периодам развития чеченского языка.

Влияние вторичного чередования на структуру и фонемный состав аффиксов именного формообразования в чеченском языке

Что же касается влияния вторичного чередования на структуру и фонемный состав аффиксов именного словоизменения в чеченском языке, то оно в основном относится ко второму периоду развития его фонетической (и фонологической) системы.

О структуре аффиксов именного словообразования следует говорить, имея в виду следующие их особенности в нахских языках, как и в языках дагестанской подгруппы. Во-первых, в чеченском языке, как и в остальных нахских языках, есть «простые» аффиксы, посредством которых образуются формы различных падежей. К ним относятся формы, например, эрг. п. (*с, -уо:*), род. п. (*-ин*), дат. п. (*-на*), веществ. п. (*-х*), им. п. мн. ч. (*-ш, -й*) и некоторых других падежей. Эти аффиксы имеют свои фонетические варианты. Больше того, эрг. п. имеет два аффикса разного происхождения, выполняющие различные функции (т. е. *-с* — присоединяемый только к именам существительным, обозначающим разумные существа, и [*уо:*], исторически сочетавшийся только с остальными именами, т. е. именами существительными, обозначающими предметы и явления неживой природы и общественной жизни, а также неразумные существа).

Во-вторых, сложные аффиксы именного формообразования. К ним могут быть причислены форманты большинства так называемых местных или послеложных падежей. Чтобы наглядно представить себе отличительные особенности «первообразных» простых аффиксов так называемых основных падежей и «сложных» аффиксов местных или послеложных падежей, приведем таблицу форм нескольких имен в наиболее показательных падежах в ед. ч.:

им. п.	<i>зуда</i> — женщина	<i>стаг</i> — человек	<i>шу</i> — вы	<i>хьа:мид</i> — Хамид (соб. имя)
эрг. п.	[<i>зуд-ч-уо:</i>]	[<i>стаг-уо:</i>]	[<i>аша</i>]	[<i>хьа:ми:да'с</i>]
род. п.	[<i>зуд-ч-ун</i>]	[<i>стаг-ан</i>]	[<i>шу-н</i>]	[<i>хьа:ми:д-ан</i>]
дат. п.	[<i>зуд-ч-ун-на</i>]	[<i>стаг-на</i>]	[<i>шү-на</i>]	[<i>хьа:мид-на</i>]
напр. I	[<i>зуд-ч-уь-н-га</i>]	[<i>стаг-ие:</i>]	[<i>шуй-га</i>]	[<i>хьа:ми:дие:га</i>]
напр. III	[<i>зуд-ч-уьн-га-хьа:</i>]	[<i>стаг-ие:-хь-а:</i>]	[<i>шуй-га-хь-а:</i>]	[<i>хьа:ми:дие:га-хь-а:</i>]
локат. п.	[<i>зуд-ч-уьн-га-хь</i>]	[<i>стаг-ие-хь</i>]	[<i>шуй-га-хь</i>]	[<i>хьа:ми:дие:га:хь</i>]
исх. п. I	[<i>зуд-ч-уьн-га-ра</i>]	[<i>стаг-ие:ра</i>]	[<i>шуй-га-ра</i>]	[<i>хьа:ми:дие:га-ра</i>]
исх. п. II	[<i>зуд-ч-уьн-га-хь-а:-ра</i>]	[<i>стаг-ие:хь-а:-ра</i>]	[<i>шуй-га-хьа:-ра</i>]	[<i>хьа:ми:дие:га-хь-а: ра</i>]

Здесь мы не будем рассматривать вопрос о склонении, о происхождении падежных формантов. Мы хотим выяснить, какое влияние оказывает вторичное чередование на структуру и фонемный состав аффиксов именно формообразования. С этой точки зрения приведенные падежные формы дают пеструю картину.

В самом деле, в им. п. ед. ч. представлены как бы чистые основы без морфологического показателя падежа. В эрг. п. основа слова *зуда* осложняется показателем *-ч-*, сохраняющимся во всех остальных падежах. К этому показателю присоединяется падежный формант [*yo:*], при этом корневой гласный остается без изменения. Показатель эрг. п. присоединяется непосредственно к чистой основе слова *стаг*: [*стаг-yo:*]. От личного местоимения *шу* в эрг. п. имеем супплетивную форму [*аша*]. Наконец, форма эрг. п. от собственного имени *Хьамид* может быть представлена в двух вариантах [*хьа:ми:д-а*] и [*хьа:ми:д-ас*]. В обоих вариантах фонемный состав основы изменяется вследствие того, что второй закрытый слог становится открытым и краткий монофтонг [*и*] переходит в долгий звук [*и:*]. Таким образом, для этих четырех слов нет общей модели построения формы эрг. п. Кроме того, различаются по значению, структуре и фонемному составу варианты аффикса.

В род. п. вместо ожидаемого [*зуд-ч-ин*], [*стег-ин* (<*стаг-ин*)], [*шу-ин*], [*хь:ами:д-ин*] находим [*зуд-ч-ун*] (результат прямой губной гармонии — корневому [*y*] уподобляется аффиксальный звук [*и*]), [*стег-ан*], где аффиксальный [*а*] — результат ослабления [*и*] или же появления [*а*] между согласными после перестановки аффиксального [*и*] внутри основы), [*шу-н*] (выпадение [*и*] из состава аффикса род. п. [*ин*] произошло еще в нахском языке-основе, до возникновения вторичного чередования; ср. бацб. [*шү* < **шун* < **шунин*]), [*хьа:ми:д-ан*] (краткий монофтонг [*а*] в конечном слоге — результат ослабления аффиксального [*и*], возможна и параллельная форма [*хьа:ми:д-ин*]).

Основой дат. п. ед. ч. становится форма род. п. ед. ч. [*зуд-ч-ун*], к которой присоединяется аффикс дат. п. ед. ч.: [*зуд-ч-ун-на*]. Что же касается основы всех остальных форм приведенных падежей, то они, кроме направ. I, имеют общую модель [*зуд-ч-уьн-га*], представляющую собой вариант род. п. ед. ч., возникший в свою очередь из [*зуд-ч-у-ин*] и осложненный аффиксом направ. I п. [*-га*]. Употребляемые в современном языке формы род. п. [*зуд-ч-ун*] и дат. п. [*зуд-ч-ун-на*] соответственно восходят к * < [*зуд-ч-уьн*] < * [*зуд-ч-у-ин*] и [*зуд-ч-уьн-на*] < [*зуд-ч-у-ин-на*]. В этих двух формах, по-видимому, под влиянием корневого [*y*] палатализованый [*уь*] перешел в [*у*] в соответствии с прямой губной гармонией (прогрессивной ассимиляцией).

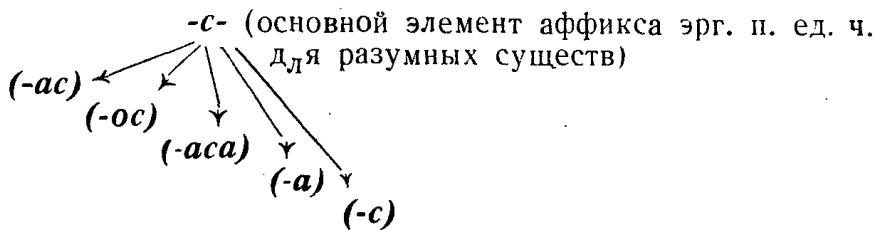
Из рассмотренных четырех основных падежей только три (эрг., род. и дат.) имеют простые «первообразные» падежные аффиксы.

Эрг. п. еще в нахском языке имел два аффикса: [*yo:*] < * [*ou*] и *-(а)с*; первый из них присоединялся к словам, обозначавшим неразумные существа, предметы и явления, второй — сочетался со словами, выражавшими разумные существа. В дальнейшем в чеченском языке постепенно стирается это семантическое противопоставление указанных двух аффиксов, точнее их противопоставление с точки зрения классификации предметов по грамматическим классам. Противопоставление рассматриваемых двух аффиксов по их функциям сохраняется лишь частично.

Первый аффикс [*yo:*] подвергся фонетическим изменениям. Это видно из того, что в нахском языке-основе не было долгого дифтонга [*yo:*]. Что же касается второго аффикса, то он подвергся и структурным

изменениям, не говоря уже о том, что изменился его фонемный состав: [-aca], [-ac], [-oc], [-c], [-a-].

Возможны и другие фонетические варианты. Упростилась структура аффикса. Представленные здесь структурные типы этого аффикса возникли под влиянием фонетических, семантических и морфологических процессов:

Как видно из этих фактов, основной элемент аффикса эрг. п. может быть осложнен предшествующим и последующим гласным (*ac*, *oc*, *аса*): им. п. ед. ч. *Хьамид*, *Мовсар*; эрг. п. *Хьамид-аса*, *Хьамидас*. Может отсутствовать предшествующий или последующий фонетический элемент: *Мовсар-с*. Гласный элемент (например, [a]) может выступать в функции этого аффикса: *Хьамида* (эрг. п.) *дийцира эзира суна* и *керла хабар* — «Хамид сообщил мне эту новость».

Исходный аффикс род. п. ед. ч. имеет простую фонетическую структуру: гласный переднего ряда [i] + сонант [ɲ] дают *-ин*. В такой форме этот аффикс употребляется очень часто. Вместе с тем наблюдаются случаи осложнения и упрощения (чаще всего несложной структуры и фонемного состава) этого суффикса под воздействием фонетических процессов: [-ун], [-ан], [-н] и др. < [-ин]. Фонетическая структура этого аффикса не может быть осложнена появлением последующего гласного звука в род. п. ед. ч.

Редко подвергается изменениям аффикс дат. п. ед. ч. *-на* (в отличие от ингушского языка). Правда, иногда перед ним появляется фонетическое наращение в виде *н*: *чов* — «рана», род. п. ед. ч. *чев-н-ан*, дат. п. *чев-н-на* и т. д. При таком понимании аффикса дат. п. мы должны отнести к основе слова *зуда* следующую часть его формы в дат. п.: *зуд-ч-ун*. Собственно говоря, *зуд-ч-ун* — форма род. л. ед. ч., к которой присоединяется аффикс дат. п. ед. ч. Следовательно, основой формы дат. п. служит форма род. п.

Для правильного решения вопроса о структуре и составе аффикса каждого из местных (последложных падежей) принципиальное значение имеет определение основы имени и падежного аффикса. Более подробно мы остановимся на этих вопросах при рассмотрении системы падежей и типов склонения. Здесь же мы попытаемся осветить данный вопрос в той мере, в какой это необходимо, чтобы уточнить, куда мы относим фонетические явления, обусловленные вторичным чередованием: к основам или аффиксам или же к тем и другим (в определенных случаях).

Возможны следующие пути решения поставленного вопроса:

1) Можно исходить из принципа двух основ: основа прямая и косвенная основа.

2) Провести объединение падежных форм по общей модели основ, характерной для ряда падежей, независимо от того, являются ли последние основными или местными.

3) Исходить из специфических особенностей моделирования падежных основ и форм, характерных (особенностей) для нахских (как и для дагестанских) языков.

Факты говорят о том, что недостаточно различать основы: прямую и косвенную, особенно, если учитывать своеобразие формы эрг. п. Дело в том, что, как мы видели, унификация падежных основ по аналогии или по признакам сильной основы может происходить на базе им., род., эрг., дат., направ. I падежей. Часто процесс унификации не распространяется на ряд падежей. В этом случае к аффиксу того или иного падежа мы должны будем относить сочетание ряда падежных аффиксов: например, в форме исх. II п. [*зуд-ч-уьн-га-хь-а:ра*] аффиксом этого падежа мы должны будем признать [*-уьн-га-хь-а:-ра*] и т. д.

Объединение падежных форм по общей модели основ, характерных для ряда падежей, может привести к смешению основных и последующих падежей, приемов их последовательного образования, а также и их функций.

Для исторического изучения фактов языка нам представляется целесообразным исходить из характерных для нахских языков особенностей моделирования падежных основ и форм. В этом случае снимается и проблема сложного составного падежного аффикса. Однако остается проблема сочетаемости аффиксов различных падежей в составе одной формы какого-нибудь падежа. Так, форма направ. I п. в ед. ч. *зуд-ч-уьн-га* — «к женщине», собственным показателем этого падежа является *-га* (бацб. *го*), он присоединен к аффиксу род. п. *уьн* (<*уин*), который в свою очередь присоединен к косвенной основе *зуд-ч-*, где *-ч-* служит показателем косвенной основы, противопоставляемой прямой основе, т. е. основе им. п. ед. ч. *зуда* (корень в синхронном плане *-зуд...*),

Локат. п. образуется путем присоединения аффикса этого падежа *-хь* к форме направ. I п.: *зуд-ч-уьн-га-хь* — «у женщины». Форма последнего становится основой для направ. III: [*зуд-ч-уьн-га-хь-а:*] — «в сторону женщины». В форме исходного второго падежа ед. ч. находим форму направ. III, осложненную аффиксом *-ра*: [*зуд-ч-уьн-га-хь-а:-ра*] — «со стороны женщины».

Таким образом, создается очень сложная картина взаимоотношения основы, сочетаемых аффиксов и падежной формы. Так, например, форма [*зуд-ч-уьн-га-хь-а:ра*] имеет очень сложную структуру, элементы, входящие в состав этой формы, разнородны по происхождению и содержанию:

зуд — корень (в синхронном плане),

-ч- — показатель косвенной основы (этим показателем обладают только имена так называемого четвертого склонения),

-уьн- — аффикс род. п. ед. ч., фонетически осложненный,

-га- — форм. напр. I п.,

-хь- — форм. локат. п.,

-[а:] — » направ. III п.,

[-ра] — » исх. II п.

Следовательно, *-ч-*, *-уьн-*, *-га-*, *-хь-*, *-[а:]* — элементы исторически сложившейся структуры. В современном языке они не имеют никакой семантической нагрузки для исх. II п. Следовательно, рассмотренные выше сочетаемые элементы (кроме *-ра*) — балласт, без которого указанные формы могли бы лучше и легче обойтись.

Влияние вторичного чередования проявляется на стыке основы и аффикса или комплекса аффиксов: *зуда* — *зудч-уьн...* и т. д., где *уьн* < *уин*; *стаг* — [*стаг-ие:*], [*стаг-ие-хь*] и т. д. (форма *стаг-ие:* < **стаг-и-га* < **стаг-ин-га*); *шу* — *шуйга* и т. д., где *шуйга* < **шуйга* < **шуй-ин-га*: [*хьа: мид*] — [*хьа: ми-дие:га*] и т. д., где [*хьа: ми-дие:га*] < [*хьа: ми-д-ин-га*] и др.

В остальных элементах сочетаемых аффиксов в падежных формах существенное влияние вторичного чередования не обнаруживается.

В принципе аналогичную картину мы имеем и в ингушском с некоторыми частными отклонениями. В бацбийском встречаются те же аффиксы именного формообразования, принцип сочетания этих аффиксов в различных падежных формах такой же, как в чеченском. Влияние же вторичного чередования в аффиксах в бацбийском наблюдается очень редко.

Чередования гласных глагольных основ в чеченском языке

Значительно легче анализировать чередования гласных глагольных основ, чем чередование гласных именных основ. Глагольные основы не подверглись влиянию столь сложных фонетических процессов, какие обнаруживаются в именных основах в связи с исследованием первичного и вторичного чередований. И все же первичное и особенно вторичное чередования гласных глагольных основ, как это мы увидим ниже, дают довольно сложную картину.

В системе спряжения относительно мало фактов, относящихся к первичному чередованию (по сравнению с тем, что мы имеем в системе склонения). Тем не менее такие чередования (т. е. чередования гласных глагольных основ, восходящие к нахскому языку-основе) имеются. К ним относятся:

1) Чередования гласных глагольных основ, с которыми связано противопоставление однократного и многократного видов:

однократн. вид	многократн. вид
<p>[a] (бацб. [a])</p> <p><i>лахкар</i> — погнать многих</p> <p><i>лачIкъар</i> — спрятаться, скрыться</p> <p>[ха:дар] (бацб. хатIар) — порваться</p> <p>и т. д.</p> <p>[yo] (бацб. [o])</p> <p><i>кхуоссар</i> (бацб. кхоссар) — кинуть, бросить</p> <p>[дуоллар] (бацб. доллар) — (за)сунуть</p>	<p>[ue] (бацб. [e])</p> <p><i>лиехкар</i> — тнать многих</p> <p><i>лиечIкъар</i> (бацб. лечIкъар) — прятаться, скрываться.</p> <p>[хие:дар] (бацб. хетIар) — рваться</p> <p>[ue] [u:] (бацб. [e])</p> <p>[кхи:сар] (бацб.) [кхепсар] — кидать, бросать</p> <p><i>диехкар</i> (бацб. дехкIар) — засовывать</p>

2) Монофтонг [a:] < * [a], встречающийся в основах форм масдара и инфинитива в только что прошедшем времени переходит в дифтонг [ue], являющийся результатом преобразования [e] (сравн. бацб. *дахар* — «идти», *деэ* — «пришел»).

инфинитив	только что прош. вр.
<p>[a]</p> <p>[да:p] — прийти</p>	<p>[ue] (бацб. [e])</p> <p><i>диеа диеи</i> (бацб. [dee]) — только что пришел</p>

3) Краткий исходный монофтонг [a], встречающийся в основах форм масдара и инфинитива, в только что прошедшем времени в повелительном наклонении переходит в дифтонг [yo:], развившийся из монофтонга [o] в связи с выпадением конечного согласного и превращением закрытого слога в открытый (ср. бацб. *дахвар* — «нести», *хьоб* — «неси»):

инфинитив	повелит. накл.
[a]	[yo:] (бацб. [o])
<i>дахвар</i> — нести	[хьyo:] (бацб. [хьоб])
<i>дахар</i> — идти	[ɣyo:] (бацб. [ɣlob])
<i>гар</i> — видеть	[ɣyo:]

4) Краткий исходный монофтонг [a], употребляемый в основах форм масдара и инфинитива, в настоящем времени переходит в чеч. [yob:], а в бацб. [yu].

инфинитив	настоящее время
[a]	[yob:] (бацб. [yu])
<i>дахар</i> — идти	<i>довду</i> [dyob:dy] (бацб. [дуй- тlyj]) — идет

Последний пример представляет особый интерес в том смысле, что он показывает наслоние вторичного чередования на первичное. Причем видно, что в этом примере вторичное чередование развивалось по нескольким «ступеням», которые следовали одна за другой. Параллельно происходило наслоение небного (палатального) умлаута на губной (лабиальный) аблаут, иначе говоря на первый тип первичного чередования насланивался второй тип вторичного чередования. Этот процесс стал развиваться, очевидно, в последний период существования нахского языка-основы (ср. бацб. [в-yutly], чеберл. диал. [в-yudy] и чеч. литер. [в-yob:dy] — «идет»). Все эти процессы перекрещиваясь, развивались в следующей последовательности: 1) В чеченском языке: [dyob:dy] < [dyo-ид...] < * [dyid...] < * [dyad...] < * [doad...] < * [daglo||дахo]. К нахскому языку-основе относятся процессы: ... * [dyid] < * [dyad...] < * [doad...] < * [daglo||дахo].

Таким образом, первичное и вторичное чередования обусловлены одними и теми же фактами. В определенный период развития нахского языка-основы по неизвестным причинам произошло «затухание», ослабление (вплоть до почти полного исчезновения) первичного чередования. Затем после распада нахского языка-основы в новых условиях первичное чередование развилось в чеченском как вторичное.

Трудно сказать, в какой мере связано чередование гласных глагольных основ, относящихся к разным видам, с первичным чередованием. Что же касается отдельных примеров, представляющих собой разные формы глагольных основ одного и того же вида, то нет основания сомневаться в том, что они отражают первичное чередование (обратный аблаут в нахском языке-основе).

Большинство же непроизводных глаголов сохранило основы форм

повелит. накл., инфинитива и масдара с корневыми гласными, с которыми они (глаголы) функционировали в нахском языке-основе. Это видно из следующих фактов:

Ч е ч.		И н г.		Б а ц б.	
масдар	повелит. накл.	масдар	повелит. накл.	масдар	повелит. накл.
<i>а:лар</i> — идти	[а:ла]	[а:лэр]	[а:лэ]	[а:л̄бар]	[а:л̄б(а)]
[а:хар] — пахать	[а:ха]	[а:хэр]	[а:хэ]	[а:хар]	[а:х(а̄)]
<i>хилар</i> — бывать	[хила]	[хилэр]	[хилэ]	[хил̄бар]	[хил̄б(а)]
[да:хар] — жить	[да:ха]	[да:хэр]	[да:хэ]	[да:хар]	[да:х(а)]
[хазар] — слышать	[хаза]	[хазэр]	[хазэ]	[хац̄лар]	[хац̄л(а)]
[диса:] — остаться	[диса]	[дисэр]	[дисэ]	[дисар]	[дис(а)]
[идар] — бегать	[ида]	[идэр]	[идэ]	[ит̄лар]	[ит̄л(а)]
[да:гар] — гореть	[да:га]	[да:гэр]	[да:гэ]	[да:к̄лар]	[да:к̄л(а)]
[а:тар] — крошить	[а:та]	[а:тэр]	[а:тэ]	[а:тар]	[а:т(а)]
[дигар] — увести	[дига]	[дигэр]	[дигэ]	[дик̄лар]	[дик̄л(а)]
[дитар] — оставить	[дита]	[дитэр]	[дитэ]	[дитар]	[дит(а)]

Приведенные выше исходные формы при образовании от них форм глаголов с корневым долгим [а:] около 70 и с корневым кратким [а] — также около 70.

Приведенные выше исходные формы при образовании от них форм разных времен в большинстве случаев в чеч. утрачивают корневые гласные, характерные для нахского языка-основы, под влиянием вторичного чередования. Вот примеры, подтверждающие это положение:

В чеченском языке получило широкое распространение чередование гласных в глагольных основах. К числу наиболее характерных грамматических чередований относятся следующие:

инфинитив	наст. вр.	недавнпрош. вр.
-----------	-----------	-----------------

[а:] : [е:] : [аь]

[да:жа] — пасться	[де:жа]	[даьжна]
[ла:ма] — учись	[ле:ма]	[лаьмна лаьмма]
[ха:да] — разорвись	[хе:да]	[хаьдда]

[а] : [а] : [е]

[малар] — пить	[молу]	[мели]
[гасар] — посыпать	[госу]	[геси]
[лахар] — искать	[лоху]	[лехи]

[а] : [о] : [аь]

[гIаттар] — встать	[гIотту]	[гIаьтти]
[хаттар] — спросить	[хотту]	[хаьтти]
[д:аккхар] — отнять	[доккху]	[даьккхи]

инфинитив	наст. вр.	только что прош. вр.
-----------	-----------	----------------------

[a:] : [o:] : [e:]

[a:ла] — скажи	[o:лу]	[e:ли]
[ла:ра] — высчитывай	[ло:ру]	[ле:ри]
[ла:ца] — поймай	[ло:цу]	[ле:ци]

[a] : [e] : [e]

[дакха] — соси	[декха декхе]	[декхи]
[хаза] — слушай	[хеца хезе]	[хези]
[лата] — дерись	[лета лете]	[лети]

Все эти глаголы сохранили восходящие к нахскому языку-основе корневые гласные в основах повелит. накл., инфинитива и масдара. Чередования же гласных основ форм наст., только что прош. и др. времен возникли уже после распада нахского языка-основы. Это легко доказывается как внутренней, так и сравнительной реконструкцией, поэтому мы не считаем нужным восстанавливать исходные формы всех приведенных глаголов. Достаточно показать приемы реконструкции на двух-трех примерах. Для упрощения анализа целесообразно сочетать внутреннюю реконструкцию с сравнительной. Например, в чеберл. диалекте глагола *таса* — «посыпать» имеет форму наст. вр. от *тасо*. В этом диалекте глагол не подвергся вторичному чередованию. Аналогичную форму наст. времени имеет данный глагол и в бацб. Следовательно, данные внутренней реконструкции (т. е. чеберл. диалекта) и сравнительной реконструкции (т. е. бацб. языка) показывают, что литературная форма [тосу] образовалась от [тасо] путем вставки конечного (аффиксального) [о] внутрь основы. В дальнейшем прямая губная гармония способствовала появлению конечного [у]. Таким образом, *тосу* < **тос* < **тасо*; *лоху* < **лох...* < **лахо* и т. д.

Продолжая сочетать внутреннюю и сравнительную реконструкции для исторического анализа данных чеч. языка, мы устанавливаем, что в чеберл. диалекте чеч. языка и в бацб. имеем форму только что прош. времени — *таси*; по закону вторичного чередования в литературном языке эта форма должна была преобразоваться путем вставки аффиксального [и] внутрь основы: *таси* > *тауси*. В дальнейшем *тауси* дало *теси*; следовательно, современные *теси*||*теса* < *тауси** < *таси*; *лехи*||*леха** < *лаухи** < *лахи* и т. д. Все эти чередования являются грамматическими, историческими, обусловленными умлаутом типа немецкого, интенсивно развившимся в чеч. языке во времена его самостоятельного развития.

Ниже приводятся примеры, из которых видно, что вторичным чередованием охвачены все формы: инфинитива, повелит. накл., наст. времени, только что прош., недавнопрош., а также и другие глагольные формы, образованные от приведенных выше:

инфинитив	наст. время	только что прош. время	недавно прош. время
[у:]	[у:]	[уь:]	[уоь уь:]
[ду:хар] — одеть	[ду:ху]	[дуь:хи]	[дуоь:хна]
[ту:дар] — надеть на ноги лепкую обувь	[ту:ду]	[туь:ди]	[туь:дина]
[ту:сар] — накалить (сталь)	[ту:су]	[туь:си]	[туь:сина]
[ау оу] :	[ау оу] :	[оуь еу(абу)] :	[абу еу]
[Iаушар Iоушар] — (по)жевать	[Iаушу Iауша] Iовшу]	[Iоушии Iеу- шии) Iабушии]	[Iеушина (Iабушина)]
[Iаудар Iоудар] — выжать	[Iауда Iоуду]	[Iоуди (Iеуди) Iауди]	[Iеудина (Iабудина)]
[кѣаукѣар кѣоу- кѣар] — загреметь	[кѣоукѣу кѣеукѣа]	[кѣеукѣира]	[кѣеукѣина]
[уо:] .:	[у:] :	[уь:]	
[туо:хар] — уда- рить	[ту:ху]	[туь:хи]	(<туихин)
[дуо-лар] — зарядить	[ду:лу]	[дуь:ли]	—
[дуо:хар] — надевать	[ду:ху]	[дуь:хи]	(<дуихин)
[ие:] :	[уоь:] :	[и:]	
[дие:хар] — просить	[д-уоь:ху]	[ди:хи]	
[ие:цар] — купить	[уоь:цу]	[и:ци]	
[лие:лар] — ходить, гулять	[луоь:лу]	[ли:ли]	
[ие] :	[уоь] :	[и]	
[иехар] — ходить	[уоьху]	[ихи]	
[лиелхар] — взры- ваться	[луоьлху]	[лилхи]	
[хуотгар] — соеди- нить	[хуоьтту]	[хитти]	
[уо] :	[у] :	[уоь]	
[кхуоссар] — бросить	[кхуссу]	[кхуоьсси]	
[дуохкар] — продать	[духку]	[дуоьхки]	
[хуотгар] — соединить	[хутту]	[хуоьтти]	
[и:] :	[уь:] :	[и:]	
[кхи:сар] — бросать	[кхуь:су]	[кхи:си]	
[ти:сар] — сыпать	[туь:су]	[ти:си]	
[ми:лар] — пить	[муь:лу]	[ми:ли]	

Здесь представлены далеко не все возможные типы чередований гласных в именных и глагольных основах. Эти чередования в основном являются историческими, хотя некоторые из них в отдельных диалектах (например, в чеберл.) все еще воспринимаются как фонетические чередования.

Среди приведенных примеров следует различать глаголы двух типов:

1) глаголы, которые имеют корневые лабиализованные дифтонги в основах повелит. накл., масдара, инфинитива, образовавшиеся в результате выпадения согласного, следовавшего за гласным основы. Такой согласный может и отсутствовать в исходных основах некоторых из этих глаголов. Так, краткий корневой монофтонг превратился в долгий лабиализованный дифтонг в одних случаях и в краткий лабиализованный дифтонг в других. Такие дифтонги возникают в основах с исходным монофтонгом [a] или лабиализованным монофтонгом;

2) глаголы, которые имеют корневые дифтонги и долгие монофтонги переднего ряда в основах повелит. накл., инфинитива и масдара, образовавшиеся (дифтонги и монофтонги) путем выпадения согласного, следовавшего за корневым гласным. Такой согласный может и отсутствовать в исходных основах этих глаголов.

Здесь относятся: *Јавшар||Јовшар* [Јаушар||Јоушар]—«жевать», *дохкар* [доухкар]—«продать», *давзар||довзар* [даузар||доузар]—«узнать, узнавать», *кхоссар* [кхуоссар]—«бросить», [ду:хар]—«одеться, обуться» и др. Нелегко доказать приемами внутренней реконструкции, что осложнение корневых гласных указанных глаголов дополнительными фонетическими признаками произошло уже после распада нахского языка основы. Рассматриваемый процесс при этом предшествовал действию закона вторичного чередования в различных формах этих глаголов. Однако, если мы, забегая вперед, обратимся к приемам сравнительной реконструкции, то без особого труда сможем проследить историю развития форм анализируемых глаголов

Из сравнительного анализа фактов инг., чеч. и бацб. языков видно, что выпадение согласного, следующего за корневым [a] и образующего закрытый («корневой») слог, в чеч. приводит к образованию дифтонга [au], который по закону обратной губной гармонии или вследствие вставки конечного аффиксального [y]—аффикса наст. времени—внутри основы может дать [ou]: ср. чеч. *Јаушар*>*Јоушар*, бацб. *Јапшар*—«жевать», чеч. *даузар*>*доузар*, бацб. *даццар*—«узнать, быть знакомым» и др. Образовавшиеся таким путем формы подвергаются вторичному чередованию в формах только что прош., недавнопрош. времен, а также в формах, образованных от них: [Јауши||Јоуши]<[*Јапуши||*Јопуши]; *Јаушина*||*Јоушина* и т. д.

Согласно действующему в чеч. языке фонетическому закону общенахский корневой краткий монофтонг [o] в закрытом слогe регулярно переходит в дифтонг [uo]: ср. чеч. *кхуоссар*, бацб. [кхосар], чеч. [доухкар], бацб. [дохцар] и т. д.

Образовавшиеся таким образом формы в дальнейшем также подвергаются вторичному чередованию в формах только что прошедш., недавнопрош. времен и в производных от них временах: *кхуоисси*< * *кхуоисси* < * *кхосс-и*, *доухки* < * *доухки* < * *дохки* и т. д.

Среди непроезводных глаголов встречаются и глаголы второго типа, т. е. глаголы корневые, палатализованные гласные которых образовались вследствие выпадения согласного, стоявшего после гласного основы: *хыйсар* [хы:са]—«смотреть (субъект во мн. ч.)», [кхие:рар]—«бояться», [лие:дар]—«говорить», [ди:цар]—«рассказывать» и т. д.

Как и при анализе глаголов первого типа, здесь приходится прибегать сначала к приемам сравнительной реконструкции, а затем, в связи с вторичным чередованием, и к внутренней реконструкции. Как уже говорилось выше, указанные примеры имеют общую основу в инфинитиве, масдаре и повелит. накл. Но и гласный этой основы так же, как и основы временных форм изъявит. накл., — вторичного образования:

основа инфинитива, масдара и повелит. накл.	наст. время	только что прош. время	недавнепрош. время
[хьи:с...]	[хьуь:с-у]	[хьи:с-и]	[хьи:с-и-на]
[кхие:р...]	[кхуоь:ру]	[кхи:р-и]	[кхи:р-и-на]
[лие:..]	[луоь:]	[ли:]	[ли:-на]
[ди:ц...]	[дуь:ц-у]	[ди:ци]	[ди:ц-и-на]

Трудно объяснить происхождение гласной основы инфинитива, масдара и повелит. накл. по внутренней реконструкции. Сравнительная реконструкция легко объясняет этот процесс: из баэб. [хьепсар] видно, что в чеч. [хьи-сар] выпал *-п-*, вследствие чего звук [e] перешел в открытом слоге в долгий звук [и:], баэб. [кхерлзар] дает основание утверждать, что в чеч. корневая форма [ие:]: [кхие:рар] — результат выпадения *лз*, приведшего к переразложению основы и превращению первого закрытого слога в открытый слог. В сущности говоря, аналогичные процессы мы наблюдаем и в глаголах: баэб. [левдар], чеч. [лие:р-а], баэб. [депцар], чеч. [ди:цар]. Таким образом, баэб. язык сохранил формы, отражающие более древнее состояние функционирования данных глаголов: чеч. [хьи:сар] < * [хьепсар], [кхие:рар] < * [кхерлзар], [лие:р-а] (а также [лие:дар]) < * [левдар]; [ди:цар] < * [депцар] и т. д.

Сравнительная реконструкция в масштабе всех нахских языков не дает непосредственного объяснения происхождению приведенных временных форм в соответствии с законом вторичного чередования. Это и понятно. Вторичное чередование в его полном проявлении — продукт развития вейнахских языков после распада нахского языка-основы. Кроме того, надо учесть, что вторичное чередование в чеч. языке существенно отличается от вторичного чередования в инг. языке. Поэтому внутренняя реконструкция лучше всего объясняет происхождение анализируемых временных форм. Так, формы наст. времени образовались в результате вставки аффиксального конечного лабиализованного гласного внутрь основы: [хьуь:са] < * [хьи:с̄о], [кхуоь:р] < * [кхие:рал̄о]; [луоь:] < * [лие:д̄о] < * [ле...д-о]; [дуь:ц] < * [ди:цо] < * [деицо] < * [де...цо]. В дальнейшем возникла прямая губная гармония гласных (прогрессивная дистанционная ассимиляция), которая привела к образованию современных форм: [хьуь:су], [кхуоь:ру] и т. д.

Вторичное чередование специфически проявляется в производных, а также в понудительном накл. и в формах потенциалиса. В производных глаголах вторичному чередованию подвергается только спрягаемая последняя часть, которая представляет собой обычно вспомогательный глагол, выполняющий грамматические функции. Так, если производный (сложный, составной) глагол представляет собой сочетание имени с вспомогательным (спрягаемым) глаголом *д-ар* — «делать», то вторично-

му чередованию подвергается последний, а смысловая часть не изменяется:

масдар	наст. вр.	только что прош. время	недавнепрош. время
[а:сардар] — полоть	[а:сар-дуо]	[а:сарди]	[а:сардина]
[гIуодар] — помогать	[гIуодуо]	[гIуоди]	[гIуод-и-на]
[дагада:р — вспомнить	[дагадо:гIу]	[дагадиеи]	[дагадие-ина] дагадиеана

Смысловая часть этих глаголов выражена основами имен существительных: [а:сар] — «сорняк, сорная трава в поле», [гIуо] — «помощь», [дага < дуог] — «сердце».

Переходные глаголы образуются путем сочетания основы непереходного глагола с вспомогательным глаголом *дар* — «делать». При самостоятельном спряжении непереходного глагола, ставшего смысловой частью производного переходного глагола, наблюдается чередование гласных основ (например, масдар [да:жар], наст. время [де:жа], только что прош. [де:жи] и т. д.). Но в составе переходного глагола основа непереходного глагола, ставшая смысловой частью производного переходного глагола, остается неизменяемой.

масдар	наст. время	только что прош. время	недавнепрош. время
[да:жадар] — пасти	[да:жадуо]	[да:жади]	[да:жадина]
[хабадар] — сморщить, гофрировать	[хабадуо]	[хабади]	[хабадина]
[дададар] — похитить, украсть	[дададуо]	[дадади]	[дадади-на]
[дакхадар] — кормить прудью	[дакхадуо]	[дакхади]	[дакха-д-и-на]
[дакъадар] — сушить	[дакъадуо]	[дакъади]	[дакъа-д-и-на]

Аналогичное явление наблюдается и в формах потенциалиса, повелительного накл., а также во всех формах, образованных от производных глаголов, посредством вспомогательных (связочных) глаголов: [да:лар] — «кончать», [дита] — «оставить», [далар] — «давать» и др.

Повелительные формы

масдар	наст. время	только что прош. время	недавнепрош. время
[да:жадайта] — заставь, позволь пасти	[да:жадойту]	[да:жадайти]	[да:жадайт-и-на]
[дададайта] — заставь увести	[дададойту]	[дададайти]	[дададайт-и-на]

и т. д.

В этих примерах повторяются особенности вторичного чередования, характерные для данного вспомогательного глагола при его самостоятельном спряжении:

потенциалис	наст. время	только что прош. время	недавнопрош. время
[да:жадалар]— быть в состоянии пасти	[да:жалуо]	[да:жадели]	[да:жаделла]
[дакхадалар]— быть в состоянии кормить-ся грудью	[дакхалуо]	[дакхадели]	[дакхаделла]

и т. д.

От этих форм потенциалиса могут быть образованы повелительные формы:

маслар	наст. время	только что прош. время
[дакжадали:та]— поволь, заставь сүшиться	[дакжадолуь:ту]	[дакжадали:ти]
[дакхадали:та]— поволь, разреши кормиться грудью	[дакхадалуь:ту]	[дакхадали:ти]

и т. д.

Как видно из изложенного, в чеч. языке первичное и вторичное чередования в глагольных основах не являются столь сложными, как в именных основах.

Сложность первичного и вторичного чередований в именных основах обусловлена переплетением, перекрещиванием, смешением, наложением ряда явлений. Приведем их перечень:

- 1) образование фонетических явлений, обусловленных первичным чередованием;
- 2) образование фонетических явлений, обусловленных вторичным чередованием;
- 3) наложение вторичного чередования на первичное;
- 4) смешение фонетических процессов, обусловленных первым (лабиальным) и вторым (палатальным) типами первичного чередования;
- 5) смешение фонетических процессов, вызванных первым (лабиальным) и вторым (палатальным) типами вторичного чередования;
- 6) возникновение прямой губной гармонии гласных;
- 7) возникновение прямой палатальной гармонии гласных;
- 8) унификация падежных основ по аналогии;
- 9) унификация падежных основ на базе основы род. п. ед. ч.;
- 10) унификация падежных основ, исходя из основы эрг. п.;
- 11) унификация падежных основ, исходя из основы им. п.;
- 12) влияние образования закрытых слогов на структуру именных основ и систему падежей, роль закрытого слога в образовании новых фонем;
- 13) влияние образования открытых слогов на структуру именных основ и на систему падежей; роль закрытого слога в образовании новых фонем;

14) выпадение согласных из состава закрытых слогов именных основ; влияние этого явления на изменение вокализма именных основ.

Все эти процессы сильно осложнили вокализм именных основ, структуру последних.

ФОНЕТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В ИНГУШКОМ ЯЗЫКЕ

Для ингушского языка характерны следующие фонетические явления: регрессивная ассимиляция, губная гармония гласных, небная гармония гласных, метатеза, эпентеза, наращение звуков, выпадение гласных и согласных, переход краткой фонемы [и] в определенной позиции в сильно редуцированный звук [ə], историческое чередование звуков, восходящих и нисходящих к общенахскому языку-основе, образование вторичных долгот путем стяжения гласных. Процессы образования монофтонгов и дифтонгов переднего ряда и монофтонгизация дифтонгов в ингушском языке представлены значительно слабее, чем в чеченском.

Те звуковые явления, которые носят общий характер, в чеченском и ингушском языках и которые рассмотрены нами в чеченском, не будем воспроизводить здесь и ограничимся ссылкой на данные чеченского языка.

Регрессивная ассимиляция

В противоположность прогрессивной ассимиляции, характерной для чеченского языка, в ингушском происходит регрессивная ассимиляция в тех же условиях, в которых в чеченском наблюдается прогрессивная ассимиляция, но далеко не во всех случаях.

Регрессивная ассимиляция происходит при образовании перфектного причастия (прошедшего времени) от глагольных основ с конечным л:

Повелит. накл.	Перфектное причастие
[а:ла] — скажи	авнна < авлна < алина
[мала] — выпей	менна < мелна < малина
[лие:ла] — ходи	лийнна < лийлна < лийлина
[хила] — будь	хинна < хилна < хилина

В этих примерах корневой л уподобляется аффиксальному н (из состава аффикса перфектного причастия на).

Прогрессивная ассимиляция

Если же перфектное причастие образуется от основ глаголов, оканчивающихся на т, д, то происходит, как и в чеченском, прогрессивная ассимиляция, т. е. аффиксальный н уподобляется корневому согласному т или д:

Повелительное наклонение	Перфектное причастие
[хие:та] — кажись	[хьет-та]
[кхие-та] — пойми	[кхьет-та]
[ида] — бегай	[идда]
[дада] — беги	[дедда]

Ингушский язык допускает целый ряд исключений из этого правила:

[а:га] — кроши	[ав:га:]
[лата] — борись, дерись	[лета]
[ха:да] — оборвись, разорвись	[хав:да]

Губная гармония гласных

В ингушском языке наблюдается первичная и вторичная обратная губная гармония, как и в чеченском. Первичная губная обратная гармония в инг. происходит в основном в тех же условиях и в тех же исконных именах существительных, в каких она наблюдается в чеч. и бацб. языках. В некоторых случаях первичная обратная губная гармония гласных выявляется даже там, где она отсутствует в чеченском и ингушском (например, в слове *воша* — «брат» первичной обратной губной гармонии подвергся корневой гласный, тогда как в чеченском и бацбийском сохраняется исходный корневой гласный [а].

Небная гармония гласных

Как и в чеченском, в ингушском встречается небная обратная гармония первичного и вторичного происхождения. И все же между чеченским и ингушским языками и в этом отношении обнаруживаются существенные расхождения. Так, например, в глаголах [д-ие:], [дие:кѳа] и некоторых других во всех нахских языках обнаруживается первичная небная обратная гармония гласных (исходные гласные в этих глаголах [а] и [а:]: *дар* — «делание», [да:кѳа] — «доля»). Вторичная обратная небная гармония происходит в *йиша* (бацб. [йашо] — «сестра», эс(а) (бацб. аса) — «теленок», *йиш* (эрг. п. [а:шаруо:]) — «голос, песня» и др. Между тем во многих глаголах, в которых в чеченском наблюдается вторая обратная небная гармония, в ингушском она отсутствует:

чеч.	инг.	чеч.	инг.
повелит. накл.		настоящ. время	
[да:жа]	[да:жа] — пастись	[де:жа]	[дадж]
[да:ха]	[да:ха] — живи	[де:ха]	[дах]
[да:ша]	[да:ша] — уважай, считайся	[де:ша]	[даш]
[кѳа:га]	[кѳа:га] — блести	[кѳе:га]	[кѳаг]
[ха:да]	[ха:да] — разорвись, оборвись	[хе:да]	[хад]
[дахка]	[дахка] — плодись, рожай	[дехка]	[дахк]
[лаза]	[лаза] — побаливай	[лаза]	[ладз]
[лаба]	[лаба] — удовлетворишься	[ле:ба]	[лаб]
[кхалха]	[кхалха] — переселись, умри	[кхелха]	[кхалх]

Встречаются глаголы, в которых чеченской обратной небной гармонии в ингушском соответствует обратная губная гармония (в этом случае глагол, двусложный в чеченском, становится односложным в ингушском: масдар чеч. *Ialap*, инг. *Ia:p* [Ialap] — «накопиться», наст. время чеч. *Iabla*, инг. *Iov*).

Редукция гласных

Редукция гласных в ингушском наблюдается значительно чаще, чем в чеченском. В формах настоящего времени сильная редукция конечных гласных приводит к их отпадению (*аха* — «паши», *ахка* — «копай», наст. вр. *оах*, *оахк*).

Редукции подвергаются конечные гласные в формах повелительного наклонения от двух- и более сложных глаголов: [сатта] — «согнись», [таба] — «приткнись», [тарка] — «качнись», [дат/тла] — «лопни».

Если в первом слове двухсложном, во втором слове трех- и более сложного глагола имеется долгая фонема, то редукция конечного глагола бывает более сильная: [ха:да] — «оборвись», [да:ха] — «живи», [биги:та] — «заставь увезти», [дладие:ха] — «попроси, потребуй».

Редукция гласных в середине и конце слова в ингушском языке имела такие же последствия, какие были отмечены нами в чеченском языке.

Выпадение звуков

Выпадение звуков, наблюдаемое в ингушском чаще, чем в чеченском, имело серьезные последствия для развития грамматического строя ингушского языка.

Важнейшими из этих последствий являются следующие:

1) В результате выпадения конечного гласного в формах настоящего времени (или вставки этого звука внутрь основы) образовались закрытые слоги:

а) долгий монофтонг [а:] превратился в краткий дифтонг *оа*: повел. накл.: [а:ха] — «паши», [а:та] — «кроши, дроби», [кха:ча] — «достигни»; наст. время *оах*, *оат*, *кхоач* (ср. чеч. [о:ху], [о:ту], [кхо:чу], бацб. [а:хо]; [а:то]);

б) полудолгий открытый [а] — в краткий дифтонг *оа*: [даккха] — «отними», [хатта] — «спроси», [хьаста] — «приласкай», наст. время: *доаккх*, *хоатт*, *хьоаст* (ср. чеч. *доккху*, *хотту*, *хьосту*);

в) долгий монофтонг [а:] — в краткий [а]: [къаьга] «заблести», [ха:да] — «оборвись»; наст. время: [къаг], [хад];

г) долгий дифтонг [ие:] — в краткий дифтонг [ие]: [дие:за] — «люби», [дие:ка] — «крикни, звени», [кхие:та] — «пойми», [тие:ша] — «верь»; наст. время: [диедэ], [диек], [кхиет], [тиеш].

2) Вследствие выпадения конечного согласного в глагольных формах образуются долгие дифтонги: [д-ие:] — «делай» (бацб. *деб*), [люо:] — «иди» (бацб. *либ*), [глюо] — «иди» (бацб. *глоб*), *хьуо* — «унеси» (бацб. *хьоб*), [лие:] — «говори» (бацб. *лев*).

3) В системе склонения выпадение сонанта *н* из состава аффикса дат. п. *на* перед конечным гласным именной основы вызывает стяжение гласных и образование долгого (прерывистого), а [а:] в качестве формата дательного падежа: им. п. ед. ч. *глюв* — «засов», дат. п. [гловра:], *гловрана*, им. п. ед. ч. *нув* — «веник», дат. п. ед. ч. [новра:], *новрана* и т. д. Аналогичный процесс наблюдается при образовании перфектного причастия от некоторых глаголов.

Аффрикатизация спирантов з и ж в конечном положении

В чеченском языке мы отмечаем деаффрикатизацию *дз* и *дж* в середине и конце слова. В ингушском языке в конечном положении наблюдается, наоборот, аффрикатизация спирантов *з* и *ж*: [*даржо*]—«распространись», [*да:жа*]—«пасись», [*дие:за*]—«люби», [*хаза*]—«услышь»; наст. время изъявит. накл. *дардж*, *дадж*, *диедз*, *хадз* и т. д.

В первых двух примерах шипящий спирант *ж* является первичным, он сохраняется в середине слова во всех нахских языках: чеч., инг., бацб. *дарж(а)*—«распространись» [*да:ж(а)*]—«пасись»; наст. вр.: чеч. *давржа*, *дажа*, бацб. *даржо*, *дажо*.

Свистящий спирант *з* в третьем и четвертом примерах—вторичного происхождения. В чеченском и ингушском произошла деаффрикатизация *дз* в середине слова (*диеза*, *хаза*), в бацбийском аффриката *дз* подверглась обруптивации: *децI*, *хацI*. Тем не менее в современном ингушском аффриката *дз* в формах наст. вр. (*диедз*, *хадз*) воспринимается как результат аффрикатизации *з*, поскольку в более древней, исходной форме повелит. накл. мы имеем *з* (вследствие того, что в ингушском деаффрикатизация *дз* произошла в середине слова независимо от исторической последовательности происхождения глагольных форм).

Нарращение именных основ

Ингушский язык также сохранил именные основы, наращенные звуками *н*, *р*, *рч*. Однако между чеченским и ингушским языками, наряду со схождениями, существуют и расхождения в использовании наращенных основ:

а) в наращенных основах с *н*: *пха*—«жила», им. п. мн. ч. *пхьа*—«наш», *дуог*—«сердце», им. п. мн. ч. *дегаиш* (ср. чеч. *дег-н-аиш*);

б) в наращенных основах с *(а)р||р(а)*: *наб*—«сон», им. п. мн. ч. *набараш*; *диг*—«топор», им. п. мн. ч. *догараш* (ср. чеч. *дагарш*), *тIум*—«костный мозг», им. п. мн. ч. *тIомараш* (ср. чеч. *тIамарш*);

в) в наращенных основах с *рч*: *ча*—«медведь», им. п. мн. ч. *ча-рч* (ср. чеч. *че-рч-ий*); *пхьу*—«кобель», им. п. мн. ч. *пхьарч* (ср. чеч. *пхьав-рч-ий*); *уст*—«бык», им. п. мн. ч. *шерч* (ср. чеч. *сту*, им. п. мн. ч. *стерчий*, где инг. *-ш* соответствует *ст(c||т)*);

г) в наращенных основах с *л*: *шод*—«кнул», им. п. мн. ч. *шода-маш*, *Iад*—«лук» (оружие); им. п. мн. ч. *Iада-рч* (ср. чеч. *Iод-м-аиш*); *кач*—«воротник», им. п. мн. ч. [*кача:маш*] и др.

Обнаруженные в этих примерах расхождения—позднейшего происхождения. Это видно из сравнительно-исторического анализа системы спряжения.

Удвоение корневого согласного в глагольных основах

В отличие от чеченского языка, в котором наблюдается удвоение корневого согласного в именных и глагольных основах, в ингушском удвоение корневого согласного ограничено незначительным количеством глагольных основ. Объясняется это тем, что в ингушском языке лишь на небольшой круг глаголов распространяется как прогрессивная, так и регрессивная ассимиляция: *ала*—*аьнна*, *мала*—*менна* (см. стр. 301), *хиета*—*хьетта*, *дада*—*дедда* (см. стр. 301).

Удвоение корневого согласного в тех именных основах, в которых в чеченском оно происходит, в ингушском отсутствует: *бух*—«дно», им. п. мн. ч. *бовха-маш* (чеч. *бах-х-аиш*); *вир*—«осел», им. п. мн. ч. *зараиш* (чеч. *вар-р-аиш*); *бухь*—«верхушка, макушка», им. п. мн. ч. *бовхьаиш* (чеч. *баххьаиш*).

Исторические (грамматические) чередования гласных именных и глагольных основ в ингушском языке

При рассмотрении фонетических процессов в нахских языках основным вопросом является вопрос об исторических (грамматических) чередованиях гласных именных и глагольных основ. Эти чередования сыграли основную роль в перестройке структур именных и глагольных основ. Вот почему пришлось уделить столь значительное внимание грамматическим чередованиям в чеченском языке.

Учитывая все это, мы рассмотрим в ингушском языке лишь те грамматические чередования в именных и глагольных основах, которые являются специфическими для этого языка и отличают последний от чеченского и бацбийского. Этому требует и краткость изложения, обусловленная спецификой данной монографии.

Чередования гласных именных основ в ингушском языке

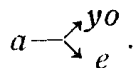
В ингушском языке, как и в чеченском, переkreщиваются фонетические явления, обусловленные первичным и вторичным чередованиями. Так, еще в нахском языке-основе первый тип первичного чередования обусловил переход исконного [a] в губной монофонг [o] в таких словах, как *[дог], *[болх]. После распада нахского языка-основы в период существования вейнахской общности монофонг [o] превратился в дифтонг [yo] (в соответствии с законом перехода общенахского корневого [o] в закрытых слогах в дифтонг [yo]): чеч., инг. [дуог], [буолх]. В дальнейшем на эти фонетические процессы своеобразно наслаивается второй тип вторичного чередования в чеченском и ингушском языках. Своеобразие этих процессов в ингушском языке видно из анализируемых ниже фактов. Здесь, как и в чеченском, параллельно приходится пользоваться внутренней и сравнительной реконструкциями.

Характерные для чеченского языка некоторые исторические чередования гласных именных основ в ингушском последовательно не повторяются:

|yo| — |e|

Ед. ч.			Мн. ч.
им. п.	род. п.	эрг. п.	им. п.
<i>дуог</i> — сердце	<i>дега</i>	<i>(дегуо:)</i>	<i>дегаьш</i>
<i>буолх</i> — работа	<i>белха</i>	<i>(белхуо:)</i>	<i>белхаш</i>

Из первичного чередования гласных именных основ исконного происхождения следует, что в приведенных формах слов исходным корневым гласным звуком является краткая фонема [a]¹ заднего ряда среднего подъема, которая превратилась в дифтонг [yo] в им. п. ед. ч. вследствие вставки внутрь корня конечного лабиализованного звука и в монофонг [e] под воздействием аффиксального [и], представляющего собой гласный элемент форманта род. п. ед. ч. [-ин]. Таким образом, исходная фонема [a] в падежных формах представлена следующими гласными:

¹ А. А. Шифнер. См. приложение «Чеченские штудии» к работе П. К. Услара «Чеченский язык», Тифлис, 1888.

Это подтверждается данными чеченского языка, в котором исходный монофтонг [a] сохраняется в ряде косвенных падежей: *дагуо* (эрг. п.), *балхуо* (эрг. п.). При образовании форм некоторых других падежей от рассматриваемых слов обнаруживаются и другие существенные расхождения между чеченским и ингушским в употреблении указанных корневых гласных:

Чеченский язык				Ингушский язык			
Ед. ч.				Ед. ч.			
им. п.	род. п.	дат. п.	эрг. п.	им. п.	род. п.	дат. п.	эрг. п.
<i>муотт</i> — язык	<i>меттан</i>	<i>маттана</i>	<i>маттуо</i>	<i>муотт</i>	<i>метта</i>	<i>меттаа</i>	<i>меттуо</i>
<i>дуош</i> — слово	<i>дешан</i>	<i>дашна</i>	<i>дашуо</i>	<i>дуош</i>	<i>деша</i>	<i>дешаа</i>	<i>дешуо</i>

Из этих примеров следует, что в чеченских дат., эрг. падежах сохраняется фонема [a], первичность которой доказывается первичным чередованием гласных основ, в то время как в ингушском произошла «унификация» основы косвенных падежей. С этой целью всеми косвенными падежами была использована основа род. п. ед. ч., возникшая под влиянием аффиксального [u]: *метта(н)* < маиттн < маттин*; *деша(н) < *дашин < дашин*. Следовательно, ингушские формы *меттаа*, *меттуо*, *меттаца* соответственно восходят к *маттаа < маттана*, *маттуо*, *маттаца*. Чеченские примеры позволяют нам, руководствуясь фонетическим законом первичного чередования корневых гласных, восстановить исходную основу в ингушских формах косвенных падежей (данных слов).

В некоторых случаях, наоборот, ингушские примеры дают основание воспроизвести исходную основу в чеченских формах косвенных падежей. Например, в инг. *Ia* — «зима», род. п. *Iан*, дат. п. *Iанна*, эрг. п. *Iануо* показывают, что в чеч. род. п. *Iаьнан*, дат. п. *Iаьнна*, первый *н* — фонетическое наращение), *Iа-н-на*, *Iа-нуо* и т. д.

В дальнейшем, рассматривая исторические чередования гласных в именных основах в ингушском языке, мы будем учитывать эти особенности фонетических процессов.

[o] — [e] — [o]		
Ед. ч.		
им. п.	род. п.	эрг. п.
<i>воша</i> — брат	<i>веший</i>	<i>вошас</i>

В косвенных падежах чередуются [e] и [o] (в одних формах [e], а в других [o]). Данные чеченского языка показывают, что исходная основа эрг. п. *-аш*; ср. чеч., бацб. *в-ашас*. Из этого следует, что инг. *вошас* восходит к *в-ашас*, т. е. [o] < [a].

Исконные имена существительные — односложные и двусложные, сохраняя первичную фонему [a] в форме им. п. ед. ч., заменяют ее в косвенных падежах гласным переднего ряда (*оь* или *е*) под влиянием аффиксального [u] из состава аффикса род. п.

[a] — [аб:] | [ие]

Ед. ч.		
им. п.	род. п.	дат. п.
[ц а] — дом	[ц иен]	[ц иенна]
[лай] — раб	[лаб:]	[лаб:на]
[тай] — нитка	[таб:]	[таб:на]
[бай] — трава	[баб:]	[баб:на]
[сай] — олень	[саб:]	[саб:на]

и т. д.

Основа косвенных падежей, образованных от приведенных слов, восходит к *ц|а* (*ц|а-ин* > *ц|иен*) *ла...*, *та...*, *ба...* (*лай-ин* > *лаб...*, *тай-ин* > *таб...* *бай-ин* > *баб...*).

Ряд односложных слов типа открытого слога вместо исходного корневого гласного [а] в косвенных падежах имеет монофтонг [и], появляющийся под влиянием аффиксального [и]:

[а] — [и]

Ед. ч.		
им. п.	род. п.	эрг. п.
[са] — душа	<i>син</i>	<i>синна</i> [синуо:]
[к̄а] — грех	<i>к̄ин</i>	<i>к̄инна</i> [к̄инуо:]

Вместе с тем многие имена существительные сохраняют корневой [а] и в косвенных падежах:

Ед. ч.			
им. п.	род. п.	дат. п.	эрг. п. и т. д.
<i>Ia</i> — зима	<i>Iан</i>	<i>Iанна</i>	[Iануо:]
<i>ча</i> — солома	<i>чан</i>	<i>чанна</i>	[чавуо:] (по Яковлеву <i>чавва</i>)
<i>ча</i> — медведь	<i>чай</i>	<i>чайна</i>	[чайвуо:] (по Яковлеву <i>чайва</i>)
<i>кха</i> — земельный участок	<i>кхай</i>	<i>кхайна</i>	[кхайвуо:] (по Яковлеву <i>кхайва</i>)

В чеченском языке произошла унификация склонения существительных *ча* — «солома» и *ча* — «медведь» в косв. п. ед. ч. на базе основы род. п. ед. ч.: *ча*, род. п. *чен*, эрг. п. *ченуо*, дат. п. *чена* и т. д.

В формах косвенных падежей иногда наблюдается чередование исходного монофтонга [а:] или [а] с гласным переднего ряда [аб:] или [ав]:

[a:] — [aь:] — [aь||a:]

Ед. ч.			
им. п.	род. п.	дат. п.	эрг. п.
[на:на:] — мать	[наь:на]	[нанна]	[на:нас]
[на:кха] — грудь	[наь:кха:]	[наь:кха:]	[наь:кхуо:]
[нах] — народ	[наь:ха]	[наь:ха:]	[на:ха]

В подобных случаях для образования форм косвенных падежей используются две основы: основа с исходным корневым гласным (*нан...*, *нах...*) и основы род. п. ед. ч. (*наьн...*, *наьх...*). Здесь не произошла «унификация» падежных основ на базе одной из падежных основ.

Заслуживают внимания немногочисленные исконные имена существительные с корневым гласным [и] в им. п. ед. ч. (*диг*—«топор»). Сравнительно-исторический анализ данных чеченского, ингушского и бацбийского языков показывает, что исходным корневым гласным в них является [а].

[и] — [о] : [aь:]

Ед. ч.			Мн. ч.
им. п.	род. п.	эрг. п.	им. п.
<i>диг</i> — топор	<i>догара</i>	[догаруо:]	<i>догараиш</i>
<i>кхи</i> — жена брата мужа	<i>кхин</i>	<i>кхинуо:</i>	<i>кхоний</i>
<i>гийг</i> — живот (их)	[гаь:та]	[гаь:гуо:]	[гаь:гаиш]

Гласная фонема [о] в основе косвенных падежей — вторичного происхождения, это подтверждается данными чеченского [*дагаран*] и бацбийского [*дакI(a)*] языков.

Как показывают рассмотренные нами в соответствующих разделах сравнительно-исторической грамматики нахских языков законы исторического чередования корневых гласных в нахских языках, исходной основой слова *диг* (бацб. *дикI*) является *даг...* Из этого следует, что гласная фонема основы им. п. ед. ч. [и] также вторичного происхождения.

Гийг — производное слово, *гай* — «живот» с уменьшительным словообразовательным аффиксом *г*. Ингушской форме им. п. ед. ч. *гий* в чеченском соответствует [ge:]. В ингушском произошла унификация основы прямого (им. п.) и косвенных падежей на основе формы им. п. ед. ч. [*гий*]. В чеченском сохранилась в некоторых косвенных падежах исходная основа с корневым гласным [а]: *гайна* — «живот» (дат. п.). В ингушском слове (типа закрытого слога) *гий* представлено две основы: основа им. п. ед. ч. с гласным [и] и основа косвенных падежей с гласным [aь:], образовавшаяся путем сочетания исходной основы *га...* с аффиксом род. п. инг: *га-ин* > *гаь*, последняя форма и послужила основой для всех косвенных падежей.

Базой для унификации основы всех падежей послужила форма им. п. слова *кхи*. Однако в им. п. мн. ч. появляется основа с корневым гласным [о]: *кхоний...*

Аналогичным путем доказывается, что в некоторых именах существительных, оканчивающихся на [y] в им. п. ед. ч., исходным корневым гласным является [a]:

yo y — o			
Ед. ч.			Мн. ч.
им. п.	род. п.	эрг. п.	им. п.
<i>шук</i> — свист	<i>шокара</i>	[шокаруо:]	<i>шокараш</i>
<i>мукъ</i> — рукоятка	<i>мукъара</i>	<i>мукъаруо</i>	<i>мукъараш</i>
<i>тум</i> — кукурузная кочерыжка	<i>томара</i>	[томаруо:]	<i>томараш</i>
<i>тлум</i> — костный мозг	<i>тломара</i>	[тломаруо:]	<i>тломараш</i>

Данные чеченского и бацбийского языков показывают, что гласная основы им. п. [y] существительного *тлум* также вторичного происхождения: ср. чеч. формы, например, эрг. п. ед. ч. [тлмаруо:], твор. п. ед. ч. [тлмарца] и т. д.

Исконно нахские слова, имеющие в формах им. п. ед. ч. гласную фонему основы [yo], в косвенных падежах меняют этот гласный звук в составе основы на гласный переднего ряда [e]:

yo : e : a			
Ед. ч.			Мн. ч.
им. п.	род. п.	эрг. п.	им. п.
<i>дуош</i> — слово	<i>деш..</i>	<i>дешуо:</i>	<i>дешаш</i>
<i>дуохк</i> — туман	<i>дехка</i>	<i>дехкуо:</i>	<i>дехкаш</i>

Ингушскому чередованию [yo] в основе им. п. ед. ч. и [e] (в основе косвенных падежей) соответствует в чеченском [yo] — [e]—[a]. При этом исходным корневым гласным является [a], как это видно из исторического чередования гласных именных основ в нахских языках: ср. чеч. *дуог* (им. п. ед. ч.), *деган* (род. п.), *дагна* (дат. п.), *дагуо* (эрг. п.), бацб. *докI* (им. п. ед. ч.), *дакIв* (эрг. п.) и т. д.

Данные ингушского языка, относящиеся к историческим чередованиям корневых гласных именных основ, в свою очередь проливают свет на историческое чередование корневых гласных в именных основах чеченского языка. Так, например, в современном чеченском слове [хье:]—«головной мозг» гласным основы всех падежей служит [e:]. Данные ингушского языка свидетельствуют о том, что указанный монофтонг—вторичного образования: ср. *хъоа* (им. п. ед. ч.), *хъай||хъавь* (род. п.), *хъайна||хъавьна* (дат. п.). В ингушском произошла унификация основы всех косвенных падежей, которая (основа) своим происхождением обязана род. п. ед. ч.: *хъай||хъавь* < *хъа-ин*, ослабление аффикса *ин* привело к выпадению *н* (что часто наблюдается в ингушском), а ослабленный гласный элемент аффикса род. п. [и], слившись с предшествующим гласным [а] в одних случаях дал *ай* [хъай...], а в других—*авь* [хъавь].

В чеченском также произошел аналогичный процесс, но с той лишь разницей, что слияние того же аффиксального элемента [и] с корневым гласным дало впоследствии долгий монофтонг [e:]: [хъе] < хъа-ин (слияние двух гласных на стыке двух основ или двух аффиксов (в открытом слоге) — особенно гласного [а] с гласным переднего ряда, обычно дает [e:] или [ue:]. А так как долгие гласные в чеченском и ингушском языках обычно являются сильными, они часто или поглощают или же вытесняют слабые, т. е. краткие гласные. Этим во многом и объясняется вытеснение [а] долгим [e:] во всех формах слова (хъе:) < хъа-ин (исходная форма род. п. ед. ч.).

Вот еще имена существительные, имеющие основы с корневыми гласными в им. п. ед. ч., восходящими к нахскому языку-основе: [хий] — «вода», [чIар] — «рыба», [ша] — «лед», [ха(н)] — «время», [хьу(н)] — «лес», [кIа] — «пшеница», [да:] — «отец», [са] — «душа» и др.

Выше мы рассмотрели факты, в которых многократно перскрещиваются первичное и вторичное чередования. В дальнейшем в центре нашего внимания будут факты, связанные главным образом с вторичным чередованием в ингушском языке.

Односложные имена существительные типа открытого слога, в которых в качестве гласной фонемы основы им. п. ед. ч. выступает дифтонг [оа], в основе косвенных падежей во многих случаях сохраняют исходный монофтонг [а]:

[оа || оа:] — [а]

Ед. ч.			
им. п.	род. п.	дат. п.	эрг. п.
[лоа:] — снег	лай	лайна	лайва
[тIоа:] — сметана	тIай	тIайна	тIайва
[хъоа:] — головной мозг	[хъай хъав:]	[хъайна хъав: на]	хъайва

В приведенных ингушских формах им. п. ед. ч. отразилось вторичное чередование более наглядно, чем в чеченском (ср. [луо:] — «снег», [тIуо:], [хъа]).

В формах *лоа*, *тIоа*, *хъоа* первый элемент дифтонга — результат вставки внутрь корня конечного лабиализованного элемента. Второй элемент этого дифтонга [а] и является исходным корневым гласным, впоследствии осложненным первым элементом [о].

В то же время в ингушском находим имена существительные, имеющие унифицированную основу, связанную с первым типом вторичного чередования, для прямого (именительного) и косвенных падежей:

[оа] — [оа]

Ед. ч.			
им. п.	род. п.	дат. п.	эрг. п.
гIоа — снежный узор	гIоан	гIоана	гIоануо
шоа — сычуг	шоан	шоана	шоануо:
соа — ось	соан	соана	соануо:

В этих примерах в основах косвенных падежей всюду исконный монофтонг [a] заменен дифтонгом [oa] вторичного происхождения.

Аналогичным путем произошла унификация основ именительного и косвенных падежей в следующих именах существительных, в которых гласный основы ов (ou) также вторичного происхождения:

Ед. ч.			
им. п.	рол. п.	дат. п.	эрг. п.
дов — драка	дов..	дов..	дов..
ков — ворота	ков..	ков..	ков..
чов — рана	чов..	чов..	чов..
ц ов — сноп	ц ов..	ц ов..	ц ов..
дж ов — молот	дж ов..	дж ов..	дж ов..
ов — пшено, крупя	ов..	ов..	ов..

В чеченском языке эти существительные имеют основы косвенных падежей с различными гласными:

Ед. ч.			
им. п.	род. п.	дат. п.	эрг. п.
дов	дойн девн	дойна девна	[дойнуо:] [девнуо:]
ков	койн кевн	ковна кевна	[койнуо:] [кевнуо:]
чов	чойн чевн	чойна чевна	[чойнуо:] [чевнуо:]

и т. д.

В качестве основы косвенных падежей в чеченском используется основа род. п., образовавшаяся под воздействием аффиксального [и], входящего в состав формата род. п.: дов + ин > дойн||дев — результат вторичной элентезы.

Факты из бацбийского языка убедительно доказывают, что в чеченских и ингушских формах типа дов, ловзар — «бал» исходным корневым гласным является [a]: ср. бацб. лан|ц|ар — «бал, игра, играть» и др.

Остановимся еще на некоторых именных основах с корневыми гласными, возникшими в связи с вторичным чередованием:

Основа с корневым гласным кратким [ав] и долгим [ав:] в им. п. ед. ч.: аврзи — «орел», аврга — «зеленый, незрелый», авт-туо — «удача» и т. д.

Именные основы с гласным [ав:] обычно встречаются только в ингушском: [ав:сал] — «мягкий, слабый», чеч. [уо:сал]; [ав:ла] — «князь», чеч. [э:ла], [ав:кха] — «дикий», чеч. [а:кха] и др.

Чаще всего в закрытом слоге — [ав], а в открытом — [ав:].

Именная основа с гласным [еи]||[аг] в им. п. ед. ч.

Дифтонг [еи] представлен в примерах, приведенных в «Ингушской

грамматике» З. К. Мальсагова¹. [eun] — «вред, порок», [eupa] — «подошва», [euxhazi] — «бессовестный», [euxhazal] — «грубость, фамильярность».

В «Орфографическом словаре» И. А. Оздоева те же примеры представлены с дифтонгом [ai]. Очевидно, здесь сказывается тенденция к унификации орфографии в чеченском и ингушском литературных языках, а также возможность параллельного употребления этих вариантов.

В чеченском дифтонгам [ei||ai] соответствуют в одних случаях [ai]: [aira] — «подошва», [ain] — «порок, недостаток», в других — трифтонг [yoi]: [yoiila] — «мысль, мечта»; и дифтонг [oi]: [oiuxhazi] — «бессовестный», [oiuxhazalla] — «грубость, фамильярность».

Основа с долгим гласным [Oa:] и кратким [Oa] в им. п. ед. ч.

С долгим дифтонгом [Oa:] [Oa:gy:] — «сторона, бок», [Oa:ca] — «ремень», [Oasap] — «сорная трава», [Oa:xam] — «пахота»².

В «Орфографическом словаре» И. А. Оздоева другой фонетический вариант первого примера: [Oa:glyv]³.

В чеченском дифтонгу [Oa:] в приведенных примерах соответствует долгий монофтонг [a:] [a:gly:] — «сторона, бок», [a:ca] — «ремень», [a:sap] — «сорная трава».

В ингушском дифтонг [Oa:] сохраняется в эрг. п. ед. ч. [Oa:glyo:nyo:], им. п. мн. ч. [Oa:glyoш] в одних словах, а в других — переходит в [aь:]: эрг. п. ед. ч. [aь:cyo:], род. п. [aь:ca].

Между тем в чеченском долгая [a:] всюду сохраняется (в указанных примерах).

Краткий дифтонг [Oa] обычно находим в закрытых слогах: [Oapц] — «тревога», чеч. [opца]; [Oalxazar], чеч. [Olxazar] — «птица» и др.

Ингушские дифтонги [Oa:] и [Oa] особенно интересны для сравнительно-исторического исследования вокализма именных и глагольных основ в вейнахских языках. В них наглядно представлен процесс вставки конечного лабиализованного звука внутрь основы.

Дифтонги [Oa:] и [Oa] встречаются очень часто в именных основах. Ингушским [Oa:] и [Oa] в чеченском соответствуют разные фонемы. Так, ингушскому [Oa:] соответствует в чеченском [o:], [yo:], [a:]

инг.	чеч.
[чloa:ɣla] — крепкий	[чlo:ɣla]
[бloa:ɣla] — столб	[бlo:ɣlam]
[тоа:] — годовалый баран	[туо:]
[кхоа:на] — завтра	[кха:на]
[моа:жа] — желтый	[мо:жа]
[моа:кха] — светло-коричневый	[мо:кха]
[оа:glyoie] — стороны	[a:glyoш]

Именная основа с гласным кратким [uэ] и долгим [ue:] в им. п. ед. ч. По данным Д. Д. Мальсагова⁴, в основах некоторых

¹ З. К. Мальсагов. Ингушская грамматика, стр. 146.

² З. К. Мальсагов. Указ. соч., стр. 191.

³ И. А. Оздоев. Указ. соч., стр. 154.

⁴ Д. Д. Мальсагов. Чечено-ингушская диалектология, стр. 41.

имён дифтонги [ue] и [ue:] чередуются с редко встречающимися в ингушском дифтонгами [uob] и [uob:].

В закрытых слогах [ue] чередуется с [uob]: [киес||куобс] — «полоса скошенного хлеба, сена», [киертие:||куобртие:] — «в головах», [иерг||уобрг] — «клубок»; а также в поздних заимствованиях: [иерсие:||уобрсие:] — «русский», [иездие:||уобздие:] — «вежливый, воспитанный» и т. д.

В открытых слогах редко: [шие:рие||шуоб:рие:] — «широкий» и др.

Все эти слова в чеченском произносятся с дифтонгом [uob], за исключением слова [шуб:ра] — «широкий», в составе которого имеется долгий монофтонг [уь:].

В названиях двух народов [суоб:лие:] — «дагестанец» и [нуоб:г/ие:] — «ногаец» дифтонг [uob:] не может быть заменен дифтонгом [ue:]. Можно предположить, что эти слова проникли в ингушский через чеченский язык. Поэтому форма слова [суоб:лие:] с устойчивым [уь:] могла бы быть заимствованной из чеченского; что же касается слова [нуоб:г/ие:], то оно в чеченском произносится с долгим лабиализованным дифтонгом заднего ряда [уо:]: [нуо:г/ие:].

Дифтонги [uob:] и [uob], а также монофтонг [уь:] в рассматриваемых чеченских примерах — результат наложения второго типа на первый тип вторичного чередования. Если в ингушском варианты приведенных слов с дифтонгами [uob:] и [uob] не являются заимствованными из чеченского, то мы должны допустить, что в ингушском происходило два параллельных процесса: в первом случае сначала произошла вставка конечного лабиализованного звука внутрь основы, затем на этот первый тип вторичного чередования наслаивается второй тип того же вторичного чередования; во втором случае (с дифтонгами [ue:] и [ue] в именных основах) возник второй тип первичного чередования, минуя первый тип, или же здесь позже упростились фонетические процессы путем длабиализации лабиализованных дифтонгов переднего ряда.

Следует отметить и другие наиболее существенные расхождения в гласных именных основ между чеченским и ингушским. Эти расхождения также обусловлены главным образом вторичным чередованием. В основах следующих имен чеченскому [уь] соответствует в ингушском [у]:

Чеч.	Инг.
[туьхи<туих] — соль	[тух]
[туьнкилг туьнкалг] — дымовая труба	[тунгилг]
[Туьрг (<Туирг)] — дыра	[Тург]
[гуьржие:]<[гуиржие:]	[гурджие:]

Чеченскому гласному именной основы [уь] в ингушском соответствует [и]:

Чеч.	Инг.
[хьуьнар] — энергия, способность	[хьинар]
[туьта туьти] — черепная коробка	[тити]
[муьста] — кислый	[миста]
[луьста] — частый, густой	[листа]

Чеченскому долготу [ȳ:] в ингушском соответствует долгий [u:] или [y:]:

Чеч.	Инг.
буьйду [буь:ду] — неспелый, сырой	[би:да]
нуьйду [нуь:ду] — пуговица	[ни:да]
чуьйриш [чуь:риш чуь:раш] — кишки	[чу:раш]

Чеченскому долготу монофтонгу [ȳ:] в именных основах в ингушском могут соответствовать [yob], [yob:], [ue], [ue:]:

Чеч.	Инг.
[ȳ:риг ȳ:раг] — клубок	[yobрг yobрг]
[куь:ра] — ястреб	[куобр киер]
[суь:ли:] — дагестанец	[суоб:лие:]
[куь:са] — безволосый	[кие:са]

Встречаются и такие соответствия гласных именных основ в чеченском и ингушском:

Чеч.	Инг.
[луь:даг луь:диг] — лист кукурузного початка	[луорд]
[вуьшта] — этак	[вуошта]
[чуь:на] — чугунный	[чуо:на]
[хуь:сихуо:] — сторож на бахчах	[хьав:хуо:]
[суь:рие:] — вечер	[саурие:]
[нуь:жа] — наковальня	[на:жирг]

Конечно, не все гласные именных основ в приведенных и им подобных примерах возникли под непосредственным воздействием вторичного чередования. В некоторых словах они могли появиться по аналогии, особенно в таких поздних заимствованиях, как слово «чугунный» и так далее.

Весьма многочисленные дифтонги, встречающиеся в ингушских именных основах, также более позднего происхождения: [ui], [yo], [Oa], [ue], [ou], [ue:], [Oa:], [aьi], [aьv] и др.

Поскольку основные фонетические процессы, обусловленные вторичным чередованием гласных именных основ совпадают, то нет особой необходимости останавливаться на последовательном воспроизведении исходных форм каждого из рассмотренных примеров. Такое детальное изложение этих процессов, как это мы сделали, когда анализировали чеченские материалы, потребовало бы значительного увеличения объе-

ма данной работы. Несомненно, детальный анализ вокализма в ингушском языке следует произвести в специальном исследовании.

Мы же ограничиваемся объяснением происхождения наиболее существенных расхождений между чеченским и ингушским языками в области вокализма именных основ. Так, о вторичном происхождении наиболее специфичного для ингушского языка дифтонга [Oa] свидетельствуют следующие факты: инг. [ɬloa:ɣla]—«крепкий» соответствует чеч. [ɬlo:ɣla], бацб. [ɬla:ɣlo]. Что бацбийский язык отражает общенахское состояние, подтверждает и чеченский язык: чеч. [ɬla:ɣlyo]—«укрепление, обещание». Следовательно, инг. [ɬoa:ɣla] < * [ɬloa:ɣl] < * [ɬla:ɣlo].

Инг. [lɔa:] соответствует чеч. [lyo:], бацб. [lav]—«снег». Исходный корневой гласный в инг. языке сохраняется почти во всех остальных падежах ед. ч.:

им. п.	эрг. п.	род. п.	дат. п.
[lɔa:]	[лаива]	[лаи]	[лаина]

Во мн. ч. во всех падежах произошла унификация основы на базе основы им. п. ед. ч. [lɔa]. В ед. ч. унификация основ всех падежных форм произошла на базе основы род. п. [ла-й < ла-ин]. Таким образом, [lɔa] < * [lav], [лаи < *ла-ин].

Аналогичные результаты дает анализ инг. [tʰlɔa:], чеч. [tʰlyo:]—«сметана». В формах всех падежей ед. ч., кроме им. п. сохраняется исходный гласный [a] в обоих языках:

	чеч.	инг.
им. п.	[tʰlyo:]	[tʰlɔa:]
эрг. п.	[tʰlainyɔ:]	[tʰlaiva]
род. п.	[tʰlain]	[tʰlai]
дат. п.	[tʰlaina]	[tʰlaina]
и т. д.	и т. д.	и т. д.

Следовательно, инг. [tʰlɔa:], чеч. [tʰlyo:] < * [tʰla]; инг., чеч. [tʰlai] < * [tʰlain].

Инг. [tʰliy]—«мост» соответствует чеч. [tʰlai]. Во всех падежах ед. и мн. ч., кроме им. п. ед. ч., гласным основ падежных форм служит [aɸ:], тогда как в чеченском языке мы имеем в род. п. ед. ч. [tʰle:n], а в остальных падежах ед. ч. [tʰlai...].

	чеч.	инг.
им. п.	[tʰlaiɸ]	[tʰliy]
эрг. п.	[tʰlainyɔ:]	[tʰlaɸ:va]
род. п.	[tʰlain]	[tʰlaɸ:]
дат. п.	[tʰlaina]	[tʰlaɸ:na]
и т. д.	и т. д.	и т. д.

Внутренняя и сравнительная реконструкции показывают и в этом примере, что исходным гласным именной основы является [a].

Исходный гласный [u] сохраняется в им. п. и большинстве других основ падежных форм от слова [хий] — «вода», чеч. [хи], бацб. [хи].

Исходный гласный основ слов [шур] — «молоко», [цу] — «толокно» также сохраняется в им., род., дат. и некоторых других падежах (как и в чеченском и бацбийском).

Чередования гласных глагольных основ в ингушском языке

Многое из того, что было сказано о чередованиях гласных глагольных основ в чеченском языке, относится и к ингушскому языку. Поэтому мы не будем более подробно останавливаться на тех, уже рассмотренных нами в чеченском явлениях, которые повторяются и в ингушском языке.

Чередования гласных именных основ, восходящие к нахскому языку-основе и связанные с противопоставлением однократного и многократного видов, в ингушском повторяются: *лацIкъэр* (однокр.) — «спрятаться», *лиецIкъэр* (многокр.) — «прятаться», *лахкэр* (однокр.) — «погнать», *лиехкэр* (многокр.) — «гнать, тонять» и т. д.

Основам однократного вида с гласным [ou] соответствуют основы многократного вида с гласным [yв||yв]:

Многократный вид	
чеч.	инг.
[Iи:дар]	[Iувдар]
[ли:сар]	[лувсэр]
[кхи:сар]	[кхувсэр]
[цIи:зар]	[цIувзэр]
[Iи:шар]	[Iувшэр]
Однократный вид	
чеч.	инг.
[Iоудар] — сжать	[Iоудэр]
[лоусар] — просить	[лоусэр]
[кхуоссар] — бросать	[кхоусэр]
[цIоузар] — завизжать	[цIоузэр]
[Iоушар] — пожевать	[Iоушэр]

В чеченском вместо корневого гласного [ou] может появляться [ay]:- [*Iавдар*], [*лаусар*] и т. д. На основе анализа этих примеров можно показать процесс наслоения первого типа вторичного чередования на первый тип первичного чередования. Внутренняя реконструкция не

располагает данными, на основании которых можно было бы выяснить, как и из каких форм развилась, например, форма [Юушар]. Поэтому мы вынуждены обращаться к сравнительной реконструкции, которая позволяет сравнить инг. [Юуша] с чеч. [Юуша] < [Ауша], бацб. [Апшо]. Мы не знаем пока, что собой представляет согласный элемент -п-, возможно, что здесь мы имеем дело с окаменелым классным показателем. Вставка аффиксального (конечного) лабиализованного звука внутрь основы привела в чеченском и ингушском к выпадению -п- и образованию дифтонга [ау]. Затем под воздействием второго элемента этого дифтонга первый элемент [а] подвергся лабиализации (неполная регрессивная ассимиляция). Таким образом, путем применения сравнительной реконструкции мы устанавливаем: инг. [Юуш] < [Ауш] < * [Апшо]. Модель основы этого настоящего времени и стала моделью основы масдара, инфинитива и повелительного наклонения.

Как видно из приведенных выше таблиц, чеч. [кхуоссар], инг. [кхуо-сар], бацб. [кхоссар], чеч. [Аушар || Юушар], инг. [Юушэр], бацб. [Апшар] соответствуют в многократном виде чеч. [кхи:сар], инг. [кхувсэр], бацб. [кхепсар], чеч. [Иу:шар], инг. [Иувшэр] бацб. [Иепшар].

Из произведенного выше анализа мы видели, что вставка конечного лабиализованного звука внутрь основы формы * [Апшо] обусловила выпадение -п- и образование дифтонга [ау]. Вставка же конечного лабиализованного звука (в соответствии с вторичным чередованием) внутрь основы формы * [Иепшо] приводит к выпадению -п- и образованию дифтонга [-еу]. Следовательно, чеч. [Иу:ша], инг. [Иувш] должна была предшествовать форма * [Иевш]. Если [а] более низкого подъема превращался в [о] под воздействием второго лабиализованного элемента дифтонга, то более высокого (чем [а]) подъема [е] должен был превратиться в [у]. Поэтому в ингушском имеем [Иувш]. Следовательно, сравнительная реконструкция дает основание утверждать: инг. [Иувш] < * [Иевш] < * [Иепшо]. Модель эта стала моделью основы масдара, инфинитива и повелительного наклонения.

Что же касается основы масдара [Иу:шар] в чеченском, то она восходит к основе только что прошедшего времени: [Иу:ши], т. е. модель основы только что прошедшего времени стала моделью основ масдара, инфинитива и повелительного наклонения.

Из сопоставления бацбийских форм однократного и многократного видов глаголов хьанса — хьенса, Апша — Иепша и др., отражающих общенахское состояние, следует, что бацбийской форме многократного вида [кхепсар] должна была соответствовать форма однократного вида [кхансар]. Это вытекает из основного принципа моделирования указанных глагольных форм. Несмотря на это, мы имеем в бацб. [кхосар], чеч. [кхуоссар], инг. [кхуосер]. По-видимому, появление [о] в составе основы этого глагола связано с первичным чередованием. В дальнейшем в чеч. и инг. монофтонг [о] перешел в дифтонг [уо], возможно, под влиянием вторичного чередования.

Чередование [а] и [е] в рассмотренных глагольных формах однократного и многократного видов представляет собой, как мы полагаем, одну из разновидностей первичного чередования гласных глагольных основ.

В формах недавно прошедшего времени и деепричастия в прошедшем времени на первичное чередование и на первый тип вторичного чередования наслаивается второй тип вторичного чередования: дееприч. прош. [кхюсса], * [кхоисс], недавнопрош. время изъявит. накл. [кхиес-

¹ З. К. Мальсагов. Указ. соч., стр. 201.

сад]¹ (ср. чеч. только что прош. время *кхуовсси*] < **[кхуоисс(и)]* и др.).

2) Монофтонг [a:] < **[a]*, характерный для исходной основы форм масдара и инфинитива, в дееприч. прош. времени переходит в [e:]

[a:]

[да:р] — прийти

[e:]

[де:нэ] < **[даин(э)]*

3) Краткий исходный монофтонг [a], наличествующий в основах масдара и инфинитива, в настоящем времени изъвит. накл. переходит в краткий дифтонг [yo], в повелительном наклонении — в долгий дифтонг [yo:], развившийся, как и в чеченском, из монофтонга [o], во времена общевейнахской общности: инфинитив *дахьар* — «нести», [дахар] — «идти»; наст. время [хьо||хьуо] — «несет», [ɣьуо] — «идет», повелит. накл. [хьуо:] — «неси(те)», [ɣьуо:] — «идите» и др. Недавнепрош. время образуется от исходной основы путем вставки внутрь основы аффиксального [u]: [диехьад] < [даихьад] — «понес||понесла».

4) В ингушском наличествует и четвертый случай первичного чередования. Мы имеем в виду образование формы наст. времени изъяв. накл. от общенахской исходной основы *дахар* — «идти»; наст. время [доад] < **[да...о]* — «уходит». Здесь второй тип первичного чередования не наследуется на первый тип, как в чеченском и бацбийском языках. Чеч. [дуоь:ду], бацб. [дуитлу], вероятно, восходят к причастию наст. времени изъяв. накл., образовавшемуся из основы наст. времени изъяв. накл. путем вставки аффиксального [u] (из состава аффикса причастия наст. времени [ин]), т. е. путем наложения второго типа на первый (лабиальный) тип первичного чередования).

Как мы видели при анализе чередований гласных глагольных основ в чеченском языке, большинство исконных непроизводных глаголов сохранило во всех современных нахских языках исходные гласные в основах форм масдара, инфинитива и повелительного наклонения. После распада нахского языка исходные глагольные основы подвергаются вторичному чередованию. Следующие факты показывают своеобразное протекание процессов, связанных с вторичным чередованием в ингушском языке.

Среди исконно вейнахских глагольных основ с корневыми гласными [a:] и [a], встречающихся в ингушском языке, есть основы вторичного образования, например: [ла:р] — «желать», [ха:р] — «узнать». Сравнение этих двух глаголов с их чеченскими вариантами показывает, что в ингушском корневая долгая фонема [a:] — основа инфинитива вторичного образования: чеч. [лаар], [хаар]. Что инг. [a:] в приведенных глаголах результат слияния двух соседних (на стыке двух основ) кратких гласных, подтверждают следующие примеры, соответствующие по своей структуре и принципу моделирования рассмотренным выше: инг. [аи-д-ар] — «поднять» имеет две основы -аи... и основу вспомогательного глагола д-ар — «делать». В чеченском языке этот глагол утратил классное согласование: [айар] — «поднять». Следовательно, инг. [аи-д-ар] (с классным показателем -д-) соответствует чеч. форме без классного показателя [аиар]. Однако в ингушском и чеченском есть глагол, который утратил классное согласование второй основы: инг. [даар], чеч. [даар] — «кушать». Из сравнения всех приведенных глаголов в ингушском и чеченском языках видно, что они по составу материальных элементов, по своей структуре и принципу моделирования совпадают в обоих языках:

¹ И. А. Оздоев. Указ. соч., стр. 117.

Инг.	Чеч.
[ла:р]	[лаар]
[ха:р]	[хаар]
[аи-д-эр]	[аиар]
[д-аэр]	[даар]

Из этих примеров легко заключить, что чеч. [аиар] восходит к *[аи-д-ар], инг. [ха:р] — к* [хаэр] < * [хаар] < * [ха-с-ар]¹, [ла:р] — к* [лаэр] < * [лаар] < * [ла-с-ар]; инг. [даэр], чеч. [д-аар] — к [д-акъар] (ср. бацб. [дакъар]).

Таким образом, путем сочетания внутренней и сравнительной реконструкции удается доказать, что корневые долгие гласные в таких инг. словах, как [ла:р] и [ха:р] — вторичного происхождения.

Гласный глагольной основы, восходящий к общенахскому состоянию, сохранился в бацб. и чеч. формах повелит. накл., масдара, инфинитива и наст. времени таких глаголов, как бацб. [дуцIар], чеч. [дузар] — «наполнить, наполнять». В инг. этот корневой гласный звук подвергся сильной редукции: инфинитив [дудзэр], наст. время [дудз], недавнопрош. [дэдзэд], прош. очев. [дэзэр], прич.-дееприч. форма прош. времени [дэдзэ].

Вторичным чередованием обусловлен гласный основы глагола [в-оа-в-эр] — «поднять» (данная основа инфинитива, очевидно, восходит к основе наст. времени), которому соответствует в чеченском [в-аиар] || д-аиар].

В отличие от чеченского и бацбийского языков в ингушском представлены следующие чередования гласных основ глагольных форм:

инфинитив	наст. время	недавно- прош. время	прич.-дееприч. форма прош. времени
[а]: [тассэ] — сыпать, рассыпать	[о]: [тосс]	[е]: [тессэд]	[е] [тессэ]
[малэ] — пить	[мол]	[меннэд]	[меннэ]
[татта] — толкнуть	[тотт]	[теттед]	[теттэ]

К числу немногих глаголов, которые сохраняют в форме наст. времени исконный корневой [а], относятся:

инфинитив	наст. время	недавно- прош. время	прош. очев.	прич.-дееприч. форма прош. времени
[а] [тарсэр] — заржать	[а] [тарс]	[е] [терсэд]	[е] [терсэр]	[е] [терса]
[а] [талхэр] — портить- ся	[а] [талх]	[е] [телхэд]	[е] [телхэр]	[е] [телха]

¹ Здесь с — указывает, что в этом месте стоял согласный звук, который выпал, утрачен, как в [даар] из [дакъар].

Как и в чеченском, в ингушском общенахская долгая корневая фонема [a:] сохраняется только в формах масдара, инфинитива, повелит. накл.:

[a:]	[Oa:]	[aь: aь]	[aь:]	[aь:]
[a:xəp] — пахать	[Oa:x]	[aь:xəd]	[aь:xəp]	[aь:xaь:]
[a:ləp] — сказать	[Oa:l]	[aьннад]	[aь:ləp]	[aьнна]

Общенахская краткая фонема [u], сохранившаяся в чеченском и бацбийском языках, в ингушском подверглась дальнейшей редукции: инг. [dəgəp] — «вести» (ср. чеч. [digəp], бацб. [diklap]). В формах таких глаголов наблюдаются специфические для ингушского языка чередования гласных основ:

инфинитив	наст. время	недавно-прош.	прош. очев.	прич.-дееприч. форма прош. времени
[ə]:	[y]:	[ə]:	[ə]:	[ə]
[dəgəp] — вести, увести	[dug]	[dəgəd]	[dəgəp]	[dəgaь:]
[dəsəp] — остаться	[dus]	[dəsəd]	[dəsəp]	[dəsaь:]
[dətəp] — оставить	[dut]	[dəted]	[dətəp]	[dətaь:]

Ниже приводим примеры, показывающие чередования гласных основ глагольных форм, в том числе форм масдара, инфинитива, повелит. накл. Все эти чередования прямо или косвенно связаны с первым и вторым типами вторичного чередования:

инфинитив	наст. время	недавно-прош.	прош. очев.	прич.-дееприч. форма прош. времени
[yв: yв]:	[yв]:	[u:]:	[u:]	[u:]
[yвglap] — реветь	[yвgl]	[u:vgləd]	[u:gləp]	[u:gləaь:]
yв:zəp — вытягивать, взвешивать	[yвz]	[u:zəd]	[u:zəp]	[u:zəaь:]

Глагол [yв:zəp] относится к многократному виду. Изолированный анализ этого глагола по внутренней реконструкции мало что дает для выяснения того, как разворачивался процесс чередований гласных основ приведенных форм. Поэтому приходится обращаться к другому глаголу [yo:zəp] — «потянуть» однократного вида:

[yo:]:	[yo]:	[yoь: ie:]:	[yoь: ie:]	[yoь: ie:]
[yo:zəp] — потянуть	[yoz]	[yoь:zəd] (ie:zəd)	[yoь:zəp] (ie:zəp)	—

Сравнение форм двух глаголов — многократного вида [yв:zəp] и однократного вида [yo:zəp] — показывает, что они по своей структуре соотносятся с глаголами типа [кхувсəp] и [кхуосəp]. Выходя за пределы внутренней реконструкции, мы можем констатировать, что модель [кхувсəp] представляет собой разновидность модели бацб. [кхепсəp],

а модель [кхуосэр] — разновидность модели бацб. [кхосар]. Следовательно, генетически и структурно [уо:зэр] соответствует бацб. [оцлар], чеч. [уо:зар], а [ув:зэр] — бацб. *[енцлар], чеч. [и:зар]. Таким образом, первым элементом дифтонга [ув:] в составе [ув:зэр] был гласный звук переднего ряда.

Под воздействием вторичного чередования, т. е. вставки конечного аффиксального лабиализованного гласного внутрь основы в ингушском, как и в чеченском, первый элемент рассматриваемого дифтонга подвергся лабиализации в форме наст. времени. Этот процесс был поддержан и вторым лабиализованным элементом этого же дифтонга. В дальнейшем основа формы наст. времени стала основой форм масдара, инфинитива, повелит. накл.: [ув:зэр] < * [еудзэр].

В формах недавнопрош. и прош. очев. на лабиализованный дифтонг [ув:] наслаивается [и] из состава аффикса: [у:оь:дзэд] < * [уондзэд] и т. д.

Сравнительный анализ глаголов [ие:цэр] — «покупать» и [диерзэр] — «повернуться» показывает, что в нахском языке-основе корневым гласным в них был [е]. Вследствие выпадения согласного, следовавшего за начальным гласным (ср. бацб. [енлцлар]), корневой гласный монофтонг в первом глаголе превратился в открытом слоге в долгий дифтонг [ие:]. В формах недавнопрош. и прош. очев. вследствие вставки аффиксального [и] (в соответствии с вторым типом вторичного чередования) внутрь основы на дифтонг [ие:] наслаивается [и] и образуется [и:] в недавнопрош., прош. очев. временах и формах, образованных от указанных времен: инфинитив [ие:цэр], масдар [ие:цэр], наст. время [иец] (в закрытом слоге долгий дифтонг [ие:] становится кратким), недавнопрош. время [ие:цэд], [ие:цэр], прич.-деепр. форма прош. времени: [и:цаь:].

Корневой исходный гласный основы глагола [диердзэр] в составе закрытого слога (в соответствии с общим законом превращения нахских кратких монофтонгов в закрытых слогах в краткие дифтонги) — результат перехода [е] в [ие] в формах масдара, инфинитива [диерзэ] наст. времени [диерз] (здесь нарушается закон лабиализации корневого гласного путем вставки аффиксального (конечного — лабиализованного гласного — показателя наст. времени внутрь основы). В формах же недавнопрош. и прош. очев. аффиксальный [и] (аффикс отсутствующего в ингушском только что прош. врем.) вставляется внутрь основы, вследствие этого корневой дифтонг [ие] преобразуется в краткий монофтонг [и] в закрытом слоге: недавнопрош. время [д-ирдзэд] < * [диеирдзэд], [д-ирзэр] < * [диеирдзэр].

В следующих примерах также проводится (как и в чеченском) четкая граница между корневыми гласными, подвергшимися преобразованию под воздействием, с одной стороны, первого типа вторичного чередования и, с другой — второго типа вторичного чередования:

	повелит. накл.	масдар	инфинитив	наст. время
инг.	[дуохк(ə)] — продать	[дуохкэр] ¹	[дуохкэ(н)]	[дуохк]
чеч.	[дуохка]	[дуохкар]	[дуохка(н)]	[духку]
инг.	[ду:хэ]	[ду:хэр]	[ду:хэ(н)]	[дух]
чеч.	[ду:ха]	[ду:хар]	[ду:ха(н)]	[ду:ху]

¹ Ингушские примеры см. Д. Д. Мальсагов, Указ. соч., стр. 66.

В первом примере исходный нахский краткий монофтонг [o], сохранившийся еще в бацб. (*дохкIар*), подвергается дифтонгизации: краткий дифтонг [yo] в закрытом слове. Во втором примере вследствие выпадения согласного, следующего за первым гласным, первый слог становится открытым (ср. бацб. *доххар*). Лабиализованный корневой монофтонг в открытом слове, усиленный первым типом вторичного чередования, превращается в долгий монофтонг [y:].

	недавнопрош. время	прош. очев.	прич.-дееприч. форма прош. времени
инг.	[доуохкэд диехкэд]	[доуохкэр диехкэр]	[доуохкавь диехкавь:]
чеч.	[суохкина]	[доуохкира]	[доуохкан]
инг.	[ди:хэд]	[ди:хэр]	[ди:хавь:]
чеч.	[дуй:хина]	[дуй:хира]	[дуй:хан]

В этих примерах второй тип вторичного чередования наслаивается на первый тип вторичного чередования следующим путем: в ингушском языке аффикс [u] только что прошедшего времени, сохраняющийся в составе формы недавнопрош. времени, вставляется внутрь основы этой формы: [доуохкэд] < * [доуохкэд]. Вставка [u] внутрь основы может привести и к делабиализации корневого гласного, поэтому существуют две параллельные формы [доуохкэд || диехкэд].

	повелит. накл.	масдар	инфинитив	наст. время
инг.	[кьоул(ə)] — укреп- лять	[кьоулэр]	[кьоулэ(н)]	[кьоул]
чеч.	[кьоула] —	[кьоулар]	[кьоула(н)]	[кьоулу]
инг.	[хьоуэ(ə)] — прясть	[хьоузэр]	[хьоузэ(н)]	[хьоуз]
чеч.	[хьоуза] —	[хьоузар]	[хьоуза(н)]	[хьоузу]

Через посредство внутренней реконструкции трудно выяснить, какой исходный корневой гласный в ингушском. Сравнительная реконструкция позволяет более легким путем решить эту задачу. В чеченском мы находим параллельные формы *кьовла || ктавла*, *хьовза || хьавза*. Модель, структура этих форм соответствуют модели, структуре таких глаголов, как *Iовша || Iавша*. Последним двум вариантам в бацбийском соответствует *Iапша*. Структурный анализ, анализ типа модели таких глаголов приводят к выводу, что в бацбийском должна была существовать форма типа * [кьаплá], * [хьацла], а ингушские [кьоулэ], [хьоузэ] восходят к * [кьаулэ] < * [кьа. лэ], * [хьаудзэ] < * [хьа... дзэ]. Это подтверждается сравнительно-историческим анализом данных нахских языков. Аналогичные примеры мы уже рассматривали, поэтому нет необходимости более детально анализировать приведенные примеры:

	недавнопрош.	прош. очев.	прич.-дееприч. форма прош. времени
инг.	[кьеилэд]	[кьеилэр] ¹	[кьеилавь]
чеч.	[кьеулина]	[кьеулира]	[кьеулан]
инг.	[хьаизэд хьаизэд]	[хьаизэр хьеизэр]	[хьаизавь хьеизавь:]
чеч.	[хьаьузина]	[хьаьузира]	[хьаьузан]

¹ Ингушские примеры см. Д. Д. Мальсагов. *Указ. соч., стр. 66.

В рассмотренных глагольных формах второй тип первичного чередования настраивается на первый тип вторичного чередования со всеми вытекающими отсюда последствиями: вставка аффиксального [и] обуславливает длабилизацию корневого гласного [къеилад < * [къоу + и + лед], [хъаизэ || хъеизэ] < * [хъоу + и + зэ]. Эти процессы сопровождались и действием законов аналогии.

В ингушском языке, как и в чеченском, вторичное чередование мало влияет на вокализм основной (смысловой) части производных глаголов, более двухсложных заимствованных глаголов (особенно в новых заимствованиях), а также на вокализм основной части понудительных форм и форм потенциалиса.

В производных глаголах вторичному чередованию подвергается, как и в чеченском, только спрягаемая часть, обычно представленная вспомогательным глаголом. Так, если сложный (составной) глагол образован путем сочетания имени с вспомогательным глаголом, то именная часть остается без изменения, а вспомогательный глагол, спрягаясь, подвергается вторичному чередованию:

маслар	наст. время	недавнопрош. время
[оа:гIуор-д-аккхар] — повернуть набок	[оа:гIуор-доаккх]	[Оа:гIуор-даьккхэд]
[къаила-да:хар] — спрятать, скрыть	[къаила-доа:х]	[къаила-даь:хэд]
[ийрча-да:ла] — сделаться некрасивым, безобразным	[ийрча-доал]	[ийрча-даьннад]

Понудительные формы

маслар	наст. время	недавнопрош.
[кIуордадайтэр] — заставлять надоедать	[кIуордадойт]	[кIуордадаитад] и т. д.
[кIоаргдайтэр] — заставить сделать глубоким	[кIОаргдуоит]	[кIуОаргдаитад] и т. д.
[сакъиерди:тар] — позволить веселиться, развлекаться	[сакъиерди:т]	[сакъиерди:тэд]
[йуорджаяитар] — заставить распространять	[йуорджайоит]	[иуорджаяйтаи]

Потенциалис

масдар	наст. время	недавнепрош.
[кхоалла-д-алар] — быть в состоянии творить, создавать (а также создаваться)	[кхоаллалу]	[кхоалладеннад]
[кхуохкадалар] — быть в состоянии краснеть (а также накаляться)	[кхуохкалу]	[кхуохкаденнад]

и т. д.

Если понудительные формы образованы от непроизводного глагола, то в ингушском (в отличие от чеченского) изменяется только корневой гласный основы, тогда как в чеченском наблюдается перегласовка как корневого гласного, так и гласного, связанного с понудительным аффиксом:

	масдар	наст. время	недавнепрош.
инг.	[лахки:тэр] — заставить угнуть (многих)	[лоахки:т]	[лахки:тэд]
чеч.	[лахки:тар]	[лохкуь:ту]	[лахки:т(и)на]
инг.	[лакхи:тэр] — заставить играть	[локхи:ту]	[лакхи:тэд]
чеч.	[лакхи:тэр]	[локхуь:ту]	[лакхи:т(и)на]

и т. д.

Наконец, укажем на то, что ингушским языком утрачено только что прошедшее время (этот факт выходит за пределы фонетических процессов). Этим объясняется отсутствие в ингушском таких чередований гласных глагольных основ, которые (чередования) связаны с этим временем в чеченском.

Звуковые соответствия между чеченским и ингушским языками

Между чеченским и ингушским языками обнаруживается значительное количество звукосоответствий. К числу их относятся ниже указанные:

1. Чеченскому корневому долготу [и:] закономерно соответствует ингушский долгий дифтонг [ув:] в формах инфинитива, масдара и повелит. наклонения от глаголов, имеющих формы многократного вида, а также не различающихся по признакам однократного и многократного вида:

чеч.	инг.
д-ийцар [ди:цар] — рассказывать, рассказать	д-увцар [д-ув:цар]
[ли:чар] — купаться	[лув:чар]

чеч.	инг.
[хи:цар] — менять	[хув:цар]
[Ии:жар] — разъедать	[Иув:жар]
[къи:лар] — закрывать	[къув:лар]
[къи:сар] — спорить	[къув:сар]
[цИи:зар] — визжать	[цИув:зар]

В этих глагольных формах начальным корневым гласным являлся краткий *e* (или в сочетании с согласным), от которого образовались в чеченском [и:] и ингушском [ув].

2. Чеченский корневой краткий [и] закономерно соответствует ингушскому краткому дифтонгу [ув] в глагольных формах многократного вида (в инфинитиве, масдаре и повелит. накл.):

чеч.	инг.
[хИиттар] — стать, устать	[увттар]
[хиттар] — соединять	[хувттар]
[Ииттар] — колоть	[Иувттар]
[д-иттар] — наливать	[д-увттар]

3. Чеченский краткий корневой [и] в глаголах, не различающихся по признаку однократности и многократности, а также в некоторых глаголах закономерно соответствует ингушскому очень краткому [ə] (в инфинитиве, масдаре и повелительном наклонении):

чеч.	инг.
[д-ижар] — лечь	дə жар
[д-итар] — оставить	дə тар
[тилар] — заблудиться	тə лар
д-исар — оставаться	дə сар
литтар — цедить	лə ттар
хилар — бывать	хə лар

Из них чеченские формы отражают общенахское состояние, ингушский [ə] — вторичное явление.

4. Чеченскому долготу корневому [е:] в ингушском закономерно соответствует полудолгий открытый [а] в формах наст. вр. изъявит. накл.:

чеч.	инг.
[де:жа] — пасется	[дадж]
[де:ха] — живет	[д-ах]
[де:ша] — бреется	[даш]
[къе:га] — блещет	[къаг]
[хе:да] — обрывается	[хад]

В этих формах чеч. [e:], инг. [a] являются результатом преобразования исходного долгого [a:]: повел. накл. [d-аьха] — «живи», [d-аьжа] — «пасть». Появление чеченского [e:] вызвано первым типом вторичного чередования, аффиксальный [o] ослабевает в краткий редуцированный гласный (*ваша*), а в бацбийском сохраняется редуцированный лабиализованный гласный (*вашо*). Аналогичное явление наблюдается и в некоторых других случаях.

Что же касается обратной губной гармонии, то она весьма своеобразно проявляется в ингушском, особенно при образовании основ настоящего времени:

Чеч.	Бацб.	Инг.
повелит. накл.	наст. вр.	наст. вр. изъявит. накл.
[a:ла] — скажи	[a:лʒо]	оал
[a:ха] — паши	[a:хо]	оах
[кха:ба] — корми	[кха:бо]	кхоаб
[a:та] — кроши, дроби	[a:то]	оат

Из форм наст. вр., аналогичных бацбийским, образовались ингушские формы наст. вр. путем вставки аффиксального лабиализованного внутрь корня. Причем, аффиксальный звук, соединяясь с долгим корневым гласным, образует дифтонг *оа*, характерный для ингушского; при этом конечный гласный выпадает.

Если корневым гласным глагольных основ служит краткий [a], то при образовании наст. вр. он подвергается лабиализации под влиянием аффиксального лабиализованного гласного (и в данном случае конечный гласный выпадает):

повелит. накл.	наст. вр. изъявит. накл.
[марца] — спали	моарц
[такха] — возмести долг	тоакх
[хьакха] — три	хьоакх
[хьажар] — посмотреть	хьоадж

Прямая губная гармония гласных именных и глагольных основ в той форме, в какой она проявляется в чеченском, в ингушском не наблюдается.

ЗВУКОВЫЕ ПРОЦЕССЫ В БАЦБИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Фонетические процессы в бацб. значительно отличаются от фонетических процессов, описанных нами в инг. и чеч. языках. В бацб. лишь спорадически в отдельных случаях наблюдаются изменения гласных именных и глагольных основ, связанных с вторичным чередованием. Как показывает анализ фактов, наблюдаемых в нахских языках, после распада нахского языка-основы вокализм инг. и чеч. языков претерпел большие изменения в отличие от бацб. языка, вокализм которого стоит ближе к нахскому языку-основе, чем вокализм первых двух. Напротив,

в области консонантизма в языке бацбийцев наблюдаются такие новые явления, которых нет в чеч. и инг. языках.

Важнейшие особенности фонетических процессов, отличающие бацб. язык от чеч. и инг., сводятся к следующим фактам:

Сохранение конечного аффиксального *o||y* в формах настоящего времени

В бацб. не возникло первого типа вторичного чередования гласных глагольных основ, связанного с образованием наст. времени изъяв. наклонения:

масдар	наст. время
[а:л̄з̄ар] — сказать	[а:л̄з̄ō]
[дик ар] — увести	[дик ō]
[ихар] — ходить	[ихō]

Сравните масдар чеч. [а:лар], инг. [а:лэр]; наст. вр.: чеч. [О:ла||О:лу], инг. [оа:л] и др.

В бацб. не возникло и второго типа вторичного чередования гласных глагольных основ, связанного (чередования) с образованием только что прошедшего времени:

масдар	только что прош. время
[дек̄з̄ар] — делить	[дек̄з̄-и]
[тохар] — ударить	[тох-и]
[а:хар] — пахать	[а:х-и]

Сравните масдар в чеч. [а:хар], инг. [а:хэр]; только что прош. время чеч. [е:хи]; недавнопрош. в инг. [аь:хэд] и др.

Эволюция [а] и [о]

В бацб. языке обнаруживаются факты, которые проливают свет на процессы, наблюдаемые в вокализме именных и глагольных основ в чеч. и инг. языках:

а) Так, если в бацб. встречаются исконные именные основы с гласным [о], восходящим к первому типу первичного чередования, и глагольные основы с монофтонгом [о] в закрытом слове, то в чеч. и инг. находим дифтонг [yo]: бацб. [ботх], [док|], [борц]; чеч., инг. [буолх] — «работа», [дуог] — «сердце», [буорц] — «просо», бацб. [доттар], [дох-к|ар], [моттар]; чеч. [дуоттар], [дуохкэр], [муоттар]; инг. [дуот-тэр] — «наливать», [дуохкэр] — «продать», [муоттэр] — «думать, казаться».

В тех случаях, когда в бацб. отсутствует первый тип первичного чередования, вместо дифтонга [yo] в соответствующих именных основах находим в чеч. [о], инг. [Оа]: бацб. [даккхо], чеч. [доккха], инг. [доаккха] — «большой».

Из этих фактов, представляющих значительный интерес для сравнительно-исторического изучения нахских языков, следует:

во-первых, фонетические процессы, связанные с первым (лабиальным) типом первичного чередования, развертывались в приводимой последовательности: [a]>[o]>[Oa]>[yo] или [yo:] (в зависимости от закрытого или открытого типа слога); в бацбийском этот процесс ограничился в пределах чередования [a]>[o]; в инг. находим [a]>[o]>[Oa]||[Oa:] (в зависимости от открытого или закрытого характера слога)>[o]||[o:]>[yo]||[yo:] (в зависимости от закрытости или открытости слога); в чеч.— [a]>[o]||[o:]>[yo]||[yo:] (в зависимости от закрытости и открытости слога); бацбийский утратил факты с [Oa], связанные с промежуточным этапом развития первичного и вторичного чередований; в чеченском следы [Oa] обнаруживаются в тех случаях, когда гласным основы слухит [O:].

Во-вторых, если в чеч. и инг. в именных основах находим соответственно [o] и [Oa], то возникает основание допустить, что указанные гласные именных основ обусловлены первым типом вторичного чередования и что в таких случаях в бацб. должен был сохраниться исходный монофтонг [a].

Наблюдаются и некоторые отклонения от этого правила: бацб. *цIамцIам*, чеч. *цIоцIкъам||цIоцIцIам*, но инг. *цIацIкъам||цIацIкъам* — «бровь», бацб. *батIара*, чеч. *балда*, но инг. *борд* — «губа».

б) Согласный звук, следующий в бацб. за корневым гласным (но выпавший в инг. и чеч.) и образующий закрытый слог, также представляет существенный интерес для объяснения явлений, относящихся к первичному и вторичному чередованиям. Так, в бацб. глагольные формы *Iапшар* — «пожевать», *кхепсар* — «бросать», *данцIар* — «ознакомиться», *кхерлъар* — «бояться», *левдар* — «говорить», *донхар* — «одеться», *депцар* — «рассказывать». На основании внутренней реконструкции трудно использовать эти факты для объяснения некоторых фонетических явлений, относящихся к первичному и вторичному чередованиям. Однако сравнительная реконструкция показывает большое значение приведенных фактов для сравнительно-исторического изучения нахских языков.

Сравнительный анализ данных нахских языков убедительно показывает, что основы бацб. глаголов *Iапшар*, *данцIар*, *депцар*, *кхепсар*, *левдар*, *донхар*, *кхерлъар* отражают состояние нахского языка-основы в период, непосредственно предшествовавший его распаду. На это уже указывалось выше.

Здесь более рельефно можно показать эволюцию основ рассматриваемых глагольных форм путем перекрестного использования внутренней и сравнительной реконструкции.

О грамматическом характере всех типов первичного и вторичного чередований

Данные всех нахских языков показывают, что все типы первичного и вторичного чередований почти всегда являются грамматическими, т. е. они обычно связаны в современных языках с образованием различных грамматических категорий имени и глагола. Чередование кратких гласных [a] и [e] глагольных основ в бацб. языке при образовании форм однократного и многократного видов относится к первичному чередованию.

Это грамматическое чередование:

однократн. вид	многokrатн. вид
[a]	[e]
[таг-д-ар] — сделать	[тегдар] — делать
[лач къар] — скрыться	[лечкъар] — скрываться
[так ар] — починить	[тек ар] — чинить
[х ат ар] — порваться	[хет ар] — рваться
[хьач ар] — посмотреть	[хьеч ар] — смотреть ¹

С первичным (грамматическим) чередованием мы имеем дело и в следующих глагольных основах, требующих субъекта или объекта во мн. ч.:

однократн. вид	многokrатн. вид
(субъект или прямой объект во мн. ч.)	(субъект или прямой объект во мн. ч.)
[хьансар] — посмотреть (мно- гим)	[хьенсар] — посматривать
[лабджар] — скользнуть	[лебджар] — скользить

Чередование [o] и [e] в этимологически разных глагольных основах также связано с образованием однократного и многократного видов:

однократн. вид	многokrатн. вид
(прямой объект в ед. ч.)	(прямой объект во мн. ч.)
[доллар] — (за) сунуть	[дех ар] — засовывать

Из древнего принципа моделирования глагольных основ однократного и многократного видов типа *хьач|ар* — *хьеч|ар* следует, что должна была существовать наряду с многократной формой *дех|ар* и однократная форма **дах|ар* и т. д.

Модели видовых форм типа *хьансар* — *хьенсар*, характерные для всех нахских языков, указывают на то, что, наряду с формами многократного вида *кхенсар*, *тенсар*, должны были существовать соответствующие формы однократного вида: **кхансар*, **тансар* и т. д. Точно так же из анализа структурных типов глагольных основ вытекает, что, наряду с существующими формами однократного вида *доллар*, *кхосар*, были формы многократного вида **деллар*, **кхесар*, утраченные всеми нахскими языками.

¹ Бацбийские однократный и многократный виды мы условно сопоставляем с несоверш. и соверш. видами русского глагола, хотя они точно и не соответствуют.

Из сказанного следует, что исторически форме однократного вида *кхосар* (с объектом в ед. ч.) противостояла форма многократного вида (с объектом в ед. ч.) **кхесар*. Стало быть, противопоставление в бацб. *кхосар* — *кхепсар*, чеч. [кхуоссар] — [кхи:сар], инг. [квосэр] — [кхув:сар] — вторичное явление. Эти факты имеют принципиальное значение для характеристики исторических чередований гласных глагольных основ в бацб., чеч. и инг. языках.

Таким образом, при анализе чередований гласных глагольных основ в видовых формах типа *хьапсар* — *хьепсар* исторически соотносятся в бацбийском краткие [а] и [е], чеч. [ау|оу] — [и:], а не [о] и [е], как в современном бацб. (*кхосар* — *кхепсар*), [уо] и [и:], как в современном чеч. (*кхуоссар* — *кхи:сар*), [оу] и [ув:], как в современном инг. (*кхоусэр* — *кхувсэр*).

Аффикс только что прошедшего времени [и]

В системе спряжения бацб. языка обнаруживаются факты, которые в ряде случаев проливают свет на развитие вторичного чередования в чеч. и инг.

При образовании недавнопрошедшего, давнопрошедшего и давнопрошедшего заглазного времен изъявительн. накл. аффикс только что прошедшего времени [и] может стоять на своем месте, но его можно и вставить внутрь основы. Таким образом, каждое из последних трех времен имеет по две параллельно употребляемых формы:

только что прош. время	недавно-прош. время	давнопрош. время	давнопрош. заглазн. время
<i>хацI-и</i> — услышал	<i>хацIино</i> (<i>хацIино̄</i>)	<i>хацIинор</i> (<i>хацIинор</i>)	<i>хацIиноралō</i> (<i>хацIиноралō</i>)
<i>йецI-и</i> — любил	<i>йецIино</i> (<i>йецIино̄</i>)	<i>йецIинор</i> (<i>йецIинор</i>)	<i>йецIиноралō</i> (<i>йецIиноралō</i>)
<i>дажи</i> — паслись	<i>дажино</i> (<i>даижно̄</i>)	<i>дажинор</i> (<i>даижнор</i>)	<i>дажиноралō</i> (<i>даижноралō</i>)

Эти примеры наглядно показывают вставку аффиксального [и] внутрь основы. В результате в бацб. возникают параллельные формы типа *дажино*||*даижно* и т. д. Аналогичное явление наблюдается и при образовании форм некоторых других времен. Таким образом, в бацбийском вставка аффиксального [и] внутрь глагольной основы носит чисто фонетический, а не грамматический характер; чередование [а] и [аи] и т. д. в глагольных основах не имеет грамматического значения. Это — чисто фонетическое явление.

Вместе с тем, это — первая ступень развития вторичного чередования. Последнее не получило дальнейшего развития в бацб. языке. Последующие ступени развития второго типа вторичного чередования представлены в чеч. и инг. языках.

Что же касается первого типа вторичного чередования, то он вообще не развился в бацб., т. е. при образовании наст. времени изъявительн. накл. конечный лабиализованный звук, представляющий собой аффикс наст. времени, не переставляется внутрь основы: *дажар* — «пасться», *даж-о* — «пасется||пасутся», *ахар* — «пахать», *ахō* — «пашет», *ихар* — «ходить», *ихо* — «ходит» и т. д. (ср. чеч. *Ох*||*Оху*, инг. *Оах* и др.).

Образование дифтонгов

Дифтонги образуются путем стяжения гласных на стыке двух основ или слогов, или вследствие вставки аффиксального гласного внутрь основы: *тализ* — «сумка при седле», им. п. мн. ч. *таилзи*; *арцлив* — «орел», им. п. мн. ч. *аирцлви*; *куир* — «ястреб», им. п. мн. ч. *кораилч*; *хьатхречох* — «о первом», *хьатхречуихьа* — «в сторону первого, к первому»; *кхоитл* — «тринадцать» (из *кхо* — «три» и *итл* — «десять»), *йетхеитл* — «шестнадцать» (из *йетх* — «шесть» и *итл* — «десять»), *цхьаитл* — «одиннадцать» (из *цхьа* — «один» и *итл* — «десять») и т. д.

Сохранение аффиксального [н] в формах недавнопрошедшего времени

В бацб. отсутствует как характерная для чеч. языка прогрессивная контактная ассимиляция (уподобление сонанта *н* из состава аффикса недавнопрошедш. времени предшествующему смычному звонкому или глухому шумному согласному или же сонанту), так и наблюдаемая в инг. регрессивная контактная ассимиляция (уподобление корневого согласного сонанту *н* из состава аффикса недавнопрош. времени). Это видно из следующих примеров:

масдар	недавнопрош. время
[далг̃ар] — дать	[далъ-и-н̃о даилг̃н̃о]
[дахар] — идти	[дах-и-н̃о даихн̃о]
[хацлар] — слышать	[хацл-и-н̃о хацлн̃о]

и т. д.

Неполная регрессивная ассимиляция

Как в чеч. и инг. языках, в бацб. наблюдается неполная регрессивная ассимиляция, заключающаяся в том, что предшествующий согласный звук под влиянием последующего надгортанного (смычногортанного) осложняется надгортанной экспирацией: *данлцлар* — «ознакомиться» из <*данцар* < **дабзар* < *дабдзар* (ор. *хьансар* — «посмотреть», *депцар* — «рассказывать» и т. д.); н̃о *лабцлар* и *ланлцлар* — «играть»; *тлкъа* — «двадцать» < **тэкъа* и т. д.

Сохранение согласных там, где они выпадают в чеченском и ингушском языках

В бацб. сохраняется согласный звук там, где он выпадает в чеч. и инг.:

бацб.	инг.	чеч.
[пша] — лед	[ша]	[ша]
[дакг̃ар] — кушать, есть	[давг̃ар даар]	[даг̃ар]
[токг̃ар] — быть достаточным	[туог̃ар туоар]	[туог̃ар]

бацб.	инг.	чеч.
[допхар] — одеть	[ду:хар]	[дувхар]
[денцар] — рассказывать	[ди:цар]	[дувцер]
[кхенсар] — бросать	[кхи:сар]	[кхувсер]
[пстIу] — бык	[сту су ту]	
[пстIуин] — жена	[су: зуда]	[сие:саг]

В первых двух примерах бросается в глаза то, что в чеч. и инг. вместо выпавшего *кэ* появляется гамза [э]. Гамза, как и сонанты [й] и [w], легко может переходить в краткий гласный заднего ряда [а], особенно в чеч. Поэтому в последнем и встречаются варианты типа *даэар||даар* и т. д. В чеч. литературном в таких случаях пишут варианты типа *даар*. Очевидно, рассматриваемые параллельные формы — диалектального происхождения.

На основании сравнительной реконструкции общенахской модели основ глаголов типа *даар* < **дакэар*, мы можем заключить, что в основах таких глаголов, как бацб. *лаэар||лаар*¹, инг. *лаээр*, чеч. *лаэар||лаар* — «желать», бацб. *хаэар||хаар*, инг. [ха:р], чеч. *хаэар||хаар* также выпал согласный звук, вместо которого появилась гамза.

Гамза в середине и конце слова

В бацб. гамза выпадает в некоторых исконных словах в конечном положении: бацб. *цхьа* (но *цхьагъах* — «полтсра»), чеч., инг. *цхьаэ*; бацб. *ши*, чеч., инг. *шиэ* — «два»; бацб. *кхо*, чеч., инг. [кхуоэ] — «три»; бацб. *пхи*, чеч., инг. *пхиэ* — «пять».

Однако нередко гамза встречается в бацб., чаще всего в конечном положении: *кикоэ* — «всатрину», *мlichмаэ* — «всюду», *оэ* — «зерно, семя»; *ээ* — «поле». Гамза появляется иногда в заимствованных словах: *мушаэ* — «рабочий» (из груз.), *дахаэ* — «горная индейка» (из груз.). Имеют место случаи употребления гамзы там, где она отсутствует в чеч.: бацб. *хоршаэ*, чеч. *хуорша* — «малярия». Иногда в бацб., как и в чеч., находим гамзу в конечном положении: бацб. *маэ* — «рог» (ср. чеч. *маIа||маI*, т. е. бацб. конечному *э* в чеч. соответствует *I*).

Перестановка звуков (метатеза)

Перестановка звуков наблюдается в таких словах, как *цхьа* — «один» (чеч. *цаI*), *нахча* — «брынза» (чеч. *нехча*). Следует указать на то, что вместо ожидаемого *хч* в панкийском диалекте находим *чх*: *нечх* — «брынза», *мечх* (чеч. литер. *мавха*) — «двоюродный брат» и т. д. Иногда в бацбийском отсутствует перестановка звуков там, где она наблюдается в чеченском: *нал* — «подкова» (чеч. *лан*, груз. *нали*).

¹ В нашей работе „Бацбийский язык“ гамза обозначена через ‘ (перевернутая запятая): *ли‘||лаа* — „по) желай“, *ха‘||хаа* — „узнай“, стр. 161.

Сохранение звука *z* в конечном положении

Существенный интерес представляет для истории нахских языков сохранение *z* в конце некоторых слов: *саг* — «олень» (чеч. *сай*), *йаг* — «котел» (чеч. *йай*), *цлиг* — «кровь» (чеч. *цлий*). Как это показал В. И. Абаев, первичным в этих словах является *z*, а сонант *й* в чеч. и инг. — результат эволюции *z*.

Комплексы согласных

Для истории нахских языков значительный интерес представляют следующие комплексы согласных: *тх*, *рл*, *хкI*, *рдж*, *рчI*, *рк*, *тIр*, *рл̄з*, *пс*, *пх*, *рстI*, *стI*, *пстI*. Почти все перечисленные комплексы согласных встречаются в исконных словах.

Так, комплекс *тх* представлен в следующих исконно общих нахских словах: *ботх* — «работа», *хьатх* — «раньше, впереди», *йатх* — «шесть», *матх* — «солнце» и др.

Комплекс *хкI* чаще всего обнаруживаем в глагольных основах: *ахкIо* — «копает», *дахкIо* — «кладет», *лахкIо* — «угоняет». Иногда данный комплекс выявляется и в именных основах: *дахкI* — «крыса, мышь» и др.

Комплекс *рк* встречается редко: *торкар* — «качаться». Сочетание *рк* находим и в итум-калиновском диалекте чеч. языка: *морк* (литерат. *мохк*) — «страна», *арка* (литерат. *ахка*) — «речка»¹ и др.

Мало примеров, в которых мы находим комплекс *тIр*, которому соответствуют в чеч. *лд*, инг. *рд*: бацб. *батIр*, инг. *борд*, чеч. *балда* — «губа».

Что же касается комплекса *рл̄з*, то он обычно встречается в глагольных основах: *кхерл̄зар* — «бояться», *арл̄зар* — «молотить» и т. д.

Комплекс *пс*, который мы находим в глагольных основах (*кхепсар* — «бросать», *хьансар* — «посмотреть» и т. д.), отсутствует в аналогичных чеч. и инг. примерах. Этот комплекс в исконных словах встречается и в начале слова: бацб. *псарло* — «вечер» и т. д.

Комплекс *пх* засвидетельствован в начале и середине слова: *пхи* — «пять», *донхар* — «одеться». Если за комплексом *пх* в середине слова следует гласный звук, то слогораздел проходит в середине этого комплекса (*дон-хар*). В начале слова комплекс *пх* всегда относится к одному и тому же слогу. Сочетание *пх* в начале слова встречается в чеч. и инг. языках.

В составе комплекса *пс*, *пх* первый элемент *п*, по-видимому, представляет собой окаменелый классный элемент *б*, подвергшийся оглушению под влиянием последующего глухого согласного: *пс* < **бас*, *пх* < **бах*. В реконструируемых здесь формах *э* обозначает гласный звук, исходные качественные и количественные особенности которого трудно определить.

Комплексу *рстI* в чеч. и инг. языках соответствует сочетание *рст*: бацб. *дарстIар*, чеч., инг. *дарстар* — «разжиреть» и т. д. В начале слова *рстI* не встречается.

Сочетание *стI* соответствует чеченскому *ст* в исконных словах: бацб. *стIакI*, чеч. *стаг* — «человек». В инг. нет этого комплекса. Очень редко встречается комплекс *пстI*: *пстIуин* — «женщина». Можно допустить, что и здесь начальный элемент *п* — окаменелый классный префикс: *п* < **б*.

В бацб. есть и другие комплексы согласных, встречающиеся в исконных словах.

¹ Д. Д. Мальсагов. Указ. соч., стр. 23, 24.

Эволюция аффрикат *дз*, *дж* и спирантов *з* и *ж*

Пожалуй, наиболее интересным явлением в области консонантизма бацб. языка является эволюция аффрикат *дз* и *дж*, спирантов *з* и *ж* (наряду с закономерным соответствием бацб. *кI* в конечном положении в исконных словах чеч. и инг. *з*).

В исконных словах аффриката *дз* в начале слова сохраняется: *дзок* — «клюв» (ср. чеч. *дзIʔок*). В конце и середине слова *дз* переходит в *цI*: *моцI* — «мед» (ср. инг. *муодз*), *герцI* — «оружие» (ср. инг. *гердз*), *клацIкIо* — «маленький» и др. К такому выводу мы приходим на основании анализа фактов по внутренней реконструкции. Ср. бацб. *кладзикI* — «мало», отсюда *клацIкIо*, где *дз* под влиянием последующего звука *кI* превращается в смычногортанную аффрикату *цI*.

Соответствие в бацб. *цI* инг. *дз* и чеч. *з* в конце слова мы также объясняем переходом *дз* в *цI*.

инг.	чеч.	бацб.
<i>буордз</i>	<i>буорз</i>	<i>бIʔорцI</i> — волк
<i>муодз</i>	<i>муоз</i>	<i>моцI</i> — мед
<i>хьазилг</i>	[<i>хьо:за</i>] [<i>аьрзуо:</i>]	<i>хьацIукI</i> — воробей [<i>арцIив</i>] — орел

Вместе с тем имеются слова, в которых спирант *з* сохраняется во всех трех языках, например: бацб. *глазе* — «хороший», инг. *хоза*, чеч. *хаза* — «красивый».

Такая регрессивная ассиимиляция — широко распространенное явление в бацб. языке (ср. *депцар* < **дебцар* — «рассказывать», но *данI-цIар* < **данцIар* < **дабдзар*; ср. чеч. *давзар* < *давдзар* — «узнать, познать, комиться»).

В бацб. языке находим аффрикату *чI* там, где в чеч. *ж* < *дж* и инг. *дж*. Такое соответствие наблюдается в следующих словах:

инг.	чеч.	бацб.
<i>гладж</i>	<i>глаж</i>	<i>гIачI</i> — палка
<i>модж</i>	<i>маж</i> — борода	<i>мачI</i> — ус
<i>хьажар</i>	<i>чIуож</i> <i>хьажар</i>	<i>чIуочI</i> — рот <i>хьачIар</i> — смотреть

В середине слова *чI* появляется в некоторых случаях там, где в чеч. и инг. находим *ж*: бацб. *IарчIи* — «черный», инг. *Iаржа*, чеч. *Iаьржа*.

В то же время во всех нахских языках в исконных словах в начале слова находим *дж*: бацб., инг., чеч. *джа* — «отара овец», чеч. *джайна*, бацб. *джагн* — «книга» и т. д. И в середине слова в интервокальном положении, а также перед сонантом *р* находим в указанных языках *ж*: бацб., инг., чеч. *даржар* — «распространиться», *дажар* — «пасться» и др.

В конце слова *г* и *к* переходит в *кI*. Данное фонетическое явление мы объясняем влиянием грузинского языка. Переход *г* и *к* в конце слова в надгортанный *кI* наблюдается как в общенахских, так и в заимствованных словах: бацб. *докI* (ср. чеч., инг. *дог*) — «сердце», *царк* (ср. чеч. *цегг*) — «зуб», *ларкI* (чеч. *лерг*) — «ухо», *стлакI* (чеч. *стаг*||*саг*||*таг*, инг. *сэг*) — человек», *дахкI* (чеч. *дахк*, инг. *доакк*) — «мышь, крыса», *механикI* (чеч. *механик*||*миханик*) — «механик» и т. д.

Посредством внутренней реконструкции (используя фонетические законы) не удается последовательно проследить процесс перехода *г* и *к* в *кI* или доказать невозможность обратного процесса, т. е. перехода *кI* в *к* и *г*. Правда, есть факты, которые косвенным путем позволяют утверждать, что в определенных фонетических условиях происходил процесс перехода *г* и *к* в *кI*. К ним относятся такие исконно нахские слова, как *дзок* (чеч. *дзIзок*) — «клюв», *бак* (чеч. *бага*, ср. в чеч. диалектах *стак*, *сак* — «человек») — «рот», а также заимствованные слова типа *мешокI* из русского «мешок», *механикI*||*миханикI* из русского «механик» и т. д.

Оглушение согласных перед глухими в начале слова

Перед глухими согласными (чаще всего перед фрикативными) в исконных бацб. (общенахских) словах находим смычный глухой губной *п*: *псарло* — «вечер», *пшел* — «холод», *пхи* — «пять», *пстIуин* — «женщина» и т. д. Есть основание утверждать, что здесь мы имеем дело с окаменелым классным показателем *б*, подвергшимся оглушению перед глухими: бацб. *пхи*, чеч. *пхи* — «пять», но бацб. *д-Iъив*, *в-Iъив* (с начальным классным префиксом *д-*, *в-*) — «четыре». Сопоставление моделей *д-Iъив* ||*в-Iъив* с *пхи*||*пхи* дает основание полагать, что в формах бацб. *пхи*, чеч. инг. *пхи* начальный согласный звук *п* представляет собой окаменелый классный префикс *п*-<**б*. Следовательно, звонкий смычный губной *б* подвергся оглушению в рассматриваемых примерах. Процесс оглушения звонких перед глухими в начале слова, по всей видимости, восходит к нахскому языку-основе.

Редукция (ослабление) гласных в конце слова

Для бацб. языка характерна редукция (ослабление) гласных чаще всего в конце слова. Ослабление конечных гласных наблюдается в глагольных формах: *дехо* — «просит», *вуйIу* — «уходит», *ваго* — «идет», *ахо* — «пашет», в формах имен: *асо* — «теленок», *йашо* — «сестра», *вашо* — «брат», *бакъо* — «жеребенок» и т. д.

Рассматриваемое явление наблюдается в исконных и заимствованных словах.

Назализация конечных гласных — результат ослабления сонанта *п*

Ослабление конечного согласного *п* сопровождается его поглощением предшествующим гласным, который, таким образом, подвергается назализации. Этот процесс, охватывающий как исконные, так и заимствованные слова, способствовал образованию назализованных гласных фонем:

а) в общенахских словах *хã* (чеч. *хан* — «время», *ши̃* (чеч. *шим*||*шим*) — «вымя», *ã* (чеч. *ан*) — «ревматизм»;

б) в заимствованных словах: *пургу* (из русск. «фургон»), *чугу* (из русск. «чугун»). Ослабление *н* наблюдается в конечном слоге даже в том случае, если после *н* имеется гласный звук: *к̄борā* (из груз. *к̄борани*) — «ворон», *лӣмō* (из груз. *лимони*) — «лимон», *гӯта* (из груз. *гутани*) — «плут» и т. д.

Выпадение звуков

Выпадение как отдельных звуков, так и целых слогов происходит в начале, середине и конце слов. В конце слов часто выпадает гамза: *ши* (инг. *шиъ*) — «два», *кхо* (инг. *кхуоъ*), *пхи* (инг. *пхиъ*) — «пять», но *д̄гивъ* (чеч. *диъ*) — «четыре».

Выпадение гласного звука в середине слова, т. е. в первом слоге от начала слова, произошло в *тха* (ср. чеч. *тахана*) — «сегодня», наряду с отпадением конечного слова и назализацией предшествующего гласного. В результате выпадения гласного первого слога произошло стяжение согласных и образовался комплекс согласных *тх* — в начале слова. Очевидно, такого же происхождения (т. е. результата выпадения гласного) и комплекс согласных *тх* в личном местоимении I л. мн. ч. *тхо* — «мы (экскл.)»; с той лишь разницей, что выпадение гласного звука, стоявшего между *т* и *х* в слове *тхо* произошло, очевидно, еще во времена существования нахского языка-основы (ср. чеч., инг. *тхуо*).

С отпадением целого слога в начале слова, очевидно, мы имеем дело и в слове *кха* — «свинья» (ср. чеч., инг. *хьакха*).

Таким образом, выпадение согласных и гласных наблюдается не только в чеч. и инг. (при сохранении их в бацб., например, бацб. *пшел* — «холод», чеч. [*шше:луо:*]; *ц̄лиг* — «кровь», чеч. [*ц̄ли: || ц̄лий*] и т. д.), но и в бацб. (при сохранении их в чеч. и инг., например, чеч. *тахана* — «сегодня», бацб. *тха* и т. д.) В некоторых случаях такие явления ведут к общенахскому языку (ср. бацб. *тхо*, чеч., инг. *тхуо* — «мы» и др.):

Выпадение звуков наблюдается в словах, заимствованных бацб. языком из других языков, особенно из грузинского. Чаще всего выпадают конечные гласные двух- и более сложных слов: *немсклав* (груз. *немсклави*) — «удило», *ргол* (груз. *рголи*) — «герой», *ихв* (груз. *ихви*) — «утка», *к̄вер* (груз. *к̄вери*) — «молоточек», *херх* (груз. *херхи*) — «пила» и др.

Некоторые другие фонетические явления

По-видимому, к так называемым спонтанным фонетическим явлениям относятся следующие факты:

В одних случаях конечные звонкие согласные оглушаются: *бак* (чеч. *бага*) — «рот», *к̄лалт̄* (чеч. *к̄лалд̄*), но *ц̄лиг* — «кровь», *йаг* — «котел» и т. д.

Однако имеют место и случаи озвончения конечных согласных: бацб. *п̄лап̄лроз || п̄лап̄лруз* (груз. *п̄лап̄лроси* < русск. «папироса») — «папироса», *каниз* (из груз., чеч. *кемс*) — «виноград» и т. д.

В конце слова чеч., инг. *т* в бацб. соответствует *х̄*: бацб. *вох̄*, чеч. *вуо* — «сын»; бацб. *йох̄*, инг. *йуо* — «дочь, девушка» и т. д.

Часто чеч. и инг. конечному *тт* в бацб. соответствует *т̄т̄т̄*: бацб. *нит̄т̄т̄* (чеч. *нитт*) — «крапива», *ит̄т̄т̄* (инг., чеч. *итт*) — «десять», *ишт̄т̄т̄ || уишт̄т̄т̄* (чеч. *ишт(ā)*, инг. *ишта*) — «так», но *латт(ā)* — «стой», *мотт(ā)* — «думай», *детт(ā)* — «бей» и т. д.

Удвоение корневого согласного в именных и глагольных основах, как в чеч., в бацб. не наблюдается: бацб. *бук̄ъ* (им. п. мн. ч. *бук̄ъби*), чеч. *бук̄ъ* (им. п. мн. ч. *бак̄ъкъаиш*) — «спина» и т. д.

ЗВУКОВЫЕ СООТВЕТСТВИЯ МЕЖДУ ЯЗЫКАМИ НАХСКОЙ ГРУППЫ

Из звуковых соответствий в нахских языках в первую очередь рассмотрим соответствия в области согласных. Важнейшими из них являются следующие:

1. Закономерное соответствие чеченского и ингушского *г* бацбийскому *кI* в общенахских словах:

чеч.	инг.	бацб.
<i>дуо-г</i>	<i>дуо-г</i>	<i>докI</i> — сердце
<i>лерг</i>	<i>лерг</i>	<i>ларкI</i> — ухо
<i>церг</i>	<i>церг</i>	<i>царкI</i> — зуб
<i>чIениг</i>	<i>чIенг</i>	<i>чIаникI</i> — подбородок
<i>д-ага</i>	<i>д-ага</i>	<i>д-акI</i> — гори(те)
<i>угIург</i> (<i><угIуриг</i>)	<i>угIарг</i> (<i><угIариг</i>)	<i>дугIарикI</i> — крикун, ревуший

Конечный *г* и *кI* в этих словах разного происхождения. В словах, выражающих понятия «сердце», «гори» *г||кI* — корневой согласный. В остальных словах комплекс *рг||ркI* и *ниг||никI* восходит к словообразовательному аффиксу *риг* (ср. чеч. *луриг*¹ — «дающий», *язди-риг* — «пишущий», соврем. литер. *лург*, *яздийриг*, бацб. *д-угI-рикI* — «крикун»), *ниг* (ср. чеч. *Iабржниг* и соврем. литер. чеч. *Iабржаниг*).

При рассмотрении второго типа первичного чередования мы показали, что *дуог||докI* имели исходную форму *д-агв*². Из этих фактов видно, что бацб. *кI* восходит к чечено-ингушскому *г*. История развития чеченского и ингушского языков показывает, что *лерг*, *церг* из *лериг* и *цериг*. С другой стороны, в чеченских и ингушских формах *лерг*, *церг* и *чIениг* (*чIенг*) корневой гласный *е* — вторичного образования (под влиянием аффиксального *и* из состава аффикса *риг* и *ниг*).

Произведенный анализ указанных слов позволяет восстановить их формы в общенахском языке: *д-уог||докI* *д-агв...*, *церг||царкI* *<цариг*, *лерг||ларкI* *<лариг*, *чIениг* (*чIенг*) *||чIаникI* *<чIаниг*.

Наблюдается ряд исключений из этого правила: бацб. *д-агар* — «видеть», чеч. [гуо:], бацб. *гиб* — «будь видным», бацб. *д-аг-д-ар* — «показать», чеч. *гайта*, бацб. *дагдеб* — «покажи» и др.

2. Закономерное соответствие чеченского и ингушского *к* бацбийскому *кI*:

чеч.	инг.	бацб.
[<i>хахкар</i>][<i>хахка</i>] — погнать, погони	[<i>хахкар хахка</i>]	<i>хахкIар хахкI</i>
<i>диехкар</i> , <i>диехка</i> — привязать, привяжи	<i>диехкар диехка</i>	<i>дехкIар дехкI</i>
[<i>ахкар</i> , <i>ахка</i>] — копать, копать	[<i>ахкар ахка</i>]	<i>ахкIар ахкI</i>
[<i>дуохкар</i> , <i>д-уохка</i>] — продать, продай	<i>д-уохкар дуохка</i>	<i>д-охкIар д-охкI</i>

¹ П. К. У с л а р. Указ. соч., стр. 92.

² Заслуживает внимания тот факт, что происхождение этой формы одинаково объяснили Н. Ф. Яковлев и Т. Е. Гудава независимо друг от друга.

Общеныхские восстанавливаемые формы: *хахкар, *хахка; *д-ехкар, *д-ехка; *ахкар, *ахка; *д-а(у)хка, *д-а(х)ка. К исключениям из этого правила относятся: чеч. *дикду*, бацб. *дакинда* — «хорошо», чеч. *кардар*, *кардие*, бацб. *кардар*, *кардеб* — «находить, найти» и др.

В бацбийском переход *к* в *кI* — вторичное явление. Переход *г* в *кI* и *к* в *кI* в бацбийском обусловлен следующими причинами. Для бацбийского языка вообще не характерно озвончение согласных. В нем обычно наблюдается оглушение звонких согласных в определенных комбинаторных условиях (перед глухими, в конце слова, после глухого согласного). Однако не допускается переход *г* в *к* или *кI* в *г*, а также *к* в *г*. При оглушении последовательно соблюдаются ступени оглушения. Переход *г* в *кI* и есть первая ступень оглушения, а переход *к* в *кI* — первая ступень озвончения. С другой стороны, грузинский язык и его кахетинские диалекты и говоры также оказали влияние на развитие рассматриваемых процессов в бацбийском языке.

3. Закономерное соответствие чеченского и ингушского сонанта *л* бацбийскому *л̂*:

чеч.	инг.	бацб.
<i>алар, олу</i> — сказать, говорю	<i>алар, оал</i>	<i>ал̂ар, ал̂о</i>
<i>далар, дели</i> — дать, дал	<i>далар</i>	<i>дал̂ар, дал̂и</i>
<i>хуьлу</i> — бывает, бывающий	<i>хула</i>	<i>хил̂ъуи</i>

Общеныхские формы: *ал̂ар, *ал̂а; *д-ал̂ар, *хил̂оин.

В самом бацбийском наблюдаются случаи перехода *л̂* в *л*: в начальном положении: *либ* — «дай», *дек̂далар* — «быть в состоянии разделиться». Утрате латерального *л̂* чеченским и ингушским языками способствовали: во-первых, фонетические процессы прогрессивной и регрессивной ассимиляции (в чеч. прогрессивная: *аьлла* < *аьлна* < *ал̂ина, *делла* < *делна* < *дал̂ина; в ингушском регрессивная: *аьнна* < *аьлна* < *ал̂ина, *денна* < *делна* < *дал̂ина); во-вторых, выпадение *л̂*: чеч., инг. *кхиерар*, бацб. *кхерл̂ар* и др.

4. Закономерное соответствие чеченского конечного *з*, ингушского конечного *дз* бацбийскому конечному *цI* в исконных общеныхских словах. При этом следует учитывать, что чеч. *з* из *дз*, а бацбийский *цI* восходит к общеныхскому *дз*, как мы полагаем:

чеч.	инг.	бацб.
<i>муоз</i> — мед	<i>муодз</i>	<i>моцI</i>
<i>буорз</i> — волк	<i>буордз</i>	<i>бÎорцI</i>
[<i>барз</i>] — холм, насыпь	<i>боардз</i>	—

Общеныхские формы: *модз, *бÎордз, *бардз.

В начале слов в чеченском и ингушском языках не употреблялась фонема *з* (чеч., инг. *дзÎок* — «клюв», *дзаз* — «цвет», *дзиен* — «вред», *дзиер* — «наблюдать»). Эта закономерность соблюдалась и в бацбий-

ском, о чем свидетельствует исконно нахское слово, сохранившееся в бацбийском с начальным *дз*: *дзок* — «клюв». Дезаффрикатизация *дз* не только в конце и середине слова, но и в начале слова — более позднее явление. Этому способствует отсутствие в чеченском и ингушском литературных языках особого знака для обозначения *дз* и передача этой аффрикаты через *з*, а в бацбийском — внешнее влияние, наряду с общей тенденцией дезаффрикатизации *дз* во всех положениях.

5. Закономерное соответствие чеченского *з* (*дз*), ингушского *дз*, *з* (*дз*) в середине слова бацбийскому *цI*:

чеч.	инг.	бацб.
[<i>дие-зар</i>] — любить	[<i>д-ие:зар</i>]	<i>д-еиIар</i> (повел. накл. <i>децI</i>)
<i>хазар</i> — слышать	<i>хазар</i>	<i>хацIар</i> (<i>хацI</i>)
<i>лазар</i> — болезнь	<i>лазар</i> — болезнь	<i>лацIволар</i> — заболеть
<i>ловзар</i> — игра, играть	<i>лавзар</i>	<i>лапIцIар</i> (<i>лапIцI</i>)
<i>клезга</i> — недостаточный, малый	<i>клезига</i>	<i>клацIкIо̄</i>
<i>клеза</i> — щека	<i>клаза</i>	<i>клацI</i>

В этих словах спирант *з* в середине слова, по-видимому, восходит к аффрикате *дз*. Переход *дз* и *з* в *цI* происходил в двух случаях: во-первых, когда в приводимых формах *дз* и *з* оказывались в конечном положении (повел. накл. *децI*, *хацI* и т. д.), во-вторых, перед *кI* (*кацIкIо*). На это указывает сохранение в бацбийском *дз* и *з* в первоначальном положении: бацб. *кIадзикI* — «мало», *глаз-е* — «хороший (красивый)».

6. Закономерное соответствие чеченского *ж* (*дж*), ингушского *дж* бацбийскому *чI* в конце общенахских слов:

чеч.	инг.	бацб.
<i>глаж</i> (<i>гладж</i>) — палка	<i>гладж</i>	<i>гIочI</i>
<i>маж</i> — борода	<i>модж</i> — борода	<i>мачI</i> — ус
<i>хьож(д)а</i> — смотреть	<i>хьоадж</i>	<i>хьачI</i> — смотри

В начале слова в чеченском и ингушском языках не употреблялась фонема *ж* (чеч., инг. *джим* — «почки», *джий* — «овца», [*джие:руо:*] — «вдова»). Бацбийский язык также следовал этому правилу (*бадж* — «волос», *джи* — «почки», *джиб* (заимств.) — «карман», *же||дже* — «отара», *жеро||джеро*). По-видимому, переход *дж*, *ж* (*дж*) в *чI* в бацбийском произошел еще до дезаффрикатизации *дж*. В пользу этого утверждения говорят факты, в которых *ж*, не восходящий к *дж*, сохраняется в бацбийском: *даж* — «пасись», *лабж* — «скользи» и т. д. Состояние

близкое к общенахскому, в этих словах сохранялось в ингушском. Поэтому восстанавливаемые формы, с одной стороны, отражают особенность ингушского (наличие *дж*), а с другой стороны,—специфику чеченского и бацбийского (наличие первичного корневого гласного *а*): *мадж*, *гладж*, *хьаджа*.

7. Закономерное соответствие чеченского *ж* (<*дж*) и ингушского *дж* и *ж* (<*дж*) в середине слова бацбийскому *чI*:

чеч.	инг.	бацб.
<i>гIажна</i> — палке	[<i>гIажна</i> : <i>гIаджа</i> :] ¹	<i>гIачIна</i>
<i>Iаьржа</i> <i>Iарьржын</i> — черный	<i>Iаьржа</i>	<i>IарчIи</i>
<i>хьажар</i>	<i>хьажар</i>	<i>хьачIар</i>

Исключения, наблюдаемые в бацбийском: *баджа* — *баджи* — «сво-як», *дажар* — «пасться», *лабжар* — «скольжение» и др. Эти исключения также позволяют утверждать, что бацб. *чI* в приведенных словах восходит к *дж* и *ж*.

8. Закономерное соответствие ингушского конечного [*и*||*й*], чеченского [*и/и*] бацбийскому *г*:

чеч.	инг.	бацб.
<i>сай</i> — олень	<i>сай</i>	<i>саг</i>
<i>йай</i> — котел	<i>йай</i>	<i>йаг</i>
<i>цIий</i> — кровь	<i>цIий</i>	<i>цIег</i> <i>цIиг</i>
<i>туй</i> — плевок	<i>туг</i>	—

Из приведенных слов заимствованными считаются *саг* и *йаг*². На этом основании мы можем говорить, что чеч. и инг. формы *йай*, *сай* восходят к *саг* и *йаг*. В чеченском и ингушском языках наличие долгого гласного в составе исконного односложного слова типа открытого слога свидетельствует о том, что в конце данного слова был согласный звук (ср. бацб. *глоб*, чеч., инг. [*гIуо*:], бацб. *де-б*, чеч. и инг. [*дие*:]; чеч. [*луо*:]; бацб. *лав* — «снег» и др.) Следовательно, долгий гласный [*и*:] или дифтонг [*ий*], отсутствовавшие в общенахском языке, показывают, что в чеченской и ингушской формах *цIий* [*цIи*:] и *цIий* утрачен конечный согласный, наличествующий в бацбийском. Соответствие чеченского *туй* ингушскому *туг* служит показателем того, что в чеченском языке выпадение согласных или их переход в другой звук (переход, скажем, *г* в *й*) происходили в более широких масштабах, чем в ингушском.

9. Закономерное соответствие чеченского сонанта *р* и глухого *р*(*рхI*) ингушского хлухого *р*(*рхI*) бацбийскому латеральному *лб*:

¹ Д. Д. Мальсагов. Чечено-ингушская диалектология, стр. 29.

² В. И. Абаев. Осетино-вейнахские лексические параллели, стр. 98.

чеч.	инг.	бацб.
<i>вуорхI</i> — семь	<i>вуорхI</i>	<i>ворлѣ</i>
<i>бархI</i> — восемь	<i>бархI</i>	<i>барлѣ</i>
<i>вуорхIалагIа</i> — седьмой	<i>вуорхIалагIа</i>	<i>варлѣеитI</i>
<i>бархIалагIа</i> — восьмой	<i>бархIалагIа</i>	<i>барлѣеитI</i>
<i>мара</i> — в объѣзѣ	<i>мархIа</i>	<i>марлѣ</i>
<i>муор</i> — охапка	<i>морхI</i>	—
<i>мара</i> — нос	<i>мархI</i>	<i>марлѣ</i>

В чеченском и ингушском языках глухой *pxI* — результат частичной регрессивной ассимиляции (под влиянием последующего *лѣ*). В дальнейшем в соответствии с общей тенденцией выпадения конечных слабых согласных в односложных словах, наблюдаемой в чеченском и ингушском языках, *лѣ* выпал, а за предшествующим *p* закрепилось оглушение, вызванное в свое время последующим (конечным) *лѣ*. Никаких глухих сонантов в вейнахском языке не было. Оглушение *p* — позднее явление в чеченском и ингушском языках. Оно могло быть использовано как фонематический признак (например, в инг. *вуорхI* — «семь», *вуор* — «истощенное животное», *биерхIа* — «соус, рассол», *бие-ра* — «овраг»¹).

10. Закономерное соответствие вейнахского (чеченского и ингушского) *д* бацбийскому *tI* в середине и конце слов:

чеч.	инг.	бацб.
<i>бад</i> — утка	—	<i>батI</i>
<i>кIалд</i> — свежий творог, сыр	<i>кIолд</i>	<i>кIалтI</i>
<i>бид</i> — помет	<i>бид</i>	<i>битI</i>
<i>удар</i> — бегать	<i>удар</i>	<i>итIар</i>
<i>д-адар</i> — бежать	<i>д-адар</i>	<i>д-атIар</i>
<i>кIуордадар</i> — надоедать	<i>кIуордадар</i>	<i>кIортIдар</i>

Исключения из этого правила: чеч. *Iамдар*, бацб. *Iамдар* — «выучить», бацб. *кардар* — «находить», *кардеб* — «найти», чеч. *кардар* — [кардие:] и некоторые другие. Указанные исключения объясняются тем, что в бацбийском смычногортанный *tI* появляется вместо *д* только в корнях слов (в неначальном положении). Те слова, в которых корневой *д* может оказаться и в конечном положении, в бацбийском имеют *tI*. Оказавшись в середине слова, вторичный *tI* сохраняется. Следовательно, *батI* < *бад*, *кIалтI* < *кIалд*, *итIар* < *удар*, *дI-атIар* < *д-адар*, *кIортIдар* < *кIордадар*.

11. Закономерное соответствие вейнахского *т* (*тт*) в середине и конце слова бацбийскому *tI* (*tI tI*):

¹ Д. Д. Мальсагов. Указ. соч., стр. 31.

чеч.	инг.	бацб.
<i>нитт</i> — крапива	<i>нитт</i>	<i>нитІтІ</i>
<i>итт</i> — десять	<i>итт</i>	<i>итІтІ</i>
<i>ишта</i> — так	<i>ишта</i>	<i>уиштІ</i>
[<i>хотту</i>] — спрашивать	<i>хоатт</i>	<i>хатІтІо</i>
<i>дерста</i> — поправлять- ся, становиться упитанным	<i>дарст</i>	<i>барст(ō)</i>
<i>леста</i> — шатается	<i>ласт</i>	<i>ласт(ō)</i>

Во многих случаях бацбийский язык отстывает от этой закономерности: чеч. *моьтта* [муоьтта], инг. *мотт*, бацб. *мотто* — «думает», чеч. *хиета*, инг. *хиет*, бацб. *хето* — «кажется», чеч. *хІутту*, инг. *оатт*, бацб. *отто* — «становится, останавливается», чеч. *лета*, инг. *лет*, бацб. *лато* — «дерется» и др. Эти примеры также показывают вторичность *тІ* в бацбийском в приведенных звукосоответствиях.

12. Закономерное соответствие вейнахского *І* бацбийскому *хь*:

чеч.	инг.	бацб.
[<i>Іутту</i>] — упрекаю	<i>Іуотт</i>	—
<i>баІ</i> — релей	<i>баІ</i>	—
<i>вуоІ</i> — сын	<i>вуоІ</i>	<i>вохь</i>
<i>йуоІ</i> — дочь	<i>йуоІ</i>	<i>йохь</i>
<i>дІа дІъа</i> — там	<i>дІа</i>	<i>дахь</i>

Иногда в бацбийском в конце слова *І* отсутствует: чеч., инг. *цхьаІ*, бацб. *цхьа*. Здесь в чеченском и ингушском вместо гамзы (ʕ) развилась фонема *І*: чеч., инг. *цхьаІ||цхьаъ*, а в бацбийском гамза отпала.

В то же время *І* сохраняется в бацбийском в начале слова, между предшествующим сонантом или звонким согласным и последующим гласным: *Іа* — «зима», *бІъаркІ*¹ — «глаз», *бІаъкІа* — «странный мешок из шкур», *иле* — *илеи* — «веретено», *нІан||нІъан* — «червяк», *ІабикІ* — «ложка» (чеч. *Іайг*) и т. д. Все эти примеры достаточно убедительно говорят об оглушении *І* в бацбийском в конечном положении.

14. Чечено-ингушскому комплексу *лх*, аккинскому *рх* в бацбийском закономерно соответствует *тх*:

чеч.	инг.	акк.	бацб.
<i>малх</i> — солнце	<i>малх</i>	<i>марх</i>	<i>матх</i>
<i>йалх</i> — шесть	<i>йалх</i>	<i>йарх</i>	<i>йетх</i>

¹ Обычно между предшествующим звонким и последующим гласным появляется щелевой вариант *І*, который мы обозначаем через *Іъ* (в чеч., бацб. и инг.).

чеч.	инг.	акк.	бацб.
буолх — работа	буолх	буорх	ботх
хьалха — раньше	хьалха	хьарха	хьатх
нилха нилхи(н) — редкий	нийлха	нирха	нитхе
диелхар — плакать	диелхар	диерхар	детхар

Можно полагать, что данное звукосоответствие—древнего происхождения. Однако не ясно, как оно возникло. По всей вероятности, комплексы *лх*, *рх* и *тх* — результат расщепления латерального согласного.

15. Закономерное соответствие чеченского *р* ингушскому *рд*, бацбийскому *рл* наблюдается очень редко: чеч. *арар*, инг. *ардар*, бацб. *арлар* — «молотить».

16. Закономерное соответствие вейнахского *хк* бацбийскому *хкI*:

чеч.	инг.	бацб.
дахк — крыса, мышь	дахк	дахкI
лохка — угоняет	лоахк	лахкIо
дохку д-охка — кладет	д-оахк	д-ахкIо
охку охка — копает	оахк	ахко
д-ухку — продает	д-оахк	дохкIо

Поскольку бацбийский *кI* восходит к чечено-ингушскому *к*, как мы видели выше, то сочетание *хк* следует признать более древним.

1. Закономерное соответствие бацбийских сочетаний *рж* и *рчI* ингушским *рж* и *рдж*, чеченскому *рж*:

чеч.	инг.	бацб.
даржар — распространяться	даржар	даржар
даьржа — распространяется	даьрдж	даржѳ
Гавьржа — черный		ГарчIѳ

Поскольку смычная аффриката *чI* восходит в сочетаниях типа *ГарчIи* к *дж*, а *ж* из *дж*, то комплекс *рдж* следует признать более древним.

18. Закономерное соответствие бацбийских сочетаний *-ап-* и *апI* в корнях исконных слов чеченскому *ау*, *оу*, ингушскому *оу*:

чеч.	инг.	бацб.
Юушар Юаушар, Гавша (Юв-шу) — жевать, жуёт	Юувшар, Юуш	ЈапIшар, Јапшѳ
хьаусар хьоусар — смотреть	хьаусар хьоусар, хьоус	хьапсар, хьапсѳ
лаузар лоузар, ловзу — играть, игра	лоузар, лоуз	'dɔʃhjuɔv ланIцIѳ
даузар доузар, доузу — знакомиться, узнать	доузар, доуз	данIцIар, данIцIѳ

Рассматриваемые комплексы имеют и грамматическое значение. В первых двух примерах бацб. *an(anI)*, чеч. *ay||ou*, инг. *ou* характеризуют однократный вид глагола. Вместе с тем форма *хьауса||хьапса* требует субъекта во мн. ч.

19. Закономерное соответствие бацбийского *en* в глагольных корнях чеченскому долготому [и:], ингушскому *ув(у)* находим мы при образовании многократного вида:

чеч.	инг.	бацб.
<i>тиуса</i> [ти:са] — бросай сверху вниз	<i>тувса</i>	<i>тепс</i>
<i>кхиуса</i> [кхи:са]	<i>кхувса</i>	<i>кхепс</i>
<i>дийца</i> [ди:ца] — рассказывай	<i>дувца</i>	<i>депц</i>

20. Закономерное соответствие бацбийского [e] в глагольных корнях при образовании многократного вида ингушским и чеченским *ие* (при закрытом слоге обычно) и [ие:] (при открытом слоге) обнаруживается в следующих примерах:

чеч.	инг.	бацб.
[хие:да] — рвется	[хие:д]	<i>хетIо̄</i>
[лиечIкѡа] — прячется	<i>лиечкIкѡ</i>	<i>лечIкѡ̄</i>
[кхие:та] — понимает	<i>кхие:т</i>	<i>кхетIо̄</i>
[хие:та] — кажется	[хие:та]	<i>хетIо̄</i>

В общенахском языке не было долгого и короткого дифтонгов [ие:]. [ие]. Это дает основание признать бацбийские формы такими формами, которые отражают общенахское состояние.

До сих пор мы старались подобрать такие формы, которые имели бы минимальные расхождения в бацбийском, ингушском и чеченском языках, позволяя исследователю последовательно и более ясно представить себе путь развертывания звуковых, фонетических и морфологических процессов в исследуемых языках. Такими близкими формами в нахских языках являются глагольные формы повелительного наклонения и масдара. В дальнейшем мы будем анализировать более сложные процессы, отражающие поздние периоды развития нахских языков.

21. Закономерное соответствие бацбийского [o] в первом корневом закрытом слоге чеченскому [y] или [уоь], ингушскому [oa] при образовании форм настоящего времени изъявительного наклонения от исконных непроезженных глаголов (если после [o] в бацбийском нет *n, nI* или *b*):

чеч.	инг.	бацб.
<i>кхулли</i> — надевает	<i>кхоал</i>	<i>кхолло̄</i>
[муоьтту] — думает	<i>моатт</i>	<i>мотто̄</i>
<i>дохку</i> — продает	<i>доахк</i>	<i>дохкIо̄</i>

Наличествующие в исходных формах повелительного наклонения *yo* (чеч., инг.) и *o* (бацб.), от которых образованы анализируемые формы наст. вр., не обусловлены вторым типом первичного чередования. Данные основы иного происхождения, т. е. лабиализованный гласный (чеч., инг. *yo*, бацб. *o*) нельзя объяснять вторым типом первичного чередования корневых гласных. Вопрос о происхождении корневого гласного в рассматриваемых формах остается открытым.

22. Закономерное соответствие бацбийского краткого [e] корневого слога чеченскому и ингушскому *ue* (или [ue:]) в формах повелительного наклонения:

чеч.	инг.	бацб.
[ue:ца] — купите	[ue:ца]	[eц]
[ueккха] — прыгай	[ueккха]	[еккх]
[ue:ша] — будь недостаточным	[ue:ша]	[еш]

При образовании от этих глаголов форм наст. вр. изъявит. накл. бацбийский [e] сохраняется, в чеченском начальный долгий дифтонг [ue:] переходит в [yob:], краткий же сохраняется, а в ингушском во всех примерах образуется закрытый слог с кратким [ue] в связи с опадением конечного [a]:

чеч.	инг.	бацб.
[yob:цу] — покупает, берет	[ueц]	[eц̃]
[ueккха] — прыгает	[ueккх]	[еккх̃]
[yob:шу] — нуждается, не достается	[ueш]	[еш̃]

В этих примерах исходными общенахскими являются основы: *eц..., *еккх..., *еш...

23. Бацбийский долгий корневой [a:] в общенахских глаголах при образовании форм наст. врем. изъявит. наклон. соответствует чеченскому долготу [o:], ингушскому дифтонгу [oa]:

чеч.	инг.	бацб.
[o:py] — молотит	[oapd]	[a:pl̃õ]
[d-o:gy] — горит	[d-oag]	[d-a:kl̃õ]
[d-o:шу] — бреет	[d-oaш]	[d-a:ш̃õ]
[o:xу] — пашет	[oax]	[a:x̃õ]

Указанное звукосоответствие обусловлено вторым типом вторичного чередования, т. е. вставкой конечного лабиализованного внутрь корня при образовании форм наст. врем. в чеченском и ингушском. Следовательно, основы восстанавливаемых общенахских форм суть *арл̃..., *d-аг..., *[d-a:ш...], *[a:x...]

24. Бацбийский краткий корневой [a] в общенахских двусложных глаголах при образовании форм настоящего времени изъявит. накл. закономерно соответствует чеченскому и ингушскому [o]:

чеч.	инг.	бацб.
[лоху]	[лох]	[лах̄ō]
[молу]	[мол]	[мал̄x̄ō]
[тосу]	[тосс]	[тас̄ō]
[хьожу] — смотрит	[хьодж]	[хьач̄lō]

Данное звукосоответствие обусловлено вторым типом вторичного чередования, т. е. вставкой конечного лабиализованного внутрь корня при образовании настоящего времени в чеченском и ингушском языках. Следовательно, основы восстанавливаемых общенахских форм суть: *[лах...], *[мал̄x̄...], *[тас...], *[хьадж...]

25. Бацбийский краткий корневой [a] в общенахских односложных именных основах типа закрытого слога в им. п. ед. ч. закономерно соответствует чечено-ингушскому [yo]:

чеч.	инг.	бацб.
[буос] — цвет	[буос]	[бос]
[муоз] — мед	[муодз]	[моцI]
[муотт] — язык	[муотт]	[мотIтI]
[дуош] — слово	[дуош]	[дош]
[дуог] — сердце	[дуог]	[докI]

Рассматриваемое звукосоответствие обусловлено вторым типом первичного чередования гласных во всех нахских языках. Следовательно, основы восстанавливаемых общенахских форм суть: *[б-асв...], *[мадзв...], *[маттв...], *[д-ашв...], *[д-агв...].

Мы не останавливаемся здесь на звукосоответствиях в нахских языках, отмеченных В. И. Абаевым¹.

Ряд звукосоответствий не удастся анализировать в масштабе всей группы нахских языков из-за утраты соответствующих слов бацбийским языком. Например, чеч. *серло*, инг. *сердало* — «свет», чеч. *керла*, инг. *кердала* — «новый, свежий» и т. д.

Мы привели далеко не все звуковые соответствия между языками нахской группы, ограничившись наиболее простыми и вместе с тем наиболее важными для сравнительно-исторической характеристики этих языков

Исторические чередования гласных в именных и глагольных основах в нахских языках

В нахских языках более древними являются чередования гласных в именных и глагольных основах.

Звуковые соответствия между языками нахской группы в области согласных возникли значительно позже. Важнейшие из них происходят

¹ В. И. Абаев. Осетинско-вайнахские лексические параллели, стр. 103—112.

в конечном положении. Среди исторических чередований гласных встречаются первичные чередования, охватывающие все нахские языки. Среди звуковых соответствий между языками нахской группы в области согласных мало таких, которые охватывали бы все нахские языки. Подобно вторичным чередованиям гласных, многие звуковые соответствия между языками нахской группы в области согласных противопоставляют чеченский и ингушский языки бацбийскому.

В нахских языках следует различать исторические чередования гласных первичного и вторичного происхождения.

Древнейшее или первичное чередование гласных (нахский аблаут)

Сюда входит три типа чередований корневых гласных разного происхождения: а) чередование гласных именных и глагольных основ, обусловленное вставкой внутрь основы конечного лабиализованного звука; б) чередования корневых гласных в именных основах, обусловленные обратным влиянием аффикса родительного падежа *-ин*; в) чередования корневых гласных в глагольных основах, обусловленные обратным влиянием аффикса только что прош. времени *и*; г) чередования корневых гласных в глагольных основах при образовании однократного и многократного видов.

Рассмотренные типы первичного чередования дают аблаут лабиальный и палатальный.

Лабиальный (губной) аблаут обусловлен вставкой конечного лабиализованного звука внутрь основы. Конечный лабиализованный — это лабиализованный согласный звук (типа *дак1в*) или лабиализованный гласный звук, представляющий собой окончание в формах имен и аффиксов наст. времени в глагольных формах.

Палатальный (мягкий) аблаут обусловлен вставкой аффиксального [*и*] из состава формата род. п. ед. ч. [*ин*] в именных основах и аффикса только что прош. времени изъявит. накл. [*и*].

Вторичное чередование гласных (нахский умлаут)

Сюда входит чередование именных и глагольных основ. Оно возникло после распада общенахского языка-основы. Сюда относятся три первых типа первичного чередования, получившие дальнейшее развитие:

а) чередования корневых гласных в глагольных основах, обусловленные вставкой внутрь корня конечного лабиализованного звука;

б) дальнейшее развитие чередований корневых гласных именных основ, обусловленных обратным влиянием аффикса род. п. [*ин*] в чеченском и ингушском языках;

в) дальнейшее развитие чередований корневых гласных в глагольных основах, обусловленных обратным влиянием аффикса только что прош. времени [*и*].

Анализируемые типы вторичного чередования также дают чередования гласных в глагольных основах при образовании однократного и многократного видов.

Первый тип первичного чередования

Первый тип первичного чередования характеризуется заменой передних гласных *и* и *е* (долгих и кратких), наличествующих в одних формах именных и глагольных основ древнейшего происхождения

кратким [a] или долгим [a:] в других формах тех же основ. Происхождение этого типа первичного чередования связано в именных основах с аффиксом родит. падежа [ин] (с его фонетическими вариантами) и в глагольных основах с аффиксом только что прошедшего времени [и] (с его фонетическими вариантами).

В связи с первым типом первичного чередования находятся чередования корневых гласных глагольных основ при образовании двух видов — однократного и многократного: чеч., инг. *лахка* — «утоны» (многих), бацб. *лахкI*; чеч., инг. *лиехка*, бацб. *лехкI* (многокр. вид).

Варианты этих древнего происхождения аффиксов широко представлены в дагестанских и нахских языках. Вероятно, аффиксы только что прошедшего времени выявляются в системе спряжения абхазо-адыгских языков. Ниже мы рассмотрим соответствующие факты.

Анализируя факты современных нахских языков в синхронном, историческом и сравнительно-историческом плане, мы наталкиваемся на такие чередования гласных, которые невозможно объяснить только лишь данными чеченского, ингушского и бацбийского языков. К числу таких чередований относятся чередования передних гласных с кратким [a] и долгим [a:]

В именных основах			
	чеч.	инг.	бацб.
им. п. ед. ч.	<i>диг</i> — топор	<i>диг</i>	<i>дикI</i>
эрг. п. ед. ч.	[<i>дагаруо:</i>]	[<i>догаруо:</i>]	<i>дакIв</i>
дат. п. ед. ч.	<i>дагарна</i>	[<i>догара:</i>]	<i>дакIн</i>

Такого же характера чередования корневых гласных обнаруживаются и в следующих именах: чеч. *цIие*, инг. *цIие*, бацб. *цIе* — «огонь»; чеч. *никъ* (*некъ*), инг. *никъ*, бацб. *никъ* — «дорога» и др.

В глагольных основах рассматриваемый тип чередования ярче всего проявляется при образовании видовых форм. Так, например, перегласовку корневого гласного при образовании однократного и многократного видов можно показать на следующем примере:

В глагольных основах		
	однократ. вид	многократ. вид
чеч.	<i>лахка</i> — утоны многих	<i>лиехка</i> <i>лехк(a)</i>
инг.	<i>лахка</i>	<i>лиехка</i> <i>лехк(a)</i>
бацб.	<i>лахкI(a)</i>	<i>лехкI(a)a</i>

Второй тип первичного чередования

Рассматриваемый тип чередования мы называем вторым древнейшим типом потому именно, что он также возник, по-видимому, в период существования того языка-основы, к которому восходит общенахский язык.

На это указывает ведущий признак, обусловивший это чередование, а именно, элемент лабиализации корневого гласного. Таким эле-

ментом является $v||y[w]$, который до сих пор в некоторых словах бытует в абхазо-адыгских, дагестанских языках. Однако в них утрата этого элемента (т. е. элемента лабиализации корневого согласного) не сопровождается, как мы увидим ниже, чередованием корневого гласного, как в нахских языках.

Следовательно, это чередование возникло на ранних этапах развития общенахского языка.

Сущность этого явления состоит в следующем.

Односложные имена существительные (особенно древнейшего происхождения), образующие закрытый слог в форме им. п. ед. ч., меняют корневой a (краткий или долгий) на лабиализованный. При этом краткий гласный заднего ряда среднего подъема $[a||]$ сохраняется в формах косвенных падежей, а также, как правило, и в некоторых формах множественного числа:

чеч. яз.			инг. яз.		
им. п.	эрг. п.	дат. п.	им. п.	эрг. п.	дат. п.
[<i>дуог</i>] — сердце	[<i>дагуо:</i>]	[<i>дагна</i>]	[<i>дуог</i>]	[<i>дегуо:</i>]	[<i>дега:</i>]
[<i>буц</i>] — трава	[<i>ба:цуо:</i>]	[<i>ба:цана</i>]	<i>буц</i>	[<i>баьцуо:</i>]	[<i>беца:</i>]
[<i>тIуом</i>] — война	[<i>тIамуо:</i>]	[<i>тIамна</i>]	<i>тIуом</i>	[<i>тIемуо:</i>]	[<i>тIема:</i>]
[<i>муотт</i>] — язык	[<i>маттуо:</i>]	[<i>маттана</i>]	[<i>муотт</i>]	[<i>меттуо</i>]	[<i>меттаа</i>]

бацб. яз.			
им. п.	эрг. п.	дат. п.	мн. ч.
<i>докI</i> — сердце	<i>дакIв</i>	* <i>дакIна</i>	им. п.
<i>моцI</i> — мед	<i>мацI...</i>	* <i>мацIна</i>	<i>докIи (дакIми)</i>
<i>дикI</i> — топор			эрг. п.
<i>мотIтI</i> — язык	<i>матIтI...</i>	* <i>матIтIна</i>	<i>дакIив</i>
<i>дош</i> — слово.	<i>даш...</i>	* <i>дашна</i>	дат. п.
			<i>дакIин</i>

Наблюдаемый в этих примерах лабиализованный корневой гласный, встречающийся в формах им. п. ед. ч. (чеч. *дуог*, *муотт*, *дуош*, бацб. *докI*, *мотIтI*, *мокI*, *дош*) и восходящий к первичному $[a]$, т. е. к звуку заднего ряда среднего подъема (чеч. *дагна*, *маттана*, *дашна*, *дагарна*; бацб. *дакIв*, *мацI...*, *матIтI...*, *дашна*), представляет собой второй тип первичного чередования гласных именных основ.

Не только данные нахских языков объясняют нам причины этого древнейшего типа чередования. Некоторые факты, связанные с заимствованиями из грузинского языка, также косвенно проливают свет на рассматриваемое явление. Так, например, чеченцы и ингуши заимствовали в далеком прошлом из грузинского языка слово *лук* (груз. *хахви*¹, инг., чеч. *хуох*). Поскольку чечено-инг. *хуох* восходит к гру-

¹ Русско-грузинский словарь. Тбилиси, 1958, стр. 261.

зинскому *хавхи*, то можно полагать, что чечено-ингушский краткий дифтонг *yo*, встречающийся в формах им. п. ед. ч. некоторых приведенных исконных слов (*дуог*, *дуош*, *муотт*), является также результатом вставки внутрь корня сонанта $\vartheta[w]$. Есть основание думать, что некоторые факты из других иберийско-кавказских языков подтверждают это положение. В аваро-андо-цезских языках слово сердце бытует в следующих фонетических вариантах: аварск. *p-a-kl* (где *p* — классный префикс, а корень представлен одним согласным *kl*; в аварском лабиализация конечных согласных исчезает и обнаруживается лишь в середине слова перед гласными. Отсутствующая в аварском литературном лабиализация корневого *kl* выявляется в диалектах, в которых вместе с литер. *раklал* находим форму мн. ч. *раkl уаби*¹ с лабиализованным корневым *kl*, т. е. с *klʷ||klʷ*², дидойский (цезский *раklʷ*).

В вицхинском диалекте лакского языка находим форму *да-kl* с лабиализованным корневым *kl* и омертвелым классным префиксом *д*; между тем как в лакских диалектах, не утративших лабиализацию согласных, наличествует форма *д-а—klʷ||д-а-klʷ* (где *y||ʷ* обозначают лабиализацию согласных).

В адыгейском и кабардино-черкесском языках представлено рассматриваемое слово в виде *гу||гуы*, где *y* показывает лабиализацию предшествующего согласного *г*. В его абхазском варианте *агу* находим префикс определенной формы имени *а*- и лабиализованный *г* (т. е. *гу*). В грузинском языке бытует анализируемое в форме *гули*, в составе которой *-ли* представляет собой суффикс.

В свете приведенных данных абхазо-адыгских, грузинского, дагестанских и нахских языков заслуживает особого внимания хиналугская форма этого слова *-yɛ||yɛg*, где представлен корневой согласный звук *г*, представляющийся делабиализованным вариантом такого же типа согласного, сохранившегося в абхазо-адыгских, картвельских и нахских языках. Хиналугский язык является единственным из дагестанских языков, в котором мы находим *г* в качестве корневого согласного в составе звукового комплекса, обозначающего слово «сердце». Предшествующий корневому согласному в хиналугском [*y*] лабиализованный (и назализованный) гласный представляет интерес в плане рассмотрения процесса делабиализации корневого согласного этого слова. Мы видели выше, что в литературном аварском, в некоторых лакских диалектах лабиализация корневого согласного в конце слова исчезает. Такое явление можно объяснить либо отпадением элемента лабиализации корневого согласного, либо его перестановкой во внутрь именного корня. По-видимому, в аварском и лакском отпал элемент лабиализации корневого согласного в конечном положении. Напротив, в нахских языках обнаруживается вставка внутрь именной основы элемента лабиализации конечного согласного³. Можно полагать, что аналогичное явление произошло и в хиналугском, т. е. вставка элемента лабиализации внутрь корня *yɛ||yɛg < *yɛg...* Назализация [*yɛg*] < [*yɛg*] восходит к наращенному [*н*].

На фоне этих данных рассмотрим слово «сердце» в нахских языках. Оно имеет следующие фонетические варианты: чеч., инг. [*д-yoɔ*], бацб. [*докl*]. Как видно из этих примеров, префикс *д* — окаменелый классный показатель, а конечный согласный является исторически корневым. В

¹ С. М. Хайдаков. Очерки по лакской диалектологии (рукопись).

² Е. А. Бокарев. Цезские (дидойские) языки Дагестана, М.—Л., 1959, стр. 228.

³ Изложенный выше процесс исторического образования исследуемого типа первичного чередования впервые был рассмотрен проф. Н. Ф. Яковлевым еще в 1939 г. См. «Морфологию чеченского литературного языка», Грозный, 1959.

формах основных косвенных падежей в чеченском и бацбийском между окаменелым классным показателем *д* и корневым согласным находим (как и в аварском, лакском и некоторых других дагестанских языках) краткий гласный звук заднего ряда среднего подъема [а], который является наиболее распространенным из гласных древнейшего происхождения в абхазо-адыгских, дагестанских и нахских языках: чеч. эрг. п. [дагуо:], дат. п. [дагана] и т. д.; бацб. эрг. п. [дакле], дат. п. [даклин], им. п. мн. ч. даклми и др. Что же касается передних гласных, наличествующих в некоторых формах косвенных падежей, то происхождение их в чеченском (род. п. *дега*, им. п. мн. ч. *догана*), ингушском (эрг. п. [дегуо:], дат. п. [дега:] и др.) легко объясняется на основании закона вторичного чередования гласных именных основ в нахских языках.

Наконец, о корневом *г* (чеч., инг. *г* || бацб. *к/ < г*)¹. Данные абхазо-адыгских, дагестанских и собственно нахских языков свидетельствуют, что *г* — исторически был лабиализованным звуком. Во-первых, как мы отмечали выше, в абхазском (*агу||агуы*), адыгейском (*гу||гуы*), кабардинском (*гу||гуы*) рассматриваемый звук является лабиализованным. Во-вторых, в лакских диалектах в конечном положении (*дак/у*), а в аварском в середине слова (*ракл/уаби*) еще сохраняется лабиализация этого звука. В-третьих, в литературном аварском (*ракл*) и лакском (*дакл*) произошла делабиализация рассматриваемого звука. В-четвертых, в хиналугском, в котором переименовываются исторические данные в рассматриваемом слове абхазо-адыгских, дагестанских и нахских языков, обнаруживается перестановка элемента лабиализации внутрь корня (*уе||уне*). В-пятых, в древнейших заимствованиях чеченского и ингушского языков из грузинского выявляется также перестановка элемента лабиализации внутрь корня: чеч., инг. *хуох* — «лук» из груз. *хахви* с утратой конечного гласного (ср. исконно нахские слова чеч., инг. *дуог* (им. п.), *дагана* (дат. п.) *дагаца* (тв. п.) и т. д. Наконец, в шестых, характерный для нахских языков закон вторичного чередования гласных основ по существу представляет собой дальнейшее развитие, расширение закона первичного чередования. Согласно закону вторичного чередования под влиянием аффиксальных лабиализованных и палатализованных гласных соответственно происходит лабиализация или палатализация корневых гласных. Начальным этапом или одной из форм проявления этого процесса является вставка внутрь корня аффиксального лабиализованного гласного или гласного переднего ряда.

Из всего сказанного следует, что в нахских языках первоначально корневой согласный в составе слова «сердце» был лабиализованный *гв*². Таким образом, современные чеченск. и ингушск. *дуог* (в некоторых косвенных падежах основа *даг*), бацбийск. *док/* (в некоторых косвенных падежах ед. и мн. ч. основа *дакл*) исторически восходят к *д-а-гв...* Данные косвенных падежей нахских языков особенно ценны для сравнительно-исторического изучения древнейших именных основ в горских иберийско-кавказских языках древнейшего происхождения.

Первоначально лабиализованные согласные также были представлены в исходных основах следующих слов: чечено-ингушск. *муотт* — «язык», бацбийск. *мот/т/* (основа некоторых косвенных падежей во всех нахских языках *матт*), *маттв.*, чеч. *муоз*, инг. *муоз||муодз* (чечено-инг.

¹ Чеченскому, ингушскому *г* в бацбийском закономерно соответствует *к/*. Так, чеч. *лерг*, бацб. *ларк/* — «ухо», чеч., инг. *диг*, бацб. *дик/* — «топор» и т. д.

² И. Ф. Яковлев. Морфология чеченского литературного языка, 1960. Т. Е. Гудавя. К изменениям лабиализованных согласных в аварском и андийских языках, ИКЯ, т. VIII, Тбилиси, 1956.

основа *маз* < *мадз*), бацб. *моцI* — «мед» (бацб. основа *мацI*) *м-а-дзв...*, чечено-ингушск. *диг*, бацб. *дикI* — «топор» (основа *даг*), *дагв...*; чеч., инг.; бацб. — «трава» (основа *бац*), *бацв...*, чечено-ингушск. *дуош*, бацб. *дош* — «слово» (основа *даш...*), *д-а-шв...*; чеч., инг. *буос*, бацб. *бос* (основа *бас*) — «цвет», *б-а-св...*; чеч., инг. *луо* (чечено-инг. основа *ла...*), бацб. *лав* (бацб. основа *лав*), *л-а...в*; чеч. *хьун*, инг. *хьу*, бацб. *хьу* (основа *хьан*) — «лес», *хьа-нв...*

Действие этого закона проявляется в односложных словах типа открытого слога. чеч., инг. *шуо*, бацб. *шо* (общенахская основа *шар*) — «год», чеч., инг., бацб. *са* (общенахская основа *са*) — «душа».

Среди двусложных слов исконного происхождения мы также находим основы с гласным *а* древнейшего происхождения, но без первичного чередования: чеч. *ваша*, инг. *воша*, бацб. *вашо* — «брат» (основа *в-а-ш*); чеч. *й-иша*, инг. *йаша*, бацб. *йашо* — «сестра» (основа *йаш*).

Итак, первичное чередование рассматриваемого типа представляет собой чередование гласного *о* (бацб. краткий монофтонг [o]) чечено-инг. краткий дифтонг [yo] в форме им. п. ед. ч. с кратким [a], сохранившийся до сих пор во всех нахских языках в формах дат., эргат., местн. и исходного падежей и в большинстве производных от них форм. Это чередование обусловлено вставкой внутрь корня элемента лабиализации корневого согласного или следующего за ним неслогового [y]. Стало быть, современные чечено-инг. *дуог*, бацб. *докI* — «сердце» восходят к *д-а-гв...*, чечено-инг. *дуош*, бацб. *дош* — «слово» — к *д-а-шв...*, чечено-инг. *муотт*, бацб. *мотIтI* — к *м-а-т(т)в*.

Следовательно, преобразование первичного корневого [a] в [yo] в чеченском, ингушском и [o] в бацбийском связано с делабиализацией корневого согласного и эпентезой элемента лабиализации этого согласного внутрь корня, к корневному гласному. В результате первичные формы им. п. ед. ч. *д-а-гв...*, *д-а-шв...* и т. д. приняли вид *дуог*, *дуош* (чечено-инг.), *дог*, *докI*, *дош* (бацб.).

Общенахские основы с корневым долгим [a:] или кратким [a] обнаруживаются и в глагольных основах. В них не наблюдается закон первичного чередования. Объясняется это, по-видимому, тем, что в анализируемых примерах корневой согласный не был лабиализованным.

На ранних этапах развития общенахского языка повелительное, неопределенное наклонения, настоящее простое и будущее простое времена изъявительного наклонения не были достаточно четко морфологически дифференцированы. В этом проявлялся в общенахском грамматический синкретизм, который сохранил бацбийский язык в значительно большей степени, чем чеченский и ингушский. И сейчас в бацбийском морфологически слабо дифференцированы повелительное, неопределенное наклонения, настоящее простое и будущее простое: *алъа* — «скажи и сказать», *ахав* — «паши и пахать», если особо подчеркнуто произнести эти и им подобные глагольные формы, то в неопределенном наклонении появляется оттенок назализации конечного гласного *алъо* — «говорит и скажет», *ахо* — «пашет и вспашет».

В чеченском и ингушском также очень слабо дифференцированы морфологически формы *ал(a)* || *ала* — «скажи и сказать», *ах(a)* || *аха* — «паши и пахать». Но зато настоящее и будущее подверглись полной дифференции: чеч. *олу* — «говорит», *оху* — «пашет», *олур* — «скажет», *охур* — «вспашет» и т. д.

Такая дифференциация этих времен произошла, очевидно, после распада общенахского языка, чему способствовала вставка конечного [o] внутрь глагольного корня (при образовании наст. вр.): чеч. *ало*, *олу* || *ола*,

инг. *ало, оал* и т. д. Более подробно об этом будет сказано при рассмотрении второго типа вторичного чередования. В чеченском и сейчас отчетливо проявляется грамматический синкретизм в глаголах с корневым гласным [оv] в повелит. наклонении: *ловза* может означать «играй, играть, играет» и т. д., а также в некоторых глаголах с корневым гласным *ие*: *кхиехка* — «кипи, кипят, кипела», [а:xi] (по закону вторичного чередования), бацб. [а:xi] — «вспахал»; общенахская исходная основа только что прош. врем. также — [а:ч...].

Формы наст. вр. от глагола [д-а:ха]: чеч. [д-е:ха] (вероятно, основа этой формы восходит к основе формы только что прош. вр. [де:хи], ср. бацб. наст. вр. [д-а:хо]; формы только что прош. вр. в чеч. [де:хи] (здесь [е:] из [а:] по закону вторичного чередования), инг.—, бацб. [да:хи]. Общенахская исходная основа этого глагола [д-а:х...||в-а:х...||б-а:х||й-а:х].

Форма наст. вр. от глагола [лаха]: чеч. [лоху||лоха] (здесь [о] из [а] по закону вторичного чередования), инг. *лоах* ([о] — вставка суффиксального конечного по закону вторичного чередования), инг., бацб [лахи]. Общенахская исходная основа этого глагола [л-а-х...].

Формы наст. вр. от глагола [гаса]: чеч. [тосу||госа] (здесь [о] из [а] по закону вторичного чередования), инг., бацб. [гасо]; формы только что прош. вр.: чеч. [геси] ([е] из [а] по закону вторичного чередования), инг., бацб. [гаси]. Общенахская исходная основа этого глагола [г-а-с].

Как видно из изложенного, общенахские основы рассмотренных глаголов: [а:х], [д-а:х...], [л-а-х...] и [г-а-с] в повелительном, неопределенном наклонениях и в масдаре во всех нахских языках совпадают.

В бацбийском эти основы сохранились в наст. вр., только что прош. и некоторых других формах.

Мы ограничиваемся приведенными примерами, поскольку специальный раздел посвящается нами анализу именных и глагольных основ в сравнительно-историческом плане.

Вторичное чередование гласных основ

Нахские языки отличаются обилием фонетических изменений основ слов и их форм. Подавляющее большинство из них имеют морфологическое, грамматическое значение. В этом смысле рассмотренные нами два типа первичного чередования можно было бы назвать морфологическими чередованиями. Точно так же морфологическими являются три первых типа вторичного чередования гласных именных и глагольных основ, которые будут здесь подвергнуты анализу. И лишь четвертый тип вторичного чередования в большинстве случаев носит чисто фонетический характер.

Все типы вторичного чередования возникли после распада общенахского языка-основы. Следовательно, вторичное чередование является продуктом дальнейшего развития тех тенденций, которые были заложены в общенахском языке и которые в разной степени проявились в каждом из нахских языков в эпоху их формирования.

Таким образом, если два типа первичного чередования гласных основ в известной мере отражают состояние того языка-основы, к которому восходит общенахский язык, в последний период его существования, а также состояние общенахского языка в первый и последующие периоды его развития, то все типы вторичного чередования характеризуют общие звуковые процессы, развернувшиеся в отдельных нахских языках после распада общенахского языка-основы.

Первый тип вторичного чередования гласных основ

Первый тип вторичного чередования возник путем замены или лабиализации нелабиализованного гласного основы посредством перестановки губного гласного окончания внутрь основы.

Анализируя факты чеченского и ингушского языков в историческом аспекте, легко удается установить регулярную, закономерную замену в общенахских формах, имевших в основах нелабиализованные гласные, а в окончаниях — губные гласные в чеченском и ингушском языках нелабиализованного звука основы путем перестановки губного гласного или сонанта [u] окончания внутрь корня. Бацбийский язык продолжает сохранять в этом вопросе в основном (за редкими исключениями) общенахское состояние. Сначала этот процесс носил характер дистанционной частичной и полной регрессивной ассимиляции гласных, иначе обратной гармонии гласных. В дальнейшем за этими изменениями закрепились морфологические значения, затем из живых фонетических чередований они превратились в исторические чередования. Губные гласные постепенно утратили грамматические функции и стали исчезать (например, в ингушском). Это видно из следующих фактов, касающихся односложных и двусложных основ:

чеч.	инг.	бацб.
[кѣуо:на] [кхокха кхокху] чеберлоевск. (кхак+у)		[кѣа-но] — молодой кхаукх (кхакху) — голубь
[луо:] [дав дов]		[лав] — снег [даву] — драка (заимст.)
[хьо:з(а) хьо:зу] [олхазар олхузур] [лоха лоху] [доккха доккху] [до:ца до:цу]		[хья:ц ук] — воробей, птица *[алхадзур] — птица [лаху] — низкий [даккхо] — большой [да:цу] — короткий

Более широко и наглядно первый тип второго чередования представлен в глагольных основах:

Общенахская основа повелит. накл.	чеч.	инг.	бацб.
ал(а) бацб. алъ(а)	[о:ла о:лу]	Оал	[а:лѣо] — говорит
ах(а)	[О:ха о:ху]	Оах	[а:хо] — пашет
тас(а)	[тоса тосу]	тоас	[тасо] — рассыпает

Из этих примеров видно, что бацбийский сохраняет общенахское состояние основы. В чеченском в результате перестановки лабиализованного гласного окончания внутрь корня долгий [а] переходит в дол-

гий [o:], а краткий [a] в краткий [o]. В ингушском такая перестановка (или обратная гармония) приводит к образованию дифтонга *oa*, первый элемент которого представляет собой переставленный лабиализованный гласный окончания, а второй элемент — исходный гласный основы.

В результате такой перестановки в чеченском и ингушском носителями грамматического значения настоящего времени стали гласные основы. В таких ингушских формах наст. вр. конечные гласные отсутствуют. В чеченском в таких случаях факультативно могут быть представлены формы без гласного, с гласным [a] или [y]: *ол||ола||олу*. В письменном языке для унификации написания узаконены как литературные формы с конечным [y]: *олу, оху* и т. д.

В чеченском языке в системе глагола рассмотренный тип чередования распространяется на все формы, образованные от настоящего времени (зависимые и независимые причастия, а также деелпричастия настоящего времени).

Второй тип вторичного чередования гласных основ

При образовании второго типа вторичного чередования происходит палатализация гласного основы под влиянием *и* или *е*.

Двусложные слова, оканчивающиеся в общенахском языке на передние гласные, в чеч. и инг. меняют в им. п. ед. ч. корневые перетные гласные на передние гласные по закону обратной гармонии гласных. В бабц. в таких случаях, как правило, сохраняется общенахское состояние.

Данные таких архаичных диалектов чеченского языка, как чеберловский, показывают, что употребляемые в литературном языке формы типа *дела* восходят к *дели* < *дали* (чеберл. *дали*) — «бог». В ингушском приведенные слова встречаются в следующих формах (им. п. ед. ч.): *доту* — «серебро», *дошу* — «золото», *дала* — «бог»¹.

В баббийском общенахское слово, обозначающее «золото» заменено грузинским заимствованием: *окро*. Слова же «серебро», «бог» в баббийском звучат соответственно: *платеб, дал*.

Третий тип вторичного чередования гласных основ

Третий тип вторичного чередования обусловлен влиянием аффикса родит. п. ед. ч. *ин||он* и его фонетических вариантов на гласные односложных и двусложных именных основ и аффикса только что прошедшего времени (и его фонетических вариантов с передними гласными) на гласные основ тех глагольных форм, которые образовались от основы только что прошедшего времени. В этом процессе также обнаруживается дальнейшее разворачивание тех закономерностей, которые были заложены в языке-основе, к которому восходит общенахский язык, в связи с образованием аффикса родительного падежа и только что прошедшего времени. Как мы видели при характеристике типов первичного чередования, процесс не получил широкого развития в общенахском языке. В баббийском он разворачивался весьма слабо. Лишь в чеченском и ингушском языках палатализация корневых гласных в именах и глаголах под действием указанных аффиксов вызвала большие изменения в структуре именных и глагольных основ (особенно в чеченском языке).

¹ З. К. Мальсагов. Ингушская грамматика.

В чеченском литературном языке бытуют слова «дом», «крыло», «щенок», «мать», «отец», «брат» в следующих формах:

Единственное число			
им. п.	род. п.	лат. п.	эрг. п.
[цIа] — дом	[цIи:н]	[иIиенна] [цIи:нна]	[цIиe:нуо:]
[тIам] — крыло	[тIe:мин] [тIe:ма]	[тIамна]	[тIe:муо:] [тIа:муо:]
[на:на] — мать	[не:на(н)] [не:нин]	[нанна]	[на:нас]
[да:] — отец	[де:н]	[де:на]	[да:с]
[ваша] — брат	[веши:н]	[веши:на]	[вашас]
[кле:за] — щенок	[кле:зин]	[кле:зана]	[ке:зуо:]

твор. п.	местн. п.	исх. п.	им. п. мн. ч.
цIиенца	[цIи:нах]	[цIe:ра]	[цIиe:нуош]
[тIаьмца]	[тIe:мах]	—	[тIаьмнаш]
[не:наца]	[не:нах]	[не:ние:ра]	[на:ной]
[де:ца]	[де:]	[де:(га)ра]	[дай]
[веши:ца]	[веших]	[вешие:гара]	[вежера]
[кле:заца]	[кле:зах]	[кле:зие]	[кле:зари:]

Все эти односложные и двусложные слова меняют корневой гласный, наличествующий в им. п., на передний гласный (долгий, краткий монофтонг или дифтонг) в род. п. ед. ч. Формы род. п. ед. ч. образовались следующим образом: *цIа + ин = [цIи:н]*, *тIам + ин = [тIеми(н) || тIема]*, *нана + ин = [наинин > не:нин > не:на]*, *да + ин = [даин > де:н]*, *ваша + ин = [вашаин > веши:н]*, *кле:за > [кле:зи > кле:за] + ин = [кле:зин || кле:зан]*. Аналогичные факты, свидетельствующие о перестановке суффиксального [и] внутрь корня (основы) с сохранением этого [и] в составе суффикса в одних случаях и без сохранения его — в других; в бацбийском: *набдур* — «войлок» (им. п.), *наибдуре* (р. п.) — в последнем примере вставка суффиксального [и] с утратой назализации внутрь корня вызывает ослабление этого звука в конечном (суффиксальном) положении, так возник его назализованный вариант [e], восходящий к [и, ин]; *ас калаик вуитIас* — «я в город иду», употребляемая в этом предложении форма *калаик* восходит к *калаки || калаке* (направит. I п.).

При рассмотрении приведенных форм следует учесть: во-первых, в чеченском при стечении двух однородных или разнородных гласных образуется долгий звук (монофтонг или дифтонг), этим объясняется наличие долгих гласных в формах [цIи:н], [де:н], во-вторых, аффиксальный [и], изменив предшествующую ему корневую фонему, нередко исчезает: *нея, нени || ненан, ненин, кле:за(н) || кле:зи(н)*.

Краткое произношение конечных гласных в словах [не:на(н), не:нин], [кле:за(н), кле:зи(н)] обусловлено, во-первых, весьма кратким зву-

чанием краткого [a] в исходной форме: [кIе:за||кIез], [на:на||на:н], во вторых, наличием долгого гласного в первом слого.

В остальных косвенных падежах чередуются формы, образованные от им. п. и род. п. ед. ч. Так, например, *нанна*, *нанас*, *наной* восходят к основе им. п. ед. ч., а *ненаца*, *ненах*, *нениера* — к основе род. п. ед. ч. Такое чередование форм, восходящих к разным исходным основам, является характерной чертой чеченского, вообще нахского склонения. Это обстоятельство очень осложняет анализ склонения в последующих языках.

Что изменение корневого гласного в приведенных примерах (за исключением *кIеза*, обусловлено влиянием *и* в составе аффикса род. п. ед. ч., подтверждается данными чеченских диалектов. В чеберлоевском диалекте сохранилась форма родительного падежа (*на:нин*), где корневой гласный не подвергается изменению. В горных диалектах чеченского языка встречаются формы *кIази* и *кIези*.

Рассматриваемый тип чередования не только в именах существительных и в глагольных формах, но и во всех остальных частях речи: чеч. *дикин*, инг. *дикаь*, бадб. *дакин* (*дакинда* — «хорошо») — «хороший», *да-к...*; чеч. *кIезга*, *кIезиг*, инг. *кIезиг*¹, бадб. *кIадзикI*, *кIадзиг...*, чеч. *меци*, инг. *мецаь*, бадб. *маци*, *мац...*; чеч. [шуйшиъ] — «вы вдвоем», *шу* — «вы»; *шиъ* — «два», при образовании формы *шуйшиъ* сливаются в одну лексическую единицу *шу* и *шиъ*, гласный звук *у* в составе *шу* подвергается палатализации под влиянием аффиксального (для новой лексической единицы *шуйшиъ*) *и*; чеч. *тхойшиъ* — «мы вдвоем», *тхуо* — «мы», *шиъ* — «два», при образовании из последних двух слов формы *тхойшиъ* происходит вставка внутрь корня аффиксального [и], сохраняющегося и в качестве окончания этого слова.

Все эти факты, а также данные внутренней реконструкции, приведенные выше, показывают, что формы с корневым [a] в рассмотренных словах являются первичными, что изменение этого гласного (т. е. его палатализация) в некоторых косвенных падежах обусловлено влиянием аффиксального *и*.

Рассмотрим изменение корневого гласного тех же слов в ингушском:

им. п.	род. п.	эрг. п.	дат. п.
[цIа]	[цIен]	[цIие:нуо:]	[цIенна]
<i>нана</i>	[наьна]	[на:нас]	[нанна]
[да:]	[даь:]	[дас]	[даь:на]
<i>воша</i>	[вешш]	[вошас]	[вешш:на]
[кIа:за кIаь:зи]	кIаь:зан	[кIа:зуо:]	[кIаь:за:]

твор. п.	исх. п.	им. п. мн. ч.
[цIенца]	[цIенгара]	[цIие:нош]
[наь:наца]	[наь:нагара]	[ноануош ноаной]
[даь:ца]	[даь:гара]	[даь дай]
[вешш:ца]	[вешшх вешех]	[вешарий]
[кIаьзца]	[кIаь:зах]	[кIазиш кIаьзий]

¹ З. К. Мальсагов. Указ. соч., стр. 170.

Как видно из этих примеров, в ингушском наблюдаем тот же процесс, какой мы выявили в чеченском, т. е. изменение корневого гласного односложных и двусложных слов под действием аффиксального *и*. В чеченском и ингушском языках палатализация корневого гласного именных основ проявлялась в разных вариантах в зависимости от фонетического состава слова: в одних случаях путем вставки внутрь корня аффиксального [и], в других — посредством частичной или полной непосредственной или дистанционной регрессивной ассимиляции корневого гласного. Но во всех этих случаях в родительном, а вслед за ним в ряде косвенных падежей наблюдается замена корневого переднего гласного передним гласным.

Наличие в ингушском двух параллельных вариантов *кIаза*||*кIабзи*¹ (им. п. ед. ч.) и *кIазиш*||*кIабзий* (им. п. м. ч.) также подтверждает то, что в чеченском форма им. п. ед. ч. *кIе:за*||*кIе:зи* восходит к *кIаза*. Образование всех форм косвенных падежей от формы род. п. ед. ч. способствовало (по закону аналогии) замене в чеч. формы *кIаза* формой *кIе:за*. В ингушском, в котором третий тип чередования менее широко распространился, чем в чеченском, появились два параллельных варианта в им. п. ед. ч. (*кIаза*||*кIабзи*).

Касаясь соответствия чеченского *е* (краткого или долгого, обычно в зависимости от открытого и закрытого слога) ингушскому *аь* (краткого или долгого в зависимости, как правило, от типа слога — открытого или закрытого), следует отметить, что, как мы увидим дальше (на основании данных бацбийского языка), чеч. [e:] в слове [не:на] и инг. [аь:] в [наь:на] непосредственно образовались от дифтонга *аи*. В бацбийском засвидетельствованы следующие формы этого слова в родит. п. *наини* (А. А. Шифнер, Ю. Д. Дешериев), *нане* (Ю. Д. Дешериев). Форма *наини* восходит к форме *нанин* (в чеберлоевском диалекте), отражающей агглютинативную суффиксацию, характерную для общенахского языка. Из последнего варианта или параллельно с ним возникла засвидетельствованная в бацбийском форма *наини* путем эпентезы суффиксального [и] (при вставке [и] внутрь корня и образовании дифтонга [аи] назализованный звук [и] в окончании сохранялся). Варианты [наин] и [на:не] в бацбийском могли возникнуть параллельно. В современном бацбийском преобладающей является форма [на:не] в соответствии с господствующей в нем тенденцией не изменять в общенахских именных основах корневого гласного. Сочетание гласных *аи* в основе дало ингушский гласный *аь*, начинающийся с э закрытого и постепенно переходящий в *а* переднего ряда². Этот процесс в ингушском сопровождался редукцией конечного гласного [и], иначе говоря ослаблением рассматриваемого гласного звука и таким путем переходом его в редуцированный гласный звук среднего ряда переднего подъема. В дальнейшем этот звук отпадает: *нанин*||*наини* — *наь:ни* — *наьна* — *наьн*.

В чеченском этот процесс разворачивался дальше. В нем вместо [аь:] в составе корня анализируемого слова образовался долгий открытый монофтонг [e:].

Аффиксальный [и] с последующими *н* сначала превратился в [и] с носовым оттенком: [наин||на:ни] (такая форма до сих пор бытует в некоторых чеченских говорах). В дальнейшем в литературном так же, как в ингушском, конечный [и] подвергся редукции и перешел в редуци-

¹ З. К. Мальсагов. Указ. соч. 170. И. А. Оздоев: Указ. соч., стр. 124.

² Ю. Д. Дешериев. Бацбийский язык; Н. Ф. Яковлев. Указ. соч., стр. 4.

рованный гласный звук среднего ряда среднего подъема (с едва уловимым носовым оттенком): [на:нин||наинин — наьни — не:ни — не:на].

Все эти факты доказывают, что палатализация гласного в составе именной основы в чеченском и ингушском была вызвана влиянием [и], наличествующего в аффиксе родительного падежа.

Смягчение (палатализация) корневых гласных именных и глагольных основ в нахских языках представляет собой явление, аналогичное умлауту в индоевропейских языках, в частности в немецком.

Описанные нами выше факты подтверждаются данными бацбийского языка, в котором третий тип вторичного чередования почти что не получил распространения.

Итак, описанный процесс, т. е. смягчение корневого гласного односложных и двусложных именных основ под воздействием аффиксального [и], связан с возникновением аффикса родительного падежа [ин]. Зачатки этого процесса обнаруживаются в общенахском языке. Однако широко разворачивается этот процесс после распада общенахского языка в чеченском и ингушском. В чеченском в значительно большей степени, чем в ингушском.

По-видимому, в общенахском языке очень мало было имен существительных, оканчивавшихся в абсолютной форме (им. п. ед. ч.) на передние гласные. Однако нельзя отрицать возможность существования таких имен, — заимствованных или исконного происхождения. Далеко не все имена, оканчивающиеся в им. п. ед. ч. на передние гласные или имеющие в составе корня гласные переднего ряда, удается возводить к основам с непалатализованным гласным. Это обстоятельство в немногих случаях затрудняет с необходимой точностью восстановить первоначальный облик некоторых именных основ и положительно решить вопрос о том, что причиной смягчения гласного именной основы — окончание им. п. ед. ч. с передним гласным, или аффикс родит. п. [ин], или же в исходных формах этих немногих именных основ наличествовали передние гласные, например: *хъажик/и* — «кукуруза», *уистихи* (род. п. *уистихин*), *уерсие* — «русский»¹. В современном чеченском литературном языке эти слова звучат так: *хъаьжак/* (*хъаьжик/||хъаьжк/*); *уьстах/||уьстаг/а* (род. п. ед. ч. *уьстахан/||уьстаг/ан*, *уьстаг/ин*), [*уьорсие:*]. Последнее слово — заимствованное. Возможно, что оно было заимствовано с передними гласными в составе основы и окончания. Слово, обозначающее «кукуруза», сложное. Первая часть его восходит к *хъажи/||хъаьжа/||хъаьж/* — «хаджи». Форму *хъажи* можно рассматривать как вариант род. п. ед. ч. *хъажи* — *хъажи* — *хъажин*. Вторая часть этого слова *к/и/||к/а/||к/* — фонетические варианты слова *к/а/* — «пшеница». Форма род. п. ед. ч. *к/ен* дает основание возводить к ней окончание усларовского варианта *хъажик/а* — «пшеница хаджи» (в чеч. яз. определение ставится в род. п., т. е. *хъаажик/а* образовалось из определительного сочетания *хъажи(н) к/а* — «хаджи пшеница»). Предложенное объяснение происхождения слова *хъажик/а* (*хъажик/*) требует дополнительного обоснования и доказательства. Но даже такого неполного обоснования мы не можем предложить относительно происхождения корневого переднего гласного в слове *хи* — «вода» (инг. *хий*, бацб. *хи*, чеч. *хи* (род. п. ед. ч. *хини*), в также чеч., инг., бацб. *ис(с)* — «девять». Таких примеров немного.

Дальнейшее сравнительно-историческое изучение нахских языков

¹ Все эти примеры взяты из работы П. К. Услара «Чеченский язык», стр. 214 и 222.

позволит уточнить это положение, касающееся некоторых весьма немногих исключений из общего правила вторичного чередования.

В чеченском языке слова следующих структурных особенностей не подчиняются вторичному чередованию рассматриваемого типа:

1) общенахские односложные слова типа открытого слога, оканчивающиеся на долгий [y:] или краткий [y] монофтонги: зу (род. п. *зунун*, дат. *зунна*) — «еж», хлу (род. п. ед. ч. *хлун*, дат. п. *хлуноу*) — «семья», [цлу:] — «бог у язычников-чеченцев» (род. п. *цлуни(н)*, *цлунна* и т. д.), [йу:] — «шила» (род. п. *йуна(н)*, дат. п. *йунна*), [глу:] — «колодезь» (род. п. ед. ч. *глунун*, дат. *глуна*);

2) двусложные слова с лабиализованными гласными в составе основы и окончания: цлогу (род. п. *цлогунун*, дат. п. *цлогунна*) — «хвост», цлоцкъум (род. п. *цлоцкъумун*, дат. п. *цлоцкъумна*) — «бровь» и т. д.;

3) почти все трех- и более сложные слова:

гарабаш (род. п. [гla:рабашан], дат. п. [гla:рабашна] — «рабыня», [да:ралла] род. п. ед. ч. [да:раллин], дат. п. [да:раллина]) — «язва»;

4) слова, образованные посредством словообразовательного суффикса *м*: лаам — «желание», хаам (род. п. *хааман*, дат. п. *хааманна*) — «сообщение, известие», [туо:лам] (род. п. *туоламан*, дат. п. *туоламна*) — «победа» и др.;

5) заимствованные из русского языка в советскую эпоху двух- и более сложные слова: школа (род. п. *шуро:лан*, дат. п. *шкуро:лана*||*шкурална*) — «школа»; трактор (род. п. *тракторан*, дат. п. *тракторна*) — «трактор», комбайн (род. п. *комбайни:н*||*комбайнан*, дат. п. *комбайна*) — «комбайн» и т. д.

В чеченском не подчиняются вторичному чередованию данного типа и некоторые другие разновидности слова, в которых представлены именные основы, имеющие иные структурные особенности. Здесь невозможно дать исчерпывающую характеристику всех исключений.

Что же касается ингушского языка, то в нем таких исключений гораздо больше, поскольку в нем вторичное чередование распространено менее широко, чем в чеченском.

В области глагольных форм палатальный тип вторичного чередования вызван аффиксом только что прошедшего времени [и]. Чередование гласных, обусловленное этим аффиксом, распространяется только на чеченский и ингушский языки. Таким образом, чередование это не является общенахским.

Это видно из следующих фактов:

Неопределенное наклонение		
чеч.	инг.	баиб.
<i>a:ла</i>	[a:ла]	[a:лѣа] — сказать
<i>a:та</i>	[a:та]	[a:та] — дробить, крошить
<i>a:ха</i>	[a:ха]	[a:ха] — пахать

Новелительное наклонение		
чеч.	инг.	баиб.
<i>a:ла</i>	[a:ла]	[a:лѣа] — скажи
<i>a:та</i>	[a:та]	[a:та] — дрови, кроши
<i>a:ха</i>	[a:ха]	[a:ха] — паши

М а с л а р		
чеч.	инг.	бацб.
[а:лар]	[а:лар]	[а:л̄ар]
[а:тар]	[а:тар]	[а:т̄ар]
[а:хар]	[а:хар]	[а:х̄ар]

Формы отглагольно: имени действия

Мы привели наиболее близкие к исходным основам формы трех глаголов в чеч., инг. и бацб. Основы этих глаголов во всех нахских языках в повел., неопредел. наклонениях и масдаре почти полностью совпадают. Всюду наличествуют одни и те же гласные.

Картина меняется при образовании только что прошедшего времени:

Повелительное наклонение в нахских языках	чеч.	инг.	бацб.
[а:ла] [а:л̄а]	[э:ли]	—	[а:л̄-и] — только что сказал
[а:та]	[э:т-и]	—	[а:т-и] — крошил
[а:ха]	[э:хи]	—	[а:х-и] — вспахал

Из этих примеров видно, что при образовании только что прошедшего в чеченском в результате влияния суффиксального *и* (в данном случае путем вставки суффиксального [и] внутрь корня при его сохранении в окончании) происходит изменение корневого гласного; т. е. переход корневого [а:] в [э:] в наших примерах. Аналогичный процесс изменения корневого гласного, иначе перехода корневых передних гласных в передние гласные под влиянием суффиксального [и] наблюдаем в чеченском в приводимых ниже примерах:

Только что прошедшее время	Общенахская исходная форма. в основном сохранившаяся в бацб.
----------------------------	--

[а] → [аь] // [е]

[ахьар] — молоть	аьхьи	ахь-и (бацб. ахьи)
[далар] — дать	дели	дали (бацб. дал̄зи)
[ахкар] — копать	аьхки	ахки (бацб. ахки)

[уо:] → [уь:(и:)]

[дуо:гIар] — сажать	[дуь:гI-и]	дуо:гIи
[туо:лар] — победить	[туь:л-и]	туо:л-и (тол-и)
[туо:хар] — ударить	[туь:х-и]	тохи (бацб. тохи)

[уо] → [уоь(о)]

дуохкар — продать	д-у-оьхк-и	д-ох-к-и (бацб. д-о-х-кI-и)
кхуоллар — набросить на себя	кхуоь-лл-и	кх-уо-лл-и (бацб. кхолл-и)

[оу(ош)] ↔ [ев(еш)]

ловзар	левз-и	ла-бдз-и (бацб. ланIцIи)
довзар	дев-з-и	д-еб-дзи (бацб. данIц-и)

и т. д.

В ингушском отсутствует только что прошедшее, хотя следы его существования ясно видны. В этом отношении показательно образование от основы только что прошедшего формы причастия прош. вр. (перфектное причастие), недавнопрош., прошедшего очевидного совершенного.

Перфектное причастие во всех нахских языках образуется путем присоединения аффикса *н* к форме только что прошедшего времени:

Чеч. яз.		
масдар	только что прош.	перфект. прич.
[лаар] — желать	[ли-и]	[ли-и-н(а)]
[та:р(а)] — мириться	[тай гаи]	[тай-н(а)]
[хаар] — знать	[хи-и]	[хи-и-н(а)]
инг. яз.		
лаар — желать	—	[ле-и-н(а)]
тар — мириться	—	те-и-н(а)
хар — знать	—	хе-и-на(а)
бацб яз.		
д-алъар — дать	д-а-лъ-и	д-алъ-и-н
д-ахар — идти	д-ах-и	д-ах-и-н

Примечание. Ингушский язык утратил только что прошедшее время.

Из ингушских форм перфектного причастия явствует, что и в нем существовало только что прошедшее время, показатель которого [и] продолжает сохраняться в перфектном причастии, смягчая корневой гласный даже там, где в чеч. остается исходный непередний гласный (ср. чеч. тайн(а), инг. тейн(а)).

Форма недавнопрош. времени почти совпадает с формой перфектного причастия в чеченском и бацбийском. В чеченском в недавнопрошедшем появляется конечный редуцированный [а], а в бацб. находим конечные редуцированные [а] и [о]. Поскольку недавнопрошедшее время и прошедшее совершенное очевидное образовались от перфектного причастия, в основе которого лежит форма только что прошедшего времени, «палатализация» непереднего корневого гласного распространяется и на основы недавнопрошедшего и прошедшего совершенного очевидного:

масдар	только что прош.		перф. прич.		недавнопрош.	
	чеч.	инг.	чеч.	инг.	чеч.	инг.
[удар] — бегать	[иди]	—	идин идан (иуда)	идда	идана идан (идина идна)	идад
[д-адар] — бежать	[деди]	—	дедин дедан (дедда)	дэдда	дедина дедина (дедна дедда)	дедад
[да:тлар] — порваться	[де:тлу]	—	де:тлин де:тлан (даьтлла)	даьтлла	де:тлина де:тлана (детлна дильтла)	даьтл-тад
[латар] — драться	[лети]	—	летин летан (летта)	[лета:]	летина летана (летна летта)	[лаьта:д]

Как мы видим из первого примера, если корневой гласный является передним, он остается таковым во всех последующих формах; если корневой согласный представлен фонемами *л, т, тI, д*, то в перфектном причастии и недавнопрош. в результате выпадения следующего за ним [и], формант [и] уподобляется корневому согласному в чеченском и ингушском: *дедда дедна дедана||дедина* и т. д.

И в бацбийском в недавнопрошедшем, давнопрошедшем и давнопрошедшем заглазном также происходит переогласовка корневого гласного под влиянием форманта только что прошедшего времени [и]:

б а ц б				
масдар	только что прош.	недавнопрош.	давнопрош.	давнопрош. заглазн.
<i>алъар</i> — сказать	<i>алъ-и</i>	<i>аилъно алъино</i>	<i>аилънор</i>	<i>аилъ-корало</i>
<i>хацIар</i> — сделать	<i>хацI-и</i>	<i>хаицIно хацIино</i>	<i>хаицIнор</i>	<i>хаицI-норало</i>
<i>велар</i> — сняться	<i>вел-и</i>	<i>веилно велино</i>	<i>веилнор</i>	<i>веил-норало</i>
<i>тохар</i> — ударить	<i>тох-и</i>	<i>тоихно тохино</i>	<i>тоихнор</i>	<i>тоих-норало</i>

Наблюдаясь здесь в недавнопрош., давнопрош. и давнопрош. заглаз. переогласовка корня обязана своим происхождением перестановке рассматриваемого форманта [и] внутрь корня, образуя дифтонги, первым элементом которых остается исходный корневой гласный, а второй элемент — переставленный суффиксальный [и].

Из этих фактов видно, что и в бацбийском языке возникла внутренняя флексия под влиянием форманта только что прошедшего времени [и].

Аблаут и умлаут типа германских в нахских языках

В истории нахских языков первичное и вторичное чередования гласных именных и глагольных основ сыграли огромную роль (особенно в истории развития фонологической системы и морфологического строя чеченского и ингушского языков). Исторические чередования гласных именных и глагольных основ, именуемые первичным и вторичным чередованиями, привели к осложнению фонологической системы нахских языков, к перестройке морфологической структуры именных и глагольных основ.

Первичное и вторичное чередования гласных именных и глагольных основ представляют интерес с точки зрения:

1) исторического и сравнительно-исторического изучения, особенно нахских, а также дагестанских и абхазо-адыгских языков;

2) разработки проблем историко-типологического и сравнительно-типологического изучения языков.

Первичное чередование гласных именных и глагольных основ в нахских языках своими корнями уходит в глубокую древность, поэтому оно должно было в какой-то мере отразиться в дагестанских и абхазо-адыгских языках.

В сущности говоря, первичное чередование в нахских языках — явление, аналогичное германскому аблауту. Подобно тому как германский аблаут не может быть освещен, как полагают, только на основании данных германских языков, так и нахский аблаут не может быть проанализирован с необходимой полнотой без данных дагестанских и абхазо-адыгских языков.

Вторичное чередование, получившее широкое распространение после распада нахского языка-основы, главным образом в чеченском и ингушском языках, — явление, соответствующее в основном германскому, особенно немецкому умлауту.

Как нам представляется, было бы целесообразно рассмотреть аблаут и умлаут не только в сравнительно-историческом плане, но и в историко-типологическом плане, в плане выяснения природы явлений аблаута и умлаута как лингвистических понятий.

В языках нахской группы (бацбийском, ингушском и чеченском) прослеживаются аблаут и умлаут типа германских, в частности немецких. Изменение корневого гласного (внутренняя флексия) при образовании различных именных и глагольных форм — явление настолько широко распространенное в ингушском и чеченском языках, что оно привлекло внимание первых исследователей чеченского языка¹. Сходство явлений умлаута в чеченском и немецком языках было отмечено профессором Н. Ф. Яковлевым². Однако проследить более подробно закономерности исторического развития умлаута в нахских языках удалось в процессе создания «Сравнительной грамматики нахских языков», которая стала возможной благодаря тому, что были созданы значительные труды по исследованию отдельных нахских языков³ и их диалектов⁴.

Касаясь явления умлаута в чеченском, академик А. А. Шифнер писал: «Изменение гласной корня большей частью зависит от окончания, последующее *и* или *е* изменяет гласную корня в *е* или *о*; последующее *и* превращает *а* в *е*... (причем, может выпадать); коренное *у* остается без изменения... Например, *вахар* — «жить», наст. время *вехе*, недавнопрош. время *вехин*; *бахар* — «говорить», наст. время *боху*, недавнопрош. время *бехин*; *малар* — «пить», наст. время *молу*, повест. *мелле бузар* — «наесться, наполниться», недавнопрош. время *дуизин* (современ. [дуьзин||дуьзан] — Ю. Д.), *дуизна* (современ. [дуьзна] — Ю. Д.)⁵.

Как видно из этих примеров, в чеченском языке выявляется умлаут двух типов: а) умлаут, обусловленный гласными переднего ряда (*вахар*, *вехе*||*вехи*) и так называемый (лабиализационный умлаут), вызываемый лабиализованными гласными (*бахар*, *боху*).

Эти два типа умлаута Н. Ф. Яковлев назвал «явлениями мягкого и губного умлаута» и объединил их под общим наименованием вторичного чередования.

¹ А. Schiefner. Tschetschensische Studien (см. П. К. Услар. Чеченский язык. Тифлис, 1888. Приложение 1-е, стр. 1—51).

² Н. Ф. Яковлев. Морфология чеченского литературного языка, Грозный, 1960, стр. 6—7.

³ П. К. Услар. Чеченский язык. Тифлис, 1862; З. К. Мальсагов. Ингушская грамматика, Владикавказ, 1925. А. Schiefner. Über die Tuschsprache, St.-P., 1854. Н. Ф. Яковлев. Синтаксис чеченского литературного языка, М.—Л., 1940; его же. Морфология чеченского литературного языка, Грозный, 1960; Ю. Д. Дешериев. Бацбийский язык, М.—Л., 1953; его же. Современный чеченский язык, часть I. Фонетика, Грозный, 1960 и др.

⁴ Д. Д. Мальсагов. Чечено-ингушская диалектология, Грозный, 1941; И. Г. Арсаханов. Место аккинского диалекта в системе чечено-ингушского языка, Грозный, 1959 и др.

⁵ А. А. Шифнер. Указ. соч., стр. 31.

«Вторичное чередование гласных, как это показывают сравнительные материалы других языков вейнахской группы,— писал Н. Ф. Яковлев,— представляют собой результат перестановки переднего или губного гласного состава падежного окончания внутрь именной основы с дальнейшим смягчением или огублением этого гласного»¹. Для примера Н. Ф. Яковлев сравнивает принятые в чеченском литературном языке формы с диалектными, а также с ингушскими и бацбийскими формами:

	Ед. ч.		
	им. п.	род. п.	мест. п.
Плоскостный диалект	<i>нана</i>	<i>ненин</i> (лит. <i>ненан</i> — Ю. Д.)	<i>нениэ</i>
Чеберлоевский диалект	<i>нана</i>	<i>нанин</i>	<i>наниэ</i>
Ингушский язык	<i>нана</i>	<i>наьнаа</i> (наьна)	<i>нанага</i>
Бацбийский язык	<i>нана</i>	<i>наини</i> (наин)	<i>наниэ</i>

Явления умлаута, несомненно, получили широкое распространение в чеченском и ингушском языках в период их самостоятельного развития, что подтверждается данными бацбийского языка, а также некоторых чечено-ингушских диалектов (например, чеберлоевский диалект чеченского языка). На это указывал и Н. Ф. Яковлев:

«Так перестановка переднего гласного из падежного окончания внутрь корневого слога (эпентеза)... приводит в современных чеченском и ингушском языках к изменению корневого гласного в именной основе и его смягчению (палатализации), т. е. к тому явлению, которое известно в индоевропейских языках, например, в немецком, под именем «умлаута», причем все переходные моменты этого явления с осязательной ясностью видны в языках вейнахской группы и их диалектах»².

Мнение о том, что в структуре чеченского языка в эпоху его обособленного развития произошли большие изменения, разделял и П. К. Услар, который писал:

«Подобно всем нынешним живым европейским языкам, чеченский обнаруживает явные признаки глубоких изменений, которым подвергся он с течением веков. Мы можем теперь лишь догадываться о существовании первообразных древних форм, которые в современном языке являются усеченными, обрубленными. Драгоценное пособие для сравнительных исследований доставит тушский (т. е. бацбийский — Ю. Д.) язык.

Необходимо бы также ознакомиться с наречиями самых глухих и наименее доступных частей Нагорной Чечни, где, по общему отзыву, язык сохранился в наиболее чистом и древнем виде... Признаки искажения древних форм очевидны в склонениях чеченских существительных. Большая часть их склоняется неправильно...»³.

¹ Н. Ф. Яковлев. Морфология чеченского литературного языка, стр. 210.

² Н. Ф. Яковлев. Указ. соч.

³ П. К. Услар. Указ. соч., стр. 23—24.

Приведем примеры из чеченского языка:

Е д. ч.		М н. ч.
им. п.	род. п.	им. п.
<i>ахк</i> — пропасть	[аьхкан]	[аьхкаш]
<i>барч</i> — почетное место	[баьрчан]	[баьрчаш]
<i>пха</i> — жила	[пхе:нан]	[пхе:наш]
<i>тIа</i> — передняя нога (животного)	[тIе:нан]	[тIе:наш]
<i>хъун</i> — лес	[хьуьннан]	—
<i>урс</i> — нож	[уьрсан]	—
<i>бух</i> — дно	[буьхан]	—

В этих примерах умлаут обусловлен вставкой внутрь корня аффикса род. п. ед. ч. *и(н)*: *уьрсан* < *уирсан < *уирсн < *урс-ин, *баьрчан* < *баирчан < *баирчн < *барч-ин¹. Появление очень короткого *а* между *с* и *н* в первом и *ч* и *н* во втором примерах объясняется, во-первых, тем, что для чеченского, как и для всех нахских языков, нехарактерно стечение согласных (особенно в исконных словах и заимствованиях). Аналогичные процессы происходили и в других примерах. Во-вторых, появление [а] в конечном слоге вместо аффиксального [и] в некоторых случаях может быть объяснено ослаблением [и].

Закономерности, аналогичные рассмотренным в системе склонения, действуют и в области спряжения. Все гласные — краткие и долгие монофтонги и дифтонги — подчиняются законам «мягкого» и «губного» умлаута. Законы чередования и взаимодействия лабиализованных гласных и гласных переднего ряда легко поддаются историческому объяснению.

Исходный общенахский корневой гласный звук сохранился в формах повелит. накл. большинства исконных глаголов (а также в производных от основы этого наклонения формах). Это подтверждается данными всех нахских языков:

бацб.	инг.	чеч.
<i>ах(а)</i> [а:х(а)]	<i>аха</i> [а:хэ]	<i>аха</i> [а:ха] — паши
<i>алъ(а)</i> [а:лъ(а)]	<i>ала</i> [а:лэ]	<i>ала</i> [а:ла] — скажи
<i>лапIцI(а) лабцI(а)</i>		[лоуза лауза] — играть
<i>дакI</i> [да:кI]	<i>дага</i> [да:гэ]	<i>дага</i> [да:га] — сгори
<i>[хьачI(а) хьачI]</i>	<i>хьаджа</i> [хьаджэ]	<i>хьажа</i> [хьажа] — смотри

¹ В специальной литературе показано, что древним аффиксом род. п. ед. ч. является *-ин* (А. А. Ш и ф и е р. Указ. соч., П. К. У с л а р. Чеченский язык; Н. Ф. Я к о в л е в. Морфология чеченского литературного языка. Д. С. И м н а й ш в и л и. Основные и последложные падежи в игушском языке. Изв. института яз., ист. и мат. культ. им. Н. Я. Марра, вып. XII, Тбилиси, 1942, стр. 219).

В чеченском, ингушском языках корневые гласные в этих и им подобных других формах повелит. накл., отражающие первоначальное состояние, подвергаются закономерным изменениям при образовании форм наст. и только что прош. времени изъявит. накл. от производных основ повелит. накл. путем вставки внутрь корневого слога конечного аффиксального гласного:

Наст. время изъявит. накл.	
инг.	чеч.
<i>оах</i> [$\langle *a:x-o \rangle$] — пашет	<i>оху оха</i> [$\langle *ax-o \rangle$]
<i>оал</i> [$\langle *a:l-o \rangle$] — говорит	<i>олу ола</i> [$\langle *al-o \rangle$]
<i>доаг</i> [$\langle da:go \rangle$] — горит	<i>догу дога</i> [$\langle *da:g-o \rangle$]

Как видно из этих примеров, «губной» умлаут вызван вставкой внутрь корневого слога аффикса наст. времени *о*.

Бацбийский язык все еще отражает первоначальное состояние:

[*a:x-o*] ($\langle *a:x-o \rangle$) — основа повелит. накл. *ах-* + аффикс наст. времени *о* — пашет

[*a:lʷ-o*] ($\langle *a:lʷ-o \rangle$) — говорит

[*da:kl-o*] ($\langle *da:kl-o \rangle$) — горит

Только что прош. время изъявит. накл.	
чеч. яз.	

эха||эхи [*e:xa||e:xi*] $\langle *a:ix \langle *a:x-i \rangle$ — вспахал только что

эла||эли [*e:la||e:li*] $\langle \langle *a:il \langle a:l-i \rangle$ — сказал только что

дега||деги [*de:ga||de:gi*] $\langle \langle da:ig \langle da:g-i \rangle$ — сгорел только что

Здесь «мягкий» умлаут обусловлен вставкой внутрь корневого слога аффиксального гласного переднего ряда [*и*], являющегося аффиксом только что прош. времени.

Это время не сохранилось в ингушском языке, но оно, как мы увидим ниже, бытует и в ингушском в качестве основы всех прош. времен, образованных от только что прош. времени.

Бацбийский язык и в этом случае сохраняет общенахское состояние:

[*a:x-i*] ($\langle a:x-i \rangle$) — основа повелит. накл. + аффикс только прош. времени),

[*a:lʷи*] ($\langle a:lʷ+i \rangle$), [*da:kl+i*].

Выше приведены элементарные примеры, показывающие возникновение и распространение умлаута в чеченском языке. По мере осложнения форм слов, фонетического и морфологического состава этих форм, также осложнялись и закономерности, действующие при образовании и распространении умлаута. При этом следует учесть, что в истории нахских языков (как и в истории германских языков) наблюдается и аблаут, который своими корнями, по-видимому, восходит к языку-основе горских иберийско-кавказских языков. Аблаут также двух типов — палатальный и лабиальный: *буц* — «трава», *бацана* — «траве», *бецаш* — «травы», *дог* — «сердце», *дагана* — «сердцу» и т. д. Впоследствии на аблаут наслаивается умлаут, что приводит к дальнейшему осложнению

переплетения разнородных фонетических процессов в истории нахских языков.

Рассмотренные факты приводят нас к следующим выводам:

1. В нахских языках представлен аблаут палатальный и лабиальный. Распространение аблаута как бы прерывается с распадом нахского языка-основы. В период самостоятельного развития отдельных нахских языков на аблаут наслаивается умлаут (особенно в чеченском и ингушском языках).

2. Аблаут (как и умлаут) в нахских языках, очевидно, является результатом вставки конечного, аффиксального гласного или сонантов [ɨ] и [w] внутрь основы или влияния (репрессивной ассимиляции) указанных звуков на гласные именных и глагольных основ. Как нам представляется, умлаут также продукт дальнейшего развертывания тех же тенденций (которые породили аблаут) в новых условиях — в период обособленного развития отдельных нахских языков.

3. По-видимому, нахский язык-основа унаследовал от того языка-основы, к которому восходит первый, фонетический закон о том, что слово могло оканчиваться только на гласный звук или на сонант. Разрушение этого закона связано с образованием и распространением аблаута.

4. Для древнейшей структуры нахского языка-основы характерным был односложный корень типа открытого слога. Расширение словарного состава, осложнения грамматического строя приводили к осложнению первоначального типа корня. Если осложнение корня сопровождалось сочетанием гласных разных типов — переднего и заднего ряда, лабиализованных и палатализованных, то в языке возникали тенденции их унификации по признаку лабиализации или палатализации гласных в составе одной и той же основы. Эти тенденции вызывали прогрессивную или регрессивную ассимиляцию. Чаще же всего они приводили к унификации гласных, т. е. к их гармонии путем ассимиляции, воздействия конечного гласного или сонанта (или же лабиализованного согласного) на корневой гласный.

5. Наиболее интенсивные процессы образования умлаута развертываются в чеченском и ингушском языках в период их самостоятельного развития, а также в чеченских и ингушских диалектах и говорах нового образования. Аналогичные явления наблюдаются и в истории немецкой диалектологии¹.

6. Развитие умлаута в чеченском и ингушском языках сопровождалось перестановкой древней фонетической и морфологической структуры именного и глагольного корня: чеч. повелит. накл. *таса* — «сыпь, посыпь»; наст. время повеств. накл. [тосу||тоса], только что прош. время [теси] и т. д.

В чеченском и ингушском языках «губной» умлаут сохраняется в глагольных формах, образованных от основы наст. времени: чеч. *олун* — «говорящий», *охун* — «пашущий», *олура* (прош. несоверш. время) — «говаривал», *охура* (прош. несоверш. время) — «вспахивал» и т. д.

В чеченском и ингушском языках «мягкий» умлаут также бытует в основах глагольных форм, восходящих к основе только что прошедшего времени: чеч. [аьхна] < [*э:хина] — «вопахал недавно», [аьлла] < [*элина] — «сказал недавно», инг. [аь:хад] < [эхин да] — «вопаханный есть», [аьннад] < [элин да] — «сказанный есть» и т. д.

¹ В. М. Жирмунский. Немецкая диалектология. М.—Л., 1956, стр. 185—200.

Глагольные формы, образуемые от основ наст. и только что прош. времени в чеченском и ингушском языках, в бацбийском в основном отражают общенахское состояние. Те исключения из этого правила, которые существуют в языке бацбийцев, также связаны со вставкой внутрь корневого слога аффиксального гласного: *ахи* — «вспахал только что», *ахи-н(а)* — «вспахал недавно», но *аихн* — «вспахал он недавно», *аихнас* — «вспахал я недавно», *аихнахь* — «вспахал ты недавно», *алъ-и* — «сказал только что», *аилъи(на)* — «сказал он недавно», *аилън* — «сказал он недавно», *аилънас* — «сказал я недавно», *аилън-ахь* — «сказал ты недавно» и т. д. *тосу||тоса* (<*тасо*) — «ссыпает», *теси||теса* (<*таси*) — «посыпал только что», *тесна* (<*тасина*) — «посыпал недавно» и т. д.

Аналогичный процесс преобразования фонетической и морфологической структуры именных и глагольных основ в связи с возникновением и распространением умлаута прослеживается и в истории немецкого языка¹.

Как видно из изложенного, в чеченском и ингушском языках умлаут обоих типов своим происхождением связан с близкими друг к другу по своей природе и по своим результатам двумя фонетическими явлениями. Во-первых, эпентезой-вставкой внутрь корня аффиксального гласного, обуславливающей перегласовку корневого гласного. Во-вторых, регрессивной дистанционной ассимиляцией (полной или неполной) корневого гласного аффиксальным гласным. Эти процессы могут перекрещиваться. В некоторых случаях регрессивная ассимиляция корневого гласного является результатом влияния эпентезы, т. е. сначала происходит эпентеза, а затем — ассимиляция: чеч. *урс* — «нож» (им. п.), в род. п. *уьрсин||уьрсан* <*уирсн* <*урс-ин* и т. д. Вместе с тем в чеч. и инг. диалектах обнаруживается связь между редукцией конечных гласных *и* и *о* [*е:л(а)*] < [*а:ли*] — «сказал», инг. *аьн(а)* < [**а:лина*], чеч. [*о:л||о:ла*] < [*а:ло*], инг. [*оа:ла||а:ло*]; ср. бацб. [*а:лъо*] — «говорит» и т. д.) и развитием умлаута.

Подобные процессы выявлены и в истории образования и развития умлаута в немецких диалектах².

И в истории немецкого языка образование умлаута также связано с влиянием конечного гласного именных и глагольных форм на гласные основ. «Для немецкого языка, — отмечает В. М. Жирмунский, — важнейшее значение имеет умлаут, воздействие гласного и окончания, вызывающее палатализацию корневого гласного...

Таким образом, устанавливаются следующие чередования: сравн. *а—е* (или *ä*), *о—о*, ...»³ Такие же чередования установились в чеч. в результате «мягкого» умлаута *е—ä* ([*даха* — *дехна*] — «опьянел», *балл* — *баллаш* — «вишни»), *о—ö* (*х1оа||х1уоа* — [*х1ован*] — «яйца»), *у—ü* (*урс* — *уьрсан* — «нож») и т. д.

7. Анализируемые процессы привели к перестройке и осложнению фонологической системы нахских языков, особенно чеченского и ингушского языков: обусловленные метатезой, вставкой во внутрь корня конечного гласного, процессы дифтонгизации и монофтонгизации способствовали образованию в чеченском и ингушском языках кратких и долгих гласных фонем переднего ряда [*аь*], [*аь:*], [*уь*], [*уь:*] и др. Эти фонемы отсутствуют в бацбийском языке.

¹ В. М. Жирмунский. Немецкая диалектология, стр. 185—186, 201, 468, 469 и др.

² Там же, стр. 185.

³ В. М. Жирмунский. История немецкого языка, М., 1956, стр. 157, 158.

Аналогичного характера процессы перестройки и осложнения фонологической системы (вокализма) наблюдаются и в истории немецкого языка (образование гласных переднего ряда *a*, *o* и др. в процессе развития — умлаута и т. д.)¹.

8. Рассмотренные факты, занимающие значительное место в истории развития германских (в особенности, немецкого) и нахских (в особенности, чеченского) языков, представляют большой интерес с точки зрения сравнительно-типологического и историко-типологического изучения как родственных, так и разносистемных языков. Сходные фонетические явления, как известно, наблюдаются в самых различных языках. Однако совпадение в неродственных языках основных особенностей такого значительного процесса, как аблаут и умлаут, лежит в основе весьма существенной перестройки фонологической системы и структур именных и глагольных основ и встречается очень редко. Изучение таких явлений имеет большое значение для разработки проблем сравнительно-типологических исследований, особенно, в плане выяснения путей исторического формирования типологии различных языков.

9. Поскольку факты истории германских и нахских языков свидетельствуют о почти однотипном, почти «идентичном» развитии процессов аблаута и умлаута в обеих группах языков, данные германских языков, как нам представляется, могут быть в какой-то мере использованы для объяснения некоторых неясных вопросов в истории образования умлаута в нахских языках (причины образования умлаута, темпы развития этого процесса в обеих группах языков и т. д.).

¹ В. М. Жирмунский. История немецкого языка, М., 1956, стр. 138—158.

Морфологические системы чеченского, ингушского и бацбийского языков относятся к числу наиболее сложных. В них наличествуют грамматические классы, многопадежная система склонения, широко представлены глагольные формы. Сжатая, но исчерпывающая по возможности синхронная характеристика морфологических структур рассматриваемых языков поможет дать более углубленный исторический и сравнительно-исторический анализ материала и более полно и точно восстановить структуру нахского языка основы.

КАТЕГОРИЯ ГРАММАТИЧЕСКИХ КЛАССОВ В НАХСКИХ ЯЗЫКАХ

В чеченском и ингушском языках шесть грамматических классов морфологически выражаемых сочетанием однородных или разнородных показателей, один из которых выражает единственное число, а другой — множественное число. В качестве показателей грамматических классов всегда выступают четыре звука: *в (w)*, *й*, *б*, *д*, не имеющих в современном языке никаких функционирующих фонетических вариантов и служащих префиксами во многих глаголах, в именах, образованных от классных глаголов, в некоторых качественных именах прилагательных, в отдельных служебных словах, наречиях, в числительном «четыре» и в производных от него сложных числительных.

К первому классу относятся имена существительные, обозначающие разумные существа мужского пола. Это правило почти не знает исключения. Показателем первого класса в ед. ч. служит *в*, а во мн. ч. — *б*.

Первый класс			
ед. ч.		мн. ч.	
чеч.	инг.	чеч.	инг.
<i>да в-у</i> — отцы есть	<i>да в-а</i>	<i>дай б-у</i> — отцы суть	<i>дай б-а</i>

Второй класс охватывает имена разумных существ женского пола, показатель II кл. в ед. ч. — *й*, во мн. ч. — *б*.

Второй класс			
ед. ч.		мн. ч.	
чеч.	инг.	чеч.	инг.
<i>нана й-у</i> — мать есть	<i>нана й-а</i>	<i>наной б-и</i> — матери суть	<i>ноанош ноаной б-а</i>

Имена существительные, выражающие неразумные существа, предметы, отвлеченные понятия, распределяются между остальными четырьмя классами. Не удается точно установить принципы, на основе которых указанные имена распределяются между этими четырьмя классами. Например, в чеченском языке:

III-й класс (*й/й*): *хьун* — «лес», *говр* — «лошадь», *ойла* — «мысль», *машина* — «машина» и т. д.

IV класс (*б/б*): *бамба* — «хлопок», *бло* — «войско», *барам* — «мерка», *довзал* — «семья» и т. д.

V класс (*д/д*): *джавла* — «собака», *урс* — «нож», *гла* — «лист», *лерг* — «ухо» и т. д.

VI класс (*б/д*): *сту* — «бык», *бен* — «гнездо», *паровоз* — «паровоз», *орам* — «корень» и т. д.

Почти все неразумные существа, подавляющее большинство предметов, понятий относятся к III, V и VI классам. Наиболее продуктивным является третий класс. Почти все новые понятия, заимствуемые из русского языка и других языков, включаются в этот класс. Мало слов, входящих в III класс, который является непродуктивным.

Из качественных прилагательных классными являются *докхкка* (*в-оккха, й-оккха, б-оккха*)¹ — «большой», *довха* — «горячий». Из местоимений к классным относятся, например, *д-ерраш-а* — «все». Встречаются классные показатели, служащие инфиксами и суффиксами. Даже на основании данных современного языка легко удастся доказать, что эти инфиксы и суффиксы исторически являются префиксами — превращение указанных классных префиксов в инфиксы и суффиксы обусловлено процессом образования композитов — сложных слов: *д-ух-д-ерзд-д-е* — «верни, возврати» состоит из трех классных основ — *д-ух* — «обратный» (*дерз(а)* — «вернись, возвратись», *д-е* — «делай» и т. д.

Структура классного показателя в современных чеченском и ингушском языках очень простая: он состоит из одного согласного, элемента *-й*, которому всегда предшествует гласный, относящийся к корню. В конце слова классные показатели не употребляются.

Рассмотрим таблицу грамматических классов:

Таблица грамматических классов

Число	Обозначение классов	Класс мужчин	Класс женщин	Классы неразумных существ, природы, вещей, предметов, понятий			
				1	2	3	4
единств.	звуковые показатели — префиксы грамматических классов	в	й	й	б	д	б
множ.		б	б	й	б	д	д

Как видно из этой таблицы, в ед. ч. для всех классов мы имеем четыре показателя (*в, б, д, й*), а во мн. ч. — только три (*б, д, й*).

Чеченский язык. В чеченском языке наблюдается колебание в отнесении некоторых имен существительных к тому или другому грам-

¹ В дальнейшем мы не будем приводить параллельные формы в скобках.

матическому классу, например: *кложам — кложамаш — «трут», Iаж — Iежаш, тIулг — тIулгаш, бIаьрг — бIаьргаш — «глаз»* и т. д. могут быть отнесены к III и VI классам. Заслуживают внимания факты, показывающие исчезновение классных показателей — инфиксов или суффиксов в определенных фонетических условиях, что приводит к переходу классных слов к некласным. Такие факты наблюдаются только в системе глагола.

Глагольные формы с классными показателями

кхера-д-а (*кхера* — испугать, *да(н)* — делать)

кхерадина (*кхера-дина* — «испугавшимся сделал»)

кхерадира кхера-д-ира (*кхера + дира* — испугавшимся сделал)

хадада (<*хада* — порвись, *да(н)* — делать)

хад-а-до || *хадайо* || *хада-бо* || *хадаво* — режет

хада-д-ина (<*хада + дина* — порвись (режься) + сделал)

хада-д-ира (<*хада + д-ира* — порвись (режься) + сделал, очевидно)

Йаха й-ита } досл. — идти
в-аха в-ита } оставь

ала йуьту } досл. — сказать
ала вуьту } оставь (позволь)

Глагольные формы без классных показателей

кхеро (*кхеруо*) (<*кхера-д-а*) — испугать

кхерийна (*кхерина*) (<*кхерадина*) — испугал

кхерийра кхерийра (*кхерина*) (<*кхерадира*) — испугал (очевид. вр.)

хадо (*хадую*) (<*хадада*) — порвать, резать

хаддо хаддуо — режет

хадийна (*хадина*) (<*хададина*) — порвал, порезал

хадийра (*хадира*) (<*хаддира*) — порвал, порезал (очев. вр.)

Йахийта (*йахита*) (<*йаха + йита*)
вахийта (*вахита*) (<*вахита*) —
позволь, разреши, заставь идти

олуьту (*олуьту*) (*ала + йуьту*) — позволяю, разрешаю, заставляю сказать.

Таковы основные особенности функционирования категории грамматических классов в современном чеченском языке.

Рассмотрение данных чеченского литературного языка и его диалектов показывает, что в период самостоятельного исторического развития чеченского языка (после распада нахского языка-основы) в функционировании грамматических классов произошли весьма незначительные изменения. Эти изменения сводятся главным образом к следующим фактам:

1) Перераспределение некоторых имен существительных, наличествовавших в нахском языке-основе, между грамматическими классами: по данным П. К. Услара, относящимся к 1861 году, слова *бух* — «дно», *гуо* — «круг», *мара* — «нос», *борц* — «просо», *пондар* — «балалайка» принадлежали к классу *б/б*, между тем в современном языке они заключаются в класс *б/д*.

Слова *мох* — «ветер», *чам* — «вкус» в современном языке могут быть отнесены к классам *б/б* или *б/д*. Между тем в усларовских материалах они включены в класс *б/б*.

Названия дней исконного происхождения *шинара* — «вторник» (от *ши* — «два»), *кхаара* (от *кхоь*) — «среда», *йеара* (от *диь* — «четыре») —

«четверг» в горных говорах относится к классу *й/й*, а в плоскостных (и в литературном) — к классу *д/д*.

2) Расхождения в распределении по грамматическим классам имен существительных, заимствованных носителями нахских языков после распада языка-основы: заимствованное из грузинского слово *оршот* (два + суббота, т. е. второй день после субботы) — «понедельник» в одних говорах включалось в класс *д/д*, а в других *й/й*. Средневековые заимствованные имена существительные из арабского, грузинского, как правило, включались в класс *д/д*: а) из арабского: *дуйни* — «мир» (вселенная), *дин* — «религия», *беркат* — «изобилие, добро», *жилАлам* — «природа», *маймал* — «обезьяна», *Галат* — «ошибка», *нур* — «сияние, луч», *салам* — «привет», *Иедал* — «закон», *Илма* — «наука», *эскар* — «армия», *халкъ* — «народ», *тайпа* — «народ», *сахът* — «часы, час»; б) из грузинского: *джАбла* — «собака», *цициг* — «кошка», *плераска* (груз. < греч.) — «пятница», *шот* — «суббота» (груз. < греч.) и т. д.

В наше время подавляющее большинство заимствованных из русского языка и через него из других языков имен существительных относятся к классу *й/й*: *машина* — «машина», *трактор* — «трактор», *колхоз* — «колхоз», *совхоз* — «совхоз», *минута* — «минута», *секунда* — «секунда», *костюм* — «костюм», *пальто* — «пальто» и т. д. Из этих фактов видна смена общей закономерности, общего направления, распределения имен существительных по грамматическим классам в истории чеченского языка.

3) Появление окаменелых классовых показателей вторичного происхождения¹ в именных и глагольных основах: чеч. *боху*, инг. *йах* — «говорит» (начальные элементы *б-* и *й-* — окаменелые классовые показатели); чеч. *йист*, инг. *йист* — «край» (чего-нибудь) (ср. с бацбийским *бист*. Чеч. *йовхо* — «тепло» (ср. бацб. *йопх* — «тепло», но *дапхна да* — «тепло»).

4) Утрата классового согласования некоторыми глагольными и другими формами слов: чеч. *углар*, инг. *увгар* — «реветь» (ср. бацб. *д-углар*, *йуглар*, *б-углар* с классовыми показателями).

5) Частичные изменения в структуре классовых показателей, т. е. во взаимоотношениях между согласными элементами и следующими за ними гласными: чеч. *ваша*, инг. и акк. *воша* — «брат», чеч., инг., акк. *й-шиша* — «сестра» (ср. бацб. *й-ашо*); чеч. *д-ораха* || *й-ораха*, акк. *д-аверих* || *й-аврих* — «дешево» и т. д.

Указанные изменения будут рассмотрены нами при сравнительно-историческом освещении категории грамматических классов нахских языков.

Ингушский язык. В функционировании категории грамматических классов в ингушском обнаруживаются существенные особенности, отличающие его (ингушский язык) от чеченского и бацбийского. К ним относятся: 1) употребление классовых показателей в конце классовых глагольных форм в прошедшем повествовательном времени: *в-аха-в* — «пошел», *й-аха-й* — «пошла» и т. д.; 2) в отрицательных, вопросительных и вопросительно-отрицательных формах, образованных от утвердительной формы недавнопрошедшего времени на конечный классовый показатель, наслаиваются соответствующие аффиксы (от форм недавнопрош. времени *аьхад* — «вспахал», *дийта-д* — «прочитал», *дийка-д* — «рассказал»).

¹ Здесь имеется в виду процесс «окаменения» вторичного происхождения, который следует отличать от аналогичного (первичного) процесса, происходившего до распада нахского языка-основы.

Отрицательная форма	Вопросительная форма	Вопросит.-отрицат. форма
<i>аьха-д-ац</i>	<i>аьхадий?</i>	<i>аьхадеци?</i>
<i>дийша-д-ац</i>	<i>д-ийша-д-ий?</i>	<i>д-иша-д-еци?</i>
<i>дийца-д-ац</i>	<i>дийца-д-ий?</i>	<i>дийца-д-еци?</i>

В глагольных формах, образованных путем сложения основы причастия в прош. времени и связки *да (дар)* — «быть» тоже появляются классные показатели:

Давнопрошедшее время			
утвердит. форма	отрицат. форма	вопросит. форма	вопросит.-отрицат. форма
<i>аьха-д-ар</i> — вспахал было	<i>аьха-д-ац аьр</i>	<i>аьха-д-аьри?</i>	<i>аьха-д-ецаьри?</i>
<i>меннав-д-аьр</i> — выпил было	<i>меннав-д-ац аьр</i>	<i>меннав-д-аьри</i>	<i>меннав-д-ецаьри?</i>
<i>д-ийша-д-аьр</i> — прочитал было	<i>дийша-д-ац аьр</i>	<i>дийша-д-аьри</i>	<i>дийша-д-ецаьри?</i>
<i>тоьха-д-аьр</i> — ударил было	<i>тоьха-д-ац аьр</i>	<i>тоьха-д-аьри?</i>	<i>тоьха-д-ецаьри?</i>

Будущее простое

<i>оахург-д-аь</i>	<i>оахург-д-ац</i>	<i>оахург-д-ий?</i>	<i>оахург-д-еци?</i>
<i>ма рг-д-аь</i>	<i>маьрг-д-ац</i>	<i>маьрг-д-ий?</i>	<i>маьрг-д-еци?</i>
<i>д-ешург-д-аь</i>	<i>д-ешург-д-ац</i>	<i>д-ешург-д-ий?</i>	<i>д-ешург-д-еци?</i>
<i>тохург-д-аь</i>	<i>тохург-д-ац</i>	<i>тохург-д-ий?</i>	<i>тохург-д-еци?</i>

Будущее сложное

<i>оахуш</i>	} <i>хург-в-аь</i>	} <i>хург-в-ац</i>	} <i>хург-в-ий</i>	} <i>хург-в-еци?</i> ¹
<i>молуш</i>				
<i>д-ешуш</i>				
<i>тохуш</i>				

Эти особенности возникли в период его самостоятельного, обособленно от остальных нахских языков, развития.

В аккинской речи образовался седьмой класс *д/б*, к которому относится одно слово *бер* — «ребенок»¹. Этого класса нет в остальных нахских языках (бацбийский седьмой класс *-б/й*).

В аккинской речи также встречается классный показатель в конце глагольных форм в недавнопрошедшем времени: *в-едану-в* — «убежал», *й-едани-й* — «убежала», *д-евдан-д*, *б-евдам-б* — «убежали», *б-елм-б* —

¹ З. К. Мальсагов. Ингушская грамматика. Владикавказ, 1925, стр. 86.

«дал»; *д-иан-д* — «съел». В давнопрошедшем времени классные показатели употребляют в начале (если глагол классный) и в середине глагольной формы: *б-елн-б-ара* — «оказывается, дал»¹.

Рассмотрение указанных фактов в историческом аспекте показывает, что ингушские формы типа *абха-д*, *д-ийша-д*, *дийца-д* образовались из описательных форм путем слияния причастия прошедшего времени со связкой: *абхан да* — «пахавший есть» → *абха-д*, *дийшан да* — «прочитавший есть» → *дийшад*, *дийцан да* — «рассказавший есть» → *дийца-д*. Таким образом, показатель причастия *-н* утрачивается, место которого занимает классный элемент *-д-*, представляющий усеченную форму связки, слившейся с усеченной формой причастия. Это подтверждается:

1) Внутренней реконструкцией, фактами из ингушского языка: в односложных основах-словах *на(а)* сохраняется *лйн(а)* — «оставший (ся), лйн(ā)» — «говоривший», *зийн(а)* — «испытывавший, наблюдавший» в ингушском причастии, образованном от глаголов, основы которых оканчиваются на *л*, наблюдается регрессивная ассимиляция, обусловленная воздействием показателя причастия *н* на предшествующий ему согласный основы: *алар* — «сказать» → *аьн-на* — «сказал», *далар* — «кончить» → *даьн-на* — «закончил», *тилар* — «заблудиться» → *тин-на* — «заблудился» и т. д.; в причастии, образованном от глаголов, основы которых оканчиваются, например, на *т*, *д*, показатель причастия *н* подвергается воздействию предшествующего ему согласного, в результате происходит прогрессивная ассимиляция: *хийтар* — «казаться» → *хийт-та* (<*хийт-на*) — «показался», *кхийтар* — «понять» → *кхийтта* (<*кхийт-на*) — «понял» и т. д.

Таким образом, показатель причастия *н* в ингушских глагольных формах ведет себя по-разному, в зависимости от типа глагольной основы, с одной стороны, и конечных согласных основ — с другой: а) *н* сохраняется в причастии, образованном от односложных глагольных основ (типа *лйер*, *лиер*); б) *н* выпадает в причастиях, которые образованы от глагольных основ типа *ахар*, *дийцар*; в) *н* вызывает регрессивную ассимиляцию (*алар* → *аьнна*, *малар* → *менна*); г) *н* подвергается прогрессивной ассимиляции предшествующим согласным глагольной основы (*хийтар* → *хийт-та* <*кхийт-на*, *кхийтар* → *кхийтта* <*кхийт-на*).

Как видно из изложенного, наличие классного показателя в конце и в середине глагольных форм связано в ингушском с выпадением причастного форманта *н* и превращением сложных относительных форм времен в простые (абсолютные).

2) Что классный показатель в конце глагольных форм в прошедшем повествовательном времени представляет исторически усеченную форму связки, показывают данные чеченского и бацбийского языков. В чеченском ингушским формам *дийшад*, *дийцад*, *абхад* соответствуют *дешана ду*, *дийцан-ду*, *абхана ду*, а в бацбийском — *ахин² да* и т. д. Ингушские формы *абха-д-аьр*, *абха-д-аьцар*, *оахур-д-аь*, *оахург-д-аьц* и т. д. также образовались от сложных (описательных) форм. Это положение тоже подтверждается как внутренней реконструкцией, так и данными близкородственных чеченского и бацбийского языков: *абхадаьр* < *абхан дар* — (дословно) «вспахавший было»; *абха-д-аьцар* < *абхан дацар* — (дословно) «вспахавший не было»; ср. чеч. лит. *абхана дара* (и *абханиера*), *абхана дацара*.

¹ И. Г. Арсаханов. Аккинский диалект в системе чечено-ингушского языка. Грозный, 1959, стр. 90.

² Вопрос об основах настоящего и прошедших времен будет рассмотрен особо.

Точно так же аккинские глагольные формы с конечными классными элементами восходят к сложным (описательным): *ведану-в* — «убежал», *ведан ву* — (дословно) «убежавший есть», *б-елм-б* — «дал» <*белн(а)-бу* — «давший есть»; *белн-б-ара* — «оказывается, дал» <*белн(а) бара* — «давший было» (ср. чеч. лит. *беллиера*).

Итак, как внутренняя реконструкция, так и данные близкородственных языков подтверждают, что классные показатели в конце и середине глагольных форм в чеченском, ингушском, аккинском исторически являлись префиксами: встречающиеся в конце глагольных форм классные элементы восходят к классной связке, в составе которой они служили префиксами (ср. инг. *абхад* < **абхан да* — «вспахавший есть», акк. *ведану-в* < **ведан ву* — «убежавший есть» и т. д.), а в середине глагольных форм в одних случаях к классной связке (инг. *абха-д-аьр* < **абхан дар* — «вспахавший было»; акк. *б-елн-б-ара* — «оказывается, дал» < *белна бара* — «давший было»), в других — к классным глаголам (чеч. *в-ух-верз-в-ие* — «верни, возврати» < *в-ух* — «обратно» — *верз(а)* — «вернись, повернись», *в-ие* — «делай» и т. д.

Следовательно, в чеченском, ингушском языках (а также в аккинской речи) классные показатели во всех случаях выступают как префиксы. Это правило, рассматриваемое в историческом аспекте, не знает исключения. Как мы увидим ниже, и бацбийский язык не дает исключений из этого правила.

Бацбийский язык, стоящий несколько обособленно от вейнахских языков, сохранил основные закономерности функционирования категории грамматических классов, наблюдаемые в чеченском и ингушском.

Всего в бацбийском восемь грамматических классов:

Число	Обозначение классов	Грамматические классы							
		класс муж-чин	класс жен-щин	Классы неразумных существ, природы, вещей, предметов и понятий					
		1	2	3	4	5	6	7	8
Единств.	Звуковые показатели грамматическ. классов	в	й	й	б	д	б	б	д
Множ.	Звуковые показатели грамматическ. классов	б	д	й	б	д	д	й	й

Можно отметить следующие основные особенности функционирования категории грамматических классов в бацбийском языке: 1) наличие седьмого (*б/й*) и восьмого (*д/й*) грамматических классов, отсутствующих в чеченском и ингушском. Немного слов, включаемых в седьмой класс: *п-Пъа-пПъни* — «крыло» (птицы), *бак-баки* — «рот», *пхъаит-пхъатуй* — «легкое» (орган), *буй-буирч* — «кулак-руки», *мПъаир-мПъарелч* — «ноготь», *бПъаркI-бПъаркIи* — «глаз», *пхъарс-пхъарси* — «рука от плеча до кисти», *гох-гохи* — «каменная глыба».

В восьмом классе представлено всего лишь несколько слов: *батIр-батIри* — «губа», *ларкI-ларкIи* — «ухо».

Существуют значительные колебания в отнесении указанных слов к названным классам. Из новых заимствованных слов лишь *тIанкI-тIанкIи* — «танк» некоторые бацбийцы, по нашим наблюдениям, включали в класс *б/й*, а многие же и это слово относили к шестому классу *б/д*.

2) Показателем II кл. во мн. ч. служит *д*, тогда как в остальных нахских языках имеем *б*.

3) В бацбийском классные показатели I и II л. мн. ч. соответствуют префиксам соответствующих классов во мн. ч., между тем в чеченском и ингушском языках для всех классов в I и II л. мн. ч. имеем префикс *д*:

Класс мужчин	
ед. ч.	мн. ч.
1-е л. <i>со чухь в-а</i> — я дома нахожусь	1-е л. <i>вай</i> (инклюзив) <i>чухь ба</i> — мы дома находимся
2-е л. <i>хьо чухь ва</i> — ты дома находишься	1-е л. <i>тхо</i> (эксклюзив) <i>чухь ба</i> — вы дома находитесь
3-е л. <i>о чухь ва</i> — он дома находится	2-е л. <i>шу чухь ба</i> — вы дома находитесь
	3-е л. <i>оби чухь б-а</i> — они дома находятся
Класс женщин	
ед. ч.	мн. ч.
1-е л. <i>со чухь й-а</i> — я дома нахожусь	<i>вай чухь да</i> — мы дома находимся
.....

и в остальных лицах префиксом связи в ед. ч. служит *й*, а во мн. ч. — *д*.

В бацбийском языке, как и в чеченском, классные показатели встречаются лишь в начале слова (в именах существительных, прилагательных, числительных, служебных словах): *в-аккхō* *вашо* — «старший (большой) брат», *й-аккхō* *й-ашо* — «старшая сестра», *дад(а)* *чу в-ахи* — «отец домой пошел», *нан(ā)* *чу йахи* — «мать домой пошла»; *в-Гъивъ* *вашо* — «четыре брата», *й-Гъивъ* *йашо* — «четыре сестры»; *б-аниъ* *васер ба* — «все люди», *йаниъ халх-йа* — «весь народ есть»; и в середине глагольных форм: *в-ух-в-ерцл-вIue* — «верни обратно, возврати» и т. д.

Анализ категории грамматических классов в нахских языках в сравнительно-историческом плане дает следующую картину:

Все нахские языки сохранили основные принципы распределения по грамматическим классам имен существительных, восходящих к языку-основе. В чеченской, ингушской, бацбийской и аккинской речи к первому классу относятся разумные существа мужского пола, ко II кл. — разумные существа женского пола, к III кл. — слова, выражающие названия некоторых частей тела и организма человека, животных, птиц, явления природы, времена года, части дня, наименования многих инструментов, некоторые названия холодного и огнестрельного оружия, болезней, а также наименования некоторых предметов. Многие из заимствуемых в настоящее время имен существительных включаются в этот класс.

В рассматриваемых языках относительно немного слов, включаемых в четвертый класс (*б/б*). Многие имена, относившиеся к этому классу, переходили и переходят сейчас в класс *б/д*.

К пятому классу принадлежат наименования некоторых домашних животных, зверей, птиц, древесных пород, орудий труда, инструментов, частей тела и организма, болезней, и различные имена, не поддающиеся группировке по каким-либо общим признакам.

Весьма продуктивным является шестой класс (*б/д*). Многие названия предметов из четвертого и пятого классов переключаются в этот класс. В их числе наименования некоторых животных, птиц, частей тела, орудий труда, инструментов, а также многочисленные другие имена существительные¹. Кроме того, в бацбийском языке новые заимствования распределяются в основном между классами *й/й*, *д/д* и *б/д*. Правда, большинство из них относится к классу *й/й*. В чеченском языке в отличие от бацбийского почти все заимствуемые сейчас названия предметов включаются в класс *й/й*².

В настоящее время в чеченском, ингушском и бацбийском языках наиболее продуктивным из классов природы и вещей являются *й/й* и *б/д*³.

Замечательной чертой всех нахских языков является то, что в них с древних времен функционируют все четыре одинаковых классных показателя — *в*, *б*, *д*, *й*, которые обычно не подвергаются позиционным изменениям, не имеют фонетических вариантов. В этом отношении нахские языки отличаются от всех горских кавказских языков.

Классное согласование в следующих словах восходит к общенахскому языку: чеч., инг. *дахъа*, бацб. *дахъа* — «нести», чеч., инг. *в-еза*, бацб. *в-еца* — «любить», чеч., инг. *в-иша*, бацб. *в-иша* — «ложиться», чеч. *д-оккха*, инг. *д-оаккха*, бацб. *д-аккхъ* — «большой», чеч. *д-оцу*, инг. *д-оаца*, бацб. *д-ацъ* — «короткий», чеч., инг. *д-ай*, бацб. *д-ави* — «логкий» и т. д. Таких слов много. Все они отражают общенахское состояние классного согласования.

Наличествующие во всех нахских языках четыре показателя: *в*, *б*, *д*, *й* были и в нахском языке-основе.

В нахском языке-основе классные показатели всегда уплотнялись в качестве префиксов. Наблюдаемые в ингушском, аккинском, чеченском и отчасти в бацбийском отклонения от правила являются продуктом позднейшего развития отдельных нахских языков.

По-видимому, в нахском языке-основе было всего шесть классов. Наличествующие в бацбийском седьмой и восьмой и в аккинском — седьмой классы — продукт позднейшего развития бацбийского языка, после его выделения из состава нахских языков.

Вместе с тем в нахских языках обнаруживаются существенные расхождения в грамматических классах. Нижеследующие особенности, выявляемые в отдельных нахских языках в своей основной части, как мы полагаем, появились после распада нахского языка-основы.

ПЕРЕРАСПРЕДЕЛЕНИЕ ПО ГРАММАТИЧЕСКИМ КЛАССАМ НЕКОТОРЫХ ИМЕН СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ

Результатом развертывания этого процесса является образование седьмого (*б/й*) и восьмого (*д/й*) классов в бацбийском и в аккинском — седьмого (*д/б*). Наличие во всех нахских языках шести классов, между

¹ См. более подробно: Ю. Д. Дешериев. Бацбийский язык. М.—Л., 1953.

² Х. Г. Гугиев. Орфографический словарь чеченского языка. Грозный, 1942.

³ Х. Г. Гугиев. Указ соч. И. А. Оздоев. Орфографический словарь ингушского языка. Грозный, 1942. Ю. Д. Дешериев. Бацбийский язык.

которыми в чеченском, ингушском, бацбийском языках и аккинской речи в основном одинаково распределяются имена существительные, входящие к общенахскому языку-основе, свидетельствует о том, что и в нахском языке-основе существовали эти шесть грамматических классов.

Возникновению указанных классов в бацбийском языке и в аккинской речи способствовали факты социального, семасиологического порядка (наряду с фонетической и семантической аналогией)¹. Так, в чеченском языке, как известно, для выражения презрения или пренебрежения по отношению класса мужчин употребляют класс *й/й*. В отношении к классу женщин для выражения пренебрежения и презрения используется в ед. ч. классный показатель *б*, а во мн. ч. — *й*. Последние факты могли бы привести к образованию нового седьмого класса *б/й* в чеченском, если бы они не были ограничены выражением нового, дополнительного оттенка, касающегося конкретных имен существительных, относимых ко II классу.

В нахских языках слово *са* — «душа» относится к классу *д/д*. В вейнахских языках слово *малик* — «ангел» связывается в определенном оттенке его восприятия с понятием *душа* и относится к классу *д/д*. Ребенка также называют *малик* (в переносном значении) и относят к классу *д/д* в чеченском, ингушском и бацбийском. Возможно, что указанный семасиологический оттенок и способствовал переключению слова *бер* — «ребенок» в класс *д/д*.

Освещение вопроса об этимологии классных показателей и происхождении категории грамматических классов не входит в нашу задачу. Наша цель — попытаться восстановить картину функционирования грамматических классов в нахском языке-основе.

Расхождение в классных показателях I и II кл. во мн. ч. в чеченском, ингушском, с одной стороны, и в бацбийском — с другой, несомненно, — вторичного происхождения. Бацбийский язык сохранил более древнюю, стройную и последовательную систему в употреблении классных показателей для I и II кл. в ед. и мн. ч.

I кл.							
ед. ч.				мн. ч.			
	чеч.	инг.	бацб.		чеч.	инг.	бацб.
1-е лицо	<i>в-у</i>	<i>(в-а)</i>	<i>в-а</i>	1-е лицо (инклюзив)	<i>д-у</i>	<i>(д-а)</i>	<i>д-а</i>
				1-е лицо (эксклюзив)	<i>д-у</i>	<i>(д-а)</i>	<i>д-а</i>
2-е лицо	<i>в-у</i>	<i>(в-а)</i>	<i>в-а</i>	2-е лицо	<i>д-у</i>	<i>(д-а)</i>	<i>д-а</i>
3-е лицо	<i>в-у</i>	<i>(в-а)</i>	<i>в-а</i>	3-е лицо	<i>б-у</i>	<i>(б-а)</i>	<i>д-а</i>

II класс							
ед. ч.				мн. ч.			
	чеч.	инг.	бацб.		чеч.	инг.	бацб.
1-е лицо	<i>й-у</i>	<i>й-а</i>	<i>й-а</i>	1-е лицо	<i>д-у</i>	<i>д-а</i>	<i>д-а</i>
				2-е лицо (инклюзив)	<i>д-у</i>	<i>д-а</i>	<i>д-а</i>
2-е лицо	<i>й-у</i>	<i>й-а</i>	<i>й-а</i>	2-е лицо (эксклюзив)	<i>д-у</i>	<i>д-а</i>	<i>д-а</i>
3-е лицо	<i>й-у</i>	<i>й-а</i>	<i>й-а</i>	3-е лицо	<i>б-у</i>	<i>б-а</i>	<i>д-а</i>

Таким образом, в бацбийском языке во всех лицах мн. ч. последовательно употребляется классный показатель *д*. В чеченском и ингушском

¹ Ю. Д. Дешериев. Специфика проявления абстрагирующей роли грамматики в системе грамматических классов.

языках после дифференциации нахских языков этот показатель в III л. мн. ч. был заменен префиксом *б*. По всей вероятности, это произошло по семантическим причинам.

Некоторые общенахские слова относятся к разным классам в чеченском, ингушском и бацбийском языках:

чеч.	инг.	бацб.
<i>балда, д/д</i>		<i>батIр, д/й</i> — губа
<i>лерг, д/д</i>	<i>лерг, д/д</i>	<i>ларкI, д/й</i> — ухо
<i>бIаьрг, б/б и б/д</i>	<i>бIарг, б/д</i>	<i>бIъаркI, б/й</i> — глаз
<i>пхъарс, б/д</i>	<i>пхъарс, б/д</i>	<i>пхъарс, б/й</i> — рука от плеча до кисти.
<i>кхел, й/й</i>	<i>кхал, й/й</i>	<i>кхадал, б/д</i> — кобыла
<i>борз, й/й</i>	<i>бордз</i>	<i>бIъорцI, б/д</i> — волк

Особый интерес представляют слова, принадлежащие по значению к I и II кл., но в бацбийском относимые к V кл.:

чеч.	инг.	бацб.
<i>хъаша, в/б</i>	<i>хъаша</i>	<i>хъашо, д/д</i> — гость
<i>мостагI, в/б</i>	<i>моастагI</i>	<i>мастхов, д/д</i> — враг
		<i>муша, д/д</i> — наемный рабочий

К этому же классу относится и слово «ребенок», лишь в ааккинской речи образующее особый класс *д/б*.

Грузинские заимствования вытеснили некоторые существовавшие в общенахском языке имена из бацбийского. Новые заимствования также относятся к тому же классу, к которому принадлежали вытесненные ими имена:

чеч.	бацб.
<i>кIомсар, й/й</i> — коренной зуб	<i>мардзил, й/й</i>
<i>туьта, й/й</i> — череп	<i>кIамх, й/й</i>
<i>гуьйре, й/й</i> — осень	<i>стIабо, й/й</i>
<i>берг, й/й</i> — копыто	<i>чIалко, й/й</i>
<i>дIаьIахк, й/й</i> — кость	<i>дзоло, й/й</i>

Заимствованные слова принадлежат не к тому классу, к которому относились вытесненные ими названия понятий предметов:

чеч.	бацб.
<i>кIамдар, д/д</i> — чесотка	<i>кац, й/й</i>
<i>хъоза, д/д</i>	<i>цIивчI, б/д</i>

Слова, заимствованные чеченским, ингушским и бацбийским языками из разных языков (или из одного и того же языка через разные языки) и выражающие одни и те же понятия, относятся к различным классам или же к одному и тому же классу:

чеч.	инг.	бацб.
<i>xлорд, б/д</i>	<i>форд</i>	<i>згIва, й/й — море</i>
<i>халкъ, д/д</i>	<i>халкъ</i>	<i>халх, й/й — народ</i>
<i>дуга, д/д</i>	<i>дуга</i>	<i>бриндж, б/д — рис</i>
<i>варда, й/й</i>	<i>ворда</i>	<i>урем, б/д — арба</i>

Новые заимствованные слова, выражающие новые неизвестные понятия, также могут относиться к различным классам, а также к одному и тому же классу:

чеч.	инг.	бацб.
<i>телефон, й/й</i>	<i>телефон, й/й</i>	<i>телефон, д/д — телефон</i>
<i>телеграмма, й/й</i>	<i>телеграмма, й/й</i>	<i>депеш, д/д — телеграмма</i>
<i>трактор, й/й</i>	<i>трактор, й/й</i>	<i>тIрактIлор, й/й — трактор</i>
<i>цIерпошт, й/й</i>	<i>цIерпошт, й/й</i>	<i>матIаробел, й/й — поезд</i>
<i>машина й/й</i>	<i>машина, й/й</i>	<i>машина, й/й — машина</i>

и т. д.

Сравнительно-историческая характеристика грамматических классов в нахских языках позволила выявить в них слова с окаменелыми классными префиксами. Процесс окаменения классных префиксов в составе таких слов хронологически относится к разным эпохам. В одной группе слов этот процесс восходит к нахскому языку-основе, а в другой группе — к эпохе, следующей за распадом этого языка. К первой группе принадлежат следующие слова с окаменелыми классными префиксами: чеч., инг. *ворхI*, бацб. *ворлъ* — «семь», чеч., инг. *бархI*, бацб. *барлъ*; чеч., инг. *пхиъ*, бацб. *пхи*. Основанием для признания начальных согласных *в*, *б* и *п* в указанных словах окаменелыми классными префиксами служат, во-первых, данные самих нахских языков (ср. переменные классные префиксы у числительного «четыре»: чеч., инг. *в-иъ* || *й-иъ* || *б-иъ* || *д-иъ*, бацб. *дIгивъ* || *йIгивъ*; следовательно, для нахских числительных исторически характерна была классная префиксация), во-вторых, факты, выявляемые в остальных горских кавказских языках (ср., например, окаменелые классные префиксы в составе хиналугских числительных *пхъу* — «пять», *йикI* — «семь», *йоз* — «девять», *йаIаз* — «десять») ¹. Классная префиксация с оглушением звонких показателей перед глухими является действующим процессом в современном хиналугском языке: *хи* — «пошел», *п-хи* — «пошли», *ц-хи* — «пошли» и т. д., но *з-атIэн* — «плач», *й-е-ццын* — «оставайся» ².

К этой же группе могут быть отнесены и следующие слова: чеч. *ваша*, инг. *воша*, бацб. *вашо* — «брат»; чеч. *йиша*, инг. *йишаъ*, бацб. *йашо* — «сестра», чеч., инг. *воI*, бацб. *вохъ* — «сын», чеч., инг. *йоI*, бацб. *йохъ*. Эти слова представляют особый интерес для сравнительно-исторической характеристики категории грамматических классов в нахских языках. В самом деле, в соответствии с действующими нормами функционирования грамматических классов можно было бы ожидать, что слова *ваша*, *йиша*, *воI*, *йоI* должны иметь во мн. ч. формы, соответствующие

¹ Ю. Д. Дешериев. Грамматика хиналугского языка. М.—Л., 1959, стр. 131.

² Там же, стр. 55.

щие, например, формам классного прилагательного в ед. ч. *воккха*||*й-оккха* — «большой»||«большая», во мн. ч. *баккхий* — «большие». На самом деле мы имеем во мн. ч. *вежарий* — «братья», *йижарий* — «сестры», слова *воI*, *йоI* не имеют форм мн. ч. В словах *вежарий-йижарий* классные префиксы *в-* и *й-* являются окаменелыми для мн. ч., так как во мн. ч. мы должны были иметь префикс *б*. Эти факты, наличествующие во всех нахских языках, хронологически, несомненно, относятся к эпохе существования нахского языка-основы.

Эти факты, отражающие древнее состояние общенахского языка, могут быть истолкованы и в другом аспекте. Можно полагать, что рассмотренные слова отражают ту эпоху, когда одним и тем же классным префиксом выражался грамматический класс в ед. ч. и мн. ч. (*ваша-вежари*, *йиша-йижари*), а не двумя разными префиксами, как сейчас (*ваша в-у* — «брат есть», но *вежари б-у* — «братья суть»).

Ко второй группе слов с окаменелыми префиксами относятся, например, чеч., инг. *йист*, бацб. *бист* — «край, конец»; в некоторых чеченских говорах встречается также и форма *бист*; чеч. *боху*, инг. *йоах* — «говорит», бацб. утратил этот глагол; чеч. *дикаду* (<*дика ду* — «хороший есть»), бацб. *дакин-д* (<*даки да* — «хороший есть») — «хорошо» (ср. в соврем. чеч. *дика кIант в-у* — «хороший парень есть», *дика йоI й-у* — «хорошая девушка есть»; *дика берд-у* — «хороший ребенок есть»).

Сравнительно-историческая характеристика грамматических классов в нахских языках дает возможность выявить слова полностью или частично утратившие классное согласование. Процесс утраты классного согласования такими словами также относится хронологически к разным эпохам. Здесь тоже можно отметить, по крайней мере, две группы слов, утративших классное согласование в две разные эпохи, границей между которыми служит период распада нахского языка-основы.

Первая группа слов восходит к эпохе существования общенахского языка: чеч., инг. *ата*, бацб. *ата* — «крошить, дробить»; чеч. *иеха*, инг. *аха*, бацб. *иха* — «ходить», чеч. *ида*, инг. *эда*, бацб. *итIа(?)* — «бегать».

Вторая группа таких слов, относительно немногочисленная, образовалась в эпоху самостоятельного развития отдельных нахских языков: чеч. *д-атIо* (*д-атI-д-а*), бацб. *д-а-тI-д-а* — «порвать»; чеч. *д-ила* — «мыть», бацб. *д-ил-д-а* — «купать» (в первых двух чеченских примерах утрачены вторые классные показатели, сохранившиеся в бацбийском и восходящие к глаголу *дан* — «делать»); чеч. инг. *угIа* (<*дугIа*||*й-угIа* и т. д.), бацб. *д-угIа*||*в-угIа*||*й-угIа*||*б-угIа* — «кричать, реветь» и т. д.

О СТРУКТУРЕ КЛАССНЫХ ПОКАЗАТЕЛЕЙ

Нет основания сомневаться в том, что классные показатели *в*, *б*, *д*, *й* когда-то были сложными. В их состав должны были входить и гласные элементы. По-видимому, эти гласные элементы еще в древнейшую эпоху существования общенахского языка были поглощены именными и глагольными основами, к которым присоединялись классные показатели для выражения определенного грамматического класса. В истории нахских языков не обнаруживаются факты, которые свидетельствовали бы о существовании в них сложных классных показателей, состоящих из согласного и гласного элементов. Напротив, всюду классные префиксы *в*, *б*, *д*, *й* представлены морфологически изолированно

от следующих за ними гласных, т. е. нередко эти гласные выражают различные грамматические категории независимо от предшествующих им классовых показателей:

а) в чеч. *д-уо* (*в-уо, й-уо, б-уо*) — «делает», *д-и* — «сделал», *д-уо-ра* — «подделывал», *д-обху* (*в-обху, й-обху, б-обху*) — «просит», *д-иеха* — «проси», *д-иехниера* — «оказывается, просил»; б) в бацб. *таг-д-о* (*таг-й-о, таг-б-о*) — «сделает», *таг-д-иеб* — «сделай» и т. д.

Аналогичные примеры можно было бы привести из ингушского языка и аккинской речи.

В чеченском и ингушском языках встречаются отдельные факты, которые, на первый взгляд, говорят о зависимой связи между классовыми показателями и следующими за ними гласными:

чеч.	инг.	бацб.
<i>в-а-ша</i>	<i>в-о-ша</i>	<i>в-а-шо</i> — брат
<i>й-и-ша</i>	<i>й-и-ша</i>	<i>й-а-шо</i> — сестра

Бацбийские формы этих исконных нахских слов отражают более древнее состояние. В чеченских и ингушских формах отразилось действие широко распространенного в них закона обратной гармонии: в чеченском, например, *й-и-ша* в окончаниях косвенных падежей имеет дифтонг *ие*, который, вероятно, под действием закона унификации форм по аналогии обусловило переход корневого *а* в *и* (по закону обратной гармонии). Продуктом аналогичного процесса являются и ингушские формы *йиша* и *воша*.

Действием закона обратной гармонии (т. е. лабиализованные гласные окончаний вызывают лабиализацию корневых гласных) обусловлены расхождения в корневых гласных, стоящих после классовых префиксов, в следующих словах:

чеч.	инг.	бацб.
<i>д-о-цу</i> <i>д-оца</i>	<i>лоа-ца</i>	<i>д-а-цү</i> — короткий
<i>д-оккха</i> (<i>й-оккха</i>)	<i>д-оккха</i>	<i>д-а-ккхō</i> (<i>й-а-ккхō</i>) — большой

Таким образом, префиксы *в, б, д, й*, всегда употребляемые перед гласными, морфологически и фонетически обособлены от последних, которые не входят в структуру классовых показателей. Следовательно, структура классовых показателей, рассматриваемая как точки зрения современного состояния языка, так и в плане исторического и сравнительно-исторического освещения лингвистических фактов нахских языков, предельно простая: каждый классный показатель представлен одним согласным звуком.

Вместе с тем нахские языки дают нам классический пример однотипной (по характеру аффиксации), чисто префиксальной системы грамматических классов, поскольку в них не обнаруживаются слова с классовыми суффиксами и инфиксами, которые не восходили к префиксам.

Все изложенное выше позволяет представить следующую схему грамматических классов в общенахском языке-основе:

Число	Обозначение классов	Класс мужчин	Класс женщин	Классы неразумных существ, природы и вещей			
		1	2	3	4	5	6
Единств.	Звуковые показатели грамматических классов	в	й	й	б	д	б
Множ.	Звуковые показатели грамматических классов	б	д	й	б	д	д

Эта схема в основном отражает современное состояние функционирования грамматических классов в чеченском и ингушском языках. Лишь второй класс (*й/д*) восходит к бацбийскому языку.

Данные нахских языков могут послужить основанием для характеристики грамматических классов, отражающих более древнее состояние. Во-первых, во всех нахских языках есть грамматические классы, выражаемые однотипными классными префиксами в ед. и мн. ч. (*б/б, д/д, й/й*). Во-вторых, в некоторых исконных нахских словах древнейшего происхождения показателем I кл. в ед. и мн. ч. служит *в* (*ваша—вежари* — «брат, братья»), а префиксом II кл. в ед. и мн. ч. — *й* (*йиша—йижари* — «сестра, сестры»). В итоге мы получаем следующую схему, отражающую, как мы полагаем, более древнее состояние функционирования грамматических классов в общенахском языке-основе:

Число	Обозначение классов	Класс женщин	Класс мужчин	Класс неразумных существ, природы и вещей			
		1	2	3	4	5	6
Единств.	Звуковые показатели грамматических классов	в	й	б	д	—	—
Множ.	Звуковые показатели грамматических классов	в	й	б	д	—	—

ИМЯ СУЩЕСТВИТЕЛЬНОЕ

Рассмотрим имя существительное в сравнительно-историческом аспекте, следуя нашей методике анализа материала, заключающейся в последовательном синхронном, историческом и сравнительно-историческом освещении фактов (с учетом данных диалектов), дающих картину современного состояния и исторического развития отдельных языков и позволяющих восстановить основные особенности общенахского языка и действовавшие в нем закономерности в эпоху его распада. Такая методика сначала приводит нас к ступенчатой реконструкции—внутренней реконструкции — в системе диалекта, а затем в системе языка в целом, т. е. к выяснению закономерностей исторического развития данного языка.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА СТРУКТУРНЫХ ОСОБЕННОСТЕЙ ИМЕН СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ В НАХСКИХ ЯЗЫКАХ

В нахских языках следует различать следующие структурные типы имен существительных, рассматриваемых с точки зрения их общей фонетической и морфологической структуры в абсолютной форме, т. е. в форме им. п. ед. ч.:

1) Односложные имена существительные древнего общенахского происхождения: чеч., инг., бацб. *цIа* — «дом», *кIа* — «пшеница», *лам* — «гора»; чеч. *аз*, инг. *аз*, бацб. *аиш* — «звук, голос»; чеч., инг. *малх*, бацб. *матх*, ажк. *марх* — «солнце»; чеч. *куог*, инг. *ког*, бацб. *кокI* — «нога» и т. д. Можно предположить, что такие имена, как *лам*, *малх*, *куог*, образующие закрытый слог, состоят генетически из лексически или морфологически разнородных элементов, которые не поддаются разложению. Поэтому их и рассматривают как неразложимые корневые основы.

2) Общенахские двусложные слова древнего происхождения: чеч., инг. *куорта*, бацб. *корта* — «голова», чеч. *ваша*, инг. *воша*, бацб. *вашо* — «брат»; чеч. *йиша*, инг. *йиша*, бацб. *йашо* — «сестра», чеч., инг. *шинар*, бацб. *шина* — «вторник», чеч. *суьйри*, инг. *сейра*, бацб. *псарло* — «вечер», чеч. *цIоцIкъам* || *цIоцIцIам*, инг. *цIацIкъам*, бацб. *цIамцIам* — «бровь» и т. д.

3) Весьма немногочисленны общенахские трехсложные производные слова древнего происхождения. Почти все они — производные отглагольные имена существительные: чеч. *духдерздар*, инг. *духдерздар*, бацб. *духдерцIдар* — «возвращение», чеч. *моттхьекхар*, бацб. *моттхьекхар* — «лизание» и т. д.

4) Непроизводные и производные слова, возникшие в период самостоятельного развития каждого из нахских языков: чеч., инг. *йуьхь* || *йуьхьмарш*, бацб. *йохькотI* — «лицо»; чеч. *къамкъарг*, инг. *къамирг*, бацб. *къанкъаратI* — «горло»; чеч. *латта*, бацб. *йопстI*, инг. *йост* — «земля»; чеч. *муьстарг*, бацб. *дурмустI* — «щавель».

Таких слов, образовавшихся из исконных элементов, также мало.

5) Лексические новообразования, развившиеся в советскую эпоху, особенно в чеч. и инг. литературных языках: чеч. *къаъьцург*, инг. *къаъьэцархо*¹ — «взяточник», чеч. *къхиорхо*, инг. *къхеве* — «воспитатель», чеч. *малонча*, инг. *мекъахо* — «лентяй», чеч., инг. *хъаьжкIашеллорхо* — «кукурузовод», чеч. *хьунхьакхархо*, инг. *хьухьакхархо* — «лесоруб», чеч. *хьунъаре*, инг. *хьунааре* — «лесостепь», чеч. *дарбалелор*, инг. *дарбалеладар* — «лечение», чеч. *сагалмат*, инг. *динат* — «насекомое», *тIеобшург*, инг. *тIезшар* — «недочет», чеч. *къачамбацар*, инг. *къоачамбоацар* — «недостаток», чеч. *дешазхо*, инг. *цадийшар* — «наука», чеч. *бехкъбуьллург*, инг. *бехкевер* — «обвинитель» и др.

Аналогичные новообразования обнаруживаются и в бацб. языке, но в этом бесписьменном языке таких лексических новообразований, восходящих к его исконному словарному фонду, значительно меньше, чем в младописьменных чеч. и инг. языках. Вот некоторые бацб. новые слова, созданные из собственного лексического материала: *дакъаркъхьекдуила* — «кухня», *дуйкехкIуила* — «конюшня» и другие. Однако подавляю-

¹ Все приводимые здесь ингушские слова, а также большинство чеченских терминов взяты из «Краткого русско-чечено-ингушского словаря-справочника общественно-политических терминов», составленного К. З. Чокаевым и И. А. Оздоевым, Грозный, 1961.

щее большинство новых слов и терминов заимствовано из грузинского языка.

б) Лексические заимствования, подавляющее большинство которых относится к советской эпохе. Значительная часть из них в чеч. и инг. языках заимствована из русского и через него из других языков, а в бацб. — из грузинского.

Все эти многочисленные заимствования и новообразования внесли большую пестроту в структурные особенности имен существительных в нахских языках. Удельный вес односложных и двусложных общенахских имен, а также имен, заимствованных из других языков в древности, в общем небольшой в современных языках. Если указанные имена характеризовали основной состав и структурные особенности имен в общенахском языке в эпоху, предшествующую периоду его распада, а также в первый период обособленного развития отдельных нахских языков, то в современных языках в общем составе имен они занимают весьма незначительное место.

Основные структурные особенности имен существительных в современных языках характеризуются не односложными и двусложными словами древнего происхождения, а производными многосложными словами, как заимствованными, так и образованными из исконных элементов. Статистический анализ структурных типов имен существительных, включая сюда формы косвенных падежей, показал бы, что в современных языках структурные типы древних односложных и двусложных имен существительных занимают не более 5—10% общего состава имен существительных и их различных падежных форм. Из этого следует, что производные многосложные имена, появившиеся в связи с развитием общества, науки, техники, культуры, появлением новых отраслей сельского хозяйства и промышленности, определяют доминирующие в них структурные — фонетические и морфологические типы форм имен существительных. Их древние структурные типы отеснены на задний план. Для того, чтобы восстановить общую картину определяющих структурных типов имен существительных в древние времена, необходимо разграничить старое и новое в структурных (морфологических и фонетических) типах имен существительных, бытующих в нахских языках.

Эти факты позволяют сделать следующие выводы, имеющие принципиальное значение для общей характеристики соотношения различных структурных типов имен существительных, бытовавших в общенахском языке в первый период обособленного функционирования чеч., инг. и бацб. языков, а также в последнюю эпоху их развития:

Почти все общенахские имена существительные являются односложными и двусложными. Двусложные, очевидно, состоят из различных лексических и морфологических элементов. Их морфологический и лексический состав в их современном состоянии «затемнен» фонетическими процессами. Так, мы можем лишь предполагать, что в составе слов чеч. *бIаьрг*, бацб. *бIа(и)ркI* — «глаз», чеч. *лeрг*, бацб. *ларкI* — «ухо», конечные комплексы *рг* и *ркI* представляют собой фонетические варианты какого-то слова, впоследствии превратившегося в словообразовательный аффикс (аффикс субстантивации) *риг*, *рикI*. Напротив, в составе чеч. *цIоцIцIам||цIоцIкIам*, бацб. *цIамцIам* повторяется одна и та же основа (корень) и т. д. Среди односложных имен существительных преобладают структурные типы корневых основ, состоящих из: а) согласного и гласного (корневая основа типа открытого слога): согласный + гласный (чеч. *цIа*, инг., бацб. *цIа*, *кIа* и т. д.); б) согласного, гласного и согласного (корневая основа типа закрытого слога): согласный +

гласный + согласный (чеч., инг., бацб. *лам*, чеч., инг. *дог*, бацб. *докт* и т. д.).

Вместе с тем встречаются односложные слова, состоящие из гласного и согласного (корневая основа типа закрытого слога): гласный + согласный (чеч., инг. *аз*, бацб. *аиш*).

Древнейшими из них являются корневые основы типа открытого слога (согласный + гласный) и типа закрытого слога (гласный + согласный). Что же касается корневых основ типа закрытого слога (согласный + гласный + согласный), то они, можно полагать, возникли в результате слияния, сращения двух рядом стоящих слов — корневых основ:

а) Корневая основа согласный + гласный сливается с последующей корневой основой гласный + согласный, образуя новую корневую основу типа закрытого слога: согласный + гласный + согласный. В результате слияния конечного гласного предшествующего слова (корневой основы) с начальным гласным последующего слова (корневой основы типа закрытого слога) нередко должен был возникать гласный звук нового типа, который чаще всего должен быть дифтонгом, долгим монофтонгом или лабиализованным гласным любого качества. Поэтому есть основание полагать, что в составе, например, чеч., инг. [*дуг*], бацб. [*докл*], лабиализованный гласный звук — вторичного образования.

б) Корневая основа согласный + гласный сливается с корневой основой согласный + гласный в определенных синтаксических условиях в потоке речи, образуя новое слово (имя) — корневую основу типа закрытого слога. При этом конечный гласный первой основы сохраняется, а второй основы выпадает. Так могли образоваться имена типа чеч., инг. бацб. *лам*, *тлам* и т. д.

в) Другие возможные типы сочетания (слияния) рассматриваемых двух корневых основ могли дать соответствующие односложные и двусложные имена существительные, которые, в свою очередь, способствовали возникновению новых более сложных именных основ (чаще всего по способу основосложения). В дальнейшем разворачивании этих процессов существенную роль сыграло влияние других языков.

Наиболее архаичными из древнейших типов корневых основ имен существительных типа открытого и закрытого слога являются те, в состав которых входит краткий гласный [*a*] или [*e*]. Характерно, что к словам, полностью фонетически и морфологически совпадающим в нахожих языках (из имен существительных древнейшего происхождения) относятся главным образом односложные слова с гласным [*a*], [*e*] и [*u*]: чеч., инг., бацб. *ula* [*ula*] — «дом», *лам* [*лам*] — «гора» и др.

В составе некоторых односложных и двусложных имен существительных древнейшего происхождения обнаруживаются классные префиксы. В одних из них функционируют классные префиксы: чеч., инг. *в-ol* — «сын», *й-ol* — «дочь, девочка»; бацб. *в-охь* — «сын», *й-охь* — «дочь, девочка»; а в других они встречаются в окаменелом виде, т. е. классные префиксы слились с корневой основой: чеч., инг. [*ð*-уог*], бацб. [*ð*окл*]¹ — «сердце».

Среди односложных и двусложных слов, восходящих к общенахскому состоянию, есть имена существительные, образовавшиеся путем сложения, слияния (сращения) корневых основ. Из односложных слов так могли возникнуть прежде всего имена существительные, имеющие струк-

¹ Звездочка над звуком (в данном случае над *ð*-), отделенным от корневой основы дефисом, показывает, что мы реконструируем прежнее состояние, когда в составе данного слова функционировали переменные классные показатели.

туру согласный + гласный + согласный. Не удается выявить односложные и двусложные имена существительные, отражающие общенахское состояние и образовавшиеся посредством других способов словообразования (суффиксация, присоединение локальных префиксов и т. д.), если не считать производных от косвенных основ имен при помощи словообразовательных суффиксов *хуо* (чеч., инг.) || *хов* (бацб.), *луо* (чеч., инг.) || *лов* (бацб.), *руо* (чеч., инг.) || *ров* (бацб.) и некоторых других.

В период обособленного развития нахских языков процессы осложнения структурных особенностей имен существительных, расширения их состава, использования различных способов словообразования своеобразно развертывались в отдельных нахских языках. В чеч. и инг. языках широко использовались способы образования новых слов путем основосложения, префиксации и суффиксации, а также заимствований. В бацб. же образование новых имен существительных, пополнение их состава происходило в основном путем использования способа основосложения и заимствования слов и словообразовательных аффиксов из грузинского языка.

СЛОВООБРАЗОВАНИЕ ИМЕН СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ. ОБЩИЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Словообразование имен существительных относительно слабо развито в нахских языках¹. Как мы увидим ниже, из различных способов образования имен существительных (способ основосложения, суффиксальный, префиксальный, суффиксально-префиксальный и др.), лишь способ основосложения получил более или менее широкое распространение. Исконные словообразовательные префиксы были ограничены классными и локальными формантами, весьма ограниченно употреблявшимися (каждый из которых использовался в пределах определенной семантической группы имен существительных). В функции словообразовательных суффиксов употреблялись некоторые падежные форманты, которые впоследствии превратились в особые словообразовательные суффиксы (форманты местн., сравн., направ. и некоторых других падежей).

Способ основосложения и суффиксальный способ получили дальнейшее развитие в чеч. и инг. языках. После распада общенахского языка для создания новых слов широко использовались префиксально-суффиксальный способ, который начал складываться еще в нахском языке-основе, а также приемы образования новых имен существительных путем сочетания способа основосложения с префиксацией и суффиксацией.

Образование имен существительных путем основосложения

Для сравнительно-исторического изучения нахских языков наибольший интерес представляет данный способ образования производных имен существительных. Осложнение структуры именных основ древнего происхождения в большинстве случаев связано с образованием новых производных слов путем сложения двух и более основ. В развертывании этого процесса, особенно в древнейшие периоды развития

¹ Словообразованию имен существительных в чеченском языке посвящена со-
держательная работа К. З. Чокаева: «Словообразование имен существительных
в чеч. лит. языке», «Известия» ЧИНИИЯЛ, том I, вып. II, Грозный, 1959.

нахского языка-основы, весьма незначительную роль сыграли все приемы аффиксального именного словообразования.

Говоря о возникновении новых слов путем основосложения, мы исходим из более или менее общепризнанного факта, что корень древнейшего типа в иберийско-кавказских языках чаще всего состоял из одного согласного элемента, сочетаемого с каким-нибудь гласным звуком (*цла* — «дом», *кла* — «тшеница», *хи* — «вода» и т. д.). Однако это правило не могло быть абсолютным, не допускающим исключения. Прежде всего такому правилу могли не подчиняться звукоподражательные слова, которых немало в нахских языках. Вместе с тем форма слов могла осложняться наращением звуков по фонетическим причинам. Дело в том, что замена одного звука другим, наращение звуков — явления, весьма характерные для нахских языков. Это своеобразие особенно наглядно представлено в ингушском языке: чеч., инг., бацб. *лаа* — «желай, захоти», → чеч. *лаам*, инг. *лолам* — «желание» и т. д.

В то же время следует учитывать весьма важное теоретическое положение, подтверждаемое фактическим материалом, о нерасчлененности основ имени и глагола, о нейтральности основ имени и глагола, основ переходных и непереходных глаголов в иберийско-кавказских языках в древние времена. Это положение имеет большое значение для правильного освещения вопроса об образовании новых имен путем основосложения, а также через посредство присоединения к нейтральной основе детерминатива — определителя имени и глагола.

В современных нахских языках широко используется прием образования новых имен существительных путем сращения, слияния нескольких основ: чеч. *лар-ца-в-алар*, инг. *лор/ла-ца-в-алар* — «неосторожность», чеч. *кхачам ба-цар*, инг. *кхоочам-ба-а-р* — «недостаток», чеч. *цлермет-дош* — «местоимение» (дословно — «имени — место — слово») и т. д.

В литературных языках способ основосложения широко сочетается с префиксально-суффиксальным и суффиксальным приемами словообразования: чеч. *Галам-таллар-хо*, инг. *галам-д-овзар-хо* — «естествоиспытатель», бацб. *жаб-лехк/и-ла* — «коровник» и т.

Новые имена существительные в прошлом чаще всего возникали путем сложения:

а) основ двух и более имен существительных: чеч. *белишкорга* — «головка плечевой кости» (дословно *белиш* — «плечо», *корга* — «голова»), *цержков* (досл. *церж* — «зуб», *ков* — «ворота») — «щербина» (на месте вылавшего или удаленного зуба); бацб. *юкъматт* — «полдень» (дословно — «середина, место») и т. д.;

б) основ имени существительного и глагола;

в) основ глагола и имени существительного;

г) основ качественного прилагательного и имени существительного;

е) основ «наречий» и имени существительного.

Чем больше мы углубляемся в историю нахских языков, тем меньше встречаем слов, образовавшихся путем сложения более двух основ.

Итак, в нахском языке-основе основным способом образования имен существительных был способ основосложения. В нем развился и суффиксальный способ. Вместе с тем, обнаруживаются зачатки развития префиксально-суффиксального способа. Основные суффиксы именного словообразования восходят к падежным формативам. Этот факт представляет большой интерес не только для истории иберийско-кавказских языков, но и для общего языкознания. В нем отсутствовали такие словообразовательные заимствованные суффиксы, как *-ч*, *-м*.

Префиксально-суффиксальный способ образования имен существительных

Префиксально-суффиксальный способ образования имен существительных получил особенно широкое распространение в чеч. и инг. языках в последний период их развития.

Данный способ сложился на базе суффиксального и префиксального способов, а также способа основосложения и других приемов именного словообразования. Таким образом, если представить себе все способы образования имен существительных в виде последовательно образовавшихся пластов (слоев), то префиксально-суффиксальный способ является последним слоем, он как бы «наслаивается» на все остальные и вместе с тем связывается с ними различными путями.

В функции префиксов используются послелого, а также немногочисленные исконные и заимствованные префиксы: послелого (выступающие в функции приставок — префиксов): чеч., инг. *чу* — «в, внутрь», *те* — «на», *хьал* — «верх», *да* — «туда», *хьа* — «сюда», чеч. *кӀел*, инг. *кӀал* — «под» и др.; префиксы — классные показатели во всех нахских языках (функционирующие и окаменелые): *б, д, й, в*; других префиксов (исконных или заимствованных) в собственном смысле этого слова нет в чеч. и инг. языках. И в бацб. префиксами служат в значении русских приставок *мак* — «на», *хьала* — «о(об), верх», *дахь* — «от, у», *нӀьаи* — «вы» (все они выступают в значении соответствующих русских приставок).

В качестве префикса употребляется и отрицательная частица: чеч., инг. *ца*, бацб. *цо*. В чеч. и инг. языках появилось особенно много неологизмов с этим префиксом.

Префиксы, встречающиеся в составе новых заимствованных производных слов, за редкими исключениями (в чеч., инг. русские суффиксы, посредством которых образуются фамилия, отчество: «-ев(а)», «-ов(а)», «-евич (евна)», «-ович (-овна)»; в бацб. грузинские суффиксы, образующие имена прилагательные: *-ул* (<груз. *ули*), *ур* (<груз. *ури*) и некоторые другие, могущие присоединяться и к собственным словам данного языка, не воспринимаются носителями нахских языков как словообразовательные элементы: ср. чеч., инг. *председатель* (из русск.), бацб. *МецӀурчӀл* (груз. *МецӀурчӀле*) и т. д. Поэтому такие заимствованные слова, как *учитель* в чеч., инг. или в бацб. *мосцӀавлебел* (груз. *мосцӀавлебел*) — «учитель», для нахских языков не являются производными по префиксально-суффиксальному способу.

Из суффиксов префиксально-суффиксальным способом чаще всего используются: общенахские *-р*, чеч. *-ила* || инг. *-лга* || бацб. *-л* || *-ла*, которые могут сочетаться почти со всеми префиксами послеложного происхождения, употребляемыми в глагольных формах в качестве приставок (префиксов); чеч., инг. *-м, -ча*, реже *-луо* (бацб. *лов*), *-руо, -хуо, -уо* и др.

В чеч. и инг. литературных языках имеется много словообразовательных аффиксов, заимствованных из русского языка (главным образом в советскую эпоху). Подавляющее большинство из них входит в состав заимствуемых производных слов. С их помощью пока что нельзя образовать новые слова из исконного чеченского лексического материала, так как чеченцы и ингуши не воспринимают их как отдельные словообразовательные элементы. Исключением из этого правила являются, как уже указывалось, суффиксы, образующие фамилии, имена и отче-

ства: *-ов(а)*, *-ев(а)*, *-ович||-овна*, *-евич||-евна*, которые присоединяются и к собственно чеченским словам.

В бацб. языке мы также находим многочисленные производные слова, заимствованные из грузинского языка вместе с входящими в них словообразовательными элементами, которые будут рассмотрены при характеристике суффиксального способа образования имен существительных. Функционирующие в нахских языках в качестве словообразовательных элементов префиксы и суффиксы могут быть присоединены к неизменяемым и изменяемым словам, т. е. словам, состоящим из одной или нескольких основ: чеч. *б-елх-луо*, инг. *б-олх-луо* — «рабочий» (в бацб. *муша* (из груз.) чеч. *б-елха-хуо*, инг. *болха-хуо(?)* — «служащий»; чеч. *б-аха-м-а-лла*, инг. *боаха-м-а-л* — «хозяйственность», чеч. *д-ла-д-ерзо-р*, инг. *дла-д-ерза-д-а-р* — «регулирование», чеч., инг. *д-овзийта-р* — «введение».

В первом примере в качестве префиксального элемента мы рассматриваем окаменелый классный показатель *б-*, в прошлом он выполнял эту функцию, поэтому выделение окаменелого классного показателя здесь представляет существенный интерес для истории нахских языков. В прошлом функционирование переменных классных префиксов в составе таких основ, как чеч., инг. *буолх*, бацб. *ботх*, не было связано с префиксально-суффиксальным способом образования имен существительных. Использование суффиксов *-луо*, *-хуо* в первых двух примерах для образования новых слов произошло значительно позже «окаменения» префикса *б* в составе именной основы. На это указывают следующие факты: а) отсутствие соответствующих производных слов в бацбийском (вытеснение их из бацб. грузинскими заимствованиями мало вероятно, поскольку бацбийцы все еще продолжают пользоваться своим исконным словом *ботх* — «работа», от вейнахского фонетического варианта которого образованы чеч. *белхалуо*, *белхахуо*, инг. *болхалуо*); б) внутренняя флексия, которой сопровождается образование указанных двух слов в чеч. (*белх < буолх < балх*); такая перегласовка гласного данной основы произошла в период самостоятельного развития чеч. языка; в) проследившая историю развития чеч. и инг. народов, легко убедиться, что эти понятия в их жизни появились сравнительно недавно: слово *белхахуо* — «служащий» в чеченском представляет собой неологизм сравнительно недавнего происхождения.

В составе слова *баха-м-а-лла* также мы имеем окаменелый классный префикс *б-* (сравн. чеч. глагольные формы с переменными классными префиксами (*б-аха*, *д-аха* *в-аха*, *й-аха* — «живи»): От глагольной основы *б-аха* (инг. *боаха*) посредством суффикса *-м* образовались новые формы — чеч. *бахам*, инг. *боахам* — «хозяйство», от которых, в свою очередь, образовались неологизмы — чеч. *баха-м-а-лла*, инг. *боаха-м-а-л* путем присоединения суффиксов *-лла* (чеч.), *-л* (инг.), служащих средством создания новых слов с абстрактным значением. В морфологическом составе нового чеч.-инг. термина *довзийтар*¹ мы также имеем окаменелый классный префикс *д-* (ср. глагольные формы с переменными классными префиксами *д-овза*, *б-овза*, *й-овза*, *в-овза* — «узнай», к которым восходит первая основа этого термина): чеч. *дла-д-ерзо-р*, инг. *дла-д-ерза-д-а-р* — «регулирование»² — термины-неологизмы (ср. в бацб. масдар *данлцл-д-а-р* — «вернуть, поворачивать», не имеющий терминологического значения). В чеч. и инг. вариантах этого неологиз-

¹ К. З. Чокаев, И. А. Оздоев. Краткий русско-чечено-ингушский словарь-справочник общественно-политических терминов. Грозный, 1961, стр. 97.

² А. Г. Мациев. Чечено-русский словарь. М., 1961, стр. 150.

ма-термина в качестве префикса выступает *дIа* — послелог-наречие по происхождению (в функции послелога-наречия он и сейчас употребляется в обоих языках). Процесс оформления этого термина сопровождался «окаменением» инфигированного классного показателя *-д* (один раз в чеч. и два раза в инг.). В функции суффикса используется *-р* (аффикс, посредством которого образуются масдарные формы от глагольных основ). Таким образом, данный термин образован путем одновременного присоединения префиксального *дIа-* и суффиксального *-р* к общей основе (в чеч., например, *д-ерзо* или *дIадерзо...* как термины самостоятельно не употребляют).

Посредством префиксально-суффиксального способа образованы и следующие новые производные слова, в большинстве случаев представляющие собой неологизмы, возникшие в период образования и развития чеч. и инг. литературных языков: чеч. *белха-з-а-лла*, инг. *белха-з-а-л* — «безработица» (окаменелый префикс *б*, суффикс *-лла||-л*), чеч. *белха-з-хуо*, инг. *болх-б-уо-ца-р* — «безработный» (в чеч., инг. окаменелый префикс *б*, чеч. суффикс *-хуо*, инг. *-р*); чеч. *цхьакуьйгалла*, инг. *цхьакулгал* — «единоначалие»; чеч., инг. *юха-в-ала-р* — «отступление» (*юха* — «обратно» — послелог в функции префикса-приставки, *-в-* — классный инфикс, *-р* — масдарный суффикс); чеч., инг. *юкъаметиг* — «взаимоотношение, отношение» (чеч., инг. *юкъа* — основа наречного послеложного происхождения со значением «в середине», выступающая в функции префикса (приставки) *г-* (*-иг*) — исторически суффикс субстантивации глагольных основ) и т. д.

Подобные неологизмы, образованные из исконного лексического материала, отсутствуют в бесписьменном бацб. языке.

Следует отметить и случаи образования новых имен существительных префиксально-суффиксальным способом, когда сочетаются два разных суффикса, следующие один за другим: *бежка-за-луо* — «отсутствие вины; причина, причинность», *дега-за-луо* — «отсутствие желания; нежелание, неохота» и др. В этих примерах окаменелыми классными префиксами являются соответственно *б-* и *д-*, суффикс *-за-* выполняет функцию отрицания «без» (он отсутствует в бацб., возможно, что он заимствован из тюркских языков), к последнему суффиксу присоединяется *-луо*.

С префиксально-суффиксальным способом связано и образование имен существительных путем сочетания окаменелых и функционирующих классных префиксов с разновидностями суффикса субстантивации основ глаголов, прилагательных, наречий, числительных: чеч. *риг*, *рг*, *ниг*; инг. *р*; бацб. *рикI*. В чеч. *риг* и *рг* сочетаются только с глагольными основами: *й-огIу-рг* (<*й-огIу-риг*) — «та, которая идет», *в-огIург* (<*вогIуриг*) — «тот, который идет»; *д-еанарг||д-еанариг* — «тот, кто принес» и т. д. Таким образом, *рг* — усеченный фонетический вариант *риг*. В инг. *р* соответствует чеч. *рг*: инг. *кхаъэца-р*, чеч. *кхаъьцу-рг* — «взятчик» и т. д. Следовательно, инг. *р* < *рг* < *риг*. В бацб. *в-уџ-р-и-кI* — «крикун» (мужчина), *й-уџI-рики* — «крикун» (женщина) от *в-уџ* (*й-уџI*) — «кричи, реви» (ср. чеч. *уџIарг||уџIариг* — «крикун»). Стало быть, чеч. *риг* соответствует бацб. *рикI*. Этот суффикс в бацб. редко употребляется. По-видимому, в составе *риг||рикI* звук *р* является фонетическим наращением.

Посредством *ниг* в чеч. происходит субстантивация прилагательных, числительных: *дика-ниг* — «тот, кто хороший», *шолгIа-ниг* — «тот, кто второй» и т. д. В составе *ниг* сонант *н* также — фонетическое наращение. Аналогичные факты отсутствуют в современном бацб.

В именах существительных суффикс *ниг* выполняет функции аффикса принадлежности: *де-ниг* — «то, что принадлежит отцу», *нена-ниг* — «то, что принадлежит матери», но *дечига-ниг* — «то, что сделано из дерева», и т. д. Исходя из этих примеров, а также из форм прилагательных и числительных в им. п. ед. ч. с конечным *н*, можно полагать, что *н* в составе *ниг* — результат чаще всего усиления (в порядке наращення) *н* из состава окончания род. п.

Таким образом, чеч. *рг* < *риг* соответствует инг. *р* < *рг* < *риг*, бацб. *рикI* < *риг*. В составе всех этих фонетических вариантов одного и того же суффикса *р*- фонетическое наращение, выполняющее функции данного суффикса в инг. Из этого следует, что исходным суффиксом является *нг*. Но в составе чеч. *ниг* сонант *н* также фонетическое наращение. В итоге можно полагать, что во всех рассмотренных случаях исходным словообразовательным элементом является *нг*. Не удастся объяснить происхождение этого суффикса. Один из приемов префиксально-суффиксального образования имен существительных посредством суффикса *нг* восходит к нахскому языку-основе.

Суффиксальный способ образования имен существительных

Данные чеченского, ингушского и бацбийского языков показывают, что суффиксальный способ появился еще в нахском языке-основе. Дальнейшему развитию этого способа в отдельных нахских языках способствовали: а) использование заимствованных словообразовательных суффиксов: в чеч., инг. *-ча*, *-м* и др.; в бацбийском они не функционируют; б) превращение словоизменятельных аффиксов (в сочетании со связкой) в словообразовательные элементы: чеч., инг. [*луо:*], [*пуо:*], [*хуо:*]; бацб. [*лов*] и др.; в) превращение некоторых знаменательных и служебных слов в словообразовательные суффиксы: наречия, послелоги и т. д.

Суффикс *-ча*. Словообразовательный суффикс *ча* восходит к тюркским языкам¹. Для образования новых имен существительных употребляется в ингушском и чеченском, присоединяясь как к собственным, так и заимствованным словам: чеч. *глоьн-ча*, инг. *глуон-ча* — «помощник», чеч. *йозан-ча*, инг. *йоазан-ча* — «писатель».

Не во все диалекты чеченского языка проник рассматриваемый суффикс. Так, в кистинском (алазанском) диалекте чеченского языка всегда употребляется *-хуо* там, где в литературном находим *-ча*: кист. диал. *вотан-хуо*, литерат. *вотан-ча* — «благабанщик» и т. д.

В бацбийском отсутствует этот суффикс.

Суффикс *-м*. В чеченском и ингушском языках весьма широко употребляется словообразовательный суффикс *-м*, который мы находим и в бацбийском. Вероятно, этот суффикс также является заимствованным. Он чаще всего употребляется для образования имен существительных с обобщающим, абстрактным или собирательным значением, а также для образования неологизмов, калек по русским образцам, главным образом от глагольных основ: чеч., инг. *лаа-м* — «желание» (из *лаа* — «желай»), *кхиета-м* — «понятие» (из *кхиета* — «пойми, понимай»), *талла-м* — «исследование» (из *талла* — «охотиться, исследовать»). В бацбийском функцию *-м* нередко выполняет масдарный суффикс *-р* (ср. бацб. *кхета-р* — «понимание, понятие»).

¹ П. К. Услар. Чеченский язык, стр. 70; Н. Ф. Яковлев. Морфология чеченского литературного языка, Грозный, 1960; К. З. Чокоев. Словообразование имен существительных в нахских языках, канд. диссертация (рукопись).

При образовании некоторых отглагольных имен существительных этот суффикс может быть присоединен к глагольным формам, состоящим из нескольких основ: чеч. *дагалаца-м*, инг. *дагалоаца-м* — «запоминание» (<*дага*<*дог* — «сердце», *лаца* — «поймай»); *кӀинхиета-м* — «жалость» и т. д.

В чеченском, ингушском литературных языках многие неологизмы и кальки создаются посредством этого словообразовательного аффикса: чеч. *саца-м*, инг. *соца-м* — «постановление», чеч., инг. *кхайкха-м* — «призыв»; чеч. *кӀинхьега-м*, инг. *кӀахьиега-м* — «труд» и т. д.

К истории заимствования суффиксов *-ча*, *-м*

Анализ некоторых производных имен существительных, образованных посредством суффиксов *-ча*, *-м*, позволяет охарактеризовать в общих чертах период проникновения или начала функционирования данных словообразовательных элементов в вейнахских языках. Для этого рассмотрим два имени существительных *гӀовнча* — «помощник» и *кӀинхьиегам* — «труд», бытующих в чеченском языке. Основа слова *гӀовнча* восходит к существительному *гӀуо* — «помощь». Сама форма *гӀуо* с кратким лабиализованным дифтонгом [yo] — вторичная. В родительном падеже ед. числа этот дифтонг подвергается палатализации: *гӀовн* [gʎon]. Последняя форма возникла под действием закона вторичного чередования гласных именных основ (умлаут): *гӀовн* [gʎovn||gʎoion] < [gʎo-in] < [gʎa-in], где *-ин* — аффикс род. падежа. Известно, что закон вторичного чередования гласных именных основ начал действовать особенно усиленно (в том виде, в каком он проявляется в приводимых примерах), значительно позже, уже после распада чеченского языка на диалекты и говоры. При этом диалекты и говоры в горных районах все еще в значительной степени отражают состояние нахского языка в последний период его существования (например, чеберловский диалект). Закон вторичного чередования гласных основ, возникший первоначально еще в нахском языке в период, предшествующий эпохе его распада, получил наиболее широкое развитие в плоскостных диалектах, в речи носителей которых и появился заимствованный суффикс *-ча*. Для образования нового слова он был присоединен к форме родительного падежа *гӀовн + ча*. Так появилось новое слово *гӀовнча*.

Что же касается слова *кӀинхьиегам*, то и оно, судя по его форме, образовалось в плоскостных диалектах в период широкого распространения закона вторичного чередования гласных именных и глагольных основ: *кӀин* < *кӀа-ин* (ср. форма им. п. ед. ч. *кӀа*), *хьие:га* < *хьаига*. Аналогичных примеров много.

Таким образом, появление в чеченском и ингушском языках заимствованных словообразовательных суффиксов *-ча* и *-м* относится к сравнительно позднему периоду их развития. Это подтверждается данными бацбийского языка и некоторых горных чеченских диалектов и говоров, в которых указанные суффиксы не употребляются или употребляются значительно реже, чем в литературных языках и их плоскостных диалектах.

Возникновение словообразовательных суффиксов имен существительных

Характерной особенностью исторического развития словообразования имен существительных в нахских языках является превращение

падежных формантов в словообразовательные элементы. Чем это объяснить? Данный процесс не может быть объяснен фонетически, как, например, развитие вторичного чередования, в основе которого исторически лежат фонетические процессы. Он не поддается истолкованию с точки зрения морфологии и синтаксиса, хотя фонетические, синтаксические и морфологические процессы и сыграли известную роль в их образовании. Семантический анализ функций тех падежных формантов, к которым восходят соответствующие словообразовательные суффиксы имен существительных, объединяемых по известному смысловому признаку в одну группу имен существительных, принимающих определенный тип форматива того или иного местного падежа, проливает свет на процесс превращения падежных формантов в словообразовательные суффиксы. Каждый из аффиксов местных падежей первоначально сочетался лишь с определенной группой имен существительных (например, аффикс *-ла* (чеч.) сочетался только с именами существительными, обозначающими жидкость, сплошную массу, собирательное множество). Отражение этого принципа находим и в современных нахских языках. Такая особенность указанных аффиксов отражает содержание тех послелогов, от которых они образовались. Унаследованное падежными аффиксами от соответствующих послелогов своеобразие их семантики перешло к словообразовательным суффиксам, в образовании которых участвовали соответствующие падежные формативы. К таким словообразовательным суффиксам имен существительных относятся: чеч., инг. [*иe:*], чеч., инг. [*люо:*], [*хуо:*], [*руо:*], бацб. [*лоу||low*], [*хоу||xow*], чеч. *-йла*, бацб. *-йла*, инг. *-йлга*, чеч. *-лла*, инг. *-л*. Суффиксы *люо*, *руо*, *хуо* — сложного образования.

Суффиксы [*люо:*] (чеч., инг.), [*лоу*] (бацб.). Первый компонент *л-уо* восходит к форманту направительного падежа *-л*, показывающий движение предмета во внутрь сплошной массы, жидкости, сыпучих тел. В указанном падеже данный суффикс присоединяется только к именам существительным, обозначающим сплошную массу, жидкость, сыпучие тела. В дальнейшем по семантической аналогии сплошная масса → процесс («сплошной») → название населенного пункта (собирательного значения — «много домов, хозяйств»). Рассматриваемый аффикс *-л* начинает присоединяться к наименованиям действий («работа» и т. д.), населенных пунктов и т. д.

В результате возникают формы слов, обозначающих населенные пункты *Чебер-л(а)* — «Чеберло», *Нижла-л(а)* — «Нижала» и др., первоначально употреблявшиеся как формы направительного падежа. Впоследствии они «окостеневают» как наименования соответствующих населенных пунктов, т. е. как формы им. п. ед. ч. Затем для обозначения жителя такого населенного пункта возникают описательные формы типа *Чебер-л(а)в-у||(<ва)* — «чеберлосевский есть», *Нижалаву||(<ва)* — «нижалаевский есть». На следующем этапе связка с префиксом первого класса в ед. ч. *в-* сливается с названием населенного пункта, процесса действия и т. д. В таких случаях слияние конечного гласного (непереднего ряда) со связкой *в-у||ва* в чеченоком и ингушском обычаю даст долгий дифтонг [*уо:*]. Таким образом, на основе семантических процессов разворачиваются сначала синтаксические (стяжение, сращение и слияние рядом стоящих связки и именной части сказуемого в одно новое, а затем фонетические (образование нового долгого дифтонга *уо* на базе конечного [*а*] имени сущ. и связки *ву||ва*) процессы, приводящие к образованию форм типа *чеберлуо* — «чеберлосвец» <*чеберл(а)+ву (<ва)*, *белхалуо* — «рабочий» <*белала(а) ву (<ва)* и т. д.

Так образовался суффикс *луо* в чеченском и ингушском. Вариантом этого суффикса в бацбийском служит [*лоу*||*low*]. Процесс образования данного суффикса возник еще в нахском языке-основе в последний период его функционирования. Окончательное формирование этого суффикса, как особого словообразовательного элемента, относится к периоду самостоятельного развития вейнахского языка-основы и бацбийского языка. Об этом свидетельствуют наличие общей чечено-ингушской формы *луо*, которая не является результатом поздней унификации ее предшествующих разновидностей, и особого фонетического варианта [*лоу*||*low*] в бацбийском.

В дальнейшем расширился круг имен существительных, от которых образуются новые имена лиц — производителей действий, жителей определенных населенных пунктов, представителей различных народов и т. д. Все имена существительные, образованные посредством суффикса *луо* первоначально обозначали разумные существа мужского и женского пола. Это правило не знает исключения ни в одном из нахских языков: чеч. *Тем(а)луо* — «воин», *белхалуо* — «рабочий», *айткхал-луо* — «представитель одной из чеченских тайпов (родов)», *эрмалуо* — «армянин», *глаш-луо* — «пешеход», инг. *болхлуо* — «рабочий», *глашлуо* — «пешеход», *дошлуо* — «кавалерист», бацб. *клахлоу* — «кахетинец», *имерлоу* — «имеретинец», *курортлоу* — «курортник», *коглоу* — «пешеход», *донлоу* — «кавалерист», *бухьлоу* — «воин».

В чеченском, ингушском суффикс *луо* стали употреблять в новом значении — для образования имен существительных, представляющих собой не наименования лиц, а названия качества действия, предметов и т. д. В таких случаях *луо* присоединяется к другому словообразовательному суффиксу: чеч., инг. *дегазалуо* — «отсутствие желания», *хьар-а-м-луо* — «несправедливость, нечестность», чеч. *герга-р-луо*, инг. *гар-гар-луо* — «родство» и др. К. З. Чокаев¹ нашел в чеченском языке лишь один пример образования нового имени существительного посредством *луо* с предметным значением: *хур-луо* — «сверло» (от *хир* — «резьба»).

Суффикс *руо* (чеч., инг.). Первый компонент этого суффикса *р* восходит к форманту исходного падежа ед. ч. Это подтверждается следующими примерами: *иза ломара ву* — «он из гор». В говорах горных районов, отражающих (говоры) более архаичное состояние, приведенная фраза должна была звучать: *а ламара ва* — «он из гор» (*лам-а-ра* — форма исходного падежа (им. п. ед. ч. *лам*). В дальнейшем связка сливается с предшествующим словом, образуя дифтонг *уо*, т. е. второй элемент суффикса *р-уо*: *лам-руо* — «горец».

Для образования новых имен существительных, представляющих собой названия лиц, восходящих к наименованиям населенных пунктов, народов, профессий, в чеченском и ингушском языках суффикс *руо* употребляется более широко, чем *луо*: чеч., инг. *лама-руо* — «горец», чеч. *цонт-руо* — «представитель одной из чеченских тайпов (родов)».

Суффикс *хуо* (чеч., инг.)||*хуо* (бацб). Первый компонент этого суффикса *х* — восходит к форманту вещественного падежа ед. ч. Второй компонент [*уо*:] образовался таким же образом как второй компонент в составе суффиксов *луо* и *руо*. Вот примеры, показывающие, как разворачивался этот процесс: *иза тхан тайпана-х ву* (<*ва*) — «он из на-

¹ К. З. Чокаев. Кандидатская диссертация. По словам автора, такой пример не засвидетельствован в ингушском языке.

шего тайпа»; *иза тхан тайпанах схъаваблла ву* — «он вышел из нашей тайпы», *и салти оцу эскарх(а) ву* — «этот солдат из этой армии», сочетание *эскарх(а) ву* подверглось в дальнейшем стяжению, сращению и слиянию, в результате образовалась форма *эскархуо* — «воин».

Не всегда сочетания типа *эскарх(а) ву* (<ва) давали такие новые имена существительные, как *эскархуо*. В некоторых случаях формы, возникшие указанным выше путем, могли быть вытеснены другой формой нового слова с одним и тем же значением. Так во фразе *сан накъост оърсаиша ву* — «мой товарищ из русских», т. е. русский, имеется сочетание *оърсаиша ву* — «из русских (ость)», из которого должно было возникнуть новое слово *оърсаишуо* — «русский». Однако в современном языке употребляется другое слово в этом значении: *оърси* — «русский».

Из трех рассмотренных аффиксов *луо, руо, хуо* наиболее употребительным является *хуо*. Круг именных основ, с которыми он сочетается, значительно расширился, особенно в чеченском и ингушском литературных языках. Утрачена семантически обусловленная связь этого суффикса с определенной группой именных основ. В современных литературных чеченском и ингушском языках сочетание суффикса *хуо* с той или иной именной основой зависит не только от их семантики, но и от морфологических и фонетических условий.

Суффиксы *луо, руо, хуо* нередко замещают друг друга: ср. чеч. *тлем-луо*, инг. *тлем-хуо* — «воин» и т. д. В чеченском литературном языке путем противопоставления суффиксов *луо* и *хуо* созданы новые термины от одной и той же основы: *белха-луо* — «рабочий», *белха-хуо* — «работник, служащий».

Таким образом, согласные элементы суффиксов *луо, хуо, руо* восходят к соответствующим падежным окончаниям, наличествующим во всех нахских языках и их диалектах. Вопрос о происхождении этих падежных формантов будет рассмотрен при сравнительно-историческом освещении падежей в нахских языках. Что же касается второго гласного элемента указанных суффиксов, т. е. долгого дифтонга [yo:] (в чеч. и инг.) и его фонетического варианта — краткого дифтонга [ou] (в бацб.), то он, как мы видели, образовался в результате слияния конечного гласного в составе падежных окончаний и связки.

Суффикс [-йла] (чеч.) ||[-л||ла] (бацб.) ||[-йлга] (инг.) Данный суффикс восходит к окончанию желательного наклонения. В чеченском он представлен в виде *-йла*, в бацбийском — *-л||ла*, в ингушском — *-илга*. Существует мнение, что этот суффикс образовался из сочетания окончаний местного и сравнительного падежей. Исследование существующих падежных формантов и глагольных форм покажет, является ли обоснованным такое мнение. Здесь же мы ограничимся анализом данного суффикса, как элемента словообразования имен существительных.

Рассматриваемый суффикс в качестве форманта именного словообразования выступает в чеченском в двух грамматических значениях, в ингушском — в двух и в бацбийском — в одном. Посредством этого суффикса в чеченском и ингушском языках производные имена существительные могут быть образованы от любой глагольной основы: чеч. а) *дежийла* — «возможность пастись»; б) *дежийла* — «место, где пасутся животные, пастбище». В таких же значениях употребляются аналогичные формы в ингушском: а) *социлга* — «возможность остановиться»; б) *социлга* — «место для остановки». В бацбийском языке при помощи этого суффикса образуются имена существительные типа *дуйлехкӀуи-ла* —

«конюшня» (букв.— «место, куда загоняют лошадей»), *жаблехкIуила* — «коровник»¹ и др.

В ингушском языке такие отглагольные имена существительные З. К. Мальсагов относил к именному наклонению: ср. *оахалга* от *аха* — «паши», *лелолга* от *леладе* — «водить»² и т. д.

По-видимому, ингушский вариант рассматриваемого суффикса — более позднего образования, точнее осложнение состава его элементом *-г* или элементами *-га* произошло в эпоху самостоятельного развития ингушского языка. Во всяком случае мнение о переходе *г* в *й* в данном случае (сравните, однако, *сай* < *саг* — «олень», *йай* < *йаг* — «котел») в чеченском или утрате этого звука бацбийским не подтверждается фактами из последних двух языков.

Изложенное выше позволяет полагать, что суффикс желательного наклонения употреблялся в функции словообразовательного элемента имен существительных еще в последний период существования нахско-го языка-основы. Обособление его фонетических вариантов в качестве особых словообразовательных суффиксов в отдельных нахских языках произошло уже в эпоху самостоятельного развития каждого из них. Вместе с тем выясняется, что существует генетическая преемственная связь между рассматриваемым суффиксом и суффиксом направительного второго падежа, т. е. между системой склонения и системой спряжения. Тот же суффикс *-л||-л* (инг.) направительного второго падежа используется для образования производных имен существительных. Постепенное переосмысление форм этого падежа, образованных от некоторых существительных, можно показать на следующих примерах: *хотт* — «грязь», форма направ. второго падежа *хотт-а-ла* — «в грязь», *луо* — «снег», форма направительного второго падежа *лай-ла*: *лай-ла кхосса* — «в снег бросай», *хоттала вала* — «залезай в грязь». От имен существительных, обозначающих сплошную массу, исчисляемое множество предметов, образовались новые производные имена существительные путем превращения формы направ. падежа в самостоятельную форму производного имени. При этом происходил процесс развития новой функции рассматриваемого суффикса — функции суффикса именного словообразования вместе с фонетическим его обособлением: *бажа* — «рогатый скот», **бажала* — «в гущу рогатого скота» → *божала* — «место, где рогатый скот» → *божали* — «сарай»; *гла* — «лист» → **глала* — «в гущу, массу, в середине листьев» → *глела* — «место, где запасали листья»; инг. *жа* — «отара, стадо ов. ц» → *жиела* — «куган, место, куда загоняют овец»³.

В бацбийском языке функционирует направительный второй падеж с суффиксом *-ло* (*о стлакI хьунло вахино* — «этот человек в лес пошел»), но он не употребляется в качестве словообразовательного аффикса для создания новых имен типа чеч. *божала*, инг. *жиела* (вопрос об образовании производных имен от глагольных основ посредством этого аффикса, в конечном счете, был рассмотрен выше).

Суффикс [*ue:*] (чеч., инг.). Словообразовательный суффикс [*ue:*] восходит к аффиксу направительного первого падежа. В тех случаях, когда формант этого падежа *-го* присоединялся к основе родительного падежа ед. ч. путем выпадения *н* из состава аффикса ро-

¹ Ю. Д. Дешериев. Бацбийский язык, М., 1953, стр. 59.

² З. К. Мальсагов. Ингушская грамматика. Орджоникидзе, 1925, стр. 91.

³ К. З. Чокаев. Словообразование имен существительных в чеченском языке (с привлечением материалов из ингушского и бацбийского языков). «Известия» ЧИНИИЯЛ, т. IV, выпуск II, Грозный, 1962.

дительного падежа ед. ч. и *г* — из состава форматива направительного первого падежа, сливались («стягивались») гласные элементы указанных двух аффиксов. Сильный гласный [и] из состава форманта род. п. ед. ч. ассимилировал нечетко произносимый, слабый конечный гласный аффикса *го||га*. В результате этого процесса ассимиляции монофтонг [и] превратился в долгий дифтонг [ие:] в ингушском и чеченском языках.

Этот процесс осложнялся еще и действием закона вторичного чередования гласных именных основ в чеченском и ингушском языках. Это видно из анализа образования имени существительного [белхи: < белхие:] — «помочь» (сопровожаемая танцами, песнями и другими развлечениями), производного от *буолх* (< *болх* < *балх*) — «работа». Данное слово встречается в нахских языках и их диалектах в трех фонетических вариантах в им. п. ед. ч.: чеч., инг. *буолх* (< *болх* < **балх*), акк. *буорх* (< *борх* < **барх*), бацб. *ботх* (< **батх*) — «работа». В чеченском и ингушском языках современная форма *буолх* изменяет корневую гласную [yo] при образовании форм косвенных падежей: чеч. *белхан де* — «рабочий день», где *белхан* < *белхин* < *баилхин* — форма род. п. ед. ч., к основе *белхин* присоединялось окончание направительного первого падежа *го||га*: *белхин-го* — «к работе, на работе». В дальнейшем, в результате выпадения *н* и *г* произошло стяжение гласных *и* и *о* (*а*), которые дали долгий дифтонг [ие:]. Так возникла форма [белхие:] — «на работу». Впоследствии у этой формы в процессе ее функционирования развилось новое значение «помочь». В начале она употреблялась в двух значениях: как падежная форма и как форма нового производного слова. Аналогичный процесс, способствовавший превращению [ие:] и в словообразовательный элемент, развертывался во многих других случаях в чеченском и ингушском языках.

Данный суффикс сыграл особенно большую роль в образовании новых имен существительных от основ, обозначающих времена года, части суток, от основ наречий места, времени: чеч. [б¹аьстие:] — «весна» (< *ба-1аистие* < *ба1аистига* — «к весне»), чеч. *кхана* — «завтра» → *кхание* — «завтрашний день», инг. *кхоан* — «завтра» → *кхоание* — «завтрашние, завтрашний день», чеч., инг. [а:ра] — «наружу» → [а:рие: (< а:рига)] — «толе, равнина», чеч., инг. *хьалха* — «перед, вперед, раньше» → [хьалхие: (< хьалхига)], чеч. *б1аьста* (< *б1аиста* < *ба1аист*) — «весной» → [б1аьстие (< б1аьстига)] — «весна», *лакха* — «верх, высоко» → [лакхие:] — «вершина, высота» и т. д. По-видимому, в этих и им подобных формах имеет место вторичное образование именительного падежа от более древних наречных форм.

Для истории нахских языков существенный интерес представляют формы, в которых наблюдается перегиб гласных основ. Дело в том, что для уточнения хронологии образования таких производных форм имен существительных, как чеч. *суьйрие* — «вечер», *1уьйрие* — «утро» и т. д., важно выяснить, предшествовала ли внутренняя флексия образованию этих имен существительных от основ наречий или же она возникла в связи с образованием рассматриваемых имен существительных.

Анализ чеч., инг. формы *1уьйрие* — «утро» и некоторых других производных имен существительных этого типа в историческом освещении в нахских языках и их диалектах показывает, что внутренняя флексия, обусловленная перестановкой аффиксального гласного внутри основы, предшествовала образованию таких типов новых имен существительных. Это видно из следующих фактов: бацб. *1урдна* — «утро», чеч., инг. *1ура* — «утром» → *1уьйрие* — «утро», в горных диалектах *1уири||1уирин*

(последняя форма засвидетельствована П. К. Усларом). Аналогичные процессы наблюдаются и при образовании таких производных имен существительных, как чеч. *суьйрие* (<суири||суирин), инг. *сайра||сайрие*, бацб. *псарло* (—*псарлуин* — «вечером») — «всчер»; чеч. *буса* — «ночью», *буьйса*, бацб. *буисва* — «ночь» и т. д. Характерно, что в чеч. *сарахь* (→ *суьйрие*), инг. *сара* (→ *сайра||сайрие*), бацб. *псарлуин* (<*псарло*) — «вечером» сохраняется корневой [а], восходящий к нахскому языку-основе. Суффикс [ие:] часто встречается в чечено-ингушской топонимике: чеч. [нойри: || нойрие:] — «станция Наурская», [Шалажи: || Шалажие:] — «село Шалажи», инг. [коблие:], [кобккие:], [ц/юьллие:] и т. д.

Таким образом, в приведенных и им подобных примерах внутренняя флексия (или чередование гласных основ), обусловленная вставкой аффиксального гласного внутрь основы, предшествовала образованию производных имен существительных с суффиксом [ие:]. Поскольку же интенсивное развитие вторичного чередования в нахских языках относится к эпохе, следующей за периодом распада чеченского и ингушского языков на говоры, то образование и употребление аффикса [ие:], как словообразовательного элемента, является продуктом относительно поздних периодов развития всйнахских языков.

Формант [ие:] и сейчас употребляется в качестве падежного окончания в чеченском языке: *Ваха* [белх-ие:] *воьду* — «Ваха идет на помочь»; [*Ахьма:дие*]||[*Ахьма:дие:га*] *а ца йоглуи кхечуьнга||кхочуьнга маре яхара иза* — «не выходя замуж за Ахмада, она вышла за другого». Слова [белхие:] — «на помочь» (дословно — «к помочи»), [*Ахьме:дие:*] — «за Ахмада» (дословно — «к Ахмаду») стоят в направительном падеже. Как мы видим, здесь до сих пор параллельно употребляются в чеченском языке усеченная [*Ахьма:дие:*] и полная [*Ахьмадие:га*] формы направительного первого падежа.

В бацбийском отсутствует суффикс [ие:]. Вместо этого аффикса всюду в нем находим полную форму форматива направительного первого падежа: *ваша-иго* — «к брату», *нан(е)го* — «к матери», *йахь(о)го* — «к дочери» (ср. чеч. *вешие*, *нение*, *йогие*).

Ради краткости изложения мы не будем в дальнейшем так подробно останавливаться на других словообразовательных элементах.

Суффикс *-н(а)* (чеч.) || *н* (инг.). Путем сочетания этого суффикса с вторичным чередованием гласных некоторых глагольных основ образуются немногие имена существительные в чеченском и ингушском языках: чеч. *йочана*, инг. *йоачан* — «ненастье, непогода, осадка», чеч. *йокъана* || *йокъи*, инг. *йоакъ* — «засуха», чеч. *оха-на* — «пахота» (ср. инг. *оахам* — «пахота») и др. Форма *йоча-на* восходит к *йача*¹ — «быть ненастным» и форманту причастия прош. времени *-на: йоачан* < *йоачан* < *йоашойон* < **й-ашо-йон* — «мокрый, сырой делаемый». Аналогичным путем образовался и ингушский вариант этого слова. При наличии в современных языках *йакъайина* — «сушеный сделанный», *аха* — «пахать» (чеч., инг., бацб. *ах(а)* — «паши»), легко доказать, что чеч. *йокъана*, инг. *оакъ* из < **йоакъйан* < **йоакъан*; чеч. *охана*, инг. *оах...* из *ахо* + *н* (при наличии в бацб. *ахо* — «паншет»).

Таким образом, рассматриваемые формы производных имен существительных могли возникнуть в период развития вторичного чередования гласных в именных и глагольных основах в чеченском и ингуш-

¹ А. Г. М а ц и е в. Чеченско-русский словарь, стр. 550.

ском языке, т. е. в период образования в них глагольных основ наст. времени изъявительного наклонения.

В современных литературных языках наблюдаем постепенное вытеснение форм типа *йочана* формами с суффиксом *-лла* (чеч.) и *л* (инг.): чеч. *йокъалла* (инг. *йокъал*—«засуха, засушливость», чеч. *ллодалла*—«влажность, сырость» и т. д.

Суффикс *-гла*. По-видимому, данный суффикс представляет собой формант так называемого предназначительного падежа, ставший выполнять функции словообразовательного элемента. В бацбийском языке он выступает в основном в функции предназначительного падежа: *дад-е-гI*—«для отца», *бадр-е-гI*—«для ребенка, ради ребенка». Рассматриваемый суффикс как показатель падежа выражал и другие грамматические значения, в той или иной степени близкие к первому. Во что превращен предмет (бацб. *тIкъевнигI*—«в плен, для пленения»: *тIкъевнигI кхелор*—«уводили в плен»), из чего, для чего он сделан. Формы, выражавшие последний оттенок значения, стали употребляться в новом, особом лексическом значении, выражая новое понятие в чеченском и ингушском языках: носителем и выразителем этого нового лексического значения явился тот же падежный аффикс *гла*: чеч., инг. *даьта*—«масло», *даьта-гла*—«толокно, жареное на топленом масле» (дословно—«из масла; сделанный из масла»); чеч. литер. *сискал*, акк. *хIускал*—«чурек», чеч. литер. *сискал-гла*, акк. *хIускал-гла*—«мука кукурузная»; чеч. *хьашт*—«нужда», *хьашта-гла*—«отхожее место (дословно: для нужды)», чеч. *пхьола*—«ремесло», *пхьал-гла*—«кузня». Вероятно, с этим суффиксом связано происхождение и следующих слов: чеч., инг. *дуотта-гла*—«друг» (дословно—«для кого, ради кого наливают»), *моста-гла*, бацб. *моста-гла*||*моста-ха*—«враг» (дословно, видимо, «для кого делают кислым; окисляют»). К. З. Чокаев связывает с данным суффиксом и следующие слова: чеч. *кла-ра*—«клеть», *кларлагла*—«куча для проклятия», *сту*—«бык», *старгла*—«бычок», *тIаргла*—«шерсть», *лунда-гла*—«тень, холодок», чеч., инг. *пхьиегла*—«посудина». Однако не следует этим увлекаться. Слова с окончанием *-гла* могут быть и иного происхождения.

Суффикс *гла* непродуктивный.

Суффикс *гIара*. Посредством этого суффикса, как правило, от собственных имен образуются производные слова, обозначающие семью, род, ответвление семьи, рода и т. д.: *Ахьмад*—«Ахмад» (собственное имя) → *Ахьмад-гIар*—«семья, род (или группа) Ахмадовых»; *Иванов*—«Иванов» → *Иванов-гIар*—«семья, род Ивановых» и т. д. Данный суффикс бытует в чеченском и ингушском языках. Он отсутствует в бацбийском.

По мнению Н. Ф. Яковлева, суффикс *гIар* восходит к самостоятельному слову, обозначавшему ответвление, часть рода. Он сопоставляет его с удинским *гIар*—«сын»¹. К. З. Чокаев также связывает его генетически с *гар*||*гор*—«часть, ответвление рода»². И действительно, в чеченском языке бытует слово *гар*, обозначающее «ответвление, часть рода, семьи, ветку дерева, отколотую часть бревна»: чеч. *цхьа гара даккха деза оцу децгах*—«нужно отколоть часть от этого бревна (дерева)». При всем этом остается нерешенным вопрос: почему в одном случае мы имеем *гIар*, а в другом *-гар*? Генетическая идентичность *гI* и *г* остается недоказанной, хотя в махских языках наблюдаются случаи перехода *гI* в *х*.

¹ Н. Ф. Яковлев. Морфология чеченского литературного языка. М., 1960. стр. 14.

² К. З. Чокаев. Указ. соч.

Не претендуя на окончательное решение вопроса о происхождении суффикса *glar*, считаем нужным указать на возможность иного происхождения этого словообразовательного элемента. Некоторые данные позволяют предположить, что суффикс *glar*, возможно, представляет собой показатель *gla*, осложненный аффиксом исходного падежа *-p*. Наложение одного аффикса на другой, сочетание одного форматива с другим для выражения нового грамматического или лексического значения — широко распространенное явление в области словоизменения и словообразования в нахских языках (сравните, например, бацб. *бадре-го* — «к ребенку», *бадре-го-хь* — «у ребенка», *бадре-го-ре* — «от ребенка», *бадре-го-гI-дахь* — «через ребенка»; чеч. *де-га* — «к отцу», *де-га-хь* — «у отца», *де-га-хула* — «через отца»; сочетание послелогов — чеч. *гIе-хула* — «через верх», дословно — «на (верх, через)» и т. д.

Суффикс [*yo-u*]||[*ou*]. В чеченском и ингушском языках бытует, как мы полагаем, словообразовательный элемент [*yo:*] двоякого происхождения. Во-первых, [*yo:*] непосредственно восходящий к связке [*yo:*] < [*vu*] < [*va*] и т. д. Во-вторых, [*yo:*], представляющий собой усеченный вариант [*lyo:*], [*xyo:*], [*pyo:*], сохраняющийся после выпадения первого элемента (*л, х, р*) по фонетическим причинам.

Посредством первого варианта [*yo:*], которому в бацбийском соответствует [*ou*], от основ, обозначающих названия народа, местности, образуются производные слова, являющиеся наименованиями лиц: бацб. *чечен-ou* — «чеченец», *дид-ou* — «дидоец», *лак-ou* — «лакец» и т. д.; чеч. *бен-yo* — «житель села Бена», *кхарач-yo* — «карачаевец», *гIебарт-yo* — «кабардинец»; инг. *къарш-yo* — «карачаевец», *гIабарт-yo* — «кабардинец» и т. д. В ингушском вместо [*yo:*] иногда употребляется суффикс [*ie:*]: *къарш-yo* и *къарш-ие* — «карачаевец» (форма *къаршиие* — вторичная).

В чеченском и ингушском языках особенно широко употребляется суффикс [*yo:*] для образования имен существительных от основ качественных имен прилагательных (или наречий): чеч., инг. *сиха* — «скорый, быстрый» → *сих-yo* — «быстрота, поспешность, торопливость», чеч. *йовха*, инг. *йловха* — «горячий» → *йовх-yo*||*йловх-yo* — «жара», чеч., инг. *цIена* — «чистый» → *цIан-yo* — «чистота», чеч., инг. *Iабржа* — «черный» → чеч. *Iарж-yo*||инг. *Iабрж-yo* — «чернота» и др. В таких случаях [*yo:*] может быть заменен словообразовательным суффиксом *-(а)лла*: чеч. *сихалла*, инг. *цIанал* и т. д. Между этими параллельными формами в последнее время наблюдается (в литературных языках) тенденция развития расхождения в семантических оттенках: например, в чеч. *сихалла* — «быстрота, скорость, вспыльчивость». Вместе с тем оттенки значения слов, образованных посредством [*yo:*] и [*-(а)лла*] в ряде случаев совпадают: *сихуо*||*сихалла* — «быстрота, торопливость, поспешность». Эти явления — продукт позднейшего развития младописьменных литературных языков.

В бацбийском языке редко употребляется суффикс [*yo:*] для образования имен существительных от основ качественных прилагательных и наречий: *нипс* — «прямой, правильный» → *нипс-yo* — «правильность, справедливость».

Суффикс [*yo:*], представляющий собой усеченный вариант [*lyo:*], [*pyo:*], [*xyo:*], находим в наименованиях лиц, образованных от основ названий населенных пунктов, оканчивающихся на *л, -р, х-* (*чIеберл-yo* — «чеберлонец»). Различение указанных двух вариантов представляет исторический интерес. Однако не всегда удается различать их, так как часто их употребление зависит от фонетических условий и от конечного согласного именной основы. Произошло затемнение семантического

различия функций этих суффиксов, особенно в литературных языках в связи с тем, что употребление их стало в большей степени зависеть от фонетических условий.

Здесь мы не будем рассматривать вопроса о происхождении и функциях суффикса эргат. падежа ед. ч. [yo:] (например, *говр* — «лошадь», форма эрг. п. *говр-ю*), имени прилагательного неполноты качества [yo:|yo:n] (например, *хаза* — «красивый», но *хазуо||хазуон* — «по-красивее»), по форме совпадающих с суффиксом образования имен существительных. Анализ этих суффиксов дается в соответствующих разделах данного исследования.

Суффикс -р. Так называемый масдарный суффикс *-р*, посредством которого от глагольных основ образуются отглагольные имена существительные, восходит к нахскому языку-основе. Он широко употребляется во всех нахских языках и их диалектах: бацб. *лаар*, инг. *лаар*, чеч. *лаар* — «желание», бацб. *кхетар*, инг., чеч. *кхиетар* — «понимание» и т. д. Не удается выяснить историю использования этого суффикса в качестве словообразовательного элемента для образования отглагольных имен существительных.

Масдарными по происхождению являются существительные: чеч., инг. *малар* (<*малар* — «пить»), бацб. *малгар* (<*малгар* — «пить») — «питье, напиток», чеч. *даар* — «еда», *дийцар* — «рассказ», *диекхар* — «долг, мечь» (от *диекха* — «отплати, отомсти»), *буолар* — «походка» и др. По-видимому, к глагольным основам восходят и такие имена существительные, как чеч. *хьера*, акк. *хьайр* — «мельница», инг. *хьейра||хьара*, бацб. *хьаир* — «мука» (сравните чеч. *хьен* — «мять, месить»¹) и др.

Масдарный суффикс *-р* широко используется в литературных чеченском и ингушском языках в новом значении — для образования новых слов, терминов с абстрактным, обобщенным, собирательным значением: чеч. *динлелор*, инг. *динахтешар* — «вероисповедание», чеч. *гишлой-р*, инг. *строительство* — «строительство», чеч. *зудаяло-р*, инг. *сагйола-р* — «бракосочетание, женитьба» и т. д.

Суффикс *риг||рг*, *ниг* (чеч.), *р* (инг.), *рикI* (бацб.). Объяснение происхождения всех вариантов исходного суффикса **иг*, а также их функций дано в параграфе, посвященном префиксально-суффиксальному образованию имен существительных (путем субстантивации форм других частей речи). В данном случае необходимо отметить, что использованию его для создания новых слов посредством префиксально-суффиксального способа предшествовало употребление этого суффикса для образования новых имен существительных путем суффиксации. Можно предложить, что вариант *иг* первоначально имел значение только уменьшительного суффикса. Если верно это предположение, то допустимо, что имена существительные *лерг* (<*лери*<*лаирг*<*лариг*) — «ухо» (ср. *ладогIа* — «слушай», дословно — «слух напруги»), *церег* (<*цериг*<*цариг*) — «зуб» (ср. *говро ца туху* — «лошадь кусается», дословно — «лошадь зуб ударяет»)², возможно, образованы посредством этого суффикса. Стало быть, суффиксальный способ (с суффиксом *-иг*) предшествовал префиксально-суффиксальному (с тем же суффиксом). В дальнейшем суффикс *-иг* стал употребляться в более широком значении и без оттенка уменьшительности при образовании новых имен. В чеченском и бацбийском он почти утратил значение уменьшительности. В ингушском, напротив, он в основном употребляется в значении уменьши-

¹ А. Г. М а ц и е в Чеченско-русский словарь, М., 1961, стр. 466.

² Такое предположение было сделано и К. З. Чокаевым впервые в его кандидатской диссертации.

тельного суффикса (в соответствующем фонетическом варианте, который будет рассмотрен нами при характеристике приемов образования имен существительных с эмоциональной окраской значения). Характеристика различных приемов образования имен существительных с эмоциональной окраской значения в сопоставительном плане впервые дана в кандидатской диссертации К. З. Чокаева. При сравнительно-историческом анализе таких способов в нахских языках выясняется, что в современных чеченском, ингушском и бацбийском языках имеются приемы образования имен существительных с эмоциональной окраской значения двоякого происхождения: 1) приемы, возникшие в отдельных нахских языках в период их обособленного развития; 2) приемы, восходящие к нахскому языку-основе.

В соответствии с принятой нами методикой последовательного сравнительно-исторического анализа лингвистических фактов нахских языков, начиная от современного состояния и кончая состоянием нахского языка-основы в последний период его существования («Методика распытывания клубка»), рассмотрим важнейшие из этих приемов.

Для образования имен существительных с оттенком значения ласкательности в отдельных нахских языках существуют продуктивные и непродуктивные суффиксы. В чеченском языке относительно продуктивным является суффикс *ни*: *ваша* — «брат», *ваши* — «брат» (с оттенком ласкательности; так, например, невестка называет старшего брата мужа), *нана* — «мать», *нан-и* — «мать» (с оттенком ласкательности) и т. д.

Непродуктивные типы производных имен существительных с оттенком значения ласкательности создаются посредством суффикса *-ша*, который присоединяется к основам, являющимся кличками или названиями домашних животных: чеч. *йит-ша* из *йиетт* — «корова», инг. *йл-ча* из *йиетт* (слияние конечной основы *t* с суффиксальным *ш* дало *ч*: *йиетт + ша* → *йиша*); чеч. *бокъ-ша* и *бекъи* — «жеребец», инг. *бакъа-ш* из *бакъ* в том же значении. Ингушские формы *бакъаш* и *бакъ* отражают более древнее состояние, поскольку они не подверглись воздействию закона вторичного чередования. В бацбийском языке рассматриваемый аффикс не установлен. Трудно утверждать, существовал ли он в нахском языке-основе.

К непродуктивным суффиксам, употребление которых ограничено определенной сферой лексики, относятся *-ца*, *-окка*, *-шик*, *-ара*, *-нара*. Суффикс *-ца* употребляется в чеченском, ингушском для образования двух терминов родства: чеч. *де-ца*, инг. *деци* — «тетка» (сестра отца), *не-ца* — «тетка» (сестра матери). Этот суффикс не засвидетельствован в бацбийском языке.

Для образования наименований людей с оттенком пренебрежительности в чеченском языке используют суффиксы *-окка* и *-шик*: *марш-окка* — «солляк» от *марш* — «солля», *мар-окка* — «носатый» от *мара* — «нос», *гай-шик* — «обжора» от *гай* — «живот».

Вопрос о происхождении суффиксов *-ца*, *-окка*, *-шик* остается нерешенным. Можно лишь предположить, что формы *деца*, *нена* восходят к описательным формам, состоявшим из двух самостоятельных слов: определения и определяемого. В этом случае *ца||ци* можно увязать в сравнительно-историческом плане с названием «сестры» в аваро-андо-дидойских¹ языках, с которыми связано общностью происхождения и наименование «сестры» в нахских языках: чеч. *йиша*, инг. *йиша*, бацб. *йашо*.

Суффиксы *-(а)ра*, *нара*, посредством которых образуются названия некоторых дней недели, восходящие (наименования дней) к коли-

¹ Е. А. Бокарев. Цезские (дидойские) языки. М., 1959.

чественным числительным, бытуют только в чеченском и ингушском языках: чеч. *кха-а-ра*, инг. *кхаира* < *кхаара* — «среда» от *кхоъ* — «три», инг., чеч. *ши-на-ра* — «вторник» от *шиъ* — «два», чеч. *йие-ара*, инг. *йие-ра* — «четверг» от *йиъ* — «четыре».

Как показывают приведенные примеры, суффиксы *-ара* и *-нара* — сложного образования. В составе *-ара* первый гласный — результат перехода междуязычного [ɔ] в монофонг [a] в положении между гласным и сонантом: чеч. *кхоъ + ра* → *кхлара*, в инг. [aa] дают [ab] → *кхаъ-ра*; чеч. *йиъ + ра* → *йиеа-ра*, в ингушском [ɔ] выпадает: *йе-ра* < *йиъ + ра*. Структура суффикса *-нара* также сложилась из разнородных элементов: *н* — фонетическое наращение, которое, в свою очередь, обусловило появление следующего за ним [a]: *шиъ* → *ши-н-а-ра* или *ши-н-ра*. Таким образом, основным суффиксальным элементом в составе *-ара*, *-нара* является *-р(а)*, в составе которого может отсутствовать конечный монофонг [a]: чеч. *кхаар*, *шинар*. Возникает вопрос, не является ли *-р(а)* аффиксом исходного падежа, который стал выполнять функции словообразовательного элемента?

В бацбийском языке отсутствуют указанные суффиксы именного словообразования: бацб. *ши-на* — «вторник», *кхо* — «среда».

Суффикс с оттенком значения уменьшительности

Из современных нахских языков только ингушский язык использует широко продуктивный суффикс уменьшительности. Последний представлен в ингушском в нескольких фонетических вариантах: *-г*, *-лг*, *-илг*, *-алг*, *-лиг*, *-иг*, *-инг*, а также *-клиг*. Например: *шим* — «вымя» → *шим-г*, *хох* — «лук» → *хох-г*, *тоатол* — «ручей» → *тоатол-г* — «ручеек», *цла* — «дом» → *цла-лг* — «домик», *хъаз* — «воробей» → *хъаз-илг* — «воробушек», *шуша* — «стекло», «бутылка» → *шуш-илг* || *шуш-инг*; *кад* — «чашка» → *када-клиг* — «чашечка» *хий* — «вода» → *хиклиг* — «водичка» и т. д. Исходной формой рассматриваемого суффикса является *-и(г)*, восходящий в свою очередь, по-видимому, к какому-то послелогу имени. Что же касается элементов *л*, *р*, *н* в составе различных вариантов этого суффикса, то они суть наращения, обусловленные соответствующими фонетическими условиями, а также воздействием падежных аффиксов, с которыми сочетался исходный суффикс уменьшительности (*и*)г. Здесь происходил тот же процесс, который мы наблюдали при анализе суффикса *риг*, *рг* в чеченском языке. Вместе с тем звуки *р*, *л*, *н* и др., предшествующие рассматриваемому суффиксу, могут относиться и к основе. Например, *говр* — «лошадь», *говрг* — «лошадка» и т. д.

Суффикс уменьшительности, сочетаясь с разными основами имен существительных, прилагательных, причастий, в ингушском придает им разнообразные оттенки дополнительных значений. «Форма уменьшительности широко употребляется в речи ингуша с оттенком ласкательности, презрительности, пренебрежительности», — отмечает Д. Д. Мальсагов. Ее может иметь любое существительное:

<i>цла</i> — дом	<i>цлалг</i> — домик
<i>говр</i> — лошадь	<i>говрг</i> — лошадка
<i>клант</i> — молодец	<i>клавнк</i> — мальчик
<i>йоI</i> — девушка	<i>йиуиг</i> — девочка
<i>гали</i> — мешок	<i>галиг</i> — мешочек
<i>мух</i> — ветер	<i>мухилг</i> — ветерок
<i>кад</i> — чаша, чашка	<i>кадаклиг</i> — чашечка
<i>куотам</i> — курица	<i>куотанг</i> — курочка

В уменьшительной форме могут быть также прилагательные и причастия:

<i>дика</i> — <i>дикавар</i>	<i>дикаварг</i> — хороший
<i>вуон</i> — <i>вуовар</i>	<i>вуоварг</i> — плохой
<i>лекха</i> — <i>лекхавар</i>	<i>лекхаварг</i> — высокий
<i>вуода</i> — <i>вуодар</i>	<i>вуодарг</i> — идущий
<i>диша</i> — <i>дишар</i>	<i>дишарг</i> — читающий
<i>язду</i> — <i>яздер</i>	<i>яздерг</i> — пишущий ¹

Как уже отмечалось, суффикс уменьшительности в современном чеченском языке в основном используется как морфологический элемент субстантивации глагольных форм. Вместе с тем, в чеченском бытуют факты, которые свидетельствуют о широком употреблении в прошлом этого суффикса с так называемой уменьшительной экспрессией: *ахка* — «копай» → *ахка-рг* — «мозоль», *бIал* — «ком, комок» → *бIелиг* — «комочек, кусок сахара», *цIа* — «дом» → *цIалг*, *цIелиг* — «домик», *кIохцал* — «колючка, шип», уменьшит. → *кIохцалг* (ср. инг. *кIарцхал* — *кIарцхал-г*), *гIорза* — «ком» → *гIорзолг* — «комок» (ср. инг. *гарза* — *гарз-илг* в том же значении) и др. Для истории нахских языков существенный интерес представляет то, что формы типа *гарз-илг* в современном ингушском языке распадаются на основу *гарз-* и словообразовательный элемент *-илг*, тогда как в современном чеченском *гIорзолг* — неразложимое целое, — в котором срослись словообразовательный элемент и основа в одно неразложимое целое. Лишь сравнительно-исторический анализ позволяет выявить словообразовательный суффикс в составе *гIорзолг*.

В бацбийском языке также наличествует суффикс *(u)кI < (u)г*, выступающий в функции морфологического элемента субстантивации глагольных форм: *дугI-р-икI* — «крикун» от *дугI* — «реви, кричи». Здесь, как и в чеченском и ингушском языках, предшествующий *икI* сонант *р* — фонетическое наращение. Суффикс *р-икI (икI)* исторически восходит к суффиксу уменьшительности *(u)г*. В современном бацбийском языке он не употребляется для образования новых слов с оттенком значения уменьшительности.

Следует отметить, что далеко не все окончания *рг* производных имен существительных представляют собой сочетание суффиксального *г* с предшествующим фонетическим наращением. Об этом свидетельствуют факты, бытующие в ингушском языке: инг. *хумIар* — «кобура» → *хумI ар-г* (уменьш.), *самовар* — «самовар», *самовар-г* (уменьш.) и т. д.

СТРУКТУРА ИМЕННЫХ ОСНОВ

В нахских языках, как известно, отсутствует категория рода, а морфологические показатели категорий грамматических классов, как правило, включаются не в состав имен существительных, а классовых глаголов, качественных прилагательных, числительных, указательных местоимений, послелогов (к исключениям из этого правила относятся: чеч. *ваша*, инг. *воша*, бацб. *вашо*; чеч. *йиша*, инг. *йиша*, бацб. *йашо*; чеч., инг. *воI*, бацб. *вохь* — «сын», чеч. *йоI*, инг. *йулиг*, бацб. *иохь* — «дочь» и некоторые отглагольные имена).

Это обстоятельство облегчает анализ структуры именных основ. И все же нахские именные основы, рассматриваемые в плане как синхро-

¹ Д. Д. Мальсагов. Чечено-ингушская диалектология, стр. 61.

нии, так и диахронии, дают очень пеструю картину. Несмотря на всю сложность и пестроту системы склонения, все же в нахских языках выделяется три основы первообразных имен древнейшего происхождения: 1) основа им. п. ед. ч. (так называемая прямая основа); 2) основа род. п. ед. ч.; 3) основа дат., эргат., творит. и некоторых других падежей. Из них древнейшей является основа дат., эргат., творит. и некоторых других падежей. Из сказанного вовсе не следует, что прямая основа (основа им. п. ед. ч.) во всех случаях вторичного образования. Напротив, во многих односложных именах типа открытого слога с кратким (*a*) или (*u*) и т. д. (*цIа* — «дом», *кIа* — «пшеница» и т. д.) представлена прямая основа первичного происхождения. Прямая основа вторичного происхождения чаще всего встречается в односложных словах типа закрытого слога (*дуог*, *куог* и т. д.) и в двух- и более сложных словах. Следовательно, именительный падеж также должен быть отнесен к числу древнейших падежей нахских языков; он должен был образоваться еще задолго до выделения общенахского языка в связи с распадом того языка-основы, к которому восходит общенахский. Указанные три основы представлены в односложных, двусложных и трехсложных первообразных именах существительных древнейшего происхождения. Среди первообразных имен существительных, за редкими исключениями, отсутствуют более сложные именные основы.

Первая основа (прямая основа) представлена в трех важнейших разновидностях: а) с первичным кратким корневым гласным *a* (*цIа* — «дом», *лам* — «гора», *стаг*, *саг*, *стакI* — «человек» и др.); б) с гласным переднего ряда, возникшим под влиянием аффиксального или конечного гласного переднего ряда (чеч., инг. *диг*, бацб. *дикI* — «топор»). Такой гласный может быть изначальным: чеч. (*цIи:*), инг. *цIий*, бацб. *цIиг* — «кровь»; в) с лабиализованным гласным, возникшим под влиянием конечного лабиализованного звука (чеч. *дуог*, бацб. *докI* — «сердце», чеч., инг. *дуош*, бацб. *дош* — «слово»).

Вторая основа (основа родительного падежа) своим возникновением обязана аффиксу родит. п. *ин*. Возникновение этой основы объясняется вторым типом первичного чередования корневых гласных. Сюда относятся такие основы форм род. п., как (*цIи:н*) < *цIаин* — «дома, домашнего», *дегин* — «сердце», *дешин* — «слова» и т. д.

Третья основа (основа дат., эрг., твор. и некоторых других падежей) с первичным корневым гласным *a*: чеч. *цIахь* — «дома», *даг(a)на* — «сердцу», *дашна* — «слову») и т. д.

Вместе с тем специфика структуры именных основ в нахских языках требует того, чтобы были тщательно проанализированы основы трех типов: 1) односложные, двусложные и некоторые трех- и более сложные именные основы в форме именительного (прямого, абсолютного) падежа; 2) те же основы в косвенных падежах; 3) различие основ по типу гласных (долгие гласные, краткие гласные, лабиализованные гласные, гласные переднего ряда, гласные заднего ряда).

При рассмотрении указанных именных основ следует учесть, что данные нахских языков говорят о различных изменениях, происходивших в разные эпохи (персоголасовка, наращение звуков, ассимиляция, лабиализация и палатализация гласных и т. д.) в их структуре в зависимости от их фонемного состава, от открытого и закрытого характера конечного слога, от кратких и долгих гласных, от гласных переднего и заднего ряда, от лабиализованных гласных и т. д. Поэтому каждая разновидность именных основ подлежит рассмотрению в соответствии со следующей схемой:

1. Односложные именные основы:
 - а) начинающиеся с гласного,
 - б) начинающиеся с согласного,
 - в) образующие закрытый слог,
 - г) образующие открытый слог.
2. Двусложные именные основы:
 - а) начинающиеся с гласного,
 - б) начинающиеся с согласного,
 - в) образующие закрытый слог,
 - г) образующие открытый слог.
3. Трех- и более сложные именные основы:
 - а) начинающиеся с гласного,
 - б) начинающиеся с согласного,
 - в) образующие закрытый слог,
 - г) образующие открытый слог.
4. Структурные особенности основ заимствованных имен:
 - а) ранние заимствования;
 - б) поздние заимствования.

Все эти именные основы следует анализировать с точки зрения параллельного выявления их особенностей в формах им. п. ед. ч., с одной стороны, и косвенных падежей — с другой. Кроме того, необходимо учитывать звуковые изменения, обусловленные различными типами сочетаний гласных и согласных.

Рассмотрим сначала в чеч. структуру односложных именных основ древнейшего происхождения в им. п. ед. ч., а также в формах основных косвенных падежей:

Ед. ч.

им. п.	род. п.	дат. п.	эрг. п.	местн. п.
<i>дог</i> [доуг] — сердце	[дега(н)]	[дагна]	[дагуо:]	[даг(а)ца]
<i>ког</i> [куог] — нога	[куо:ган]	[куо:г(а)на]	[куо:гуо]	[куо:гаца]
<i>куьг</i> [куьг] — рука	[ки:ган]	[ки:г(а)на]	[ки:гуо:]	[ки:гаца]
<i>букъ</i> [букъ] — спина	[букъан]	[букъана]	[букъануо:]	[букъанца]
<i>буц</i> [буц] — трава	[бе:ца(н)]	[бацана]	[бацуо:]	[ба:цаца]
<i>моз</i> [муоз] — мед	[меза(н)]	[мазана]	[мазуо:]	[мазанца]
<i>мохк</i> [муохк] — страна	[мехки]	[махкана]	[махкуо:]	[малкаца]
<i>мох</i> [муох] — ветер	[механ]	[михна]	[махуо:]	[махца]
<i>кач</i> [кач] — воротник	[ко:чан]	[к:чана]	[ко:чуо:]	[ко:чаца]
<i>барз</i> [барз] — холм	[борзан]	[борзана]	[борзуо:]	[борзаца]
<i>борз</i> [буорз] — волк	[берзан]	[барзана]	[барзуо:]	[барзаца]
<i>лад</i> [лад] — лук (оружие)	[ло:да н;]	[ло:дана]	[ло:буо:]	[лооаца]
<i>хи</i> [хи] — вода	[хин]	[хин(на)]	[хинуо:]	[хинца]
<i>ла</i> [ла] — зима	[лаьн]	[лаьнна]	[лаьнуо:]	[лаьнца]
<i>у</i> [у] — доска	[уьна]	[уьнна]	[уьнуо:]	[уьнца]
<i>урс</i> [урс] — нож	[уьрсан]	[уьрс(а)на]	[уьрсуо:]	[уьрсаца]
<i>лу</i> [лу] — пастух, сторож	[луьн]	[луьнна]	[луьно:]	[луьнца]
<i>аз</i> [аз] — голос	[о:за(н)]	[о:зана]	[о:з(а)нуо:]	[о:занца]
<i>лам</i> [лам] — гора	[ло:ман]	[ло:мана]	[ла:мануо:]	[ла:манца]
<i>тлулг</i> [тлулг] — камень	[тлулга]	[тлулгана]	[тлулгур]	[тлулгаца]

Ед. ч.

им. п.	род. п.	дат. п.	эргат. п.	местн. п.
<i>nIueIɣ</i> [nIueIɣ] — палец	[nIueIɣa]	[nIueIɣana]	[nIueIɣуо:]	[nIueIɣаца]
<i>deɣI</i> [dieɣI] — тело	[dieɣIa]	[dieɣIana]	[dieɣIуо:]	[dieɣIаца]
<i>стаг</i> [стаг] — человек	[стега]	[стагна]	[стагуо:]	[стаг(а)ца]
<i>кIант</i> [кIант] — парень	[кIента]	[кIантана]	[кIантуо:]	[кIантаца]
<i>бIаьрг</i> [бIаьрг] — глаз	[бIаьрга]	[бIаьргана]	[бIаьргуо:]	[бIаьргаца]
<i>воI</i> [вуоI] — сын	[вуоьIa]	[вуоьIана]	[вуоьIуо:]	[вуоIаца]
<i>йоI</i> [йуоI] — дочь	[иуоьIa]	[иуоIана]	[иуоIуо:]	[IуоIаца]
<i>лєрг</i> [лєрг] — ухо	[лєрга]	[лєргана]	[лєргуо:]	[лєргаца]
<i>малх</i> [малх] — солнце	[маьлха]	[малхана]	[маьлхуо:]	[маьлхаца]
<i>цIа</i> [цIа] — дом	[цIи:н]	[цIиенна]	[цIи:нуо:]	[цIенца]
<i>цIе</i> [цIе] — огонь	[цIєра]	[цIарна]	[цIаруо:]	[цIєрца]
<i>цIи</i> [цIи:] — кровь	[цIиєн]	[цIи:на]	[цIиє:нуо:]	[цIиє:ца]
<i>мотт</i> [муотт] — язык	[матта]	[маттана]	[маттуо:]	[маттаца]

Приведем формы этих слов в ингушском языке:

Ед. ч.

им. п.	род. п.	дат. п.	эрг. п.	местн. п.
<i>дог</i> [дуог] — сердце	[дега]	[дега]	[дегуо]	[дегаца]
<i>боарз</i> [боардз] — холм	[боарза]	[боарза]	[боарзуо]	[боарзаца]
<i>борз</i> [бордз] — волк	[берза]	[берза]	[берзуо]	[берзаца]
<i>Iад</i> [Iад] — лук (оружие)	[Iада]	[Iада Iадана]	[Iадуо]	[Iадаца]
<i>хи</i> [хий] — вода	[хин]	[хинна]	[хинво хиуо]	[хица]
<i>Iа</i> [Iа] — зима	[Iан]	[Iанна]	[Iануо]	[Iаца]
<i>илг</i> [илг] — доска	[илга]	[илга]	[илгуо]	[илгаца]
<i>урс</i> [урс] — нож	[урса]	[урсан урса]	[урсво]	[урсаца]
<i>Iу</i> [Iу] — пастух (сторож)	[Iун]	[Iуна]	[Iунуо]	[Iуца]
<i>оаз</i> [оаз] — голос	[оазан]	[оазана]	[оазанцо]	[оазаца]
<i>лоам</i> [лоам] — горе	[лоама(н)]	[лоамана]	[лоамцо]	[лоамаца]
<i>nIueIɣ</i> [nIueIɣ] — палец	[nIueIɣa]	[nIueIɣa:]	[nIueIɣуо]	[nIueIɣаца]
<i>deɣI</i> [dieɣI] — тело	[dieɣIa]	[dieɣIa:]	[dieɣIуо]	[dieɣIаца]
<i>саг</i> [саг] — человек	[сага]	[сага:]	[сагуо]	[сагаца]
<i>кIант</i> [кIант] — парень	[кIанта]	[кIантана:] кIанта]	[кIантуо]	[кIантаца]
<i>бIарг</i> [бIарг] — глаз	[бIарга]	[бIарга:]	[бIаргуо]	[бIаргаца]
<i>воI</i> [вуоI] — сын	[вилий]	[вуоIa:]	[вуоIуо]	[вуоIаца]
<i>поI</i> [йуоI] — дочь	[йилий]	[йуоIa:]	[йуоIуо]	[йуоIаца]
<i>лєрг</i> [лєрг] — ухо	[лєрга]	[лєрга:]	[лєргуо]	[лєргаца]
<i>малх</i> [малх] — солнце	[малха]	[малха:]	[малхуо]	[малхаца]
<i>цIа</i> [цIа] — дом	[цIен]	[цIенна:]	[цIиенуо]	[цIенца]
<i>цIе</i> [цIе] — огонь	[цIара]	[цIара:]	[цIаруо]	[цIарца]
<i>цIи</i> [цIий] — кровь	[цIиєн]	[цIийна:]	[цIийнуо]	[цIиєца]
<i>мотт</i> [муотт] — язык	[метте]	[метта:]	[меттуо]	[муоттаца]

Как видно из этих примеров, при образовании форм косвенных падежей ед. ч. изменяется корневым гласный звук односложных основ. Это и заставляет различать у односложных слов основы именительного падежа¹ и основы косвенных падежей. Указанные две основные группы основ односложных слов дают многочисленные вариации, обусловленные частными закономерностями сочетания согласных и гласных, действовавшими в разные исторические эпохи. В этих условиях нелегко выявить ведущие закономерности в чередовании гласных именных основ. Сознвая все это, знаменитый исследователь кавказских языков П. К. Услар писал: «Подобно всем нынешним живым европейским языкам, чеченский обнаруживает явные признаки глубоких изменений, которым подвергся он с течением веков. Мы можем теперь лишь догадываться о существовании первообразных древних форм, которые в современном языке являются усеченными, обрубленными. Множество неправильностей останутся для нас необъяснимыми, пока, быть может, в недрах Кавказа не откроют другого языка, родственного с нынешним чеченским и сохранившего те или другие формы в более первобытном виде. Драгоценное пособие для сравнительных исследований доставит тушский (т. е. бацбийский — Ю. Д.) язык. Необходимо было бы также ознакомиться с наречиями самых глухих и наименее доступных частей Нагорной Чечни, где, по общему отзыву, язык сохранился в наиболее чистом и древнем виде.

Признаки искажения древних форм очевидны в склонениях чеченских существительных. Большая часть их склонения неправильна, или, быть может, согласно весьма сложным правилам, которые открыть теперь еще едва ли возможно. Но, несмотря на то, есть некоторые падежи, которые неизменным способом образуются от других. Итак, формы некоторых падежей не могут быть угаданы с достоверностью, но, зная их, можно составить другие...»².

В самом деле, односложные основы в форме им. п. ед. ч., имеющие в своем составе один и тот же дифтонг и образующие закрытый слог, нередко дают в косвенных основах разные гласные: *дуог* — «сердце», род. п. *даге*, дат. п. *дагна*, но *куог* — «пога», род. п. (*куо:га*), дат. п. (*куо:гана*) и т. д. Основы косвенных падежей различаются также в зависимости от закрытого и открытого слога при наличии одного и того же корневого гласного: *Ia* — «зима», род. п. *Iaьн*, дат. п. *Iaьнна*, но *аз* — «голос», род. п. [*о:за*], дат. [*о:зана*]. Тип основы косвенных падежей зависит от лабиализованных и нелабиализованных корневых гласных: *Iy* — «пастух, сторож», род. п. *Iyьн*, дат. п. *Iyьнна*, но *Ia* — «зима», род. п. *Iaьн*, дат. *Iaьнна*. В некоторых словах не наблюдается чередования гласных основы в косвенных падежах: *хи* — «вода», род. п. *хин*, дат. п. *хинна*; *тулг* — «камень», род. п. *тулга*, дат. п. *тулгана* и т. д. И все же в этом кажущемся случайном и беспорядочном сплетении разнородных фактов, восходящих к разным историческим эпохам, обнаруживаются и общие закономерности, важнейшими из них являются первичное и вторичное чередования гласных именных основ.

ОБРАЗОВАНИЕ МНОЖЕСТВЕННОГО ЧИСЛА

В нахских языках обнаруживаются следующие основные особенности образования множественного числа:

1) Образование множественного числа от непроезводных и ненара-

¹ Гласный, характерный для форм им. п. ед. ч., сохраняется в некоторых косвенных падежах у многих односложных имен. Как увидим ниже, это, в основном, те односложные имена, которые связаны с вторичным чередованием гласных основ.

² П. К. Услар. Чеченский язык. Тифлис, 1888, стр. 23—24.

щенных основ путем присоединения аффиксов им. п. мн. ч. (а)ш; -ш, й.

2) Образование множественного числа от производных и наращенных основ при помощи тех же аффиксов -(а)ш, и, й.

3) Образование мн. ч. посредством ар||глар от имен существительных, обозначающих семейное родство, собственные имена и фамилии. В ингушских и чеченских языках глар означает «род», «ответвление рода».

Рассмотрим образование мн. ч. в чеченском:

1) от непроизводных, ненаращенных основ: ш(хи-ш — «воды», на-а-ш — «кабаны», чен-аш — «пески» (им. п. ед. ч. чан), кла-ш — «пшеница»); й(белха-ло-й — «рабочие», эли-й (им. п. ед. ч. эла) — «князья», хьеши-й (им. п. ед. ч. хьаша), сеси-й — «головастики»): глар (Ахьмад-глар — «Ахмадовы», Иванов-глар — «Ивановы»). Как видно из этих примеров, образование мн. ч. от непроизводных и ненаращенных именных основ нередко сопровождается действием законов первичного и вторичного чередований гласных именных основ (хьаша — хьеши-й, чан — ченаш).

2) От наращенных именных основ: а) наращение -(а)р-||-р(а)- (наб — «сон», наб-ар||ш — «сны»; диг — «топор» дог-ар-ш; нуост — «голень», наст-ар-ш; тум — «стержень початка (кукурузы)», там-ар-ш; глуй — «засов», глуй-р-а-ш; куож — «вьючное седло», кож-ар-ш; тлум — «костный мозг», тламарш); б) наращение -н-||н(а)-к (гаъ — «круп лошади», гаъ-на-ш; хлуйоъ — «дуля», хлуйоъ-н-а-ш; кхаж — «жребий», кхаж-н-а-ш; къам — «национальность», къам-н-а-ш; аз — «голос», абз-н-а-ш; таж — «шлем, корона», таж-н-а-ш; дагI — «карагач», дагI-н-а-ш; ваз — «дно сапетки», ваьз-н-а-ш; маъ — «ольха», маьъ-н-а-ш; пха — «жила», пхе-н-а-ш; тIа — «передняя нога животного», тIе-н-а-ш; лаг — «косточка», лег-н-а-ш; дуог — «сердце», дег-н-а-ш); в) наращение м (ша||шиед — «кнут», шод-м-а-ш; кач — «воротник», коч-м-а-ш, Iад — «лук» (оружие), Iод-м-а-ш);

г) наращение именной основы путем удвоения корневого согласного (Iин — «овраг, ущелье», Iан-н-а-ш; у (<ун) — «доока», ан-н-а-ш; вир — «осел», вар-р-а-ш; кIур — «дым», кIар-р-а-ш; бух — «дно», бах-х-а-ш; тIус — «пробка», тIус||тIуз (в карт. игре), тIас-с-а-ш; зуд — «сука», зад-д-а-ш; букъ — «спина», бак-къ-аш; куп — «куб», кан-п-а-ш).

Наличие двух н во мн. ч. в составе именных основ, образовавшихся от у — «доска», хьу — «лес» и им подобных, объясняется тем, что исторически их формы в им. п. ед. ч. восходят к ун, хьун, к которым присоединялось наращение н. В формах им. п. мн. ч. типа бах-х-а-ш, бакъ-къ-а-ш, кан-п-а-ш наращением является сонант н, который подвергается прогрессивной ассимиляции предшествующим согласным корня: бух — бах-н-а-ш → бах-х-а-ш (ср. в системе спряжения боху — «говорит», баьх-н-а баьх-х-а — «говорил» и т. д.);

д) образование мн. ч. путем перехода конечного гласного именной основы в уо: дакъа — «доля», дакъ-уо-ш;

е) образование множ. ч. путем перехода конечного гласного в уо и наращение н: дие — «день», диенуош, цIа — «дом», цIиенуош; къа — «грех», къи-н-уо-ш; са — «душа», си-н-уо-ш; рагIу — «сарай», рагI-уо-ш;

ж) наращение рч (ча — «медведь», черчий; пхьу — «кобель», пхьаб-р-чий; сту — «бык», сте-рч-ий; хьакха — «свинья», хьакха-рч-ий; туо — «овца одного года», тов-рч-ий; къутIа — «подкидыш», къуотI-а-рч-ий;

нуйда — «пуговица», *нуй-да-рч-и-й*, *сиеда* — «звезда», *сиеб-а-рч-и-й*.

Заслуживают внимания образования мн. ч. и от следующих слов: *йис* — «иней»; *эса-р-ш*; *йиш* — «голос», *эша-р-ш*; *йуол* — «сено», *ила-ш*.

Как видно из приведенных примеров, наращение именных основ при образовании мн. ч. в односложных и двусложных словах часто сопровождается первичным и вторичным чередованиями корневых гласных.

Почти аналогичную картину находим в ингушском:

1) образование мн. ч. от наращенных основ *ш* (*говр* — «лошадь», им. п. мн. ч. *говр-а-ш*; *чам* — «вкус», *чамаш*; *лак* — «горло», *лак-а-ш*; *гланд* — «стул», *гланд-а-ш*; *нал* — «кабан», *нал-а-ш*, *кла* — «пшеница», *клаш*; *мос* — «оленя шерсть», *мосаш*; *бай* — «целина», *баш*); *й* (*къу* — «вор», *къу-й*; *къа* — «посол», *къаб-й*; *борз* — «волк», *берзий*||*борз(а)лой*; *къабгамхуо* — «трудящийся», *къабхьегамхуо-й*; *кхакха* — «овчина», *кхакхий*; *болхлуо* — «рабочий», *болхлуо-и*); *ий* (*бакъ* — «жеребенок», *бекъ-ий*; *клант* — «парень, мужчина», *клант-и-й*; *къонах* — «мужчина», *къонах-и-й*), *ар*||*глар* (*даьци* — «сестра отца», *даьц-а-ьр*||*даьциеглар*; *наьци* — «сестра матери»; *наьцаьр*||*наьци-еглар*; *Махьмад* — «Магомед», *Махьмад-ар*||*Махьмадаглар* — «Магомеды||*Магомедовы*)).

Приведенные примеры показывают, что в ингушском языке при образовании мн. ч. слова, подвергающиеся чередованию корневых гласных, в чеченском сохраняют исходные корневые гласные (чеч. и инг. *буолх* — «работа», чеч. *белхлуо-й*, инг. *буолх-луо-й* — «рабочие»; чеч., инг. *клант* — «мужчина, парень»; чеч. *кентий*, инг. *клант-ий*). Вместе с тем есть слова, в которых происходит чередование корневых гласных при образовании мн. ч., как и в чеченском (чеч., инг. *кхакха* — «овчина», чеч., инг. *кхекх-ий*). От именных основ, оканчивающихся на *-р*, мн. ч. образуется посредством *-аш* (а не *-ш*, как в чеченском): *хабар* — «разговор», *хабар-аш* (чеч. *хабар-ш*) и т. д.;

2) от наращенных именных основ: а) наращение *ар*||*-р* (*мукх* — «перочинный нож», мн. ч. *мукх-ар-аш*; *наб* — «сон», *наб-ар-ш*; *диг* — «топор», *дог-ар-аш*; *тум* — «кукурузная кочерыжка» (стержень початка), *томаарш*; *тлум* — «костный мозг», *тломар-аш*; *глув* — «засов», *глов-р-аш*); б) наращение *н* (*ков* — «ворота, двор», *ков-н-аш*; *га* — «ветка», *гаь-н-аш*; *цлов* — «сноп», *цлов-н-аш*; *сердалуо* — «свет», *сердалуо-н-аш*; *арие* — «стель, равнина», *арие-н-аш*); в) наращение *-м*||*-ам* (*лад* — «лук (оружие)», *лад-а-м-аш*; *шод* — «кнут», *шод-ам-аш*; *глаж* — «палка», *глаж-ам-аш*); г) образование мн. ч. путем перехода конечного гласного в *уо* и наращение *н* (*ди* — «день», *диен-уо-ш*; *цла* — «дом», *цлие-н-уо-ш*; *къа* — «грех», *къи-н-уо-ш*); д) наращение *рч* (*чи* — «медведь», *ча-рч*; *уст* — «бык», *ше-рч*; *пхьу* — «кобель», *пхьа-рч*; *тоа* — «овца одного года», *тоа-рч*).

В ингушском, как и в чеченском, своеобразно образуется мн. ч. от имен существительных типа *йиш* — «мотив», *ашарш*; *йокъ* — «зола», *ювкъараш*||*овкъараш*; *йис* — «иней», *асараш*; *юв* — «шило», *овраш*, *йиехк* — «гребень», *ахкарш*; *тло* — «камень», *тлой*; *кхиера* — «камень», *кхертлой*||*тлой* и др.

В ингушском не наблюдается удвоения корневого согласного при образовании мн. ч.: *у* — «доска», мн. ч. *у-н-аш*; *хьу* — «лес», *хьун-аш*; *вир* — «осел», *вир-аш* и т. д.

Сохраняя общие основные исходные черты нахских языков в образовании множественного числа, немало своеобразного в оформлении им. п. мн. ч. дает и бацбийский язык:

1) Редко употребляется *-иш||ш*. Слова, к которым присоединяют этот аффикс, в большинстве случаев являются общенахскими и имеют наращенную основу (*цле* — «огонь, имя», *ца-р-иш*; *шо* — «год», *ша-р-иш*; *тлея* — «гребень (горы)», *тлеиш*; *хакха* — «свинья», *кха-р-ш*; *хьу* — «лес», *хьу-н-иш*; *згIва* — «море», *згIва-иш*).

2) Чаще всего в качестве форманта им. п. мн. ч. выступает *и||и* (*ас* — «теленочек», мн. ч. *ас-и*; *пстIуин* — «жена», *пстIе-и*; *кхакха* — «овчина», *кхакх-и*; *пхьаит* — «легкое», *пхьату-и*; *кхевб* — «ущелье», *кхевб-и*; *Iув* — «пастух», *Iу-й*; *хьаш* — «гость», *хьаш-и*).

3) Нарращение *н* при образовании мн. ч. широко представлено в бацбийском (*пхьартI* — «часть очищенной шерсти», *пхьартI-н-и*; *гага* — «яйцо», *гаг-н-и*; *хо* — «посуда для теста», *хо-н-и*; *хавар-тIа* — «название съедобной травы», *хавартIа-н-и*, *пхье* — «село», *пхье-вн-и*, *хьу* — «лес», *хьу-н-иш*).

4) Часто употребляется аффикс *-би* (*кхер* — «камень»; *кхер-би*; *букъ* — «спина», *букъ-би*; *вир* — «осел», *вир-би*).

5) Нарращение *-аир-||-ар-||-ер-||-р* встречается чаще, чем в чеченском и ингушском (*нитIтI* — «крапива», *натIтIаир*; *нотIкъ* — «гной», *натIкъаир*; *йашо* — «сестра», *йажар*; *вашо* — «брат»; *важар*; *газа* — «коза», *газар*; *цIиннус* — «невестка», *цIиннас-ер*; *йокъ* — «поясница», *акъ-аир*).

6) Нарращение *-рч||лч* также встречается чаще, чем в чеченском и ингушском (*пхьу* — «кобель, собака», *пхьа-рч*; *пстIу* — «бык», *пстIа-рч*; *дохкI* — «облако», *дихкI-аирч*; *пхьитI* — «лягушка», *пхьитIаирч* (*пхьитI-и*); *кхавкх* — «голубь», *кхакхерч*; *ас(а)* — «вожжи», *аса-ирч*; *уистха* — «овца», *уистха-рч||катI* — «ложка», *катI-аирч*).

Историческая характеристика данных бацбийского языка показывает: 1) наиболее употребительным аффиксом в нем является *и||й*, постепенно вытесняющий *-иш||ш*; фонетическим вариантом *и* является *й*, нередко употребляемый в словах, именная основа которых во мн. ч. оканчивается на лабиализованный гласный (чаще всего в односложных словах: *Iув* — «пастух», *Iу-й*); 2) там, где в чеченском при образовании мн. ч. происходит наращение именной основы путем удвоения корневого согласного, в бацбийском появляется окончание *-би*, в ингушском же в таких случаях именная основа обычно сохраняется без изменения (чеч., инг., бацб. *вир* — «осел», мн. ч. чеч. *ва-р-р-аш*, инг. *вир-аш*, бацб. *вир-би*; чеч., бацб. *букъ* — «спина», чеч. *бакъ-къ-аш*, бацб., *букъ-би*); 3) если при образовании мн. ч. происходит наращение именной основы элементами *аир-||ар-||ер-||р*; *-аирч||-арч||-рч||аилч||лч*, то аффикс им. п. мн. ч. в одних случаях выпадает (см. выше *йажар*, *важар*, *газар* и др.), а в других — происходит вставка конечного аффиксального *и* внутрь предшествующего слова (см. выше *натIкъаир*, *натIтIаир*, *дахкIаирч* и др.). В результате наращения *р-* (<*ар||аир*), *-рч-*, *лч* (<*аирч||аилч*) стали выполнять функции аффиксов им. п. мн. ч.

Произведенный выше синхронный и исторический анализ образования мн. ч. позволяет перейти к сравнительно-историческому освещению рассмотренных фактов:

1. Наблюдаемое в чеченском и ингушском чередование корневых гласных в именных основах — вторичное явление (см. выше им. п. ед. ч. в чеч. *хьаша*, бацб. *хьаш* — «гость»; им. п. мн. ч. в чеч. *хьеший*, бацб. *хьаш-и*; чеч., инг. *букъ* — «спина», *бакъ-къ-аш*; бацб. *букъ-би*). Это подтверждается: а) сохранением первичных корневых гласных в формах косвенных падежей во всех нахских языках (им. п. мн. ч. в чеч. *кIантий*, дат. п. ед. ч. в чеч. *кIантана*, инг. *кIанта*, бацб. *кIантен*; б) отсут-

ствием такого рода чередования в бацбийском (им. п. ед. ч. в чеч., инг., бацб. *кхакха* — «овчина», им. п. мн. ч. чеч., инг. *кхекхий*, бацб. *кхакхи*; им. п. ед. ч. в чеч., инг. (*шуо*), бацб. (*шо*) — «год»; чеч., инг. *шераш*, бацб. *шар-иш*).

2. В чеченском при образовании мн. ч. чаще, чем в ингушском, происходит чередование корневых гласных в сочетании с наращением именной основы (им. п. ед. ч. в чеч., инг. *ча* — «медведь», чеч. *че-рч-ий*, инг. *ча-рч* (*ца* — «дом», *цлие-н-уо-ш*). В бацбийском почти не наблюдается вторичное чередование корневых гласных (*хьу* — «лес», *хьу-н-иш*; *хлаш* — «гость», *хьаши*). Чередование корневого гласного в бацбийском в словах *пстлуин*—*пстлеи*, *пстлу* — *пстларч*, *пхьу* — *пхьарч* — первичного происхождения.

3. В ингушском унификация именных основ во всех падежных формах ед. ч. и мн. ч. способствовала их значительному единообразию (инг. *лай* — «раб», род. п. ед. ч. *лаь*, последняя форма во всех падежах выступает в качестве именной основы: ср. в чеч. *лай*, род. п. ед. ч. *лен*, местн. п. ед. ч. *ле* и др.).

4. Наращение именных основ при образовании мн. ч. звуками *н*, (*ар*), *рч* (*арч*), наблюдаемое во всех нахских языках, восходит к общенахскому языку-основе.

5. Характерное для чеченского языка удвоение корневого согласного при образовании мн. ч. — позднее явление, возникшее в самом чеченском языке (*букъ* — «спина», им. п. мн. ч. *ба-къ-аш* и т. д.).

6. Исходный вариант аффикса мн. ч. *-иш*, его фонетические варианты *аш||ш* после согласных в чеч. и инг. как результат обычного для чеч. и инг. ослабления *и*.

7. Второй исходный вариант аффикса мн. ч. *и*, его фонетические варианты *ий||й* образовались под влиянием предшествовавших им гласных (в чеч. и инг.). Фонетически, вероятно, оба аффикса восходят к местоимению *и*, *изуш||уьш||иш* (в чеч., инг.) — «этот, эти, он, они».

ПАДЕЖИ В НАХСКИХ ЯЗЫКАХ

Нахские языки отличаются наличием сильно развитой системы падежей. Морфологическую характеристику имени, представленную системой падежей, особенно богатой местными формами, может иметь в той или иной степени любая часть речи: имя существительное, местоимение, имя прилагательное, имя числительное, глагольное слово (отглагольное прилагательное, отглагольное существительное), наречие, послелог. В бацбийском языке эта характеристика распространяется на относительные местоимения и относительные союзы (например, *менух* — «который»), отсутствующие в чеченском и ингушском языках. В рассматриваемых языках не склоняются противительные, соединительные союзы и частицы. Между тем спрягается только глагол в широком смысле.

Из сказанного следует, что в нахских языках склонение является свойством, присущим в той или иной мере основам всех частей речи, за исключением вышеназванных союзов и частиц. Отглагольное существительное (например, *масдар* в чеч. инг. и бацб. *ахар* — «пахание», от *ах* (*а*) — «паши», чеч., *д-а-р*, бацб. *тег-д-ар* — «делание» от чеч. *д-ие*, инг., бацб. *тег-д-иеб* — «делай»), отглагольное прилагательное (например, несамостоятельное и самостоятельное причастие в чеч. *добшун* — «читающий», *добшург* — «тот, кто читает» от *диеш(а)* — «читай», бацб. *в-отлуь* — «идуший» от *вуйтлу* — «идет») представляют собой имена опредмеченного действия, т. е. имена глагольного происхождения.

В нахских языках в склонениях имени существительного, масдара, причастия, наречия, имени прилагательного, послелого, местоимения, имени числительного (а в бацбийском относительного местоимения и относительного союза) проявляется семантическое своеобразие каждой из этих частей речи. Это сказывается в том, что не все указанные части речи в современных языках склоняются по всем падежам. По всем падежам (за немногими исключениями) склоняются: имя существительное, личное и притяжательное местоимения, субстантивированные прилагательные, причастия, имя числительное (а в бацбийском — и относительное местоимение).

Определенным кругом имен существительных ограничивается образование некоторых падежных форм. Например, в чеченском языке аффикс эргатива (*а*)с может быть присоединен только к именам существительным, обозначающим разумное существо (*да* — «отец», *нана* — «мать», *ваша* — «брат» и т. д.). Напротив, в бацбийском языке этот аффикс употребляется очень широко, что, несомненно, явление вторичного порядка. Что же касается ограничения использования аффиксов падежей направительного второго (*ло*) и локатива второго (*лохь*), скажем, в бацбийском именами существительными, выражающими собирательное значение (*хьу* — «лес», *хьунлохь* — «в лесу»), например, жидкую массу, в которую можно что-то погрузить, окунуть (*хи* — «вода», *хилохь* — «в воде»), то такое ограничение следует признать ископным, характеризующим разные пути образования падежей в нахских языках. Возникновение той или иной падежной формы, как явствует из сказанного, нередко определяется общим семантическим признаком известной группы имен существительных. Так возникали, по-видимому, прежде всего производные формы местного падежа, восходящие в большинстве случаев к послелогам разных типов и значений.

Обычно масдар выступает в формах именительного, родительного, эргативного, инессива первого, сравнительного падежей. Послелог склоняется только по местным падежам. Склонение самостоятельного наречия также ограничивается местными падежами (точнее говоря, «наречные» формы — это формы разных падежей). Зависимые (несамостоятельные) прилагательные, причастия, притяжательные местоимения, числительные имеют формы двух падежей: именительного, соответствующего притяжательному, т. е. падежу родительного дополнения и косвенного (для всех косвенных падежей одна форма с аффиксом -*э*).

В бацбийском языке сохранилось больше общенахских форм, чем в чеченском и ингушском. В чеченском почти не употребляется форма предельного и лишительного падежей, широко представленных в бацбийском. Более подробно мы осветим этот вопрос при рассмотрении отдельных падежей.

Наибольшее число падежей представлено в бацбийском, в котором мы отметили 22 падежные формы, не считая послеложных конструкций, т. е. различных типов сочетания имени существительного с каким-нибудь послелогом, стоящим в одном из местных падежей. Теоретическим основанием для выделения такого числа падежей служит: во-первых, наличие у каждого из этих падежей особого аффикса (сложного или простого), утратившего семантическую связь с тем самостоятельным словом (именем существительным, послелогом), от которого он произошел, и не имеющего не только лексического, но и другого грамматического значения, кроме значения данного падежа, падежной формы; во-вторых, употребление каждого из этих падежей с конкретным

стандартным аффиксом (который может иметь несколько фонетических вариантов) в определенной грамматической, падежной функции¹.

П. К. Услар выделил в чеченском языке 16 падежей², З. К. Мальсагов «В ингушской грамматике» охарактеризовал 10 основных падежей. При этом он отмечал: «Мы ограничиваемся вышеуказанными десятью падежами, так как остальные или вообще мало употребительны, или заменяются описательными выражениями»³.

По данным рукописи «Морфология чеченского литературного языка», написанной в 1939 г., Н. Ф. Яковлев, вслед за З. К. Мальсаговым выделил в чеченском (а также и в ингушском) десять основных падежей⁴, указав при этом на наличие еще шести производных форм основного местного падежа, которые теоретически являются самостоятельными падежами, не считая малоупотребительной формы предельного падежа, отмеченного П. К. Усларом, как формы особого падежа⁵.

В школьных грамматиках чеченского и ингушского языков представлено всего 8 падежей⁶. Оправдывая это, Н. Ф. Яковлев писал: «...под одним названием местного падежа мы сейчас имеем в чеченской грамматике в сущности целых семь местных форм, которые с точки зрения теоретической следовало бы считать самостоятельными падежами. В школьной же практике можно все их объединить под одним названием местного падежа»⁷.

Не останавливаясь на вопросе о целесообразности или нецелесообразности выделения того или иного количества падежей в практической грамматике чеченского или ингушского языка, мы постараемся охарактеризовать все падежные формы и послеложные конструкции в нахских языках в историческом и сравнительно-историческом плане.

Именительный падеж

Именительный падеж во всех нахских языках имеет нулевую флексию. Иначе говоря, в именительном падеже дается чистая основа, служащая исходной формой для косвенных падежей.

Характеристика именных основ, представленных в формах им. п. ед. ч.

Исходя из исторических чередований гласных именных основ и современного состояния нахских языков, следует выделить следующие группы именных основ, представленных в формах им. п. ед. ч.

1) Общенахские односложные и двусложные именные основы, сохраняющие корневые гласные в им. п. ед. ч. и в большинстве основных косвенных падежей (им., род., эрг., дат., твор., местном): чеч., инг. бацб. *лам* — «гора»; чеч. *стаг*, инг. *саг*, бацб. *стIакI* — «человек».

2) Общенахские односложные основы, меняющие исходные корневые гласные в косвенных падежах под влиянием суффиксального [и] в

¹ Ю. Д. Дешериев. Бацбийский язык, М., 1953, стр. 62—66.

² П. К. Услар. Указ. соч., стр. 16.

³ З. К. Мальсагов. Ингушская грамматика. Владикавказ, 1925, стр. 27.

⁴ Н. Ф. Яковлев. Указ. соч., стр. 30.

⁵ П. К. Услар. Указ. соч., стр. 27.

⁶ М. Д. Чентиева, А. Х. Хумпаров и Х. Г. Гугиев. Нохчийн меттан грамматика. Грозный, 1958.

⁷ Н. Ф. Яковлев. Указ. соч., стр. 30.

составе родит. падежа ед. ч.: чеч., инг., бацб. *са* — «дух, душа»; чеч., инг., бацб. *цIа* — «дом», чеч. [цIи:], инг. [цIи:], бацб. [цIий] — «кровь». чеч. *ша*, инг. *ша*, бацб. *пша* — «лед».

3) Общенахские основы, являющиеся результатом первого типа первичного чередования. К ним относятся, как мы видели выше, следующие: чеч., инг., *дуог*, бацб. *докI* — «сердце»; чеч., инг., *дуош*, бацб. *дош* — «слово»; чеч., инг. *муотт*; бацб. *мотт* — «язык» и др. Исходные формы *д-агв...* *д-а-шв...*, *матт-в...*

4) Общенахские основы, образовавшиеся под влиянием палатального типа первичного чередования.

5) Основы, возникшие в связи с лабиальным типом вторичного чередования: чеч. [луо:], инг. *лоа*, бацб. *лав*; чеч. [дуо:], инг. [доа] — «сапетка», чеч. *кхокха*, инг. *кхакха*, бацб. *кхаукх* — «голубь».

6) Основы, корневой гласный которых изменяется в косвенных падежах под воздействием второго типа вторичного чередования: чеч. [дети], бацб. *тIатeб* — «серебро», чеч. *деши*, инг. *деш*, бацб. *окр* — «золото», чеч. [де:ла], инг. [даь:ла], бацб. [да:ла] — «бог».

7) Основы, образовавшиеся под действием третьего типа вторичного чередования: чеч. [на:на], инг. [на:на], бацб. *на:н(а)* — «мать», чеч. *да:|да:да*, инг. [да:], бацб. [да:да] — «отец», чеч. [кIе:за|кIа:зи], инг. [кIа:за|кIаь:зи], бацб. [кIа:ц] — «щенок».

8) Общенахские односложные и двусложные основы, исходные корневые гласные которых не уточнены: чеч., инг. *куог*, бацб. *кокI* — «нога»; чеч. *куьг*, инг. *кулг* — «рука», чеч. *дечиг*, инг. *дачха*, бацб. *дос* — «дерево, дрова».

9) Общенахские производные именные основы: чеч., инг. *дикалла* — «добродота», *хазалла* — «красота», чеч. [белхлуо:], инг. [буолхлуо:] — «рабочий»; чеч. [а:хархуо:], инг. [а:хархуо:] — «пахарь», чеч. [хаам], инг. [хаам] — «сообщение, известие».

10) Производные основы, образовавшиеся после распада общенахского языка: чеч. *йозанча* — «писатель», *Гилманча* — «ученый», *дойхуо* — «кавалерист».

11) Основы ранних лексических заимствований (в форме им. п. ед. ч.): чеч. *суол|стуол*, инг. *истол* — «стол», чеч., инг. *кема*, бацб. *гем* — «пароход».

12) Именные основы поздних лексических заимствований. Чеч., инг. *колхозник*, *колхозница*, *секретарь*, *председатель*; бацб. *кхаргута* — «Малая медведица» (груз.), *моаингриш* — «бухгалтер» (из груз.), *Иангриш* (груз. *саангришо*) — «математика», (груз. *сцIавла*) — «наука» и т. д.

13) Именные основы, встречающиеся лишь в отдельных нахских языках: инг. *инарилг* — «маленький генерал», *истолг* — «столик», *книжкилг* — «книжка», *коартолг* — «картофель», *киселг* — «кисель» (уменьш.).

Разновидности конечного слога в формах им. п. ед. ч.

Приведенные разновидности именных основ, представленных в форме им. п. ед. ч., не исчерпывают все возможные их типы, относящиеся к разным историческим слоям нахской лексики. Многообразно их звуковое оформление. Имена существительные исконного происхождения могут оканчиваться в им. п. ед. ч. как на гласные, так и на согласные звуки.

Именные основы, оканчивающиеся на гласные переднего ряда, встречаются редко, да и те — вторичного происхождения (ср. чеч.,

[*люо:*], инг. *лоа* — «снег», бацб. *лав*). Особенно редко встречаются односложные и двусложные именные основы, оканчивающиеся в им. п. ед. ч. на гласные переднего ряда. Даже среди тех немногих имен существительных, формы им. п. ед. ч. которых имеют окончание на передние гласные, преобладают основы вторичного происхождения (ср. чеч., инг. *дети, деши*, инг. *дету, дошу*, основы косв. падежей в чеч. дат... *даш*, имена *дети, деши*, по-видимому, глагольного происхождения: ср. в совр. чеч. *дети* — «свернулось, произошло окисление», форма повел. накл. *дат(а)*; *доши* — «расправилось», форма повел. накл. *даш(а)*, в совр. чеч. *даьтта* (по Услару *детти(н)* — «масло», *детти||дета* — «топленый, жареный, вареный, прокисшее»: *детти(н) жижиг* — «жареное мясо»; *детти(н) хлоъ* — «вареное яйцо», *й-етти||йетта шура* — «прокисшее молоко», т. е. «кислое молоко, простокваша»).

Конечные гласные имен существительных в им. п. ед. ч. краткие дифтонги [*ие*] и [*юо:*] и долгие дифтонги [*ие:*] и [*юо:*] также вторичного происхождения: чеч. [*дуо:*], но инг. *доа* — «сапетка», чеч. [*дие*], но инг. [*да*], бацб. [*де*] — «день».

Функции им. п. ед. ч.

Во всех нахских языках форма им. п. ед. ч. выполняет две функции. Во-первых, в этой падежной форме ставится подлежащее в непереходном предложении:

чеч. *цIа йогIу* — «девочка домой идет». *Бер(а) доьлху* — «ребенок плачет». *Ахьмад велла* — «Ахмед умер»;

инг. *догIа доагI* — «дождь идет», *кулг дийстад* — «рука распухла», *саг ваьннав* — «человек умер», *йаьтт Iех* — «корова мычит», *саг Iийне вагI* — «человек в тени сидит»¹.

бацб. *Сандро балкIон мак IевагIе* — «Сандро сидит на балконе», *О калаик вуитI* — «он в город идет||едет»². *Сандро вали* — «Сандро умер».

Во-вторых, в им. п. употребляется прямое дополнение в переходном предложении:

чеч. *Аса книга йовшуну* — «я книгу читаю», *говрую хи молу* — «лошадь воду пьет», *цунна и йоI йиеза* — «он эту девушку любит»;

инг. *Наьхав глаьр хоз сонав* — «я слышу людской говор»³; *фу ях Iав?* — «что ты сказал?»⁴, *сонав из йезаьйеннаьв* — «я ее полюбил»⁵;

бацб. *НатIос дос эIюдо* — «Нато дрова колет»⁶; *кIоллектIивбив див симинд* — «колхозники сеют кукурузу»⁷, *ГлазIи доо шветI ца йецI* — «хороший конь не любит плети||хороший конь не нуждается в плети» (поговорка)⁸.

Родительный падеж

Родительный падеж является одним из древнейших падежей нахских языков, сложившийся, по-видимому, после образования дат., эрг., местн. падежей. На это указывает историческое чередование звуков.

¹ З. К. Мальсагов. Указ. соч., стр. 161.

² Ю. Д. Дешериев. Бацбийский язык, стр. 247.

³ З. К. Мальсагов. Указ соч., стр. 154.

⁴ Там же, стр. 150.

⁵ Там же, стр. 149.

⁶ Ю. Д. Дешериев. Бацбийский язык, стр. 247.

⁷ Там же.

⁸ Там же.

Функции родительного падежа

Форма родительного падежа выполняет функции:

1) определения при определяемом:

чеч. *цхьалл-ин терахь* — «единственное число», *воккх-ун стаг* — «большой человек» (по Услару, стр. 40), *буоршан буорз* — «мужского пола волк, т. е. самец-волк» (там же), *сен дик ин ваша* — «мой добрый брат», *сири буорз* — «серый волк» (стр. 41).

инг. *Гаьржа лоам* — «черная гора», *даь ца* — «отчий дом», *лаьттан бокъо* — «земельный закон»;

бацб. *й-аккх-о й-ашо* — «большая сестра», *цег-е куд* — «красная шапка», *вогъуь стлакI* — «идуший человек», *гарчI-и куд* — «черная шапка», *гарчI-и кадби* — «черные шапки», *кIолхоз-е машина* — «колхозная машина»; *кIолхоза машинаш* — «колхозные машины» (Ю. Д., 8, стр. 182, 185);

2) родительного дополнения, обозначающего принадлежность предмета:

чеч. *нускал-ан коч* — «невесты платье» (по Услару — *Нускулун*, стр. 30), *москал-ан куорта* — «индейки голова» (Орфография, 14);

инг. *Китай-н бакъуо* — «Китай право», *цIен тхов* — «дома крыша», *юртаь Совет* — «села Совет или сельский Совет», *говри ремаь* — «лошадей табун»;

бацб. *пстIу-и йохь* — «жены дочь», *бацб-е вахар* — «бацбийца поездка», *бацба бахар* — «поездка бацбийцев»;

3) притяжательного дополнения:

чеч. *сен ваша* — «мой брат», *хьан йол* — «твоя дочь», *тхан(тха) йетт* — «наша корова»;

инг. *се нана* — «моя мать», *хье вол* — «твой сын», *цун говр* — «его лошадь»;

бацб. *се дад* — «мой отец», *хье йшо* — «твоя сестра», *шу-и нана* — «ваша мать».

До возникновения род. п. его функции выражались синтаксически, т. е. порядком слов. Такой способ выражения функций род. п. персжиточно сохранился в бацб:

бацб. *гедтIивтIикIбос* — «лебяжий пуховый цвет», дословно *гед* — «лебедь», *тIивтIикI* — «пух», *бос* — «цвет».

Широко распространенное в нахских языках явление образования основ косвенных падежей с палатализацией корневого гласного обусловлено аффиксом родительного падежа [*ин*] с его фонетическими вариантами: в чеч. *ин, и, ен, е, иен, ие, ун, у, уон, уо, ан, а, аин, ай* и некоторые другие; в инг. *аь, е, ен, ае, он, а, (у)н, ой, ие*, нулевое окончание; в бацб. *и, е, у, о, а*, (эти окончания нередко сопровождаются вставкой внутрь корня неназализованного [*и*]: *набдур* — «войлок»; род. п. *наибдре*).

Наличие столь значительного количества фонетических вариантов форманта род. п. в нахских языках связано, во-первых, с действием закона гармонии гласных и, во-вторых, ослаблением и вплоть до полного исчезновения.

Охарактеризуем фонетические варианты аффикса род. п. в чеченском:

1) *ин, и*:

а) Агглютинативное присоединение к неизменяемой основе аффикса род. п. *ин, и*:

совр. лит. яз.		по Услару	
им. п.	род. п.	им. п.	род. п.
[ɣla:la] — город, крепость	[ɣla:l-ин]	[ɣla:ла]	[ɣla:ла-ин]
[ca:ɣla] — милостыня	[ca:ɣl-ин]	[ca:ɣла]	[ca:ɣла-ин]

Таких слов очень мало. Даже эти два слова со времени П. К. Услара подверглись существенным изменениям: перед аффиксом род. п. в соврем. лит. яз. выпадает [a] (*ɣlала — ɣлалин*).

В этом факте также видна утрата одного из сохранившихся признаков, показывающих былой агглютинативный характер чеченского склонения;

б) Рассматриваемый аффикс присоединяется к основе односложного слова типа открытого слога, при этом корневой гласный изменяется:

совр. лит. яз.		по Услару	
им. п.	род. п.	им. п.	род. п.
[луо:] — снег	<i>лайн</i>	[луо:]	<i>ла-ин</i>
<i>цла</i> — дом	[цли:н]	<i>цла</i>	<i>цли:н-ин</i>
<i>са</i> — душа	<i>син</i>	<i>са</i>	<i>син</i>
[да:] — отец	[де:н]	[да:]	[де:н]

в) Изменяется (подвергается палатализации) корневой гласный односложных слов типа закрытого слога и в двусложных словах, в то же время сохраняется аффикс род. п.

<i>буолх</i> — работа	<i>белхан</i>	<i>буолх</i>	<i>белх-ин</i>
<i>буож</i> — козел	<i>бежан</i>	<i>буож</i>	<i>беж-ин</i>
<i>дуог</i> — сердце	<i>деган</i>	<i>дуог</i>	<i>дег-ин</i>

и т. д.

Из этих примеров видно, что в чеч. яз. в течение около ста лет произошло превращение аффикса *ин* в *ан*. Следует, однако, заметить, что и сейчас бытует аффикс *ин* в некоторых говорах горных районов.

г) Вставка аффиксального [u] внутрь корня с сохранением аффикса род. п. *ин* в составе окончания:

<i>шура</i> — молоко	<i>шур-ан</i>	<i>шура</i>	<i>шур-ин</i>
<i>муш</i> — веревка	<i>муш-ан</i>	<i>муш</i>	<i>муш-ин</i>
<i>тур</i> — шашка, меч	<i>тур-ан</i>	<i>тур</i>	<i>тур-ин</i>

Приведенные примеры представляют интерес для выяснения характера развертывания процесса палатализации корневого гласного. Сопоставление фактов из современного литературного языка, отражающего в основном живое произношение, с данными П. К. Услара показывает, что и в чеч. языке на первом этапе смягчения корневого гласного происходила вставка аффиксального [u] внутрь корня, как и в современном бацбийском языке. В дальнейшем образовавшийся при этом

дифтонг превратился в палатализованный (умлаутированный монофтонг): *шуири* > *шуйран*, *туирин* > *туйран*. Этот процесс также сопровождался переходом аффикса *ин* в *ан*. Таким образом, современный башб. язык отражает первоначальное состояние этого процесса в чеч. языке. Данные же современного чеч. языка — результат дальнейшего развития этого процесса;

д) Выпадение конечного гласного звука основы род. п. при сохранении корневого гласного:

совр. чеч. лит.		по Услару	
им. п.	род. п.	им. п.	род. п.
<i>гя:ла</i> — город, крепость	[гя:л-ин]	[гя:ла]	[гя:ла-ин]
[бага] — рот	[бага-н-ан]	[бага]	[бага-ин]
<i>са:гя</i> — милостыня	[са:гя-ин]	[са:гя]	[са:гя-а-ин]
[ма:ша] — сукно домашнее	[ма:ш-ин]	[ма:ша]	[ма:ша-ин]

Сюда же относятся все двусложные исконные и заимствованные слова, имеющие в составе корня [а] и оканчивающиеся на [а] в им. п. ед. ч.;

е) Нарращение основ род. п. [ин, ан, а].

совр. лит. яз.		по Услару	
им. п.	род. п.	им. п.	род. п.
<i>шуо</i> — год	[шеран шера]	<i>шуо</i>	<i>шер-ин</i>
<i>пхуо</i> — стрела	[пхеран пхера]	<i>пхуо</i>	<i>пхер-ин</i>

ж) Если двусложное слово оканчивается в им. п. ед. ч. на [и], то в род. п. к этому окончанию прибавляется [н];

з) Некоторые односложные слова типа открытого слога с корневым [а] или оканчивающиеся на [ай] изменяют корневой гласный на [е], [е:] в род. п., к последнему присоединяют *н*, который переходит в признак назализации гласного, в дальнейшем утрачивается и этот признак.

[да:] — отец	[де:н де:]	[да:]	[де:н]
[гя] — лист	[ген ге]	[гя]	[ген]
[сай] — олень	[се:н се:]	[сай]	[се:н]

Встречаются вместе с тем односложные и двусложные слова, оканчивающиеся на [ай] в им. п. ед. ч. и на [н] в род. п.: *вай* (им. п.), *вай-н* (род. п.) — «мы (инклюзив)», *Китай* (им. п.), *Китай-н* (род. п.) — «Китай», *край* (им. п.), *край-н* (род. п.) — «край». В таких словах также *н* может превращаться в носовой признак, а затем совсем утрачиваться;

и) В самостоятельных (субстантивированных) формах имен прилагательных с наращением *н* в основах косвенных падежей, а также в сло-

вах, образованных посредством словообразовательного аффикса [хуо:] и [луо:] обычно аффиксом род. падежа служит *ун||у:* *лоханиг* (им. п.), *лохачун||лохачу* (род. п.) — «низкого (небольшого роста)», *гIаларниг* (им. п.), *гIалар-чун||гIаларчу* — «городского», *ахархуо* (им. п.), *ахархуочун||ахархучу* — «пахаря», *белхалуо* (им. п.), *белхалуочун||белхалуочу* — «рабочего».

В последних примерах наличие окончания *ун||у* в род. п. обусловлено действием закона гармонии гласных. Лабиализованный гласный в предшествующем слоге вызывает лабиализацию гласного в последующем слоге (*ин, ун, у*): *ахархуо, ахархуочун, ахархучу* и т. д.

к) Ряд односложных и двусложных слов, оканчивающихся на [и||и:], имеют аффикс [и:н||ие:н], [и:||ие:||ие] в род. п.

совр. лит. яз.		по Услару	
им. п.	род. п.	им. п.	род. п.
[джи] — овца	[джиен джие:]	[джи]	[джиен]
джIаьла джIаьли — собака	{джIаьлие:н джIаь- лие:}	[джIели]	[джIелие:н]
[нIаьна] — петух	[нIаьниен нIаьние:]	[нIаьни]	[нIаьние:н]

л) Наконец, следует отметить исчезновение аффикса род. п. в несамостоятельных (зависимых) качественных прилагательных в современном чеч. лит. языке. Это нашло отражение и в новой орфографии:

[воккха стаг] — большой человек	[воккхун стаг]
[й-утIкъа зуда] — тонкая женщина	—
[джима] — маленький	[джимин]
[де:ха де:х] — богатый, длинный	[де:хин]

И здесь факты, зафиксированные в свое время П. К. Усларом, подтверждают, что те качественные слова, которые в совр. лит. языке утратили аффикс род. п. [ин, и], в прошлом употреблялись с этим окончанием. Ослабление [ин, и] в двусложных словах привело к отпадению этого аффикса. Вместе с тем появилась тенденция частичного нарушения гармонии гласных. Наличие корневого лабиализованного гласного требовало лабиализации гласного элемента в составе аффикса род. п. *ин, ун: воккхин > воккхун*. В дальнейшем более употребительной стала форма с кратким гласным среднего ряда заднего подъема в конце этого и ему подобных слов: [воккха] и т. д.

В этой связи следует отметить, что так называемый сомнительный гласный в двух- и трехсложных словах дает следующие фонетические варианты, в которых чувствуется влияние гармонии гласных (более подробно об этом сказано в параграфе «Сомнительный краткий гласный и его фонетические варианты»):

1) если корневым гласным двусложного и трехсложного слова является [а], [а:] или лабиализованный гласный звук, то в последующих слогах могут быть [а] или [у]:

совр. лит. яз.		по Услару	
им. п.	род. п.	им. п.	род. п.
[олхазар] — птица	[олхазаран]	[олхузур]	[олхузурун]
[нускал] — невеста	[нускалан]	[нускул]	[нускулун]
[а:мал] — нрав	[а:малан]	[а:мал]	[а:малан]
[кѳо:лам] — каран- даш	[кѳо:ламан]	[кѳа:лум]	[кѳо:лумун]

2) если корневым гласным двух- и трехсложного слова является [а], [а:] или передний гласный, то в последующих слогах чаще всего могут быть [а] или передний гласный:

им. п.	род. п.	им. п.	род. п.
[е:са] — теленок	[е:сан]	[е:си]	[е:син]
[бие:кхам] — мщение	[бие:кхаман]	[бие:кхам]	[бие:кхамин]
[сие:да] — звезда	[сие:данан]	[сие:да]	[сие:данин]

Однако эти правила очень часто нарушаются: им. п. [уобрсие:] — «русский», в род. п. ед. ч. вместо ожидаемого [уобрсие:чин]||уобрсие:чуьн] мы находим в записях П. К. Услара [уобрсие:чун]¹. Правда, в современном языке употребляется и форма [уобрсие:чуьн]||уобрсие:чун]. Вот еще примеры:

совр. лит. яз.		по Услару	
им. п.	род. п.	им. п.	род. п.
[кѳуо:нах(а)] — мужчина	[кѳуо:нах(а)чу(н)] (кѳуобнахчуьн]	[кѳуоб:нахи]	[кѳуонахачун]
буоттагI(а) — друг	[дуоттагI(а)чу(н)] дуоттагI(а)чуьн]	[дуоттагIа]	[дуоттагIачун]
зуда — женщина	зудчу(а) зудчуь(н)	[зудан]	[зудачун]

Можно отметить и другие фонетические и грамматические обусловленные отклонения от приведенных выше правил: им. п. [джие:руо:] — «вдова», род. п. [джие:руо:чун], им. п. [тлем(а)луо:]||тлемелуо:] (Услар, 37) — «воин», род. п. [тлем(а)луо:чу(н)]||тлемелуочун] и т. д. Двусложные слова, оканчивающиеся в им. п. ед. ч. на [уо:] всегда имеют лабиализованный гласный в составе аффикса род. п. (джиеруо — джие:руочун).

После суффикса ч, употребляемого в косвенных падежах, в форме род. п. встречается лабиализованный гласный, независимо от корневого гласного. За словообразовательными аффиксами [луо:], [хуо:] всегда следуют лабиализованный гласный в форме род. п. Некоторые расхождения в применении закона гармонии гласных — диалектального происхождения. Они в большинстве случаев исторически обусловлены. Зафик-

¹ П. К. Услар. Указ. соч., стр. 38.

сированные Усларом в речи горных чеченцев формы *тлемалуо* — *тлемалуочун* отражают диалектальные особенности.

Исходная основа этого слова восходит к форме род. п. Это видно из следующих примеров:

совр. лит. яз.		по Услару	
им. п.	род. п.	им. п.	род. п.
[тлуом] — война	[тлема(н)]	[тлуом]	[тлемин]
[буолх] — работа	[белха(н)]	[буолх]	[белхин]

В литературном языке победила тенденция замены в таких словах суффиксального [u] кратким [a]. В записанном Усларом примере *тлемалуо* (*тлемилуо*) характеризуется период ослабления суффиксального [u] и его перехода в краткий [e]. Затем этот звук переходит в [a]. В связи с тем, что чеченский язык лишь в особых фонетически и грамматически обусловленных условиях допускал стечение согласных, редуцированный [a] в *тлемалуо*||*тлеме-луо*||*тлемилуо* не выпадал.

Поток новых заимствований, особенно из русского языка, привел к систематическому нарушению одной из наиболее важных закономерностей, а именно: закономерности, ограничивающей стечение согласных. Этим, очевидно, объясняется распространение указанного нарушения и на исконные слова *тлемилуо*, *тлемалуо*, *тлемалуо*, *тлемлуо*; *белхи-луо*, *белхелуо*, *белхилуо*, *белхлуо*.

Таким образом, всесторонний синхронный анализ фактов литературного языка и его диалектов и последующая характеристика их исторической трансформации приводит нас к раскрытию закономерностей исторического развития чеченского языка.

В ингушском языке родительный падеж выполняет те же функции, что и в чеченском. Правда, аффикс родительного падежа не имеет столько фонетических вариантов, сколько в чеченском.

Рассмотрим основные фонетические варианты аффикса род. п.:

а) Аффикс *ин* в полной форме вообще не употребляется, а его усеченный вариант (без *н*), т. е. [u] встречается лишь в некоторых именах существительных, оканчивающихся на *l* (т. е. арабск. *э*):

Ед. ч.	
им. п.	род. п. ¹
[воl] — сын	[веl-и]
[йоl] — дочь	[йеl-и]
[саг] — человек	[саги]
[говр] — лошадь	[говри]

Признак назализации [u] слабо выражен в приведенных примерах.

б) Долгий дифтонг [аь:(эа:)] выступает в качестве показателя родительного падежа без оттенка назализации в односложных словах типа открытого слога с гласным [a]||[ай]:

¹ З. К. Мальсагов. Ингушская грамматика, Владикавказ, 1925, стр. 30.

и м. п. [да:] — «отец», *лай* — «раб», *сай* — «олень», *тай* — «нитка», род. п. *даь* (чеч. *ден*, бацб. *де*), *лаь* (чеч. *лайн||лен||ле*), *саь* (чеч. *сен*), *таь* (чеч. *тен*).

в) Краткий (беглый) монофтонг заднего ряда среднего (иногда верхнего) подъема [и]¹ в родительном падеже получают имена существительные, оканчивающиеся в им. п. ед. ч. на [а], при этом смягчается корневой гласный. В полном стиле конечный *н* сохраняется, не выпадает в таких словах: им. п. *лаьтта* — «земля», *ма:ша* — «сукно», род. п. *лаьтта||лаьттан* (чеч. *лаьтта||лаьттан*), *маьша||маьшан*. Из этих примеров видно, что инг. аффикс [а] представляет собой усеченный вариант [ан], соответствующий чеченскому [ан]. К словам, оканчивающимся на [а] в родительном падеже ед. ч., относятся и следующие — корневые гласные некоторых из них подвергаются палатализации: им. п. ед. ч. *лоам* — «гора», *муотт* — «язык», *кулг* — «рука», *дуог* — «сердце», род. п. ед. ч. *лоам-а* (чеч. *ла:ман*), *метта* (чеч. *метта(н)*, *меттин*), *кулга* (чеч. *куь:га(н)*, *куь:гин*), *дега* (чеч. *дега(н)*, *дегин*). Эти примеры также не оставляют сомнения в том, что инг. [а], [ан], чеч. [а], [ан] восходят к [ин].

г) В качестве форманта род. п. может выступать и долгий монофтонг [а:]:

и м. п. ед. ч. *ворда* — «арба», *бохча* — «кошелек»; род. п. ед. ч. [ворда:], [бохча:]. Этому долготому [а] в чеченском соответствует аффикс *ан* (восходящий к *ин*): *вардан*, или *ин*: [машин].

д) Формант *н* получают в род. п. ед. ч. имена существительные, оканчивающиеся на *о*, *е*, *хе*, *ле*, *че*, *кхе*, *хье*, *ке*, *и*, *у*, *ов*; *сердало* — «свет», *ирло* — «острота», *кхетаче* — «собрание, сбор», *гаргало* — «родство», *хозне* — «богатство, имущество», *шело* — «холод», *цлоаг/ло* — «крепость», *нийссо* — «равенство», *велашке* — «предгорье», *мерзало* — «сладость», *че* — «желудок», *арахье* — «равнина», *бляьсти* — «весна», *урду* — «калым», *вору* — «бедро», *буру* — «бурав», *глув* — «колодец», *дув* — «клятва», *дов* — «вражда». Сюда же относятся некоторые односложные имена существительные типа открытого слога: *кий* — «шапка», *оа* — «ось», *цла* — «дом»² (с изменением конечного гласного *и*, *а* на *ен*, *у* на *он*). Например: *йозу* — «письмо», *гечу* — «брод», им. п. ед. ч. *сердало* — «свет», *кхетаче* — «собрание», *кий* — «шапка», *бляьсти* — «весна», *боамба* — «вата», *вору* — «бедро», *цла* — «дом», род. п. ед. ч. *сердало-н* (чеч. *серлуо-н*), *кхетаче-н*, (*кийнкуйн*, по Услару *куинин*), *йозо-н* (чеч. *йозан*), *гечо-н* (чеч. *гие:чуо-н*), *бляьстен*, *боамбен*, *ворон*, *цлен*.

Во всех этих примерах гласный элемент аффикса род. п. поглощается предшествующими гласными, в результате этого гласные подвергаются качественным изменениям (*йозу* — *йозон*, *урду* — *урдон*, *бляьсти* — *бляьстен*, *цла* — *цлен* и т. д.). В некоторых примерах чувствуется влияние корневого гласного на аффиксальный гласный (гармония гласных): *бляьсти* — *бляьстен* (а не *бляьстон*), *йозо* — *йозон* (а не *йозен*) и т. д.

е) В ингушском языке (как и в чеченском) имена существительные, оканчивающиеся в им. п. ед. ч. на *о*, *ло*, *ро*, *хо*, *е*, *а* и обозначающие профессию, национальность, состояние и т. д., в косвенных падежах перед падежными аффиксами принимают *ч(у)*³. К таким именам существительным относятся, например, [буолхлуо:] — «рабочий»; [нохчуо:] — «чеченец», [абузуо:] — «абхазец», [дугуруо:] — «дигорец», [хавхуо:] — «сторож», [дуоттаг] — «друг», [моастаг] — «враг», [кьуо:нах] — «мужчи-

¹ З. К. Мальсагов считал этот звук «средним между *а*, *э* и *ы*». Ингушская грамматика, стр. 7.

² З. К. Мальсагов. Указ. соч., стр. 34—35.

³ Там же, стр. 38.

на», [довхуо:] — «кровник»: В род. п. ед. ч. такие имена существительные также оканчиваются на *н*:

им. п. ед. ч.: [хавхуо:], [хъуо:нах], [хIуре:], род. п. ед. ч. [хавхуо:чу-н], [къуо:нахчу-н], [хIуре:чу-н].

ж) В ингушском языке так же, как в чеченском, наблюдается ослабление конечного *н* в составе аффикса род. п. в именах существительных, оканчивающихся в им. п. ед. ч. на *у, ув, о, и*: им. п. ед. ч. *исхари* — «сукно», *бечо* — «засов», *мечи* — «обувь», род. п. ед. ч. *исхале, бечо, мечи* (здесь, как и в чеченском, сохраняется едва уловимый оттенок наализации конечных гласных).

Как видно из изложенного, в ингушском также наблюдается регулярное поглощение гласного элемента [и] аффикса род. п. [ин] конечными гласными основ, к которым присоединяется аффикс род. п. В результате происходит изменение качества конечного гласного. В дальнейшем ослабляется *н* и превращается в носовой признак основы род. п. В некоторых случаях и носовой оттенок исчезает. В результате нередко им. п. и род. п. ед. ч. оканчиваются на один и тот же гласный звук (например, [мавша] с палатализацией корневого гласного).

з) Выпадение конечного *н* в окончаниях род. п. нередко способствует превращению предшествующего сонанту *н* гласного в долгий звук, т. е. возникает прерывистая долгота конечного гласного [ворда:], [лавтга:], [дав:]. Обычно в нахских языках стечение гласных является одним из условий, вызывающих возникновение долготы гласных. При этом происходит полное или частичное уподобление одного звука другому: [да:] + ин = [дав:]; лавтта + ин = [лавтта:]; (гIалие: им. п. гIали), (гIали:), бурув + ин = [буруо:] и т. д.

В итоге анализа данных ингушского языка удается установить, что и в нем исходным формативом родит. п. является [ин], а все остальные аффиксом этого падежа представляют собой в конечном счете фонетические варианты [ин].

Бацбийский язык дает более простую картину вариации аффикса род. п. В нем форма род. п. выполняет те же функции, что и в чеченском и ингушском:

а) форматив род. п. [ин] в полной форме встречается лишь в окаменелом виде в отдельных словах: *дак-ин-да* — «хорошо», дословно — «хороший есть» (ср. чеченск. *джин-ду, дук-ду* в том же значении), *цхъа-ин* — «одного»;

б) что аффикс род. п. [ин] дал в бацбийском носовой гласный [и̃], ясно видно из этих примеров: им. п. ед. ч. *вашо* — «брат», *йашо* — «сестра», *йохь* — «дочь», *пстIу* — «бык», род. п. ед. ч. *ваша-и, йаша-и, йахь-и* (*и йахь-о*), *пстIар-и̃*;

в) образование назализованных гласных *а, е, у, о* в качестве формативов род. п. также является результатом поглощения конечного *н* предшествующим гласным: им. п. ед. ч. *бадер* — «ребенок», [га:за] — «коза», *пстIуин* — «жена, женщина», *вугIрикI* — «крикун», род. п. ед. ч. *бадр-е̃, газн-е̃, вугIрикI-е̃, пстIуинч-о̃*.

Чаще всего в форме родительного падежа употребляется определение при определяемом: *IарчI-й* — «черный», *тхал-о* — «сегодняшний», *ваккхо стIакI* — «старый (дословно — большой) человек» и т. д.;

г) образование формы родительного падежа может сопровождаться вставкой внутрь корня аффиксального [и]: *набудур* (им. п.) — «войлок», *наибдр-е* (род. п.).

В бацбийском языке палатальный тип вторичного чередования, возникший под влиянием аффикса родительного падежа, не получил широ-

кого распространения. Палатализация корневого гласного почти не встречается. Наблюдается лишь вставка аффиксального гласного внутрь корня: *нана* — *наин*, *набдур* — *наибдре* и т. д.

Все эти факты также свидетельствуют о том, что и в бацбийском исходным аффиксом род. п. является [ин].

Подводя итоги характеристики фонетических вариантов аффикса род. п., следует еще раз отметить, что гармонией гласных и аналогией обусловлены фонетические варианты аффикса род. п. в чеченском — *он*, *ен*, *иан*, *ун*, *уон*, *ан*; в ингушском — *ен*, *он*, *ун*; в бацбийском — *ē*, *ā*, *ū*, *ō* и др. Конечный *н* ослабевает и исчезает в чеченском и ингушском в большинстве случаев. От этого *н* остается лишь едва уловимая назализация. В старой чеченской орфографии для обозначения этой назализации было принято в конце соответствующих форм писать *н*: *доккхан* || *доккхун*. Почти неуловимый характер этой назализации и ее полное исчезновение во многих случаях вызвали необходимость пересмотра этого правила. В настоящее время сонант *н*, обозначающий назализацию гласного род. п., пишется только в односложных словах: чеч. *цла* — «дом», род. п. [цли:н] (*цла+ин*).

В бацбийском ослабление конечного *н* в составе аффикса род. п. сопровождалось образованием носовых гласных (*и*, *е*, *о*, *у*, *ун*). Таким образом, ослабление *н* в окончании род. п. явилось одним из путей образования носовых гласных в бацбийском языке. Из всех рассмотренных фонетических вариантов аффикса род. п. основным и древнейшим является *ин*. Это подтверждается следующими фактами:

1) Палатальный тип вторичного чередования возник путем вставки внутрь корня [и], являющегося гласным элементом аффикса род. п.: *буолх* (им. п.) — «работа», *белхин* (род. п.), *дуог* (им. п.) — «сердце», *дегин* (род. п.), *буц* (им. п.) — «трава», *бецин* || *бецан* (род. п.).

2) Односложные слова типа открытого слога, и двусложные слова исконного происхождения сохранили до сих пор следы присоединения [ин] к их основам: *цла* (им. п.) — «дом», [цли:н || цли:нин] (род. п.), [цли:] (им. п.) — «кровь», [цлие:н] (род. п.), [цла:ра] (им. п.), [цле:рин] (род. п.) — «рыба» и т. д.

В современных нахских языках обнаруживаются факты с окаменелым формантом *ин*: чеченск. *дики да* || *дикда* — букв. «хороший есть, т. е. хорошо» (форма предикативного наречия); бацб. *дакин да* — «хороший есть, хорошо» (форма предикативного наречия) и т. д.

4) Палатальный тип первичного (древнего) чередования также был обусловлен аффиксом род. п. [ин]: в чеч. *куорта* (им. п.) — «голова», *куобртин* (род. п.), *кла* (им. п.) — «пшеница», *клен* (род. п.), *ча* (им. п.) — «солома», [че:н] (род. п.). Рассматриваемый закон вторичного чередования распространился и на ранние заимствования: *луом* (им. п.) — «лев», [луоб:мин] (род. п.), *туон* (им. п.) — «ружье», *туоб:пин* (род. п.)¹. В современном литературном языке эти слова в род. п. имеют формы: [луоб:ма(н)], [туоб:па(н)].

Из этих фактов следует, что образование основы косвенных падежей с палатализацией корневого гласного обязано своим происхождением аффиксу род. п. [ин]: *хьун* (им. п.) — «лес», *хьунин*, *хьуьни(н)*, [хьини(н)], [хьуьна(н)] (род. п.), *бун* (им. п.) — «балаган», *буи-н-ин*, *буьни(н)*, *буьна*.

Наконец, данные дагестанских языков свидетельствуют, что формант род. п. [ин] восходит к тому общему языку-основе, из которого произошли общенахский и языки-основы отдельных групп дагестанских языков.

¹ П. К. Услар. Указ. соч., стр. 35.

Все это вместе взятое и дает основание признать исходным аффиксом род. п. в нахских языках [ин].

Мы остановились так подробно на характеристике именительного и родительного падежей потому именно, что образование важнейших именных основ прямого и косвенных падежей, возникновение основных типов исторических чередований гласных связаны с формами именительного и родительного падежей, с аффиксом родительного падежа [ин].

Сравнительно-исторический анализ остальных падежных форм нами будет дан в кратком изложении.

Эргативный падеж

Эргативный падеж в нахских языках получил разные наименования: творительный (А. А. Шифнер, П. К. Услар, З. К. Мальсагов и др.), активный (Н. Ф. Яковлев).

В ингушском и чеченском языках в форме эргативного падежа ставится подлежащее переходного предложения. В какой-либо другой функции, в функции других членов предложения эргативный падеж в них не выступает:

чеч. [Хьа:мида(с(а))] (им. п. Хьамид) *Іаж боу* — «Хамид яблоко ест»; *говр-уо хи молу* — «лошадь воду пьет»;

инг. [юрт-уо:] (им. п. юрт) *лаьтта аьхад* — «селение землю запахало»; *хозача дешуо лоам бошабаьб* — «красивое слово гору растопило»; *на-наз, даз, аз дулх даац* — «мать, отец, я мяса не кушаем»; *саьнва дулх даац* — «колень мяса не ест».

В бацбийском языке также эргативный падеж служит формой выражения подлежащего в переходном предложении. *Сандрос* (им. п. *Сандро*) *хи малгир* — «Сандро воду выпил», *укх стІаков||стІаколс* (им. п. *стІакІ*) *тІатєб далги сон* — «этот человек деньги дал мне», *муша бригадев||бригадєс* (им. п. *бригад||бригада*) *тІрактІор тагийєр* — «рабочая бригада отремонтировала трактор». В этом основное назначение эргативного падежа в бацбийском языке. Кроме того, он выполняет еще две функции: а) если сказуемое в непереходном предложении выражено глаголом, обозначающим движение, активное действие субъекта, то подлежащее, обозначенное 1-м и 2-м л. ед. и мн. ч., ставится в эргативном падеже: *ас вуитІас* — «я иду», *атхо лабцІ(а)* — «мы играем»; б) форма эргативного падежа выступает и в функции творительного падежа и орудного падежа: *ас цІєраддос цІєрил кІарандаше-в* — «я пишу письма карандашом», *вашо вагло шер йаше-в* — «брат идет с сестрой».

Как явствует из приведенных примеров, аффиксами эргативного падежа служат в чеченском: *аса, ас, са, с, а, [уо:], [ує:]*, в ингушском: *з[а], ва (wa), [ує:], [уо:]*; в бацбийском: *(а)с, в(w)*¹.

В основе фонетических вариантов *са, с, з, [а:]* лежит согласный элемент *с* (в ингушском *з* — результат озвончения *с*). Соединительный гласный, который появляется между именной основой, оканчивающейся на согласный звук, и аффиксом эргативного падежа зависит от фонетического состава именной основы и фонетических законов сочетания звуков, действующих в данном языке: ср. чеч. *Иванас* (им. п. *Иван*)||*Иванаса*, бацб. *стІаколс* (им. п. *стІакІ*) — «человек», *бригадєс* (им. п. *бригад||бригада*). Однако в большинстве случаев в качестве соединительного гласного выступает [а].

¹ Р. Р. Гагуа. Эргатив и инструменталис в бацбийском языке (сб. «Иберийско-кавказское языковедение», т. II, Тбилиси, 1948, стр. 90), Ю. Д. Дешериев. Бацбийский язык, М., 1953.

Если именная основа оканчивается на согласный звук, то аффикс *c* присоединяется к основе без соединительного гласного: чеч. *правительствос* (им. п. *правительство*), инг. *даз* (им. п. *да*) — «отец», бацб. *Аниклос* (им. п. *Аникло*) — «Анико» (имя) и т. д.

Формант [a], присоединяемый к именной основе, оканчивающейся на согласный, представляет собой гласный, выступающий в функции усеченной формы эргативного падежа: чеч. *вол-а* (им. п. *вал*) — «сын», *йол-а* (им. п. *йол*) — «дочь||девушка», *Хьамидаса*, *Хьамидас*, *Хьамида*. В бацбийском языке формант [a] не употребляется.

Чеченский, ингушский формант [yo:] не только соответствует бацбийскому [w], но и восходит к нему, а утрата билабиальным звуком [w] признаков сонанта способствовала его превращению в элемент дифтонга. В результате закрытый слог стал открытым. В чеченском и ингушском при переходе закрытого слога в открытый краткие гласные нередко удлиняются, т. е. становятся долгими, особенно в конечном положении, в качестве падежных окончаний: бацб. [goɣ], чеч. [yo:] — «круг», бацб. [ɣub], чеч. [y:] — «возвышенность», бацб. [yub], чеч. [y:] — «шило». Вследствие всего этого в чеченском и ингушском форматив [w] дал долгий дифтонг [yo:]. Этот процесс легко выявить путем рассмотрения склонения слов исконного происхождения, сохраняющих в косвенных падежах древний тип именных основ:

чеч.		инг.		бацб.	
им. п.	эрг. п.	им. п.	эрг. п.	им. п.	эрг. п.
[сту] — бык	[старуо:]			<i>пстлу</i>	<i>пстлар-а-в</i>
[йуол] — дочь	[йуолуо:]			<i>йохь</i>	<i>йахьо-в</i>
[дуог] — сердце	[дагуо:]			<i>докл</i>	<i>дакл-в</i>
[некѧ] — путь	[не:кѧуо:]			<i>некѧ</i>	<i>накѧ-в</i>
[цлue] — имя	[цлер-уо:]			<i>цле</i>	<i>цлар-в</i>

В односложных словах, которые неправильно склоняются, встречаются окончания эргативного падежа. В чеченском: [e:], [ue:], [ay], инг. [ue:], совпадающие с показателями направительного первого. В бацбийском этим форматам соответствует *в* или *с*.

Многие односложные типы открытого слога первоначально имели в конце согласный звук *в*. В косвенных падежах он превращался в элемент дифтонга, сливаясь с предшествующим гласным. В некоторых случаях между гласным и падежным формантом появлялся согласный звук *н* (ср. чеч. *цла* — «дом», эрг. [цли:н-уо:], бацб. *джа* — «баранта, стадо овец», эрг. *джан-е-в*). Такие слова дали целый ряд фонетических вариантов. В чеченском закрепились одни, в ингушском — другие, в бацбийском — третьи (чеч. им. п. *кла* — «пшеница», эрг. п. [клие:], инг. им. п. *кла*, эрг. п. [клив-уо:]). Но все эти варианты являются результатом поглощения аффикса эргативного падежа, сонанта *в* предшествующими ему гласными. Следовательно, форманты [(a)u], [e:], [ue:] — вторичного происхождения и восходят к *в*.

Таким образом, исходными форматами эргативного падежа, на-

личествовавшими в общенахском языке-основе, являются $c(a)$ и $v[w]$. При присоединении $c(a)$ к именной основе, оканчивающейся на согласный, появлялся соединительный гласный. Сохраняющийся до сих пор в некоторых случаях гласный элемент $[a]$, несмотря на господствующую в нахских языках тенденцию редукции конечных гласных до полного их выпадения, вероятно, первоначально входил в состав этого аффикса.

Аффикс эргативного падежа $c(a)$ в чеченоском, ингушском и в большинстве случаев в бацбийском употребляется при склонении собственных имен людей, а также таких имен существительных, обозначающих членов общества, как отец, мать, брат, сестра и некоторых других. Наблюдаемые отклонения от этого правила — более позднего происхождения (например, в чеч. *партис, правительство-с* и др.). Таких отклонений в бацбийском значительно больше. В бацбийском этот аффикс может быть присоединен и к именам существительным, обозначающим явления природы, неодушевленные и неразумные существа (*Алзнес тата йо* — «Алазань шум делает»). Аффикс $c(a)$ ни в одном из нахских языков не употребляется во мн. ч. Это свидетельствует также и о том, что ныне действующая система распределения имен существительных во мн. ч. по грамматическим классам не была характерна для древнего состояния общенахского языка.

Форматив v служит главным образом для образования эргативного падежа от имен существительных, обозначающих неразумные существа и все неодушевленные предметы. Как показывают факты, распространение аффикса на имена разумных существ — вторичное явление (бацб. *йахьос||йахьо-в* — «дочь», *стIаклов||стIаклос* — «человек», чеч. *студент-уо*, бацб. *стIудентIив* — «студент» и т. д.). В настоящее время эта тенденция получила очень широкое распространение во всех нахских языках.

Все имена существительные, образованные при помощи показателей *хуо, луо*, обозначающие разумные существа, а также новые заимствования типа *студент, колхозник, бригадир, летчик* и т. д., получают в эрг. п. форматив *уо* (в чеч. и инг.) и *в* (в бацб.).

Таким образом, в системе нахского именного формообразования (в образовании эргативного падежа) так же, как в системе спряжения (посредством показателей грамматических классов), семантическое противопоставление человека, т. е. разумных существ мужского и женского пола, всему остальному миру выражалось посредством аффиксов эргативного падежа $c(a)$ и $v(w)$. Формант $c(a)$ служил показателем эргативного падежа, образованного от имен, обозначающих разумные существа. Аффикс v употреблялся при образовании эргативного падежа от всех остальных имен. Охарактеризованные особенности эргативного падежа относятся к числу архаичных, древнейших черт их грамматического строя.

Эргативный падеж относится к числу древнейших падежей в нахских языках. Об этом свидетельствуют многочисленные факты. Укажем лишь на два наиболее важные из них, на наш взгляд.

Во-первых, древнейший тип именных основ во многих случаях сохранился в формах эргативного падежа во всех нахских языках. По данным эргативного падежа (а также дательного), мы восстанавливаем первичную именную основу древнейшего происхождения, подвергшуюся существенным изменениям в других падежах; во-вторых, эргативный падеж занимает особое место в системе формообразования (склонения), отражая древние черты образования падежных форм в значительно большей степени, чем формы остальных падежей.

Дательный падеж

Форма дательного падежа выражает: а) дательное дополнение:

чеч. *дас шен клантана* (им. п. *клант*) *книга иецна* — «отец своему сыну книгу купил»; *заводо белхалочун-на* (от основы род. п. ед. ч. *белхалочу(в)н*) *квартира йелла*) — «завод дал рабочему квартиру»; и н г. *Аз вешина совглат деннаб* — «я брату подарок дал»;

б) логически субъект в переходном предложении, в котором сказуемое выражено глаголом «*verba sentiendi*»:

чеч. *нан-на* (им. п. *нана*) *шен йол йецза* — «мать любит свою дочь» (дословно — «матери любит ее дочь»);

и н г. *ларгишта тата хоз* — «уши слышат шум» (дословно — «ушам слышен шум»); *сага [сага:] ахча еш* — «человек нуждается в деньгах» (дословно — «человеку деньги нужны»).

Аффиксом дательного падежа служит: в чеченском *ана*, если именная основа в дат. п. оканчивается на согласный (*стагана* — «человеку», *клантана* — «парню»); *на*, если именная основа в дат. п. оканчивается на гласный или *н* (*газа-на* — «козе», *нан-на* — «матери», *де-на* — «отцу»); в ингушском *на*, если именная основа дат. п. оканчивается на долгий гласный или *н* (*даб-на* — «отцу», *лаб-на* — «рабу», *лабтан-на* — «земле», *хаьхочун-на* — «сторожу»), [*a:*], если именная основа в дат. п. оканчивается на краткий гласный *a* (*маьша+на*=[*маьша:*] — «сукну», *биеша+на*=[*бие:ша:*] — «саду», *на, ана*, если именная основа в дат. п. оканчивается на согласный (*диегI+ана*=[*дие:гIa:*], *сага+на*=[*сага:*]), если именная основа оканчивается на *ш* (*хаьбраш+на*=*хаьбрашта* — «мельницам», *ариенаш+на*=*ариенашта* — «полям»); в бацб. н (*пстIуинчо-н* — «женщине», *газне-н* — «козе»).

В чеченском языке в составе *ана* начальный [*a*] появляется в тех случаях, когда именная основа в дат. п. оканчивается на согласный звук, иначе говоря, появление этого звука фонетически обусловлено. Формант же *на* не зависит в чеченских примерах от комбинаторных условий. Следовательно, по данным чеченского языка, правомерно признать *на* исходным аффиксом дательного падежа.

В ингушском языке долгая фонема [*a:*] в качестве форматива дательного падежа образовалась в результате выпадения *н* между двумя гласными и стяжения последних (*сага+на*=[*сага:*], *диегIа+на*=[*дие:гIa:*]). Ингушский форматив дательного падежа *та* возник вследствие частичной прогрессивной ассимиляции, т. е. перехода *на* в *т* (*ариенаш+на*=*ариенашта*, *хаьхош+на*=*хаьхошта* — «сторожам»).

В бацбийском языке конечный [*a*] в составе этого аффикса выпадает в соответствии с действующей в нем закономерностью выпадения конечных кратких гласных (груз. *джам* в бацб. *джам* — «итог», груз. *окро* в бацб. *окр* — «золото», груз. *цели* в бацб. *цел* — «коса» (орудие), груз. *моцIм* — «свидетель» и т. д.).

Из всех рассмотренных выше вариантов аффикса дательного падежа общенахским, восходящим к языку-основе является *на*. И в общенахском языке дательный падеж служил формой выражения дательного дополнения и логического субъекта в переходном предложении, в котором сказуемое обозначено глаголом «чувственного восприятия». Указанный аффикс является основным показателем дат. п. в чеченском и бацбийском, в которых он дал лишь два фонетических варианта: *ана* (в чеч.) и *н* (в бацб.). В ингушском он подвергся значительному фонетическому видоизменению: (*a*)*на*, [*a:*], [*та*].

Значение и употребление дат. п. в чеченском и ингушском отражают общенахское состояние. В бацбийском языке функция дательного

падежа расширилась. В этом языке данный падеж употребляется и в функции орудного падежа.

Остальные падежи рассмотрим в кратком изложении.

Творительный падеж (кобчалниг)

Творительный падеж¹ (комитатив)², орудносоюзный³, союзный⁴ в литературе на чеченском языке называют *кобчалниг*⁵, что дословно означает инструментальный, орудный.

Аффиксом творительного падежа служит в чеченском *ца* (им. п. *кла* — «пшеница», род. п. *клен*, твор. п. *кле-ца*; им. п. *зуда* — «женщина», род. п. *зудч-у-н*, твор. п. *зуд-ч-уь-н-ца*; им. п. *ваша* — «брат», род. п. *вешин*(н), твор. п. *вешница*; им. п. *хьайба* — «животное», род. п. *хьайба-н-ан*, твор. п. *хьайба-н-ца*; им. п. *отчет* — «отчет», род. п. *отчета-н*, твор. п. *отчета-ца*; им. п. *бутт* — «луна», род. п. *беттан*||*беттин*, твор. п. *баттаца*; им. п. *дуог* — «сердце», род. п. *дега(н)*||*дегин*, твор. п. *дагаца*⁶), в ингушском *на ца* (*дуош* — «слово», *деша*, *деш-а-ца*; *кхуор* — «груша», *кхуора*, *кхуораца*; *диг* — «топор», *догара*, *догарца*; *бутт* — «луна», *бетта*, *беттаца*; *нана* — «мать», *навна*, *навнаца*; *са* — «душа», *син*, *сица*; *Ia* — «зима», *Iан*, *Iа-ца*), в бацбийском *ци*, присоединяемый чаще всего к наиболее употребительной основе косвенных падежей (*нан* — «мать», *нане*, *нан-ци*; *пхьу*, *пхьуи*, *пхьар-ци*; *йохь* — «дочь», *йахь*||*иахь*, *иахь-ци*; *вашо*, *вашаи*, *вашаи-ци*; *пстлуин* — «женщина», *пстлуинчо*, *пстлуинч-ци*).

Творительный падеж в современных чеч., инг., бацб. образуется чаще всего от основы род. п. или им. п. ед. ч.

При склонении односложных и двусложных имен существительных исконного происхождения, как показывает историческая характеристика данных чеч., инг., бацб., творительный падеж, как и дат., сохраняет первоначальную основу с корневым гласным, а чаще всего в чеченском (*даг-ца*, *дагарца*) и бацбийском (*дакI-ци*). В ингушском процесс унификации именных основ привел во многих случаях к замене именных основ, в которых сохраняется исконный корневой гласный [а], вновь образовавшимися основами род. п. или им. п. с переогласовкой корневого гласного (*беттаца*, *баттаца*, *догарца*, *дагарца*).

Если основа твор. п. оканчивается на согласный, то перед аффиксом *ца* в чеченском и нередко в ингушском появляется краткий гласный [а:] чеч. *отчет-а-ца*, *говраца*||*говрца* — «с лошастью».

В чеченском и ингушском языках форма твор. п. употребляется в двух значениях: а) для обозначения совместности: чеч. *да шен клант-а-ца Москох вобду* — «отец вместе со своим сыном едет в Москву»; *сан йоI цуьна(н) йобI-ца доьшуш йу* — «моя дочь учится вместе с ее дочерью»; инг. *нах-а-ца кьамаьл дар* — «говорить с народом», *бераш-ца ловзар*, *дешар* — «с детьми играть, учиться»⁷, *воI даь-ца вах* — «сын с отцом живет»;

¹ «Синтаксис чеченского литературного языка», М.—Л., 1940.

² А. А. Шифнер. Указ. соч., стр. 29.

³ П. К. Услар. Указ. соч., стр. 24.

⁴ З. К. Мальсагов. Указ. соч., стр. 32.

⁵ Х. Т. Гугиев, М. Д. Чентиева и А. Х. Хумпаров. Нохчийн меттан грамматика, Грозный, 1940, стр. 46.

⁶ Для краткости изложения в дальнейшем при характеристике падежей мы не будем приводить названия им. п., род. п. и тв. п., а ограничимся формами падежей, которые будут представлены в следующем порядке: *дуог* — «сердце», *дега(н)*||*дегин*, *дагаца* (т. е. сначала дается форма им. п. ед. ч., затем род. п. и, наконец, форма исследуемого падежа).

⁷ З. К. Мальсагов. Указ. соч., стр. 32.

б) для выражения орудного дополнения:
чеч. *колхознико трактор-ца латт оху* — «колхозник трактором пашет землю»; *ас(А) кьолам-ца язбо* — «я карандашом пишу»;
и инг. *догар-ца тийдад* — «топором порубил»¹, *колхозо трактор-ца оах* — «колхоз трактором пашет».

В бацбийском языке этот падеж употребляется только в значении русского твор. п. с предлогом *с*: *дад-е-ци вуитас Москлови* — «с отцом еду я в Москву», *термометр дилл цомл-е-ци* — «термометр кладу (вместе) с лекарством».

Если основа твор. п. оканчивалась на гласный звук, то последний часто подвергался качественному и количественному изменению или же выпадал в чеченском (*книжка* — «книжка», *книжкин*, [*книжки:ца*], *диг* — «топор», *дагара(н)*, *дагар-ца*), в инг. (*нух* — «плуг», *нохара*, *нохарца*, *кай* — «знахарь, знахарка», [*каб:*], [*ка:ца*]). В бацбийском конечный гласный основы твор. п. иногда выпадал (*пстлуин*, *пстлуинчо*, *пстлуинч-ци*).

В чеченском, наряду с *ца*, засвидетельствован его вариант *цин* (*ас дуо куигицин* — «я делала рукой», *йиша вешицин* — «сестра с братом»²). Назализация конечного [*и*] здесь произошла по аналогии с назализацией конечного гласного в род. п. Это — вторичное явление, обусловленное наращением *н*, отсутствовавшего в конце этого аффикса в общенахском языке. Сказанное подтверждается бацбийским, в котором нет назализации [*и*] в составе рассматриваемого аффикса. Показание бацбийского языка по вопросу о качестве [*и*] в языке-основе имеет решающее значение, поскольку бацбийский почти не знает исключения из правила перехода конечного *н* в носовой признак предшествующего гласного.

Из этого следует, что в чеченском аффикс твор. п. *ци* подвергся наращению *н*, впоследствии превратившегося в носовой признак гласного. Мы видели выше, что в чеченском и нередко в ингушском показатель род. п. *ин* дает *ан*, *а*, т. е. выпадение *н* и ослабление *и* в конечном положении обуславливают переход *и* в *а*. В истории развития чеченского и ингушского языков мы наблюдаем аналогичный процесс перехода *и* в *а* в составе аффикса *т* твор. п. Стало быть, современный чечено-ингушский аффикс *ца* восходит к *ци*. Бацбийский язык, таким образом, и в данном случае отражает общенахское состояние. Следовательно, в общенахском языке творительный падеж имел аффикс *-ци*.

Употребление твор. п. в значении орудного дополнения в чеченском и ингушском — вторичное явление. Точно так же вторичным является использование формы эрг. п. в бацбийском для обозначения орудного дополнения. Во-первых, в нахских языках орудное дополнение почти не употребляется в переходном предложении без подлежащего в эргативном падеже, и, во-вторых, выражение функции орудного дополнения в чеч. и инг. при помощи твор. п., а в бацб. через форму эрг. п. показывает, что общенахский язык не различал и не противопоставлял значений собственно творительного падежа (совместности) и орудного дополнения. Различение их и выражение орудного дополнения формами разных падежей — позднейшее явление, возникшее, по всей вероятности, под влиянием русского языка (в чеченском и ингушском), русского и грузинского (в бацбийском). В общенахском языке рассматриваемые значения мыслились и выражались как одно значение совместности.

¹ З. К. Мальсагов. Указ. соч., стр. 32.

² П. К. Услар. Указ. соч., стр. 19.

Вещественный падеж

Вещественный¹ падеж (проницающий², иллятив³, инессив первый⁴) в литературе на чеченском языке называют *хотталург*. Ни одно из этих наименований нельзя признать вполне удачным, точно выражающим основное значение этого падежа. Используемое нами здесь наименование вещественный падеж относится к числу неудачных терминов. Тем не менее, приходится пользоваться этим термином, поскольку он узаконен и широко употребляется в литературе по чеченскому и ингушскому языкам.

Вещественный падеж во всех нахских языках употребляется в трех основных значениях: 1) в пространственном значении; 2) в выделительном значении; 3) в этом падеже ставится любой предмет, о котором идет речь. В данном значении он соответствует русскому предложному падежу (с предлогами «о», «обо»), употребляемому в непространственном значении. В этом случае вещественный падеж выступает в самом абстрактном и универсальном значении.

Эти три основных значения выражаются тремя вариантами аффикса. Поскольку (по нашему мнению) падеж представляет собой самостоятельную форму имени, занимающую соответствующее место в системе склонения, выражая особое значение посредством специального аффикса, мы вправе были бы выделить здесь три падежа (в синхронном плане). Но дело в том, что употребление падежной формы в первом и во втором значении ограничено определенной семантически выделяемой группой имен. Кроме того, в чеченском и ингушском различия между падежными формами для выражения первого и второго значения почти стерлись. Вместе с тем следует учесть, что падежная форма и выражаемое ею третье основное значение восходят к первым двум. Поэтому удобнее будет дать анализ исторических взаимоотношений этих форм, рассматривая их вместе.

Для выражения первого значения употребляется аффикс *(a)xa*, *(a)xi*, присоединяемый к именным основам, соответствующим именным основам твор. п. Формативы *(a)gl*, *(a)gla* представляют собой фонетические варианты *(a)x* и *(a)xa*. В чеченском, ингушском и бацбийском *x* может переходить в *gl*: *vaха* — «идти», но в чеч. *voɣly*, инг. *voaɣl*, бацб. *vaɣlo* — «идет» и т. д.

В чеченском и ингушском языках редко употребляются первый и второй варианты веществ. п. в пространственном и выделительном значении. Их постепенно замещает третий вариант. Это приводит к отмиранию и первых двух вариантов аффикса вещественного падежа.

Таким образом, наблюдается тенденция замены первых двух вариантов третьим вариантом, который становится выразителем всех оттенков значений вещественного падежа.

В чеченском отмечен П. К. Усларом форматив *хин*, являющийся фонетическим вариантом *ха* (*дехин* — «от отца», *амалхин*||*амалхин* — «от права») ⁵. Назализация конечного гласного в этих примерах — вторичное явление, обусловленное наращением *n*, по аналогии с назализацией конечного гласного в родительном падеже (наличествующий в со-

¹ Н. Ф. Яковлев. Синтаксис чеченского литературного языка.

² П. К. Услар. Указ. соч., стр. 21 (первая нация).

³ А. А. Шифнер. Указ. соч., стр. 21 (приложение 1-е).

⁴ Ю. Д. Дешериев. Бацбийский язык, стр. 64.

⁵ П. К. Услар. Указ. соч., стр. 17, 28.

ставе аффикса этого падежа *н* является исконным, а не наращением). Как показывают данные бацбийского, ингушского и некоторых диалектов чеченского (например, аккинского, терского), в общенахском языке *н* в составе аффикса вещественного падежа отсутствовал. В бацбийском гласный [и] в составе аффикса *хи* не подвергается назализации. Поскольку бацбийский язык почти не знает исключения из правила перехода конечного *н* в носовой признак предшествующего гласного, данные этого языка имеют особое значение для выяснения звукового состава аффикса *веществ. п.* в общенахском языке.

Как явствует из сказанного, в чеченском языке аффикс *веществ. п.* *хи* осложнился наращением *н*, впоследствии превратившегося в носовой признак гласного. Как мы знаем, в чеченском, а иногда и в ингушском формант род. п. *ин* дает *а*, т. е. выпадение *н* и ослабление [и] в конечном положении вызывает переход [и] в краткий [а]. Мы наблюдаем аналогичный процесс перехода *и* в *а* в составе аффикса *веществ. п.* Из этого вытекает, что современный чечено-ингушский *ха* восходит к аффиксу *хи*, сохранившемуся в бацбийском языке, отражая общенахское состояние. Таким образом, в общенахском языке аффикс *веществ. п.* был представлен сочетанием согласного *х* с гласным *и*: *хи*.

За его фонетическими вариантами (*(а)х*, (*а*)*г*л, (*а*)*г*ла, возникшими еще в период существования общенахского языка, закрепились охарактеризованные выше различные оттенки значения. При этом фонетический вариант (*а*)*х* стал выражать наиболее абстрактное и универсальное падежное значение, тогда как *хи*, (*а*)*г*л, (*а*)*г*ла стали выразителями более частных грамматических значений, обусловленных содержанием определенных по семантическому признаку объединяемых в известные группы слов.

Местный падеж

Местный падеж¹ (обращающий², аллятив³, направляющий⁴, направительный первый⁵) в литературе на чеченском и ингушском языках называют *меттигниг*.

Местный падеж, отвечая на вопросы «к кому?», «к чему?», «у кого?», «у чего?» (чеч. *хьабнга?*, *стенга?*, инг. *хьанга?*, *стенга?*), во всех нахских языках показывает направление действия, движения к кому-нибудь. В этом падеже и ставится наименование предмета, на которое направлено действие, движение. Именная основа в этом падеже чаще всего соответствует именной основе в род., эрг., дат., твор. и *веществ. падежах*.

Аффиксы местного падежа в чеченском *га* (*де-га*||*де-ге*||*де*—«к отцу», *зудичуьн-га*—«к женщине», *хлричуьн-га*—«к осетину», *гле*—«к листу»); [е:] (*ле*—«к рабу», *гле*—«к мосту», *ге*—«к животу»); [ие:] (*хлурд-ие*—«к морю», *хьение*—«к мозгу», *буьние*—«к балагану», *марие*—«к мужу»); в ингушском *га* (*йола-га*—«к девушке», *говрага*—«к лошади», *лаь-га*—«к рабу», *бллена-га*—«к гнезду», *ковна-го*—«к воротам»); фонетические варианты этого аффикса [ие:], [а], [а:] употребляются редко в формах, употребляемых параллельно с формами, оканчивающимися на *га*. Это можно подтвердить следующими приме-

¹ Н. Ф. Яковлев. Синтаксис чеченского лит. языка. М.—Л., 1940.

² П. К. Услар. Чеченский язык, стр. 25.

³ А. А. Шифнер. Указ. соч., стр. 22.

⁴ З. К. Мальсагов. Указ. соч., стр. 32.

⁵ Ю. Д. Дешериев. Бацбийский язык, стр. 64.

рами на [ue:]; (*довга||довние* — «ссоре, драке», *городига||городие* — «к городу»); [a]. (*цIенга||цIа* — «к дому», *хьабрага||хьабра* — «к мельнице», *куога||куо-га* — «к ноге», *говр-ага||говр-а* — «к лошади»), [a:] (*ворд-а-га||ворд-а:* — «к арбе»); в бацбийском *го||(е)-го* — «к отцу», *бадр-е-го* — «к ребенку», *газн-е-го* — «к козе». Таким образом, в бацбийском языке аффикс основного местного падежа почти не дает такого количества фонетических вариантов, как в чеченском.

В чеченском аффиксы [e:] и [ue:] восходят к *га*. Как мы видели выше, в чеченском при выпадении согласного, находящегося в интервокальном положении, происходит стяжение гласных и образуется долгий гласный. Так образовались аффиксы [e:] и [ue:] (в результате выпадения *г*). Это находит подтверждение, во-первых, в самом чеченском языке (ср. параллельно употребляемые формы *дега||деге||де* — «к отцу» и др.), во-вторых, в фактах, бытующих в ингушском (чеченским аффиксам *e*, *ue* в ингушском соответствует аффикс *га*: чеч. *ле*, инг. *лаь-га* — «к рабу», чеч. *тIе*, инг. *тIаьга* — «к мосту», чеч. *диние*, инг. *денга* — «к дню», чеч. *Iаьние*, инг. *Iан-га* — «к зиме»), в ингушском и бацбийском (чеч. *нение*, инг. *наьна-га*, бацб. *нан(е)го* — «к матери»; чеч. *дадие||дадиега*, инг. *даьга*, бацб. *дад(е)-го* — «к отцу»).

Что в ингушском языке фонетические варианты аффикса основного местного падежа [ue:], [a], [a:] восходят к *га*, подтверждают данные самого ингушского языка (ср. параллельные варианты *дъвна-га||довние* — «к драке», *городига||городие* — «к городу», *ворда-га||ворда:* — «к арбе», *биеша-га||биеша* — «к саду» и т. д.), не говоря уже о данных чеченского и бацбийского языков. Из изложенного вытекает, что аффиксы основного местного падежа, встречающиеся в чеч. [e:], [ue], в инг. [ue:], [a], [a:], восходят к аффиксу *га*.

Краткий гласный [a], представленный в этом аффиксе, — результат ослабления первичного сохранившегося в бацбийском (*го*). В самом бацбийском редуцированный *о(о)* также является результатом ослабления *о* (*вашаго вашаго* — «к брату», *нан(е)го*, *дадего*).

Если именная основа оканчивается на согласный в основном местном падеже, то перед аффиксом *га* часто появляется какой-нибудь гласный, качество которого чаще всего зависит от фонемного состава именной основы. Этот гласный звук является позиционно обусловленным фонетическим наращением.

Из сказанного выше следует:

- 1) Исходным аффиксом основного местного падежа является *го* — вероятно, послелог по происхождению.
- 2) Аффикс *го* не имел в общенахском языке ни одного из существующих в чеченском и ингушском языках фонетических вариантов. Последние возникли в указанных языках в период их обособленного (самостоятельного) развития.

Рассматриваемая основная форма местного падежа употребляется для выражения: а) косвенного дополнения, на которое направлено действие, движение; б) логического субъекта; в) субъекта общения. Повидимому, более древними этого падежа являются функции, связанные с выражением косвенного (местного) дополнения, логического субъекта в локативной конструкции предложения и субъекта общения (если сказуемое выражено одним из глаголов «говорить»). Употребление местного падежа для выражения логического «подлежащего» в понудительных предложениях — более позднего происхождения, как и сами понудительные формы глагола).

Сравнительный падеж

Сравнительный падеж (равняющий¹, уступающий², компаратив³ в литературе на чеченском и ингушском языках называют *дустург* (т. е. сравнительный).

В чеченском и ингушском языках сравнительный падеж представлен в двух вариантах. Первый вариант П. К. Услар назвал уступающим падежом (по А. А. Шифнеру—компаратив), а второй вариант —равняющим падежом (по А. А. Шифнеру — экватив).

Аффиксом первого варианта служит *л* (если именная основа в сравнительном падеже оканчивается на согласный: *кел* — «столько, сколько ворот»; *тле-л* — «меньше или больше моста», т. е. «такой величины, как мост»; *дел* — «больше или меньше отца» или «ростом, как отец»), *ал* (если именная основа в сравнительном падеже оканчивается на согласный: *клант-ал* — «такого роста, как парень», *йол-ал* — «ростом, как девушка», *говр-ал* — «такой величины, как лошадь»). Аналогичные примеры можно было бы привести и из ингушского.

В первом варианте сравнит. п. ставится наименование предмета, с которым по качеству или количеству сравнивают другой предмет, стоящий в им. п.:

чеч. *йол клант-ал йоккха й-у* — «девушка больше парня», *хлары цла бунил-л доккхун ду*⁴ (совр. лит. *хлара цла буннал доккха ду*) — «вот этот дом с балаган (высотой)», *хлара джелелиш берзилуой-л даккхайн ду*⁵ (совр. лит. *хлара джэвлеш берзалой-л даккхий(н) ду* — «эти собаки больше волков (величиной)»);

инг. *ие говр цу говр-ал массах йа* — «эта лошадь резвее той (лошади)», *ие юрт цу юртал замах йа* — «это село меньше того села», *нах-ал тлех валар* — «превзойти людей»⁶.

Аффиксом второго варианта является *лла* (если именная основа в сравнит. п. оканчивается на гласный: *тле-лл(а)* — «точно с мост (величиной)»; *де-лла* — «ростом, как отец»); *алла* (если именная основа в сравнит. п. оканчивается на согласный: *клант-алла* — «ростом, как отец», *йой-а-лла* — «точно с девушку ростом»). Если не подчеркивается точное совпадение одного предмета с другим, то в значении второго варианта может быть употреблен первый вариант: *хлара джелелиш берзилуойлла ду* — «эти собаки такой величины, как волки»⁷.

Второй вариант сравнит. п. может быть образован путем удвоения корневого *л*: им. п. ед. ч. *эмкал* — «верблюд», *эла* — «князь», второй вариант сравнит. п. *эмкал-ла* — «такой величины, как верблюд», *эл-ла* — «такого роста, как князь» или же другого корневого согласного в сочетании с окончанием *л*, *ал*: им. п. *эса* — «теленок», *глаз* — «гусь», но *эс-сал* — «такой, как теленок», *глаззал* — «точно такой, как гусь».

Во втором варианте сравнит. п. ставится наименование предмета, который по своему качеству (по какому-либо признаку) или количеству точно совпадает с другим предметом, название которого употребляется в им. п.:

чеч. *су говр-алла бу* — «бык, как конь», *хлары цла бунил-лла*

¹ П. К. Услар. Указ. соч., стр. 21.

² Там же.

³ А. А. Шифнер. Указ. соч., стр. 223 (приложение 1-ое).

⁴ П. К. Услар. Указ. соч., стр. 21.

⁵ Там же.

⁶ З. К. Мальсагов. Указ. соч., стр. 33.

⁷ П. К. Услар. Указ. соч., стр. 21.

ду (соврем. литер. *хIара цI буьналла ду*) — «этот дом точно с балаган (высотой)», *сан кIант хьан кIант-алла ву* — «мой сын точно такой, как твой сын».

Ограничимся несколькими примерами из ингушского языка, поскольку он мало чем отличается от чеченского в образовании и употреблении второго варианта, сравнит. п. ед. ч.:

Первый вариант		Второй вариант
им. п.	сравнит. п.	сравнит. п.
<i>кортали</i> — головной платок	<i>корталел</i>	<i>корталелла</i> (без удвоения корневого согласного) <i>кортталел</i> (с удвоением корневого согласного).
<i>даьри</i> — шелковая ткань	<i>даьрел</i>	<i>даьрелла</i> (без удвоения корневого согласного) <i>даьррел</i> (с удвоением корневого согласного).
<i>дуозув</i> — граница	<i>доазол</i>	<i>доазуналла</i> (без удвоения корневого согласного). <i>доаззол</i> (с удвоением корневого согласного) ¹ .

В чеченском и ингушском языках второй вариант сравнит. п. может быть образован далеко не от всякого имени существительного.

В бацбийском языке отсутствуют первый и второй варианты сравнительного падежа.

В бацбийском сравнительный падеж употребляется для сравнения предмета или лица с другим предметом или лицом, главным образом при выражении значения сравнительной степени прилагательного. В этом случае в бацбийском в качестве форматива сравнительного падежа выступает *-х*, соответствующий аффиксу вещественного падежа. В данном падеже ставится предмет, с которым что-то сравнивается, сопоставляется: *оку-х тарлъено стIакI сѳ цо вагино ва* — «я не видел человека, похожего на него» (букв. — «на него похожего человека мне не виден есть»); *се вашо хьѳ вашо-х глазив-х ва* — «мой брат лучше твоего брата»².

Аффикс второго варианта сравнит. п. *лла||алла* является производным от форманта первого варианта *л(а)||ал(а)*. Для точного выражения какого-нибудь признака предмета, явления и т. д. в чеченском и ингушском языках обычно удваивают корневой согласный. Это правило распространилось и на сравнит. п. В результате возникли формы второго варианта: чеч. *даррел, дарелла*, инг. *даьррел, даьелла* — «точно с шелковую ткань».

Таким образом *лла||алла* восходит к *ал(а)||л(а)*. Конечный гласный форманта первого варианта краткий [а] подвергся редукции.

Мы рассмотрели восемь падежей, принятых в литературе на чеченском и ингушском языках. Кроме того, охарактеризованы производные формы вещественного и сравнительного падежей.

¹ Н. Ф. Яковлев. Морфология ингушского литературного языка (рукопись), стр. 282, 283, 302.

² Ю. Д. Дешериев. Бацбийский язык, стр. 64.

Во всех нахских языках представлены падежные формы, образованные от основного местного падежа. Ниже остановимся на сравнительно-исторической характеристике этих падежных форм.

Производные формы местного падежа

Как мы видели выше, исходным аффиксом основной формы местного падежа является *го*, из которого образовались бытующие в чеч. *га*, *ге*, [e:], [ue:], инг. *га*, [ue:], [a], (ue:), бацб. *го* (наряду с этим вариантом, сохранился и исходный формант *го*). Поскольку мы уже показали, что все указанные форманты представляют собой фонетические варианты исходного аффикса основной формы местного падежа, то нет необходимости подробно рассматривать производные формы местного падежа от каждого из них. Поэтому ограничимся характеристикой производных местных падежей, образовавшихся путем присоединения к основному аффиксу местного падежа (чеч. *ге*, *га*, инг. *га*, бацб. *го*, *го*) показателей производных падежей.

Основная форма местного падежа в чеченском языке

чеч. *зудчуьн -га* — «к женщине»

1. Производный падеж пребывания (инессив):

зудчуьн-га-хь — «у женщины».

2. Производный падеж, показывающий направление движения в сторону чего-нибудь, чего-нибудь (конверсив):

[*зудчуьнга-хь-а*].

3. Производный падеж, показывающий направление движения со стороны исхода:

зудчуьн-га-хь-а-ра — «со стороны женщины».

4. Производный падеж исхода (делетив):

зудчуьн-га-ра — «от женщины».

5. Производный падеж, показывающий движение через:

зудчуьн-га-хула — «через женщину».

6. Производный падеж, показывающий движение в сторону и через:

зудчуьн-га-хь-а-хула — «в сторону женщины и через нее».

Эти же падежные формы¹ представлены и в бацбийском:

1) *пстлуинчого-хь* — «к женщине»; 2) *пстлуинчо-го-хь(а)*, *пстлуинчуихьа*;

3) *пстлуинчогуи-хь-ре*; 4) *пстлуинчогоре*; 5) *пстлуинчоггI-дахь* (*пстлуинчохь+дахь*); 6) *пстлуинчуихьрендахь* (*пстлуинчуихьре-(а)+дахь*).

Кроме того, в бацбийском есть производные падежные формы: исходный III — *пстлуинчгорендахь* (*пстлуинчгорен+дахь*), показывающий движение со стороны исхода и через сплошную среду, массу, жидкость.

Из названных производных падежей в ингушском бытуют второй (*гахьа||агахьа*), третий (*ага-хь-а-ра||га-хь-а-ра*) и четвертый (*агара||гара*).

Первый производный падеж (локатив) во всех нахских языках образуется присоединением к форме основного местного падежа аффикса *хь* (например, чеч. *зудчуьн-га-хь*, бацб. *пстлуинчо-го-хь* — «у женщины»); второй производный падеж (направительный III) — путем присоединения к форме первого производного падежа окончания *а* (чеч. *зудчуьн-га-хь-а*, бацб. *пстлуинчуихьа* — «в сторону женщины»); третий

¹ См. о значении, употреблении этих падежей. Ю. Д. Дешериев. Бацбийский язык, стр. 63—65.

производный падеж (исходный второй — сочетанием формы второго производного падежа и аффикса *pa* (чеч. и инг.) и *pe* (бацб.); четвертый производный (исходный первый) — посредством прибавления к форме основного местного падежа аффикса *pa* (чеч. и инг.) и *pe* (бацб.).

Пятый производный падеж (транзитив первый) представляет собой в чеч. сочетание формы основного местного падежа с послелогом (инг. *gIom(л)a* — *хула* — «чсрез».

В бацбийском ему соответствует производная падежная форма, образовавшаяся из первого производного падежа и послелога *дахь* (чеч. и инг. *ɔ(a)* — «там, туда»; *пстIуинчгогI-дахь* (*пстIуинчгохь* + *дахь* с озвончением конечного *хь* в *гI* перед звонким *ɔ*). Наконец, шестой производный падеж (транзитив II) образовался из формы второго производного и послелога в чеч. *хула* и бацб. *дахь*: чеч. *зудчуйн-га-хь-а-хула*, бацб. *пстIуинч-гуи-хь-ре(н)-дахь* (*н* после *-ре* — фонетическое наращение).

Пятый и шестой производные падежи можно считать падежными лишь с определенной оговоркой. Это падежи особого типа. Во-первых, они образовались из сочетания разных падежных форм с послелогоми, которые можно рассматривать как падежи лишь с определенной оговоркой. Они отсутствовали в общенахском языке. В чеченском и бацбийском языках они образовались в период их самостоятельного развития.

Наконец, рассмотрим формы так называемых лишительного и предельного падежей.

Подобно тому, как аффикс родительного падежа выполняет словоизменительную и словообразовательную функции (функции родительного дополнения и имени прилагательного, т. е. при помощи этого аффикса образуются косвенное дополнение в род. п. и имя прилагательное как часть речи), форматив лишительного падежа (каритива) *цIи* является словоизменительным и словообразовательным аффиксом в бацбийском языке: *пстIар-цIи* — «без быка», *дад-цIи* — «без отца», *нан-цIи* — «без матери».

В чеченском языке нет лишительного падежа, хотя следы его обнаруживаются в отрицательных формах причастий и прилагательных, в которых бацбийскому аффиксу лишит. п. соответствует *-а*: *зин||зан* (по А. А. Шифнеру и по П. К. Услару) и *за||аза* в соврем. лит.: *вахаза* — «не поехавший», *ва-за* — «не пришедший», *ала-за* — «не сказавший», *бехказа* — «невинный» (от слова *бехк* — «вина»), *декъа-за* — «бездольный, несчастный» (от слова *дакъа* — «доля»), *чам-за* — «безвкусный» (от слова *чам* — «вкус»), *теза* — «пресный» (от *туьха* — «соль»).

В ингушском языке также имеем аналогичные факты: *дешан-за* — «неученый», *вахан-за* — «не живший», *алан-за* — «не сказанное», *чама-за* — «безвкусный», *таза* — «пресный»¹.

В бацбийском языке широко употребляется предельный падеж, в котором ставится наименование предмета, до которого совершается движение. Посредством аффикса этого падежа *го-м-ци* выражаются не только пространственные, но и временные отношения: *пстIуинчо-го-м-ци* — «до женщины», *газне-го-м-ци* — «до козы», *йашан-го-м-ци* — «до сестры»². Как видно из этих примеров, аффикс предельного падежа присоединяется к форме местного (основного) падежа. Особым аффиксом предельного падежа в бацбийском является *мци*, соответствующий чеч. *-ц||ац||лIца||лIца*, инг. *-ца||лIца||лIца*.

¹ З. К. Мальсагов. Указ. соч., стр. 44

² Ю. Д. Дешериев. Бацбийский язык, стр. 66, 73—77.

В чеченском почти не употребляется предельный падеж. В примерах П. К. Услара аффиксом предельного падежа, присоединяемым к формам основного местного падежа, служит *-ац||ц*: *амалге-ц||амалие-ц* — «до характера», *де-ц||дега-ц* — «до отца»¹.

По данным З. К. Мальсагова, в ингушском предельный падеж образуется при помощи окончаний *ллица||ллицал||ца||цал*: *лоамагалца||лоамалца* — «вплоть до горы», *кенагал(л)ца||ренналца* — «до стены», *юртагалца||юрталца* — «до аула», *сарралца* — «до вечера».

В чеченском языке также встречаются эти окончания именных и отглагольных форм: *сарра-лца* — «до вечера», *валлалца* — «до смерти» и т. д.

Неясно происхождение этих вариантов аффикса предельного падежа. Однако не вызывает сомнения существование предельного падежа в общенахском языке, хотя и не удается с необходимой точностью воспроизвести фонетический состав его аффикса. Несомненно, в состав этого аффикса входила аффриката *ц* с последующим гласным *а* или *и* (*ца||ци*), но трудно решить вопрос о том, предшествовал ли ему сонант *л* или *м* или же они являются фонетическими наращениями.

Образование падежей во множественном числе

Формы им. п. мн. ч. были охарактеризованы при рассмотрении вопроса об образовании множественного числа. Здесь мы остановимся на основных особенностях оформления косвенных падежей во множественном числе.

Во всех нахских языках при оформлении косвенных падежей во мн. ч. используют те же стандартные аффиксы, которые употребляются в ед. ч., фонетически обусловленные исключения из этого правила — редкое явление.

В чеченском им. п. мн. ч. имеет несколько окончаний: *ш||аш*, *и||ий*, *рий*, *рчий*. Самым распространенным окончанием им. п. мн. ч. является *ш||аш* (*басар-ш* — «краски», *бахтар* — «ремешки», *котам-аш* — «курицы», *орам-аш* — «корни»). Гласный [а] появляется, в исходе именной основы в им. п. мн. ч. имеется согласный звук (кроме сонантов *р*, *л*, *й*).

В составе *ий* первый звук гласный элемент аффикса род. п. ед. ч. Это видно из следующих примеров: им. п. ед. ч. *маха* — «игла», род. п. ед. ч. *мехи||меха||мехин*, им. п. мн. ч. *мех-и-й*; им. п. ед. ч. *кхакха* — «овчина», род. п. ед. ч. *кхекхи||кхекха(а)||кхекк-и-н*, им. п. мн. ч. *кхекхий* (под влиянием аффиксального *и* корневой гласный в обоих примерах «ослабляется»). То же самое следует сказать о гласном *и* в составе *рий*, *рчий* (с той лишь разницей, что в данном случае *и* — гласный элемент род. п. мн. ч., а не ед. ч.), а *р* — корневой элемент или фонетическое наращение, а *рч* — почти всегда наращение (*пхьу* — «собака», им. п. мн. ч. *пхьаьр-чий*, *сту* — «бык», им. п. мн. ч. *стерчий* и т. д.). Таким образом, собственным аффиксом им. п. мн. ч. во всех этих примерах исторически является *й*. И все же в качестве аффикса им. п. мн. ч. в современных языках следует рассматривать комплекс *ий*, *рий*, *рчий*, поскольку все звуковые элементы разного происхождения, представленные в этих комплексах, входят в состав и окончания им. п. ед. ч. В чеченском *ий* может звучать как дифтонг [ий] и как долгий монофтонг [и:].

Те же окончания, правда, подвергшиеся некоторым звуковым изменениям, представлены в ингушском: *ш||аш*, *и*, *ий*, *рий*, *рч* или *арч* (им. п.

¹ П. К. Услар. Чеченский язык, стр. 17, 28.

ед. ч. *са* — «душа», им. п. мн. ч. *син-о-ш*; им. п. ед. ч. *зие* — «вред», им. п. мн. ч. *зие*, им. п. ед. ч. *да*, им. п. мн. ч. *давь..*, им. п. ед. ч. *йиша* — «сестра», им. п. мн. ч. *йижарий*; им. п. ед. ч. *чарч*), в бацбийском. *-и, би, иш||-ш, аир||уир, аирч, аилч* (им. п. ед. ч. *царкI* — «зуб», им. п. мн. ч. *царкIи*; им. п. ед. ч. *вир* — «осел», им. п. мн. ч. *вир-би*; им. п. ед. ч. *цле* — «огонь», им. п. мн. ч. *цIар-иш*; им. п. ед. ч. *дохкI* — «облако», им. п. мн. ч. *дахкI-аирч*, им. п. ед. ч. *тIъир* — «звезда», им. п. мн. ч. *тIъер-аилч*).

В бацбийском собственно аффикс им. п. мн. ч. *й* подвергся редукции, поэтому звук *и*, относящийся к именной основе, основную функцию падежного окончания выполняет в одних случаях, а в других — фонетические наращенные именной основы во мн. ч. *аирч, аилч* (здесь *ий||й* выпал).

Из сказанного видно, что исходными аффиксами им. п. мн. ч. во всех нахских языках являются *ш* и *й*, которые по-разному (в зависимости от их фонетического окружения) осложняются в каждом языке. Вместе с тем осложнение формы им. п. мн. ч. наращением *..н, ..р, ..рч* (*лч* в бацб. фонетический вариант *рч, лч* обычно употребляется в тех случаях, когда в исходе корня слова имеется *р*: *тIъир* — «звезда», им. п. мн. ч. *тIъераилч*) было характерно для общенахского языка-основы.

Все косвенные падежи во всех трех языках образуются присоединением к форме им. п. или род. падежа (или к образовавшимся от них формам) аффикса соответствующего падежа, который может подвергнуться позиционно обусловленным фонетическим изменениям. Это видно из прилагаемых таблиц склонения.

Отметим некоторые основные особенности образования падежных форм во мн. ч.:

1. В ингушском языке во мн. ч. чередуются две основы: прямая или основа им. п. и косвенная, т. е. основа род. п. мн. ч., отличающаяся от основы род. п. ед. ч. От косвенной основы образуются формы самого родительного, затем вещественного и сравнительного падежей. Все остальные падежи образуются от основы им. п. мн. ч. Аналогичные факты имеют место в чеченском и бацбийском.

2. Наиболее распространенным аффиксом им. п. мн. ч. в чеченском и ингушском языках является *ш*, а в бацбийском — *и*.

3. Появление окончания *та* в дат. п. мн. ч. в ингушском — результат влияния предшествующего *ш* на последующий *н*, т. е. *та < на*. Иначе говоря, окончание дат. п. мн. ч. *та* является фонетическим вариантом исконного аффикса *на*. После шипящего *ш* происходит переход *н* в *ш*, т. е. уподобление сонанта шумному (*шта < ина*).

4. Во мн. ч. эргативный падеж ни в одном из нахских языков не оформляется аффиксом *ас||с*. В чеченском и ингушском языках чаще всего функцию эргатива выполняет *а*, а в бацбийском — *в*.

5. Согласный элемент аффикса основного местного падежа *г* во мн. ч. после *ш* подвергается оглушению в ингушском и чеченском (*шка||лишка < шга||ашга*).

СИСТЕМА СКЛОНЕНИЯ В НАХСКИХ ЯЗЫКАХ

Как показывает характеристика падежей в чеченском, ингушском и бацбийском языках, в них существует развитая многопадежная система склонения. Морфологическую характеристику имени, представленную парадигмой склонения, может получить любая часть речи: имя существительное, глагольное слово (отглагольное существительное, отглагольное прилагательное), имя прилагательное, числительное, наре-

чие, послелог (а в бацбийском еще и относительное местоимение и относительный союз).

Склонение имени существительного, масдара, причастия, наречия имени прилагательного, послелога, местоимения, имени числительного, относительного местоимения, союза, послелога отражает свойство и своеобразие каждой из этих частей речи. Формы всех падежей с незначительными отклонениями принимают: имя существительное, личное, относительное и притяжательное местоимения, самостоятельное (субстантивированное) причастие, прилагательное, причастие, числительное. Некоторые падежные аффиксы получают только определенный круг имен существительных. Например, аффиксы падежей направительного второго *на* и локатива второго *на лохь* (по классификации падежей в бацбийском) в бацбийском, например, получают только имена существительные, выражающие собирательные значения (*хьу* — «лес», *хьун-лохь* — «в лесу») или жидкую массу, *тушь* (*хи* — «вода», *хи-лохь* — «в воде»).

Масдар принимает формы именительного, эргативного, родительного, местного, сравнительного падежей. Послелог, наречие склоняются только по местным падежам. Зависимое (несамостоятельное) прилагательное, наречие, причастие, местоимение (притяжательное), числительное имеют формы двух падежей: именительного, соответствующего притяжательному, т. е. падежу родительного дополнения, и косвенного (для всех косвенных падежей одна форма с аффиксом *-и*).

Таковы наиболее общие и характерные особенности словоизменения или формообразования в системе нахского склонения, рассматриваемого в синхронном плане (см. прилагаемые таблицы).

Как же сложилась исторически эта система склонения в области имени существительного, каковы узловые моменты ее формирования и развития? Характеристика падежей, представленная выше в синхронном, историческом и сравнительно-историческом аспекте, позволяет осветить эти вопросы.

Указанная характеристика падежей позволяет выделить следующие основные периоды исторического формирования нынешней системы склонения имен существительных во всех нахских языках:

Период образования так называемых основных падежей: именительный, родительный, эргативный, дательный, творительный, сравнительный, основной местный.

Основанием для включения этих падежей в первый период служат:

а) структура именных основ, от которых они образовались у первообразных имен существительных, — древнейшего происхождения; именной основой является полная или усеченная форма им. п., род. или эргат., или же дат. падежей;

б) состав аффикса каждого из этих падежей. По своему морфологическому составу эти аффиксы являются простейшими. В этой группе представлены падежи древнейшего образования. Все они существовали в общенахском языке.

Хотя им. п. ед. ч. в нахских языках является одним из падежей древнейшего происхождения, исконные имена существительные в этом падеже имеют формы, образовавшиеся в разные исторические эпохи развития нахских языков. Важнейшие из них три. Во-первых, формы односложных имен существительных типа открытого слога в им. п., не подвергшиеся более или менее существенным структурным изменениям (чеч., инг., бацб. *цла* — «дом», чеч., инг. *цлue*, бацб. *цле* — «огонь, имя», чеч., бацб. *хи*, инг. *хий* — «вода», чеч., инг., бацб. *кла* — «пшеница»). Во-вторых, формы им. п. ед. ч., образовавшиеся под действием

лабиального типа первичного чередования. Первоначальные формы им. п. ед. ч. здесь подверглись структурным изменениям (чеч., инг. *дуог*, бацб. *докI* — «сердце» из *д-агв*, чеч., инг. *дуош*, бацб. *дош* — «слово» из *дашв* и т. д.). В третьих, формы им. п. ед. ч., образовавшиеся под действием палатального типа первичного чередования. И в данном случае исходные формы им. п. ед. ч. подверглись структурным изменениям. В некоторых случаях формы род. п. ед. ч., ставшие именной основой для всех остальных косвенных падежей, по закону унификации именных основ заменили формы им. п. ед. ч. (чеч. *дети* — «серебро», наряду с первоначальной формой *датуо*; *деши* — «золото», наряду с первоначальной формой *дашуо*).

Этими же особенностями обладают структуры именных основ всех остальных (основных) падежей и морфологический состав аффикса каждого из них.

Период образования так называемых производных падежей. Всего шесть наиболее употребительных производных падежей, которые бытуют в чеченском и ингушском языках. Они также отличаются, во-первых, морфологическим составом и структурой именных основ, от которых они образуются; во-вторых, составом аффиксов. Своеобразие структуры именных основ, рассматриваемых падежных форм, состоит в том, что в их состав входит показатель основного местного падежа *га* или один из его фонетических вариантов, указанных выше. Аффиксы простые — в первом (падеж пребывания, инессив I *-хь*) и втором (падеж исхода, делятив *(-ра)* в производных падежах и сложные — во втором (направительный I, конверсив *-хь-а*), третьем (*хь-а-ра*). Как показывают структура именных основ этих падежных форм и морфологический состав их аффиксов, первый и четвертый производные падежи могли образоваться лишь после возникновения основного местного падежа, а второй и четвертый образовались вслед за оформлением первого и четвертого падежей.

Что же касается пятого и шестого производных падежей (транзитивные падежи), то их вообще не было в общенахском языке, они образовались в эпоху самостоятельного развития отдельных нахских языков, о чем свидетельствует состав их аффиксов (в чеч. *хула* — «через» по происхождению послелог, присоединяемый при образовании пятого производного падежа к форме основного местного падежа); в бацб. вместо чеч. *хула* употребляют *дахь* — «там, туда» — послелог, функционирующий и сейчас.

Предельный падеж также производный, он образуется непосредственно от основного местного падежа. Следовательно, и этот падеж образовался после возникновения основного местного падежа.

Эти пласты («ярусы») в системе падежей характеризуют основные периоды формирования отдельных групп падежей (основных и производных), взаимоотношение между ними в историческом аспекте. Это видно из приводимых ниже таблиц:

Падежные форманты в бацбийском языке

Падежи	Ед. ч.	Мн. ч.
I. Именительный	—	-иш -ш, -и, -(ивн)и -(вн)и, -уи, -(уи)р (аи)р, -(аи)лч, -(аи)рч, -(а)рчуи, би

Падежи*	Ед. ч.	М. ч.
II. Родительный	$\bar{a}, \bar{e}, \bar{i}, \bar{o}, \bar{y}$	$-(u)\bar{a}, -(u)\bar{i}$
III. Дательный	$-н, -(e)н, -(u)н,$ $-(y)н$	$-(u)н, -н$
IV. Эргативный (активный)	$-ас -с аса, -ив $ $-ув -ов -ев -в$	$-(u)в$
V. Творительный	$-ца -ци$	$-(u)ци$
VI. Вещественный (инессив I)	$-х$	$-(u)х$
1) производный (элатив)	$-хи$	$-(u)х$
2) производный (предназначительный)	$-гI$	$-(u)гI$
VII. Сравнительный	$-х$	$-х$
1) производный (экватив)		
VIII. Лишительный	$-(e)цIи$	$-(u)цIи$
IX. Местный (направ. I)	$-(e)го его$	$-(u)го (уго)$
1) локатив (падеж пребывания).	$-(e)го-хь$	$-(u)го-хь$
2) направительный III	$-(e)гуи-хь-а$	$-(u)гуи-хь-а$
3) исходный I	$-(e)го-ра$	$-(u)го-ре$
4) исходный II	$-(e)гуи-хь-ре$	$-(u)гуи-хь-ре$
5) исходный III	$-(e)го-ре(н)-дахь$	$-(u)го-ре(н)-дахь$
6) транзитивн. II.	$-(e)гуи-хь-ре-(н)-$ $дахь$	$-(u)гуи-хь-ре(н)$ $дахь$
7) транзитивн. I	$-(e)гогI-дахь(го-$ $хь-дахь)$	$-(u)го-гI-дахь$
8) предельный	$-(e)го-мци$	$-(u)го-мци$

* Названия восьми падежей (им., род., дат., эрг., твор., веществ., сравнит., местн.) приняты в чеченском, ингушском литературных языках. Для обозначения всех остальных падежей используются названия падежей, употребляемых в нашей работе «Бацбийский язык».

Падежные форманты в чеченском языке

Падежи	Ед. ч.	Мн. ч.
I. Именительный	---	-иш -ш, и, -(рч)-ий, -(р)ий
II. Родительный	-ин, -ан, -н, -а, -и, -уо	-(и)и-н, -(уо)-и-н, -(и)-н
III. Дательный	-(а)на, -на, -ла	шна, -ашна
IV. Эргативный (активный)	-аса, -ас, -с, -а, [уо:]	-ша, -аша
V. Творительный	-ца, -аца	-шца, -ашца
VI. Вещественный (инессив I)	-х, -ах	-(и)-й-х, -(и)-х
1) производный (элатив)	-ха, -аха	-(и-й)-ха, -(й)-ха
2) производный предназначит.	—	—
VII. Сравнительный	-л, -ал	-(и-й)-л-(и-й)л
1) производный (экватив)	-лла, -алла	-(и-й)лла, -(й)лла
VIII. Лишительный	---	---
IX. Местный (направ. I)	-га, -(ие:), -а	-ш-ка, -аш-ка
1) локатив (па- деж пребывания)	-(га)-хь, -(ие)-хь, (а)-хь	(шка)-хь, (ашка)-хь
2) направитель- ный III	(ие)-хь-а, (га)-хь-а, (а)-хь-а	-(шка)-хь-а, (ашка)-хь-а
3) исходный I	(ие)-ра, -(га)-ра, -(а)-ра	(шка)-ра, -(ашк)-ра
4) исходный II	(га)-хь-а-ра, -(а)-хь-а- -ра, (ие)-хь-а-ра	-(шка)-хьара, -(ашка)- -хьара
5) исходный III	—	—
6) транзитивн. I	(ие)-хула	-(шка)-хула, -(ашка)- -хула
7) транзитивн. II	-(ие)-хьа-хула, (га)- -хь-а-хула,	(шка)-хьа-хула, -(ашка)-хьа-хула.
8) предельный	—	—

Падежные форманты в ингушском языке

Падежи	Ед. ч.	Мн. ч.
I. Именительный	—	-аш -ш, -й, -рш, -рч
II. Родительный	ин, -а, -н, [аь:] ей, ие	-ий, -й
III. Дательный	[а:], на, -ла	-ашта -шта
IV. Эргативный (активный)	-аца, -ца	-ашта, -шца-
V. Творительный	ас з, с, ва, а, [уо:]	-аша -ша
VI. Вещественный (инессив I)	-(а)х, -х	-(е)х, -(е)ха -й-ха
1) производный (элатив)	-аха, -ха	-еха, еха -й-ха,
2) производный (предназначит.)	гIа	-ашха, -шха-(и)-гIа
VII. Сравнительный	-ал, -л	ел л
1) производный (экватив)	алла, лла	елла йлла
VIII. Лишительный	—	—
IX. Местный (направ. I)	-(а)га, -га, ие, а, [а:]	-ашка, -шка
1) локатив (па- деж пребывания)	» » » »	» » » »
2) направитель- ный III	-(а)га-хь-а, -га-хь-а	(а)шка-хь-а, -шка-хь-а
3) исходный I	—	—
4) исходный II	-(а)га-хь-а-ра, -га-хь-а- -ра	-ашка-хь-а-ра, -шка-хь-а-ра
5) исходный III	—	—
6) транзитивн. I	—	—
7) транзитивн. II	—	—
8) предельный	—	—

Падежная система (система склонения) в общенахском языке была более простой и стройной, чем в современных языках. В ней отсутствовали многочисленные фонетические варианты падежных аффиксов. Это подтверждается приводимой ниже таблицей падежных окончаний, в которой воспроизведены основные типы падежных аффиксов (в системе склонения) в общенахском языке.

Система падежей и их аффиксы в общенахском языке-основе

Падежи	Ед. ч.	Мн. ч.
I. Именительный	—	-(<i>u</i>)ш -ш, й(<i>u</i>)
II. Родительный	-ин	-(<i>u</i>)н
III. Дательный	-на	-на -н
IV. Эргативный	са, в	-а, -в
V. Творительный	ци	-ци
VI. Вещественный (инессив)	х	-х
1) производный (элатив)	хи	-хи
2) производный (предназначит.)	гIа(?)	-гIа(?)
VII. Сравнительный	ла(?)	-л ал(?)
1) производный (экватив)	—	—
VIII. Лишительный	цIи(?)	-цIи(?)
IX. Местный (направ. I)	го	-го
1) локатив (па- деж пребывания и движения)	-го-хь (га-хь)	-го-хь (га-хь)
2) направитель- ный III	-го-хь-а (гахьа)	-го-хь-а (га-хь-а)
3) исходный I	-го-ре (го-ре)	-го-ре (го-ре)
4) исходный II	го-хь-ре(га-хь- ре)	-го-хь-ре (га-хь-ре)
5) исходный III	—	—
6) транзитивн. I	—	—
7) транзитивн. II	—	—
8) предельный	-л(?)ци (<i>m</i> ?)ци	-(<i>l</i> ?)ци -(<i>m</i> ?)ци

Более подробная синхронная, историческая и сравнительно-историческая характеристика исходных падежных аффиксов, их фонетических вариантов, значения и употребления падежей дана в разделах, посвященных отдельным падежам.

ИМЯ ПРИЛАГАТЕЛЬНОЕ

Остановимся на характеристике словообразования имен прилагательных и особенностях их употребления и склонения.

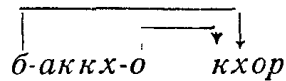
СЛОВООБРАЗОВАНИЕ ИМЕН ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ

Основными общенахскими способами образования имен прилагательных являются:

- а) суффиксальный,
- б) префиксально-суффиксальный.

При образовании имен прилагательных по этим двум способам суффиксом служит окончание родительного падежа имен существительных: бацб. *глаз-ē йохь*, чеч. *хазан йоI* — «красивая девушка» и т. д.

Префиксально-суффиксальный способ отличается от суффиксального по следующим признакам: 1) префиксально-суффиксальный способ характеризуется наличием классных показателей в морфологическом составе классного качественного прилагательного: бацб. *б-ак-кх-о до*, чеч. *й-оккх а(н) говр* — «большая лошадь»; 2) при префиксально-суффиксальном способе мы имеем двустороннюю связь между определением и определяемым: бацб. *б-аккх-о кхор*, чеч. *боккх-ан Iаж* — «большое яблоко» и др. Схематично это можно представить так:

Ингушский и чеченский литературные языки заимствовали из русского языка различные способы образования имен прилагательных, которые все еще не стали продуктивными на чечено-ингушской почве.

Напротив, в бацбийском языке образование имен прилагательных посредством заимствованных из грузинского языка словообразовательных суффиксов *-ур, -ул* является продуктивным: бацб. *бацб-а*, но бацб. *ур-бацб* — «бацбийский», *пицл-ул цIа* — «деревянный дом» и т. д.

ОСОБЕННОСТИ УПОТРЕБЛЕНИЯ И СКЛОНЕНИЯ ИМЕНИ ПРИЛАГАТЕЛЬНОГО

Качественное и относительное несамостоятельное¹ прилагательное почти всегда предшествует тому слову, которое оно определяет: чеч. *в-оккха(н) стаг*, инг. *в-оккха саг*, бацб. *в-аккхо стIакI* — «большой человек»; чеч. *колхоза(н) машина*, инг. *колхоза машина*, бацб. *кIолхозе машина* — «колхозная машина».

Имя прилагательное в нахских языках имеет следующие грамматические категории: 1) категория падежа, 2) категория грамматического класса, 3) категория числа.

Категорией грамматического класса обладают только некоторые классные качественные имена прилагательные: чеч. *в-оккха(н) ваша* — «старший брат», *йоккха(н) й-иша* — «старшая сестра», инг. *в-оккха воша*, *й-оккха йиша*, бацб. *в-аккхо вашо*, *й-аккх-о йашо*.

В чеченском и ингушском языках более или менее последовательно проводится различие аффикса ед. и мн. ч. в им. п. у относительных имен прилагательных: *колхоза(н) машина* — «колхозная машина», но

¹ Несамостоятельным в нахских языках называют прилагательное, предшествующее определяемому слову в качестве его определения.

колхозийн машинаш—«колхозные машины». В бацбийском языке наблюдается смешение аффиксов ед. ч. и мн. ч. в им. п. или неразличение их: *ГарчI-ӣ куд* — «черная шапка», *ГарчI-ӣ кадби* — «черные шапки», *к̄варл̄е||к̄варола даниш* — «дождливые дни», но *кIолхоз-ē машина* — «колхозная машина», *кIолхоза̄ машинаш* — «колхозные машины». Такое смешение аффиксов ед. и мн. ч. — позднее явление в бацб. языке.

Прилагательное в чеченском, ингушском и бацбийском имеет всего два падежа — именительный и косвенный. Именительный падеж оформляется аффиксом родительного падежа имени существительного. Родительное дополнение и выступает в функции имени прилагательного. Стало быть, все, что сказано о родит. падеже, относится и к форме им. п. прилагательного.

Косвенный падеж имени прилагательного оканчивается в чеченском на *-чу*, ингушском на *-ча*, бацбийском на *-ч*. В бацбийском языке в некоторых случаях между гласным и *ч* восстанавливается сонант *-н-*, восходящий к согласному элементу аффикса родит. падежа *ин*: чеч. *во-оккха-чу стагна*, инг. *в-оккха-ча*, бацб. *в-аккх-унч стIакIна* — «большому (старому) человеку» и т. д.

Ед. ч.

	чеч.	инг.	бацб.
им. п.	<i>в-оккха(н) стаг</i>	<i>воккха саг</i>	<i>в-аккхō стIакI</i> — старый человек
род. п.	<i>в-оккхачу стега(н)</i>	<i>воккхача</i> (<i>сага:</i>)	<i>в-аккху-нч</i> <i>стIакIē</i>
эрг. п.	<i>в-оюкхачу</i> (<i>стагуо:</i>)	<i>в-оюкхача</i> (<i>сагуо:</i>)	<i>в-аккху-нч</i> <i>стIакIōв</i>
дат. п.	<i>в-оккхачу</i> <i>стагна</i>	<i>в-оккхача</i> (<i>сагуо:</i>)	<i>в-аккху-нч стIакIō</i>
твор. п.	<i>в-оккхачу</i> <i>стагца</i>	<i>в-оккхача</i> <i>сагца</i>	« <i>стIакIца</i> и т. д.

Характерно то, что и в качественном классном прилагательном *д-оккха(н)*, *в-оккха(н)* тоже произошло в чеченском и ингушском чередование корневого гласного под влиянием конечного лабиализованного гласного: *д-оккх-а(н)*, *д-аккх-ō* (ср. с бацб. *д-аккх-ō*, *д-акк-ō*, чеч. *Габр-жи(н)*, *Гаржин* — «черный» (ср. бацб. *ГарчI(и)*).

В бацбийском наблюдается наращение основ сонантами *(а)р*, *-р* или *-л-* при образовании относительных прилагательных от некоторых исконных имен существительных: *матха-р-ē де* — «солнечный день» (от *матх(а)* — «солнце»), *к̄вар-о-л-ē* — «дождливый день» (от *к̄вар(о)* — «дождь»), *тха-л-у батх* — «сегодняшняя работа».

В бацбийском языке имена прилагательные с наращенным *р* или *-л* отличаются оттенком значения от имен прилагательных без такого наращения: *хьун* — «лесной», *хьу-на-р-ē* — «лесистый».

Во множественном числе имена прилагательные в бацбийском могут вместо окончаний *е*, *у*, употребительных в им. п. ед. ч., получать аффикс *а*: *б-акк-ō васер* — «старые люди», *кIолхоз-ā машинаш* — «колхозные машины». Однако такая замена не всегда является обяза-

тельной: *к̄таро-л-ē к̄тар-о-л-ā даниш* — «дождливые дни», *тхалу сакми* — «сегодняшние дела» и т. д. Вместе с тем один и тот же аффикс может выступать в бацбийском в формах прилагательного в им. п. ед. и мн. ч.: *ц̄лег-ē п̄лартлизан* — «красный партизан», *ц̄лег-ē п̄лартлизн-и* — «красные партизаны».

В бацбийском языке употребляются в именах прилагательных два аффикса *-ул* и *-ур*, заимствованные из прузинского языка: они имеют во всех падежах одну и ту же форму: *лекI-ур тур* — «лезгинская шапка», *лекI-ур турби* — «лезгинские шапки», *пицл-ул ц̄ла* — «деревянный дом», *пицл-ул ц̄ленбуи* — «деревянные дома».

Субстантивированные имена прилагательные во всех нахских языках склоняются, как имена существительные.

На частных особенностях имен прилагательных мы не останавливаемся.

В общенахском языке аффиксом им. п. прилагательного служил *ин*, т. е. аффикс родит. п. ед. ч. имени существительного. В бацбийском гласный элемент этого аффикса обычно поглощался конечным гласным основ качественных слов, а сонант *н* становился носовым признаком гласного. Этот процесс привел к образованию форм типа *ц̄легē* — «красный» (от *ц̄лег* — «кровь»), *д-аккх-ō* — «большой» и т. д. В чеченском и ингушском языках также был представлен этот аффикс: *б-аккха-ин*¹ — «большие» не *в-оккхун*, *в-оккху-ин* — «большой». В современных языках имеем *в-оккха*, *воккхун*, *вокхуин*, *баккхи(н)*, *баккхаин*, *баккхин*. Аффикс *-ч* был и в общенахском языке.

СТЕПЕНИ СРАВНЕНИЯ

Положительная степень в чеченском, ингушском и бацбийском соответствует форме им. п. прилагательного: чеч. *ваша хаза ву*, инг. *воша хоза ва*, бацб. *вашо глазе ва* — «брат хороший есть».

Сравнительная степень образуется путем прибавления в ингушском *-х*, в бацб. *-вх* к форме положительной степени: инг. *ие горв цу говрал массах йа* — «эта лошадь резвее той»²; бацб. *йашо ваша-х глази-вх йа* — «сестра брата лучше (есть)». В чеченском языке сравнительная степень образуется при помощи сравнительного падежа: *йиша вешиел хаза йа* — «сестра красивее брата».

Превосходная степень образуется в бацбийском при помощи аффикса *-ч*, присоединяемого к окончанию сравнительной степени: *се йашо глази-вхч йа пст̄леилохь* — «моя сестра прекраснейшая (есть) среди женщин».

В чеченском и ингушском языках превосходная степень образуется описательно при помощи слов *уггариеа* (чеч.) и *эггир* или *эгири* (инг.): чеч. *уггарие а чиехка йолу говр*, инг. *эггир массах йола говр* — «самая резвая лошадь». Чеченский и ингушский языки утратили морфологическое (посредством аффиксов) выражение превосходной степени.

Местоимение 3-го л. ед. ч. и мн. ч. по происхождению является указательным. Из различных вариантов указательных местоимений употребляются в им. п. ед. ч. в чеченском: *и*, *иза*; в ингушском — *уж*; бацбийском — *и*, *о*, *э*; во мн. ч. им. п. в чеченском *-уьш*, *уьзуш* (по Услару — *изуш*); инг. *эш||ужаш*; бацб. *оби||окхар*; чеч. *иза*, инг. *уж* — фонетические варианты одного и того же указательного местоимения, употребляемого

¹ П. К. Услар. Указ. соч., стр. 42.

² З. К. Мальсагов. Указ. соч., стр. 41.

в чеч. и инг. без уточнения места (близко, далеко), где находится лицо или предмет, о котором идет речь. Это местоимение не употребляется в бацбийском, оно утрачено последним. Местоимения *о*, *э* не встречаются в чеченском и ингушском, они утратили их. Местоимение *оби* в бацбийском — новое явление. Личное местоимение, представленное в бацбийском *окхар* (им. п. мн. ч.) и *окхуи* и т. д., в косвенных падежах соответствует чеченскому *хлокхар* (им. п. мн. ч.) и *хлокхан* и т. д. В косвенных падежах ед. ч. оно также восходит к указательному местоимению, обозначающему предмет, находящийся рядом с говорящим и видимый ему (очевидный предмет, ср. очевидное время).

Из этого факта явствует, что в нахских языках выражался не только очевидный характер действия (с помощью префикса *-р-||ар*), но и очевидность предмета посредством определенного типа указательного местоимения (характерно, что в составе этого местоимения также имеется *-р.*: чеч. в им. п. ед. ч. *хлара*, им. п. мн. ч. *хлокхара*, бацб. *окхар* и т. д.).

Указанные нами личные местоимения 1-го и 2-го л. ед. и мн. ч. — в общенахском языке. Из местоимений, обозначающих 3-е л. ед. и мн. ч., в нем отсутствовало только одно — *оби*. Все остальные местоимения в нем были представлены не в качестве личных, а указательных, употреблявшихся в функции личного местоимения в зависимости от того, о каком предмете идет речь — близком, далеком, видимом или невидимом и т. д. Закрепление за определенными указательными местоимениями функции личного местоимения 3-го л. ед. и мн. ч. произошло позже, после распада общенахского языка. Об этом свидетельствуют имеющиеся расхождения между чеченским, ингушским и бацбийским в использовании разных указательных местоимений в функции личных местоимений.

Из таблицы, приводимой ниже, видно, какие расхождения возникли в склонении личных местоимений между чеченским, ингушским и бацбийским языками.

МЕСТОИМЕНА

В нахских языках представлены следующие типы местоимений: личные, притяжательные, указательные, возвратные, вопросительные, относительные, определительные, неопределенные, отрицательные и обобщительные.

После распада общенахского языка и в период самостоятельного развития чеченского, ингушского и бацбийского языков они (местоимения) также подверглись существенным изменениям (главным образом, фонетическим).

ЛИЧНЫЕ МЕСТОИМЕНА

В чеченском, ингушском и бацбийском представлены следующие личные местоимения: 1-е л. ед. ч. — чеч. *суо*, инг. *суо*, бацб. *со* — «я»; 2-е л. ед. ч. — чеч. *хьуо*, инг. *хьуо*, бацб. *хьо* — «ты»; 3-е л. ед. ч. — чеч. *и*, *иза*, инг. *эз*, бацб. *о||э*, *и*; 1-е л. мн. ч. (инклюзив) — чеч. *вай*, инг. *вей*, бацб. *ваи* — «мы с вами»; 1-е л. мн. ч. (эксклюзив) — чеч. *тхуо*, инг. *тхуо*, бацб. *тхо* — «мы без вас»; 2-е л. мн. ч. — чеч., инг., бацб. *шу* — «вы»; 3-е л. мн. ч. чеч. *уьш||уьзуш* (по Услару — *изуш*), инг. *эш*, *ужаш*, бацб. *оби||окхри*.

Закономерное соответствие вейнахского краткого дифтонга [уо] бацбийскому краткому лабиализованному монофтонгу в исконных односложных словах типа открытого или закрытого слога последовательно соблюдается в определенных формах личных местоимений: вейнахск. *суо*, *хьуо* *тхуо*, бацб. *со*, *хьо*, *тхо* и т. д.

Таблица склонения личных местоимений в нахских языках (1-е и 2-е л. ед. ч.)

Паджи	Чеченск. яз.		Ингушск. яз.		Бабийск. яз.	
	2-е л.		2-е л.		2-е л.	
	1-е л.	2-е л.	1-е л.	2-е л.	1-е л.	2-е л.
I. Им.	суо	хьуо	суо	хьуо	со	хьо
II. Род.	сан(сен)	хьан (хьен)	сэ	хьэ	се	хье
III. Дат.	[су:на] суона	[хьу:на] хьуона	[суо:на]	[хьуо:на]	со сон	хьо хьон
IV. Эрг.	аса	ахва	эз	Iа	ас	ахь
V. Творит.	[суовь:ца] [суовь:ци]	[хьуовь:ца] [хьуовь:ци]	[суо:ца]	[хьуо:ца]	соци	хьоци
VI. Веществ. (жнес-сив I)	суох	хьуох	хьуох	хьуох	сох	хьох
а) производн. (элатив)	суоха суохи	хьуох хьуохи	суоха	хьуоха	сохи суихи	хьохи хьуихи
б) производн. (предназначит.)	—	—	—	—	согI	хьогI
VII. Сравнительный	суол	хьуол	суол	хьуол	сох	хьох
а) производный	суола	хьуола	—	—	—	—

VIII. Лишит.	—	—	—	—	соцци	хьоцци
IX. Местный (направ. I)	[суоб:га]	[хьуоб:га]	[суо:га]	[хьуога]	сого	хього
	[суоб:ге]	[хьуоб:га]				
1. Локатив (напр. II)	[суоб:гахь суь:хь]	[хьуоб:гахь хьуоб:хь]	[суо(ь):гахь]	[хьуо:гахь]	согохь	хьэгохь
	[суоб:гахь суоб:хьа]	[хьуоб:гахьа: хьуоб:хьа: хьуоб:гахьа:]	[суо:гахьа]	[хьуо:гахьа:]	согуйхь	хьогуйхь
2. направит. III	[суоб:гахь суоб:хьа]	[хьуоб:гахьа: хьуоб:хьа: хьуоб:гахьа:]	[суо:гахьа]	[хьуо:гахьа:]	согре	хьогре
3. исходный I	[суоб:гара суоб:гери суоб:ри]	[хьуобгара хьуобгери хьуоб:ри]	[суо:гара]	[хьуогара]	согре	хьогре
	[суоб:гахьа:ра]	[хьуоб:гахьа: ра]	[суо:гахьа: ра]	[хьуо:гахьа: ра]	согрндахь	хьогрен- дахь
5. исходный III	—	—	—	—	—	—
6. транзитивн. I	[суоб:гахула]	[хьуоб:гахула]	—	—	сог дахь	хьог дахь
	[суоб:гахулахьа:]	хьуоб:гахулахьа:]	—	—	—	—
7. транзитивн. II.	—	—	—	—	согомци	хьогомци
8. предельный	—	—	—	—	согомци	хьогомци

Аналогично склоняются личные местоимения 1-го и 2-го л. мн. ч., а также личные местоимения 3-го л. ед. и мн. ч. Для краткости изложения мы не будем приводить таблицы склонения этих местоимений. Из приведенной таблицы видно, что нет ни одной падежной формы местоимений 1-го и 2-го л. ед. ч., которая бы была одинакова в чеченском, ингушском и бацбийском языках. Совпадения некоторых падежных форм (им., веществ., сравн.) в чеченском и ингушском языках объясняются тем, что дифтонгизация лабиализованного монофтонга [o] в них происходила одновременно, уже после распада общенахского языка.

Из примеров, приводимых из чеченского языка по каждому падежу, первый относится к современному литературному языку, а второй и третий взяты из работы «Чеченский язык» П. К. Услара.

В чеченском языке представлены формы род. п. ед. ч. в двух вариантах: соврем. *сан* и *хьан* (в разговорном языке они звучат *са*, *хьа*) и *сен*, *хьен*, записанные П. К. Усларом около ста лет тому назад. Из этих примеров видно, что соврем. *са(н)*, *хьа(н)* — результат дальнейшего ослабления форманта *ен*, восходящего к *-ин* (т. е. исходному аффиксу род. п.) в период самостоятельного развития чеченского языка.

Формант *ен* отражает общенахское состояние так же, как бацб. *е*: *со + ин > соин > сен > сē*; таким образом, ослабление конечного *н* привело к образованию в бацбийском носового *е(сē, хьē)*, в чеченском *е* с более слабым носовым оттенком (*ен*). В бацбийском произошла стабилизация положения этого форманта, в чеченском формант *е(ен)* подвергся дальнейшему ослаблению, что способствовало замене *е* беглым гласным [а], который может быть произнесен с носовым оттенком и без носового оттенка. В ингушском этот процесс привел к еще большим изменениям, чем в чеченском и бацбийском. Так, например, в ингушском конечный *н* выпал, не оставляя никаких следов, больше того, беглый краткий гласный (*а*) подвергся сильной редукции.

Следующая схема отражает процесс видоизменения форм род. п. ед. ч. в 1-м и 2-м л. личн. мест. в чеч., инг. и бацб. языках:

бацбийск. яз: *со + ин > соин > сен > се*;

хьо + ин > хьоин > хьен > хьē;

чеченск. яз.: *со + ин > соин > сен > сан > са(н) → с̄а*;

хьо + ин > хьоин > хьен > хьен > хьа(н) || хьа;

ингушск. яз.: *со + ин > соин > сен > сен > са(н) || са > с̄а*;

хьо + ин > хьоин > хьен > хьен > хьа(н) || хьа > хь̄а;

бацбийск. яз: *со + ин > соин > сен > се*; *хьо + ин > хьоин > хьон > хье*;

чеченск. яз. *со + ин > соин > сен > сан > са(н) || → с̄а*; *хьо + ин > хьоин > хьен > хьен > хьа(н) || хьа*;

ингушск. яз.: *со + ин > соин > сен > сен > са(н) || са > с*; *хьо + ин > хьоин > хьен > хьен > са(н) || са > с*.

В этих схемах первые три праформы в трех языках совпадают, поскольку они отражают развитие форм род. п. личн. мест. 1-го и 2-го л. в общенахском языке (*со + ин > соин > сен*; *хьо + ин > хьоин > хьен*). Из последующих же форм в трех языках совпадают не все формы, поскольку они отражают период самостоятельного развития отдельных нахских языков.

В дальнейшем мы не будем так подробно останавливаться на характеристике образования каждой падежной формы и ограничимся анализом некоторых общих закономерностей развития падежных форм всех личных местоимений в историческом и сравнительно-историческом аспекте.

Приводим еще таблицы 3-го л. в ед. и мн. ч., 1-го и 2-го л. мн. ч.

Таблица склонения личных местоимений в нахских языках

3-е л. ед. ч.			
Падежи	Чеченск. яз.	Ингушск. яз.	Бацбийск. яз.
I. Им.	<i>изи</i>	<i>эз</i>	<i>о, и</i>
II. Год.	<i>цубна(н) цуинин</i>	<i>цун</i>	<i>окхуи икхуи</i>
III. Дат.	<i>цунна</i>	<i>цунна</i>	<i>окхуи икхуин</i>
IV. Эрг.	[<i>цуо:</i>]	[<i>цуо:</i>]	<i>окхус икхус</i>
V. Твор.	<i>цубнца цуинцин</i>	<i>цуинца</i>	<i>окхуици икхуици</i>
VI. Веществ. (инессив I)	<i>цунах</i>	<i>цунах цуох</i>	<i>окхух икхух</i>
а) производн. (элатив)	<i>цунаха цуини хин</i>	<i>цунаха цуоха</i>	<i>окхухи окхуихи (икхуха икхуихи)</i>
б) производн. (предназначит.)	—	—	<i>окхуигI икхуигI (икхуигI икхуигI)</i>
VII. Сравнительн.	<i>цул</i>	<i>цул</i>	<i>окхух (икхух)</i>
а) производный	<i>цулла</i>	<i>цулл(а)</i>	
VIII. Лишит.	—	—	<i>окхуици</i>
IX. Местный (напр. I)	<i>цубнга цуинге</i>	<i>цунга</i>	<i>окхуиго окхуиго</i>
1. локатив (напр. II)	<i>цубнгахь цуингехь</i>	<i>цунгахь</i>	<i>окхгохь икхгохь</i>
2. направ. III	<i>цубнгахьаI [цуинге:хьа:]</i>	<i>цунгахьа</i>	<i>окхгоре окхгеуихь</i>
3. исходн. I	<i>цубнгара цуингери</i>	<i>цунгара</i>	<i>окхгоре икхгоре</i>
4. исходн. II	<i>цубнгара цуингери</i>	<i>цунгара</i>	<i>окхгоре икхгоре</i>
5. исходн. III	—	—	<i>окхрендахь окхуиг рендахь (икхуигрен дахь)</i>
6. транзитивн. I	<i>цубнгахула</i>	—	<i>окхуигIдахь икхуигI дахь (икхуигI дахь)</i>
7. транзит. II	<i>цубнгахулахьа:</i>	—	—
8. предельный	[<i>цуинге:ц</i>]	—	<i>окхугемци окхугемци</i>

Таблица склонения личных местоимений в нахских языках

Падежи	Чеченск. яз.		Ингушск. яз.		Бацбийск. яз.	
	1-е л.	2-е л.	1-е л.	2-е л.	1-е л.	2-е л.
I. Им.	<i>тхуо</i>	<i>шу</i>	<i>тхуо</i>	<i>шу</i>	<i>тхо</i>	<i>шу</i>
II. Род.	<i>тхан </i> <i>тхен</i>	<i>шу(н) </i> <i>шун</i>	<i>тхэ</i>	<i>шун</i>	<i>тхѣ</i>	<i>шу</i>
III. Дат.	<i>тху:на </i> <i> тхуо:на</i>	<i>шуна</i>	<i>ту[тхуо: на]</i>	<i>шоана</i>	<i>тхон</i>	<i>шун</i>
IV. Эрг.	<i>[о:ху о:ха]</i>	<i>аша</i>	<i>оаха</i>	<i>аш</i>	<i>атхо</i>	<i>аши</i>
V. Твор.	<i>[тхуоь:ца </i> <i>тхуоицин]</i>	<i>шубца </i> <i>шубцин</i>	<i>[тхуо: ца]</i>	<i>шуца</i>	<i>тхоци</i>	<i>шуци</i>
VI. Веществ. (инессив I)	<i>тхуох</i>	<i>шух</i>	<i>тхуох</i>	<i>шух</i>	<i>тхох</i>	<i>шух</i>
VII. Сравни- тельн.	<i>тхуол</i>	<i>шул</i>	<i>тхуол</i>	<i>шул</i>	<i>тхох</i>	<i>шух</i>
VIII. Лишит.	—	—	—	—	<i>тхоц/и</i>	<i>шуц/и</i>
IX. Местный (напр. I)	<i>[тхуоь:га </i> <i>тхуоь:ге]</i>	<i>шубга </i> <i>шубь:ге]</i>	<i>шхуо:га</i>	<i>шуга</i>	<i>тхоге</i>	<i>шуго</i>

и т. д.

Таблица склонения личных местоимений в нахских языках (3-е л. мн. ч.)

Падежи	Чеченск. яз.	Ингушск. яз.	Бацбийск. яз.
I. Им.	<i>уьш изуш</i>	<i>уш[ужащ]</i>	<i>оби окхри</i>
II. Род.	<i>{це:ра(н) це:рин}</i>	<i>цар</i>	<i>окхри</i>
III. Дат.	<i>царна ца:рана</i>	<i>царна</i>	<i>окхрин</i>
IV. Эрг.	<i>[ца:ра]</i>	<i>цар</i>	<i>окхар</i>
V. Твор.	<i>цаьрца церцин</i>	<i>царца</i>	<i>окхарци</i>
VI. Веществ.	<i>[ца:рах ца:риех]</i>	<i>цареих</i>	<i>окхарх</i>
IX. Местный (напр. I)	<i>цаьрга церге</i>	<i>царга</i>	<i>окхарго ок- хриге</i>

и т. д.

В дательном падеже в чеченском корневой дифтонг [yo] удлиняется и переходит в долгий монофтонг [y:]. В ингушском краткий дифтонг [yo] удлиняется в [yo:]. В бацбийском дат. п. дает две формы: *со* и *сон*, в первом случае аффикс дат. п. не выпадает, назализуя корневой гласный, во втором случае выпадает только конечный гласный аффикса — краткий [a]. Исходной формой общенахского языка является *со-на*, а для второго лица ед. ч. *хьона*. Аналогичным путем образовались формы 1-го и 2-го л. мн. ч.: *тхо-на* и *шу-на*.

3-е л. ед. ч., как видно из прилагаемых таблиц, образуется из разных указательных местоимений в вейнахских языках, с одной стороны,

и бацбийском — с другой; в ед. ч.—чеч. *иза||и*, инг. *эз*, бацб. *о*; от этих местоимений в косвенных падежах образуются супплетивные формы в род.: чеч. *цуьна(н)||цуинин* (в форме *цуинин*, зафиксированной в свое время П. К. Усларом, выявляются вставленный внутрь основы аффиксальный [-и-], следующий за [-у-] и образующий дифтонг [уи], -ин, аффикс род. п. с ослабленным -н, предшествующий этому форманту -н,—фонетическое наращение; в дальнейшем дифтонг [уи] дает лабиализованный монофтонг переднего ряда [уь]; в ингушском из состава аффикса род. п. выпал [и], не подвергая смягчению [-у-]. Таким образом, *цуьн||цуьна(а) < цуинин < (цу-и-н-ин)*, инг. *цун*, бацб. *окхуин*.

Основой для образования форм дат. п. 3-го л. в ед. и мн. ч. служит основа род. п., которая утрачивает признак назализации конечного гласного, к которому присоединяется аффикс дат. п.: чеч. *цунна*, инг. *цун-на*, бацб. *окхуи-н* (конечный краткий [а] в составе аффикса род. п. подвергся редукции).

Эргативный падеж имеет свою особую основу в чеч., инг. *цуо*, *цав*, в бацбийском к основе указательного местоимения присоединяется аффикс эрг. п. -с: *окхус*. Основа этого местоимения представлена в чеч. и инг.: чеч. *хлара*, род. п. *хлокхуьна < хлокхуин* (начальный *хл* выпадает в бацбийском).

Смягчение гласного в составе косвенных основ личных местоимений в ед. и мн. ч. наблюдается только в чеченском языке (см. таблицы). Поэтому в нём в косвенных падежах чередуются две основы — основа с лабиализованным гласным переднего ряда и основа с лабиализованным гласным заднего ряда. Это обстоятельство осложняет систему склонения личных местоимений в чеченском языке.

История образования указанных лабиализованных гласных переднего ряда ясно прослеживается в чеченском. Формы творительного падежа личных местоимений образовались так: путем вставки аффиксального [и] внутрь основы: *цуьнца < цуинци(н) < цуинци < цунци*; *тхуоб:-ца < тхуо:ци(н) < тхуо:ци < тхоци*; *шубца < шуицин < шуци*; *цаьрци < цаирци(н) < царци*.

В результате вставки аффиксального *и* внутрь основы образовались дифтонги (ср. также аналогичные дифтонги, возникшие вследствие вставки внутрь основы аффиксального [и]: *окхуи-ци*, *окхуин*, *аиш* и др.), которые в дальнейшем в чеченском превратились в монофтонги и дифтонги переднего ряда: *цуьнга < цуинге*, *тхуоб:ца < тхоици*, *цаьрца < цаарци*.

В чеченском и ингушском языках отсутствуют формы предельного и лишительного падежей от личных местоимений. В бацбийском нет основной и производной форм сравнительного падежа с *л*.

Остальные детали, касающиеся восстановления исходной общенахской системы склонения личных местоимений, мы опускаем.

ПРИТЯЖАТЕЛЬНЫЕ МЕСТОИМЕНИЯ

В нахских языках притяжательные местоимения 1-го и 2-го л. ед. и мн. ч. образуются от личных местоимений: чеч. *суо* — «я», *сан (сен)* — «мой (моя, моё)»; инг. *суо*, *с (сен)*; бацб. *со*, *се (сен)*, *со-ин*; чеч. *хьуо* — «ты», *хьан (хьен)* — «твой (твоя, твое)»; инг. *хьуо*, *хье (хьен)*; бацб. *хьо*, *хье (хьен)*, *хьо-ин*; чеч. *вай||вай* (инклюзив) — «мы», *ваин* — «наш (наше)», инг. *вай < ваин*; бацб. *вай||вай < вайн*; чеч. *тхуо* (эксклюзив) — «мы»; *тхан (тхен)* — «наш (наше, наши, наша)»; инг. *тхуо*, *тх (тхен)*, бацб. *тхо*, *тхе (тхен < тхо-ин*; чеч. *шу* — «вы», *шун (шунин)* — «ваш

(ваша, ваше, ваши)», инг. *шу, шун шу-ин*, бацб. *шу, ш̄у (шу(и)н), шу-ин*.

Притяжательные местоимения 3-го л. ед. ч. образуются от соответствующих указательных местоимений, рассмотренных нами выше: формы род. п. личного местоимения 3-го л. ед. и мн. ч. совпадают с формой притяжательных местоимений. Притяжательные местоимения не склоняются. Притяжательные местоимения бывают двух типов — зависимые, несамостоятельные, употребляемые в качестве притяжательного определения при определяемом, и независимые, самостоятельные, т. е. субстантивированные.

Притяжательные местоимения 3-го л. ед. ч., образованные от указательных местоимений, имеют следующие формы: в ед. ч.: чеч. *и, иза* — «он (она, оно, этот, эта, это)», *(о) цуьн, (о) цуин*; *хIара* — «он (она, оно: этот, эта, это)»; *(х(о)кхуьн) < (хIо) кхуьин*; инг. *уж (уз), цун < цуин*; бацб. *икхуй < икхуин*; *э, энхуй < эхуин*; *о, окхуй < окхуин*.

ВОЗВРАТНЫЕ МЕСТОИМЕННИЯ

Возвратные местоимения образуются от личных и притяжательных. Первое и второе лица возвратных местоимений в чеченском в им. п. ед. ч. образованы от личных местоимений путем замены краткого дифтонга [yo] долгим [yo:]: [*суо:*], [*хьуо:*]; например, [*суо суо:*] — «я сам», [*хьуо хьуо:*] — «ты сам»; инг. *се (суо се), хье (хьуо хье)*; бацб. *суива (со суива); хьуива (хьуо хьуива)*.

В функции возвратного местоимения 3-го л. ед. ч. выступает в им. п. форма *ша* (чеч.), *ше* (инг.), *шаир(ва)* (бацб.): чеч. *и(за) ша* — «он сам». инг. *эз (дз) ше*, бацб. *о шаир(ва)*.

Возвратные местоимения в им. п. мн. ч. имеют следующие формы: чеч. *ваь-ш (вай ваьш* — «мы сами»), *тхаь-ш (тхуо тхаьш* — «мы сами»), *шаьш (шу шаь-ш* — «вы сами»), *шаьш* — «сами» (*уьш шаьш* — «они сами»), инг. *воаш (вай воаш), тхоаш (тхуо тхоаш), шоаш (шу шоаш* — «они сами»), бацб. *ваишуиш (ваи ваишуиш* — «мы сами (себя)»), *тхуиш (тхо тхуиш), шу (шу шуиш* — «вы сами себя»), *шуиш оби шуиш* — «они сами».

В родительном падеже все возвратные местоимения принимают следующие формы: чеч. *саи||саин* — «самого себя», *хьаи||хьаин* — «тебя самого», *шие||шиен* — «самого (его)»; *веши||вешин* — «самих нас», *тхеши||тхешин* — «самих нас», *шаи||шайн||шеин* — «самих вас», *шай(н)||шайн (цера||церин, шай(н)||шайн)*; инг. *сей, хьей, шей, воай, тхоай, шоай*; бацб. *суива, хьуива, шаирва, ваи, ваи, тхе тхай, шу, шуи, окхри шуи*.

Остальные падежные формы возвратных местоимений образуются путем присоединения к форме род. п. (с утратой назализации конечного гласного) аффикса соответствующего падежа.

Следует отметить два важнейших момента в образовании возвратных местоимений в нахских языках: во-первых, форма *ша* — «сам» играет важную роль, сочетанием этой формы с личным местоимением образуется возвратное местоимение 3-го л. ед. и мн. ч. (чеч. *иза ша, цера шаьш*; бацб. *о шаирва, оби шаирва*), т. е. возвратные местоимения 3-го л. ед. и мн. ч. образуются описательно; во-вторых, формы род. п. притяжательных местоимений представляют собой полные формы род. п. личных местоимений (чеч. *са-ин, хьа-ин* и др.; где аффикс род. п. пред-

ставлен в полной форме), тогда как собственные формы род. п. личных местоимений являются усеченными (*са(н)*, *хъа(н)* и т. д.)

Формы чеч. *ваь-ш*, инг. *воаш*, бацб. *ваишуиш* и др. возникли из сочетаний личного местоимения с *ша*. В бацбийской форме *ваишуиш*, очевидно, имеет место повторение *ша*.

УКАЗАТЕЛЬНЫЕ МЕСТОИМЕНΙΑ

Все, что было сказано о личных местоимениях 3-го л. ед. и мн. ч., относится и к указательным местоимениям. Поэтому мы ограничимся краткой их характеристикой.

В бацбийском языке представлены следующие указательные местоимения: *о*, *э*, *и*, *ис*, *укх*, *эхI*, *охI*, *охIаъ*, *ойеъ*. Исторически они различались в зависимости от того, на каком расстоянии находится говорящий от предмета, на который он указывает: и этот, т. е. тот, кто находится несколько дальше от говорящего, чем его ближайший собеседник и т. д.

Однако в современном языке на такие пространственные различия между этими указательными местоимениями не обращают внимания.

В чеченском языке функционирующих указательных местоимений меньше, чем в бацбийском. В литературном языке употребляются всего три: *и*, *иза*, *хIара*. Указательное местоимение *хIара* указывает на самый ближайший к говорящему предмет. В ингушском встречаются *уж* и *укх*. В диалектах употребляют указательное местоимение [*а*] (например, в шатоевском).

От всех рассмотренных указательных местоимений основы косвенных падежей образуются супплетивно (см. таблицу скл. личных местоимений 3-го л. ед. и мн. ч.).

ВОПРОСИТЕЛЬНЫЕ МЕСТОИМЕНΙΑ

Вопросительные местоимения: чеч. *мила*, инг. *мала*, бацб. *ме||мен* — «кто» (употребляется при непереходных глаголах); чеч. *хъа*, инг. *хъан*, бацб. *хъа||хъан* — «кто» (употребляется при переходных глаголах); эти два вопросительных местоимения используют, когда речь идет о разумных существах, членах общества. По-видимому, исходные общенахские основы этих форм: *мал...* и *хъан...* чеч. *хIун*, инг. *фу*, бацб. *вух* — «что». Ингушская форма этого местоимения — результат субституции: *фу* < *хIу*. Бацбийская форма *вух* соответствует чеч. *хIун*. Исходная общенахская основа **хIу*...

Наряду с *хIун*, *фу*, *вух* в отношении к нечленам общества употребляют местоимение: чеч. *стие(н)*, инг. *сен*, бацб. *стIин||стIиен*. Исходная общенахская основа **сти*...

В именит. п. ставятся *мила*, *мала*, **ме||мен*, *хIун*, *фу*, *вух*; а в косвенных падежах — *хъа*, *хъан*, *хъа||хъан*; *стие(н)*, *сен*, *стIин||стIиен* (см. таблицу склонения этих местоимений).

ИМЯ ЧИСЛИТЕЛЬНОЕ

В нахских языках представлены количественные, распределительные, последовательные, собирательные, кратные числительные.

Количественные и порядковые числительные в функции определения всегда предшествуют определяемому слову в чеченском, ингушском и бацбийском языках: чеч. *ши стаг*, инг. *ши саг*, бацб. *ши стIакI* — «два человека», чеч. *уьттулгIа стаг*, инг. *итIагIа саг*, бацб. *итIтIлгIе стIакI* — «десятый человек».

В нахских языках существует двадцатиричная система счета. Это видно из таких примеров: чеч., инг. *тIкъа*—«двадцать», чеч. *шоузтIкъа*, инг. *шоузткъа*, бацб. *шаузтIкъа*—«сорок», чеч. *кхузтIкъа*, инг. *кховзтIкъа*, бацб. *кхоузтIкъа*—«шестьдесят», чеч. (*дуоьзтIкъа*), инг. *дезтIкъа*, бацб. *д-IъеузтIкъа*—«восемьдесят». В бацбийском еще употребляется *пхаузтIкъа*—«сто» (дословно—«пятью двадцать»). В чеченском и ингушском языках утрачено такое образование этого числа. Оно может быть образовано только описательно: чеч. *пховазза тIкъа*—«пятью двадцать». (Исторически описательно образованы и числа 40, 60, 80 во всех нахских языках). Обычно число «сто» выражается посредством особого слова: чеч. [*бIъе:*], инг. [*бIаб:*].

В бацбийском языке до заимствования из грузинского языка названий чисел «сто» (*аси*) и «тысяча» (*атаси*) существовали древние, очень сложные приемы образования количественных числительных от ста и выше: числительные 1000, 10000, 10001 обозначали соответственно: дважды двадцатью двадцать и десятью двадцать и двадцатью пятью двадцатью двадцать ($25 \times 20 \times 20$), «двадцатью пятью двадцатью двадцать и один» ($25 \times 20 \times 20$ и 1). Старики-бацбийцы хорошо помнят эту систему числительных.

Что такая система образования указанных чисел существовала в общенахском языке, овидетельствуют данные чеченского и ингушского языков, в которых слово «сто» образовано от *бIъуо*—«войско» (чеч. *бIъе:*) инг. [*бIъаб:*], а слово «тысяча» заимствовано из персидского (чеч. *эзир*, инг. *эзар*).

Количественные и порядковые числительные в нахских языках имеют следующие грамматические категории: 1) категорию грамматического класса; 2) категорию падежа. Субстантивированные числительные склоняются, как имена существительные.

По грамматическим классам изменяются числительное *д-иъ*—«четыре» и все производные от него количественные и порядковые числительные. Остальные количественные и порядковые числительные по грамматическим классам не изменяются.

КОЛИЧЕСТВЕННЫЕ ЧИСЛИТЕЛЬНЫЕ

Слово, определяемое любым количественным именем числительным, становится в им. п. ед. ч.: чеч., инг., бацб. *пхи машина*—«пять машин». чеч., инг. *итт машина*, бацб. *итIтI машина*—«десять машин». Мы видим, что в этих примерах всюду имя существительное «машина» стоит в им. п. ед. ч.

В чеченском, ингушском языках числительные количественные *цъаъ*—«один», *шиъ*—«два», *кхоъ* (*кхуоъ*)—«три», *диъ*—«четыре», *пхиъ*—«пять» имеют в конце гамзу, передаваемую через *ъ*. В бацбийском языке она сохранилась только у одного числительного *д-Iъивъ*—«четыре». Остальные количественные числительные утратили гамзу (*ши*—«два», *кхо*—«три», *пхи*—«пять»). Выступая в функции определения при определяемом имени существительном, эти числительные утрачивают гамзу: чеч., инг., бацб. *ши цIа*—«два дома» и т. д.

Указанные количественные числительные при постановке определяемого имени в одном из косвенных падежей принимают следующие формы: чеч. *цъана, шина, кхаа, веа, пхиеа*, инг. *цъан, шин, кхаъ, пхие*, а также *тIкъаъ* (*тIкъа*), бацб. *цъан, шин, кхаиен* и т. д. Так образуется косвенная основа этих числительных. Остальные числительные сохраняют форму прямого (им.) падежа во всех косвен-

ных падежах: чеч., инг. *ялх, вуорхI, бархI, исе, итт*, бацб. *йетх, ворлъ, барлъ, исс, итIтI* — «шесть, семь, восемь, девять, десять».

Числительные *итт* (бацб. *итIтI*) и *тIкъа*, вероятно, имеют общий корень. Во всех нахских языках числительные от десяти до восемнадцати образуются, как в русском языке (сочетание количественных числительных до десяти с числом десять). Числительные 30, 40, 50, 60, 70, 90, 110 и т. д. образуют соответственно «двадцать и десять», «дважды двадцать», «дважды двадцать и десять», «трижды двадцать и десять», «пятью двадцать и десять». Образование 60, 80 и 100 уже было показано. В образовании всех указанных числительных сохранились общенахские особенности.

Своеобразно образуется числительное «девятнадцать» в каждом из нахских языков: чеч. *тIкъуоб:сапа* (по Услару—*тIкъиесна*, инг. *тIкъеста*, бацб. *тIкъехцI*). Как видно из этих примеров, это слово образовано во всех трех языках по одному и тому же способу. Трудно пока что с научной достоверностью установить этимологию этого слова.

Окаменелые классные префиксы сохранились в числительных: чеч., инг. *вуорхI, бархI*, бацб. *ворлъ* — «семь», *барлъ* — «восемь».

Исторический интерес представляет образование числительных от десяти до восемнадцати:

Чеч.	Инг.	Бацб.
11 — <i>цхъаитта</i> (по Услару — <i>цхъаитте</i>)	<i>цхъаитта</i>	<i>цхъаитIтI(a)</i>
12 — <i>шийтта</i> (» » <i>шийтте</i>)	<i>шийтта</i>	<i>шийтIтI(a)</i>
13 — <i>кхуоитта</i> (» » <i>кхуоитте</i>)	<i>кхуоитта</i>	<i>кхоитIтI(a)</i>
14 — <i>деитта</i> (» » <i>деитте</i>)	<i>дийтта</i>	<i>дIъевеитIтI(a)</i>
15 — <i>пхийтта</i> (» » <i>пхитте</i>)	<i>пхийтта</i>	<i>пхиитIтI(a)</i>
16 — <i>йалхийтта</i> (» » <i>йалхитте</i>)	<i>йалхийтта</i>	<i>ьетхеитIтI(a)</i>
17 — <i>вурхIийтта</i> (» » <i>вуорхIитте</i>)	<i>вурхIийтта</i>	<i>ворлъеитIтI(a)</i>
18 — <i>берхIийтта</i> (» » <i>бархIитте</i>)	<i>бархIийтта</i>	<i>барлъеитIтI(a)</i>

Из этих примеров видно, что в общенахском должны были существовать дифтонги *аи, ои еи* и долгий монофтонг (*и:*), возникшие из слряжения соседних гласных.

ПОРЯДКОВЫЕ ЧИСЛИТЕЛЬНЫЕ

В чеченском, ингушском и бацбийском языках одинаково образуются порядковые числительные от количественных числительных посредством словообразовательного аффикса *-лгI, ллгI-*, который обычно осложняется присоединяемым к нему гласным, выступающим в функции словоизменяющего аффикса именит. п. ед. ч., осложненного, в свою очередь, признаком назализации в полной мере в бацбийском и очень слабо — в чеченском: чеч. *шоллагIа(н)* — «второй», инг. *шоллагIа*, бацб. *шилгIе* — «второй», чеч. *кхоалгIа(н)*, инг. *кхолагIа*, бацб. *кхалгIе* — «третий».

В бацбийском форма *шилгѣ* образована путем непосредственного присоединения аффикса *-лгI-* к основе количественного числительного *ши*, при этом выпадает гамза перед аффиксом *-лгI-*, окончание *-е* (вместо ожидаемого *а*, как в чеч. и инг.) объясняется, во-первых, прямой небной гармонией гласной *и*, во-вторых, противопоставлением *е* (для ед. ч. в бацб.) и *а* (для мн. ч. в бацб.). По данным П. К. Услара, в чеченском языке в числительных *шолугун*, *кхо: лугун*¹, наоборот, имеем прямую губную гармонию гласных.

В чеченском и ингушском языках единственным является случай удвоения *л* в составе аффикса *-лгI-* в порядковом числительном *шоллагла(н)*. В бацбийском вообще отсутствует удвоение *л* в составе аффикса *-лгI-*. В настоящее время не представляется возможности научно обоснованно объяснить происхождение лабиализованного [о] в основе порядкового числительного *шоллагла*. Возможно, что здесь имеет место образование косвенной основы или же унификации основы порядковых числительных до десяти с гласным [о].

Из рассмотренных фактов становится ясно, что бацбийская форма *шилгI-ѣ* отражает более древнее состояние, ведущее нас к общенахскому языку.

При образовании порядкового числительного «третий» в бацбийском выпал корневой *о*, а гамза развилась в краткий [а]: *кхалгI-н* < *кхоалгIе* < *кхоьлгIе*, в чеч. *о* сохраняется, гамза же переходит в краткий гласный [а]: *кхоалгла* < *кхоь(а)лгла(н)*; в ингушском [о] сохраняется, гамза переходит в [а] и вклинивается между аффиксальным *л* и *гI*, образуя форму *кхалагла* < *кхоалагла* < *кхоьлгла(н)*.

Порядковое числительное «первый» образуется от *хьатх*—«перед» и *дуихь*—«начало» с окаменелым классным префиксом *д* путем наращивания *-р-*, к которому присоединяется гласный: чеч. *хьалхара* (дословно—«передний»), *дуьхьра* (дословно—«начальный») почти не употребляются, инг. *хьалхара* и *цхьолагла* (дословно—«одинокий»), бацб. *хьатх-р-е*, *дуихь-р-е*—«первый».

Как и прилагательные, порядковые числительные делятся на числительные зависимые (несамостоятельные) и независимые (самостоятельные). В косвенных падежах-зависимые (несамостоятельные) порядковые числительные, как и зависимые прилагательные, имеют аффикс *-ч*, присоединяемый к форме им. п. ед. ч. данного порядкового числительного (в этом случае в бацбийском конечные гласные утрачивают назализацию): бацб. *хьатх-р-еч*, *дуихь-р-еч*, *ши-л-гI-е-ч*, чеч. *хьалхар(а) чу*, *шоллагI(а) чу шоллугIучу*, инг. *хьалхарача*, *шоллагIача*.

В чеченском, ингушском и бацбийском сохранились словообразовательный аффикс порядкового числительного *-лгI-*, аффикс для им. п. ед. ч., совпадающий с аффиксом род. п. им. сущ. и им. п. ед. ч. имен прилагательных, а также аффикс для косв. падежей *-ч*. Все эти аффиксы восходят к общенахскому языку-основе.

ДРУГИЕ РАЗРЯДЫ ЧИСЛИТЕЛЬНЫХ

Образование распределительных числительных происходит по способу, восходящему к общенахскому языку, а именно—удвоением основ количественных числительных. При этом между нахскими языками наблюдаются существенные расхождения в оформлении отдельных распределительных числительных: чеч. *шишиша* (*шишиши*, по Услару), инг. *шишиша*, бацб. *шиш*—«по два»; чеч. *пхип* (*пхипхи*, по Услару), инг.

¹ П. К. Услар. Указ. соч., стр. 190.

пхи-пхи, бацб. *пхипх* — «по пять» и т. д. При образовании «пять» в чеч. сохраняется только начальный звук повторяемой основы (*пхи-п*), в ингушском основа полностью повторяется (*пхи-пхи*), а в бацбийском — лишь начальные согласные (*пхипх*).

Собирательные числительные в трех языках образуются по-разному: чеч. *ши-мма*, *кха-амма*; *вие-амма*; инг. *ши-нне*, *кхав-нне*, *виъне* *пхинне* — «впятером»; бацб. *ши-кле*, *кхо-кле* и т. д., «вдвоем, втроем, вчетвером, впятером» и т. д. Они, по-видимому, образовались после распада общенахского языка-основы.

Кратные числительные образуются посредством аффикса *зза* в чеченском (*шозза кху-зза* — «дважды, трижды»), в бацб. — аффикса *-цI* (*кхо-цI*, *шо-цI*). Бацбийский *цI* согласно закону перехода конечного *дз*, *з* в *цI* восходит к *дз*. Данный аффикс является, по-видимому, результатом удвоения повторяющейся формы, употреблявшейся в общенахском языке.

Формы бацбийских разделительных числительных образовались из порядковых: *шигI* — «надвое» (на две части) <*шилгIе* (ср. чеч. *шоллагIа дакта*, инг. *шоллагI дакта*), *пхигI* («на пять частей») <*пхилгIе* (ср. чеч. *пхуовалгIа дакта*, инг. *пхелагIа дакта* — «пятая часть»).

ГЛАГОЛ

МОРФОЛОГИЧЕСКИЕ КАТЕГОРИИ НАХСКОГО ГЛАГОЛА

Глагол — наиболее развитая часть речи в нахских языках. Он отличается богатством морфологических категорий, подавляющее большинство из которых восходит к общенахскому языку-основе. Некоторые глагольные формы возникли после распада нахского языка-основы (например, категория лица в бацбийском языке). Некоторые из морфологических категорий нахского глагола уже утрачены отдельными нахскими языками (например, формы только что прошедшего времени в ингушском языке).

В современных нахских языках представлены следующие морфологические категории глагола:

- 1) категория грамматических классов;
- 2) категория времени;
- 3) категория наклоения;
- 4) категория глагольного вида;
- 5) категория единичности и множественности субъекта и прямого объекта;
- 6) категория лица.

Категория грамматических классов нами уже рассмотрена. Как мы видели выше, она охватывает далеко не все глаголы. Поэтому морфологическая структура классных глаголов существенно отличается от морфологической структуры неклассных глаголов. Морфологическая структура классных глаголов сильно осложнена включением в состав глагольных форм классных показателей в качестве префиксов, инфиксов, суффиксов и внешней флексии.

Обилие временных форм — характерная черта нахского глагола. В нахских языках имеются две основные группы времен: а) абсолютные времена, б) относительные времена. Наибольшее количество временных форм представлено в изъявительном наклонении.

В нахских языках представлено всего восемь наклонений, в числе их: 1) изъявительное, 2) повелительное, 3) понудительное, 4) проси-

тельно-желательное, 5) потенциалис, 6) отрицательное (только в ингушском), 7) неопределенное и 8) так называемое именное.

Категория глагольного вида образуется двояко: а) посредством разных глагольных основ, б) внутренней флексией.

Категория единичности и множественности субъекта и прямого объекта также образуется двояко: а) при помощи разных, но соотносимых глагольных основ, б) внутренней флексией.

Категория лица характерна для 1-го и 2-го л. ед. и мн. ч. в бацбийском языке. Категория лица (в 1-ом и 2-ом л. ед. и мн. ч.) выражается в повелительном и просительном-желательном наклонениях в чеченском и ингушском языках.

СЕМАНТИЧЕСКОЕ ПРОТИВОПОСТАВЛЕНИЕ ГЛАГОЛОВ

Семантическое противопоставление глаголов в нахских языках не имеет специального морфологического выражения (если не считать включения в морфологический состав непереходного глагола классного показателя субъекта, а переходного глагола классного показателя прямого объекта).

Семантическое противопоставление глаголов выражается синтаксически (постановкой логического субъекта в том или ином падеже, согласованием субъекта и прямого объекта непереходным или переходным глаголом в грамматическом классе и др.).

Глаголы противопоставляются синтаксическими средствами по следующим семантическим признакам:

1) по признаку непереходности и переходности выражаемого ими действия (при непереходном глаголе-сказуемом подлежащее — в им. п., при переходном глаголе-сказуемом подлежащее стоит в эргативном падеже);

2) переходные глаголы «чувственного восприятия» (знать, видеть, слышать и некот. др.) противопоставляются; выделяются падежной формой выражения прямого дополнения (при них логический субъект ставится в дательном падеже);

3) динамические (т. е. непереходные глаголы, выражающие активное действие, движение) и статические (т. е. непереходные глаголы, выражающие пассивное состояние предмета, субъекта) противопоставляются также формой выражения логического субъекта (при динамических глаголах субъект ставится в эргативном падеже, при статических глаголах — в именительном падеже). Третья группа семантически и синтаксически противопоставляемых глаголов имеется только в бацбийском языке, т. е. динамические и статические глаголы по указанным признакам не противопоставляются в чеченском и ингушском языках. Первая и вторая группы представлены во всех нахских языках.

ГЛАГОЛЬНОЕ СЛОВООБРАЗОВАНИЕ

В нашей работе более подробно рассмотрено словообразование имен существительных. В этом была большая необходимость. С именным словообразованием связаны важные фонетические процессы, а также фонетические процессы, обусловившие появление именных основ различных типов.

В системе глагольного словообразования эти процессы во многом повторяются. Поэтому нет необходимости повторно излагать их и в области глагола. Исходя из этого, мы ограничимся здесь характеристикой основных способов глагольного словообразования.

В нахских языках представлены следующие основные способы глагольного словообразования:

1) основосложение, 2) путем флексии основ, 3) противопоставлением глагольных основ разного происхождения, 4) префиксальный, 5) суффиксальный, 6) префиксально-суффиксальный.

Перечисленными не ограничиваются используемые в нахских языках способы глагольного словообразования. Так, например, в ингушском и чеченском литературных языках получил распространение особый способ образования новых глаголов. Я имею в виду такие сочетания: «пропагандировать дан», «агитировать дан» и т. д. Они обусловлены влиянием русского языка на чеченский и ингушский литературные языки. На них мы не останавливаемся в данном исследовании по понятным причинам. Учитывая все это, и приходится подчеркивать, что здесь рассматриваются только основные способы глагольного словообразования.

Наиболее распространенным является способ основосложения. Он является наиболее продуктивным, развивающимся. По этому способу образуются новые глаголы путем:

а) сочетания основ двух и более глаголов: чеч. *дага* (*догу* — «горит»), инг. *дага* (*доаг* — «горит»), бацб. *дакла* — «гореть»; чеч., инг. *дага-дан* — «сжигать» (дословно — «гореть делать»); чеч., инг. *дага-да-ита* — «заставить, позволить сжечь» (дословно — «гореть-делать-оставить») и т. д.;

б) сочетания глагольной и именной основ: чеч., инг. *дага-да* — «вспомнить» (дословно *дага* — «к сердцу», [*да:н*] — «приходить») и т. д.;

в) сочетания основы прилагательного и глагола: инг., чеч. *шел-дар*, бацб. *пшелдар* — «охлаждать», (от чеч., инг. *шилла*, бацб. *пшел* — «холодный») и др.

Возможны и другие типы сочетания основ для образования новых глаголов. Однако основными типами сочетания являются перечисленные выше.

Префиксальный способ образования новых глаголов получил широкое распространение в чеченском и ингушском литературных языках, а также в бесписьменном бацбийском языке. В качестве префиксов чаще всего выступают послелого, выполняющие функции русских глагольных приставок: инг., чеч. *чу-та-са* — «бросить» (во что-нибудь), бацб. *чу-хаар* — «садиться» (внутри помещения); бацб. *дахь-къастлар* — «отделиться», чеч., инг. *дIакъовла* — «закрывать, закрепить» и т. д.

Префиксально-суффиксальный способ также распространяется очень быстро: инг. *кIал-кхосси-ит-а*, чеч. *кIел-кхос-си-йт-а* — «позволить подбросить» от послелога *кIал||кIел* — «под», *кхосса* — «бросить», *-ит* — понудительный аффикс); бацб. *мак-эхи-ит-а* — «позволить подойти» (*мак* — послелог, выступающий в функции префикса, *ит* — понудительный аффикс) и др.

Посредством переогласовки корневых гласных образуются разные виды глагола: инг., бацб., чеч. *лаллар* (однократный вид) — «гнать», но *леллар* (многократн. вид) — «гонять», чеч. *техкар*, инг., бацб. *торкар* (однократн. вид) — «качнуться», чеч. *техкар*, инг., бацб. *теркар* (многократн. вид) — «качаться» и др.

Суффиксальный способ является наименее развитым. В нахских языках очень мало суффиксов глагольного словообразования. К ним относятся: *-л-* (бацб. *текIа*, чеч. *тега* — «сшей», но бацб. *текI-л-и-б*; чеч. *тег-л-о* — «сшейся, будет в состоянии сшить» и т. д.); *-итI-тI* (бацб.

дотт(а) — «налей», но *д-отт-ит(а)* — «позволь налить», инг., чеч. *тагга* — «толкнуть», но *тагг-и-т-а* — «позволь толкнуть» и т. д.)

Говоря о противопоставлении глагольных основ разного происхождения для образования новых глаголов глагольных форм разных видов, мы имеем в виду следующие глагольные формы: бацб. *лаллар*, инг., чеч. *лаллар* — «погнать» (одного), бацб. *лахклар*, инг., чеч. *лахкар* — «погнать» (многих) и др.

Глагольному словообразованию посвящена специальная статья К. З. Чокаева, где эти вопросы рассмотрены в несколько ином плане¹.

ТИПЫ ГЛАГОЛЬНЫХ ОСНОВ

Говоря о типах глагольных основ в нахских языках, следует иметь в виду определенную группу глаголов. Наиболее простейший тип глагольной основы представлен в тех первообразных глаголах древнейшего происхождения, которые не имеют видовых форм и форм, различаемых по признаку единичности и множественности субъекта или прямого субъекта.

К таким глаголам относятся: *алар* (бацб. *алъар*) — «сказать», *ахар* — «пахарь» (*атар* — «крошить, дробить»), *ахкар* (бацб. *ахклар*) — «копать», *д-ахар* — «жить», *хазар* — «слышать», *хиетар* — «казаться», *дар* — «делать», *хилар* (бацб. *хилъар*) — «бывать», *хаар* (инг. *хар*) — «знать», *гар* (неправильный глагол) — «видеть», *дажар* — «пасться», *дисар* — «остаться», *муоттар* (бацб. *моттар*) — «думать», *латтар* — «стоять» и некоторые другие. Эту группу в дальнейшем мы будем называть первой группой. Вторая группа глаголов включает в себя те глаголы, которые образованы от разных основ для выражения однократного и многократного действий:

Однократный вид	Многократный вид
<i>д-адар</i> (бацб. <i>датлар</i>) — бежать	<i>идар</i> (бацб. <i>итлар</i>) — бегать
<i>д-ахар</i> — идти	<i>иехар</i> (бацб. <i>ихар</i>) — ходить
<i>иеккхар</i> (бацб. <i>эккхар</i>) — прыгнуть	<i>лиелхар</i> (бацб. нет.) — прыгать
<i>д-алар</i> (бацб. <i>далъар</i>) — дать	<i>тийлар</i> (бацб. <i>телъар</i>) — давать
<i>дар</i> (бацб. <i>даар</i>) — принести	(<i>кхие:хъар</i>) (бацб. <i>кхе:хъар</i>)

Третья группа глаголов охватывает те глаголы, которые выражают однократный и многократный виды посредством внутренней флексии. Данная группа представлена в чеченском и ингушском языках:

Однократный вид	Многократный вид
(<i>такхар</i>) — ползти	(<i>тие:кхар</i>)
(<i>сацар</i>) — остановиться	(<i>сие:цар</i>)
(<i>лакъар</i>) — истощиться	(<i>лие:къар</i>)

¹ К. З. Чокаев, Глагольное словообразование в чеченском языке, Известия ЧИНИИЯЛ, том. 1, вып. 1. Грозный, 1959.

Однократный вид	Множественный вид
(лакхар) — играть на чем-нибудь	(лие:кхар)
(таттар) — толкнуть	(тиеттар)
(латIкъар) — пожаловаться	(лиетIкъар)
(саттар) — согнуться	(сиеттар)
в бацбийском:	
(лачIкъар) — спрятаться	(лечIкъар)
(тасар) — сбросить сверху вниз	(тенсар)
(лаллар) — угнать	(лехкIар)

Четвертая группа образуется из глаголов, имеющих разные основы, для выражения единичности и множественности субъекта и прямого объекта.

Глаголы с основами, требующими субъекта и прямого объекта

ед. ч.	мн. ч.
(да:р(а) (бацб. даар) — приходиться	д-ахкар (бацб. дахкIар)
(хъажар (бацб. хъачIар) — посмотреть	(хъавсар) (бацб. хъансар).
(дуоллар) (бацб. доллар) — (за)сунуть	(диехкар) (бацб. дехкIар)
(диллар) — положить	(диехкар) (бацб. диехкIар).

Пятая группа включает в себя глаголы четвертой группы, различающиеся наличием внутренней флексии, создающей две основы одного и того же глагола для выражения однократного и многократного видов:

а) Однократный вид глаголов, требующих субъекта или прямого объекта

ед. ч.	мн. ч.
(хъажар) (бацб. хъачIар) — посмотреть (одному)	хъие:жа (бацб. хъечI)
(лаллар) — угнать	(леллар)

Множественный вид глаголов, требующих субъекта или прямого объекта

ед. ч.	мн. ч.
хъавсар (бацб. хъансар) — посмотреть (многим)	(хъи)сар (бацб. хъенсар)
(лахкар) (бацб. лахкIар) — угнать (многих)	лиехкар (бацб. лехкIар)

От каждой рассмотренной группы глаголов может быть образована основа повелительного, просительного-желательного, эмфатического, условного, вопросительного, отрицательного (инг.) наклонений, потенциалиса. Однако каждая такая основа будет образована при помощи определенного суффикса, присоединяемого к исходной основе: [ат(а)] — «кроши, дробь», [ати:т(а)] — «заставь дробить» (повуд. накл.); [а:т(а)-багар] — «быть в состоянии дробиться», [а:тал] [а:талахъ] — «дробь, пожалуйста» и т. д.

В данной работе невозможно останавливаться на рассмотрении этих производных глагольных основ.

Что же касается рассмотренных пяти групп глаголов, то глаголы, входящие в каждую из них, имеют специфические исходные основы повелительного наклонения, настоящего и только что прошедшего времени. Это видно из следующих примеров:

Повелительное наклонение			
группа глаголов	основа однокр. вида	нейтральная в видовом отношении основа	основа многократного вида
I группа	—	ах(а) — паши	—
II группа	д-ада (бацб. д-а- тлар — беги	—	ида (бацб. итла) — бегать, инг. эда
III группа	(лачкѡа) — спрячь- ся	—	[лиечкѡа] — спрячь- ся (бацб. лечкѡа)
IV группа	дилла — положи (одного)	—	д-иеахка (бацб. дех- кла (многих)
V группа			
а)	(лалла) — угони (одного)	—	[лиелла] (бацб. лел- ла)
б)	лакха (лахша) — угони (многих)	—	лаехка (бацб. лех- кла) — гоняй их

Настоящее время изъявит. наклонения			
группа глаголов	основа однократного вида	нейтральная в видовом отношении основа	основа многократного вида
I группа	—	бацб. [а:хо] инг. оах, чеч. [о:ху]	—
II группа	бацб. д-атло, инг. дод, чеч. д-оду	—	бацб. итло, инг. уд, чеч. уьду.

Настоящее время изъявит. наклонения			
группа глаголов	основа однократного вида	нейтральная в видовом отношении основа	основа многократного вида
III группа	бацб. <i>лачІкѳо</i> , инг. <i>лачІкѳъ</i> , чеч. <i>лечІкѳа</i>	—	бацб. <i>лечІкѳо</i> , инг. <i>лиечІкѳъ</i> , чеч. <i>лиечІкѳа</i>
IV группа	бацб. <i>д-илло</i> , инг. <i>д-улл</i> , чеч. <i>д-уьллу</i>	—	бацб. <i>дехІо</i> , инг. <i>диехк</i> , чеч. <i>диехка</i>
V группа	а) бацб. <i>лалло</i> , инг. <i>лоалл</i> , чеч. <i>лолли</i>	—	бацб. <i>лелло</i> , инг. <i>лиелл</i> , чеч. <i>луобьллу</i>
	б) бацб. <i>лахкІо</i> , инг. <i>лоахк</i> , чеч. <i>ловхку</i>	—	бацб. <i>лехкІо</i> , инг. <i>лиехк</i> , чеч. <i>луовхка</i>

Только что прошедшее время

группа глаголов	основа однократного вида	нейтральная в видовом отношении основа	основа многократного вида
I группа	—	бацб. [а:хи], инг. — чеч. [е:хи]	—
II группа	бацб. (<i>д-атІи</i>) инг. — чеч. (<i>деди</i>)	—	бацб. (<i>итІи</i>) инг. — чеч. (<i>иди</i>)
III группа	бацб. <i>лачІкѳи</i> инг. — чеч. <i>лечІкѳи</i>	—	бацб. <i>лечІкѳи</i> инг. — чеч. <i>личІкѳи</i>
IV группа	бацб. <i>дилли</i> инг. — чеч. <i>дилли</i>	—	бацб. <i>дехкІи</i> инг. — чеч. <i>диехки</i>
V группа	а) бацб. <i>лалли</i> инг. — чеч. <i>лаьлли</i>	—	бацб. <i>лелли</i> инг. — чеч. <i>лилли</i>
	б) бацб. <i>лахкІи</i> , инг. — чеч. <i>лавхки</i>	—	бацб. <i>лехкІи</i> , инг. — чеч. <i>ливхки</i>

Как видно из приведенных таблиц, бацбийский язык сохранил изумительное единообразие системы спряжения, которое было характерно для общенахского языка, являвшего собой классический пример чисто агглютинативной системы спряжения в основных (непроизводных) временах и наклонениях. Появление личного спряжения способствовало

разрушению этого единообразия системы спряжения: *ас* и *стIакI вашо|| вашос* — «я брею этого человека», только что прошед. время. *ваши*, но недавнопрош. вр. *вашинас* (*вашинатхо* — «мы брили») — «я брил», наряду с *вашино* — «он (они) брил» (без личного спряжения в 3-м л. ед. и мн. ч.) и т. д.

Несмотря на это изумительное единообразие системы спряжения применительно к указанным выше временам и наклонениям, в бацбийском языке приведенные в таблицах девять глаголов дают девять разных основ (разных по своей грамматической структуре). Объясняется это тем, что сформированию разных грамматических структур глагольных основ способствуют категории грамматического класса, вида, единичности и множественности, наличие глаголов, нейтральных в отношении к виду, категории грамматического класса, единичности и множественности.

Изменение фонетического состава аффиксов видов, времен, наклонений в чеченском и ингушском языках обусловило преобразование, видоизменение грамматической и фонетической структуры глагольных основ. В результате у каждого из рассмотренных глаголов появилось по три основы: повелит. накл., наст. вр. и только что прош. вр.: чеч. в повелит. накл. *аха*, наст. вр. *оху*, только что прош. вр. *эхи* (*ехи*); инг. *аха*, наст. вр. *оах*, (только что прош. нет); недавнопрош. *авхад*. Всего же таких исходных форм в пяти группах глаголов получится двадцать семь. Объем данной работы не позволяет нам дать развернутый анализ всех этих основ и производных от них форм. Поэтому мы ограничимся более детальным рассмотрением глаголов, относящихся к первой (основной для исторической и сравнительно-исторической характеристики нахского глагола) группе. Менее подробно будут освещены остальные группы глаголов.

Почти все глаголы, представленные в рассмотренных пяти группах, имеют три основы (основа инфинитива, масдара, повелительного наклонения, основа настоящего времени и основа только что прошедшего времени изъявительного наклонения), от которых образуются почти все остальные глагольные формы. От этой общей нормы несколько отклоняются односложные глаголы типа *дар* — «делать», *гар* — «видеть» и неправильно спрягаемые глаголы: инфинитив, масдар *дала(н)*, *далар* — «дать», но чеч., инг. (*луо:*), бацб. *либ* — «дай», наст. вр. чеч. [*луо*], бацб. *ло*; инфинитив, масдар *дахьа(н)*, *дахьар* — «нести», повелит. накл. чеч., инг. [*хьуо:*], бацб. *хьиб*; наст. вр. [*хьуо*], бацб. *хьо*.

От первой основы все глаголы — правильно и неправильно спрягаемые и недостаточные — образуют правильно формы инфинитива и масдара. В этих двух формах всегда представлена исходная, древнейшая основа глагола (односложного, двусложного, трехсложного и т. д.): *аха*, *ахар* — «пахать», *да(н)*, *дар* — «делать», *га(н)*, *гар* — «видеть», *дага-д-ан*, *дага-д-ар* — «вспоминать» и др.

Формы повелительного наклонения правильно образуются от всех правильно спрягаемых двух- и более сложных глаголов. В них представлена не просто исходная древнейшая основа глагола, она представлена в чистом виде, в простейшей, почти ничем не осложненной форме (если не считать сильно редуцированный конечный гласный (*а*)). Вместе с тем следует учесть, что формы повелит. накл. от неправильных глаголов — вторичного происхождения (чеч. [*дие:*], [*хьуо:*], [*луо:*], бацб. *диэб*, *хьиб*; *либ* от *да(н)*, *дар*; *дахьан*, *дахьар*, *даланр*, *далар*). С другой стороны, и формы инфинитива и масдара осложнены показателями: масдар — показателем *р*, а инфинитив — назализованным глас-

ным в бацбийском, едва заметной назализацией конечного гласного в чеченском и ингушском. Следовательно, исходная, древнейшая глагольная основа в ее чистой, простейшей, почти неосложненной форме представлена в повелительном наклонении. Хотя его формы от неправильных глаголов вторичного происхождения, все же в исторических исследованиях за первичную основу глагола следует брать основу повелительного наклонения. Поскольку основа повелит. наклонения представлена в формах инфинитива и масдара, в дальнейшем мы будем пользоваться масдарной формой, как практически наиболее удобной, указывая при этом на основу повелительного наклонения, от которой образуется масдар.

ИСТОРИЧЕСКИЕ ЧЕРЕДОВАНИЯ КОРНЕВЫХ ГЛАСНЫХ (УМЛАУТ КОРНЕВОГО ГЛАСНОГО)

В образовании форм временных, видовых и некоторых других форм нахского глагола наблюдаются чередования корневых гласных. Чередования гласных, связанные с образованием видовых форм глагола, распространяются на все нахские языки (чеч., инг., бацб. однокр. вид *лачIкъ(а)* — «спрячься», многокр. вид. чеч., инг. *лиечIкъа*, бацб. *лечIкъ(а)*; чеч., инг. однокр. вид. *лахка* — «угони (многих)», бацб. *лахкI(а)*, многокр. вид. чеч., инг. *лиехка*, бацб. *лехкIа*). Такой тип чередования — древнейшего происхождения. В дальнейшем мы будем называть его первичным историческим чередованием в системе глагола.

Чередования корневых гласных при образовании многих временных форм особенно широко распространены в чеченском и ингушском языках (повел. накл. *аха* — «паша», *ала* — «скажи», наст. вр. чеч. *оху||аха*, инг. *оах*; чеч. *олу||ола*, инг. *оал*; прош. соверш. очев. чеч. *эхира*, *элира||элара*, инг. *аьлира*, *аьхара*). В значительно меньшей степени распространены чередования корневых гласных при образовании форм различных времен в бацбийском (повел. накл. *алъа* — «скажи», наст. время *алъо*, прош. соверш. очев. *алъира*, но личные формы в недавнопрошед. вр. *аилънас* — «сказал», *аилънахъ* — «сказал ты»). Эти чередования — более позднего происхождения. Их мы будем называть вторичными историческими чередованиями корневых гласных в системе глагола.

ПЕРВИЧНОЕ ЧЕРЕДОВАНИЕ КОРНЕВЫХ ГЛАСНЫХ В СИСТЕМЕ ГЛАГОЛА

При образовании однократного и многократного видов от переходных и непереходных глаголов, имеющих одинаковые или разные видовые основы, в бацбийском выявляются следующие типы чередования корневых гласных:

Однократный вид	Многократный вид
-а-	-и-
-а-	-е-
-о-	-еп-
-а-	-еп-
-о-	-е-

Примеры (сначала дается однократный вид, затем перевод и через дефис—многократный вид от глаголов, имеющих одинаковые или разные основы, переводится только одна однократная форма): *датI* — «беги», *итI*; *ларкI* — «постриги», *кхос* — «брось», *кхеп-с т-а-с* — «сбрось сверху вниз», *т-еп-с д-о-лл* — «(за)сунь», *д-е-хкI*.

Для противопоставления форм однократного и многократного видов используются следующие типы чередований корневых гласных:

В чеченском	
однократный вид	многократный вид
-а-	-и-
-а-	ие-
[-а:]	[-ие:]
[-а:]	[-и:]
[-а-]	[-ав-]
-а-	[-и:]
[-уо:-]	[-ие:]
[-и-]	[-ие-]
[-уо:-]	[-и:-]
[-оу-]	[-и:-]
[-уо-]	[-и:]
[-уо-]	[-ие-]
[-ие-]	[ие-]

Примеры: *д-ада* — «беги», *хатта* — «спроси», *хавтта*, *д-аккха* — «отними» — [д-а:ха], *хада* — «оборвись» — [хие:да], [д-а:ла] — «выйди» — [ди:ла], [а:ла], — «скажи» — [ба:ха], *лаха* — «пойщи» — [лие:ха], *шарша* — «скользи» — *шшерша*, *мала* — «выпей» — [ми:ла], *къаста* — «отделись» — *къиеста*, [луо:(дала)] — «дай» — [гие:ла], *дилла* — «клади» — *диехка*, [уо:за] — «потяни» — [и:за], *къ-ов-са* — «поспорь» — [къи:са], *дуотта* — «налей» — *д-итта*, *гIуо(даха)* — «иди» — *иеха*, *дилла* — «клади» — *диехка*.

В ингушском	
однократный вид	многократный вид
-а-	[-ы-] орфографически [а]
-а-	—
[-а:]	[-ие:-]
[-а:-]	-ув-
-а-	[-ие:-]

В ингушском	
однократный вид	многократный вид
-а-	-ие-
-а-	-ув-
-а-	[-ие:-]
[а]	[-а:-]
-ие-	-ие-
[-уо:-]	-ув-
-ов-	-ув-
[-уо:-]	-ие-
-уо-	-ув-
-уо-	-ие-
[-э-]	-ие-

Примеры: *д-э-лла* — «клади» — *диехка*, *Луотта* — «кольни» — *Лувтта*, *Ловда* — «выжми» — *Лувда*, *уотта* — «стань» — *увтта*, [уо:за] — «потяни» — *увза*, *туоха* — «ударь» — *диетта*, [луо:], (*дала*) — «дай» — (*тие:ла*), *къаста* — «отделись», *къиеста*, *даккха* — «отбери» — [*даь-ха*], *тасса* — «посыпь» — *тувса*, *мала* — «выпей» — [*мие:ла*], *тарка* — «качнись» — *тиерка*, *хъага* — «завидууй» — [*хъие:га*], [*д-а:ла*] — «выйди», *дувла*, [*ла:ца*] — «поймай» — *лувца*.

В настоящее время не удается установить причины возникновения первичного чередования корневых гласных в системе глагола. Можно лишь проследить, как усложнялись типы первичного чередования в чеченском и ингушском языках. Этому способствовала в значительной степени известная зависимость краткого и долгого гласного от открытого и закрытого слога, а также образование в них дифтонгов при выпадении *n* в чеч. и инг. после *a* и *e* (бацб. *кхепс*, инг. *кхувса*; бацб. *данлула*, чеч. *давза*, *довза*). Бацбийскому корневому гласному (*и*) в формах многократного вида соответствуют в чеченском *-и*, *ие*, [ие:], в ингушском — [уэ], *и*: бацбийскому сочетанию *-еп* находим параллели в чеч. [и:], *ие*, [ие:] в ингушском — *ув*, *ие*, [ие:], в бацбийском *о* соответствуют в чеч. и инг. *уо*, [уо:], бацб. *е* в основе многокр. вида дает в чеч. [и:], [ие:], *е*, *и*, *ие* и т. д.

С другой стороны, данные чеченского и ингушского языков позволяют восстановить исчезновения видовых форм в бацбийском языке. В бацбийском существует форма *Іапш* — «пожуй», которая соответствует чеч. и инг. *Іовша* (однокр. вида), форма многокр. вида в чеч. (*Іи:ша*), инг. *Іувша*. Отсюда легко можно сделать вывод (зная приведенные выше факты), что в бацбийском должна была существовать форма многокр. вида *І-епш* и т. д.

Таким образом, в чеченском и ингушском языках увеличились типы первичного чередования корневых гласных в системе глагола. Напротив, в бацбийском утрачены многие видовые формы. Чеченский и ингушский языки тоже утратили некоторые видовые формы (например, в инг. отсутствует форма многократного вида от глагола *лиелла* — «гоняй», а

в чеченском отсутствует форма однокр. вида, соответствующая ингушской *дуссар* — «спуститься»).

Монофтонги и дифтонги (*и:*), (*уь*), (*ие:*), *ие*, *ув*, *ов*, (*уо:*), (*уо*). образующие видовые формы в чеченском и ингушском языках,— вторичного позднего происхождения. В общенахском языке при образовании видовых форм чередовались *-а*, *-ах*, *-о-* (однокр. вид); *и*, *е*, *еп* (многокр. вид). Отсюда следует, что чеч. (*кхи:са*), инг. *кхувса*, бацб. *кхепса*: чеч., инг. *лечIкъа*, бацб. *лечIкъа* и т. д.

ВТОРИЧНОЕ ЧЕРЕДОВАНИЕ КОРНЕВЫХ ГЛАСНЫХ В СИСТЕМЕ ГЛАГОЛА

Вторичное чередование корневых гласных в нахском спряжении произошло в результате вставки аффиксального гласного внутрь корня. Следовательно, данное чередование—эпентетического характера. Вместе с тем оно носит характер обратной губной гармонии гласных (при образовании настоящего времени и форм, которые произошли от него) и обратной небной гармонии гласных (при образовании только что прошедшего и прошедшего соверш. очевидного и форм, от них происшедших). О сущности данного явления мы уже говорили при рассмотрении исторических чередований в нахских языках. Поэтому здесь коснемся этого вопроса лишь в той мере, в какой это необходимо для последующего анализа исторического развития морфологической системы нахского глагола.

Как показывают данные бацбийского языка и наиболее архаичных диалектов чеченского языка, настоящее время выражалось конечным (аффиксальным) лабиализованным гласным. Как уже указывалось, древнейший тип глагольной основы (корня) представлен в первой группе глаголов в форме повелит. наклонения (а также неопределенного наклонения и масдара): *аха* — «паши», *таса* — «посыпь, брось сверху вниз». От этой древнейшей основы настоящее время образуется в бацбийском посредством присоединения к основе повел. накл. лабиализованного краткого гласного в качестве окончания: *ахо* (*аху*) — «пашет»; *тасо* (*тасу*) — «бросает сверху вниз». Так оформляется настоящее время в таком весьма архаичном чеченском диалекте, как чеберлоевский: *алу* — «говорит», *аху* — «пашет», *тасу* — «бросает». От этой формы и образовалось в современных чеченском *олу||ола* — «говорит», *оху||(оха)* — «пашет», *тосу||(тоса)* — «бросает...», ингушском *оал*, *оах* путем вставки конечного лабиализованного гласного внутрь корня.

В чеченском конечный гласный стал нейтральным в отношении выражения времени, подвергшись ослаблению и редукции. Для чеченского языка в приведенных примерах безразлично, является ли конечный гласный лабиализованным или нелабиализованным, он может при быстром темпе речи вообще выпасть, как в ингушском.

В ингушском в результате перестановки конечного лабиализованного гласного внутрь корня образовался дифтонг *оа*, а конечный гласный выпал.

Так образовалась бытующая в чеченском и ингушском языках основа наст. вр. с лабиализованным гласным, возникшим вследствие перестановки аффиксального лабиализованного конечного гласного внутрь корня.

Древнейшая форма прошедшего времени — только что прошедшего времени — образуется путем присоединения к основе повелительного наклонения аффикса (*и*) в бацбийском и в архаичных некоторых чече-

но-ингушских диалектах: бацб. *ах-и* — «вспахал», *алъ-и* — «сказал», *тас-и* — «сбросил...», чеберловск. *али*, *алира*, *ахи*, *ахира*, *таси*, *тасир*.

В дальнейшем из этой исходной формы образуется новая основа перфектных времен путем перестановки аффиксального (конечного) гласного внутрь корня: в бацб. при образовании личных форм: *аилъ-рас* — «сказал я», *аилърахъ* — «сказал ты»: в инг. *аьлар*, *аьлир*, чеч. *эли*, *элир*.

Эти примеры показывают, как исторически образовалась новая основа прошедших времен с корневым гласным переднего ряда: *ахи*, *ахира*; инг. *аьхир*, *аьхар*, чеч. *эхира*, *эхара*. Первой разновидностью исходной формы *ахи*, *ахир* является бацб. *аихир*, *аихрас*; за последним вариантом следует сначала инг. *аьлир*, затем чеч. *элира*, наконец, соврем. инг. *аьлар*, чеч. *элара*. Такова история образования и видоизменения этих форм.

Итак, возникновение новой основы прошедших времен с корневым гласным переднего ряда также обусловлено перестановкой аффиксального (*и*) внутрь корня.

В этом и состоит вторичное чередование корневых гласных в системе нахского глагола, иначе говоря, развитие умлаута в рассматриваемой группе языков.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА СИСТЕМЫ СПРЯЖЕНИЯ В НАХСКИХ ЯЗЫКАХ

Несмотря на наличие общих черт и закономерностей, восходящих к языку-основе, в каждом из нахских языков развились и в области спряжения специфические законы развития системы глагола. Одним из основных приемов анализа исторического развития нахских языков после распада языка-основы служит внутренняя реконструкция, которая призвана дать по возможности полную характеристику исторического развития каждого языка после распада языка-основы. С этой целью необходима предварительная характеристика системы спряжения в каждом из нахских языков и ее исторического развития.

Система спряжения в чеченском языке

Известно, что чеченское спряжение выгодно отличается от чеченского оклонения. В спряжении больше последовательности, единообразия в образовании форм, меньше исключений, неправильно образующихся форм. Тем не менее и система спряжения в чеченском языке довольно сложная.

В системе чеченского спряжения большую роль играют уже рассмотренные нами три основы: основа повелительного наклонения, основа настоящего времени и изъявительного наклонения, основа только что прошедшего времени того же наклонения. Подавляющее большинство глагольных форм образуется от этих трех основ.

Ниже приводим основные глагольные формы:

1. Повелительное наклонение: *ала* — «скажи», *аха* — «паши», *таса* — «брось, посыпь».

2. Неопределенное наклонение (в современном языке формы повелительного и неопределенного наклонений, образованные от двух- и более сложных основ, почти всегда совпадают; исключением из этого правила являются односложные и некоторые неправильно спрягаемые и

недостаточные глаголы: повел. накл. (*д-ие:*) — «делай», (*люо:*) — «дай», неопред. накл. *д-ан*, *д-ала(н)* и др.).

3. Масдар: *алар*, *ахар*, *тасар*.

Изъявительное наклонение (нет особого морфологического показателя самого изъявительного наклонения, особыми аффиксами представлены временные формы этого наклонения).

4. Настоящее время: *олу*, *оху тосу*. 5. Только что прошедшее вр. *эли (е:ли)*, *эхи (е:хи)*, *теси*. 6. Недавнепрошедшее: *аьлла*, *аьхна (аьхха)*, *тесна (тесса)*. 7. Прошедшее несовершенное (очев.): *олура*, *охура*, *тосура*. 8. Прошедш. соверш. (очевидн.): *элира*, *эхира*, *тесира*. 9. Давнопрошедшее: *аьллие:ра*, *(аьхние:ра)*, *(тесние:ра)*. 10. Будущее фактическое: *эрдү*, *охурдү*, *тосурдү*. 11. Будущее возможное: *олур*, *охур*, *тосур*. 12. Причастие наст. вр.: *олу(н)*, *оху(н)*, *тосу(н)*. 13. Субстантивированное (самостоятельное) причастие наст. вр.: *олург*, *охург*, *тосург*. 14. Причастие прошедш. вр. (несамост.): *аьлла*, *аьхан*, *тесан*. 15. Причастие прошедш. врем. (субстантив., самостоят.): *аьлларг*, *аьхнарг*, *теснарг*. 16. Деепричастие наст. вр.: *олуш*, *охуш*, *тосуш*.

Условное наклонение: 17. Настояще-будущ. вр.: *алахь*, *ахахь*, *тасахь*. 18. Прошедш. вр.: *аьллиехь*, *аьхниехь*, *тесниехь (тессиехь)*.

Просительное наклонение: *алахьа*, *ахахьа*, *тасахьа*.

Условно-желательное наклонение. 19. Настояще-будущее: *алахьара*, *ахахьара*, *тасахьара*. 20. Прошедшее: (*аьллие:хьара*), (*аьхние:хьара*), (*тесние:хьара*).

Так называемые придаточные формы: *олучу*, *охучу*, *тосучу*, *аьлличу*, *аьхначу*, *аьлча*, *аьхча*, *тесча*, *аьлчяхь*, *аьхчяхь*, *тесчяхь* и др.

Есть и другие глагольные формы, некоторые из них выражают оттенки значений повелительного, условно-желательного, просительного наклонений: например, *алал*—«ну-ка, скажи», *ахал*, *тасал*, *алалахь*, *ахалахь*, *тасалахь*, *олай*—«сказав», *охий*, *тосий*, *олуьйла*, *охуьйла*, *тосуьйла* и т. д.

В данной работе невозможно останавливаться на сравнительно-историческом анализе всех этих форм. Поэтому мы ограничимся характеристикой форм основных времен и наклонений, а именно—форм повелит., неопредел., изъявит., условн., условно-желат., просительн. наклонений и времен, относящихся к этим наклонениям, и некоторых других глагольных форм.

Из приведенных глагольных форм от основы повелительного наклонения образованы: неопределенное наклонение, масдар, настоящее-будущее условного наклонения, просительное наклонение, настоящее-будущее условно-желательного наклонения; от основы настоящего времени: прошедшее несовершенное (очевидное), будущее возможное, будущее фактическое, несамостоятельное и самостоятельное причастия наст. врем. изъявит. накл., деепричастие наст. вр.; от основы только что прош. времени: прош. соверш. (очевидн.), недавнопрошедшее и все формы, образованные от него. Основа недавнопрошедшего времени в современном языке (*аьлла*, *аьхна*, *тесна*) отличается от основы только что прошедшего времени (*эли*, *эхи*, *теси*), но исторически недавнопрошедшее восходит к только что прошедшему. Следовательно, основа всех форм, образованных от недавнопрошед., представляет собой ту же видоизмененную наличием другой фонемы переднего ряда, но «смягченную» основу только что прош. врем., образовавшуюся путем вставки аффиксального конечного *и* (т. е. аффикса только что прошедшего времени) внутрь корня в соответствии со вторичным чередованием корневых гласных. Это подтверждается анализом рассматриваемых форм, кото-

рый будет произведен нами ниже. Вот почему мы не выделили четвертой основы, от которой образуется ряд глагольных форм, хотя для синхронной характеристики образования глагольных форм нам представляется целесообразным выделить четвертой основы, т. е. основы недавнопрошедшего времени.

Система спряжения в ингушском языке

В ингушском спряжении мы обнаруживаем ряд важных общих и частных закономерностей, отличающих его от спряжения в чеченском языке. Эти особенности ясно видны даже из простого сопоставления приводимых ниже основных ингушских глагольных форм с парадигмой чеченского спряжения:

1. Повелительное наклонение: *ала, аха, таса*.
2. Неопределенное наклонение (как в чеченском).
3. Масдар: *алар, ахар, тассар*.
4. Наст. время изъявит. накл. *оал, оах, тосс*.
5. Только что прошедшее — 6. Недавнопрошедш.: *аьннад, аьхад, тессад*.
7. Прошедшее несоверш. (очев.): *оалар(а), оахар(а), тоассар(а)*.
8. Прош. соверш. (очев.): *аьлар, аьхар, тессар*.
9. Давнопрош.: *аьннадар, аьхадар, тессадар*.
10. Будущее возможное: *оаргда, оахарнда, тоссаргда*.
11. Будущее фактическое: *ар, тохар, тоссаръ*.
12. Причастие наст. врем.: *оал, оах, тосс*.
13. Субстантив. (самостоятельное) прич. наст. вр.: *аьнна, аьха, тесса*.
14. Причастие прош. врем. (субст. самостоят.): *аьннар, аьхар, тессар*.
15. Наст. врем. усл. накл.: *оале, оахе, тоссе*.
16. Прош. врем. усл. накл.: *аьладалие, аьхадалие, тессадалие*.
17. Наст. врем. желат. накл.: *(оаладалар), (оахадалар), (тоссадалар)*.
18. Прош. вр. желат. накл.: *(аьннадалар), (аьхадалар), тессадалар*.

Система спряжения в бацбийском языке

Система спряжения в бацбийском языке отличается простотой, отсутствием тех сложных фонетических, морфологических процессов, которые произошли в чеченском и ингушском языках. Бацбийское спряжение в значительно большей степени, чем чеченский и ингушский языки, сохранило общенахское состояние. Это видно из следующей парадигмы основных форм бацбийского глагола:

1. Повелительное наклонение: *алъ(а), ах(а), тас(а)*.
2. Неопределенное наклонение: *алъа, аха, таса*.
3. Масдар: *алъар, ахар, тасар*.
4. Настоящее время изъявит. накл.: *алъо, ахо, тасо*.
5. Только что прошедшее: *алъи, ахи, таси*.
6. Недавнопрошедшее: *аьина, ахина, тасина*.
7. Прошедшее несовершенное (очев.): *алъор, ахор, тасор*.
8. Прошедшее совершенное (очев.): *алъир, ахир, тасир*.
9. Давнопрошедшее время: *(аилъно:р), (аихно:р), (таисно:р)*.
10. Преждедавнпрош.: *(аилъно:рало), (аихно:рало), (таисно:рало)*.
11. Будущее возможное: *алъор, ахор, тасор*.
12. Будущее фактическое: *алъо, ахо, тасо*.
13. Причастие наст. врем.: *алъуин (алъуи), ахуин, тасуин (тасуи)*.
14. Субстантив. причастие наст. вр.: *кI(д-угIрикI—«крикун» и т. д.)*.
15. Причаст. прош. вр.: *алъин, ахин, тасин*.
16. Прич. прош. вр. (самост., субстантив.): *алъирикI, ахирикI, таирикI*.

17. Наст. вр. условн. накл.: *алъохь, ахохь, тасохь*.
 18. Прощ. вр. усл. накл.: *аилъчехь, аихчехь, таисчехь*.
 19. Давнопрош. вр. сослагат. накл.: *аилънохьер, аихнохьер, таиснохьер*.
 20. Будущ. врем. желат. накл. *алъал, ахал, тасал*.

Здесь представлена самая простая и, пожалуй, исходная в значительной степени не только для бацбийского, но и для чеченского и ингушского, парадигма спряжения. Она далека от шлюты, если учесть личные, видовые, классные, лонудительные, возвратные формы и формы потенциалиса. Как было уже отмечено, мы сознательно упростили свою задачу, ограничившись рассмотрением первой группы глаголов, обладающих самой простой морфологической структурой.

Однако даже эти глаголы, обладающие простейшей морфологической структурой, могут дать несколько сот форм (если учесть возможность образования от них и личного спряжения, т. е. спряжения в два лица: 1-го и 2-го л. ед. и мн. ч.) по всем четырем (основным) разновидностям способов глагольного формообразования¹. Нет необходимости останавливаться на всех этих формах, в которых в разных вариантах повторяются исходные элементы в различных сочетаниях.

ИСТОРИЧЕСКИЙ И СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКИЙ АНАЛИЗЫ ГЛАГОЛЬНЫХ ФОРМ В НАХСКИХ ЯЗЫКАХ

Для краткости изложения приходится объединять историческое освещение развития глагольных форм в каждом из рассматриваемых языков с характеристикой их в сравнительно-историческом плане во всех нахских языках.

Глагольные формы, образованные от основы повелительного наклонения

Основа повелительного наклонения во всех трех языках почти не подверглась изменениям, если иметь в виду глаголы типа *аха, таса*, обладающие простейшей морфологической структурой. Существенного значения не имеет почти полное ослабление и возможность отпадения конечного краткого (*а*) в этих формах в бацбийском, тогда как в чеченском и ингушском языках этот звук сохраняется в сильно редуцированном виде.

Что же касается односложных глаголов, то повел. накл. от них в бацбийском образуется иначе, чем в чеченском и ингушском языках: бацб. *гIоб, хьоб, либ, див, д-еб, лев*, чеч., инг. [*gIyo:*] — «иди(те)»; [*хьyo:*] — «неси(те)», [*люо:*] — «дай(те)», [*д-ие:*] — «посей; убей», [*дие:*] — «сделай(те)», [*лие:*] — «говори(те)». Ни одна из этих форм не отражает исходного общенахского состояния. Тем не менее ясно, что чеч. и инг. формы — более позднего образования. Это видно из того, что в общенахском языке не было долгих дифтонгов [*yo:*] и [*ие:*]. Наблюдаемая в бацбийском, с одной стороны, и чеченском и ингушском — с другой, фонетическая закономерность также свидетельствует о том, что рассматриваемые формы в чеченском и ингушском утратили конечный согласный: бацбийские односложные формы повелит. наклонения типа закрытого слога закономерно превращаются в чеченском и ингушском в формы повелительного наклонения типа открытого слога с конечным долгим гласным.

¹ Ю. Д. Дешериев. Бацбийский язык, стр. 91.

Из сказанного следует, что в составе *глоб* [gʎo:] начальным согласным, по-видимому, был лабиализованный согласный *гʎв*, *хв*, корневым гласным являлся [a] (сравн. инфинитив *д-аха*, масдар *д-ахар*), конечный согласный (*б*) в бацб. также не является ни грамматическим показателем, ни корневым элементом, звук *-б* в рассматриваемых бацбийских примерах — фонетическое наращение. В форме *хьоб* [xʎo:] *хь* — корневой согласный, а исходный корневой гласный представлял собой гласную фонему [a] (ср. инфинитив *дахьа*, масдар *дахьар*). В слове *лѣаб*||*люо* согласный *лѣ*||*л* восходит, можно полагать, к латеральному звуку. В форме *д-еб* (*д-ие:*) — начальный согласный классный префикс, исходный корневой гласный был монофтонгом переднего образования, корневой согласный утрачен. Таким образом, последний пример лишний раз свидетельствует о том, что в рассматриваемых бацбийских формах *б* — фонетическое наращение, замещающий корневой согласный в форме *д-е-б*. В неправильных и недостаточных глаголах *див*, *лев*, *гиб* конечные согласные также являются фонетическим наращением. В первом из них начальный согласный *д* — переменный классный показатель, корневой гласный отражает исходную фонему переднего ряда (ср. масдар в бацб. *дивар*, чеч. *д-иер*). Во втором глаголе начальный согласный *л* — корневой, гласный *-е-* также отражает исходную корневую фонему переднего ряда, по-видимому, для многократного вида (ср. масдар в бацб. *левар*, чеч. *лиер*, где бацб. сочетание *ев* дает дифтонг [ue:]. Наконец, *гиб* [gʎo:] имеет начальный корневой согласный, гласный *-и-*[yo:] — вторичного образования (ср. масдар, в бацб. *дагар*, чеч. *гар*).

Исходные общенахские формы рассматриваемых глаголов в повелительном наклонении: *глоб* [gʎo:], *гʎва...*, *хва...*, *хьо* [xʎo:], *хьва...*, *луб* [lʎo:]...*ла...*, *див*, *д-ие*, *д-и...*, *деб* [d-ие:] *д-а...*, *лев* [ле:] *ле...*, *гиб* [gʎo:] *га...*

На основании рассмотренных глагольных форм можно сделать один весьма важный вывод: в отличие от односложных, двух- и трехсложных основ правильных глаголов в повелительном наклонении односложные основы неправильных и недостаточных глаголов типа открытого (чеч. и инг. яз.) и закрытого (бацб.) слога представляют собой вторичные образования во всех нахских языках (см. приведенные выше примеры).

Напротив, основы инфинитивных и масдарных форм, образованных от таких глаголов, отражают более древнее состояние: инфинитив: бацб. *в-аха*, *вагла* — «идти», *дахьа* — «нести», *далъа* — «дать», *дива* — «посадить, убить», *д-а* — «делать», *лев-д-а* — «говорить»; *д-ага* — «видеть», чеч., инг. *в-аха*, *вагла*, *дахьа*, *дала*, *диен*, *дан*, *лиен*, *лиедан*, *ган*.

Инфинитив: бацб. *вахар*, *ваглад*, *дахьар*, *далъар*, *дивар*, *дар*, *левдар*, *дагар*, чеч., инг. *вахар*, *ваглар*, *дахьар*, *далаар*, *диер*, *дар*, *лиер*, [лие:дар], *гар*.

Назализация конечных гласных в инфинитивной форме, образованной от любого глагола, имеет морфологическое значение, выражая грамматическую категорию инфинитива. В чеченском языке очень слабо выражен носовой оттенок конечного гласного в форме инфинитива, а в ингушском еще слабее, т. е. он почти всегда отсутствует. Данные чеченского языка свидетельствуют, что в прошлом в нем более сильно был выражен назализованный характер конечного гласного. Это ясно видно из материалов П. К. Услара: *нехин* (соврем. литер. *неха*, *нехан*) — «народный, у людей», *хӀуезин* (литер. *хӀуов:за*) — «обруча» (род. п.), *стерин* (литер. *стера*) — «быка» и т. д.

Эти данные свидетельствуют о том, что в общенахском языке инфинитив имел аффикс *н*. Следовательно, показателем повелит. наклонения служил краткий [a], присоединяющийся в правильных глаголах

обычно к исходной основе глагола. Стало быть, подавляющее большинство глаголов оканчивалось в повелительном наклонении на [а], как в современном языке: *ах-а, тас-а* и т. д., в инфинитиве — на *н*: *ах-ан, тас-а-н*. В дальнейшем в результате ослабления конечного *н* в инфинитивных формах в бацбийском появилась назализация, а в чеченском и ингушском почти отпал формант *н*. В итоге в чеченском и ингушском в большинстве случаев совпали формы инфинитива и повелительного наклонения.

Что же касается остальных форм, которые образуются от основы повелительного наклонения, то история их образования также прослеживается более или менее ясно, несмотря на имеющиеся серьезные расхождения в фонетических закономерностях, возникших в период их оформления.

В чеченском настояще-будущее время условного наклонения образуется путем присоединения суффикса *хь* к форме повелительного наклонения: *ала-хь* — «если скажешь», *аха-хь* — «если вспашешь», *таса-хь* — «если сбросишь». В ингушском настоящее время условного наклонения образовано от основы настоящего времени изъявительного наклонения посредством аффикса (*ие:*):(*оалие:*) — «если скажешь», (*оахие:*) — «если вспашешь», (*тас-ие:*) — «если сбросишь». В бацбийском основной рассматриваемого времени служит форма настоящего времени изъявительного наклонения: *алъо-хь, ахо-хь, тасо-хь*.

В образовании настояще-будущего врем. условного наклонения бацб. язык отражает общенахское состояние: основа наст. вр. изъяв. накл., совпадающая с основой повел. накл., в бацб. не подверглась перестройке в связи с вторичным чередованием корневых гласных в глагольных формах. В чеченском после преобразования основы наст. вр. изъявит. накл. аффикс наст.-будущ. условного наклонения стал сочетаться с формой повелит. наклонения: *ах-охь > аха-хь, тас-о-хь > тас-а-хь*. В ингушском аффикс настояще-будущего времени изъявит. наклонения стал присоединяться к новой основе наст. вр. изъявит. накл., при этом за счет выпадения конечного согласного *хь* (т. е. основного показателя наст. вр. услов. накл.) произошло удлинение конечного гласного в виде дифтонга *ие*, как это часто бывает в чеч. и инг.: *ах-о-хь > оаха-хь > >(оахие:); тас-о-и ехь > тосаихь > тосеихь > (тосие:)*.

Глагольные формы, образованные от основы настоящего времени

От новой основы наст. вр. изъявит. накл. в чеченском и ингушском образовались: прошедш. несоверш. (чеч. *олура, охура, тосура*, инг. *оалар(а), оахар(а), тоссар(а)*); будущее возможное (чеч. *олур, охур, тосур*, инг. *оахар, тоссар, ахар* (с выпадением лабиализ. элемента дифтонга); будущее фактическое (*охурду, тосурду, эрбу* с выпадением *л*); инг. *оаргда, оахаргда тогаргда*); несамостоят. прич., настоящ. вр. (чеч. *олу(н), оху(н), тосу(н)*; инг. *оал, оах, тосс*); самостоят. субстантив. прич. наст. вр. (чеч. *олург, охург, тосург*, инг. *оалар, оахар, тоссар*); дееприч. наст. вр. (чеч. *олуш, охуш, тосуш*, инг. *оалаш, оахаш, тосаш*).

В бацбийском при образовании этих форм сохраняется исходная основа.

Из указанных форм для сравнительно-исторической характеристики наибольший интерес представляют формы будущих времен и причастия. Форма будущего фактического в чеч. и инг. состоит из двух компонентов: *охург(г), оахарг* — «пашущий» и *ду||да* — «есть», в чеченском

второй элемент словообразовательного суффикса *rg* отпал, гласный элемент связки в чеч. языке подвергся лабиализации. Таким образом, здесь описательная форма наст. вр. (из форм относительных времен) выступает в функции будущ. времени. В бацбийском функцию этого времени выполняет форма наст. вр. (*ахо, алъо, тасо*).

Существенные расхождения обнаруживаются в трех языках при образовании так называемого несамостоятельного причастия наст. вр.: чеч. *оху(н), оах*, бацб. *ахуин, ахун*. В ингушском форма прич. наст. вр. соответствует форме наст. вр. изъявит. накл. В нем аффиксы наст. вр. и прич. отпали. В чеченском прич. наст. вр. образуется присоединением к форме наст. времени согласного элемента аффикса причастия *-н*. В чеченском языке конечным гласным в форме наст. времени может быть сильно редуцированный краткий (*а*) или же в такой же степени редуцированный (*у*), если в основе наст. вр. имеется лабиализованный гласный. Иначе говоря, рассматриваемые формы могут быть представлены в двух параллельных вариантах: *олу(н), ола(н), оху(н), оха(н), тосу(н), тоса(н)*.

Эти причастные формы обычно произносятся без конечного *н*. В связи с тем, что в формах наст. вр. конечные гласные в них почти не произносятся, в причастных формах более или менее полное произнесение конечного гласного служит отличительным признаком причастия. Из этого можно заключить, что гласный, предшествующий *н* в причастных формах, не относясь к аффиксу причастия, может выполнить функцию причастного форманта.

В бацбийском языке аффикс причастия наст. вр. состоит из следующих элементов: аффикс наст. вр. *о+ин, о+и*. Сочетание *о* и *о* образует нисходящий дифтонг с первым ударным элементом. Удлинение первого элемента способствует его переходу к *у*. Так возникает причастный *уин, уи* в бацбийском: *алъуин, алъуи, ахуин, ахуи, тас-уин, тасуи*.

Что же такое *ин*? Это аффикс род. п. Ведь во всех нахских языках родительное дополнение выполняет функцию прилагательного, определения. Причастие — это отглагольное прилагательное.

Таким образом, бацб. *алъуин* < *алъоин* < *алъо+ин, тасуин* < *тасоин* < *тасо+ин*; чеч. *олун* < *олуин* < *олу||ола+ин, тосун* < *тосуин* < *тосу* < *тоса+ин* < *тасоин* < *тасо+ин*; инг. *оал* < *оалэин*; бацб. *алъоин* < *алъо+ин*; бацб. *тосс* < *тоссэн* < *тасоин* < *тасо+ин*.

Что самостоятельное причастие наст. вр. в чеч., инг. и бацб. образуются путем присоединения к основе наст. вр. словообразовательного аффикса: чеч. *ирг*, инг. *рг*, бацб. *рикI*, чеч. *олург, охург, тосург*, инг. *оалар, оахар, тоссар*; бацб. *алъри-кI, ахо-рикI, ахрикI, ахорикI, тасрикI, тасорикI*. Последние формы в соврем. бацб. неупотребительны. Зато широко применяют в живой речи аналогичные формы, образованные от других глаголов. Например, *д-угI-рикI* — «крикун», *дугIо* — «кричит» + *рикI*. Как показывают существующие звукосоответствия в нахских языках, чеч., инг. конечный *г* в исконных словах соответствует бацб. *кI* (чеч., инг. *дуог*, бацб. *до-кI* — «сердце» и т. д.). Следовательно, чеч., инг. *риг, рг* соотв. бацб. *рикI*, точнее *рикI, риг*.

Вместе с тем мы знаем из исторических чередований корневых гласных, что чеч. *оху, оха*, инг. *оах* восходят к бацб. *ахо*. Отсюда явствует, что в общенахском имелись формы *алърикI, алъорикI* — «тот, кто говорит», *ахрикI, ахорикI* — «тот, кто пашет» и т. д.

Фонетический облик и морфологическая структура этих и им подобных форм изменились в современных языках, но сохранилось исходное значение, приведенное выше.

Глагольные формы, образованные от основы только что прошедшего времени

Основа только что прошедшего времени изъявительного наклонения после распада общенахского языка подверглась переразложению в чеченском и ингушском языках в связи с чередованием корневых гласных под влиянием аффикса только что прош. времени (*и*). В бацбийском языке этого не произошло. Большинство глагольных форм, восходящих к анализируемой основе, сохраняют все еще исходную общенахскую основу (за исключением форм давнопрошедшего, преждепрошедшего, давнопрошедшего сослагательного наклонения и некоторых других, о которых более подробно будет сказано ниже).

Сама основа только что прошедшего времени возникла путем преобразования общенахской основы настоящего времени изъявительного накл.: *алъо+и>эли(е:ли)*, *ахо+и>чеч. эхи(э:хи)* и т. д. Если бы этот процесс произошел после переразложения общенахской основы настоящего времени и образования наст. вр. в чеч. *оху*, инг. *оах*, то мы должны были бы иметь вместо *эхи*, *аьха* другие формы с лабиализованным корневым гласным переднего ряда, как, например, глаголов: *уоза* — «тяни», только что прош. вр. *уовзи* (с лабиализованным гласным переднего ряда).

От основы только что прош. времени в чеченском и ингушском образованы: прошедшее совершенное (чеч. *элира*, *эхира*, *тесира*, инг. *аьлар*, *аьхар*, *тессар*; бацб. *алъир*, *ахир*, *тасир*); недавнопрошедшее (чеч. *аьлла*, *аьхна*, *аьхха*, *тесна*, *тесса*, инг. *аьннад*, *аьхад*, *тессад*; бацб. *алъино*, *ахино*, *тасино*); причастие несамостоят. прош. вр. (чеч. совпадает с недавнопрошедш. вр., инг. *аьнна*, (*аьха:*), (*тесса:*), бацб. *алъин(а)*, *ахин(а)*, *тасин(а)*); сравнительно-историческая характеристика приведенных форм прольет свет на происхождение остальных глагольных форм, образованных от основы только что прош. вр.

Объяснение происхождения форм типа чеч. *элира*, *эхира*, инг. *аьлар*, *аьхар* уже дано. Форма недавнопрошедшего времени в чеч. *аьлла* восходит к *элина*, где после выпадения аффиксального (*и*) произошла прогрессивная ассимиляция, благодаря которой суффиксальный *н* уподобился корневому *л*. Предшествующее переходу *н* в *л* состояние представлено в аккинском диалекте, в котором и сейчас бытуют формы типа *аьлна* — «сказал», *делна* — «дал»¹. Это привело к превращению начального открытого слога с долгим (*е:*) в закрытый слог с начальным кратким гласным (*ав*), что является закономерным явлением в чеченском (ср. чеч. (*д-е:ха*) — «живет», но *д-аьхна* — «шли», (*ле:ци*) — «поймал только что», *лаьцна* — «поймал недавно» и т. д.). В сущности говоря, восстанавливаемые формы *элина*, *эхина*, *тесина* представляют собой формы причастия прош. времени, в свою очередь восходящие к общенахскому языку, где они функционировали в виде *алъина*, *ахина*, *тасина*, почти полностью соответствующие современным аналогичным бацбийским формам. При образовании недавнопрош. времени это причастие в прош. вр. сочеталось со связкой *ду*, *да* — «есть» с переменным классным префиксом: *алъина да*, *ахина да* (аналогичные формы до сих пор употребляются в бацбийском, а также в чеченском в особых оборотах речи). В дальнейшем связка отпала в чеч. и бацб., а форма стала выступать в функции недавнопрош. времени.

В ингушском языке (так же, как в аккинском диалекте) несколько иначе происходил этот процесс. Выпадение аффиксального *и* в первоначальных ингушских формах *аьлина*, *аьхина*, *тесина* в одних случаях

¹ И. Г. Арсаханов. Аккинский диалект, Грозный, 1959, стр. 95.

дарстIен. Эти причастные формы и проливают свет на происхождение качественных наречий, оформленных аффиксом *-ш*. В нахских языках формы деепричастия настоящего времени изъявительного наклонения образуются присоединением форманта *-ш* к глагольной основе, как *правило*, настоящего времени: чеч. *лачIкъуо-ш*||*лачIкъ-д-е-ш*, инг. *лачIкъ-д-е-ш*, бацб. *лачIкъо-ш* — «воруя»; чеч. *дерстаиш*, инг. *деста-ш*, бацб. *дарстIеш* — «жирея». В бацбийском эти деепричастные формы превратились в качественные наречия. По их образцу стали впоследствии образовывать формы наречия от качественных слов: *дацу* — «короткие», *дацу-ш* — «коротко» и т. д.

Второй аффикс *-(а)т*, посредством которого также образуются качественные наречия, заимствован из грузинского языка: бацб. *ламзур* — «красивый», но *ламзур-ат* — «красиво».

Исходные общенахские основы рассмотренных качественных наречий, совпадающие (основы) с основами качественных прилагательных: бацб. *о-ацу-ш*, чеч. *д-оцу(н)*, инг. *доца, д-ац...*, бацб. *лачIкъош*, чеч. *лачIкъуо-ш*||*лачIкъ-д-еш*, инг. *лачIкъ...*||*лачIкъ...*, бацб. *цIин-и-ш*, чеч. *цIен-а*, инг. *цIана, цIан...*, бацб. *д-ави-ш*, чеч. *д-ай-н*, инг. *д-еи...*, *д-ав...*; бацб. *д-арстIе-ш*, чеч. *д-ерстан*||*д-ерстин*, инг. [*дерста:*], *д-арст...*; бацб. *лаху-ш*, чеч. *лоху(н)*, инг. *лоха, лах...*; бацб. *лакхи-ш*, чеч. *лекха(н)*||*лекхи(н)*, инг. *лекха, лакх...*

К наречиям с нулевым показателем относятся бацб., инг., чеч. *хIин-ц(а)*, инг. *хIандз* — «теперь» (последняя восстанавливаемая форма восходит к одному из утраченных вариантов указательного местоимения *хIин...* — разновидности соврем. *хIара* (чеч.) — «этот» — ближайший предмет, на который указывается; *-ц...* — аффикс предельного падежа; *хIин-ц* — «до ближайшего; теперь, сейчас»); бацб. *д-укх*, чеч. *дукх-а*, инг. *дукха* — «много», *дукх...*; бацб. *тха*||*тха*, чеч. *тахана*, инг. *тахан* — «сегодня», *техан...*; бацб. *йуьхьал* (а также груз. *пIурданIур*), чеч. *дуюьхьал*, инг. *дуьхьал* — «напротив», *й-ухь...*||*д-ухь...* (с окаменелым классным префиксом *й-(д-)*); бацб. *тIкъуихь*, чеч. [*тIе:* *хьа:*] *тIкъхьа*; инг. *тIеьхьашка(хь)*, *тIекъ хьашга-хь* — «сзади, позади». Многие из них оформлены показателями послеложных падежей.

Наречиями стали и некоторые «окаменелые» падежные формы различных слов, выступающих в функции наречий: чеч. *буса* (им. п.) [*буь:са*||*буиси*], инг. *буси* (им. п. *буйса*), бацб. *бусви* (*буису* < *б-ус...*); чеч. [*йуь:ранна*], инг. *йурра*, бацб. *йурдна* — «утром», *йур+на* (от формы дат. п. ед. ч.); чеч. *сарахь* — «вечером»||*суьранно* — «вечером, к вечеру», инг. *сарахь*, бацб. *псарлуин* — «вечером» (эти формы образовались уже после распада общенахского языка); чеч., инг. *сара-хь* — производная форма местного падежа *сара-хь*; бацб. *псарлуин* — форма дат. п. ед. ч.) Исходная форма **псара...*

К формам наречия такого типа относятся и следующие: чеч. *мичар*||*мичир*, инг. *мичара*, бацб. *мичре* — «откуда»; *мич(а)* — «куда» + *р(а)*||*р(е)* — аффикс исходного падежа; чеч. *мича-хь*, инг. *мичахь*, бацб. *мичхье*||*мичух* — «где», *мича* + аффикс производной формы местного падежа, чеч. *гьергахь*, инг. *гьергехь*, бацб. *гаргехь* — «вблизи», *гарг* — «близко» + аффикс произв. формы местного падежа.

В отличие от чеченского и ингушского языков в бацбийском есть наречия, образованные сочетанием отрицательных частиц *ма, цо* — «не, нет» с другими производными и непроизводными формами наречий: *цомичхье* — «нигде», *цомиче*||*мамиче* — «никуда», *цомацне* — «никогда» (*цо* — «не, нет» + *моца*||*мацне* — «когда»). Отрицательная частица *ма* обычно сочетается во всех нахских с повелительной формой глагола.

Сочетание этой частицы с наречиями места и времени (как и сочетания с ними частицы *цо*) — новое явление в бацбийском языке.

Следует отметить и первообразные наречия места и времени: чеч. *селхана*, инг. *сехан*||*селхан*, бацб. *псаре* — «вчера» (это наречие в чеч., инг. образовано от одной основы, а в бацб. — от другой); чеч., инг. *маца*, бацб. *мац(а)* — «когда», чеч. *эцца*, инг. *цига* (чеч. *цига*), бацб. *исе* — «здесь», чеч. *мица*, инг. *мица*, бацб. *миц* — «куда» и др.

Мы подвергли анализу наиболее близкие формы наречий в нахских языках. Вместе с тем в них имеются наречия, которые свидетельствуют о наличии значительных расхождений между нахскими языками в образовании и функционировании различных форм и типов наречий: бацб. *виц/вакхуши* — «гордо», *муит/орнеда* — «грязно» (сокращенное слово; заимствов. *муит/орна* — «грязный» + *д-а* — «есть»); *нетхиш* — «редко», *кикоз* — «давно» и т. д.; чеч. *гуттар*, инг. *геттар* — «всегда», инг. *хьогга* — «тогда», *тхьовра* — «давеча» и т. д. Эти и им подобные формы наречия — более позднего образования. Они восходят к разным основам.

Некоторые наречия в бацбийском используются в качестве относительных слов в связи с развитием в бацбийском языке гипотаксиса (сложноподчиненного предложения): *осехь*, *мичхье оби бахе*, *зорашш дукх кхори да* — «там, где они живут, очень много яблок» и т. д. В чеченском и ингушском языках наречия в роли относительных слов, как правило, не употребляются. Гипотаксис в бацбийском — новое явление.

СЛУЖЕБНЫЕ СЛОВА

Рассмотрим здесь послелого, союзы и частицы различных типов, для которых наименование «служебные слова» не совсем подходит, если учесть их разные структуры, значения и выполняемые ими функции в нахских языках¹.

В одноаульном бесписьменном бацбийском языке, на котором говорит всего около трех тысяч человек, представлено больше послелогов, союзов и частиц, чем в литературных чеченском (число говорящих на нем свыше 400 тысяч человек) и ингушском (более 100 тысяч человек). Это может быть, звучит парадоксально, но это факт. Такое несоответствие легко объясняется. Во-первых, бацбийский язык сохранил архаичные факты, утраченные чеченским и ингушским языками (*дивхь* — «через, за»; *нл'гаиъ* — «из, выход», *ле... ле...* — «или... или» и др.); во-вторых, находясь в течение нескольких лет под сильным влиянием грузинского языка, он заимствовал из него послелого, союзы, частицы (*маграм* — «но», *тур* — «разве, неужели», *хум* — «ли» и т. д.); в-третьих, в нем развились из собственного лексического материала подчинительные союзы в связи с возникновением гипотаксиса под влиянием грузинского языка (*ме* — «что», *окхуиндалла ме* — «потому что», *менух* — «который»).

ПОСЛЕЛОГИ

В современных нахских языках послелого выполняют функции предлогов и приставок (главным образом в составе глаголов и отглагольных имен). Наиболее употребительные послелого: бацб. *мак* (суперессив, супераллятив) соответствует русскому предлогу «на» (в чеченском, ин-

¹ Характеристике приставок и послелогов в чеченском и ингушском языках посвящена содержательная работа — кандидатская диссертация Ф. Т. Оздоевой — «Приставки и послелого в системе чеченского и ингушского литературных языков. Грозный, 1962.

гушском отсутствует), *чу* — «в»; «внутри» (чеч., инг. то же); *кли-клел* (субаблятив) — «из-под»; чеч., инг. *клел* (субессив, субаллятив) — «под», *йукъ* — «в середине» (чеч., инг. то же); *пех* — «со стороны, в сторону, рядом» (в чеч., инг. нет); *хьатх* — «перед, вперед, спереди» (чеч., инг. *хьал*, акк. *хьарх*); *гарг* — «близко, вблизи, поблизости» (чеч., инг. *гиерга*); *дахь* — «там, туда, по направлению туда»; *тлкъуихь* — «за, позади» (чеч. [т][*ие:хьа:*], инг. [*т*][*ие:хье:*]); *дувхь* — «через, за» (чеч. [*бие:хьа:*], инг. [*бие:хьа:*] [*бие:хьие:*]); *бух* — «со дна» (чеч., инг. то же); *в-ух* — «обратно» (чеч., инг. то же); *нлъаиц* — «из, изнутри» (чеч., инг. нет); *лакхиш* — «верх, сверху, вверху» (чеч., инг. *лакха*); *лахиш* — «вниз, внизу, снизу» (чеч., инг. *лаха*); *бебе* — «кроме» (чеч. *биен*). Кроме того, в чеченском и ингушском представлен послелог *тлше* — «на» (соответствует бацбийскому *мак*).

Эти послелого принимают, склоняясь, формативы большинства производных форм местных падежей. Почти все они (за исключением *мак*, *беде*) до сих пор сохранили свое вещественное значение, т. е. значение тех имен существительных, от которых они образовались. Для слова, например, *бух* — «дно» и сейчас его вещественное значение является основным, ведущим.

Все указанные слова выступают и в значении наречий, принимая формы различных производных местных падежей.

Вещественное значение рассматриваемых слов служит основанием для использования их в функции наречий. Таким образом, эти слова сначала использовались только в своем прямом значении, в вещественном значении, затем их определенные падежные формы стали выступать в функции наречий; такие формы слов впоследствии превратились в послелого, которые в дальнейшем стали приставками (глагольными и именными)¹.

Рассматриваемые послелого (наречия, приставки) подверглись некоторым фонетическим изменениям: чеч. *клел*, инг. *клал*, бацб. *кликлел*; послелог *пех* утрачен и чеченским, и ингушским языками. Бацбийский *гарга*, *гарги*, в чеченском и ингушском *гиерг* также восходит к *гарги*, *гарге*, а корневой дифтонг *-ие* — результат вставки внутрь корня конечного *-и*. В бацбийском отсутствует послелог *тлше*, хотя сохранилось слово *тлеш* — «вершина гор, гребень», от которого образовался этот послелог. В чеченском и ингушском мы находим послелог [*тше:хьа* < *тше:хьие:*], в котором выпал звук *къ* (который вообще часто выпадает: бацб. *дакъа*, чеч. *даа* — «кушай» и т. д.), послелог *тл* (ср. бацб. *тлкъуихь*), вследствие этого образовался корневой дифтонг [*ие:*]. В чеченском [*дие:хьа:*], ингушском [*дие:хьа*] также утратили согласный звук, следующий за корневым гласным [*ие:*]: [(*д-ие:хьа:*) < [*д-иехьа*] < [*д-иехьа*]. И в этом случае выпадение согласного вызывало появление долгого дифтонга [*ие:*]. С утратой согласного послелогом *бебе* в чеченском и ингушском языках связано появление формы *бие:н* || *беде*. В бацбийском *дахь* восходит к *д-ла*, *дал*.

В послелогох *йукъ*, *букъ*, *беде*, *биен* начальные согласные являются, по всей вероятности, окаменелыми классными префиксами.

В послеложных формах — бацб. *дивхь*, чеч., инг. *биехьа* — «за, через, в ту сторону»; чеч., инг. *сиехьа* — начальные согласные *д-* и *с-* показывают направление действия, движения.

Таким образом, на основании анализа приведенных фактов мы при-

¹ П. К. Услар. Чеченский язык. З. К. Мальсагов. Ингушская грамматика. Ю. Д. Дешериев. Бацбийский язык.

ходим к выводу, что в нахских языках перскрещиваются префиксы трех типов: а) классные, б) местные, в) префиксы направления действия, движения. Эти префиксы, включаясь в состав послелогов, наречий и приставок, в одних случаях становятся «окаменслыми», утрачивают свое прежнее грамматическое значение, а в других случаях сохраняют его (ср. чеч. [бие:хъа] и [сие:хъа]). Этот вывод имеет принципиальное значение не только для характеристики префиксации, но и для понимания закономерностей исторического развития грамматического строя нахских языков.

СОЮЗЫ

В бацбийском представлены сочинительные и относительные союзы, в чеченском и ингушском — в основном сочинительные. Бацбийскому противительному союзу *маграм* — «но», заимствованному из грузинского, в чеченском и ингушском соответствует *амма* — «но, однако» (заимствованный из тюрских языков). Бацбийский сочинительный союз *нипсда*, используемый в значении «однако, правда», соответствует чеченскому *нийсду*, ингушскому *нийсда* — «правильно, правда». Согласно общему фонетическому закону, бацбийские сочетания какого-нибудь гласного переднего ряда с *n* дают в чеченском и ингушском долгий монофтонг (*и*) или долгий дифтонг (*ие:*): бацб. *нипсда*, чеч. *нийсду*, инг. *нийсда*, бацб. *нипсда*, *нипс* — «прямой, правильный», *да* — «есть» (чеч. *д-у*, *да*: ср. бацб. *да*, инг. *ба*, в горных диалектах чеч. языка *да*). В чеченском и ингушском отсутствует союз *ле* — «и», употребляемый в бацбийском в значении русского союза «и» и альтернативного союза «или».

Остальные сочинительные союзы в чеченском, ингушском и бацбийском в основном совпадают.

Бацбийские относительные союзы *ме* — «что», *менух* — «который» образовались от вопросительных местоимений: чеч. *мила*, *мили*, инг. *мала* — «кто», чеч. *мульху*, инг. *малагла* — «который». Эти вопросительные местоимения в чеченском и ингушском не превратились в относительные союзы.

ЧАСТИЦЫ

В нахских языках представлены частицы двух типов: во-первых, частицы, употребляемые самостоятельно (*ца*, *цо*, *тур*, *ма*, *хум* и др.); во-вторых, частицы, которые превратились в своеобразные форманты тех слов, с которыми они сочетаются.

Частицы первого типа ставятся перед теми членами предложения, к которым они относятся: чеч. *ца молу*, бацб. *ца малъо*; чеч. *ма ала*, бацб. *ма алъа* — «не говори». В ингушском частица отрицания *ца* превратилась в глагольный отрицательный суффикс: *малац* — «не пьет», *алац* — «не говорит». Это привело к возникновению отрицательного наклонения в ингушском языке.

Образование отрицательного наклонения в ингушском языке произошло в период его самостоятельного развития.

В чеченском языке связка *ду*, выступая в предложении в качестве сказуемого, сочетается с *ца* как с суффиксом: *дац*, *йац*, *вац*, *бац* — «нет» (дословно — «не есть»). Бацбийский язык, сохраняя общенахское состояние, не допускает употребления отрицательной частицы *цо* в качестве аффикса. Правда, чеченские, бацбийские (как и ингушские) отрицательные причастно-деспричастные формы создаются путем инфитивирования частицы *ца||цо* без гласного элемента.

В бацбийском отсутствуют широко употребляемые в чеченском и ингушском языках частицы *t/kʷa* — «ведь; ну, что», *xʷeta* — «что же» (ср. чеч. *дикду хʷeta* — «ну что же, хорошо») и др. В чеченском и ингушском не представлены частицы *тур* — «разве, неужели, правда», *хум* — «ли» и др.¹.

Многие частицы в чеченском, ингушском и бацбийском языках образовались в период их самостоятельного развития из собственного лексического материала, а также путем заимствований, поэтому они не могут восходить к общенахскому языку.

¹ Ю. Д. Дешериев. Бацбийский язык, стр. 213—215.

В данной работе делается первая попытка сравнительно-исторического исследования синтаксиса нахских языков. Современная лингвистическая наука не располагает общепризнанными методическими приемами сравнительно-исторического изучения синтаксиса родственных языков. Поэтому сравнительно-исторические грамматики даже в области индоевропейских языков обычно создаются без синтаксиса.

При исследовании синтаксиса нахских языков в сравнительно-историческом аспекте мы использовали следующие методические приемы:

- 1) выявление различных типов предложения и словосочетания в современных языках;
- 2) выявление способов, приемов выражения связи между главными членами различных типов простого предложения и словосочетания;
- 3) сравнительный анализ различных типов предложения и словосочетания, а также способов их конструирования в современных языках;
- 4) исторический анализ структуры каждого из типов предложения и словосочетания;
- 5) сравнительно-историческую характеристику закономерностей, обусловивших формирование различных типов простого предложения в нахских языках;
- 6) сравнительно-исторический анализ синтаксических приемов и морфологических элементов, участвующих в конструировании того или иного типа предложения и словосочетания;
- 7) прослеживание возникновения, развития и функционирования синтаксических особенностей и морфологических категорий членов различных типов предложения и словосочетания;
- 8) использование метода непосредственно составляющих для анализа разных структурных типов словосочетаний;
- 9) использование методики позиционной дистрибуции при анализе синтаксических явлений.

Ради краткости изложения мы не даем здесь иллюстративного материала к этим приемам. Из дальнейшего изложения видно своеобразие каждого из предлагаемых нами приемов, составляющего необходимое звено в цепи последовательного сравнительно-исторического анализа рассматриваемых синтаксических явлений.

СЛОВСОЧЕТАНИЯ В НАХСКИХ ЯЗЫКАХ

В нахских языках встречаются словосочетания минимального и максимального состава. Словосочетание минимального состава образуется путем сочетания двух лексических единиц, связанных между собой посредством одного из способов выражения синтаксических от-

ношений между словами. Словосочетание максимального состава теоретически не имеет предела. Практически словосочетание максимального состава ограничено сочетанием нескольких слов.

Очевидно, более типичными для древней истории нахских языков являются словосочетания, состоящие из двух и трех слов.

В составе словосочетания слова группируются вокруг стержневого слова. Такими стержневыми словами в составе предложения в нахских языках служат сказуемое, подлежащее, прямое дополнение, косвенное дополнение. Эти же члены предложения, выполняя функции стержневых слов, одновременно создают своеобразные, интонационно-обособляемые ритмические группы¹ в составе предложения.

Для развития грамматического строя нахских языков принципиальное значение имело своеобразие выражения синтаксических связей между компонентами словосочетаний разных типов:

1) Если зависимые (синтаксически и семантически) лексические элементы в составе словосочетания имели усеченные формы, то они интонационно и морфологически сливались со стержневым словом. Такой процесс лежит в основе полисинтетизма типа адыгейского.

В нахских языках также наблюдаются факты, напоминающие абхазо-адыгский полисинтетизм: чеч. *в-ух-в-ерз-в-а(н)*, бацб. *в-ух-в-ерцI-в-а* — «вернуть, повернуть обратно, возвратить»; чеч. *кIайкоч* — «белая рубашка, белое платье» (дословно — «бел-рубашка, бел-платье»); *дечигпондар* — «балалайка» («деревянная балалайка», «деревянная гармонь»), дословно — «дерево-балалайка, дерево-гармонь»; бацб., чеч. *цIа-чу-хула-дIа* — «через дом», дословно — «дом-внутри-через-туда».

Формы типа *цIа-чу-хула-дIа* (где *цIа* — стержневое слово, *чу-хула-дIа* — три послелога, определяющие положение первого (т. е. стержневого слова) в пространстве, дали толчок к развитию многопадежной системы в нахских языках.

Формы типа чеч. *в-ух-в-ерз-в-а(н)*, бацб. *в-ух-в-ерцI-в-а* (дословно — «обратно-вернись-делать», где перед каждой основой повторяется классный показатель *в-*) способствовали образованию различных грамматических категорий глагола.

Формы словосочетания типа чеченских разговорных усеченных: чеч. *кIайкоч* — «бел-рубашка», *дик-кIант* — «молодец» («хорош парень») не получили дальнейшего развития.

2) В нахских языках распространились полные формы словосочетаний типа чеченских: *кIайн коч* — «белая рубашка», *дикин кIант* — «молодец, хороший парень». Как мы видим, здесь качественное определяющее слово оформляется падежным окончанием, соответствующим формативу род. п. ед. ч.

3) Что же касается форм типа чеченского *дечигпондар* — «национальная балалайка» (дословно — «дерево-балалайка, т. е. деревянная балалайка»), то они явились основой для развития наиболее распространенного в нахских языках способа словообразования путем основосложения и словосложения.

Таким образом, полисинтетизм типа абхазо-адыгского, начальные формы которого до сих пор бытуют в нахских языках, не получил развития в чеченском, ингушском и бацбийском языках. Они были использованы для развития многопадежной системы склонения (как в дагестанских языках) и для образования сложной системы спряжения. На базе указанных форм развился и способ образования новых слов путем основосложения (словосложения).

¹ Данный вопрос рассматривается впервые применительно к нахским языкам.

Говоря другими словами, атрибутивные сочетания типа: усеченная форма качественного определения плюс имя существительное (*клайкоч* и т. д.) в дальнейшем были заменены формами типа: полная форма качественного определения плюс имя существительное (*клайн коч*); атрибутивные сочетания типа: имя существительное плюс имя существительное были использованы для образования новых слов; атрибутивные сочетания типа: имя существительное плюс слово (выполнявшее функцию послелогов или послелoga в собственном смысле), определяющее положение предшествующего слова — имени существительного в пространстве, положили начало развитию многопадежной системы склонения.

По-видимому, аналогичным путем сложилась сложная и многопадежная система дагестанских языков.

В результате всего этого образовались сильные расхождения между грамматическим строем абхазо-адыгских и нахских языков, главным образом в области системы склонения.

ТИПЫ СЛОВСОЧЕТАНИЙ В НАХСКИХ ЯЗЫКАХ

Во всех нахских языках лексические единицы, синтаксически зависимые от других слов в составе предложения, группируются вокруг основных членов предложения, создавая интонационно обособляющиеся своеобразные ритмические группы.

Такие группы слов можно было бы называть определительными и обстоятельственными типами словосочетаний.

Определительные или атрибутивные типы словосочетаний связаны с подлежащим, прямым и косвенным дополнениями. Подлежащее, прямое дополнение, косвенное дополнение как бы «обрастают» словами, характеризующими, определяющими их качественные, количественные или какие-нибудь другие признаки. Они не только синтаксически, интонационно примыкают к определяемому слову, но и морфологически связываются с последним:

чеч. <i>сан говр дика йу</i>	}	моя лошадь хорошая (есть)
инг. <i>се говра дика йа</i>		
бацб. <i>се до̄ глазе ба</i>		

В этом предложении притяжательное местоимение «моя» синтаксически, интонационно примыкает к подлежащему, т. е. к слову «лошадь», вступая в функции определения.

Кроме того, и морфологически определение «моя» связывается с «лошадью» подчинительной связью.

Качественное определение «хорошая» примыкает синтаксически и интонационно к связке «есть», образуя составное сказуемое.

Обстоятельственные типы словосочетания в составе предложения, как правило, связаны со сказуемым или с обстоятельственным словом. Сказуемое и обстоятельственное слово также «обрастают» словами, характеризующими их какие-то признаки. Эти слова также примыкают синтаксически, интонационно к сказуемому, обстоятельному слову. Кроме того, они и морфологически могут связываться подчинительной связью со сказуемым, обстоятельным словом. Все эти типы словосочетания представлены в бацбийском, ингушском и чеченском языках. Они — рассматриваемые типы словосочетаний — восходят к нахскому языку-основе.

СТРУКТУРА РАЗЛИЧНЫХ ТИПОВ СЛОВСОЧЕТАНИЙ В НАХСКИХ ЯЗЫКАХ

Рассмотрим структуры наиболее распространенных типов словосочетаний. Наиболее характерным для нахских языков является определительный тип словосочетания. В составе определительного типа словосочетания обычно определяющие слова предшествуют определяемому. Например:

б а ц б. *хьѐ ваккх̄о ваш̄о АхметIи вахи*
чеч. *хьан воккхун ваша Ахмети вахна* — «твой старший брат
Ахмед пошел, поехал».

Притяжательное местоимение «твой», качественное прилагательное «старший» («большой») синтаксически, интонационно примыкает к определяемому ими слову «брат», выступающему в функции подлежащего. Вместе с тем указанные определяющие слова морфологически согласуются с определяемым.

Таким образом, структурное своеобразие рассматриваемого типа словосочетания характеризуется следующими признаками:

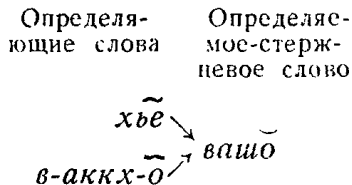
а) определяющие слова предшествуют определяемому стержневому слову; б) определяющие слова синтаксически связаны с определяемым-стержневым словом; в) определяющие слова интонационно примыкают к определяемому-стержневому слову; г) определяющие слова морфологически согласуются (в падеже, числе, грамматическом классе) с определяемым-стержневым словом. Это можно показать графически:

ОПРЕДЕЛИТЕЛЬНЫЙ (АТРИБУТИВНЫЙ) ТИП СЛОВСОЧЕТАНИЯ

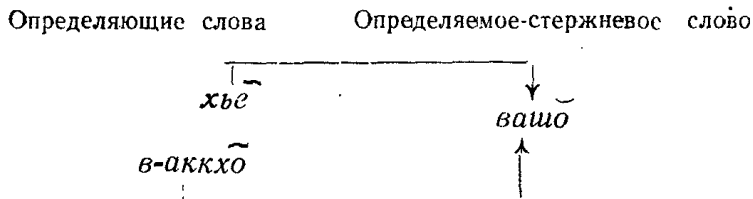
а) Определяющие слова предшествуют определяемому-стержневому слову;

Определяющие слова	Определяемое-стержневое слово
<i>хьѐ</i> <i>в-аккх-о̄</i>	<i>ваш̄о</i>

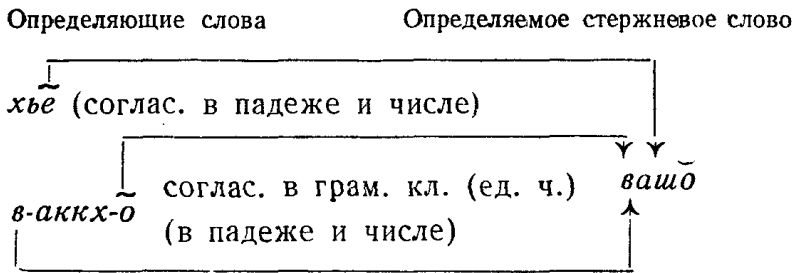
б) определяющие слова синтаксически связаны с определяемым-стержневым словом:

в) определяющие слова интонационно примыкают к определяемому-стержневому слову:

г) определяющие слова морфологически согласуются (в падеже, числе, грамматическом классе с определяемым-стержневым словом:

Все эти признаки, характеризующие определительный тип словосочетания, представлены во всех нахских языках. Они существовали и в нахском языке-основе. Следовательно, они унаследованы современными чеченским, ингушским и бацбийским языками от нахского языка-основы.

В роли стержневого слова в составе определительного словосочетания могут выступать подлежащее, сказуемое (именное, составное), прямое и косвенное дополнения.

В состав обстоятельного типа словосочетания обычно входят глагол-стержневое слово (чаще всего сказуемое) и определяющие, характеризующие его слова (чаще всего наречные формы, обстоятельственные слова, частицы).

Взаимоотношения между компонентами обстоятельного типа словосочетания характеризуются следующими признаками:

а) определяющие слова синтаксически связаны с определяемым-стержневым словом; б) определяющие слова интонационно примыкают к определяемому стержневому слову; в) определяющие слова чаще всего предшествуют определяемому-стержневому слову, хотя это и необязательно:

бацб. *Ас укхгѐш тегодо* — «я по его образцу делаю»;

бацб. *Окхус нетхиш энцѐло*¹ — «он редко курит»;

бацб. *Мацкѐмацкѐ хилъвасо осехъ* — «иногда бывал я там»;

инг. *Тлом соцам бацар*² — «бой (дословно—война) не прекращался»;

инг. *Тхона эшиш яц уж*³ — «нам они не нужны»;

чеч. *Наггахъ хуьлу со цигахъ* — «иногда бываю я там»;

чеч. *Иштта де хѐр денна хуьлуш дац*⁴ — «такой день не всегда (дословно — не каждый день) бывает».

Формы типа бацб. *нетхиш* — «редко», *укхгѐш* — «как он, по его примеру»; инг. *соцаш* — «останавливаясь», чеч. *хуьлуш* — «бываю», по-видимому, возникли в составе обстоятельного типа словосочетаний. Как показывают данные бацбийского языка, сохранившего некоторые архаичные черты нахского языка-основы, такие формы, очевидно, были очень широко распространены в общенахском языке в период, непосредственно предшествовавший его распаду. Формы типа чеч. *хуьлуш*, инг. *эшаш* обычно употребляют в современных чеченском и ингушском языках в значении деепричастия.

В чеченском бытуют факты, которые свидетельствуют о том, что формы типа бацбийских *нетхиш*, *укхгѐш* в нем также широко исполь-

¹ Ю. Д. Дешериев. Бацбийский язык, М., 1953, стр. 208.

² И. Базоркин. Собрание сочинений, т. II, Грозный, 1961, стр. 41.

³ Там же, стр. 37.

⁴ Н. Музаев. Марш смелых, роман, часть II, Грозный, 1960, стр. 3.

зовались в составе обстоятельственных словосочетаний. Например, *со глаш вагIара||вахара цига* — «я пешком ходил туда» и т. д.

В современных чеченском и ингушском литературных языках широкое распространение получили развернутые обстоятельственные словосочетания, отсутствовавшие в народно-разговорной речи до появления чечено-ингушской письменности. В дальнейшем из литературного языка они проникли в народно-разговорную речь. Поэтому в сравнительно-исторических исследованиях их следует рассматривать как новые явления, обусловленные развитием чеченского и ингушского литературных языков.

Из изложенного выше следует, что словосочетания определительного и обстоятельного типа были распространены в нахском языке-основе. Вместе с тем, в нем существовали все приемы—синтаксический, интонационный, морфологический—связывающий определяющие слова с определяемым-стержневым словом.

ПРОСТОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ В НАХСКИХ ЯЗЫКАХ

Отличительной особенностью нахских языков является наличие множества конструкций простого предложения. Каждая конструкция простого предложения характеризуется своеобразием:

- а) оформления предложения в целом,
- б) выражения главных членов предложения.
- в) семантикой предложения в целом.

Во всех нахских языках конструкции непереходного предложения отличаются от конструкций переходного предложения. Кроме того, в них прослеживаются предложения дативного, поссесивного (генетивного), локативного построения. Исторически почти все эти конструкции восходят к нахскому языку-основе:

чеч. *Со тахана театре в-обду*¹ — «я сегодня иду в театр»;

чеч. *Колхозхой аха(н) боблху*² — «колхозники едут пахать»;

инг. *Со в-оба*³ — «я иду»;

инг. *Мехкарий б-оагла* — «девушки идут»;

инг. *Советски Эскар чоагла д-а*⁴ — «Советская Армия сильна».

В этих непереходных предложениях субъективно-объективные отношения представлены так, как мы их охарактеризовали выше.

Во второй разновидности непереходной конструкции предложения подлежащее при всех непереходных глаголах, выражающих сказуемое, употребляется в именительном падеже. В этой конструкции в чеченском, бацбийском всегда наличествует сказуемое, состоящее из причастно-дееспричастной формы.

КОНСТРУКЦИИ ПРОСТОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ В НАХСКИХ ЯЗЫКАХ

Сначала рассмотрим конструкции простого непереходного предложения. В чеченском и ингушском языках представлены две основные разновидности непереходного (интранзитивного) предложения. В бацбийском, кроме этих двух конструкций, существует еще одна конструкция — эргативное построение непереходного предложения.

¹ Н. Ф. Яковлев. Синтаксис чеченского литературного языка. М., 1940, стр. 12.

² Там же, стр. 24.

³ И. А. Оздоев и С. И. Озиев. Грамматика ингушского языка, часть 1, Грозный, 1958, стр. 111.

⁴ Там же, стр. 122.

В первой разновидности непереходной конструкции подлежащее, выраженное именем существительным или личным местоимением, в чеченском и ингушском языках употребляется в именительном падеже. В роли сказуемого выступает простой непереходный глагол. Подлежащее согласуется в грамматическом классе с классным глаголом-сказуемым: бацб. *се йашо склолаи й-уйтло*¹ — «моя сестра в школу идет»; бацб. *квар йез*² — «дождь пошел».

Глагольная связка согласуется в грамматическом классе с подлежащим. Причастно-деепричастная форма, если она образована от классных глаголов, также согласуется с подлежащим: бацб. *о стлак кикох в-ахин в-а осн* — «этот человек раньше жил там», чеч. *и стаг цигах в-абхан в-у* — «этот человек там жил». Этой конструкции в ингушском соответствует: *уж цига в-абха-в* — «он там жил».

Сравнительный анализ приведенных примеров показывает, что сказуемое в чеченском и бацбийском языках выражено причастно-деепричастной формой в прошедшем времени и связкой в форме настоящего времени: бацб. *в-ахи-н в-а* — «живший есть», чеч. *в-абхан в-у* — «живший есть»; в ингушском сказуемое обозначено абсолютной формой глагола в прошедшем времени: *в-аб-ха-в* — «жил». Нет сомнения в том, что инг. *в-абха-в* восходит к *в-ахин ва*. Следовательно, конструкция предложения со сказуемым, выраженным абсолютной формой глагола, восходит к конструкции предложения со сказуемым, обозначенным относительной формой, т. е. составным сказуемым (бацб. *в-ахин в-а*, чеч. *в-абхан в-у*). Стало быть, исторически первая конструкция восходит ко второй, т. е. первая разновидность непереходного предложения является результатом преобразования второй разновидности непереходного предложения.

Третья разновидность непереходной конструкции предложения представлена в бацбийском языке. Своеобразие непереходного предложения эргативного построения заключается в том, что подлежащее, выраженное 1-м и 2-м л. ед. и мн. ч., ставится в эргативном падеже, а не в именительном, как следовало ожидать. В бацбийском формой именительного падежа 1-го л. ед. числа служит *со* — «я», а формой второго эргативного падежа — *ас* — «я», *ас в-уйтI-ас* — «я иду».

В этом предложении окончание [-ас] сказуемого *в-уйтI-ас* представляет собой аффикс 1-го лица, т. е. 1-го л. личного местоимения в эрг. м. ед. ч.

Формой именительного падежа 2-го л. ед. ч. служит *хьо* — «ты», форма эргативного падежа — *ахь* [ахьа]: *ахь миче вах-ехь?* — «ты куда уходил?», *ахь инц лапIцIн* — *ахь осн* — «ты сейчас играл там».

К непереходным глаголам, требующим выражения субъекта 1-го и 2-го л. ед. и мн. ч. в эргативном падеже, относятся: *ва-х* [ва:х(а)] — «живи», *хьачI* — «гляди», *лев* — «говори», *лабцI* [лапIцI] — «играй» и др.³

Более подробная характеристика непереходного предложения эргативного построения дана в монографии «Бацбийский язык»⁴.

В современных чеченском и ингушском языках во всех приведенных выше примерах подлежащее может быть поставлено только в именительном падеже.

Между нахскими языками отсутствуют существенные расхождения в конструкциях переходного, побудительного (понудительного), лока-

¹ Ю. Д. Дешериев. Бацбийский язык, стр. 223.

² Там же, стр. 223.

³ Там же, стр. 225.

⁴ Там же, стр. 224—228.

тивного и possessивного предложений. Они подробно описаны в «Синтаксисе чеченского литературного языка» Н. Ф. Яковлевым и «Бачбийском языке» Ю. Д. Дешериевым. Поэтому мы не останавливаемся на них подробно.

Что же касается так называемых аффективных конструкций предложения, то и в их построение бачбийский язык вносит свою специфику. В нем предложение, в котором сказуемое выражено глаголом «чувственного восприятия», может быть построено и по форме эргативной конструкции:

МитI-о-с хьо гу — «Мито видит тебя» (в этом предложении подлежащее стоит в эргативном падеже).

СТРУКТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ РАЗЛИЧНЫХ ТИПОВ ПРОСТОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ В НАХСКИХ ЯЗЫКАХ

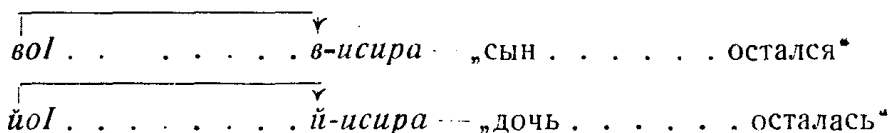
Все конструкции простого предложения во всех нахских языках обладают своими специфическими структурными особенностями. Ради краткости изложения мы ограничимся характеристикой наиболее специфических конструкций непереходного и переходного предложения.

Важнейшие структурные особенности различных конструкций предложения определяются способами выражения синтаксических отношений между главными членами предложения, а также формами выражения подлежащего и сказуемого. Для анализа можно использовать примеры из чеченского языка.

Непереходное предложение

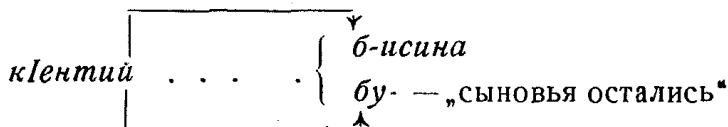
1) Первая разновидность. *Хван воI Москохахь в-исира* — «твой сын остался в Москве». Конструкция этого непереходного предложения обладает следующими структурными особенностями:

- а) подлежащее *во* — «сын» стоит в им. п. ед. ч.;
- б) сказуемое выражено непереходным классным глаголом;
- в) подлежащее согласуется со сказуемым в грамматическом классе:

2) Вторая разновидность. *Хван кIентий Москохахь б-исина б-у* — «твои сыновья в Москве остались» (дословно — «оставшиеся суть»). Конструкция второй разновидности непереходного предложения обладает следующими структурными особенностями:

- а) подлежащее *кIентий* — «сыновья» стоит в им. п. мн. ч.;
- б) сказуемое выражено классной причастно-деепричастной формой и классной связкой;
- в) подлежащее согласуется в грамматическом классе с причастно-деепричастной формой и связкой:

гавраш хьуьнахь й-исина й-у — «лошади в лесу остались»

Переходное предложение

1) Первая разновидность. *Ахьмада||Ахьмад-ас(а) дика буйьцу нохчийн мотт* — «Ахмад хорошо владеет чеченским языком». Конструкция этого переходного предложения обладает следующими структурными особенностями:

а) подлежащее *Ахьмад-а||Ахьмадас(а)* стоит в эрг. п. ед. ч. (формы им. п. *Ахьмад*); б) сказуемое выражено переходным классным глаголом; в) прямое дополнение стоит в им. п. ед. ч.; г) сказуемое согласовано в грамматическом классе с прямым дополнением:

Ахьмада||Ахьмадас(а) . . . мотт . . . б-уйьцу — «Ахмад владеет языком».

Вследствие того, что прямое дополнение согласуется в грамматическом классе со сказуемым, оно включается в состав главных членов предложения.

2) Вторая разновидность. *Ахьмад нохчийн мотт дика буйьцуш в-у* — «Ахмад хорошо владеет чеченским языком». Конструкция второй разновидности переходного предложения обладает следующими структурными особенностями:

а) подлежащее стоит в им. п. ед. числа;
б) сказуемое выражено классной причастно-деепричастной формой переходного глагола и классной связкой;
в) прямое дополнение стоит в им. п. ед. числа;
г) причастно-деепричастная форма согласована в грамматическом классе с прямым дополнением;
д) связка согласована в грамматическом классе с подлежащим.

Рассмотренные разновидности конструкций переходного и непереходного предложений обладают аналогичными структурными особенностями и в остальных нахских языках. Например, в бацбийском.

1) Первая разновидность. *Аникло-с коцуй хи д-оттир* — «Анико в кувшин воду налила».

2) Вторая разновидность. *СтудентI со тIатеб д-алгин в-а* — «студент мне деньги дал» (досл.—«студент мне деньги давший есть») ¹. Аналогичные примеры можно было бы привести из ингушского языка.

По своему значению первые разновидности конструкций непереходного и переходного предложений примерно соответствуют английскому *The Present Tense*, а вторые разновидности — англ. *The Present Continuous Tense*.

Все рассмотренные структурные особенности чеченского, ингушского и бацбийского языков были унаследованы от нахского языка-основы.

ФОРМЫ ПОДЛЕЖАЩЕГО В НАХСКИХ ЯЗЫКАХ

В нахских языках формы подлежащего могут быть выражены в именительном, эргативном, дательном, родительном, локативном падежах. В соответствии с наименованиями перечисленных падежей названы следующие конструкции предложения: номинативная (подлежащее

¹ Ю. Д. Дешериев. Бацбийский язык, стр. 230.

стоит в именительном падеже), эргативная (подлежащее ставится в эргативном падеже), дативная (подлежащее—в дательном падеже), локативная (подлежащее употребляется в локативном, направительном первом падежах), поссессивная или генетивная (подлежащее ставится в родительном падеже) конструкции.

Формы остальных падежей (например, вещественного, транзитивного, сравнительного и других) не используются для выражения подлежащего.

Возможностью постановки подлежащего в формах перечисленных падежей и обусловлена в основном лабиальность конструкций предложения в нахских языках.

ФОРМЫ СКАЗУЕМОГО В НАХСКИХ ЯЗЫКАХ

Основными формами сказуемого служат глагольные формы. Кроме того, сказуемое может быть выражено и другими частями речи.

Довольно широко распространены в народно-разговорной речи, в литературных языках формы сказуемого, оставленные путем сочетания форм именных частей речи и глагольных форм.

Выражение сказуемого именными частями речи и наречными формами сравнительно редко наблюдается в народно-разговорной речи. Зато в младописьменных литературных языках широкое распространение получило использование именных частей речи и наречных форм в функции сказуемого.

Таким образом, широкое употребление форм именных частей речи в функции сказуемого — новое явление в чеченском и ингушском языках, обусловленное развитием литературных языков. Это нужно учитывать при сравнительно-историческом анализе синтаксических явлений в ингушском, чеченском и бацбийском языках.

ФОРМЫ ПРЯМОГО ДОПОЛНЕНИЯ В НАХСКИХ ЯЗЫКАХ

В большинстве случаев форма именительного падежа служит формой прямого дополнения. Формы остальных падежей редко встречаются в функции формы прямого дополнения.

Прямое дополнение включается в состав переходного предложения всех разновидностей, если сказуемое выражено классным глаголом.

Совпадение формы прямого дополнения и подлежащего в непереходном предложении объясняется, вероятно, отсутствием винительного падежа — как формы выражения прямого дополнения в нахских языках. В споре о наличии или отсутствии винительного падежа в нахских языках, несомненно, прав был П. К. Услар. Неправоммерно называть именительный падеж именительно-винительным падежом.

Вместе с тем, следует учитывать, что в нахских языках наблюдается процесс образования такой падежной формы, которая примыкает по своей функции к функции винительного падежа. Она отвечает на некоторые вопросы, на которые отвечает и форма винительного падежа: чеч. *со лома вобду* — «я в горы иду», бацб. *ас лаум вунтас* — «я еду в горы». Формы типа чеч. *лома*, бацб. *лаум* отвечают на тот же вопрос, на какой отвечает и форма винительного падежа — «куда?». Формы *лома* и *лаум*, по нашему мнению, нельзя рассматривать как формы какого-либо из обычно выделяемых в нахских языках падежей.

Исходя из изложенного, мы склонны думать, что указанные формы *лоума*, *лома* и др. связаны с возникновением формы винительного падежа.

ФОРМЫ КОСВЕННОГО ДОПОЛНЕНИЯ В НАХСКИХ ЯЗЫКАХ

Формы всех падежей (за исключением именительного и эргативного падежей) могут служить формами косвенного дополнения. Исключением из этого правила является форма эргативного падежа с аффиксом *-в*, выступающая в функции орудного (творительного) падежа. Это — вторичное явление в бацбийском языке.

Во всем остальном нахские языки ничем не отличаются друг от друга. Указанная особенность унаследована чеченским, ингушским и бацбийским языками от нахского языка-основы. Об этом свидетельствует сравнительно-исторический анализ форм падежей, а также их синтаксических функций.

Синтаксические функции, выполняемые формами отдельных падежей в чеченском, ингушском и бацбийском языках, не совпадают. Так, в бацбийском языке, как мы видели выше, формы эргативного, дательного падежей выступают в функции подлежащего при нереходных глаголах и глаголах «чувственного восприятия». Следовательно, формы эргативного и дательного падежей в бацбийском языке выполняют более широкие функции, чем в чеченском и ингушском.

ПРИЧАСТНЫЕ КОНСТРУКЦИИ В НАХСКИХ ЯЗЫКАХ

Причастные конструкции очень широко употребляются в ингушском, бацбийском и чеченском языках. Причастным формам глагола обязаны своим происхождением так называемые описательные конструкции в нахских языках, являющиеся древнейшими по происхождению.

Среди причастных форм следует различать древние и более позднего происхождения. Древние формы образованы от непроезводных основ глаголов: бацб. *в-отлуи||в-отлуин*, чеч. *в-обдун* — «идуший»; бацб. *даржуи*, чеч. *даржан* — «распространяющийся» и т. д.; чеч. *сина вайра Москва вобдун стаг* — «я видел человека, едущего в Москву».

Причастные формы более позднего образования восходят к производным основам глаголов: бацб. *д-арж-д-уи*, чеч. *дарж-д-иен* — «распространяемый»; бацб. *д-арж-л-уи*, чеч. *д-арж-л-ун* — «могущий распространиться»; бацб. *д-арж-ит-уи*, чеч. *доржуйт-ун* — «позволяющий распространиться» и т. д.

Причастные формы древние и более позднего происхождения существуют в ингушском, бацбийском и чеченском языках. Все они восходят к нахскому языку-основе.

Аффикс причастия настоящего времени по происхождению соответствует аффиксу род. п. имени существительного (*ин*). Аффикс причастия в прошедшем времени генетически связан с показателем глагола в недавнопрошедшем времени [*н(а)*].

Причастные формы действительного и страдательного залогов морфологически не различаются в нахских языках. Действительное и страдательное значение причастия определяется синтаксически — порядком слов: чеч. *балх бен стаг* — «работу делающий человек», но *стага бен балх* — «человеком выполняемая (делаемая) работа» и т. д.

Все эти особенности причастия также восходят к нахскому языку-основе.

Таким образом, древность происхождения причастных оборотов определяется следующими (методическими) приемами:

- а) морфологическим анализом причастных форм, сравнивая их с соответствующими глагольными формами;
- б) сравнительным анализом их общих и частных особенностей;
- в) синтаксической ролью причастных форм в различных условиях.

Деепричастные конструкции слабо обособлены от причастных конструкций. Морфологически деепричастие отличается от причастия только в настоящем времени. В остальных временах причастие и деепричастие представлены одной и той же глагольной формой. Поэтому все, что было сказано о причастных конструкциях и причастных формах в будущем и прошедших временах, относится и к деепричастным конструкциям в нахских языках.

Характерной чертой деепричастного оборота (конструкции) в настоящем времени является наличие особой формы деепричастия с формативом *-ш*: инг. *кхувсалуш* — «прыгая», *вода-ш* — «идя», *кхосса-ш* — «бросая», *ловза-ш* — «играя»; бацб. *леле-ш* — «гуляя», *лачIкЪа-ш* — «пряча», *вишу-ш* — «лежа». При помощи таких форм образуются деепричастные конструкции настоящего времени: инг. *Сийлахь парти хеста-еш* — «славную партию вослевая», ...*Советий Илма Јомаде-ш* — «Советскую науку изучая».

В отличие от народно-разговорной речи весьма широкое распространение получили деепричастные конструкции в чеченском и ингушском литературных языках. Особенно широко ими пользуются в прозе и поэзии: ...*лавчарчий да вайна тIахъувзаж. МоастагIех вай Мохк лорабеш. Денна говзал Шоай Совйоахаш* — «орлы (т. е. соколы-летчики) летают над нами, охраняя нашу Родину от врагов, с каждым днем повышая свое мастерство» (А. Хамхоев).

Деепричастие в настоящем времени в бацбийском языке употребляется более широко в значении наречных форм: *лачIкЪо-ш* — «секретно|тайно», *дацуш* — «коротко» и т. д. Широкое распространение деепричастия в функции наречных форм в бацбийском — более позднее явление. Во всем остальном характерные особенности деепричастных конструкций также восходят к нахскому языку-основе.

К ВОПРОСУ ОБ ОСНОВНЫХ ЭТАПАХ ФОРМИРОВАНИЯ РАЗЛИЧНЫХ СТРУКТУРНЫХ ТИПОВ ПРОСТОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ В НАХСКИХ ЯЗЫКАХ

В нахском языке-основе существовали почти все конструкции переходного и непереходного предложения, наличествующие в современных ингушском, бацбийском и чеченском языках. Это показывает исключительную устойчивость синтаксических конструкций. Как мы полагаем, такие описательные конструкции, как чеч. *со цига вобдуш ву* — «я туда иду» (дословно — «я туда идя есть»), *Хьамид со цигахь гина ву* — «Хамид меня увидел там» (дословно — «Хамид меня там видевший есть»), более древнего происхождения, чем конструкции типа *со цига вобду* — «я туда иду», *Хьамидина со гина* — «Хамид видел меня». На это указывают данные ингушского языка, в частности, конструкции предложения типа *со цигахь в-аха-в* — «я туда ходил» и т. д. В этом предложении форма сказуемого *в-аха-в* восходит к *в-а-ха(н)ва*. Об этом же свидетельствуют аккинские конструкции: *со ведану-в* — «я бежал», *устха б-едам-б* — «баран убежал»¹ и т. д.

Описательные конструкции более употребительны в ингушском и чеченском языках, чем в бацбийском. Описательная конструкция типа чеч. *и болх аса бина бу* — «эта работа мною выполнена» почти вышла из употребления в бацбийском языке. По сравнению с конструкциями:

¹ И. Г. Арсаханов. Указ. соч., стр. 54—55.

чеч. *аса болх бе* — «я работаю», *со болх беш ву* — «я работаю» (дословно — «я работу делая есть») редко употребляется указанная конструкция в ингушском и чеченском языках.

В отличие от бацбийского языка в современных чеченском и ингушском языках глаголы «чувственного восприятия», как правило, допускают только дативное построение предложения. Исключениями из этого правила являются следующие факты:

По словам Н. Ф. Яковлева, в «... архаическом произношении (например, еще на памяти стариков) оборот с дательным субъектом строился по образцу переходного оборота и вместо дательного падежа подлежащего в нем мог употребляться активный падеж: *ас* (вместо *суна*) *хезнера*, и *йоI хаза ю бохуш* — «я слышал, что эта девушка красива». *Ас* (вместо *суна*) *ишта мьоттура||мьотгара* — «я так полагаю, думаю».

Говорят еще сейчас: *ахь* (вместо *хьуна*) *хаалахь, со цига вогIур вуйла* — «ты знай, что я туда приду»; и *дан ца мега ахь||хьуна?* — «можно тебе это сделать?». Эти случаи заставляют нас сделать предположение, что оборот с дательным субъектом представляет собой в чеченском сравнительно позднее образование¹.

Аналогичные факты были установлены М. И. Чапановым в ингушском языке: «...в ингушском языке, — пишет он, — в речи стариков (к сожалению, не указав, когда, где и у каких стариков зафиксированы эти факты — Ю. Д.) нами зафиксировано выражение, в котором вместо дательного падежа субъекта пережиточно употребляется именительный падеж (современный эргативный падеж). Это — *аз дайнача хьажиченора* — «клянусь виденным мною домом Хаджи»...².

Таким образом, данные всех нахских языков позволяют полагать, что дативной конструкции предложения со сказуемым, выраженным глаголом «чувственного восприятия», предшествовала эргативная конструкция предложения. Дативная конструкция рассматриваемого типа — более позднее явление в нахских языках.

Как показывают факты нахских языков, к архаичным синтаксическим явлениям в нахских языках, по-видимому, относится и эргативное построение непереходного предложения³. Факты эргативного построения интразитивного предложения в бацбийском языке рассмотрены нами выше. Что же касается вейнахских языков, то в них также установлены аналогичные факты. Так, в чеченском языке находим предложения следующих типов: *цига гIуол-ахь* — «сходи, пожалуйста, туда», но *цига гIуол* — «сходи туда». В этих предложениях субъект может быть выражен самостоятельным словом — личным местоимением второго лица ед. ч.: *хьо цига гIуол-ахь* — «ты туда сходи, пожалуйста», *хьо цига гIуол* — «ты туда сходи». Такие же непереходные предложения могут быть сконструированы, если в функции сказуемого выступают глагольные формы от основы *гIуо...*: *цига гIуо* — «сходи туда, пожалуйста», но *цига гIуо* — «сходи туда», *хьс цига гIуо-хь(а)* — «ты туда сходи, пожалуйста», но *хьо цига гIуо* — «ты туда сходи».

При конструировании таких предложений в функции сказуемого может выступать любой непереходный глагол в форме повелительного: *гIуол-аш* — «сидите вы, пожалуйста», *гIуо-иш* — «сходите вы, пожалуйста», но *цига латта-л* — «стой там», *хьо цига латта-а-хьа* — «ты там стой, по-

¹ Н. Ф. Яковлев. Синтаксис чеченского литературного языка. М., 1940, стр. 66—67.

² М. И. Чапанов. Эргативная конструкция предложения в нахских языках. М., 1962, стр. 162.

³ Ю. Д. Дешериев. Эргативный строй непереходного предложения в бацбийском языке (сб. Язык и мышление, вып. XI, 1947.).

жалуйста», но *хьо цига латта* — «ты там стой»; *чохь Iue-л-а-хь* — «сиди (оставайся) дома, пожалуйста», но *чохь Iuel* — «сиди дома»; *хьо чохь Iue-л-а-хь* — «ты дома сиди, пожалуйста»; *хьо чохь Iue-л* — «ты дома сиди»; *чохь Iue-хь(а)* — «дома сиди, пожалуйста», но *хьо чохь Iue* — «дома сиди»; *хьо чохь Iue-хь(а)* — «ты дома сиди, пожалуйста», но *хьо чохь Iue* — «ты дома сиди» и т. д.

Во всех приведенных примерах личная форма глагола второго лица ед. ч. может быть заменена личной формой глагола второго лица мн. ч.: *гIуо-л-аш* — «сидите вы, пожалуйста», *гIуо-иш* — «сходите вы, пожалуйста» и т. д.

Прежде всего возникает вопрос: что собой представляет окончание личных форм глаголов типа *гIуо-л-а-хь(а)*, *гIуо-хь(а)*; *гIуо-л-а-ш(а)*, *гIуо-иш(а)*? К формам какого падежа личных местоимений они восходят? Здесь речь может идти о формах только двух падежей: именительного или эргативного.

С фонетической точки зрения трудно определить, формы какого падежа — именительного или эргативного — представлены в качестве личных окончаний в анализируемых глаголах: *гIуо-л-а-хь(а)* может восходить к глагольной основе *гIуо-л* и форме эргативного падежа личного местоимения второго лица ед. ч. *ахь(а:гIуо-л-а-хь(а))*. Рассматриваемая форма сказуемого может быть образована путем сочетания основы *гIуо-л* с формой именительного падежа личного местоимения второго лица ед. ч. *хьо*.

В этом случае между *гIуо-л-* и *хьо* появляется соединительный гласный звук *а*, а конечный гласный *о* в составе *хьо* подвергается ослаблению или выпадает. В результате возникает форма *гIуо-л-а-хь(а)*. То же самое можно сказать и об остальных личных глагольных формах.

Таким образом, с точки зрения фонетических процессов окончания личных глагольных форм могут восходить к формам и именительного, и эргативного падежей личных местоимений.

Возможно, включение субъекта в им. п. в состав предложений рассматриваемых конструкций указывает на то, что личное окончание сказуемого глагола в них восходит к форме им. п. личного местоимения второго лица: *хьо цига гIуо-л-а-хь* (но не говорят: *ахь(а) цига гIуо-л-а-хь(а)*). Но дело в том, что не исключена возможность более позднего происхождения конструкций типа *хьо цига гIуо-л-а-хь*.

В связи с этим приходится останавливаться на вопросе о происхождении личных форм глагола, т. е. о личном спряжении. Установлено, что личное спряжение в иберийско-кавказских языках — новое, вторичное явление (А. С. Чикобава, Г. В. Рогава). Следовательно, из двух форм — неличной *гIуо* и личной *гIуо-хь* — более древней должна быть признана неличная. Но это также не дает решения вопроса о том, к какой падежной форме — именительной или эргативной — восходит личное окончание сказуемого глагола.

В этих условиях особого внимания заслуживает сравнительно-историческое рассмотрение анализируемых конструкций в нахских языках. В бадбийском языке бытует эргативное построение непереходного предложения. В нем личное спряжение обычно представлено в предложениях эргативного построения: *ас вуитI-ас* — «я иду», *ахь вуитI-а-хь* — «ты идешь», *аш(а) буитIа-иш* — «вы идете» и т. д. Кроме того, следует учитывать, что во всех нахских языках засвидетельствован архаичный эргативный вариант дативной конструкции (соответствующие примеры были приведены выше).

Основная функция эргативного падежа — выражение субъекта (подлежащего), деятеля. Именительный падеж служит формой выра-

жения прямого дополнения, а также абсолютной, исходной формой наименования предмета. Именительный падеж как форма названия, наименования предмета является наиболее абстрагированным из всех падежей. Он характеризует предмет вообще безотносительно к чему-нибудь. (Вопрос об отношении именительного падежа к другим падежам должен быть рассмотрен в ином плане). Эргативный падеж, служащий формой выражения субъекта, агенса, деятеля, действителя, имеет более конкретное значение. В этом смысле он может быть отнесен к падежам древнейшего происхождения. В своей основной функции эргативный падеж мог бы возникнуть раньше именительного падежа (отчасти это можно объяснить тем, что эргативный падеж более конкретной семантики, чем именительный, как уже указывалось выше).

Все сказанное и позволяет сделать предположение о существовании в общенахском языке непереходного предложения эргативного построения.

К ВОПРОСУ О ГИПОТАКСИСЕ И ПАРАТАКСИСЕ В НАХСКИХ ЯЗЫКАХ

Вопрос о гипотаксисе и паратаксисе рассмотрен в ряде работ, посвященных исследованию нахских языков¹. Здесь мы не будем останавливаться на вопросе о правомерности выделения сложного предложения в нахских языках, о принципах разграничения причастно-деепричастных оборотов, с одной стороны, придаточных предложений — с другой, при построении описательной грамматики. Для нас важно проанализировать в историческом и сравнительно-историческом плане способы выражения связи между простыми предложениями. С этой точки зрения мы и будем анализировать так называемые сложноподчиненные и сложносочиненные предложения в нахских языках. Нет необходимости более подробно излагать те соображения, на основе которых мы пришли к выводу о нецелесообразности выделения и разграничения сложноподчиненных и сложносочиненных предложений даже в описательной грамматике. С научной и практической точки зрения правильнее и удобнее будет выделять и анализировать способы выражения связи между простыми предложениями. Более подробно этих вопросов мы касаемся в научной грамматике современного чеченского литературного языка.

О СПОСОБАХ ВЫРАЖЕНИЯ СВЯЗИ МЕЖДУ ПРОСТЫМИ ПРЕДЛОЖЕНИЯМИ В НАХСКИХ ЯЗЫКАХ

В нахских языках существуют три способа выражения связи между простыми предложениями:

а) интонационный; б) с помощью так называемых придаточных форм глагола-сказуемого, т. е. через посредство особых отглагольных форм сказуемого; в) при помощи относительных местоимений и союзов.

Все эти три способа подробно рассмотрены в «Синтаксисе чеченского литературного языка» Н. Ф. Яковлева и «Бацбийском языке» Ю. Д. Дешериева. В отличие от указанных работ в дальнейшем изложении мы не разграничиваем способов выражения так называемой умозрительно выделяемой сочинительной и подчинительной связи между простыми предложениями. Разграничение подчинительной и сочинительной связи между простыми предложениями в нахских языках осуществляется не син-

¹ Н. Ф. Яковлев. Синтаксис чеченского литературного языка, М., 1940. Д. С. Имнайшвили. К вопросу о гипотаксисе в языках чеченской группы, ИКЯ, том II, Тбилиси, 1948. Ю. Д. Дешериев. Бацбийский язык, М., 1953.

таксически, не морфологически, а семантически. Это видно из того, что способы выражения «подчинительной» связи между простыми предложениями мало чем отличаются от способов выражения «сочинительной» связи. Так, интонационным способом может быть выражена связь между простыми предложениями «сочинительного» и «подчинительного» значения: бацб. *ас ботх тагбие — ахь атлами цагдие* — «я поработал — (а) ты почистил персики»; *окхус албир сого хьо лацлишва* — «он сказал мне, (что) ты болсешь». 1) Первая фраза считается сложносочиненным предложением, а вторая — сложноподчиненным по весьма условным признакам.

Способ выражения связи между простыми предложениями при помощи «сочинительного» аффикса и придаточной формы глагола представлен в следующих примерах:

бацб. *ас тха глазиш ботх тагбие, ахь-и тха глазиш ботх тегиэ* — «я хорошо поработал сегодня», «и ты хорошо поработал сегодня»¹; *окхус билет ис-чехь, со икх маттароблев глос Москлови* — «если он купит мне билет, (то) этим псевдом поеду я в Москву»².

В первой фразе сочинительным аффиксом считается *-и*, присоединенный к *ахь-и* — «ты», здесь *-и* может быть заменен *-а* в той же синтаксической функции; во втором примере придаточной формой сказуемого служит *иц-чехь* — «если купить», где в функции условного союза или относительного слова выступает *-чехь*.

Аналитичные примеры можно было бы привести из ингушского и чеченского языков. Например, чеч. *со а веара, хьо а вахара* — «я пришел, и ты ушел»³; *ахь и книга иец-а-хь, аса а обцур йу иза* — «если ты купишь эту книгу, (то) и я куплю ее».

Способ выражения связи между простыми предложениями при помощи относительных местоимений и союзов получил широкое развитие в бацбийском языке (под влиянием грузинского языка): *студент, самклитхвेलуи вуитло, ме осе Мушебаддол* — «студент в библиотеку идет, чтобы там работать»; *о уиштI вахе, мохье окхуин лез* — «он живет так, как ему хочется». В этих фразах в функции относительных слов выступают *ме* — «что, чтобы»; *мохье* — «как». Вот еще один пример из бацбийского: *Эвас пгьеранг аби со укх маслелоре, менух ас окхуин эцир* — «Эва сшила мне рубашку из того материала, который я купил». В этом предложении относительным местоимением собственного бацбийского (общенахского) происхождения является *менух* — «который» (ср. чеч. *муьлху* — «какой, который»).

Рассматриваемый способ очень слабо развит в ингушском и чеченском языках.

К ВОПРОСУ О ПРОИСХОЖДЕНИИ РАЗЛИЧНЫХ СПОСОБОВ ВЫРАЖЕНИЯ СВЯЗИ МЕЖДУ ПРОСТЫМИ ПРЕДЛОЖЕНИЯМИ В НАХСКИХ ЯЗЫКАХ

Вопрос о происхождении различных способов выражения связи между простыми предложениями в чеченском языке впервые обстоятельно рассмотрен Н. Ф. Яковлевым в «Синтаксисе чеченского литературного языка». Он писал: «наиболее древним способом подчинения, как мы предполагаем, является *интонационный*»⁴. Представляется, что трудно не согласиться с этим положением Н. Ф. Яковлева. Интонационный

¹ Ю. Д. Дешериев. Бацбийский язык, стр. 290.

² Там же, стр. 301.

³ Н. Ф. Яковлев. Синтаксис чеченского литературного языка. М., 1940, стр. 170.

⁴ Н. Ф. Яковлев. Синтаксис чеченского литературного языка, стр. 176.

способ является наиболее древним способом не только «подчинения», но и «сочинения». Семантическое различие и противопоставление интонационного выражения «сочинения» и «подчинения» — более позднее явление. Первоначально они не различались и не противопоставлялись.

Касаясь происхождения остальных двух способов «подчинения», Н. Ф. Яковлев отмечал: «Из двух остальных способов подчинения — с помощью придаточных форм сказуемого и с помощью относительных местоимений и союзов — наиболее древним является первый способ. Аналогичный процесс исторического развития способов выражения связи между простыми предложениями наблюдается в ингушском и бацбийском языках. Следует, однако, указать на то, что в этих способах семантическое противопоставление «сочинения» и «подчинения» более позднее явление».

Вместе с тем необходимо отметить, что сохраняет свою силу критика трактовки Н. Ф. Яковлевым сложноподчиненного предложения в чеченском языке: «В трактовке сложноподчиненного предложения в языках Кавказа до настоящего времени существует большая путаница. Причина этой путаницы кроется прежде всего в том, что некоторые авторы подгоняют сложноподчиненное предложение в кавказских языках под мерку индоевропейских языков, в частности, под мерку сложноподчиненного предложения в русском языке»¹.

Аффиксы и союзы «сочинения» и аффиксы, при помощи которых оформляются так называемые придаточные формы сказуемого в чеченском, ингушском, бацбийском, исторически восходят к одному и тому же источнику — к нахскому языку-основе: «сочинительные» аффиксы *-а*, *-и*; союзы (исторически наречные формы): *бакъеда* (бацб.), *бакъду* (чеч.), *бакъда* (инг.) — «правда, однако» и т. д. В бацбийском языке бытуют «сочинительные» союзы, которых нет в чеченском языке: *маграм* — «но, однако», *тумца* — «хотя (бы), все же» и др. К исконно общим нахским аффиксам придаточных форм сказуемого относятся: *-че*, *-чехь* (бацб.), *-ча*, *чахь*, *-хь*, *-хьар||хь-ара* (чеч.), *-хьер*, *-нохьер* (бацб.) и др.

Все эти морфологические элементы имелись в нахском языке-основе.

К общенахскому источнику восходят и некоторые относительные местоимения и относительные союзы: бацб. *менух*, инг. *молагла*, чеч. *муьлха* — «который», инг. *цудухьа*, чеч. *цундели* — «поэтому», бацб. *окхуиндалла* — «потому что», бацб. *окхумпле... мелъе* — «столько... сколько»; чеч. *хлоккхолла*, *мел*, инг. *мел* — «сколько» и т. д. Данный способ выражения связи между простыми предложениями (при помощи относительных местоимений и союзов) развился после распада нахского языка-основы в эпоху самостоятельного развития ингушского, чеченского и бацбийского языков.

ПРОБЛЕМА ЭРГАТИВНОЙ КОНСТРУКЦИИ ПРЕДЛОЖЕНИЯ В НАХСКИХ ЯЗЫКАХ

Эргативная конструкция предложения имеет специфические особенности в каждом из абхазо-адыгских, дагестанских, картвельских и нахских языков. Вместе с тем все эти языки характеризуются наличием общих черт построения эргативного предложения. В данной статье мы ограничиваемся рассмотрением как общих черт, так и специфических особенностей построения эргативного предложения в нахских языках: бацбийском, ингушском и чеченском.

¹ Н. Ф. Яковлев. Указ. соч., стр. 176. Ю. Д. Дешериев. Бацбийский язык, стр. 292.

Основной формой построения переходного (транзитивного) предложения в нахских языках является эргативная конструкция. В этой форме конструирования переходного предложения подлежащее ставится в эргативном падеже, а сказуемое выражается абсолютной формой переходного глагола. Если в функции сказуемого употребляется классный глагол (т. е. глагол, изменяющийся по грамматическим классам), то с ним в грамматическом классе согласуется прямое дополнение: *Хьамида-са цунна ахча делира* — «Хамид ему деньги дал»; *белхалочо шен болх дика бо* — «рабочий свою работу хорошо выполняет»; *гавро хьаьаш йоу* — «лошадь кукурузу жушает».

В этих предложениях подлежащими являются *Хьамид-аса* (им. *Хьамид*), *белхало-чо* (им. п. *белхало*), *гавро* (им. *гавр||говр*). Окончание эргативного падежа в первом сказуемом служит *-аса*, во втором *-чо* (точнее *-ч-уо*), в третьем *-о* (точнее *уо*).

Аффикс *аса* употребляется в собственных именах (*Ваха*, *Хьамид*, *Иван*), а также в словах *да* (*дада*) — «отец», *нана* — «мать», *ваша* — «брат», *йиша* — «сестра», *йол* — «дочь», *вол* — «сын». При постановке последних двух слов в эргативе используется усеченная форма аффикса *-аса* > *а*: *йол-а хи д-ахьа* — «дочь воду несет». В собственных именах, оканчивающихся в именительном падеже на согласный звук, также встречаются усеченные разновидности аффикса *-аса*, который при быстром темпе речи может подвергнуться дальнейшей редукции (вплоть до полного отпадения): *Хьамид-аса* > *Хьамид-ас* > *Хьамид-а* > *Хьамид*. В последнем случае мы имеем форму эргатива с нулевым показателем, т. е. форму, совпадающую с формой именительного падежа (*Хьамид* — «Хамид»).

В составе аффикса *аса* основным показателем эргатива является *-с*, который может сочетаться с различными гласными (например, *а*, *и*, *ие*). Некоторые слова с собирательным значением образуют форму эргатива посредством этого показателя *с*: *парти-с* (им. п. *парти* — «партия»), *правительство-с* (им. п. *правительство* — «правительство»), *революци-с* (им. п. *революци* — «революция»): *партис а правительствос а члогла гло-бо вайна* — «партия и правительство очень хорошо помогают нам»; *революцис... лаккха хьалхайгина зудчу-ненан сий* — «революция высоко подняла честь, славу женщины-матери»¹. Вместе с тем другие слова с аналогичным собирательным значением в эргативном падеже получают окончание *о(уо)*: *сьезд-о* (им. *сьезд* — «сьезд»), *республик-о* (им. п. *республика* — «республика»): *...сьезд-о декъаладо шу..* — «...сьезд приветствует вас...».²

Слова, обозначающие неразумные существа, предметы, явления природы и т. д. и оканчивающиеся в им. п. ед. ч. на согласный или гласный звуки (кроме *уо*), в эргативном падеже имеют формант *о(уо)*: *барзо* (им. п. *борз*) *уьстагI бийна* — «волк барана убил», *книго* (им. п. *книга*) *хIун дубьцу?* — «что рассказывает книга?» и т. д.

Нередко наблюдается колебание в употреблении этих двух аффиксов: *учителя(с)* и *учитело* (им. п. *учитель* — «учитель»).

На третий аффикс *чо* (*чуо*)³ оканчиваются в эргативном падеже производные имена существительные, образовавшиеся посредством сло-

¹ Газета «Ленинан некъ» («Ленинский путь») за 29 августа, 1958, № 102 (5376), стр. 1.

² Там же, стр. 1.

³ «По-видимому», в составе *чо(чуо)* аффиксом эргатива в собственном смысле служит *о(уо)*, а *-и* — словообразовательный элемент для косвенных падежей.

вообразовательных суффиксов *-ло* и *хо*: *белха-ло* — «рабочий», *ахар-хо* — «пахарь, крестьянин», *хьехар-хо* — «учитель», а также все субстантивированные имена прилагательные и причастия: *оцу белхало-чо гло дира тхуна* — «этот рабочий помог нам», *шуга воглуcho* (им. п. *воглун*) — «идуший», *лаж бийхира соьга* — «к вам идущий яблоко просил у меня».

Отклонения от этих правил связаны с употреблением супплетивных форм в некоторых существительных и местоимениях: *анно* (им. п. *у* — «доска»), *аса* (им. п. *со* — «я»), *ахва* (им. п. *хьо* — «ты»), *хлокхо* (им. п. *хлара* — «он»), *оху* (им. п. *тхо* — «мы»), *аша* (им. п. *шу* — «вы»), *ацара* (им. п. *уьш* — «они»); появлением какого-нибудь звука перед формативом эргативного падежа: *ста-ро* (им. п. *сту* — «бык») и др.

Особой формы эргативного падежа не имеет инклюзивное местоимение первого лица мн. ч.: *вай* — «мы с вами».

Во множественном числе все имена существительные в эргативном падеже оканчиваются на *-ша* или *а*: *гавраш-а* || *говраш-а* (им. п. мн. ч. *гавраш* || *говраш* — «лошадь»), *белхало-ша* (им. п. мн. ч. *белхалой* — «рабочие»), *вежар-ша* (им. п. мн. ч. *вежарий* — «братья»). Формативом эргативного падежа мн. ч. от субстантивированных имен прилагательных и причастий служит *-чара*: *хаза-чара* (им. п. *хазан* — «красивый, красивые»), *оху-чара* (им. п. *охун* — «пашущий, пашущие»).

Те же формативы эргативного падежа выявляются и в ингушском языке. Вместе с тем обнаруживаются и некоторые отклонения, обусловленные фонетическими причинами. Например, вместо чеченского *с* в ингушском имеем в эргативе *з*: чеч. *да-с*, инг. *да-з* — «отец, отцом»; чеч. *нана-с*, инг. *нанэ-з* — «мать, матерью»; чеч. *Муса-с*, инг. *Мусэ-з* — «Муса, Мусой» (мужское имя). В ингушском в функции чеченского эргативного аффикса *о[уо]* выступают собственно *о[уо]* и его, вероятно, фонетические варианты *а* и *э*: *говро* || *говрэ* — «лошадь, лошадыю», *лаьтто* || *лаьтта*¹ — «земля, землей». Во множественном числе чеченскому *-ша* и *-а* в ингушском соответствуют *-ша* и *-а*: чеч. *машош-а* (им. п. мн. ч. *машош*), инг. *машош-а* (им. п. мн. ч. *машош* — «сукна, сукнами»), чеч. *хехо-ша* (им. п. мн. ч. *хехой*), инг. *хьавхо-ша* (им. п. мн. ч. *хьавхой* — «сторожа»).

В чеченском и ингушском языках в форме эргативного падежа во всех его разновидностях ставится только подлежащее, т. е. функция этого падежа ограничивается выражением подлежащего, действителя в предложении².

Более существенные отклонения в образовании эргативного падежа от различных имен существительных в аффиксах и функциях эргатива обнаруживаются между чеченским и ингушским³, с одной стороны, и бацбийским — с другой.

В бацбийском языке аффиксами эргатива в ед. ч. служат *с* и бибиальный сонант *в* [w]: формант эргатива *с* в бацбийском сочетается не только с именами, обозначающими различные существа мужского и женского пола, но и с наименованиями животных, некоторых предметов, понятий.

Таким образом, показатель эргативного падежа в бацбийском сочетается с более широким кругом имен существительных, чем в чеченском и ингушском языках.

¹ З. К. Мальсагов. Ингушская грамматика, Владикавказ, 1925, стр. 37.

² Там же, стр. 37.

³ В дальнейшем вместо чеченского и ингушского языков будем употреблять термин вейнахские языки. Под термином же нахские языки разумею бацбийский, ингушский и чеченский языки вместе взятые.

Основной функцией в как падежного показателя является образование эргатива от имен существительных, служащих названиями неразумных существ, предметов, явлений, понятий: суффикс *в* (параллельно с показателем *-с*) употребляется для образования эргатива от имен существительных, относящихся к первому и второму грамматическим классам, в ед. ч. Следовательно, и рассматриваемый форматив эргативного падежа в бацбийском сочетается с более широким кругом имен существительных, чем в чеченском и ингушском языках.

В бацбийском языке так же, как в ингушском и чеченском, эргативный падеж от субстантивированных имен прилагательных и причастий образуется путем присоединения к элементу *-ч-* показателя *в*:

Основным показателем эргатива во мн. ч. также служит форматив *в*. В бацбийском языке посредством фонетических вариантов формата *-чара* образуется эргативный падеж мн. ч. от субстантивированных имен прилагательных и причастий.

Суффиксы *ша* и *-а* в бацбийском не употребляются в качестве показателей эргативного падежа мн. ч.

В чеченском языке личное местоимение 3-го л. ед. ч. в эргативном падеже получает форматив *о[уо]*: *оцо*, *хлокхо* — «он (она, оно)». Аналогичную картину мы имеем и в ингушском языке. Бацбийский язык и в этом отношении отличается от вейнахских языков. В нем личное местоимение 3-го л. ед. ч. в эргативе оканчивается на *с*: *окху-с* — «он (она, оно)».

Функции аффиксов эргативного падежа в чеченском и ингушском языках ограничиваются выражением подлежащего в разных вариантах транзитивного предложения. В бацбийском языке также эргативный падеж с аффиксом *с* выполняет только одну функцию — функцию подлежащего. Что же касается эргативного падежа с формантом *-в*, то он употребляется в качестве формы: а) подлежащего; б) орудного дополнения и в) союзного дополнения;

цлани-в тхо котдо — «дом нас мучает||беспокоит»; *ас цлераддос цлери кларандаше-в* — «я пишу письмо карандашом»; *вашо вагло шер йаше-в-в* — «брат идет с сестрой».

II

В нахских языках постановка субъекта (подлежащего) в том или ином падеже зависит от семантики глагола и от конструкции предложения. С этой точки зрения различаются в основном три группы глаголов: непереходные, переходные (транзитивные) и чувственного восприятия (*Verba Sentienti*). Если сказуемое выражено непереходным глаголом, то подлежащее ставится в именительном падеже: *со* (им. п.) *Ленинграде веана* — «я в Ленинград приехал». Когда в функции сказуемого выступает переходный глагол, подлежащее употребляется в эргативном падеже: *аса* (эрг. п.) *хи молу* — «я воду пью». Наконец, сказуемое, обозначенное глаголом «чувственного восприятия» (видеть, любить, желать, знать и т. д.), требует постановки подлежащего в дательном падеже: *суна* (дат. п.) *хи диеза* — «мне воды хочется, я воды хочу». В диалектах ингушского языка засвидетельствован кандидатом филологических наук доктором Д. Д. Мальсаговым случай постановки подлежащего в эргативном падеже при глаголах «чувственного восприятия».

В этом отношении между вейнахскими (чеченским и ингушским), с одной стороны, бацбийским — с другой, наличествуют существенные

расхождения. Последний, в отличие от первых двух, различает среди непереходных глаголов такие, которые обозначают: а) состояние, нахождение предмета в положении покоя (стоять, лежать, сидеть и т. д.) и б) движение, активное действие (идти, бежать и др.). Если сказуемое выражено глаголом, обозначающим движение, активное действие субъекта, то подлежащее, обозначенное 1-м и 2-м л. ед. и мн. ч. ставится в эргативном падеже: *ас вуитIас* — «я иду», *атхо лабцI(a)||лапI-цI(a)* — «мы играем»¹.

Вместе с тем бацбийский язык допускает параллельную постановку подлежащего (субъекта) в дательном и эргативном падежах при глаголах (сказуемых) «чувственного восприятия».

Дативная конструкция предложения	Эргативная конструкция предложения
<p><i>МитIуин</i> (дат. п.) <i>хво гу</i> — Мито тебя видит.</p> <p><i>Сон</i> (дат. п.) <i>хво вабцIо</i> — я тебя знаю.</p>	<p><i>МитIос</i> (эрг. п.) <i>хво гу</i> — Мито тебя видит.</p> <p><i>Ас вабцI (ос)</i> <i>хво</i> — я знаю тебя.</p>

Такое параллельное построение эргативной, дативной конструкций предложения от глаголов «чувственного восприятия» является характерной особенностью бацбийского языка.

III

В бацбийском, ингушском и чеченском языках подлежащее (субъект) ставится в эргативном падеже в трех разновидностях конструирования транзитивного предложения: а) в собственной эргативной конструкции, являющейся, как сказано выше, основной формой построения переходного предложения; б) в эргативно-перфектной (эргативно-описательной) конструкции; в) в эргативно-побудительной конструкции. Рассмотренные три конструкции переходного предложения отличаются друг от друга, во-первых, составом и формой сказуемого; во-вторых, своеобразием выражения синтаксических связей между членами предложения. Эти особенности указанных трех конструкций предложения можно показать на примерах из чеченского языка.

В самом начале данного раздела уже была охарактеризована основная форма построения переходного предложения в чеченском языке. Аналогичным способом строится эта конструкция в бацбийском и ингушском языках.

Эргативно-перфектную (эргативно-описательную) конструкцию иногда называют активно-процессной², вариантом построения переходного предложения³. Семантика этой конструкции предложения с необходимой точностью еще не определена. Этим объясняется отсутствие единого названия рассматриваемой формы переходного предложения. В этой конструкции сказуемое выражается причастно-деепричастной формой смыслового глагола и связкой, подлежащее ставится в эргативном падеже, прямое дополнение, стоящее в именительном падеже, согласуется в грамматическом классе с причастно-деепричастной формой

¹ Ю. Д. Дешериев. Бацбийский язык, М., 1953.

² Н. Ф. Яковлев. Синтаксис чеченского литературного языка, М.—Л., 1940.

³ Ю. Д. Дешериев. Бацбийский язык, М.—Л., 1953, стр. 231—232.

(если она образована от классного глагола) и связкой: *аса болх би-на б-у* — «я работу уже выполнил» (буквально — «мною работа сделана есть»).

В активно-побудительной конструкции в функции сказуемого выступает побудительный глагол; подлежащее оформляется в эргативном падеже, а прямое дополнение в именительном падеже вступает в морфологически выраженную синтаксическую связь со сказуемым — побудительным глаголом (если последний является классным), — а объект побуждения ставится в направительном падеже: *аса цуьнга болх бойту* — «я его заставляю (понуждаю) работать» (буквально — «я к нему работу делать оставляю»).

Аналогичным путем конструируются эти три разновидности транзитивного предложения в бацбийском и ингушском языках.

IV

Анализ основных особенностей эргативной конструкции предложения в нахских языках в статическом, историческом и сравнительно-историческом аспекте приводит нас к следующим выводам:

I. В системе нахского именного формообразования (в образовании эргативного падежа), так же, как в системе спряжения (посредством классных показателей) человек противопоставлялся нечеловеку, т. е. разумные существа мужского и женского пола всему остальному. Об этом свидетельствуют следующие факты: аффикс эргативного падежа (*с||аса*) во всех нахских языках сочетался только с названиями разумных существ мужского и женского пола. Для образования эргатива от наименований неразумных существ, предметов, явлений природы употреблялся аффикс *в||о(уо)*.

Встречающиеся в чеченском языке усеченные разновидности аффикса *с||аса*, которые при быстром темпе речи могут подвергнуться редукции (*Хьамид-аса > Хьамид-ас > Хьамид-а*) — результат его позднейшего самостоятельного развития. Наблюдаемое в бацбийском распространение употребления этого аффикса на наименования неразумных существ, предметов и явлений природы также следует рассматривать как продукт позднейшего самостоятельного развития этого языка.

Употребляемый в чеченском и ингушском второй форматив эргатива *о(уо)* восходит к исконно общенахскому аффиксу *в(w)*, сохранившемуся в бацбийском.

II. Семантическое противопоставление непереходных и переходных глаголов с точки зрения образования эргативного падежа и эргативной конструкции предложения также восходит к общенахскому языку-основе. Различение семантики глаголов, а также выражаемого ими действия, с точки зрения активного и пассивного участия в нем самого действующего, тоже связано непосредственно и посредственно с противопоставлением активного, творческого деяния разумных существ (членов общества) и пассивной роли всего остального (нечленов общества).

III. Из трех основных вариантов эргативного построения переходного предложения активно-побудительная конструкция — более позднего происхождения. Возникновение этой конструкции во всех нахских языках связано с образованием побудительных форм глагола. В активно-побудительной чеченской конструкции *аса хлокхуьнга болх бойту* — «я его заставляю работать» сказуемое *бойту* — «делать заставляю» исторически восходит к *бан й-уьту* — «делать оставляю». Классный глагол *й-уьту* (*д-уьту, вуьту, б-уьту*) функционирует в современных нахских

языках. Он утратил классное согласование при образовании побудительных форм глагола путем основосложения: *бан й-ита* — «делать оставь» > *б-а йита* — «заставь делать».

Вопрос о происхождении эргативного построения непереходного предложения в бацбийском и его отсутствии в чеченском и ингушском остается нерешенным.

IV. Как видно из функций аффиксов эргативного падежа, семантического различия глаголов, семантики предложения эргативного построения, эргативная конструкция предложения в нахских языках исторически увязывается с противопоставлением общества природе, человека — нечеловеку, разумных существ — неразумным существам, предметам, явлениям природы (как в категории грамматических классов).

ОБЩЕНАХСКИЙ ЯЗЫК

ОБЩЕНАХСКИЙ, ЯЗЫК И ЕГО ОСНОВНЫЕ ОСОБЕННОСТИ

Синхронный, исторический и сравнительно-исторический анализы данных чеченского, ингушского и бацбийского языков позволяют восстановить основные особенности общенахского языка, в результате распада которого они образовались.

Ввиду того, что на чеченском, ингушском и бацбийском языках отсутствуют исторические письменные памятники, данные синхронного анализа отдельных нахских языков и их диалектов являются основными для последующей исторической и сравнительно-исторической характеристики рассматриваемых языков. Это обстоятельство делает обратную ступенчатую реконструкцию основным приемом исторического анализа исследуемых фактов и последующего восстановления лингвистического облика общенахского языка.

Вместе с тем приходится пользоваться данными родственных, в первую очередь, дагестанских и абхазо-адыгских языков, при этом проявляя необходимую осторожность в интерпретации лингвистических фактов. Исследование закономерностей преобразования фонетической и морфологической структуры ранних заимствований в соответствии с внутренними законами развития отдельных языков также способствует успешному решению задачи сравнительно-исторического изучения нахских языков. Не останавливаясь на других использованных нами приемах, которые охарактеризованы в «Введении» к данному исследованию.

Распад общенахского языка и последующее развитие отдельных нахских языков привели к перестройке агглютинативного характера склонения и спряжения рассматриваемых языков, особенно чеченского и ингушского. Системы склонения и спряжения стали флективными по своему основному характеру. Их флективный характер наиболее ярко проявляется в односложных и двусложных именных и глагольных основах исконного происхождения.

Основные особенности фонематической системы общенахского языка, отличающие его от фонематической системы чеченского, ингушского и бацбийского языков, следующие:

Общенахский вокализм

Чеченск.	Ингушск.	Бацбийск.	Общенахский язык-основа
[a]	[a]	[a]	[a]
[a:]	[a:]	[a:]	[a:]
[a]	[a]	—	—

Продолжение

Чеченск.	Ингушск.	Бацбийск.	Общенах- ский язык- основа
			—
[o]	[o]	[o]	[o]
[o:]	[o:]	—	—
[o]	[o]	—	—
—			—
[yo]	[yo]	—	—
[yo:]	[yo:]	—	—
—	[yв]		
[e]	[e]	[e]	[e]
[e:]	[e:]	—	—
[ue]	[ue]		—
[ueв]			
[ue:]	[ue]	[e]	
—	—	—	—
[aь]	[aь]	—	—
[aь:]	[aь:]	—	—
[aьy]	[aьy]	—	—
[u]	[u]	[u]	[u]
	[э]		
[u:]	[u:]		—
[uй]	[uй]	[uй]	[uй]
[y]	[y]	[y]	[y]
[y:]	[y:]	[y]	
[uй]	[uй]	[uй]	[uй]
[ay]	[ay]	[ay]	[ay]
[au]	[au]	[au]	[au]
		[au]	—
[ei]	[ei]	[ei]	[ei]
—	—	[ei]	—
[oi]	[oi]	[oi]	[oi]
—	—	[oi]	—
[yi]	[yi]	[yi]	[yi]
—	—	[yi]	—
[yьи]	[yьи]	—	—
[yоь]	[yоь]	—	—
[оь]	[оь]	—	—

Продолжение

Чеченск.	Ингушск.	Бацбийск.	Общенах- ский язык- основа
[oɔ:]	—	—	—
[yɔ]	[yɔ]	—	—
[yɔ:]	—	—	—
[eɥ]	[eɥ]	[eɥ]	—
[oɥ]	[oɥ]	[oɥ]	[oɥ]
—	[oɥ:]	—	—
—	[oa]	—	—
—	[oa:]	—	—
[uei]	—	—	—
[yoɥ]	—	—	—
[yoɥ]	—	—	—

Как видно из приведенной таблицы, в общенахском языке-основе в эпоху его распада были представлены следующие гласные: (a), (a:), (o), (e), (y), (u), (ui), (au), (ai), (ei), (oi), (yi), (oy), из которых шесть являются монофтонгами, а семь — дифтонгами.

Обоснование указанного состава вокализма общенахского языка-основы дано в разделе, посвященном сравнительно-исторической фонетике нахских языков. Там же прослеживается образование дифтонгов *ий, ау, ай, еи, ои, уи, оу* в различных фонетических условиях: стяжение смежных гласных, сочетание сонантов *й* и *в* с предшествующими гласными и т. д.

В общенахском языке отсутствовали долгие дифтонги, гласные переднего ряда, носовые гласные. Долгие монофтонги *e, o, y*, бытующие в чеченском и ингушском языках, во всех случаях их употребления оказываются вторичного происхождения.

Как показывает первый тип первичного чередования гласных именных и глагольных основ, фонемы *o* и *y* возникли в связи с указанным чередованием гласных: исторически они восходят к (a) в сочетании с сонантом *в(w)* или к гласной фонеме, близкой к инг. *ьы*¹ (по транскрипции З. К. Мальсагова) и абхазо-адыгской *ы*. Что же касается этого звука (среднего ряда среднего подъема), то он исторически представлял вначале позиционно-обусловленный фонетический вариант (a). Следовательно, (a) и (ы) исторически восходят к одной фонеме. Последняя не засвидетельствована в нахских языках. Она сохранилась в абхазском. В абхазо-адыгских языках, по всей вероятности, она распалась на две фонемы: *э* и *ы*. Распадение рассматриваемого звука на (a) и (ы) в общенахском языке могло произойти в период возникновения этого языка. Есть основание отнести к этой эпохе и начальный

¹ З. К. Мальсагов, Ингушская грамматика, Владикавказ, 1925.

период образования первичного чередования гласных в исконных имен-ных основах.

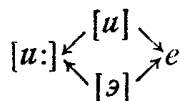
Фонема [e], как свидетельствуют данные сравнительно-исторического анализа фонетики нахских языков, во многих случаях восходит к *a* (*дегин*||*дега(u)* < *дагна* и т. д.) или же к сочетанию *u* с последующим *й*. Таким образом, *e* также вторичного образования.

Наряду с широким *u* полного образования, в ингушском существует монофтонг, передаваемый Д. Д. Мальсаговым через *э* (узкий очень краткий гласный среднего подъема и более переднего образования, чем *a* и *ы*. Рассматриваемому звуку *э* в чеченском соответствует широкий и узкий краткий монофтонг *u*. В чеченском и бацбийском языке широкий [u] и узкий [u] фонематически не противопоставляются. Они представляют собой позиционно обусловленные фонетические варианты одной и той же фонемы. Между тем в ингушском они выступают как самостоятельные фонемы, качественно и количественно отличающиеся друг от друга.

На основании вышеизложенного можно предположить, что [u] и [э] также восходят к одной краткой фонеме (по всей вероятности, переднего образования нижесреднего подъема), распавшейся в эпоху формирования общенахского языка-основы на два варианта: широкого (*u*) и узкого (*u*). Они могли представлять собой диалектальные или же позиционно обусловленные варианты. Эта исходная фонема не засвидетельствована в нахских языках. Однако сравнительно-исторический анализ данных нахских языков, а также фактов из абхазо-адыгских языков позволяет прийти к такому выводу.

Что же касается долгого монофтонга [a:], то мы не располагаем в настоящее время данными, которые позволили бы с достоверностью охарактеризовать историческое прошлое этого звука. Можно лишь предположить на основании общих закономерностей развития вокализма в нахских языках, а также сравнительно-исторического изучения данных других горских кавказских языков, что этот звук образовался путем стяжения соседних кратких гласных.

Из сказанного следует, что вокализм общенахского языка эпохи его распада существенно отличался от вокализма эпохи его формирования. За это время его вокализм подвергся следующим изменениям. На базе краткой фонемы переднего ряда нижесреднего подъема возникли две новые фонемы:

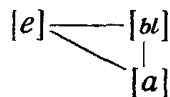

Краткая фонема среднего ряда среднего подъема (*ы*) распалась на

[o] и [y] полного образования: [ы] $\left\{ \begin{array}{l} \leftarrow [o] \\ \leftarrow [y] \end{array} \right.$ Вопрос о времени образования

долгого монофтонга [a:] остается открытым.

Следующая схема показывает предполагаемый состав гласных фонем общенахского языка в эпоху его формирования:

Из этой схемы следует, что вокализм общенахского языка-основы эпохи его формирования был очень близок к предполагаемому вокализму общеабхазо-адыгского языка-основы.

Таким образом, исходная система вокализма общенахского языка-основы была очень простая (три фонемы). Она достигла значительного развития в эпоху существования общенахского языка-основы и особенно после его распада на современные нахские языки и их диалекты. Обратная последовательная ступенчатая реконструкция, являющаяся наиболее научно обоснованным приемом сравнительно-исторического анализа фактов языков, не имеющих письменных памятников, относящихся к далекому историческому прошлому, способствует более точному восстановлению картины развития вокализма в нахских языках, в конечном итоге восходящую к эпохе формирования общенахского языка-основы.

В общенахском языке в эпоху его формирования наиболее ясно выраженными дифференциальными (различительными) признаками обладали две фонемы: *e* и *ы*, из которых *e* представлял собой краткий звук переднего ряда среднего подъема (полуоткрытый), а *ы*—краткий гласный заднего ряда вышесреднего подъема (полузакрытый). Гласный звук *a*—очень краткая фонема среднего ряда низесреднего подъема по своим различительным признакам мало чем отличается от *ы*. Это дает основание полагать, что *a* и *ы* восходят к одной краткой гласной фонеме заднего ряда среднего подъема. Последняя могла давать в диалектах и в определенных комбинаторных условиях два фонетических варианта *a* и *ы*, которые впоследствии превратились в самостоятельные фонемы.

ОБЩЕНАХСКИЙ КОНСОНАНТИЗМ

Состав консонантизма современных нахских языков мало чем отличается от состава консонантизма общенахского языка.

К различиям относится: 1) утрата чеченским и ингушским латерального *лʒ*, сохранившегося в бацбийском; 2) образование фрикативного варианта *l* типа (арабского *айна*), вариант этот обозначается нами через *lʒ*. Он наличествует во всех нахских языках. Образование *lʒ* обусловлено двумя причинами: а) стяжением или выпадением гласного между согласными; б) невозможностью сочетания двух смычных в нахских языках (при сочетании двух смычных один из них (обычно последующий) превращается в спирант (ср. чеч. (*бlʒа:ра*) < *баIар* — «орех», (*млʒа:ра*) < *маIар* — «коготь»). В сочетании с *б* и *м* смычный *l* превращается в спирант *lʒ*; 3) деаффрикатизация *дз* и *дж* в определенных позициях; 4) позиционные изменения согласных (*kl*, *к*, *г*, *nl*, *п*, *ц* и др.); 5) изменение состава консонантизма в аффиксах; 6) образование новых комплексов (сочетаний) согласных. Эти особенности чеченского, ингушского и бацбийского языков возникли после распада общенахского языка-основы.

Чеченск.	Ингушск.	Бацбийск.	Общенахский язык-основа
<i>б</i>	<i>б</i>	<i>б</i>	<i>б</i>
<i>в</i>	<i>в</i>	<i>в</i>	<i>в</i>
<i>г</i>	<i>г</i>	<i>г</i>	<i>г</i>
<i>д</i>	<i>д</i>	<i>д</i>	<i>д</i>
<i>жс</i>	<i>жс</i>	<i>жс</i>	<i>жс</i>

Продолжение

Чеченск.	Ингушск.	Бацбийск.	Общенах- ский язык- основа
дж	дж	дж	дж
дз	дз	дз	дз
з	з	з	з
к	к	к	к
л	л	л	л
—	—	лъ	лъ
м	м	м	м
н	н	н	н
п	п	п	п
р	р	р	р
с	с	с	с
т	т	т	т
х	х	х	х
ц	ц	ц	ц
ч	ч	ч	ч
ш	ш	ш	ш
ъ	ъ	ъ	ъ
І	І	І	І
Іъ	Іъ	Іъ	—

Заслуживают внимания изменения состава консонантизма начальных, средних и конечных слогов, т. е. расхождения позднего происхождения в употреблении согласных в начале, середине и конце слова:

Чеченский			Ингушский			Бацбийский			Общенахский		
нач.	серед.	кон.	нач.	серед.	кон.	нач.	серед.	кон.	нач.	серед.	кон.
б	б	—	б	б	б	б	б	—	б	б	—
в	в	—	в	в	в	в	в	в	в	в	в
г	г	г	г	г	г	г	г	—	г	г	—
д	д	д	д	д	д	д	д	—	д	д	д
—	ж	ж	—	ж	ж	ж	ж	ж	—	—	—
дж	дж	—	дж	дж	дж	дж	дж	дж	дж	дж	дж
дз	дж	—	дз	дз	дз	дз	дз	дз	дз	дз	—
—	з	з	—	—	з	з	з	з	—	—	—

Чеченский			Ингушский			Баббийский			Общенахский		
нач.	серед.	кон.	нач.	серед.	кон.	нач.	серед.	кон.	нач.	серед.	кон.
к	к	к	к	к	к	к	к	к	к	к	к
л	л	л	л	л	л	л	л	л	л	л	л
—	—	—	—	—	—	лъ	лъ	лъ	лъ	лъ	лъ
м	м	м	м	м	м	м	м	м	м	м	м
н	н	н	н	н	н	н	н	н	н	н	н
п	п	п	п	п	п	п	п	—	п	п	
р	р	р	р	р	р	р	р	р	р	р	
с	с	с	с	с	с	с	с	с	с	с	с
т	т	т	т	т	т	т	т	т	т	т	т
х	х	х	х	х	х	х	х	х	х	х	х
ц	ц	ц	ц	ц	ц	ц	ц	ц	ц	ц	ц
ч	ч	ч	ч	ч	ч	ч	ч	ч	ч	ч	ч
ш	ш	ш	ш	ш	ш	ш	ш	ш	ш	ш	ш
ъ	ъ	ъ	ъ	ъ	ъ	ъ	ъ	ъ	ъ	ъ	ъ
І	І	І	І	І	І	І	І	І	І	І	І
—	Іъ	—	—	Іъ	—	—	Іъ	—	—	—	—

ФОНЕТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В ОБЩЕНАХСКОМ ЯЗЫКЕ

В общенахском языке бедно были представлены фонетические процессы. Этим и объясняется, что показатели грамматических классов почти не давали рефлексов и не подвергались существенным изменениям в различных фонетических условиях. Вместе с тем, разумеется, в этом сыграла большую роль и устойчивость, своеобразие категории грамматических классов.

Основным фонетическим процессом в общенахском языке являлось первичное чередование корневых гласных. В нем действовало первичное чередование двух типов: а) лабиальный тип был связан с вставкой конечного лабиализованного звука внутрь корня; б) палатальный тип был обусловлен вставкой главным образом аффиксального *и* внутрь корня. Таким образом, указанные два типа первичного чередования — эпентетического происхождения. Многочисленные примеры, характеризующие рассматриваемое чередование, приведены в соответствующих разделах данной работы.

Здесь нет необходимости останавливаться на более частных явлениях, касающихся фонетических процессов в общенахском языке.

Первичное чередование корневых гласных имело большие последствия. Тенденции, заложенные этим чередованием, получили широкое распространение после распада нахского языка-основы, особенно в чеченском и ингушском. Вторичное чередование корневых гласных является результатом дальнейшего развертывания, расширения процесса первичного чередования.

ГРАММАТИЧЕСКИЕ КЛАССЫ В ОБЩЕНАХСКОМ ЯЗЫКЕ

В общенахском языке-основе, как и в современных чеченском, ингушском и бацбийском языках, основными показателями грамматических классов служили простые согласные звуки *в, б, й, д*. Эти форманты, выполняя ясно выраженные морфологические функции, не подвергались фонетическим изменениям, обусловленным позиционными изменениями звуков.

Неясно происхождение этих классных показателей.

Таким образом, структура классных показателей, рассматриваемая как в точки зрения современного состояния, так и исторического прошлого нахских языков предельно простая: каждый классный показатель представлен одним согласным звуком, от которого не зависит последующий гласный¹.

Вместе с тем нахские языки дают нам классический пример однотипной (по характеру аффиксации), чисто префиксальной системы грамматических классов, поскольку в них не обнаруживаются слова с классным суффиксом и инфиксами, которые не восходили бы к префиксам.

Все изложенное выше позволяет представить следующую схему грамматических классов в общенахском языке-основе:

Число	Обозначение классов	Класс муж-чин	Класс жен-щин	Классы неразумных существ, природы и вещей			
		1	2	3	4	5	6
Единственное	Звуковые показатели грамматических классов	<i>в</i>	<i>й</i>	<i>и</i>	<i>б</i>	<i>д</i>	<i>б</i>
Множественное	Звуковые показатели грамматических классов	<i>б</i>	<i>д; б</i>	<i>й</i>	<i>б</i>	<i>д</i>	<i>д</i>

Эта схема в основном отражает современное состояние функционирования грамматических классов в чеченском и ингушском языках. Лишь второй класс (*й||д*) восходит к бацбийскому языку.

Данные нахских языков могут послужить основанием для характеристики грамматических классов, отражающих более древнее состояние. Во-первых, во всех нахских языках есть грамматические классы, выражаемые однотипными классными префиксами¹ в ед. и мн. ч. (*б||б, д||д, й||й*). Во-вторых, в некоторых исконных нахских словах древнейшего происхождения показателем I кл. в ед. и мн. ч. служит *в* (*ваша, ве-жарий* — «брат, братья»), а префиксом II кл. в ед. и мн. ч. *й* (*йиша, йижарий* — «сестра, сестры»). В итоге мы получаем следующую схему, отражающую, как мы полагаем, более древнее состояние функционирования грамматических классов в общенахском языке-основе (в эпоху его формирования):

¹ К исключениям из этого правила относятся: *ваша* — «брат», *йиша* — «сестра». ср. аварск. *вуге, йиго*.

Число	Обозначение классов	Класс муж-чин	Класс жен-щин	Класс неразумных существ, природы и вещей			
		1	2	3	4	5	6
Единствен-ное	Звуковые показатели грамматических классов	<i>в</i>	<i>й</i>	<i>б</i>	<i>д</i>	—	—
Множест-венное	Звуковые показатели грамматических классов	<i>в</i>	<i>й</i>	<i>б</i>	<i>д</i>	—	—

Данные нахских языков позволяют еще больше углубиться в историю грамматических классов. Наличие в чеченском примеров типа *ваша* — «брат», *вежарий* — «братья» показывает, что во мн. ч. в первом классе префикс *в* был заменен префиксом *б*: *ваша в-у* — «брат есть»; *вежарий б-у* — «братья суть». Подобные факты дают основание полагать, что *б*, по-видимому, представляет собой фонетический вариант *в*. Стало быть, классные показатели *в* и *б*, как позиционно возникшие фонетические или диалектальные варианты, впоследствии ставшие выполнять семантическую и грамматическую функции, исторически восходят к одному звуку-форманту.

Во множественном числе во втором классе вместо предполагаемого общенахского классного показателя *й* бацбийский дает *д*: *йашо й-а* — «сестра есть», *йажар д-а* — «сестры суть». Следовательно, и в этом случае можно допустить, что *й* является фонетическим вариантом *д*. Из этого также вытекает, что классные показатели *д*||*й* как позиционно возникшие фонетические или диалектальные варианты и впоследствии начавшие выполнять семантическую и грамматическую функции классных показателей, исторически восходят к одному исходному звуку-форманту. Все это дает основание полагать, что из первоначальных двух грамматических классов впоследствии образовались четыре — соответственно четырем звуковым показателям. Вместе с тем допустимо и второе предположение, допускающее существование грамматических классов, соответствующих количеству исходных звуковых показателей, восходящих к самостоятельным словам, с которыми связан генезис категории грамматических классов и формирование семасиологических принципов в последних.

Утрата семантических принципов распределения по грамматическим классам неразумных существ, предметов, абстрактных понятий и т. д. привела к смешению классных показателей в ед. и мн. числе, за исключением *в*, и образованию новых грамматических классов (пятого и шестого) в общенахском, вероятно, в эпоху его распада. В дальнейшем в бацбийском образовались еще два класса: седьмой и восьмой.

СИСТЕМА ОБЩЕНАХСКОГО СКЛОНЕНИЯ

Система склонения в общенахском языке была представлена двумя группами падежей: группой основных падежей и группой так называемых производных, местных падежей, представляющих собой вторичное наложение на формы основных падежей. Основные падежи в общенахском языке-основе и в современных чеченском, ингушском и бацбийском языках в целом совпадают. Местных падежей (точнее говоря, сочетавшихся с именными основами послеложных форм с падежными

аффиксами) в общенахском языке-основе было больше, чем в современных отдельных нахских языках. Это видно из прилагаемой таблицы склонения:

Система падежей и аффиксы в общенахском языке-основе

Падежи	Ед. ч	Мн. ч.
I. Именительный	—	-(<i>u</i>)ш шй(<i>u</i>)
II. Родительный	- <i>ин</i>	-(<i>u</i>)н
III. Дательный	- <i>на</i>	- <i>на</i> -н
IV. Эргативный	<i>ас</i> <i>са</i> , <i>в</i> <i>w</i>	- <i>а</i> , - <i>в</i>
V. Творительный	<i>ци</i>	- <i>ци</i>
VI. Вещественный (инессив)	<i>х</i>	- <i>х</i>
1) производный (элатив)	<i>хи</i>	- <i>хи</i>
2) производный (предназначит.)	<i>га</i> (?)	<i>га</i> (?)
VII. Сравнительный	<i>ла</i> (?)	- <i>л</i> <i>ал</i> (?)
1) производный (экватив)	—	—
VIII. Лишительный	<i>ци</i> (?)	- <i>ци</i> (?)
IX. Местный (направ. I)	<i>го</i> (<i>га</i>)	- <i>го</i> (<i>га</i>)
1) локатив (падеж пребывания и движен.)	- <i>го-хь</i> (<i>га-хь</i>)	- <i>го-хь</i> (<i>га-хь</i>)
2) направит. III	- <i>го-хь-а</i> (<i>гахь-а</i>)	- <i>го-хь-а</i> (<i>га-хь-а</i>)
3) исходный I	- <i>го-ре</i> (<i>го-ре</i>)	- <i>го-ре</i> (- <i>го-ре</i>)
4) исходный II	- <i>го-хь-ре</i> (<i>га-хь-ре</i>)	- <i>го-хь-ре</i> (<i>га-хь-ре</i>)
5) исходный III	—	—
6) транзитивный I	—	—
7) транзитивный II	—	—
8) предельный	- <i>л</i> (?) <i>ци</i> (<i>м</i> ?) <i>ци</i>	-(<i>л</i> ?) <i>ци</i> (<i>м</i> ?) <i>ци</i>

Более подробная синхронная, историческая и сравнительно-историческая характеристика исходных падежных аффиксов, их фонетических вариантов, значения и употребления падежей дана в разделах, посвященных отдельным падежам.

Из разновидностей склонения в общенахском были представлены: а) правильное склонение, когда основа имени существительного не подвергалась изменению (типа бацб. *дад* — «отец», *дад-е*, *дад-ас*, *дад-ен*, *дад-ав*, *дад-ци* и т. д.); б) склонение имен существительных, основы которых в косвенных падежах осложняются показателем -*ч* (ср. чеч.

зуда — «женщина», бацб. *пстIуин* — «жена, женщина», основы косвенных падежей *зуд-ч...* *пстIуинч...* и т. д.); в) неправильное склонение имен существительных, в которых обнаруживается внутренняя флексия основ, обусловленная первичным чередованием корневых гласных в нахских языках (чеч., инг. *дуог*, бацб. *докI* — «сердце», эрг. п. чеч., инг. *дагуо*, бацб. *дакIв* и т. д. Имели место и другие частные случаи отклонения от правильного склонения — обусловленные в общенахском языке существовали следующие важнейшие типы именных основ: а) односложные основы типа открытого слога (согласный+гласный): *кIа* — «пшеница», *цIа* — «дом», *са* — «душа» и т. д.; б) односложные основы типа закрытого слога (гласный+согласный): *ах* — «половина»; в) односложные основы типа закрытого слога (согласный+гласный+согласный или сочетание согласных): чеч., инг. *ларкI* — «ухо», чеч. *куог*, бацб. *кокI* — «нога»; г) производные односложные имена существительные с омертвелым классным префиксом (классный показатель+гласный+согласный): чеч. *дуог*, бацб. *докI* — «сердце», чеч. *воI*, бацб. *вохь* — «сын», чеч. *йоI*, инг. *йохь* — «дочь» и др.; д) производные двусложные имена существительные (классный показатель+гласный+согласный+гласный) типа: чеч. *ваша*, бацб. *вашо* — «брат», чеч. *йиша*, бацб. *йашо* — «сестра»; е) другие разновидности односложных, двусложных и редко трехсложных производных и непродуцированных именных основ.

Из способов именного словообразования в нем были представлены: а) способ основосложения; б) способ префиксации (классный или локальный префикс; в) способ суффиксации (типа чеч. *угIург*, бацб. *вугIрикI* — «крикун» и т. д.).

ГЛАГОЛ В ОБЩЕНАХСКОМ ЯЗЫКЕ

Система спряжения в общенахском языке была представлена абсолютными и относительными формами. Некоторые абсолютные формы произошли от относительных (например, формы давнопрошедшего времени). Почти все временные формы, существовавшие в общенахском языке-основе, сохранились в чеченском, ингушском и бацбийском языках (за исключением только что прошедшего в ингушском, давнопрошедшего неочевидного в чеченском и ингушском, формы субстантивированного причастия с *рг||г||р* в бацбийском¹). Нижеследующая таблица характеризует систему спряжения в общенахском языке-основе:

СИСТЕМА СПРЯЖЕНИЯ В ОБЩЕНАХСКОМ ЯЗЫКЕ-ОСНОВЕ

Повелительное наклонение имело аффикс *а* (краткий гласный среднего подъема среднего ряда). Основу повел. накл. рассматриваем как исходную:

И з ъ я в и т е л ь н о е н а к л о н е н и е	
В р е м я	А ф ф и к с
Наст. вр.	-о — краткий лабиализованный гласный заднего ряда.
только что прош.	-и
недавнопрошедш.	-ин(о)
прошел. очевид.	-(и)р
прош. несоверш.	-(о)р

¹ В бацбийском в редких случаях обнаруживаются факты, указывающие на широкое употребление в прошлом субстантивированного причастия с аффиксом *риг||рг||рикI*: *уг||рик* — «крикун, тот кто кричит» и др.

Время	Аффикс
давнопрош. I	—
давнопрош.	—
будущ. I	-р
будущ. II	—

Условное наклонение

наст. вр.	-(а)хь
недавнопрош.	-(а)хь

Наст. вр. условного наклонения образуется прибавлением аффикса (*ахь*) к основе инфинитива, недавнопрош. вр.—прибавлением того же аффикса к основе недавнопрош. врем. Будущее условное образуется описательно:

Сослагательное наклонение

наст. вр.	-хьара
недавнопрош. вр.	-хьара

Основой глагола для образования наст. вр. сослагательного наклонения служила основа инфинитива, к которой присоединялся аффикс *-хьара*. Этот же аффикс присоединялся к основе недавнопрошедш. вр. изъявительного наклонения для образования прош. вр. сослагат. накл. От основ других прошедших времен изъявит. наклонения прошедшее время условного и сослагательного наклонений не образуется. Как и в условном наклонении, будущее сослагательного наклонения может быть оформлено только описательно.

ЖЕЛАТЕЛЬНОЕ НАКЛОНЕНИЕ

Желательное наклонение было представлено аффиксом *хьа* в ед. ч. и *аш||иш* во мн. ч., каждый из которых сочетался с формой повелительного наклонения (ср. совр. чеч. *ала-хьа* — «скажи, пожалуйста», *алий-ша* — «скажите, пожалуйста», бацб. *алъахь, алъаши*). Рассматриваемые аффиксы восходят к личным местоимениям: *хьа, ахьа||хьо* — «ты», *аша||шу* — «вы».

ДРУГИЕ ГЛАГОЛЬНЫЕ ФОРМЫ

В общенахском языке существовала глагольная форма, сохранившаяся во всех нахских языках, связанная с повелительным и желательным наклонениями и имевшая аффикс *-л*, который присоединялся (как и в современных нахских языках) к основе повелит. наклонения. Она выражает просьбу, категорическое приказание, повеление в настоящем времени (ср. чеч. *й-аша-л маж* — «побрей бороду», бацб. *й-аша-л* — «побрей» и др.).

Если к этой форме присоединить личный аффикс *(а)хь* в единственном числе и *(а)ш* во множ. ч., то рассматриваемая форма приобретает значение желательного наклонения и будущего времени: ср. чеч. *сан маж йашалахь||й-ашалаш кхана* — «мою бороду побрей||обрей завтра, пожалуйста», бацб. *й-ашалехь* и т. д. Но не говорят: *сан маж йашал кхана*.

Наличие этих форм во всех нахских языках дает основание утверждать, что они существовали и в общенахском языке. После распада общенахского языка-основы указанные формы в чеченском и ингушском получили более широкое распространение. Напротив, в бацбийском сфере их употребления стала суживаться.

В общенахском языке были представлены формы вопросительного и утвердительно-эмфатического наклонения с соответствующими аффиксами (для вопросительного наклонения *-й||-и* и утвердительно-эмфатического наклонения *(и)*).

Аффиксы так называемых придаточных форм глагола также восходят к общенахскому языку-основе (*-ча, -чара, -чахь* и др.), и функции глагольных форм с этими аффиксами зависят от контекста и значения глагольной основы: ср. чеч. *ахьа цунна ахча дел-ча, тхуна хазахетар дара* — «если бы ты дал ему деньги, то это обрадовало бы нас»; *хьо цига веача, тхо цигахь дара* — «когда ты пришел туда, мы уже были там (в составе глагольной формы в прошедшем перфектном времени *веа-ча* аффикс *-ча* выполняет функцию *-ча*) и др.

В общенахском языке-основе система спряжения в основном была однотипной. Разновидностей спряжения было мало. Почти все разновидности спряжения, наличные в современных чеченском, ингушском и бацбийском языках обусловлены фонетическими процессами. Они представляют собой вариации того однотипного спряжения, которое существовало в общенахском.

Почти все формы наклонения, которые имел общенахский язык, сохранились в современных нахских языках. В некоторых случаях возникли новые формы наклонений (например, в ингушском — формы глагола в отрицательном наклонении).

В общенахском языке-основе исходная глагольная основа не подвергалась по временам и наклонениям таким изменениям, которые мы наблюдаем в современном чеченском, ингушском и частично бацбийском языках. Исходная основа сохранялась во всех временах и наклонениях. Однако уже в общенахском языке в некоторых случаях возникли отклонения от этой нормы под влиянием первого и второго типов первичного чередования. Под влиянием конечного лабиализованного гласного и аффикса только что прошедшего времени корневой гласный иногда подвергался видоизменению. Это изменение первоначально могло быть факкультативным: ср. бацб. *хацI*, чеч. *хаза* — «услышь». Недавнепрош. вр. в бацб. *хацIино* и *хацIно*, но в чеч. *хезна||хезина* (но в диалектах *хазина*) — «слышал», бацб. *ваха*, инг., чеч. *ваха* — «идти», но в наст. вр. изъявительного наклонения бацб. *вуитIо*, чеч. *воьду*, инг. *воад*.

Все эти факты дают основание полагать, что процесс изменения корневых гласных глагольных основ под влиянием первого и второго типов первичного чередования начался еще в эпоху общенахского языка-основы. Этот процесс получил широкий размах в чеченском и ингушском и обусловил возникновение вторичного чередования корневых гласных в глагольных основах, что привело к образованию в них четырех разновидностей исходной глагольной основы (повелительного наклонения настоящего времени, только что прошедшего и недавнопрошедшего (ср. чеч. *ала* — «скажи», *олу* — «говори», *эли* — «сказал только что», *абла* — «сказал недавно»).

Современные чеченский, ингушский, бацбийский языки в основном сохраняют исходную структуру глагольных основ, восходящую к общенахскому языку-основе. В общенахском, как и в современных нахских языках, противостояли две разные структуры группы глаголов: классные и неклассные. Основы классных и неклассных глаголов отличаются друг

от друга по своей структуре. Структура их в общенахском языке была представлена в следующих разновидностях:

1) Основы классных глаголов: а) с классными префиксами (*в-ах-и* — «пошел», *д-ах-и* — «пошли»);

б) с классными инфиксами (в производных глаголах, образовавшихся путем слияния смысловой части с классной связкой *д-о* — «делает»).

2) Основы неклассных глаголов: а) двусложные основы (корневой гласный + корневой согласный + гласный): *ала* — «скажи», *аха* — «паши»;

б) двусложные основы (согласных, вероятно, локальный префикс + гласный показатель однократного или многократного вида + корневой согласный + гласный): *такха* (однократн.), *тиекха* (многократн.) — «волочься»;

в) двусложные основы (согласный + гласный показатель однократного или многократного вида + согласный (или комплекс согласных) — показатель ед. или мн. ч. субъекта или прямого объекта + гласный): *л-а-лл-а* (одного), *л-а-хк-а* (многих) — «угнать» (однокр.);

л-ие-хк-а — «гонять» (многократн.); г) двусложная основа (согласный + гласный + гласный — показатель ед. и мн. ч. субъекта или прямого объекта + согласный — корневой + гласный): *с-а-ц-а* (один), *с-уо-ц-а* (многие) — «остановись» и некоторые другие.

Не удается выяснить с научной достоверностью происхождение структурных элементов приведенных основ.

В общенахском языке были представлены и следующие два типа производных основ:

1) Основа побудительных (понудительных) глаголов (*вах-а+ита*, *вахийта* — «заставь идти» и т. д.).

2) Основа глаголов потенциалиса (*в-аха-л-о* — «может идти» и т. д.).

После распада общенахского языка изменилось соотношение между классными и неклассными глаголами, между глагольными основами разных типов; появились категория лица и некоторые другие особенности глагольного формообразования и словообразования в формах изъявительного и других наклонений (в бацбийском), личное спряжение для 2-го л. ед. и мн. ч. в повелит. и желательном наклонениях существовало и в общенахском языке.

Из способов глагольного словообразования в общенахском существовали: а) способ основосложения; б) суффиксальный способ (посредством аффиксов *-ал||л*, *-ит||т*); в) префиксальный способ (в именах посредством классных показателей: *в-охь* — «сын», *й-охь* — «дочь», *в-ашо* — «брат», *й-ашо* — «сестра»; приставок послеложного происхождения).

Анализируя важнейшие особенности синтаксиса общенахского языка-основы, необходимо охарактеризовать: а) основные разновидности конструкций простого предложения; структурные особенности простого предложения; б) различные типы словосочетаний и их структурные особенности; в) своеобразие причастных и деепричастных оборотов; г) типы и структурные особенности сложного предложения; д) способы выражения синтаксических связей между членами словосочетаний и предложения; е) состав и формы выражения членов предложения.

Данные современных нахских языков и истории их развития позволяют утверждать, что

1) основные конструкции предложения, бытующие в чеченском, ингушском и бацбийском, восходят к общенахскому языку-основе. К числу таких конструкций относятся: 1) конструкции непереходного (интранзитивного) предложения: а) первая разновидность непереходного предложения — номинативного построения; б) вторая разновидность непере-

ходного предложения—номинативного построения; 2) конструкции переходного (транзитивного) предложения: а) первый вариант построения переходного предложения (эргативная конструкция); б) второй вариант построения переходного предложения (общая конструкция); в) третий вариант построения переходного предложения.

От глаголов чувственного восприятия образуется дативная конструкция предложения с постановкой субъекта в дательном падеже.

В общенахском языке существовали все разновидности конструкции предложения со сказуемым, выраженным побудительным глаголом. Наконец, в общенахском языке более широко употреблялись так называемые архаичные—поссесивная и локативная—конструкции предложения. Впоследствии они подвергались переосмыслению: субъект принадлежности или обладания, стоявший в родительном или местном падеже, стали воспринимать как косвенное дополнение или обстоятельство места. Структурные особенности построения простого предложения, характерные для указанных конструкций в современных языках, существовали и в общенахском языке. Поскольку спряжение в два лица является новым явлением в баббийском языке, структурные особенности простого предложения, обусловленные указанным спряжением, отсутствовали в общенахском языке.

Вопрос о происхождении эргативной конструкции непереходного предложения, а также параллельного эргативного варианта предложения дативного построения остается открытым, поскольку мы не находим достаточно обоснованного разрешения этого вопроса.

В общенахском языке существовали те же типы словосочетаний, какие мы находим в современных нахских языках. Они имели такие же структурные особенности, какие мы находим в современных языках. Основное различие заключалось в том, что в общенахском языке очень широко употреблялись синтаксические типы словосочетания, которые в современных языках встречаются сравнительно редко.

Для нахского языка-основы характерны были причастные и деепричастные обороты, обладавшие такой же структурой, какую они имеют в современных языках, исключая те новообразования и новые структурные особенности, связанные с возникновением новых грамматических категорий и внешним влиянием (влиянием русского языка).

В общенахском языке существовали «сложносочиненные» предложения интонационного построения, сложносочиненные предложения, конструируемые при помощи сочинительного аффикса.

Что же касается «сложноподчиненного» предложения, то оно было в нем представлено в следующих разновидностях: «сложноподчиненные» предложения интонационного построения, сложноподчиненные предложения с «условными» и «уступительными» придаточными предложениями.

Способы выражения синтаксических связей между членами словосочетания и предложения, состав и формы выражения членов предложения в нахском языке-основе, чеченском, ингушском и баббийском совпадают (за исключением тех новых явлений, которые возникли в современных языках в период их самостоятельного развития).

Таким образом, синтаксис нахского языка-основы по своим основным признакам мало отличался от синтаксиса современных чеченского и ингушского языков. Как мы видели выше, более существенные расхождения обнаруживаются между структурой и типами синтаксических единиц в общенахском, с одной стороны, и баббийском — с другой.

О МЕСТЕ НАХСКИХ НАРОДОВ И ИХ ЯЗЫКОВ В ГЕНЕАЛОГИЧЕСКОЙ КЛАССИФИКАЦИИ ГОРСКИХ КАВКАЗСКИХ НАРОДОВ И ИХ ЯЗЫКОВ

В советском языкознании получили распространение в основном две теории генеалогической классификации горских кавказских языков (следовательно, и народов): 1) Согласно первой теории, горские кавказские языки распадаются на три группы: абхазо-адыгскую, дагестанскую и нахскую. 2) По мнению представителей второй теории, рассматриваемые языки делятся на две группы: восточнокавказские (дагестанские и нахские языки) и западнокавказские (абхазо-адыгские).

Мы уже указывали, что генеалогическая классификация народов и их языков далеко не всегда совпадает. В данном случае можно утверждать, что генеалогическая классификация языков в целом соответствует генеалогической классификации народов — их носителей.

Данные, которыми мы располагаем (они представлены в этом труде), показывают, что нахские языки входят в особую группу, занимающую промежуточное положение между дагестанскими и абхазо-адыгскими языками. Такое утверждение основано на следующих фактах:

В области фонетики: а) Как показано в нашем труде, исходная система вокализма общенахского языка-основы была очень простая: она состояла из трех гласных фонем: [a] — краткая гласная заднего (или среднего) ряда нижнего подъема, [ɨ] — краткая гласная среднего ряда среднего подъема и [ɛ] — краткая гласная переднего ряда среднего (возможно; вышесреднего) подъема. В данной работе показано, что [a] и [ɨ] исторически восходят к одной и той же фонеме. Последняя не засвидетельствована в нахских языках. Она существует в абхазском. В абхазо-адыгских языках впоследствии она распалась на две фонемы [ɛ] и [ɨ].

Таким образом, в общенахском языке в эпоху его формирования наиболее ясно выраженными дифференциальными (различительными) признаками обладали две фонемы: [e] и [ɨ], из которых [e] или [ɛ] представляли собой краткий звук переднего ряда среднего подъема (полуоткрытый), а [ɨ] — краткий звук заднего ряда вышесреднего подъема (полузакрытый). Следовательно, вокализм общенахского языка в эпоху его формирования (обособления) был близок к вокализму абхазо-адыгских языков.

б) Консонантизм нахских языков в эпоху их обособленного развития (а также в эпоху развития нахского языка-основы) подвергся упрощению, в одних случаях (например, утрата лабиализованных согласных, следы существования которых обнаруживаются при сравнительно-историческом изучении фонетики нахских языков), и осложнению, — в других (первичные и вторичные геминированные, широкое распространение «айна» и др.) Этими процессами обусловлено существенное отличие консонантизма нахских языков от консонантизма абхазо-адыгских и дагестанских языков. Вместе с тем отсутствие лабиализованных и латеральных согласных в нахских языках также указывает на промежуточное положение исследуемой группы языков между дагестанскими и абхазо-адыгскими.

В области лексики: а) Особенности словарного состава и прежде всего исконной лексики также свидетельствуют о том, что нахские языки занимают промежуточное положение между абхазо-адыг-

скими и дагестанскими языками. Одни слои лексики стоят ближе к дагестанским, а другие — к абхазо-адыгским языкам. Это видно из следующих примеров:

Аварск.	Лидойск.	Чеченск.	Бацбийск.	Абхазск.	Адыгейск.
<i>ракI</i> — сердце	<i>рокIу</i>	<i>дог</i>	<i>докI</i>	<i>гу</i>	<i>гу</i>
<i>дун</i> — я	—	<i>суо</i>	<i>со</i>	<i>са, сара</i>	<i>сэ</i>
<i>вац</i> — брат	<i>эсийу</i>	<i>ваша</i>	<i>вашо</i>	<i>цеша</i>	<i>шы</i>
<i>рухI</i> — душа	—	<i>са</i>	<i>са</i>	<i>псе</i>	<i>псэ</i>
<i>цIа</i> — огонь	<i>цIи</i>	<i>цIе</i>	<i>цIе</i>	<i>пца</i>	<i>машIо</i>
<i>цо</i> — один	—	<i>цIаI</i>	<i>цхьа</i>	—	<i>зы</i>
<i>шуго</i> — пять	—	<i>пхитъ</i>	<i>пхи</i>	<i>ху</i>	<i>тху</i> (кабард.)

б) На основании сравнения этих слов можно прийти к выводу, что нахские языки стоят ближе к абхазо-адыгским, чем к той группе дагестанских языков, которая считается самой близкой к ингушскому, чеченскому и бацбийскому языкам. Во всяком случае приведенные и им подобные лексические примеры говорят о том, что есть полное основание выделить нахские языки в особую группу.

В области морфологии: а) Данные морфологии (главным образом, системы склонения) являются основными фактами, на основании которых нахские языки включают некоторые кавказоведы-языковеды в состав дагестанских языков. Здесь прежде всего следует иметь в виду систему склонения, которая очень слабо развита в абхазо-адыгских языках. Наше исследование показывает, что в общенахском языке в период его формирования (обособления) было не более четырех падежей. Это число падежей почти совпадает с числом падежей устанавливаемых в адыгских языках. Следовательно, многопадежная система нахских языков — продукт исторического развития общенахского языка и входящих к нему ингушского, чеченского и бацбийского языков.

в) Что же касается системы спряжения, то она сильно развита в абхазо-адыгских и нахских языках.

В обеих группах представлены примерно одни и те же грамматические категории глагола.

г) Категория грамматических классов представлена также в абхазском и абазинском языках. Они существовали и в адыгских языках¹.

В области синтаксиса: а) основные особенности синтаксиса нахских языков (эргативная конструкция предложения, способы выражения синтаксических отношений между членами предложения, а также связей между простыми предложениями и т. д.) также позволяют полагать, что нахские языки занимают промежуточное положение между абхазо-адыгскими и дагестанскими языками.

Вместе с тем надо учитывать и данные истории, которые свидетельствуют о том, что наиболее вероятными предшественниками нахских народов были двалы (или племя-народ, вошедшее в их состав), занимавшие территорию, расположенную между районами расселения дагестанских и абхазо-адыгских племен. Данные сравнительно-историческо-

¹ Г. В. Рогова. К вопросу о структуре именных основ и категории грамматических классов в адыгских (черкесских) языках, Тбилиси, 1956.

го изучения нахских языков, показывающие, что они (нахские языки) восходят к той ветви горских кавказских языков, которая занимала промежуточное положение между дагестанскими и абхазо-адыгскими языками, согласуются с выводом В. И. Абаева о том, что осет. *къух*|| *къох* — «рука» (ср. инг. *кулг*, чеч. *куьг*), *къах* — «нога» (ср. инг., чеч. *ког*) заимствованы не прямо из ингушского или чеченского, а из какого-то их предшественника¹.

Сравнительно-исторические грамматики абхазо-адыгских, дагестанских, а затем всех горских кавказских языков позволяют более убедительно обосновать особое, промежуточное положение нахских языков между абхазо-адыгскими и дагестанскими языками.

По техническим причинам пришлось исключить из монографии раздел, посвященный характеристике основных особенностей иберийско-кавказских языков. Эти особенности нами рассмотрены по основным разделам структуры языка (в области фонетики, морфологии, синтаксиса и лексики) в трех планах: синхронном, сравнительно-историческом и историко-типологическом.

На основании такого анализа сделана попытка выявить: а) основные линии исторической дифференциации и развитие горских кавказских языков; б) общие элементы в них, их соотношения в разных группах горских кавказских языков; в) некоторые звуковые соответствия в горских кавказских языках. На основании всего этого мы и попытались определить место нахских языков в кругу иберийско-кавказских.

В этом разделе данные нахских языков сравниваются с данными других кавказских языков. Поэтому указанные факты не приведены самой сравнительно-исторической грамматикой нахских языков.

¹ В. И. Абаев. Осетинский язык и фольклор, М., 1949.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Маркс К. и Энгельс Ф. Немецкая идеология, изд. II, том III.
Маркс К. К критике политической экономии, Госполитиздат, 1953.
Маркс К. Конспект книги Л. Г. Моргана «Древнее общество», Архив Маркса и Энгельса, IX, 1941.
Энгельс Ф. Диалектика природы, Госполитиздат, 1952.
Энгельс Ф. Анти-Дюринг, Госполитиздат, 1953.
Ленин В. И. О праве наций на самоопределение. Соч., том 20.
Ленин В. И. Ленинский сборник, XII, 1931.
Хрущев Н. С. Отчетный доклад ЦК на XXII съезде КПСС.
Программа Коммунистической партии Советского Союза.
Армянская география VII в. н. э., перевод Патканова. Спб., 1877.
Абаев В. И. Осетинский язык и фольклор. М.—Л., 1949.
Абаев В. И. Этимологический словарь осетинского языка. М., 1959.
Абаев В. И. Осетино-вейнахские лексические параллели. Изв. Чеч.-Инг. научно-исслед. ин-та истории, языка и литературы, т. I, вып. II. Языкознание, Грозный, 1959.
Андгуладзе Н. Д. Категория грамматических классов в иберийско-кавказских языках. Автореферат кандидатской диссертации. Тбилиси, 1954.
Арсаханов И. Г. Место аккинского диалекта в системе чечено-ингушского языка. Грозный, 1959.
Артамонов М. И. Очерки древнейшей истории хазар. М., 1936.
Алиев И. История Мидии. Баку, 1960.
Алироев И. Ю. Кистинский диалект чеченского языка. Грозный, 1962.
Ашхамаф Д. Н. Краткий очерк адыгейских диалектов. Майкоп, 1939.
Абдуллаев С. Н. Грамматика даргинского языка. (Фонетика и морфология). Махачкала, 1954.
Абуладзе И. В. К открытию алфавита кавказских албанцев. Изв. ИЯИМК, IV (I). Тб., 1938.
Алборов Б. Ингушское *deβlu* — „бог“ и осетинское *dallmon* — „злой дух“. Изв. Ингушск. НИИ краевед., т. II—III, Владикавказ, 1930.
Ашхамаф Д. А. Краткий обзор адыгейских диалектов. Майкоп, 1939.
Ахвледиани Г. С. Звуковые возможности кавказских языков. I. Принципы классификации согласных абхазского языка. Сообщ. Груз. филиала АН СССР, т. I. № I, Тб., 1940.
Ахвледиани Г. С. Классификация звуков абхазского языка. Выездная сессия Груз. филиала АН СССР в г. Сухуми, 1940, 26—29 сентября. Тезисы докладов, Тбилиси.
Ахманова О. С. и др. О точных методах исследования языка. Москва, 1962.
Базоркин И. Собрание сочинений, т. II, Грозный, 1961.
БСЭ. Изд. 2-е, т. 51.
Балкаров Б. Х. Язык бесленеевцев. Нальчик, 1959.
Бартоломей И. А. О так называемых мидзегских языках, известных по сию пору исключительно из клапотовых сравнений (о чеченском языке). «Кавказ», 1855, 7 сентября, № 70.
Бгажба Х. С. Некоторые вопросы этнонимии и топонимии Абхазии (в связи с работой Павле Ингорква «Георгий Мерчуле»). Труды абхазск. инст. яз., лит. и истории им. Д. И. Гулия, т. XXVII, Сухуми, 1956.
Бгажба Х. С. Общие корни (и основы) в абхазском и картвельском языках. ИКЯ, т. II, Тб. 1948.
Беляев М. В. О сравнительном изучении кавказских языков. Записки Северо-Кавказск. краев. горского НИИ, т. II, Ростов н/Д., 1929.
Бенвенист Э. Индоевропейское именное словообразование. Русский перевод, 1958.
Берштейн С. Б. Очерк сравнительной грамматики славянских языков. М., 1961.
Богородицкий В. А. Сравнительная грамматика арио-европейских языков, вып. I, 1914.

Бокарев Е. А. Введение в сравнительно-историческое изучение дагестанских языков. Махачкала, 1961.

Бокарев Е. А. Дагестанские языки. Сб. «Младописьменные языки народов СССР». М., 1958.

Бокарев Е. А. Задачи сравнительно-исторического изучения кавказских языков. ВЯ, 1954, № 3.

Бокарев Е. А. Из истории склонения в языках цезской группы Дагестана. (Опыт сравнительно-исторического изучения бесписьменных языков). Сб. «Академику В. В. Виноградову к его 60-летию». М., 1956.

Бокарев Е. А. Краткие сведения о языках Дагестана. Махачкала, 1949.

Бокарев Е. А. Локативные и нелокативные значения местных падежей в дагестанских языках. «Язык и мышление», т. XI, М.—Л., 1948.

Бокарев А. А. О классных показателях в аварско-андо-цезских языках. «Язык и мышление», т. X, М.—Л., 1940.

Бокарев А. А. Очерк грамматики чамалинского языка. М.—Л., 1949.

Бокарев А. А. Синтаксис аварского языка. М.—Л., 1949.

Бокарев Е. А. Цезские (дидойские) языки Дагестана. М., 1959.

Бокарев Е. А. Эргативный падеж в языках цезской группы горских языков Дагестана. Сб. «Языки Дагестана», II, Махачкала, 1954.

Булич С. К. Очерк истории языкознания в России, т. I, Спб., 1904.

Быховская С. Л. Пассивная конструкция в яфетических языках. «Язык и мышление», т. II, Л., 1934.

Гагуа Р. Р. Изменение бацбийского глагола по грамматическим классам (Резюме). ИКЯ, т. IV, Тб. 1953.

Гагуа Р. Р. Некоторые вопросы изменения гласных в бацбийском языке. VI (XII) научн. сессия Ин-та языкознания АН Груз. ССР, 1955, 10—11 июня, Тб., Тезисы докладов.

Гагуа Р. Р. Эргатив и инструменталис в бацбийском языке. Сб. «Иберийско-кавказское языковедение», т. II, Тбилиси, 1948.

Гаджиев М. М. Русско-лезгинский словарь. Ред. Г. А. Ликберов. Словарь содержит 3500 слов. Махачкала, 1950.

Гаджиев М. М. Синтаксис лезгинского языка, ч. I. Простое предложение, Махачкала, 1954.

Гаджиев М. М. Синтаксис сложного предложения в лезгинском языке. Автореферат докторской диссертации. Махачкала, 1956.

Гамрекели В. Н. К анализу топонимики Двалети. Труды Института истории АН Груз. ССР, т. IV, вып. I, Тбилиси, 1958.

Гамрекели В. Н. О племени двалов. Материалы по этнографии Грузии. IX. Тбилиси, 1957.

Гаприндашвили Ш. Г. О лакско-даргинских звуковых соответствиях. Сб. «Иберийско-кавказское языкознание», т. VI, Тбилиси, 1954.

Гаприндашвили Ш. Г. О лакско-даргинских звукосоответствиях. IV(X). Научн. сессия Ин-та языкознания АН Груз. ССР, 1953, 12—13 июня. Тб. Тезисы докладов.

Гаприндашвили Ш. Г. Фонетика даргинского языка (по данным диалектов). Автореферат докторской диссертации. Тб., 1956.

Генко А. Н. Абазинский язык. М., 1955.

Генко А. Н. Из культурного прошлого ингушей. Записки коллегии востоковедов при Азиатском музее АН, т. V, II, 1930.

Генко А. Н. Из области чеченской диалектологии. ЯСКД, I. М.—Л., 1935.

Генко А. Н. О языке убыхов. ИАН СССР, серия VII, отд. гуманитар. наук, 1927. № 3, Л.

Генко А. Н. Фонетические взаимоотношения абхазского и абазинского языков. Труды Абхазского ин-та яз., лит. и истории, т. XXVIII, Сухуми, 1957.

Георгиев В. Вопросы родства средиземноморских языков. ВЯ, 1954, № 4, М.

Гониашвили Т. В. Лексические схождения чеченского с картвельскими языками. Известия Инст. яз., ист. и мат. культуры Груз. филиала АН СССР, т. V—VI, 1940.

Гониашвили Т. В. Суффикс wo в чеченском языке (Резюме). Труды ТГУ, т. XII, Тб. 1940.

Грен А. Лингвистические заметки (к чеченским текстам). СМОМПК, вып. XXII, отд. III. Тифлис, 1897.

Гудава Т. Е. К вопросу о генезисе латерального звука t в языках аварско-индийско-дидойской группы и его фонетическом соответствии в картвельских языках (Резюме), ИКЯ, т. VI, Тб., 1954.

Гудава Т. Е. К изменениям лабиализованных согласных в аварском и индий-

ском языках. VI (XII) научн. сессия Ин-та языкознания АН Груз. ССР, 1955, 10—11 июня. Тб., Тезисы докладов.

Гудава Т. Е. К составу аварского слова «Пуджу—«женщина» (Резюме). ИКЯ, т. VI, Тб., 1954.

Гудава Т. Е. О лексических встречах между грузинским и аварским языками. Сообщ. АН Груз. ССР, т. XV, № 10. Тб., 1954.

Гудава Т. Е., Имнайитишвили Д. С., Ломтадзе Э. А., Магомедбекова З. М. О звуковых соответствиях в языках аварско-дидойской группы. III (IX) научная сессия Института языкознания АН Груз. ССР, Тб., 1952.

Гугиев Х. Т., Чентиева Т. Д., Хумпаров А. Х. Нохчийн меттан грамматика. Грозный. 1940.

Гулия Д. Божества охоты и охотничий язык у абхазцев (К этнографии Абхазии). Сухуми, 1926.

Далгат Б. Первобытная религия чеченцев. Терский сборник, вып. 3, кн. 2. Владикавказ, 1893.

Дебец Г. Ф. Палеоантропология СССР. Л., 1948.

Дешериев Ю. Д. Бацбийский язык, М.—Л., 1953.

Дешериев Ю. Д. Грамматика хиналугского языка. М., 1959.

Дешериев Ю. Д. Фонетика современного чеченского литературного языка. Грозный, 1960.

Дешериев Ю. Д. Эргативный строй непереходного предложения в бацбийском языке. Сб. «Язык и мышление», вып. XI. 1947.

Дешериев Ю. Д., Климов Г. А., Талибов Б. Б. Об унификации наименований некоторых языков Кавказа. ВЯ, № 3, 1959.

Джавахишвили И. А. Историко-этнографические проблемы Грузии, Кавказа и Ближнего Востока. Тбилиси, 1950.

Джавахишвили И. А. Основные историко-этимологические проблемы истории Грузии, Кавказа и Ближнего Востока древнейшей эпохи. ВДИ, 1939, № 4.

Джавахишвили И. А. Первоначальный строй и родство грузинского и кавказских языков, Тбилиси, 1937.

Джанашиа С. Н. Сванско-адыгейские (черкесские) языковые встречи (Резюме), Изв. ИЯИМК, т. XII, Тбилиси, 1942.

Джейранишвили Е. Ф. Вопросительные местоимения в языках лезгинской (кюринской) группы (Резюме), ИКЯ, т. VII, Тб., 1955.

Джейранишвили Е. Ф. Грамматические классы в цахурском и рутульском языках (Резюме). ИКЯ, т. V, Тб., 1953.

Дирр А. М. Арчинский язык (Предисловие). Грамматический очерк, тексты. сборник арчинских слов с русским к нему указателем. СМОМПК, вып. XXXIX, отд. III, Тифлис, 1908.

Дирр А. М. Глагол в кавказских языках. Сб. «Эргативная конструкция предложения». М., 1950 (под ред. Е. А. Бокарева).

Дирр А. М. Грамматика удинского языка. СМОМПК, вып. XXXIII, отд. IV. Тифлис, 1904.

Дирр А. М. Грамматический очерк табасаранского языка с предисловием, текстами и сборником слов. СМОМПК, вып. XXXV, отд. III, Тифлис, 1905.

Дирр А. М. Две статьи о современном состоянии кавказоведения. I. Новейшие взгляды на отношения кавказских языков к другим. II. Закавказье как родина арийцев. СМОМПК, вып. XXXVII, отд. III. Тифлис, 1907.

Дирр А. М. Кавказское языковедение, его история и будущие задачи. ИКО-ИРГО, т. XVII, вып. 5, Тифлис, 1904.

Дирр А. М. О классах (родах) в кавказских языках. СМОМПК, вып. XXXVII, отд. III, Тифлис, 1907.

Дирр А. М. Рутульский язык. Грамматический очерк, тексты, сборник рутульских слов с русским к нему указателем. СМОМПК, вып. XLII, отд. III. Тифлис, 1912.

Дирр А. М. Современные названия кавказских племен. СМОМПК, вып. XL, отд. III. Тифлис, 1909.

Дирр А. М. Список имен, фамилий, названий народов и имен животных у абхазцев, мингрельцев и дагестанцев. Материалы к изучению языка и быта абхазцев. Абхазские слова. Заметка о татуировке в Дагестане. СМОМПК, вып. XLIV, отд. IV, Тифлис, 1915.

Дирр А. М. Цахурский язык. Грамматический очерк, тексты, сборник цахурских слов с русским к нему указателем. СМОМПК, вып. XLIII, отд. III, Тифлис, 1913.

Дмитриев Н. К. Грамматика кумыкского языка. М., 1940.

Дондуа К. Д. Анахронизм в решении вопроса о взаимоотношениях яфетических языков Кавказа. Российская АН. Тексты и разыскания по кавказской филологии, т. I, Л., 1925.

Дондуа К. Д. Морфологическое выражение активного (эргативного) строя

в адыгейской и картвельской группе кавказских языков. ИАН СССР, ОЛЯ, т. VII, вып. III, М.—Л., 1948.

Дондуа К. Д. Настоящее «обычности» в активной конструкции (из типологических связей картвельских языков с горскими языками Кавказа). ИАН СССР, ОЛЯ, т. VIII, вып. I, М.—Л., 1949.

Дондуа К. Д. Франц Бопп и кавказские языки. Научная сессия ЛГУ, 1945, 16—30 ноября. Тезисы докладов по секции востоковедения.

Дьяконов И. М. История Мидии. М.—Л., 1956.

Дьяконов И. М. О языках древней Передней Азии. ВЯ, 1954, № 5.

Дьяконов И. М. Рецензия на работу Г. А. Меликишвили «Древневосточные материалы по истории народов Закавказья». ВДИ, 1946, № 2.

Егоров О. П. Об изучении чечено-ингушских говоров. Труды первой диалектологической конференции, происходившей в Ростове н/Д 29 июня — 1 июля 1938 г. Ростов н/Д, 1939.

Егоров О. П. Чечено-ингушская лексика. К вопросу о схождениях и расхождениях в словарном составе чеченского и ингушского языков. (Tschetschenisch-inguetschische Wortstudien). ЯСКО. I. М.—Л., 1935

Ельницкий Л. А. Комментарии к переизданию «Известий древних авторов о Скифии и Кавказе» В. В. Латышева, ВДИ, 1947, № 4.

Зыцарь Ю. В. О родстве баскского языка с кавказскими. ВЯ, 1955, № 5, М.

Жирков Л. И. Аварско-русский словарь (с кратким грамматическим очерком аварского языка), М., 1936.

Жирков Л. И. Грамматика аварского языка (Литографич. изд.) М., 1924.

Жирков Л. И. Грамматика даргинского языка. (Grammaire de la langue dar kwa (dargwa). М., 1926.

Жирков Л. И. Грамматика лезгинского языка. Махачкала, 1941.

Жирков Л. И. Лакский язык. Фонетика и морфология. М., 1955.

Жирков Л. И. Об основном словарном фонде горских языков Дагестана. ВЯ, 1953, № 3. М.

Жирков Л. И. О строе глагола в яфетических языках Дагестана. ДАН СССР, В., 1930. № 5, Л.

Жирков Л. И. Словообразование в аварском языке. Сб. «Языки Дагестана». I, Махачкала, 1948.

Жирков Л. И. Спряжение глагола в лакском и даргинском языках. ДСНЯ АН СССР, т. VII, М., 1955.

Жирков Л. И. Табасаранский язык. Грамматика и тексты. М.—Л., 1948.

Жирков Л. И. Язык аула Кубачи (Введение — тексты песен, парадигмы — топонимика). Уч. зап. Ин-та этнографии и нац. культуры народов Востока, т. I, М. 1930.

Жирмунский В. М. История немецкого языка. М., 1956.

Жирмунский В. М. Немецкая диалектология. М.—Л., 1956.

Иберийско-кавказское языкознание, т. I—XII, Тбилиси.

Известия Чечено-Ингушского научно-исследовательского института истории, языка и литературы, том I, вып. II, Языкознание, Грозный, 1959.

Имнайшвили Д. С. Заочные формы глагола в языках кистинской группы (Резюме). ИКЯ, т. VI, Тб., 1954.

Имнайшвили Д. С. К вопросу о генезисе суффиксов временной последовательности действия в кистинских языках (Резюме). ИКЯ, т. V, Тб., 1953.

Имнайшвили Д. С. К вопросу о гипотаксисе в языках чеченской группы (Резюме). ИКЯ, т. II, Тб., 1948.

Имнайшвили Д. С. К генезису одного подчинительного союза в бацбийском (цоватушинском) языке (Резюме). Сообщ. АН Груз. ССР т. VI, № 9, Тб., 1945.

Имнайшвили Д. С. К генезису одного суффикса в языках чеченской группы (Резюме). Сообщ. АН Груз. ССР, т. VI, № 6, Тб., 1945.

Имнайшвили Д. С. К истории образования сложноподчиненного предложения в иберийско-кавказских языках. IV(X) научная сессия Ин-та языкознания АН Груз. ССР, 1953, 12—13 июня. Тб. Тезисы докладов.

Имнайшвили Д. С. Некоторые закономерности изменения гласных под влиянием соседних согласных в дидойском, гинухском и хваршинском языках. VI (XII) научн. сессия Ин-та языкозн. АН Груз. ССР, 1955, 10—11 июня, Тб., Тезисы докладов.

Имнайшвили Д. С. Основные и послеложные падежи в ингушском языке. Тезисы кандидатской диссертации. Изв. ИЯИМК, т. XII, Тб. 1942.

Ингушско-чеченско-русский словарь. Грозный, 1962.

История, география и этнография Дагестана XVIII—XIX вв., М., 1958.

Кабардино-русский словарь. Под общ. ред. Б. М. Карданова. С приложением грамматического очерка кабардинского языка, М., 1957.

Кадагидзе Н. Д. Грамматические классы в глаголе бацбийского (цоватушин-

ского) языка (в связи с другими категориями и соответствующими конструкциями глагола). Автореферат канд. диссертации. Тб., 1953.

Караулов Н. А. Сведения арабских писателей о Кавказе, Армении и Азербайджане» (Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа, вып. 29, Тифлис, 1901).

Караулов Н. А. Сведения арабских писателей о Кавказе, Армении и Азербайджане (Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа, вып. 29, 30, 38).

Караулов Н. А. Сведения арабских писателей о Кавказе, Армении и Азербайджане. (Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа, вып. 31).

Караулов Н. А. Указ. соч. в «Сборнике материалов для описания местностей и племен Кавказа», вып. 38.

Карданов Б. М. Бичоев А. Т. Русско-кабардинско-черкесский словарь. М., 1954.

Кварчелия А. А. Глагольное словообразование в абхазском языке. Автореферат канд. диссертации. М., 1953.

Керашева З. И. Особенности шапсугского диалекта адыгейского языка (канд. диссертация). Тб., 1953.

Керашева З. И., Хатанов А. А. Толковый словарь адыгейского языка. VI научн. конференция аспирантов ТГУ, 1952, 10—12 июня, Тб. Тезисы докладов.

Керашева З. И., Хатанов А. А. Толковый словарь адыгейского языка. Майкоп, 1960.

Климов Г. А. Склонение в картвельских языках в сравнительно-историческом аспекте. М., 1962.

Крупнов Е. И. Древняя история и культура Кабарды, М., 1957.

Крупнов Е. И. Древняя история Северного Кавказа. М., 1960.

Крупнов Е. И. О чем говорят памятники материальной культуры ЧИАССР. Грозный, 1961.

Куашева Т. Х. Терские говоры (кабардинского яз.). Уч. зап. Каб.-Балк. НИИ, т. XIII, Нальчик, 1957.

Куликовский Ю. Аланы по сведениям классических и византийских писателей. Киев, 1899.

Кумахов М. А. Адыгейский язык. Сб. «Младописьменные языки народов СССР», М., 1959.

Кумахов М. А. Местоимение в адыгских языках в сравнительном освещении. Уч. зап. КНИИ, т. XI, Нальчик, 1957.

Кумахов М. А. Особенности кубанского диалекта кабардино-черкесского языка. Автореферат диссертации. М., 1955.

Кумахов М. А. Особенности кубанского диалекта кабардинского языка, М., 1954 (канд. диссертация, рукопись).

Лавров Л. И. О причинах многоязычия в Дагестане. «Советская этнография». 1951, № 2, М.—Л.

Латышев В. В. Известия древних писателей (греческих и латинских) о Скифии и Кавказе, т. I и II. Спб., 1890.

Латышев В. В. История древних писателей (греческих и латинских) о Скифии и Кавказе, т. 2, вып. 1.

Лаудаев У. Чеченское племя. Сборник сведений о кавказских горцах, вып. VI. Тифлис, 1872.

Ломтадзе Э. А. К вопросу об историческом взаимоотношении эргативного и инструментального падежей в капучинско-гунизском языке (Резюме). ИКЯ, т. IV. Тбилиси, 1953.

Ломтадзе Э. А. Некоторые общие корневые элементы в иберийско-кавказских языках, V (XI) научн. сессия Ин-та языкознания АН Груз. ССР, 1954, 10, 11 и 12 июня. Тбилиси, Тезисы докладов.

Ломтадзе Э. А. Соответствия между гласными звуками в языках и наречиях дидойской группы дагестанских языков. VI (XII) научн. сессия Ин-та языкознания АН Груз. ССР, 1955, 10—11 июня. Тб. Тезисы докладов.

Ломтатидзе К. В. Ашхарский диалект и его место среди других абхазско-абазинских диалектов (с текстами) (Резюме). Тб., 1954.

Ломтатидзе К. В. Грамматический обзор тапантского диалекта абхазского языка (Резюме). Тб., 1944.

Ломтатидзе К. В. Картвельские языки и их значение для научной истории иберийско-кавказских языков. Тезисы докладов, Тбилиси, 1952, стр. 59—62.

Ломтатидзе К. В. К вопросу о генезисе одного ряда троечных спирантов в адыгейских языках. Научная сессия АН Груз. ССР, посвященная 25-летию установления Советской власти в Грузии, 1946, 26/II—2/III, Тб. Тезисы докладов.

- Ломтатидзе К. В. Некоторые вопросы звуковых процессов и звуковых соответствий в иберийско-кавказских языках (по данным картвельских и иберийско-кавказских языков). VI (XII) научн. сессия Ин-та языкозн. АН Груз. ССР, 1955, 10—11 июня, Тб. Тезисы докладов.
- Ломтатидзе К. В. Об одной фонетической закономерности в абхазско-абазинских диалектах. Сообщ. АН Груз. ССР, т. III, № 8, Тб., 1942.
- Ломтатидзе К. В. Об историческом единстве указательных местоимений и наречий места в абхазском языке (Резюме). Труды абхазского ин-та яз., лит. и истории им. Д. И. Гулия, т. XXV, Сухуми, 1954.
- Ломтатидзе К. В. Образование основных времен в абхазском языке (Резюме). Изв. ИЯИМК, т. II, Тб., 1938.
- Ломтатидзе К. В. Тапанский диалект абхазского языка (с текстами). Тбилиси, 1944. Ашхарский диалект и его место среди других абхазско-абазинских диалектов. Тбилиси, 1954.
- Ломтатидзе К. В., Чикобава А. С. Иберийско-кавказские языки. БСЭ, т. 17, М., 1952.
- Ломтев Т. П. Сравнительно-историческая грамматика восточно-славянских языков. М., 1961.
- Лопатинский Л. Г. Заметка (к чеченским текстам). СМОМПК, вып. XXII. Отд. III. Тифлис, 1897.
- Лопатинский Л. Г. Заметка (к чеченским текстам. О фонетической особенности речи селения Гехи). СМОМПК, вып. XXVII, отд. III, Тифлис, 1900.
- Лопатинский Л. Г. Заметка (к чеченским текстам, записанным Т. Эльдархановым). СМОМПК, вып. XXIX, отд. IV, Тифлис, 1901.
- Льюис Г. и Педерсен Х. Краткая сравнительная грамматика кельтских языков (русск. перев.), М., 1954.
- Магомедбекова З. М. Образование основных падежей в каратинском и багулальском языках. Первая научная конференция аспирантов вузов и научных институтов. Тбилиси, 1949, 21—23 февраля. Тезисы докладов.
- Магомедов А. А. Местоименная аффиксация в глаголах табасаранского языка. ИКЯ, т. VII, Тб., 1955.
- Магомедов А. А. Фонетические и морфологические особенности кубачинского диалекта даргинского языка (канд. диссертация. Тбилиси, 1948).
- Магомедов А. А. Превербные в табасаранском языке (сравнительно с превербами в даргинском и агульском языках). ИКЯ, т. VIII, Тб., 1956.
- Мальсагов З. К. Ингушская грамматика. Владикавказ, 1925.
- Мальсагов З. К. К вопросу о классных элементах в нахском языке (заметка). Изв. Ингушск. НИИ краеведения, т. II—III, Владикавказ, 1930.
- Мальсагов З. К. Очерк аккинского языка. Известия ЧИНИИ, т. I, вып. IV. Грозный, 1936.
- Мальсагов Д. Д. Чечено-ингушская диалектология. Грозный, 1941.
- Мамакаев М. О чеченских тайпах, Грозный, 1962.
- Марр Н. Я. Абхазско-русский словарь (пособие к лекциям и в исследовательской работе). Л., 1926.
- Марр Н. Я. Кавказские племенные названия и местные параллели. Петроград, 1922.
- Марр Н. Я. К истории передвижения яфетических народов с юга на север Кавказа. Петроград, 1916.
- Марр Н. Я. Непочатый источник истории кавказского мира (из третьей лингвистической поездки в Дагестан 24 дек.—12 янв.). ИАН, VI серия, № 5, Петроград, 1917.
- Марр Н. Я. О языке и истории абхазов (Сборник статей об абхазском языке). М.—Л., 1938.
- Марр Н. Я. Племенной состав населения Кавказа. Классификация народов Кавказа (рабочий проспект). Петроград, 1920.
- Мартен В. С. Происхождение названия Кавказа, пеласгов кавказских и отношение их к восточным азам. «Кавказ», 1848, 7 августа, № 32; 14 августа, № 33. Материалы по археологии Кавказа, вып. 14, 1888.
- Мациев А. Г. Чеченско-русский словарь. М., 1961.
- Мацулевич А. Н. Аланская проблема и этногенез Средней Азии, СЭ, VI—VII, 1947.
- Мегрелидзе И. В. Дидойцы и название Дидо. Труды тбилисского гос. пединститута им. А. С. Пушкина, т. II, Тб., 1942.
- Мегрелидзе И. В. Из дидойской диалектологии. Труды Сталининского пединститута, т. II, Сталинир, 1955.
- Мейе А. Введение в сравнительно-историческое изучение индоевропейских языков. М.—Л., 1938.

Мейе А. Сравнительный метод в историческом языкознании. Русский перевод. М., 1954.

Меликишвили Г. А. К изучению древней восточно-малоазийской этнонимии. (Вестник древней истории, вып. I, 1962).

Меликишвили Г. А. Напри-Урарту. Тб., 1954.

Меликишвили Г. А. Урартские клинообразные надписи. М., 1960.

Мещанинов И. И. Грамматический строй урартского языка, ч. II, М.—Л. 1962.

Мещанинов И. И. Эргативный строй и его отношение к другим языковым структурам. «Язык и мышл.», т. XI, М.—Л., 1948.

Микаилов Ш. И. О некоторых фонетических особенностях южно-аварских диалектов. Труды второй научной сессии Дагестанской научно-исследоват. базы АН СССР, 7—12 февраля 1949 г. Махачкала.

Микаилов Ш. И. Очерки аварской диалектологии. М.—Л., 1959.

Миллер В. С. Гипотеза о родстве этрусского языка с кавказскими. «Кавказский вестник», кн. XI (ноябрь), Тифлис, 1900.

Миллер В. С. Кавказское языкознание и вопросы исторической этнографии Передней Азии. «Этнографическое обозрение», 1906, №№ 3—4, М.

Миллер В. С. Материалы по археологии Кавказа, вып. I, М., 1888.

Музаев Н. Марш смелых, роман, часть II, Грозный, 1960.

Муркелинский Г. Б. Классы и классные показатели в лакском языке. Труды второй научной сессии Дагестанск. научно-иссл. базы АН СССР, 7—12 февраля 1949 г. Махачкала, 1949.

Муркелинский Г. Б. О словарном составе лакского языка. Сборник «Языки Дагестана». II, Махачкала, 1954.

Муркелинский Г. Б. Русско-лакский словарь. Махачкала, 1953.

Муркелинский Г. Б. К истории образования глагола в лакском языке. Сборн. «Языки Дагестана», I, Махачкала, 1948.

Народы Кавказа. I, М., 1960.

Немировский М. Я. Адольф Дирр и кавказская лингвистика (Adolf Durr und die kaukasische Sprachwissenschaft) Владикавказ, 1930.

Немировский М. Я. Статья в горских кавказских языках. Сообщ. АН Груз. ССР, т. VII, № 6, Тб., 1946.

Немировский М. Я. В редакцию журнала «Революция и горец» (По поводу статьи Т. Сердюченко и С. Мальсагова «Полностью разоблачить агентуру классового врага на лингвистическом фронте»); «Рев и горец». 1932, №№ 8—9 (46—47). Ростов н/Д.

Немировский М. Я. Гуго Шухардт. Творческий путь Г. Шухардта и его работа по кавказской лингвистике (H. Schuchardts schöpferischer Weg und seine Forschungen auf dem Gebiete der kaukasische Sprachwissenschaft), Владикавказ, 1929.

Немировский М. Я. Заметки по морфологии яфетических языков Кавказа. I. К вопросу о деривации имен существительных в современных яфетических языках Северного Кавказа. Сб. «АН СССР академику Н. Я. Марру» (XLI). М.—Л. 1935.

Немировский М. Я. Japhetica—Afriana. Несколько параллельных явлений в яфетических (кавказских) и африканских языках (Лингвистические заметки). Изв. Сев.-Кавказского пединститута, т. XII, Орджоникидзе, 1935.

Немировский М. Я. Альфред Тромбетти, его жизнь и научные труды по сравнительному языковедению, по общей и кавказской лингвистике. Владикавказ, 1930.

Немировский М. Я. Из прошлого и настоящего кавказской лингвистики. Изв. Ингушского НИИ краеведения, вып. I, Владикавказ, 1928.

Немировский М. Я. К научной постановке исследования чеченской группы северо-кавказских языков. Изв. Ингушского НИИ краеведения, т. II—III, Владикавказ, 1930.

Немировский М. Я. К современному состоянию кавказской лингвистики (Zum heutigen Stand der kaukasischen Sprachwissenschaft). Владикавказ, 1930.

Немировский М. Я. Некоторые явления чеченско-дагестанских языков в свете общей лингвистики (Einige Erscheinungen der tschetscheno-dagestanischen Sprachen im Lichte der allgemeinen Sprachwissenschaft). Горск. пединститут, т. VII. Владикавказ, 1930.

Немировский М. Я. Хетский язык как проблема индоевропейской, кавказской и общей лингвистики. Сборник научн. общ. этн., яз. и лит. при Горском пединституте, вып. I, Владикавказ, 1929.

Оздоев И. А. Орфографический словарь ингушского языка. Грозный, 1949.

Оздоева Ф. Г. Приставки и послелоги в системе чеченского и ингушского литературных языков. Грозный, 1962.

Оздоев И. А. и Озиев С. А. Грамматика ингушского языка. ч. I, Грозный, 1958.

Опыт реконструкции армянской карты VII века на современной картографической основе. Ак. наук Арм. ССР, Институт истории, Ереван, 1961.

Очерки истории СССР, М., 1956.

Панек Л. Б. О некоторых терминах родства и грамматических классах в дагестанских языках. Сб. «Языки Дагестана», II, Махачкала, 1954.

Панчвидзе В. Н. Грамматический анализ удинского языка. Автореферат докторской диссертации. Тбилиси, 1949.

Панчвидзе В. Н. Грамматические классы в будухском глаголе. Резюме. Сообщ. АН Груз. ССР, т. II, № 5, Тб., 1941.

Панчвидзе В. Н. К вопросу о взаимоотношении диалектов удинского языка. Сообщение I. Сообщ. Груз. филиала АН СССР, I, № 9, Тб., 1940; Сообщение II; Сообщ. АН Груз. ССР, т. II, №№ 1—2, Тб., 1941.

Пауль Г. Принципы истории языка. Русск. перев., М., 1960.

Погодин А. К вопросу о влиянии индоевропейских языков на кавказские. СМОМПК, вып. XXXI, отд. IV. Тифлис, 1902.

Потто В. А. Два года терского казачества, т. I. Владикавказ, 1912.

Рогава Г. В. Динамические и статические глаголы в адыгских языках. ИКЯ, т. VIII, Тб., 1956.

Рогава Г. В. К вопросу об общих основах словопроизводства в картвельских и абхазско-убыхско-адыгейских языках (Резюме). Сообщение I; Сообщ. АН Груз. ССР, т. II, № 5, Тб., 1941. Сообщ. III; там же, т. II, № 8.

Рогава Г. В. К вопросу о генезисе аффикса третьего лица в абхазском и древнегрузинском языках. Труды абхазск. ин-та яз., лит. и истории им. Д. И. Гулия, т. XXV, Сухуми, 1954.

Рогава Г. В. К вопросу о переходе классного спряжения в личное спряжение в иберийско-кавказских языках. Сообщ. АН Груз. ССР, т. XIV, № 7, Тб., 1953.

Рогава Г. В. К вопросу о строении грузинской основы *tes (tesavs—, сеем*)*. IV(X) научн. сессия Ин-та языкознания АН Груз. ССР, 1953, 12 и 13 июня, Тб. Тезисы докладов.

Рогава Г. В. К вопросу о структуре именных основ и категории грамматических классов в адыгских (черкесских) языках. Автореф. докторск. диссерт. Тб., 1953.

Рогава Г. В. К истории шипящих спирантов в кабардинском языке. XIV научн. сессия Ин-та языкознания АН Груз. ССР, 1957, 10—13 июня, Тб., Тезисы докладов.

Рогава Г. В. К этимологии адыгейского слова *thə́*— «бог» (Резюме). ИКЯ, ч. II, Тб., 1948.

Рогава Г. В. Некоторые вопросы звуковых соотношений между картвельскими и адыгскими языками. VI (XII) научн. сессия Ин-та языкознания АН Груз. ССР, 1955, 10—11 июня, Тб. Тезисы докладов.

Рогава Г. В. Об одном случае аффрикатизации глухого шипящего спиранта в нижне-адыгейском и грузинском языках (Резюме). ИКЯ, т. II, Тб., 1948.

Рогава Г. В. Спирантизация шипящих аффрикат в адыгейских языках. XV научн. сессия отд. общ. наук АН Груз. ССР, 1944, 28/II—I/III, Тб. Тезисы докладов.

Рогава Г. В. Четвертичная система смычных в адыгейских языках (Резюме). Сообщение АН Груз. ССР, т. IV, № 3, Тб., 1943.

Рогава Г. В. Шипящие аффрикаты в нижне-адыгейском языке. (Резюме). Изв. ИЯИМК, т. XII, Тб., 1942.

Русско-абазинский словарь. М., 1956.

Русско-кабардино-черкесский словарь. М., 1955.

Русско-адыгейский словарь. М., 1960.

Русско-абхазский обратный словарь (По «Абхазско-русскому словарю» Н. Я. Марра с указателем к нему. Составили В. Кукба и А. Хашба). Под ред. К. Дондуа. Труды яфетического семинария, т. III, Л., 1928.

Русско-грузинский словарь. Тбилиси, 1958.

Русско-лезгинский словарь, 1950.

Саадиев Ш. М. Склонение имен существительных в крызском языке. Автореферат кандидатской диссертации. М., 1953.

Саидов М. С. Роль причастия в развитии придаточного предложения в аварском языке. «Язык и мышление», т. XI, М.—Л., 1948.

Саидов М. С. и Ш. И. Микаилов. Русско-аварский словарь. Махачкала, 1951.

Сб. «Вопросы методики сравнительно-исторического изучения индоевропейских языков». М., 1956.

Саламов А. А. Из истории взаимосвязей чеченцев и иңгушей с русским

народом. Известия Чеч.-Инг. научно-исследовательского института истории, языка и литературы, т. III, вып. I, 1963.

Сердюченко Г. П. Об изучении абазинских говоров. Труды I диалектологической конференции, происходившей в Ростове н/Д 29 июня—1 июля 1938 г. Ростов н/Д., 1939.

Сердюченко Г. П. О категории глагольного вида в яфетических языках Западного Кавказа. Уч. зап. КНИИ, т. II, Нальчик, 1947.

Сердюченко Г. П. О словообразовании в яфетических языках Зап. Кавказа. Уч. зап. КНИИ, т. V. Нальчик, 1950.

Сердюченко Г. П. Язык абазин (общие сведения об абазинах, их диалекты, фонетика, морфология, тексты и словарь). Труды Ин-та национальных школ АПН РСФСР и Черкесского НИИ, вып. 67, М.

Серебряников Б. А. К вопросу о недостатках сравнительно-исторического метода в языкознании. Известия АН СССР. ОЛЯ. 1950, вып. 3.

Смирницкий А. И. К вопросу о сравнительно-истор. методе в языкознании. Журнал «Вопросы языкознания», 1952, № 4.

Смирницкий А. И. Сравнительно-историч. метод и определение языкового родства. М., Изд. МГУ, 1955.

Советская археология, вып. XVII, 1953.

Табулов Т. З. Об абазинских диалектах. Труды Черкесского НИИ истории, яз. и лит., вып. II. Черкесск, 1954.

Талибов Б. Б. Система глагола в цахурском языке. Автореферат канд. диссертации. М., 1955.

Толковый словарь грузинского языка в 8 томах;

Толстой Л. Н. Повести и рассказы, т. II, М.—Л., 1950.

Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений (юбилейное), т. 6, М.—Л., 1929.

Топуриа Г. В. К вопросу об образовании повелительного наклонения в лезгинском языке. Сообщ. АН Груз. ССР, т. XVIII, № 3, 1957.

Топуриа В. Т. Грамматические классы и их экспоненты в лакском языке (Резюме). Изв. ИЯИМК, т. XII, Тб., 1942.

Тревер К. Е. Очерки по истории и культуре Кавказской Албании. М. 1959.

Турчанинов Г., Цагов И. Грамматика кабардинского языка. I. М.—Л., 1940.

Турчанинов Г. Ф. Материалы по диалекту моздокских кабардинцев. Уч. зап. КНИИ, т. I, Нальчик, 1946.

Турчанинов Г. Ф. О категории грамматических классов в кабардинском языке (Предварительное сообщение). «Язык и мышл.», т. VI—VII, М.—Л., 1936.

Услар П. К. Древнейшие сказания о Кавказе. Тифлис, 1876.

Услар П. К. О языке убыхов. Этнография Кавказа. Языкознание, I. Абхазский язык. Тифлис, 1887.

Услар П. К. (1857—1872 гг.). Письма. В кн. П. К. Услара «Этнография Кавказа». Языкознание, II, Чеченский язык. Тифлис, 1888.

Услар П. К. Характеристические особенности кавказских языков. (Из посмертных сочинений П. К. Услара). ССКГ, вып. IX, Тифлис, 1876.

Услар П. К. Чеченский язык. Тифлис, 1888.

Услар П. К. Этнография Кавказа. Языкознание. I. Абхазский язык. С приложением статей: 1. О распространении грамотности между горцами. 2. Предложение об устройстве горских школ. 3. О составлении азбук кавказских языков. 4. Заметка о черкесском языке убыхов. 6. Грамматический очерк сванетского языка. Тифлис. 1887.

Услар П. К. Этнография Кавказа. Языкознание, II, «Об исследовании кавказских языков». Тифлис, 1888.

Услар П. К. Этнография Кавказа, Языкознание, II. Чеченский язык. 1888.

Услар П. К. Этнография Кавказа. Языкознание, III, Аварский язык. Тифлис, 1889.

Услар П. К. Этнография Кавказа. Языкознание, IV. Лакский язык. Тифлис. 1890.

Услар П. К. Этнография Кавказа. Языкознание, V. Хюркилинский язык. Тифлис. 1892.

Услар П. К. Этнография Кавказа. Языкознание. VI. Кюринский язык. Тифлис. 1896.

Фадеев А. Ф. Из истории русско-чеченских связей. Вестник Моск. государственного университета. Историко-филологическая серия, № 1, 1959.

Хайдаков С. М. Значение временных форм лакского глагола. Автореферат канд. диссертации, М., 1953.

Хайдаков С. М. Очерки по лакской диалектологии (рукопись).

Хайдаков С. М. Очерки по лексике лакского языка. Москва, 1961.

Хамхоев А. Ирс дола Мохк (стихотворение «Счастливая страна»), Грозный, 1959.

- Хашаев Х. М. Общественный строй Дагестана в XIX в. Махачкала, 1957.
- Хирт Г. Индоевропейская грамматика, т. III, 1927.
- Ходова К. И. Языковое родство славянских народов. М., 1960.
- Церетели Г. В. К вопросу об отношении урартского языка к иберийско-кавказской группе языков. IV (X) научн. сессия Ин-та языкозн. АН Груз. ССР, 1953, 12—13 июня. Тб., Тезисы докладов.
- Церцвадзе И. И. Говоры андийского языка (Резюме). Труды ТГУ, т. 55, Тб., 1954.
- Церцвадзе И. И. К вопросу об исходной основе местных падежей в аварском языке (Резюме). ИКЯ, т. VII, Тб., 1955.
- Церцвадзе И. И. К вопросу о детерминативных аффиксах основ в аварском и андийском языках (предварительное сообщение). V (XI) научная сессия Ин-та языкознания АН Груз. ССР, 1954, 10, 11 и 12 июня, Тб., Тезисы докладов.
- Церцвадзе И. И. Некоторые основы, обозначающие «знать» в иберийско-кавказских языках (Этимологическое разыскание). (Резюме). Труды ТГУ, т. 63, Тб., 1956.
- Чапанов М. И. Эргативная конструкция предложения в нахских языках. М., 1962.
- Чария П. Об отношении абхазского языка к яфетическим. МЯЯ, т. IV, Спб., 1912.
- Чемоданов Н. С. Сравнительное языкознание в России. М., 1956.
- Чентиева М. Д. История чечено-ингушской письменности, Грозный, 1958.
- Черных П. Я. Историческая грамматика русск. языка. М., 1952.
- Чечено-Ингушская АССР за 40 лет. Грозный. 1960.
- Чеченский и ингушский алфавиты на русской основе и орфографии. Грозный, 1938.
- Чикобава А. С. Введение в языкознание, ч. I, 1953.
- Чикобава А. С. Грамматический анализ чанского (лазского) диалекта с текстами. Тифлис, 1936.
- Чикобава А. С. Древнейшая структура именных основ в картвельских языках (Резюме). Тб., 1942.
- Чикобава А. С. Задачи диалектологии иберийско-кавказских языков (с принципиальных установок историко-сравнительного языкознания). Координационное совещание по вопросам диалектологии иберийско-кавказских языков 19—21 ноября 1956. Тб., Тезисы докладов.
- Чикобава А. С. Иберийско-кавказское языкознание, его общелингвистические установки и основные достижения. Изв. АН СССР. Отд. лит. и яз., т. XVII, вып. 2, М., 1958.
- Чикобава А. С. Исследование горских кавказских языков и наши задачи. Изв. ИЯИМК, т. XII, Тб., 1942.
- Чикобава А. С. Категория грамматических классов и генезис падежных окончаний в грузинском языке (предварит. сообщение). Сообщ. АН Груз. ССР, т. VII, №№ 1—2, Тб., 1946.
- Чикобава А. С. Категория грамматических классов и некоторые вопросы спряжения глаголов в грузинском языке. (Резюме), ИКЯ, т. V, Тб., 1953.
- Чикобава А. С. К генезису второго грамматического класса в горских кавказских языках, (Резюме). Сообщ. АН Груз. ССР, т. III, № 4, Тб., 1942.
- Чикобава А. С. К истории грамматических классов в аварском языке (Резюме), Изв. ИЯИМК, т. I, Тифлис, 1937.
- Чикобава А. С. Об одной древней общей основе в термине виноградарства в иберийско-кавказских языках, (Резюме). ИКЯ, т. VI, Тб., 1954.
- Чикобава А. С. «Огонь», «красный» — слова общего корня в иберийско-кавказских языках, VI (XII) научная сессия Ин-та языкозн. АН Груз. ССР, 1955, 10—11 июня. Тб., Тезисы докладов.
- Чикобава А. С. О двух основных вопросах изучения иберийско-кавказских языков. ВЯ, 1955. № 6, М.
- Чикобава А. С. Проблема эргативной конструкции в иберийско-кавказских языках. I. Историческое взаимоотношение номинативной и эргативной конструкций по данным древнегрузинского литературного языка. Тб., 1948.
- Чикобава А. С. Проблема эргативной конструкции в кавказских языках: стабильный и лабильный виды этой конструкции. Научная сессия груз. филиала АН СССР, 27—30 сентября 1930 г. Тб., Тезисы докладов. Проблема эргативной конструкции в кавказских языках: стабильный и лабильный варианты этой конструкции (Резюме). Изв., ИЯИМК, т. XII, Тб.,

- Чикобава А. С. Проблема языка как предмета языкознания. М., 1959.
- Чикобава А. С. Сравнительный словарь (Страничка из истории изучения иберийско-кавказских языков). Уч. зап. Адыгейского НИИ яз., лит. и истории, т. 1. Майкоп, 1957.
- Чикобава А. С. Ценный вклад в советскую науку. (Акад. И. А. Джавахишвили. Первоначальный строй и родство грузинского и кавказских языков). Газ. «Заря Востока», Тб., 1939.
- Чокаев К. З. Глагольное словообразование в чеченском языке (Известия ЧИНИИЯЛ, т. I, Грозный, 1959).
- Чокаев К. З. и Оздоев И. А. Краткий русско-чеченско-ингушский словарь-справочник общественно-политических терминов. Грозный, 1961.
- Чокаев К. З. Словообразование имен существительных в нахских языках. Канд. диссертация (рукопись).
- Чокаев К. З. Словообразование имен существительных в чеченском языке. Изв. ЧИНИИЯЛ, т. IV, вып. II, Грозный, 1962.
- Чрелашвили К. Г. Суффикс *bi* в бацбийском языке (Резюме). Труды ГГУ, т. 63, Тб., 1956.
- Шагиров А. К. Кабардинский язык. Сб. «Младописьменные языки народов СССР». М., 1959.
- Шагиров А. К. Особенности малкинского говора кабардинского языка. Автореферат кандидатской диссертации. М., 1955.
- Шакрыл К. С. О глагольной префиксации в языках Зап. Кавказа. Труды Черкесского НИИ истории, яз. и лит., вып. II, Черкесск, 1954.
- Шакрыл К. С. О сравнительной характеристике глагольных суффиксов в абхазско-адыгейских языках. Труды Абхазск. Ин-та яз., лит. и истории, т. XXVIII, Сухуми, 1957.
- Шанидзе А. Г. Новооткрытый алфавит кавказских албанцев и его значение для науки (L'alphabet des albanais du Caucase récemment découvert et son importance pour la science). Изв. ИЯИМК, т. IV (1), Тб., 1938.
- Шанидзе А. Г. Основы грамматики грузинского языка.
- Шаумян Р. М. *Armeniasa - Iesgia* (Армяно-лезгинские лексико-морфологические параллели). В сб. «АН СССР академику Н. Я. Марру». XLV, М.—Л., 1935.
- Шаумян Р. М. Грамматический очерк агульского языка (с текстами и словарем). М.—Л., 1941.
- Шаумян Р. М. Предварительное сообщение об агульском языке. «Язык и мышление», т. III—IV, М.—Л., 1935.
- Шаумян Р. М. Следы грамматических классов (родов) в агульском языке. «Язык и мышление», т. VI—VII, М.—Л., 1936.
- Шаумян Р. М. Яфетические языки «шахдагской подгруппы» (Предварительное сообщение). «Язык и мышление», т. X, М.—Л., 1940.
- Шиллинг Е. М. Ингуши и чеченцы. Сб. «Религиозные верования народов СССР», т. II, М.—Л., 1931.
- Шинкуба Б. В. Именные основы-превербы в абхазском глаголе. Труды абхазск. ин-та яз., лит. и истории им. Д. И. Гулия, т. XXV, Сухуми, 1954.
- Шинкуба Б. В. Сложные и производные имена в абхазском языке. (Канд. диссертация). Тб., 1945.
- Шифнер А. Краткая характеристика тушинского языка. Уч. зап. Импер. АН, т. 3., вып. I, Спб., 1855.
- Шифнер А. А. Прилож. I к книге П. К. Услара «Чеченский язык».
- Шифнер А. А. Чеченский язык. (Соч. П. К. Услара в обработке акад. А. Шифнера. Перевод с немецкого. В книге П. К. Услара «Этнография Кавказа». Языкознание, II. Чеченский язык. Тифл., 1888. Прилож. I-е.
- Шор Р. О. К вопросу о консонантизме яфетических языков Северн. Кавказа (из инструментально-фонетических заметок), «Культура и письменность Востока», кн. V, Баку, 1929.
- Шор Р. О. К вопросу о т. н. «геминатах» (усиленных смычных) в яфетических языках Дагестана (Из экспериментально-фонетических записей) *Über die sogenanntem „geminirten“ Leute in den Japhetischen Sprachen von Daghestan*. ЯСКД, т. I. М.—Л., 1935.
- Шор Р. О. К вопросу о яфетическом типе звукового строя армянского языка, «Советское языкознание», т. I, Л., 1935.
- Шухардт Г. О пассивном характере переходного глагола в кавказских языках В кн. «Эргативная конструкция предложения». М., 1950 (под ред. Е. А. Бокарева).
- Эльдараханов Т. Чеченские тексты. СМОМПК, вып. XXVIII, отд. III, Тифлис, 1900.
- Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства. Госполитиздат, 1952.

- Эсадзе С. Историческая записка об управлении Кавказом, т. I, Тифлис, 1907.
- Юшманов Н. В. Фонетические параллели африканских и яфетических языков (Труды группы африканских языков). Труды ин-та языка и мышления им. акад. Н. Я. Марра, т. IX, М.—Л., 1937.
- Яковлев Н. Ф. Ашхамаф Д. Грамматика адыгейского литературного языка. М.—Л., 1941.
- Яковлев Н. Ф. Грамматика литературного кабардино-черкесского языка. М.—Л., 1948.
- Яковлев Н. Ф. К вопросу об общем наименовании родственных народов, этнографии им. Миклухо-Маклая, новая серия, т. II, М.—Л., 1947.
- Яковлев Н. Ф. К вопросу об общем наименовании родственных народов. Чеченцы и ингуши. Записки Сев.-Кавказск. краевого горского НИИ, т. I, Ростов н/Д., 1928.
- Яковлев Н. Ф. Краткий обзор черкесских (адыгейских) наречий и языков. Записки Сев.-Кавказск. краевого горского НИИ, т. I, Ростов н/Д., 1928.
- Яковлев Н. Ф. Культура кабардинцев и черкесов по данным словаря. Уч. зап. КНИИ, т. II. Нальчик, 1947.
- Яковлев Н. Ф. Морфология чеченского литературного языка. Грозный, 1959.
- Синтаксис чеч. лит. яз. М., 1940.
- Яковлев Н. Ф. Синтаксис чеченского литературного языка (состав. при участии А. Х. Хумпарова, М. С. Саидова, А. С. Бекова). М.—Л., 1940.
- Яковлев Н. Ф. Термины «мать», «отец», «сестра», «брат», «дочь», «сын» в северо-кавказских яфетических языках и некоторых других языках (Материалы для яфетического анализа). Уч. зап. ин-та этнич. и нац. культур народов Востока, т. I, М., 1930.
- Яковлев Н. Ф. Языки и народы Кавказа (Краткий обзор и классификация). Тифлис, 1930.
- Яндаров Х. Об инфиксе г в вейнахском (чечено-ингушском) языке. Изв. ингушск. ГИИ краеведения, т. II—III, Владикавказ, 1930.
- Bleichsteiner R. Die kaukasische Sprachgruppe. Anthropos, Bd. XXXII N. 1—2, Wien, 1937.
- Bleichsteiner R. Überblick über kaukasische Völker und Sprachen. Berichte des Forschungs—Instituts für Osten und Orient, Bd. II, Wien, 1918.
- Bopp Fr. Die kaukasischen Glieder des indoeuropäischen Sprachstamms. Berlin, 1847.
- Bouda K. Baskisch - kaukasische Etymologien. Heidelberg, 1949.
- Bouda K. Baskisch und Kaukasisch. Zeitschrift für Phonetik und allgemeine Sprachwissenschaft, 1948. Berlin.
- Bouda K. Beiträge zur Kaukasischen und sibirischen Sprachwissenschaft. 3. Das Tabassaraniische. Grammatische und syntaktische Untersuchungen einer süd-ostkaukasischen Sprache. Mit einem Text, einem Verzeichnis der flexivischen Affixe, Wörterverzeichnis und einem Anhang über die kürinischen Verbalpräfixe. Leipzig, 1939.
- Bouda K. R. Bleichsteiner. Die werschikisch-burischkische Sprache im Pamirgebiet und ihre Stellung zu den jafetischen Sprachen des Kaukasus. Wiener Beiträge zur Kulturgeschichte und Linguistik, 1, (1930). Caucasia. Fasc. 9, Leipzig, 1931.
- Deeters G. Joseph Karst. Grundzüge einer vergleichenden Grammatik des, Ibero-kaukasischen (Erster Band). Leipzig—Strassburg—Zürich, 1932. Caucasia. Fasc. 11, Leipzig, 1934.
- Dirr A. Die alte Religion der Tschetschenen. Anthropos, 1908, Wien, Bd. III H. 4, H. 56.
- Dirr A. Einführung in das Studium der kaukasischen Sprachen. (Mit einer Sprachkarte). Verlag der Asia Major, Leipzig, 1928.
- Dirr A. Linguistisches Problem in ethnologischer, anthropologischer und geographischer Beleuchtung. Wien, 1910.
- Dirr A. Sprachkarte der Gebiete am Mittellauf des andischen Koissu, Daghestan. Ausdruck aus Dr. A. Petermanns Georg. Mitteilungen, 1907, Heft X.
- Dumézil G. Études comparatives sur les langues caucasiennes du Nord-Ouest (Morphologie). Paris, 1932.
- Dumézil G. Hans Vogt. Aimentien et caucasique du sud. Extrait de Norsk Tidsskrift for Sprogvidenskap IX, Oslo, 1938. Bull. de la Société de Linguistique de Paris t. 39, fasc. 3. (N. 117), Paris 1938.
- Dumézil G. Introduction à la grammaire comparée des langues caucasiennes du Nord. Paris, 1933. (Bibliothèque de l'Institut Français de Leningrad, tome XIV).
- Dumézil G. J. Van Ginneken. Contribution à la grammaire comparée des langues du Caucase, Verhandl., d. kon. Nederl. Ak. d. Wet. Afd. Letterk., N. R. Deel. XLII,

Amsterdam, 1938. Bull. de la Société de Linguistique de Paris, t. 39, fasc. 3 (N. 117r). Paris, 1938.

Dumézil G. Notes sur la conjugaison inguš (Les types morphologiques; leur-valeur au point de vue de l'aspect; emploi des formes). Bull. de la Société de Linguistique de Paris, t. 34, fasc. 1 (N. 101), Paris, 1933.

Dumézil G. Recherches comparatives sur le verbe caucasien. I. Les suffixes de temps dans les langues caucasiennes. II. Les éléments précaux du verbe autres que les préverbes et les indices de personnes ou de classes Paris Librairie ancienne (VIe), 1933. (Bibliothèque de l'Institut Français de Leningrad, tome XV).

Dumézil G. Theodor Kluge. Studien zur vergleichenden Sprachwissenschaft der kaukasischen Sprachen. 5. Versuch einer vergleichenden Grammatik der Zentralgruppe der nordkaukasischen Sprachen, tusch, tschetschenisch, inguschisch, I Teil, 1937. Polyo iées-Bull. de la Société de Linguistique de Paris, t. 39, fasc. 3. (N. 117). Paris, 1938.

Erckert R. Die Sprachen des kaukasischen Stammes. I Teil. Wörterverzeichnis. II Teil. Sprachproben und grammatische Skizzen. Wien, 1895, I T., II T.

Friedrich J. Angeblich moderne Reste altkleinasiatischer Sprachen. Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft, Neue Folge, Band 3, Heft 3/4 (Band 88). Leipzig, 1934.

Ginneken van Jacques. Contribution à la grammaire comparée des langues du Caucase. Amsterdam, 1938.

Güldenstädt J. A. Reisen durch Russland und im caucasischen Gebürge. T II, St. Petersburg, 1791.

Klaproth J. Reise den Kaukasus und nach Georgien, unternommen in den Jahren, 1807 und 1808. B. II. Kaukasische Sprachen (Anhang zur Reise in den Kaukasus und nach Georgien). Halle und Berlin, 1811.

Kluge Th. Studien zur vergleichenden Sprachwissenschaft der kaukasischen Sprachen. I. Die Sprache der urartaischen Inschriften und ihre Stellung im kaukasischen Sprachenkreise. Berlin, 1907 (Mitteilungen der Vorderasiatischen Gesellschaft, 1907).

Lafon R. Le nom de l'argent dans les langues caucasiennes. Revue Hittite et Asiatique Organe trimestriel de la Société des études hittites et asiatiques. 3-e année fasc. 10 et 11, janvier et avril, 1933, Paris.

Lafon R. Sur un suffixe nominal commun au basque et à quelques langues caucasiennes. Bull. de la Société de Ling. de Paris, t. 44, fasc. 1 (N. 128), 1948.

L'état actuel des études linguistiques caucasiennes (V. Polak). (Archiv Orientální (Praha), 18, 1950, N 1—2). Anthropos, Bd. 47, H. 1—2, Posieux, Schweiz, 1952.

Markwart J. Woher stammt der Name Kaukasus? Caucasia, fasc. 6, I Teil, Leipzig, 1930.

Mészáros J. Die päkhy Sprache. The Oriental Institute of the University of Chicago Studies in Ancient Orient Civilization, N. 9 (1934), Chicago.

Persson P. Studien zur Lehre von der Wurzeleir weiterung und wurzelvariation. 1391; ergo же. Исследование по индоевропейскому завоеванию. 1912.

Schiefner A. Über die tusch Sprache, 87 P. 1854.

Schiefner A. Tschetschenische Studien. Mémoires de l'Académie impériale des sciences de St.-Petersbourg, VII série, t. VII, N. 5, St.-Petersbourg, 1864, S. VIII.

Schiefner A. Versuch über die tusch Sprache oder die khistische Mundart in Thuschetien (Aus den Mémoires de l'Académie des sciences de St.-Petersbourg, VI série. Sciences politiques histoire, philologie, T. IX, besonders abgedruckt), St.-Petersbourg, 1856. Напечатано также в Mélanges Asiatiques, t. II, livr. 5, St.-Petersbourg, 1856.

Schmidt G. Lautgeschichtliche Fragen der tschetschenischen Gruppe der kaukasischen Sprachen. Helsinki, 1947 (Studia Orientalia, XIII.7).

Schmidt G. Über verbale Stammbildung in der sog. tschetschenischen Gruppe der kaukasischen Sprachen. Mémoires de la Société Finno-Ougrienne, 128, t. 58, Helsinki.

Schuchardt H. Über den passiven Charakter des Transitivs in den kaukasischen Sprachen. Wien, 1895 (Sitzungsberichte der Kaiserl Akademie der Wissenschaften in Wien philosophisch-historische Klasse. Bd. CXXXIII).

Sommerfelt A. Études comparatives sur le caucasique du nord-est. Norsk Tidsskrift for Sprogvidenskap, Oslo, Bind VII, 1934; Bind IX, 1938; Bind XIV, 1947.

Sommerfelt A. Les anciens caracteres du système vocalique tschétchéne-ingouche-bats. Dagli Atti del III, Congresso Internazionale die Linguisti (Roma, Settembre, 1933—XI)

Tagliavini C. Beiträge zur Etymologie und Semantik mit besonderer Berücksichtigung der kaukasischen Sprachen Caucasia, fasc. 3, Leipzig, 1925.

Trubetzkoy N. Die Konsonantensysteme der ostkaukasischen Sprachen. Caucasia, fasc. 8, Leipzig, 1931.

Trubetzkoy N. Langues caucasiques septentrionales. Les langues du Monde (Sous la direction de A. Meillet et. M. Cohen). Paris, 1924.

Trubetzkoy N. Les consonnes laterales des langues caucasiques septentrionales. Bull. de la Société de Ling. de Paris, t. XXIII, fasc. 3 (N. 70), Paris, 1922.

Trubetzkoy N. Nordkaukasische Wortgleichungen. Wiener Zeitschrift für die Kunde des Morgenlandes. Bd. XXXVII. H. 1 - 2, Wien, 1930.

Trubetzkoy N. Notes sur les désinences du verbe dans les langues tschétchéno-lesghiennes (Caucasiques - orientales). Bull. de la Société de Linguistique de Paris, t. 29, fasc. 3 (N 88), Paris, 1929.

Trubetzkoy N. Studien auf dem Gebiete der vergleichenden Lautlehre der nordkaukasischen Sprachen. I. Die „kurzen“ und „geminirten“ Konsonanten der awarandischen Sprachen Caucasia, fasc. 3, Leipzig, 1926.

Unlenbeck C. C. Bouda Karl. Baskisch—kaukasische Etymologien. Heidelberg, 1949 (Bibliographie). Anthropos, Bd. XLVI, H. 1—2, Postieux, Schweiz, 951.

Vogt H. Arménien et caucasique du sud. Norsk Tidsskrift for Sprogvidenskap. Bind IX, Oslo, 1938.

Vogt H. Le Basque et les langues Caucasiques. Bull. de la Société de ling. de Paris, t. 51, fasc. 1, Paris, 1955.

СО Д Е Р Ж А Н И Е

Предисловие	3
Проблемы происхождения, исторического развития горских кавказских народов и их языков	
Проблемы древней и современной истории горских кавказских народов и их языков	7
К изучению сведений о Кавказе, его народах и их языках в античной и средневековой литературе	18
Античные авторы о народах и языках Кавказа	19
К изучению сведений средневековых арабских путешественников о горских кавказских народах и их языках	23
Сведения в древнеармянских источниках о нахских народах	25
Картвельско-нахские исторические связи и древнегрузинские источники	26
К вопросу о прародине иберийско-кавказских народов	31
Историко-этнологические и лингвистические проблемы древней истории Северного Кавказа и Дагестана.	33
Проблемы истории Кавказской Албании и горские кавказские народы и их языки	34
К вопросу о генетических взаимоотношениях между урартским и нахским языками	41
К изучению нахской этнонимиики и топонимиики	51
Нахская ономастика	57
Современные нахские народы	61
Бацбийцы	62
Из истории чечено-ингушского народа	66
К вопросу о древней истории Чечено-Ингушетии	—
К вопросу о средневековой истории чечено-ингушского народа	71
Прогрессивная роль России в новой истории чечено-ингушского народа	73
Современная наука о происхождении чечено-ингушского народа и его языка	77
Пути исторического развития нахских языков и вопросы применения сравнительно-исторического метода в их изучении	
Введение в сравнительно-историческое изучение нахских языков	83
Современные нахские языки	—
Современные вейнахские языки и их диалекты	—
Современный бацбийский язык	87
Основные особенности бацбийского языка и его место среди нахских языков.	88
Чеченский и ингушский разговорные языки	94
Чеченский и ингушский литературные языки	95
Основные особенности грамматического строя нахских языков	100
Основные особенности словарного состава современных нахских языков	102
Основные особенности фонетической системы современных нахских языков.	—

Взаимодействие нахских языков, их диалектов и говоров	102
Взаимодействие нахских и других языков народов Кавказа	103
Отражение иноязычного влияния в структуре нахских языков	104
К истории сравнительно-исторического изучения нахских языков	—
Основные критерии установления генетического родства языков и народов	105
О генетическом родстве иберийско-кавказских языков. Генеалогическая классификация кавказских языков	106
Генетическое родство языков — важнейший показатель генетического родства народов	122
Сравнительно-исторический метод	127
О сущности и задачах сравнительно-исторического метода	128
Принципы и методические приемы сравнительно-исторического метода	130
О недостатках сравнительно-исторического метода	141
Некоторые вопросы специфики применения сравнительно-исторического метода в области кавказских языков	143
О специфике применения сравнительно-исторического метода в области нахских языков	145
К вопросу о детерминативах (определителях)	148
Проблема корня	149
К вопросу об уточнении и усовершенствовании сравнительно-исторического метода	151
Реконструкция	152
Традиционная реконструкция	153
Внутренняя реконструкция	154
Общая внутренняя реконструкция	—
Внешняя реконструкция	155
Ступенчатая реконструкция	156
Прямая ступенчатая реконструкция	—
Обратная (ретроспективная) ступенчатая реконструкция	157
Разновидности ступенчатой реконструкции	158
Исходная реконструкция	—
Относительная реконструкция	160
К обоснованию необходимости разграничения реальной и гипотетической реконструкций	161
Что дает ступенчатая реконструкция	—
Реальная реконструкция	162
Гипотетическая реконструкция	163
Использование методов статического (синхронного) анализа структуры языка в сравнительно-исторических исследованиях	170

Сравнительно-историческая грамматика нахских языков

Фонетика

Фонологическая система нахских языков	175
Общие сведения о нахском вокализме	176
Общая характеристика вокализма в чеченском и ингушском языках	177
Характеристика гласных фонем, передаваемых в чеченском и ингушском литературных языках через букву „a“	181
Долгая фонема [a:]	—
Краткая открытая фонема [ã]	183
Краткая закрытая [ā]	184
Характеристика гласных фонем, передаваемых в чеченском и ингушском литературных языках через букву „u“	185
Долгая фонема [u:]	—
Краткая фонема [u]	186
Характеристика гласных фонем, передаваемых в чеченском и ингушском литературных языках через букву „e“	187

Долгая фонема [e:]	187
Краткая фонема [e]	188
Долгий дифтонг [ue:]	189
Краткий дифтонг [ue]	190
Характеристика гласных фонем, передаваемых в чеченском и ингушском литературных языках через букву „o”	191
Долгая фонема [o:]	—
Открытая фонема [õ]	192
Краткая фонема [o]	193
Долгий дифтонг [yo:]	194
Краткий дифтонг [yo]	196
Характеристика гласных фонем, передаваемых в чеченском и ингушском литературных языках через букву „y”	197
Долгая фонема [y:]	198
Краткая фонема [y]	—
Характеристика гласных фонем, передаваемых в чеченском и ингушском литературных языках через сочетания букв „a”, „o”, „y” с мягким знаком	200
Долгая фонема [aʷ:]	—
Краткая фонема [aʷ]	—
Фонемы [yo:], [yov], [yʷ], [y]	201
Долгий дифтонг [yov:]	202
Краткая фонема [yov]	203
Фонема [yʷ:]	205
Долгая фонема [yʷ] в открытом слого	—
Краткая фонема [yʷ]	207
Дифтонги в нахских языках	210
Дифтонг [ai]	—
Дифтонги <i>ев</i> [ey], <i>авь</i> [aʷy]	211
Дифтонг [ei]	—
Дифтонг [oa]	—
Дифтонг [oi]	212
Дифтонг [yi]	—
Дифтонг [yʷi]	213
Дифтонг [iʷi]	—
Дифтонги [aʷi], [iy], [oʷy] и [yʷ]	214
Трифтонги	—
Трифтонг [uei]	215
Трифтонг <i>you</i> [yoi]	—
Трифтонг [yovʷi]	—
Назализованные фонемы	216
Назализованная фонема [ã]	—
Назализованная фонема [ẽ]	—
Назализованная фонема [ĩ]	—
Назализованная фонема [õ]	217
Назализованная фонема [ỹ]	—
Назализованные дифтонги	—
Назализованный дифтонг [aĩ]	218
Назализованный дифтонг [eĩ]	—
Назализованный дифтонг [yĩ]	—
Состав монофтонгов в нахских языках	219
Консонантизм нахских языков	222
Аффрикаты <i>дз</i> и <i>дж</i>	224
О гемнированных согласных в нахских языках	225
Состав согласных фонем в чеченском языке	227

Состав согласных фонем в ингушском языке	229
Состав согласных фонем в бацбийском языке	232
Консонантизм нахских языков в сравнительно-историческом освещении	233
Сонанты	234
Смычные согласные	238
Смычные звонкие	—
Смычные глухие	239
Щелевые согласные	241
Щелевые звонкие	—
Щелевые глухие	242
Аффрикаты	244
Смычногортанные	245
Основные законы сочетания звуков	248
Основные законы сочетания согласных звуков	—
Сочетания гласных	250
Основные законы употребления долгих и кратких гласных	252
Звуковые процессы в нахских языках	254
Фонетические процессы в чеченском языке	—
Прогрессивная ассимиляция	—
Губная гармония гласных	256
Небная гармония гласных	258
Редукция гласных	259
Перестановка звуков (эпентеза)	260
Выпадение звуков	—
Субституция	261
Деаффрикатизация <i>дз, дж</i> в середине и конце слова	262
Метатеза	—
Нарращение	—
Удвоение корневого согласного в именных и глагольных основах	263
Образование дифтонгов	—
Монофтонгизация дифтонгов	265
Важнейшие особенности диалектов чеченского языка	—
Исторические чередования гласных именных и глагольных основ в чеченском языке	267
Чередование гласных именных основ в чеченском языке	268
О характере изменения фонемного состава и структуры именных основ в связи с вторичным чередованием в чеченском языке	285
Влияние вторичного чередования на структуру и фонемный состав аффиксов именного формообразования в чеченском языке	288
Чередование гласных глагольных основ в чеченском языке	292
Фонетические процессы в ингушском языке	301
Регрессивная ассимиляция	—
Прогрессивная ассимиляция	—
Губная гармония гласных	302
Небная гармония гласных	—
Редукция гласных	303
Выпадение звуков	—
Аффрикатизация спирантов <i>з</i> и <i>ж</i> в конечном положении	304
Нарращение именных основ	—
Удвоение корневого согласного в глагольных основах	—
Исторические (грамматические) чередования гласных именных и глагольных основ в ингушском языке	305
Чередования гласных именных основ в ингушском языке	—
Чередования гласных глагольных основ в ингушском языке	316
Звуковые соответствия между чеченским и ингушским языками	324
Звуковые процессы в бацбийском языке	326

Сохранение конечного аффиксального <i>o y</i> в формах настоящего времени	327
Эволюция [a] и [o]	—
О грамматическом характере всех типов первичного и вторичного чередований	328
Аффикс только что прошедшего времени [u]	330
Образование дифтонгов	331
Сохранение аффиксального [н] в формах недавнопрошедшего времени	—
Неполная регрессивная ассимиляция	—
Сохранение согласных там, где они выпадают в чеченском и ингушском языках	—
Гамза в середине и конце слова	332
Перестановка звуков (метатеза)	—
Сохранение звука [z] в конечном положении	333
Комплексы согласных	—
Эволюция аффрикат <i>dz, dj</i> и спирантов <i>z</i> и <i>ʒ</i>	334
Эволюция <i>z</i> и <i>k</i> в конце слова	335
Оглушение согласных перед глухими в начале слова	—
Редукция (ослабление) гласных в конце слова	—
Назализация конечных гласных—результат ослабления сонанта <i>n</i>	—
Выпадение звуков	336
Некоторые другие фонетические явления	—
Звуковые соответствия между языками нахской группы	337
Исторические чередования гласных в именных и глагольных основах в нахских языках	346
Древнейшее или первичное чередование гласных (нахский аблаут)	347
Вторичное чередование гласных (нахский умлаут)	—
Первый тип первичного чередования	—
Второй тип первичного чередования	348
Вторичное чередование гласных основ	353
Первый тип вторичного чередования гласных основ	354
Второй тип вторичного чередования гласных основ	355
Третий тип вторичного чередования гласных основ	—
Аблаут и умлаут типа германских в нахских языках	363

Морфология

Категория грамматических классов в нахских языках	371
Перераспределение по грамматическим классам некоторых имен существительных	379
О структуре классных показателей	383
Имя существительное	385
Общая характеристика структурных особенностей имен существительных в нахских языках	386
Словообразование имен существительных	389
Образование имен существительных путем основосложения	—
Префиксально-суффиксальный способ образования имен существительных	391
Суффиксальный способ образования имен существительных	394
К истории заимствования суффиксов <i>-ча, -м</i>	395
Возникновение словообразовательных суффиксов имен существительных	—
Суффикс с оттенком значения уменьшительности	406
Структура именных основ	407
Образование множественного числа	411
Падежи в нахских языках	415
Именительный падеж	417
Характеристика именных основ, представленных в формах им. п. ед. ч.	—
Разновидности конечного слога в формах им. п. ед. ч.	418
Функции им. п. ед. ч.	419
Родительный падеж	—

Функции родительного падежа	420
Эргативный падеж	429
Дательный падеж	432
Творительный падеж (коьчалинг)	433
Вещественный падеж	435
Местный падеж	436
Сравнительный падеж	438
Производные формы местного падежа	440
Основная форма местного падежа в чеченском языке	—
Образование падежей во множественном числе	442
Система склонения в нахских языках	443
Падежные форманты в бацбийском языке	445
Падежные форманты в чеченском языке	447
Падежные форманты в ингушском языке	448
Система падежей и их аффиксы в общенахском языке-основе	449
Имя прилагательное	450
Словообразование имен прилагательных	—
Особенности употребления и склонения имени прилагательного	—
Степени сравнения	452
Местоимения	453
Личные местоимения	—
Притяжательные местоимения	459
Возвратные местоимения	460
Указательные местоимения	461
Вопросительные местоимения	—
Имя числительное	—
Количественные числительные	462
Порядковые числительные	463
Другие разряды числительных	464
Глагол	465
Морфологические категории нахского глагола	—
Семантическое противопоставление глаголов	466
Глагольное словообразование	—
Типы глагольных основ	468
Исторические чередования корневых гласных (умлаут корневого гласного)	473
Первичное чередование корневых гласных в системе глагола	—
Вторичное чередование корневых гласных в системе глагола	476
Общая характеристика системы спряжения в нахских языках	477
Система спряжения в чеченском языке	—
Система спряжения в ингушском языке	479
Система спряжения в бацбийском языке	—
Исторический и сравнительно-исторический анализы глагольных форм в нахских языках	480
Глагольные формы, образованные от основы повелительного наклонения	—
Глагольные формы, образованные от основы настоящего времени	482
Глагольные формы, образованные от основ только что прошедшего времени	484
Наречия	485
Служебные слова	487
Послелоги	—
Союзы	489
Частицы	—
Синтаксис	
Словосочетания в нахских языках	491
Типы словосочетаний в нахских языках	493
Структура различных типов словосочетаний в нахских языках	494

Определительный (атрибутивный) тип словосочетания	494
Простое предложение в нахских языках	496
Конструкции простого предложения в нахских языках	—
Структурные особенности различных типов простого предложения в нахских языках	498
Непереходное предложение	—
Переходное предложение	499
Формы подлежащего в нахских языках	—
Формы сказуемого в нахских языках	500
Формы прямого дополнения в нахских языках	—
Формы косвенного дополнения в нахских языках	501
Причастные конструкции в нахских языках	—
Деепричастные конструкции в нахских языках	502
К вопросу об основных этапах формирования различных структурных типов простого предложения в нахских языках	—
К вопросу о гипотаксисе и паратаксисе в нахских языках	505
О способах выражения связи между простыми предложениями в нахских языках	—
К вопросу о происхождении различных способов выражения связи между простыми предложениями в нахских языках	506
Проблемы эргативной конструкции предложения в нахских языках	507

Общенахский язык

Общенахский язык и его основные особенности	517
Общенахский вокализм	—
Общенахский консонантизм	521
Фонетические процессы в общенахском языке	523
Грамматические классы в общенахском языке	524
Система общенахского склонения	525
Система падежей и аффиксы в общенахском языке-основе	526
Глагол в общенахском языке	527
Система спряжения в общенахском языке-основе	—
Желательное наклонение	528
Другие глагольные формы	—
О месте нахских народов и их языков в генеалогической классификации горских кавказских народов и их языков	532
Библиография	535
Содержание	549

Проф. Юнус Дешериевич ДЕШЕРИЕВ

**СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКАЯ
ГРАММАТИКА НАХСКИХ ЯЗЫКОВ
И ПРОБЛЕМЫ ПРОИСХОЖДЕНИЯ
И ИСТОРИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ГОРСКИХ
КАВКАЗСКИХ НАРОДОВ**

Техн. редактор *Н. Т. Кузьменкова*
Корректор *С. П. Захарова*

*

Сдано в набор 21.I 1963 г. Подписано к печати 25.XII 1963 г.
Формат 70x108. Объем 34,75(48,65) п. л. Уч.-изд.л. 45,2
Тираж 600. СФ03511.

Чечено-Ингушское книжное издательство, Грозный, 21, улица Ленина, 14.

*

Заказ № 122.

Типография имени 11 августа 1918 года, Грозный, проспект Революции, 22/3.
Цена 3 руб. 36 коп.